UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324800 2

Uspenskiĭ, Gleb Ivanovich
III

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ
Polnoe sobranie sochineniĭ
СОЧИНЕНІЙ

ГЛѢБА УСПЕНСКАГО.

6. izd.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

Съ критической статьей Н. К. Михайловскаго и біографическимъ очеркомъ Н. А. Рубакина и съ приложеніемъ портрета Г. И. Успенскаго.

v. 4

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1908 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.
1908.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф Марксъ, Измайл. просп , № 29.

PG
3470
U8
1908
V.4

696892
12.3.59

ИЗЪ ДЕРЕВЕНСКАГО ДНЕВНИКА.

I.

Вниманіе къ деревнѣ.—Слѣпое-Литвино.—Помѣщичій домъ и его владѣльцы старые и новые.—Баринъ и мужикъ.—Волость.—Бумажная точность.—«Безъ разговоровъ!»—Денегъ-денегъ!—Заработки.—Понравился господамъ.—Крестьянинъ Иванъ Аѳанасьевъ.—Бабій заработокъ.

1.

Никогда русская деревня и даже просто «деревенская глушь» не пользовалась въ такой степени благосклоннымъ вниманіемъ образованнаго русскаго общества, какъ въ настоящее время. Одни, убѣдившіеся въ безплодности своего интеллигентнаго существованія «въ одиночку», ищутъ, или, вѣрнѣе, полагаютъ найти подъ соломенными крышами недостающее имъ общество, среди котораго и надѣются растворить остатки своихъ умственныхъ и нравственныхъ силъ (см. разсказъ «Овца безъ стада»). Другіе, напротивъ, полагаютъ найти подъ тѣми же крышами нѣчто совершенно новое, небывалое, спасительное чуть не для всего человѣчества, погибающаго отъ эгоистически направленной цивилизаціи. Третьи интересуются ею просто съ эгоистической точки зрѣнія, стремясь доподлинно знать, что именно можно взять у деревни для улучшенія своего интеллигентнаго существованія («Малые ребята»). Но вообще для каждой изъ заинтересованныхъ группъ совершенно ясно стало въ послѣдніе дни, что деревня начала играть значительную роль, и что мой карманъ, мой умъ, мой душевный міръ—все это какъ будто находится въ самой тѣсной связи съ карманомъ, умомъ и душой деревни. Оказалось, что пустота де-

ревенскаго кармана опустошитъ и мой; темнота деревенскаго ума не дастъ хода и моему уму, довольно-таки просвѣщенному, а иное направленіе деревенскаго духа можетъ парализовать и въ одно мгновеніе уничтожить громадные жертвы и труды, страстно и безкорыстно направленные ко благу всего человѣчества. Когда во главѣ этой удивительной деревенской силы стояла помѣщичья власть, никто и не думалъ считать деревенскія соломенныя крыши за нѣчто достойное вниманія. Нужно было одно: извлекать изъ этой соломы золото. И золото это являлось—стоило только барину дать приказъ бурмистру. Нужно было водворить гдѣ-нибудь цивилизацію, умиротворить, смирить и проч. и проч.—опять-таки стоило приказать, и мужикъ бѣгомъ бѣжалъ черезъ моря и рѣки, черезъ Балканы и Альпы, забирался въ Парижъ, подъѣзжалъ къ Англіи... Все было возможно въ ту пору по единому мановенію... Но теперь, когда волшебный жезлъ изъ рукъ интеллигентныхъ переданъ самому мужику, когда онъ находится не у помѣщичьяго бурмистра, а у народнаго, волостного суда,—теперь настало время подумать и о деревнѣ, тѣмъ болѣе, что за полштофъ водки волостной судъ иной разъ можетъ и не пустить жезла въ ходъ, а тѣмъ самымъ неминуемо подвергнуть опасности и карманное и нравственное спокойствіе образованнаго человѣка. Необходимо поэтому знакомиться съ деревней, узнать, что̀ въ ней есть, чего она хочетъ, о чемъ думаетъ, и вообще что̀ она такое.

Нижеслѣдующіе очерки ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ претензіи отвѣчать обстоятельно на всю массу вопросовъ, возбуждаемыхъ русской деревней, потому что это, дѣйствительно, только бѣглыя, случайныя замѣтки человѣка, такъ же, какъ и огромное большинство читателей, незнакомаго съ деревней и только теперь сознавшаго необходимость этого знакомства. Кромѣ того, случайныя наблюденія этихъ замѣтокъ относятся къ извѣстной только мѣстности, Новгородской губерніи,—къ извѣстной деревнѣ, съ которыми пришлось пишущему эти строки познакомиться въ извѣстное время, именно лѣтомъ 1877 года. Дѣлать поэтому какіе-нибудь общіе выводы относительно вообще положенія деревни и тѣмъ болѣе относительно *народнаго* духа и міросозерцанія—будетъ невозможно.

При большомъ досугѣ и внимательности къ дѣлу, деревенька, о которой идетъ рѣчь, могла бы дать обильный и богатый матеріалъ, освѣщающій многое-множество смут-

ныхъ представленій о русской дѣйствительности, такъ какъ въ ней счастливо соединились всѣ нравственныя и экономическія черты, отличающія наше переходное время: она знакома и съ желѣзной дорогой, которая проходитъ недалеко, и съ заработкомъ, благодаря дорогѣ, на чужой сторонѣ, и съ бариномъ совершенно новаго, коммерческаго, даже прямо кулацкаго типа (арендаторомъ), словомъ—знакома съ возможностью хлопотать и биться для себя, для улучшенія своего положенія и въ то же время твердо помнить времена крѣпостного права въ лицѣ коммерсанта-барина. Есть тутъ старые старики, для которыхъ теперешній мужикъ—распутникъ и пьяница, которые ропщутъ и на папироски, и на высокіе смазные сапоги, и вообще на всѣ порядки, повторяя при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ: «а отчего?—оттого, что волю дали! страху нѣту». Есть и молодые, которые какъ будто чуть-чуть задумываются надъ вопросомъ: «да почему же, въ самомъ дѣлѣ, непремѣнно нужно такъ много страху?» Есть старухи, которыя, заслышавъ о «некрутчинѣ», впадаютъ въ какой-то трагическій экстазъ, ходятъ, какъ помѣшанныя, причитая и махая по вѣтру платкомъ и раздирая вамъ, постороннему человѣку, своимъ безпредѣльнымъ горемъ всю душу. И есть парни, которые не то чтобы рвутся въ эту некрутчину, а просто не считаютъ ее такимъ ужасомъ, о какомъ помнитъ старуха. Знаютъ эти парни, что служба коротка, харчъ хорошъ, а уйти... отчего-жъ и не уйти отсюда?.. Словомъ, измѣненныя экономическія и общественныя условія въ положеніи мужика, измѣнившія—или, по крайней мѣрѣ, измѣняющія его нравственный міръ—могли бы быть наблюдаемы въ нашей деревенькѣ весьма успѣшно, если бы, повторяю, былъ досугъ, т.-е. не одно только лѣто, а годъ и два, и если бы необходимой внимательности не препятствовала значительная личная отчужденность отъ деревни.

Запишемъ поэтому, что̀ можемъ.

2.

Видъ деревеньки самый обыкновенный. Холмистыя поля спускаются къ рѣчкѣ, не широкой и не глубокой, въ которой будто бы въ прошлыя времена было «страсть сколько»

рыбы. Теперь рыба перевелась; изрѣдка попадается окунь въ четверть величиной да уклейка, занимающаяся съѣданіемъ червяковъ на удочкахъ и потомъ быстро убѣгающая. «*Прежде были*» язи, лещи. «Вò какіе!»—показываютъ старожилы (тѣ самые, чтò говорятъ: «страху мало»), растопыривая руки на аршинъ. Щуки въ прежнее время попадались по три аршина и по два пуда вѣсу. Теперь ничего нѣтъ—ни язей ни щукъ; плотва иной разъ побалуетъ мужика, а то больше все раки; да и раки-то не тѣ, чтò прежде, а маленькіе, корявые—«шутъ ихъ знаетъ, чтò за раки за такіе!». Подъ впечатлѣніемъ этихъ баснословныхъ разсказовъ о баснословныхъ язяхъ и щукахъ современный деревенскій рыболовъ можетъ по цѣлымъ днямъ мучить себя, тщетно разыскивая по обоимъ берегамъ рѣчонки «клевыхъ мѣстъ» и тщетно надѣясь на хорошій уловъ: рыбы въ самомъ дѣлѣ нѣтъ, а если и есть, то она почему-то умѣетъ только съѣдать червяка и уходить. «Видно, и рыба тоже поумнѣла,—невольно думаетъ современный рыболовъ:—какого веселаго червяка насадилъ—и то ничего! Въ прежнее время она бы его такъ не оставила—эво, какъ ротъ-то бы разинула, совсѣмъ бы съ нутромъ крючокъ тащить пришлось, а тутъ вотъ нà-ка!.. И червякъ ее не веселитъ».

Веселый жирный червякъ въ самомъ дѣлѣ напрасно пляшетъ на крючкѣ, напрасно юлитъ своимъ жирнымъ тѣломъ, отъ боли, конечно (отъ этого-то юленія его и называютъ «веселымъ»): «нѣтъ въ нонѣшней рыбѣ простоты, хитра стала и лукава...» Впрочемъ, иной разъ внезапно, недуманно-негаданно, вдругъ въ безрыбную рѣчонку забредетъ въ самомъ дѣлѣ какое-нибудь чудовище, какой-нибудь необыкновенный язь или какая-нибудь щука аршина въ полтора. Откуда являются такія чудовища—рѣшительно никто не знаетъ, и хотя появленія ихъ рѣдки, года въ два—разъ, но зато вполнѣ достаточны, чтобы слѣдующія поколѣнія такъ же твердо вѣрили въ необыкновенные уловы, какъ вѣритъ въ нихъ и деревенская старина.

Берега рѣчки кой-гдѣ покрыты кустарникомъ, кой-гдѣ болотце и песочекъ, а на днѣ густая трава, которую большею частью и вытаскиваютъ, вмѣсто рыбы, мужики, задумавшіе побродить (не раздѣваясь) съ бреднемъ. Въ рабочую пору въ разныхъ мѣстахъ рѣчонки мокнутъ деревянныя бороны, перевернутыя длинными зубцами въ воду. Вообще рѣчонка тиха, ничѣмъ не оживлена и молча, поти-

хоньку течетъ въ тихихъ, молчаливыхъ берегахъ. Называется эта рѣчонка Слѣпухой; а деревенька, лежащая по другой ея сторонѣ, называется Слѣпое-Литвино: тутъ, на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ деревенька, по разсказамъ старожиловъ, ослѣпла Литва. Шла она несмѣтнымъ полчищемъ и, дойдя до этого мѣста, вдругъ ослѣпла и дальше не пошла.

Черезъ Слѣпуху перекинутъ новый земскій мостъ, и его бѣлыя перила, бѣлыя новыя сваи невольно радуютъ васъ, говоря, что Слѣпое-Литвино не совсѣмъ забытая деревня, что кто-то помнитъ о ней. Съ середины моста открывается такой видъ: направо, на крутомъ пригоркѣ, среди густого березоваго парка, виднѣется господскій домъ. Налѣво, по низменному берегу, виднѣется, также изъ-за березокъ, красная крыша волостного правленія, соединеннаго съ несчастной деревенской «училисшей», а подальше, въ привѣтливой зелени березничка, виднѣется крылечко кабака. За этой передовой линіей построекъ, обитаемыхъ начальствомъ и интеллигенціей, тянутся жиденькія крестьянскія постройки, перемежающіяся плетнями, низенькими, почернѣвшими крышами амбарчиковъ и рѣдкими, въ двухъ-трехъ мѣстахъ, купами небольшихъ деревьевъ. Даже и издали трудно отыскать въ массѣ деревянныхъ построекъ хотя какія-нибудь черты, которыя бы могли привѣтливо подѣйствовать на глазъ. «Кое-какъ», «ничего не подѣлаешь» и другія положенія, выработанныя человѣкомъ, у котораго дѣла идутъ плохо, припоминаются даже вамъ, постороннему человѣку, при взглядѣ на деревеньку. «Кое-какъ» покрыты крыши, и солома на нихъ придерживается «кое-какъ» разбросанными на ней жердями; кое-какъ сплетенъ плетень, «кое-какъ» держится крыльцо. Даже не приходитъ и въ голову смотрѣть на это олицетвореніе «ничего не подѣлаешь», какъ на видъ или на пейзажъ; только взглянешь и думаешь: «какъ бѣдно живутъ-то эти литвиновскіе мужики!..» Не будь этого новаго моста, который говоритъ, что кто-то думаетъ объ этихъ глухихъ и бѣдныхъ мѣстахъ, тутъ было бы такому постороннему деревнѣ человѣку, какъ вы, читатель, какъ я, нестерпимо грустно и горько сразу, съ перваго дня по пріѣздѣ сюда... Унылый, бѣдный видъ деревеньки, эта задумчивая тишина, царящая въ ней, этотъ ничѣмъ не привлекающій вашего испорченнаго разнообразіемъ взора упорный, однообразный и безпрестанный трудъ, держащій деревеньку на бѣломъ свѣтѣ,—все это, столь неподходящее

къ вашимъ испорченнымъ вкусамъ, производило бы въ васъ гнетущее ощущеніе одиночества.

Но вотъ на ваше счастье мостъ,—и хорошій мостъ,—и ужъ вамъ легче. Его правильность и извѣстнаго рода изящность, старательность постройки и отдѣлки почему-то понятнѣй для васъ и веселѣй, чѣмъ унылый видъ деревни. Но это еще не все. Пройдя мостъ съ одного конца на другой и приближаясь къ крестьянскимъ постройкамъ, мы, опечаленные серьезно-задумчивою бѣдностью деревни, съ радостью встрѣчаемъ настоящую мелочную лавку съ настоящей вывѣской: изображены на ней, по обыкновенію, фрукты, виноградныя кисти, маленькій китаецъ, а продается деготь, хлѣбъ, кнуты, вожжи, лапти, ситецъ, двухкопеечныя сказки и трехкопеечныя папиросы—съ одной стороны,—это для крестьянъ, и, съ другой, писчая бумага, почтовыя марки и папиросы фабрики Петрова—для высшаго общества. Лавка эта выступила впередъ изъ ряда крестьянскихъ домовъ, помѣстившись на самомъ бойкомъ мѣстѣ. Деревня у нея за спиной, направо господскій домъ, налѣво волость, кабакъ, а за волостью, въ разстояніи версты—церковь. Кромѣ того, мимо нея бѣжитъ почтовая дорога на уѣздный городъ N.

По воскреснымъ днямъ лавка эта набита биткомъ; но изъ двадцати человѣкъ, преимущественно женщинъ, присутствующихъ въ лавкѣ, покупаютъ (купятъ или нѣтъ—это еще неизвѣстно) никакъ не больше двухъ. Остальные только смотрятъ, любуются красивымъ видомъ ситцевъ, папиросныхъ обертокъ, трогаютъ товары рукой, прикасаются пальцемъ. И унылой деревенькѣ хочется такъ же чего-нибудь повеселѣй, покрасивѣй, какъ хочется и вамъ, постороннему въ ней человѣку. И деревеньку тоже тянетъ распрямиться иной разъ и освободиться на минуту отъ своей трудовой задумчивости и исполненнаго серьезной заботы однообразія. Но посторонняго, не-деревенскаго человѣка, человѣка, долго жившаго въ городахъ, эта серьезная трудовая забота, вѣющая отъ всей деревенской обстановки, поражаетъ почти испугомъ. Ему тотчасъ нужно чего-нибудь полегче, поснисходительнѣй этихъ серьезныхъ впечатлѣній; ему хочется куда-нибудь укрыться отъ нихъ, и ужъ онъ навѣрное, и безъ всякой надобности, прежде всего сунется въ лавку, если она есть, въ волость, къ «попу», въ господскій домъ... Онъ радъ будетъ встрѣтить нѣмецкій сюртукъ, хорошо запряженный тарантасъ, даже обертку зна-

комаго табаку. Такъ пугаетъ русскаго отторженнаго отъ народной жизни человѣка подлинный видъ и смыслъ обыкновеннаго деревенскаго угла.

Вотъ какова существенная черта производимаго деревнею впечатлѣнія. Эта трусливость передъ деревней слагается изъ внезапной устали, одолѣвающей васъ (еще только чутьемъ понимающаго и только издали подавляемаго размѣрами деревенскаго труда), изъ страха передъ вашимъ безсиліемъ и, къ чести вашей, изъ капельки стыда.

«Легче, легче! — подавленное впечатлѣніями, вопіетъ все ваше существо: — чего-нибудь не такъ просто-правдиваго, не такъ утомительно-яснаго, не такъ кротко и покорно стыдящаго васъ... Чего-нибудь поразнообразнѣе, пообильнѣе красками, чего-нибудь, что̀ бы не такъ правдиво и сильно дѣйствовало на васъ и такъ дерзко не поднимало бы вашей умѣющей прилаживаться къ обстоятельствамъ совѣсти».

Въ ряду такихъ облегчающихъ робкую интеллигентную душу пристанищъ первое мѣсто несомнѣнно занимаетъ помѣщичій домъ. Говорю на этотъ разъ не о томъ только помѣщичьемъ домѣ, который украшаетъ собою лѣвый берегъ Слѣпухи, но о помѣщичьемъ домѣ всѣхъ деревенскихъ угловъ земли русской.

Рѣдкое поистинѣ явленіе представляютъ эти разсадники отечественной аристократіи. «Чего-чего ни было тутъ въ старые годы! Чего-чего ни насмотрѣлись эти стѣны»,—подумается всякому размышляющему о русскомъ житьѣ-бытьѣ, а между тѣмъ въ десять-пятнадцать лѣтъ наидлиннѣйшія хроники наидревнѣйшихъ господскихъ домовъ забываются почти безслѣдно, не оставляя въ окружающихъ ни единаго, мало-мальски опредѣленнаго воспоминанія, то-есть не оставляя, послѣ своего долголѣтняго процвѣтанія, почти ничего, что̀ бы имѣло какую-нибудь законность, смыслъ, соотвѣтственный этой законности явленія, и соотвѣтственную имъ внѣшнюю форму. Всматриваясь въ длинную исторію помѣщичьяго дома, какъ нельзя лучше убѣждаешься, что въ однообразныхъ равнинахъ русской земли, въ однообразнѣйшихъ, все подводящихъ подъ одно, условіяхъ естественныхъ нѣтъ возможности вытанцоваться, самостоятельно выдѣлиться изъ этого однообразія чему-нибудь такому въ смыслѣ привилегированности, что̀ бы хоть капельку равнялось въ прочности привилегированности стараго европейскаго міра. Просторъ, то-есть въ буквальномъ смыслѣ оби-

ліе мѣста для всѣхъ, и сознаніе этого простора, сознаніе того, что «всѣмъ хватитъ», не даютъ возможности развиваться въ должной мѣрѣ тому азарту эгоизма, которымъ долженъ былъ жить «благородный» человѣкъ. Я знаю, что у меня «можетъ быть» много, что у меня есть это многое, что со временемъ оно будетъ мое — и я ужъ вполовину покойнѣе, апатичнѣе переношу свое теперешнее затруднительное положеніе. А это сознаніе, что всѣмъ хватитъ, всегда жило и живетъ въ крестьянинѣ; оно и теперь помогаетъ крестьянину изо дня въ день тянуть свою лямку и позволяетъ ему быть иной разъ очень веселымъ въ самыхъ крутыхъ обстоятельствахъ. Оно было коротко знакомо и барину, который долженъ былъ чуять, что только казенное право ограждаетъ его привилегированное положеніе, удерживаетъ за нимъ его тысячи десятинъ, и что безъ этого казеннаго огражденія рѣшительно нѣтъ никакихъ резоновъ именно ему стоять выше послѣдняго мужика, такъ какъ и этотъ послѣдній мужикъ, никого и ничто не стѣсняя, ни у кого ничего ровнешенько не отнимая, можетъ имѣть тѣ же самыя тысячи десятинъ.

Именно у барина-то русскаго никогда и не было внутренней причины быть жаднымъ, воевать за свое привилегированное положеніе, потому что у него и враговъ-то не было никакихъ.

Въ высокой оградѣ своихъ казенныхъ правъ онъ сидѣлъ одинъ, точно въ тюрьмѣ въ одиночномъ заключеніи, и положительно сходилъ съ ума. Кромѣ такихъ радостей, какъ въ самомъ дѣлѣ довольно хорошо разработанное служеніе ѣдѣ и «грѣху»—что̀ такое, хотя мало-мальски въ привлекательныхъ формахъ, осталось въ назиданіе потомству даже отъ періода такъ-называемыхъ «настоящихъ» баръ?.. Изъ всѣхъ отрывочныхъ разсказовъ о прошломъ, которые уцѣлѣли въ воспоминаніи старожиловъ, вы услышите объ ужасныхъ звѣрствахъ, возводимыхъ на степень удовольствія, объ ужасныхъ безчинствахъ противъ слабыхъ и безсильныхъ поповъ и чиновниковъ, — безчинствахъ, тоже имѣвшихъ цѣлью потѣху, развлеченіе,—и волей-неволей увидите, что нашъ феодалъ не могъ выдумать ни удовольствія, ни потѣхи, ни развлеченія, мало-мальски похожихъ на развлеченія здороваго человѣка. Пороть и наслаждаться этимъ— надо быть больнымъ; приклеить попу бороду къ столу— надо быть пьянымъ; вывалять станового въ дегтю и пуху и потомъ заплатить ему — затѣя человѣка и нетрезваго и

неумнаго. Мало того, похоже ли на правду—быть другомъ человѣчества, человѣкомъ неописанной доброты, «хрустальной душой», и не сдѣлать такъ, чтобы объ этихъ дорогихъ качествахъ человѣческой души и мысли хоть единое словечко припомнилось народомъ, не говоря уже о реальныхъ фактахъ, которыхъ настоящіе, не больные человѣколюбцы могли бы, при своемъ всемогуществѣ (по крайней мѣрѣ въ своемъ собственномъ углу), предъявить несмѣтное множество? Словомъ, не вдаваясь въ слишкомъ подробныя воспоминанія, касающіяся внутренняго содержанія и внѣшняго обличія старо-барскаго житья-бытья, невольно убѣждаешься въ томъ, что мозгъ, умъ, сердце плохо и нездорово дѣлали свое дѣло въ этихъ обширныхъ, когда-то блистательныхъ господскихъ дворцахъ, и, напротивъ, что-то напоминающее разслабленіе мозга, вялость, упадокъ всѣхъ силъ, болѣзненнѣйшіе нервные припадки, характеризуетъ собою шумный періодъ боярскаго житья. Ничего похожаго нѣтъ на ястребиный образъ жизни голоднаго, но жаднаго европейскаго хищника, безжалостно рвавшаго куски изъ чужихъ рукъ и утаскивавшаго ихъ въ свои орлиныя гнѣзда. Это—ястребъ. А нашъ баринъ — я и не знаю что̀ такое. Сидитъ и объѣдается, сѣчетъ, отъ скуки заводитъ тяжбу, бьетъ направо и налѣво и всѣмъ за это платитъ, «колобродитъ», въ веселыя минуты хоронитъ осетра или опять-таки деретъ станового, попа. Еще хуже баринъ-вольтерьянецъ, революціонеръ, собирающій оброки, продающій крестьянскія деревни на свозъ. Какому ястребу придетъ въ голову разсуждать о благѣ цыплятъ и въ то же время хватать ихъ? Ястребъ только хватаетъ и ѣстъ. Или: какой голубь будетъ пожирать своихъ птенцовъ, какъ пожиралъ ихъ голубь-революціонеръ-баринъ, торговавшій крестьянами? Все это таило въ себѣ неправду, все говорило о недостаткѣ внутренней сильной и резонной причины быть феодаломъ, бариномъ. Не было причины стать во враждебныя отношенія къ «черни непросвѣщенной», такъ какъ она и не думала враждовать. Ну какъ же, изъ чего, изъ какого матеріала выдѣлать свое барство при такихъ неблагопріятнѣйшихъ для равенства условіяхъ?

Слѣпое-Литвино также, хотя очень и очень смутно, помнитъ это время «настоящихъ» господъ; но, кромѣ какого-то утомленія при уходѣ за этими капризными, больными и несчастными людьми, нѣтъ никакихъ прочныхъ воспоминаній объ этой знаменитой порѣ, нѣтъ ни прочной

злобы на прошлое, нѣтъ и добраго о немъ слова. Сторожъ, прослужившій по необходимости лѣтъ двадцать пять въ сумасшедшемъ домѣ, долженъ былъ, мнѣ кажется, по окончаніи этой службы, точно такъ же вспоминать ее, какъ вспоминаетъ мужикъ, т.-е. утомленіемъ отъ этой возни съ людьми, которые не знаютъ, что̀ дѣлаютъ, и бьютъ его, несчастнаго, и плюютъ, и ругаютъ такъ, зря, безъ всякой причины, «ни за что».

3.

Но вотъ наконецъ этотъ шумный, жирный періодъ настоящаго барства кончился, оставивъ по себѣ кучи законныхъ и незаконныхъ ртовъ и наслѣдниковъ, мебель, пропитанную жиромъ человѣческимъ до того, что къ ней нельзя прислониться (непремѣнно прилипнетъ либо плечо, либо затылокъ), облупленные амуры на потолкахъ, амуры и «псише» по стѣнамъ, громадный процессъ въ судѣ и несмѣтную кучу долговъ. Разбрелись музыканты, разбрелись повара, разбрелись по свѣту законные и незаконные рты, убѣдившись, что надо искать другихъ кусковъ, такъ какъ «на всѣхъ» оставшагося не хватитъ. На весь этотъ порожденный праздностью, больною фантазіей и обжорствомъ людъ, въ самомъ дѣлѣ, приходилось такъ мало (если раздѣлить поровну), что для каждаго рта было гораздо удобнѣе, ссылаясь на имѣющее получиться богатство, занимать у перваго ротозѣя, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ получать это богатство въ руки. Какъ сумѣли извертываться эти потомки доблестныхъ отцовъ — очень хорошо разсказываютъ намъ процессы, и мы не будемъ останавливаться на этомъ подробно. Неумѣніе дѣлать, неумѣніе думать и безсиліе не только побѣдить, но даже и бороться съ громаднымъ аппетитомъ изуродованной плоти — вотъ вообще характерныя черты, наслѣдованныя потомками.

Покуда разбредался весь этотъ «обреченный» народъ, покуда онъ пристраивался такъ или сякъ къ разнымъ мѣстамъ и кускамъ, барскій домъ стоялъ одинъ-одинешенекъ, полегоньку опустошаемый невѣдомо какимъ людомъ и быстро разрушаемый природой. Разрушались гроты, мостики, монплезиры; отваливались деревянныя лиры и вѣнки съ карнизовъ и балконовъ, и вѣтеръ вышибалъ стекла изъ итальян-

скихъ и венеціанскихъ рамъ. Долго стоялъ въ такомъ видѣ домъ. Наконецъ гдѣ-то послѣдовало какое-то рѣшеніе, гдѣ-то объявлена продажа—и домъ попалъ въ чьи-то новыя руки. Началась новая исторія новыхъ владѣльцевъ.

Владѣлецъ, послѣдовавшій за настоящими господами и барами, всегда почти не настоящій баринъ, а человѣкъ, *добившійся возможности* жить по-барски. Пишущему эти строки удалось видѣть довольно характерный экземпляръ такого «новаго барина». Съ ранняго дѣтства человѣкъ этотъ, происходившій изъ мѣщанскаго семейства, зналъ нищету и нужду; лѣтъ съ десяти онъ уже сидѣлъ въ кабакѣ, съ пятнадцати — занималъ какую-то должность по откупу. По собственному его выраженію, онъ тридцать лѣтъ ходилъ «по горло въ грязи», въ откупныхъ подвалахъ, опаивая народъ безъ жалости и снисхожденія, отбиваясь взятками отъ судейскихъ, словомъ — вращаясь въ самомъ темномъ омутѣ самыхъ темныхъ условій русской жизни. Человѣкъ этотъ видалъ всякіе виды: и онъ «подводилъ» и его «подводили»; и онъ упекалъ и упекали его. Гдѣ кулакомъ, простымъ ударомъ, коломъ, гдѣ деньгами, гдѣ обманомъ, пронырствомъ, хитростью вывертывался онъ изъ всякихъ положеній, затрудненій, и къ сорока годамъ вышелъ въ люди, то-есть сталъ одѣваться по-господски, ѣздить въ коляскѣ по губернскому городу и творить блудъ.

Ростъ, сложеніе и сила видѣннаго мною субъекта были громадны. Это поистинѣ былъ исполинъ, человѣкъ, который въ 40-градусные морозы могъ править лошадьми безъ рукавицъ, при чемъ руки не только не мерзли, но, напротивъ,—отъ нихъ валилъ паръ, какъ отъ кипящаго самовара. Обильно покрывавшія лицо и руки желто-синія веснушки и подстриженная жесткая, какъ проволока, рыжая борода, маленькіе сѣрые глаза въ бѣлыхъ рѣсницахъ—всегда выдавали его мужицкую породу, въ какіе бы костюмы онъ ни наряжался и въ какихъ бы коляскахъ ни разъѣзжалъ. Это, дѣйствительно, и былъ мужикъ, попробовавшій быть и жить бариномъ. Наблюденія его надъ русскою жизнью были необыкновенно тонки, жестки и непоколебимы. Господъ, владающихъ «нашимъ братомъ», онъ понималъ тонко, выражался зло и мѣтко, какъ умный мужикъ. Осмѣивая и презирая то, отъ чего онъ отбился, — всю эту гадость сорока лѣтъ своей жизни, онъ, дѣлаясь бариномъ, не только не былъ утомленъ жизнью, не только не усталъ, но, напротивъ, — вошелъ въ самый аппетитъ жизни въ свое

удовольствіе, радуясь счастью положенія, въ которомъ можно смѣло сказать себѣ: «знать ничего не хочу, живу въ свое удовольствіе...» «Отцапалъ» (собственное выраженіе гиганта) онъ имѣніе и зажилъ по-барски... но— увы! — нѣтъ у насъ особенныхъ формъ барской жизни. Ѣшь, пей, блуди—вотъ и все, что̀ могли рекомендовать новому барину его предшественники. Какъ мужикъ, кулакомъ выбившійся въ люди, онъ никоимъ образомъ не могъ развлекаться вольтерьянствомъ или «плѣнной мысли раздраженьемъ». Что̀ за чепуха! «Изъ мужиковъ только-только выбился, да опять въ мужики?—ну, ужъ это извините! *Ты мнѣ* подай, а тамъ я знать не хочу...» — сказалъ бы онъ всякому, кто бы сталъ учить его барскому поведенію. Земства и прочія общественныя обязанности онъ давно понялъ въ простой формѣ взноса денегъ и рѣшительно не имѣлъ охоты возжаться со всѣмъ этимъ. «Слава Богу, видали на своемъ вѣку... довольно!..» Чего-нибудь *этакого!..* хотѣлось ему, что̀ бы не напоминало прошлаго. И прошлое это отозвалось на немъ не однимъ презрѣніемъ къ людскому стаду.

Сознаніе горькаго горя этого прошлаго всей своей суммой отразилось на немъ по-мужицки, по-русски—«запоемъ». Этой болѣзнью онъ разъ въ годъ страдалъ въ сильнѣйшей степени; но объ этомъ послѣ. Задача великана состояла въ томъ, чтобы жить въ свое удовольствіе, для себя и притомъ не по-мужицки. — «Нѣтъ ли чего получше?» Мгновенно идея великана была понята: домъ наполнился знатоками не-мужицкаго препровожденія времени, и въ пять лѣтъ, по его собственному выраженію, онъ «проѣлъ» все имѣніе...

На мой вопросъ, какимъ это образомъ можно въ такое короткое время «проѣсть» та̀кую «прорву» денегъ,—гигантъ отвѣчалъ:

— Какъ проѣдаютъ-то?.. Наживать трудно, а проѣсть, прожить—это, сдѣлайте милость, сколько вамъ будетъ угодно.

— Ну, какъ же, какъ?

— Да вотъ какъ, напримѣръ. Теперь вотъ отъ моего дома до губернскаго города пятьдесятъ верстъ считается... такъ или нѣтъ?

— Такъ.

— Ну, вотъ извольте потрудиться проѣхать эти пятьдесятъ верстъ не три или четыре часа, а, примѣрно, не-

дѣльку или полторы... И, при всемъ томъ замѣтьте, лошади у насъ первый сортъ — тройки призовыя... На этакихъ лошадяхъ тридцать верстъ въ часъ—вотъ какая ѣзда, а мы ѣдемъ недѣлю или двѣ...

— Что̀ же вы дѣлаете?

— Больше ничего, что ѣдемъ «въ свое удовольствіе»! Компанія насъ тутъ собралась питуховъ лучше требовать нельзя,—ну, и... И у кабаковъ, и съ бабами, и подъ горкой, и на лужочкѣ, и на горкѣ, и въ кусточкахъ, вездѣ, гдѣ полюбится,—остановки, закуски, пѣсни, да по рюмочкѣ, да пошлемъ за шампанскимъ, и такъ въ продолженіе всего времени—глядь, тысчонки четыре-пятокъ и разсортировалъ въ разныя мѣста... Какъ проѣдали!?.. Захотѣлъ только! Разъ изъ Москвы метлу привезъ... совершенно даже изъ помойнаго ведра метла была эта, а спросите, во сколько обошлась,—и ахнешь...

— Зачѣмъ же метлу-то?

— Зачѣмъ? Фантазія—больше ничего!.. И не припомнишь всего-то, почему и что̀... Вступитъ вотъ въ башку—давай метлу ли, что̀ ли... ну, и... Разъ тоже на свадьбѣ у одного богача, на обѣдѣ въ Тѣстовскомъ трактирѣ, въ Москвѣ, на столъ на парадный влѣзъ, да какъ тряхнулъ всѣмъ корпусомъ—на три съ половиной тысячи и набилъ за одинъ махъ стекла да хрусталю одного... Фантазія,—ничего не подѣлаешь!

Разговоръ нашъ происходилъ въ большой парадной залѣ. Но—увы!—это уже были остатки всякаго великолѣпія и прошлаго и нынѣшняго; гигантъ уже все проѣлъ и добивался продажи объѣдковъ, искалъ случая «всучить» ихъ комунибудь, даже отдавалъ домъ въ аренду за недорогую цѣну, въ полтораста рублей (это и было причиною нашего знакомства). Парадная зала какъ нельзя лучше рисовала этихъ новыхъ «людей своего удовольствія». Весь полъ, выкрашенный когда-то масляной краской, былъ изожженъ окурками папиросъ и сигаръ, очевидно, въ изобиліи усѣевавшихъ полъ четыреугольниками, свидѣтельствовавшими о карточныхъ или питейныхъ столахъ. Къ изображеніямъ амуровъ и псише прибавились изображенія того же направленія, но попроще выражавшія мысль. Это были чуть не лубочныя картинки, изображавшія или исключительно голыхъ женщинъ, или что-нибудь близко касающееся того же предмета: жена застаетъ мужа, цѣлующаго кухарку; офицеръ спрятался за дверью, въ которую входитъ старикъ.

очевидно, мужъ; у кровати видны женскіе башмачки. Словомъ, полъ и стѣны говорили, что дѣлали люди, переломавшіе въ буквальномъ смыслѣ всю мебель; теперь она не только липла, но валилась при каждомъ прикосновеніи; ни къ стулу ни къ столу нельзя было прикоснуться: все расшатано громаднымъ напившимся и наѣвшимся народомъ.

Разсказывая свои подвиги, великанъ былъ скученъ и задумчиво смотрѣлъ въ окно. Снѣгъ покрывалъ глубокими сугробами виднѣвшіеся изъ окна балконъ, почти вырубленный садъ и сосѣдніе холмы.

— Вотъ тутъ былъ лѣсокъ,—говорилъ по временамъ гигантъ какъ бы самъ съ собой и въ это время разглядывалъ комнату.—Десять тысячъ взялъ... Проѣлъ! Тамъ вотъ... тридцать... Семь съ половиной—вонъ взялъ за кусокъ... ха-аррошій березничекъ!.. Много тоже тамъ оставлено...

— А вѣдь скучно вамъ, должно-быть, отъ всего этого?—спросилъ я.

— Неужто нѣтъ? Смерть какая тоска!

— Это теперь, а тогда?

— Да и тогда забирала, признаться, иной разъ, ухъ, какая меланхолія!.. Больше отъ нея и кутили-мутили... Подумаешь-подумаешь—все суета! Да такъ-то затоскуешь, такъ-то запечалишься... Прежде я запоемъ-то пилъ со зла. Наберется въ душу разнаго гаду, разнаго пакостнаго составу,—эхъ, идолъ бы тебя взялъ,—и рванешь все съ корнемъ, съ маху, мѣсяцъ прогоришь въ кипучей смолѣ — и опять готовъ, и опять пошелъ въ ходъ!.. А тутъ безъ дѣла-то тоска, пусто, чистая смерть, слабость, ну, не знаю—хуже всякой муки! Ничего на душѣ нѣтъ... и не знаешь, за что прицѣпиться; не знаешь, какъ, *съ чего запой-то начать*.

И тутъ разсказалъ онъ мнѣ про пріемъ, который онъ употреблялъ въ такія минуты для того, чтобы «расчать» запой. Не находя въ себѣ ни въ чемъ ни къ чему ни аппетита ни влеченія, онъ прибѣгалъ къ такому средству: ѣхалъ онъ обыкновенно для этого въ Москву, чтобы не опозориться въ губернскомъ или уѣздномъ городѣ, или даже въ деревнѣ, и тамъ, вставъ чѣмъ свѣтъ, шелъ въ кабакъ, первый какой откроется по раннему времени, выбирая самое пьяное изъ московскихъ мѣстъ — Грачовку, Солянку и т. д. Въ такихъ мѣстахъ толпится всегда великое множество оборваннаго, безночлежнаго народа, во-

ровъ, пьяницъ и проч. Иные изъ нихъ цѣлую ночь мерзли на морозѣ, иные не ѣли, иные съ ума сходятъ отъ головной боли и, трясясь, ищутъ случая опохмелиться. Вотъ эту-то жажду выпить для тепла, для похмелья и разыскивалъ великанъ для того, чтобы можно было «расчать». Войдя въ кабакъ, онъ садился у двери, предварительно купивъ штофъ водки, и поджидалъ этихъ жаждущихъ... Горькій пьяница—первый посѣтитель кабака,—стало-быть, ждать приходилось недолго. Всякій такой несчастный, войдя, начиналъ Христомъ-Богомъ молить цѣловальника дать ему выпить «ради Христа». Начиналась сцена, полная истиннаго ужаса: цѣловальникъ отказывалъ, а несчастный бился, и мучился, и умолялъ... Эту сцену великанъ созерцалъ до тѣхъ поръ, пока одеревенѣлое воображеніе его хоть чуть-чуть начинало понимать мучившую несчастнаго жажду. Тогда онъ звалъ его къ себѣ и давалъ водки, страстно любуясь той жадностью, съ которой несетъ пьяница водку къ губамъ, проливая и боясь пролить, и еще пристальнѣе наблюдалъ самую минуту питья и слѣдующее за нимъ ощущеніе необыкновенной радости. На чужомъ примѣрѣ, на чувствѣ чужой жажды великанъ воскрешалъ въ себѣ самомъ ощущеніе этой жажды. Иной разъ нужно было извести до шести полуштофовъ, перепоить десятки пьяницъ, чтобы въ горлѣ и во всемъ существѣ великана проявились вызванные воображеніемъ симптомы такой же самой страстной жажды! Такъ ослабъ онъ отъ жизни на барскую ногу. Прежде такихъ возбужденій не требовалось. Старухи пьяныя особенно сильно дѣйствовали на него, такъ какъ мученія ихъ были, по женской слабости, безпредѣльно сильнѣе мученія пьяныхъ мужчинъ. Послѣ двухъ-трехъ старухъ у великана захватывало горло, и онъ принимался «садить» на двѣ, на три недѣли. Въ такія минуты онъ пропивалъ не болѣе десяти рублей всего-навсего. Мужицкіе недуги недорого обходятся. Грабили его въ такомъ видѣ, убивали и не добивали несчетное число разъ; но Богъ хранилъ его, и до сихъ поръ онъ все еще, какъ говорятъ, «слава Богу».

Женатъ онъ въ теченіе своей жизни три раза, при чемъ первая его жена была за нимъ «за третьимъ», вторая — за вторымъ, и только третья была дѣвушка, когда онъ ужъ успѣлъ быть два раза женатымъ. Отъ всѣхъ этихъ браковъ у него были дѣти; кромѣ того у каждой жены его тоже были дѣти отъ предшествовавшихъ великану мужей,

и все это въ высшей степени разнообразное населеніе, включавшее въ себя дѣтей полковничьихъ, чиновничьихъ, купеческихъ, поповскихъ и т. д. до безконечности, кромѣ дѣтей, прижитыхъ, между прочимъ, и мужчинами и дамами этого круга,—все это, благодаря великану, ставшему бариномъ, сгустилось, въ цвѣтущія времена житья въ свое удовольствіе, въ старыхъ покояхъ господскаго дома, одержимое ненасытною жаждою ничегонедѣланія и удовольствій. Благодаря широкому распутству великана, многое множество этого неизвѣстно зачѣмъ нарожденнаго народа навѣки погибло, подышавъ атмосферой ничѣмъ не стѣсняемаго скотства, и, разбредшись по лицу земли русской, послѣ того какъ великанъ «проѣлъ» всѣ свои «вольности» и угодья,—еще болѣе увеличило собой густой слой то наглой, то безпомощной жадности, который и безъ того довольно густо осѣлъ послѣ перваго періода жизни *барскихъ хоромъ*.

4.

Не имѣя съ крестьяниномъ коммерческихъ дѣлъ, не имѣя офиціальной власти, не покупая или не продавая крестьянину, баринъ никоимъ образомъ не можетъ найти почти ни малѣйшей связи съ крестьяниномъ и, покуда не съѣстъ съ нимъ двадцати пудовъ соли, едва ли можетъ разсчитывать на искренность съ его стороны, даже въ самомъ простомъ, обыкновенномъ разговорѣ. У крестьянина прочно сложилось какое-то въ самую кровь въѣвшееся убѣжденіе, что баринъ *не понимаетъ ровно ничего*. Не понимаетъ «житейскаго», не понимаетъ того, что̀ держитъ человѣка на землѣ, что̀ заправляетъ его жизнью, душой и думой. Баринъ можетъ купить, потому что у него есть деньги; можетъ продать, потому что имѣетъ товаръ; можетъ заказать и заплатить за это,—словомъ, можетъ дѣлать все, что̀ могутъ сами собой дѣлать деньги. И во время этихъ операцій, вообще во время денежной связи барина съ мужикомъ, могутъ существовать между тѣмъ и другимъ, повидимому, довольно близкія отношенія, могутъ происходить «понятные» обоимъ разговоры, хотя и далеко не искренніе, никогда не допускающіе барина близко къ правдѣ своихъ мыслей и чувствъ. Но какъ только баринъ возмечталъ, основываясь на этомъ денежномъ знакомствѣ съ народомъ, продолжать это знакомство такъ, «просто», «какъ человѣкъ», какъ про-

должаетъ всю жизнь быть знакомъ мужикъ съ мужикомъ,— тутъ конецъ всякой связи. Что-жъ можетъ значить баринъ безъ денегъ въ то время, когда онъ не заказываетъ, не покупаетъ и не продаетъ? Нешто онъ что̀ понимаетъ?

Прошлая исторія барина какъ нельзя болѣе укрѣпляетъ въ воображеніи крестьянина убѣжденіе въ полной внутренней безсодержательности его, какъ человѣка. Усталость отъ его неразумныхъ капризовъ, колобродствъ и т. д., словомъ, отъ всѣхъ проявленій больного господскаго тѣла и ума,— это утомленіе уничтожаетъ въ крестьянинѣ всякую охоту взглянуть на этотъ вопросъ съ какой-нибудь другой стороны, какъ-нибудь иначе понять барина. Переставъ быть заказчикомъ, покупателемъ, нанимателемъ или чиновникомъ, баринъ дѣлается для мужика *ничѣмъ* и съ ужасомъ принужденъ видѣть, что у послѣдняго нѣтъ и тѣни увѣренности, что съ этимъ существомъ можно имѣть хотя такія же частныя отношенія, какъ и съ своимъ братомъ-односельчаниномъ. Необходимо дьявольское терпѣніе, продолжительное и настойчивое желаніе фактически, *на дѣлѣ* доказать пониманіе бариномъ простыхъ человѣческихъ отношеній, чтобы мужикъ началъ вѣрить, что и въ баринѣ сидитъ такой же человѣкъ, какъ и въ немъ.

5.

Попробуемте, напримѣръ, зайти вотъ въ эту крестьянскую кузницу, которая дымится на сосѣднемъ пригоркѣ близъ дороги. Зайдемте поговорить съ крестьянами, посмотрѣть на работу, на трудъ, узнать, сколько онъ даетъ доходу, и т. д. У низенькой квадратной двери кузницы собралось нѣсколько крестьянъ. Одни изъ нихъ ждутъ своихъ подковъ, своихъ лемешей; другіе пришли, такъ же, какъ и вы, постоять, посмотрѣть, поговорить. До тѣхъ поръ, покуда мы не приходили, у всѣхъ шелъ и дѣловой и шутливый разговоръ: и о работѣ говорили они, и о податяхъ, и пошутили надъ молодымъ парнемъ, только-что женившимся, и пожалѣли Ивана-мельника, у котораго такой-то мужикъ совсѣмъ отбилъ жену. Въ это время приходимъ мы съ вами. Намъ не нужно ни лемешей ни подковъ; мы пришли *такъ*, какъ и два-три другіе крестьянина, стоящіе здѣсь же. Но—увы!—съ нашимъ приходомъ баляканье прекращается: «что̀ вы тутъ понимаете? это не ваше дѣло».

Пристать къ разговору, который только-что шелъ, намъ нѣтъ возможности. Намъ «ничего не нужно»,—стало-быть, и разговаривать съ нами не о чемъ.

Никогда никому изъ находящихся въ этой кучкѣ не придетъ въ голову, что вамъ «хочется» или «надо» просто поговорить объ обыкновенныхъ житейскихъ вещахъ; никто и не думаетъ подозрѣвать въ васъ какой-нибудь интересъ къ личному дѣлу крестьянъ, и никто и не думаетъ интересоваться вашимъ личнымъ барскимъ дѣломъ. Что-жъ съ вами дѣлать?—«Угостите, баринъ, кузнецовъ-то! Право слово!» Другими словами: «Что̀ пришелъ-то? Хоть полштофа съ тебя, шатущаго, разгрызть»... Или еще хуже: — «Митрофанъ, представь штучку—баринъ тебѣ поднесетъ! доберъ баринъ-то!»—«Ужъ да-аберъ!»—хоромъ подтверждаютъ другіе присутствующіе, явно играющіе комедію и рѣшительно не желающіе видѣть въ васъ человѣка. «Баринъ! Что-жъ у него въ головѣ? Вѣрно, какой-нибудь вздоръ! Представь ему, Митрофанъ, штучку—все намъ по стаканчику». Не подозрѣвая въ васъ никакихъ серьезныхъ желаній, компанія непремѣнно «для васъ» (если только надѣется достигнуть результата въ видѣ водки) начинаетъ глупый скоромный разговоръ, и вы видите, что этотъ разговоръ именно для васъ, для барина, котораго интересуетъ только «разная мерзотина». Ничего подобнаго никто изъ нихъ не позволитъ себѣ съ своимъ братомъ-крестьяниномъ, который бы точно такъ же пришелъ и сѣлъ у двери кузницы на камушкѣ. Потомъ, со временемъ, вы добьетесь отъ нихъ человѣческихъ отношеній, если сумѣете понадобиться имъ безъ заказовъ и безъ денегъ. Но на это надо много времени и труда, а такъ, съ перваго раза, безъ заказу и покупки у васъ нѣтъ никакой связи. Пошли вы по деревнѣ—это вы за бабами, за дѣвками. Говорить съ вами можно, только надѣясь на угощеніе, и только сальности и глупости. Переставая быть заказчикомъ и покупателемъ, баринъ, просто какъ человѣкъ, способенъ только на пустыя желанія и пустые поступки, словомъ—на что-нибудь такое, что̀ не придетъ въ голову ни одному крещеному человѣку: вотъ первое впечатлѣніе, производимое на мужика бариномъ, когда онъ подходитъ къ нему «просто такъ», какъ «человѣкъ къ человѣку».

Эта черта крестьянскаго взгляда на барина ужасно горько отозвалась на третьей формаціи владѣльцевъ барскаго дома, послѣдовавшихъ за проѣвшимъ все случайнымъ

бариномъ или, вѣрнѣе, простымъ «ѣдакомъ». Возвращаясь къ исторіи великана, мы должны упомянуть о томъ, что желаніе его «всучить» свои объѣдки какому-нибудь дураку (буквальное выраженіе) исполнилось какъ нельзя лучше. Среди нарожденнаго барскимъ домомъ народа не все были червонные валеты и рты: были люди и другого типа, которые, не страдая ненасытностью аппетитовъ желудка, не менѣе сильно страдали умственной жаждой. Именно страдали, болѣли: трудно быть здоровому, родившись въ этой жирной тюрьмѣ. Эти люди—имъ же нѣсть числа—поняли, что въ положеніи русскаго барина нѣту дѣла, нѣту жизни; что ее надо искать въ трудѣ, вблизи нищеты и невѣжества. Хорошая народная и именно русская черта русской души, не находившей никакихъ резоновъ для своей привилегированности, сказывалась въ этомъ направленіи мысли потомковъ барства. И вотъ началось движеніе «господъ» въ объятія «мужиковъ». Съ однимъ изъ такихъ-то людей и познакомился случайно великанъ въ губернскомъ городѣ, гдѣ-то въ трактирѣ. Расписалъ ему свои объѣдки въ человѣческомъ и минералогическомъ смыслѣ — и всучилъ... Живетъ онъ теперь тихо въ Москвѣ съ маменькой, старой старухой, и маленькой дѣвочкой отъ послѣдней жены, и Бога благодаритъ, что не погибъ. Не та участь постигла барина, не хотѣвшаго быть бариномъ,—участь, постигшая не одного изъ людей, руководимыхъ такимъ же нежеланіемъ барствовать и не могшихъ съ этимъ барствомъ раздѣлаться. Да, никто изъ нихъ не хотѣлъ быть бариномъ, но все-таки бариномъ остался.

Впрочемъ, интеллигентнымъ людямъ, стремящимся къ деревнѣ, нами будетъ посвящено нѣсколько особыхъ очерковъ, гдѣ читатель найдетъ болѣе подробный разсказъ о баринѣ едва очерченнаго теперь типа.

6.

Волостное правленіе и кабакъ, лежащіе по лѣвую сторону моста, уже не производятъ такого веселаго впечатлѣнія, какъ лавка и господскій домъ. Вокругъ и внутри этихъ строеній царитъ, особливо въ кабакѣ, мужикъ, и, вступая въ его царство, необходимо позабыть о всякомъ разнообразіи. Впрочемъ, чтобы переходъ отъ легковѣсныхъ впечатлѣній господскаго дома къ тяжеловѣснымъ впечатлѣніямъ

деревни не былъ слишкомъ рѣзокъ и труденъ, мы постараемся облегчить его извѣстной постепенностью.

Два писаря волостного правленія, т.-е. одинъ писарь, а другой его помощникъ, оба парни ражіе, молодые, которыми мы начинаемъ знакомство съ мужицкою жизнью деревни, своимъ наивнымъ—какъ наивны молодыя толстыя дворняжки — видомъ навѣрное произведутъ на читателя благопріятное впечатлѣніе. Посмотрите, съ какою безпечностью валяются они по лавкамъ, сытно, до отвалу пообѣдавъ у учителя (за четыре рубля педагогъ ухитряется кормить ихъ на убой и еще имѣть «пользу»!). Дѣло происходитъ въ довольно большой комнатѣ волостного присутствія. На стѣнѣ портретъ государя, въ простѣнкѣ между оконъ, выходящихъ на большую дорогу, двѣ-три кружки для сбора пожертвованій на разныя благотворительныя учрежденія, съ печатными при нихъ воззваніями; у одного изъ оконъ—столъ съ перомъ, бумагами, чернильницей. Солнце — двухчасовое, жгучее солнце—такъ и «жаритъ» въ оба окна, наполняя комнату страшной жарой и полчищами мухъ. Но здоровенныхъ парней это не безпокоитъ. Одинъ, лежа на узенькой лавкѣ, подставилъ солнцу спину и только покряхтывалъ отъ удовольствія; а другой, на такой же узенькой лавочкѣ, ухитрился залечь на спинѣ, задравъ разутыя ноги къ печному отдушнику. Оба они безъ сюртуковъ и безъ жилетовъ. Долгое время не происходитъ никакого разговора, и не слышно ничего, кромѣ пыхтѣнія, выражающаго стремленіе отдуться отъ тяжкаго бремени ѣды.

— А что,—съ разстановкой и полусонно произноситъ наконецъ писарь (человѣкъ, лежащій на спинѣ):—что у васъ... въ Болтушкинѣ... какъ насчетъ этого дѣла?..

— Насчетъ товару-то? — лѣнивѣйшимъ тономъ переспрашиваетъ помощникъ (лежащій ничкомъ) и распускаетъ ноги, тоже босыя, по обѣимъ сторонамъ лавки.

— Само собой...

— У насъ въ Болтушкинѣ—сколько хочешь...

Онъ потягивается, выгибая спину, какъ котъ.

— Ну?!

— Ну вотъ, стану я врать. Сколько хочешь, столько и есть...

— Какую угодно?

Помощникъ, помолчавъ секунду, даетъ отвѣтъ, такъ сказать, средняго направленія, необычайно лѣниво говоря:

— А то что же!.. Вотъ тамъ... разговаривать!... Это у

васъ тутъ все тридцать, да сорокъ, да полтинникъ... У насъ въ Болтушкинѣ этого нѣтъ... Шалишь, братъ!.. У насъ этого баловства нѣтъ... Знакъ подалъ—и готово.

— Какой знакъ?

— Аль не знаешь? Маленькій ребенокъ, что ли, ты?.. Какой знакъ?—ну, мигнешь, пройдешься мимо, кашлемъ дашь знать... мало ли есть предметовъ!..

— И готово?

— А то что же еще разговаривать-то?.. Много будешь разговаривать, такъ это очень для нихъ жирно...

Все это произнесено безпечнѣйшимъ жирнымъ хрипомъ, приближающимся къ звукамъ простуженнаго горла.

— А кто въ Болтушкинѣ писаремъ?

— Аль разлакомился?.. Хе-е, братъ!..

— Хе-хе-хе... Ей-ей, переведусь въ Болтушкино!..

— Хе-хе-хе... Ишь ты, котъ сибирскій какой!.. Поди, переведись... Утрутъ тебѣ носъ-то тамъ... Хе-хе-хе... Я шукну одно слово, поглядимъ, ухватишь ли...

— Отчего-жъ я-то не ухвачу? Ты хваталъ, а я нѣтъ?

— Я другое дѣло... я знаю сноровку.

— И я знаю.

— Нѣтъ, не знаешь...

— Анъ, вотъ знаю.

— Ну, хорошо. Отвѣчай, какъ надо поступать, чтобы всякую заинтересовать?

— Деревенскую или благородную?..

— Все одно, сплошь...

Писарь молчитъ, взволнованный разрѣшеніемъ этой задачи.

— И не знаешь... а я знаю!

Помощникъ при этомъ садится.

— Ну, какъ же, чѣмъ?..

— Чѣмъ!—такъ я тебѣ и сказалъ...

— Нѣтъ, пожалуйста, скажи!..

Писарь тоже вскакиваетъ съ лавки.

— Вотъ дурака нашелъ! Стану я секреты открывать...

— И всѣхъ?..

— Всѣхъ до единой... Хоть графиня, хоть что...

Писарь бросается къ помощнику и начинаетъ его умолять.

— Ну, голубчикъ, ну, Ваня... скажи... я тебѣ...

— Нечего, нечего васъ баловать!

Писарь принимается тормошить помощника, и оба они начинаютъ бороться посреди комнаты. Долго шуршатъ ихъ босыя ноги по деревянному, покрытому высушенной солнцемъ

грязью полу; долго раздается то тамъ, то сямъ грохотъ отскочившей лавки или стола, на которые налетаютъ эти юные силачи. Въ борьбѣ они забыли разговоръ, растрепались, раскраснѣлись — любо смотрѣть на парней. Ломая другъ друга то на одну, то на другую сторону, они только покряхтываютъ, не теряя веселаго расположенія духа. Ткнутый кулакомъ въ брюхо, писарь отскакиваетъ въ сторону, потирая больное мѣсто,—и бой оканчивается.

— Я, братъ,—говоритъ помощникъ самоувѣренно:—и не такихъ свертывалъ въ комокъ.

— Эка! въ животъ-то пхнулъ...

— И ты пхай! Чего же? Ну-ка, пхни-ка меня... На! Отскочу я или нѣтъ?

— Давай!

— На.

Помощникъ выпячивается впередъ.

— Ну, пхай!

Писарь дѣйствуетъ ехидно, изъ-подъ низу, такъ что и помощникъ отлетаетъ въ сторону.

— Нешто такъ можно, свинья ты этакая!

— Я не нарошно...

— Дубина этакая!—не нарошно...

— Ну, прости, пожалуйста... Нешто я...

— Чортъ этакій... Дай-ка я тебя такъ гвоздану, такъ ты у меня кубаремъ къ чорту на рога улетишь... Ты пхай въ животъ—нешто такъ можно?.. Вотъ куда пхай!..

— Ну, давай...

— Ну, на!.. Да смотри, идолъ, башку сверну...

На этотъ разъ три удара кулакомъ, направленные безъ ехидства въ указанное мѣсто, не производятъ на помощника никакого впечатлѣнія.

— Ну, бей, бей!—приговариваетъ онъ.

— Да,—говоритъ писарь.—Вспучилъ животъ-то!..

— Вспучилъ! Ну-ка, вспучь ты. погляжу я... Ну-ка, становись...

— Ну, дуй!

Писарь раздуваетъ животъ елико возможно, но отъ одного удара, въ самомъ дѣлѣ, летитъ кубаремъ...

— Вотъ-те вспучилъ!—приговариваетъ помощникъ.

— Свинья этакая... какъ хватилъ!..

— А! свинья!

— Чистая свинья...

— Нѣтъ, братъ, тебѣ до меня далеко!..

— Дубина!..

— Вотъ-те и дубина...

— Нѣтъ, вотъ какъ!—оживленно заговорилъ писарь:—согласенъ такъ—давай?

— Какъ?

— А вотъ какъ... Я возьму палку...

— А я тебя ею тресну по башкѣ...

Начинается хохотъ. Въ это время отворяется дверь, и показывается фигура учителя съ удочкой.

— Что̀ вы тутъ гогочете, какъ жеребцы въ конюшнѣ?

Писаря едва могутъ уняться.

— Куда это вы, Митрофанъ Петровичъ?

— Да вотъ хочу передъ чаемъ немножечко посидѣть. Авось къ ужину ушицу наберу... Будетъ баловаться-то, бери у Петьки уду—пойдемъ...

— Пойдемъ, пожалуй, попытаемъ, отчего же!—произноситъ лѣниво помощникъ, къ которому относятся эти слова.

— И я,—прибавляетъ писарь:—отъ-нечего-дѣлать...

Одѣваютъ сапоги, запасаются табакомъ, спичками и отправляются рыть червей. Спустя десять минутъ всѣхъ троихъ, окруженныхъ ребятишками, помогающими надѣвать червей, можно видѣть на берегу рѣки. Каждый изъ ловцовъ выбралъ по тихому мѣстечку въ кустахъ и терпѣливо слѣдилъ за поплавкомъ. Тихо въ кустахъ, тиха вода, и чудно хорошъ и свѣжъ воздухъ. Ни одной тревожной, безпокойной мысли нѣтъ ни въ комъ, кромѣ сладкой тревоги въ ожиданіи минуты, когда рыба потянетъ крючокъ книзу.

— И-ва-а-а-нычъ!..—откуда-то далеко, по верхамъ густого кустарника, доносятся звуки визгливаго, очевидно, женскаго голоса.

— Эй!—кричитъ въ кустахъ помощникъ:—Скворцовъ! слышишь, что-ль?

— Чего?

— Какъ чего?—слышишь, зовутъ!..

— Гдѣ зовутъ-то? Только-было клевать начала...

— Бу-у-ма-аага-а!

— Бумага,—слышишь, что-ль... Пойдемъ!

Помощникъ и писарь бросаютъ удочки, такъ однакожъ, что поплавки остаются на водѣ, и уходятъ.

— Скорѣй, — кричитъ имъ учитель. — Тутъ окунья — страсть!..

— Сейчасъ!

— Стадами ходитъ!..

— Приде-омъ!

Но на этотъ разъ имъ не пришлось скоро возвратиться назадъ: въ правленіи ожидалъ ихъ нарочный изъ уѣзднаго города, привезшій большой пакетъ съ надписью: «экстренно-важное». Въ пакетѣ было распоряженіе о немедленномъ призывѣ ополченія (записки относятся къ лѣту 1877 года).

— Ого!—сказали писарь и помощникъ, прочитавъ содержащіяся въ конвертѣ бумаги.

Приходилось немедленно садиться за работу.

7.

Ужъ не думаетъ ли читатель, что я, вслѣдъ за изображеніемъ волостной идилліи, изображу теперь сцену, въ которой баловники-писаря окажутся манкирующими своими обязанностями? Помня прошлыя времена, читателю можетъ представиться, что, несмотря на серьезность и важность полученной бумаги, писаря, увлекшіеся рыбной ловлей, спокойно положатъ ее подъ сукно, а сами отправятся опять на берегъ и, сказавъ себѣ насчетъ бумаги — «успѣется», будутъ преспокойно продолжать свои невинныя удовольствія. Нѣтъ, не приходится теперь говорить о сельскихъ и волостныхъ властяхъ ничего подобнаго. Времена стали не тѣ, и точность въ исполненіи своихъ писчебумажныхъ обязанностей въ настоящее время составляетъ самую видную черту деревенской жизни. Не разспрашивая и не задумываясь, «почему», «зачѣмъ», писаря часа два скрипѣли перьями по бумагѣ, адресуя къ сельскимъ старостамъ приказанія явиться въ волость такимъ-то и такимъ-то крестьянамъ, вынувшимъ рекрутскіе жребіи въ такомъ-то году. Не разспрашивая и не думая разспрашивать о причинѣ спѣшной посылки за старшиной, разсыльный гналъ свою лошадь въ сосѣднюю деревню, гдѣ жилъ старшина. И старшина, въ свою очередь, услыхавши, что пришла бумага, немедленно одѣлся и прибылъ въ волость. Точно такъ же, «безъ всякихъ разговоровъ», два разсыльныхъ поѣхали развозить по деревнямъ, для передачи сельскимъ старостамъ, написанныя писарями предписанія, а сельскіе старосты въ тотъ же вечеръ объявили призываемымъ о томъ, чтобы завтра они шли въ волость, о томъ, чтобы такіе-то и такіе-то мужики приготовили подводы. И все это буквально

«безъ разговоровъ» о причинѣ, безъ разспросовъ о томъ, куда и зачѣмъ погонятъ. Плачутъ, конечно, женщины, матери, невѣсты; сапожникъ Петръ тоже жалѣетъ, что приходится бросить мастерство и за что ни попало продать инструментъ; но ни у кого ни на единую минуту не мелькнетъ вопросъ: зачѣмъ и куда? — разъ приказаніе пришло изъ волости. На всѣ эти вопросы, зачѣмъ гонятъ и куда гонятъ, не отвѣтитъ никто—ни сельскій староста, ни волостной старшина, ни писарь. Да и никто изъ нихъ не спроситъ, или, вѣрнѣе, отвыкъ спрашивать и разбирать то, что̀ приходитъ сюда въ деревню въ видѣ приказывающей, но никогда ничего не объясняющей бумаги.

Я три мѣсяца жилъ въ деревнѣ, въ то время, какъ наши войска переходили Дунай, дрались, умирали, тонули, покоряли и покорялись. Три мѣсяца вся читающая городская Россія уже жила тревожными интересами войны, и въ теченіе такихъ-то трехъ мѣсяцевъ я ни отъ кого, не исключая писарей, учителя, даже іерея, не слыхалъ здѣсь ни единаго слова о томъ, что̀ дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Газетъ никто никакихъ не получаетъ, а въ городъ или на станцію никто не ѣздилъ: огороды, косьба, словомъ — хозяйство. «Собрать рекрутовъ призыва такого-то года»... «Произвести пріемку лошадей, выбранныхъ тогда-то и тогда-то» — вотъ что̀ доходитъ въ деревню отъ самыхъ крупныхъ историческихъ событій, и, кромѣ этихъ офиціальныхъ требованій, вовсе ничего не говорящихъ о значеніи переживаемой минуты,—ничего, ровно ничего и никому неизвѣстно, и ровно ниоткуда не приходитъ въ деревню ничего такого, что̀ бы показало значеніе этого призыва или покупки казною лошади въ общей картинѣ совершающихся событій. Человѣкъ, который черезъ недѣлю, черезъ двѣ будетъ защищать Шипку или Карсъ, или освобождать Болгарію, уходя изъ села, по совѣсти можетъ жалѣть только о томъ, что сапожные инструменты пришлось отдать за безцѣнокъ и что нескоро опять заведешь эти инструменты; но ни о Шипкѣ, ни о Болгаріи, ни о причинѣ, требующей его на защиту кого-то,—ничего этого ему неизвѣстно, никто объ этомъ ему не скажетъ ни единаго слова, а главное—онъ самъ *отвыкъ* разспрашивать объ этомъ и узнавать.

Я бы сказалъ большую неправду, если бы сталъ утверждать, что въ этомъ «неразсужденіи» народа скрывается, положимъ, въ данномъ случаѣ, охота идти въ бой и дѣтски-

чистое желаніе постоять за правое дѣло. Нѣтъ этого ничего. Никто не знаетъ—зачѣмъ, въ чемъ дѣло, но всякій безпрекословно идетъ потому, что привыкъ идти, когда ему скажутъ: «иди»; привыкъ платить, когда скажутъ: «плати», и совершенно отвыкъ отъ «разговоровъ» на тему — куда? зачѣмъ и почему?—такъ какъ идея большого или маленькаго явленія, совершающагося въ общей жизни государства, никогда не доходила до деревни. Сюда являются только какія-то дребезги, если можно такъ выразиться, этой идеи, не дающія о ней никакого понятія — деревня никогда не знаетъ даже о причинахъ, вліяющихъ прямо на ея экономическое положеніе, на ея карманъ.

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, много ли требуетъ *его собственнаго разсудка* тотъ широкій кругъ общественной, государственной службы, которую несетъ крестьянинъ, и вы увидите, что въ этомъ отношеніи онъ не можетъ играть никакой роли. Онъ можетъ распредѣлить между своими односельцами цифру взимаемыхъ съ деревни денегъ, но самая цифра эта приходитъ уже готовая — «изъ города». Высчитано, что съ Слѣпого-Литвина приходится получить 1.082 руб. $^3/_4$ коп., и Слѣпое-Литвино разбиваетъ эту цифру на количество душъ. И такъ во всемъ. А всего этого куда какъ много проходитъ ежедневно чрезъ деревню, безъ всякой возможности съ какой-нибудь стороны найти кончикъ нитки, по которой можно бы было добраться до источника. Изволь тутъ развиваться, понимать и думать!

Такихъ-то вотъ общественныхъ обязанностей деревня имѣетъ, правду говоря, безчисленное множество. Ихъ разнообразіе и несвязность одного требованія съ другимъ, хотя и отбили охоту у крестьянъ отъ общихъ взглядовъ и разсужденій, но занимаютъ въ крестьянскомъ обиходѣ громадное и главное мѣсто. Какимъ-то тяжелымъ клубомъ свернулись всѣ разнообразныя отрасли общественной службы въ сознаніи крестьянина, и, не распутывая этого клубка (такъ какъ распутать его почти невозможно), крестьянинъ опредѣлилъ его однимъ словомъ—«деньги». Вся куча повелительныхъ наклоненій низвергается въ деревенскую глушь въ видѣ простого требованія денегъ и вообще какихъ-нибудь матеріальныхъ расходовъ, но денегъ, денегъ— главнымъ образомъ... Всякая, самая благороднѣйшая мысль, направленная на общую пользу, откуда бы она ни шла, дойдя до деревни, превращается въ простое требованіе денегъ. Проекты «оздоровленія», «образованія», «поднятія

народной нравственности», «оживленія народа», словомъ—всякая *благая* мысль, какъ только начала приводиться въ исполненіе, непремѣнно начинается въ какомъ-нибудь Слѣпомъ-Литвинѣ прямо со «взносовъ». Въ Петербургѣ, въ губернскомъ городѣ, въ уѣздномъ—идутъ разговоры, проекты, доказательства, пренія; слышны разныя, безспорно умныя слова: «развитіе», «улучшеніе»,—а въ Слѣпомъ-Литвинѣ, во имя этихъ прекрасныхъ проектовъ и словъ, происходитъ только *раскладка*. Изъ такихъ словъ, какъ: «образованіе», «развитіе», «улучшеніе», въ Слѣпомъ-Литвинѣ, невѣдомо какимъ образомъ, образуются совершенно другія и всегда грустныя слова: «по гривеннику», «по двугривенному», «по полтинѣ». И всѣ эти гривенники и полтинники вносятся «безъ всякихъ разговоровъ», а если и не вносятся въ должномъ количествѣ, то все-таки каждый старается заплатить, чувствуя, что за нимъ есть недоимка.

Обведя вокругъ Москвы кругъ, радіусомъ верстъ въ четыреста, мы получимъ мѣстность, въ которой положеніе крестьянина и направленіе его мысли въ общихъ чертахъ опредѣлится стремленіемъ «добыть денегъ», только добыть денегъ—больше ничего. Къ этому направленію крестьянской мысли начало присоединяться плохо опредѣляемое, но тяжко чувствуемое крестьяниномъ желаніе—уйти куда-нибудь,—желаніе какъ-нибудь полегче добывать то, что теперь добывается съ такимъ трудомъ. И это стремленіе уйти изъ сухихъ и жесткихъ условій крестьянской среды объясняется все тою же необходимостью добывать все больше и больше денегъ. Въ самомъ дѣлѣ, никогда крестьянину не приходилось такъ много платить наличными деньгами, какъ теперь. Платить хлѣбомъ, тальками, курами, поросятами, какъ онъ въ старые годы платилъ помѣщику, который все это могъ сбыть оптомъ въ губернскій городъ или Москву,—теперь не приходится: ни куръ, ни холста, ни муки не возьметъ ни одно волостное правленіе; нужны чистыя деньги, кредитные билеты, и вотъ этихъ-то чистыхъ денегъ и неоткуда взять крестьянину, настоящему деревенскому мужику. Онъ чувствуетъ, что платить ему «надо», объ этомъ никакихъ разговоровъ и сомнѣній нѣтъ; но платить нечѣмъ. Вышло такъ, что въ настоящую минуту нѣтъ крестьянскаго двора, по крайней мѣрѣ въ Слѣпомъ-Литвинѣ, о которомъ главнымъ образомъ и идетъ рѣчь, который бы не платилъ за двухъ—никакихъ не меньше—душъ. Семь человѣкъ ратниковъ, ушедшихъ въ ополченіе, составляютъ вновь доба-

вочный платежъ за четырнадцать душъ, раскладывающійся не болѣе какъ на пятьдесятъ человѣкъ работниковъ-мужчинъ. Къ Покрову непремѣнно необходимо представить эти деньги; нѣтъ сомнѣнія, что недоимка будетъ громадная (на 60-ти дворахъ Слѣпого-Литвина ея наросло уже 8.000 р.); но слѣпинскіе мужики, не зная, сколько придется выработать (тутъ тоже тьма кромѣшная), все-таки будутъ биться, стараться добыть деньги... Откуда и какъ же они ихъ добудутъ?

На этотъ вопросъ всякій слѣпинскій мужикъ можетъ дать вамъ только такой отвѣтъ:

— Откуда!.. Вѣдь Господь милостивъ, Батюшка... Человѣкъ всю жизнь бьется—все ничего, а вдругъ «и изъ палки выстрѣлитъ»!

То-есть вдругъ, невѣдомо откуда и какъ, налетитъ на человѣка полтинникъ, рубль—и спасетъ его отъ бѣды.

8.

Здѣсь кстати сказать о самой послѣдней формаціи господскаго дома. Несмотря на то, что настоящій, колобродящій и капризничающій баринъ прошелъ, что прошелъ баринъ пожирающій и баринъ гуманничающій *), только теперь, когда въ барскомъ домѣ поселился просто нѣмецкій кулакъ Клейнъ, барскій домъ сталъ заслуживать въ глазахъ крестьянина вниманіе и даже уваженіе... Да! Въ домѣ живетъ просто кулакъ, а крестьянинъ начинаетъ видѣть въ немъ нѣчто высшее, такъ какъ здѣсь—единственное мѣсто въ деревнѣ, откуда можно хотя изрѣдка, но все-таки получать чистыя деньги... Отцомъ и благодѣтелемъ становится этотъ какой-то Адольфъ Иванычъ, содержавшій въ Петербургѣ домъ терпимости. Всѣ знаютъ это, но все-таки уважаютъ Адольфа Иваныча, и уважаютъ не только потому, что онъ даетъ хлѣбъ, давая работу, а и потому, что онъ сумѣлъ выбиться, выйти въ люди, въ помѣщики, тогда какъ былъ такой же мужикъ, какъ и всѣ. Это ужъ уваженіе интеллигентности, понятной крестьянину, поставленному въ необходимость выше всего почитать рубль серебромъ. Что Адольфъ Иванычъ этотъ нажилъ деньги нечистымъ путемъ—

---

*) См. разсказъ «Непорванныя связи»

за то онъ самъ и отвѣтитъ предъ Богомъ: это его дѣло; а главное—умѣлъ нажить. О его высшихъ качествахъ ума свидѣтельствуетъ также и то, что онъ не капризничаетъ безъ толку, не проѣдаетъ добра, не колобродитъ съ канавами и дренажами, а просто обираетъ гдѣ только возможно, экономно и умно, запрягая этихъ же самыхъ крестьянъ въ труднѣйшія работы, которыя стоили бы большихъ денегъ, если бы Адольфъ Иванычъ не былъ уменъ и не сумѣлъ бы обыграть мужиковъ на водкѣ, словно на картахъ. Рѣшительно ни одинъ крестьянинъ не можетъ, то-есть, буквально, не въ состояніи не уважать этого Адольфа Иваныча, какъ умъ, какъ талантъ, такъ какъ у каждаго крестьянина на плечахъ лежитъ та же самая тяжкая задача — «добыть денегъ», которую Адольфъ Иванычъ такъ блистательно разрѣшилъ. Есть между слѣпинскими мужиками просто влюбленные въ послѣдовательность и неумолимую логику, съ которою Адольфъ Иванычъ преслѣдуетъ свои цѣли. Вотъ примѣръ: у сосѣдней помѣщицы стала пропадать мука изъ амбара. Она приказала караулить своему приказчику; приказчикъ укараулилъ какого-то мужика, царапнулъ его камнемъ и привелъ къ барынѣ. Нужно прибавить, что приказчикъ—человѣкъ тоже «энергическій» и тоже «послѣдовательный».

Пойманный мужикъ сталъ просить помилованія, и барыня простила. Послѣдовательный приказчикъ немедленно попросилъ расчета.

Я видѣлъ его, когда, по полученіи расчета, онъ отправлялся къ Адольфу Иванычу просить мѣста. Разсказавъ исторію съ воромъ, онъ прибавилъ: — «Что же это такое? Нешто можно такъ поступать? Опосля этого они (т.-е. собственные его односельцы) и все будутъ таскать да въ ногахъ валяться... Нѣтъ, у Адольфъ Иваныча этого нѣтъ: ужъ у него, братъ, разъ что сказано — свято! Сказалъ: «бей»—ужъ бей, постоитъ за тебя до послѣдняго слова; хоть въ мировому, хоть въ Сенатъ—ужъ не отступится отъ своего... А это что-жъ такое?»...

Итакъ, не отступайся отъ «своего», гони «свою» линію до послѣдняго предѣла, наживай гдѣ и какъ можно, отвѣтъ одинъ — Богу!.. Вотъ въ какихъ формахъ начинаютъ выясняться преимущества умнаго человѣка передъ глупымъ.

— Чистый дуракъ или чистая дура, — скажутъ вамъ о томъ или другомъ помѣщикѣ или помѣщицѣ. — Такъ надо сказать—балалайка безструнная.

— Отчего такъ?

— Да какъ же, помилуйте! кабы ежели бы онъ (или она) *свою пользу* понималъ, нешто бы онъ сталъ такъ-то?.. А то судите сами...

И затѣмъ разсказывается исторія, изъ которой видно, что человѣкъ своей пользы не понимаетъ.

— И есть дуракъ! какъ же не дуракъ-то?

Поживъ въ деревнѣ и ознакомившись съ неоспоримою важностью рубля серебромъ, начинаешь соглашаться съ мнѣніемъ относительно людей, не понимающихъ своей пользы.

9.

Возвращаюсь однако къ разговору о средствахъ и путяхъ, какими можетъ быть добыта слѣпинскимъ крестьяниномъ кредитная бумажка. Словами: «всю жизнь бьешься, а вдругъ и изъ палки выстрѣлитъ» опытный въ этомъ дѣлѣ крестьянинъ совершенно вѣрно опредѣляетъ полнѣйшую случайность въ возможности пріобрѣтенія рублей. И въ самомъ дѣлѣ, даже слѣпинскимъ мужикамъ, деревня которыхъ лежитъ на большой почтовой дорогѣ и въ десяти верстахъ отъ станціи желѣзной дороги, даже и такимъ, относительно сказать, благопріятно поставленнымъ мужикамъ, почти невозможно опредѣлить, откуда именно грянетъ выстрѣлъ рублемъ, изъ какой палки.

Въ ряду такихъ случайныхъ заработковъ слѣпинскаго мужика первое мѣсто все-таки занимаетъ заработокъ, даваемый бариномъ, на этотъ разъ бариномъ шальнымъ на «новыя деньги», деньги желѣзнодорожныя, случайныя, пьяныя. Отвоевавъ въ Питерѣ концессію, схвативъ кушъ и просто-напросто «объѣвшись» купленныхъ столичныхъ утѣхъ, яствъ и питей, такой новый случайный баринъ чувствуетъ утробную жажду «воздуха», «снѣгу», «чернаго хлѣба», вообще деревни; и вотъ уже нѣсколько лѣтъ сряду, начиная съ половины или съ конца октября, въ Слѣпое-Литвино стали наѣзжать эти «господа» на охоту.

Каждый убитый такими охотниками заяцъ, по разсказамъ слѣпинскихъ мужиковъ, обходится господамъ не менѣе какъ въ двадцать рублей серебромъ — цифра баснословная, сумасшедшая, не имѣющая сравненія съ цифрами никакихъ заработковъ, требующихъ того же промежутка времени, что и пріѣздъ господъ. Благодаря этимъ охотамъ,

въ крестьянскихъ домахъ Слѣпого-Литвина то и дѣло встрѣчаешь пустыя бутылки отъ шампанскаго, отъ рейнвейна и т. д. Такая черта господскихъ наѣздовъ въ деревню сулитъ еще множество постороннихъ заработковъ, влечетъ за собой другую серію услугъ, также всегда щедро оплачиваемыхъ. Явные и для всѣхъ видимые слѣды благосостоянія въ нѣкоторыхъ крестьянскихъ семьяхъ, начавшагося именно благодаря этимъ случайнымъ господскимъ наѣздамъ, заставляютъ всю деревню поголовно ждать этихъ наѣздовъ съ нетерпѣніемъ. Но вотъ бѣда: чтобы наѣздъ этотъ былъ такъ же выгоденъ, какъ онъ оказался выгоднымъ для «умѣлыхъ», надо умѣть примѣтить и поймать въ массѣ наѣзжающихъ, вмѣстѣ съ господами, прихотей и капризовъ—такую прихоть, такой капризъ, удовлетворяя который можно разсчитывать на вѣрную выручку. Въ этомъ вся штука: узнать человѣка, распознать, на что онъ «ходитъ», «ловится», и потомъ уже «бить въ эту точку». Тутъ, во время этихъ наѣздовъ, производится двойная охота: господа охотятся за зайцами, выслѣживаютъ волковъ и лисицъ, а мужики охотятся за господами и выслѣживаютъ ихъ капризы и прихоти. Трудна эта, надо сказать правду, ухъ, какъ трудна эта охота крестьянина за бариномъ! Выслѣживаетъ его вся деревня, отъ мала до велика; каждому нужно найти свой кончикъ нитки и крѣпко держаться за него, а между тѣмъ никому неизвѣстна вообще конструкція господскихъ внутренностей; неизвѣстно, какъ, откуда и какимъ путемъ пойдетъ капризъ, съ котораго боку схватиться. Все это темно, покрыто мракомъ неизвѣстности. Правда, въ общихъ чертахъ крестьяне знаютъ, что изъ барина выйдетъ, если онъ не настоящій охотникъ, что-нибудь веселое и капризное, необъяснимое; но кто именно изъ этой толпы настоящій охотникъ, кто только бахвалъ, бабникъ, любитель скоромныхъ разговоровъ—это еще неизвѣстно. И вотъ тутъ-то и требуется страшная работа ума, къ несчастію, рѣшительно не поддерживаемая болѣе или менѣе обстоятельнымъ знакомствомъ съ аппетитами, управляющими вообще господскимъ образомъ жизни. И попрежнему приходится полагаться на случай, на выстрѣлъ изъ пня.

— Вонъ Михайла Петровъ... Тотъ чѣмъ господамъ понравился? А попался ему, братецъ ты мой, купецъ съ Калашниковой пристани... Ну, только оченно этотъ купецъ былъ сурьезенъ!.. Такъ сурьезенъ, что это даже ужасти! Думалъ-думалъ Михайла-то Петровъ, что̀ тутъ съ эстимъ сурьез-

нымъ купцомъ дѣлать... И такъ не выходитъ, и въ эвту сторону тоже не беретъ... А богатъ купецъ-то, отойтить отъ него «такъ»—обидно! Ну, думаетъ Михайла, что̀ будетъ!— и больше ничего, что сталъ ему угождать... Ничего не проситъ, чтобы тамъ на водочку или что̀, а такъ сталъ въ родѣ какъ рабъ безсловесный... И впередъ-то его въ сугробъ забѣжитъ, по шею провалится: «не ходите, говоритъ, ваше сіятельство, глыбоко тутъ, не въ это мѣсто идете»... И ножки-то ему обчиститъ, вѣточку приподыметъ, то-есть всѣми способами... И ни-ни-ни насчетъ чтобы награды, ни Боже мой! Расточилъ онъ вокругъ купца этого самаго почтенія и благолѣпія видимо-невидимо; услуживаетъ ему и благодаритъ, и напредки приглашаетъ, и хвалитъ - расхваляетъ, а денегъ не проситъ... Что-жъ ты думаешь, пронялъ вѣдь!..

— Прронялъ?!

— Пробралъ, братецъ ты мой, съ самыи корень!.. И что-жъ ты думаешь?—И всего-то въ сурьезномъ купцѣ и было товару, что одна глупость... Почитай его да хвали— и все!.. И преспокойно совсѣмъ съ лапочками возьмешь!.. Вотъ поди ты, узнай ихъ! А ужъ какой былъ сурьезный, Боже мой! Мы думали, ужъ и подходу къ нему нѣту, точно какой, напримѣръ, столбъ деревянный, а онъ, братецъ ты мой, больше ничего, что балобанъ: хвали его да угождай— и все!.. Съ тѣхъ поръ Михайла-то и пошелъ въ ходъ... И домъ оправилъ, и лошадей тройка—все, слава Богу, пошло. Теперича какъ сурьезный купецъ ѣдетъ, — ужъ Михайла безъ шапки бѣжитъ за тройкой верстъ пять... И купецъ-то, братецъ ты мой, никого, кромѣ Михайлы, не зоветъ... Ужъ наши пробовали-было, да нѣтъ!—«Михайлу, говоритъ, давай!..» Поди ты вотъ...

— Нѣтъ, братцы, какъ я однова влопался-было съ этими съ господами! — начинаетъ рѣчь новое лицо изъ слѣпинскихъ мужиковъ.

Разговоръ происходилъ на бревнѣ, гдѣ собрались въ праздникъ посидѣть слѣпинскіе обыватели. Бревно лежитъ близъ рѣки, у моста; мѣсто здѣсь просторное, веселое, видно далеко.

— Такъ-было втесался, такъ это — ахъ!.. Попался мнѣ тоже ха-арошій «теленокъ». Утрафилъ я ему тоже, вотъ какъ и Михайла, въ почтеніе... Что̀ угодишь, что̀ похвалишь, глядь—гривенникъ да двугривенный. Вижу я такое удовольствіе—поперъ въ эвтотъ бокъ.—«Ужъ баринъ, этакихъ господъ, надо такъ сказать, и не было, и не видано...»

Расписываю его такъ-то, да и махони: — «Какой, говорю, это баринъ? Не баринъ это, а Богъ!..»

— Охо-хо!..—загоготали слушатели:—экъ ты его какъ вздыбилъ... ха-ха-ха!..

— Передалъ, братъ!—замѣтилъ старый старикъ.

— Ровно черезъ крышу перебросилъ, — прибавилъ другой.—Ну, что-жъ онъ-то?

— Какъ, братцы мои, взбодрилъ я его этакимъ-то манеромъ — и что̀ только сталось съ бариномъ, не вѣдаю! Покраснѣлъ весь, ровно ракъ, и ужъ принялся же онъ меня пушить, на чемъ только свѣтъ бѣлый стоитъ! До того же все молчалъ, а тутъ какъ пошелъ, какъ пошелъ!.. «И холопъ, и подлецъ, и пошелъ прочь!» и, Боже только милостивый, чего-чего ни наговорилъ... Вижу — шабашъ! Просолилъ барина начисто!..

— Просолилъ, это ужъ вѣрно!

— Стою, молчу, ничего не могу въ толкъ взять, а вижу, братцы мои,—понялъ... «Тебѣ, такому-сякому, двугривенничкн надобны?.. ты изъ-за гривенника собаку дохлую готовъ цѣловать и Богу на нее молиться?..»

— А-а-а... понялъ!

— То-то—понялъ, братцы мои!.. Слушаю я такъ-то, вижу, плохо; а жаль барина-то... Думаю, какимъ теперича манеромъ мнѣ его оборотить?.. И что-жъ, ребята? Вѣдь оборотилъ!..

— Ну? — единодушно возопило все облѣпленное народомъ бревно.

— Передъ истиннымъ Богомъ, оборотилъ!.. Перво-наперво далъ я волю: звони, молъ, во всѣ!.. Что̀ ужъ, вижу— ничего не подѣлаешь.

— Ужъ тутъ что̀! Чего ужъ тутъ подѣлать!

— Думаю, ребята: дуй, ваше благородіе: можетъ-быть, Господь намъ и поспособствуетъ...

— Ха-ха-ха!..

— Лупи, молъ, не жалѣй кубышки... Распечаталъ онъ меня, надо сказать прямо, вполнѣ. Мѣста живого не оставилъ... Замолчалъ.—«Пошелъ вонъ!» Я и ушелъ, а самъ думаю: нѣтъ, шалишь! Ушелъ и онъ къ Адольфу Иванычу въ покои — обѣдать съ прочими господами... Я остался у крыльца съ лошадьми: думаю, ужъ какъ-нибудь надо выбираться изъ бучила... Думалъ-думалъ и надумалъ. Часа черезъ два этакъ мѣста—откушали, выходятъ... Выходитъ народу сразу человѣкъ десять... Перекинулся тутъ я на

грубость... Подхожу къ моему, говорю:—«За что ты меня, баринъ, говорю, обидѣлъ—я къ тебѣ всей душой...»—«Пошелъ прочь!» Договорить не далъ. Я къ господамъ:—«Вотъ, говорю, господа, обидѣлъ меня вашъ каппаніонъ: всю дорогу я его одобрялъ, а онъ меня что̀ ни на есть худыми словами обругалъ!..» Господа сейчасъ: — «Что̀ такое, что̀ такое?!.» Я разсказалъ, какъ было, да и говорю:—«Ежели, говорю, ихъ сіятельству не по нраву, что я, то-есть, ихъ ублаготворяю всячески, такъ не угодно ли, молъ, пущай они мнѣ положатъ хоть пять рублей серебромъ, и тогда, замѣсто того, я ихнее благородіе обругаю... Ежели имъ это лучше по сердцу».

Компанія, засѣдающая на бревнѣ, помираетъ со смѣху.

— «Сколько, говорю, угодно, хошь два дня буду ругать ихъ—у насъ на это хватитъ...» Двинулъ я такъ-то—покатились со смѣху мои господа.—«А умѣешь ругаться? хорошо умѣешь?»—«Сколько вамъ угодно». Хохочутъ, помираютъ. Тутъ одинъ изъ нихъ выскочилъ—толстоморденькій этакій, ба-альшой тоже мѣшокъ петербургскій, генералъ полный: — «Валяй, говоритъ, меня, мерзавецъ этакій! Посмотримъ, говоритъ, точно ли ты мастеръ!»—«Извольте, говорю, ваше сіятельство!» Сѣлъ въ мой тарантасъ еще съ однимъ, надо-быть, генераломъ: «дѣлай!» говоритъ. Ну, я и принялся!.. Такъ всю дорогу, братцы мои, до самой станціи, ужъ какъ только я его ни поливалъ, то-есть и такъ и этакъ... Всѣ десять верстъ я его садилъ всячески, то-есть ужъ хуже не надо—грохочетъ!.. Зальется-зальется, а я-то ему:—«ахъ, ты, барабанная палка, ахъ, ты...» Ну, то-есть все горло у меня пересохло, осипъ, покуда до станціи-то доѣхалъ. — «Ловко, говоритъ, молодецъ!» Выкинулъ-таки, ребята, синюю бумагу... Право-слово, выкинулъ. Съ тѣхъ поръ, какъ чуть что̀:—«Гдѣ Купріянъ?» Сейчасъ меня... Съ тѣхъ-то поръ я маленько и того... Дай ему Богъ здоровья! Ха-ар-рошій человѣкъ!

— И кажинный разъ—ругай?

— Эка ты!.. Поди-ка, обругай его такъ-то!.. Въ какомъ духѣ человѣкъ. Иной разъ онъ тебя и въ волости выдеретъ за какое-нибудь слово... Такъ онъ тебѣ и дался ругать! Авось не дуракъ. Главная причина только, что съ ругательствъ съ этихъ я ему понравился... вотъ въ чемъ расчетъ.

— Понравиться-то хитро!.. А ужъ разъ тебя баринъ призналъ, ужъ тутъ какъ не удержаться... Гляди только въ оба—твое будетъ.

«Понравиться» пріѣзжающимъ господамъ—первая забота слѣпинскихъ мужиковъ.

— И чѣмъ же, братцы мои, я ему понравился?—удивляясь неисповѣдимымъ путямъ Промысла, разсказываетъ одинъ изъ слѣпинскихъ счастливцевъ:—больше ничего, что сказалъ правду!

— Ну?

— Передъ Богомъ!.. Повелъ ихъ Адольфъ Иванычъ по старому мѣсту; то-есть вчера—будемъ такъ говорить—по этимъ мѣстамъ съ своими пріятелями Адольфъ-то Иванычъ ходилъ, а нониче и господъ по тѣмъ же мѣстамъ повелъ. Думалъ-думалъ я: всѣмъ, молъ, объявлю дѣло начисто. Думаю, жалковато мнѣ Адольфа-то Иваныча конфузить,—а ну, какъ да и выгоритъ на мое счастье отъ этихъ словъ? Да съ Господомъ и грохнулъ:—«Что-жъ вы это, говорю, Адольфъ Иванычъ, по старымъ-то мѣстамъ водите? Вѣдь, говорю, мы вчерашняго числа сами звѣря здѣсь распугали; нешто, говорю, такъ можно съ господами поступать?..» Тутъ онъ на меня, а господа за меня.—«Правду ли ты говоришь?»—«Провалиться скрозь землю! Вотъ извольте поглядѣть, какъ въ эфтомъ мѣстѣ наломано, какъ тутъ натоптано». Поглядѣли: «такъ!». Съ тѣхъ поръ безъ меня ни-ни. Даже и останавливаются у меня и ночуютъ: къ Адольфъ Иванычу ни ногой. Нарочно посылаютъ ко мнѣ съ извѣстіемъ:—«ѣдемъ, молъ; станови охоту». Съ тѣхъ поръ вотъ... А изъ-за чего? Только что вотъ правду сказалъ... Поди вотъ!..

— А мнѣ, ребятушки, попался соколъ, такъ окромя этого самаго ничего и знать не знаемъ.

— Товару?

— Тоись только одно и одно... Какъ пріѣдетъ, ужъ это знай: цѣлую ночь не спать. Подъ окнами стучимъ; выкликаемъ — соблазъ! А доберъ!.. Ха-аррошій человѣкъ. Дай Богъ ему здоровья. Что-то вотъ прошлую зиму не былъ,—не будетъ ли нынѣшнюю... Я-было ему хорошую штучку припасъ.

— О?

— Право слово.

— А вѣдь грѣхъ это!

— Братецъ ты мой! Мы и такъ, и безъ этого всѣ во грѣхѣ. Опять же всякій Богу дастъ отвѣтъ самъ. Нешто я обманомъ или что?.. Сама готова — видишь вотъ... Это, братъ, дѣло тоже темное, кто больше отвѣтитъ: она, а можетъ, и баринъ.

— А можетъ, и ты!

— Что-жъ подѣлаешь-то!. Спросятъ, — такъ и мы дадимъ отвѣтъ.

Говорится это въ буквальномъ смыслѣ. Говорящій это такъ и понимаетъ, что на томъ свѣтѣ онъ объяснитъ Богу все подробно, и тогда навѣрное окажется, что вины его нѣту. Надежда, что Богъ проститъ за все это, живетъ въ мужикѣ, поднимающемся изъ-за копейки на всякія «нелегкія». И надо полагать, что Господь въ самомъ дѣлѣ проститъ слѣпинскимъ мужикамъ ихъ даже, повидимому, тяжкіе грѣхи.

Заработокъ, доставляемый господскими наѣздами, самый значительный по размѣрамъ денегъ, получаемыхъ мужиками. Правда, заработокъ этотъ сопряженъ съ необыкновенными трудностями, требующими всей силы умственнаго напряженія со стороны охотящихся за господами мужиковъ, преисполненъ невѣроятныхъ, трудно постижимыхъ и безчисленныхъ случайностей. Но зато тотъ, кому удалось овладѣть полемъ битвы, можетъ смѣло считаться счастливцемъ: въ какую-нибудь недѣлю, въ теченіе которой продолжается охота, умный, ловкій человѣкъ одними «на-водками» сумѣетъ нажить столько, сколько въ обыкновенное время не только деревенскій мужикъ, а и деревенскій спеціалистъ — кузнецъ, портной, сапожникъ — не наживетъ, сидя надъ работой цѣлые мѣсяцы. Правда также, что такой заработокъ довольно-таки сквернитъ человѣка, и иной разъ бываетъ положительно противно смотрѣть на иного счастливца и слушать его радостные разсказы о томъ, какъ и чѣмъ онъ «поправился»; но зато въ результатѣ всѣхъ этихъ гадостей являются деньги,—а это главное.

Всѣ другіе заработки, доступные слѣпинскому мужику, точно такъ же случайные, не такъ хитры, какъ заработокъ на господскихъ капризахъ, но зато и не имѣютъ тѣхъ благодѣтельныхъ результатовъ. Разжиться, поправиться съ нихъ—нѣтъ почти никакой возможности, и иной разъ, глядя на такой заработокъ, рѣшительно не понимаешь, изъ-за чего бьется человѣкъ, если не принимать въ расчетъ увѣренности этого, повидимому, напрасно бьющагося человѣка, что иной разъ «изъ палки выстрѣлитъ».

10.

Въ Слѣпомъ-Литвинѣ живетъ крестьянинъ Иванъ Аѳанасьевъ — живой образецъ мужика, поставленнаго въ необходимость бросаться изъ стороны въ сторону, чтобы гдѣ-нибудь и какъ-нибудь захватить въ свои руки этотъ проклятый рубль серебромъ. Иванъ Аѳанасьевъ — рѣдкій экземпляръ «крестьянина» въ полномъ смыслѣ этого слова, т.-е. человѣка, который неразрывно связанъ съ землею—и умомъ и сердцемъ. Земля, по его понятію, — истинная кормилица, источникъ радостей, горестей, счастія и несчастія, всѣхъ его молитвъ и благодарностей къ Богу... Земледѣльческій трудъ, земледѣльческія заботы и радости способны были бы наполнить собою весь внутренній міръ Ивана Аѳанасьева, не давая возможности и подумать о томъ, чтобы можно было промѣнять земледѣльческій трудъ на что-нибудь другое, на какой-нибудь другой, болѣе выгодный трудъ. Иванъ Аѳанасьевъ не влюбленъ въ землю, какъ, можетъ-быть, покажется читателю изъ вышеприведенныхъ словъ моихъ объ этомъ человѣкѣ; нѣтъ, онъ связанъ съ ней, съ землей, и со всѣмъ, что̀ переживаетъ она въ теченіе года, связанъ, какъ мужъ съ женой, даже тѣснѣе, потому что они, въ самомъ дѣлѣ, живутъ почти какъ одно цѣлое. Вмѣстѣ съ тѣмъ Иванъ Аѳанасьевъ и «не прикованъ» къ землѣ, нѣтъ: тѣмъ-то и дорогъ земледѣльческій трудъ, что отношенія между человѣкомъ и этой землей, этимъ трудомъ — не насильственныя, что связь рождается чистая, изъ чистаго, ясно видимаго добра, которое дѣлаетъ земля человѣку, убѣжденному безъ всякаго насильства въ томъ, что за это даваемое землею добро надобно угодить и ей, надо похлопотать и за нее. На такихъ чистыхъ, совѣстливыхъ началахъ держится и весь обиходъ подлинной, неиспорченной крестьянской семьи, и она бы была истинно и безпримѣрно прекрасна, если бы могла развивать эти начала, то-есть свободный, непринужденный союзъ, основанный на непоколебимомъ сознаніи, что добро добывается добромъ. Но—увы!—несмотря на то, что Иванъ Аѳанасьевъ и его кормилица-земля исполняютъ свое дѣло совѣстливо до послѣдней степени, пришли времена, которыя какъ будто даже и вниманія не желаютъ обращать ни на труды Ивана Аѳанасьева, ни на его отношенія къ землѣ, и вовсе не цѣнятъ ни чистоты этихъ отношеній, ни того, что на этихъ отношеніяхъ держится

все русское крестьянство, вся русская сила.—«Денегъ подавай!»—вопіютъ эти времена и больше ничего знать не хотятъ.—«Какъ же я брошу землю, помилуйте, сдѣлайте милость?—возражаетъ Иванъ Аѳанасьевъ:—ну, пойду я на заработокъ; а какъ же земля-то останется? Вѣдь мы землей всю жизнь живемъ». Иванъ Аѳанасьевъ—такой истинный земледѣлецъ, истинный «крестьянинъ», что самый лучшій заработокъ не въ силахъ былъ бы заглушить въ немъ тоски по землѣ, по тому разнообразію явленій, которыми окруженъ трудъ земледѣльца, связывающій его душу и мысль и съ небомъ, и съ землею, и съ солнцемъ краснымъ, и съ зорями ясными, съ вьюгами, дождями, мятелями, морозами, со всѣмъ созданіемъ Божьимъ, со всѣми чудесами этого Божьяго созданія...

«Денегъ подавай!» — вопіютъ новыя времена — и, что̀ подѣлаешь, Иванъ Аѳанасьевъ начинаетъ «биться» изъ-за денегъ»...

— Пошла одно время въ нашихъ мѣстахъ,—разсказываетъ Иванъ Аѳанасьевъ:—пошла въ ходъ тряпка. Стали наѣзжать покупщики; окромя какъ тряпку, ничего больше и не спрашиваютъ. Надумалъ и я этимъ самымъ дѣломъ заняться. Лошадка у меня была хоть и плохонькая и тоща, а ноги таскала, сказать нельзя. Померекали объ эфтомъ дѣлѣ съ женой, и та склоняется на тряпку, полагаетъ такъ, что польза будетъ. Порѣшили мы занять деньги на начатіе у женинаго дяди; человѣкъ былъ онъ пожилой, отъ всѣхъ отдѣлившись, одинъ со старухой, и тоже этой тряпкой орудовалъ. Хорошо. Вотъ поѣхали мы къ дядѣ,—за двадцать за пять верстъ жилъ,—вымолили у него десять рублей, весной чтобъ отдать. Накупилъ онъ мнѣ на эти десять рублей ситцевъ, пряниковъ, колечекъ, серегъ — свой сундучокъ далъ и говоритъ: — «Ну! теперь ступай съ Богомъ!» — «Дяденька, говорю, да какъ же я торговать-то буду. Что̀ на что мѣнять? Сколько за что давать?»—«Я этому, говоритъ, всю зиму учился, и ты учись Слушайся, что̀ бабы будутъ говорить — онѣ тебя научатъ скоро...» Нечего дѣлать. Поѣхалъ я съ товаромъ по деревнямъ... Ѣду по деревнямъ, кричу:—«Тряпья, тряпья!..» Выбѣгаютъ съ тряпьемъ бабы, обступили меня, пошла торговля... На платки, на ситецъ, на серьги. На деньги не торговалъ, ни копейки не было... Вотъ хорошо. Поторговалъ я такъ-то въ одной деревнѣ, въ другой, въ третьей; выѣзжаю изъ третьей-то — дай, думаю, сочтусь, сколько

будетъ моихъ барышей, наторговалъ ли хоть съ гривенникъ-то; а ужъ дѣло шло къ вечеру, и пора домой было ѣхать. Сталъ я считать, вижу — плохо дѣло: товаръ мой я весь почесть растерялъ, роздалъ, а тряпья у меня и наполовину противъ товару не потянетъ... Прямо сказать, въ первый же день начисто я проторговался... Тутъ я и понялъ дядины слова, что, молъ, бабы-то меня выучатъ... И ужъ точно—выучили, вѣкъ не забуду. Ѣду я домой—ѣстъ меня тоска. Пріѣхалъ — ужъ совсѣмъ темно стало, огни ужъ вездѣ, а мнѣ хоть бы и глаза не глядѣли ни на что: товаръ растерялъ, а ничего не привезъ. Остались у меня одни пряники. (И пряниковъ тоже дядя купилъ — бабы, дѣвки любятъ; только у меня что-то бабы пряниковъ не брали: надо-быть, видѣли, что я съ простиной торгую). Остались только у меня эти самые пряники, да и тѣ всѣ въ мѣшкѣ переломались. Скучно мнѣ, оченно непріятно было. Жена видитъ, что дѣло мое неладно, молчитъ. Сижу такъ-то, думаю, какъ мнѣ съ этимъ тряпьемъ быть? Смотрю, идутъ парни съ посидѣлокъ. — «Мы, говорятъ, слышали отъ твоей бабы, что пряники, что-ли-то, у тебя есть?» — «Есть», говорю.—«Давай!»—Отпустилъ. Узнали на деревнѣ, что у меня пряники, повалилъ ко мнѣ народъ, и бабы, и парни, и дѣвки: лавочки въ ту пору у насъ еще не было. Не больше, какъ часа въ полтора, всѣ мои пряники я и расторговалъ. Ничего что изломанные и все такое—только подавай... Все начисто до послѣдней порошинки расторговалъ; сталъ считать — вижу: польза и не маленькая!.. Вотъ, думаю, Господь мнѣ послалъ милость свою, хоть мало-мальски убытки мои покрою (теперича вся забота — хоть бы съ долгами-то расплатиться, а ужъ куда торговать...). На утро, чѣмъ свѣтъ, только-что бѣлѣть начало, погналъ я свою кобылку на станцію — за пряниками. Вечеромъ — опять торговля, и опять все разобрали: польза идетъ хорошая. На утро опять на станцію, опять вечеромъ торгую. И такъ пошло дѣло чудесно, что ежели бы мнѣ этакъ-то проторговать недѣли съ двѣ — и долги бы заплатилъ, да и пользы бы имѣлъ, по крайности, рубля на три... Ну, только не вышло. Какъ провѣдали наши слѣпинскіе, что Иванъ, молъ, Аѳанасьевъ на пряникахъ расторговываться сталъ, и повалили тоже на станцію закупать. Развелось у насъ въ ту пору пряниковъ больше, чѣмъ хлѣба, или снѣгу на дворѣ... И съ этихъ поръ всѣ мы остались въ чистомъ убыткѣ. Я-то, по крайности, хоть

мало-мальски на отдачу сбилъ деньжонокъ, а другіе-прочіе такъ и остались съ пряниками. Съ тѣхъ поръ я ужъ торговлей не занимаюсь. Ни-ни, сохрани Богъ... Какъ отдалъ дядѣ заемныя, такъ у меня словно гора съ плечъ свалилась: Богъ съ ней и съ торговлей, не наше это, крестьянское, дѣло!..

Изъ такихъ эпизодовъ соткана вся жизнь Ивана Аѳанасьева въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ. Не умѣя, какъ истинный крестьянинъ, ни хитрить, ни лукавить, ни обманывать (земледѣльческій трудъ ничему такому не учитъ), Иванъ Аѳанасьевъ прогораетъ на всѣхъ предпріятіяхъ, цѣль которыхъ добыть деньги. Разъ его заманила какая-то родственница, жившая въ кормилицахъ въ Петербургѣ, и сулила мѣсто дворника. Иванъ Аѳанасьевъ соблазнился, истратилъ всѣ деньги, какія были, на машину и пріѣхалъ въ Петербургъ. Мѣсто ему въ самомъ дѣлѣ нашлось; но странное дѣло: больше, чѣмъ малаго ребенка, его испугала эта бездонная пропасть «чужого» народа, которымъ кишитъ столица. Онъ испугался этой голой работы изъ-за денегъ: ему трудно было жить безъ «своихъ», трудно работать безъ ихъ поддержки. Въ тотъ день, когда нужно было идти на мѣсто, Иванъ Аѳанасьевъ затосковалъ, какъ школьникъ, которому не хочется покинуть родительскій домъ. Кормилица-родственница, которая раздобыла ему мѣсто и у которой онъ останавливался въ Петербургѣ, напрасно гнала его идти на мѣсто, напрасно торопила... Иванъ Аѳанасьевъ заскучалъ еще пуще отъ этихъ понуканій. Когда же наконецъ онъ очувствовался и пошелъ, то, придя на мѣсто, нашелъ, что оно занято другимъ. Триста верстъ Иванъ Аѳанасьевъ шелъ до деревни пѣшкомъ, питаясь Христовымъ именемъ, и наконецъ коекакъ доплелся до двора.

— Тутъ-то я ужъ отдохъ!.. Думаю, Богъ съ вами совсѣмъ, съ мѣстами... Я на одномъ хлѣбѣ просижу — по крайности дома!.. А что̀ намучился, такъ это одному Богу̀ извѣстно...

Послѣ каждой изъ такихъ неудачъ и отлучекъ изъ дому Иванъ Аѳанасьевъ возвращался къ родному гнѣзду всегда съ необычайною дѣтскою радостью, несмотря на то, что, возвращаясь, былъ еще бѣднѣй, чѣмъ тогда, когда уходилъ. Онъ радъ коркѣ хлѣба, лишь бы она была своя, домашняя, лишь бы ему быть въ понятной ему, знакомой, любимой средѣ...

— «Денегъ! денегъ!» — вопіетъ новѣйшее время, и не

умѣющій ихъ доставать Иванъ Аѳанасьевъ вновь ловится на какомъ-нибудь денежномъ планѣ. Сманиваютъ его на землекопную работу, рыть каналъ близъ Ладожскаго озера, даютъ десять рублей впередъ, обѣщаютъ поить, кормить. Нечего дѣлать, идетъ Иванъ Аѳанасьевъ, и — глядишь — черезъ полгода плетется домой безъ копейки, и безъ здоровья, и безъ одежи... Оказывается, что спать ему приходилось въ снѣгу, что кормили его падалью, что обсчитывали безъ зазрѣнія совѣсти, что многое множество перемерло отъ болѣзней рабочаго народа и зарыто кое-гдѣ... Насмотрѣвшись и настрадавшись, Иванъ Аѳанасьевъ радъ, что выручилъ паспортъ, и ушелъ, куда глаза глядятъ. И ужъ какъ радъ дому-то, какъ радъ своей соломенной крышѣ, печкѣ, этому жидкому, кислому «своему» квасу!.. Какъ ни изнурятъ, ни измучатъ его, но свои мѣста, а главное — возвращеніе «къ крестьянству», то-есть земледѣльческому труду, вновь возстановляетъ всѣ его нравственныя силы, уничтожаетъ на его лицѣ слѣды болѣзни, горя, негодованія, — и вновь это лицо глядитъ спокойно, благородно и привѣтливо...

Но деревенскія дѣла идутъ такимъ путемъ, что Ивану Аѳанасьеву никоимъ образомъ не придется остаться дома. Онъ ужъ и теперь поговариваетъ:

— Ежели бы хоть на пять рублей въ мѣсяцъ, т.-е. вѣрныхъ, какое мѣстечко было, — кажется, сейчасъ бы пошелъ. Право слово!

Это-то именно и грустно.

Хуже всего въ этой случайности заработковъ то, что они разрушаютъ общность деревенскихъ интересовъ, деревенскій «міръ». Такіе заработки никоимъ образомъ не могутъ считаться мірскими; каждый, кому удалось ухватить, ухватилъ самъ, своимъ умомъ и для себя, и невольно тянетъ въ свою сторону. При такомъ ходѣ дѣлъ та правдивость имущественныхъ отношеній, которою держится міръ, благодаря земледѣльческому труду, нарушается неравенствомъ то тамъ, то сямъ прибавляющихся и вполнѣ чуждыхъ землѣ средствъ. Тамъ, гдѣ заработокъ мало-мальски хорошъ, тамъ, гдѣ онъ даетъ больше денегъ, — пропадаетъ даже и охота жить земледѣльческимъ трудомъ, тянуть эту крестьянскую лямку, не дающую ни единой копейки денегъ, которыя именно и нужны. Является прямое желаніе уйти и отъ міра, и отъ деревни, и отъ земли, отплачиваясь отъ всего этого деньгами.

11.

Кстати два слова объ одномъ «бабьемъ заработкѣ». Съ нѣкотораго времени слѣпинскія крестьянки получили возможность брать питомцевъ воспитательнаго дома на вскормленіе, такъ какъ районы, въ которые отдавались дѣти воспитательными домами, постоянно увеличивались: теперь районъ петербургскій ужъ сошелся границею съ московскимъ. Черезъ каждые четыре мѣсяца каждая кормилица получаетъ десять рублей или, всего-на-всего, въ годъ тридцать рублей. Но хотя этотъ заработокъ и опредѣленъ, онъ лучше всего доказываетъ, до какой степени крестьянину нужны деньги: за эти тридцать рублей, за три красненькія бумажки, большею частью прямо поступающія въ волостное правленіе, крестьянское семейство платитъ своими трудами и хлопотами и тратою времени не менѣе, какъ въ пять разъ болѣе того, что̀ получаетъ. Напрасно полагаютъ, что изъ смертности дѣтей деревенскіе люди дѣлаютъ доходную статью; ничего этого нѣтъ: дѣти мрутъ, правда, какъ мухи, особливо лѣтомъ, но не отъ дурного ухода, не отъ худого умысла, а отъ незнанія, отъ небрежности врачей или отъ бѣдности самихъ крестьянъ. Если бы не эти несчастныя три бумажки красныхъ, повѣрьте, мало бы нашлось охотниковъ переносить му̀ку ухода за «казеннымъ» ребенкомъ, ухода, обставленнаго безчисленнымъ множествомъ формальностей, которыми знающіе ихъ люди очень легко могутъ пользоваться въ ущербъ этимъ десяти рублямъ.

По Николаевской желѣзной дорогѣ ѣдетъ старуха-баба и держитъ на колѣняхъ мѣшокъ. Дѣло происходитъ въ третьемъ классѣ, лѣтомъ 1877 года, въ жгучій іюльскій день.

— Далеко ли, бабушка? — спрашиваетъ ее мѣщанинъ-сосѣдъ.

— Да вотъ (она назвала станцію)... лѣкарь тамъ нашъ живетъ...

— Какой-такой вашъ лѣкарь?

— А нашъ, питомницкій...

— Что-жъ, ты захворала, что ли, али такъ?

— Нѣту, миленькій, не захворала... Я бы легче помереть, не то что хворать согласна была, нечѣмъ...

Старуха заплакала и шопотомъ произнесла:

— Погляди-ка-сь, что̀ везу-то...

Осматриваясь съ осторожностью по сторонамъ, она открыла мѣшокъ, и мѣщанинъ, къ неописанному ужасу

своему, нашелъ въ немъ три дѣтскіе трупа, завернутые въ тряпки.

— Господи помилуй! Что-жъ это такое?..

— То-то, горюшко-то!.. Не хоронятъ, вишь, безъ записки отъ доктора, а докторъ-то отъ насъ — эво гдѣ... Съ гробомъ идти — кондукторъ не пуститъ, нанимай особый вагонъ, вотъ и таскаю въ мѣшкѣ...

— Ахъ-ахъ-ахъ!.. Крещеные?

— Какъ же, соколикъ, крещеные... всѣ крещеные... Помираютъ, другъ ты той, одинъ за однимъ!.. А все отъ молока. Киснетъ молоко-то: что̀ будешь дѣлать, кабы у насъ погреба были, ледники — ну, такъ! А то киснетъ — да и шабашъ! а они съ кислаго-то и мрутъ... И денегъ-то не дадутъ, и свои-то на разъѣзды изведешь; а что̀ мученья на душу примешь — и языкъ не поворачивается сказать. Что̀ я намучилась-то съ эстими съ мертвенькими-то!..

— Что-жъ такъ ты-то одна орудуешь?

— Да больно, другъ ты мой, накладно каждой кормилкѣ самой ѣхать... Я ѣду, одинъ билетъ плачу; вотъ онѣ мнѣ и складываютъ на билетъ-то... Кабы не старость моя горькая да не сиротство...

— А потомъ назадъ отъ доктора-то?

— Вѣстимо, назадъ.

Старуха плакала, а мѣщанинъ качалъ головой.

Вотъ какія сценки случаются среди скромнаго и труднаго заработка крестьянки не больше, какъ въ тридцать рублей въ годъ. Ужъ, стало-быть, крестьянскому дому деньги нужны «до зарѣзу».

II.

Безъ газетъ. — Улица. — «Деревенское обозрѣніе». — Опытъ деревенской газеты. — Подати, подати! — Понукатели. — Упорщики и неплательщики. — Смерть мальчика. — Пріѣздъ доктора. — Учитель. — Лошадиная холка и красильщикъ Петръ. — Деревенская тайна.

1.

Вотъ уже четвертыя сутки, какъ я не получаю съ почтовой станціи ни книгъ, ни газетъ, ни журналовъ! Столичному жителю, столичному читателю никогда не понять, что̀ за жестокое мученіе долженъ въ подобныхъ случаяхъ испытывать такой же самый столичный житель, сидящій почему-нибудь въ деревнѣ, въ русской деревенской глуши! Отвыкнувъ отъ пониманія сущности и формъ деревенской жизни, далекій, благодаря этимъ формамъ, даже отъ мысли находить между деревней и столицей какую-нибудь связь, такой человѣкъ (живетъ ли онъ на дачѣ или только-что благопріобрѣлъ тихій деревенскій уголокъ въ потомственное владѣніе) не можетъ обойтись безъ газетъ. Онѣ необходимы ему, какъ необходимы пузыри для человѣка, боящагося плавать по глубокой и широкой рѣкѣ. Что̀ дѣлать, если эти пузыри лопнутъ? Если два-три-четыре дня нѣтъ извѣстій ни съ театра войны ни изъ сферъ правительственныхъ, словомъ — нѣтъ ничего, чѣмъ столичный житель привыкъ интересоваться ежедневно, — въ обоихъ случаяхъ гибель неминучая! По обоимъ берегамъ рѣки, среди которой онъ гибнетъ, видны толпы народа; но никто не поможетъ ему. Одни работаютъ, не видятъ его гибели, не слышатъ его воплей. Другіе и видятъ и слышатъ, но ничего сдѣлать не могутъ: ни лодокъ нѣтъ ни пловцовъ. Погибай

среди бѣла дня, во цвѣтѣ лѣтъ, на глазахъ толпы людей! Та же самая исторія происходитъ и въ случаяхъ, когда по какимъ-нибудь, всегда невѣдомымъ причинамъ изъ рукъ вашихъ исчезаетъ газетный листъ... «Что̀ въ Плевнѣ? Что̀ въ Карсѣ? Что̀ въ Александринкѣ?» — взываетъ погибающій — и ниоткуда нѣтъ отвѣта! Ни лавочникъ, ни батюшка, ни волостной старшина, ни тѣмъ паче обыватель деревни, крестьянинъ, никто не отвѣтитъ ни на одинъ вопросъ... Всѣ они «рады бы радостью» помочь вамъ, но не могутъ, потому что у нихъ *свои* дѣла, *свои* заботы...

— Были вы на станціи, Иванъ Иванычъ? — вопіете вы къ лавочнику.

— Только сейчасъ вернулся...

— И не стыдно вамъ не зайти на почту, не взять газетъ?..

— Изъ ума вонъ!.. Совсѣмъ изъ ума вонъ!.. Да все съ этими раками...

— Какими раками?

— Да раковъ отправляли въ Питеръ, пять тысячъ, такъ цѣлый Божій день бился, какъ собака... Подите-ка, отвѣдайте, каково съ нашими съ первоначальниками-то дорожными!.. Тутъ не до газетъ!

Отвѣчая на ваши разспросы, лавочникъ норовитъ уйти къ амбару и нетерпѣливо вертитъ въ рукахъ ключъ: ему нужно тамъ что-то гораздо болѣе важное, чѣмъ то, о чемъ вы его разспрашиваете. Очень хорошо вы видите нетерпѣніе, съ которымъ онъ отвѣчаетъ на ваши разспросы; но утопающій хватается за соломинку, и вамъ нѣтъ никакой возможности отпустить его на волю...

— Не слыхали ли, по крайней мѣрѣ, чего-нибудь?..

— Нѣтъ... что-то быдто не слышно. Расшибли, говорятъ!

— Кого? Гдѣ расшибли?

— Да болтали тамъ, на станціи, наши быдто расшибли... что-то... Мукѝ, говорятъ сблаговѣстили у турокъ оченно довольно...

— Да гдѣ? Кого кто расшибъ-то?

— А ужъ не могу вамъ въ точности... слышно, что сорокъ быдто тысячъ... Не то муки, не то въ плѣнъ... али какъ... Ужъ точно не могу вамъ... Я сейчасъ! — вдругъ вырываясь изъ неловкаго положенія, въ которое вы поставили его своими разспросами, и проворно убѣгая въ сторону, ужъ издали кричитъ вамъ лавочникъ. — Я сію ми-

нутую, только что вотъ насчетъ солонины... какъ бы не попортилась... духъ дала... с-сію минутую!

Но, ужъ будьте увѣрены, вамъ не дождаться его возвращенія; у него тамъ въ погребѣ всепоглощающій интересъ: солонина дала духъ, а вѣдь ея посолено пятнадцать пудовъ! Продать ее или повременить, не вымѣнять ли на жеребенка у Тарасова или двинуть въ казармы? — обо всемъ этомъ надо подумать, и подумать много... Какія тутъ газеты!..

У лавочника — солонина, у батюшки — хлопоты съ уборкой, благо удались хорошіе дни, хлопоты съ розыскомъ рабочихъ... Словомъ, у всякаго деревенскаго жителя есть нѣчто болѣе важное, болѣе спѣшное, чѣмъ всѣ эти турки, Плевны, газеты. Безпомощность вашего положенія именно тѣмъ и ужасна, что вы не можете не понимать, какъ въ самомъ дѣлѣ важна эта солонина одному, уборка другому, и, стало-быть, погибая, не имѣете права негодовать на то, что васъ не спасли. Разсыльный, который, получая отъ волостного правленія три рубля въ мѣсяцъ на своихъ харчахъ, долженъ ежедневно ходить на почтовую станцію, оставилъ васъ на четыре дня (а можетъ оставить и на четыре недѣли) безъ газетъ, т.-е. безъ дыханія и воздуха, оставилъ потому, что ему навернулась работа: сосѣдъ-дьяконъ перевозитъ избу и платитъ деньгами по полтора рубля въ день. Зная хоть чуть-чуть цѣну деньгамъ, ни у кого, даже у волостного начальства, не подымется рука на этого старика, не исполняющаго своихъ обязанностей. Осенью, которая ужъ почти на дворѣ, ему надо платить подати, нужны деньги, а газеты — «успѣется»!

И вотъ вы идете ко дну. Съ гладкой поверхности политическихъ, литературныхъ, правительственныхъ, русскихъ и иностранныхъ и всякихъ иныхъ извѣстій вы, лишенные газетныхъ пузырей, идете ко дну неподкрашенной, ненапечатанной русской дѣйствительности. Безцвѣтныя, но крѣпкія и цѣпкія водоросли, покрывающія это дно въ изобиліи, начинаютъ опутывать васъ со всѣхъ сторонъ, не даютъ двинуть ни рукой ни ногой... «Солонина дала духъ», «продешевилъ съ овсомъ», «испортилъ шкуру», «передалъ три копейки», «легче помереть, чѣмъ на сорокъ на пять копеекъ соглашусь» — всѣ эти подлинные и насущнѣйшіе интересы самаго дна русской жизни опутываютъ, душатъ непривычнаго столичнаго жителя.

Въ первые дни моего пребыванія въ деревнѣ такія минуты, когда неаккуратность разсыльнаго или какая-нибудь

иная случайность не давала мнѣ возможности своевременно имѣть газету, журналъ — такія минуты были минутами истиннаго мученія. Доходило дѣло до того, что я, какъ маннѣ небесной, радъ былъ всякому печатному лоскуту, садился къ стѣнѣ и съ удовольствіемъ перечитывалъ газеты, которыми были оклеены стѣны обитаемаго мною дома... Такъ велика была моя разорванность съ интересами деревни, такъ грубо относился я къ ежедневнымъ заботамъ и нуждамъ окружающей меня среды, руководствуясь въ этой грубости только тѣмъ, что эти интересы и ежедневныя заботы являются передъ моими глазами не въ тѣхъ формахъ, къ какимъ я привыкъ и въ какихъ желалъ бы ихъ видѣть. Время и довольно настойчивая неаккуратность разсыльнаго, по мѣрѣ разгара деревенскихъ работъ, все чаще и продолжительнѣе оставлявшаго меня безъ пузырей, понемногу и, какъ мнѣ кажется, довольно основательно исцѣлили меня отъ этой нетерпимости сначала къ непривлекательной сухой формѣ деревенскаго быта, а потомъ и къ не менѣе непривычной для меня самой сущности этой неприбранной, не разложенной по газетнымъ рубрикамъ жизни. Перечитавъ всѣ обклеенныя газетами стѣны и переживъ мучительныя минуты, когда ужъ ровно нечего было читать, когда нигдѣ не находилось ни одного печатнаго клочка, я невольно сталъ задумываться надъ тѣмъ въ высшей степени неловкимъ положеніемъ, которое я всякій разъ испытывалъ, покончивъ съ газетнымъ листомъ и выйдя на деревенскую улицу.

2.

Обыкновенно, очутившись послѣ газетнаго листа на деревенской улицѣ, нѣкоторое время ровно ничего не понимаешь. Въ газетѣ — отчеты о рефератахъ по народному образованію, о поощреніи торговли и промышленности, довольно ловко уясненные вопросы о томъ, чѣмъ намъ быть, что̀ мы будемъ и куда мы идемъ. И вотъ, начитавшись всего этого, т.-е. всевозможныхъ взглядовъ, мнѣній и мѣропріятій, касающихся русскаго народа, обсудивъ ихъ, согласившись съ другимъ, составивъ свои собственные теоріи и взгляды, такъ несомнѣнно касающіеся всего русскаго, я неожиданно теряюсь, даже забываю всѣ мои и ученые

взгляды и теоріи, какъ только вхожу въ самую средину этого народа... Что за тайна? Для какого же народа все это печатается и пишется, и о какомъ-такомъ народѣ размышляю я самъ, если этотъ народъ своими солонинами, шкурами и прочими непостижимыми для меня интересами выбиваетъ изъ моей головы и заботы о лучшей системѣ народнаго обученія, и твердую увѣренность въ нашей исторической миссіи среди славянства, словомъ — все, что я, живя въ деревнѣ, долженъ искусственно поддерживать въ себѣ газетой?

Размышляя на эту тему, я очень скоро убѣдился, что вся бѣда разъясняется самымъ простымъ манеромъ и именно тѣмъ, что люди высшаго развитія и общества, органами которыхъ служатъ газеты, дѣлающіе все, безъ сомнѣнія, для народа, не даютъ себѣ труда обратиться именно къ мнѣнію того, о комъ идетъ рѣчь и о комъ идутъ всѣ эти хлопоты. Рефератъ о народномъ образованіи прочитывается въ ученомъ обществѣ, принимается, одобряется,—и дѣлу конецъ. Какъ осуществится предлагаемая желающимъ народнаго блага референтомъ мѣра въ средѣ самого народа— никто не спрашиваетъ объ этомъ. Столица, а стало-быть, и столичная газета не принимаетъ во вниманіе того самаго народнаго матеріала, надъ которымъ онѣ производятъ свои опыты улучшеній, усовершенствованій и вообще всякихъ благодѣяній. Ни въ одной газетѣ нѣтъ обстоятельнаго, хотя бы разъ въ годъ появляющагося «деревенскаго обозрѣнія», которое обращало бы вниманіе на участь, постигшую то или другое дарованное столицею народу благодѣяніе, и показало бы, въ какомъ видѣ благодѣяніе это добралось до деревни. Ничего подобнаго мнѣ не случалось нигдѣ видѣть или читать: деревня просто благодѣтельствуется такъ-таки «безъ всякихъ разговоровъ»; и вотъ почему деревенская дѣйствительность ставитъ въ такое неловкое положеніе всѣхъ, самымъ спеціальнымъ и тщательнымъ образомъ разрѣшившихъ у себя дома, хотя бы и въ самомъ благороднѣйшемъ смыслѣ, всевозможные касающіеся народа вопросы: чѣмъ ему быть, что ему надо, какая у него задача и т. д.

Мало-по-малу мысль о правахъ деревни въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся ея собственныхъ нуждъ и заботъ, стала вытѣснять изъ моего газетнаго сознанія рѣшенія этихъ деревенскихъ народныхъ вопросовъ, придуманныя не деревней. Почему—стало приходить мнѣ въ голову—въ га-

зетныхъ рѣшеніяхъ вопросовъ народной жизни не играетъ никакой роли ни эта солонина, изъ-за которой человѣкъ забываетъ войну и Болгарію, ни эти раки, ни вообще всѣ интересы, задачи, заботы, которыми живетъ и которыми держится на свѣтѣ деревня? Почему она безропотно должна принимать всевозможныя рѣшенія относительно того, чѣмъ ей быть? Почему она сама не имѣетъ права сказать—что̀ ей нужно? И долго ли наконецъ она не будетъ знать, что̀ такое задумываютъ для нея чужіе люди, хотя и люди высшаго развитія?..

Да,—рѣшилъ я подъ вліяніемъ этихъ мыслей,—необходимъ настоящій мужицкій о̀рганъ, о̀рганъ деревенской жизни, безъ иностранныхъ извѣстій, безъ театральныхъ и литературныхъ фельетоновъ, о̀рганъ не курьезовъ и смѣхоты, а настоящаго положенія деревенскаго кармана, деревенскаго ума, сердца, желаній, нуждъ, надеждъ. Такой о̀рганъ освѣтилъ бы тьму кромѣшную русской жизни, внесъ бы свѣтъ въ темную комнату, гдѣ приходится ходить ощупью, путаться, теряться, спотыкаться, словомъ — не знать гдѣ, что̀ и кто...

Въ первый же разъ, какъ разсыльный оставилъ меня безъ газетъ на цѣлую недѣлю, я, чтобы убить время, принялся за составленіе программы и перваго нумера ежедневнаго періодическаго изданія, посвященнаго деревнѣ и мужику. Я ни на минуту не сомнѣвался, что дѣло это легкое, сто̀итъ только приняться за работу поприлежнѣе. Но — увы!—опытъ разубѣдилъ меня въ этой легкости. Дѣло оказалось необыкновенно труднымъ, главнымъ образомъ потому, что я за образецъ взялъ себѣ программу обыкновенныхъ столичныхъ газетъ, и тутъ мнѣ пришлось убѣдиться, что ни одинъ изъ отдѣловъ столичной газеты не пригоденъ для газеты мужицкой. Чтобы достойно подражать о̀рганамъ высшаго развитія и высшаго общества, я долженъ былъ просто лгать всякій вздоръ, сочиняя передовыя статьи, въ другихъ же отдѣлахъ долженъ былъ отсѣкать отъ того или другого факта особенные, только деревнѣ свойственные привѣски, чтобы фактъ этотъ влѣзъ въ ту или другую рубрику. Наконецъ нѣкоторые факты рѣшительно не влѣзали въ тотъ отдѣлъ, къ которому они подходили по внѣшнему виду. Столичныя газеты, не претендующія на то, если ихъ забываютъ тотчасъ по прочтеніи и ни въ какомъ случаѣ не будутъ помнить на слѣдующее утро, могутъ позволить себѣ кромѣ русскую и иностранную жизнь какъ имъ угодно:

столичная публика все потребитъ. А съ деревенской дѣлать этого не приходится: мужицкій органъ—насущное и настоящее дѣло, въ противномъ случаѣ зачѣмъ затѣвать затѣю.

Чтобы слова мои о трудности задачи не были бездоказательными, приведу примѣръ: состоялось распоряженіе о возвращеніи призванныхъ ратниковъ-одиночекъ. Куда я долженъ дѣвать это извѣстіе? Въ столичныхъ газетахъ оно занимаетъ двѣ строчки въ отдѣлѣ правительственныхъ извѣстій и четыре въ хроникѣ, гдѣ сказано о единодушномъ восторгѣ: такъ въ столичной газетѣ. Въ мужицкой—должно быть совсѣмъ иначе; и какъ ни странно для столичнаго читателя, а это извѣстіе я долженъ помѣстить въ отдѣлѣ «недоимокъ», потому что:

— Здравствуй, Петръ! Воротили тебя?

— Какъ-же-съ!

— Что̀ же, радъ ты? Рады твои?

— Чему радоваться-то?

— Какъ чему? Пошелъ бы, убили бы...

— А тутъ-то что̀?

— Какъ? а тутъ ты—дома...

— Дома-то дома, да что̀ я дѣлать-то буду?.. Думали, *совсѣмъ* угонятъ, заложились совсѣмъ, сорокъ цѣлковыхъ стали проводы. А теперь и денегъ нѣтъ, да лишній ротъ... да въ долгу всѣ... Теперь подати... Чѣмъ отдашь-то?—денегъ-то вѣдь нѣтъ!

Или въ какомъ изъ соотвѣтствующихъ столичнымъ газетамъ отдѣловъ долженъ напечатать я слѣдующее:

«Сельскому старостѣ Петру Михайлову.—Приказываю я тебѣ собрать съ мужиковъ—которые положены за порубку съ семи душъ—по шести съ четвертакомъ, то чтобы непремѣнному къ богоотцы Акимыанны ты собралъ, чтобы Акиму Ивановичу непремѣнному былъ представленъ взыскъ въ день ангела. Поручаю тебѣ съ большимъ стараніемъ предписываю я чтобъ собрать въ теченіе того времени. Волостной старшина Полуптичкинъ».

Что̀ это такое? Внутреннее ли просто извѣстіе, правительственное ли распоряженіе, или это годится въ отдѣлъ хроники, какъ прибавленіе къ извѣстію объ именинахъ Акима Иваныча? Но, кромѣ этого голаго извѣстія о собраніи штрафа и о томъ, что старшина хочетъ сдѣлать подарокъ въ день ангела потерпѣвшему «непремѣнному»,—кромѣ этого, я не знаю, какъ мнѣ помирить съ этимъ ра-

душіемъ старшины его полное къ этому Акиму Иванычу презрѣніе. Этотъ же старшина—поговорите съ нимъ объ Акимѣ Иванычѣ—скажетъ вамъ, что человѣкъ этотъ кулакъ и проныра, что при надѣлѣ онъ обманулъ крестьянъ, что крестьянскій дрянной надѣлъ записалъ по 1-му разряду, а свои отличныя земли—по 3-му, и налогъ платитъ по третьему. На какія-такія рубрики могу я разбить этотъ фактъ, взятый во всей совокупности? Чтобы не запутывать читателя, я прямо удивлю его, сказавъ, что записка старшины должна быть, вмѣстѣ съ упомянутымъ выше деревенскимъ привѣскомъ (о томъ, что Акимъ Иванычъ — кулакъ), помѣщена въ отдѣлѣ «*народнаго просвѣщенія*» и даже, какъ это ни покажется страннымъ, подъ особымъ названіемъ: «*Слѣды системы классическаго образованія въ деревнѣ*».

Въ видахъ образованія культурныхъ людей, вводится классическая система образованія. Предполагаются культурные столпы, разставленные въ разныхъ весяхъ земли русской и вліяющіе благотворнымъ образомъ на массу, вліяющіе своей внутренней, нравственной высотой, заставляющіе чувствовать массу внутреннее превосходство такого человѣка и такимъ образомъ облагораживаться. Разъ система признана достойной—ограничиваться школой, медленнымъ приготовленіемъ новыхъ людей, невозможно. Предписанія о необходимости уваженія ко всякому благородству, навѣрное, слѣдуютъ изъ столицъ въ губернскіе города, изъ губернскихъ—въ уѣздные, оттуда—въ волости, въ сельскія общества. И вотъ, черезъ исправниковъ, архіереевъ, губернаторовъ, благочинныхъ, идея о необходимости въ средѣ народа внутренно отличныхъ отъ массы существъ, упрощаясь въ слогѣ и изложеніи, доходитъ до деревни,—и вотъ «приказываю я тебѣ» почтить Акима Иваныча какъ культурнаго человѣка, хотя онъ и кулакъ по нашему деревенскому, некультурному мнѣнію.

Этихъ двухъ примѣровъ, я полагаю, достаточно для того, чтобы понять всю важность и всю трудность затѣяннаго-было мною дѣла. Одинъ уже примѣръ Петра, возвращеннаго въ лоно родительскаго дома и недовольнаго этимъ, говоритъ о томъ, что не худо бы прежде, чѣмъ благодѣтельствовать, спросить у деревни: точно ли нужно брать этихъ Петровъ? Но этотъ примѣръ, какъ и послѣдующій, главнымъ образомъ доказываетъ только трудность разработки формы мужицкаго органа. Вотъ почему, оставивъ мысль о

мужицкомъ органѣ, я рѣшился представить просто мой дневникъ, занося явленія деревенской жизни въ томъ видѣ и въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ день за днемъ. Привожу отрывокъ изъ этого дневника, касающійся первыхъ дней осени.

3.

Существеннѣйшій признакъ осени—такой же грустный и унылый, какъ желтые листья лѣса, какъ грозные тоны, начинающіе слышаться въ порывахъ вѣтра,—есть, несомнѣнно, появленіе въ волостномъ правленіи предписанія уѣзднаго исправника о скорѣйшемъ взиманіи податей. Странное дѣло! Несмотря на то, что всѣ волостныя правленія только и живутъ изо дня въ день, изъ года въ годъ такими предписаніями уѣзднаго исправника, вѣсть о томъ, «что пришла бумага насчетъ податей», производитъ на обитателей нашей деревеньки впечатлѣніе почти неожиданности и по тягости, по унылости едва ли не превосходитъ впечатлѣнія и осенняго воя вѣтра, и голыхъ деревьевъ, и мокрыхъ желтыхъ листьевъ.

Дѣло въ томъ, что въ теченіе всей рабочей поры, начиная съ апрѣля, мая и вплоть до уборки полей, т.-е. до первыхъ дней осени, предусмотрительные руководители наши ни единымъ словомъ не тревожатъ крестьянина. Ни становой, ни исправникъ, ни старшина, ни староста—никто рѣшительно изъ имѣющихъ власть не пикнетъ, не заикнется ни о какихъ деньгахъ,—вдругъ, точно по мановенію волшебнаго жезла, замираютъ грозные крики: «давай», «давай!». Всякое начальство притаивается, словно исчезаетъ съ лица земли, и обыкновенный (не «порядочный») мужикъ, для котораго понуканье, дерганье и всякое тормошенье составляютъ, вслѣдствіе долгой привычки, главнѣйшее и существеннѣйшее содержаніе жизни человѣческой вообще, не видя этого дерганья и понуканья, начинаетъ понемногу забывать о немъ и замѣтно отдается земледѣльческому труду. Надо удивляться, съ какой дѣтской наивностью предается онъ забвенію ожидающей его катастрофы. Точно забитый и замученный педагогами школьникъ, онъ, оставшись одинъ, безъ наказаній и понуканій, во мгновеніе ока забываетъ все, что выдолбилъ, и все, что

перенесъ отъ педагоговъ, забываетъ все это подъ впечатлѣніемъ нѣсколькихъ мгновеній покоя. Нельзя не сознаться, что мѣра эта благодѣтельна: она поощряетъ рвеніе крестьянина къ труду, который не могъ бы быть столь успѣшнымъ, если бы происходилъ подъ безпрерывнымъ давленіемъ одного и того же «давай!». Работа его идетъ втрое, вдесятеро лучше. Его поддерживаютъ всевозможные планы, всевозможныя фантазіи, которыя лѣзутъ въ это время въ его забывчивую голову: вотъ онъ продастъ хлѣбъ, купитъ лошадь, телушка за лѣто отходится какъ нельзя лучше—тоже деньги; вотъ ужъ онъ покрылъ и поправилъ сарай, сшилъ себѣ и мальчишкѣ новые сапоги—и такъ до безконечности. Подъ вліяніемъ этихъ плановъ и фантазій онъ бьется пять мѣсяцевъ, какъ рыба объ ледъ, вытягиваясь вмѣстѣ съ своей лошаденкой изъ послѣднихъ силъ; и къ концу лѣта, когда поля покрыты волнующимися пышными хлѣбами, онъ до того уже освоивается съ своими несбыточными планами, что начинаетъ думать о праздникахъ, предстоящихъ въ августѣ и въ сентябрѣ, и совершенно не подозрѣваетъ, что онъ уже въ блокадѣ...

Едва онъ свезъ съ поля и смололъ первый снопъ новаго хлѣба, какъ бомбардированіе открывается внезапно со всѣхъ пунктовъ и съ непомѣрной настойчивостью. И въ самомъ дѣлѣ, необходимо сразу выбить всевозможныя фантазіи, необходимо съ корнемъ вонъ, какъ гнилой зубъ, вырвать эти грезы о телушкѣ, чтобы облегчить нелегкій переходъ отъ розовыхъ плановъ къ горькой и пасмурной дѣйствительности. И, надо отдать справедливость осаждающимъ, энергія ихъ выше всякой похвалы. Положительно можно сказать, что не успѣлъ слѣпинскій мужикъ довести перваго мѣшка новаго хлѣба съ мельницы домой, какъ въ ту же самую минуту разнеслась по деревнѣ вѣсть о «бумагѣ насчетъ податей». Оказалось, что еще вчера, въ одиннадцать часовъ вечера, старшина посылалъ за старостой и объявилъ ему о строжайшемъ предписаніи. И мгновенно по всей округѣ, точно холодный и упорный осенній вѣтеръ, поднимающій холодную пыль и уныло завывающій въ печныхъ трубахъ, загудѣла по деревнямъ унылая вѣсть о податяхъ—о страховыхъ, о земскихъ, о поземельныхъ... Лѣтнія фантазіи разрушались въ самое надлежащее время, именно когда еще почти весь хлѣбъ, хотя и сжатый, стоялъ въ полѣ, а яровое наполовину и не было даже убрано. Предписанія одно за другимъ, точно шрапнели, не давая опо-

мниться, громили округу безъ умолку, настигали слѣпинскаго мужика на всѣхъ путяхъ. Пошелъ онъ въ кабакъ—хвать, у самаго носа разражается граната, являясь въ видѣ сельскаго старосты.

— Будетъ деньги-то въ кабакъ таскать! Подати несите... бумага вонъ!

— И всего-то гривенникъ несу... два стаканчика...

— Все давайте, что̀ есть!

— Мы съ нашимъ полнымъ удовольствіемъ, да какія это деньги—гривенникъ!..

— Все меньше будетъ! Знаю я ваше прекрасное удовольствіе... зачну вотъ продавать...

— Храни Богъ!.. авось...

Мужикъ идетъ въ кабакъ, и коломъ влѣзаютъ ему въ горло оба стаканчика.

— Эй-эй!—кричитъ, между прочимъ, староста, настигая другого случайно встрѣтившагося слѣпинца:—подати несите! Скажи своимъ чтобы безпремѣнно... бумага — Боже мой!

— Ладно!

— Чего ладно! Сейчасъ давай, сколько есть!

— Да нѣтути сейчасъ-то.

— Когда-жъ будетъ? — все нѣтути да нѣтути. Когда-жъ будетъ-то?

— Авось...

— Авось! А мнѣ за васъ въ темной сидѣть?.. Чтобъ безпремѣнно несли—вотъ что̀!

— Принесемъ...

— Да, безпремѣнно несите! Много вамъ прощали—нонѣ «поступать» станутъ.

Слово «поступать», очевидно, очень значительно и для старосты и для мужика.

— Что̀ ты!—говоритъ онъ испуганно:—Господь съ тобою, авось поплатимся...

— Ну, то-то! Помнить это надо!

Говоря такія страшныя слова и суля такія угрозы, сельскій староста, какъ мужикъ, доподлинно знающій невозможность въ данную минуту напирать на крестьянъ въ серьезъ, потому что изъ этого ничего не выйдетъ, кипятится и свирѣпствуетъ безъ всякаго серьезу, просто исполняя предписаніе. Въ виду такой внутренней непрочности идеи о необходимости взносовъ, — непрочности, живущей даже въ самомъ сельскомъ начальствѣ, главнѣйшемъ добы-

вателѣ нашихъ сотенъ милліоновъ, необходимо вести осаду съ непоколебимою настойчивостью; необходимо день и ночь долбить циркулярами и телеграммами исправниковъ; необходимо тормошить становыхъ, необходимо не давать опомниться ни старшинамъ ни старостамъ, чтобы все это полчище финансистовъ постоянно стояло на ногахъ, и чтобы оно, внутренно сознающее непреоборимую трудность предстоящей финансовой операціи, выкинуло бы, подъ вліяніемъ бомбардировки, всякія мысли объ этой трудности и сосредоточилось бы только на требованіи. И вотъ почему, едва смолотъ первый снопъ—крикъ: «подати! подати!» начинаетъ гудѣть надъ деревней неумолкаемо.

— Подати несите! Несите подати!—какъ-то угрожающе (хотя и кротко) совѣтуетъ старшина, появляясь на деревенской улицѣ, появляясь какъ бы случайно, по пути въ лавку, но, въ сущности, именно только за тѣмъ, чтобы укрѣпить въ населеніи главную идею времени. Всѣ мимоѣдущія и мимоидущія власти, которыя въ теченіе лѣта куда-то запропастились, а если и показывались на деревенскихъ аванпостахъ, то съ совершенно мирными намѣреніями, какъ, напримѣръ, съ вопросами о томъ, что «много ли, молъ, нынче ягодъ? много ли будетъ осенью свадебъ?»

«не скучно ли, молъ, тебѣ, Авдотья, одной, безъ мужа-то?»—все это кроткое, любезное и милое сословіе явилось теперь въ совершенно иномъ видѣ. Никто изъ нихъ не пройдетъ, не проѣдетъ, чтобы не остановиться или не остановить своихъ лошадей передъ первымъ встрѣчнымъ мужикомъ и не сказать ему торопливо и рѣшительно:

— Скажи старостѣ, чтобы непремѣнно подати... Слышишь?

— Слушаю-съ!

— Непремѣнно! Слышишь ли? Не-пре-мѣн-но!..

— Слушаю-съ!

— То-то слушаю-съ! Непре-мммѣнно!

Или:

— Ты староста?

— Я-съ!

— Какъ подати?

— Помаленечку идутъ...

— Какъ помаленечку?.. Что такое «помаленечку»?

— Мы съ нашимъ съ полнымъ... кабы ежели бы...

— Что такое — «кабы ежели»? Какія-такія «ежели»? Никакихъ «ежели» тутъ нѣтъ и быть не можетъ. Слышишь?

— Слушаю-съ!

Благодаря такой тактикѣ, недѣли черезъ двѣ-три непрерывной осады, слѣпинскіе мужики окончательно забываютъ всевозможныя лѣтнія фантазіи и перестаютъ понимать въ себѣ и внѣ себя что-либо другое, кромѣ необходимости платить подати.

Вотъ «общее обозрѣніе» существеннѣйшихъ признаковъ первыхъ осеннихъ дней въ деревнѣ.

4.

Осаждающіе, какъ я уже упомянулъ, несмотря на точность, аккуратность и немедленность исполненія предписаній, не только «серьезно» не питаютъ лично къ осажденнымъ враждебныхъ чувствъ, но, напротивъ, если дѣло дойдетъ до разговора о предстоящей кампаніи, не замедлятъ высказать вамъ прежде всего о неуспѣшности предпринятой ими осады, даже почти о полной ея безполезности. Всякій палитъ исправно, настойчиво, неумолимо, но знаетъ, что толку будетъ мало, и что «ежели бы не семейство» или что-нибудь въ этомъ родѣ, что̀ заставляетъ человѣка палить изъ-за молочишка, такъ бы отрясъ прахъ отъ ногъ и ушелъ бы куда-нибудь къ другому, болѣе мирному дѣлу.

— Да неужели вы полагаете, что на мнѣ нѣтъ креста?— восклицаетъ гдѣ-нибудь въ интимномъ кругу и въ минуту откровенности кто-нибудь изъ числа лицъ, ежедневно разсылающихъ по всѣмъ концамъ уѣзда «строжайшія предписанія» о взысканіи «безъ послабленія и снисхожденія».— Неужели вы полагаете, что у меня вмѣсто головы ведерная бутыль или кирпичъ? Вотъ не угодно ли, прошу васъ покорно, прежде чѣмъ осуждать...

И вслѣдъ затѣмъ изъ бокового кармана военнаго сюртука торопливо вытаскивается цѣлая кипа бумагъ.

— Вотъ-съ! Сдѣлайте одолженіе.

Длинная бумага есть объяснительная записка въ отвѣтъ на строжайшій выговоръ, полученный уѣзднымъ понукателемъ отъ понукателей губернскихъ. Въ запискѣ говорится, что если не собрано за 1-ю треть 16.744 руб. съ копейками, то это происходило не отъ личной бездѣятельности понукателя или нерадѣнія, а отъ другихъ причинъ, которыя онъ и считаетъ долгомъ изложить передъ начальствомъ, дабы оказаться чистымъ со стороны подозрѣній въ нера-

дѣніи. Въ доказательство своего рвенія онъ приводитъ примѣры необыкновенныхъ, поистинѣ героическихъ подвиговъ: онъ переплывалъ на утлой ладьѣ рѣки, бывшія еще въ полномъ разливѣ, застревалъ въ зажорахъ, сажалъ въ темную сельскихъ старостъ и т. д. Но, при всей своей неустрашимости, при всей своей готовности, не могъ ничего сдѣлать съ непреоборимыми фактами дѣйствительности: съ безхлѣбьемъ людей, безкормицей скотовъ, «изъ которыхъ, напримѣръ, овцы совершенно облѣзли, а коровы до того отощали, что на бывшей ярмаркѣ онъ собственными глазами видѣлъ такихъ, которыя не могли стоять на заднихъ ногахъ, а сидѣли, словно зайцы, на собственномъ своемъ хвостѣ». И не случайность какую-либо, въ родѣ неурожая, или падежа скота, или эпидеміи, винитъ онъ въ существованіи этихъ неодолимыхъ для успѣшности взиманія обстоятельствъ, хотя и эти случайности безъ вниманія не оставляетъ, но видитъ «причину въ корнѣ, а именно»... Далѣе, конечно, идетъ то, что̀ извѣстно всѣмъ и каждому: раздѣлы, баловство, пьянство. Дойдя до этихъ словъ, вы готовы возвратить рукопись автору, но авторъ останавливаетъ васъ, говоря:

— Читайте, читайте дальше!.. Тамъ есть, есть настоящее!.. Это вѣдь только для отводу... Тамъ дальше я ввернулъ втихомолку... Не безпокойтесь, будьте покойны, извольте читать!

И дѣйствительно, въ пышномъ букетѣ тщательно собранныхъ народныхъ пороковъ замѣчается тщательно спрятанный репейникъ: идетъ рѣчь о надѣлѣ, о доходности его и о соразмѣрности...

— Все знаемъ-съ! Ужъ говорено! Писано-переписано... И что-жъ за все это? — кромѣ выговоровъ да распеканій ничего не видишь и не слышишь... Въ нынѣшнемъ году я получилъ уже пять выговоровъ простыхъ да съ полдюжины строжайшихъ,—такъ тутъ перестанешь разсуждать... Нѣтъ, батюшка, кабы не семейство...

И такія рѣчи слышатся по всей длинной лѣстницѣ понукателей, отъ высшихъ до низшихъ. Вездѣ пониманіе и гуманизмъ, всегда, впрочемъ, довольно счастливо завершающійся на дѣлѣ непреклонностью. Низшій понукатель деревни, сельскій староста, такъ тотъ даже разъясняетъ вамъ самыя мельчайшія причины неуспѣха осады. Не дальше, какъ сегодня, т.-е. въ тотъ самый день, когда мнѣ пришло въ голову завести дневникъ, я зазвалъ къ

себѣ съ улицы нашего сельскаго понукателя и, коснувшись въ разговорѣ вопроса дня, слышалъ отъ него самыя раціональныя и обстоятельныя сужденія.

— Много ли набрали, Михаилъ Петровичъ?—спросилъ я его.

Михаилъ Петровичъ засмѣялся и махнулъ рукой.

— И не поминайте!.. За два-то дня—четыре съ чѣмъ-то рубля со всѣхъ семидесяти домовъ... Одинъ только мужикъ далъ рубль, и то спасибо, что я его настигъ на мосту—съ работы шелъ: плотникъ онъ, съ расчетомъ,—а то все гривенникъ, двугривенный, полтинникъ... Вотъ тутъ вамъ и собирай! Покуда выберешь съ нихъ двадцать-то пять рублей...

— Что-жъ вы будете дѣлать?

— Да что̀ съ ними дѣлать-то? Что-нибудь-то принеси, сдѣлай милость, и то спасибо. Да откуда ему взять, сами вы посудите? Доходу у него всего-на-всего пятьдесятъ рублей, это ужъ если весь урожай продать, а взносу—25; да вѣдь надо сапоги, свѣчку иной разъ, соль, да мало ли что̀—все изъ этого.

Деревенскій понукатель развиваетъ картину крестьянскихъ нуждъ въ мельчайшихъ подробностяхъ и заканчиваетъ ее вопросомъ:

— Ну что-жъ, помилуйте, съ нихъ взять? Откуда онъ возьмѐтъ, когда у него ничего нѣтъ?

И, повергнувъ васъ въ грустное раздумье, тоже довольно грустнымъ тономъ прибавляетъ:

— Ничего не подѣлаешь! До Покрова какъ ужъ нибудь, хоть по гривенникамъ, буду принимать, ну, а ужъ съ Покрова, видно, посурьезнѣй придется.

— То-есть какъ посурьезнѣй?

— Да что̀ же мнѣ-то дѣлать? Придется такъ, что возьму шестерыхъ понятыхъ да пойду по деревнѣ съ одного конца до другого съ описаніемъ... У насъ на это есть инструкція, сказано—не дожидаться ни станового ни что̀... Что̀ дѣлать? и радъ бы,—придется!..

И повѣрьте, что пойдетъ, опишетъ и предоставитъ. Кромѣ земли, у крестьянина есть лишняя овца, лишняя телушка... Вотъ онѣ-то и отвѣтятъ. И вѣдь всѣ понимаютъ дѣло отлично, вѣрно—и все-таки продолжаютъ поступать безъ всякаго «послабленія».

Глядишь-глядишь на все это, и такъ-то тяжко становится на душѣ...

5.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что жизнь, подъ безпрерывнымъ долговременнымъ вліяніемъ теоріи «гуманной безпощадности», не прошла безслѣдно для обывателей деревни. Есть у насъ умышленные «упорщики», неплательщики, не покоряющіеся требованіямъ осаждающихъ, не желающіе остаться довольными рѣшеніемъ волостного суда о наказаніи 20-ю ударами за неплатежъ податей—участь большинства отхожей молодежи, но въ общемъ такіе люди значатъ мало и деморализующаго впечатлѣнія не производятъ. У насъ, въ Слѣпомъ-Литвинѣ, можно указать только на двухъ такого рода упорщиковъ.

Одинъ изъ нихъ — старый старикъ, остатокъ стараго крѣпостного права, человѣкъ, ропщущій на новые порядки, на то, что волю дали, дали волю всѣмъ: мужикамъ судить своего брата, молодымъ ребятамъ курить табакъ и т. д. Но ожесточеніе этого человѣка очень легко объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ старъ, ветхъ, что никакимъ образомъ по закону его невозможно высѣчь... Все его ожесточеніе выражается только въ томъ, что онъ кобенится платить деньги до послѣдней возможности. «Погодишь!»—говоритъ онъ старостѣ, и староста годитъ, потому что знаетъ стариковскій нравъ и потому, что нѣтъ въ деревнѣ человѣка, который бы не приходился старику родней. Кромѣ того, семья старика—самая большая въ деревнѣ и самая состоятельная; старикъ и права-то ужъ не имѣлъ бы распоряжаться дѣлами этой семьи, но уступить этого права онъ не хочетъ, отбираетъ отъ дѣтей деньги и держитъ ихъ въ повиновеніи капиталомъ, которымъ по смерти облагодѣтельствуетъ всю семью. Уваженіе къ этому капиталу сильно и во властяхъ предержащихъ (я говорю о сельскихъ); и вотъ почему старикъ можетъ кобениться и оттягивать деньги до послѣдней возможности. «Попробуй-ка, коснись!..»—ставитъ онъ на видъ всѣмъ и каждому, подразумѣвая подъ словомъ «коснись» — розги. Въ концѣ концовъ, онъ все-таки, съ ругательствами: «подавись» и пр., платитъ деньги и уничтожаетъ такимъ образомъ всякій смыслъ своего упорства.

Другой упорщикъ,—также человѣкъ, не производящій на слѣпинцевъ никакого вреднаго впечатлѣнія, — синильщикъ Петръ. Это человѣкъ озлобленный и для слѣпинцевъ не-

симпатичный. За поддѣлку пятака серебромъ онъ высидѣлъ 6 лѣтъ въ острогѣ, и общество, вновь принявши его, смотритъ на него съ нѣкоторою боязнью: человѣку такому ничего не стоитъ, думаетъ оно, поджечь деревню, разорить всѣхъ до тла; слава Богу, сидѣлъ въ острогѣ — не велика бѣда и еще посидѣть. Общество не позволяетъ ему даже выстроить избу, а постановило, что если онъ хочетъ жить въ Слѣпомъ-Литвинѣ и заниматься красильнымъ мастерствомъ, то обязанъ жить на квартирѣ, т.-е. находиться постоянно подъ наблюденіемъ посторонняго глаза. Негодуя отъ всей души на свое положеніе, Петръ старается пользоваться имъ, поддерживая грубостью со всѣми убѣжденіе въ своей жестокости. Съ этимъ человѣкомъ разговоры о податяхъ обыкновенно ни къ какимъ существеннымъ результатамъ не приводятъ.

— Ты что-жъ денегъ-то не несешь!—мимоходомъ адресуется къ Петру староста.

— Какихъ денегъ?—ощетинившись и сверкнувъ глазами, не говоритъ, а рычитъ Петръ. Онъ стоитъ на крыльцѣ съ какимъ-то синимъ ведромъ и при словахъ: «какихъ денегъ»—дѣлаетъ этимъ ведромъ такой жестъ, что староста отступаетъ нѣсколько шаговъ назадъ.

— Какихъ тебѣ денегъ?—повторяетъ Петръ, относя руку съ ведромъ назадъ и двинувшись впередъ на одинъ большой шагъ.

— Казенныхъ денегъ!—тоже оретъ, отступая однако, староста.

— Чево-о?

— Денегъ! вотъ чего! Слышишь, ай нѣтъ?

— Ты чего горло-то дерешь?

— Ты деньги-то неси, вотъ что!

— Горло-то ты чего, говорю, дерешь?

— Я говорю—деньги подавай!

— Какія?

— Такія!

— Какія деньги?

— Тьфу, ты, острожная твоя душа! — произноситъ староста и торопливо идетъ прочь.

Петръ нѣкоторое время молча смотритъ ему вслѣдъ, сверкая глазами, затѣмъ съ озлобленіемъ выплескиваетъ изъ ведра синія помои и побѣдителемъ уходитъ въ свою хибару.

Такого рода неплательщики никоимъ образомъ не могутъ

поколебать въ обыкновенномъ слѣпинскомъ обывателѣ, обыкновенномъ сѣромъ мужикѣ, полнѣйшую, безграничнѣйшую увѣренность въ томъ, что нести деньги «надо». Иванъ Аѳанасьевъ, съ которымъ читатель знакомъ по предшествовавшему отрывку, — образецъ такой упорной вѣры въ «надо». Наслушавшись рѣчей старосты, познакомившись, благодаря ему, съ настоящимъ положеніемъ слѣпинскихъ платежныхъ силъ, я завелъ съ нимъ рѣчь по этому предмету при первомъ же свиданіи.

— Ну, какъ подати, Иванъ Аѳанасьичъ?

— Надоть!

Иванъ Аѳанасьичъ вздохнулъ.

— Чѣмъ же вы отдадите?

— Какъ-нибудь, по силѣ возможности!

И, помолчавъ, прибавилъ:

— Надоть!..

6.

Не знаю, въ какой отдѣлъ моего мужицкаго обозрѣнія дѣвать маленькій деревенскій эпизодъ, которымъ ознаменовались первые осенніе дни въ Слѣпомъ-Литвинѣ, или, вѣрнѣе, первый куль новаго хлѣба.

Была темная, дождливая осенняя ночь; неумолчно и обильно лилъ дождь, при порывахъ вѣтра начинавшій «сѣчь» въ окна и шаркать по крышѣ... Вся деревня давнымъ-давно спала мертвымъ сномъ; былъ ужъ второй часъ ночи, пора самая глухая, непробудная: ни одного живого человѣка не встрѣтишь на ста верстахъ кругомъ. Въ такую-то пору сидѣлъ я за книгой. Какой-то стонъ и оханье подъ окномъ остановили меня.—«О-о-о-о!..», «О-о-о-о!..»—слышалось мнѣ, когда я прислонился къ стеклу окна...

— Мих-хайла-а! — изо всей мочи, напрягая послѣднія истомленныя силы, прокричалъ стонущій человѣкъ и опять устало заохалъ.

— Кто тутъ?—пріотворивъ окно, спросилъ я.

— Охъ, родимый, мальчишку ищу... съ отцомъ поѣхалъ—ни отца ни мальчишки... И что сталось!.. о-охъ-охъ-охъ!

Это была женщина.

— Куда ѣздилъ-то онъ?

— На мельницу, родной,—мололъ.

— Ты была на мельницѣ-то?

— Была, была... нѣтути, уѣхали, да вишь... до дожжа... Хожу, ищу съ коихъ поръ... Видно, что̀ недоброе случилось.

— Теперь ничего не найдешь, темно!

— О-охъ, не найду!..

Этотъ разговоръ разбудилъ моихъ сожителей, которые кое-какъ уговорили женщину переночевать въ кухнѣ или погодить до свѣту. Измученная, она было-согласилась, вошла въ кухню, присѣла, охая и стеная, но не осталась, несмотря ни на что...—«Не дома ли?—твердила.—Можетъ, и дома... Куда имъ дѣться? Некуда... Нѣтъ, недоброе... Охъ, худое, худое...» И наконецъ таки-ушла.—«Михайла-а...»—слышался ея голосъ, издалека доносимый вѣтромъ.

Чѣмъ свѣтъ, по̀ деревнѣ разнеслась недобрая вѣсть: на разсвѣтѣ крестьянка нашла своихъ, но въ какомъ видѣ! Мужъ валялся на полѣ, верстъ за десять, и спалъ пьяный; въ сторонѣ отъ него паслась высвободившаяся изъ упряжи лошадь, а подъ телѣгой и подъ мѣшками съ новой мукой лежалъ мертвый мальчикъ...

Какъ случилось это несчастіе? Никто путемъ разсказать не могъ. Разбуженный отецъ только съ ужасомъ таращилъ глаза и меньше всѣхъ зналъ, что̀ такое съ нимъ случилось. Онъ помнилъ только, что вчера поѣхалъ на мельницу, что взялъ съ собою шестилѣтняго сынишку (все человѣкъ: подержитъ лошадь, сумѣетъ сказать «тпру» въ то время, когда отецъ будетъ на мельницѣ). Помнитъ, какъ онъ радовался, таская мѣшки новой мукѝ... Помнитъ, какъ подъѣхали дядя Егоръ да дядя Пахомъ; ѣхали они со станціи и везли ведро хорошаго вина.—«Ай новина?»—спросилъ Егоръ.—«Она самая!.. Никакъ вино везешь?»—«Вино!»—«Дай стаканчикъ, я тебѣ новинки отсыплю».—«Что̀ отсыпать, давай мѣшокъ-то—пей!»—«Такъ ужъ тогда давай всей компаніей выпьемъ, новину обмоемъ...» Выпили по стаканчику, по другому, по третьему... «а тутъ и не помню». Не помнитъ также ничего и дядя Егоръ, и дядя Пахомъ тоже чуть-чуть что-то домекаетъ... Помнится ему, быдто мальчишки и не было въ телѣгѣ...—«Ежели-бъ былъ, авось бы замѣтили, не ввалились бы въ телѣгу цѣлой гурьбой пѣсни пѣть...»—«Господи помилуй! ужъ неужто мы не видали его, да навалились и задавили?.. Царица Небесная!»—«Да не спалъ ли мальчикъ-отъ?»—«Спалъ, спалъ и есть!»—вспоминаетъ отецъ.—«Какъ же это, Господи?»—«Вино-то дюже забрало!.. Вино хорошее, вино, надо ска-

зать прямо, первый сортъ!» — «Много-ль ты его выпилъ-то?..»—«Да Господь его знаетъ... дядя Егоръ ни бутыли ни муки не привезъ, да и то очутился вмѣстѣ съ телѣгой невѣдомо гдѣ...»

Идутъ толки, разспросы, но никто путемъ не знаетъ, какъ случилось это несчастіе. Кто и когда свалился изъ телѣги, какъ, кто и гдѣ очутился? Раздавили ли мальчика люди, или мѣшки и телѣга? Всякій помнитъ только стаканчики, а потомъ ничего и не помнитъ—потому вино дюже хорошо попалось. А мальчикъ лежитъ мертвый на лавкѣ, и бѣлымъ холстомъ покрыты его изуродованные члены... Вчера онъ еще бѣгалъ, игралъ въ лошадки, въ воровъ, т.-е. ловилъ вора, велъ его въ арестантскую, кричалъ: «отдай деньги!», а теперь вотъ — мертвый... Какъ? за что? Сразу, Богъ знаетъ за что, Богъ знаетъ почему, свалилась на людей бѣда, истинная деревенская бѣда, которая бьетъ, какъ громъ, никому ничего не объясняя. И пришибленъ человѣкъ, да какъ пришибленъ! Разбита, какъ дерево молніей, мать, ошеломленъ и въ глубинѣ своей совѣсти заклейменъ ощущеніемъ ужаснаго преступленія отецъ, простой, сѣрый, работящій мужикъ. Есть ли какая-нибудь возможность распутаться, разобрать что-нибудь въ этомъ глубокомъ несчастіи всему этому несчастному народу?.. Облегчитъ ли кто-нибудь эту безконечную боль матери, непостигаемый ужасъ отца? «Вино дюже крѣпко!»—можетъ только сообразить этотъ несчастный человѣкъ во всей массѣ нахлынувшаго на него горя.

Цѣлый день надо всей деревней, не говоря о семьѣ маленькаго покойнаго, висѣло ощущеніе неразгаданнаго несчастія, которое всякому говорило, что есть надъ всѣми что-то безпощадное, что̀ можетъ грянуть на насъ невѣдомо когда и разнести вдребезги.

Наконецъ пронеслась вѣсть:—«Становой!»

И всѣмъ стало легче... Хоть кто-нибудь покончитъ съ этимъ тяжелымъ недоумѣніемъ. Такъ, самъ по себѣ, только будешь думать и мучиться, мучиться и думать, и все-таки ничего, ровно ничего не придумаешь. Становой взялъ листъ бумаги и написалъ протоколъ, въ которомъ была смерть отъ задавленія телѣгой. Понятые подписались и разошлись по домамъ. Дѣло конченное. Далѣе мыслей начальства не приходится распускать темныя мысли мужицкія—не къ чему...

Мальчишку зарыли; и вотъ изъ деревенской дѣвушки,

изъ деревенской молодухи образовалась деревенская женщина съ разбитой грудью, съ угнетеннымъ выраженіемъ лица и съ сознаніемъ, что нѣтъ на свѣтѣ ничего, кромѣ муки мученской... А изъ парня и работящаго отца вышелъ мужикъ, молчаливый въ полѣ, молчаливый дома, снимающій молча шапку передъ каждымъ тарантасомъ и издали сворачивающій съ дороги въ грязь, въ лужу отъ всякаго встрѣчнаго: всякій встрѣчный лучше его, всякій имѣетъ право идти по дорогѣ, тогда какъ онъ сѣрый мужикъ— «суконное рыло»!

7.

При всеобщей заботѣ о податяхъ, крестьяне невольно должны обращать особенное вниманіе на всякое явленіе, въ глубинѣ котораго скрываются деньги. Въ виду этого слѣпинскіе жители съ особеннымъ интересомъ ожидали пріѣзда врача воспитательнаго дома, чтобы разузнать, когда имъ будутъ выданы свидѣтельства на полученіе 10 руб. за послѣднюю треть года. Свидѣтельства за предшествующую треть года были заложены давнымъ-давно и забраны— у кого въ лавкѣ мукой, солью, у кого, съ уступкой, конечно,—отданы ростовщикамъ. Эти новыя свидѣтельства, деньги по которымъ получаютъ въ концѣ трети, ожидаемы были также для немедленнаго залога въ лавку или ростовщикамъ...

Въ первыхъ числахъ сентября неожиданно пріѣхалъ докторъ и остановился у меня, такъ какъ въ нанимаемомъ мною домѣ — онъ узналъ отъ лавочника — есть большая, удобная комната. Никогда или, по крайней мѣрѣ, очень, очень много лѣтъ не видалъ я такого олицетворенія русскаго чиновническаго типа. Поставленный въ необходимость исполнять неисполнимое (возможно ли что-нибудь сдѣлать одному человѣку, съ аптечкой въ полторы квадратныхъ четверти, для нѣсколькихъ сотъ дѣтей, разбросанныхъ на громадномъ пространствѣ цѣлаго уѣзда), этотъ человѣкъ, какъ и всякій русскій чиновникъ, не имѣющій силы оторваться отъ жалованья, создалъ изъ своего дѣла нѣчто поистинѣ національное, т.-е. дѣла онъ не дѣлалъ, потому что не могъ, но безпрерывно мучился (или показывалъ видъ, что мучается) и мучилъ окружающихъ, под-

властныхъ ему людей, запутывалъ себя и другихъ въ какой-то паутинѣ всякихъ вздоровъ, запутывая до помраченія ума и самъ уставая при этомъ до того, что у него «пересыхало горло», и до обычной фразы въ концѣ концовъ:

— «Вотъ наша собачья жизнь! Если бы не семейство» и т. д...

Битыхъ два часа этотъ «служащій» человѣкъ оралъ на собравшихся по его призыву бабъ съ ребятами, не сказавъ имъ ни единаго слова дѣла, потому что такія слова не привели бы ровно ни къ чему.

— Да ты говори путемъ!—часто слышалась бабья рѣчь во время его монологовъ.

— Я вамъ двадцать тысячъ разъ говорилъ... довольно съ меня!.. У меня и такъ голова посѣдѣла отъ вашего безобразія!.. Свиньи вы!—вотъ я вамъ что̀ скажу разъ навсегда. Если бы вы какъ слѣдуетъ исполняли то, что̀ вамъ приказываютъ, тогда дѣло было бы другое...

— Кажись, мы стараемся...

— «Кажись»!.. Вамъ все, дуракамъ, «кажись»!.. А вотъ какъ напишу ревизору, тогда и узнаешь Кузькину мать. «Кажись»!.. Ты что̀?

— Третій мѣсяцъ пошелъ.

— Кто ты такая?

— Аксинья...

— Какая Аксинья?

— Маркова!..—заговорило нѣсколько голосовъ.

— Что-жъ тебѣ нужно?

— Билетикъ бы...

— Какой билетикъ? За что? Откуда?.. Что̀ она такое говоритъ?

Баба молчитъ.

— Что̀ у ней языкъ, что-ль, отнялся?

— Она отъ Марьи ребенка приняла... Третій мѣсяцъ держитъ задаромъ, проситъ билетъ на осень...

— Какъ она смѣла взять безъ позволенія?

— Тамъ прописано въ билетѣ...

— Въ какомъ билетѣ?

— А въ Марьиномъ.

— Что̀ это значитъ—«въ Марьиномъ»? Что̀ такое прописано? Тебѣ пропишутъ порку, а ты пойдешь ко мнѣ? Вамъ будутъ тамъ прописывать, а я тутъ съ вами толкуй? Нѣтъ ужъ, покорно благодарю!.. Довольно съ меня и того...

И такъ далѣе, все въ томъ же родѣ.

Этому человѣку необходимо было терзаться самому и терзать другихъ по цѣлымъ часамъ, прежде нежели онъ отливалъ въ пузырьки бабъ нѣсколько капель ревеню или прежде нежели объявлялъ какой-нибудь Аксиньѣ, что она не получитъ за три мѣсяца ни копейки, такъ какъ въ билетѣ именно это и прописано, и ничего другого тамъ нѣтъ и не было. Пробушевавъ нѣсколько часовъ, намучившись и намучивъ другихъ, нажаловавшись на начальство, на свою каторжную жизнь, похвалившись своими благодѣяніями, своими хлопотами, врачъ наконецъ уплелся въ сосѣднюю деревню, оставивъ бабъ въ недоумѣніи. Точно кто-то взялъ каждую за шиворотъ, ни съ того ни съ другого наоралъ, растрепалъ, оглушилъ и выпихнулъ невѣсть куда.

По отъѣздѣ доктора между бабами произошелъ (когда онѣ очнулись) разговоръ, давшій мнѣ возможность внести въ мой дневникъ нѣсколько словъ, касающихся деревенской педагогіи.

Бабы кучей стояли подъ моимъ окномъ и нѣкоторое время были въ полномъ оцѣпенѣніи.

Наконецъ Аксинья Маркова очнулась и произнесла:

— Тоже билеты даютъ... а кто ихъ тамъ разберетъ, прости, Господи...

— Ты бы писарю дала прочитать-то...

— Да читали ужъ... Хоть читай, хоть нѣтъ, ишь, онъ... ровно цѣпная собака!

— То-то читали. Кто читалъ-то?

— Да Ѳедюшка Корзухинъ читалъ...

— Нашла кому!.. Что̀ мальчишка знаетъ?

— Вѣдь небось учутъ ихъ. Шутъ ихъ знаетъ, чему ихъ тамъ учутъ-то...

— На-ашла!.. Вотъ тебѣ и начиталъ на шею...

— Да что̀ мнѣ? Пойду да швырну его (ребенка) Марьѣ, пущай беретъ назадъ, а мнѣ отдастъ за три мѣсяца... Шутъ съ ней!

— И то-о!.. Богъ съ нимъ совсѣмъ... Что̀ она? Нешто такъ дѣлаютъ? Кабы свой бы...

Долго бабы тараторили о своихъ бѣдахъ, наконецъ ушли. Меня заинтересовалъ Ѳедюшка Корзухинъ, котораго я зналъ. Это—мальчикъ лѣтъ 13-ти и, какъ мнѣ казалось,

умный, грамотный. Отецъ его хвалился даже, что «хошь самъ отъ безграмотства пропадаю, ну, только ужъ сынишку произведу...» И вотъ такой-то Ѳедюшка повергъ бабу въ большое горе именно своей безграмотностью.

При первой встрѣчѣ я спросилъ его:

— Это ты, что-ль, Аксиньѣ билетъ-то Марьинъ читалъ?

— Мы.

— Ты что̀ ей тамъ прочиталъ-то?

— Что̀ писано.

— Нѣтъ не то, что̀ писано.

Я разсказалъ ему всю исторію. Оказалось, впрочемъ, что и отецъ и Аксинья уже намылили ему голову.

— Какъ же это ты?

— Я читалъ... все...

— Какъ же ты не понялъ, что̀ написано? Развѣ тамъ много напечатано?

— Нѣ... не много...

— И ты не понялъ?

— Нѣ...

— Долго ли ты учился?

— Три зимы...

— Плохо, братъ!

Мы разстались.

Подъ впечатлѣніемъ этого разговора иду къ учителю, съ которымъ я былъ уже давно знакомъ.

По случаю лѣтняго времени учитель перебрался изъ маленькихъ комнатъ своей квартиры при училищѣ въ большую классную комнату. Я засталъ его за такимъ занятіемъ: онъ ходилъ на четвереньках по какой-то разноцвѣтной, какъ мнѣ показалось, простынѣ и былъ окруженъ чашками съ клеемъ, обрѣзками разноцвѣтной бумаги, тряпками и проч.

— Что̀ это вы такое дѣлаете?

— Вотъ вензель... «А»—видите... Акимъ Иванычу въ день ангела.

— Что̀ это вы все Акимъ Иванычу да Акимъ Иванычу?

— Нельзя... Хорошій человѣкъ—разъ, а, во-вторыхъ—членъ. А я вѣдь еще землемѣріемъ занимаюсь при съѣздѣ въ лѣтнее-то время; онъ—мой начальникъ, вотъ я и желаю ему...

Учитель шмыгнулъ ладонью по носу, полюбовался буквою А, почти уже написанной на простынѣ, и продолжалъ:

— Видите, какой у меня планъ... Я взялъ за женой въ

деревнѣ Болтушкинѣ два дома. Теперь они отдаются за безцѣнокъ, вотъ я и хочу перейти туда. Тогда у меня въ одномъ домѣ школа, въ другомъ верхъ—самъ займу, а низъ—подъ кабакъ сдамъ. Огороды свои. Видите? Жалованье то же, что̀ и тутъ, а поглядите-ка-сь, сколько расчету-то... Ну, а Акимъ-то Иванычъ меня не пускаетъ, потому я хоромъ здѣсь дирижирую... не хочетъ пустить... Говоритъ: «тогда отъ съѣзда откажемъ». Ну, вотъ я ему и хочу сюрпризикъ... Хе-хе-хе... авось!

Добродушно радовался учитель своей штукѣ и своему плану, и долго потомъ расписывалъ мнѣ, сколько у него останется лишку, если онъ перейдетъ въ Болтушкино.

— Капуста, напримѣръ, или рѣпа, морковь тамъ, то-есть все, все, все, все—свое!..

Говорилъ онъ съ восторгомъ, поводя рукой, какъ бы обозначая какіе-то широчайшіе горизонты, переполненные рѣпой, морковью, всѣмъ, всѣмъ...

Долго мы толковали на эту тему; наконецъ, уходя, я сказалъ учителю:

— А вотъ вашъ одинъ ученикъ какую штуку отмочилъ...

И разсказалъ ему исторію о Ѳедюшкѣ, который, учась три года, не могъ понять прочитаннаго.

— Э, батюшка,—добродушно проговорилъ учитель:—хотите вы отъ нихъ!.. Подите-ка, обломайте ихъ, чтобъ они понимали-то... И-и!.. Всѣхъ дураковъ не переучишь! Слава Богу, хоть на экзаменахъ-то не срамятъ... И этого-то, подите-ка, добейтесь отъ нихъ... Провалятъ разъ-другой—и остался безъ хлѣба!.. Хоть на экзаменахъ-то выручаютъ—и то спасибо, а вы тамъ... Посмотрите-ка, какъ наѣдутъ къ намъ изъ города надзиратели, да смотрители, да попечители, да какъ начнутъ загвазживать разные вопросы, одинъ хитрѣй другого, такъ тутъ только держись за «грядки», точно на перекладной мчатъ...—«Что̀ такое Святой Духъ?»—«Почему заутреня раньше обѣдни?»—то-есть не приведи Богъ! «Что̀ такое Святой Духъ»! Позвольте узнать—что̀ такое? Скажи: третье лицо Святыя Троицы—это имъ мало! Надо и имъ чѣмъ-нибудь отличиться—недаромъ они ревизоры. Озадачить нашего брата для нихъ первое удовольствіе... Ну, и налаживаешь ребятъ на этакіе фокусы...

— И отвѣчаютъ?

— У меня-то? Поп-пробуй-ка у меня!.. Ужъ ежели я *самъ* кого вызову—ужъ тотъ отвѣтитъ... Конечно, со всѣми не сладишь; гдѣ этакую ораву оболванить одному: вѣдь

это нешто люди?—дрова, полѣнья... больше ничего! Ну, а ужъ будьте покойны. Мнѣ нельзя какъ-нибудь: у меня, батюшка, семья на плечахъ!

8.

Возвращаюсь къ повѣствованію о такихъ явленіяхъ осенних дней, въ которыхъ какую-нибудь роль играютъ деньги Къ сожалѣнію моему, такихъ явленій съ «деньгами» въ настоящую минуту въ деревнѣ крайне мало. Настоящая осень съ охотами и наѣздами господъ не начиналась, а другихъ маломальски опредѣленныхъ или навѣрное ожидаемыхъ подспорій что-то не видать. Впрочемъ, какъ ни странно это покажется, но къ числу такихъ подспорій можно до нѣкоторой степени причислить и войну, не въ тѣхъ, конечно, видахъ и формахъ, въ которыхъ она является предъ столичнымъ читателемъ, а въ тѣхъ, въ какихъ доходитъ она до деревенскаго мужика. Уже было говорено, что всякое мѣропріятіе, или столичная реформа, или столичная идея, дойдя до деревни, превращается въ простое требованіе денегъ. Въ формѣ требованій то людей, то подводъ, то лошадей приходитъ въ деревню и война; но, уводя людей, она аккуратно и хорошо платитъ за скотину. Не одинъ изъ слѣпинскихъ мужиковъ спряталъ сотенную бумажку благодаря конской повинности, и есть такіе, кому выпалъ на долю барышъ.

Здѣсь слѣдовало бы закончить этотъ отрывокъ изъ деревенскаго дневника, такъ какъ осенніе дни не дали до сей минуты еще ничего достойнаго быть отмѣченнымъ, если бы, опять-таки невѣдомо откуда, изъ-подъ совершенно опредѣленнаго факта конской повинности не вылѣзалъ на мои глаза цѣпляющійся за него фактъ неопредѣленной, темной глубины самаго дна деревенской жизни... Именно: у старосты Михаила Петрова (съ которымъ читатель познакомился въ началѣ этого отрывка), у этого умнаго, знающаго деревенскую подноготную человѣка, забраковали на пріемѣ лошадь. Михаилъ Петровъ огорчился; онъ уже намѣтилъ хорошенькую лошадку и норовилъ пріобрѣсть ее на тѣ деньги, которыя бы пришлось получить ему съ ремонтера. Лошадь подходила подъ мѣрку, а между тѣмъ операція не удалась только потому, что холка у этой лошади была на-

терта въ одномъ мѣстѣ. Негодуя на эту холку, Михаилъ Петровъ вспомнилъ, что натертое мѣсто не зарастаетъ у лошади уже третій годъ, сталъ размышлять о причинѣ такой странности... Не размышлять же обстоятельно о натертой холкѣ онъ не могъ потому, что она лишила его денегъ (денегъ!) и разстроила планы. И невѣдомо изъ какой тьмы-темъ его осѣнило воспоминаніе о томъ, что лошадь эта куплена, три года тому назадъ, у того самаго Петра-синильщика, съ которымъ читатель также познакомился въ этомъ отрывкѣ.

«А вѣдь что-нибудь это значитъ», — подумалъ Михаилъ Петровичъ и немедленно же вспомнилъ, что годъ тому назадъ волкъ зарѣзалъ у одного крестьянина корову, купленную также у Петра... Что-нибудь это не такъ! Вѣдь заживаютъ же холки у другихъ лошадей, вѣдь въ одно лѣто зарастаютъ такъ, какъ будто и натерто не было!—недоумѣвалъ онъ. И потомъ, отчего волкъ не зарѣзалъ коровы, покуда она стояла на дворѣ у Петра, а сдѣлалъ это тотчасъ, въ тотъ же день, какъ попала къ другому хозяину?

Очевидно, что отъ Петра идетъ какое-то зло: тамъ зарѣзана корова, тутъ не приняли лошадь,—вездѣ убытокъ, и все отъ Петра. Есть въ немъ что-то худое, недоброе; недаромъ онъ сидѣлъ въ острогѣ и золъ на деревню, и норовитъ пустить краснаго пѣтуха... Два такіе убытка, и все отъ Петра, представлялись Михаилу Петрову основательнѣйшими доводами въ пользу того, что у Петра, или въ Петрѣ, или около Петра что-то нечисто... темно и недобро... Свернуть съ пути такихъ подозрительныхъ мыслей Михаилъ Петровъ не имѣлъ возможности, потому что ежеминутно его мучила мысль объ убыткѣ, о забракованіи лошади, ежеминутно онъ долженъ былъ думать о томъ, что вся бѣда въ холкѣ, а отъ холки мысль переносилась на Петра, на то, что это—подозрительный человѣкъ, что это—острожникъ, а тамъ само собой припоминалась корова, а отъ коровы опять къ забраковкѣ и т. д. Петръ невольно становился, въ воображеніи практическаго, «понимающаго» Михаила Петрова, центромъ, вокругъ котораго вращались мысли о неудачѣ, объ убыткѣ, о разрушенныхъ надеждахъ... И фигура Петра — темная и безъ того почти никѣмъ достаточно не понимаемая—становилась еще непонятнѣе и темнѣй... Не прямое представленіе чорта, а что-то близко подходящее къ нечистой силѣ, къ чему-то таинственному и

злому, незамѣтно присоединилось къ личности Петра въ воображеніи Михаила Петрова.

— А что̀, староста,—сказалъ ему вечеромъ несчастнаго дня одинъ изъ деревенскихъ мужиковъ:—что̀ я хочу у тебя спросить... Петруха вотъ синильщикъ проситъ у меня на задворкахъ хатенку поставить... Какъ по-твоему: дозволено ли по закону его пустить?..

Михаилъ Петровъ помалчивалъ, кряхтѣлъ.

— По три серебра сулится платить за годъ... Все—деньги... А мнѣ что-жъ? Мѣсто не украдетъ...

— Н-не знаю!.. — таинственно сказалъ Михаилъ Петровъ.—Пустить — отчего не пустить; дѣло это мірское... а только что...

Староста покачалъ головой и прибавилъ:

— Человѣкъ-то онъ... не того... что-то быдто... нечистоватъ!

— Неужто-жъ онъ худое что̀ думаетъ? Чай, и на немъ крестъ есть?.. Я же ему ублаготвореніе дѣлаю; неужто-жъ онъ мнѣ-то ужъ что-нибудь?.. Вѣдь тоже побился на своемъ вѣку, должо̀нъ оцѣнить, что даю ему упокой... Вѣдь и онъ крещеный человѣкъ-то?

— Такъ-то такъ... да не очень-то, говорю, вокругъ его благополучно. Такъ мнѣ вотъ быдто думается... А впрочемъ...

— Али что-нибудь?

— Да вотъ, примѣрно, хоть это ка̀къ по-твоему будетъ?

И Михаилъ Петровъ разсказалъ по холку.

— Вѣдь три года—это, братецъ ты мой, тоже надо подумать!.. Опять вотъ у Мирона съ коровой...

И съ коровой исторію разсказалъ Михаилъ Петровъ.

— Вѣдь ужъ что-нибудь же да означаетъ это?—философскимъ тономъ продолжалъ Михаилъ Петровъ, видимо, стараясь самъ проникнуть въ самую глубину тайны:—вѣдь ужъ есть же что-нибудь?

Мужикъ слушалъ и задумался.

— Не хомутъ ли?—робко возразилъ онъ.

— Хомутъ! А отчего-жъ у другихъ и хомутъ натретъ, а все зарастаетъ? Отчего же тутъ-то тр-ри года, братецъ ты мой? Ну, пущай и хомутъ, а корову-то почему же такъ? Вѣдь покуда у Петра была—ничего, а какъ только вотъ къ Мирону... Н-нѣтъ, тутъ не очень чисто!

Задумавшійся мужикъ, не угнетаемый такъ сильно мыслью объ убыткѣ, какъ былъ угнетенъ староста, пробо-

валъ-было возразить, что и съ коровой, можетъ, такъ «случаемъ» вышло, но Михаилъ Петровъ опять затуманилъ его, говоря:

— Случаемъ!.. Ну, пущай такъ! Ну, а холка-то почему-жъ?—вѣдь три года...

Тайна не только не выяснялась, но дѣлалась еще таинственнѣе и запутаннѣе, тьма еще темнѣе... Оба — и Михаилъ Петровъ и мужикъ—чувствовали, что разобрать все это невозможно, и знали одно, что тутъ, въ этой тьмѣ, главное дѣйствующее лицо все-таки тотъ же Петръ.

— Вотъ тоже,—крѣпко подумавъ, робко произнесъ мужикъ:—у Андреяна... Тоже Петръ... стало-быть, купилъ онъ, Петра-то, у Андреяна овцу, а Андреяна лошадь пала... послѣ того...

— Ишь ты вотъ! — воскликнулъ Михаилъ Петровъ.— Именно говорю тебѣ—не чисто!.. Вотъ погляди! Ужъ что-же-нибудь есть въ эфтомъ случаѣ, что вредъ одинъ отъ него—и больше ничего... Какъ хочешь! По мнѣ все одно, я препятствовать не буду: хочешь—отдавай мѣсто, хочешь— нѣтъ, а что есть тутъ худое—ужъ это помни ты мое слово!.. Чуетъ мое сердце, что не безъ этого... А по мнѣ—какъ хошь...

И мужикъ и староста чуяли, что все это, можетъ-быть, и не такъ. Но никакъ не могли рѣшить: значатъ ли что-нибудь всѣ эти холки, коровы и овцы, или же ничего не значатъ.

«А ну какъ что-нибудь въ самомъ дѣлѣ?» — думалось имъ,—и отвѣта не имѣлось никакого...

— Что-жъ, Кузьмичъ?—спросилъ Петръ крестьянина, у котораго на задворкахъ думалъ поселиться. — Сладили мы съ тобой дѣло-то, али нѣтъ?..

— Надо-быть, не выйдетъ, Петръ Микитичъ.

— Что-жъ такъ?

— Да такъ, не подходитъ дѣло!

— Чего не подходитъ-то?

— Да все что-то быдто не того...

— Ты толкомъ говори: чего не подходитъ? чего ты косишься-то?

— Чего мнѣ коситься...

— Такъ чего-жъ ты рыло-то воротишь? Грабить, что ли, я тебя стану, въ самомъ дѣлѣ, за твою доброту-то? Что̀ ты, съ ума, что-ль, сшелъ?

Петръ совсѣмъ было-убѣдилъ Кузьмича въ безопасности

дать уголокъ бѣдному человѣку, но мысль о холкахъ, коровахъ, о томъ, что «а ну-ка это что-нибудь?»—вдругъ осѣнила его, и онъ торопливо и рѣшительно произнесъ:

— Нѣтъ, Микитичъ, не сойдемся!

— Отчего такъ?

— Это мое дѣло! Счастливо!

— Будь ты проклятъ, собака жадная, — проревѣлъ ему вслѣдъ Петръ, ожесточенный этимъ безсовѣстнымъ поступкомъ, въ объясненіе котораго Кузьмичъ не далъ Петру ничего, кромѣ въ высшей степени холоднаго, подозрительнаго, даже враждебнаго взгляда.

Очень можетъ-быть, что со временемъ Петръ и будетъ доведенъ до желанія отблагодарить своихъ односельчанъ чѣмъ-нибудь безумнымъ и дикимъ, чѣмъ-нибудь бѣдовымъ.

III.

Осеннія ночи.—Скука.—Кузнецъ.—Плутъ, а уменъ.—Разночинная голытьба.—Горькая участь. — Просвѣщенный мужикъ и его «ловкая» баба.—Опять мужикъ Иванъ Аѳанасьевъ пробуетъ «выбраться».

1.

Было часовъ восемь темнаго августовскаго вечера. Деревня затихала, гасили огни и собирались спать. Съ каждой минутой становилось все тише и тише: царство непробуднаго сна приближалось быстрыми шагами; еще часъ— и тогда «не добудишься», «не достучишься», «не докричишься». Въ такіе мертвые часы волки утаскиваютъ и рѣжутъ овецъ и коровъ—и никто не слышитъ рева и блеянья, узнавая о несчастіи только на другой день. Въ такіе часы никто не слышитъ, какъ кричитъ и мучается неожиданно начавшимися родами женщина; не видитъ, какъ она въ горячечномъ состояніи слѣзла съ печки, съ лавки, пошла сама не зная куда. Никто не поможетъ ей, не образумитъ ее, и она, полупомѣшанная, стеная и вскрикивая, шатается гдѣ-нибудь по грязному двору, невѣдомо какъ попадаетъ въ хлѣвъ, не помня себя родитъ ребенка, который иной разъ задыхается тутъ же въ грязи, иной разъ расшибаетъ голову о какое-нибудь бревно, иной разъ обращаетъ на себя вниманіе и аппетитъ какого-нибудь животнаго... На утро, разумѣется, ужасъ, зарываніе мертваго въ песочекъ; рядъ мучительныхъ дней, оканчивающихся уголовнымъ дѣломъ и тюрьмой, большей частью благодаря собакѣ или свиньѣ, которыя обыкновенно и дѣлаютъ открытія въ темную ночь зарытыхъ дѣтей... «Ничего не слыхали! Нѣтъ, крику не было, не слыхали что-то!»—показываютъ потомъ

на судѣ крѣпко спавшіе сожители или родственники подсудимой. И въ самомъ дѣлѣ, день-денской намаявшись, умѣютъ крѣпко спать деревенскіе жители; одни спятъ «какъ убитые», другіе «какъ мертвые», третьи говорятъ: «заснулъ, братецъ ты мой, какъ ко дну пошелъ»; а есть и такіе, что̀ спятъ «какъ зарѣзанные».

Огни погасли. Вонъ побродилъ зачѣмъ-то по комнатамъ со свѣчкой въ рукахъ лавочникъ и задулъ огонь. Теперь чуть теплится свѣтлая точка въ господскомъ домѣ, да въ волостномъ правленіи догораетъ огонекъ... Писарь съ помощникомъ, во всю мочь выспавшіеся послѣ обѣда, сидѣли на сырыхъ ступеняхъ крыльца, вспыхивая папиросами... Кто можетъ представить себѣ подавляющую силу этой «мертвой» тиши, этой «мертвой» тьмы, за которыми долженъ слѣдовать «мертвый» сонъ, тотъ пойметъ, что мысли человѣческой, имѣвшей къ тому же полное удовольствіе вовсе не дѣйствовать въ теченіе цѣлаго дня, въ такія мертвыя минуты нѣтъ никакой возможности воображать что-нибудь кромѣ представленія смертнаго часа. Человѣкъ, который не можетъ въ такія минуты спать (онъ ужъ послѣ обѣда выспался), долженъ чувствовать, какъ эта тьма, этотъ надвигающійся со всѣхъ сторонъ сонъ, горы сна, зарываютъ его, живого человѣка, въ могилу, а если не въ могилу, то въ какое-то такое мѣсто, гдѣ ничего не видать, ничего не слыхать, и гдѣ надобно перестать думать, гдѣ даже нельзя думать, если бы и хотѣлъ.

— Нѣтъ!—послѣ упорнаго молчанія и куренія, произнесъ довольно рѣшительно одинъ изъ собесѣдниковъ:—переведусь я отсюда, непремѣнно переведусь!

— Я самъ тоже уйду!..

— Чортъ съ ними!..

— Я самъ тоже не останусь... Чего тутъ?..—прибавилъ и молодой писарь.

— Какого чорта?—вызывающимъ голосомъ продолжалъ помощникъ, очевидно, придавленный пустыми днями и мертвыми ночами; но, какъ человѣкъ солидный, практическій, не могъ ограничиться въ доводахъ своему бѣгству отсюда однимъ только сознаніемъ пустоты и гнетущей тоски, не могъ удовольствоваться ощущеніемъ могилы, навѣваемымъ сномъ и тьмой, а долженъ былъ искать, самъ для себя, какого-нибудь болѣе существеннаго практическаго довода къ бѣгству...

— Что̀ мнѣ тутъ?—говорилъ онъ, разыскивая этотъ до-

водъ и оглядываясь въ непроницаемой темнотѣ: — что̀ я здѣсь? за какимъ чортомъ?..

Но темнота до такой степени осадила собесѣдниковъ, что какъ бы даже касалась щекъ, рукъ, точно это была какая-то особенная, черная, какъ уголь, и тяжелая масса. Вотъ почему помощникъ долгое время не могъ прибрать ничего путнаго въ объясненіе своего желанія и повторялъ:

— Чего я тутъ не видалъ? Слава Богу!.. точно свѣтъ клиномъ сошелся! Авось...

— Въ самомъ дѣлѣ!..—поддакивалъ писарь.

— Что̀ я тутъ? семь-то рублей, что ли? Такъ я въ Ендовѣ добуду восемь... коего дьявола?

Доводъ былъ найденъ: мало жалованья — вотъ главное, а вовсе не эта тьма и сонъ, похожій на смерть.

— Семь-то рублей!—продолжалъ философствовать помощникъ:—развѣ это деньги? Тамъ, въ Ендовѣ-то, по крайней мѣрѣ, все-таки большая дорога.

— Да вѣдь и здѣсь большая.

— Здѣсь! — здѣсь не дорога, а свинство одно. Развѣ такая дорога-то большая? Ты спроси сначала, а потомъ и говори. Настоящая дорога-то идетъ, какъ война воюетъ,— вотъ какая дорога; а это что̀? Почта только... Это чертовщина, а не дорога... Я тамъ однихъ писемъ на пятнадцать цѣлковыхъ накатаю въ мѣсяцъ-то, потому народъ, суета, а здѣсь что̀?

Долго разрисовывалъ помощникъ свои будущія благополучія, зная въ то же время, что все это только такъ, и никуда онъ не перейдетъ, покуда въ самомъ дѣлѣ не засохнетъ и не задохнется отъ тоски и однообразія, или не подвернется случай жениться, не подойдетъ какая-нибудь невѣдомая теперь, но хорошая «линія». И писарь зналъ, что все это вздоръ; но «доходъ», но «деньги» были столь уважительными у всей этой тьмы предметами, что никто не чувствовалъ себя глупымъ, позволяя себѣ фантазировать на этотъ счетъ. О деньгахъ, о доходахъ можно размечтаться, можно дозволить себѣ безнаказанно поврать даже—это ничего. А вотъ раздумывать о томъ, почему скука, почему «дѣло—не дѣло», раздумывать о томъ, какъ бы получше было жить на свѣтѣ, словомъ — размышлять и фантазировать, основываясь на своей внутренней, сердечной тоскѣ и заботѣ, вотъ это ужъ глупость и вздоръ, потому что тогда «всякій» такъ же начнетъ фантазировать, всякій полѣзетъ съ своими сердцами, а ужъ это Богъ вѣсть что̀.

2.

Торопливое чавканье чьихъ-то лаптей, послышавшееся въ темнотѣ, прервало фантазіи и разговоры двухъ хорошо выспавшихся людей.

— Кто тутъ?—радуясь живому существу, спросилъ темноту писарь.

— Бертище!..—весело и рѣзко отвѣчалъ голосъ изъ тьмы.

— А!..—обрадовались собесѣдники.

— Бертище,—продолжалъ голосъ, быстро приближаясь:—захотѣлъ винища, бѣжитъ въ кабачище, во второй, братцы писари, рразище. Какъ это вамъ покажется?

Тьма и сонъ и смерть огласились вдругъ радостнѣйшимъ смѣхомъ. Въ голосѣ «Бертища» было нѣчто до того смѣшное, комическое, что, кажется, самыя обыкновенныя слова, сказанныя имъ, непремѣнно бы возбудили веселое расположеніе духа и улыбку въ самомъ скучномъ человѣкѣ. Слышались въ немъ и беззаботность, и веселье, и насмѣшка, и симпатія, и почти юношеская веселость, хоть «Бертище» былъ старикъ пятидесяти лѣтъ. Это былъ маленькій, жилистый, проворный и нервный до послѣдней степени человѣкъ, съ широкимъ, смѣшнымъ утинымъ носомъ и проворными, крошечными, безцвѣтными глазами; человѣкъ, занимающійся кузнечнымъ мастерствомъ поденно — день тутъ, недѣлю тамъ, словомъ—сколько ему понравится и гдѣ понравится. Но гдѣ бы онъ ни пристроился, тотчасъ начинался смѣхъ и живой, остроумный крестьянскій разговоръ. Остроты, пѣсенки, анекдоты у него были «все свои», особенные, никѣмъ, нигдѣ, никогда не слыханные. И эти остроты и прибаутки сыпались градомъ въ то время, когда маленькія жилистыя руки Бертища проворно работали молоткомъ. И работалъ-то онъ, точно комедію представлялъ. Раскаливъ конецъ желѣзной полосы и выхвативъ его изъ горна, онъ, по дорогѣ къ наковальнѣ, непремѣнно испугаетъ бабу, ткнувъ огнемъ по направленію къ ней и прибавивъ, конечно, смѣшное, хотя и сальное словцо. Ожидая, пока разгораются въ горнѣ уголья, онъ попляшетъ и опять разскажетъ исторію или посмѣется надъ кѣмъ-нибудь. Выдалась среди жаркой работы коротенькая минутка передышки, Бертище не упуститъ ея, чтобы не хлопнуть водки второпяхъ, впопыхахъ, и все съ разными гримасами, прибаутками, позами. Неистощимый родникъ юмора, весе-

лости и наблюдательности таится въ этомъ человѣкѣ; но случайность среды не дала ничему развиться какъ слѣдуетъ, и талантливый человѣкъ этотъ осужденъ на то, чтобы выдѣлывать «колѣна», пить и, разумѣется, спиться съ кругу.

— Тебѣ не дадутъ теперь водки: запрещено,—сказалъ писарь.

— Мнѣ-то? Да ты знаешь, кто я такой?

— Кто?

— Я—Бертъ! Понимаешь это? Знаешь, въ Петербургѣ заводчикъ Бертъ, милліонеръ?

— Ну?

— Ну, это я и есть! Это вы только, глупые, необразованные люди, собачьи клички носите: Свиньинъ, да Болванскій, да Зайцевъ... Я, братъ, этого съ собой не позволю дѣлать... Я себя самъ произвелъ въ иностранцы.

— А твоя какъ фамилія-то настоящая?

— Кукушка! Ну что̀ это за названіе? Какая я кукушка? Я—человѣкъ: вѣдь это срамъ съ этакимъ именемъ... Нѣтъ, братъ, думаю, шалишь, не проведешь! Я-те дамъ кукушка... Бертъ! Объявилъ—и шабашъ... И въ Думѣ такъ сказалъ:— «Никакого, говорю, Кукушки нѣтъ, и билета съ Кукушкой не возьму!» Три цѣлковыхъ далъ; теперь пишутъ «Бертъ». Да какого чорта? Я по-кузнечному, и онъ, петербургскій-то Бертъ,—тоже по-кузнечному. Вотъ и произвелъ! А то Кукушка! Я тебя за эти слова... Ты что-жъ меня садиться не приглашаешь? Что̀ ты за дубина такая, что я долженъ стоять предъ тобой?

Что̀ ты, Аннушка, форсишь,
Да къ себѣ не пригла-с-спишь?
А чего ты коснишься...
Самъ ко мнѣ не просишься?..—

пропѣлъ Бертище, подплясывая въ грязи, и вскочилъ на крыльцо.

— Что̀ орете тутъ?—среди смѣха писарей послышался голосъ выступившей на крыльцо жены учителя.—Дѣтей перебудите...

— Милая моя мамочка!..—не давая сказать ей слова, заговорилъ Бертъ и въ риѳму сказалъ такое словцо, отъ котораго всѣ—и писаря и жена учителя—какъ говорится, «*сгорѣли со стыда*».

— Тьфу, ты, пьяница!—почти убѣгая, произнесла жена учителя.

— Ай не любишь?—сказалъ ей вслѣдъ кузнецъ.—Поди, я еще тебя попотчую.

Смѣхъ, охватившій писарей, былъ поистинѣ невообразимый. Они то закатывались до перхоты, до удушья, то, не выдержавъ и чуть не задохнувшись, оглашали тишину и тьму громовыми раскатами хохота. Бертъ также смѣялся и все прибавлялъ по словечку, благодаря чему по крайней мѣрѣ четверть часа никто изъ смѣявшихся не могъ придти въ себя. «О-охъ! о-охъ!»—стонали они, хватаясь за грудь, и вдругъ опять пускались хохотать, какъ помѣшанные.

— Уйди ты отсюда, балалайка безструнная!—кое-какъ опомнившись, сказалъ писарь:—измучилъ совсѣмъ.

— Я, братъ, и такъ скоро уйду! Оставайтесь одни, безъ меня, пьянствовать. Чортъ съ вами!

— Ты ужъ никакъ второй мѣсяцъ идешь, все ни съ мѣста.

— А ты вели стаканчики въ кабакахъ побольше давать!.. да! Какъ же я уйду-то? Меня, вонъ, на станцію приглашаютъ, мнѣ надо двугривенный, а вы тутъ избаловали кабакъ,—мнѣ и не справиться... Наливай онъ стаканъ форменный, мнѣ бы четырехъ-то стакановъ за глаза хватило.

— Ну!

— Ну, конечно, съ посторонними... Ты поднесешь, Евсей поднесетъ, тотъ, другой, третій... само собой. А то онъ наливаетъ—наперстокъ: вмѣсто четырехъ и пьешь шесть... Остается изъ сорока копѣекъ поденныхъ всего гривенникъ: развѣ на это уѣдешь? Мнѣ нуженъ двугривенный... а гривенникъ куда я дѣну? Хочешь не хочешь, надо пропить. Стало-быть, седьмой и восьмой. Вотъ и не на что идти... А то бы я отъ васъ давно ушелъ...

— Все не протрезвишься никакъ?

— Говорю, заведи законный стаканъ...

— Ну, будетъ врать-то. Какой стаканъ ни дай, все восемь выпьешь, покуда всего не пропьешь,—ужъ больно любишь, охотникъ...

— Охъ, братецъ ты мой!—вздохнувъ, сказалъ кузнецъ.— И то! люблю его, анаѳему, винище это! Люблю!

— Очень нравится?

— Охъ, какъ нравится, братцы, вино-то! Такъ нравится, такъ...

Кузнецъ что-то чмокнулъ губами.

— Что̀ это ты?

— Бутылку, братцы мои, поцѣловалъ. Я завсегда сна-

чала бутылку поцѣлую, а потомъ налью... А пустую, когда окончу, то къ сердцу прижимаю: милая моя мамочка! Ахъ, и люблю же я ее... водочку-матушку!.. страсть Господняя!.. Чистая страсть!..

— А запоемъ пьешь?

— Нѣтъ, запою нѣтъ у меня. Я ее постоянно обожаю... Не будь водки—да я сейчасъ утоплюсь... Передъ Богомъ. Она моя отрада, за подвиги награда.

— Давно ли пьешь-то?

— Я пью, кумовья, лѣтъ десять. Прежде я не пилъ. О, поглядѣлъ бы ты на меня прежде-то! У меня въ городѣ восемь кузницъ было; часы, цѣпочка... полное почтеніе... А тамъ вдругъ и одолѣло меня... Непремѣнно меня испортили—ужъ это вѣрно. Ужъ тутъ кто-нибудь подмѣшалъ мнѣ, потому вдругъ началось. Не пилъ, не пилъ, все честно, благородно жилъ-поживалъ; вдругъ все мнѣ опротивѣло. Все не по мнѣ стало; думаю: за какимъ шутомъ я женился? Зачѣмъ цѣпочки, часы—что̀ такое? Захотѣлось мнѣ все раскассировать, и тутъ я пошелъ; все рѣшительно, вотъ все, что̀ подъ руку подвернется, все сталъ пропивать; что̀ было дома—пропилъ, чужое—экипажи, коляски тамъ—все продалъ, пропилъ, и что̀ дальше пью, все того интереснѣй... Жена—Боже мой! Боже милостивый!—и дерется и жалуется, и сынъ бьетъ и оретъ, смѣхъ мнѣ—больше ничего... Доберусь до дому, какъ песъ, въ грязи, пьяный; заберусь на печку—ха-ха-ха!.. а они-то зудятъ, орутъ, Боже мой!.. Вотъ любопытно мнѣ да и только, а зла нѣту... Потомъ они меня вонъ выгнали. Жена съ любовникомъ...

— Эге, братъ, вотъ въ чемъ дѣло-то!..—обрадовавшись скандальной тайнѣ, раскрывавшей причину безобразной жизни Бертища, оживленно воскликнулъ одинъ изъ писарей.—Вотъ отчего ты задурилъ-то... Любовникъ-то, видно, у нея раньше былъ?

— Чего ты меня перебиваешь?—осердился Бертище.—Чего тебѣ надо о любовникѣ знать—тебѣ какое дѣло?

— Да вѣдь у жены были любовники, говори прямо?

— Зачѣмъ ты меня безпокоишь такими разговорами?

— Говори: были?

— Тьфу ты, невѣжа какой! Конечно, были, глупый ты человѣкъ. Чего же ты спрашиваешь? Было ихъ у нея въ высшей степени... Чего тебѣ еще?

— Ну вотъ, отъ этого-то и сталъ, должно-быть, ты пьянствовать!

— Конечно, глупая твоя голова, отъ этого! Чего же ты надоѣдаешь мнѣ?

— А говоришь: «подмѣшали»!

— Да мало ли я чего говорю, истуканъ ты необразованный! Долженъ ты молчать по крайней мѣрѣ.

— Ну, ладно; разсказывай!

— «Разсказывай»! Только сбилъ съ разговору... Конечно, отъ огорченія, а потомъ, какъ вошелъ во вкусъ, все стало мнѣ ни по чемъ... Вдругъ впалъ въ насмѣшку, сталъ издѣваться... Вижу жену съ любовникомъ, съ купцомъ,—только смѣхъ меня разбираетъ, какъ это глупо! И нисколько не обижаюсь! Веселье меня обуяло, какъ птицу небесную. Изъ хозяевъ пришлось въ работники,—еще того веселѣй стало. Полтинникъ выковалъ—пропилъ, повалился подъ заборъ—сплю. Надоѣло мнѣ въ городѣ, ушелъ безъ шапки и безъ всего въ другое мѣсто. Вездѣ смѣются надо мной, и я смѣюсь, и только думаю одно—какъ бы мнѣ безъ водки не остаться. Это для меня адъ, смерть... Чего-жъ это я тутъ съ вами время теряю?—вдругъ, какъ будто опомнившись и вскочивъ, сказалъ Бертъ.

— Куда ты?

— А въ кабакъ-то! Пожалуй, въ самомъ дѣлѣ заснутъ... А мнѣ это нельзя. Я имъ тогда стекла переколочу. Мнѣ давай вина...

— Ты воротись, приди.

— Ну ужъ нѣтъ. Я тамъ подъ кустикомъ лягу съ моей милой, съ бутылочкой, тамъ и засну.

— А сопьется?—вопросительно произнесъ писарь, когда кузнецъ ушелъ.

— Конечно, сопьется. Еще бы ему не спиться! Пьетъ безъ отдыху.

— А вѣдь не дуракъ?

— Ну ужъ уменъ!.. Имѣлъ заведеніе, а теперь самъ поденщикомъ... Какой же тутъ умъ? Умный человѣкъ такъ не сдѣлаетъ. Просто пьяница и балалайка. Ишь, вонъ, жена и сынъ прогнали его. Умный человѣкъ до этого не допуститъ.

Писарь молчалъ и внималъ, а помощникъ продолжалъ философствовать.

— Ты изъ ничего выйди въ люди, пріобрѣти, ухитрись: вотъ тутъ ты покажешь свой умъ... А готовое прожить всякій умѣетъ. Это что! Вотъ, напримѣръ, Иванъ Ивановичъ (учитель мѣстной школы): вотъ это умный человѣкъ,

прямо можно сказать, что шельма. Онъ, положимъ, подлецъ-то подлецъ, а нельзя отнять—уменъ! Что̀ правда, то правда. Что̀ онъ такое? нигдѣ не кончилъ: ни родни ни руки нигдѣ не было, а вылѣзъ же въ люди. Теперь вонъ учитель, жалованье получаетъ, и деньжонки...

— Эка важность: на старухѣ жениться!

— Тебѣ не важность, потому что ты ничего не понимаешь. У старухи-то два дома, видишь ты это, да деньги; да дѣтскія деньги также на его рукахъ, потому онъ же— и опекунъ, видишь ты это, али нѣтъ? Ты думаешь, онъ не сумѣетъ какъ слѣдуетъ этими деньгами-то орудовать — сдѣлай милость! Старуха-то, можетъ, и году не проживетъ, анъ у него и дома и деньги; а съ деньгами все, братъ, можно...

— А ежели она пятьдесятъ лѣтъ проживетъ?

— Да хоть двѣсти живи. Разъ онъ забралъ ее въ руки, ему-то что̀? Онъ и теперь вонъ преспокойно живетъ съ поповской кухаркой и вниманія не обращаетъ—живи, сдѣлай милость, хоть тыщу лѣтъ; онъ, братъ, заручился; теперь его не сшибешь...

— А какъ узна̀етъ старуха-то, да прогонитъ?

— Да гони, сдѣлай милость, это ему еще лучше: положилъ деньги въ карманъ—и пошелъ... Она же останется безъ копейки... Нѣтъ, братъ, его теперь не ссадишь съ позиціи,—ужъ онъ, братъ, запустилъ корни ловко...

— А плутъ!..

— Ну!.. Плутъ!.. Мало чего нѣтъ! Ты ужъ чортъ знаетъ чего хочешь... Такъ нельзя... А еще вотъ Михайла Петровъ? Это развѣ не умный человѣкъ? Отъ отца отошелъ съ пятиалтыннымъ, а теперь вотъ черезъ шесть лѣтъ домъ двухъэтажный, пять лошадей; поди, не одна сотня...

— Все черезъ жену.

— Черезъ кого бы ни было, а добился.

— Жену продалъ барину...

— Продалъ ли тамъ, нѣтъ ли, а домъ вотъ, и деньги, и скотъ... Да хоть и продалъ, что-жъ такое? Можетъ, она ему не мила была? Отчего-жъ, ежели, напримѣръ, на время, и черезъ это можно на ноги стать? Вѣдь такъ нельзя судить: продалъ. Что̀ у кого есть подъ руками. Ужъ лучше съ выгодой, чѣмъ безъ выгоды; такимъ дурамъ вонъ, какъ Акулька, безъ всякаго расчету... Ежели идетъ линія, такъ, напротивъ того, умная женщина должна способствовать, потому что вотъ, напримѣръ, Михайла Петровъ этотъ.

Вѣдь ужъ онъ непремѣнно въ купцы выйдетъ, ужъ это какъ Богъ святъ. А вышелъ въ купцы, никто тамъ этого знать не будетъ; а будетъ эта тайна промежду мужемъ и женой... Ежели-бъ она наживала такимъ манеромъ деньги да въ домъ бы не несла, ну, тогда мужъ можетъ претендовать... А ужъ ежели между ними согласіе, тогда чего же? Только промежду нихъ и будетъ...

— А грѣхъ-то?

— Ну, братъ, всѣ грѣшны. Я думаю, и у тебя не сочтешь грѣховъ-то, а тебѣ вонъ и двадцати лѣтъ нѣту. Всѣ грѣшны. Всякій дастъ отвѣтъ Богу самъ. Это не наше дѣло судить. Не осуждай! А про то я говорю, что умный человѣкъ сумѣетъ извлечь, а дуракъ—нѣтъ.

— Подлостью?

— Чѣмъ пришлось. Чѣмъ Господь привелъ, а ужъ достигнетъ, а дуракъ никогда и даже, вотъ какъ Бертъ, потеряетъ состояніе...

Въ это время почти неслышными шагами—чему способствовали резиновыя калоши—выдѣлилась изъ тьмы и вступила на крыльцо какая-то фигура.

— Кто это?—спросила она шопотомъ.

— Это мы,—громко отвѣчали писаря.—Это вы, Иванъ Ивановичъ?

— Я, я!—точно задыхаясь, шепталъ учитель.

— Гдѣ вы до сихъ поръ?..

— Тутъ... у батюшки... предписаніе... Который-то часъ?

— Не знаемъ. Ваши ужъ легли.

— Ну, и слава Богу. Пусть... опоздалъ...

Манера говорить и интонаціи голоса учителя были кротки, монашески-умилительны.

— Ты, Иванычъ?—появилась на крыльцѣ жена учителя.

— Я, я, я... Запоздалъ... У батюшки... бумага...

— Иди ужинать... Десятый часъ.

— Иду, иду, иду!

И супруги ушли.

— Вотъ плутъ-то! У батюшки!.. Этакая шельма!—восторженно произнесъ помощникъ.

— А гдѣ-жъ, по-твоему?

— Да все время, съ семи часовъ, съ ней, съ кухаркой. Я самъ видѣлъ... Вотъ поди узнай, гдѣ былъ! Предписаніе! Развѣ она что понимаетъ? А ты говоришь—дуракъ!

— Когда говорилъ? Я говорю, что плутъ!

— Да! Плутъ—это такъ!.. А я думалъ, ты дуракомъ его назвалъ... Такъ вонъ онъ какой дуракъ-то!.. Предписаніе да предписаніе—поди-ка, ухвати его!.. Нѣтъ, не дуракъ, далеко не дуракъ!..

— А взять да разсказать ей все?

— Ну, и втешешься. Противъ тебя-жъ дѣло. Ты какое имѣешь право нарушать союзъ? Гдѣ у тебя документы? Нѣтъ, братъ, тутъ со всѣхъ сторонъ законопачено... Тутъ не съ твоимъ умомъ соваться. Ужъ ты лучше помалчивай да присматривайся, какъ люди живутъ... Посильнѣй насъ—и то молчатъ!..

3.

Долго разговаривали и потомъ фантазировали, ложась спать, даже грезили во снѣ наши собесѣдники на тему о выгоднѣйшемъ пріобрѣтеніи наилучшихъ средствъ къ жизни, т.-е., въ сущности, на тему пріобрѣтенія денегъ. Но я ужъ не буду изображать ни этихъ фантазій ни грезъ: утомительны онѣ, а главное—обидны. Неопредѣленно, хотя и довольно осязательно тоскующій необезпеченный русскій человѣкъ не можетъ не видѣть своего спасенія только въ одномъ—въ возможности имѣть въ карманѣ кушъ денегъ. Вотъ тогда, думаетъ онъ, когда у него будетъ этотъ кушъ въ рукахъ, тогда, кажется, онъ разберетъ и пойметъ все, что теперь его только томитъ и чего онъ теперь иначе и не объясняетъ, какъ тѣмъ, что жалованья ему—семь рублей, а не десять. Правда, разговоръ, приведенный выше, происходитъ между людьми, не принадлежащими, собственно, къ простому народу: и писарь и помощникъ происходятъ изъ той безчисленной на Руси массы людей, которая растетъ въ убѣжденіи, что она почему-то можетъ разсчитывать на вознагражденіе и средства къ жизни, безъ знанія и безъ труда, въ увѣренности, что ей должно «получать», должно жить, пить, ѣсть и наполнять землю, не становясь въ ряды народа, не зарабатывая хлѣба на фабрикѣ, на пристани съ кулемъ на плечахъ, или на желѣзной дорогѣ съ лопатой въ рукахъ.

Такого народа, воспитаннаго на жирныхъ крохахъ, падавшихъ съ жирнаго стола крѣпостного права, на Руси великое множество: въ чиновничествѣ, въ мѣщанствѣ, въ

духовенствѣ,—вездѣ нарождено много безземельнаго народа, громадному большинству котораго нѣтъ ужъ средствъ получить ни знаній ни умѣнья, дающихъ право требовать свою порцію хлѣба, и не убѣжденнаго еще въ томъ, что не сегодня, такъ завтра—«трудъ» и только одинъ онъ и будетъ раздавать большія и малыя порціи. У бабушекъ, у деверьевъ, у безчисленныхъ родственниковъ этихъ невинно привилегированныхъ бѣдняковъ еще есть кое-какія средства прокормить какого-нибудь малаго, не окончившаго нигдѣ курса, лѣтъ до двадцати, есть еще кое-какія связи, позволяющія всунуть его въ учителя, въ писаря, въ писцы на желѣзную дорогу, въ пѣвчіе. Но все это не можетъ удовлетворить большинство, по незначительности своей и скудости и при изобиліи, такъ сказать, исключительно «съѣстныхъ» идеаловъ, такъ какъ никакихъ другихъ не полагалось во многихъ поколѣніяхъ предковъ. Но, кромѣ съѣстныхъ идеаловъ, нынѣшнее время несетъ на всякаго человѣка, даже на всякую дубину въ человѣческомъ образѣ, если не новые, не съѣстные идеалы, то навѣрное не бывшія прежде въ ходу, не съѣстныя исключительно мысли. Двадцатилѣтній человѣкъ *не можетъ* не думать о томъ, напримѣръ, что ему трудно когда-нибудь законнымъ и надежнымъ путемъ удовлетворить свой аппетитъ, ему не можетъ не приходить въ голову, что у него вѣдь нѣтъ ничего, кромѣ почерка; что этого товара вездѣ много, и онъ ужъ не въ цѣнѣ. Не можетъ онъ не видѣть, что, кромѣ почерка, у него нѣтъ никакой другой заручки; что волей-неволей онъ долженъ терпѣть, нести свой крестъ, зависѣть отъ всякаго, кто можетъ ему приказывать, словомъ—не можетъ не чувствовать себя скверно. Съ другой стороны, онъ не можетъ не видѣть, что этотъ *всякій*, которому онъ «подверженъ» въ волостномъ правленіи, въ желѣзнодорожной конторѣ, словомъ, на всѣхъ поприщахъ своего заработка, также большею частью человѣкъ случайный, также попалъ на мѣсто и цапаетъ кушъ не по праву знанія, не по праву труда, а въ большинствѣ случаевъ также только потому, что его бабушки, его тетки и деверья вращаются въ болѣе высшихъ сферахъ, что они могутъ «кому угодно» доставить мѣста посредника, директора дороги и т. д.

Глядя на все это и мѣряя свое незнаніе съ незнаніемъ имѣющихъ власть, свое невѣжество съ таковымъ же тѣхъ, кто можетъ приказывать, свои аппетиты съ аппетитами людей привилегированныхъ, онъ не находитъ между собой

и человѣкомъ, поставленнымъ выше, получающимъ больше, никакой разницы и невольно долженъ упразднить въ себѣ зародившуюся мысль о цѣнѣ знанія и умѣнія и о необходимости ихъ въ человѣкѣ, не желающемъ быть паразитомъ, а во-вторыхъ, объяснять все дѣло, какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ,—только тѣмъ, что вся суть въ средствахъ, что при средствахъ и низшій невѣжда можетъ сдѣлаться высшимъ невѣждой, ничего отъ своего невѣжества не теряя. Вся разгадка успѣха: «рука», «случай», «то, что хорошо подвернулось подъ руку»... И какъ ни грустно это вымолвить, а еще не одинъ десятокъ лѣтъ предстоитъ намъ присутствовать при все болѣе и болѣе имѣющемъ возрастать стремленіи къ наживѣ «во что бы то ни стало»,—стремленіи, которому едва ли не придется на нѣкоторое время дать дорогу, передъ которымъ надобно будетъ посторониться другимъ, не менѣе основательно вытекающимъ изъ условій русской жизни стремленіямъ. «Сначала деньги, а потомъ ужъ разберемъ, въ чемъ дѣло, въ чемъ вся суть!» Вотъ что принесено, между прочимъ, въ современную русскую жизнь человѣкообразными остатками крѣпостного права и нравственности и что принесутъ, съ еще большею, чѣмъ теперь, настойчивостью, цѣлыя массы этихъ остатковъ, въ безчисленномъ множествѣ залегающихъ въ разныхъ углахъ русской жизни...

Фраза—«во что бы то ни стало» будетъ имѣть для читателя надлежащій смыслъ только тогда, когда онъ дастъ себѣ трудъ подумать: какая-такая сила, кромѣ развѣ квартальнаго надзирателя, прокурорскаго надзора и суда, можетъ стать на пути человѣку, разъ увѣровавшему, что «сначала нужно добыть, а потомъ ужъ разбирать»?

Долго, очень долго разговаривали, мечтали, даже грезили наши пріятели все на тему о томъ, что вся задача жизни человѣка умнаго должна состоять въ стремленіи «зацѣпить» гдѣ-нибудь, откуда-нибудь «выхватить» кушъ или, проще, толстую пачку денегъ и положить ее себѣ въ карманъ—вотъ сюда, въ боковой, чтобы онъ вздувался отъ толстоты. На что имъ нужна была такая пропасть денегъ, куда и какъ намѣревались они употребить ее, — объ этомъ разговора не было, и я вполнѣ увѣренъ, что они не знали и сами.

— Только бы сюда бы залучить, а тамъ ужъ оно само собой разберется!—говорилъ главный ораторъ, помощникъ волостного писаря, похлопывая себя по карману, и при

словѣ «разберется» махнулъ рукой въ невѣдомую даль. Жажда именно только одного—имѣть въ карманѣ пачку—была такъ велика, что, даже совсѣмъ заснувъ, наши пріятели продолжали грезить исключительно о какихъ-то бумажкахъ, пачкахъ билетовъ, при чемъ помощникъ неоднократно даже хватался за бокъ.

Какъ ни грустно признаться, а признаться надо: такое настоятельное стремленіе къ кушу, такое поклоненіе пачкѣ денегъ, безъ разбора средствъ, какими дается она (на томъ свѣтѣ всякъ дастъ отвѣтъ за себя!) и куда она уйдетъ (потомъ само собой разберется!..), обуреваетъ въ Слѣпомъ-Литвинѣ не однихъ нашихъ пріятелей, писарей. Увы! не одна крестьянская голова, большею частью самая талантливая, самая умная, точно такъ же работаетъ всѣми силами ума надъ мыслью объ этомъ же кушѣ, объ этой же пачкѣ. «Только бы ее-то заполучить, а тамъ...» А о томъ, что̀ *тамъ*—никто даже *не можетъ* еще думать. Не только отъ крайней нужды, отъ недостатка въ самомъ необходимомъ развивается такая жажда къ деньгамъ: сѣрый слѣпинскій мужикъ, какъ увидимъ ниже, добивается денегъ только на то, чтобы перебиться, и хотя чтитъ рублевую бумажку, но еще не выучился забывать все на свѣтѣ для того, чтобы во что ни стало получить ее. Онъ еще, къ счастью, не сообразилъ своего положенія и все думаетъ, что поправится то осенью послѣ уборки, то зимой на свободѣ, то по веснѣ, ежели Богъ дастъ. Но на то онъ и «сѣръ», чтобы не имѣть возможности придти въ себя. Тотъ же, кто не сѣръ, у кого нужда не съѣла ума, кого случай или что̀ другое заставило подумать о своемъ положеніи, кто чуть-чуть понялъ траги-комическія стороны крестьянскаго житья, тотъ «не можетъ» не видѣть своего избавленія исключительно только въ толстой пачкѣ денегъ—только въ пачкѣ, и не задумывается ни передъ чѣмъ, лишь бы добыть ее.

Въ прошломъ отрывкѣ изъ деревенскаго дневника было представлено, хотя, говоря по правдѣ, и довольно поверхностно, кое-что изъ той путаницы, среди которой живетъ крестьянинъ. Если читатель припомнитъ все, что̀ записано тамъ насчетъ докторовъ, учителей, насчетъ всякихъ мѣстныхъ имущихъ власть лицъ, то онъ, надо думать, согласится, что только забитый, сѣрый мужицкій умъ можетъ не видѣть полной беззащитности своего положенія. Во всемъ, что̀ окружаетъ его, не видно ни тѣни вниманія ни добраго слова. Жизнь его съ самаго дѣтства переполнена угрожаю-

щими случайностями: переѣдетъ лошадь, потому что «вино попалось дюже хорошо»; съѣстъ свинья, потому что родильница лежитъ въ обморокѣ, а домашніе такъ крѣпко спятъ, что ничего не слышатъ, «хоть въ барабанъ колоти»; задохнется отъ угара, который каждую зиму наполняетъ на пять, на шесть часовъ въ день аккуратно всякую избу, потому что ни въ одной избѣ нѣтъ двойныхъ рамъ, и потому что тепло надо беречь.

Не говоря объ этихъ, ежедневно и ежеминутно висящихъ надъ крестьянскимъ ребенкомъ опасностяхъ, поможетъ ли ему докторъ, если захватитъ его болѣзнь, эпидемія? Можетъ ли онъ разсчитывать на помощь родного отца, который, ничего не зная ни въ какихъ болѣстяхъ, не имѣетъ къ тому же иной разъ пятака серебромъ, чтобъ купить деревяннаго масла, уксусу? Выведетъ ли его на свѣтъ Божій грамота, если, преодолѣвъ всѣ смертоносныя случайности дѣтскихъ годовъ, изъ ребенка выйдетъ парнишка, имѣющій еще вырасти въ человѣка? Дастъ ли что-нибудь хоть капельку стоящаго школьная наука, за которою приходится бѣгать четыре-пять зимъ, иной разъ чуть не босикомъ, иной разъ за пять, за шесть верстъ? А когда онъ вырастетъ, сдѣлается самъ большой—не вѣчный ли онъ борецъ съ недоимкой? Словомъ, можетъ ли онъ существовать на свѣтѣ иначе, какъ вполнѣ отдавшись на волю Божію?

Всѣ, отъ кого зависитъ *попеченіе* (!) объ участи крестьянской души, крестьянскаго существованія, дѣлаютъ свое дѣло, пожалуй, и добросовѣстно: учитель учитъ такъ, что на экзаменѣ ребята отвѣчаютъ на разные хитрые вопросы: онъ въ потѣ лица «обламываетъ» эти, по его словамъ, полѣнья такъ, что въ концѣ концовъ они умѣютъ спѣть гимнъ и «Царю Небесный»:—онъ не даромъ получаетъ деньги. Не даромъ получаетъ деньги и лѣкарь, который даже охрипъ отъ хлопотъ и не знаетъ покою ни днемъ ни ночью. Не даромъ получаютъ деньги всѣ прочіе печальники, строящіе мосты и проч. Но весь этотъ пришлый народъ исполняетъ обязанности свои, какъ нанятой человѣкъ, какъ человѣкъ, которому нуженъ кусокъ хлѣба для *своей* семьи, для *себя*; человѣкъ, которому впору исполнить форму, обличье дѣла. Словомъ, все это такіе люди, на которыхъ деревня не можетъ смотрѣть какъ на своихъ, какъ на людей, которые бы понимали, «какъ свои», всѣ деревенскія нужды.

Когда придетъ въ деревню учитель—не отставной солдатъ и не полуграмотный дешевый педагогъ, оболваниваю-

щій деревенскія полѣнья, а умный, вполнѣ образованный человѣкъ, проникнувшійся важностью дѣла:—только тогда деревня можетъ разсчитывать на то, что ребятишки ея узнаютъ въ самомъ дѣлѣ что-нибудь путное. Когда, вмѣсто тысячи рублей жалованья за удовольствіе вѣчныхъ разъѣздовъ по громадной территоріи цѣлаго уѣзда и за глубокое неудовольствіе безпрестаннаго сознанія своей полной безполезности, образованный докторъ рѣшится дѣлать подлинное добро въ маленькомъ уголкѣ одной-двухъ деревень, не разсчитывая ни на какія опредѣленныя вознагражденія, кромѣ добровольныхъ даяній (вѣдь въ городѣ онъ получаетъ именно добровольныя даянія):—тогда только деревенскій ребенокъ можетъ разсчитывать на существенную помощь.

Но будетъ ли это когда-нибудь? Придетъ ли когда-нибудь въ русскую глухую деревню такой человѣкъ, который рѣшился бы отдать ей свои знанія, стать, несмотря на эти знанія, въ общія условія бѣдности крестьянской жизни, рѣшился бы не «благодѣтельствовать», а существовать только на тѣ средства, которыя, безъ принужденій волостного начальства, а по силѣ по мочи дадутъ ему «за его трудъ» сами крестьяне, и только тѣ крестьяне, которымъ онъ помогъ, пособилъ, научилъ?

Когда-нибудь такой человѣкъ непремѣнно придетъ въ деревню; теперь же покуда его что-то не видно. Мѣсто его занимаетъ человѣкъ служащій, чужой, нанятой, какой случится, какой попался, и деревня живетъ безъ всякаго призора и безъ единаго добраго слова, если не считать священника, каждый грошъ дохода котораго виденъ крестьянину (а это много значитъ!), который, будучи понятенъ крестьянину какъ человѣкъ, зарабатывающій свое пропитаніе (небольшое), хорошъ для него и тѣмъ трудомъ, который даетъ ему пропитаніе. Трудъ этотъ облегчающій—такъ думаетъ крестьянинъ—положеніе крещенаго человѣка: онъ отпускаетъ его прегрѣшенія, лѣчитъ молебнами и акаѳистами, масло изъ лампады помогаетъ отъ тысячи недуговъ; крестный ходъ годится для урожая, отъ засухи, для дождя. Даже скотъ—и тотъ можетъ разсчитывать на помощь во время эпидеміи только отъ молебна: недаромъ же, какъ писали недавно въ газетахъ, крестьяне одной деревни Тульской губерніи просили отца своего духовнаго отслужить молебенъ «всему православному скоту» и «помянуть» каждую скотину, то-есть мою телушку-бѣлушку, Егорову вороную кобылку.

Теперь же, когда въ деревнѣ нѣтъ человѣка, который бы, будучи выше по развитію, умнѣй, знающѣй всего міра деревенскаго, рѣшился бы зарабатывать себѣ скудный хлѣбъ своими знаніями, какъ зарабатываетъ его священникъ молитвами,—теперь всякому, мало-мальски очувствовавшемуся деревенскому жителю не можетъ представиться ни въ чемъ спасенія, кромѣ пачки денегъ за пазухой. Она можетъ вывести его изъ этой курной ужасной избы, изъ-подъ этого безпрестаннаго гнета ничегонезнанія; за деньги онъ достанетъ и доктора и учителя, и откупится отъ солдатчины. Онъ такъ мало знаетъ, мало понимаетъ, что̀ кругомъ его дѣлается, что только деньги и могутъ помочь ему выбраться на Божій свѣтъ. А разъ онъ убѣдится, что дѣло его плохо и что ему трудно, неловко и глупо живется, что ему надо и слѣдуетъ выбраться, разъ онъ понялъ, что выбраться можно только деньгами: — ни передъ чѣмъ, ни передъ какимъ средствомъ задумываться онъ не можетъ. Мгновенно начинаетъ вырабатываться не философъ, не «буржуй» (выраженіе И. С. Тургенева), а просто страстно влюбленный въ деньги, въ бумажки, «въ пачки» человѣкъ.

Такихъ влюбленныхъ въ деньги людей въ настоящіе дни полны всѣ углы и закоулки земли русской, благодаря только неожиданности, внезапности всевозможныхъ перемѣнъ въ условіяхъ русской жизни. Никакія службы на вновь открытыхъ дорогахъ, никакія воинскія повинности, никакія училища, всѣ вмѣстѣ взятыя, не въ силахъ поглотить и дать хлѣбъ народу, который никогда не разсчитывалъ на то, что ему придется остаться безъ хлѣба. Этого народа, въ мелкопомѣстномъ дворянствѣ, въ чиновничествѣ, въ поповствѣ, въ городскомъ полумѣщанствѣ, полукупечествѣ— непочатые углы, и всѣ они понимаютъ, что положеніе плохо. Всѣ они ужасно мало могутъ и ужасно много жаждутъ, и вотъ по всѣмъ угламъ земли русской, на крылечкахъ волостныхъ правленій, въ дьячковскихъ, дьяконскихъ и священническихъ домахъ, въ этихъ безчисленныхъ домишкахъ уѣздныхъ и губернскихъ переулковъ, домишкахъ «вдовы надворнаго совѣтника», «потомственнаго гражданина»— вездѣ и всюду тысячи людей, рѣшительно обиженныхъ своимъ положеніемъ, неумѣньемъ взяться, невозможностью разсчитывать на помощь, видящихъ спасеніе въ случайномъ заполученіи куша, который одинъ только и можетъ ихъ выручить изъ бѣды.

4.

Въ Слѣпомъ-Литвинѣ есть уже немало мужичковъ, сообразившихъ, что дѣло въ кушѣ, въ пачкѣ. Упомяну въ особенности объ одномъ, о которомъ читатель уже имѣетъ понятіе. Это староста Михайла Петровъ. Человѣкъ онъ еще молодой: въ послѣдніе дни крѣпостного права онъ былъ еще мальчикомъ лѣтъ восьми. Отецъ его—тотъ самый мужикъ, у котораго старый баринъ четыре раза сломалъ конюшню. Характеръ этого мужика, позволяющаго себѣ воевать съ господскими управляющими и даже съ самимъ бариномъ, человѣка, который, несмотря на всѣ невзгоды, сумѣлъ иной разъ настоять на своемъ, былъ характеръ крутой, деспотическій. Когда молодой Михайла Петровъ, по освобожденіи крестьянъ, задумалъ ѣхать въ Питеръ, противъ чего отецъ возсталъ, ему пришлось извѣдать на себѣ всю силу этой крутости и дикость необузданнаго ея проявленія. Терпѣливо ждалъ онъ отцовской смерти. Ждалъ два года и, только дождавшись ея, могъ добиться права уйти въ Питеръ на заработки. Крутой отецъ, видя непокорность сына, которую тотъ не могъ утаивать въ теченіе двухъ лѣтъ жданья, сохранилъ свой отцовскій норовъ до конца дней и, умирая, оставилъ Михайлѣ всего 15 копеекъ «за непочтеніе», тогда какъ старшіе братья получили все.

Должно-быть, отцовскій норовъ не миновалъ и сына, и Михайла Петровъ не задумался пуститься въ дальнюю дорогу почти безъ гроша. Въ Питерѣ онъ сразу попалъ на отличное мѣсто, къ «хорошимъ господамъ», изъ числа тѣхъ быстро народившихся, которые, наживаясь изъ чужого кармана, не считали ни того, что имъ самимъ попадется подъ руку, ни того, что уйдетъ у нихъ изъ-подъ рукъ *). Михайлѣ Петрову жилось хорошо; но онъ былъ еще мужикъ и «глупъ», и, накопивъ сотню-другую рублей, по глупости, воротился въ деревню. Думалъ, что для него, какъ для мужика, этихъ денегъ видимо-невидимо. Тотчасъ по возвращеніи онъ женился и «подхватилъ» истинную красавицу, какъ самъ онъ говорилъ, первую умницу. Но послѣ Питера «крестьянство» показалось ему труднымъ и глупымъ дѣломъ. «Изъ чего биться»—этотъ вопросъ сталъ возникать у него въ головѣ поминутно, при каждомъ шагѣ въ крестьянскомъ дѣлѣ. Отвѣдавъ легкаго столичнаго труда, хо-

*) Постройки и проч.

рошей ѣды, спокойнаго сна вволю, тепла, теплой одежды, цѣльныхъ сапоговъ, онъ уже не могъ понять удовольствія биться, какъ рыба объ ледъ, для того, чтобы ничего подобнаго не имѣть...

У Михайлы Петрова родился первый ребенокъ и померъ—«незнамо отъ чего». Михайла Петровъ съ женой стояли надъ нимъ дни и ночи почти цѣлый мѣсяцъ, не зная, что̀ съ нимъ дѣлается и чѣмъ помочь. Онъ оралъ безъ умолку отъ какой-то страшной боли, противъ которой нигдѣ, на сто верстъ кругомъ, не было помощи. Барыня-помѣщица знала въ медицинѣ только двѣ вещи—деревянное масло и спускъ. Батюшка зналъ—масло изъ лампады, спускъ, просвиру за здравіе и молебенъ о здравіи. Деревня знала много другихъ средствъ, въ родѣ того, что кричащаго ребенка надо вынести на морозъ и держать его на холоду до тѣхъ поръ, пока онъ не начнетъ затихать, и потомъ нести въ горницу, гдѣ онъ непремѣнно заснетъ отъ такой внезапной встрепки. Ему вправляли животъ, трясли за ноги книзу головой, поили оттопленнымъ въ печкѣ чернобыльникомъ, поили лампаднымъ масломъ,—онъ все оралъ и вопилъ безъ всякаго милосердія, и наконецъ умеръ.

Жаль было ребенка, перваго ребенка, Михайлѣ Петрову, и эта смерть разъяснила глупость его положенія едва ли не сильнѣе отцовскаго самодурства и петербургской привольной жизни. Мужики, у которыхъ мрутъ дѣти точно такъ же чуть не каждый годъ и которые все-таки продолжаютъ пользовать ихъ средствами, ведущими ко гробу, стали представляться ему чистыми глупцами, и ему было обидно, до крови больно, что и онъ—такой же глупецъ, какъ и они. Надо къ этому прибавить, что, воротясь изъ столицы, онъ вынесъ нѣкоторое понятіе вообще о порядкѣ, необходимомъ въ дѣлахъ для того, чтобы дѣла шли успѣшно: взялъ—отдай, нанялся—работай, подрядился — исполни, что̀ слѣдуетъ—получи. Деревня же, въ которой ему пришлось жить своимъ хозяйствомъ послѣ такихъ питерскихъ порядковъ, ничего подобнаго знать не могла; время послѣ крѣпостного права стояло запутанное, положеніе дня не выяснилось для крестьянъ, и эта путаница была Михайлѣ Петрову невыносима.

У него, напримѣръ, подряжаются строить избу за тридцать рублей, подряжаются безъ бумаги, на совѣсть, и уходятъ, получивъ задатки, потому что вдругъ на нихъ нахлынула откуда-то практическая струя новаго времени,

гласящая, что «безъ расписки понѣ ничего не подѣлаешь», а между тѣмъ «по той же самой совѣсти»—они же, за одну только водку, дѣлаютъ въ пять разъ труднѣйшую работу дьячку, потому, молъ, что добрый человѣкъ. То въ ножки кланяются по старой памяти, то сами же высѣкутъ себя въ волости. Все это Михайлѣ Петрову было непонутру. Смерть перваго ребенка еще болѣе ожесточила его на безтолочь, окружающую его, и на его собственную безтолочь, отъ которой онъ не могъ выбиться, какъ мужикъ. Онъ, какъ умный человѣкъ, сразу понялъ, что ему нужны деньги—и пока больше ничего, чтобы не тянуть этой лямки, чтобы не покоряться случайностямъ отъ забитыхъ, запутанныхъ людей и случайныхъ порядковъ, чтобы не вредить себѣ своимъ собственнымъ невѣжествомъ. «Выбираться»—вотъ что̀ сдѣлалось его задачей, а умная жена тотчасъ сполна поняла и прониклась этой задачей. Какъ хорошая, умная подруга, она знала одно—что ей изо всѣхъ силъ надо подсоблять мужу.

Они опять хотѣли-было въ Петербургъ ѣхать, но, *на счастье*, въ деревню назначено было человѣкъ двадцать молодыхъ людей какой-то спеціальной школы: они должны были въ теченіе лѣта производить съемки, нивеллировать и т. д. Народъ навалилъ веселый, большею частью состоятельный, и, на счастье Михайлы Петровича, именно въ его домѣ помѣстилось пятеро самыхъ богатенькихъ.

Съ двухъ часовъ ихъ пребыванія Михайла Петровичъ замѣтилъ, что жена его произвела впечатлѣніе. «Лучше этой нѣтъ!»—говорили молодые люди, въ самое короткое время успѣвшіе произвести съемку всѣмъ деревенскимъ дамамъ. И Михайла Петровъ понялъ это, да и Аграфена только взглянула ему въ глаза—тоже поняла, въ чемъ теперь дѣло.

И «не какъ-нибудь, не зря» стала Аграфена заниматься этимъ дѣломъ, а такъ, что самый расчетливый, самый основательный человѣкъ, осуждая ея поведеніе, могъ въ концѣ концовъ только похвалить ее, признать въ ней необыкновенный умъ, направленный, безъ всякихъ послабленій и увлеченій, только къ одной цѣли, которую она и достигла не какъ-нибудь, а съ толкомъ, умно, расчетливо. Она сумѣла вытянуть изъ всѣхъ пятерыхъ все, что̀ у нихъ было; вытягивала все лѣто всѣми возможными цѣнностями, при чемъ вниманіемъ удостоивала далеко не всѣхъ, довела ихъ до ссоры, чуть не до дуэли, и въ то же время не

только не измѣнила своего обличья крестьянской жены, работящей, молчаливой, но даже и тѣни гордости не выказывала передъ завидовавшими ей пріятельницами. Вставала она попрежнему въ три часа утра, гнала коровъ, шла на рѣчку съ тяжелыми ведрами, жала въ полѣ, ходила босикомъ по грязи, словомъ, ни на волосъ не давала замѣтить господамъ, что они ей нужны, ни своимъ деревенскимъ соперницамъ, что дѣла ея блистательны. Напротивъ, разъ понявъ, въ чемъ дѣло, инстинктивно угадавъ тотъ образъ дѣйствій, который какъ нельзя лучше привязываетъ къ ней мужа, она при каждомъ успѣхѣ стала чувствовать только одно, что—«мало», надо больше, надо поступать настойчивѣе, добиваться энергичнѣе.

— Къ намъ опять, баринушки, милости просимъ! Не оставьте ужъ насъ опять-то, очень мы вами благодарны!— какъ «простая» деревенская баба, говорила она, кланяясь и держа конецъ фартука у губъ, когда баринушки осенью разъѣзжались по домамъ, унося, быть-можетъ, истинную любовь въ сердцѣ.

— Непремѣнно! непремѣнно!—кричали ей самымъ искреннѣйшимъ образомъ баринушки и махали шапками.

— Присылайте другихъ побогаче!—прибавила она грубо и искренно-безсердечно, когда баринушки умчались и Аграфена осталась съ муженькомъ съ глазу на глазъ. Она еще съ секунду подержала на своемъ лицѣ это грубое выраженіе, но вдругъ взглянула на улыбавшагося Михайлу Петрова и такъ сама улыбнулась, такими громадными и громадно-веселыми глазами мелькнула на мужа, что у того только дыханье захватило отъ удовольствія. Никакихъ больше разговоровъ, ни воспоминаній, ни даже именъ этихъ баринушекъ не повторялось. Точно ничего не было такого, о чемъ можно бы шепнуть другъ другу пару словъ. Веселая и радостная послѣ отъѣзда постояльцевъ, Аграфена тотчасъ поставила самоваръ и сама начала такую рѣчь:

— А ты вотъ что̀, Михайла, ты вотъ лошаденокъ парочку безпремѣнно у Барсукова купи. — Лошади первый сортъ...

— За лошадьми надоть въ Почивалово... У Барсукова что̀?

И пошелъ дѣловитѣйшій изъ дѣловыхъ разговоръ.

Михайла Петровъ тоже не зѣвалъ съ господами. Пользуясь вліяніемъ жены, о которомъ господа и понятія не имѣли, полагая, что Михайла Петровъ не болѣе, какъ ловко обманываемый мужъ, онъ бралъ съ господъ и за провозъ,

и за отвозъ, и за рыбку, и за пивцо—«наше деревенское, ужъ какое есть»—и гривеннички, и рублевики, и такъ попрашивалъ на лаптишки, что въ концѣ концовъ въ ту же осень онъ принялся строить большущій домъ, купилъ скотины и единогласно былъ выбранъ въ сельскіе старосты.

Вся деревня знала, что они съ женой пошли въ ходъ съ нехорошаго; но это самое умѣнье, это знаніе «какъ пойти», какъ повернуть дѣлами—это-то и побѣждало всѣхъ. Всѣ сознавали, что хоть и худо, а умно, ловко, не какъ-нибудь, не зря, не дуромъ... Такъ-то, дуромъ-то, мало ли поступаетъ и поступала на своемъ вѣку не одна крестьянская жена, особливо мастерицы онѣ поступать дуромъ «не въ домъ, а изъ дому», а эта, Аграфена, нѣтъ!—Такъ думали критики-мужчины и женщины, глядя на степенную безъ гордости Аграфену, истово кладущую въ церкви поклоны... Грѣхъ! — это такъ. Да кто не грѣшенъ-то? Аграфена, небось, говѣетъ и кается, да къ тому же у ней есть чѣмъ хорошо заплатить за грѣхи-то... И будетъ такая же, какъ всѣ православные христіане, а у Михайлы-то, между прочимъ, домъ вонъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, скота прибавляется, да на мірскія деньги, которыя у него иной разъ по мѣсяцамъ лежатъ на рукахъ безъ движенія, обороты дѣлаетъ.

Къ веснѣ слѣдующаго года у Михайлы Петрова былъ въ самомъ дѣлѣ готовъ отличнѣйшій домъ. Онъ раздѣлялся на двѣ половины: внизу—кладовыя, вверху—двѣ половины горницъ.

А въ самомъ началѣ лѣта Господь послалъ и новую практику. Къ помѣщицѣ пріѣхалъ гостить братъ, старый, лѣтъ подъ 50, холостякъ, отставной военный. Онъ пріѣхалъ подышать сельскимъ воздухомъ и тотчасъ же, конечно, сталъ заговаривать съ бабами.

— А матка гдѣ?—спрашивалъ онъ отечески у малыхъ ребятъ.

— У полѣ...

— А молодая у тебя мамка-то или старая?

— Старая...

— Э... какой же ты бутузъ!

И такъ, по отечески разговаривая, любитель природы направлялся въ поле. Здѣсь онъ останавливался передъ каждой согнутой въ три погибели женской фигурой, снисходительно отвѣчалъ на земные (по старой памяти) поклоны, но долго не находилъ того, что именно и было

любезно ему на лонѣ неискусственной природы. Наконецъ онъ встрѣтилъ Аграфену. Она работала вмѣстѣ съ мужемъ. Поклона земного онъ не получилъ отъ нея, а тотчасъ остановился какъ вкопанный, держа руки съ палкой за спиной. Онъ даже сѣлъ отдохнуть на первый камень и заговорилъ. Ошибался онъ, надѣясь на легкую побѣду и на свою боевую опытность. Интересъ въ немъ Аграфена возбудила сразу и сразу же поняла, какъ надо поступать. Они оба, и мужъ и жена, привели ветерана почти въ изступленіе; понемногу, по вершочку, они завладѣли имъ, его волей, его мыслями. И, прежде нежели ветеранъ могъ одобрительно отозваться о проведенномъ лѣтѣ, онъ долженъ былъ переплатить Михайлѣ Петрову и Аграфенѣ кучу денегъ: то впередъ давалъ подъ ѣзду рублей двѣсти, а Михайла обязывался отработать; то Михайла подбивалъ его купить лошадь, говоря, что она будетъ, молъ, ваша, а только-что «покедова» поработаетъ; то Аграфена просила эту лошадь подарить. На этотъ разъ изъ ветерана была сдѣлана продолжительная доходная статья. Онъ совершенно влюбился и въ Аграфену и въ Михайлу Петрова, въ его порядочность, пониманіе, въ его отсутствіе мужичьяго разгильдяйства, пьянства. Онъ помогалъ достраивать ему домъ съ такимъ усердіемъ и интересомъ, какъ будто это былъ его собственный домъ.

— Да сдѣлай ты, глупецъ этакій, каменный фундаментъ!— говорилъ онъ Михайлѣ Петрову.—Ну какъ же можно строить на грязи?

— Ваше превосходительство, откуда-жъ намъ камню-то взять? Я бы радъ.

— Да я тебѣ дамъ, возьми... Чортъ знаетъ что̀ такое— строитъ домъ въ лужѣ!

Никакимъ слухамъ, никакимъ наговорамъ, касавшимся Михайлы Петрова, ветеранъ не вѣрилъ; онъ нашелъ въ Аграфенѣ и даже въ Михайлѣ семью, заботу, дѣло, вниманіе и деревенскую простоту, охоту выслушать совѣтъ, благодарность — все, что̀ съ избыткомъ наполняло его холостые старые дни.

Михайла Петровъ не прерывалъ сношеній съ ветераномъ и по отъѣздѣ его осенью въ столицу, да и самъ ветеранъ не желалъ этого. Онъ самъ скучалъ о нихъ, больше всего, конечно, объ Аграфенѣ, и все справлялся, не позовутъ ли его крестить. Его позвали, дѣйствительно, и онъ нарочно пріѣхалъ зимой, чѣмъ несказанно обидѣлъ сестру. Но Михайла Петровъ далъ ему понять кое-что насчетъ ребенка,

упомянулъ мелькомъ, что за этимъ «малюткомъ» (простъ онъ, не умѣетъ по-умному говорить) надо ходить по-божески, не такъ чтобы какъ-нибудь. И ветеранъ понялъ, что этотъ ребенокъ—его, хотя все это былъ вздоръ. Онъ далъ слово вывести мальчишку въ люди и навѣрное сдѣлаетъ это.

Но, несмотря на успѣхъ, и Аграфена и Михайла Петровъ съ каждымъ днемъ все дѣлаются ненасытнѣе въ достиженіи, а главное—въ желаніи еще бо̀льшихъ успѣховъ. «Мало», «мало»—все сильнѣе давитъ на ихъ общій умъ (они, дѣйствительно—одно тѣло и одинъ духъ), и они рвутся, какъ горячія лошади, все дальше и дальше, не зная, куда примчатъ ихъ рѣзвыя и вовсе не усталыя еще ноги. Очень можетъ-быть, что эта жажда денегъ и приведетъ ихъ обоихъ къ чему-нибудь недоброму; и Аграфена и Михайла все-таки *темные люди*, зарвутся, не сумѣютъ остановиться—и погибнутъ. Все это случится; но теперь они, по уму, по опредѣленности задачи и по энергіи, съ которою стремятся достигнуть ея,—первые люди деревни; имъ завидуютъ всѣ, мало-мальски вышедшіе изъ туманнаго существованія сѣраго мужика; всѣ такіе слѣпинцы стремятся имъ подражать, то-есть идутъ тою же дорогой; но—увы!—успѣха того не имѣютъ. Правда, они не церемонятся ни передъ чѣмъ и поставляютъ всякій «товаръ», лишь бы за него шли въ руки деньги, только товаръ, забитый, и оборванный, и неумѣлый, не одерживаетъ такихъ побѣдъ, какъ умная и хитрая Аграфена.

5.

«Шибко» нуждается въ деньгахъ и простой сѣрый мужикъ и также желалъ бы заполучить въ свои корявыя руки какіе-нибудь кредитные знаки; но, глядя на его старанія въ этомъ отношеніи, ясно видишь, что успѣха они имѣть не могутъ. Тайна этого неуспѣха именно въ томъ и состоитъ, что мужикъ — человѣкъ сѣрый, что онъ еще не отвыкъ отъ «крестьянства», не умѣетъ жить иначе, какъ своимъ домомъ, своей семьей, и главное—въ томъ, что плохо понимаетъ все происходящее за предѣлами его домишка. Онъ не можетъ обобщить и привести въ систему осаждающія его явленія жизни, иначе онъ бы давно думалъ точь въ точь такъ, какъ думаетъ Михайла Петровъ. Теперь

же, не приведя ничего въ ясность, онъ чувствуетъ только, что ему *нужны* деньги, иной разъ «до зарѣзу», но не какъ спасеніе отъ тьмы, не какъ средство вообще выйти изъ ничтожества, а только какъ средство удовлетворить кое-какимъ нуждишкамъ; о большемъ онъ не хлопочетъ и отвыкъ думать. Ему грезятся не куши, не капиталы, а деньжонки, рублишки, необходимые только для того, чтобы покрыть крышу, починить сапоги, отдать два рубля лавочнику. Онъ хватается за всякое средство, лишь бы только добыть рубликъ, и за этотъ рубликъ платитъ трудомъ своимъ въ десять разъ больше,—и это всегда, за каждый рубликъ. Если же онъ, т.-е. настоящій *сѣрый* мужикъ, и сообразитъ, что хорошо бы было ему получить поболѣ, справиться сразу, и если къ этому представится даже случай, то и тутъ не всегда онъ сумѣетъ воспользоваться имъ, потому что сѣръ, потому что еще не «насобачился», какъ говорятъ въ деревнѣ въ похвалу развитымъ и умнымъ людямъ.

Во время житья моего въ Слѣпомъ-Литвинѣ познакомился я съ однимъ изъ такихъ сѣрыхъ мужиковъ. Онъ постоянно нуждался въ самомъ необходимомъ, постоянно просилъ хлѣбушка, продавалъ теленка, не давъ ему, послѣ появленія на свѣтъ, поотходиться и двухъ недѣль; тащилъ цыплятъ въ продажу, когда они были еще желты. У него во всемъ былъ недохватъ: о покупкѣ новыхъ сапогъ онъ думалъ года по два; крышу собирался крыть лѣтъ пять и все-таки не могъ этого сдѣлать. Какая-то непоколебимая надежда на то, что онъ «вотъ, погоди, поправится», особенно поражала въ немъ, такъ какъ только она одна, какъ мнѣ кажется, и поддерживала его среди явнаго и полнаго разстройства всѣхъ его дѣлъ. Поддерживала она его до такой степени, что у Ивана Аѳанасьева (о немъ писано раньше) было больше веселыхъ минутъ въ жизни, чѣмъ у самаго исправнаго изъ мужиковъ. Лицо его было чаще другихъ запечатлѣно добродушнѣйшей усмѣшкой, шуткой; чаще другихъ онъ думалъ о томъ, что вотъ придетъ праздникъ, наваримъ пива, словомъ—погуляемъ. Никогда на свою горькую участь онъ не озлоблялся и не срывалъ зла ни надъ кѣмъ изъ домашнихъ, какъ это частехонько водится и не въ одномъ крестьянскомъ быту; напротивъ, что̀ весьма удивительно, дѣти, даже пріемышъ, взятый изъ воспитательнаго дома, составляли предметъ его особенной внимательности. Какъ самый тонкій наблюдатель, онъ день за

днемъ могъ разсказать, какъ начала говорить и ходить Машутка, какъ пазывала на своемъ дѣтскомъ нарѣчіи курицу, телѣгу, хлѣбъ; зналъ съ точностью повадку и натуру каждаго ребенка и даже весьма искусно велъ нравственное воспитаніе своихъ ребятишекъ.

— Меня Васька оби-жа-а-етъ! — реветъ во всю мочь крошечная дѣвчонка, бросаясь головой между колѣнями Ивана Аѳанасьева:—прибей его, тя-а-атька...

— Она щепку въ ротъ взяла, а я ее отнялъ... она и заревѣла...

— А-а!—серьезно говоритъ Иванъ Аѳанасьевъ.—Какъ же онъ это Васька Машутку смѣетъ обижать? Да мы его вотъ сейчасъ высѣкимъ, погляди-ка какъ. Высѣчь его, Машутка?

— Выс-сѣчь...

— Ну, давай, мы его высѣкимъ... Поди, волоки хворостину... Хорошую принеси, смотри. Мы его высѣкимъ съ тобой—небу будетъ жарко! Ахъ, онъ такой-сякой! волоки, Машутка, скорѣй...

Вся въ слезахъ и во всякой грязи на лицѣ, тащитъ Машутка со двора громадную хворостину. Но покуда она дотащила, обида ея прошла.

— Нина-а-а-да!—реветъ Машутка—и вся исторія оканчивается самой задушевной мировой.

Не разъ приходила мнѣ въ голову мысль, что такому человѣку, какъ Иванъ Аѳанасьевъ, во что бы то ни стало необходимо помочь. У него, въ самомъ дѣлѣ, недоставало только денегъ, чтобы поправиться, пообзавестись, и тогда рѣшительно не было никакихъ основаній сомнѣваться, что онъ встанетъ на ноги. Онъ хорошій, даже образцовый семьянинъ, человѣкъ, который пьетъ, когда случится, когда поднесутъ, и вовсе не завзятый любитель вина. Самъ Иванъ Аѳанасьевъ двадцать разъ заводилъ рѣчь о томъ, что хорошо бы добыть мѣстечко гдѣ-нибудь на сторонѣ, поработать годикъ, накопить рублей сто и потомъ взяться за крестьянство какъ слѣдуетъ, т.-е. все починить, подпереть, покрыть.

Случайно мнѣ пришлось встрѣтить одного моего хорошаго пріятеля, который нуждался для своего имѣнія въ человѣкѣ хорошаго поведенія, непьющемъ и работящемъ. Имѣніе это находилось верстахъ въ полутораста отъ Слѣпого-Литвина и въ семи или десяти верстахъ отъ желѣзной дороги. Состояло оно изъ построекъ: господскаго дома, службъ, бани и необходимыхъ хозяйственныхъ строеній, и

лежало одиноко въ лѣсу, въ трехъ верстахъ отъ ближайшей деревни. Въ виду того, что зимой (а человѣка владѣлецъ нанималъ на зиму) мѣсто можетъ показаться глухимъ, владѣлецъ назначалъ желающему хорошее жалованье.

Мѣстные крестьяне, наперерывъ старавшіеся занять это мѣсто, не удовлетворяли владѣльца, какъ народъ придорожный, «шоссейный», снисходительные взгляды котораго на исполненіе своихъ обязанностей,—взятыхъ, разумѣется, при всевозможныхъ клятвахъ и тысячахъ «будьте покойны», «если мы», «Господи, сохрани, да мы ужъ»,—были уже ему знакомы. Работа нанимаемаго должна была состоять въ надзорѣ за аккуратностью отправки изъ имѣнія сѣна на желѣзную дорогу, въ записываніи рабочихъ часовъ и въ надзорѣ за домомъ и скотомъ. Кромѣ того нанимавшійся могъ нанять плотника на хозяйскій счетъ; конечно, и этотъ плотникъ долженъ былъ жить всю зиму, исполняя тѣ мелкія работы, которыя укажетъ хозяинъ и замѣтитъ самъ управитель.

Я предложилъ Ивану Аѳанасьеву, не хочетъ ли онъ занять такое мѣсто. Жить ему будетъ скучно, но зато къ веснѣ и рабочей порѣ онъ можетъ вернуться домой съ порядочными деньгами. Я подробно разсказалъ ему его обязанности, положеніе имѣнія, рисовалъ дорогу, и лѣсъ, и домъ,—и Иванъ былъ радъ-радехонекъ.

— Лучше не надо!—твердилъ онъ.

— А лѣсъ?

— Господи помилуй! Лѣсъ? Али лѣсовъ-то не видали! Я пяти годовъ заблудился въ лѣсу-то, двое сутокъ не ѣлъ... Авось, теперь не махонькій...

Я просилъ его подумать, сообразить; но онъ повторялъ только одно:—«лучше не надо!», «по гробъ буду помнить!». Владѣльцу я расписалъ Ивана самыми превосходными красками. Въ честности его я не сомнѣвался ни капли. Владѣлецъ внимательно слушалъ меня, вѣрилъ мнѣ; но, наученный, должно-быть, опытомъ, почему-то сказалъ въ концѣ концовъ:

— О-охъ, смотрите!.. Впрочемъ, если все такъ, такъ я лучшаго не желаю.

Наконецъ Иванъ получилъ — въ чемъ я убѣдилъ владѣльца самыми непреложными доводами—нѣсколько денегъ на поправку, еще нѣсколько денегъ для дому, десять рублей на подати (и дѣйствительно внесъ ихъ) и нѣсколько денегъ на дорогу. Все это было послано въ письмѣ послѣ моего

отъѣзда изъ Слѣпого-Литвина. На мызу было послано увѣдомленіе оставлявшему ее приказчику, чтобы онъ къ такому-то дню (по приблизительному расчету) ожидалъ прибытія новаго приказчика и потомъ уже, сдавъ ему все, оставилъ мѣсто.

Черезъ двѣ недѣли послѣ разсчитаннаго срока получилось изъ деревни письмо, въ которомъ старый приказчикъ писалъ, что никто до сихъ поръ въ деревню не приходилъ; просилъ подыскать кого-нибудь другого, говоря, что больше ждать не можетъ.

— Вотъ видите!—съ легкимъ оттѣнкомъ насмѣшки сказалъ мой владѣлецъ:—говорилъ я!..

Признаюсь, изумился я такой неаккуратности Ивана, да мало того—изумился: въ маловѣрную душу мою закралось сомнѣніе даже насчетъ безкорыстія Ивана. Я столько навидался и наслышался насчетъ сомнительности этого безкорыстія, что невольно подумалось: «А ну-ка Иванъ, уплативъ подати и забравъ кое-какія деньжонки, вдругъ раздумалъ ихъ отрабатывать, повѣривъ какому-нибудь деревенскому опытному, умному человѣку, что «бумагъ никакихъ не было, а нонѣ безъ бумагъ ничего не возьмешь»...

Уже съ слабою или, по крайней мѣрѣ, съ поколебленною вѣрою въ правоту моихъ словъ я старался вновь увѣрить владѣльца, что это какое-то недоразумѣніе, что быть не можетъ, чтобы Иванъ надулъ, что не такой онъ человѣкъ.

— Хорошо, хорошо... Подождемъ немного...

А покуда было послано письмо къ одному лучшему изъ мѣстныхъ мужиковъ — пожить въ мызѣ до прихода новаго приказчика. Къ неописанной моей радости — однако не раньше какъ черезъ недѣлю—пришло другое письмо, но на этотъ разъ прямо отъ Ивана.

Оказывалось, что не ѣхалъ онъ по случаю того, что у него родила жена, а главное—потому, что *справлялъ* крестины; а крестины справлялъ потому, что сосѣдей не звалъ на прошлый праздникъ: стыдно, а еще главнѣе потому, что исхарчился на угощеніе «до послѣдняго», прибавляя при этомъ весьма категорически — «потому нельзя никакъ, невозможно—продавалъ овецъ, но давали нестоящую цѣну, и теперь вотъ пришелъ потому, что наконецъ продажа состоялась удачная», и въ заключеніе просилъ прощенія, говоря, что «ужъ теперь онъ всей душой разстарается»...

Очень я былъ радъ этому письму. Всѣ нечистыя подозрѣнія разлетались сами собой, какъ дымъ, и Иванъ вы-

ходилъ совершенно чистымъ. Меня только удивляло немного то обстоятельство, что онъ, бьющійся, какъ рыба объ ледъ, бѣднякъ, тратитъ послѣднее на угощеніе и, прежде чѣмъ выработать что-нибудь, т.-е. прибавить къ своему имуществу, начинаетъ съ продажи овецъ, т.-е. съ прямой отбавки, съ прямого убытка. Михайла Петровъ, не задумываясь, взялся бы за дѣло, а угощать началъ бы послѣ, по окончаніи и полученіи чистыхъ барышей. Ивану же, т.-е. сѣрому русскому мужику, не отвыкшему ставить на первомъ планѣ интересъ своей семьи, надо сначала «до послѣдняго» убить свои ничтожныя средства на какія-то формальности, которыя легко могутъ быть соблюдены и послѣ. Немного, чуть-чуть, я сердился на Ивана: тутъ надо ковать желѣзо, пока горячо, а онъ двѣ недѣли возится съ угощеніемъ, добиваетъ «до послѣдняго» и даже продаетъ овцу, чтобы тронуться въ путь, когда все это и безъ того было устроено.

Но все-таки я былъ радъ, что онъ не обманщикъ.

Съ недѣлю съ дачи не было никакихъ извѣстій, какъ вдругъ неожиданно, когда я случайно находился въ кабинетѣ владѣльца въ Петербургѣ (въ началѣ второй недѣли пребыванія Ивана на новомъ мѣстѣ), вошла горничная и сказала:—«Изъ деревни вотъ мужикъ принесъ».

На этотъ разъ письмо было отъ Ивана. Къ неописанному нашему удивленію, Иванъ отказывался отъ мѣста, говорилъ, что ему надо «безпремѣнно идти домой, такъ какъ у него сгорѣлъ сарай, развалился овинъ, и такъ какъ...» Далѣе онъ такъ нагло лгалъ, выставлялъ такія невѣроятныя причины къ своему удаленію, что мы уже болѣе не могли сомнѣваться въ способности Ивана къ надуванію: онъ сломалъ ногу, вывихнулъ бокъ, ему ударило «сверху» по головѣ балкой, и словомъ—Богъ знаетъ что̀!

— Вотъ! — сказалъ мой собесѣдникъ, кладя письмо на столъ:—какъ это̀ вамъ покажется.

Я не зналъ, что̀ и думать.

— Позвольте-ка мнѣ письмо, — сказалъ я, не зная, что̀ сказать. Я еще разъ перечиталъ это истинно-наглое вранье, еще разъ не могъ понять, что̀ такое дѣлается съ Иваномъ, и, раздумывая объ этомъ, машинально перевернулъ письмо другой страницей (оно было на четверткѣ сѣрой писчей бумаги). Эта другая страница также оказалась исписанной, и, къ удивленію, письмо было адресовано прямо ко мнѣ. «Простите моей подлой глупости, что съ господиномъ дол-

женъ поступать обманомъ: ничего больше нѣту, какъ безъ своихъ жить не могу—все думается». И затѣмъ шло полное признаніе въ томъ, что вся предшествовавшая страница наврана.

Я указалъ на это моему собесѣднику, и мы оба искренно расхохотались.

«Даже надуть-то какъ слѣдуетъ не умѣетъ!» — пришло намъ въ голову.

На одной и той же бумагѣ, въ одномъ и томъ же письмѣ этотъ хитрецъ разоблачаетъ всѣ свои тайны.

— У него бумаги не было больше-то!—объяснилъ намъ мужикъ, принесшій письмо. Мужикъ былъ присланъ мѣстнымъ крестьяниномъ, жившимъ на дачѣ до прихода Ивана, и удивительныя дѣла поразсказалъ про этого сѣраго мужика. Оказалось, что жить не въ своей семьѣ, не въ своемъ дворѣ для Ивана — просто невозможно. Никакія деньги не въ силахъ удержать его вдали отъ «своего». Онъ дѣлается пугливъ, какъ ребенокъ, боится темной комнаты, «за тыщу» рублей не рѣшается выйти на крыльцо ночью. Все ему—чужое, всего ему боязно, страшно, дико...

«Нѣтъ,—подумалъ я, слушая эти разсказы:—долго еще сѣрому мужику нашему не нажить «большихъ» капиталовъ!..»

IV.

Деревенскій сторожъ.—Благословенныя мѣста и та же неурядица. — Душевное одиночество крестьянина.—Отсутствіе новыхъ деревенскихъ дѣятелей, понимающихъ новыя осложненія народной жизни.—Взаимная рознь.

1.

Эта глава деревенскихъ замѣтокъ, болѣе чѣмъ чрезъ годъ послѣ исторіи съ Иваномъ Аѳанасьевымъ, мужикомъ новгородскимъ, пишется за тридевять земель отъ новгородскихъ лѣсовъ и болотъ, въ степной полосѣ самарскаго края, а, право, не видишь никакой разницы между болотными и степными деревенскими порядками.

Вышелъ я въ лѣтній жаркій, праздничный день на воздухъ и гляжу на дорогу, облокотившись на плетень. Мимо меня проходилъ крестьянинъ съ двумя дѣтьми, дѣвочками, изъ которыхъ одну, полуторагодовую, онъ держалъ на рукахъ, а другую, двѣнадцатилѣтнюю, велъ за руку. Шли они медленно, такъ, какъ ходятъ нищіе, обремененные заботою высматривать человѣка, готоваго «подать», обязанные поэтому останавливать свое вниманіе на каждомъ окнѣ, на каждой двери, поглядывать и черезъ заборъ и въ полуотворенныя ворота. Сходство съ нищими, кромѣ медленной походки, дополнялось еще и внѣшнимъ видомъ приближавшейся ко мнѣ группы: даже и по-деревенски она была плохо одѣта, выглядѣла бѣдно. У мужика были штаны въ лохмотьяхъ и дырьяхъ, обнаруживающихъ голое тѣло; ноги у него были босикомъ. Дѣвочка, которая у него была на рукахъ, была такъ худа, желта, что показалась мнѣ больною; бѣлые волосы на ея головкѣ были всклокочены, росли неровными прядями и носили слѣды весьма-таки замѣтной

грязи: «лепешками» виднѣлась она между этими бѣлыми дѣтскими волосами. Та же бѣдность и неразлучная съ нею неряшливость замѣтны были и въ той дѣвочкѣ, которую мужикъ велъ за руку. Самъ онъ шелъ съ открытой головой, что̀ тоже признакъ «нищаго», которому шапка только помѣха, потому что снимать ее приходится каждую минуту. Когда эта группа поровнялась со мной, я ожидалъ, что мужикъ попроситъ «милостыньки»; но онъ не просилъ, а остановился и поклонился.

— Ты... «просишь»?—нерѣшительно спросилъ я.

— Что̀ ты! — съ нѣкоторымъ удивленіемъ взглянувъ на меня, произнесъ крестьянинъ:—я — сторожъ здѣшній... Господь милостивъ еще!..

— Ну, извини!..

— Сторожъ, сторожъ, братецъ ты мой... Господь еще миловалъ отъ этого... Это вотъ внучки ко мнѣ пришли въ гости... Погулять вотъ пошли... Нѣтъ! Храни Богъ отъ этого.

Я еще разъ извинился передъ нимъ и сказалъ:

— Это вотъ я на дѣтей поглядѣлъ: мнѣ и пришло въ голову...

— Ничего, что-жъ!.. Сторожъ, братъ, сторожъ!

— Худы онѣ у тебя, дѣвочки-то.

— Какъ не быть худымъ... Главная причина, другъ ты мой, пищи нѣту!

— Какъ пищи нѣтъ?

— Больше ничего, какъ нѣту! Была у насъ коровка — Господь ее у насъ взялъ, пала... Ну, молочка-то и нѣту...

— Чѣмъ же ты кормишь вотъ эту маленькую-то?

— Чѣмъ? а что̀ сами, то и ей... кваску, хлѣбца...

— Этакой-то маленькой?

— Что̀ же ты будешь дѣлать!.. Вотъ, Богъ дастъ, осенью телочка подрастетъ, продадимъ, да своихъ за лѣто мнѣ придется за караулъ съ барина... Вотъ изъ этихъ придамъ, вотъ, Богъ дастъ, и купимъ корову-то; ну, а покуда что̀— ужъ надо терпѣть... Ничего не подѣлаешь!..

— Ты ночью караулишь-то?

— То-то только ночью! кабы мнѣ лошадку, у меня бы и день не пропадалъ бы даромъ...

Надо сказать, что въ деревнѣ, гдѣ происходитъ настоящій разговоръ и гдѣ я живу, идутъ большія постройки, и свободное время крестьянъ, т.-е. конецъ мая и іюнь, можетъ быть хорошо оплачено поденной работой.

— Тутъ съ лошадью-то,—продолжалъ крестьянинъ:—по семи гривенъ въ день даютъ; такъ я бы за лѣто-то и совсѣмъ сталъ на ноги; вотъ что̀, другъ ты мой, огорчастъ-то! У меня жены нѣту, второй годъ померла; ихняго (онъ указалъ на дѣвочекъ) отца, моей дочки, стало-быть, мужа, въ солдаты взяли; вотъ я и ослабъ, а справиться—способовъ нѣтъ... А кабы ежели бы хоть какая-нибудь лошаденка,—вонъ въ пятнадцать рублей на ярмаркѣ были, — я бы все къ осени-то ужъ какъ бы ни какъ, а приспособствовалъ къ поправкѣ.

— Да ты—здѣшній крестьянинъ-то?

— Знамо, здѣшній.

— Такъ вѣдь тутъ у васъ товарищество, банкъ. Въ банкѣ возьми пятнадцать-то рублей.

— То-то нашему-то брату не даютъ изъ банки-то!

— Какъ не даютъ, отчего же?

— Оттого, что не дадутъ — вотъ и все тутъ. Вѣдь тамъ, братецъ ты мой, ручателя надо представить; а гдѣ мнѣ его найти? Другому, кто посильнѣе, можно, сколько хошь; а кто ежели вотъ, примѣромъ, какъ я теперечи, ослабъ—кто за него пойдетъ? Случись неуправка — никому, братецъ ты мой, отвѣчать за тебя не охота, это тоже надо понимать...

Крестьянинъ помолчалъ и прибавилъ:

— Ослабъ оченно! Вотъ какое дѣло... Жена померла, осталась изъ всего роду дочка, да вотъ двѣ внучки, да и дочкѣ-то тоже не сладко: мужа въ солдаты взяли, сама въ работницахъ. Говорятъ, будто изъ губерніи пособіе выйдетъ—ну, только не слыхать что-то... Вотъ какое дѣло, братецъ ты мой.

Тутъ крестьянинъ прибавилъ съ улыбкой:

— И то, пожалуй, съ твоей легкой руки собирать пойдешь... Право!.. Тьфу! Храни Богъ!

Плюнулъ и я на это нехорошее предчувствіе.

— А ужъ кабы лошаденку!..—выказывая намѣреніе уйти, сказалъ крестьянинъ:—я-бъ пятнадцать-двадцать рублишекъ къ осени легкимъ духомъ сбилъ. Къ осени ужъ непремѣнно и банку бы очистилъ, да и лошаденка была-бъ въ дому... оно бы все полегче... Ну, ничего не подѣлаешь. Надоть терпѣть—одно!

Покачавъ еще разъ головою и пересадивъ дѣвочку съ одной руки на другую, что̀ дало мнѣ возможность увидѣть ся, поистинѣ какъ спички худенькія ноги, крестьянинъ попрежнему медленно, потихоньку отошелъ прочь, продол-

жая свою «прогулку съ дѣтьми», а я остался одинъ. Впечатлѣніе этого разговора было весьма тяжелое, потому что разговоръ наводилъ на рядъ вопросовъ, при маломъ знакомствѣ съ деревенскими порядками почти неразрѣшимыхъ. Судите сами.

Деревня, гдѣ живетъ горемыка-сторожъ, не считающій себя нищимъ, деревня безспорно самая богатая, какую только я когда-нибудь и гдѣ-нибудь видѣлъ. Да и не одна только эта деревня богата, т.-е. щедро надѣлена естественными богатствами, богатъ весь край; край этотъ Приволжье — степная Самарская губернія, истинная «житница русской земли». Помимо удивительной земли, какіе здѣсь роскошные (въ буквальномъ смыслѣ) луга, какой обильный кормъ скоту, не говоря ужъ просто о красотѣ. Широкая Волга-матушка благодѣтельствуетъ мѣстность, хотя ужъ однимъ тѣмъ, что даетъ возможность имѣть рыбу вѣсомъ въ фунтъ за одну полкопейку, да и безъ этого благодѣянія рѣки, протекающія край и впадающія въ Волгу, даютъ столько съѣдобнаго живья, что его, какъ говорится, «ловить не переловить, ѣсть не переѣсть». А сколько всякой птицы, всякой дичи гуляетъ по луговымъ «мокринамъ», по этимъ многочисленнымъ степнымъ озеркамъ, прячущимся въ высокой, душистой, изумляющей разнообразіемъ породъ травѣ! «Благодать!»—вотъ что̀ можно сказать, глядя на всю эту естественную красоту, на все это природное богатство мѣстности...

Деревня, о которой идетъ рѣчь, надѣлена всѣми этими благами природы ничуть не меньше другихъ здѣшнихъ мѣстъ; стоитъ она при рѣчкѣ, а другая, еще болѣе широкая, глубокая и богатая, течетъ не болѣе какъ въ полуверстѣ. Земли и луга, которыми владѣютъ крестьяне, удивительно тучные, богатые. Кромѣ того, въ самой деревнѣ, какъ подспорье этому природному богатству, ужъ есть подспорье денежное — ссудо-сберегательное товарищество, въ которомъ членами состоятъ хозяева рѣшительно всѣхъ семидесяти дворовъ деревни. Наконецъ, чтобы читатель могъ окончательно убѣдиться въ благосостояніи этой деревни, я долженъ сказать, что хотя здѣсь еще и нѣтъ кой-чего, напримѣръ, школы, фельдшера, но зато съ самаго основанія новыхъ условій крестьянскаго быта, т.-е. съ 19-го февраля 1861 г., нѣтъ и не было, а надо думать, и не будетъ *ни единой копейки недоимки.* Этотъ аргументъ въ пользу благосостоянія я могу подтвердить

офиціальною справкою; а личныя мои наблюденія привели меня къ убѣжденію, что такая аккуратность въ отбываніи повинностей, вездѣ крайне для крестьянина обременительная, здѣсь исполняется безъ особеннаго труда, такъ какъ оброчныя статьи—мельница, рѣка, кабакъ—даютъ крестьянамъ сумму, покрывающую всѣ налоги: такъ, напримѣръ, одинъ кабатчикъ платитъ обществу 600 руб. сер. за право торговли.

Чего еще нужно для того, чтобы человѣкъ, живущій здѣсь, былъ сытымъ, одѣтымъ, обутымъ и ужъ во всякомъ случаѣ не нищимъ? Такъ непремѣнно долженъ думать всякій, кто знаетъ, что общинное, дружное хозяйство — не только спасенье отъ нищеты, а есть единственная общественная форма, могущая обезпечить *всеобщее* благосостояніе. Такъ долженъ думать всякій, кто знаетъ, что лучшей земли нѣтъ въ свѣтѣ, что изъ такихъ природныхъ богатствъ, въ соединеніи съ общиннымъ дружнымъ владѣніемъ ими, можетъ выходить только добро, и что надѣленная ими община можетъ только «улучшать» свое благосостояніе.

И, представьте себѣ, среди такой-то благодати не проходитъ дня, чтобы вы не натолкнулись на какое-нибудь явленіе, сцену или разговоръ, который бы мгновенно не разрушилъ всѣ ваши фантазіи, не изломалъ всѣ вычитанные вами соображенія и взгляды на деревенскую жизнь, словомъ—становятъ васъ въ полную невозможность постичь, какъ при такихъ-то и такихъ условіяхъ могло произойти то, что̀ вы видите воочію.

Вотъ рядомъ съ домомъ крестьянина, у котораго накоплено 20.000 р. денегъ, живетъ старуха съ внучками, и у нея нечѣмъ топить, не на чемъ состряпать обѣда, если она не подберетъ гдѣ-нибудь «уворуючи» щепочекъ, не говоря о зимѣ, когда она мерзнетъ отъ холода.

— Но вѣдь у васъ есть общинные лѣса?—съ изумленіемъ восклицаете вы—дилетантъ деревенскихъ порядковъ.

— Нашей сестрѣ не даютъ оттедова.

— Почему же такъ?

— Ну, стало, выходитъ — нѣтъ этого, чтобы, то-есть, всѣмъ выдавать...

Или:

— Подайте, Христа ради!

— Ты здѣшняя?

— Здѣшняя.

— Какъ же это такъ пришло на тебя?

— Да какъ пришло-то! Мы, другъ ты мой, хорошо жили, да мужъ у меня работалъ барскій сарай и свалился съ крыши, да вотъ и мается больше полгода!.. Говорятъ, въ городъ надоть везти; да какъ его повезешь-то?.. Я одна съ ребятами... Землю міръ взялъ...

— Какъ взялъ? Зачѣмъ?

— Кто-жъ за нее души-то платить будетъ? Еще, слава Богу, души сняли: видятъ—силы въ насъ нѣту.

— А работника нанять?

— На что его наймешь-то? Откуда взять?

— Какъ откуда? У васъ есть своя касса, изъ вашихъ же собственныхъ денегъ: тамъ навѣрное и твоего мужа деньги. У васъ касса есть общественная!.. Я знаю, тамъ нѣсколько сотъ рублей... Ты можешь заплатить за работу, и у тебя будетъ свой хлѣбъ... Зачѣмъ тебѣ побираться? Проси тамъ денегъ: тамъ деньги ваши, собственныя.

— Ну, какъ же! Дадутъ «*они*» «намъ»... Подайте, Христа ради, что̀ вашей милости будетъ!..

Что-жъ это за волшебство? Что̀ это за порядки, при которыхъ въ такой благодатной странѣ, при такомъ обиліи природныхъ богатствъ, можно поставить работящаго, здороваго человѣка въ положеніе совершенно безпомощное, довести его до того, что онъ среди этого эльдорадо ходитъ голодный съ голодными дѣтьми и говоритъ:

— Главная причина, братецъ ты мой, — пищи нѣту у насъ—вотъ!

Въ этакой-то роскошной странѣ, при общинномъ-то хозяйствѣ, въ мѣстности съ кассами, банками, въ мѣстности, гдѣ нѣтъ недоимокъ, работящему, обременному семьей человѣку—нѣтъ пищи?!.

Вѣдь это ужъ что-то очень мудреное, именно какъ будто волшебное!.. Согласитесь, что если бы въ этой деревнѣ на семьдесятъ дворовъ вы встрѣтили только этого сторожа, только старуху и бабу, о которыхъ было сказано выше, то и тогда они должны бы поставить васъ втупикъ. Но что̀ скажете вы, когда такія непостижимыя явленія станутъ попадаться вамъ на каждомъ шагу; когда вы ежеминутно убѣждаетесь, что здѣсь, въ богатой деревнѣ, ничего не сто̀итъ «пропасть» человѣку такъ, даромъ, за ничто, пропасть тогда, когда все благопріятствуетъ противному? Очевидно, что въ глубинѣ деревенскихъ порядковъ

есть какія-то несовершенства интеллектуальныя, достойныя того, чтобы обратить на нихъ вниманіе.

2.

Въ прошедшемъ году лѣтомъ, живя въ деревнѣ въ Новгородской губерніи — мѣстности бѣдной удобными землями, я могъ замѣтить, что трудныя матеріальныя обстоятельства побуждаютъ деревенскаго человѣка тѣхъ мѣстъ «уходить» изъ деревни и сосредоточиваютъ все его вниманіе на добываніи денегъ, такъ какъ денегъ требуетъ начальство, а земля — самый главный источникъ доходовъ—до крайности плоха, и кромѣ того количество ея мало. Всякій случайный заработокъ встрѣчается здѣсь съ восторгомъ; всякій рубль, за что бы онъ ни попадалъ на руки, считается добромъ. Несомнѣнно, что бѣдность объясняетъ въ этой сторонѣ многія непривлекательныя явленія деревенской жизни.

Но и тогда я не могъ не замѣтить, что бѣдность — еще не все, что стремленіе во что бы то ни стало добиться денегъ и потомъ уйти изъ деревни имѣетъ основаніе, кромѣ бѣдности, еще и въ томъ нравственномъ одиночествѣ, которое тяготѣетъ надъ каждымъ крестьянскимъ домомъ, надъ каждымъ человѣкомъ, живущимъ въ деревнѣ. Фиктивно соединенные въ общество круговою порукою при исполненіи многочисленныхъ общественныхъ обязанностей, большею частью къ тому же навязываемыхъ извнѣ, они, не какъ общинники и государственные работники, а просто какъ люди — предоставлены каждый самъ себѣ, каждый отвѣчай самъ за себя, каждый самъ за себя страдай, справляйся — если можешь, если не можешь— пропадай!

И вотъ тутъ-то, въ этомъ-то множествѣ личныхъ заботъ, огорченій, страданій, никѣмъ не облегчаемыхъ, не освѣщаемыхъ ни однимъ добрымъ словомъ, переносимыхъ каждою семьею въ полномъ молчаніи или неумѣніи другихъ помочь въ горѣ — я видѣлъ главную причину того, что у человѣка, который понялъ свое одинокое, безпомощное положеніе, должно явиться желаніе уйти отсюда не только для того, чтобы наживать деньги, но для того, чтобы выйти къ свѣту, къ людямъ, къ какому-нибудь знанію свѣта, лю-

дей, порядковъ. Эти деньги нужны для того, чтобы купить это знакомство съ жизнью «по-людски»; чтобы лѣчить своихъ больныхъ дѣтей, какъ лѣчатъ люди; чтобы учить ихъ не одной палкой, а настоящей наукой, — то-есть вообще удовлетворить такимъ потребностямъ ума, такимъ движеніямъ человѣческаго сердца, которымъ, при современныхъ деревенскихъ порядкахъ, гдѣ все сосредоточено на мысли о недоимкѣ и податяхъ, нѣтъ мѣста, нѣтъ удовлетворенія и надежды на него нѣтъ.

Я говорилъ тогда, что если въ деревенскую среду не войдутъ посторонніе, болѣе знающіе люди, которые сдѣлали бы «общинными» интересами не одну только землю и раскладку подушныхъ, а всѣ загнанныя, забитыя, неудовлетворенныя потребности крестьянской души, — люди, которые дѣлали бы это не изъ-за жалованья, какъ дѣлаютъ нанятые за десять цѣлковыхъ горемыки-учителя, горемыки-священники, не посѣщающіе деревень доктора, а какъ люди *убѣжденные въ томъ, что имъ нѣтъ другого мѣста* для примѣненія своихъ знаній, своего развитія, кромѣ деревни, нѣтъ другого заработка болѣе безгрѣшнаго, какъ тотъ, который можетъ дать деревня яйцомъ, подаркомъ курицы и т. д., — то безъ этого притока въ деревню «свѣта Божьяго» деревня, то-есть все, что̀ есть въ ней хорошаго, стоскуется, разбредется, а что̀ и останется въ ней, потерявъ аппетитъ къ крестьянскому труду, будетъ только безсильнымъ рабочимъ матеріаломъ въ рукахъ тѣхъ, кто дастъ хоть какой-нибудь заработокъ.

Такія соображенія, быть-можетъ, вполнѣ дилетантскія, но рѣшительно не выдуманныя, а родившіяся «сами собою» при малѣйшемъ вниманіи къ современнымъ деревенскимъ порядкамъ, приходили мнѣ въ голову въ то время, когда передъ моими глазами стояла бѣдность сѣверной природы. Теперь же, когда я вижу кругомъ себя «благодать»,—обиліе и богатство,—я волей-неволей еще прочнѣй убѣждаюсь въ своихъ легкомысленныхъ фантазіяхъ, т.-е., что деревнѣ необходимы новые взгляды на вещи, необходимы новые, развитые, образованные дѣятели, для того, чтобы среди этого простора не было лондонской тѣсноты, а среди возможнаго, находящагося подъ руками довольства—самой поразительной нищеты, не знающей, гдѣ преклонить голову.

3.

Первое, что̀ бросается въ глаза при наблюденіи надъ современными деревенскими порядками *), это почти полное *отсутствіе нравственной связи* между членами деревенской общины. При крѣпостномъ правѣ фантазіи господина-владѣльца, одинаково обязательныя для всѣхъ, сплочивали деревенскій народъ взаимнымъ сознаніемъ нравственныхъ несчастій. Господская фантазія имѣла право вломиться въ деревенскую семью и по произволу распорядиться личностью человѣка: могла «взять» человѣка и отдать въ науку, въ музыканты, повара, портные; могла взять и женить, или выдать замужъ, не обращая вниманія на «человѣка». Ежеминутная возможность такихъ фантазій связывала міръ одинаковымъ *униженіемъ* человѣческой личности; какъ у «людей», а не у государственныхъ работниковъ, у нихъ была общая мысль, общая нравственная забота... Теперь ужъ никто не вломится въ семью, кромѣ начальства, которое приходитъ съ солдатами; теперь всякій отвѣчай за себя, распоряжайся самъ какъ знаешь; но связь «нравственнаго гнета» не замѣнилась сознаніемъ необходимости «общаго благополучія», общаго облегченія жизни, такъ какъ на мѣсто произвола не пришло ни знаніе, ни развитіе, ни даже доброе слово. Привычка трепетать, видѣть въ себѣ вѣковѣчнаго работника, привычка, ничѣмъ и никѣмъ не разрушаемая, держитъ крестьянина и до сихъ поръ въ своей власти.

Произволъ не войдетъ ужъ въ нравственные интересы крестьянской семьи въ тѣхъ широкихъ и даже фантастическихъ размѣрахъ, какъ при крѣпостномъ правѣ, но и сочувствіе къ нимъ, вниманіе къ нимъ также сюда не войдетъ. Кричи больной ребенокъ, сколько хочешь, всю ночь, весь день, недѣлю; охай и мучайся надъ нимъ мать, отецъ, бабка — вся малосвѣдущая въ медицинѣ семья, никто не войдетъ съ помощью, съ умѣньемъ, точь въ точь какъ при крѣпостномъ правѣ. Докторъ, получающій 1.200 р. на населеніе въ 300 тысячъ человѣкъ, говоритъ: «мнѣ не разорваться!». Фельдшеръ также разорваться не въ состояніи... И вотъ умираетъ ребенокъ, оставляя въ сознаніи тѣхъ, кто любилъ его, впечатлѣніе непроходимой темноты и тяжести...

*) Прошу читателя имѣть въ виду, что замѣтки эти относятся къ *извѣстному* только времени, именно 77—78 гг., и къ извѣстнымъ только мѣстностямъ—сѣверной новгородской и степной самарской.

Въ виду отсутствія какого-нибудь свѣта, который бы проникъ со стороны въ крестьянскую семью и далъ бы возможность видѣть хотя уголокъ той сложности новыхъ условій жизни, въ которой стало крестьянство послѣ освобожденія, далъ бы вообще возможность вздохнуть, оглядѣться, «сообразиться» — въ виду отсутствія всего этого, каждый крестьянскій домъ, обремененный массой такихъ нравственныхъ заботъ, которыя бы легко уничтожились, если бы были предметомъ *общественнаго* деревенскаго вниманія, каждый такой домъ представляетъ необитаемый островъ, на которомъ изо дня въ день идетъ упорная борьба съ жизнью, при неистовомъ терпѣніи и неистовомъ трудѣ. Тяжесть этого бремени такова, что существовать во имя его на бѣломъ свѣтѣ кажется невозможнымъ, и если именно это-то бремя нравственныхъ заботъ и заставляетъ «биться» крестьянскую семью, то это происходитъ, кажется, только вслѣдствіе глубокой вѣры въ предопредѣленіе свыше.

Примѣровъ, доказывающихъ полное одиночество крестьянской семьи и полное отсутствіе въ современныхъ новыхъ *общественныхъ* крестьянскихъ нуждахъ новаго *типа* общественнаго дѣятеля, новаго, болѣе широкаго типа мірского вниманія—такихъ примѣровъ на каждомъ шагу великое множество. Вотъ пріѣзжаютъ люди торговые и начинаютъ при помощи сельской власти склонять общество на отдачу въ аренду рыбныхъ статей или права на торговлю виномъ. Общество беретъ тѣмъ меньшую цѣну, чѣмъ болѣе роскошное угощеніе представитъ склоняющій, т.-е. чѣмъ болѣе выставитъ вина. На сходкахъ, собираемыхъ по подобнаго рода общественнымъ дѣламъ, обыкновенно бываетъ весь міръ въ полномъ комплектѣ, но едва ли только не потому, что здѣсь каждый получаетъ свой стаканъ, или два, или пять, смотря по щедрости предпринимателя. Всѣ пьющіе знаютъ, что изъ 600 рублей, взятыхъ за кабакъ, никому не придется получить на свою долю ни копейки, и предоставляютъ ихъ, какъ это почти постоянно бываетъ, на расхищеніе людей, стоящихъ у деревенскаго сундука, предоставляютъ именно потому, что некому вступиться, возопіять о неправдѣ и злѣ такого дѣла.

Это отсутствіе въ деревнѣ *новыхъ* элементовъ, расширяющихъ размѣры «общественнаго вниманія», дѣлаетъ то, что самое общинное пользованіе землею въ настоящихъ условіяхъ деревенской жизни вовсе не избавляетъ члена общины отъ голодной смерти. Удивительныя явленія подоб-

наго рода происходятъ очень просто: вотъ крестьянскій домъ, платящій, положимъ, за двѣ души и владѣющій двухдушевымъ надѣломъ. Работниковъ въ семьѣ одинъ человѣкъ, что̀ зачастую бываетъ даже на 5 и на 6 ртовъ или ѣдоковъ. Этотъ работникъ свалился съ крыши, сломалъ ногу и лежитъ больной. Деньги, имѣющіяся у него на фельдшера, на больницу въ общественной кассѣ, растрачиваются волостнымъ писаремъ, сельскимъ старостой или волостнымъ старшиной, да онъ и не полагаетъ, что ему тамъ ихъ дадутъ на *такое* дѣло. Больной работникъ лежитъ и мучается, работа стоитъ, и семью гнететъ бѣдность; платить за двѣ души нѣтъ возможности, надо просить міръ, чтобы онъ *снялъ* хоть одну душу. Міръ снимаетъ душу, но и *землю*, на эту душу полагающуюся, беретъ. Лишившись земли и лишившись своего хлѣба, семья слабѣетъ, и очень можетъ-быть, что на слѣдующій годъ придется снять и вторую душу, остаться совсѣмъ безъ земли, пойти по міру, будучи хозяиномъ общественныхъ лѣсовъ, угодій, общественныхъ суммъ, живя въ благодатной, плодородной мѣстности. Кто же спасетъ, поможетъ мнѣ въ такой бѣдѣ, въ которой не помогаютъ теперешніе деревенскіе порядки, не помогаютъ потому, что не понимаютъ, чтобы такого рода частное несчастіе могло быть достойно общественнаго вниманія? Меня можетъ спасти *родство*, родственныя связи, личныя мои отношенія къ частнымъ людямъ, но *общественнаго* вниманія мнѣ не дождаться. Эти порядки отдаютъ взятую у меня землю другому лицу, котораго еще не постигло несчастіе, заставившее опустить руки... А я, больной и разоренный, долженъ ходить по-міру, служить работникомъ у сосѣда, такого же равноправнаго члена общества, какъ и я самъ. Гдѣ же тутъ «дружная общественная работа»?

4.

Въ рукахъ моихъ въ настоящее время находится копія съ учета одного волостного старшины (той волости, въ которой находится обитаемая мною деревня) и служившаго въ волостномъ правленіи писаря. Мнѣ могутъ сказать, что ужъ то обстоятельство, что растратамъ старшины и писаря сдѣланъ мірской учетъ, свидѣтельствуетъ объ общественномъ вниманіи къ своимъ собственнымъ интересамъ.

Однако, зная дѣло это подробно, я долженъ сказать, что, къ сожалѣнію, мысль объ учетѣ возникла не въ обществѣ, но въ средѣ крестьянъ, а почти на сторонѣ, и принадлежитъ человѣку, почти постороннему обществу. Будучи крестьяниномъ той самой волости, о которой идетъ рѣчь, человѣкъ этотъ лѣтъ двадцати оставилъ ее, жилъ въ городѣ, въ лавкѣ въ мальчикахъ, потомъ въ приказчикахъ, ѣздилъ не разъ съ хозяевами въ Москву и, воротившись послѣ пяти-шести лѣтъ отсутствія, открылъ въ деревнѣ собственную лавку, въ которой есть, что нужно главнымъ образомъ окрестнымъ помѣщикамъ. Человѣкъ этотъ—грамотный, выписывающій газету и если не блистающій особливымъ безкорыстіемъ, т.-е. берущій и наживающій извѣстный процентикъ, и процентикъ неубыточный, то уже понимающій, что воровать прямо, безъ всякихъ предлоговъ, нехорошо, понимающій, что воровать общественныя деньги — еще того хуже.

Имѣя, благодаря успѣшному ходу собственныхъ дѣлъ, порядочный досугъ и, стало-быть, время подумать и о постороннемъ, этотъ человѣкъ, быть-можетъ, даже подъ вліяніемъ газетныхъ криковъ о всеобщемъ воровствѣ (а Богъ его знаетъ, можетъ, также изъ корыстолюбія, изъ желанія самому попасть въ старшины; трудно говорить о мало знакомыхъ деревенскихъ людяхъ, не съѣвъ съ ними предварительно пудъ соли), заинтересовался общественными дѣлами деревни, а заинтересовавшись, открылъ такія вещи, которыя уже не позволяли ему остановиться, знать про нихъ и молчать. Какъ бы то ни было, по мягкосердію или по своекорыстію,—разъ въ деревнѣ появился такой человѣкъ, который *взялся* на свою отвѣтственность вести войну «за правду»,—такой человѣкъ всегда можетъ разсчитывать на полное сочувствіе деревни. Результатомъ вмѣшательства въ крестьянскія дѣла этого сельскаго торговца была подача въ уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе слѣдующаго «*отъ всего общества с. Б. прошенія*» (привожу его въ подлинникѣ, сохраняя изложеніе безъ измѣненія):

«1876 года декабря 3-го дня въ Б—мъ волостномъ правленіи были назначены торги на волостную ямщину, и въ то же время были собраны, изъ каждаго селенія здѣшней волости, выбранные изъ среды общества судьи, которые могутъ присутствовать на волостномъ сходѣ, и что прежде чѣмъ была заторгована волостная ямщина, старшина К—въ

и писарь его Ѳ—въ закупили водки не менѣе пяти ведръ. А перепоили народъ (теперь этотъ же самый народъ подаетъ прошеніе) до безумія въ самомъ присутствіи волостного правленія, гдѣ были произносимы скверно...ныя слова, пѣсни и неподобныя дѣйствія. Одни сидѣли въ шапкахъ, иные валялись по полу, чего нравственный сидѣлецъ въ питейномъ заведеніи даже того не допуститъ, что̀ допустилъ волостной старшина и писарь Ѳ—въ, какъ видно переносили такіе поступки довольно хладнокровно. Между прочимъ у насъ былъ старшина Моисеевъ, служилъ восемь лѣтъ, не допускалъ такого неприличія въ волостномъ правленіи, и кромѣ того честь имѣемъ донести, какъ бывшій старшина Моисеевъ покупалъ лѣсу для отопленія волостного правленія и изъ этого лѣсу рубилъ срубы, дралъ лубки и затѣмъ мочало, потомъ дѣлалъ продажу и тѣми деньгами покрывалъ расходы волостныхъ суммъ, а отопленіе производилъ почти совершенно безденежное; напротивъ же, настоящій старшина, К—въ, купилъ, конечно, на общественныя деньги, въ дачѣ господъ NN. двѣ десятины и 12 саженъ лѣсу на сумму 380 рублей, какого еще Моисеевъ не покупалъ (?) что же? изъ такого лѣсу нѣтъ совершенно ни срубовъ, ни лубковъ, ни мочалъ, ни столбовъ, совершенно не видимъ ничего, а слышимъ отъ посторонняго народа, что старшина К—въ распродалъ лѣсу очень много, кромѣ того что перевезъ въ свой собственный домъ. А кромѣ того еще какъ старшина К—въ, такъ и писарь *его* подѣлали себѣ посуды—кадушекъ, боченковъ, ларей, сундуковъ и все это изъ волостного лѣсу, писарь же Ѳ—въ отправилъ въ сосѣдній уѣздъ въ село М. два дубовыхъ воротныхъ столба и возъ липоваго тесу, что̀, по нашему крестьянскому обсужденію, сто̀итъ не меньше тридцати рублей серебромъ. Но какъ всего этого расхода въ продажѣ лѣса положительно не видно намъ и для насъ это кажется обременительнымъ, ежели онъ старшина К—въ будетъ покупать каждый годъ такое количество и продавать на стороны, то мы придемъ въ совершенный упадокъ, и кромѣ того въ прошломъ 1876 г. волостную ямщину гоняли только за 300 руб., но въ настоящемъ 1877 г. уже за 618 (вотъ гдѣ пять ведеръ вина!). Поэтому покорнѣйше просимъ уѣздное присутствіе войти въ защиту крестьянъ...» и т. д.

Слѣдствіемъ этого прошенія было разслѣдованіе дѣла на мѣстѣ уѣзднымъ исправникомъ, который хотя и пишетъ, что относительно лѣсу не могъ получить свѣдѣній, такъ

какъ лѣсъ занесенъ снѣгомъ, но относительно ямщины подтвердилъ все сказанное въ прошеніи, прибавивъ еще слѣдующія подробности:

«Бывшіе хозяйственные ямщики, крестьяне села Б., Евграфъ Ильинъ и Петръ Тряскинъ, объяснили мнѣ, что за нѣсколько дней до торговъ на наемъ хозяйственныхъ лошадей, волостной старшина К—въ объявилъ имъ, что онъ наемъ лошадей желаетъ предоставить земскому ямщику, крестьянину с. Кривой Луки Стожарову, и поэтому уговаривалъ ихъ на торгахъ не сбивать цѣну, за что далъ имъ по 10 рублей, предупредивъ, что если они вздумаютъ гоньбу лошадей оставить за собой, то онъ, старшина, частымъ разгономъ по волости заморитъ ихъ лошадей. Такое же предупрежденіе объявилъ и еще другимъ двумъ крестьянамъ того же села, Сучкову и Карташову. Во время торговъ волостной старшина дозволилъ крестьянину Стожарову поить въ волостномъ правленіи виномъ всѣхъ, являвшихся торговаться, съ цѣлью не понижать торговыхъ цѣнъ, и чрезъ это содержаніе лошадей при волостномъ правленіи оставлено за Стожаровымъ за 618 р. 90 копеекъ...»

Вы видите, что пять ведеръ вина и двадцать рублей денегъ, данныхъ за молчаніе людямъ, прямо заинтересованнымъ въ дѣлѣ, заставляютъ общество дать свое согласіе на прямое разграбленіе общихъ денегъ. Кромѣ того люди, взявшіе взятку и продавшіе даже собственно свои интересы и выгоды, молчатъ до тѣхъ поръ, пока не вмѣшиваются въ дѣло посторонніе люди.

Въ виду подтвердившихся дознаніемъ исправника фактовъ расхищенія мірскихъ суммъ, изложенныхъ въ прошеніи, присутствіемъ было предписано о томъ, чтобы надъ дѣйствіями старшины былъ произведенъ учетъ. Волостной сходъ выбралъ участниковъ и уполномочилъ ихъ учесть старшину за всѣ три года его властвованія. Но волостной писарь сумѣлъ составить протоколъ о разрѣшеніи учета обществомъ только за одинъ годъ. Несмотря на то, что учетчики докладывали объ этомъ подлогѣ присутствію, послѣднее осталось на сторонѣ писаря и возвратило (продержавъ у себя учетъ больше году) назадъ въ волостное правленіе, при бумагѣ, въ которой сказано слѣдующее:

«Присутствіе нашло, что (приводимъ также въ подлинномъ изложеніи) какъ по дознаніи оказалось, что избранные волостнымъ сходомъ учетчики, уполномоченные для учета суммъ только за 1876 годъ, произвели учетъ кромѣ

того еще за 1875 и 1877 г., т.-е. вышли изъ предѣловъ даннаго имъ вышеобъясненнымъ сходомъ уполномочія, и потому, не признавая возможнымъ признать (бумага подписана самымъ цвѣтомъ мѣстнаго просвѣщенія) эти учеты правильными, *постановило:* возвратить эти учеты учетчикамъ чрезъ волостное правленіе, предписавъ объявить имъ, чтобы они предъявили волостному сходу учетъ за 1876 г., а волостному сходу объявить, что если онъ (сходъ) найдетъ нужнымъ сдѣлать учетъ за 75 и 77 годы, то постановилъ бы объ этомъ приговоръ...»

Между тѣмъ старшину уволили, писарь перешелъ въ другую волость, и я сомнѣваюсь, чтобы безъ особеннаго старанія человѣка, начавшаго дѣло, можно было вновь возбудить къ нему вниманіе, такъ какъ времени прошло много попусту, и всякій убѣжденъ, что все одно—ничего не возьмешь, особливо послѣ бумаги, черезчуръ внимательно и заботливо пекущейся объ общественной волѣ, и послѣ того, что писарь, котораго по закону нельзя ужъ принимать на службу, преспокойно продѣлываетъ тѣ же операціи надъ общественными суммами въ другомъ мѣстѣ.

Было бы долго входить во всѣ подробности расхищеній. Я укажу только на приходъ и расходъ волостныхъ суммъ одного года, который даже писарь не пропустилъ въ протоколѣ и который поэтому можно считать не изъ особенно удачныхъ для него и для его сотрудника, именно на приходъ и расходъ волостныхъ суммъ въ 1876 г.

Въ этомъ году изъ суммъ, собираемыхъ по деревнямъ на волостные расходы, изъ штрафовъ, налагаемыхъ волостнымъ судомъ, и изъ денегъ, выручаемыхъ съ продажи общественнаго имущества, напримѣръ, тѣхъ же самыхъ лыкъ, мочалъ и т. д., въ приходѣ и распоряженіи волости образовалась значительная для деревни сумма въ 1.635 р. 74 к. Это—приходъ.

А вотъ расходъ — выписываю его вполнѣ, чтобы было видно, какія изъ *общественныхъ* нуждъ удовлетворяются этими общими деньгами, не возбуждая никакого протеста ни съ чьей стороны до тѣхъ поръ, покуда за дѣло не возьмется кто-нибудь одинъ, на свою отвѣтственность:

«1) Выдано жалованья должностнымъ лицамъ и произведено платы служащимъ по найму и на другіе предметы: волостному старшинѣ—233 р. 90 к., волостнымъ писарямъ: первому—48 р. 91 к., второму — 64 р. 74 к. и третьему, Ѳ—ву, — 168 р. 53 к. Помощнику волостного писаря—

132 р. сер. Двумъ сторожамъ—133 р. 87 к. Кандидату волостного старшины—6 р. 50 к.»

Итакъ, одинъ персоналъ волостного правленія получаетъ изъ мірскихъ суммъ—785 руб.

Къ этому же слѣдуетъ прибавить:

«2) Израсходовано на покупку канцелярскихъ припасовъ—112 р. 40 к.

«3) Употреблено на проѣздъ волостного старшины съ писарями въ губ. городъ по дѣламъ службы—35 р. 89 к.

«4) На освѣщеніе волостного правленія—59 р. 48 коп.

«5) Издержано на ремонтъ дома волостного правленія, старшинскаго и писарского помѣщеній—73 р. 12 к.»

Все это — расходы управленія. Достаточно прожить въ деревнѣ мѣсяцъ, чтобы убѣдиться, что такіе расходы не что̀ иное, какъ денной грабежъ. Представьте себѣ только, что одной бумаги будто бы можно исписать на 112 р.! сжечь на 60 р. свѣчей!

А исполненіе размѣра жалованья властямъ выборнымъ и нанятымъ?..

Пойдемъ однако дальше:

«6) Уплачено волостнымъ старшиной К—вымъ за покупку лѣса для отопленія волостного правленія—222 р.

«7) Снесено въ расходъ недочета за волостнымъ старшиной, согласно постановленію общаго присутствія волостного правленія—30 р.

«8) Перечислено на содержаніе училища *излишне* противъ раскладки мірского сбора *принятыхъ* за 1-ю половину года—11 р. 98 к.

«9) Возвращено С—скому сельскому старостѣ неправильно начтенныхъ—10 р.

«10) На содержаніе арестантовъ—30 р. 30 к.

«11) Священнику за молебны—4 р. 62 к.

«12) Ямщикамъ Стожарову и Тряскину (тому самому, который потомъ за 10 р. позволилъ Стожарову, своему компаньону, утащить 300 р. мірскихъ денегъ)—249 р 30 к.»

Всего расходу—1.635 р. и въ остаткѣ—8 р. 26 к.

Вы видите, что деньги есть и что расходуются онѣ довольно щедро; но судите сами, возможны ли такіе расходы при мало-мальскомъ вниманіи къ общественнымъ интересамъ, при самой маленькой надеждѣ на возможность общественной помощи? Возможно ли, чтобы три четверти всѣхъ мірскихъ суммъ съѣдалось совершенно непроизводительно волостнымъ персоналомъ, и чтобы на школу отчислялись

какіе-то *излишніе* 11 р., тогда какъ она можетъ имѣть хорошія средства и безъ этихъ «счастливыхъ» случаевъ? Представьте себѣ, кромѣ всего этого, что, если не въ такихъ большихъ размѣрахъ, ежегодно скопляются мірскія суммы не только въ волости, но рѣшительно въ каждомъ сельскомъ обществѣ, въ каждой деревнѣ—сочтите все это и подумайте, какъ возможно, чтобы при этомъ въ деревнѣ могли быть нищіе, безпомощные, больные, воры, люди, не умѣющіе ни читать, ни писать, ни считать?

И въ то время, когда каждый крестьянскій домъ—цѣлый адъ заботъ, мученій, трудовъ, безпомощности, посмотрите, какъ растрачиваются его же представителями, людьми, вышедшими изъ его среды, средства, которыя при мало-мальски добромъ участіи развитого человѣка сдѣлали бы бездну добра.

Учетчики, изъ всей массы безстыдныхъ расходовъ, за 1876 годъ неправильныхъ насчитали только около 400 руб.

Чего-чего тутъ нѣтъ! На мірскія деньги оклеиваютъ обоями свои квартиры старшина и писаря, покупаются самовары, металлическіе чайники, стаканы, рюмки, выписывается газета «Всемірная Иллюстрація». Старшинѣ надо наточить пилу—и за точку ея онъ платитъ мірской полтинникъ, потому что онъ служитъ міру. Писарь дѣлаетъ для себя «этажерки» — и за распилку лѣса платитъ 3 рубля мірскихъ денегъ, тогда какъ надо было заплатить всего 20 коп., утверждаютъ учетчики. Но всего не перечтешь.

Довольно вѣскимъ доказательствомъ того, что члены деревенской общины все болѣе и болѣе укрѣпляются въ необходимости знать *только себя*, только свое горе, свою нужду, можетъ служить и то, что вотъ, напримѣръ, такое новое общественное деревенское учрежденіе, какъ сельское ссудосберегательное товарищество, ничуть не измѣняетъ своего банковаго духа, духа учрежденія, не претендующаго на болѣе или менѣе общинное распредѣленіе банковыхъ благъ. Давая тому больше, у кого много, мало — тому, у кого мало, и вовсе не довѣряя тому, у кого ничего нѣтъ, сельскій банкъ производитъ въ деревнѣ свои операціи съ тою неизмѣнностью, какъ и въ городѣ, гдѣ, какъ извѣстно, никакой общины не существуетъ и всякій живетъ самъ по себѣ... Банкъ, какъ и вездѣ, даетъ много богатымъ и ничего не даетъ нищимъ, тогда какъ, если бы въ деревенскихъ порядкахъ вниманіе къ общественнымъ нуждамъ играло хоть какую-нибудь роль, физіономія деревенскаго банка должна существенно измѣниться, мимо него не хо-

дилъ бы сторожъ съ ребятами и не тосковалъ бы о томъ, что нѣтъ нигдѣ поручителя на пятнадцать рублей. Мысль объ общественной связи непремѣнно бы измѣнила порядокъ сельскаго банковаго дѣла и могла бы, пользуясь кредитомъ въ 15 тысячъ рублей серебромъ по 6 проц. въ годъ, *сразу* надѣлать въ самомъ дѣлѣ общественныхъ, всѣмъ необходимыхъ дѣлъ, столько доступнаго добра, что деревня стала бы походить на жилое мѣсто. А между тѣмъ въ четыре года существованія члены товарищества позаимствовали въ банкѣ не болѣе четырехъ тысячъ, да и тѣ, при отвѣтственности и заботѣ каждаго о себѣ, пали едва ли не новымъ бременемъ только на несостоятельныхъ, плохонькихъ мужиковъ.

5.

Приведу въ заключеніе еще одинъ фактъ, совершающійся передъ моими глазами, доказывающій, что современные деревенскіе порядки далеко не отличаются прочностью и стройностью.

Владѣлецъ большого имѣнія, прилегающаго къ крестьянскимъ землямъ, предлагаетъ сельскому обществу купить у него 600 десятинъ земли, изъ которыхъ сто десятинъ лѣсу (а въ этой мѣстности лѣсъ дорогъ). Самъ же владѣлецъ не занимается хозяйствомъ и пріѣзжаетъ въ деревню только на лѣто. При прежнемъ владѣльцѣ земля эта охотно разбиралась какъ мѣстными, такъ и сосѣдними крестьянами; но владѣлецъ пожелалъ, чтобы всю землю пріобрѣли его сосѣди, крестьяне смежной деревни, и не въ розницу, а всѣмъ міромъ. Чтобы облегчить эту покупку и сдѣлать участниками въ ней всѣхъ, онъ предложилъ уплачивать ему не деньгами, а тѣмъ же самымъ лѣсомъ, который находится въ уступаемомъ имѣніи; каждый годъ крестьяне *всѣмъ міромъ* вырубаютъ 4 десятины лѣса и, по извѣстнымъ существующимъ цѣнамъ, доставляютъ его владѣльцу, при чемъ за возку полагается также особая, существующая плата. Вся операція должна совершиться въ 25 лѣтъ, при чемъ къ концу послѣдняго года крестьяне вновь имѣютъ часть уже 25-ти-лѣтняго лѣса. Въ то же время они со дня составленія мірского приговора начинаютъ пользоваться остальными пятьюстами десятинъ земли. Все дѣло въ мірскомъ приговорѣ, въ ручательствѣ всей деревни; и вотъ уже идетъ

второй годъ со дня предложенія, а ручательства этого все нѣтъ. Крестьяне продолжаютъ нанимать землю на чистыя деньги, кому сколько понадобится, или у сосѣднихъ помѣщиковъ, или у своего ближняго, которому пришло трудно, въ послѣднемъ случаѣ всегда подешевле, чѣмъ у помѣщика. Помѣщику платятъ рублей 7—8, ну, а ужъ своему брату и 5 и 3: потому своему-то брату труднѣе, чѣмъ помѣщику.

Вмѣстѣ съ тѣмъ владѣльца имѣніемъ одолѣваютъ просьбами нѣкоторые изъ крестьянъ уступить имъ въ имѣніи участки, а бывали и такіе случаи, что одинъ какой-нибудь крестьянинъ изъявляетъ желаніе купить, на предлагаемыхъ условіяхъ, все имѣніе—одинъ.

Владѣлецъ однако не желаетъ отдавать земли иначе, какъ всему обществу. *Все* общество не соглашается, молчитъ,—и отличная, нужная и дешевая земля подъ бокомъ у него лежитъ безъ дѣла и безъ пользы.

Что̀ за причина такого непостижимаго явленія?

Изъ разспросовъ и разговоровъ съ крестьянами, которые касались этого предмета, я могъ убѣдиться только въ томъ, что взаимная рознь членовъ деревенскаго общества достигла почти опасныхъ размѣровъ.

Покупая имѣніе всѣмъ обществомъ (объясняли мнѣ нѣкоторые изъ крестьянъ), все-таки необходимо «выбрать» одного человѣка, который бы имѣлъ дѣло съ конторой владѣльца, велъ счетъ подводамъ при возкѣ дровъ, записывалъ рабочіе дни при рубкѣ и т. д., словомъ, необходимъ человѣкъ, которому могло бы довѣрять все общество, и вотъ такого-то человѣка и нѣтъ между семьюдесятью дворами! Изъ семидесяти домохозяевъ выбираютъ сельскаго старосту, сборщика; но это лица офиціальныя, имѣющія дѣло съ начальствомъ, да и выбираются-то они для начальства больше. Выбрать же *своего* человѣка, который бы блюлъ общіе интересы такъ же точно, какъ и свои собственные, оказывается невозможнымъ. Всякій привыкъ думать, что человѣку нельзя не соблюдать своей собственной выгоды, пользы, и что онъ, особливо поставленный въ нѣсколько иное положеніе, чѣмъ другіе покупщики имѣнія, сумѣетъ повернуть дѣло такъ, что только одному ему и будетъ лучше, а всѣмъ другимъ хуже. Кого изъ крестьянъ, знакомыхъ мнѣ, ни называлъ я,—всѣ, по мнѣнію разныхъ деревенскихъ людей, оказывались непадежными.

— Ничего человѣкъ, что̀ говорить, а дай-ка ему...—Вотъ какъ характеризовали деревенскіе люди другъ друга...

Кромѣ этого, недовѣріе къ еще неизбранному никѣмъ распорядителю, недовѣріе къ возможности существованія личности, которая бы не пользовалась насчетъ другихъ, если къ этому подвернется случай, одинаково господствуетъ какъ въ кругу состоятельныхъ крестьянъ, такъ и въ кругу крестьянъ послабѣй. Состоятельные и слабые—двѣ довольно ясно обозначенныя деревенскія группы—также *не позволяютъ* осуществиться выгодному *для всѣхъ* дѣлу. Для слабыхъ не дать сильнымъ стать еще сильнѣе—прямое удовольствіе, а увѣренность ихъ въ томъ, что при равномъ участіи въ покупкѣ сильнымъ достанется больше, чѣмъ слабымъ, что слабый-то, собственно, окажется только работающимъ для сильнаго—такъ велика, непоколебима, основана на такихъ неопровержимыхъ для всякаго фактахъ, что желаніе владѣльца, вѣроятно, и не будетъ осуществлено.

Итакъ, необходимая для крестьянъ земля, предлагающаяся на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, лежитъ впустѣ. Богатые мужики винятъ бѣдныхъ въ томъ, что они *не даютъ* имъ и себѣ устроиться лучше, «точно собака на сѣнѣ лежитъ,—ни себѣ ни другимъ». Бѣдные сердятся на сильныхъ, видя ихъ намѣреніе пользоваться чужими трудами, закабалить ихъ приговоромъ владѣльцу на двадцать пять лѣтъ, чуятъ въ этой операціи «новую барщину». Всѣ вмѣстѣ—никто не вѣритъ другъ другу, и каждый изо всѣхъ силъ старается какъ-нибудь захватить себѣ клочокъ землицы на сторонѣ, должаетъ въ банкѣ, у частныхъ лицъ, платитъ проценты и деньгами и натурой, словомъ — бьется, какъ рыба объ ледъ.

V.

«Темный» деревенскій «случай».

1.

Въ погожій лѣтній день, часовъ въ шесть вечера, когда раскаленный воздухъ понемногу начинаетъ простывать, на пчельникѣ у сельскаго писаря за самоваромъ сидѣли деревенскіе гости. Гости сидѣли и лежали на землѣ вокругъ самовара и вели разговоры съ хозяиномъ пчельника, старымъ отставнымъ солдатомъ съ простреленнымъ и несгибавшимся колѣномъ. Былъ тутъ въ числѣ гостей «банковый писецъ»—молодой человѣкъ изъ семинаристовъ, завѣдующій счетной частью въ мѣстномъ ссудномъ товариществѣ; былъ тутъ сельскій староста, былъ еще одинъ крестьянинъ изъ тѣхъ, которые «почище», былъ и пишущій эти строки. Да больше-то, кажется, никого и не было...

Всѣ мы испытывали пріятныя ощущенія вечерней прохлады и крѣпкаго лѣсного воздуха. Пчельникъ стоялъ на широкой луговинѣ среди лѣса, былъ обнесенъ кругомъ загородкою, которую со всѣхъ сторонъ густо обступилъ мелкій кустарникъ. Тишина, благодаря этому кустарнику, стояла на пчельникѣ поразителеная. Всякій малѣйшій шорохъ, звукъ въ лѣсу или скрипъ телѣги на пролегавшемъ невдалекѣ отъ лѣсу проселкѣ—слышались здѣсь среди тишины необыкновенно отчетливо.

Наслаждаясь окружавшею насъ «благодатью», мы попивали съ удовольствіемъ довольно безвкусный, если не сказать прямо—скверный, чаекъ и вели *непринужденный* разговоръ: то о пчелахъ, то о деревенскихъ дѣлахъ, то о покосѣ, то о нашихъ общихъ деревенскихъ знакомыхъ. Въ разговорѣ именно объ этихъ нашихъ общихъ знакомыхъ и

отразилось то чувство удовольствія, непринужденности, которое навѣвали природа, вечерняя прохлада, звуки *собиравшагося спать* лѣса...

Какъ-то вышло такъ, что, только уходя съ пчельника, я сообразилъ, что мы почти только и дѣлали во время разговоровъ, что непремѣнно кого-нибудь ругали или мошенникомъ, или дуракомъ, или подлецомъ. Ужъ послѣ я вспомнилъ, что мы «на прохладѣ-то» перебрали всѣхъ нашихъ общихъ деревенскихъ знакомыхъ, и всѣхъ почти кто-нибудь изъ насъ «распечаталъ», какъ говорится, въ самомъ лучшемъ видѣ. Но такова была сила прелести вечера, простора и уюта пчельника, что, и распечатывая ближнихъ, мы не чувствовали ничего, кромѣ самаго лучшаго, самаго благорастворенного состоянія духа. Легко было на душѣ, хорошо. Тѣло покойно нѣжилось въ мягкой травѣ, и чистый лѣсной воздухъ свѣжо чувствовался въ груди.

Когда мы такимъ образомъ перемыли всѣмъ нашимъ знакомымъ косточки, когда переговорили обо всѣхъ деревенскихъ дѣлахъ и бездѣлицахъ, разговоръ на минуту было-замолкъ. Кто-то выразилъ желаніе даже отправиться по домамъ; но нелѣпый вопросъ, неожиданно сдѣланный однимъ изъ гостей, именно банковскимъ писаремъ, направилъ разговоръ на совершенно неожиданную тему.

— А лѣшіе попадаются тутъ у васъ въ лѣсу-то?— произнесъ писарь, лежа на спинѣ,—произнесъ вяло и, повидимому, просто такъ, неизвѣстно зачѣмъ и почему.

— Ну, ужъ не могу тебѣ сказать,—почему-то многозначительно мотнувъ головою, отвѣчалъ ему хозяинъ-пчелякъ:— лѣшіе, нѣтъ ли, а что-то... есть!..

— Есть?

— Есть что-то!..

Эти слова пчелякъ произнесъ еще многозначительнѣе и принялся пить чай, не отрывая губъ отъ блюдечка и поглядывая на публику уже совсѣмъ загадочно.

— Что̀ же это такое? Черти, что ли?..

Но пчелякъ молчалъ и пилъ.

— Ну, вотъ—черти!—сказалъ староста:—у насъ тутъ съ образа̀ми весь лѣсъ обойденъ... Тутъ этой дряни не должно быть. Тьфу!

— Такъ что̀ же такое тутъ?

— А вотъ что̀ тутъ, братецъ ты мой,—торопливо схлебнувъ послѣдній глотокъ, сказалъ оживленно пчелякъ:—женщина тутъ плачетъ... Вотъ уже тринадцать лѣтъ... И такъ ры-

даетъ, Боже милостивый, и всякій разъ вотъ объ эту пору, какъ солнце начнетъ садиться...

Всѣ затихли и, надо сказать правду, прислушались къ лѣсу...

— Это точно! — сказалъ одинъ изъ гостей: — я самъ слышалъ.

— Тутъ много кто слыхалъ,—прибавилъ староста.—Ну, только, надо-быть, нечистаго тутъ нѣтъ!..

— Это птица у васъ тутъ какая-нибудь кричитъ, а вамъ кажется, плачетъ...

— Ну—птица!.. Какая птица, когда я ее вотъ такъ, какъ тебя вижу...

— Ты видѣлъ ее?

— Говорю, видѣлъ, вотъ какъ тебя.

— Ну, что-жъ она? Молодая?

— Ну, ужъ этого я, братецъ, не распозналъ... Не до того тутъ было... А подлинно тебѣ говорю, высокая, худая, вся въ бѣломъ, и платокъ и сарафанъ... а руки — бѣлѣй снѣгу... И не своимъ-то голосомъ рыдаетъ... Вотъ этакъ-то руками схватится за голову—и зальется...

Старикъ представилъ, какъ она плачетъ, и самъ прорыдалъ такимъ старческимъ хрипымъ рыданьемъ, что всѣхъ невольно проняла дрожь...

— Какъ же ты ее встрѣтилъ-то?—преодолѣвъ впечатлѣніе страха, спросилъ писарь.

— А такъ: пошелъ я, братецъ ты мой, по лѣсу, какъ разъ вотъ объ эту пору, и норовилъ я отъ Никольскаго добраться до дому прямикомъ, стало-быть, какъ есть насквозь весь лѣсъ мнѣ пройти надо было... Иду я—палка у меня... Палку я всегда держу.—Иду... Пошла чаща, иду, разгребаю вѣтки-то; вдругъ раздвинулъ въ одномъ мѣстѣ, а она прямо передо мной... Такъ я и обмеръ. Думаю:— «Н-ну!» Только тою-жъ минутою глянула она, да какъ птица по лѣсу — эво кругомъ какимъ и вонъ гдѣ позади меня какъ зальется... Ну, я—давай Богъ ноги...

Всѣ молчали.

— Истинная правда!—прибавилъ пчелякъ:—хочешь вѣрь, хошь нѣтъ, — что̀ мнѣ врать... А есть это! Вотъ сейчасъ побожиться. У меня сынъ Егоръ, такъ тотъ въ полдень, въ самый жаръ на нее наткнулся...

— А чай, и жутко было, Иванычъ?—проговорилъ староста.

— Да ужъ не безъ того. Не хвастаясь скажу — не робокъ я, видалъ на своемъ вѣку много дѣловъ пострашнѣй,

а не утаю—зачалъ щелкать по лѣсу-то, забылъ, что нога прострѣлена... Добрался до дому-то — слава Тебѣ, Господи!

Всѣмъ стало легко, когда пчелякъ произнесъ послѣднюю фразу, и всякій, подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, облегчившаго душу, поспѣшилъ разсказать какой-нибудь случай изъ своей жизни, въ которомъ страхъ игралъ также немалую роль, но въ которомъ въ концѣ концовъ все оказывалось вздоромъ и смѣхомъ. Со всякимъ случалось что-нибудь подобное, и всякій разсказалъ, что̀ зналъ или слышалъ, и наконецъ опять настало молчаніе. И «о страшномъ» не было уже матеріала для разговора. Но старикъ-пчелякъ, любившій поговорить, казалось, не желалъ давать разговору какого-нибудь другого направленія и продолжалъ сохранять на своемъ лицѣ то же нѣсколько таинственное выраженіе.

2.

— Нѣтъ,—наконецъ сказалъ онъ:—вотъ съ Кузнецовой женой, вотъ такъ ужъ напримался я страху.

Кузнецовъ былъ молодой сельскій торговецъ: въ сосѣднемъ большомъ селеніи у него былъ магазинъ. Я зналъ его лично и крайне удивился, узнавъ, что онъ—семейный человѣкъ, такъ какъ постоянно видѣлъ его и въ квартирѣ и въ лавкѣ одного.

— Развѣ Кузнецовъ женатъ?—спросилъ я.

— Какъ же! Да-авно!

— Гдѣ же его жена?

— Она уже второй годъ какъ въ больницѣ, въ Москвѣ, лѣчится... Теперича-то, пишетъ, будто поправляется, а ужъ что̀ тогда было, не приведи Царица Небесная!.. Я одинъ, братецъ ты мой, бился съ нею цѣлую недѣлю, день и ночь, такъ ужъ знаю, что̀ такое это... Давай мнѣ тысячу рублей теперича—нѣтъ!.. Не заманишь!..

— Какая же это у нея была болѣзнь? — спросилъ писарь.

— Съ ума сошла. Только съ ума-то сошла на худомъ...

И старикъ-пчелякъ шопотомъ разсказалъ о ея недугѣ... Недугъ, дѣйствительно, былъ ужасный...

Стали толковать о причинѣ такого недуга...

— И что̀ за чудо!—сказалъ пчелякъ.—Вѣдь какъ, братецъ ты мой, чудесно жили-то въ первомъ году — ангелы преподобные! Торговлю начали чисто, на готовыя денежки, всего много, домъ—съ иголочки, оба — любо глянуть, ужъ объ ней и говорить нечего: королева — одно слово!.. Да и онъ парень складный... Бывало, взойдешь въ лавку-то къ нимъ, соли, тамъ, или что-нибудь взять,—сидятъ оба, какъ птички, и ласковы и веселы... И самому-то, ей-Богу, право, весело станетъ... Вдругъ, какъ нечистый попуталъ, сразу, братецъ ты мой, оба какъ оглашенные стали... На второй годъ пошло это у нихъ.

— А дѣти есть у него?—спросилъ я.

— Была одна дѣвочка, въ самый первый годъ была, ну, только померши... Двухъ либо трехъ мѣсяцевъ померла-то... Ту-ужили оба... стра-асть... А потомъ вдругъ и началось промежду нихъ... Слышимъ—«бьетъ»! По вечерамъ крикъ изъ дому-то несется... Что̀ такое?.. Потомъ—того: принялся, братецъ ты мой, за бабами, значитъ, за женскимъ поломъ—проходу нѣтъ!.. Пьетъ, безпутничаетъ, жену бьетъ, бросаетъ ее совсѣмъ, прочь гонитъ. Отецъ ейный тутъ съ родней прибылъ... Помню, всю морду этому самому Кузнецову изуродовалъ. Однова они всей родней его били, да какъ били-то!.. Самъ своими глазами видѣлъ, какъ одинъ дьяконъ прямо ему въ лицо старымъ-престарымъ вѣникомъ тыкалъ окамелькомъ... Тутъ было, Боже мой, что̀ такое! Нѣтъ ему уйму—да и шабашъ! Въ теченіе того времени ейный родитель взялъ да въ судъ его и предоставилъ... значитъ, за истязаніе и самоуправленіе. Присудили его, другъ ты мой, на полгода въ тюрьму... Вотъ тутъ-то съ ней случилось... Перво-наперво все тосковала, скучала... Исхудала вся—«не знаю, говоритъ, что̀ со мной дѣлается...» Бывало, зайдешь въ лавку-то: сидитъ и смотритъ, а примѣтить тебя—не примѣчаетъ... И разъ окликнешь и два—все молчитъ... Ужъ когда-когда опомнится!—«Ахъ, скажетъ, Иванычъ, я и не вижу!»—«Я, молъ, тутъ давно стою».—«Ужли давно?»—«Именно правда». И опять на нее этотъ истуканъ найдетъ, опять говори, не говори — все одно... А однова пришелъ, глядь—лавка заперта... Что̀ такое? Пошелъ-было на кухню; идетъ навстрѣчу кухарка. — «Взбѣсилась, говоритъ, наша хозяйка... Что̀ дѣлаетъ—такъ ахъ... Лучше и не ходи...» Я-было и не пошелъ, да за мной самъ отецъ ейный прислалъ, подсобить... Потому сладу нѣтъ... Даже отецъ-то родной и тотъ ушелъ, залился слезами, ушелъ изъ дому. Оста-

вили меня одного... Ну, ужъ и принялъ я мученьевъ, вѣкъ не забуду.

Пчелякъ разсказалъ мученія, публика посмѣялась...

— Какъ же ты съ ней справлялся-то? — спросилъ староста.

— Какъ?—извѣстно палкой!

— Билъ?

— Извѣстно билъ, коли резоновъ не слушаетъ. Ей представляешь резоны, а между прочимъ она пуще того безобразничаетъ... Что̀ будешь дѣлать: и жаль, а нельзя—другихъ способовъ нѣтъ... Огрѣешь кнутомъ раза три-четыре—забьется за печку, сидитъ недвижимо и, пожалуй, съ часъ просидитъ, не шелохнется... Ну, только ты чуть задремалъ — хвать — вотъ она!.. Думаю, нѣтъ, братъ, шалишь!.. Одну ночь я такъ-то пробился, на другую потребовалъ цѣпь, приковалъ ее за печкой-то, принесъ вожжи, говорю:— «вотъ, матушка!»—показалъ ей... Ну, съ цѣпи ей сорваться трудно... Погремитъ-погремитъ—ляжетъ... Только ужъ что̀ говорила, слова какія, и не дай Богъ! Разовъ съ пятокъ я ее вожжами-то урезонивалъ за эти самыя ея слова... И ругаться тоже—ругалась, словно пьяный солдатъ... Откуда только набралась этого... И бился я такимъ манеромъ съ ней цѣлую недѣлю.

— Все вожжами?

— Вожжами все и кнутомъ... Однова такъ подсвѣчникомъ успокоилъ ее, потому чуть-было изъ цѣпи не вылѣзла!.. Цѣлую, братцы мои, недѣлю я такъ-то бился—одинъ! Отецъ-то ея перво-наперво совсѣмъ разсудка лишился, мужъ—въ острогѣ, одинъ я. Потомъ принялись таскать знахарей и знахарокъ, поили ее и отчитывали, все одно—никакія средствія... Наконецъ, того, надумали въ больницу везти въ Москву. Вѣришь ли, инда слеза меня самого прошибла, какъ стали ее изъ печки-то вытаскивать: вся какъ есть синяя отъ побой...

— Ты ее, должно-быть, знатно охоливалъ-то...

— Ужъ чего тутъ!.. Бывало, за ночь-то у самого ладони папухнутъ...

— И отчего же это съ нею приключилось? — спросилъ банковскій писарь.

— Поди вотъ! разбери!..—сказалъ пчелякъ.

— Ужъ знамо — дѣло темное! — прибавилъ одинъ изъ гостей.

— Господь ее знаетъ!..—заключилъ третій.

Скоро мы разошлись по домамъ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ разсказа.

3.

Всякій деревенскій житель въ своемъ домашнемъ быту непремѣнно испыталъ и постоянно испытывалъ какой-нибудь необъяснимый, непонятный ударъ, какія-нибудь страшныя психологическія страданія, незабываемыя, гнетущія, уродующія человѣка навѣки, но ничѣмъ не облегчаемыя, неразъяснимыя страданія, которыя даже и выплакать-то нѣтъ возможности.

Правда, Кузнецовъ, о которомъ разсказывалъ пчелякъ, не былъ крестьянинъ: это былъ сельскій купецъ, торговецъ; но исторія его носила всѣ признаки подлинной крестьянской семейной бѣды, въ которой есть все: и побои, и слезы, и кнуты, и избитыя дòсиня спины, и, очевидно, страшныя нравственныя страданія, и въ концѣ концовъ— ничего, кромѣ каменной тяжести на сердцѣ, кромѣ угнетающей увѣренности, что такъ угодно Богу, да воспоминанія какого-нибудь «очевидца» о томъ, напримѣръ, что вотъ у него у самого въ ту пору руки напухли отъ битья...

Такія семейныя бѣды, если вы только приглядитесь къ деревенской жизни, тяжелыми думами, темнотою безъ просвѣту давятъ крестьянскую душу, пришибаютъ человѣка къ землѣ, словно тяжелымъ неожиданнымъ ударомъ съ неба свалившагося камня, и вы встрѣчаете ихъ на каждомъ шагу.

Еще недавно, возвращаясь со станціи желѣзной дороги, я встрѣтилъ старика-крестьянина, который везъ изъ города племянницу—сумасшедшую дѣвушку. Она глядѣла, но ничего не говорила и ничего не понимала, даже не дѣлала сама ни одного движенія: старикъ-дядя долженъ былъ самъ утирать ей носъ, самъ усаживать ее такъ, чтобы не свалилась, самъ застегивать ей армякъ...

— Чтò такое? Отчего?

— Господь ее знаетъ! Сразу приключилось... Ночью!

Старикъ везъ ее домой изъ сумасшедшаго дома, гдѣ ее тоже шибко били: «вся спина въ синякахъ»... А самъ онъ какъ будетъ лѣчить ее? Кто, кромѣ отставного солдата, предложитъ ему свои услуги насчетъ кнутья и вожжей?

Именно съ этой стороны меня и интересовала исторія Кузнецова. Немало удивило меня и то обстоятельство, что Кузнецовъ, котораго я зналъ, вовсе не походилъ на того, о которомъ разсказывалъ пчелякъ. Это былъ, какъ мнѣ казалось, человѣкъ добрый, даже какъ бы старавшійся быть добрымъ.

И этотъ-то добрый человѣкъ могъ довести до сумасшествія близкаго, мало того—любимаго человѣка, могъ драться, пьянствовать, безобразничать, даже попасть въ острогъ. Тутъ была тайна, и тайна деревенская. Я рѣшился добиться и толкомъ разузнать, въ чемъ тутъ дѣло.

Не буду разсказывать, какія усилія были сдѣланы мною для того, чтобы вынудить Кузнецова разсказать его семейную драму; только драму эту онъ мнѣ все-таки разсказалъ. Передаю ее читателю только въ существенныхъ чертахъ, такъ какъ во всей подробности разсказывать ее невозможно.

4.

«Помилуйте!.. Любилъ ли?.. И посейчасъ я безъ нея сохну, а ужъ что̀ было съ перваго началу, того и не разсказать словами. Да и какъ не любить-то? Вѣдь это одно—ангелъ превосходный, другихъ словъ для этого нѣтъ... Красавица первая! Развязность, напримѣръ, рѣзвость... Или опять взять въ работѣ — огонь, проворна, аккуратна... Въ короткихъ словахъ сказать, по моему понятію, миловиднѣй не сыщешь... Сколько ихъ я на своемъ вѣку, напримѣръ, будемъ такъ говорить, ни обсуждалъ — тряпки и мочалки, больше ничего... Да что̀ еще: вѣдь мы ужъ съ ней десятидевяти лѣтъ цѣловались... Самъ Господь опредѣлилъ намъ быть въ бракѣ: мой родитель испоконъ вѣку жилъ здѣсь и ейный, Милочкинъ,—и имя-то, позвольте сказать, сколько миловидно — Эмилія! Батюшка, отецъ Іоаннъ, священникъ (теперича онъ ужъ оставилъ должность), также здѣсь сыскони бѣ... И оба съ молодыхъ лѣтъ вдовые, и Милочкинъ и мой... Родители наши души въ насъ не чаяли. Скажу одно: даже сѣкли насъ, ежели случалось, за шалости, и то съ большимъ вниманіемъ и болѣе для угрозы, но нежели чтобы обидѣть. Милочку всего одинъ разъ и подвергли — крыжовнику, съ позволенія сказать, объѣлась... Рѣзвая была... У — Боже мой!.. Отецъ-то Іоаннъ, бывало,

не налюбуется ей... И былъ онъ большой пріятель съ моимъ родителемъ. Мой родитель, доложу вамъ, покойникъ, царство ему небесное, былъ старинный сельскій купецъ—теперь такихъ нѣту. Теперь все такой народъ пошелъ: налетитъ, одурманитъ, насулитъ, обдѣлаетъ—и въ другое мѣсто... Теперь пошелъ въ ходъ жадный человѣкъ, а такихъ, какъ родитель-покойникъ, и въ поминѣ нѣту! Родитель былъ человѣкъ тихій, жилъ на одномъ мѣстѣ, дѣла велъ постоянныя, и все только хлѣбомъ, больше ничѣмъ, никакими дѣлами не занимался... Были у него въ разныхъ деревняхъ тоже постоянные знакомые по хлѣбной части, серьезные мужички, а въ городѣ онъ тоже довѣрителей не мѣнялъ, все больше съ однимъ кѣмъ-нибудь дѣла дѣлалъ. Знаете, чай, Пастуховыхъ? Ну вотъ съ ними съ одними онъ болѣе двадцати годовъ, окромѣ ни съ кѣмъ никакихъ дѣловъ не дѣлалъ. И никогда въ покойникѣ-родителѣ жадности не было: есть у него въ десяткѣ деревень знакомство, есть одинъ хорошій человѣкъ въ городѣ — и будетъ! Не такъ, какъ теперь: всякій норовитъ цѣлую губернію одинъ захватить въ свои лапы да и орудовать... Нѣтъ! Родитель не жадничалъ... Самъ бралъ пользу и другимъ давалъ... Одно слово—велъ дѣло по чести и совѣсти, тихо и безъ всякаго азарта... И бѣдному человѣку у него тоже отказу не было; и пропадало тоже немало; но родитель никогда не дозволялъ себѣ, чтобы тамъ по судамъ или что... «Богъ съ нимъ!»—больше ничего!.. Бога онъ помнилъ, помнилъ крѣпко. Какъ, бывало, покончимъ дѣла, или въ промежуткѣ, среди лѣта, ежели знаемъ, напримѣръ, что все дѣло поставлено вѣрно,—сейчасъ, Господи благослови, куда-нибудь на богомолье, по монастырямъ, въ Москву, въ Сергіевскую Лавру, въ Оптину пустынь, къ разнымъ угодникамъ... Ѣздили не спѣша, полегонечку... Наглядимся, наслушаемся всякихъ дѣловъ—домой! Зиму ужъ безпремѣнно дома, и ужъ тутъ каждый день либо отецъ Іоаннъ у насъ чай съ ромомъ пьетъ и газеты обсуждаетъ, либо мой родитель у отца Іоанна разговоръ ведетъ о пустынѣ объ какой-нибудь, или такъ разговоръ слушали... Ну, и мы тутъ... То Милочка у насъ, то я у нихъ...

«Съ самыхъ раннихъ лѣтъ стали мы слышать отъ нашихъ родителей, что когда подрастемъ, такъ они насъ непремѣнно женятъ... потому лучшей пары нѣтъ. Я тоже былъ не плохъ: одинъ сынъ и притомъ не нищій какой-нибудь; всѣ знали, да и самъ родитель мой не скрывалъ, что у него

есть достатокъ, и онъ не разъ поговаривалъ, что въ случаѣ брака всѣ дѣла сдастъ мнѣ, а самъ ужъ такъ будетъ вѣкъ доживать, на спокоѣ. И у отца Іоанна тоже было не безъ достатку. Окромѣ того, мы издѣтства другъ дружкой любовались. Такъ что, можно прямо сказать, съ дѣтства были влюблены другъ въ дружку... И даже такъ влюблены, что вполнѣ навѣрно знали о своемъ бракѣ, оба дожидались... Бывало, ѣздимъ мы съ отцомъ въ отлучкѣ, по святымъ ли мѣстамъ, по дѣламъ ли въ деревняхъ, только и жду, какъ бы домой, къ Милочкѣ... Но былъ я робокъ; она, правду сказать, посмѣлѣй была... побойчѣй, первая, бывало, за щеки обхватитъ и того... да!.. Разъ даже... Да что̀ ужъ, одно слово — смѣлая!.. Тормошитъ тебя, бывало, страсть! «Все равно, говоритъ, насъ съ тобой повѣнчаютъ». Ну, однакожъ ждали мы порядочно...

«Повѣнчали насъ, сударь мой, въ самое прекрасное время: пошелъ ей восемнадцатый годъ, а мнѣ ударилъ двадцать первый... Хотѣлъ-было родитель мой еще повременить, ну, только что согласія нашего на это не было. На что я въ ту пору былъ робокъ и родителя почиталъ, а тоже однажды не вытерпѣлъ и поднялъ щетину: «Какъ же это мнѣ такъ можно... да!..» Правду надо сказать, что и Милочка тутъ меня много подгвазживала на упорство... Сама-то она ужъ вошла въ возрастъ, потишѣла, а начала меня все на родителей натравливать... Бывало такъ, что и на своего отца напуститъ меня... налетишь такимъ ястребомъ, смѣшно вспомнить... А главная причина — сталъ мой родитель похварывать, стали въ немъ старыя разныя простуды открываться, вотъ по этому случаю и порѣшили насъ повѣнчать... А какъ насъ повѣнчали, тутъ родитель мой и порѣшилъ дѣла прекратить. «Живите, говоритъ, какъ хочется... Заводите свое дѣло, какое по вкусу...»

«И какое, милостивый государь, послѣ того для насъ настало удовольствіе, то даже, извините, этого невозможно представить... Поѣхали мы вдвоемъ, я да она, въ городъ повидаться съ отцовскими знакомыми, посовѣтоваться, что̀ они присовѣтуютъ насчетъ дѣловъ. Изъ города вздумалось намъ махнуть въ Москву, такъ какъ порѣшили мы завести вотъ эту самую лавку, въ которой теперича разговоръ у насъ идетъ, а порѣшивши это дѣло, задумали закупать товаръ въ Москвѣ, изъ первыхъ рукъ. Дѣлать — такъ ужъ дѣлать. И что-жъ? Мы въ Москвѣ съ Милочкой ни единаго часу не разлучались: все вмѣстѣ — и по лавкамъ и

по конторамъ, и вездѣ насъ московскіе купцы все вмѣстѣ видѣли и приглашаютъ на вечера, въ театръ... Были мы тутъ, прямо сказать, во всѣхъ мѣстахъ, и въ церквахъ, и во дворцахъ, и въ театрахъ, всего насмотрѣлись, всѣ, напримѣръ, древности, рѣдкости, мощи тамъ или, опять взять, картины разныя, статуи—все видѣли. И любопытно, и хорошо, и легко намъ было, и ужъ такъ радостно, весело — слеза пронимаетъ, какъ вспомнишь. Въ гостиницѣ-то, въ Чижовскомъ подворьѣ, гдѣ мы стояли, и то какъ есть всѣ сосѣди нами двумя любовались. Какой-то старичокъ все глядѣлъ на насъ (тоже сосѣдъ), да однова прямо со слезами расцѣловалъ насъ обоихъ и перекрестилъ: «дай вамъ, говоритъ, Богъ...» Право слово. Такое у насъ шло удовольствіе мѣсяца полтора, покудова не обозначилось у Милочки положеніе. Затихла, идти никуда не хочетъ, и ко сну ее стало клонить...

«— Собирайся, говоритъ, домой пора...— Ну, я вижу, дѣло началось сурьезное... Сразу мы оба точно все московское перезабыли, точно даже не видали, только и думаемъ— домой добраться...—«Строиться надо!—говоритъ Милочка:— пора ѣхать...» Скорехонько мы собрались и уѣхали строиться, лавку заводить, гнѣздо вить—для себя, для дѣтей... Жить-поживать».

5

«Все такъ и вышло, какъ по-писанному: и домъ съ лавкой готовы, и торговля пошла, и дочь родилась... Домъ, изволите сами теперь видѣть, строенъ не кое-какъ; опричь лавки, для собственнаго семейства цѣлыхъ три покоя, пять оконъ на улицу; для родителя мезонинъ, съ теплымъ ходомъ изъ кухни. Все хорошо, однимъ словомъ. Но лучше всего—дочь-дѣвочка... И что̀ это былъ за ребенокъ!..»

Разсказчикъ хотѣлъ говорить, но вдругъ горько заплакалъ...

«Нельзя этого описать... То-есть души мы не чаяли всѣ, и я, и Милочка, и старикъ-родитель, только тѣмъ и дышали, Ольгунькой любовались... Здоровый былъ ребенокъ, веселый, занятливый, словомъ сказать — отрада... И жили мы такимъ родомъ въ полномъ удовольствіи, и весело намъ всѣмъ и мило, и дѣло пущено чисто, благородно; все шло такъ, лучше требовать невозможно...

«И вдругъ пошли со мной несчастія!.. Однова сидѣлъ старичокъ-родитель съ Ольгунькой на крылечкѣ, няньчился; смотримъ, зашатался и словно будто падаетъ... Подбѣжали, подхватили Ольгуньку—такъ онъ и грохнулся... Что̀ такое? Лежитъ человѣкъ безъ памяти, а съ чего взялось — неизвѣстно. Перенесли его въ покой, за фельдшеромъ съѣздили, привезли его ужъ на другой день. Поглядѣлъ онъ: «банки», говоритъ. И закати онъ ему тридцать пять штукъ... всю спину изрѣзалъ. А поутру родитель Богу душу отдалъ... Вы извольте только подумать, каково это было намъ съ Милочкой! Мы родителя всѣмъ сердцемъ почитали, потому онъ былъ для насъ чистый ангелъ-хранитель, самая кротость во плоти... И вотъ — померъ... Вчерась былъ живъ, шутилъ съ Ольгунькой, нонѣ лежитъ и не дышитъ... Призадумался я, точно что̀ меня пришибло...

«Опустѣло кругомъ насъ съ Милочкой, только всего и осталось отрады—Ольгунька. И вдругъ и Ольгунька помираетъ... Помираетъ въ однѣ сутки. Что̀ же это такое? Цѣлый день ребенокъ неизвѣстно отъ чего кричитъ, кричитъ не своимъ голосомъ; цѣлый день мы всѣ, и я, и Милочка, разныя женщины-родственницы, мечемся, какъ угорѣлые, ничего не понимаемъ, не знаемъ, что̀ это, отчего, какъ помочь... Даже фельдшера не могли привезти, потому на дворѣ стояла невылазная грязь. То-есть привезти-то его привезли, но ужъ дѣвочка на столѣ лежала...

«Но ужъ тутъ, доложу вамъ, опостылѣлъ мнѣ бѣлый свѣтъ. Даже такъ, что показалось мнѣ пріятнѣе вмѣстѣ съ Милочкой умереть, чѣмъ жить на свѣтѣ! Зачѣмъ домъ, зачѣмъ торговля, зачѣмъ мы съ Милочкой—все одна мечта, тоска, безпокойство, скука... Изъ-за чего жить на свѣтѣ?

«Которые изъ знакомыхъ видали меня въ ту пору— «лица, говорятъ, на тебѣ, Кузнецовъ, нѣту... Какъ бы съ тобой чего худого не было!..» И вправду, я и самъ, признаться, опасался... Да какъ же: все было хорошо, любезно, и вдругъ — пустыня, холодъ и тоска, и за что? Отчего?.. Рѣшительно скажу вамъ, даже и совершенно никакой не было охоты жить... Даже съ Милочкой говорить не хочется... Объ чемъ говорить? Да и она сама не льнула ко мнѣ, все больше лежитъ къ стѣнѣ лицомъ и плачетъ... Вотъ въ такое-то время и приди ко мнѣ въ лавку одинъ человѣкъ... Даже прямо есть за что спасибо сказать, по крайности, самъ я много благодаренъ. Теперича, ежели Богъ дастъ, воротится Милочка благополучно — совсѣмъ у меня другая

будетъ политика... Аптекарю спасибо. Онъ всему тутъ дѣлу корень...

«Приходитъ, стало-быть, этотъ самый аптекарь ко мнѣ въ лавку; отпустилъ я ему, что̀ требуется, и сѣлъ въ свой уголъ за прилавокъ молчать и горемъ своимъ мучиться... Только аптекарь-то и говоритъ:

«— Что̀ это, хозяинъ, пригорюнился?

«— Что-жъ, говорю, будешь дѣлать... видно, ужъ такъ Богу угодно...—И разсказалъ ему, какъ дѣвочка умерла и какъ померъ родитель...

— Ну,—говоритъ аптекарь: — насчетъ родителя — дѣло ужъ совсѣмъ плевое, не воротишь, а насчетъ дѣвочки печалиться тебѣ нечего, другія будутъ...

«— Охоты, говорю, у меня ужъ нѣту...

«— Будто!.. Какъ же это такъ? Къ этому-то, говоритъ, нѣтъ охоты?.. Какой же ты послѣ этого, говоритъ, купецъ?

«И сталъ онъ тутъ меня язвить.

«— Вѣдь у васъ, говоритъ, только и дѣла, что за прилавочкомъ сидѣть, денежки считать да съ женой спать... Ну, какія же у тебя больше дѣла-то? Ѣдите да спите съ женами! Больше ничего... И дѣтей нарòдите, тоже будутъ за прилавкомъ сидѣть, денежки считать...

«— Помираютъ вотъ наши дѣти-то...

«— Да ты развѣ думалъ когда, отчего они помираютъ и нельзя ли какъ-нибудь такъ сдѣлать, чтобы не помирали? Ну, знаешь ли ты, отчего твоя дѣвочка кричала?.. Вѣдь кричала?

«— Кричала цѣлый день...

«— А вы съ женой только смотрѣли и ахали?..

«Что-жъ я буду отвѣчать?—«Такъ точно», говорю.

«— Ну, вотъ видишь,—говоритъ:—рожать умѣете, а даже ходить не умѣете, не знаете, что̀ вредно, что̀ полезно... Это и свиньи такъ-то за поросятами ходятъ...

«Потомъ говоритъ: — Ежели ты самъ ничего не знаешь, какъ же ты дѣтей-то своихъ воспитывать будешь? А вѣдь, чай, поди, тоже учить начнете, за вихоръ, розги, палкой... «Добру»!.. называется... Сами—невѣжи круглые, а берутся учить, точно въ самомъ дѣлѣ знатоки... Куда вамъ! ужъ вы рожайте только, это—вотъ ваше дѣло.

«Дѣлалъ я ему разныя представленія въ свою пользу, однакожъ онъ меня опровергъ:

«— Ты, говоритъ, скажи одно: кричала дѣвочка?

«— Кричала!

«— Цѣлый Божій день кричала не своимъ голосомъ?

«— Точно такъ, говорю.

«— И оба вы съ своей женой—«родители», «воспитатели»—ничего не знали: что̀? ка̀къ? отчего?. Не знали?..

«— Точно что не знали...

«— Гдѣ болитъ? въ головѣ ли, въ животѣ ли, въ спинѣ ли?.. Ничего не знали?

«— Ничего! Кричитъ!..

«— Ну такъ сами вы ее уморили... И другая будетъ—и другую уморите...

«Такъ меня и обожгло отъ этихъ словъ...

«— Что̀ ты, говорю, другъ любезный, прикуси языкъ-то.

«— Прощай, говоритъ. Тоже «родители» называются... почитай ихъ!..—И ушелъ».

6.

«Кажется, ужъ довольно дерзко обошелся, а что-жъ бы вы думали? Задумался я надъ этими словами... И даже такъ задумался, что въ городъ къ аптекарю поѣхалъ и книжки даже бралъ читать. Судите сами: былъ ли счастливѣй меня человѣкъ? Чего мнѣ недоставало? Все у меня было, и все я получилъ,—такъ, по крайности, мнѣ представлялось. Лѣтъ пятнадцать кряду только и дышалъ Милочкиной любовью; пережилъ съ нею годъ такого счастія, какого иному и во снѣ не приснится; зналъ, что̀ такое радости семейной жизни, что̀ за счастье быть отцомъ, и вдругъ, одно за другимъ, два несчастія, потомъ пустота голая и сознаніе собственнаго невѣжества... А насчетъ невѣжества я понялъ сразу, послѣ одного только разговору, и тутъ же, какъ только аптекарь изъ лавки вышелъ, почувствовалъ я, что во второй разъ я ужъ не буду съ Милочкой счастливъ такъ, какъ до несчастій... До несчастій я жилъ, точно птица порхалъ; теперь мнѣ стало представляться, что порхать ужъ я не буду, узналъ о своемъ невѣжествѣ... А что̀ всего обиднѣй: въ Милочкѣ-то, кромѣ жены, кромѣ хорошенькой, милой женщины... я ужъ тоже—истинно противъ воли — также невѣжу увидалъ... Коль представлю, коль вспомню, какъ это мы оба глупые, тупоумные, бились ночью съ дѣвочкой, ничего-то не понимая, такъ и почувствую къ Милочкѣ что-то нехорошее, то-есть что-то какъ будто злитъ... Думаешь иной разъ—хоть бы подумала, отчего это и какъ...

А то смотритъ, какъ человѣкъ мучается, и не думаетъ...— тошно... вѣрное слово...

«Скучно мнѣ, пусто на душѣ было; надобенъ мнѣ былъ, какъ всякому человѣку, интересъ... А опять съ Милочкой ту же любовь продолжать не было ужъ интересно, потому что первое время самой задушевной любви окончилось вздоромъ, мученьемъ душевнымъ, обозначило въ насъ обоихъ, прямо сказать, мѣднолобіе... Поднялась моя любовь по этому случаю градусомъ повыше, сталъ я любить другое. Сталъ я влюбляться въ размышленія, въ разсужденія... И повѣрите ли, въ слова, въ мысли, которыя пошли у меня ходить въ головѣ, я такъ же точно сталъ влюбляться, какъ въ Милочку... Однова аптекарь (это ужъ въ городѣ какъ-то случилось) показалъ мнѣ такую штуку: чашка съ водой; вода какъ есть чистая, комнатная, и вдругъ подсыпали чего-то... что̀ же?—въ одну минуту замерзла, а было лѣто... Такъ что̀ со мной было, если бы вы только знали!.. Такое охватило меня невѣдомое блаженство, такая радость какая-то (и истинно самъ не знаю отчего), ну, ни съ чѣмъ сравнить невозможно... Точь въ точь такъ же у меня забилось сердце, заныло, таково весело, и въ голову точь въ точь такъ ударило, какъ, бывало, съ Милочкой до свадьбы еще случалось, если иной разъ долго не видимся, да вдругъ гдѣ-нибудь въ темномъ мѣстѣ и... вотъ! Прямо вамъ сказать, началась у меня другая любовь, выше и много любопытнѣй,—такъ, по крайности, въ ту пору мнѣ представлялось!..»

— А съ Милочкой,—спросилъ я:—разговаривали вы о вашихъ мысляхъ?

— Нѣтъ!—въ томъ-то и бѣда вся, что не разговаривалъ... А почему не разговаривалъ?—потому что въ головѣ-то у меня стояло *все вмѣстѣ*, а по отдѣльности—ничего не было... Все, о чемъ я отъ роду не думалъ, все у меня стало подниматься въ головѣ сразу, цѣлыми ящиками, оптомъ, если сравнить по-торговому... Я бы и радъ говорить съ ней, но ничего бы путнаго не сказалъ... Я чуялъ, что не сумѣю заставить ее заинтересоваться тѣмъ же самымъ, что̀ меня захватило... Словъ у меня не было, не зналъ, съ какого конца взяться, откуда захватить, а главное—не утаю, не въ обиду Милочкѣ будь сказано—казалось мнѣ, что плюнетъ она на всѣ мои разговоры—и больше ничего. Не пойметъ-съ. Неинтересно ей это... Сердило меня и то, что я самъ съ мыслями не разобрался; сердило

и то, что и Милочка ихъ не пойметъ... а главное, вотъ что̀ меня не то что сердило, а прямо вводило даже въ гнѣвъ: сказывалъ я вамъ, что послѣ несчастій мнѣ такъ было тоскливо и тяжело, что я даже и отъ Милочки какъ-то сталъ поотставать, да и она тосковала и молча мучилась... Съ тѣхъ поръ, какъ произошло во мнѣ это самое превращеніе, самому мнѣ стало легче; я тосковалъ по дѣвочкѣ—точно, и иной разъ просто даже до слезъ тосковалъ, но ужъ у меня было лѣкарство, занятіе... Иной разъ раздобудешь книгу, какого-нибудь, напримѣръ, Жуля Верна,—напролетъ всю ночь... Помните, какъ одинъ англичанинъ выстрѣлилъ въ мѣсяцъ!.. То-есть всю ночь напролетъ... И рвусь я, что̀ дальше, то больше. И все мнѣ пріятнѣй, хитрѣй, мудренѣй, прямо сказать, забористѣй. А между прочимъ, слышу, что Милочка не тѣмъ норовитъ вылѣчиться... Жаль мнѣ ее, вотъ какъ, до слезъ, т.-е. до кровавыхъ слезъ жаль... Теперь, Богъ дастъ, воротится, я все ей сдѣлаю, все предоставлю, словомъ—теперича у насъ съ ней совсѣмъ другой разговоръ пойдетъ...

«Но тогда, когда я влюблялся съ каждымъ днемъ все сильнѣй и сильнѣй въ другое дѣло, въ новое, любопытное, умное, и каково это мнѣ было слышать тотъ, напримѣръ, разговоръ: «вотъ погоди, опять ребенокъ будетъ, опять поправишься, все какъ рукой сниметъ!» Это говорили Милочкѣ всѣ ея родственницы, всѣ бабы, какія только въ домѣ ни были... Всѣ одинаково полагали, что необходимъ опять ребенокъ, чтобы вновь жизнь получила смыслъ... Каково мнѣ это было слышать каждую минуту, когда ужъ самъ-то я на другой смыслъ наскочилъ? Сидятъ ли за самоваромъ, отдыхаютъ ли на крылечкѣ, въ кухнѣ ли соберутся, все одинъ разговоръ: «Вотъ ребенокъ будетъ! Вы съ мужемъ люди молодые—чего тамъ! Вотъ хитрое дѣло, подумаешь!..» И что-жъ вы думаете? Однажды слышу—Милочка разговариваетъ съ одной бабой и говоритъ ей: «вотъ когда у меня ребенокъ будетъ, я тебя въ кормилицы». То-есть и званія никакого нѣтъ насчетъ чтобы ребенка, а ужъ кормилицу приторговываютъ... Что-жъ я-то такое? Да какъ это не стыдно, думаю, не подумать хоть бы о томъ, что вѣдь и второго уморимъ ни за что ни про что!.. Вѣрите ли, даже упорство какое-то во мнѣ стало дѣйствовать. Точно вотъ врагъ какой между мной и Милочкой появился... Уклоняюсь я отъ нея... И намѣренія-то ея мнѣ куда не по душѣ... Забьюсь въ лавку съ какимъ-нибудь сочиненіемъ, съ мѣста,

кажется, шестеркой лошадей не своротить... — «Иди чай пить!» Нѣтъ, думаю, знаю я ваши намѣренія — не хочу. «Иди ужинать!» Опять я не хочу... А тамъ все разговариваютъ про то же самое... И стали даже такъ поговаривать: «Что же это за мужъ? Этого въ хорошихъ семействахъ не допускается...» Этакимъ вотъ манеромъ...

«И сталъ я, прямо скажу, даже ожесточаться... И что же? Однажды ночью, не помню ужъ, что у меня въ головѣ было, только ужъ совсѣмъ, совсѣмъ не то... гляжу, Милочка сама подошла ко мнѣ изъ спальни... взяла такъ-то за плечо и смотритъ... Какъ понялъ я этотъ взглядъ, сразу рвануло меня по всей внутренности,—«убирайся ты прочь отъ меня!..» То-есть не своимъ голосомъ гаркнулъ.

«Съ этой самой минуты все и помутилось въ дому...»

7.

«Поглядѣлъ бы кто на насъ въ ту пору: злѣй насъ, кажется, на свѣтѣ не было. И съ Милочкой-то что сталось—уму непостижимо.—«Такъ такъ-то! хорошо же!» Къ отцу—отецъ ко мнѣ съ увѣщаніемъ; за родней—за старичками, за старушками—настоящій съѣздъ, земское собраніе... Милочка плачетъ и жалуется, а мнѣ ни капельки не жалко, т.-е. вотъ хоть бы капелька... Теперича я знаю: она тоже не знала, что дѣлала, ей также Богъ вѣсть что мерещилось... Ну, только я ужъ тутъ совсѣмъ ожесточился... Помилуйте, скажите: хотятъ меня, напримѣръ, силкомъ къ этому самому порядку привести. — «Какъ не стыдно! Ни Бога въ тебѣ нѣтъ ни совѣсти!.. И что это такое!» Это я съ утра до ночи слышу сутокъ двое кряду. А то такъ просто стали обзывать меня «подлецомъ».—«Какой это мужъ? это, говорятъ, подлецъ изъ подлецовъ!»

«Дальше да больше; вдругъ отецъ Иванъ подступилъ ко мнѣ съ кулачьемъ:—«Ты что-жъ это, такой-сякой? а?..» да, не говоря худого слова, бацъ меня по уху, бацъ по другому... Племянникъ-дьяконъ услыхалъ, подлетѣлъ, развернулся—хлопъ! хлопъ!.. Ну, ужъ тутъ и я изъ всякихъ границъ вышелъ... Милочка-было за меня заступаться стала: «не троньте, не троньте его!», но ужъ у меня не оставалось снисхожденія.—«Сама, говорю, заварила этотъ срамъ, да заступаться?—Вонъ!» И принялся содѣйствовать! Что тутъ

такое было, уму непостижимо! Тутъ были въ ходу и кнутья и метла, и самоваромъ кто-то сколотилъ меня по головѣ, и Жуль Верна я расшибъ (какъ есть всю книгу съ рисунками) объ чью-то морду — ужъ не помню — и всѣ въ крови, съ синяками, съ раздутыми щеками, — т.-е. Богъ знаетъ что!.. И все это — на народѣ! Собралась вся деревня, ревъ, плачъ.—«Исполняй законъ!»—вопіютъ. Хохотъ, срамъ!..

«Въ тотъ же часъ, послѣ этого боя, я ударился прямо въ кабакъ и съ этого сраму сталъ пьянствовать... Слышу, вдобавокъ ко всему, распознали, что къ аптекарю хожу, присодѣйствовали обо всемъ къ исправнику, все перерыли и всѣхъ моихъ знакомыхъ въ скорости предоставили къ благоусмотрѣнію; ну, словомъ, осрамили меня въ самомъ полномъ размѣрѣ... Тутъ-то вотъ и сталъ я безобразничать, и въ свою голову добезобразничался до суда, да и Милочку съ ума свелъ».

Оставляю неразсказанными много неудобныхъ для печати подробностей, касающихся болѣзни бѣдной деревенской женщины. Сколько перестрадала эта жертва неожиданнаго деревенскаго «случая»!.. Припоминая всю эту исторію, съ ужасомъ вспоминаешь разсказъ пчеляка и разговоръ о лѣченіи больной.

— Ты какъ же съ ней справлялся-то?

— Какъ?—Извѣстно, палкой... коли не слушаетъ резоновъ... У меня даже у самого руки опухли... Синяя вся отъ побоевъ, даже слеза прошибла... Потому вожжами орудовалъ...

VI.

Опять темныя ночи, осеннія.—Волки и конокрады.—Убійство и оправданіе. — Біографія сироты Ѳедюшки. — Мірской хорошій человѣкъ Иванъ Васильевъ.

1.

Августъ мѣсяцъ шелъ къ концу. Утромъ и вечеромъ въ воздухѣ стала чувствоваться сильная свѣжесть, переходившая ночью въ крѣпкій осенній холодъ. Смеркаться стало рано, и темь по ночамъ сдѣлалась непроглядною. Привычный деревенскій житель, знающій въ своей деревнѣ каждый камешекъ на улицѣ, каждую ямку, лужу, каждое дерево, иной разъ, очутившись въ такія темныя, «черныя» ночи на улицѣ, не узнавалъ своего дома, да и добравшись до своего двора, долго искалъ ногою лежащій у крыльца камень. Тьма убивала въ человѣкѣ способность видѣть, лишала возможности свободнаго движенія, даже притупляла чуткость уха. Два человѣка, столкнувшись случайно въ этой темнотѣ, долгое время даже по голосу не могли узнать другъ друга и непремѣнно съ нѣкоторою оторопью вели такіе разговоры:

— Кто тутъ?

— Я!

— Кто таковъ—я?

— Да Иванъ!

— Какой Иванъ?

— Да Иванъ, стало-быть, Петровъ!

— Ахъ, шутъ тебя возьми!.. Эка темень-то!..

— Тюрьма чистая! Это ты, что ли, Софронычъ?

— Что̀ ты? перекрестись!

— Ай Кузьма?

— Какой тамъ Кузьма? Эка ты... Егора-то Перепелкина забылъ...

— Ишь ты вѣдь, братецъ ты мой!.. Ну, и темень только— чистая преисподняя!

Въ такія ночи ничего не стоитъ заблудиться въ двухъ саженяхъ отъ деревни или заѣхать невѣсть куда.

Но не этимъ страшны темныя августовскія ночи деревенскому жителю: страшны онѣ, главнымъ образомъ, волками и конокрадами. Тѣ и другіе начинаютъ дѣйствовать съ изумительною смѣлостью, волки — съ голоду, а конокрады—и съ голоду и по расчету: настаетъ время осеннихъ ярмарокъ, хорошаго сбыта скотины; настаетъ осень, время холодное, когда безпріютному человѣку западаетъ мысль о теплѣ, о тепломъ кафтанишкѣ... Тьма покровительствуетъ и волкамъ и конокрадамъ. Испугавшись шума осенняго вѣтра, который въ эти дни уже начинаетъ знакомить деревенскую публику съ своими аккордами грядущихъ осеннихъ завываній, овцы, благодаря непроглядной темнотѣ ночи, разбѣгаются по оврагамъ, лѣсамъ, сваливаются съ кручи въ рѣку, и повсюду настигаетъ ихъ неистовый волчій аппетитъ. Волкъ рѣжетъ овецъ и въ оврагахъ и въ лѣсахъ; забирается даже въ овчарню, прямо на дворъ къ крестьянину, и тутъ, съ неменьшимъ успѣхомъ, чѣмъ въ полѣ, совершаетъ свои операціи. Тьма и вѣтеръ, пугающій скотину, помогаетъ и конокрадамъ все потому же, что заставляетъ скотину разбредаться, терять дорогу, блудить. Тутъ-то и караулитъ крестьянскую скотину конокрадная голытьба.

Да! И въ этомъ дѣлѣ есть главные и второстепенные дѣятели. Главный конокрадъ носитъ въ народѣ названіе «воровской матки». Эта воровская матка сумѣетъ пріютить и спрятать цѣлый табунъ и дѣйствуетъ, главнымъ образомъ, при помощи пастуховъ. Наворованныхъ лошадей, отогнавъ ихъ предварительно на значительное разстояніе отъ мѣста кражи, главный воръ поручаетъ на сохраненіе первому деревенскому пастуху. «Побереги», говоритъ,—и пастухъ бережетъ краденыхъ лошадей гдѣ-нибудь въ ближнемъ лѣску, гдѣ онѣ ходятъ со спутанными ногами. Бережетъ онъ краденыхъ лошадей потому, что «воровская матка» грозитъ ему: «не то, говоритъ, изъ твоего табуна угоню». И угонитъ, навѣрное угонитъ чужими руками, руками голытьбы, оставаясь самъ здравъ и невредимъ. Сбываютъ краденыхъ лошадей за безцѣнокъ первымъ встрѣчнымъ

обозчикамъ, пришлымъ издалека рабочимъ, которыхъ въ это время (молотьбы) бываетъ много въ полѣ. Не безупречны въ отношеніи конокрадства и сами господа пастухи. Знатоки утверждаютъ, что большинство воровскихъ матокъ выходитъ именно изъ пастуховъ. Люди эти умѣютъ обращаться со скотиной, умѣютъ повелѣвать ею, знаютъ мѣста, гдѣ ее спрятать. А подручной голытьбѣ, которая своими руками будетъ обдѣлывать темное дѣло кражи, всегда много, и отвѣчать-то, въ случаѣ чего, придется этой же самой голытьбѣ. И жестоко же расправляются деревенскіе люди съ этими разорителями крестьянскаго хозяйства! Бѣда только, что главные-то, «коренные»-то воры почти не попадаются подъ карающую крестьянскую руку, а весь ужасъ мести выпадаетъ на долю голытьбы.

Вотъ что разсказывали мнѣ о такой мести очевидцы ея и участники, крестьяне сельца Сычова.

2.

«Ночевало насъ въ ту ночь на полѣ со скотиной человѣкъ пятнадцать... Въ такія ночи одному пастуху не справиться; для осторожности наряжаемъ караулъ по очереди изъ своихъ... Тутъ въ этакую темень да въ вѣтеръ, тутъ ужъ сохрани Богъ зѣвать, т.-е. заснуть, стало-быть, или задремать... Тутъ ужъ сиди, гляди въ оба... Огонь у насъ не переводится, и всю ночь мы вокругъ табуна похаживали да посвистывали... А ночь темная-растемная, и сыро и вѣтеръ... И валитъ съ ногъ-то, а все крѣпишься, держишься, потому напуганы были мы въ ту пору оченно шибко. Что ни день, то откуда-нибудь и идетъ слухъ: тамъ вчера тройку угнали, а тамъ пару. Стало, какъ-ни-какъ надоть крѣпиться. Съ вечеру до полуночи, да и за полночь-то, такъ часу до второго, кой-какъ справлялись... Моритъ-моритъ тебя, клонитъ сонъ-то,—встряхнешься и опять въ ходъ пошелъ... А вѣдь устанешь за день-то въ эту пору, не приведи Богъ; съ трехъ часовъ утра на работѣ, да цѣлый день до сумерекъ: въ эту пору и хлѣбъ убираемъ на полѣ, и съ поля возимъ, и молотимъ—самое это бѣдовое время... Бился-бился я такъ-то самъ съ собой, глаза этакъ-то растопыривалъ-растопыривалъ всѣми способами—хвать, и свалился, какъ снопъ.

«Толкаетъ кто-то меня, слышу, подъ-бокъ, изо всей, тоись, мочи,—кулакъ мнѣ подъ ребро посылаетъ... Я было-крикнулъ, да ротъ мнѣ зажали:—«воры!» шепчутъ... Очнулся я—догадался, что наши ребята ползкомъ подползли, притаились... «Гдѣ, молъ, воровъ видишь?..»—«А вонѣ, баютъ, двое ползутъ... Не замай, доберутся до лошадей, тогда сразу всѣмъ единымъ духомъ броситься и шумъ поднять»... И точно, приглядѣлся я къ темени-то: вижу, дѣйствительно шевелятся въ двухъ мѣстахъ... Ну, прямо сказать, на звѣря такъ душа не замираетъ... Кажется, цѣлый годъ прошелъ, покудова дождались мы конца. И просто, по совѣсти сказать, безъ памяти бросились всѣ, какъ одинъ человѣкъ, только-было одинъ изъ воровъ за гриву лошадь поймалъ... А ужъ заорали, гаркнули, такъ и сейчасъ мнѣ удивительно, какъ у меня нутро цѣло осталось... Налетѣли мы на нихъ ястребами... Такъ налетѣли, что у одного ногу, у другого руку переломили: секунда, кажется, одна, а глядимъ—ужъ они какъ куренки валяются ничкомъ и только охаютъ... Единымъ духомъ—руки назадъ, морду въ землю, лежи, дожидайся свѣту... Порѣшили-было не бить, а полностью предоставить въ волость; да вѣдь что̀ будешь дѣлать-то, больно ужъ мучители-то большіе: караулимъ—сидимъ, ужъ, конечно, не молчимъ, да нѣтъ-нѣтъ кто-нибудь и тронетъ—то сапогомъ этакъ въ бокъ, то вожжей, то за волосы... Вѣрите ли, теперь вспомнить—оторопь беретъ, а въ ту пору не то что жалѣть, а прямо сказать—сласти̇тъ, коли-ежели вцѣпишься... Не утаю, было и моего грѣха въ этомъ дѣлѣ, но въ мѣру... Прочіе же, напримѣръ, ребята такъ разыгрались, въ такую охоту, что, коротко вамъ сказать, приспособствовали мы ихъ къ свѣту до безчувствія... Пришлось вести на деревню подъ руки...

«Одинъ-то, постарше, все молчалъ, ни словечушка не сказалъ, а другой-то, помоложе, взмолился: — «Не ведите, молъ, насъ по деревнѣ, други милые! Убьютъ насъ... Охъ, отцы мои родимые!.. Вѣдь я, говоритъ, вашъ землякъ, сычовскій!.. Пожалѣйте своего-то! Я, говоритъ,—Ѳедоръ!» Въ ту пору невдомекъ намъ было, каковъ таковъ Ѳедоръ (а вѣдь, точно, нашъ, сычовскій, оказался), а, признаться, жалковато будто становилось; потому сами-то мы натѣшились, зло сорвали, а ужъ въ деревнѣ, мы это вѣрно знали, имъ, ребятамъ, своей препорціи не миновать... И сказалъ-было я: «а что, ребята, не отвесть ли въ самомъ дѣлѣ въ волость задами!»—Да дерни дурака Ѳедьку сказать эти слова, что,

молъ, «вашъ я землякъ, сычовскій...» — «А, молъ, такой-сякой, такъ ты еще своимъ-то землякамъ вредъ, напримѣръ?..» И опять замутило на сердцѣ.

«— Веди, ребята, деревней! — гаркнули товарищи, и поволокли мы ихъ улицей...

«Солнышко еще и не думало показываться, чуть свѣтало, и народъ еще спалъ. Думали-думали—куда идти? Пошли къ Ивану Васильеву... Первѣющій у насъ былъ голова! Староста былъ, копейки мірской не утаилъ, за мірское дѣло горой стоялъ, правду блюлъ пуще глазу, зѣницы ока... И откуда такой уродился человѣкъ, дивное дѣло! Съ годъ назадъ его лошадь зашибла, всей деревней хоронили—потому заслужилъ!.. Такихъ еще мы людей и не видывали потомъ... Первый нашъ судья, хранитель мірской, божій человѣкъ... Заберетъ его за сердце какимъ дѣломъ,—живъ не разстанется, послѣднюю овцу продастъ, а ужъ добьется своего. Вотъ къ этому-то человѣку и повели воровъ-то... Подвели къ дому, разбудили; вышелъ Иванъ Васильевъ: «что̀, молъ, такое?»—«Такъ и такъ, говоримъ, воры...» Поглядѣлъ онъ какъ-то на нихъ, поглядѣлъ сыскосу, скрипнулъ зубами. «Караульте, говоритъ, а я народъ подыму!..» Больше ничего не сказалъ, только пошелъ отмѣривать вдоль порядку саженными шагами да по окнамъ бухать:—«вставай! воры! выходи!..» Всполошилась наша Сычовка. Поднялся народъ, въ чемъ былъ, валитъ со всѣхъ сторонъ—а у насъ полтораста дворовъ... Окружили насъ со всѣхъ сторонъ, даже самимъ не повернуться: и ругали, и плевали на воровъ—въ полную волю... Но настоящаго чтобы—ничего никто не зналъ, какъ быть и что̀ дѣлать. Только идетъ назадъ Иванъ Васильевъ, и лица на немъ человѣческаго нѣту. Рукава засучилъ, побѣлѣлъ, ровно полотно. — «Ребята, говоритъ, своимъ судомъ грабителей!» И что̀ есть силы-мочи далъ... значитъ, по скулѣ одному и другому.—«Бей!»—гаркнулъ. Ну, тутъ ужъ... Ужъ тутъ мы и свѣту не взвидѣли... Что̀ было! Пресвятая Владычица! Матерь Божія! Били камнями, палками, вожжами, оглоблями, одинъ даже осью телѣжною... Всякій норовилъ дать ударъ, безъ всякаго милосердія, чѣмъ попало!.. Тутъ ужъ мы, караульщики,—кто куда!.. Тащитъ ихъ толпа своей силой, а упадутъ—поднимаютъ, гонятъ впередъ, и все бьютъ, все бьютъ: одинъ сзади норовитъ, другой спереди, третій сбоку цѣлится, чѣмъ попало... Жестокая была битва, истинно кровопролитная!.. Побѣжалъ я за писаремъ (пришло мнѣ въ голову, что не надо ли, молъ,

чего-нибудь по закону сдѣлать); прибѣгъ съ писаремъ-то назадъ, вижу, столпился народъ около амбара посреди улицы, и слышу—разговариваютъ: «глянь-ка, малый глаза-то выпучилъ!» Пробрался я сквозь народъ — вижу — точно, сидитъ бѣдняга на землѣ: одинъ, постарше-то, этакъ вотъ спиной къ амбару привалился, и глаза точно стали, недвижимо стоятъ, только грудь ходитъ, какъ жерновъ... А другой, Ѳедюшка-то, стонетъ, за сердце хватается... Писарь съ допросомъ къ старшему:—«Кто такой? Откуда?» Смотритъ тотъ, глаза выпучилъ, а говоритъ не говоритъ... Откуда ни возьмись Иванъ Васильевъ.—«Запираться, говоритъ, дьяволъ этакій?» Да въ волосы ему... Ужъ, Боже мой, какъ жестоко! И сказать нельзя. Упалъ тотъ ничкомъ и лежитъ, не дышитъ.—«Померъ!» говорятъ.—«Какъ же! помираютъ такіе черти!—какой-то старичокъ объявилъ.—Онъ, такой-сякой, слово знаетъ!» Да мертваго-то (точно вѣдь померъ старшій-то) по спинѣ-то, да почемъ попало... «Отходитъ! отходитъ! и другой-то отходитъ!»—закричали... И точно... помутились глаза и у Ѳедюшки... Забрало меня за ретивое:—«Ѳедя! говорю, тебѣ бы молочка испить?..» Шевелитъ губами, а сказать не можетъ...—«Испей, Ѳедюнька, молочка-то... можетъ, отойдешь...» И что же онъ мнѣ отвѣтилъ на эти слова?—«М-медку бы...»—чуть слышно прошепталъ такъ-то, и духъ вонъ.

«И напалъ на всѣхъ насъ страхъ. Никто не думалъ, что убьетъ до смерти, всякій билъ *за себя*, за свое огорченіе, не считалъ, что и другіе бьютъ. А какъ увидѣли—два покойника, — оторопь и обуяла всѣхъ... Всѣ вразсыпную. — «Не я... не я... не я...» Каждому страшно сдѣлалось.—«Ничего не будетъ!» — сказалъ Иванъ Васильевъ и приказалъ яму рыть, травы и льду въ яму класть, а на ледъ покойниковъ положили и опять свѣжей травой завалили.

«Судъ былъ. И точно, ничего не было. Всѣхъ оправдали.

«Съ тѣхъ поръ потише стало».

3.

«Всѣхъ оправдали!»—сказалъ мнѣ разсказчикъ. Что же это за люди, что это вообще за существа, которыхъ можно истязать, убивать и за все это получать только одобреніе?

«Такъ! такъ и надо!» — говоритъ совершенно по-совѣсти всякій обыватель. «Нѣтъ, не виновны!» — говоритъ совершенно по совѣсти судъ присяжныхъ... Злодѣйство, безпощадность злодѣйства, выразителями котораго являются два убитыхъ человѣка, не подлежитъ сомнѣнію; но, по всеобщему «совѣстливому» мнѣнію, никакихъ иныхъ средствъ для острастки злодѣевъ, кромѣ истязанія, нѣтъ. Спрашивается: изъ какихъ-такихъ источниковъ выходятъ люди, способные заниматься такими злодѣйскими дѣлами? откуда родятся эти разорители, эти грабители крестьянскаго хозяйства? Вѣдь не валятся же они съ неба, вѣдь не родятся же они исключительно съ злодѣйскими помыслами? Вѣдь хотя убійство двухъ злодѣевъ и санкціонировано совѣстью господъ убійцъ и господъ судей, но вѣдь и господа конокрады также могли бы представить кое-какія соображенія въ объясненіе своей злодѣйской совѣсти, и, вѣроятно, представили бы, если бы ихъ заблаговременно не ухлопали.

Размышляя такимъ образомъ, я невольно пришелъ къ вопросу: откуда берется и какъ дѣлается такой удивительный, ожесточенный, безстыдный сортъ людей, которыхъ можно раздавить, какъ клоповъ, и чувствовать себя при этомъ совершенно невиновнымъ?

При первомъ же свиданіи съ разсказчикомъ исторіи убіенія я спросилъ его:

— А кто такой этотъ Ѳедюшка?

— Который-съ?

— А вотъ котораго убили-то, конокрадъ?

— О-о, этотъ? Этотъ нашъ, сычовскій, нашъ, нашъ... Этотъ-то нашъ. А вотъ другой-то, такъ и не вызнали, чей... Больше ничего, знаемъ—черномазый... Ну, а Ѳедюшка—точно нашъ!

— Кто-жъ онъ такой? Есть у него отецъ, мать?

— А вотъ какъ надобно на это вамъ отвѣтить. Есть, слѣдовательно, Ѳедюшка сирота... Принесла его одна, сталобыть, дѣвица... И выйди потомъ эта самая дѣвица замужъ. Попался человѣкъ, не посмотрѣлъ на грѣхъ, согласенъ былъ взять и съ ребенкомъ; ну, только узналъ объ этомъ старикъ-родитель, отъ ребенка отказался. — «Отдай, говоритъ, ребенка въ люди, тогда приму въ домъ, не отдашь—не надо мнѣ тебя». Ну, сами знаете, дѣло родительское, сурьезное... Хорошо, какъ переговоришь родителя—твое счастье; ну, а какъ попадется родитель-то изъ крѣпкихъ, тутъ ужъ изъ

его слова не выбьешься... Вы не знаете ли, тутъ у насъ на деревнѣ мужикъ, Емельяномъ звать?

— Нѣтъ, не знаю...

— Такъ вотъ что̀ я объ немъ скажу: мужикъ этотъ человѣкъ работящій, одно слово—человѣкъ правильный, ну, только что больно тихъ, значитъ, попорченъ... И что-жъ съ нимъ отецъ родной дѣлаетъ? Посылаетъ его милостыню собирать по праздникамъ... Этого-то человѣка! Да онъ и безъ чужого хлѣба своего бы добывалъ въ полныхъ размѣрахъ, ежели бы былъ посурьезнѣе, а то ну-ка—съ сумкой по деревнѣ шатается... Смотрѣть-то, я вамъ доложу, стыдъ чистый... А почему? Главная причина—нельзя родительскаго благословенія забывать; надобно родителей почитать... Положимъ, такъ сказать, каковъ родитель. Иного родителя, надо прямо говорить, и слушать бы незачѣмъ; вотъ хоть бы Емелькина отца, судите сами: разлѣнился старикашка, ни на что не похоже... Вдовый онъ, и одинъ у него сынъ Емелька. Покуда сынъ-то подрасталъ, ничего былъ человѣкъ, бился по-христіански, одинъ самъ собою все хозяйство правилъ; а какъ выросъ Емелька, какъ женилъ его—легъ на печь, «не мое, молъ, дѣло», и зачалъ канальскій старикъ сластить...

— То-есть какъ же такъ?

— Слѣдовательно, то-есть, вотъ какимъ манеромъ. Примѣрно, надо бы ему на работу идти, въ поле, а онъ, старый хрычъ, съ удочками на рѣчку, да цѣлый день и сидитъ на рѣчкѣ... Наловитъ рыбы—этого у него, у стараго хрыча, и званія нѣтъ, чтобы продать или что-нибудь для дому—куда! все самъ съѣстъ! Вотъ это самое и есть, что̀ я вамъ сказалъ:—себѣ сластитъ... Ну, а гдѣ ужъ одному женатому съ семьей справиться!.. Чѣмъ бы съ печки-то слѣзть да помочь сыну, а онъ ему — «иди, говоритъ, по міру, собирай!..» Ну, и идетъ... потому родительское слово свято... Не послухай его,—«прокляну», скажетъ; ну, а вѣдь это, ужъ сами судите, довольно будетъ вредно нашему брату... Такъ-то вотъ.

«Это я къ тому говорю, — продолжалъ разсказчикъ:— что вотъ и Ѳедюшкинъ-то вотчимъ изъ послушныхъ былъ... Противъ родителя не осмѣливался... Да и мать-то Ѳедюшкина тоже... то-есть куда-жъ, позвольте спросить, дѣться ей съ этакой, напримѣръ, прикупкой? Хорошо еще самоё-то берутъ, не бросаютъ, и то еще надо дорожить, что нашелся добрый человѣкъ... Вотъ мать-то и отдала Ѳедюшку

къ теткѣ; была у ней старушка-тетка... бездѣтная... Отдать-то отдала, да не далъ ей Господь вѣку—черезъ два года и померла. Остался Ѳедюшка сиротой. Покуда жива была тетка, ну, кое-какъ да кое-какъ перебивался, росъ... а этакъ съ седьмого или восьмого года и побираться сталъ... Ну, ужъ тутъ, конечно, житье не легкое; дадутъ шапку—въ шапкѣ пойдешь, не дадутъ—гуляй безъ шапки... Хорошо, коли ночевать пустятъ—ну, ночуешь, а какъ не случится гдѣ приткнуться—и такъ гдѣ-нибудь, на вольномъ воздухѣ ночь скоротаешь... Ну, однакожъ, надо сказать прямо, у насъ этого нѣтъ, чтобы прочь гнать, и пожалуй, что безъ ночлегу Ѳедюшкѣ жить не приходилось. Вотъ черезъ это самое, какъ я полагаю, онъ и избаловался: сегодня здѣсь ночуетъ, завтра тамъ, поутру проснулся, ушелъ, никто не смотритъ, не видитъ, всякій идетъ по своему дѣлу... вотъ отъ этого самаго-то и повадился нашъ молодецъ побаловываться... Тамъ, изволите видѣть, чулки, напримѣръ, сухонькіе надѣнетъ, тамъ рукавички оставитъ, которыя похуже, а которыя потеплѣе—себѣ возьметъ. Такимъ манеромъ постепенно... Стали замѣчать. Допрашивать иной разъ принимались, да на бѣду мальчонка-то былъ боекъ, востеръ—все ему спускали...

«— Ты, молъ, Ѳедька, рукавицы мои обмѣнилъ?

«— Я, говоритъ.

«— Какъ же такъ, шельмецкій ты сынъ? Это не порядокъ... За это, знаешь?

«— А холодно, говоритъ, дяденька!..

«Потреплешь его за вихоръ, и будетъ: что съ него возьмешь?—сирота!

«Такимъ манеромъ и пріучился мальчонка побаловываться... Пробовалъ-было онъ въ подпаски наниматься, да недолго нажилъ... Не понравилось, видно, по ночамъ не спать, сбѣжалъ...

«На моей памяти и дѣло-то это было. Ѣхалъ я въ городъ за кладью — кладь мы возили къ одному барину въ имѣніе... Ѣду такъ-то, гляжу—Ѳедоръ. Армячишко на немъ длинный-предлинный, босикомъ, шапка—эва какая, гора Голгоѳа настоящая, съ перьями, генеральская, и палка. Дуетъ парень по грязи, ножонками-то своими молотитъ во всю, то-есть, мочь.

«— Куда, молъ?

«— Въ городъ, говоритъ, подвези, молъ, меня, дяденька...

«— Ай ты отъ пастуха-то сбѣгъ?

«Посадилъ его.

«— Сбѣгъ, говоритъ.

«— Что̀ такъ?

«— Больно худая жизнь, говоритъ. Бьетъ пастухъ-то. Лютъ.

«— Куда-жъ ты это въ городъ бѣжишь?

«— А въ сиротское, говоритъ, призрѣніе.

«— Это что-жъ такое—сиротское призрѣніе? Что-то, говорю, будто не слыхалъ я этакого призрѣнія-то... Что-жъ оно такое?

«— А это, говоритъ, зданіе... большое-пребольшое, и все сироты въ немъ... двадцать тысячъ сиротъ, безродныхъ, безъ отца, безъ матери. Царь сдѣлалъ. И всѣхъ кормятъ на царскій счетъ, и у каждаго свой сундукъ, и одежда каждому идетъ отъ царя. А по двадцатому году всѣхъ сиротъ женятъ, и идутъ они въ царскіе крестьяне... И земли даютъ тѣмъ крестьянамъ, и дома, и скотину; одно слово—живи—не тужи.

«— Это, говорю, хорошо, ежели правда.

«— Это, говоритъ, вѣрно: мнѣ вѣрные люди сказывали...

«— Ну, коли вѣрно, дай, молъ, Богъ тебѣ счастья... Только что, говорю, наврядъ, напримѣръ...

«— Нѣтъ, говоритъ, это вѣрно...

«— Можетъ, говорю, мѣстовъ нѣтъ?..

«— Ну вотъ—нѣтъ! Это вотъ какой домина—съ версту.

«И началъ онъ мнѣ опять расписывать, расхваливать.

«— Ладно, ладно, говорю, ступай съ Богомъ.

«Привезъ я его въ городъ; мнѣ, стало-быть, на станціи оставаться, а ему въ это самое зданіе бѣжать. Побѣгъ. Хватился я послѣ—одного мѣшка нѣту! «Ахъ, думаю, шельмецъ этакій, какъ ловко стянулъ, и не въ примѣту даже». Ну, думаю, Господь съ нимъ...

«Такъ онъ и пропалъ невѣсть куда. И забыли-было о немъ. Только черезъ полгода этакъ мѣста приходитъ ко мнѣ нашъ писарь.

«— Запрягай, говоритъ, Родіонъ, лошадь; въ волость требуютъ по дѣлу.

«А въ то время, надо сказать, состоялъ я въ правленскихъ ямщикахъ.

«— Какія, говорю, дѣла тамъ у васъ?

«— Требуютъ, баетъ, личность удостовѣрять... Обозначилось, напримѣръ, лицо, и что̀ оно есть за лицо такое—никому неизвѣстно.

«— Ладно!

«Поѣхали. Пріѣзжаемъ, глядь, на крыльцѣ Ѳедька трется.

«— Ужъ не ты ли, говорю, Ѳедоръ, личность-то самая есть?

«— Я, говоритъ...

«— Ахъ, ты, говорю, шутъ гороховый.

«И писарь-то тоже смѣялся: все былъ мальчонка, а тутъ эва что̀—личность!

«— Ты, говорю, какъ же это, личность ты этакая, мѣшокъ-то у меня укралъ?..

«— Ѣсть, говоритъ, нечего было. Продалъ за пятнадцать копеекъ.

«— Ну, а зданіе-то, спрашиваю, разыскалъ ли?

«— Обманъ! говоритъ.

«— Что̀ ты?

«— Право слово. Я, баетъ, въ острогъ попалъ: думалъ, пойду въ самый большой домъ, а это острогъ... Какъ узналъ я, говоритъ, что это острогъ—бѣгомъ. Сутокъ трое побирался, потомъ въ часть взяли, а изъ части въ острогъ, а изъ острога сюда, домой.

«— Зачѣмъ, молъ, тебя домой-то?

«— А я, баетъ, почемъ знаю, по этапу!

«А между прочимъ надѣтъ на немъ новый армякъ... Поглядѣлъ я, думаю:—«Недаромъ, поди, въ острогѣ сидѣлъ», потому откуда у него армяку взяться? Да еще новый армякъ-то, цѣлковыхъ, поди, подъ десятокъ...

«— Чей, молъ, армякъ-то?

«— Извѣстно, мой!

«И смѣется...

«Н-ну, прочиталъ намъ въ волости писарь бумагу, спросилъ про Ѳедюшку.—«Вашъ ли, молъ?»—«Нашъ!» говоримъ.—«А коли вашъ—везите его домой...» Напримѣръ, на мѣсто жительства водворить. Расписались, повезли. Ѣдемъ мы дорогою-то, и думается мнѣ: «Вѣдь пропадаетъ парень-то, право, пропадаетъ... Полгода въ острогѣ просидѣть—не шутка; чему ни научатъ!» И жалковато мнѣ его стало. Чуяло мое сердце, не по хорошей дорогѣ пошелъ мальчонка. А онъ и въ усъ не дуетъ, и горя мало! Прибаутокъ нахватался, сквернословитъ, напримѣръ, потѣшаетъ насъ съ писаремъ... Да что̀ еще, какую удралъ, анаѳема, штуку!.. Пошелъ, изволишь видѣть, дождичекъ, и довольно даже порядочный... Вотъ писарь-то и говоритъ:—«Дай, говоритъ, Ѳедюнька, мнѣ твоимъ армячкомъ накрыться...» Далъ; «накройся, говоритъ, старичокъ, ничего, накрывайся».

Накрылъ тотъ голову—ѣдемъ. Много ли, мало ли проѣхали, ужъ это у меня изъ памяти вышло, только Ѳедюнька и говоритъ:—«А что̀, говоритъ, писарь, я тебѣ скажу,—вѣдь въ армякѣ-то у меня что̀ звѣрья этого самаго... Заѣдятъ они тебя»... Услыхалъ писарь—долой армякъ, ну рукой-то чистить и спину и воротникъ: «ахъ, ты, пострѣлъ! что̀ не сказалъ?..» А Ѳедюнька взялъ армякъ, закутался и поѣхалъ. Всю дорогу писарь мокнулъ на дождѣ. До костей его пробрало. Только ужъ потомъ, какъ до дому добрались, Ѳедька-то и загоготалъ:—«Это я, говоритъ, шутку съ писаремъ-то сшутилъ»... Ну, каково это покажется? Этакая шельма сталъ!.. Ну, привезли мы его. Водворили...»

— Куда-жъ вы его водворили-то?

— Да куда-жъ его водворить? Пріѣхали—ну, и слѣзай съ телѣги, вотъ-те и весь сказъ...

— То-есть какъ же это — привезли въ деревню и оставили на улицѣ?

— Зачѣмъ на улицѣ? Привезли, значитъ, ну, и ступай съ Богомъ!

— То-есть куда же—«ступай»?

— Да куда ему идтить-то? Ему идти некуда. Кабы родня у него была. А то родни у него нѣтъ... Ну, и добрые-то люди тоже послѣ острога-то не очень чтобы... Милостыньку-то подать—подадимъ, а ужъ насчетъ ночлега—не всякій-то съ охотой... «Тѣсно, молъ, поди къ сосѣду»... А у сосѣда—тоже не просторно... Ужъ тутъ пошелъ другой разговоръ. Повертѣлся онъ у насъ на деревнѣ-то такъ съ недѣлю да и слимонилъ у кабатчика полтину мѣди да ковшикъ желѣзный, и опять убѣжалъ... Съ тѣхъ поръ ужъ годовъ черезъ шесть я его увидалъ, какъ въ конокрадахъ его изловили... И, правду сказать, не узналъ: и выросъ и бороденка обозначилась... Такъ онъ и жизнь кончилъ...

— «Медку бы»?—напомнилъ я.

— Да-да! вотъ поди ты... Меду захотѣлъ!.. И съ чего это?.. видно, пожилось не больно сладко...

4.

— «Нѣтъ, не виновенъ!»—мысленно произнесъ я, прослушавъ разсказъ словоохотливаго обывателя и представляя себѣ Ѳедюшку живымъ, сидящимъ на скамьѣ подсу-

димыхъ. Но точно ли, стало приходить мнѣ въ голову, Ѳедюшка могъ быть оправданъ? Я ни капли не сомнѣвался въ томъ, что біографія Ѳедюшки непремѣнно бы тронула господъ судей совѣсти, но въ то же время я не могъ не видѣть, что главное дѣйствующее лицо всей этой исторіи— не Ѳедюшка и не убійцы-міряне, а нѣчто иное, нѣчто такое, что̀ заглушаетъ голосъ совѣсти, заставляетъ его молчать, именно... лошадь! «Конечно, думалъ бы судья, біографія Ѳедюшки печальна: сиротство, нищета, голоданье и холоданье, все такъ, все это извинительно, но... лошадь? Какъ бы то ни было, вѣдь все-таки лошадь—скотина хозяйственная; украсть лошадь—значитъ разрушить или, по крайней мѣрѣ, ослабить платежную силу крестьянскаго двора... Конечно, подумалъ бы судья, такъ звѣрски истязать человѣка, такъ безжалостно и безпощадно поступать съ разумнымъ существомъ—вещь возмутительная, въ высшей степени дикая, омерзительная, даже, прямо сказать, ужасная; но, съ другой стороны, нельзя же и не извинить неразвитого человѣка, потому что вѣдь тутъ замѣшано довольно важное обстоятельство... лошадь! Какъ бы то ни было, но лошадь — это вещь весьма значительная, и для *бѣднаго* крестьянина...» и т. д.

Правильно ли я представилъ себѣ сужденія судей совѣсти по настоящему дѣлу—предоставляю судить читателю; но по моимъ соображеніямъ выходило какъ-то такъ, что именно даже во имя гуманныхъ идей Ѳедюшкѣ не было бы никакой возможности уйти отъ арестантскихъ ротъ или отъ острога. Хозяйственный ореолъ лошади помрачалъ всякія соображенія о страданіяхъ человѣка, помрачалъ до того, что, во имя этого лошадинаго ореола, оказывалось позволительнымъ ухлопать человѣка, какъ собаку, и не чувствовать при этомъ ничего, кромѣ сознанія, что вотъ, молъ, «теперь стало на этотъ счетъ потише»...

Понимаю я также и то, что лошадь—подруга и подпора въ великой крестьянской нуждѣ; что посягать на эту подругу и подпору худо, даже подло и мерзко; что вполнѣ достойна уваженія та энергія, съ которою человѣкъ, не задумываясь ни на одну минуту, каралъ другого человѣка, желавшаго сдѣлать ближнему худо. Все это я чудесно понимаю, и все-таки мнѣ обидно и нехорошо на душѣ за этихъ милыхъ, добродушныхъ людей, «до конца постоявшихъ за правое дѣло»... Въ глубокой наивности сознанія правоты этого дѣла—сомнѣваться нѣтъ никакой возможности.

Все сдѣлано «какъ слѣдствуетъ», «по-Божьи»: во-первыхъ, убить его не хотѣли: каждый ударилъ по разу, по два, а во-вторыхъ, не убить, то-есть «не учить» разорителей— тоже нѣтъ никакой возможности. Посудите сами, когда же будетъ конецъ мужицкому разоренію, ежели всѣмъ разбойникамъ потакать? Все это сдѣлано чистосердечно, безъ задней дурной или злой мысли,—и все-таки обидно, все-таки эти добродушныя, неповинныя ни въ чемъ худомъ физіономіи какъ будто бы не совсѣмъ чисты.

— А послѣ этого, Господь далъ, потише стало!—поглаживая причесанную вѣтромъ бороду, говоритъ почтенный и умный и добрый сычовскій крестьянинъ... И, право, нехорошо чувствуешь на душѣ...

5.

Покуда я предавался этимъ размышленіямъ, словоохотливый сычовскій обыватель продолжалъ свою рѣчь, начавъ ее словами:

— Нѣтъ, вотъ человѣкъ-то былъ, такъ ужъ человѣкъ!.. Ужъ одно слово!

И онъ разсказалъ мнѣ про Ивана Васильева, другое дѣйствующее лицо въ деревенской драмѣ, и разсказъ этотъ немного поосвѣжилъ мою голову, потому что лицо, о которомъ шла рѣчь, было въ самомъ дѣлѣ лицо замѣчательное и ужъ совершенно въ другомъ родѣ, чѣмъ убитый Ѳедюшка. Жаль было, конечно, убитаго мальчишку; но такъ какъ сожалѣніями сдѣланнаго не воротишь, то я предпочелъ отдохнуть душою на свѣтломъ образѣ даровитаго, честнаго и дѣятельнаго деревенскаго человѣка.

Именно служеніе общему, для всей деревни нужному дѣлу было основной чертой характера Ивана Васильева. Если читатель помнитъ, этотъ Иванъ Васильевъ *первый* подалъ знакъ къ бою въ дѣлѣ съ конокрадами и тѣмъ самымъ *первый* бралъ на себя отвѣтственность за всѣ послѣдствія; а это куда какъ много значитъ, куда какъ рѣдко встрѣчается на бѣломъ свѣтѣ. И вотъ эта-то рѣшимость взять добровольно на себя отвѣтственность за то или другое общественное дѣло, взять отвѣтственность передъ міромъ и предъ начальствомъ, словомъ — «не жалѣть» себя, это-то дорогое

качество и цѣнилъ въ Иванѣ Васильевѣ міръ. Много я слышалъ разсказовъ объ этомъ человѣкѣ, и всегда разсказывались факты, рисующіе его какъ общественнаго дѣятеля, тогда какъ про другихъ только и слышишь, какой былъ хозяинъ, какъ наживалъ да какъ проживалъ; про Ивана же Васильева разсказъ идетъ всегда въ связи съ мірскими дѣлами. Какъ и откуда выходятъ такія личности, какими судьбами, при настоящихъ обстоятельствахъ, могутъ онѣ развиваться до заботы объ общемъ благѣ — я понять не могъ, сколько ни разспрашивалъ родственниковъ покойнаго. Постороннихъ вліяній, постороннихъ людей, посторонняго добраго слова тутъ не было. Такъ просто уродился человѣкъ съ отзывчивымъ, горячимъ сердцемъ, свѣтлымъ умомъ, родился во тьмѣ и въ глуши, и пошелъ, руководимый искрою Божіею... Куда пришелъ бы онъ, если бы потребность общественной работы увлекла его изъ глухой деревни, что̀ бы онъ сказалъ и сдѣлалъ на бѣломъ свѣтѣ, ожидающемъ такихъ съ отзывчивымъ сердцемъ людей,—мудрено сказать. Можно только жаловаться на всесокрушающій русскій «случай», который обыкновенно уноситъ такихъ людей невѣдомо куда, большею частью въ могилу. — «Хорошіе — Богу нужны!»—говоритъ народъ, и эта участь хорошихъ людей постигла Ивана Васильева: совершенно здоровый, сильный, онъ былъ убитъ лошадью (она лягнула его въ грудь) и умеръ мгновенно.

Умеръ онъ молодымъ, двадцати четырехъ лѣтъ, въ самомъ началѣ своего душевнаго и умственнаго расцвѣта, и несмотря на то память о немъ въ деревнѣ останется надолго. Если вѣрить сычовскому разсказчику, то дѣятельность Ивана Васильева была поистинѣ неутомима и вспоминается теперь на каждомъ шагу. Идемъ мимо кабака, вспоминаемъ Ивана Васильева. Разсказчикъ говоритъ, что Иванъ Васильевъ ни за что не пускалъ въ деревню кабака; а когда міръ все-таки отдалъ-было право на торговлю какому-то солдату, взявъ съ него за это пятьдесятъ рублей, то Иванъ Васильевъ самъ отдалъ эти деньги назадъ изъ своего кармана и устыдилъ этимъ міръ. Кабакъ открыли послѣ его смерти.

А вотъ рядъ избъ новенькихъ, т.-е. сравнительно съ другими, почернѣвшими, и опять рѣчь объ Иванѣ Васильевѣ: это онъ надоумилъ купить сообща цѣлый плотъ лѣсу на Волгѣ, и вышло дешевле, лучше и прочнѣе... А вонъ на горѣ лѣсокъ: тоже Иванъ Васильевъ постарался... Кабы не онъ, теперь бы пришлось міру за него втридорога от-

дать. Отдавалъ баринъ этотъ лѣсокъ мужикамъ за девятьсотъ рублей—не брали; за тысячу потомъ отдавалъ, уже вырубивши, что̀ получше,—не брали; наконецъ, когда еще кое-что было повырублено, взяли-таки за тысячу триста рублей, и то только благодаря Ивану Васильеву, который присталъ къ міру, какъ съ ножомъ въ горлу... И, Боже мой, какихъ трудовъ, какихъ усилій стоило улаживаніе всѣхъ этихъ, на видъ такъ незначительныхъ, деревенскихъ дѣлъ! Сколько нужно сдержанности при такомъ горячемъ характерѣ, какой былъ у Ивана Васильева, чтобы не испугать мірянъ новизной идеи, чтобы не возбудить подозрительности слишкомъ жаркой защитой ея у столповъ сельской сходки, ветхихъ деньми и напуганныхъ крѣпостными порядками старичковъ! Сколько нужно сдержанности, чтобы не вспылить, не взбѣситься отъ негодованія на упорство, твердое и непослушное, какъ камень, которое ничего не знаетъ, кромѣ того, что надобно во всемъ «имѣть опаску», и которое въ большей или меньшей степени проникаетъ всегда всю сходку сплошь, безъ изъятія. Каждый доводъ въ пользу того или другого плана надобно было повторять не сотни, а тысячи разъ при всякомъ удобномъ случаѣ, на всякомъ мѣстѣ, во всякъ часъ. Надо было умѣть удержаться на ногахъ, не устать отъ ежеминутнаго однообразнаго повторенія одного и того же, отъ этого упорнаго, утомительнаго долбленія въ одну точку, чтобы въ концѣ концовъ то шуткой, то смѣшкомъ, то въ серьезъ продолбить-таки толстый и крѣпкій слой общественной трусости, равнодушія и ничего не желающаго слышать и знать упорства!

Сычовскій обыватель не ограничился разсказанными примѣрами общественной дѣятельности Ивана Васильева, продолжая разсказывать мнѣ фактъ за фактомъ. Но, признаюсь, я слушалъ его не съ особеннымъ вниманіемъ: я вспомнилъ біографію Ѳедюшки. Ѳедюшка, шатающійся за подаяніемъ; Ѳедюшка, научающійся быть воромъ, надѣвая чужіе чулки; Ѳедюшка, шествующій разыскивать какое-то сиротское призрѣніе, вспомнился мнѣ въ ту самую минуту, когда разсказчикъ рисовалъ мнѣ картину не то чтобы дѣлежа, а прямо сказать—ощупыванія каждаго куска, каждаго сучка, и я невольно изумился передъ тѣмъ полнѣйшимъ отсутствіемъ всякаго вниманія къ участи человѣка, которая выпала на долю Ѳедюшки. Почему на его долю не приходилось ни сучьевъ, ни полѣньевъ, ни геометрическихъ фигуръ? Почему, ощупывая каждое дерево, міряне

не нащупали промежду себя брошеннаго на произволъ судьбы сироты? И почему наконецъ эти самые міряне оказываются невиновными, убивъ сироту, для котораго они не сдѣлали ровно ничего, кромѣ карьеры вора и острожнаго жителя?

И отчего, думалось мнѣ, столь внимательная къ «твоему» и «моему» деревенская мысль не удѣлила самой крошечной дозы этой внимательности на долю Ѳедюшки? Кому отъ этого былъ бы убытокъ?.. Отчего бы, напримѣръ, тому же самому Ивану Васильеву или кому-либо изъ деревенскихъ жителей не выйти на сходкѣ, по случаю отдачи права на кабакъ, и не заявить, примѣрно, такого прожекта:

— Вотъ, ребята, что̀ я мекалъ, стало-быть, насчетъ кабашныхъ денегъ... Есть тутъ у насъ на деревнѣ мальчонка, сирота, ни отца нѣту ни матери... Семъ бы мы на кабашныя тѣ деньги корову купили, у меня у самого коровенка продажная есть...

— Куда-жъ ты съ коровой-то съ эстой воткнешься?

— Да мекалъ такъ: отдать бы ребенка и съ коровой— гдѣ побѣднѣе... Вотъ у насъ старуха съ дочерью безъ мужика бьются, вонъ опять дѣвица одинокая кое-какъ перебивается, тоже безъ всякихъ способовъ... Мало ли... Дать бы имъ корову; онѣ и сами вокругъ мальчонки-то отдохнутъ. А деньги мірскія, все одно, пожалуй что изведутся зря. Велико ли тутъ, изъ двухъ-то сотъ кабашныхъ, пятнадцать цѣлковыхъ отдать... По крайности человѣкъ не пропадетъ; станетъ подрастать, можно опять же и учителю за него заплатить; вырастетъ, обучится письму,—намъ будетъ благодаренъ, а пожалуй, ежели Господь ему дастъ понятія, и писаремъ намъ послужитъ... Такъ ка̀къ же, православные?..

Я ничуть не сомнѣваюсь, что если бы было произнесено кѣмъ-либо что-нибудь подобное, то, по нѣкоторомъ размышленіи, навѣрное начались бы сначала одиночныя, а потомъ и гуртовыя заявленія сочувствія означенному проекту. Особливо было бы хорошо, если бы нашелся такой человѣкъ, который бы сумѣлъ, на примѣрахъ прошлаго, показать міру предстоящую Ѳедюшкѣ карьеру, который бы убѣдилъ міръ въ томъ, что пятнадцать рублей, удѣленные въ пользу сироты, убытку мірянамъ не сдѣлаютъ, упомянулъ бы при этомъ, что, молъ, все равно, отдадите же эти деньги, напримѣръ, какому-нибудь Ивану Ѳадееву, который нуждается въ деньгахъ, потому что завелъ очень большую

коммерцію и обѣщаетъ платить міру за эти деньги хорошій ростъ, примѣрно, по копейкѣ съ рубля въ мѣсяцъ, и ставитъ ведро вина... Хорошо было бы также пристыдить мірянъ и этимъ ведромъ, сказавъ такое нарѣчіе: «Али мы, ребята, своего-то вина не видали? Покорыстоваемся этимъ поганымъ виномъ, а оставимъ безъ призора и помощи сироту!..» Но лучше всего бы, если бы, повторяю, кто-нибудь нашелся и начертилъ будущую жизнь сироты, если ему не будетъ оказано мірского вниманія. «Кто его возьметъ даромъ? У всякаго своей заботы много. А за деньги сыщется человѣкъ, возьметъ и взроститъ. Деньги у насъ есть—стало, надо дать; потому, ежели мы не дадимъ, измотается мальчонка, избродяжничается, а невдолгѣ и въ острогъ угодитъ. А ужъ изъ острога, сами знаете, какой народъ выходитъ. На насъ же въ сердцахъ, что мы пятнадцать рублей на него пожалѣли, что мы душу его погубили, воромъ сдѣлали, пожалуй, еще какую-нибудь вреду сдѣлаетъ, пѣтуха пуститъ, лошадей начнетъ воровать...»

Если бы все это происходило, то нѣтъ сомнѣнія, что Ѳедюшка былъ бы живъ, не былъ бы воромъ, не имѣлъ бы нужды существовать, разоряя своего же брата крестьянина. Но такъ какъ въ дѣйствительности Ѳедюшка оказывается воромъ, разорителемъ, такъ какъ Ѳедюшка убитъ, а убійцы оказались невиновными, то волей-неволей приходится заключить, что вышеописанной сцены почему-то произойти не могло. До такой степени не могло, что вся вышеприведенная сцена и теперь кажется читателю фальшивой.

Не правда ли, какая кислосладкая сентиментальность? Такія сцены возможны были развѣ въ сентиментальныхъ романахъ карамзинскаго направленія; а теперь, если бы я вывелъ въ какой-нибудь повѣсти такого крестьянина, который бы *на сходкѣ* завелъ рѣчь о призрѣніи сироты, мнѣ бы каждый сказалъ, что это фальшь, вздоръ, что этого не бываетъ. «Пейзана представилъ, а не крестьянина!»

И это вѣрно, потому что *этого* въ самомъ дѣлѣ не бываетъ.

А отчего бы? Чего бы стоило ему быть? Чего бы стоило спасти человѣка?

Однако нѣтъ. «Сентиментальность! Этого не бываетъ!—вранье!»

И точно, на моихъ глазахъ, мѣсяца за полтора до того времени, когда пишутся эти строки, происходила точь въ точь такая исторія. Отдавали кабакъ, и отдали за двѣсти

рублей въ годъ и десять ведеръ вина угощенія. Пьянство и оранье шло далеко за полночь, и—увы!—никто не вышелъ, не произнесъ вышеозначенной рѣчи, хотя и Ѳедюшки и сироты всѣхъ возможныхъ видовъ существуютъ въ селеніи, собирая кусочки, перебиваясь со дня на день. Да мало того, что никто не вышелъ,—какъ, думаете вы, поступили міряне съ двумястами рублей, которые имъ оказались ненужными, такъ какъ недоимокъ у нихъ нѣтъ?—Они рѣшили раздѣлить деньги по рукамъ, при чемъ на душу досталось по два съ чѣмъ-то рубля. Такое мудрое рѣшеніе я могу подтвердить копіей съ мірового приговора, изъ котораго, кромѣ того, узналъ, что крестьяне, взявъ съ цѣловальника такую высокую для него, хотя и не нужную для нихъ плату, уступили ему, вмѣстѣ съ правомъ на кабакъ, и мѣсто сельскаго писаря, т.-е. предали себя за эти десять ведеръ вина и за два цѣлковыхъ, ощущаемыхъ въ рукѣ, на полное съѣденіе цѣловальника-писаря. Контрактъ этотъ они заключили на два года. Теперь, очевидно, всякое частное деревенское недоразумѣніе, доходящее до волостного суда или, по крайней мѣрѣ, составляющее предметъ деревенскихъ толковъ, будетъ прекращаться виномъ, разрѣшаться пьянымъ сномъ подъ заборомъ въ грязи...

Что же это такое? Самоубійство ли это или помѣшательство? Ни то ни другое. Все дѣло въ томъ, что въ деревнѣ нѣтъ, и при настоящихъ условіяхъ нѣтъ возможности быть такому человѣку, который бы внесъ въ общинную жизнь деревни новую мысль, который бы новыми взглядами освѣтилъ (прежде деревня освѣщалась взглядомъ помѣщика) положеніе незнающаго, неумѣлаго и неразвитаго крестьянина. Не смѣшно, когда, изучая исторію умственной жизни высшихъ классовъ, указываютъ на личности, внесшія въ высшее общество *новые* взгляды; когда говорятъ, что тогда-то въ общество «проникли» такія-то идеи и преобразили его въ такомъ-то благотворномъ направленіи... Почему же смѣшно и странно и глупо желать того же для деревни? Почему же для деревни нужна только земля, частые или рѣдкіе передѣлы? Почему нужно увеличеніе только надѣловъ, выгоновъ и вовсе не нужно идей, которыя бы освѣжили этотъ ссыхающійся деревенскій умъ? Почему такъ много заботъ и вниманія сочувствующая народу пресса удѣляетъ недоимкѣ? Почему такія энергическія усилія энергическихъ умовъ направляются на изобрѣтеніе способовъ, которые бы уничтожали это народное бѣдствіе? Вообще,

почему бѣдствіе—только налоги и недоимки?.. И почему не бѣдствіе и не предметъ вниманія—то удивительное обстоятельство, что «не внемлющая и не дающая отвѣта» народная масса поминутно выдѣляетъ изъ себя такую массу хищниковъ, кулаковъ, міроѣдовъ, возводящихъ (какъ, напримѣръ, конокрады) разграбленіе своего брата-крестьянина до степени промышленности, торговаго предпріятія, въ родѣ, напримѣръ, торговли шерстью, оптовой торговли льномъ, тогда какъ дѣйствительная торговля льномъ, шерстью, которую именно въ деревнѣ-то и можно бы, и должно довести до степени доходной статьи, не находитъ почему-то въ крестьянской средѣ хорошаго организатора? Почему все это должно быть такъ, какъ есть, а не иначе?

VII.

Буранъ.—«Дѣльный» разговоръ.—Совращенный старикъ.—Адское душевное состояніе.—Три деревни.—Трудно изгладимые слѣды крѣпостного права.—Подробности питейныхъ порядковъ.

1.

...Никогда въ жизни, сколько могу припомнить, не испытывалъ я такого радостнаго состоянія духа и даже тѣла, какъ это случилось на-дняхъ, когда я, проплутавъ не менѣе шести часовъ подъ-рядъ въ полѣ, въ страшный буранъ, изъѣздивъ Богъ знаетъ сколько верстъ по невѣдомымъ путямъ, по горамъ и холмамъ скрипучаго снѣга, угнетаемый въ теченіе всѣхъ этихъ шести часовъ мыслью о возможности смерти и самою безпомощною неизвѣстностью относительно того, гдѣ я, куда ѣду,—когда я наконецъ добрался до теплой, чистой пассажирской залы небольшой, одиноко стоящей въ степи станціи и прилегъ на мягкій и теплый диванъ.

Съ какой необычайной радостью завидѣлъ я, послѣ безконечныхъ блужданій, два-три фонаря, зажженные для встрѣчи ночного товарнаго поѣзда, и какимъ благоговѣніемъ проникся я къ начальнику станціи, къ акціонерному обществу, которое выстроило дорогу, наконецъ къ цивилизаціи, которая эту дорогу выдумала! Работа человѣческой мысли, въ теченіе тысячелѣтій упорно стремившаяся ко благу человѣчества и сумѣвшая, не щадя усилій, достигнуть того, что вотъ наконецъ на столбѣ въ степи горитъ фонарь,—показалась мнѣ въ эту минуту (особливо послѣ того, какъ я чуть-чуть не замерзъ) поистинѣ великою.

Сколько же тысячелѣтій, спрашивалъ я невольно самого себя, должно пройти до тѣхъ поръ, покуда мысль человѣческая, неустанно стремящаяся впередъ и впередъ, доду-

мается до того, чтобы зажигать въ буранъ фонарь на сельской колокольнѣ, которая въ степи видна на тридцать верстъ кругомъ? Необозримый мракъ грядущихъ временъ, представившійся мнѣ при рѣшеніи этого вопроса, вновь сосредоточилъ мое благоговѣніе на акціонерномъ обществѣ, которое сумѣло на дѣлѣ осуществить то, что̀ на колокольнѣ будетъ осуществлено только чрезъ нѣсколько тысячелѣтій, что̀ будетъ достигнуто, какъ учитъ предшествовавшая исторія цивилизаціи, только послѣ страшныхъ бѣдствій и будетъ стоить страшныхъ жертвъ. Всѣмъ директорамъ акціонернаго общества, которые, не дожидаясь этихъ жертвоприношеній, распорядились о томъ, чтобы по ночамъ, хотя и не для людей, а для товарныхъ поѣздовъ, зажигались огни, я отъ всего сердца желаю тройного оклада жалованья. Въ буранъ, въ степи, зажечь фонарь—за такое дѣло надо ставить монументы, съ чѣмъ, я думаю, согласится всякій, кто знаетъ, что̀ такое буранъ, и вѣритъ, благодаря этому, въ возможность смерти въ двухъ шагахъ отъ собственнаго дома, даже на собственномъ своемъ дворѣ, и притомъ послѣ цѣлой ночи разъѣздовъ около того же собственнаго дома.

Сознаніе счастливо избѣгнутой опасности сдѣлало то, что, добравшись до станціоннаго дивана и тепла, я нѣкоторое время не испытывалъ ничего другого, кромѣ самаго искренняго удовольствія, и почти было-освободился отъ той гнетущей тоски, которая поѣдала меня уже долгіе дни и наконецъ привела къ рѣшенію уѣхать изъ деревни, если не навсегда, то на возможно продолжительное время. Въ послѣдній день эта жажда «не думать» о деревнѣ, освободиться хотя на время отъ этой «безплодной му̀ки» достигла такой степени, что я вмѣсто трехъ часовъ ночи, какъ бы слѣдовало, уѣхалъ на станцію въ одиннадцать часовъ вечера, рѣшаясь сидѣть болѣе шести часовъ безъ всякаго дѣла въ ожиданіи поѣзда. Не скука и однообразіе деревенскаго дня прогнали меня, а тоска, тоска, доходившая до физической боли, заставила меня выѣхать отсюда «куда-нибудь». И вотъ, только-что тепло станціонной комнаты стало отогрѣвать мои иззябшія ноги и безпрестанно вздрагивавшее отъ ледяныхъ мурашекъ тѣло, какъ эта «деревенская му̀ка» стала оттаивать во мнѣ, и благоговѣніе предъ тысячелѣтними усиліями человѣческой мысли и директорами акціонерной компаніи стало вновь замѣняться какими-то тяжелыми, темными, гнетущими впечатлѣніями,

понемногу воскресавшими среди ненарушимой тишины безлюдной комнаты. Поднялись эти воспоминанія деревенскихъ впечатлѣній безпорядочной массой, которая, несмотря на отрывочность и безсвязность проносившихся передо мною образовъ, картинъ, сценъ, успѣвала однако въ короткій моментъ появленія оставить на душѣ непремѣнно что-нибудь холодное и тяжелое и въ концѣ концовъ сумѣла-таки возвратить меня въ то душевное состояніе, въ которомъ я выѣхалъ изъ деревни.

2.

Прежде всего особенно подробно припоминалась мнѣ, не знаю почему, одна, повидимому, вовсе не относящаяся къ дѣлу сцена.

Сегодня утромъ, окончательно порѣшивъ уѣхать, я въ ожиданіи минуты отъѣзда безцѣльно бродилъ по деревнѣ, заходилъ къ знакомымъ и наконецъ заглянулъ въ помѣщеніе мѣстнаго товарищества, въ «банку», какъ говорятъ крестьяне. Въ просторной комнатѣ товарищества, за столомъ, сидѣлъ письмоводитель, что-то писалъ и щелкалъ на счетахъ; въ сторонкѣ, около небольшого простого бѣлаго стола, на которомъ кипѣлъ самоваръ, сидѣли два посѣтителя и вели разговоръ.

Одинъ былъ знакомый мнѣ раскольникъ, промышляющій откармливаніемъ и продажею разной живности. Это былъ человѣкъ громаднаго роста, съ широчайшими плечами, съ таліей въ два обхвата, но съ совершенно дѣтскимъ выраженіемъ крошечныхъ глазъ. Крошечный лобъ, огромный сомовій ротъ и отвислыя толстыя щеки — вотъ возможно точный обликъ этой допотопной фигуры. Другой собесѣдникъ, по профессіи мелкій подрядчикъ, былъ человѣкъ совершенно другого вида: раскольникъ былъ одѣтъ по-русски, собесѣдникъ—по-нѣмецки; послѣдній былъ въ пальто съ бобровымъ воротникомъ, въ пестрыхъ панталонахъ, новыхъ сапогахъ и калошахъ, которыхъ онъ не снималъ. Волоса, обстриженные «полькой», были тщательно припомажены, тогда какъ у раскольника они частой и жесткой щетиной безпорядочно надвигались чуть не на самыя брови. Словомъ, въ этомъ второмъ собесѣдникѣ все было лоскъ,

«благородство», тонкое обращеніе, хотя рыжая, какъ мѣдная проволока, жесткая, подстриженная борода, волчьи бакенбарды и красныя вязаныя перчатки значительно разрушали этотъ видъ благородства, невольно почему-то напоминая толкучку.

— Я твою манеру знаю!—сиплымъ, беззвучнымъ голосомъ говорилъ раскольникъ собесѣднику.—Суета!—больше ничего. Сегодня ты кирпичъ представляешь... такъ али нѣтъ?

— Ну, предположимъ, кирпичъ?—мотнувъ ногой въ новой калошѣ, вопросительно произнесъ собесѣдникъ.

— А завтрашняго числа тебя на муку перешвырнетъ. Набросился ты на муку, хвать—крупа пошла ходуномъ: ты—на крупу!

— Само собой: не на муку же я буду обращать вниманіе... Въ этомъ случаѣ была бы одна нелѣпость...

— Погоди!

Допотопныхъ размѣровъ человѣкъ поднялъ допотопныхъ размѣровъ палецъ.

— А завтрашняго числа,—сказалъ онъ, грозя пальцемъ и какъ бы давая противнику время приготовиться для удара:—ты на курицу?

Противникъ только было-хотѣлъ что-то сказать, но допотопный человѣкъ перебилъ его, заговоривъ такъ, какъ говорятъ при желаніи рядомъ неопровержимыхъ фактовъ добить врага:

— Судакъ тебѣ попался малосольный—ты съ судакомъ связался... Утка ли, цыпленокъ, заяцъ, или такъ что—баранина, козлятина, всякая, напримѣръ, падаль:—въ тебѣ и на это со-вѣ-сти нѣтъ, ты за все «обѣимъ рукамъ»!

— Хотя бы и такъ! Польза есть—больше ничего. Судакъ ли, заяцъ ли: есть барышъ—давай сюда!

— Коли ты ежели съ судака на зайца...—желая перебить рѣчь, наставительно началъ-было раскольникъ, но подрядчикъ оживленно перебилъ его:

— Ты суди дѣло по человѣчеству, а не по судаку! Ты возьми въ расчетъ: я женился на вдовѣ; у ней сынъ мальчикъ; отецъ у него офицеръ былъ... Судакъ! Я по совѣсти долженъ его вывести въ люди, воспитать, научить, чтобы онъ соотвѣтствовалъ званію, а не мужицкому положенію... Ты разсуди это! Въ такомъ случаѣ судакъ ли, заяцъ ли, хоть дятелъ—мнѣ все одно. Я долженъ за все взяться! По крайности, Господь дастъ, изъ мужицкой компаніи выдеремся... А то судакъ!

Великанъ, поминутно порывавшійся возражать и, очевидно, не слыхавшій и не понимавшій ничего изъ рѣчи своего собесѣдника, едва только подрядчикъ произнесъ послѣднее слово, немедленно заговорилъ:

— Я тебѣ говорю не про вдову; мнѣ твоя вдова — Господь съ ней, у меня самого есть ихъ, вдовъ-то, не одна въ знакомствѣ; а говорю я тебѣ: это не дѣло, ежели ты живешь разбросомъ... Вѣдь ты долженъ вертѣться, какъ бѣсъ передъ заутреней, потому твой товаръ неосновательный... Хорошо—ты выѣхалъ на базаръ раньше другихъ, предположимъ, хоть съ курицей, съ гусемъ; да и тутъ ты изловчайся: ты привезъ пять возовъ, разсовалъ ихъ на пяти постоялыхъ дворахъ, чтобъ глаза отвесть, и вывозишь по возику—послѣдній, молъ... Да хорошо Богъ дастъ погоду, морозъ... Ну, а ежели да тепло, куда годится твоя курица либо гусь? У тебя вѣдь ихъ ни одинъ нищій не возьметъ, потому они на морозѣ только и форсятъ... на теплѣ они, видишь вонъ, тряпка валяется—вотъ! Это не дѣло! А вотъ что̀ я тебѣ хотѣлъ сказать, такъ это ты долженъ вникать... Я твоей вдовы не знаю; Богъ съ ней. Я тебѣ говорю (раскольникъ опять поднялъ указательный палецъ и, медленно разсѣкая имъ воздухъ, сталъ говорить какимъ-то торжественнымъ тономъ): изъ древнихъ временъ, съ самыхъ неприступныхъ вѣковъ отъ нашихъ прародителей, искони-бѣ, въ нашемъ роду идетъ одно: свинина, утятина, гусятина. Больше ничего! Ни зайцы, ни судаки, ни всякая прочая провизія—это для насъ ничего не составляетъ! Отъ родителей къ дѣтямъ, какъ было, такъ будетъ, и у насъ все одно. Заяцъ—мнѣ его не надо! Тетеревъ—проходи своей дорогой! Лисица, или тамъ крупа, или мука, что ли,—Господь съ вами, оставьте меня въ покоѣ! Но коль скоро касаемое, напримѣръ, свинины, или гуся, или утки—давай! Чего другого мнѣ не надо, но коль скоро гусь—это мое дѣло. Свинья — это ужъ позвольте, съ моимъ удовольствіемъ. Утка—очень пріятно. Потому у насъ—все одно, изъ самыхъ безконечныхъ предѣловъ до сегодня; и какъ родители наши, древнѣйшіе патріархи, такъ и дѣды, и мы, и дѣти наши будемъ стоять на одномъ! Это, по-моему, называется дѣло дѣлать... Зато ужъ вашему брату, въ морозъ ли, въ оттепель ли, за нами не угнаться—нѣтъ! Я кормлю свинью ли, гуся ли, утку ли, я не жалѣю: я знаю. Я знаю, что̀ въ каждой птицѣ чего сто̀итъ; сыздали вижу, на много ли въ ней потроховъ, пера. Ты мнѣ дай взглянуть на свинью—

я тебѣ скажу, сколько въ ней вѣсу и что̀ и чего: что̀ сала, что̀ мяса, во сколько станутъ потроха... Я только взгляну— у меня цѣна готова! Такъ моему товару, хоть бы васъ цѣлое ополченіе собралось,—ни во вѣки вѣковъ препятствія нѣтъ: мой товаръ въѣзжаетъ на базаръ безпрекословно! Морозъ не морозъ, или громъ, буря, буранъ,—товаръ мой идетъ. Хоть бы публика до моего въѣзда у вашего брата нахватала: это для меня наплевать, потому товаръ виденъ, его не взять нельзя. Только слѣпой не возьметъ,—зрячій не можетъ себя воздержать... Я вотъ про что говорю. А ты толкуешь: «вдова»!

Подрядчикъ помоталъ новымъ сапогомъ въ новой калошѣ и, вздохнувъ, произнесъ:

— Очень можетъ быть.

— Вдова! У меня у самого есть вдова, да шутъ съ ней... А ты гляди, вотъ что̀ я тебѣ разъясню, что̀ такое утка...

Раскольникъ взялъ счеты и, какъ истинный знатокъ дѣла, началъ разъяснять подрядчику, который слушалъ съ глубокимъ вниманіемъ, что̀ именно заключаетъ въ себѣ для всѣхъ, кажется, вполнѣ ясно представляемая утка.

— Вотъ что̀ такое утка,—началъ онъ и, откидывая на счетахъ по одной косточкѣ, произносилъ съ разстановкою:—первое—потроха, второе—головка и лапки, третье—перо, четвертое—пухъ, пятое—утка! Слѣдовательно четыре предмета, окромѣ самой утки!.. Видишь?.. Теперь (пять костей на счетахъ были сброшены и счеты приведены въ порядокъ, очевидно, для новыхъ вычисленій)—теперь обсудимъ каждый предметъ въ полномъ видѣ. Предположимъ на первый взглядъ хоть лапки.

И затѣмъ началось самое точное опредѣленіе цѣнъ на лапки, потроха и т. д. Утка была раздѣлена и оцѣнена по частямъ и вмѣстѣ. Былъ брошенъ взглядъ на всевозможныя случайности, могущія вдругъ поднять потроха и уронить перо, или поднять цѣну на пухъ и уронить цѣну на самую утку. Словомъ,—утиный вопросъ былъ обслѣдованъ со всѣхъ сторонъ и, надо отдать справедливость изслѣдователю, обслѣдованъ превосходно. Тутъ же, какъ бы мимоходомъ, изслѣдовавъ утку, раскольникъ, желавшій показать подрядчику, что всякое дѣло требуетъ обстоятельнаго знанія, остановилъ его вниманіе на пшеничномъ зернѣ.

— Кажется,—сказалъ онъ:—что̀ такое пшеничное зерно? Купилъ мѣшокъ пшеницы, свезъ на базаръ, получилъ рубль—и все!..

Однако оказалось, что пшеничное зерно въ рукахъ знающаго человѣка даетъ цѣлыхъ восемь отдѣльныхъ торговыхъ «*предметовъ*», именно пять сортовъ муки—въ разныя цѣны и разнаго вкуса и цвѣта, два сорта отрубей и одинъ сортъ крупы манной. Это все изъ одного зерна.

Подрядчикъ заслушался своего лектора. Да и было что послушать, чему поучиться. Я съ величайшимъ вниманіемъ приготовился-было слушать изслѣдованіе о свиньѣ, къ которому лекторъ готовился приступить, такъ какъ не было никакого сомнѣнія, что свинья разработана имъ въ совершенствѣ, но вниманіе мое было отвлечено новымъ лицомъ.

3.

По улицѣ медленно ѣхалъ на тощей, маленькой, какъ двухгодовалый жеребенокъ, лошадкѣ, въ маленькихъ, старенькихъ, почернѣвшихъ отъ времени саночкахъ, крошечный, несомнѣнно старый-престарый человѣкъ. Ѣхали они до того медленно, что казались словно спящими. Старикъ точно заснулъ, да и лошадка точно во снѣ переступала своими тоненькими, безсильными ногами съ маленькими копытцами; словно не живое было все это, а какая-то тѣнь—такъ все и въ лошади, и въ мужикѣ, и въ экипажѣ было легко, безсильно, еле живо. Сколько времени понадобилось старичку на то, чтобы подъѣхать къ банковому крыльцу и, постоявъ здѣсь у дерева въ какомъ-то заколдованномъ снѣ минуты двѣ, не двигаясь, не шевеля ни однимъ членомъ, наконецъ собраться съ силами и начать вылѣзать изъ санишекъ; сколько затѣмъ потребовалось времени, чтобы подняться по ступенямъ крыльца и потомъ, долго-долго подождавши въ сѣняхъ, появиться наконецъ въ самомъ банкѣ—этого я опредѣлять не стану. Только все это потребовало необычайно много времени. Раскольникъ и подрядчикъ, изслѣдовавъ свиной студень, уже завели рѣчь не то о третьемъ, не то о четвертомъ предметѣ свиного дѣла, а старичокъ еще только добрался до второй ступени крыльца.

Наконецъ онъ появился въ банкѣ, отыскалъ «Бога», помолился, разглядѣлъ поочередно всѣхъ присутствующихъ, самымъ внимательнымъ образомъ всматриваясь въ лицо

каждаго и, очевидно, отыскивая человѣка, съ которымъ бы надо было поговорить. Общими усиліями старичка и всѣхъ находившихся, наконецъ-таки былъ разысканъ самъ помогавшій розыскамъ письмоводитель—и старичокъ жалобнымъ, слабенькимъ голосомъ наконецъ заговорилъ:

— Благородный господинъ!.. А что я хотѣлъ тебя просить, помоги ты мнѣ сиротѣ...

— Развѣ сирота, дѣдушка?—спросилъ раскольникъ.

— Самая одинокая сирота! Нѣтъ у меня ни жены, ни дѣтей, ни снохи; есть внукъ, осьмой годъ, живетъ у матерней сестры; больше никѣмъ-никого нѣту. Одинъ я, братцы мои, одинъ.

Тяжко сказалось это слово. Въ старикѣ было жизни, какъ говорится, на волосокъ, но для этого слова «одинъ» онъ какъ будто бы собралъ всѣ свои силы и такъ произнесъ его, что холодъ одиночества, испытываемаго старымъ человѣкомъ при концѣ жизни, былъ понятъ и прочувствованъ всѣми окружающими.

— Одинокъ я, господа вы мои пріятные, какъ перстъ, т.-е. какъ былинка въ полѣ, такъ и я... И все по Господнему попущенію. Былъ я смолоду и лютъ, и крутъ, и непокладистъ—одно сказать, желѣзный былъ у меня духъ, непреклонный. Много былъ сѣченъ на барщинѣ за непокорство. Наказанія принялъ довольное число. Довела меня эта самая лютость до того, что вотъ не съ кѣмъ мнѣ на старости и слова молвить... Въ семьѣ былъ я человѣкъ жесткій, отецъ сердитый, твердый, женѣ мужъ грозный... Сынъ у меня былъ одинъ, женилъ я его силой; пожилъ онъ съ женой три года, на четвертый годъ убилъ ее, самъ въ Сибирь пошелъ; мать слезами изрыдалась, умерла черезъ полгода; остался я одинъ, въ одинъ часъ—я да внукъ трехъ годовъ!.. Разразилъ меня небесный Господь сразу, какъ молніей ударилъ!.. Отдалъ я внука сноховой роднѣ, помогаю, а самъ, господа милостивые, весь слезами истаянъ... Прошло четыре года, а во мнѣ капельки дыханія не осталось. Вѣдь подумай—о-оди-инъ!

И опять это слово было сказано съ необыкновеннымъ выраженіемъ. Едва старикъ произнесъ его, какъ у него градомъ посыпались слезы.

Да и у постороннихъ зрителей слезы навернулись на глазахъ. Когда старикъ успокоился, письмоводитель сказалъ ему:

— Ну, такъ что же ты хочешь?

— А хочу я капиталы мои поберечь у васъ... внуку...

— Много ли капиталовъ-то?

— Капиталовъ у меня сорокъ два рубли бумажками... Вотъ онѣ самыя деньги при мнѣ... Такъ какъ ты мнѣ присовѣтуешь?..

Старичку было растолковано, какимъ образомъ можетъ онъ сберечь свои капиталы. Ему сказали, что онъ можетъ помѣстить ихъ вкладомъ и получать такой-то процентъ, или же можетъ поступить въ члены, если его приметъ товарищество, и тогда, навѣрное, будетъ получать барышу больше.

— Росту мнѣ не надо!—сердито сказалъ старикъ.—Ни-ни-ни! Этого—сохрани Богъ! Отсохни моя рука. Что положу, то и отдайте кому назначу, а этого грѣха не возьму!..

— Куда-жъ ихъ дѣвать-то?

— Не знаю я: это не мое дѣло. Не надо мнѣ!

— Какъ не знаешь? — сказалъ раскольникъ шутя.—Да ты мнѣ отдай! вотъ дѣло-то мы и пошабашимъ.

— Бери, сдѣлай твою милость!

— Ну, вотъ и прекрасное дѣло!

— Чего лучше!—прибавилъ со своей стороны и подрядчикъ, немного развеселившись наивностью старичка.

— Самое любезное дѣло! — продолжалъ раскольникъ.— Много-ль, говоришь, капиталу-то?

— Капиталу моего ровно сорокъ два рубли бумажками.

— Сорокъ два — ладно! Вотъ я кажинный годъ и буду за твое здоровье изъ банку потаскивать и пять, и шесть, и поболѣ... Какъ годъ прошелъ, ужъ я и знаю—набѣжало мнѣ барышу шесть рубликовъ, пойтить старичка помянуть... Такъ?

— И сдѣлай твое такое одолженіе!—опять сказалъ старикъ, искренно отрекаясь отъ грѣшныхъ барышей.

— Ахъ, ты, чудакъ, чудакъ!—перемѣнивъ тонъ, заговорилъ раскольникъ.—Жилъ ты вѣкъ, наконецъ того нажилъ, чтобы деньги бросать зря! Ну не чудакъ ты послѣ этихъ твоихъ словъ? Ну можно ли, посуди ты самъ, бросать зря деньги? Много-ль твоему внуку годовъ-то?

— Седьмой годъ!

— До возрасту осталось ему десять лѣтъ; слѣдовательно ты бросаешь зря мало-мало пятьдесятъ цѣлковыхъ. Да что это ты дѣлаешь-то?

— Дай ты мнѣ съ чистою совѣстью умереть! — съ нѣкоторой жестокостью въ голосѣ произнесъ старикъ. — Не

хочу я этихъ нечистыхъ денегъ, хоть бы тамъ ихъ тысячи выросли. Не возьму! Не знаю я, откуда онѣ идутъ, и не надо мнѣ ихъ... Мое кровное отдаю: тутъ ужъ каждая копейка изъ самыхъ моихъ кровей! Пойми это!

— Стало-быть, не возьмешь?

— Не возьму!

— Н-ну, твое дѣло! Ну, только помни, старичокъ, внукъ твой теперь маленькій, а вырастетъ большой, придется ему жить, о-о-охъ, въ какое время!

— Господь Батюшка не оставитъ!

— Ну-ну, какъ знаешь! Помни, въ книгахъ сказано: «и будутъ гонимыя времена». Вотъ ты объ этомъ подумай. А гонимыя времена—это самое и будетъ...

— Господь не велитъ брать чужого,—я и не возьму!

— Помни! Не тебѣ достанется — внуку! Ты обдумай... Идутъ гонимыя времена, вѣрно тебѣ говорю!

Никакіе однако доводы въ пользу полученія дивиденда не убѣдили старика. Онъ пожелалъ написать завѣщаніе, которымъ капиталы свои, сорокъ два рубля бумажками, завѣщалъ внуку, по достиженіи имъ «солдатскаго своего возраста»; а если внукъ умретъ ранѣе, то деньги должны поступить въ церковь того села, гдѣ старикъ жилъ всю жизнь, и въ концѣ прибавилъ:

— А росту мнѣ не желательно!.. Сколько кладу, столько и отдайте.

— Куда же дѣвать-то его?

— А куда хотите!

Начался тотъ же самый разговоръ, и точно такъ же, несмотря на всѣ доводы, старикъ остался при своемъ мнѣніи.

— Не надо мнѣ этого, не мое! Богъ съ ними со всѣми, дѣвайте, куда знаете.

Завѣщаніе было записано въ книгу, при чемъ проценты опредѣлено было отчислять въ мѣстную школу на покупку бумаги, чернилъ, грифелей и книгъ для бѣдныхъ учениковъ.

Подъ завѣщаніемъ этимъ подписались всѣ присутствующіе. Послали за казначеемъ, чтобы онъ принялъ деньги. Старичокъ замолкъ совершенно, точно заснулъ, усѣвшись въ уголокъ на деревянномъ диванѣ.

— Ну, прощай, старичокъ, — сказалъ ему раскольникъ на прощанье: — дай Богъ тебѣ сто лѣтъ прожить, а ужъ прямо тебѣ скажу—чудакъ! Именно чудакъ!

— И, батюшка!—засмѣявшись, прошепталъ старичокъ:— мнѣ и то любо, что хотя тебя-то посмѣшилъ

— Ужъ впрямь насмѣшилъ. Ну, прощай, рости внука-то.

— Спасибо, родной! Захочетъ Господь—выроститъ, а не захочетъ—Его святая воля во всемъ...

— Это ужъ само собой.

Раскольникъ и подрядчикъ ушли. Старичокъ молчалъ; я читалъ старую газету; письмоводитель щелкалъ на счетахъ. Приходили и уходили заемщики, являвшіеся за отсрочкой своихъ долговъ и для взноса процентовъ. Старичокъ съ большимъ «сурьезомъ» и видимымъ любопытствомъ вглядывался въ каждаго изъ нихъ и, явно ничего не понимая, слушалъ ихъ расчеты съ «банкой». Такъ прошло съ полчаса. Казначея все не было. Старичокъ, кряхтя, поднялся съ дивана и, такъ же медленно, какъ пришелъ, поплелся на улицу посмотрѣть лошадь.

Добравшись до саней, онъ сѣлъ на край и задумался. Кисти рукъ свѣсилъ между колѣнъ, а голову опустилъ, точно сонный, и сидѣлъ онъ въ такомъ положеніи еще не менѣе получаса. Наконецъ явился казначей, а вслѣдъ за нимъ приплелся и старичокъ.

Не похожъ былъ онъ на того, который приходилъ раньше: не кротость, не безсиліе видѣлись въ немъ, въ его лицѣ; напротивъ, онъ былъ оживленъ, держался крѣпче, какъ будто воскресъ изъ мертвыхъ, но при этомъ нельзя было не видѣть, что сила, оживившая его,—страхъ. Страхъ, близкій къ ужасу, былъ напечатлѣнъ на его лицѣ; онъ держался прямѣе, какъ будто крѣпче стоялъ на ногахъ; но руки, и голова, и все лицо, видимо, вздрагивали поминутно отъ сильнаго внутренняго волненія. Торопливо, насколько возможно было для него это сдѣлать, подошелъ онъ къ банковой загородкѣ и проговорилъ беззвучнымъ голосомъ:

— Соглашаюсь! Пущай мой внукъ получаетъ и съ ростомъ. Принимаю грѣхъ на себя. Потому... Господь видитъ, времена подходятъ точно... гонимыя... лютыя... Пиши отказъ!..

Завѣщаніе пришлось передѣлывать сызнова.

Не могу выразить, какъ глубоко, искренно видѣлось въ старичкѣ сознаніе тяжести принимаемаго имъ на душу грѣха и съ какой рѣшимостью онъ бралъ этотъ грѣхъ на свою душу!

Его ужасъ передъ грядущими временами, во имя которыхъ онъ дѣлалъ грѣхъ, невольно сообщился и мнѣ, и я вновь былъ поглощенъ знакомой мнѣ, но неразгаданной загадкой: почему именно деревенскіе грядущіе годы несутъ

въ себѣ необходимость примиренія съ тѣмъ, что̀ даже сейчасъ еще считается грѣхомъ?

4.

Вотъ именно эта сценка почти сразу возстановила во мнѣ то адское душевное состояніе, которое выгнало меня изъ деревни и на нѣкоторое время было заглушено счастливымъ спасеніемъ отъ явной гибели.

«Адское душевное состояніе» это долженъ пережить всякій, кто только, повинуясь даже инстинктивному влеченію къ деревнѣ, только чувствуя, что между нимъ и ею существуетъ какая-то трудно опредѣлимая, но, несомнѣнно, кровная связь,—попробуетъ... ну, просто хоть только «*пожить въ деревнѣ*». О томъ, что̀ долженъ испытывать человѣкъ, для котораго связь эта вполнѣ выяснена, опредѣлена, человѣкъ, который сказалъ себѣ: «поѣду въ деревню и буду дѣлать то-то и то-то», я даже и представить здѣсь не въ состояніи. Лично себя я не могу причислить ни къ первой категоріи людей ни ко второй. Хотя я и зналъ, почему мнѣ слѣдуетъ ѣхать и жить въ деревнѣ, но что̀ я обязанъ въ ней дѣлать—этого я еще не зналъ. Тѣмъ не менѣе «адское душевное состояніе» я пережилъ, т.-е., кажется, пережилъ и, кажется, знаю, изъ чего оно слагается.

Слагается оно, во-первыхъ, изъ такого рода ежедневно предъявляемыхъ деревнею фактовъ, въ которыхъ, по вашему мнѣнію (мнѣнію человѣка, выросшаго въ другой средѣ), непостижимымъ для васъ образомъ оказываются нарушенными самыя непоколебимыя, самыя истинныя истины. Что̀ можетъ быть неизбѣжнѣй тѣхъ цифирныхъ истинъ, какимъ учитъ васъ таблица умноженія? Два, умноженное на два, развѣ можетъ дать въ результатѣ что-нибудь кромѣ четырехъ? Ежедневный деревенскій опытъ доказываетъ вамъ, что не только можетъ, но постоянно, аккуратно изо дня въ день даетъ—не четыре, даже не стеариновую свѣчку, а Богъ знаетъ что̀, даетъ нѣчто такое, чего нѣтъ возможности ни понять ни объяснить, къ объясненію чего нѣтъ ни дороги, ни пути, ни самомалѣйшей нити.

Ниже читатель на примѣрахъ увидитъ эти изумительные

результаты деревенской таблицы умноженія, теперь же я только прошу его представить себѣ положеніе человѣка, который по сту разъ въ день принимается умножать 2 на 2, по сту разъ въ день надѣется, что вотъ-вотъ получится четыре, и по сту разъ въ день видитъ воочію, что получается нѣчто совершенно неожиданное и невозможное. Представивъ себѣ все это, онъ только до нѣкоторой степени пойметъ, что̀ за безнадежно-отупляющее состояніе долженъ переживать всякій, кто смотритъ на деревню такъ, «какъ должно», по его мнѣнію, смотрѣть на нее.

Второй элементъ, входящій въ составъ адскаго душевнаго состоянія, заключается въ томъ, что, не имѣя рѣшительно никакой возможности отказаться отъ убѣжденія, что два, умноженное на два, должно давать въ результатѣ четыре, и видя, что бываютъ однакожъ невѣроятные случаи, когда получаются въ результатѣ стеариновыя свѣчи и сапоги всмятку, вы начинаете ставить между правильнымъ и неправильнымъ выводомъ вашей и деревенской таблицы умноженія—себя, свою личность. И тутъ происходитъ до крайности странное явленіе: всякій разъ, когда, вмѣсто ожидаемаго вами вывода, получаются въ результатѣ сапоги всмятку, невѣдомо почему вы чувствуете, что именно вы-то и виноваты въ этомъ поразительномъ результатѣ. Кажется, что вѣдь не я, а деревня производитъ, помимо всякаго моего участія и желанія, эти сапоги всмятку, а тайный голосъ шепчетъ: «на̀-ка вотъ! хорошо ли тебѣ это покажется?»...

Непрерывный, хотя сначала и не довольно ясный укоръ начинаетъ сказываться опредѣленнѣе съ каждымъ новымъ опытомъ вашимъ надъ деревенской таблицей умноженія. Это мучительное дѣло идетъ такимъ образомъ. Вы умножаете два на два, получаете стеариновую свѣчку—и просто недоумѣваете. Послѣ ста разъ подобнаго опыта вы сердитесь, бѣснуетесь. Но ужъ одно то̀, что вы начали бѣсноваться, таитъ въ себѣ новый недугъ, какъ бы смутное ощущеніе вашей собственной вины. Послѣ двухсотъ, трехсотъ опытовъ вы, ощущая съ каждымъ разомъ укоры совѣсти все явственнѣе и явственнѣе, ни съ того ни съ другого начинаете думать ужъ о себѣ, о своемъ прошломъ. И всякій фактъ деревенской жизни, вамъ, вашей личной жизни, вашимъ личнымъ интересамъ, повидимому, совершенно посторонній, вдругъ съ удивительной ясностью начинаетъ освѣщать вашу собственную жизнь. А разъ съ

вами началось это странное явленіе, продолжается оно (и должно именно такъ продолжаться) такимъ образомъ: нелѣпый фактъ деревни освѣщаетъ въ васъ самихъ еще болѣе нелѣпую черту, нелѣпую мысль, нелѣпый поступокъ. И такое, прямо сказать, безобразіе начинаетъ терзать ваши нервы съ каждымъ днемъ безпощаднѣе. Линіи, по которымъ идутъ въ вашемъ мучительномъ сознаніи нелѣпыя впечатлѣнія деревни и впечатлѣнія отъ собственной вашей личности, идутъ рядомъ. Вы невольно соединяете въ себѣ эти два потока мучающихъ васъ впечатлѣній, но не знаете еще, какъ облегчить себѣ путь перехода отъ однихъ къ другимъ, какъ ихъ связать, и тутъ наконецъ наступаетъ такая минута... такая минута!

Ѣхать «куда-нибудь» въ такія минуты—большое спасеніе. Какой-нибудь легонькій степной буранчикъ, во время котораго въ районѣ волости заблудится человѣкъ съ двѣсти и человѣкъ съ пятокъ отдастъ Богу душу, или волкъ, вышедшій изъ лѣсочка и посмотрѣвшій на мужицкую лошаденку да и на васъ съ самымъ нескрываемымъ аппетитомъ,—все это возвращаетъ къ жизни, напоминаетъ, что надо по-добру по-здорову удирать и отъ волчьяго аппетита и отъ бурана. Такое временное удаленіе отъ «мѣста» вашихъ собственныхъ волненій даетъ вамъ возможность спокойнѣе обсудить ваше трудное положеніе. Именно благодаря этимъ непродолжительнымъ отлучкамъ куда-нибудь, въ «чужое» мѣсто (напр., въ городъ), является возможность придти къ положительнымъ выводамъ, которые, оказывается, находились у васъ въ деревнѣ, что̀ называется, «подъ носомъ»; но въ деревнѣ вы не могли думать о томъ, чтобы придти къ какимъ-нибудь выводамъ, потому что были поглощены исключительно воспріятіемъ своихъ и чужихъ «сапоговъ всмятку»...

Выводы эти, какъ я уже сказалъ, оказываются совершенно азбучными. Именно: деревня дѣйствительно не знаетъ вашей таблицы умноженія и умножаетъ посвоему потому-то и потому-то, вслѣдствіе чего и получаются сапоги всмятку. Ваша обязанность — по крайней мѣрѣ такъ говоритъ вамъ ваша совѣсть—требуетъ, чтобы вы сдѣлали извѣстною здѣсь въ деревнѣ не фантастическую, а *настоящую* таблицу умноженія. Сдѣлать это необходимо, не сдѣлать—безстыдно. Разобравшись въ путаницѣ своихъ и чужихъ «сапоговъ всмятку», остается только рѣшить вопросъ, какъ это сдѣлать. Задавая себѣ

этотъ вопросъ, вы чувствуете, что безплодныя мученія и ужасы миновали, и возвращаетесь въ деревню въ состояніи человѣка, который былъ боленъ чуть не при смерти, но поправился, очувствовался. И вслѣдъ затѣмъ начинается второй періодъ, также неизбѣжный для человѣка, такъ или иначе притронувшагося къ интересамъ деревни, — періодъ работы надъ практическимъ рѣшеніемъ вопроса—какъ? Слабый, но искренній человѣкъ на первыхъ же порахъ не можетъ рѣшить этого вопроса иначе, какъ въ смыслѣ собственнаго своего безсилія, неумѣлости, испорченности и необходимости влачить жизнь въ той средѣ, которая сдѣлѣла его неспособнымъ. Тотъ же, кто почувствуетъ себя неспособнымъ уйти, тотъ, кто, хотя бы и колеблясь на первыхъ порахъ, будетъ въ рѣшеніи труднаго вопроса присматриваться къ тому, какъ рѣшаетъ его дѣйствительное положеніе современной деревни и его собственная совѣсть,—тотъ будетъ крѣпнуть, закаляться, душевно расти, свѣтлѣть, такъ какъ рѣшеніе вопроса, даваемое деревней, въ высшей степени многосложно.

5.

Припомнивъ слышанныя мною въ банкѣ слова старика насчетъ предбудущихъ временъ и невольно соглашаясь съ нимъ, что нарождающемуся деревенскому поколѣнію, пожалуй, и дѣйствительно не придется жертвовать «причитающимся дивидендомъ», я не могъ вновь въ сотый разъ не остановиться на вопросахъ: да почему же это должно случиться? Какіе для этого есть резоны, и вообще почему деревенскія дѣла принимаютъ такое теченіе, что впереди всякому, мало-мальски всматривающемуся въ нихъ, рисуется нѣчто суровое, трудное, даже жестокое? И какъ только эти вопросы пришли мнѣ въ голову, такъ и поднялись всевозможные отрывочные воспоминанія и факты, которые заставили меня не то чтобы вновь пережить, а вновь пересмотрѣть тѣ явленія деревенской жизни, которыя привели къ выводамъ предыдущей главы.

Мнѣ пришлось болѣе или менѣе близко видѣть (не скажу—знать) дѣла и порядки трехъ деревень, лежащихъ почти рядомъ, въ мѣстности, которая считается житницею

русской земли. Эти три деревни, почти уже сливающіяся другъ съ другомъ—такъ близко подходятъ крайніе дворы одной съ крайнимъ дворамъ сосѣдней деревни, въ земельныхъ отношеніяхъ, въ размѣрахъ расходовъ, мірскихъ и казенныхъ, разнятся другъ отъ друга самымъ существеннымъ образомъ. Да и народъ въ одной не таковъ, какъ въ другой, а въ другой не таковъ, какъ въ третьей: въ одной народъ—розиня, въ другой—первый работникъ, въ третьей—и розиня, и лѣнивый, да еще и плутоватый. Такую разницу объясняютъ весьма существенныя причины. Такъ, напримѣръ, село Солдатское, самое большое изъ всѣхъ трехъ деревень, образовалось изъ поселенныхъ въ этой мѣстности солдатъ какого-то изъ гвардейскихъ полковъ.

При императрицѣ Екатеринѣ II (такъ здѣсь разсказываютъ старожилы) одинъ изъ солдатъ этого какого-то гвардейскаго полка, находясь въ караулѣ во дворцѣ, услыхалъ, или какимъ-то образомъ узналъ, что существуетъ заговоръ, донесъ объ этомъ—и въ награду за такой поступокъ вся рота или полкъ были пожалованы землями и угодьями въ наилучшей мѣстности Россіи. Земли и угодій было такъ много и они приносили жителямъ села Солдатскаго такъ много доходу, что жили они — «лучше не надо», катались какъ сыръ въ маслѣ... Деревенское преданіе, касаясь этихъ блаженныхъ временъ, рисуетъ ихъ, къ сожалѣнію, только въ видѣ пьянства: «иной, разсказываютъ, ужъ совсѣмъ готовъ, лежитъ на землѣ, подняться не можетъ... ну, такимъ, братецъ ты мой, прямо въ ротъ лили».

Разсказываютъ еще объ одной «питеркѣ», женщинѣ, которая пришла изъ Питера вмѣстѣ съ переселенными солдатами, разсказываютъ для того, чтобы показать, какой это былъ народъ холеный, бѣлоручка. Пошла-было однажды эта «питерка» въ поле отъ скуки. «Дай, говоритъ, пойду, попробую отъ нечего дѣлать, какъ это деревенскія бабы жнутъ»... Взяла серпъ и пошла. Вотъ простой деревенскій мужикъ и видитъ: пришла «питерка» на берегъ озера; на берегу пшеница растетъ, а у берега въ травѣ—камышъ. Пришла она и стала: поглядитъ на пшеницу, потомъ на камышъ поглядитъ, думала-думала и стала камышъ серпомъ жать...—«Ты что это,—говоритъ ей «простой» мужикъ: — дѣлаешь тутъ?» — «Жну!» — «Что жнешь-то?»— «Надо-быть—хлѣбъ!..» Засмѣялся мужикъ, говоритъ:—«Эхъ,

ты, дура петербургская, хлѣбъ-то вонъ онъ, а это—камышъ!» Удивилась «питерка» и говоритъ:—«А я, говоритъ, думала—это хлѣбъ; больно онъ на видъ красивъ!» Такъ разсказываютъ про питерскихъ пришельцевъ «простые» деревенскіе мужики, рисуя ихъ полную неумѣлость въ хозяйствѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказывая, что при такой-то неумѣлости люди села Солдатскаго могли жить припѣваючи.

Съ тѣхъ поръ, въ теченіе ста слишкомъ лѣтъ, село, надѣленное вначалѣ всевозможными льготами, понемногу теряло ихъ: такъ, часть земли, очень значительную, они сами продали, а деньги пропили; да и казна поурѣзала ихъ, но все-таки угодьевъ осталось такое количество, что село Солдатское рѣшительно богаче остальныхъ двухъ деревень и можетъ продолжать пьянство предковъ безъ посрамленія. У него три мельницы, дающія до двухъ тысячъ рублей въ годъ чистаго дохода, рыбныя ловли, дающія пятьсотъ рублей дохода, и два кабака, приносящіе міру полторы тысячи рублей чистыми деньгами.

Сосѣдняя съ нимъ деревня также значительно отличается отъ обыкновенной, переносящей барщину и несущей на своихъ плечахъ новые порядки деревни. Какъ могло случиться, что крестьяне этой деревни, считаясь постоянно въ удѣльномъ вѣдомствѣ, попали-таки лѣтъ съ шестьдесятъ-семьдесятъ тому назадъ въ крѣпостную зависимость, я не знаю; знаю только, что и въ крѣпостной зависимости они все-таки избѣгли всѣхъ суровостей барщины. Старики—люди, которымъ лѣтъ подъ шестьдесятъ—разсказываютъ про свою послѣднюю госпожу, какъ про женщину крайне добрую. Конечно, сѣкала и она—безъ этого ужъ никакъ невозможно; но, бывало, разсказываютъ, смотритъ она, матушка, какъ сѣкутъ, а сама плачетъ; какъ чуть мало-мало, сейчасъ—«дурнота со мной! перестаньте, будетъ!». Да и такія жертвы барыня приносила не изъ-за того, чтобы выбить изъ человѣка какія-нибудь матеріальныя выгоды, а по справедливости, сущей правдѣ, какъ утверждаютъ старожилы, сѣкла для собственной ихъ, старожиловъ, пользы. Почтенные историки деревни утверждаютъ даже, что мѣропріятія происходили почти только великимъ постомъ, на первой недѣлѣ, послѣ масленицы: на масленицѣ въ деревнѣ, въ старыя времена, катались съ горы; катались на длинныхъ обмороженныхъ колодахъ; залилось мужчинъ и бабъ на каждую колоду человѣкъ по

шести. На это катанье любила смотрѣть барыня. Для нея выносили кресло и становили его на такое мѣсто, съ котораго ей было все видно. Сидитъ барыня въ креслѣ и примѣчаетъ, какой мужикъ съ какой бабой ѣдетъ; ежели мужикъ противу себя посадилъ свою жену — хорошо. Ежели же чужую жену, или, Боже сохрани, дѣвицу — это барынѣ непріятно. Однакожъ, всю масленицу аккуратно каждый день являясь въ креслѣ смотрѣть на катанье, она все примѣчала да примѣчала, а въ чистый понедѣльникъ приказывала позвать мужиковъ, виновныхъ въ безнравственности. Бабъ за безнравственность также она сѣкла, но у себя на дому, и притомъ бабъ сѣкли бабы, а не мужики: «ну, а ужъ сами знаете, какое можетъ быть бабье сѣченье!..» Отъ этого разладинскія бабы и не знаютъ страху.

Былъ однакоже въ исторіи разладинскаго крѣпостного періода одинъ эпизодъ, который грозилъ закрѣпостить и этихъ баловней судьбы въ самомъ дѣлѣ, по-настоящему. Одинъ сосѣдній помѣщикъ, прельстившись состояніемъ разладинской помѣщицы, задумалъ на ней жениться. Помѣщица была старая дѣвица и боялась замужества, ввѣривъ охрану своихъ дней надежному человѣку изъ дворовыхъ. Говорятъ, это былъ верзила вершковъ пятнадцати, силачъ и скроменъ, какъ красная дѣвица. Помѣщикъ, сдѣлавшій дѣвицѣ-помѣщицѣ предложеніе, получилъ отказъ. Но такъ какъ человѣкъ этотъ былъ истинный сынъ своего времени, то и не задумался надъ средствомъ къ достиженію цѣли инымъ путемъ и очень обыкновеннымъ по-тогдашнему. Онъ пригласилъ барышню покататься, по дорогѣ завернулъ «вмѣстѣ съ нею въ церковь отслужить молебенъ своему ангелу», и здѣсь неожиданно для барышни, вмѣсто молебна, началось вѣнчаніе съ помѣщикомъ: все было заранѣе подлажено, закуплено и т. д. На крикъ барыни явился тотъ же ея хранитель дворовый, не попавшій въ церковь, и, разломавъ церковныя, уже запертыя двери, выручилъ свою госпожу. Послѣ смерти она отказала ему Дыбки, а разладинскимъ мужикамъ даромъ отдала всю землю, такъ какъ умерла бездѣтною и безъ наслѣдниковъ. Благодаря этому подарку, налоги, платимые разладинскими мужиками, никогда въ общей сложности не превышали двухъ рублей. Даже и теперь они платятъ всего-на-все только рубль девять гривенъ.

Третья деревня, раздѣленная отъ Разладина только помѣщичьей усадьбой, обыкновенная русская, бывшая крѣ-

постная деревня. У нея мало земли, она платитъ большіе налоги — больше Разладина и Солдатскаго, и не имѣетъ почти никакихъ постороннихъ доходовъ, кромѣ двухсотъ рублей съ кабака, и работаетъ въ потѣ лица. Она знала крѣпостные порядки доподлинно; знала барщину, барина, дворню, претерпѣла всѣ крѣпостныя тяготы и теперь несетъ на плечахъ своихъ новые порядки. Больше о ней покуда сказать нечего.

Надѣюсь, что читатель изъ вышеприведеннаго очерка видитъ, какая существенная разница въ матеріальномъ обезпеченіи отличаетъ всѣ три деревни одну отъ другой. На основаніи этой разницы, зная не деревенскую, а обыкновенную таблицу умноженія, можно вывести такія заключенія: с. Солдатское, пользующееся угодьями и достаткомъ, живетъ лучше Разладина, у котораго нѣтъ угодьевъ, доходныхъ статей. Но Разладино, не платящее почти никакихъ податей, все-таки *должно* пользоваться бо́льшимъ достаткомъ, жить вольнѣй, вольготнѣй, чѣмъ третья деревня, которая и платитъ много и земли имѣетъ мало, да и земля отрѣзана далеко отъ деревни. Послѣдняя деревня, несомнѣнно, должна жить хуже другихъ, потому что лежитъ она на неудобномъ мѣстѣ, воды у нея мало, — крошечный ручеекъ въ аршинъ ширины, и никакихъ доходныхъ статей нѣтъ. Такъ гласитъ обыкновенная таблица умноженія. Деревенская же гласитъ вотъ какъ:

Хуже и глупѣй изъ всѣхъ трехъ деревень живетъ самая богатая, именно с. Солдатское. Несмотря на то, что доходомъ съ оброчныхъ статей, съ мельницы, съ рыбной ловли и т. д., которые въ *буквальномъ смыслѣ съ значительнымъ излишкомъ покрываютъ рѣшительно всѣ мірскіе, волостные, земскіе, казенные и всякіе иные платежи,* такъ что должны ежегодно оставаться лишнія на общественныя нужды деньги и ужъ ни въ какомъ случаѣ ни одному изъ жителей нѣтъ надобности вынимать деньги на уплату повинностей изъ своего кармана, — несмотря на все это жители с. Солдатскаго умѣютъ устроить такъ, что каждый годъ имъ недостаетъ денегъ, и, потративъ всѣ мірскіе доходы, они всегда ухитряются дѣлать налоги рубля по три съ души, несмотря на то, что мірскіе доходы постоянно увеличиваются. Теперь я прошу читателя, знающаго обыкновенную таблицу умноженія, представить себѣ всю непостижимость результата, которая является при примѣненіи ея къ распорядкамъ, господствующимъ въ с. Солдатскомъ. Я беру окладной

листъ, считаю количество душъ (конечно, платежныхъ, а не человѣчьихъ), считаю количество требуемыхъ казной, земствомъ, волостью и самимъ селомъ платежей, прибавляю даже цѣлыя двѣ сотни рублей на непредвидѣнные расходы, хорошенько не имѣя даже возможности опредѣлить ихъ, потому что что̀ же когда-нибудь затѣвала какая-либо деревня сама для себя. Всѣ ея доходы идутъ только на то, что̀ извѣстно подъ словомъ «*подати*». Больныхъ своихъ на общественный счетъ она въ больницу не возитъ; сиротъ, нищихъ на общественныя суммы не питаетъ; вотъ развѣ одно: село Солдатское очень часто ссылаетъ по мірскимъ приговорамъ своихъ односельцевъ въ Сибирь. Вотъ на такіе-то расходы и на другіе, ни мной ни селомъ совершенно непредвидимые, я и кладу двѣ сотни. Получается у меня сумма, при чемъ оказывается, что сумма эта съ значительнымъ избыткомъ покрывается суммою получаемыхъ селомъ доходовъ, которые я также прошу читателя класть на счеты по порядку, за то-то столько-то и т. д.

У меня получается остатокъ, а на дѣлѣ у деревни недостаетъ цѣлой тысячи рублей!.. Впослѣдствіи я узнаю причину; но теперь, на первыхъ порахъ, я въ недоумѣніи. Какимъ образомъ выходитъ эта «недостача»?

Затѣмъ, отчего с. Солдатское до сихъ поръ, съ самаго основанія, не подумало завести хоть какую-нибудь школу, хотя въ виду воинской повинности, а въ Сибирь ссылать своихъ сыновей выучилось? Отчего народъ с. Солдатскаго неряшливъ, распущенъ, наглъ, жаденъ и глупо-форсистъ? Отчего именно въ селѣ, гдѣ есть всѣ условія для мірского довольства и для извѣстной порядочности ежедневнаго обихода, — такое неряшливое разгильдяйство, общественная безсвязица и безтолковщина: куча нищихъ, есть воры, куча мірскихъ грабителей?

Не менѣе страннымъ покажется вамъ и положеніе сосѣдняго разладинскаго мужика. Земля у него есть, и родитъ она хорошо, налога онъ почти не платитъ, а посмотрите на разладинскаго мужика: изба гнилая, солома гнилая, самъ мужикъ вялъ, тупъ и понятіемъ не твердъ — все поддакиваетъ, а оказывается, и не понимаетъ, о чемъ рѣчь, постоянно жалуется на бабъ — бабы, вишь, ему досаждаютъ; жену бьетъ, а самъ трусъ первой руки; «пужливъ» передъ бариномъ, передъ подрядчикомъ, вообще предъ человѣкомъ; затѣетъ какое-нибудь дѣло, не умѣетъ себя держать совершенно. Баринъ, какъ существо высшее, подавляетъ его

однимъ своимъ видомъ. Разладинецъ, разговаривая съ бариномъ, теряется, бормочетъ невѣсть что̀, ухмыляется во весь ротъ, даже фигурой показываетъ, что «мы вашей милости» что̀ угодно, а дѣла сдѣлать ни съ бариномъ ни съ подрядчикомъ не умѣетъ. Наймется отвезти, положимъ, ночью на станцію, самъ ходитъ, проситъ — «нужда»; а глядишь — и не пріѣдетъ: лѣнь встать отъ бабы, на печи тепло, а на дворѣ холодно; потомъ на бабу сердится. Никакой «ряды» правильно съ нимъ дѣлать нельзя или очень трудно; ничему онъ не знаетъ настоящей цѣны, а по нуждѣ соглашается на всякую цѣну, «сбиваетъ цѣну дуромъ», потому что чувствуетъ, что работа его будетъ плоха, чувствуетъ, что мало-мальски изъ порядочной деревни мужикъ всегда перебьетъ у него и сдѣлаетъ лучше. А взявшись за дѣло, только клянчитъ, удивляется, какъ это все трудно, и безпрестанно ропщетъ на цѣну. Словомъ, разладинскій мужикъ — мужикъ-«брюзга».

— У васъ кто теперича служитъ-то? — спрашиваетъ мужикъ третьей деревни (будемъ называть—Барской).

— Такой-то.

— Разладинскій?

— Разладинскій.

Барскій мужикъ подумалъ и говоритъ:

— Ничего человѣкъ-то... а только что «набрюзжитъ» онъ вамъ!

И дѣйствительно «набрюзжалъ». Ничего худого не сдѣлалъ, а именно только набрюзжалъ; больше и лучше этого нельзя о немъ ничего сказать.

Такъ разладинцы «брюзжатъ» во всѣхъ своихъ дѣлахъ. Бабы, которыхъ разладинскіе мужики бранятъ, немного лучше, потому что большею частью берутся изъ чужихъ, работящихъ деревень; но и тѣ скоро раскисаютъ съ этими брюзжащими мужиками. Брюзжатъ они безъ толку и въ мірскихъ дѣлахъ: начнутъ сдавать кабакъ — сдадутъ одному, а завтра другому, и съ обоихъ возьмутъ мѣдный грошъ, а потомъ опомнятся и сообразятъ, что лучше взять съ одного да побольше. Былъ у нихъ подъ горой отличный и единственный родникъ, изъ котораго вся деревня испоконъ вѣка пользовалась водой; родникъ былъ у рѣчки, выше уровня ея на аршинъ. Ни съ того ни съ сего міряне взяли и отдали на рѣчкѣ мѣсто подъ мельницу, отдали такъ — зря, за десять цѣлковыхъ въ годъ. Мельникъ сдѣлалъ плотину, перегородилъ рѣчку — и она залила

грязной дрянной водой отличный родникъ, оставивъ всю деревню безъ воды. «И какой дуракъ это выдумалъ?»— сердятся они другъ на друга, старые на молодыхъ, молодые на старыхъ, и пьютъ гнилую воду.

Вообще разладинцы, стоя въ промежуткѣ между мужиками с. Солдатскаго и д. Барской, какъ будто находятся подъ вліяніемъ и тѣхъ и другихъ. Не платя податей, они чувствуютъ себя какъ бы въ нѣкоторомъ родствѣ съ привилегированными обывателями с. Солдатскаго и перенимаютъ у нихъ разные вздоры. Солдатскіе пьянствуютъ на сходкахъ то и дѣло: то у нихъ мельницу снимаютъ, то они луга сдаютъ, то «отвальныя», то «привальныя». И эти тоже пялятся въ пьяницы, хотятъ быть пьяны отъ мірскихъ доходовъ. Взяли вотъ отдали мельницу — и пили два дня; кабакъ отдали двумъ: — съ одного пили и съ другого, и распились бы Богъ знаетъ какъ, если бы оба кабатчика не отказали имъ въ винѣ.

Ничего хорошаго, впрочемъ, и въ этомъ дѣлѣ разладинцы не изобрѣли. Недавно ихъ навострили солдатскіе на такую штуку: солдатскіе взяли у разладинскихъ какіе-то кустики, всего цѣлковыхъ на двадцать, а разладинскіе взяли у солдатскихъ кусокъ выгона. Солдатскіе, какъ люди, знающіе до тонкости питейное дѣло, выдумали пить такъ: сегодня ставятъ вино они за кустики, а завтра разладинцы за выгонъ. Пропили съ обѣихъ сторонъ рублей по двадцати. Староста было-поудержалъ ихъ, сказавъ: «Міряне честные, вѣдь вонъ за новымъ кабашникомъ еще два ведра не допито — берите съ него, чѣмъ покупать-то!..»

Міряне отвѣчали:

— То два ведра особенныя, кабашныя, мы съ кабака ихъ и выпьемъ; а это дѣло тоже особенное — особенно и пить будемъ. Ты не разговаривай, а собирай, почемъ съ души придется!

Въ другой разъ староста тоже повоздержалъ ихъ:

— Міряне честные! — сказалъ онъ: — пейте вы кабашное вино вмѣсто пастушьяго (пастуха нанимали)!

Но міряне сказали:

— Ты зубы не заговаривай! Кабашное вино мы съ кабака сопьемъ, а пастушье вино пить надо особливо. Ты вотъ разочти, почемъ съ души приходится, ежели, примѣромъ сказать, на четыре ведра? А кабацкія два ведра мы въ сухое время допьемъ, когда ни мельничныхъ ни пастушьихъ пòевъ не будетъ.

Ужъ нечего сказать, куда охотники выпить; но даже и этого дѣла сдѣлать какъ слѣдуетъ, съ соображеніемъ, также не умѣютъ.

Съ другой стороны, не имѣя даровыхъ доходовъ, разладинцы должны работать, нести на плечахъ трудную обузу земледѣльческаго труда. Въ этомъ одношеніи жители д. Барской также подавляютъ ихъ. Барскіе — мастера работать, привычны къ работѣ, у нихъ работа «горитъ огнемъ». Разладинцы завидуютъ имъ, но угнаться не могутъ. Они норовятъ съобезьянить съ барскаго мужика, гоняютъ своихъ женъ на работу, говоря:

— Ишь, вонъ барскія бабы-то какъ работаютъ! Она кажная съ мужемъ до эвтихъ поръ въ грязи пачкается на работѣ, не то, что ты, идолъ этакій преображенный!

И вотъ, по примѣру барскаго мужика, пачкается и онъ съ своей бабой, и дѣйствительно въ самой что ни на есть грязи пачкается, а настоящей работы нѣту. И хозяйскій снарядъ и самъ онъ — все это плоховато: сбруя рвется, запряжка кой-какая, руки неразвязны, силишки мало, лѣнь.

— Какая у насъ работа! Развѣ это возможно сказать, настоящая, напримѣръ, работа?—въ припадкѣ самоуничиженія говоритъ разладинецъ. — Кабы мы барскіе были... ну, такъ: тамъ работа! А то что̀ это? У насъ ѣдутъ на работу эво когда — солнце-то эво ужъ гдѣ!.. А барскій небось темно еще, — а ужъ онъ въ полѣ. И дни у насъ все зря... Да и бабы ихнія...

И тутъ разладинецъ начинаетъ бранить сначала вообще разладинскихъ бабъ, потомъ свою жену въ частности и наконецъ всѣхъ своихъ сельчанъ, разбираетъ каждаго порознь, и каждый порознь оказывается, по его разговору, — и дуракъ, и подлецъ, и воръ, и человѣкъ, котораго хуже нѣтъ. Такъ они всѣ разбираютъ другъ друга, а на видъ они всѣ люди мягкіе, льстивые, съ масляными глазами; придешь — не знаютъ гдѣ посадить, а за глаза — первые ругатели и сплетники.

Какъ ни покажется страннымъ, а лучше всѣхъ живетъ и умнѣй всѣхъ крестьянинъ дер. Барской. Онъ есть истинный современный крестьянинъ, несущій всю массу крестьянской тяготы безъ всякаго послабленія испоконъ вѣку. Онъ платитъ большія подати и бьется круглый годъ исключительно надъ земледѣльческой работой, и покрываетъ подати, да мало того: живетъ несравненно аккуратнѣй. чище и раз-

ладинскихъ и солдатскихъ. Въ Барскомъ не рѣдкость встрѣтить умницу, человѣка твердаго, желѣзнаго характера, изучившаго до тонкости свои отношенія къ людямъ, съ которыми ему приходится дѣлать дѣло. А дѣлаетъ онъ и берется дѣлать дѣла только такія, какія доподлинно знаетъ. Предлагали имъ возить навозъ въ селитряные бурты и деньги давали хорошія—не поѣхали и угощеніемъ не соблазнились, отказались, «потому дѣло это не наше»! До послѣдняго времени они не заводили кабака: находились между ними люди, которые умѣли оберегать міръ отъ этой бѣды. Раздѣловъ семейныхъ у нихъ мало, такъ какъ въ этомъ—безсилье, а имъ нужна сила для работы; работа у нихъ на первомъ планѣ и дѣйствительно кипитъ въ рукахъ. Работаютъ всѣ отлично. Мальчикъ плачетъ: «тятька, *жалѣючи его, на работу не взялъ*».

Словомъ—крестьянинъ, болѣе другихъ потерпѣвшій на своемъ вѣку, слѣдовательно, какъ намъ думается, болѣе угнетенный (онъ пережилъ крѣпостное право), надѣленный плохой землей, обремененный налогами, вопреки всѣмъ смысламъ, вопреки всѣмъ таблицамъ умноженія всѣхъ частей свѣта, оказывается порядочнѣе, положительно умнѣе, даровитѣе, зажиточнѣе и честнѣе того крестьянина, который, имѣя доходы, покрывающіе всѣ посторонніе платежи, или платя сущую бездѣлицу, и слѣдовательно имѣя всѣ условія для того, чтобы собственная его домашняя, личная жизнь была лучше, достаточнѣй, вольнѣй, чтобы забота его о мірскомъ дѣлѣ была шире,—оказывается, что такой крестьянинъ ничего не выдумалъ, кромѣ кабака, живетъ бѣдно, пьяно, фальшиво, къ ближнему равнодушенъ, равнодушенъ къ міру, къ себѣ, къ семьѣ!.. Мало того: вы видите, что отлично обставленная въ матеріальномъ отношеніи деревня какъ бы лишена даровитыхъ людей. Есть міроѣды и мироопивалы, а умнаго, характернаго мужика нѣтъ; взамѣнъ того имѣется обиліе фальшивыхъ мужиковъ, которые за рубль продадутъ отца родного, наобѣщаютъ съ три короба, а ничего не сдѣлаютъ, недорого возьмутъ соврать и надуть.

Что же означаетъ эта непонятная тайна непонятной деревенской таблицы умноженія?

6.

Послѣ долгаго и мучительнаго опыта, мысль ваша какъ будто начинаетъ докапываться до нѣкоторыхъ дѣйствительныхъ основаній этой удивительной тайны. Главную нить къ познанію, какъ мнѣ кажется, существа деревенскаго житья-бытья даетъ вамъ одно, повидимому, весьма незначительное обстоятельство. Разговаривая до сего времени, вы очень часто слышите въ разговорѣ слово «барщина», но не придаете этому никакого значенія, какъ дѣлу прошлому. Мало-по-малу однако оказывается, что хотя все, что̀ заключается въ многозначительномъ словѣ «барщина», и дѣйствительно дѣло прошлое, но что и теперь слѣды этого прошлаго далеко не изглажены. Впослѣдствіи вы убѣждаетесь въ значеніи барщины для пониманія современной деревни, и притомъ въ такой степени, что уже не довольствуетесь простымъ признаніемъ за ней извѣстныхъ результатовъ, но невольно должны признать, что въ современной деревнѣ нѣтъ такого явленія, нѣтъ въ характерѣ деревенскихъ людей ни одной существенной черты, нѣтъ даже ни одного обычая, которые бы вполнѣ не объяснились барщиной, а главное, *только* барщиной *).

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое была эта крѣпостная барщина? Въ общихъ чертахъ—это была никогда, никѣмъ и никому необъяснимая работа цѣлой деревни на одинъ господскій домъ. Безъ отговорокъ, безъ возраженій деревня должна была работать изо дня въ день, изъ года въ годъ. Баринъ, которому принадлежала деревня, могъ мѣняться, быть то злымъ, то добрымъ, но для деревни всѣ эти перемѣны ничего не значили: работы одинаково требовали всѣ—и консерваторы, и либералы, и даже радикалы, словомъ—всевозможные сорта людей, поселявшихся въ господскомъ домѣ. Кто бы тамъ ни жилъ, отъ деревни требовалось одно—«работа», заполнявшая бо̀льшую часть дня, года, всей жизни,—работа *не на себя*. Этотъ коренной принципъ барщины укрѣплялся въ народѣ всевозможными способами, и въ концѣ концовъ все это, вмѣстѣ взятое, выработало совершенно опредѣленный идеалъ для существа, носящаго названіе *мужика*. Идеалъ требовалъ, во-первыхъ, безпре-

*) Въ настоящемъ очеркѣ мы не касаемся тѣхъ хорошо живущихъ деревень, которыя держатся не традиціями барщины, а религіозной дисциплиной, т.-е. деревень сектантскихъ.

кословнаго исполненія чужихъ требованій; во-вторыхъ, требовалъ, чтобы у исполнителя было глубоко вкоренено убѣжденіе въ томъ, что все остальное, все его житьишко со всѣми животишками составляютъ дѣла, не стòящія вниманія.

Такъ какъ такой идеалъ тяготѣлъ надъ всѣмъ почти русскимъ крестьянскимъ людомъ, тяготѣлъ неумолимо сотни лѣтъ, то сообразно съ нимъ и выработался типъ крестьянина, населяющаго громадное большинство русскихъ деревень. Такой, оставленный намъ барщиной въ наслѣдство, крестьянинъ—во-первыхъ, неустанный работникъ: въ потѣ лица изо дня въ день онъ бьется надъ работой; во-вторыхъ, аккуратная уплата податей—для него первая забота, предъ которой меркнутъ всѣ личныя заботы; въ-третьихъ, это человѣкъ, который отвыкъ разсуждать о чемъ бы то ни было; онъ только спрашиваетъ: «сколько требуется?», «почемъ сойдетъ съ души?». Раскладка всѣхъ этихъ душевыхъ рублей и копеекъ составляетъ почти единственный предметъ сходокъ: «своихъ», деревенскихъ предметовъ для разговоровъ на сходкахъ нѣтъ — отучены. И въ-четвертыхъ, наконецъ, онъ неусыпный работникъ; работать, «биться на работѣ»—вотъ цѣль жизни, нить, связующая дни и годы въ цѣлую жизнь человѣческую. Онъ покоенъ, уставъ и измучившись на работѣ, потому что сдѣлано то, чтò именно требовалось. Онъ сына женитъ насильно, потому что «беретъ работницу хорошую», а остальное ничего не стòитъ. Мало устать на работѣ, мало просто измаяться: тотъ—хорошій работникъ, кто не знаетъ «устали» въ работѣ, у кого она «горитъ огнемъ», кто «лютъ», или, еще лучше, кто «золъ» на работу.

Вотъ во имя этого-то идеала и продолжаетъ жить крестьянинъ, какъ жилъ при барщинѣ. Тамъ, гдѣ барщина царила вполнѣ, тамъ мужикъ въ буквальномъ смыслѣ остался такимъ же, какимъ былъ и при крѣпостномъ правѣ. Такъ же до свѣту выѣзжаетъ онъ въ поле, такъ же бьется изъ-за податей, такъ же молча, съ незадумывающимся равнодушіемъ исполняетъ все, чтò ему прочитаетъ староста, и, исполнивъ, вновь продолжаетъ маяться надъ работой, самъ перебиваясь кое-какъ или припрятывая достатокъ. Въ такихъ деревняхъ у крестьянъ есть совершенно опредѣленный взглядъ на себя и на Божій свѣтъ, и благодаря этому они знаютъ, чтò дѣлаютъ, изъ-за чего бьются. Вотъ почему оказывается, что бѣдная, заваленная

работой и налогами деревня, не имѣющая никакихъ постороннихъ доходовъ, надѣленная сравнительно худшей, чѣмъ у сосѣдей, землей, и притомъ въ маломъ количествѣ, живетъ лучше той деревни, гдѣ болячки барщины почему-нибудь не такъ живо чувствуются.

А кажется, какъ бы тутъ-то, при достаткѣ, не подумать о себѣ? Развѣ мало дѣйствительно своихъ нуждъ? Сколько въ селѣ однихъ ребятъ, которые растутъ неграмотными, не умѣютъ ни сосчитать, ни прочесть или написать письма, словомъ—ровно ничего? Сколько въ деревнѣ нищихъ, убогихъ, калѣкъ, сиротъ, бездомныхъ, случайно несчастныхъ и оставленныхъ на произволъ судьбы?.. Обо всемъ этомъ должна бы заботиться неугнетенная чужой заботой мысль; но она не заботится, потому что не знаетъ, что объ этомъ надо заботиться... Мірскія дѣла почти исключительно состоятъ въ раскладкѣ и питіяхъ водки по разнымъ случаямъ.

Какъ справедливо и тщательно разработанъ процессъ всевозможныхъ дѣлежей и раскладокъ—объ этомъ было уже говорено. Теперь слѣдуетъ упомянуть о томъ, какъ разработанъ процессъ мірскаго питія; потому именно слѣдуетъ, что въ разработкѣ этого процесса потрачена масса крестьянскаго ума, такая масса, какой, за исключеніемъ процесса дѣлежа, не потрачено рѣшительно ни на одну изъ общественныхъ деревенскихъ нуждъ. Каждая деревня пьетъ на свой образецъ, на свой манеръ, по опредѣленному ритуалу; такъ, барскіе пьютъ рѣдко, и къ питію приглашаются только старики-власти, потому что нѣтъ такихъ случаевъ, которые дали бы возможность заполучить съ кого-нибудь много вина. Но и тутъ уже опредѣлено — съ кого перваго начинать, кому второй стаканъ, и какимъ путемъ стаканъ долженъ слѣдовать отъ одного края засѣдающихъ до другого и обратно. Впрочемъ, сравнительно, здѣсь пьютъ, главнымъ образомъ, въ свои престольные праздники: на Ивана Постителя, на Ивана Богослова. Варятъ пиво, подливаютъ въ пиво водки и пьютъ такъ, зря, сколько влѣзетъ, три дня, три ночи, безъ просыпу.

Но до полнаго совершенства питейный ритуалъ доведенъ въ Солдатскомъ. Здѣсь выработано множество программъ мірскихъ питій на всевозможные случаи и на всевозможныя количества ведеръ водки. Кажется, если бы случилось, что

«всему» солдатскому міру была поставлена только одна косушка—и тутъ ее распили бы по правиламъ, и тутъ нашлись бы для распитія ея извѣстные, выработанные опытомъ порядки. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не серьезный вопросъ—какъ распить, положимъ, ведро вина, поставленное цѣлому міру, человѣкамъ этакъ тремстамъ, и притомъ распить такъ, чтобы выпито было по совѣсти и безъ обиды?

Въ виду ясной для всякаго серьезности этого дѣла, мірская мысль въ совершенствѣ разработала распитія одного ведра, двухъ, трехъ и т. д., вплоть до такого количества ведеръ, болѣе котораго не запомнятъ столѣтніе старожилы. Одно ведро пьютъ вовсе не такъ, какъ пьютъ два; смотря по количеству ведеръ, къ питію привлекаются то исключительно власти, считая въ томъ числѣ и стариковъ, такъ какъ «старики» — дѣйствительно власть. При извѣстномъ количествѣ привлекаютъ къ питію, кромѣ властей, нѣкоторыхъ изъ жителей, имѣющихъ всѣ права занять въ недалекомъ будущемъ мѣста стариковъ. Затѣмъ есть случаи, когда право на часть мірского вина присвоятся и обыкновеннымъ обывателямъ, но тоже въ извѣстномъ порядкѣ, съ извѣстнымъ выборомъ, по указанію стариковъ или по дворамъ; а наконецъ были и такіе случаи, когда вина хватаетъ на весь міръ. Это, впрочемъ, рѣдко. «По дворамъ» пьютъ тоже разно: по одному стакану получаетъ всякій глава дома; если же придется по второму, то этотъ второй стаканъ глава дома можетъ, по усмотрѣнію своему, уступить брату, живущему съ нимъ, или сыну, но имѣетъ полное право выпить и самъ. Необходимо, слѣдовательно, въ видахъ абсолютной справедливости, до тонкости изучить ведро и стаканъ,—его объемъ и мѣру, умѣть взглянуть на стаканъ, опредѣлить количество *такихъ* стакановъ въ ведрѣ и, сообразно полученному цифровому результату, назначить тотъ или другой питейный ритуалъ. И на дѣлѣ существуютъ знатоки, которые, даже «поболтавъ» ведро, изъ котораго уже пито, по звуку знаютъ, сколько тамъ осталось «вотъ этакихъ» стакановъ и сколько такихъ, такъ что старикамъ и властямъ остается только опредѣлить: какой именно стаканъ пускать въ ходъ, чтобы дѣло было сдѣлано честно, благородно, по-божески.

Но знать стаканъ и ведро далеко еще не все; такое знаніе есть еще только часть полнаго знанія дѣла: необходимо еще знать воспріимчивость каждаго мірского желудка къ питіямъ. Не думайте, что это дѣло шуточное, а глав-

ное—не думайте, что оно не играетъ никакой роли, вообще, во взглядахъ деревни на справедливость людскихъ отношеній. Въ самомъ дѣлѣ, міръ очень хорошо знаетъ, что вотъ этотъ человѣкъ валится съ пятаго стакана, этого не свалишь десятью, а вотъ этотъ и со второго теряетъ ноги, руки и голову... Спрашивается: если, положимъ, на душу, входящую, на основаніи количества ведеръ, въ число допущенныхъ къ питію, приходится по шести стакановъ, и если одинъ изъ допущенныхъ валится съ третьяго, а другой со второго, то не слѣдуетъ ли позаботиться объ остающихся имъ стаканахъ и подумать о томъ, чтобы они получили правильное, справедливое назначеніе, а не были бы выпиты — такъ, «зря» — какой-нибудь первой попавшейся глоткой? При пьянствѣ ста, полутораста человѣкъ, имѣющихъ право на участіе въ питіи, постоянно случаются, во-первыхъ—совершенно не пьющіе, во-вторыхъ—валящіеся подъ лавку со второго стакана, съ третьяго, съ пятаго и т. д., вслѣдствіе чего получается извѣстное количество питій, требующихъ новаго порядка, новаго церемоніала, которыхъ нельзя игнорировать. Вотъ почему всякое—главнымъ образомъ большое — питіе, начавшись по одному плану, можетъ перейти множество разныхъ степеней и закончиться питіемъ по плану совершенно другому, чѣмъ началось. Вотъ почему, при питіяхъ, людей, глазѣющихъ на питіе, гораздо болѣе, чѣмъ пьющихъ. И глазѣютъ они недаромъ: порядокъ питія легко можетъ измѣниться почему-нибудь, и тѣ, кому въ данную минуту приходится только глазѣть, чрезъ какое-нибудь мгновеніе могутъ быть призваны къ участію. Почемъ знать, что кто-нибудь не свалится со второго стакана, хотя до сихъ поръ валился только съ третьяго?

Само собою разумѣется, что если до такой совершеннѣйшей степени разработанъ вопросъ о томъ, какъ пить вино, то не менѣе совершенно разработаны и изслѣдованы вопросы, касающіеся поводовъ, по которымъ и слѣдуетъ и можно пить. И точно, мірское вниманіе не упустило изъ виду самыхъ ничтожнѣйшихъ, самыхъ крошечныхъ поводовъ для того, чтобы міръ могъ имѣть даровое вино, или для того, чтобы ставить вино на свой счетъ. Я не говорю ужъ о такихъ вещахъ, какъ сдача мірского имущества въ аренду: тутъ пьютъ долго и много, и берутъ вино со многихъ; не говорю также о такихъ поводахъ, которые не требуютъ никакой выдумки и узаконены повсюду: наемъ па-

стуха, выборъ старосты, разборъ мелкихъ сельскихъ ссоръ, обидъ и т. д. Всякому извѣстно, что безъ вина въ подобныхъ случаяхъ никоимъ образомъ обойтись нельзя. Нѣтъ, я говорю о такихъ выдумкахъ, которыя не могутъ придти въ голову никому, кромѣ людей, не одинъ годъ изучавшихъ— и изучавшихъ вполнѣ, спеціально—данный предметъ.

Человѣкъ, который въ крайнюю минуту (когда вино выпито, міръ желаетъ еще по стаканчику, но не можетъ выдумать—за что пить) сумѣетъ указать на подлежащій опиванію предметъ, если не уважается міромъ, то цѣнится имъ, какъ человѣкъ умный и знающій. Такъ-называемые въ здѣшнихъ мѣстахъ «коштаны»—особый видъ изъ рода міроѣдовъ, про которыхъ сами міряне говорятъ, что «онъ на десять рублей пользы міру сдѣлаетъ, а на тридцать убытку»—тѣмъ не менѣе не только терпятся міромъ, но частью даже и уважаются, во-первыхъ, потому, что никто лучше коштана не знаетъ мірскихъ дѣлъ; а во-вторыхъ, потому, что все это знаніе почти только тѣмъ и хорошо, почти потому только и нужно мірянамъ, что оно выручаетъ ихъ въ трудныя минуты недостатка вина, давая возможность отыскивать къ продолженію прерваннаго пьянства предлоги. Спрашивается: кто изъ сотни человѣкъ мірянъ, недоумѣвающихъ надъ вопросомъ о томъ — кого и по какому случаю опивать, вспомнитъ, что вотъ такой-то Иванъ Мироновъ по веснѣ бралъ изъ мірского лѣсу не въ чередъ сорокъ кольевъ для плетня и что, слѣдовательно, долженъ поклониться за это міру? А коштанъ знаетъ, ибо онъ, какъ паразитъ, только и живетъ тѣмъ, что цѣпляется за другихъ. И вотъ къ Ивану Миронову посылаютъ депутацію «взять хомуты» или «снять» телѣгу съ передковъ и передки доставить на сходку. Иванъ Мироновъ, большею частью и не приглашаемый лично на сходку, долженъ явиться сюда за хомутами и за передками и «долженъ» поставить міру вина, такъ какъ ни безъ хомута ни безъ передка ему невозможно существовать.

Чтобы не утомлять читателя перечисленіемъ всевозможныхъ мелочныхъ придирокъ, которыя міръ пускаетъ въ ходъ, когда дѣло касается такого вполнѣ самостоятельнаго, вполнѣ принадлежащаго мірскому благоусмотрѣнію дѣла, какъ мірское питье водки, я разскажу только слѣдующій случай. Выше я говорилъ, что разладинскіе мужики за десять рублей уступили какому-то крестьянину право на устройство мельницы. Крестьянинъ сдѣлалъ мельницу и плотину.

Мельница самая первобытная, бѣдная, деревенская: плотина узенькая—съ небольшимъ въ аршинъ ширины и не болѣе какъ сажени въ три длины. Но дѣло въ томъ, что одинъ берегъ рѣчонки принадлежитъ разладинцамъ, а другой—обывателямъ села Солдатскаго, т.-е. плотина «примыкаетъ» къ разнымъ берегамъ. Вотъ эту-то «*примычку*» и явились пропивать сначала солдатскіе мужики, а потомъ, по обезьянному своему нраву, и разладинцы.

— Станови четыре ведра!—категорически объявили мельнику солдатскіе депутаты.

— За что это?

— Какъ за что? — за примычку!.. Видишь, чай, примыкаетъ...

— Да что̀ вы, лѣшіе этакіе, съ ума вы спятили?..

— Ну, такъ загородъ постановимъ, пропущать народу не будемъ съ нашего берега!..

Что̀ тутъ дѣлать? Разумѣется, поставилъ.

Только-что было-отдѣлался отъ однихъ,—ползутъ другіе, разладинцы.

— Вы чего, дьяволы безголовые?

— Примыкаешь!—бормочутъ:—четыре ведра, а то загородъ постановимъ.

Мельникъ не могъ не поставить вина разладинцамъ: нужда научитъ кирпичи ѣсть; но зато все время, когда міръ пьянствовалъ, мельникъ, блѣдный отъ гнѣва дрожащій всѣмъ тѣломъ отъ волненія, на чемъ свѣтъ пушилъ стариковъ... Ничего, пили!

Разладинцы пьютъ глупо, безъ толку; вообще это не настоящіе крестьяне. При всякомъ питьѣ у нихъ старики отдѣляютъ себѣ извѣстную часть и остальное отдаютъ міру. «Старичишки», какъ ихъ здѣсь величаютъ, обыкновенно, по жадности своей, всегда захватятъ столько, что при всемъ стараніи не успѣваютъ выпить въ одинъ сходъ и допиваютъ на другой день. Міряне пьютъ тоже безъ всякаго разсудка; одинъ еле живъ плетется домой, а другому капли не досталось. Но, несмотря на эту во всемъ разладинскомъ ощущающуюся распущенность и безтолочь, и здѣсь былъ на моихъ глазахъ случай, доказавшій мнѣ, что если бы да разладинцамъ хорошая мірская школа, въ родѣ той, какую выработали солдатскіе мужики, то и они не плошали бы въ мірскихъ дѣлахъ. Одинъ «подносчикъ» (такой чинъ на питейныхъ сходахъ—конечно, чинъ выборный) отлилъ по дорогѣ изъ кабака, куда ходилъ за мірскимъ виномъ, бутылку

мірского вина. Ведро онъ отправилъ на сходъ съ первымъ встрѣченнымъ односельцемъ, а самъ съ бутылкой пошелъ домой, гдѣ его ждалъ пріятель. Они не успѣли выпить съ нимъ по одному стакану, какъ обиженный міръ нагрянулъ на преступника. На міру, даже такомъ разгильдяйномъ, нашлись уже настолько опытные люди, что «по хлюпанью» водки въ ведрѣ догадались о кражѣ, о томъ, что подносчикъ отлилъ... Міръ оцѣпилъ домъ подносчика со всѣхъ сторонъ. Подносчикъ, его пріятель и вся семья подносчика стали защищаться. Конечно, прежде всего были заперты ворота, благодаря чему произошла въ буквальномъ смыслѣ осада: въ дѣлѣ были и колья, и камни, и вожжи...

Крестьянскій умъ, талантъ, мысль, вообще вся сила его природной даровитости, какъ видите, дѣйствуетъ и тутъ— отрицать ея нѣтъ никакой возможности; но все это, какъ на зло, загнано и дѣйствуетъ въ такомъ замкнутомъ кругу, практикуется надъ такими явленіями деревенской жизни, которыя не имѣютъ для насущныхъ человѣческихъ интересовъ деревни либо совершенно никакого значенія, либо имѣютъ значеніе весьма отдаленное. Тѣмъ не менѣе въ этихъ случаяхъ крестьянскій умъ работаетъ, работаетъ сильно и много, наблюдаетъ всевозможныя мелочи, знаетъ и видитъ человѣка насквозь, не жалѣетъ своей спины, рукъ, силъ, стремится не обидѣть, не обчесть человѣка. Но какъ только дѣло коснется дѣйствительно общественнаго дѣла, такого дѣла, которое бы принесло міру существеннѣйшую пользу, облегчило бы положеніе его, которое бы помогло поступить мірскому человѣку дѣйствительно по-божески,—въ такихъ-то именно дѣлахъ, какъ на грѣхъ, въ мірскомъ деревенскомъ жителѣ исчезаетъ все: внимательность, наблюдательность, даже исчезаетъ самая тѣнь справедливости. Для такихъ дѣлъ не выработано ни ритуаловъ, ни порядковъ, ни обычаевъ—нѣтъ ничего. Между тѣмъ въ дѣлахъ, не имѣющихъ для деревни никакого значенія, кромѣ вреда (какъ, напримѣръ, пьянство), или въ дѣлахъ, которыя имѣютъ значеніе только для постороннихъ деревнѣ вѣдомствъ, все выяснено, опредѣлено—лучше не надо. Нельзя не заплатить въ срокъ оброка, аренды, но молча смотрѣть, какъ мрутъ «горлушкомъ» дѣти—можно. Нельзя Ивану Миронову простить сорока кольевъ, нельзя оставить не пропитую перемычку, и можно за вино на волостномъ судѣ сдѣлать всякую несправедливость, можно растратить крестьянскую казну въ сотни, тысячи рублей...

Чѣмъ инымъ, какъ не тѣмъ, что современный крестьянинъ *еще и не пробовалъ жить въ своихъ собственныхъ интересахъ*, что онъ даже отвыкъ примѣчать ихъ въ обиходахъ собственнаго своего житьишка,—объясните вы себѣ, напримѣръ, такую сцену:

Мельница. У мельницы и на плотинахъ нѣсколько телѣгъ съ зерномъ, ожидающихъ своей очереди; на телѣгахъ, и около телѣгъ, и на землѣ—крестьяне—и старые и молодые. На горѣ стоитъ новенькій домикъ арендатора мельницы, купца. Купецъ сидитъ у отвореннаго окна, въ ситцевой рубахѣ, пьетъ чай и отираетъ потную шею и красное лицо полотенцемъ.

— Глянь! — говоритъ одинъ изъ ожидающихъ: — ишь, красномордый чортъ чай пьетъ.

— И то пьетъ!..

— Я, братцы, считалъ-считалъ, которую это онъ лакаетъ, такъ и бросилъ—все ему хозяйка подаетъ да подаетъ...

— Какъ не лопнетъ!

— Ну, нѣтъ, братъ! Его не разопретъ! Ужъ онъ на этомъ дѣлѣ, чай, наладился...

— Да ему только и дѣла, что чай пить!

— А то что̀ же? сиди да пей. Больше ничего!

— Только и дѣловъ!..

— Сиди да попивай чаекъ-то...

— Нашъ братъ, дуракъ, бьется-бьется иной разъ изъ-за копейки до поту, а тутъ, вонъ, ничего не дѣлаетъ, бѣлыхъ рукъ не мараетъ, а деньгу гребетъ да чаекъ распиваетъ... Ишь вонъ, какъ клещъ налился!..

Многіе изъ лежащихъ на телѣгахъ и на землѣ около телѣгъ мужиковъ вздыхаютъ.

— А какая хитрость-то. Выстроилъ, вонъ, анбаръ, больше ничего, а онъ, анбаръ-то, тысячи двѣ аккуратно кажинный годъ ему въ карманъ кладетъ... А нашъ братъ кряхти изъ-за каждой малости.

На эту тему отовсюду слышатся комментаріи и дополненія; да и трудно, говоря о крестьянскомъ житьѣ-бытьѣ, чувствовать недостатокъ въ матеріалѣ.

Но подойдемъ къ разговаривающимъ и спросимъ:

— Чья это мельница?

— Наша!

— Вы какіе сами-то?

— Солдатскіе.

— Общественная мельница?

— Общественная... вонъ энтому вонъ (указаніе на гору), чай-то пьетъ... ему отдаемъ.

И затѣмъ слѣдуетъ разсказъ, какъ бы желающій доказать безсовѣстность вотъ этого человѣка, который сидитъ и чай пьетъ. Судите сами, что̀ онъ сдѣлалъ. Испоконъ вѣку близъ мельницы стоялъ небольшой сарай, который нанимали у крестьянъ скупщики хлѣба. Скупая его по деревнямъ въ разныхъ мѣстахъ мелкими партіями, они и свозили его въ одно мѣсто, къ мельницѣ, потому что весной вода въ рѣкѣ, на которой стоитъ мельница, поднимается на двѣ сажени—на сажень идетъ выше плотины. Съ Волги приходятъ сюда баржи (въ послѣднее время даже пароходъ сталъ приходить каждую весну), забираютъ хлѣбный грузъ и вывозятъ его на Волгу. «Вонъ этотъ, что̀ чай-то пьетъ», злодѣй этотъ, арендовалъ у крестьянъ мельницу, вмѣстѣ съ мельницей арендовалъ и амбаръ; но вмѣсто дрянного выстроилъ большой, хорошій сарай и каждую зиму, за пять мѣсяцевъ, никакъ не больше, получалъ съ этого амбара, не шевеля пальцемъ въ буквальномъ смыслѣ, не менѣе двухъ тысячъ рублей.

Тонъ, которымъ разсказываютъ про это злодѣйство, какой-то погребальный; обида слышится въ немъ явная. И дѣйствительно, обидно смотрѣть, какъ это человѣкъ сидитъ, пьетъ чай и получаетъ деньги... Но о томъ, чтобы комунибудь изъ мірянъ пришла мысль самимъ взять да выстроить амбаръ, самимъ назначить человѣка мірского, который бы смотрѣлъ за мельницей, представляя міру отчетъ,—объ этомъ никто не заикнется; нѣтъ «на такія» дѣйствительно общественныя дѣла ни выработанныхъ порядковъ ни ритуаловъ. И, повѣрьте, это тоже барщинный результатъ. Крестьянинъ можетъ только копошиться въ своей нуждишкѣ или проявлять свои дарованія у кабака, настоящія же доходныя дѣла дѣлаетъ другой; мужику хорошо, если достанется при этомъ «положенный» по питейному регламенту стаканчикъ вина, а ужъ подлинный доходъ — это дѣло не мужицкое. Это̀ какъ бы свыше предназначено для лицъ, совершенно деревнѣ постороннихъ...

Другимъ рѣзкимъ примѣромъ, до какой степени крестьянинъ, въ самомъ дѣлѣ, отвыкъ отъ дѣйствительно нужныхъ мірскихъ дѣлъ, можетъ служить то, что казенныя и удѣльныя земли, отдающіяся въ аренду по весьма незначительной цѣнѣ и въ большомъ количествѣ повсюду, попадаютъ въ руки крестьянъ *всегда* только изъ вторыхъ рукъ, т.-е.

сначала онѣ попадутъ въ руки купца, человѣка, арендующаго цѣлый участокъ, а потомъ разберутся по клочкамъ и за тройную цѣну крестьянами. Объявленія о продажѣ и отдачѣ въ арендное содержаніе земельныхъ и лѣсныхъ угодій постоянно разсылаются по волостнымъ правленіямъ, даже и сельскимъ старостамъ; но на моихъ глазахъ не было случая, чтобы само общество рѣшило не дать себя въ обиду; напротивъ, знаютъ, но какъ будто ждутъ — когда и кто возьметъ землю.—«Кто взялъ луга-то?» — «Городской какой-то!» —«Гдѣ его приказчикъ-то?» — «Тамъ-то».—И идутъ къ приказчику, который, отдавъ вчера по одному рублю за десятину, беретъ сегодня по три, по четыре и по шести. Беретъ деньги и пьетъ чай, а народъ глядитъ на него (издали, не близко) и негодуетъ:

— Ишь, красномордый! знай, брюхо паритъ да денежки собираетъ...

7.

Надѣюсь, что читатель пойметъ, почему въ предшествовавшихъ очеркахъ я не коснулся той «крѣпкой думы», которая гнететъ каждую крестьяскую голову «дома», у его домашняго очага, не на сходкѣ, не у кабака, а подъ соломенной крышей своего дома. Браться за эту тему въ бѣгломъ очеркѣ мнѣ не подъ силу: такъ эта «крѣпкая дума» многосторонняя и мучительна, и потому требуетъ разработки обстоятельной. Имѣя возможность только поверхностно остановиться на этой сторонѣ многочисленныхъ крестьянскихъ заботъ, мы можемъ указать лишь на то, что *крестьянская дума одинока. Въ этомъ-то именно* и заключается *горе деревни:* общественная мысль хлопочетъ о податяхъ, о расходахъ на земство, на волость, на множество разновидностей всевозможныхъ сборовъ, или разрабатываетъ кабачный ритуалъ, и вотъ почему драма деревенской избы, тягота крѣпкой думы подъ соломенной крышей не выбралась изъ-подъ крыши на сходку. А въ этой-то драмѣ и есть настоящее *дѣло:* только бы она-то выбралась изъ-подъ низенькой соломенной крыши, только бы она-то сдѣлалась достойною хотя такого же вниманія, какимъ, напримѣръ, пользуется «еще непропитая» примычка, и въ деревнѣ *въ самомъ дѣлѣ* станетъ тѣсно, въ самомъ дѣлѣ станетъ душно въ крестьянской избѣ. Какъ только это случится—

конецъ кабаку, конецъ деревенскому навозу, деревенской пьяной дракѣ, деревенской безпомощной болѣзни, безслѣдной смерти и всякому грабежу. Деревня немедленно «укупитъ» столько земли, сколько хватитъ глазъ, и не будетъ ждать ни чернаго «передѣла» ни «генеральной межи». Деньги найдутся немедленно. Амбаръ будетъ выстроенъ гораздо лучше, чѣмъ выстроилъ его «красномордый»; мельница будетъ въ исправности, учитель будетъ не такой, который самъ ничего не знаетъ, или не такой, который бьется изъ-за куска хлѣба и котораго гнететъ презрѣніемъ всякая деревенская шваль изъ породы Титъ Титычей, а настоящій, знающій дѣло человѣкъ.

Какъ же вывести на дневной свѣтъ «крѣпкую» деревенскую думу?

Всякій разъ, когда задаешь себѣ этотъ вопросъ, утомленная обыденными порядками мысль непремѣнно, невѣдомо почему — просто, кажется, ни съ того ни съ другого — вдругъ выдвигаетъ такой вопросъ: — А откуда возьмутъ жалованье «имъ»?.. Это ужъ такъ какъ-то само собой является: до такой степени повсюду много всевозможныхъ жалованій и до такой степени не дѣлается кругомъ даже ничтожнѣйшихъ вещей безъ того, чтобы дѣлающій не соприкасался съ какимъ-нибудь сундукомъ. Какое обиліе людей, примыкающихъ къ сундукамъ, и какъ длиненъ самый рядъ сундуковъ — судить не намъ: пусть читатель представитъ себѣ это дѣло самъ, и ему будетъ понятно, почему при рѣшеніи такого труднаго вопроса, каковъ деревенскій, какъ будто ни съ того ни съ сего возникаетъ мысль о какомъ-то жалованіи.

VIII.

Какъ дорогъ для деревни «разговорчивый человѣкъ». — Разсказъ объ одномъ добромъ человѣкѣ. — Коштаны и міроѣды.

1.

...Вспомнился мнѣ еще разговоръ съ однимъ крестьяниномъ. Крестьянинъ — человѣкъ молодой. Очень часто онъ заходитъ ко мнѣ, сидитъ, молчитъ и смотритъ, что̀ я дѣлаю. Сидитъ молча часа два-три, потомъ уйдетъ. Иной разъ разговорится. Впрочемъ, о современной крестьянской молодежи мы имѣемъ намѣреніе говорить особо, по возможности подробно, поэтому и полная характеристика молодого парня будетъ подробно изложена впослѣдствіи. Теперь же скажу, что парень кой-о-чемъ крѣпко думаетъ, хотѣлъ бы кое-что знать, видѣть; но покуда ни до чего опредѣленнаго не додумался: думаетъ часа четыре подъ рядъ, вздохнетъ, а не то плюнетъ и вздохнетъ, и въ концѣ концовъ уйдетъ.

Разговоръ зашелъ о новомъ волостномъ писарѣ, опредѣленномъ на мѣсто того, который, какъ извѣстно читателю моихъ деревенскихъ замѣтокъ, уволенъ по случаю расхищеній волостныхъ суммъ вмѣстѣ со старшиною

— Ну что-жъ, хорошъ новый-то писарь?

— Ничего, пущай...

— Не мотаетъ мірскихъ денегъ?

— Нѣту, покуда что не слышно.

— Аккуратенъ?

— Знамо, что... А хуже прежняго то!

— Какъ хуже? Вѣдь дѣло свое онъ справляетъ?

— Какъ не справляетъ! справляетъ — ничего...

— Деньги не воруетъ, не тратитъ?

— Это что̀ говорить...

— А вѣдь тотъ дѣла запустилъ и деньги мірскія бралъ.

— Да объ этомъ и рѣчи нѣтъ. Размотали деньги до послѣдней полушки. Что худо — того ужъ хвалить нельзя, а ужъ что хорошо — тоже объяснить слѣдуетъ.

— Что же въ немъ было хорошаго?

— А вотъ что: *разговорчивъ* былъ. Только вотъ это самое. Больше ничего въ немъ и не было стоящаго. Ну, а разговорчивъ — такъ ужъ насчетъ этого цѣны нѣту! Къ нему, бывало, зайдешь по своему дѣлу, дѣла не сдѣлаешь, а не оторвешься, сидѣлъ бы да слушалъ. А этотъ что! Отъ этого слова путнаго не дождешься. Такая *необоюдная* дубина!

— Да вѣдь дѣло-то дѣлаетъ?

— Да, онъ дѣлаетъ, несъ съ нимъ и съ дѣломъ, дѣлай его. Про то говорю: старый писарь и дѣла не дѣлалъ, да былъ обоюдный человѣкъ: разговоромъ былъ хорошъ. Обо всякихъ, напримѣръ, дѣлахъ, обо всѣхъ предметахъ, или тамъ война, напримѣръ, или же тамъ про разныя статьи, какъ печатаютъ,—до всего доходилъ, все зналъ; говоритъ— не наслушаешься. Вотъ чѣмъ былъ хорошъ, а насчетъ дѣловъ, такъ это для нашего брата все одно, хорошъ ли онъ, худъ ли — нашему брату не велика прибыль.

И такъ хвалятъ того самаго писаря, который на мірскія деньги, какъ извѣстно изъ учета, выписывалъ газеты. Повѣрьте, что даже простой разговоръ, не о томъ, о чемъ «калякаютъ» міряне, и тотъ въ деревенской жизни новость, и притомъ очень большая.

Между тѣмъ, какъ извѣстно, въ деревнѣ не видать «разговорчиваго человѣка», хотя ему и было бы о чемъ поговорить здѣсь, и говорилъ бы онъ всегда отъ сердца, хотя и о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, потому что всегда его рѣчи возбуждаются фактами окружающей дѣйствительности, а частица его рѣчей — нѣтъ-нѣтъ да и перейдетъ прямо въ жизнь, на глазахъ «разговорчиваго человѣка». А вѣдь «разговорчивыхъ людей» у насъ немало, да разговариваютъ-то они все въ пустыхъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ вовсе въ нихъ и не нуждаются. Не только «разговариваютъ», а даже прямо поѣдаютъ сами себя, истощаясь, изнывая въ чисто-теоретическихъ разглагольствіяхъ

2.

Нѣкоторое время зналъ я здѣсь одного молодого человѣка. Андрей Васильичъ Соловецкій былъ сынъ причетника, человѣка обремененнаго семьей, нуждой во всѣхъ возможныхъ видахъ, въ такомъ удивительномъ совершенствѣ разработанныхъ на русской землѣ. Неволя заставила его жениться, неволя заставила гнуть шею передъ батюшкой, передъ всѣмъ приходомъ, передъ каждымъ міроѣдомъ, и притомъ передъ каждымъ отдѣльно, на свой образецъ, гнуть изъ-за того, что у него семья, которую человѣкъ *не желаетъ имѣть* (вотъ какія бываютъ на Руси положенія!), но которую нельзя бросать. Можете представить весь холодъ такого существованія, весь гнетъ униженія, всю громадность размѣровъ поруганія надъ человѣческимъ достоинствомъ! Андрей Васильичъ съ дѣтства не слыхалъ ничего, кромѣ горькаго, слезнаго ропота отца, матери, дѣтей на свое существованіе, на безвыходность и ужасъ этого существованія.

Всякому извѣстно, что причетникъ, съ семьей человѣкъ въ шесть, всегда бѣднѣй бѣднаго мужика; что для его дѣтей крестьянскій дворъ, гдѣ все свое, гдѣ никто его не сгонитъ съ насиженнаго мѣста, — предметъ зависти. Андрей Васильичъ до четырнадцати лѣтъ оставался неграмотнымъ; всѣ эти годы работалъ около дома, какъ работаетъ простой мужикъ; онъ зналъ, какъ ходить за скотиной, какъ ее убирать, пасти, зналъ, какъ пахать, боронить; радовался при урожаѣ, горевалъ — и горько — въ засуху; словомъ, вся крестьянская забота была ему такъ же близка, какъ и всякому крестьянину. Но, кромѣ этой заботы, онъ, какъ человѣкъ, поставленный въ худшія условія, чѣмъ любой крестьянскій мальчикъ, завидуя, изучилъ, примѣтилъ все хорошее въ крестьянскомъ житьѣ-бытьѣ, примѣтилъ потому, что въ его жизни этого не было. Мало того: какъ членъ семьи, которая то ожесточается на судьбу, то, измученная, покорно возлагаетъ надежды на Бога, онъ, не разъ въ жизни, вмѣстѣ съ семьей, имѣлъ случай быть дѣйствительно спасаемымъ — и именно крестьяниномъ.

Въ глухую зимнюю ночь, во время отсутствія отца, который ушелъ въ городъ хлопотать о переводѣ въ другое мѣсто и не возвращался, и не шелъ домой цѣлый годъ, когда семья съѣла все, что было въ домѣ, когда ребята буквально «кричали» отъ голода, мать сказала маленькому

Андрею: «пойдемъ!». И пошли они за господскіе амбары воровать... Андрей Васильичъ и до сей поры не забылъ этой ночи, этого ужаса, который охватилъ его душу отъ воя вѣтра, отъ страха быть пойманнымъ и отъ жгучаго стыда...

И вдругъ — Господь спасъ ихъ: «откуда ни возьмись» — крестьянинъ. Кажется, онъ темною ночью пробирался изъ лѣсу съ мірскими дровами... Онъ самъ зналъ нужду и сразу понялъ, зачѣмъ пономариха съ сыномъ толкутся за амбарами...

— Власьевна! — сказалъ онъ тихо. — Что̀ ты это?.. Парнишку заморозишь!.. Сажай его — довезу до дому.

Довезъ, далъ и дровъ и хлѣба. Буквально спасъ.

Черезъ годъ отъ отца пришло письмо: оказалось, что онъ получилъ мѣсто уже въ другой губерніи, куда пошелъ пѣшкомъ, а не писалъ потому, что писать было нечего — не поможешь. Цѣлый годъ онъ по грошамъ собиралъ деньги на переѣздъ семьи и теперь вотъ посылаетъ десять рублей. Онъ знаетъ, что за эти деньги нельзя доѣхать: такъ далеко онъ забрался; но пишетъ, что больше нѣтъ, достать негдѣ, «какъ знаете, больше моихъ силъ нѣтъ!». На переѣздъ за однѣхъ только лошадей требовалась сумма, по крайней мѣрѣ, разъ въ семь болѣе присланной; и что̀ же? — опять Богъ спасъ, и опять въ лицѣ крестьянина: нашелся человѣкъ, «пришелъ самъ», который взялся отвезти и за десять рублей — ради Христа потрудиться... Отвезъ, да еще всю дорогу, около мѣсяца, Богъ его вѣдаетъ какъ, кормилъ семь человѣкъ...

Немного, правда, было такихъ случаевъ въ жизни Андрея Васильича; но то, что̀ было, оставляло слѣдъ неизгладимый, вѣковѣчный, навѣки посѣвало въ сердцѣ впечатлѣніе красоты души этого заскорузлаго, грубаго, безжалостнаго крестьянина... Такимъ образомъ Андрей Васильичъ зналъ крестьянина, какъ человѣкъ подневольный, *больше*, чѣмъ крестьянинъ зналъ самъ себя; онъ зналъ его и грубость, и безпечальность, и желаніе гнуть въ дугу; но зналъ и силу крестьянскаго великодушія, и доброту, и пониманіе чужой нужды, бѣды...

На четырнадцатомъ году отецъ хотѣлъ отдать его къ мужику въ кузню, въ ученики. Мать заступилась и, послѣ цѣлаго мѣсяца жестокихъ ссоръ съ отцомъ, настояла на томъ, чтобы везти неграмотнаго, уже четырнадцатилѣтняго мальчика въ духовное училище. Въ городѣ, въ семинаріи,

у Андрея Васильича былъ братъ, тоже съ дѣтства измученный нуждой и уже знавшій, что будущая жизнь его — та же нужда, такъ какъ сердце говорило ему, что отецъ недолго наживетъ, что семья только и надѣется на него. И вотъ ему предстоитъ уже помочь семьѣ: помѣстить въ училище неграмотнаго парня... Какія все задачи достаются на долю этихъ тружениковъ! Какъ, въ самомъ дѣлѣ, помѣстить неграмотнаго въ училище, гдѣ требуется экзаменъ? Но находятся добрые люди, совѣтуютъ, «выбираютъ время», и Андрей Васильичъ попадаетъ въ училище...

Выбранъ былъ какой-то особенный моментъ, когда могло совершиться такое дѣло. Жена смотрителя — женщина горячая, всегда суетится, спѣшитъ; задумаетъ что̀ — все вдругъ; въ субботу смотритель и смотрительша ѣздили ко всенощной, въ седьмомъ часу: тутъ обыкновенно въ домѣ идетъ содомъ — смотрительша въ суетахъ, шумитъ, торопится... Смотритель *обыкновенно* самъ не свой, тоже какъ оглашенный... Все это было изслѣдовано и устроено такъ, что неграмотнаго малаго всунули къ смотрителю въ самый разгаръ сборовъ ко всенощной. Какъ и слѣдовало ожидать, смотритель, «обыкновенно въ это время какъ оглашенный», бормоталъ впопыхахъ: «не время», «не время»; его просили проэкзаменовать, потому что мальчику негдѣ жить и надо либо поступить сейчасъ на казенный счетъ, либо уѣхать назадъ. Смотритель, задавая какой-нибудь вопросъ, конечно, впопыхахъ, спрашивалъ: «Кто сотворилъ міръ?». Но жена не давала покою, и экзаменъ прерывался... Впопыхахъ наконецъ смотритель, какъ бы выбившись изъ силъ, сказалъ: «Ну, пусть остается...». И оба съ женой, еле переводя духъ отъ усталости, уѣхали ко всенощной, а неграмотный былъ принятъ.

Семинарскаго житья-бытья Андрея Васильича я описывать не буду. Труженикъ-братъ на своихъ плечахъ вынесъ его изъ бѣды, которая ежеминутно могла разразиться, ежели бы открылся обманъ. Работая до упаду днемъ надъ своими уроками, онъ по ночамъ работалъ съ братомъ: одновременно онъ учился читать и писать, и наизусть, со словъ брата, выучивалъ всѣ заданные уроки. Черезъ годъ такой муки Андрей Васильичъ наконецъ справился, сталъ настоящимъ, неподдѣльнымъ ученикомъ, пошелъ по обыкновенной семинарской дорогѣ, и пошелъ хорошо.

3.

Я познакомился съ нимъ въ то время, когда онъ проживалъ у дальняго родственника изъ духовныхъ, верстахъ въ десяти отъ той деревни, гдѣ пришлось жить и мнѣ. Кто-то изъ заѣзжихъ крестьянъ, услыхавъ, что въ контору требуется грамотный человѣкъ для переписки прошлогоднихъ счетовъ и отчетовъ, указалъ на Андрея Васильича, присовокупивъ, что парень этотъ больно доберъ, только бы ему маленько съ дѣлами справиться...

Написали Андрею Васильичу записку съ предложеніемъ работы, предложили рубль серебромъ въ сутки и сказали, что работы хватитъ на мѣсяцъ, а то и на два. Пріѣхалъ онъ немедленно въ восторженномъ состояніи, съ множествомъ плановъ: главное — ѣхать учиться. По пріѣздѣ Андрей Васильичъ сейчасъ же сѣлъ за работу и недѣли двѣ подъ-рядъ корпѣлъ надъ всевозможными счетами. Казалось, онъ ни о чемъ другомъ и не думаетъ, какъ только объ этихъ счетахъ, о томъ, чтобы рублей не записать въ копейкахъ; а если придется сходить куда-нибудь, такъ только по дѣламъ, все насчетъ тѣхъ же цифръ, рублей и копеекъ, а между тѣмъ его деревенское происхожденіе, его знаніе деревенской жизни, деревенскихъ рѣчей, манеръ, лицъ—все-таки сдѣлали то, что онъ въ эти двѣ недѣли не только зналъ деревню, но уже вошелъ и въ ея интересы. Припомните, какое значеніе въ жизни его имѣла деревня, и вы поймете, что не войти въ деревенскіе интересы для Андрея Васильича не было возможности. Прошло два мѣсяца; счеты были окончены, а Андрей Васильичъ *не могъ* ѣхать: все дѣла, то то, то другое. Онъ продолжалъ *проживать*, т.-е. спать и обѣдать кой-гдѣ, гдѣ застигнутъ обстоятельства; въ то же время деревенская печаль, постоянно трогая его за сердце, понемногу втягивала да втягивала его въ самую ея глубину.

Свалился съ крыши человѣкъ, плотникъ, лежитъ и не дышитъ. Разумѣется, никто не знаетъ, какъ и чѣмъ помочь.

— Позови-ка Андрей-то Васильича!..—говоритъ народъ.

Андрей Васильичъ приходилъ. Оказывается необходимымъ спиртъ, нужна перевязка.

Сторожъ-солдатъ, находившійся среди зрителей, объявляетъ, что у него есть, напримѣръ, одна штука, и бѣжитъ за ней. Скоро онъ возвращается съ бутылкой, въ которой какая-то жидкость.

— На-ка, погляди, что̀ такое? Стоитъ въ чуланѣ ужъ второй годъ: не то лѣкарство, не то что̀; песъ ее знаетъ, что̀ такое. Пробку объѣдаетъ, и дымъ валитъ. А штука крѣпкая—одно слово!

— Чего лучше!—говорятъ въ толпѣ:—обдай ему спину-то, оно жаромъ его очувствуетъ.

Бутылка дымится и, точно, объѣла пробку, но что̀ такое въ ней—никому неизвѣстно.

— Ишь, песъ какой, лютая шельма!.. — толкуютъ въ толпѣ.

А Андрей Васильичъ сгораетъ со стыда:—онъ также не знаетъ, что̀ за песъ въ бутылкѣ, и хоть настоялъ на томъ, чтобы не поливали этой жидкостью спины плотника, но горько пожалѣлъ о своемъ невѣжествѣ. Плотникъ очнулся, а Андрей Васильичъ, разыскавъ какой-то старый лѣчебникъ, всецѣло отдался изученію его. Стыдъ незнанія, такъ осязательно доказанный ему жизнью, мучилъ его. Куда ни пойдетъ—лѣчебникъ у него въ рукахъ.

— Что̀, Андрей Васильичъ, жена моя помираетъ быдто...—говоритъ мужикъ.

— Чѣмъ она больна? давай, я по лѣчебнику...

— Да пущай ее помираетъ... Право!

— Какъ такъ, зачѣмъ?

— Не по душѣ мнѣ она... Пущай, не трожь ее, помираетъ! а то ей хуже будетъ... Изъ всѣхъ сердцовъ она меня выводитъ... потому—хитрая, язвенная женщина. Меня на ней насильно женили.

Идетъ разсказъ о насильственной женитьбѣ, о зломъ характерѣ жены, которая виновата тѣмъ, что не спросила у жениха до свадьбы — хочетъ ли онъ взять ее, а пошла съ перваго слова. Андрею Васильичу есть что̀ сказать, хоть все, что̀ онъ говоритъ, — все вещи старыя, всѣмъ извѣстныя. Но тутъ въ деревнѣ онѣ нужны.

— А лѣчить все-таки лѣчи. Это нельзя. Поѣзжай къ фельдшерицѣ, привези!

— Куда я въ эвтакую погоду? Это и самъ замерзнешь.

— Поѣзжай непремѣнно!

— Да у меня лошадь споролась; играла да на колъ грудью наткнулась, на лѣвую переднюю не ступитъ.

— Да что̀ же ты за чортъ послѣ этого! Безсовѣстный ты человѣкъ! Мало колотилъ ты ее, теперь бросилъ умирать, какъ собаку! Найми у мужика, ежели своей лошади нѣтъ.

— На что я найму? У меня и гроша за душой нѣту.

— Ну, такъ я тебѣ найму. Пойдемъ со мной!

— Да по мнѣ—нанимай...

Андрей Васильичъ занимаетъ рубль серебромъ у мужика, члена банка. Мужикъ даетъ ему деньги и говоритъ:

— Ты вотъ что, Андрей Васильичъ, ты хошь и три возьми, да распутай ты меня съ банкой съ эстой! Вѣдь ночей не сплю. Народъ говоритъ: «нажился»... Черти этакіе! А я тебѣ, по чистой вотъ по совѣсти, какая бываетъ у человѣка совѣсть, напримѣръ, чистая...

— Ладно, ладно...

И еще разъ жизнь втянула Андрея Васильича въ маленькое, но серьезное дѣло—въ семейную драму... Поправившись, больная идетъ къ нему благодарить и разсказываетъ, что во время болѣзни родные, мать родная и сестра, выбрали у нея изъ сундука все до нитки: «думали—умру!». «Мужъ въ ту пору тоже моей смерти дожидался, а теперь вотъ, когда Богъ помогъ встать, заступаться сталъ». Мужъ, точно, сталъ совсѣмъ другой: горой стоитъ за жену или за имущество—неизвѣстно. И опять Андрею Васильичу, какъ человѣку деревенскихъ интересовъ, нельзя не вступиться въ дѣло.

4.

Покуда онъ участвуетъ во всѣхъ семейныхъ сходкахъ, покуда онъ съ величайшими усиліями добивается «уступокъ», т.-е. покуда, благодаря ему, родители возвращаютъ взятыя вещи, возвращаютъ медленно, съ промежутками, по полотенцу, по парѣ чулокъ, народный говоръ тянетъ его въ банкъ: «разбери!». Но, прежде нежели взяться за дѣло и разобрать, какъ слѣдуетъ, надо отдать рубль серебромъ члену, котораго обвиняютъ въ растратѣ. Андрей Васильичъ рѣшается наняться на эту работу у товарищества. Происходитъ самый обыкновенный наемъ.

— Много-ль тебѣ надо-то?

— Да вы давайте мнѣ, чтобъ хватило и на ѣду и на табакъ.

— Много-ль?

— Да рублей восемь.

— Это въ годъ, что ли?

— Какъ въ годъ! въ мѣсяцъ!

— У-у-у, ты, Боже мой! Куды этакую прорву... Это и совсѣмъ банку пристановить надо... Табаку на столько рублевъ!..

— Дураки вы этакіе! — кричитъ кто-нибудь изъ тѣхъ, кто разслышалъ, въ чемъ дѣло.—И на пищу и на табакъ!

— Больно жирно восемь-то рублевъ... Этакъ по восьми-то рублевъ будемъ проѣдать, такъ намъ и съ банкой надо по міру пойти.

— Да вы сосчитайте, много ли я прошу-то.

— Клади на счетахъ! Давай счеты! Это лучше всего!

— Онъ тебѣ на сорокъ насчитаетъ! Счеты-то велики!

— Клади, клади!.. Будетъ галдѣть, дьяволы!

Раздается стукъ счетовъ.

— Клади,—говоритъ, Андрей Васильичъ: — на харчи хоть по пятнадцати копеекъ въ сутки...

— Куда столько! это раззоръ...

— Да ты скажи,—горячась, вопіетъ Андрей Васильичъ:— почемъ говядина? Ну, почемъ фунтъ мяса?.. Ну?

— Теперь, поди, постъ!

— Я говорю: ты скажи цѣну? Какая цѣна?

— Ну, три копейки...

— Ну, три фунта—девять...

— Да это лопнешь съ трехъ-то фунтовъ...

— Лопну или не лопну—это дѣло мое! А меньше трехъ фунтовъ мнѣ въ день нельзя. Попадается кость—въ ней тоже фунтъ цѣлый пропадаетъ вѣсу-то.

— Вѣрно!—раздается голосъ.

— За три заплати, а ужъ трехъ фунтовъ никогда не принесешь.

— Вѣр-р-рн-а!—утверждаютъ нѣсколько голосовъ.

— Такъ какъ же ты хочешь, чтобы на обѣдъ и на ужинъ хватило меньше трехъ фунтовъ? — съ горькимъ упрекомъ говоритъ Андрей Васильичъ.

— Что̀ ты его слушаешь? — раздаются сочувственные голоса.—Онъ самъ не знаетъ, что̀ у него языкъ болтаетъ... Ладно! Бери на три фунта—чего тамъ, авось не проѣшь.

Едва улаживается дѣло съ мясомъ, какъ вопросъ о курительномъ табакѣ вновь поднимаетъ цѣлую бурю, и, только послѣ весьма продолжительныхъ преній, оранья, брани, перекоровъ, дѣло рѣшается въ пользу Андрея Васильича.

— Ладно! Пущай!—говорятъ одни.

— Шутъ съ нимъ!—заканчиваютъ дѣло другіе.

И Андрей Васильичъ принимается за работу... Оказывается необходимымъ разобрать не только книги послѣдняго года, но всѣ банковыя дѣла съ основанія, при чемъ въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ оказывается такая путаница, которую, кажется, нѣтъ никакой возможности разобрать, если основывать все дѣло на писанныхъ документахъ и записяхъ. Записи, въ родѣ, напримѣръ: «дано въ кабакъ 10 р.», или «Миридоновы за 22 фун. по 13 к. за вичину брата опсвяткахъ повернуть въ оборотныя» и т. д., безъ означенія года, мѣсяца и числа, — записи, однако свидѣтельствующія о томъ, что въ кабакъ дѣйствительно дано, а Миридонова ветчина тоже дѣйствительно зачислена въ оборотныя, — все это требовало другихъ, не писанныхъ документовъ и разъясненій. Необходимы были словесныя объясненія, разспросы и о ветчинѣ, и о Миридонѣ, и о кабакѣ. Необходимо было поэтому перезнакомиться не съ одной, а съ двадцатью деревнями, необходимо было разъѣзжать по этимъ деревнямъ, ночевать въ избахъ, разспрашивать и Миридона, и миридоновскихъ односельчанъ. При этомъ обнаруживается такая масса пріятныхъ и отталкивающихъ вещей, что знаніе народной среды, пріобрѣтенное въ дѣтствѣ и отрочествѣ, дѣлается у Андрея Васильича еще шире. «Нѣтъ,—рѣшаетъ онъ:—сюда надо являться во всеоружіи знанія и опыта, а дѣла здѣсь—нѣсть числа!»—И мысль о знаніи мучитъ его. Дорабатывая банковое дѣло, онъ только и думаетъ о томъ, хватитъ ли у него денегъ на пароходъ...

Наконецъ дѣло окончено: выяснены всѣ темныя мѣста, всѣ пропуски; все записано вполнѣ, на основаніи всевозможныхъ справокъ; съ громадными усиліями достигнуто то, что изъ кармана лицъ, завѣдывавшихъ банкомъ, были возвращены и 10 руб., данные въ кабакъ, и деньги за Миридонову ветчину, словомъ—выяснена вся сумма недочета и по возможности, съ ругательствами, бранью, проклятіями, возвращена въ банковую кассу... Дѣло сдѣлано старательно, справедливо, ничего не утаено. Лучше всѣхъ объ этомъ знаютъ виновные, и по окончаніи Андреемъ Васильичемъ работы, чувствуя, что худое дѣло какъ-никакъ, а снято съ ихъ плечъ, виновные въ банковыхъ безпорядкахъ начинаютъ относиться къ нему съ искреннѣйшей благодарностью. Они знаютъ, что могло быть и хуже,

что, несмотря на то, что Андрей Васильичъ, кажется, уже до всего доходилъ, а въ самомъ дѣлѣ-то до корня не добрался, а безъ него кто станетъ добираться? Такого другого человѣка не найти. Стало-быть, самый корень-то такъ и останется въ забвеніи.

— Спасибо тебѣ, вотъ какое спасибо!—искреннѣйшимъ образомъ говоритъ одинъ изъ виновныхъ. — Оправилъ ты меня!.. Я ужъ думалъ—Сибирь мнѣ... Пойдемъ!..

— Нѣтъ, не хочу!

— Съ медомъ! Ну, сдѣлай милость, пойдемъ!

Другой, тоже изъ числа оправленныхъ, зоветъ къ себѣ:

— А оттедова ко мнѣ, бражкой угощу! Ужъ какъ мы тобой довольны, вотъ тебѣ передъ Богомъ...

Нехорошо на душѣ у Андрея Васильича. Знаетъ онъ, что люди эти не разъ, во время банковой работы, оставляли у него на душѣ тяжелое и обидное впечатлѣніе.

— Обругать бы тебя надо, Игнатій Петровичъ, — говоритъ онъ одному изъ «оправленныхъ»:—а не чай пить.

— Ну, будетъ! Знаю я! Оставь это, сдѣлай милость, пойдемъ!

— Да и тебя, Капитонъ Васильичъ! И у тебя рыльце въ пушку! Ужъ извини...

— Мы что̀ знаемъ?—наивничаетъ Капитонъ Васильичъ:— мы нешто грамотные? Тамъ писаря напишутъ Богъ вѣсть что̀, а мы отвѣчай... Нашего брата и такъ ужъ пилили-пилили... Я съ эвтой банки — ночей не спалъ... Богъ съ ней и съ банкой! А доволенъ я, что по крайности ты меня выправилъ! Кабы поменѣ ты съ меня начету взялъ, я-бъ тебя, вотъ передъ Богомъ тебѣ говорю, не то чтобы бражкой, а самымъ что̀ ни на есть... да ужъ больно ты меня деньгами-то наказалъ...

— Мало, мало, Капитонъ Васильичъ!

— Да бббу-детъ вамъ, Христа ради!—умоляетъ первый изъ виноватыхъ. — Пойдемъ чай-то пить, шутъ съ ней и съ банкой!

— Нѣтъ, погоди... Вотъ онъ жалуется, что съ него много взято.

— Да пущай его жалуется! Перестанетъ...

— Да я и не жалуюсь. Благодаримъ, молъ, покорно... Оправили... Ну, маленечко многовато быдто.

— Нѣтъ, маловато, Капитонъ Васильичъ! Давай я тебѣ на счетахъ докажу.

— Нешто мы что̀ знаемъ? На счетахъ все можно...

— Н-ну нѣтъ, братъ!—сердясь уже, произноситъ Андрей Васильичъ.

— То-то мы не понимаемъ эфтого. А представляется нашему уму глупому—быдто лишки. Да это что̀ ужъ! Богъ съ ними, не про это!.. А что благодаримъ—больше ничего.

Андрей Васильичъ не можетъ не волноваться. Капитонъ хоть и говоритъ свои рѣчи улыбаясь, но, очевидно, имѣетъ противъ него зубъ неудовольствія и будетъ питать его непрестанно, сколько ему ни разъясняй, ни растолковывай. Это одинъ изъ упорныхъ деревенскихъ злецовъ, смиренный, подхалимоватый, но злопамятный человѣкъ. У Андрея Васильича, знающаго все это и не разъ выводимаго изъ всякаго терпѣнія людьми этого сорта, закипаетъ желаніе во что̀ бы то ни стало убѣдить этого злеца, сломить это упорное отстаиваніе явной неправды, про которую знаетъ самъ Капитонъ, да не хочетъ сознаться.

— Нѣтъ,—говоритъ Андрей Васильичъ:—ты меня, Капитонъ Васильичъ, ужъ, пожалуйста, не благодари, сдѣлай милость. А вотъ что̀ я тебѣ скажу. Я было-собрался уѣзжать, думалъ, что дѣло это кончено; ну, а теперь останусь... Давай опять всѣмъ міромъ провѣрять книги.

— Что̀ ты! Что̀ ты! Вотъ еще затѣваешь!—вопіютъ оба оправленные въ одинъ голосъ...—Ну ее къ Богу!

— Нѣтъ! — задѣтый за живое, говоритъ Андрей Васильичъ:—давай сызнова. Говори, на чемъ тебя обсчитали?

— Да будетъ тебѣ! Брось ты его, лысаго дурака!

— Ну, въ чемъ?—пристаетъ Андрей Васильичъ.

— Али захотѣлъ, чтобъ хуже было? А какъ накатаютъ на твою лысину еще съ полсотни—лучше будетъ?

— Да, Господи помилуй! Нешто я жалуюсь!—ужъ вполнѣ виноватымъ тономъ произноситъ Капитонъ.—Что̀ вы это! Я только такъ, молъ... Что̀ вы насъ, дураковъ, слушаете? Я нешто что̀?.. Опять считать! Нѣтъ, ужъ увольте, и такъ она вонъ гдѣ, банка-то...

— А надо бы тебя, Капитонъ Васильичъ, поприжать! Погоди! Ей-Богу, я опять засяду. Я сорокъ рублей записалъ на жалованье письмоводителю, то-есть будто бы себѣ, а вѣдь эти деньги прямо надо съ тебя взять.

— Помилуй, что̀ ты! Господи Боже мой! Чай, и этого будетъ! Еще сорокъ! Нѣтъ ужъ, сдѣлай милость, ты это оставь...

Капитонъ начинаетъ ужъ умолять. Андрей Васильичъ доказываетъ ему, что онъ не будетъ вновь поднимать этого

дѣла потому только, что ему надо ѣхать, а то бы слѣдовало пробрать Капитона Васильича и не такъ... Дѣло коекакъ улаживается. Андрей Васильичъ чувствуетъ, что онъ дѣлалъ дѣло правильно, какъ могъ, никому не помирволилъ, и что протестъ Капитона онъ, по совѣсти, имѣетъ право оставить безъ вниманія, хотя знаетъ, что Капитонъ, испуганный перспективою переучета, только притворился вполнѣ удовлетвореннымъ и что ушелъ онъ домой все-таки со злобой въ сердцѣ.

5.

Надо, надо ѣхать... На будущее же лѣто Андрей Васильичъ воротится сюда же, здѣсь много у него образовалось связей, знакомства: — куда-жъ ему возвращаться-то, какъ не сюда? И гдѣ онъ такъ много работалъ, гдѣ въ немъ такъ нуждались, какъ здѣсь?

Онъ совсѣмъ собрался; только денегъ не хватаетъ... Вопросъ о деньгахъ только-что было-началъ возникать въ ряду его размышленій, какъ случилось новое, совершенно деревенское обыкновеннѣйшее обстоятельство, которое однако заставило сразу забыть и поѣздку и вопросъ о деньгахъ, и опять потянуло въ глубь, въ темь деревенской жизни.

Явилась сплетня и неправда.

— Скоро-ль ѣдешь-то? — спрашиваютъ его дня черезъ два послѣ окончанія банковскихъ дѣлъ одни изъ мужиковъ-пріятелей.

— Да вотъ не знаю... Скоро, я думаю...

— А тамъ про тебя и невѣсть что̀ болтаютъ! — Мужикъ-пріятель махаетъ рукой.

— Что̀ такое?

— Галдятъ не приведи Богъ что̀!

— Что̀ же именно галдятъ-то?

— Сказываютъ такъ, быдто подѣлили вы съ оправленными-то немалые барыши... Онъ быдто тебѣ денегъ отвалилъ... Былъ ты у него опосля банки?

— Былъ.

— Пилъ чай?

— Пилъ.

— А послѣ на пчельникъ поѣхали?

— Да, ѣздили на пчельникъ.

— Давалъ онъ тебѣ тамъ деньги?

— Давалъ.

— Ну, вотъ!..

Андрея Васильича сразу хватаетъ за сердце послѣ этого «ну, вотъ!»—сказаннаго его хорошимъ пріятелемъ такимъ тономъ, который давалъ этой фразѣ необычайно оскорбительный смыслъ: «ну, такъ, стало-быть, недаромъ они галдятъ-то...» Вотъ какой смыслъ таился въ этомъ краткомъ—«ну, вотъ».

— Да вѣдь это я съ него восемь рублей за послѣдній мѣсяцъ получилъ.

— Поди, толкуй съ ними!

— Да вѣдь я нанимался къ нимъ за восемь рублей! Вѣдь они же должны помнить это?

— Да, такъ они и станутъ разбирать!.. Много они понимаютъ... Имъ нешто что̀... Получалъ деньги—вотъ те и все... Нешто ты ихъ урезонишь? Вонъ, еще говорятъ, на Миридоновой вичинѣ Капитона обсчитали... Насчитали по 13-ти копеекъ, а она по 11-ти съ половиною. Свидѣтель показываетъ на тебя, какъ деньги-то бралъ... А два ли, три ли рубля Капитоновыхъ не приписано, а онъ изъ своихъ проѣздилъ на извозчикѣ въ городу... значитъ, по банкскимъ дѣламъ... А съ того, что вы подѣлились-то вмѣстѣ, не взялъ лишковъ-то, потому заодно... Ты бралъ у него лошадь?

— Когда?

— А онамедни, мѣсяца съ четыре назадъ?

— Это за фельдшерицей-то ѣздили?

— Да ужъ зачѣмъ тамъ ни ѣздили... Бралъ?—говорю.

— Бралъ.

— Ну, вотъ!..

И опять это «ну, вотъ!» бьетъ прямо въ сердце. На этотъ разъ въ немъ слышится нѣчто другое: «Вотъ вѣдь все такъ выходитъ!..»—какъ будто бы начиная подозрѣвать, думаетъ мужикъ-пріятель, говоря свое: «ну, вотъ»...

— Ну, вотъ,—продолжаетъ онъ:—они и болтаютъ, быдто у васъ съ нимъ давнымъ-давно шуры-муры!.. Да про бабу про эту...

— Про какую бабу?

— Ну, вотъ, что̀ больная-то была... Еще лѣчилъ-то, а опосля того имущество ейное выхлопатывалъ... И про бабу тоже болтаютъ, что, молъ, отецъ ея тоже въ банкѣ, а съ него нѣту начету... Да мало ли тамъ!—закончилъ пріятель

свою бесѣду, вновь махая рукой.—Ихъ, чертей, нешто переслушаешь! У нихъ поди-ка!

Андрей Васильичъ очень хорошо уже зналъ, что обнаружить свое негодованіе — значитъ усилить даже въ пріятелѣ-мужикѣ всевозможныя подозрѣнія; зналъ онъ также, что разъяснять дѣло тихимъ манеромъ—тоже вещь безполезная, ибо ровно ничего и никому не разъяснишь, да и никто не нуждается въ разъясненіи, такъ какъ галдѣніе это имѣетъ совершенно опредѣленную цѣль, именно: міроѣды и коштаны желаютъ сорвать съ одного изъ «оправленныхъ» по банковому дѣлу могорычи (по степному «давасы»), и тѣмъ болѣе надѣются ихъ сорвать, чѣмъ срамота, пущенная про него, будетъ больше по размѣрамъ, чѣмъ больше будетъ осрамлено людей, которые за свой срамъ, благодаря все тому же одному лицу, конечно, навалятся на это лицо съ гнѣвомъ, бранью, такъ что, въ концѣ концовъ, какъ ни крѣпись, а опозориваемый и ругаемый человѣкъ долженъ-таки будетъ согласиться на такую питейную жертву, размѣръ которой пожелаютъ господа посрамители.

Все это Андрей Васильичъ зналъ; зналъ онъ, что его срамятъ, такъ сказать, по пути, чтобы, осрамленный, онъ самъ сорвалъ зло на виновникѣ всей путаницы; зналъ, что и бабу приплетаютъ сюда и позорятъ ее—все для того же, чтобы отецъ бабы, вступившись и за свою и за дочерину обиду, также бы не обошелъ безъ ненависти все того же единственнаго виновника. Зналъ Андрей Васильичъ, что все это дѣло, несмотря ни на что, непремѣнно *должно* кончиться могорычами, такъ какъ виновника, окружа со всѣхъ сторонъ, «припрутъ» всевозможными способами и т. д., и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ также зналъ, что всю эту исторію можно прекратить мгновенно—стóитъ только дать свои восемь рублей виновнику (который будетъ упираться до тѣхъ поръ, пока хватитъ силъ), и пусть онъ удовлетворитъ господъ міроѣдовъ... Но справедливо ли это? Честно ли? И, кромѣ того, развѣ это не явное подтвержденіе всѣхъ сплетенъ?

«Нѣтъ, — подумалъ Андрей Васильичъ: — такъ оставить этого нельзя». Онъ зналъ, что нѣтъ никакой возможности ни разъяснить ни опровергнуть распускаемыхъ сплетенъ; поэтому, говоря себѣ: «нельзя», онъ имѣлъ въ виду не разрушеніе этихъ сплетенъ и не опроверженіе ихъ, а ненависть, уже успѣвшую въ немъ воспитаться, ко владычеству міроѣдовъ и кулаковъ, къ выработаннымъ ими пріемамъ,

помощью которыхъ они гнетутъ и обираютъ міръ. Имъ, т.-е. главнымъ дѣйствующимъ лицамъ этой механики, нужно только сорвать съ человѣка водку—ничего больше. Сколько они пускали и пускаютъ въ ходъ для этого всякой гадости, клеветы, лжи и обмана! Сколько напускаютъ они въ сознаніе народа всякаго тумана, къ какимъ подлымъ взглядамъ пріучаютъ его! Все это сразу охватило Андрея Васильича, и онъ рѣшился обнаружить, вывести на свѣжую воду если не всѣ,—на это не хватитъ силъ,—то хоть что-нибудь изъ этихъ продѣлокъ, показать добродушнымъ мірянамъ, въ чемъ сила этихъ деревенскихъ умниковъ и авторитетовъ, осрамить ихъ такъ, чтобы самому малому ребенку стала ясна ихъ гнусная суть.

Какая же тутъ поѣздка?.. Нѣтъ! тутъ есть надъ чѣмъ поработать!

Андрея Васильича «взяло за живое». Предстоявшая работа ничѣмъ не напоминала той, которая занимала его до сихъ поръ; это—не утомительное банковое подсчитываніе, не безстрастное разспрашиваніе о разныхъ разностяхъ, касающихся банка, не лѣченіе наконецъ. Нѣтъ: въ предстоявшемъ дѣлѣ слѣдовало быть мудрымъ, яко змій, и кроткимъ, какъ голубь. Это было дѣло высшей политики. Необходимъ былъ тончайшій расчетъ, чтобы не обнаружить плана, чтобы напасть врасплохъ, необходимы были факты и люди, готовые своимъ словомъ поддержать ихъ на міру. Предстояла настоящая парламентская борьба. Говоримъ это совершенно серьезно, такъ какъ парламентскіе пріемы, подвохи, подходы отлично разработаны деревней; разработаны особенно потому, что въ большинствѣ случаевъ результатъ ихъ—выпивка.

6.

Здѣсь кстати сказать два слова о коштанахъ и міроѣдахъ, властвующихъ надъ современной деревней. Коштанъ—человѣкъ, который живетъ на мірской «коштъ»: міръ его «коштуетъ», кормитъ... Между міроѣдомъ и коштаномъ существуетъ значительная разница. Міроѣдъ ѣстъ міръ тѣмъ, что норовитъ его нравственно напугать, придавить. Ему мало, чтобы на него работали за долгъ, мало запутать человѣка изъ-за нужды и нажиться его трудами: онъ еще

желаетъ держать въ рукахъ совѣсть деревенскаго человѣка. На сходкахъ онъ норовитъ осрамить провинившагося человѣка такъ, чтобы тотъ не зналъ, куда дѣться, и потомъ, за вино, конечно, помилуетъ, но такъ помилуетъ, что помилованный будетъ «чувствовать» свою зависимость отъ помиловавшаго. Міроѣдъ—это самозванный судья, грозный отецъ деревни (такова его цѣль), безпощадный каратель всякаго *дурного* поступка... Отъ него, отъ его слова зависитъ, чтобы человѣка навѣкъ осрамили, напримѣръ, выпоровъ его на сходкѣ. Міроѣдъ—мастеръ стыдить, усовѣщевать, обличать; онъ постоянно стоитъ горой за міръ, за мірской интересъ, за божескую правду и этимъ пріемомъ затыкаетъ міру ротъ. Всякій, на кого обрушился его гнѣвъ, нарушилъ именно мірской интересъ и божескую правду; онъ не церемонится въ выраженіяхъ—ругательски ругаетъ виновнаго; онъ такъ возмущенъ его поступкомъ, что не приберетъ ему наказанія. «Дратъ тебя мало, такой-сякой, рррразоритель, воръ ты безсовѣстный!» И, помиловавъ его, онъ опять ругается: «Вотъ только срамить тебя не хочется, мошенника, ради твоего сиротства, каналья этакая, безумная... А т-то бы тебя, шельму этакую...» и т. д. Помилованіе послѣдовало вслѣдствіе обѣщанія вина. Какъ это дѣлается—читатель увидитъ ниже. На такого человѣка работаютъ даромъ, безъ всякаго долга, потому строгъ и золъ, какъ чортъ; міроѣда ненавидятъ всѣ; но всѣ боятся, какъ огня, потому что это такой человѣкъ, который не побоится и не задумается погубить ближняго—только попробуй ему поперечить. Онъ силенъ, необыкновенно силенъ тѣмъ, что подрываетъ у человѣка, попавшагося ему въ лапы, вѣру въ самого себя, ослабляетъ его духовную дѣятельность, потому что осуждаетъ его во имя высочайшей справедливости (онъ знать не хочетъ никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ), а оправдываетъ также во имя безпредѣльнаго милосердія. Человѣкъ уходитъ, чувствуя себя подавленнымъ нравственно, несмотря на оправданіе.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что больше всего отъ этого грома небеснаго терпитъ простой, простодушный человѣкъ, не знающій по неопытности всѣхъ парламентскихъ махинацій во имя «срыва» и кабака. Такихъ людей въ деревнѣ много, громадное большинство. Подавленный своимъ домашнимъ хозяйствомъ, своей домашней работой, такой человѣкъ не входитъ во всѣ подробности парламентскихъ затѣй: онъ знаетъ, что тамъ есть старики, которые рѣ-

шаютъ дѣла. Вино мірское онъ ходитъ пить — это правда, потому вино — вещь хорошая, а во всѣхъ прочихъ дѣлахъ слушаетъ стариковъ: «пускай они рѣшаютъ ихъ, какъ знаютъ—у меня и своего дѣла не передѣлаешь». Вотъ такихъ-то простаковъ, составляющихъ въ деревнѣ почти всю рабочую силу (они на своихъ плечахъ выносятъ желающихъ отдохнуть подъ старость родителей, стариковъ и старухъ, выносятъ почти всѣ платежи), такихъ не знающихъ порядка работниковъ міръ и *учитъ* въ лицѣ міроѣдовъ.

Вотъ укралъ такой простакъ мірского лѣсу, и укралъ онъ также по наивности и даже изъ явной жалости къ мірскому добру:

— Я бы попросилъ у міра,—говоритъ такой воръ:—да вѣдь вмѣстѣ со мной двадцать человѣкъ, кому и не нужно, выпросятъ...

Какъ-то невольно вѣрится этому объясненію. Но если бы даже онъ укралъ и потому, что не надѣялся на мірское разрѣшеніе, а нужда была ему крайняя, то все-таки такой простакъ никоимъ образомъ не могъ ожидать того сраму, той всеобщей жажды (возбуждаемой міроѣдомъ) осрамить его, стереть съ лица земли, какая обрушивается на его голову.

«Поймали, поймали!» — вопіетъ вся деревня и съ позоромъ тащитъ «вора» на сходъ.

Здѣсь міроѣды дѣлаютъ свое дѣло. Страшно смотрѣть на бѣднаго простака, въ буквальномъ смыслѣ «потрясаемаго» необычайно выработаннымъ ораторскимъ искусствомъ иного міроѣда. Разбитый вдребезги во имя высочайшей справедливости, опозоренный передъ всѣмъ обществомъ, устыженный этою высшей справедливостью въ самой глубинѣ своей совѣсти, онъ въ буквальномъ смыслѣ не знаетъ — что̀ ему дѣлать... Вотъ-вотъ его начнутъ сѣчь. Розги лежатъ на печкѣ въ сборной избѣ.

Въ эту ужасную минуту его вызываютъ зачѣмъ-то въ сѣни.

— Да заткни ты ему, громителю-міроѣду, глотку-то! Залей ему, подлецу! — совѣтуетъ здѣсь въ сѣняхъ какой-то добрый человѣкъ шопотомъ.

— Отецъ родной! все возьмите, только освободите! Вѣдь драть хотятъ! Я и не знаю, какъ быть-то... Отецъ родной, выручи, помоги!—все отдамъ до нитки...

— Ну, ведерку поставь, да наливочки штофа два...

— Хоть три ведра бери.. Пятерыхъ овецъ отдамъ—все возьмите, только отпустите...

— Почемъ овцы-то?

— Да хоть по рублю давай—отдамъ съ радостью.

— Ну, по рублю-то я возьму, иди, молчи... Я ужъ какъ-ни-какъ разстараюсь. Жаль мнѣ тебя стало — вотъ въ чемъ! Истинно жаль. Глядѣлъ-глядѣлъ я, думаю: Господи, да вѣдь и на мнѣ, чай, крестъ-то есть! Что̀ же это такое? Вѣдь надо пособить парню-то... Ну, какъ-нибудь...

— Дай тебѣ Владыка Небесный...

Этотъ благодѣтель и есть коштанъ.

Коштанъ — другой типъ изъ числа людей, держащихъ въ своихъ рукахъ судьбы современной деревни, далеко не идетъ въ сравненіе съ міроѣдомъ: у того задача громадная — перепугать ближняго нравственно, забрать его въ руки голой рукой. У коштана — цѣль мелкая, практическая: поживиться, нажить рублишко, на даровщину выпить и въ то же время оставить о себѣ впечатлѣніе человѣка, заботящагося о твоей пользѣ. Коштанъ находится въ союзѣ съ міроѣдомъ, но исполняетъ черную работу; міроѣдъ никогда не скажетъ виновному: «ну, мирись, что-ль, на ведрѣ!». Это — дѣло коштана. Дѣло коштана также придумать предлогъ, который бы далъ возможность накинуться міроѣдамъ на какого-нибудь простофилю. Со временемъ коштанъ также будетъ міроѣдомъ; но покуда ему надо разжиться, и вотъ онъ набиваетъ карманъ понемногу «не плечами, а рѣчами»...

Вотъ примѣръ коштановой работы:

У міра снимаютъ въ аренду небольшой участокъ земли или луга, положимъ, за сто рублей. На сходкѣ является коштанъ и начинаетъ хлопотать, чтобы міръ не отдавалъ чужому, а отдалъ бы своему, хоть свой и даетъ девяносто.

Что̀ мы будемъ давать чужимъ наживаться? Пущай же, Господь съ нимъ, лучше нашъ, свой владѣетъ, все нашему міру правильный человѣкъ будетъ и авось поблагодаритъ... Вотъ вѣдь, рано ли, поздно ли, а придется новаго сборщика или сотскаго выбирать, анъ міръ-то тогда ужъ и воленъ сказать ему: «мы, другъ любезный, тебѣ сдѣлали уступку—теперь ты намъ послужи...». Міру нужны люди благодарные... Вотъ я что̀ говорю... А десять цѣлковыхъ — великъ ли міру убытокъ? да и барышъ-то великъ ли будетъ? А какъ своему отдадимъ, хоть и дешевле, —

всегда барышъ: благодарный человѣкъ отслужитъ всѣмъ на пользу.

Кажется, все вѣрно и справедливо до послѣдняго слова. И точно: міръ рѣшаетъ отдать землю дешевле тому изъ своихъ односельчанъ, котораго рекомендуетъ коштанъ. Этого человѣка, большею частью бѣднаго, кроткаго, коштанъ рекомендуетъ міру тоже съ самой хорошей стороны.

— Ужъ работяга... ужъ сами, чай, видите... Семья большая... сынъ въ солдатахъ, и старость идетъ... Нѣтъ, міряне, надо человѣку дать поправиться!

Хорошо, отлично, убѣдительно говоритъ коштанъ. И міръ все рѣшаетъ по его слову. Но прошла недѣля, и что же оказывается? Оказывается, что мужикъ, котораго міръ пожалѣлъ, совсѣмъ не пожалѣлъ міра: взялъ да отдалъ участокъ тому же самому мѣщанину, который снималъ его сначала, да отдалъ не за сто, а за сто двадцать пять рублей.

— Ты что-жъ это, безстыдная твоя душа?..—нападаетъ міръ на измѣнника.

— Простите, православные! Нужда!

Говоритъ это измѣнникъ самымъ искреннимъ образомъ— и больше ничего не говоритъ.

А могъ бы сказать многое; нужда загнала его въ лапы къ коштану, коштанъ подбилъ его снять участокъ, расписалъ ему всѣ выгоды, обѣщая помочь: «все для твоей же пользы», — и даже денегъ далъ на срокъ. Мужикъ согласился; а какъ только земля досталась по цѣнѣ низшей и досталась человѣку, находящемуся въ рукахъ у коштана,— послѣдній тотчасъ же затѣялъ переговоры съ мѣщаниномъ, обдѣлалъ дѣло за сто двадцать пять рублей, тотчасъ потребовалъ съ мужика, который ему «подверженъ», свой долгъ (деньги, данныя на уплату міру за аренду участка), и когда мужикъ, разумѣется, оказался несостоятельнымъ, то коштанъ и предложилъ ему перепродать.

— Пять цѣлковыхъ еще лишку даетъ мѣщанинъ-то, да и меня развяжешь!..

Что тутъ дѣлать? Теперь представьте себѣ, какимъ человѣкомъ является коштанъ передъ міромъ? Кто хлопоталъ о своемъ мірскомъ человѣкѣ?—онъ. Кто давалъ свои собственныя деньги этому человѣку, чтобы онъ поправился?— онъ же. Кромѣ того, онъ давалъ безъ процентовъ, такъ— отъ сердца...

— Что-жъ подѣлаешь, братцы! Вижу, пропадаютъ мои

денежки, да и міру-то не всѣ отданы! Ну, думаю, какъ и мірскія-то пропадутъ?.. Не такой человѣкъ! Иной бы съ этакой подмогой какъ взялся-то! Ну, а этотъ, нечего грѣха таить, не обоюденъ! Куда не развязенъ... Н-ну, думаю, грѣхъ-грѣхъ, а и мои денежки — кровныя, да и мірскимъ, Боже сохрани, пропадать нельзя — какъ-ни-какъ, а воротить надо... Ему же пять рублей лишковъ далъ: — на, возьми мое! Богъ съ тобой... Да и міру винца уже поставлю за свою за провинность—вотъ два рублика!.. Главная причина, Митрофанъ меня сконфузилъ! Непоротливъ, неукладистъ, лѣнивъ... А ежели бы на другого...

Пять рублей зажимаютъ ротъ Митрофану. Водка зажметъ ротъ міру. Коштанъ сдѣлалъ «оборотъ» — и всѣ видятъ, что хоть и плутовато, но умно. Все обдѣлано на законной почвѣ мірского интереса.

— Насилу, насилу свои-то выручилъ! — долго твердитъ онъ впослѣдствіи, когда рѣчь касается этого дѣла.—Своихъ пять цѣлковыхъ, какъ одну копейку, посадилъ, да шутъ съ ними! Пуще всего—передъ міромъ не сфальшивить! Не будь меня — вовѣки бы Митрофанка не справился отдать. Такъ бы и пропали мірскія денежки!

Коштанъ наживается, выручая то міръ, то мірянина. Онъ все дѣлаетъ «для твоей же пользы», «главная причина», чтобы была міру польза. Это плутоватый адвокатъ гамбеттовой породы, набивающій свой карманъ. Коштаны выходятъ въ міроѣды — это бываетъ часто; но большею частью ихъ участь — выходить въ мѣщанство, въ подрядчики, въ торговцы, словомъ — въ люди ловкой, скорой и плутовской наживы чужими руками. Міроѣдъ настоящій, коренной — непремѣнно ораторъ съ несомнѣннымъ литературнымъ дарованіемъ, психологъ... Коштаны — дѣлаются, міроѣды—родятся.

Въ томъ случаѣ, о которомъ я разсказалъ, коштанъ, успѣвши ужъ купить пятерыхъ овецъ за полцѣны, поступаетъ такимъ образомъ: приказавъ обвиняемому опять идти въ сборную избу, онъ, спустя немного времени, и самъ является туда. Міроѣдъ-громовержецъ отлично знаетъ, что̀ такое происходило въ сѣняхъ, но онъ не подаетъ ни малѣйшимъ образомъ вида, что ему что-нибудь извѣстно, и продолжаетъ громить. Коштанъ обходится съ своимъ носомъ посредствомъ пальцевъ.

«Согласился!» — рѣшаетъ про себя міроѣдъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ коштанъ сдѣлалъ бы что-нибудь

другое—кашлянулъ, или плюнулъ бы, или вздохнулъ, или подергалъ бороду... Относительно этихъ знаковъ міроѣдъ и коштанъ условливаются заранѣе.

Благодаря этимъ уловкамъ, которыхъ міръ не знаетъ, ораторъ-міроѣдъ всегда остается логически-правымъ, такъ какъ переходъ отъ гнѣва къ милости умѣетъ сдѣлать незамѣтнымъ и обставить тоже вѣскими доводами.

— Подумай, безумная твоя голова, у кого это ты воровалъ? Вѣдь ты воровалъ у міра! Шельма ты этакая! Твоимъ щенкамъ холодно въ избѣ, такъ ты у цѣлаго міра вздумалъ отнимать? А другимъ нешто не холодно? А сиротамъ бездомнымъ не холодно? (Коштанъ обходится посредствомъ пальцевъ и, потолкавшись, уходитъ). Есть ли въ тебѣ совѣсть-то, въ безстыдникѣ? Бога-то ты помнишь ли?.. Вѣдь за этакое дѣло не розгами, а прутьями желѣзными надо драть! Да мало! мало этого!.. (Со страшнымъ негодованіемъ) Прощенья проси, безстыжіе твои глаза! Кланяйся... въ ноги міру, чтобы простилъ тебѣ! Ниже! ниже кланяйся... Проси, чтобъ, ради глупости твоей, простилъ тебя, дурака. Ну, міряне (усталымъ голосомъ): Господь нашъ Царь Небесный велѣлъ прощать. И разбойника простили. Простите его, дурака!.. Пусть помнитъ вашу доброту. Жаль только, а то бы надо выпороть! Кланяйся старикамъ въ ноги, проси... столбъ безчувственный!..

И въ этомъ дѣлѣ коштанъ хотя и оборудовалъ попользоваться на чужой счетъ, нажилъ рублей пять, а все-таки выручилъ: что бы безъ него сталъ дѣлать обвиняемый? Какъ бы онъ справился? Плутъ, плутъ—это вѣрно, а выручилъ — это тоже вѣрно. Міроѣдъ же, принявъ угощеніе, ничуть не поколебалъ этимъ своего авторитета грознаго судіи. Оправленный чувствуетъ, что онъ могъ его сокрушить и можетъ сокрушить во всякое время, несмотря на угощеніе.

7.

Возвратимся однако къ исторіи Андрея Васильича. Вотъ именно всю фальшь и ложь вышеописанной махинаціи и нужно было разоблачить сразу, внезапно, такъ, чтобы своекорыстное фарисейство мірскихъ воротилъ было выведено наружу и наказано примѣрно. Съ напряженнымъ вни-

маніемъ и крайнею осторожностью собиралъ онъ факты, изучалъ дѣйствующихъ лицъ и былъ поглощенъ этой работой два или три осенніе мѣсяца. Наконецъ и факты и люди, сочувствующіе дѣлу, были подобраны. Оставалось найти предлогъ, изъ-за котораго можно было бы начать дѣло. Нашелся и предлогъ. Весною крестьяне дѣлали міромъ загородь отъ господской усадьбы; загородь надо было сдѣлать, потому что крестьянскій скотъ забредалъ въ господскій садъ, и за это брали штрафы. Скрѣпя сердце, вся деревня принялась за работу, и загородь была готова въ одинъ день; начали они работу утромъ и кончили вечеромъ. Захотѣлось выпить. Послали депутата въ господскую контору просить выпивки: «мы *вамъ* загородь сдѣлали». Въ конторѣ отказали. Мірского вина не было; необходимо было, во что бы то ни стало, отыскать предлогъ. Коштаны отыскали: при весеннемъ передѣлѣ полей, къ одному изъ крестьянъ отошелъ, кромѣ надѣла, клинушекъ, вдавшійся въ чужую землю не болѣе какъ въ три квадратныя сажени. Коштаны запримѣтили это съ весны, но держали при себѣ до случая. Клинушка этого нельзя было никоимъ образомъ раздѣлить: онъ долженъ былъ оставаться никому непринадлежащимъ; но никто не сомнѣвался, что мужикъ, которому клинушекъ достанется, запашетъ его. Такъ и вышло. Въ упомянутый вечеръ коштаны обратили на эту *несправедливость* вниманіе общества. Общество было радо открытію, какъ маннѣ небесной. Нѣсколько молодцовъ было отряжено на дворъ къ мужику съ тѣмъ, чтобы, не говоря ни слова, захватить у него на дворѣ хомуты и передки телѣгъ и все это доставить къ кабаку. Какъ и водится, хозяинъ хомутовъ и передковъ тотчасъ же явился на судбище. Ему объявили, что за запашку лишковъ съ него слѣдуетъ получить въ пользу міра штрафъ. Свидѣтели, люди, особенно жаждавшіе выпивки, показали, что клинушекъ они вымѣривали сами, и что въ немъ оказалось шесть слишкомъ саженъ и что міръ мирится на трехъ ведрахъ. Такую громадную цѣну заломили потому, что мужикъ былъ изъ порядочныхъ. Несмотря на всевозможныя сопротивленія со стороны обвиняемаго, вино было поставлено и выпито, и клинушекъ такимъ манеромъ обошелся мірянину рублей не менѣе двѣнадцати.

Вотъ за это-то дѣло и взялся Андрей Васильичъ. Онъ вымѣрилъ съ людьми, которые сочувствовали ему, этотъ злосчастный клинъ, и оказалось въ немъ не шесть, а двѣ

съ половиной сажени. Мужикъ былъ радъ дать острастку міроѣдамъ и опиваламъ и, поддерживаемый Андреемъ Васильичемъ, порѣшилъ еще десять рублей пропоить на судей, лишь бы только вывести дѣло на свѣжую воду. Подана была жалоба,—надъ которой Андрей Васильичъ сидѣлъ не однѣ сутки,—въ волостной судъ. Судьи были угощены, словомъ—поставлены въ невозможность вилять, въ виду участія посторонняго человѣка, который, по всему видно, спуску не дастъ.

Это собраніе волостного суда, неожиданно потребовавшаго на судилище всѣхъ ораторовъ и благодѣтелей деревни, всѣхъ стариковъ, было торжествомъ для всякаго простого, работящаго человѣка, натерпѣвшагося на своемъ вѣку отъ этихъ фарисеевъ и лицемѣровъ. Вотъ этимъ-то случаемъ и воспользовался Андрей Васильичъ для того, чтобы, придравшись къ нему, показать крещеному міру, въ какой безобразной нравственной кабалѣ держатъ его міроѣды и какъ вообще обираютъ и наживаются на его счетъ, дѣйствуя какъ будто только во имя мірскихъ интересовъ. Съ громадными усиліями дѣло это было доведено до волостного суда и, благодаря стараніямъ Андрея Васильича и его единомышленниковъ, поддержавшихъ его на судѣ въ качествѣ свидѣтелей, дѣло было рѣшено справедливо: коштаны и міроѣды поплатились хорошимъ штрафомъ въ пользу мірскихъ суммъ, да и всѣ соучастники, подручные ихъ, также поплатились, хоть и поменьше.

Справедливостью рѣшенія дѣло было обязано, главнымъ образомъ, неожиданной настойчивости, съ которою оно было начато, и явной подготовкѣ его, которой судьи, большею частью тѣ же коштаны и міроѣды, не могли не видѣть въ подборѣ свидѣтелей. Они обвинили виновныхъ, потому что сразу не могли разобрать, въ чемъ тутъ штука... Но чью-то руку подозрѣвали: знали, что дѣло подстроено.

Андрей Васильичъ также зналъ, что успѣхъ этого дѣла прямо обязываетъ его готовиться на тонкій, систематическій отпоръ. И вотъ, вмѣсто того, чтобы пожинать побѣдные лавры, чтобы похвалить себя за то, что «добился своего», необходимо было вновь напрячь все вниманіе, сосредоточить всю энергію на томъ, чтобы не дать обойти себя, не дать начатому дѣлу исчезнуть безъ слѣда.

Пусть читатель, если можетъ, представитъ себѣ ту бездну мелочей, мельчайшихъ деревенскихъ слуховъ, сплетенъ, которыми приходилось въ это время интересоваться Андрею

Васильичу, на которыхъ надо было исключительно сосредоточивать свое вниманіе, и онъ пойметъ, что въ жизни Андрея Васильича могли и должны были быть минуты глубокаго отчаянія, томительной тоски.

— Куда ужъ теперь тебѣ ѣхать?—говорили ему мужики-пріятели послѣ суда.—Теперь ужъ надо остаться. Нельзя бросить зря...

— Да, ужъ теперь надо погодить!—раздумывалъ Андрей Васильичъ.

— Живи въ банкѣ-то... чего? мы тебѣ десятку положимъ... живи пока что̀...

И сталъ Андрей Васильичъ жить «пока что̀», чувствуя по временамъ, что какая-то сила тянетъ его какъ будто ко дну, теряя связь съ «тѣмъ міромъ», куда онъ все старался уѣхать, гдѣ легче, лучше, свѣтлѣй, умнѣй, и все-таки не имѣлъ возможности исполнить этого; не имѣлъ возможности «бросить» «ихъ», оставить на произволъ судьбы... Иногда онъ чувствовалъ даже, что погибнетъ здѣсь, пропадетъ, но не могъ: это было безсовѣстно.

Такъ онъ жилъ «пока что̀» и таялъ... Деревня, нужды которой опутали его умъ и сердце, прямо сказать, *съѣдала* его. И, вѣроятно, въ концѣ концовъ съѣетъ, съѣстъ безъ остатка и, пожалуй, даже «не попомнитъ». Вѣдь никто не поминаетъ добромъ тотъ кусокъ мяса, который съѣденъ вчера и который даетъ возможность быть живымъ сегодня. Такова участь и Андрея Васильича, и онъ знаетъ это; но знаетъ онъ также, что если, послѣ того, какъ онъ будетъ съѣденъ безъ остатка деревней, она и «не попомнитъ» его, даже забудетъ совершенно, онъ—съѣденный—будетъ жить въ ея крови, дѣло его будетъ, незамѣтно для безпамятныхъ деревенскихъ жителей, свѣтить имъ же, какъ и забытый съѣденный кусокъ—незамѣтно для человѣка—живетъ въ немъ и помогаетъ ему жить.

Да, мучительна участь людей такихъ, какъ Андрей Васильичъ! Но то, что̀ они дѣлаютъ, до такой степени важно и нужно для народа, что пора, пора, безконечно давно пора оградить такую дѣятельность отъ малѣйшихъ посягательствъ на то, чтобы превратить ее въ мученичество. Ей надо давать полный ходъ, всякую поддержку, защиту, а не вѣнчать терновымъ вѣнцомъ.

IX.

Лѣчебникъ отъ всѣхъ болѣзней, помощникъ и указатель во всѣхъ житейскихъ бѣдахъ, несчастіяхъ и затрудненіяхъ.

1.

А покуда дѣятельность Андрей Васильевичей не только не признана вполнѣ законной, вполнѣ необходимой, не только не поддержана, а напротивъ — даже въ деревнѣ, извѣстной частью деревенскаго населенія, считается вредною, такъ какъ мѣшаетъ свободному проявленію звѣриныхъ наклонностей,—до тѣхъ поръ народъ нашъ долженъ обходиться «своими средствами», облегчать затрудненія жизни собственными силами, своею выдумкой, пользуясь тѣмъ матеріаломъ, который подъ руками, тутъ рядомъ, «округъ дому». Плохъ и малъ этотъ матеріалъ, а заботъ, печалей, затрудненій—выше головы!..

Позволимъ себѣ познакомить читателя съ однимъ, чисто-народнымъ литературнымъ произведеніемъ, которое, какъ намъ кажется, лучше всякихъ сочувственныхъ народу монологовъ, дастъ намъ возможность видѣть какъ ту необъятную массу неудовлетворенныхъ, гнетущихъ народную жизнь печалей и заботъ, такъ и тѣ ничтожныя «средствія», съ помощью которыхъ онъ долженъ отъ этихъ нуждъ обороняться.

Въ нашихъ рукахъ находится большой рукописный «Лѣчебникъ», содержащій въ себѣ описаніе восьмидесяти двухъ травъ, съ указаніемъ болѣзней, въ которыхъ онѣ употребляются, способа приготовленія и употребленія. Книга эта есть, несомнѣнно, произведеніе народнаго ума, ибо ученые доктора явились въ народной средѣ весьма недавно, и народъ долженъ былъ самъ лѣчить себя, самъ создавать свою медицину. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что и

теперь, сію минуту, такого рода рукописные лѣчебники пользуются большимъ значеніемъ и въ немаломъ кругу народной массы, такъ какъ и до сихъ поръ еще въ очень многихъ мѣстностяхъ слова: «докторъ» и въ особенности «лазаретъ»—пользуются не весьма большими симпатіями народа.

Про «лазаретные» порядки, напримѣръ, въ народѣ разсказывается даже сію минуту множество легендъ самаго нерасполагающаго свойства. То будто бы отпилятъ ногу не тому, кому слѣдуетъ, то будто бы живыхъ хоронятъ. Разсказъ о покойникѣ, очнувшемся въ гробу, послѣ того, какъ изъ лазарета перевезли его въ церковь, почти повсемѣстенъ. Громадная масса народа и до сихъ поръ лѣчится собственными средствами. Но, кромѣ предразсудковъ къ докторамъ, результата старыхъ порядковъ, когда и съ больницей-то приходилось знакомиться чуть ли только не въ острогѣ,—предразсудковъ, правда, немедленно же разсѣевающихся при мало-мальски добросовѣстномъ и внимательномъ отношеніи врача къ больному,—народныя лѣкарства и народныя средства продолжаютъ пользоваться въ народѣ авторитетомъ еще и потому, что особенныя условія жизни народа и, главнымъ образомъ, земледѣльческаго труда вырабатываютъ недуги, иной разъ гораздо лучше излѣчиваемые мѣстными средствами, чѣмъ средствами, указываемыми медицинской наукой. Укажемъ хоть на весьма распространенную въ земледѣльческихъ массахъ болѣзнь глазъ. Трепаніе льна, засоряющаго поминутно глаза работникамъ, или жнитво, когда тонкіе усы колоса очень часто попадаютъ въ глазъ—все это гораздо лучше вылѣчивается въ деревнѣ, чѣмъ въ лазаретѣ. Поди въ лазаретъ, докторъ начнетъ «*пущать капли*», а деревенская баба-знахарка возьметъ толстую иглу, завернетъ на нее вѣку глазъ и языкомъ сниметъ соринку. Словомъ, при земледѣльческомъ трудѣ есть такого рода недуги, которые понятны врачу только тогда, когда онъ хорошо знакомъ съ этимъ трудомъ и знаетъ сопровождающія его случайности. Въ видахъ всего этого, такая книга, какъ народный лѣчебникъ, не можетъ не имѣть значенія для всѣхъ интересующихся народомъ, потому что это—коллективное созданіе народнаго ума, многіе годы работавшаго самостоятельно надъ извѣстной областью знанія.

А что лѣчебникъ, находящійся въ нашихъ рукахъ, именно такое народное произведеніе—это доказываетъ, положимъ,

хоть слѣдующее, чисто-національное *средствіе.* Подъ № 44 значится описаніе растенія подъ названіемъ «Петровъ крестъ», при чемъ оказывается, что травой этой «хорошо» присыпать «*сѣчоное мѣсто*», при чемъ «это мѣсто» боли никакой не будетъ чувствовать, «и еще того лучше», если имѣть эту траву при себѣ (должно думать, во время экзекуцій), то, по буквальному выраженію лѣчебника, «*какъ хочешь сѣки по этому мѣсту, то ничего не будетъ*»! Этого, кажется, весьма достаточно, чтобы не имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія въ чисто-народномъ и національномъ происхожденіи лѣчебника, ибо, сколько мнѣ кажется, ни одинъ изъ знаменитѣйшихъ современныхъ свѣтилъ науки не въ состояніи указать какого-либо средства противъ «сѣки, какъ хочешь!» именно потому, что уже ни у кого въ свѣтѣ, кромѣ русскаго человѣка, не можетъ быть такой страшной болѣзни, какъ «сѣчоное мѣсто». Положимъ, что размѣры этой недавней эпидеміи въ настоящее время значительно сократились; но практика волостныхъ судовъ все-таки поддерживаетъ ее въ такихъ размѣрахъ, которые не позволяютъ считать вышеописаннаго «средствія» анахронизмомъ. Напротивъ, всякому крещеному человѣку недурно про всякъ часъ запастись чудодѣйственной травой. Это обстоятельство, между прочимъ, доказываетъ, что лѣчебникъ не утратилъ значенія и въ настоящіе дни; кромѣ того, то же самое подтверждаетъ и то, что нѣкоторыя изъ лѣкарствъ, поименованныхъ въ лѣчебникѣ, даются *въ кофеѣ*, что̀ уже прямо указываетъ на то, что къ содѣйствію его прибѣгаютъ люди наисовременнѣйшіе. Итакъ, книга, про которую мы говоримъ, есть чисто-народное произведеніе, и притомъ такое, которое имѣетъ значеніе въ народѣ въ самое послѣднее время.

2.

Книга эта, состоящая болѣе чѣмъ изъ двухсотъ страницъ, переписана самымъ тщательнымъ писарскимъ почеркомъ и раздѣлена на двѣ части. Первая часть начинается такимъ предисловіемъ: «Благослови, матушка сырая земля, меня, раба Божія, своего плода уродиться и прокормиться, травъ употребить, коренія укопать, къ чему которая трава угодна, на то употребить». И затѣмъ слѣдуетъ описаніе восьмидесяти двухъ травъ и цвѣтовъ. Во второй части по-

мѣщены «приговоры», съ которыми слѣдуетъ употреблять травы, чтобы онѣ дѣйствовали, и указаны способы приговленія.

На первый взглядъ, какъ описанія травъ, такъ и приговоры къ нимъ, ничего, кромѣ глубочайшей скуки, не представляютъ. Вотъ, напримѣръ, трава *муравей:* «растетъ въ дятловинѣ; *сама мала;* едва можетъ мудрый человѣкъ найти. Листочки на ней четыре, крестикомъ; посреди листочковъ—что̀ иголочка красновата». Или вотъ трава *матица:* «растетъ на раменскихъ (высокихъ) мѣстахъ; ростомъ мала; листочки кругленькіе, что̀ капуста, съ одной стороны гладка, съ другой—мохната» и т. д. Мы давали этотъ лѣчебникъ въ аптеку, и тамъ въ теченіе мѣсяца по этимъ описаніямъ могли разыскать латинскія названія только пяти средствъ, да и то не по описаніямъ лѣчебника, а по тѣмъ болѣзнямъ, отъ которыхъ средство дается. Точно такъ же и приговоры: рѣшительно неизвѣстно, почему при употребленіи одной травы читается «*Отче нашъ*», а при употребленіи другой—*псаломъ 102, Символъ вѣры* или *молитва Богородицѣ;* почему въ одномъ случаѣ молитвы читаются по разу, а въ другихъ по три и наконецъ по двѣнадцати. Все это прописано безъ всякихъ объясненій и въ общей сложности производятъ глубочайшую зѣвоту съ двухъ-трехъ описаній.

Но, преодолѣвъ неинтересность этого чтенія и дочитавъ книгу до конца, вы будете неожиданно глубочайшимъ образомъ заинтересованы. Исчезаютъ изъ вашей памяти описанія травъ, приговоры, молитвы, а вмѣсто этого предъ вами неожиданно возникаетъ полнѣйшая до мельчайшихъ подробностей картина безпомощности, въ которой живетъ простой русскій человѣкъ. Вмѣсто непонятно описанныхъ травъ и молитвъ передъ вами раскрывается весь обиходъ жизни темнаго человѣка, съ такою массою нуждъ буквально на каждомъ шагу, нуждъ, требующихъ именно самаго широкаго знанія, замѣняемаго теперь корнями, приговорами, травами...

Собственно *физическихъ* болѣзней въ лѣчебникѣ поименовано весьма мало. Корень, ядро физическихъ недуговъ, сосредоточивается главнымъ образомъ въ «порчѣ», и этотъ необъяснимый и непонятный недугъ встрѣчается подъ множествомъ также непонятныхъ наименованій: «*порчи смертной*», «*смертной скорби*», «*черной порчи*», «*злой смертной порчи*», «*нечистой порчи*», «*черной немочи*».

Очевидно, что подъ этими непонятными опредѣленіями должна заключаться цѣлая масса недуговъ, которые крестьянскимъ умомъ не опредѣлены въ точности и которымъ поэтому помогаютъ почти всѣ травы. Затѣмъ болѣзни, болѣе или менѣе извѣстныя и въ медицинѣ подъ тѣмъ же названіемъ, какъ и въ народномъ лѣчебникѣ, весьма немногочисленны; напримѣръ: грыжа, сумасшествіе (умъ рушится), пьянство, глисты, удушье, болѣзнь глазъ («прѣль глазамъ»)—вотъ почти все, и количество лѣкарствъ противъ этихъ весьма распространенныхъ болѣзней крайне незначительно—по одному, много по два средства указано въ лѣчебникѣ. Многочисленныя болѣзни дѣтей также почти не подраздѣлены; тамъ, гдѣ дѣло касается дѣтей, лѣчебникъ, не обозначая опредѣленнаго недуга, просто говоритъ—что̀ именно «*хорошо*» давать дѣтямъ, когда плачутъ, «*жалуются*». Впрочемъ, къ числу дѣтскихъ болѣзней отнесенъ «*бредъ по ночамъ*», который лѣчится тѣми же средствами, что̀ и сумасшествіе у взрослыхъ, и отмѣченъ какой-то странный дѣтскій недугъ — «*безсонница отъ страха*». Вотъ въ общихъ чертахъ физическія страданія, излѣчиваемыя по указанію лѣчебника *). За исключеніемъ лихорадки, которая имѣетъ три подраздѣленія и наименованія, всѣ обуревающіе народъ физическіе недуги, во-первыхъ, весьма немногочисленны, а во-вторыхъ, крайне поверхностно опредѣлены.

Совсѣмъ не то съ другого рода недугами, тѣми недугами, которыми страдаетъ не больной, а здоровый простой человѣкъ. Можете себѣ представить, что эти же самыя *восемьдесятъ двѣ* травы, излѣчивающіе всѣ поименованные недуги физическіе, что онѣ же помогаютъ простому человѣку рѣшительно *на всѣхъ* путяхъ его жизни, при всевозможныхъ житейскихъ затрудненіяхъ, во всевозможныхъ жизненныхъ столкновеніяхъ, словомъ—во всѣхъ отношеніяхъ человѣческихъ, семейныхъ, общественныхъ; облегчаютъ ему безчисленныя затрудненія—и это все тѣ же самыя восемьдесятъ двѣ травы!

Есть травы, положительно обремененныя всевозможными народными нуждами, которымъ онѣ должны удовлетворять, бѣдами, въ которыхъ должны помогать. Вотъ, напримѣръ, трава *царевы очи* (растетъ на болотинахъ, ростомъ съ

*) Кстати сказать, лѣкарства принимаются не на тощій желудокъ, а на тощее сердце, и болѣзнь не *проходитъ* отъ лѣкарства, а лѣкарство *выгоняетъ* ее вонъ.

иглу, собою красненька, цвѣтокъ имѣетъ наверху, тоненькая и маленькая). Эта трава помогаетъ: *во-первыхъ* — въ домѣ, чтобы все было благополучно; *во-вторыхъ*—скотина не хвораетъ, ежели держать ее въ хлѣву въ сухой чистой тряпкѣ; *въ-третьихъ*—хороша, когда идешь на судъ, «то все будетъ хорошо», и начальники будутъ добры; *въ-четвертыхъ*—отъ этой травы, если ее держать на пчельникѣ въ чистой тряпкѣ, водятся пчелы; *въ-пятыхъ* — хороша тому человѣку, который верхомъ ѣздитъ; *въ-шестыхъ*—отправляясь въ путь-дорогу, эту траву хорошо имѣть при себѣ: никто не ограбитъ, не убьетъ; *въ-седьмыхъ*—отличное средство эта же трава и при женитьбѣ: «возьми эту траву, когда пойдешь въ церковь подъ вѣнецъ, и держи ее, когда будутъ вѣнчать, а послѣ этого держи близко около себя—тогда будешь жить съ женою хорошо, и она будетъ тебя слушаться, во всемъ *уважать и бояться*»; *въ-восьмыхъ*—эта же трава «пользуетъ», ежели хочешь быть «славенъ предъ вельможами».

Или еще лучше: трава *Адамова голова* (растетъ кустиками при болотахъ и раменскихъ мѣстахъ, цвѣтъ рудожелтъ, кувшинцами, а листовъ на ней девять, или двѣнадцать, или девятнадцать, а принимать ее черезъ серебро и золото *), на Аграфену Купальницу); эта трава, во-первыхъ, помогаетъ противъ «порчи смертныя»; во-вторыхъ, хороша для бездѣтныхъ: если ее пить, какъ указано, то будутъ дѣти, сначала мальчикъ, потомъ дѣвочка, а больше двухъ не будетъ; въ-третьихъ, пользуетъ передъ начальниками.

Точно такъ же удивительно во многихъ случаяхъ помогаетъ трава *синь*. Она лѣчитъ отъ «болѣзни черныя» и «смертныя болѣзни». Имѣть ее при себѣ—вода не принимаетъ, не утонешь. Мельникамъ хорошо ее имѣть, когда устраиваютъ плотины—не прорываетъ; хорошо ее имѣть человѣку, которому надо высоко подниматься (каменщики, штукатуры): «не страшно, оказываетъ тогда, какъ на землѣ, и страха никакого нѣтъ». Отъ сумасшествія, отъ искалѣченія ногъ, отъ злой смерти и при постройкѣ дома помогаетъ одна и та же трава—плакунъ; она же хороша и для скота, когда онъ заболѣваетъ извѣстною болѣзнью—«головокруженіемъ» (скотъ вертится).

---

*) Черезъ серебро и золото—значитъ, что въ рукахъ должны быть золотыя или серебряныя кольца.

Такимъ образомъ оказывается, что, разсматривая лѣчебникъ, какъ собраніе народныхъ свѣдѣній о медицинѣ, мы ничего не найдемъ въ немъ, кромѣ скуки. Любой современный фельдшеръ превосходитъ въ этомъ отношеніи народную мудрость неизмѣримо. Очевидно, что народное выраженіе: «либо пахать, либо книги писать»—оказывается какъ нельзя болѣе справедливымъ, и книги хорошія пишутся не тѣми, кто всю жизнь бьется въ потѣ лица изъ-за куска хлѣба; но, съ другой стороны, этотъ же лѣчебникъ достоинъ величайшаго вниманія, какъ собраніе великаго множества такихъ затрудненій, страховъ, мукъ и желаній, которые могутъ быть разсѣяны или удовлетворены только самыми многосторонними знаніями. При настоящихъ же условіяхъ, какъ видимъ, народъ справляется съ помощью восьмидесяти двухъ травъ.

А знать онъ хочетъ ужасно много, даже болѣе: онъ желаетъ знать *рѣшительно все.* Свидѣтельствуетъ объ этомъ тотъ же лѣчебникъ и немедленно предлагаетъ средство. Средство это, конечно — трава и называется она *бѣсовецъ.* «Трава эта растетъ въ водѣ, а корень ея—въ землѣ. Сама противу воды стоитъ; перо—что̀ сабля, корень внутри пустой и цвѣтъ у корня желтъ». «Траву эту,—сказано въ лѣчебникѣ:—доставать умѣючи, съ приговоромъ; если знаешь приговоръ—тогда достанешь, если нѣтъ—то погибнешь!» Приговоръ же къ этой травѣ въ высшей степени любопытенъ. Прежде, нежели произносить его, надобно снять съ себя крестъ и положить его подъ лѣвую пятку. Это надобно дѣлать въ ночное время, чтобы никого кругомъ тебя и близко не было, и только послѣ этихъ предосторожностей надобно говорить (держа корень травы въ рукѣ) слѣдующее: «встану я, рабъ, *не* благословясь, пойду *не* перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, подъ частыя звѣзды, подъ свѣтлый мѣсяцъ, на окіанъ-море, на Сіонскія горы; на тѣхъ на Сіонскихъ горахъ стоитъ дубище, на томъ дубищѣ сидитъ *самъ сатана-сатанище.* Помоги мнѣ (имя), сатана-сатанище, узнать, разузнать, что̀ я хочу, что̀ у тебя прошу. И съ этой бы травой ходить мнѣ и гулять и чтобы *все знать* отъ крещеныхъ людей, отъ бояръ и купцовъ». «И тогда,—говоритъ лѣчебникъ:—*все* узна̀ешь, будешь все знать, что̀ гдѣ дѣлается...»

Но, какъ видно ужъ изъ самаго существованія лѣчебника, корень этотъ рѣдко попадаетъ въ народныя руки.

Тотъ же лѣчебникъ говоритъ, что едва простой человѣкъ задумалъ обзавестися своимъ домомъ, жить своимъ хозяйствомъ, словомъ — едва началась постройка жилья, какъ ужъ является врагъ, съ которымъ надобно бороться. Нечистая сила подкапывается подъ домъ, лѣзетъ въ хлѣвъ, сверлитъ въ плотинѣ дыру; словомъ,—бѣды возникаютъ со всѣхъ сторонъ, и лѣчебникъ немедленно предлагаетъ средствія: траву *царь-Сирхамитъ*, траву *веревку*, траву *муравей*.

Кой-какъ, набивъ травами весь передній уголъ подъ образами, заткнувъ ее въ чистой тряпкѣ и «темномъ мѣстѣ», на плотинѣ, въ хлѣву, и т. д., человѣкъ начинаетъ жить. Но мало ли что въ жизни человѣческой бываетъ: оказывается, положимъ, что въ новомъ домѣ и новой семьѣ неблагополучно по части семейныхъ отношеній... Какъ узнать, что жена думаетъ о мужѣ, какія у нея на умѣ мысли? Мужъ—человѣкъ недосужный; онъ то работаетъ съ утра до вечера, то въ отъѣздѣ, то на мельницѣ; ему, придя домой съ работы, въ пору поѣсть да лечь спать; ему некогда наблюдать за каждымъ шагомъ своей жены, за выраженіемъ ея лица. Опять есть средствіе — трава *бѣлецъ*: если эту траву положить женѣ въ головы къ лѣвому боку, то она все скажетъ, и что думаетъ—и то даже выскажетъ все, до послѣдняго слова.

Внѣшнее благоприличіе дома, домашнихъ порядковъ также немало доставляетъ затрудненія. Лѣчебникъ предлагаетъ средства, все въ видѣ травъ, чтобы приглашенные, положимъ, хоть на крестины, гости не кончили пира дракой и безобразіемъ: надо подсыпать въ вино хмелю съ приговоромъ—и тогда никакого шума и драки не будетъ. Есть средства также для того, чтобы самому, идя въ гости, не буянить и не натворить невѣсть чего въ пьяномъ видѣ. Корень съ приговоромъ помогаетъ и этому.

Но, чтобы жить домомъ, содержать семью, водить компанію, нужно вырабатывать деньги—и тутъ есть средства, облегчающія добычу, и притомъ по профессіямъ: такъ, мельникамъ помогаетъ трава *палочникъ*, отъ которой «на мельницѣ будетъ *много* помолу и работы будетъ много»; пивоварамъ подсобляетъ «пасочникъ»; онъ же хорошъ для прибытка и винокурамъ: все дѣло — держать при себѣ, а брать — съ приговоромъ. Есть указанія для мореходовъ, для охотниковъ, даже для воровъ... Противъ воровъ также есть средство: есть такая трава (Іова дружба),

наступивъ на которую, воръ не двинется съ мѣста; но есть и для этихъ несчастныхъ поддержка и указаніе (также есть указанія и о томъ, какъ «портить» человѣка). Указаніе и помощь даетъ трава *муравей*, про которую сказано: «эта трава *хороша для злыхъ дѣлъ*, но не добрыхъ»; «сыскать эту траву очень мудрено, потому что очень мала, едва разсмотрѣть можно, и надобно имѣть большое стараніе». Затѣмъ, съ истинно-дѣтскою наивностью говорится такъ: «эта трава *хороша* тому, кто хочетъ что̀ украсть изъ-подъ замка̀... *то никто не увидитъ*». Ворамъ даже особенно посчастливилось насчетъ указаній. Собаки, какъ извѣстно, весьма вредятъ ворамъ, но и противъ нихъ есть трава *гнида*, которая заставляетъ молчать самыхъ злыхъ собакъ. Словомъ — всевозможныя трудности промысла облегчены помощью приговоровъ и травъ.

Но мало жить только затѣмъ, чтобы наживать деньги. Жить приходится въ людскомъ обществѣ, при чемъ простой человѣкъ, желающій устроить жизнь «по-хорошему», страшно нуждается въ томъ, чтобы его любили, уважали, чтобы не были злы на него, чтобы враги превратились въ друзей. И замѣчательно, что въ то время, когда для исцѣленія серьезныхъ физическихъ недуговъ народный лѣчебникъ предлагаетъ одно, много два средства—потребность «чести», уваженія, любви, вниманія, снисходительности, должно-быть, такъ велика въ простомъ человѣкѣ, живущемъ среди «чужихъ людей», что лѣчебникъ для облегченія предлагаетъ множество средствъ.

Чтобы любили, почитали, были внимательны—помогаютъ пять разныхъ травъ: «любишь», «царь Сирхамитъ», «царевы очи», «Адамова голова», «солнечникъ». Про траву *любишь* сказано, что, «носить ее съ собою — то люди будутъ любить и не будутъ зла помнить»; а въ приговорахъ къ ней добавлено, что «эта трава хороша, когда пойдешь къ какимъ людямъ, или гдѣ живешь—то имѣй ее при себѣ, и когда пойдешь (къ людямъ), то возьми ее и проговори три раза: «какъ сія трава *любишь* по имени хороша и знатна, такъ бы и я, рабъ Божій, между боярами и купцами и всѣми добрыми людьми былъ хорошъ, знатенъ, и нынѣ и присно», и т. д. Приговоры въ томъ же родѣ, но мѣстами—болѣе сильно выраженные, мѣстами—менѣе, присоединены ко всѣмъ вышеуказаннымъ травамъ, которыя употребляются въ самыхъ разнообразныхъ видахъ: то подкладываются въ питье, то держатся въ рукѣ, подъ

рубахой. И все это дѣлается не потому, чтобы человѣку нужна была любовь и внимательность того или другого лица, но потому, что ему *вообще* нужны мягкія, добрыя людскія отношенія, чтобы его не слишкомъ ужъ донимали «чужіе люди...»

3.

Но, кромѣ страха передъ чужими людьми, у простого человѣка есть еще нѣчто такое, что страшитъ его безъ всякаго сравненія болѣе этихъ чужихъ людей. Это—начальство и начальники. Въ этомъ трудномъ дѣлѣ лѣчебникъ предлагаетъ множество средствъ. Не говоря о пяти перечисленныхъ, касающихся также и начальства и дѣйствующихъ и на него мягчительнымъ образомъ, есть въ лѣчебникѣ много, чисто-спеціально назначенныхъ для смягченія начальства, травъ и приговоровъ. Едва ли во всемъ лѣчебникѣ, среди всѣхъ нравственныхъ и физическихъ недуговъ, отъ которыхъ онъ думаетъ исцѣлить, есть такой, который бы поровнялся со страхомъ и трепетомъ, охватывающимъ простого человѣка предъ начальникомъ.

До какой степени грозенъ и ужасенъ для простого человѣка образъ начальника—это можно видѣть изъ тѣхъ мѣстъ приговоровъ къ травамъ, которыя характеризуютъ средства, необходимыя для обороны. Чтобы начальники были добры, «хороши», кромѣ множества другихъ, не столь замѣчательныхъ травъ, рекомендуется трава *одоленъ*. Растетъ она въ стрѣлу и больше, цвѣтъ красенъ или желтъ, а корень—что *бумага* (замѣтьте, что цвѣтъ травы *охля,* помогающей быть богатымъ, похожъ на *денежку,* а вотъ корень травы, касающейся начальства, походитъ цвѣтомъ на бумагу). Ее надо носить на себѣ, закатавъ въ воску,—и тогда одолѣешь враговъ, а власти тебя не одолѣютъ. Воскъ, въ который надо закатывать траву, долженъ быть такой, который горѣлъ передъ образомъ. Вооружившись этимъ талисманомъ, можно смѣло идти къ начальству; но нужно проговорить: «*иду насупротивъ медвѣдя, упираюсь волкомъ.* Пресвятая Богородице, спаси меня». Это надо проговорить три раза, не переводя духа. Потомъ нужно десять разъ проговорить: «Пресвятая Богородице, спаси меня, раба Божія». Эти слова надо проговорить какъ можно скорѣе: тогда, гово-

ритъ лѣчебникъ, «иди прямо, и все будетъ хорошо, и къ которому человѣку идешь, *тотъ хоша и похожъ бы на звѣря*—и тотъ смягчится, и будетъ ласковъ, и одолѣешь всякаго врага».

Другой сортъ этой же травы, какъ видно, будетъ много посильнѣе, въ видахъ тѣхъ же умилостивляющихъ цѣлей; по приговоръ къ этой травѣ поистинѣ замѣчателенъ. Имѣя траву, закатанную въ воскъ, и идя къ начальнику, въ то время, когда подойдешь къ дверямъ его дома, надо проговорить слѣдующій заговоръ «*на укрощеніе злыхъ сердецъ*»: «Сажусь въ сани, крытыя бобрами и соболями. Ѣду на черномъ медвѣдѣ, погоняю лисицами и куницами; а какъ лисицы и куницы, бобры и соболи честны и величавы между панами и попами, между міромъ и селомъ, такъ бы и я былъ честенъ и величавъ между панами и попами, между міромъ и селомъ», то-есть иду съ добромъ, попросту—со *взяткой*. Но если это не поможетъ, то *приговоръ* не прочь и по части зла, потому что продолжается такъ: «Ѣду на гадинѣ, ужъ погоняетъ. У поповъ, у судьевъ—полонъ дворъ свиней, и я тѣхъ свиней *перепьмъ;* сѣю макъ—разойдутся (отъ него) судьи, а тѣ, что̀ меня судятъ—не осудятъ; у меня *медвѣжій ротъ, волчьи зубы, свиные зубы* (вотъ какъ онъ вооруженъ!). Кто мой макъ будетъ подбирать, тотъ на меня будетъ судъ давать, (а я) спрячу макъ въ желѣзную кадь, брошу кадь въ окіанъ-море, окіанъ-море не высыхаетъ, кади моей никто не вынимаетъ и маку моего не подбираетъ (а стало-быть, никто и не придирается). Замыкаю зубы и губы злымъ сердцамъ, а ключи бросаю въ окіанъ-море, въ свою желѣзную кадь. Когда море высохнетъ, тогда макъ изъ кади выберутъ, а тогда и мнѣ на свѣтѣ не бывать». Этотъ заговоръ надо проговорить, стоя у двери дома, гдѣ живетъ начальникъ, или при входѣ въ «присутственное мѣсто». Проговоривъ, «иди прямо: то все будетъ по-твоему». Ко всему этому въ концѣ заговора прибавлено: «это было испытано».

Мы привели только главнѣйшія средства, рекомендуемыя для укрощенія злыхъ сердецъ; но, повторяемъ, ихъ очень-очень много въ лѣчебникѣ, больше чѣмъ на всѣ другія затрудненія въ жизни простого человѣка.

4.

Позволимъ себѣ привести еще три заговора, которые, какъ намъ кажется, весьма характерны. Первый касается любви. Какъ мужчинѣ или женщинѣ приворожить къ себѣ любимаго человѣка? Любовный заговоръ, такъ же, какъ и заговоры *для злыхъ* дѣлъ, происходитъ со снятіемъ креста, при чемъ подъ лѣвую пятку кладется крестъ, а подъ правую—хлѣбъ. Въ рукахъ влюбленный человѣкъ держитъ кусокъ сахару, приготовленіе котораго въ такой степени отвратительно, что его изображать не будемъ. Дѣло происходитъ въ банѣ. Взявъ въ руки сахаръ и положивъ подъ обѣ пятки, что̀ слѣдуетъ, надо проговорить: «Лягу *не* благословясь, встану *не* перекрестясь» и т. д. (все, что̀ въ прежнемъ заговорѣ насчетъ того, чтобы *все знать*). Послѣ словъ «сатана-сатанище»—слѣдуетъ: «Помоги мнѣ, сатана-сатанище, поймать, изловить... дѣвушку (или мужчину), напусти на нее тоску-тоскущую, сухоту-сухотущую, въ румяную кровь, въ ретиво сердце, чтобы она на меня зрѣла и смотрѣла и съ очей меня не спускала, гдѣ увидится, въ уста цѣловала, думами не сдумывала, ѣдами не заѣдала, питьемъ не запивала, паромъ не спаривала, водой не смывала... Какъ вкругъ головы моей волоса виснутъ, такъ бы и она кругомъ меня висла. Запираю и замыкаю эти слова тридцатью ключами (насчетъ злыхъ сердецъ—только *одинъ* ключъ), бросаю эти ключи въ окіанъ-море: какъ не бывать ключамъ этимъ поверхъ воды, такъ не бывать бы поверхъ моего слова и силы». Послѣ этого сахаръ надобно дать въ кофеѣ любимому человѣку «въ первомъ стаканѣ», при чемъ *онъ* (чортъ) въ то время, когда любимый человѣкъ будетъ пить кофе, долженъ дать знать о томъ, что заклинаніе услышано: онъ стукнетъ, прошуршитъ или пропищитъ. Если же это не случится, то заклинаніе не дѣйствуетъ. «Только,—прибавлено въ концѣ средствія:—нужно быть смѣлому и *безбожному*,—тогда все скоро будетъ».

Заговоръ ружью, передъ отходомъ на охоту, отличается еще бо̀льшею страстностью: «Встану я благословясь и т. д. (сатаны-сатанищи нѣтъ и въ поминѣ), стану я, рабъ Божій, на мать сыру-землю, помолюсь и поклонюсь на всѣ четыре стороны, стану я свою Марью Марвинскую, огненную бойницу, лютую стрѣлу заправлять, и закладать, и заговаривать; ой же ты, Марья Марвинская, лютая стрѣла, огненная бойница, царь желѣза аравійскаго, не я тебя за-

правляю, не я тебя закладаю и не я тебя заговариваю, а закладаетъ тебя и т. д. самъ Господь Іисусъ Христосъ и Мать Божія, Пресвятая Богородица. Мать Божія, Пресвятая Богородица засыпаетъ Свой сильный порохъ. Самъ Господь Христосъ закладаетъ Свою свѣтлую пулю на звѣря побѣгучева, на птицу полетучую, кровь горячую. Заложивши пулю и помолившись на всѣ четыре стороны, пойду въ далекое чистое поле, пущу далеко лютую стрѣлу. Не упадай, моя лютая стрѣла, ни на землю, ни на воду, ни въ дерево стоячее, ни въ колоду лежачую, а упадай, моя лютая стрѣла, на звѣря побѣгучева, въ птицу полетучую, въ кровь горячую. Дуну, плюну я на мать сыру-землю; какъ моему плевку отъ моего дыханія не подняться, такъ бы этому звѣрю побѣгучему и т. д. не подняться отъ матушки сырой земли. Чтобы никому мою лютую стрѣлу не испортить, не околдовать, ни колдуну ни колдуньѣ, ни дѣвкѣ ни молодицѣ, ни старому ни малому, ни сутуловатому ни горбатому, ни встрѣчному ни поперечному, ни лихостливому ни жалостливому, ни радостливому ни съ яву глядящему, ни со стороны смотрящему ни исподлобья видящему, ни мнѣ самому охотнику отъ бѣлаго тѣла, ретиваго сердца, крови горячей и *всѣмъ различнымъ чинамъ* по моимъ мастерскимъ наговорамъ, *заамминилъ* Господь и небо и землю, и зааминь, Господи, мои словеса на вѣки вѣковъ» и проч.

Третій и самый, какъ намъ кажется, трогательный и любопытный заговоръ—«если кто хочетъ *забыть* человѣка». Припомните эти рекрутчины, эти солдатчины, когда мать, жена разставались съ любимымъ человѣкомъ чуть не на всю жизнь. Припомните эти мучительныя ожиданія вѣсточки, эту годами угнетающую неизвѣстность, одиночество, тоску о миломъ дружкѣ. Сколько тутъ муки мученской!.. И вотъ создается заговоръ, чтобы *забыть* этого любимаго человѣка, такъ какъ самъ своей волей любящій человѣкъ не въ силахъ этого сдѣлать. Бѣдный изстрадавшійся человѣкъ идетъ къ чистому ручейку, три раза плещетъ на себя студеной водой и говоритъ: «Какъ я, раба Божія, родилась чиста, такъ и меня очищай святая водица и Матушка Богородица... Какъ я забылъ родительскій день (т.-е. день рожденія), такъ бы и мнѣ забыть его нынѣ» и т. д.

Мы не коснулись и десятой доли сторонъ народной жизни, затрагиваемыхъ народною книгой; но и то, что из-

влечено изъ нея, ужъ можетъ дать понятіе о той массѣ запросовъ, требованій, желаній, таящихся въ народѣ и не находящихъ удовлетворенія ни въ чемъ, кромѣ заговоровъ и травъ.

Разнообразныя формы ига сдѣлали свое дѣло; но человѣкъ, какъ видите, остался живъ, невредимъ, и душа его жива. Компетентныя лица, близко знающія современный народъ, утверждаютъ, что онъ ужъ не довольствуется плодами собственной мудрости, не имѣвшей цѣлые вѣка благопріятной минуты для полнаго своего выраженія, и ищетъ указаній у чужихъ людей, въ работѣ чужого ума... Онъ берется на первыхъ порахъ за евангеліе.

Работы для будущаго народнаго писателя, какъ видите, предстоитъ много, такъ какъ читатель у него будетъ, несомнѣнно, многочисленный.

НЕПОРВАННЫЯ СВЯЗИ.

I. „Лядины“.

Всякому петербургскому ружейному охотнику должны быть хорошо извѣстны тѣ мѣста, преимущественно въ Новгородской губерніи, которыя называются *лягами* или *лядинами,* куда господа столичные охотники ѣздятъ бить медвѣдей, зайцевъ, лисицъ, тетеревовъ, вальдшнеповъ, бекасовъ и вообще всевозможныхъ звѣрей и птицъ, и откуда возвращаются въ столицу, въ большинствѣ случаевъ не проливъ ни единой капли птичьей или звѣриной крови и не выпустивъ изъ своихъ превосходныхъ ружей ни единаго превосходнаго патрона, если не считать нѣсколькихъ выстрѣловъ въ пустыя бутылки отъ рейнвейна, опорожненныя за завтракомъ и очень часто (надо отдать честь искусству господъ столичныхъ охотниковъ) разбиваемыя въ мелкія дребезги налету...

Господамъ столичнымъ охотникамъ очень хорошо должно быть извѣстно, что такія безплодныя, хотя и дорого стоящія экскурсіи оканчиваются выстрѣлами въ пустыя бутылки вовсе не потому, чтобы въ лядинѣ не было ни птицъ ни звѣрей. Какъ извѣстно, въ противномъ увѣряютъ охотниковъ всѣ мѣстные обыватели-мужички, раздѣляющіе съ ними трудности экскурсіи. Одинъ, напримѣръ, Родіонъ Миловидовъ, самъ видѣлъ цѣлое полчище тетеревовъ въ то самое время, когда баринъ, около котораго онъ хлопоталъ, сидѣлъ въ шалашѣ и ничего не видалъ. Если же Родіонъ и не убилъ ни одного тетерева, то именно потому, что «*поопасился*» барина потревожить, «какъ бы, молъ, не

осерчали, зачѣмъ разбиваешь охоту,—а то тетеревей было даже до пропасти, вотъ это самое мѣсто». Зайцевъ, или, какъ говорятъ здѣсь, зайцовъ, Иванъ Харитоновъ также настигъ цѣлую стаю, «хошь руками бери», да на грѣхъ у него ружье недалеко бьетъ и порохъ «крупенъ», «поопасился у господъ упросить пороху, а то бы, ежели бы съ хорошимъ ружьемъ, такъ онъ однимъ ударомъ въ клочья бы всю стаю расшибъ; главная причина—ружье оченно неспособно... А кабы-ежели!»

Господамъ охотникамъ также должно быть хорошо извѣстно, что такого рода увѣренія, начинающіяся обыкновенно послѣ полной неудачи и блещущія удивительной изобрѣтательностью, хоть и страдаютъ извѣстной долею преувеличеній, имѣющихъ цѣлью успокоить неудовлетворенныхъ «господъ», объяснивъ неудачу охоты только самыми незначительными случайностями («ружье не хватаетъ», «поопасился вдарить» и т. д.), но не совсѣмъ лишены и нѣкотораго правдоподобія, такъ какъ не только Иванъ Харитоновъ или Родіонъ Миловидовъ видѣли «собственными глазами» и зайцевъ и тетеревовъ, но и сами господа охотники также видали—хотя, конечно, не въ такихъ, какъ Миловидовъ и Харитоновъ, размѣрахъ—и тетеревовъ и зайцевъ. «Дѣйствительно,—подтверждаетъ свидѣтельство Миловидова г. N***:—я *самъ* видѣлъ тетерева... только ужасно далеко!» Г-нъ М. также видѣлъ и утку и зайца, и стрѣлялъ, но не попалъ. Мало того: иногда во время этихъ разговоровъ, а иной разъ именно въ ту минуту, когда охота ужъ кончилась и охотники, отложивъ попеченіе о кровопролитіи, начинаютъ палить въ бутылку, именно въ эту-то минуту у кого-нибудь изъ нихъ «изъ-подъ самыхъ ногъ», въ буквальномъ смыслѣ, шумно взовьется тетеревъ и—удивительно!—нисколько не спѣша и не торопясь, умѣетъ какъ-то тутъ же куда-то безслѣдно исчезнуть, пропасть у всѣхъ на глазахъ!

Такое очень частое появленіе «изъ-подъ самыхъ ногъ» или «подъ самымъ носомъ» всевозможнаго звѣрья и птицы, на ряду съ собственными, также довольно частыми наблюденіями господъ охотниковъ и увѣреніями мѣстныхъ обывателей, несмотря на почти постоянныя неудачи столичныхъ охотниковъ, продолжаетъ удерживать за «лядинами» славу отличнѣйшихъ для охоты мѣстъ.

И точно, есть здѣсь много всякаго звѣрья и птицы; но отличительныя природныя свойства, характеризующія мѣст-

ности, называемыя лядинами, даютъ ей полную возможность пропадать изъ-подъ носа и изъ-подъ ногъ. Даже подстрѣленную птицу или зайца иногда бываетъ очень трудно, а очень часто и просто невозможно разыскать, хотя и видно, куда она упала. Поминутно отъ мѣстныхъ охотниковъ-крестьянъ слышишь: «вдарилъ я въ него — только шерсть клочьями разлетѣлась; побѣгъ я, хотѣлъ ужъ руками брать, а онъ (заяцъ) очувствовался, прыгнулъ въ прутнякъ, искалъ-искалъ-искалъ — нѣтъ! А ужъ, вѣрно, мертвый лежитъ гдѣ-нибудь!» Природныя свойства ляги, такъ привѣтливо укрывающія звѣря и въ такое безпомощное положеніе ставящія человѣка, заключаются въ слѣдующемъ.

Лядины суть громадныя пространства лѣсныхъ болотъ, перемежающіяся съ незначительными, болѣе или менѣе сухими (но никогда совершенно не высыхающими) пространствами, едва-едва приподнятыми надъ поверхностью болотъ. Пространства эти, не исключая самыхъ топкихъ мѣстъ, густо покрыты довольно разнообразными породами лѣса— ель, сосна, береза, ольха, осина—лѣса, растущаго, въ буквальномъ смыслѣ, «какъ борода»: такъ же скоро и такъ же часто. Изъ каждаго срубленнаго болѣе или менѣе рослаго дерева въ тотъ же годъ цѣлыми пучками начинаетъ пробивать прутнякъ, густыми, непроходимыми стѣнами котораго окружены всѣ промежутки между рослыми деревьями, всѣ пни, и которымъ непроходимо зарастаютъ такъ-называемыя *гари,* мѣста лѣсныхъ пожаровъ.

Въ этихъ гаряхъ прутнякъ (коллективное названіе всякой древесной породы, растущей тонкимъ, длиннымъ и ломкимъ прутомъ), какъ щетка, лѣзетъ изъ мховъ, изъ-подъ старыхъ корней, опутываетъ громадныя сгнившія, поваленныя огнемъ, и вѣтромъ, и гнилью деревья, и вотъ здѣсь-то во всякое время года преспокойно полеживаетъ и погуливаетъ Михайла Ивановичъ, твердо зная, что до него здѣсь никто не доберется. Здѣсь нельзя сдѣлать шагу безъ звонкаго треска сучьевъ, ломающихся и подъ ногами и въ рукахъ, которыми приходится раздвигать густой прутнякъ чуть не у самаго носа. Сухіе сучья отъ малѣйшаго толчка по сухому, кое-какъ еще державшемуся на ногахъ дереву падаютъ съ трескомъ вамъ на дорогу, загораживаютъ путь, который весь пересѣченъ массами наваленныхъ другъ на друга деревьевъ. Нога проваливается въ гнилой пень, и, едва выбравшись изъ этой засады, вы попадаете въ не-

проходимую топь. И гнилыя деревья, и сухіе сучья, и корни, и пни—все это обильно затянуто какою-то неустанно лѣзущею изъ болота растительностью мховъ, болотныхъ травъ, цвѣтовъ, ягодъ, какихъ-то грибныхъ наростовъ, и подъ всѣмъ этимъ—вода, грязь бездонная, гниль мокрая, какой-то зацвѣтшій заплѣсневѣлый студень, въ которомъ можно увязнуть по уши, не въ фигуральномъ, а въ буквальномъ смыслѣ. Такова гарь.

Не лучше и самая лядина. Тамъ, гдѣ стоитъ негорѣлый лѣсъ, утопающій въ прутнякѣ, тамъ точно такъ же, подъ всевозможною болотною растительностью, непроходимое болото, хотя здѣсь и можно кой-какъ пробираться, пользуясь обиліемъ старыхъ корней и сучьями. Но пространства между лѣсомъ и луговинами украшаются, во-первыхъ, такъ-называемыми «мокринками», т.-е. мѣстами, гдѣ въ сухую погоду нога вязнетъ только па щиколодку, а въ мокрую—по колѣно и выше; во-вторыхъ—настоящими болотами, перебраться черезъ которыя иногда нѣтъ никакой возможности, такъ какъ лошадь тонетъ по брюхо, а тина такъ засасываетъ ступню, что человѣкъ рискуетъ навѣки остаться въ трясинѣ, а лошади вытаскиваютъ ноги, оставляя въ трясинѣ подковы. Много въ такихъ мѣстахъ навалено хворосту, палокъ, бревенъ, неизвѣстно—облегчающихъ или затрудняющихъ дорогу въ эти злачныя мѣста; но вообще пробраться туда—вещь весьма мудреная, и безъ проводника, который знаетъ тропинки, лѣтомъ пробраться трудно, а весною, въ апрѣлѣ, маѣ—совершенно невозможно.

Самое лучшее время для здѣшнихъ мѣстъ — зима: вся масса воды замерзаетъ толстымъ крѣпкимъ слоемъ льда, который все увеличивается вслѣдствіе таянія снѣговъ въ оттепели, и, какой бы ни былъ большой снѣгъ, всегда подъ нимъ нога отыщетъ твердую и ровную, какъ полъ въ комнатѣ, почву. Съ весны начинаются «отпотины», потомъ цѣлыя лужи, потомъ лужи превращаются въ рѣки; но сообщеніе во все это время еще возможно; еще не вышло днище, т.-е. еще цѣлъ низшій слой льда. Но вотъ настали теплые апрѣльскіе дни — и тутъ для всѣхъ смертныхъ, имѣющихъ съ лядиною какія-нибудь отношенія, настаетъ роковая минута: днище начинаетъ выходить. Въ эту минуту всѣ, у кого за зиму не вывезено накошенное лѣтомъ сѣно или нарубленныя дрова, изъ всѣхъ силъ бьются какъ можно скорѣе переправить ихъ къ большой шоссейной дорогѣ. Лядина оглашается воплями, хлескомъ бьющейся въ

водѣ, какъ рыба, лошади, шлепками мокраго веревочнаго кнута, раздающимися во всѣхъ углахъ громаднаго лѣсного пространства. Люди и скотъ выбиваются изъ силъ, вязнутъ по колѣно, по поясъ, по брюхо, по три, по четыре часа бьются на полверстѣ и кое-какъ добираются до двора, измучившись сами и измучивъ скотину. Наконецъ какой-нибудь изъ обывателей, весь мокрый съ головы до ногъ, возвращаясь изъ лядины и проходя по деревнѣ, свидѣтельствуетъ своимъ видомъ, что «днище вышло»! Тутъ ужъ слѣдуетъ благодарить Бога за то, что̀ успѣли спасти, и отложить всякое попеченіе о томъ, что въ лѣсу осталось столько-то сѣна и дровъ, обреченныхъ лежать тамъ до будущей зимы и, стало-быть, гнить.

Кромѣ всѣхъ вышеуказанныхъ сортовъ мокроты, лядины изобилуютъ многочисленными ручьями, которые лѣтомъ хотя и пересыхаютъ до того, что черезъ нихъ перейдетъ курица, если только не погибнетъ въ густой травѣ, которою ручьи эти заростаютъ въ изобиліи, но все-таки по обоимъ берегамъ окаймлены непересыхаемою топью. Даже мѣста, на которыхъ косятъ траву, мѣста сравнительно высокія,—и тамъ въ травѣ постоянно блеститъ на солнцѣ мокрота, вода; почва и тутъ гнется подъ ногою, какъ бы сухо лѣто ни было, и всегда, каждый годъ, благодаря этому обилію отовсюду просачивающейся воды, тамъ, на этихъ сравнительно сухихъ мѣстахъ, гніетъ масса сѣна. Словомъ, гдѣ бы нога человѣческая ни ступила тамъ, вездѣ она тонетъ либо въ гнилой кочкѣ, либо въ желтой и неароматической болотной трясинѣ, либо вязнетъ въ пышномъ, какъ губка напитанномъ водою, мхѣ. Каждый шагъ, даже въ самые сухіе года, сопровождается чавканьемъ сапога на разные тоны, далеко отдающіеся въ мертво-безмолвномъ лѣсу.

Вотъ это-то обиліе всевозможныхъ звуковъ, сопровождающихъ рѣшительно каждый шагъ человѣческій по лядинѣ—то глухимъ трескомъ сухого пня, то звонкими переломами сухихъ сучьевъ, то хляскомъ болотной воды, и шумомъ жидкой грязи, и неумолкаемымъ чавканьемъ сапога, грубо щелкающаго на мокринкахъ и глухо хлопающаго на мхахъ—это-то обиліе звуковъ, весьма исправно передаваемыхъ лѣсомъ въ отдаленнѣйшіе углы территоріи, и даетъ возможность обитающей лядину птицѣ и звѣрю заблаговременно убраться по-добру по-здорову отъ господъ столичныхъ охотниковъ и ихъ превосходнѣйшей доброты англійскихъ ружей. И звѣрь и птица за двѣ и болѣе версты слышатъ

приближеніе столичнаго лакомки и всегда имѣютъ время—Михайла Ивановичъ уйти въ свою любезную гарь, а заяцъ, гетеревъ, рябчикъ, тутъ же, поблизости господъ охотниковъ, забраться въ прутнякъ и спокойно слушать разговоры о томъ, что хорошо бы попробовать новое ружье на какой-нибудь толстомясой тетерькѣ. Зимой, когда лядина замерзла и покрылась пушистымъ снѣгомъ, количество предостерегающихъ звѣря звуковъ значительно убавляется; но зато всякій звукъ, даже шелестъ, простой разговоръ, шарканье спичекъ о спичечницу—значительно выигрываетъ въ силѣ, благодаря удивительной тишинѣ, царящей въ лядинѣ, удивительной неподвижности воздуха. Обиліе прутняка умѣряетъ самые бурные порывы вѣтра, разсѣкая волны вѣтра на милліоны ровно гудящихъ струй; а въ тихіе зимніе дни, въ особенности вечера, когда надъ лѣсомъ видна темная полоса тепла («лѣсъ падышалъ»)—тишина здѣсь стоитъ заколдованная: за три версты слышенъ на деревнѣ говоръ и можно различить — бранятся ли, поютъ ли пѣсни, или разговариваютъ; слышенъ лай собакъ, и деревенскій житель, находящійся въ лѣсу, узнаётъ, чья именно лаетъ собака. И опять хорошо звѣрю и птицѣ.

— Такъ ты говоришь,—спрашиваетъ столичный охотникъ мѣстнаго проводника:—есть зайцы-то?

— Зайцòвъ-то? зайцòвъ здѣсь—страсть!

Вотъ отъ этихъ-то разговоровъ зайцы и разбѣгаются заблаговременно.

Вообще «пропасть» изъ глазъ, изъ-подъ ногъ и т. д., благодаря предостерегающимъ звукамъ, густотѣ и обилію прутняка, звѣрю въ лядинѣ нѣтъ ничего легче; но и человѣку, говоря безъ всякаго каламбура, ничего нѣтъ легче «пропасть» здѣсь, если бы только существованіе его зависѣло исключительно отъ ея природныхъ богатствъ и свойствъ. Чтò здѣсь дѣлать ему? Подо мхомъ, на самыхъ сухихъ мѣстахъ лежитъ тоненькая, въ два вершка, прослойка земли, съ грѣхомъ пополамъ удобной для посѣва; но толстый, непроницаемый слой глины, лежащій подъ этой прослойкой, дѣлаетъ занятія хлѣбопашествомъ весьма рискованными. Въ дождливое время хлѣбъ вымокаетъ отъ обилія влаги, въ сухое—отъ непроницаемости слоя глины, которая задерживаетъ влагу около корня хлѣба и спариваетъ его. Сѣна здѣсь много, но массу его спариваютъ дожди и вѣчная непересыхающая сырость. Вывозить его бòльшую часть года нельзя—нѣтъ проѣзду. Кормить имъ скотъ тоже

не всегда удобно, по причинѣ той же болотной сырой почвы. Овцы, напримѣръ, отъ этой сырости болѣютъ здѣсь какою-то странною болѣзнью: у нихъ отрастаютъ ногти, длиной (какъ разсказываютъ) болѣе полутора вершка, такъ что больная овца начинаетъ ползать на колѣнкахъ, не имѣя возможности ходить. Дрова, рубимыя безпрекословно въ господскихъ, казенныхъ и крестьянскихъ дачахъ едва ли не всѣми желающими, такъ-называемое въ настоящее время третье сословіе (имѣемъ, благодареніе Богу!) скупаетъ охотно по рублю за сажень и, представивъ въ Петербургъ, продаетъ по пяти. Дрова — это самое легкое и выгодное, что доставляетъ человѣку лядина. Правда, кромѣ сѣна и дровъ, лядина доставляетъ еще корье, т.-е. кору ивняка, употребляющуюся на дубленіе кожъ; но съ какими страшными не только трудами, а прямо физическими страданіями достается этотъ продуктъ, равно какъ добыча сѣна— невозможно себѣ представить, не наблюдая этого дѣла лично.

Съ первыхъ теплыхъ апрѣльскихъ дней обыватель, знакомый съ лядиной, начинаетъ замѣчать въ ясные солнечные вечера на темномъ фонѣ лѣса какія-то движущіяся въ воздухѣ кучки сѣроватыхъ существъ. Это—комары. Въ первое время поведеніе этихъ тварей весьма деликатно относительно человѣка и скота. Комаръ еще слабъ: прилетитъ, сядетъ на руку или на щеку, воткнетъ свой носъ въ кожу, но проткнуть ее у него еще нѣтъ силы, онъ еще не справился. Но теплые дни становятся все чаще и чаще, и маленькая тварь размножается съ необычайной быстротой; она уже запѣла, робко и слабо сначала, но съ каждымъ днемъ это пѣніе становится все звучнѣе и назойливѣй. Съ каждымъ днемъ сѣренькая тварь нарождается милліонами, начинаетъ покалывать, пощипывать; человѣкъ начинаетъ похлопывать себя то по рукѣ, то по щекѣ. Еще день—комариное племя уже трубитъ, а человѣкъ начинаетъ отмахиваться обѣими руками; затѣмъ—глядишь—ни дышать, ни работать, ни смотрѣть на свѣтъ отъ этой до невозможности плодущей твари невозможно. Рабочимъ человѣкомъ овладѣваетъ ожесточеніе; онъ начинаетъ ругаться нехорошими словами, бьетъ себя нещадно и бѣснуется... То же самое бываетъ и со скотиной: сначала она просто похлопываетъ себя хвостомъ по спинѣ и по бокамъ, потомъ начинаетъ бросаться изъ стороны въ сторону, чумѣть, ревѣть... Иногда заяцъ выскакиваетъ изъ прутняка въ какомъ-то

безумномъ состояніи: уши у него разъѣдены и разодраны въ кровь, и, выскочивъ на полянку, онъ ровно ничего не можетъ сообразить. Вотъ минута, когда его подлинно можно взять руками, если бы человѣкъ самъ не находился въ томъ же, какъ и заяцъ, положеніи. Не спасаютъ ни дымъ костровъ по ночамъ, ни чадъ зажигаемыхъ нарочно для этого пней, ничто, до тѣхъ поръ, покуда кожа человѣка не загрубѣетъ и не заструпѣетъ до степени непроницаемости. Но едва человѣкъ приспособился къ борьбѣ съ комаромъ, какъ на смѣну ему является слѣпень и за нимъ оводъ. Начинается новая война и прямо съ кровопролитіемъ. А затѣмъ появляются какія-то мошки, которыя, по примѣру своихъ предшественниковъ, успѣваютъ вновь еще разъ доказать здѣшнему обывателю, что «житья» для него въ здѣшнихъ мѣстахъ, точно, «нѣту» никакого. Еще зимой картина молчаливаго, точно глубоко спящаго лѣса имѣетъ нѣчто характерное и даже сильное по впечатлѣнію, но лѣтомъ просто-напросто — нѣтъ житья. Въ сухую погоду жретъ тебя комаръ, слѣпень, мошкара, а въ мокрую—Боже мой, что̀ за тоска здѣсь!—изъ-подъ мховъ «булькаютъ» какіе-то пузыри грязи; какія-то птицы прилетятъ и начнутъ терзать васъ унылѣйшими звуками: одна какъ будто уныло лаетъ; другая, мрачно запустивъ свой носъ въ грязь, издаетъ отрывистые, грубые и рѣдкіе, какъ погребальный звонъ, звуки; третья вопитъ жалобнымъ голосомъ, похожимъ на голосъ плачущаго ребенка... вопитъ безъ умолку, точно умоляетъ о спасеніи, точно кричитъ: «погибаю, погибаю, спасите... спасите!». Нѣтъ, нехороши здѣшнія мѣста!

II. Чудакъ-баринъ.

1.

Вспомнивъ, что съ этихъ непривѣтливыхъ мѣстъ «пошла русская земля», невольно приходишь къ убѣжденію, что древнѣйшему нашему прародителю-новгородцу, начинателю жизни на русской землѣ, дѣйствительно должна была придти въ голову мысль о необходимости призванія варяговъ, т.-е. начальства, которое своими мѣропріятіями давало бы какое-нибудь оправданіе мѣстному обывателю на существованіе въ такой трущобѣ, какъ лядина. Въ самомъ

дѣлѣ, представимъ себѣ древнѣйшаго нашего прародителя-новгородца, ведущаго безпрерывную и безплодную борьбу съ трясиной, «откуда есть пошла русская земля». Не приходили ли ему въ голову, примѣрно, такія размышленія: «спрашивается, зачѣмъ, на какомъ основаніи и вообще почему я обязанъ торчать въ этой трущобѣ, воевать съ комарами и вообще болѣе или менѣе пропадать въ болотѣ, въ прутнякѣ, въ гари? Изъ-за чего? Положимъ, что вотъ у сосѣдей, у нѣмцевъ, та же самая трясина и прутнякъ... Но я понимаю, что тамъ совсѣмъ другое дѣло: тамъ земля завоеванная; пришли чужіе люди, забрали въ руки все, обложили каждый лоскутъ данью. Это все понятно. Тамъ, я понимаю, человѣкъ притиснутъ къ стѣнѣ. Плати или убирайся вонъ! Не на воздухѣ же жить съ семействомъ... Разумѣется, будешь жить въ трясинѣ... Но здѣсь?! (Новгородецъ восклицаетъ почти въ ужасѣ). Зачѣмъ, изъ-за чего здѣсь?! Нѣтъ здѣсь ни завоевателей, никто тебя по шеѣ не гонитъ, никто тебя данью не опутываетъ; изъ-за чего-жъ все это мученіе? Я понималъ бы это безобразіе, если бы меня, какъ нѣмца, притиснулъ къ этому прутняку какой-нибудь безстыжій завоеватель. Разумѣется, тогда бы жилъ, долженъ былъ жить, потому ничего не подѣлаешь... Но ничего этого нѣтъ, и... я не понимаю!»

Вотъ именно такое недоумѣвающее о самомъ себѣ существованіе и было причиною того, что въ образованномъ лядинскомъ обществѣ того времени стала бродить мысль о необходимости введенія въ нашей сторонѣ порядковъ, хотя въ приблизительной только степени, по западно-европейскому образцу. Если нѣтъ заправскихъ завоевателей, которые бы приструнили нашего брата, «новгородскаго начинателя», на нѣмецкій манеръ, то, очевидно, необходимо самимъ позаботиться объ этомъ, самимъ установить нѣчто въ родѣ завоеванія. Нельзя сказать, чтобы расчетъ былъ плохъ, — напротивъ, въ немъ видна значительная доля чисто-русской смѣтливости, глазомѣра и вообще недюжиннаго ума. Въ Европѣ сначала—завоеваніе, потомъ дань; у насъ — прямо дань, а на завоеваніи прародители наши, очевидно, остались въ чистомъ барышѣ. Съ тѣхъ поръ до настоящаго времени обитателямъ лядинъ есть чѣмъ отговориться, когда къ нему пристанутъ съ вопросомъ, зачѣмъ онъ торчитъ въ этой трясинѣ и изъ-за чего бьется?

— Подати, батюшка,—говоритъ онъ:—пода-а-ти!.. Подати надоть платить, изъ-за того и бьемся... Недоимка!

И дѣйствительно недоимки накопилъ лядинецъ сверхъ всякаго вѣроятія.

Итакъ, если лядина обладаетъ вышеописанными свойствами; если древнѣйшій прародитель нашъ, новгородецъ, долженъ былъ призывать варяговъ только для того, чтобы они заставили жить и страдать въ этихъ трясинахъ; наконецъ, если въ настоящее свободное время мѣстные обыватели не хотятъ пріобрѣсти лядину и за половину той цѣны, которую они давали во время крѣпостного права, если, повторяемъ, все это такъ, то спрашивается: чѣмъ, какими резонами можно объяснить попытку какого-то чудака превратить это пустое мѣсто въ нѣчто обитаемое? Какіе резоны имѣлъ этотъ чудакъ начать постройку (и не кончить) большого двухъэтажнаго дома въ одной изъ этихъ трясинъ? Кого онъ хотѣлъ удивить, начавъ (и не кончивъ) копать въ этой болотной трясинѣ канавы, какъ извѣстно, мгновенно зарастающія прутнякомъ и всякой травой? Что̀, кромѣ величайшихъ неудобствъ, имѣлъ въ виду неизвѣстный чудакъ, пытаясь перекинуть черезъ нѣкоторыя трясины довольно приличные мостики, такъ какъ выбраться изъ трясины на мостъ и затѣмъ уже съ нѣкоторой высоты вновь опрокинуться въ трясину же — ни крестьянину съ возомъ ни охотнику столичному, шагъ за шагомъ пробирающемуся на тряской телѣгѣ въ какой-нибудь откупленный для охоты участокъ, не представляетъ ни малѣйшей пріятности. И вообще, что̀ это за чудакъ?

Такія мысли невольно должны приходить въ голову какъ крестьянину, пробирающемуся на дровняхъ за дровами или за сѣномъ въ лѣсъ, такъ и столичному охотнику и всякому случайному прохожему, путь котораго почему-либо лежитъ мимо покинутой, но, очевидно, очень недавно начатой, и притомъ въ широкихъ размѣрахъ, мызы, раскинутой въ довольно глухой мѣстности одной изъ лядинъ новгородскихъ.

Мыза задумана въ широкихъ размѣрахъ: деревянный, двухъэтажный съ мезониномъ домъ стоитъ недостроенный, очевидно, брошенный своимъ владѣльцемъ; стекла въ окнахъ нижняго этажа кой-гдѣ цѣлы; во второмъ нѣтъ ни стеколъ ни даже рамъ; въ мезонинѣ то же самое. Домъ, надо думать, предполагалось поставить въ саду, о чемъ свидѣтельствуетъ повалившаяся въ разныхъ направленіяхъ загородь. Новыя въ то время ворота стоятъ покачнувшись и перекосившись. Баня, людская просторная изба, сарай, скотный дворъ,

погребъ—все это ново, пахнетъ свѣжимъ лѣсомъ, носитъ слѣды недавняго струга, рубанка, пилы. Масса щепъ вокругъ дома тоже свидѣтельствуетъ о томъ, что затѣя поселиться въ трясинѣ — затѣя недавняя, и все это, несомнѣнно, стоящее большихъ денегъ, брошено, покинуто на произволъ судьбы. На разспросы случайныхъ посѣтителей извозчикъ или проводникъ изъ окрестныхъ крестьянъ обыкновенно отвѣчаютъ, что «хо-о-рошій былъ баринъ... и-и, какой человѣкъ! одно слово—доброта, душа-человѣкъ! Не нажить такого барина и вовѣкъ!». А куда онъ исчезъ, этотъ «хорошій баринъ», никто не знаетъ. Разсказывали, что ушелъ въ заморскія земли. «И какъ ушелъ-то? Думали-было, что въ городъ поѣхалъ на день, на два, анъ—глядь—вотъ ужъ второй годъ его нѣту, и посейчасъ неизвѣстно гдѣ»... Точно такъ же неизвѣстна мѣстнымъ обывателямъ и причина, почему баринъ нашелъ нужнымъ бросить все добро, бросить такую кучу денегъ, уйти, не сказавъ ни слова знакомымъ мужикамъ, которые «оченно и премного бариномъ довольны были и завсегда» и т. д.

И затѣмъ, если бы случайный посѣтитель пожелалъ разузнать о баринѣ что-нибудь подробнѣе, то ему сообщили бы множество фактовъ, доказывающихъ необыкновенную доброту и простоту (похвальная сторона этого послѣдняго качества въ устахъ крестьянина имѣетъ весьма сомнительное свойство), но рѣшительно ничего въ объясненіе причинъ появленія его въ этой трясинѣ. Разскажутъ вамъ для характеристики барина: «Ужъ и доберъ только былъ человѣкъ, на рѣдкость даже!.. Цѣной не скупился: впередъ давалъ, сколько хошь—по сту, по двѣсти рублей, и по триста давывалъ, работой не неволилъ... Бывало, какъ лѣсъ чистили, часика съ два потукаешь топоромъ, деревъ съ пятокъ свалишь, ужъ бѣжитъ: не устали ли, молъ, ребята? Водки тащатъ, закуски — пей... Это, напримѣръ, чай съ сахаромъ за всякое время пей, сколь хошь! Въ накладку пивали, сказать ежели вамъ по совѣсти истиннымъ Богомъ... всей артелью человѣкъ въ тридцать въ накладку—пей! Ничего! Никакихъ вредовъ не дѣлалъ... Это ужъ что говорить!.. Иди ты, братецъ мой, къ нему въ полночь—запрету нѣтъ, иди прямо—допускаетъ безъ разговору, садись, пей чай али тамъ вино, кофей — это у него сдѣлай милость, не опасайся!.. Скажешь: — «А что, Михалъ Михалычъ, хотѣлъ я у васъ увпросить, коровенку хочу...»— «Много-ль?»—И сію минуту дастъ, ежели есть, а ежели

нѣту — «вотъ, говоритъ, съѣзжу въ городъ, привезу»... И вѣрно!.. Одно слово, баринъ былъ добрѣющій, худова слова даже ни единова разу не сказалъ; а надо говорить ужъ правду, случалось, въ нимъ худо поступали, что̀ грѣха таить!.. Подъ конецъ, какъ ему уйти, народишко-то вокругъ него малымъ дѣломъ поиспортился... Бывало такъ, что только топоромъ стучитъ объ дерево, а рубить не рубитъ. Стучатъ пострѣлы по пнямъ, а потомъ идутъ расчетъ получать. И платилъ, и впередъ давалъ. До чего баловство проникло, напримѣръ, что Мишка — вотъ тутъ есть мальчонка—такъ тотъ, пострѣленокъ, бывало, въ людской сидимъ, чай пьемъ, набьетъ себѣ въ чашку кусковъ восемь, а то и десять сахару, сидитъ въ шапкѣ передъ образа̀ми, да еще и на столъ, съ позволенія сказать, садился! Истиннымъ Богомъ садился, вотъ до чего ихъ обуяло! А иной и совсѣмъ худо дѣлалъ. Дастъ ему Михалъ Михалычъ сотельную: «Поди, молъ, хо́шь тамъ Микита или Егоръ, размѣняй, молъ, бумагу-то, да кстати отдай тому-то, либо тому»...—«Слушаю!»—скажетъ и пойдетъ, да вмѣсто того, чтобы отдать, кому приказано, приходитъ назадъ и докладываетъ: «Ужъ вы меня, Михалъ Михалычъ, не браните: я деньги ваши истратилъ, купилъ себѣ тесу или, тамъ, лошадь, корову; ужъ вы меня поставьте на работу, я вамъ отслужу». И то не серчалъ. «Ну что-жъ!»—только всего и было отъ него... Вотъ какой былъ человѣкъ!.. Ну, а какъ сталъ онъ мало-маленько хмелемъ зашибать—ну, ужъ тутъ съ нимъ стали орудовать, надо сказать, прямо не по-хорошему... Во хмелю-то хоть раздѣвай его. Плачетъ, а съ него счищаютъ деньгу-то: охотниковъ-то у насъ на эти дѣла, господинъ, весьма предовольно!.. Я такъ думаю, что должно быть, что капиталу онъ своего рѣшился въ нашихъ мѣстахъ—оттого и ушелъ. А ужъ этакій былъ баринъ!.. Не нажить такого барина намъ, нѣтъ, не нажить! Подъ конецъ-то онъ чего-то ужъ больно затужилъ, выпьетъ, бывало—и крѣпко иной разъ выпивалъ — и зальется, а съ чего—не сказываетъ».

И если бы случайному человѣку захотѣлось узнать, «съ чего же это онъ грустилъ такъ», то мѣстный обыватель не нашелъ бы что̀ отвѣтить или отвѣтилъ бы что-нибудь въ родѣ:—«А Господь его праведный знаетъ... Капиталу своему, можетъ, сожалѣніе было, али что-нибудь, какіе прочіе предлоти—неизвѣстно намъ это. Господь его вѣдаетъ!»

И ничего болѣе мѣстный обыватель и даже очевидецъ

не сообщитъ о чудакѣ добромъ баринѣ. Анекдотовъ объ этой добротѣ, разныхъ случаевъ, въ которыхъ она выказывалась, сообщатъ многое множество; но всѣ эти свѣдѣнія нарисуютъ предъ вами только фигуру *барина,* правда, добраго, но, вообще, *человѣка* не нарисуютъ. Источникъ доброты, этой чудачливой панибратской обходительности барина съ крестьянами, этой заботливости о томъ, «что̀, молъ, не усталъ ли», наконецъ источникъ этого невозможнаго равнодушія къ деньгамъ—все это для мѣстнаго обывателя и даже очевидца объясняется именно *барскими,* отличающими барина отъ мужика, свойствами. Баринъ можетъ такъ *чудачить,* куролесить, баринъ воленъ куролесить на такой образецъ, какъ пожелаетъ: на то онъ не мужикъ, а баринъ, на то у него и денегъ много.

2.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ совершенно случайно пришлось намъ познакомиться съ этимъ, отсутствующимъ теперь въ неизвѣстности, добрымъ бариномъ, Михаиломъ Михайловичемъ, и теперь иной разъ, сидя на крыльцѣ его мызы (приведенной въ порядокъ однимъ моимъ знакомымъ) и толкуя съ обывателями обо всякой всячинѣ, я до нѣкоторой степени могу себѣ представить поистинѣ трагическое состояніе духа, въ которомъ долженъ былъ находиться добрый Михаилъ Михайловичъ...

Добрый *баринъ!* Что̀ можетъ быть ужаснѣе для человѣка съ его направленіемъ мыслей! Онъ, въ ту пору молодой, двадцатипятилѣтній барчонокъ, только-что оставившій университетскую скамью, пріѣхалъ сюда вовсе не для того, чтобы величаться капиталами, барствомъ и довольствоваться всеобщимъ раболѣпіемъ. Для охотниковъ ко всему этому есть другія поприща, а не лядинская трущоба. Онъ явился здѣсь именно въ увѣренности, что онъ *порвалъ связи* какъ съ своимъ семействомъ, такъ и съ городскимъ обиходомъ жизни, съ своекорыстнымъ употребленіемъ своего капитала, знанія и т. д., и т. д. Все это онъ бросилъ позади себя и явился нарочно въ трущобу, въ безплодное дикое мѣсто, гдѣ человѣкъ терпитъ, нуждается, бьется... Михаилъ Михайловичъ пришелъ сюда съ тѣмъ, чтобы «на новомъ мѣстѣ» совершенно по-«новому» начать жить, жить такъ, чтобы каждый кусокъ, который попадаетъ ему въ ротъ, не пахнулъ чужимъ трудомъ, чужимъ по̀томъ. Онъ пришелъ трудиться наравнѣ со всѣми, какъ равный въ правахъ и

обязанностяхъ, спать вмѣстѣ съ другими на соломѣ, ѣсть изъ одного котла, а деньги, какъ нажитыя общимъ трудомъ (такъ былъ М. М. въ этомъ глубоко увѣренъ въ то время юношескихъ фантазій), должны быть достояніемъ той кучки людей, которая должна была образоваться какъ изъ крестьянъ, такъ и изъ искренно разорвавшихъ съ прошлымъ интеллигентныхъ людей. Что среди крестьянъ онъ непремѣнно отыщетъ людей, которые всецѣло не только поймутъ, но еще разовьютъ его мысли—въ этомъ онъ былъ совершенно увѣренъ. Крестьянинъ—это одѣтый въ полушубокъ живой памятникъ всего, чего не упишешь въ 26-ти томахъ исторіи Соловьева. Мало того: въ то прекрасное время къ фигурѣ крестьянина какъ-то невольно примыкивало, кромѣ 26-ти томовъ Соловьева, еще все мучительно передуманное и пережитое европейскою жизнью.

Сообразивъ все это и соединивъ все такъ безобразно-трудно пережитое человѣчествомъ въ лицѣ крестьянина, которому наконецъ настало время вздохнуть свободно, Михаилъ Михайловичъ не могъ не подозрѣвать, что такое существо, какъ крестьянинъ, бѣдный, измученный, забитый, испытавшій и пережившій Богъ знаетъ какія невзгоды, несущій на своихъ плечахъ опытъ тысячелѣтнихъ трудовъ,—долженъ, *непремѣнно долженъ* питать ненасытную жажду устроить жизнь по-новому; у него въ горлѣ пересохло отъ этой жажды, онъ ждетъ не дождется, онъ страстно хочетъ вздохнуть полной грудью. Предъ этимъ величіемъ Михаилъ Михайловичъ — пигмей; онъ ничего не имѣетъ права желать, какъ только отдать этому гиганту все, что̀ у него есть: деньги, знаніе, трудъ. Больше Михаилу Михайловичу ничего не нужно. Онъ пришелъ униженнымъ и смиреннымъ работникомъ. Такъ Михаилу Михайловичу казалось... Онъ готовъ былъ простить всякую грубость, невѣжество, всякую непріятность со стороны его народныхъ сотоварищей; онъ зналъ, что иначе не можетъ быть, что не изъ чего выработаться было тонкостямъ и деликатностямъ; онъ былъ готовъ все простить и все претерпѣть... Но—увы!—народъ никакимъ образомъ не могъ простить Михаилу Михайловичу ни капли изъ прошлаго, потому что прошлое было крѣпостное — какъ не могъ забыть и своего крѣпостного прошлаго. Этотъ крѣпостной опытъ крестьянъ — съ одной стороны, и съ другой—то, что Михаилъ Михайловичъ былъ вѣдь въ самомъ дѣлѣ баринъ, и сокрушило и планы и деньги Михаила Михайловича безъ остатка.

Да и какія бы другія представленія могъ имѣть только-что вышедшій «изъ крѣпости» крестьянинъ о людяхъ, подобныхъ Михаилу Михайловичу? Развѣ было что-нибудь и когда-нибудь подобное? А что Михаилъ Михайловичъ—баринъ, это мѣстный обыватель заключилъ по тысячѣ мелочей, которыя для Михаила Михайловича казались ничтожными, не имѣющими никакого значенія въ томъ серьезномъ дѣлѣ, какъ то, за которое онъ брался. Ужъ одно то, что онъ пріѣхалъ въ деревню со станціи въ тарантасѣ, а не пришелъ пѣшкомъ съ котомкой за плечами и босыми ногами, не попросилъ Христа ради испить—ужъ это доказывало, что онъ не мужикъ. Онъ щедро далъ на водку, далъ столько мелочи, сколько попалось въ руку въ карманѣ—«и карьера его была рѣшена!». А когда къ Михаилу Михайловичу стали пріѣзжать его пріятели, все люди простые, честные, добрые, тогда мѣстные обыватели, нимало не сомнѣвавшіеся въ томъ, что люди эти — *господа*, окончательно убѣдились еще въ томъ, что они и добрые. Одинъ послалъ за газетой на станцію и далъ рубль серебра за хлопоты—заработокъ небывалый и новый, что̀ немедленно же убѣдило обывателей въ добротѣ господъ и въ томъ, что они—чудаки.

Вотъ почему разсужденія Михаила Михайловича и его пріятелей о томъ, зачѣмъ они сюда пріѣхали, что̀ будутъ дѣлать и какъ это выгодно и прекрасно для всѣхъ, какъ это все справедливо и т. д.,—мѣстные обыватели не только не понимали, но не желали понимать. Пожелай они—поймутъ отлично; вся задача въ томъ и состоитъ, чтобы пожелать! Но они считали своимъ долгомъ поддакивать. Своему брату или вообще человѣку, который бы пришелъ съ деньгами въ эту трясину и объявилъ бы, что онъ хочетъ здѣсь жить и кормиться, они бы прямо сказали: «ступай отсюда, пропадешь!». Но разъ передъ ними баринъ съ деньгами и съ своей повадкой (фантазіи Михаила Михайловича не болѣе какъ *повадка*), то дѣло другое: тутъ только «потрафляй». Вотъ почему разсужденія Михаила Михайловича, разсужденія, которыхъ крестьяне даже не считали нужнымъ внимательно выслушивать (хотя дѣлали самый внимательный видъ), получили отъ всѣхъ ихъ полнѣйшее одобреніе.

— Вѣдь и эта земля, которая вотъ, кажется, никуда не годится, вѣдь она, посмотрите, какая будетъ, если сдѣлать вотъ то-то и то-то.

— Это ужъ само собой! Этой землѣ цѣны не будетъ! Одно слово...

— Вотъ я вамъ разскажу, — робко начиная поучать, говорилъ Михаилъ Михайловичъ: — напримѣръ, въ Америкѣ...

И разсказывалъ исторію какой-нибудь американской общины, которая на безлюднѣйшихъ мѣстахъ сумѣла развести цвѣтущія довольствомъ поселенія, и только благодаря знаніямъ и опредѣленности цѣли.

— Цѣль... вотъ главное.

— Само собой! Это ужъ первымъ долгомъ!

Словомъ, какія бы невозможно-идеальныя, фантастическія идеи ни развивалъ въ это время Михаилъ Михайловичъ передъ мѣстными обывателями, всѣ онѣ безъ исключенія принимались послѣдними безъ малѣйшаго протеста и возраженія и всегда, напротивъ, съ величайшимъ одобреніемъ: «само собой!», «чего лучше?», «первое дѣло!», «первымъ долгомъ!».

Если бы Михаилъ Михайловичъ въ это время не былъ помѣшанъ на своихъ фантазіяхъ, то онъ и теперь ужъ могъ бы услышать изъ устъ своихъ крестьянъ-сотоварищей (такъ онъ думалъ) нѣчто, потрясающее всѣ его иллюзіи. Такъ, одобряя и соглашаясь, нѣкоторые изъ крестьянъ проговаривались весьма неосторожно, вставляя что-нибудь въ родѣ: «Мы завсегда хорошимъ господамъ съ охотой готовы... Чтò нашихъ силъ... Для господъ...». Но Михаилъ Михайловичъ въ эту пору никого и ничего не слыхалъ, занятый новымъ дѣломъ, какъ и мужики не слышали, чтò онъ толкуетъ, занятые своимъ старымъ. Онъ полагалъ, что всѣ разсужденія—сущая правда и неопровержимы, и мужики думали, что они ловко потрафляютъ барину, поддакивая,—и не ошиблись. Баринъ оказался—«рубаха!».

3.

Начавъ *общее* дѣло съ взаимнаго и совершенно основательнаго нежеланія слушать другъ друга, добрый баринъ и добрый мужикъ такъ это дѣло и продолжать стали. Баринъ «гналъ *свою* линію», всячески угождая мужикамъ и относясь къ нимъ съ полнымъ почтеніемъ; мужики погнали свою линію, также всячески угождая барину и относясь къ нему съ полнымъ почтеніемъ. Все это, говоря обывательскимъ языкомъ, произошло въ полной мѣрѣ «само собой». И не прошло трехъ-четырехъ мѣсяцевъ послѣ того, какъ

Михаилъ Михайловичъ вступилъ во владѣніе лядинской пустыней, какъ однажды, проснувшись утромъ въ наскоро сколоченномъ мужиками сараѣ, не безъ нѣкотораго ужаса почувствовалъ, что въ его житьѣ-бытьѣ что-то неладно...

— Канавы прикажете, Михаилъ Михайловичъ, гнать, аль мосты наводить? — спросилъ его крестьянинъ, снявъ шапку.

Михаилъ Михайловичъ молчалъ.

Онъ былъ пораженъ.

«Что-жъ это,—думалъ онъ:—вѣдь я, кажется, *приказываю... командую...*»

Однако, собравшись съ духомъ, онъ все-таки отдалъ какое-то приказаніе. Но, поднявшись съ сѣна, на которомъ онъ спалъ, наскоро напялилъ рваное пальтишко, въ которомъ ходилъ по пріобрѣтенной трясинѣ, грязные сырые сапоги, вытащилъ изъ-подъ подушки и надѣлъ на голову смятую шляпу и почему-то немедленно уѣхалъ въ Петербургъ.

Недѣли двѣ онъ бѣгалъ по петербургскимъ пріятелямъ, не замѣчая своего страннаго костюма и грязи, толстымъ слоемъ лежавшей на лицѣ и рубахѣ, и предаваясь все это время непрестаннымъ разглагольствованіямъ, при чемъ обсуждалась на тысячу ладовъ справедливость дѣлаемаго Михаиломъ Михайловичемъ дѣла. Уже въ это время его начинали одолѣвать припадки острой и мрачной тоски. Думаетъ-думаетъ, остановится на улицѣ съ вытаращеннымъ неподвижнымъ взоромъ, постоитъ и, какъ сонный, войдетъ въ портерную, спроситъ кружку, выпьетъ, спроситъ другую, третью, и не замѣчаетъ, что его одолѣваетъ хмель...

Такъ онъ долго промаялся въ Питерѣ; но когда воротился въ трясину, то былъ уже не тѣмъ, чѣмъ въ первый пріѣздъ. Онъ ужъ не разглагольствовалъ, убѣдившись, что его не слушаютъ; онъ ужъ не панибратствовалъ, убѣдившись, что въ братья мужику онъ не годится, хотя и продолжалъ вмѣстѣ спать и вмѣстѣ ѣсть. Длиннымъ рядомъ всевозможныхъ разсужденій о своей задачѣ онъ пришелъ къ тому, что только примѣръ, результатъ видимый, осязательный, доступенъ будетъ пониманію теперешняго крестьянства и научитъ его лучше всякихъ многосложныхъ разсужденій. Стало-быть, надо не разглагольствовать, а взять все дѣло на себя, на свою отвѣтственность. Теперь роются канавы, осушаются сырыя мѣста; но когда будетъ, на зло всѣмъ преградамъ, полученъ первый урожай,—словомъ, когда по-

лучатся плоды трудовъ и знаній, Михаилъ Михайловичъ на дѣлѣ покажетъ, что̀ значитъ справедливость. Теперь же онъ просто будетъ «пока» распоряжаться.

Рѣшивъ такъ, Михаилъ Михайловичъ почувствовалъ себя спокойнѣе, да и въ самомъ дѣлѣ, отношенія сдѣлались между нимъ и мужиками естественнѣе. Онъ сталъ приказывать, а они стали исполнять. «Рой тутъ канаву!»—скажетъ Михаилъ Михайловичъ, и ужъ не разглагольствуетъ о будущемъ благополучіи, а молчитъ и молча думаетъ: «потомъ сами увидите, что̀ это значитъ!». Ставъ на эту точку, онъ уже началъ отвыкать отъ сплошного взгляда на весь толкавшійся вокругъ него народъ; онъ уже не могъ смотрѣть на всѣхъ нихъ одинаково, какъ смотрѣлъ еще недавно, полагая, что передъ нимъ въ каждомъ полушубкѣ ходятъ всѣ 26 томовъ исторіи Соловьева, а сталъ различать въ одномъ экземплярѣ 26-ти томовъ — хитрость, въ другомъ—глупость, въ третьемъ—самодурство, въ четвертомъ—ловкость, понятливость и умъ.

Появились такимъ образомъ любимцы, приближенные, довѣренные.

Такимъ образомъ, если ужъ въ то время, когда Михаилъ Михайловичъ былъ предъ мужикомъ тише воды, ниже травы, если, повторяемъ, и въ то уже время въ немъ нетрудно было разыскать и разсмотрѣть барина, барскую повадку, то теперь-то и подавно. Полагая, что онъ только временно, такъ сказать, надѣлъ на себя шкуру барина, Михаилъ Михайловичъ незамѣтно, въ силу того же, что онъ былъ *баринъ въ самомъ дѣлѣ*, сталъ сбиваться съ равноправной ноги, и воспитанное долголѣтнимъ прошлымъ барство стало, сначала понемногу, выступать въ его умѣ, и сердцѣ, и душѣ, а потомъ и очень скоро вылилось во всей своей прелести.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ въ Михаилѣ Михайловичѣ сталъ проступать ужъ *не прикрашенный баринъ*, въ крестьянинѣ (который, просимъ не забывать, только-что вышелъ изъ крѣпости) сталъ навстрѣчу барину выступать *не прикрашенный рабъ*.

Баринъ началъ повелѣвать, а крестьянинъ принялся его надувать.

Началась самая утонченная борьба двухъ естественныхъ враговъ, и надо отдать мужикамъ справедливость — молодцы они въ этой борьбѣ. Лаской, угожденіемъ, потрафленіемъ, предупрежденіемъ еще не родившихся, но имѣю-

щихъ рано ли, поздно ли родиться желаній, вотъ какъ они, и самые талантливые изъ нихъ, принялись дѣйствовать...

У Михаила Михайловича стало образовываться все больше и больше празднаго времени, ему становилось все легче и беззаботнѣе, точно кто по-матерински заботился о немъ. Онъ даже лесть сталъ слушать какъ должное, поддался на похвалу, на удивленіе его уму, знанію. Невѣдомо какъ и откуда взялась какая-то бабенка востроглазая, которая стала все тутъ вокругъ да около лебезить. И другая, и третья...

. . . . . .

4.

Михаилъ Михайловичъ вновь очнулся, опамятовался и совершенно упалъ духомъ. Сначала, когда какое-то ничтожное обстоятельство заставило его придти въ себя, онъ мгновенно (барская привычка) ожесточился на мужиковъ. Все въ нихъ показалось ему отвратительнымъ: и эти бороды, и лица, но пуще всего эти улыбки, эти снятыя шапки. «Холопье!» — возопилъ онъ всѣмъ нутромъ. Противными ему показались всѣ эти: «будьте покойны!», «дѣло явное, чего лучше!», «само собой!», «въ аккуратѣ!» и множество другихъ ничего незначащихъ словъ, которыми такой мастеръ отдѣлываться русскій человѣкъ, когда онъ не хочетъ ничего сказать или когда желаетъ сказать не то, что думаетъ.

Бывали у Михаила Михайловича минуты суроваго ожесточенія противъ всѣхъ и вся. Бывало такъ, что, ожесточившись рѣшительно на всѣхъ, толкавшихся вокругъ него на работахъ и постройкахъ людей, ожесточившись на всѣхъ огуломъ и на каждаго по одиночкѣ, Михаилъ Михайловичъ прекращалъ всякія приказанія и распоряженія, упорно молчалъ, не давалъ ни на что никакихъ отвѣтовъ. Тогда народъ, толпившійся вокругъ него, немедленно же начиналъ разбредаться; никому не было расчета терять минуты времени даромъ. Всякій зналъ: «понадобится—пришлютъ», и, взваливъ котомку на плечи, расползались по лѣснымъ тропинкамъ къ новому заработку.

Но по мѣрѣ того, какъ равнодушіе этихъ разбредшихся людей (лично къ Михаилу Михайловичу, а не къ заработку) становилось все яснѣе и яснѣе, ожесточеніе его противъ этихъ людей ослабѣвало, а перспектива не сегодня,

такъ завтра остаться одинокимъ въ этой трясинѣ—совершенно уничтожала въ немъ гнѣвъ и ненависть. Такъ же быстро, какъ и въ началѣ хандры, ненависть его съ мужиковъ переносилась на самого себя, а мужикъ, напротивъ,—начиналъ вырастать, вырастать... въ чемъ же?—въ прямотѣ и правдѣ... Начинало оказываться, что во всемъ поведеніи мужика,—поведеніи, которое возмущало такъ недавно до глубины души,—не было ничего, кромѣ самой сущей искренности и глубочайшей правды. Михаилъ Михайловичъ въ эти минуты ясно видѣлъ собственную свою дрянность, гнилость, негодность, негодность во всѣхъ смыслахъ—въ физической силѣ, въ твердости убѣжденій, въ силѣ мысли, въ прочности нравственности и т. д. И во всемъ этомъ мужикъ несравненно выигрывалъ. Какое необычайное преимущество мужика предъ нимъ ужъ въ одномъ томъ, что цѣль его проста, мала — какая-нибудь коровенка, недоимка! Купить коровенку, уплатить недоимку, а сколько онъ тратитъ на это силы, не сердясь, не бѣснуясь, не хвалясь, не чванясь?.. Ему все простительно, онъ все изъ-за хлѣба...

5.

. . . . . .

Въ такія минуты Михаилъ Михайловичъ мрачно пилъ и подъ хмелькомъ ворочалъ мужиковъ назадъ, вновь пилъ «на мировую», подъ хмелькомъ ѣхалъ въ деревню въ гости, вновь пилъ въ гостяхъ... И тутъ уже съ нимъ стали поступать безъ церемоніи... Тутъ-то вотъ Мишутка сѣлъ подъ образа въ шапкѣ, наклалъ сахару въ чашку до верху и на столъ грозился сѣсть. Въ эту-то пору стали у него брать деньги почти изъ рукъ и почти безъ церемоніи... Не препятствовалъ Михаилъ Михайловичъ этому, убѣдившись, что другого назначенія для него нѣтъ, какъ быть расхищеннымъ на пользу ближнему...

«По-настоящему,—думалъ онъ:—надо бы просто послушать совѣта: отдай имѣніе свое—и ступай!.. Бери, ребята, бери!..»

Онъ ужъ совершенно въ это время не разсуждалъ и не фантазировалъ, а изрекалъ гдѣ-нибудь въ крестьянской избѣ за бутылкой водки краткія изреченія, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго:

— Нѣтъ, ребята, мы съ вами одного поля ягода... И много-много въ васъ и въ насъ разныхъ блохъ крѣпост-

пыхъ сидитъ... И долго-долго, ребята, выбивать изъ насъ этихъ блохъ-то придется...

— Само собой!—откликается кто-нибудь на эту рѣчь.

— Да перестань ты болтать чортъ знаетъ что̀!—раздраженно восклицаетъ Михаилъ Михайловичъ.—Ну что̀ это значитъ—«само собой»? Какой тутъ смыслъ? Что̀ значитъ въ «аккуратѣ», «къ примѣру», «первымъ долгомъ»? Зачѣмъ болтать вздоръ? Неужели наконецъ, послѣ всего, ты прямо не можешь сказать, что̀ тебѣ отъ меня нужно? Корову? Лошадь? Тесу? Овцу? Телѣгу? Вѣдь непремѣнно же что-нибудь подобное, а ты какое-то «само собой»; а потомъ «въ аккуратѣ»... Чего тебѣ нужно?..

— Да лошадку бы точно что...

— Ну, вотъ и прекрасно... а то «первымъ долгомъ», «въ томъ числѣ». Еррунда!..

— Михаилъ Михайловичъ!—восклицаетъ востроглазая солдатка, появляясь въ избѣ.—Ты что-жъ солдатку-то забылъ? Чего-жъ чайку-то не зайдешь напиться?..

— Забылъ? Нѣтъ, я зайду, непремѣнно зайду...

— Ты думаешь, солдаткѣ тоже пить-ѣсть не надо?..

— Какъ можно! Я-то думаю?.. Что̀ это ты?.. Отлично понимаю! Именно пить-ѣсть...

— То-то, заходи, стало-быть, въ гости-то...

— Непремѣнно... Тебѣ чего, тесу или чего?..

. . . . . .

А уѣхалъ Михаилъ Михайловичъ потому, что денегъ у него не осталось ни копейки.

III. Подгородный мужикъ.

1.

Въ то далекое время—попытокъ въ подобномъ родѣ, какъ извѣстно, было великое множество, и если, несмотря на всевозможныя внѣшнія различія въ способахъ и пріемахъ, цѣли онѣ не достигали, то во всякомъ случаѣ источникъ, изъ котораго шли фантазіи, былъ чистъ, а главное—вполнѣ неизбѣженъ, потому что, если Михаилы Михайловичи не могутъ такъ скоро порвать узъ и путъ прошлаго, въ которомъ они выросли, то тѣмъ болѣе трудно это сдѣлать мужику. Сколько наросло на немъ и вокругъ него, и подъ

ногами, и сверху, и снизу,—словомъ, и въ немъ и внѣ его—всякой дичи, паутины! Сколько валяется по пути его развитія всякаго гнилья, гнилья столѣтняго, обомшѣлаго, которое путаетъ, сбиваетъ съ толку и пути!

Крестьяне, съ которыми имѣлъ дѣло Михаилъ Михайловичъ и съ которыми намъ въ настоящее время приходится сталкиваться, могутъ, какъ намъ кажется, служить хорошимъ образчикомъ всего, что̀ пришлось пережить русскому крестьянину на своемъ тысячелѣтнемъ вѣку. Правда, *такихъ* крестьянъ, какъ тѣ, о которыхъ идетъ рѣчь, многіе, изучающіе народную жизнь, значительно недолюбливаютъ. Крестьяне эти—шоссейные жители, бо̀льшею частью живутъ по сторонамъ старой московской дороги, имѣютъ частыя связи съ Питеромъ. Мало того: по территоріи, которой касаются мои замѣтки, проходятъ двѣ желѣзныя дороги—Николаевская и узкоколейная, съ которыми у крестьянъ постоянныя сношенія. Такихъ крестьянъ многіе, какъ извѣстно, совсѣмъ не считаютъ даже крестьянами: «Какіе это крестьяне, помилуйте! Тутъ все перепорчено городомъ, тутъ кадрили, пиньжаки». Въ такого рода сужденіяхъ есть извѣстная доля правды въ томъ отношеніи, что здѣшніе мужики не похожи на мужиковъ, живущихъ исключительно земледѣліемъ; но знакомиться съ положеніемъ народа въ данную минуту нигдѣ нельзя болѣе подробно, какъ здѣсь, потому что если гдѣ и есть такой мужикъ, который бы въ самомъ дѣлѣ олицетворялъ собою всѣ 26 томовъ Соловьева, такъ это именно здѣсь.

Да и по части древности рода здѣшній крестьянинъ, какъ новгородецъ, перещеголяетъ своихъ одноплеменныхъ собратьевъ. Онъ именно жилъ такъ, какъ обозначено въ 26-ти томахъ. Гнѣздился онъ въ лядинахъ, на печищахъ, перешелъ поближе къ питерской дорогѣ, перелѣзаетъ теперь къ чугункѣ, видѣлъ и аракчеевщину, и холеру, и крѣпостное право; понатерся въ той цивилизаціи, которая сама идетъ и ѣдетъ на деревню,—словомъ, «произошелъ». Чего еще нужно для всесторонняго наблюденія и изученія? Да наконецъ не та ли же участь рано или поздно ждетъ самый дальній россійскій медвѣжій уголъ и то, что̀ уже получилось въ здѣшнихъ мѣстахъ? Рано или поздно пройдетъ каменная, а можетъ-быть, и желѣзная дорога и въ такихъ глухихъ углахъ, гдѣ недавно сожгли колдунью. И туда и во всѣ россійскія мѣста рано ли, поздно ли придутъ и кадриль, и «пиньжакъ», и вообще тѣ же самыя новизны,

съ тѣми же самыми послѣдствіями. Не Питеръ, такъ какой-нибудь Тихвинъ будетъ разсадникомъ той же самой цивилизаціи, какою надѣляетъ наши мѣста столица. Питеръ для здѣшнихъ мѣстъ вѣдь только рынокъ, да и не Питеръ даже, а Сѣнная. Сѣнная же, хоть и маленькая, вездѣ есть, а если нѣтъ, то будетъ вездѣ, гдѣ дорога сдѣлаетъ новый рынокъ для сбыта всего, что идетъ на подати. Словомъ, тотъ же самый духъ вѣка, какой дошелъ изъ Питера до насъ, дойдетъ и до самаго отдаленнаго угла. Развѣ можно миновать это, хотя и надо? А слѣдовательно пренебрегать здѣшнимъ мужикомъ, разгуливающимъ то въ «пиньжакѣ», то въ тулупѣ, резоновъ нѣтъ никакихъ.

Итакъ, къ чему-жъ, къ какимъ результатамъ пришелъ этотъ новгородскій вѣчевой человѣкъ, пройдя черезъ заимки въ лядинахъ, черезъ бродяжничество и шатанье по господамъ, черезъ сохи и овжи, черезъ оброки и барщину, черезъ подушное и поземельное,—словомъ, исколесивъ вдоль и поперекъ всѣ 26 томовъ и достигнувъ наконецъ кадрили, пиньжака и петровской папироски?

Въ 28-ми дворахъ той деревни, которая передъ нашими глазами, уже есть четыре крупныхъ представителя «третьяго сословія». Какъ крестьяне, они, безъ сомнѣнія, получаютъ въ общественной землѣ точь въ точь столько, сколько имъ соотвѣтствуетъ по справедливости. Но вотъ какъ-то разжились, властвуютъ, скупаютъ у обывателей краденый лѣсъ, а одинъ изъ нихъ имѣетъ рысака и кабріолетъ—«почесьчто баринъ». Но онъ — не баринъ, а крестьянинъ, временно-обязанный, земля его въ мірскомъ владѣніи, и однакожъ онъ властвуетъ, а остальные воруютъ для него лѣсъ, иные прямо «бьются», — а земля, повторяемъ, передѣлена между всѣми правильно. Несмотря на эту правильность, постоянно слышишь: «у него и скотинѣ-то ѣсть нечего!». «А иному бѣдному и двугривенный слаще рубля серебромъ!»—очень часто говоритъ общинникъ.

2.

Недавно въ этомъ отношеніи намъ пришлось быть свидѣтелемъ такой сцены:

На мызу (описанную выше и теперь кое-какъ достроенную однимъ моимъ знакомымъ подъ дачу) является вечеромъ, черезъ топи лядинъ, изъ которыхъ какъ разъ только-что благополучно *выступило* само знаменитое *днище*, ковыляя на костылѣ, пожилой человѣкъ, отставной солдатъ.

За нимъ плетется лѣтъ десяти худенькій мальчикъ. Солдатъ и мальчикъ, окруженные лающими и мечущимися изъ стороны въ сторону псами, приближаются къ крыльцу рабочей избы, на которомъ въ пріятныхъ разговорахъ проводили время крестьянинъ, наблюдавшій за мызой (Демьянъ Ильичъ), случайный охотникъ изъ крестьянъ же, собирающійся въ ночь на тетеревовъ, и пишущій эти замѣтки.

Солдатъ подошелъ, снялъ шапку, поздоровался. Нѣсколько секундъ помолчали—и солдатъ и мы. Въ этотъ краткій промежутокъ молчанія мы замѣтили, что у солдата подъ мышкой курица, а у мальчика въ рукахъ какая-то кошолка.

— Яицъ не надо-ль?—сказалъ солдатъ.

Опять помолчали.

— Много-ль?—спросилъ крестьянинъ, управитель мызы.

Помолчалъ немного и солдатъ и потомъ сказалъ:

— Десятка три, три съ половиной... Сосчитаешь.

При помощи такихъ краткихъ вопросовъ и отвѣтовъ, перемежавшихся краткими мгновеніями молчанія, яйца были куплены.

— Михайла!—сказалъ солдатъ мальчику, обернувшись назадъ:—снеси кошолку въ избу, сосчитай.

Опять помолчали.

— Грязна дорога-то?

— И-и—не говори! Бездна бездну призываетъ...

— Выступило днище-то?

— Эва!—еще третьяго-дни нелегкая его выперла въ полномъ парадѣ... Нашъ мальчонка холопскій (названіе деревни) такъ съ ушми совсѣмъ чуфыкнулъ въ пучину-то. Выперла, нелегкая ее бери!..

Помолчали.

— А курицу... не требуется вамъ, господа?

Курица все время вертѣла головой, плотно прижатая подъ мышкой, и какъ-то вытягивала грудь, очевидно, желая выскочить. Когда рѣчь коснулась ея, она закудахтала...

— Нѣтъ, куръ не надо.

Опять помолчали.

— А можетъ, баринъ скушаютъ?

Курица закудахтала сильнѣе.

— Ей только дай покормиться съ недѣлю, она во-какъ раздобрѣетъ... У насъ она такъ болталась, смотрѣть некому—и то, глянь, бока-то все же мало-мальски... Берите

ужъ, господа! Сорокъ копеекъ... у меня старуха что-то недомогаетъ... Деньжонокъ бы надо... Куда я ее потащу назадъ-то? Не возьмете—задаромъ отдамъ, а назадъ не понесу.

Взяли и курицу, а впослѣдствіи и съѣли ее. Конечно, предварительно дали ей отгуляться на волѣ, отъѣсться.

Солдатъ пустилъ курицу на землю и сказалъ:

— Ступай! Смотри, чтобы господину бульонъ хорошъ былъ. Не огорчи хозяина!

Курица не побѣжала, а пошла медленно, осторожно оглядывая новое мѣсто.

Опять помолчали. Въ это время воротился мальчикъ съ пустой кошолкой и сказалъ:

— Тридцать семь.

— Ну, ладно, сочтемся. А вотъ что̀, Демьянъ Ильичъ, не возьмешь ли у меня мальчонку?

— Какого?

— А вотъ!—проговорилъ солдатъ, кивнувъ на мальчика.— Не подойдетъ ли онъ тебѣ въ пастухи?

Демьянъ Ильичъ поглядѣлъ на мальчика и сказалъ:

— Мнѣ твой мальчикъ до̀рогъ будетъ...

— Чѣмъ же? Полтора куля всего-то...

— Дорогонько...

(По здѣшнимъ весеннимъ цѣнамъ это около 18 р.).

— Дорого?—переспросилъ солдатъ, и, подумавъ, сказалъ:—ну, а дѣвчонка не подойдетъ ли? Есть у меня постарше этого мальчонки на годъ—ничего, дѣвчонка проворная. Она не подойдетъ ли насчетъ скотины?..

— Куль!—сказалъ Демьянъ Ильичъ:—такъ и быть. Ты знаешь, не изъ чего мнѣ расходствовать.

— Это намъ извѣстно. Куль, говоришь? Что-жъ, я согласенъ, только ужъ дай записку сейчасъ къ Завинтилову (изъ третьяго сословія). Хлѣбомъ-то больно бьемся...

— Это можно...—сказалъ Демьянъ Ильичъ.

— Ну, а ужъ насчетъ мальчонки, видно, придется мнѣ рядиться съ Завинтиловымъ. Даетъ онъ мнѣ полтора куля, да жидоватъ вѣдь человѣкъ-то... Ну, да ужъ, видно, надо... Такъ ужъ дай записочку-то!

— Сейчасъ напишемъ...—сказалъ Демьянъ Ильичъ.

— Ну, ладно, спасибо.

Помолчали.

— Дѣвчонка—она ничего, бойкая! ужъ я худого тебѣ не пожелаю. Я знаю, каковъ ты есть человѣкъ...

— У меня съ весны загонъ будетъ сдѣланъ... — сказалъ Демьянъ Ильичъ.—Скотина всегда въ одномъ мѣстѣ, только бы изъ загородки не выбилась: вотъ и вся работа.

— Хорошее дѣло... Чего лучше какъ загонъ?

Опять помолчали.

— Тамъ, на деревнѣ,—началъ солдатъ нѣсколько инымъ тономъ:—сказывали, будто тебѣ человѣкъ для дровъ требуется?

— Надо.

— Что̀ бы ты меня взялъ? Колоть и пилить я вѣдь мастеръ. Хитраго тутъ нѣтъ ничего.

— Пожалуй, возьму. Немного дровъ-то... колоть, а пилить наши будутъ.

— Все одно! Сколько наберется. Я бы теперича тебѣ духомъ откаталъ...

— Что-жъ, оставайся!

Уговорились въ цѣнѣ, написали записку на выдачу куля муки, отдали за яйца и за курицу. Записку солдатъ отдалъ мальчику и сказалъ, чтобы онъ шелъ домой, запрягать лошадь, съѣздилъ за мукой и привезъ ее домой. Самъ же солдатъ остался и присѣлъ на крыльцо отдохнуть.

Мальчикъ одинъ поплелся съ пустой кошолкой по лѣсу, черезъ топи и болота, черезъ знаменитое *днище*.

Солдатъ сдѣлалъ папироску изъ корешковъ и какого-то лоскута бумаги, который онъ поднялъ тутъ же на дворѣ въ сору, и сказалъ:

— Справляемся помаленьку... Какъ-ни-какъ... Вотъ старуха-то у меня малымъ дѣломъ прихварываетъ—изъ рукъ дѣло одно ушло задарма... Стирка у господъ... Рубля два, глядишь, и нѣтъ. А то у меня все слава Богу!.. Не гуляемъ... У меня всѣ при добывкѣ: и самъ, и старуха, и ребята—всѣ дѣйствуютъ... Я, братъ, Демьянъ Ильичъ, не охотникъ по-здѣшнему: какъ-нибудь тамъ схватилъ рубъ, дѣло свертѣлъ кое-какъ—и прочь... Или, какъ другой, нахваталъ въ долгъ выше головы и отдаетъ двадцать лѣтъ... Этого у меня нѣту. Я и посейчасъ гроша ломанаго никому не долженъ, вотъ что̀ я тебѣ скажу.

— Я знаю. Ты человѣкъ исправный!—сказалъ Демьянъ Ильичъ.—Въ примѣръ тебя къ нимъ ставить нельзя. Это ужъ что̀ говорить...

— Я тебѣ говорю вѣрное слово — такъ. Ты думаешь, ежели бы я захотѣлъ, такъ Завинтиловъ не повѣрилъ бы мнѣ куля-то? Повѣритъ! Кому другому, хоть бы вотъ Ку-

кушкинымъ или Болтушкинымъ, кажется, ужъ богачами считаются, а имъ не повѣритъ! А мнѣ, я тебѣ вѣрно говорю, дастъ. Только что я не люблю этого—просить. Нѣту у меня на это характеру. Кому другому не дастъ, а мнѣ дастъ.

— Я знаю, это ты говоришь вѣрно. Тебѣ дать можно.

— А ужъ, кажется, жидъ пресвѣтный Завинтиловъ-то. Вотъ какое дѣло!

Солдатъ, распродавшій такимъ образомъ курицу, яйца, дѣвчонку, мальчишку и себя и сожалѣвшій только о томъ, что старуха по случаю болѣзни не идетъ въ дѣло, былъ какъ-то покойно счастливъ, чувствовалъ полную внутреннюю гармонію, при чемъ довѣріе Завинтилова, очевидно, уравновѣшивалось съ вышеупомянутой распродажей.

У него было хорошо на душѣ, ему чувствовалось честно, правильно.

Неподалеку работники пилили дрова.

— Вотъ какое дѣло,—еще разъ повторилъ солдатъ и, обратившись къ Дёмьяну Ильичу, оживленно проговорилъ:—Гдѣ у тебя топоръ-то? Солдатъ не любитъ безъ дѣла сидѣть. Чѣмъ сидѣть-то задаромъ, давай-ка топоръ-то, я покуда-что до ужина поколю.

Пила заходила звончѣе и чаще; солдатъ, уставивъ деревянную ногу, какъ ему было удобнѣе, принялся колоть дрова. И тутъ, въ этой работѣ, не весьма для него удобной, хорошее, правильное расположеніе духа выступало на первый планъ.

— Ты рѣжь мнѣ аппетитными кусками...—говорилъ онъ работнику:—что̀ ты мнѣ какія орясины подсовываешь?—твое полѣно къ носу моему размѣромъ подходитъ, я воткнуться въ него не могу съ разгону, а ты рѣжь вотъ этакенькія... Такъ у меня топоръ-то вопьется вотъ какъ!

Стали рѣзать аппетитныя полѣнья.

— Вотъ это такъ! Валяй—не задерживай. Вотъ какъ у насъ, вотъ, вотъ, эво! Эво какъ... вотъ такъ-то!

При каждомъ изъ этихъ выраженій аппетитныя полѣнья разлетались фонтаномъ изъ-подъ солдатскаго топора. Тутъ уже совершенно исчезла работа, а играло роль чистое искусство, которому поддались и работники, ужъ порядочно уставшіе. Теперь они были заинтересованы и своимъ и солдатскимъ творчествомъ. Пила пѣла, не умолкая. Расколотыя полѣнья летѣли въ разныя стороны. А солдатъ при каждомъ взмахѣ выкрикивалъ:—«Эво! Эво! Ай не хочешь! Поспѣвай, ребята! Живѣй!»

И ребята поспѣвали, какъ не поспѣть паровому пильному заводу.

Хорошо чувствовалъ себя солдатъ, распродавшій все семейство, и всѣ почувствовали себя вмѣстѣ съ нимъ также хорошо, потому, въ самомъ дѣлѣ, «по-хорошему» поступалъ человѣкъ.

Или вотъ еще: сейчасъ на моихъ глазахъ крошечная десятилѣтняя дѣвочка съ пяти часовъ утра и до восьми вечера таскается за скотиной изъ одного угла мызы въ другой. Травы еще мало, да и та, которая уже есть, мала ростомъ; поэтому скотъ поминутно переходитъ съ мѣста на мѣсто, и десятилѣтней дѣвочкѣ, проданной родителемъ за куль хлѣба, приходится сдѣлать въ день не одинъ десятокъ верстъ слабыми и босыми ногами. Босыми ногами потому, что башмаки и даже лапти недоступны для нея при той цѣнѣ, за которую купленъ собственный ея трудъ. Однихъ лаптей пришлось бы сносить почти на ту же цѣну, сколько она «стоитъ сама».

А въ то же время, кто не знаетъ, т.-е. кто не встрѣчалъ на петербургскихъ улицахъ, около Гостинаго двора, здоровеннѣйшихъ мужиковъ, ростомъ аршина по три, которые слоняются съ кружевами, съ красными шарами на веревкѣ и даже съ букетами цвѣтовъ. Всякому, напримѣръ, извѣстно, что такіе дылды трехаршинные, у которыхъ силы хватитъ убить кулакомъ быка (отъ котораго иной разъ крикомъ-кричитъ въ деревнѣ пастухъ-дѣвочка, пугаясь его рева, злобы, раздраженія),—такіе-то дылды обступаютъ проѣзжающихъ черезъ Строгоновъ мостъ на дачи господъ съ предложеніемъ «пукета». Эти дылды—наши деревенскіе, и, конечно, именно имъ и слѣдовало бы воевать съ быкомъ, вмѣсто того, чтобы прыгать съ «пукетомъ». А для дѣвочки самымъ подходящимъ дѣломъ было бы сидѣть дома, расти, учиться и много-много отогнать хворостиной свинью, сующую свое рыло, куда не слѣдуетъ.

Недавно въ одной изъ газетъ мы читали цѣлый рядъ наблюденій, неопровержимо доказывающихъ, что общинные порядки настолько крѣпки, что крестьяне, выкупившіе свой надѣлъ, предпочитаютъ оставлять его въ мірскомъ владѣніи. Въ подтвержденіе этого явленія было приведено множество фактовъ, подлинность которыхъ несомнѣнна, но одинъ изъ которыхъ произвелъ на насъ вовсе не то впечатлѣніе, на которое разсчитывалъ авторъ. Именно: разсказывается, что такой-то крестьянинъ, выкупивъ надѣлъ, оставилъ его въ

общинномъ владѣніи, но при этомъ прибавлено, что надѣлъ выкупленъ сыномъ для престарѣлаго отца. Самъ сынъ не жилъ въ деревнѣ, а жилъ гдѣ-то на сторонѣ; но, жалѣючи 60-ти-лѣтняго отца, который за старостью лѣтъ не могъ бы нести мірскихъ повинностей, стало-быть, остался бы безъ земли, безъ хлѣба—словомъ, нищимъ,—сынъ и выкупилъ для него землю, т.-е. поставилъ его уже противъ воли мірскихъ распорядковъ, въ невозможность умереть съ голоду. Насъ, конечно, очень радуетъ, что общинныя начала крѣпки; но мы спрашиваемъ: позволительно ли усомниться въ широтѣ развитія этихъ началъ, ежели сплошь и рядомъ, при всей крѣпости и долговѣчности этихъ порядковъ, факты, въ родѣ вышеупомянутаго, встрѣчаются въ деревняхъ поминутно? И что-жъ это за порядки, когда человѣкъ проработалъ почти всѣ 60 лѣтъ, при чемъ чисто-мірской работы было передѣлано его руками многое-множество, выбившись изъ силъ, можетъ разсчитывать только на то, что міряне придутъ къ его одру и скажутъ: «Ну, старичокъ господній, силовъ у тебя нѣту, платить въ казну тебѣ невмоготу, приходится тебѣ, старичку пріятному, пожалуй что и слѣзать съ земли-то... Такъ-то... потому молодыхъ ребятъ надыть на землю сажать, а тебѣ бы, старичку, тихимъ бы, напримѣръ, манеромъ, ежели говорить примѣрно, и помирать бы въ самый разъ... Такъ-то»... Сколько разъ намъ приходилось слышать выраженія, обращенныя къ старику, къ старухѣ:

— А ужъ пора бы тебѣ, старичокъ или старушка, помирать... Право!

— Пора, пора, родной!..

— Да, право!.. Ну что̀ тебѣ за жизнь? Пожила вѣдь на свѣтѣ—ну... и перестань... Чего ворчать-то попусту?

— Охъ, перестану, перестану скоро!..

— Право, такъ! Перестала-бъ, вотъ бы и было все честь честью, по-пріятному... А то чего застишь?

3.

Нынѣшней зимой мнѣ пришлось нѣсколько дней провести на той самой мызѣ, которой описаніе было представлено во второй главѣ. Вдоволь налюбовавшись зимнимъ пейзажемъ, наслушавшись буквально мертвой тишины, мы задумали сдѣлать нѣсколько экскурсій въ отдаленнѣйшія мѣста необитаемой территоріи. Проникали съ этою цѣлью, на маленькихъ санкахъ, по сугробамъ, безъ малѣйшихъ признаковъ дорогъ, въ глухія деревушки, дворовъ по пяти, по

десяти, куда лѣтомъ нельзя проникнуть; познакомились съ тѣмъ, что̀ опредѣляется словомъ *дремучій* лѣсъ, и наконецъ заѣхали въ какой-то глухой маленькій монастырь... Заѣхали мы погрѣться, никого изъ братіи не желая безпокоить. У самыхъ монастырскихъ воротъ стоитъ какая-то обнесенная плетнемъ избушка. Какъ разъ въ ту минуту, когда мы поровнялись съ ней, изъ избы вышла согбенная старуха съ клюкой и, когда мы выразили желаніе погрѣться въ избушкѣ, старуха охотно провела насъ туда. Въ избѣ было холодновато и неуютно. Около печки, на изломанномъ столярномъ станкѣ, сидѣлъ какой-то старикъ въ красной рубахѣ и штопалъ рваный полушубокъ.

— А, здравствуй!—сказалъ старикъ проворно, вскинувъ на насъ глазами:—я тебя знаю... Хорошій баринъ!—добавилъ онъ, обратясь къ старухѣ.—Я у него работалъ...

— Это глупенькій у насъ мужичокъ призрѣвается! — объяснила старуха:—дурачокъ...

— Я у него чашки вертѣлъ... Хорошо кормилъ, хорошо.

— Стало-быть, хорошій человѣкъ?—сказала старуха, разговаривая съ дуракомъ, какъ съ ребенкомъ.

— Хорошо кормилъ. Каши сколь хошь!

— Ишь ты!

— И не бьетъ! Ни-ни! Этого нѣтъ.

— Ишь добрый господинъ!

— Пальцемъ не ударитъ...

Онъ бормоталъ, поминутно поднимая голову отъ работы и вновь опуская ее, да и шилъ онъ, кажется, вовсе не тамъ, гдѣ слѣдовало. Онъ не говорилъ, а бормоталъ всякій вздоръ, и старуха всегда находила, что̀ ему отвѣтить, дѣлая это удивительно деликатно въ томъ отношеніи, чтобы онъ не чувствовалъ своего дурацкаго состоянія.

— А вотъ тамъ, за перегородкой,—сказала намъ старуха:—также призрѣвается у насъ человѣкъ... Сто тридцать лѣтъ ему отъ роду... Извольте поглядѣть... Пожалуйте!... Ничего, не обезпокоите... Пожалуйте, поглядите!

За печкой была маленькая дверь. Пройдя черезъ нее вслѣдъ за старухой, мы очутились въ маленькой каморкѣ, гдѣ на кровати самой деревенской работы (очень высокой отъ полу), подъ грудой полушубковъ, какихъ-то рваныхъ старыхъ тряпокъ, какихъ-то лоскутьевъ съ признаками ваты, уложенныхъ, впрочемъ, весьма заботливо и насколько возможно прилично, тряслось и охало и какъ будто рычало

какое-то невидимое существо... Стотридцатилѣтній старикъ закрытъ былъ съ головой.

— Родной сынъ, господа почтенные,—пояснила старушка, остановясь у этой груды, подъ которой тряслось человѣческое существо:—родной сынъ выгналъ изъ дому... Вотъ какой нониче народъ сталъ! Кормить отказался... Ну, обитель и призрѣваетъ... Вотъ ужъ четвертый годъ онъ здѣсь, и все, слава Богу, живъ. А сынъ-то выгналъ—думалъ, помретъ гдѣ-нибудь... Анъ вотъ Господь-то и пріютилъ!

— Да сколько же сыну-то лѣтъ?—съ изумленіемъ спросили мы.

— Да и сыну-то лѣтъ безъ малаго ужъ сто. Ужъ у него, батюшки вы мои, и внуки есть по семидесяти да по восьмидесяти годовъ. Такъ старикъ-то, когда въ силахъ былъ, сказывалъ: боемъ, говоритъ, на него, на сердечнаго, поднялись... Сынъ-то, говоритъ, на улицу выбѣгъ, погналъ его жердью... Да и внучаты-то поднялись Мамаемъ! Вотъ каково сердечному пришлось на старости-то лѣтъ!

Картина, нарисованная старухой, была поистинѣ грандіозна. Представьте себѣ деревенскую улицу, по которой цѣлая толпа столѣтнихъ и восьмидесятилѣтнихъ старцевъ гонитъ также старца, родоначальника всей фамиліи, гонитъ жердью, гонитъ за то, что человѣкъ «объѣлъ», что неизвѣстно, когда же прекратится эта праздная ѣда? Ну если старикъ проживетъ и всѣ двѣсти лѣтъ? Что же это будетъ!..

— Ну, а игуменъ нашъ — добрый человѣкъ, призрѣлъ, кормитъ вотъ, покой далъ... Вотъ поглядите на старичка...

Старуха осторожно приподняла груду тряпокъ въ изголовьѣ кровати, и намъ представилась громадная, бѣлымъ пухомъ покрытая голова. Рычанье, слышавшееся изъ-подъ тряпокъ, происходило въ груди старика, въ которой работала, казалось, цѣлая кузница... Дыханіе было часто, прерывисто. Онъ трясся отъ озноба и пышалъ жаромъ. Страшно было смотрѣть на это олицетвореніе борьбы смерти съ жизнью. Смерть видимо одолѣвала, безжалостно разбивая худую храмину всякими способами—и жаромъ и ознобомъ, разрывая внутренности, колотя въ грудь. Звуки этой безпощадной работы были потрясающи. Вдругъ изъ-подъ хлама, покрывавшаго старика, съ громадными усиліями высвободилась рука... Громадная костяная кисть, на тонкой высохшей кости, поистинѣ напоминала грабли. Грабли эти тряслись, казалось, всячески стремясь распасться, отдѣлиться, разсыпаться, но еще нѣкоторая сила, таившаяся

въ старикѣ, не пускала ихъ превратиться въ прахъ... Онъ дотащилъ эту руку до своего лба. Глаза его неподвижно смотрѣли на насъ, онъ что-то силился сказать. Пальцы—или кости пальцевъ—лихорадочно тряслись и касались лба. Онъ что-то показывалъ, или хотѣлъ показать, вытащивъ руку. И вдругъ губы его зашевелились.

— Пу...—едва слышно произнесъ старикъ:—пу...кли...

Въ груди его заревѣло пуще прежняго.

Онъ захрипѣлъ, закашлялъ, затрясся... Старуха поспѣшила его закрыть, а мы поторопились уйти отъ этого зрѣлища.

Догоняя насъ, старуха говорила:

— Это онъ вишь что̀ говоритъ-то: говоритъ, что, молъ, помню, когда въ пукляхъ ходили солдаты. Вѣдь онъ въ солдатахъ самъ-отъ былъ... И въ пукляхъ хаживалъ... Вотъ онъ и говоритъ: пукли, молъ... Про пукли вспомнилъ...

Старуха кланялась намъ въ землю, когда мой спутникъ вручилъ ей два двугривенныхъ. Она становилась на колѣни, потомъ на руки, потомъ касалась земли лбомъ — и благодарила, говоря, что деньги эти пойдутъ на старика да на дурачка.

— У меня красная рубаха есть! — громко крикнулъ намъ вслѣдъ послѣдній.

Точно изъ могилы выбрались мы на свѣжій воздухъ. Впечатлѣніе было до того дурманное, что освободиться отъ него не было возможности до тѣхъ поръ, пока на возвратномъ пути мы не въѣхали въ деревеньку. Деревенька была маленькая, десять дворовъ, бѣдная, но за этими разбитыми, почернѣвшими и замерзшими оконцами виднѣлись живыя лица ребятъ и взрослыхъ, и живое мѣсто оживило насъ. Кучеръ попросилъ насъ зайти за овсомъ къ одному крестьянину.

Въ чистой, какъ и вообще во всей Новгородской губерніи, выскобленной избѣ мы нашли стараго крѣпкаго старика, который объявилъ, что сынъ, у котораго кучеръ хотѣлъ купить овса, ушелъ, но скоро придетъ, и просилъ насъ погодить; самъ же онъ, безъ сына, не зналъ цѣны.

— Это ужъ его дѣло...—сказалъ старикъ.

Невольно зашла рѣчь о стотридцатилѣтнемъ старцѣ.

— Пустое!—сказалъ старикъ.—Это они такъ, для прилика... славу о себѣ пускаютъ. Сто тридцать лѣтъ—чего ни скажутъ! Али я его не знаю... онъ—моихъ годовъ, и моихъ-то годовъ, пожалуй, не будетъ! Пустой старичишка!.. одна только отъ него въ дому свара была. Буянъ! Отъ него ни-

кому житья въ домѣ-то не было, все норовитъ хозяиномъ быть, все мѣшается не въ свое дѣло. Что врутъ-то! Это вотъ они болтаютъ такъ, чтобы себя увеличить: вотъ, молъ, мы какіе благодѣтели! Пустое! Никогда его сынъ кормить не отказывался, а только что непокорный старичишка. Я и самъ вотъ старикъ, и хоть бы, примѣромъ взять, вотъ требуется вамъ овесъ, а я знаю, что это дѣло не мое... Вотъ придетъ сынъ — дѣлайте, какъ знаете. Мнѣ мѣшаться въ чужое дѣло не слѣдъ. Онъ хозяйствуетъ: ему вѣрнѣй знать. Видишь вотъ... Какъ это онъ можетъ отца своего прогнать, когда ему отецъ все предоставилъ? Сами судите. Я вотъ тремъ сынамъ выстроилъ по дому, всѣхъ пообзавелъ, на старшаго сына три тысячи истратилъ, купилъ за него охотника въ солдаты, онъ долженъ помнить! А и я тоже не мѣшай. Вотъ какъ по-хорошему... Теперь какъ праздникъ или воскресный день, ужъ у меня Иванка знаетъ, что родителю пятиалтынный на вино приготовлять надобно... Какъ часы ходятъ, такъ вѣрно выдаетъ. Пятнадцать копеекъ положь! И даетъ, — худова не скажу, — аккуратно. Себѣ откажетъ, а ужъ я не останусь... А и я ему подсоблю, что скажетъ, что по его распорядкамъ выйдетъ. Тоже и я, братецъ ты мой, даромъ денегъ-то съ него не беру... Ты меня уважь, а ужъ я тоже свою часть знаю. Я и водицы приволоку, и лошадку запрягу и распрягу:—сосчитай пятиалтынники-то, анъ и выйдетъ, что безъ отца-то работника наймешь. Вотъ какимъ порядкомъ... Никто не смѣетъ этого сдѣлать—выгнать... А коли начнешь мутить, да чваниться, да привередничать, да чужое дѣло портить, какъ и впрямь тебя вонъ надо гнать. Знай свою часть. Сто тридцать лѣтъ! Балалайка она безструнная—больше ничего.—«Я старикъ, такъ ты мнѣ, молъ, не препятствуй!» Эко дѣло! Вонъ и кобель—старикъ, да не отецъ онъ мнѣ, и въ отцы я его не возьму, хошь бы онъ тыщу лѣтъ по-кобелиному прожилъ. А ты хошь и старикъ, а понимай: вотъ въ чемъ дѣло. Это дѣло мудреное, дураку его въ толкъ не взять. Понимай свою границу. А стараго-то кобеля...

Старикъ былъ бодръ и крѣпокъ. Разговоръ его былъ толковъ, уменъ, и видно, что онъ много пережилъ на своемъ вѣку и много передумалъ. Слушая его простую рѣчь, я невольно раздумывалъ о томъ, что не въ этомъ ли трезвомъ и сознательномъ самопожертвованіи нужно искать наилучшихъ сторонъ народной души? Она велика «въ одиночествѣ», въ холодѣ и въ голодѣ; она держитъ на свѣтѣ че-

ловѣка брошеннаго, покинутаго, держитъ безъ ропота, безъ гнѣва. Въ этомъ отношеніи народъ дѣйствительно много пережилъ, много передумалъ, и намъ кажется, что его мысль несравненно болѣе работала надъ тѣмъ, какъ жить на свѣтѣ одинокому, какъ надѣяться на свои руки и какъ не роптать и никого не винить, если кругомъ тебя «некому руку подать», чѣмъ надъ разработкою обязательствъ насчетъ того, чтобы жить, надѣясь на какое-то участіе. Живи безъ всякаго участія, знай, что его неоткуда взять, понимай это— и не ропщи: вотъ теорія, которая выработана основательно.

Возможность существованія легенды о томъ, что сынъ прогналъ отца, возможность даже помощью ея распускать о себѣ хорошую молву—невольно говорила о томъ, что въ деревенскихъ порядкахъ не все хорошо и благополучно.

Въ ожиданіи старикова сына, мы вели отъ-нечего-дѣлать разные разговоры. Старикъ разсказывалъ о себѣ очень интересный эпизодъ изъ недавней старины, который я и спѣшу привести здѣсь, полагая, что рано ли, поздно ли, а онъ пригодится.

— ...И господа мужиковъ продавали и покупали, — говорилъ онъ, между прочимъ, характеризуя недавнюю старину:—*да и мужики тоже народъ покупывали...*

Таковъ былъ тезисъ разсказа и эпизода. А вотъ и самый эпизодъ.

— Я, вонъ, за охотника три тыщи по-тогдашнему на ассигнаціи отдалъ, за Ванятку-то... И какая была со мною по этому случаю бѣда—сейчасъ вспомнить страшно... Три тыщи—вѣдь это и для барина деньги не махонькія, а для мужика — раззоръ. Сбивалъ я ихъ со всей семьи, у всей семьи все до послѣдняго живота распродалъ, начисто разорился; два мѣсяца охотникъ-то на мой счетъ гулялъ съ женой; цѣлые два мѣсяца каждый Божій день двѣ пары лошадей онъ подъ собой измаивалъ: то его въ городъ, по трактирамъ, то по монастырямъ, то по роднѣ, то опять по трактирамъ... Чего стоило — страшно и вымолвить! Только какъ окончилось все это, стало-быть, настало время идти въ присутствіе, думаю я: вотъ сдамъ, успокоюсь; вдругъ, братецъ ты мой, охотникъ-то мой,—а стояли мы на постояломъ дворѣ,— сталъ задумываться да передъ самымъ присутствіемъ, то-есть въ ночь подъ утро, какъ вести его— хвать себя по горлу ножомъ. Женёнка его прибѣгла ко мнѣ—на дворѣ я былъ, около лошадей: «глянь-ка-сь, говоритъ, что̀ Микитка-то сдѣлалъ!» Прибѣгъ я, а онъ сидитъ

на стулѣ да ножомъ-то себя по горлу смурыжитъ, а кровища такъ и свищетъ. Такъ я и ахнулъ: «Варваръ ты этакой, разоритель, разбойникъ! что̀ ты дѣлаешь?» Отнялъ у него ножикъ, думаю: не примутъ зарѣзаннаго-то! Что̀ буду дѣлать? Всего рѣшился, остался не при чемъ, да еще и сына придется отдать. Связали мы тутъ съ евонной женёнкой ему горло-то, устыдили его, безсовѣстнаго человѣка,— все говорилъ: «боюсь казеннаго бою»,—повели къ доктору, на квартиру. Палъ я тутъ на колѣнки, и женёнка-то хлопочетъ увмѣстяхъ со мной, палъ я и взмолился... Все ему разсказалъ, про все про свое разореніе. Сталъ его докторъ осматривать—только головой качаетъ... Располыхнулъ онъ, образина, эво какую ямину, даже страшно смотрѣть... Ну, одначеже — то-есть дай ему Господь добраго здоровья и на вѣки вѣковъ всякаго благополучія! — поглядѣлъ-поглядѣлъ:—«Очень, говоритъ, вредно онъ для себя сдѣлалъ. По закону, его надо исключить вонъ; но только что, жалѣючи тебя, я даже противъ присяги примаю его. А казнѣ отъ него одинъ убытокъ: онъ и полгода не проживетъ». И принялъ, дай ему Царица Небесная. А то бы... право, самъ на себя руки наложилъ. Ужъ натерпѣлся я въ то время изъ-за Ванятки, чего и весь-то онъ не сто̀итъ... И вѣдь точно: ближе полгода окончился въ лазаретѣ... Женёнка его и посейчасъ жива, за другого въ ту-жъ пору вышла. Покупывали, батюшка, и мы народъ-отъ!»

4.

Это выраженіе: «покупывали и мы» — даетъ намъ возможность хотя слегка коснуться современныхъ семейныхъ порядковъ въ деревнѣ. И здѣсь прошлое оставило много хорошаго въ родѣ возможности такого старика, который добровольно повинуется сыну, но много и дурного, въ родѣ какъ бы похвальбы воспоминаніемъ о томъ, что «и мы покупывали народъ». И здѣсь развитіе понятій и взглядовъ шло не органически правильно, не безъ помѣхи. Въ настоящее время, въ жизни крестьянской семьи есть такое безмѣрное скопище неразрѣшимыхъ трудныхъ задачъ, что если и держатся иной разъ болѣе или менѣе крѣпко большія крестьянскія хозяйства (я говорю о подгородныхъ), то только, такъ сказать, соблюденіемъ внѣшняго ритуала, а внутренней правды тутъ ужъ мало.

Довольно часто мнѣ приходится сталкиваться съ однимъ изъ такихъ большихъ крестьянскихъ семействъ. Во главѣ

семьи стоитъ старуха лѣтъ семидесяти, женщина крѣпкая и по-своему умная и опытная. Но весь ея опытъ почерпнутъ въ крѣпостномъ правѣ и касается хозяйства исключительно земледѣльческаго, гдѣ участвуетъ своими трудами весь домъ, при чемъ весь доходъ идетъ въ руки старухи, а она ужъ распредѣляетъ его по своему усмотрѣнію и по общему согласію. Но вотъ прошла шоссейная дорога — и вдругъ кадушка капусты, распродаваемая извозчикамъ, стала приносить столько доходу, что сдѣлалась выгоднѣе цѣлаго года работы на пашнѣ, положимъ, одного человѣка. Вотъ ужъ явное нарушеніе въ одинаковости труда и заработка. Прошла машина—телята стали дорожать: потребовались въ столицу. Одинъ изъ сыновей пошелъ въ извозчики и въ полгода заработалъ больше всей семьи, работавшей въ деревнѣ годъ. Другой братъ пожилъ дворникомъ въ Петербургѣ, получая въ мѣсяцъ по пятнадцати рублей, чего, бывало, не получалъ и въ годъ. А младшій братъ съ сестрами цѣлую весну, цѣлое лѣто съ утра до ночи драли корье—и не выработали третьей части того, что̀ выработалъ извозчикъ въ два мѣсяца... И вотъ, благодаря этому, хотя по виду въ семьѣ все ладно, всѣ несутъ въ нее «поровну» плоды своихъ трудовъ, но на дѣлѣ не то: дворникъ «скрылъ отъ маменьки» четыре красныхъ бумажки, а извозчикъ скрылъ еще того больше. Да и какъ тутъ поступить иначе? Эта вотъ дѣвушка ободрала себѣ до крови руки и цѣлое лѣто билась съ корьемъ, чтобы выработать пять цѣлковыхъ, а извозчикъ выработалъ двадцать пять въ одну ночь за то только, что попутался съ господами по Питеру часовъ съ 12 вечера до бѣлаго свѣта. Кромѣ того, авторитетъ старухи еще значилъ бы, и значилъ бы очень много, если бы заработокъ семьи былъ исключительно результатомъ земледѣльческаго труда. Въ этомъ дѣлѣ она точно авторитетъ; но спрашивается: что̀ же такое можетъ она смыслить въ дворницкомъ, извозчицкомъ и другихъ новыхъ заработкахъ? Что̀ она тутъ понимаетъ и что̀ можетъ присовѣтовать? Авторитетъ ея поэтому чисто-фиктивный и если значитъ что-нибудь, то только для остающихся дома бабъ; да и бабы очень хорошо знаютъ, что мужья ихъ относятся къ старухѣ съ почтеніемъ и покорностью только по виду, такъ какъ вполнѣ подробно знаютъ достатки своихъ мужей, знаютъ, много ли кѣмъ отъ нея «скрыто», и сами скрываютъ эти тайны наикрѣпчайшимъ образомъ. Авторитетъ главы фиктивный, и фиктивны всѣ общинно-

семейныя отношенія; у всякаго скрыто нѣчто отъ старухи, представительницы этихъ отношеній, скрыто для себя. Умри старуха — и большая семья эта не продержится даже въ томъ видѣ, какъ теперь, и двухъ дней. Всѣ захотятъ болѣе искреннихъ отношеній, а это желаніе непремѣнно приведетъ къ другому—жить каждому по своему достатку: сколько кто добылъ, тѣмъ и пользуйся.

А чего стòитъ въ смыслѣ нравственной связи даже внѣшнее соблюденіе этого семейно-общиннаго ритуала. Чего стòитъ повиновеніе старухѣ, которая ровно ничего «по нынѣшнимъ дѣламъ не понимаетъ»! Каково годами притворяться, будто бы слушаешься! Каково это «скрывать» по годамъ сотню рублей за пазухой отъ матери, отъ брата... Не смѣть на избытокъ купить женѣ обновку и пожить въ свое удовольствіе! Разныхъ путъ, оставленныхъ недавнею стариною, великое множество, а новыхъ, еще неизслѣдованныхъ и непривычныхъ явленій—также едва ли не больше, чѣмъ старыхъ путъ.

Изъ того и другого въ мѣстномъ подгородномъ крестьянинѣ слагается, прежде всего, какая-то апатія къ интересамъ своего мѣста и жадное стремленіе перемѣнить его на другое. Я увѣренъ, что апатія эта немедленно замѣнится самой оживленной дѣятельностью, если только у здѣшняго человѣка хватитъ духу порвать связи съ насиженнымъ и, правду сказать, давно уже надоѣвшимъ мѣстомъ и уйти на новое. Немедленно же между *чужими* людьми образуется оживленная общинно-хозяйственная дѣятельность, чего теперь между *своими,* одинаково запутанными во всевозможныхъ старыхъ путахъ, рѣшительно невозможно достигнуть. Каждый каждому хочетъ сказать: «ты ничего не понимаешь въ моемъ дѣлѣ»; каждому хочется остаться одному, самому по себѣ, одуматься; каждому надоѣло это мірское пустомысліе и семейно-патріархальное притворство.

Любого изъ здѣшнихъ обывателей, прародители котораго начали съ починка и потомъ въ теченіе тысячелѣтія просидѣли на всѣхъ пунктахъ лядины, обжили и бросили все, что̀ теперь заросло бѣлоусомъ и затянулось болотомъ,— любого изъ нихъ ничего не стòитъ увлечь какимъ угодно фантастическимъ разсказомъ, который бы рисовалъ выгоды переселенія.

Вышеописанная мыза пользуется тѣмъ великимъ для пишущаго эти строки преимуществомъ предъ прочими общедоступными для жизни въ деревнѣ помѣщеніями, что, бла-

годаря своей необитаемости и апатичности мѣстнаго населенія, рѣшительно не желающаго и за деньги жить здѣсь и караулить домъ и скотъ, она привлекаетъ людей оригинальныхъ, полюбившихъ уединеніе, насмотрѣвшихся на разныя мѣста,—словомъ, людей любопытствующихъ, взыскующихъ чего-то. Жилъ здѣсь управителемъ мужикъ смоленскій, жилъ какой-то музыкантъ, жилъ витебскій крестьянинъ, жилъ солдатъ съ Кавказа, жилъ неизвѣстнаго званія человѣкъ съ Урала. У всякаго былъ свой разсказъ, и всякій увлекалъ своимъ разсказомъ мѣстнаго жителя, иной разъ старика, точь въ точь какъ ребенка увлекаетъ сказка.

— Тамъ, на Уралѣ-то, тамъ, братъ, одной рыбы смѣты нѣту. Вытащишь судака, такъ въ немъ четыре али пять пудовъ вѣсу...

— У, ты, пропасть какая!

— Я тебѣ врать не стану. Пошелъ, ткнулъ въ воду палкой, — анъ и есть либо судакъ, либо сомъ. И ѣшь его недѣлю... Вотъ какія мѣста!

— Ей-Богу, надо туда убѣчь. Въ нашихъ мѣстахъ одна тоска, братецъ ты мой. Чего тутъ хорошаго?

— Что ваши мѣста! ваши мѣста—одна связа!

— Именно такъ, больше ничего—одно мученье.

— А вотъ мѣста на Кавказѣ, вотъ это ужъ, прямо сказать, мѣ-сс-та-а-а! Тамъ, братецъ ты мой, взялъ ружье, пошелъ въ лѣсъ, хлопнулъ — анъ кабанъ, а вѣсу въ немъ пятнадцать пудовъ! И живи на здоровье!

— Именно надо уйтить отсюда...

— Вотъ тамъ такъ ужъ мѣста! Ужъ это надо сказать прямо...

— По моему характеру, сейчасъ бы ушелъ!

Словомъ, «уйти» здѣшній житель готовъ, по крайней мѣрѣ, въ мысляхъ и на словахъ, хоть на край свѣта: такъ запутано, осложнено его настоящее положеніе.

И въ то же время, когда *свои* хотятъ и думаютъ куда-то уходить, на смѣну ихъ идутъ новые, чужіе люди.

Сидимъ мы однажды какъ-то, разговариваемъ на крылечкѣ, фантазируемъ насчетъ разныхъ «мѣстовъ», вдругъ собаки подняли лай: изъ-за лѣсу показались какіе-то люди, три подводы, пятокъ коровъ, которыхъ гнали бабы босыя. На подводахъ лежали сундуки, перины и разный домашній скарбъ.

— Кто такіе это ѣдутъ?

— Тоже, должно-быть, переѣзжаютъ куда-нибудь.

Подъѣхали люди къ намъ поближе. Присмотрѣлись мы— не наши, не русскіе. Бабы хоть и босыя, но одѣты не такъ, и телѣги не такія, и мужики въ пиджакахъ. Раскланялись они съ нами и забормотали что-то...

— Нѣмцы! — вырвалось у насъ у всѣхъ почти одновременно, при чемъ мы переглянулись.

Кое-какъ мы добились отъ нихъ отвѣта на вопросъ, куда они ѣдутъ. Оказалось, что ѣдутъ они тоже на какую-то заброшенную, развалившуюся мызу, о которой всѣ мы давнымъ-давно позабыли, до того позабыли, что даже дорогу могли объяснить только приблизительно, и то половину дороги, а другую половину нѣмцамъ пришлось узнавать самимъ. Разсмотрѣвъ ихъ поближе, мы замѣтили, что̀ они бѣдны и измучены, и добришко ихъ самое нищенское. На одной изъ повозокъ сидѣлъ совершенно ослабѣвшій, молчаливый, сухой и длинный старикъ. Онъ какъ будто спалъ и тяжело дышалъ. Одѣтъ онъ былъ въ кургузую куртку, не грѣвшую ни рукъ ни ногъ. Эта нищета и трудовое утомленіе хотя бы и нѣмцевъ на время прекратили въ насъ патріотическое внутреннее рычаніе до того, что одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ обратился къ старичку-нѣмцу съ любезностью и весьма ласково сказалъ ему:

— Пора бы тебѣ, старичокъ, умирать!

Старикъ молчалъ и не отвѣчалъ любезностью на любезность.

— Право, пора бы старику-то вашему помирать...

Нѣмки и нѣмцы тоже не отвѣчали.

— Ничего не понимаютъ по-нашему!—рѣшили мы.

Нѣмцы и нѣмки тронулись дальше и скоро скрылись въ лѣсу...

— Ишь, ползутъ!—заключилъ одинъ изъ собесѣдниковъ.— То-то я гляжу, что это много этихъ самыхъ нѣмцевъ къ намъ понаѣхало?

— А много?

— Много ихъ... И что̀ такое, откуда берутся? Все не было, а теперича пошли и пошли. Вѣдь вишь въ какія мѣста забираются, что и здѣшній-то не знаетъ...

Много «новаго» и чудного идетъ въ деревню и «на деревню». Въ дальнѣйшихъ нашихъ очеркахъ мы остановимся на «баринѣ», который также въ разныхъ видахъ, по разнымъ причинамъ и съ совершенно различными цѣлями, идетъ въ деревню, къ народу... Идетъ по необходимости,

иногда по своекорыстію, иногда по глубокой нравственной потребности. Явленіе это весьма замѣчательно, и я только могу глубоко жалѣть, что разработать это явленіе во всей полнотѣ и сложности нѣтъ еще возможности, смѣлости и необходимой силы дарованія.

По части «искреннихъ» типовъ этого рода «господъ» мы уже имѣли нѣсколько сценъ изъ жизни Михаила Михайловича; теперь познакомимся и съ другимъ бариномъ, тоже искреннимъ, но въ иномъ родѣ.

ОВЦА БЕЗЪ СТАДА.

I.

— Не окрестите ли, баринъ, мальчишку у меня?

— Съ удовольствіемъ... Когда будутъ крестить?

— Завтра поутру... Такъ норовимъ — между утреней и обѣдней, часу въ седьмомъ... Коли что̀, ежели будетъ ваше согласіе, такъ мы съ подводкой къ седьмому-то часу подъѣдемъ?

— Я и такъ дойду, — тутъ всего до церкви верста... Погода отличная.

— Это точно... Ну, благодаримъ васъ покорно!..

Такой разговоръ происходилъ однажды вечеромъ лѣтомъ между мною и крестьяниномъ деревни Язевой, Маркомъ Ивановымъ. Деревня Язевое лежитъ въ 300 верстахъ отъ Петербурга, какъ разъ на половинѣ дороги изъ Петербурга въ Москву, и въ 20-ти верстахъ отъ одной изъ желѣзнодорожныхъ станцій. Наскучивъ петербургскими дачами, я задумалъ провести прошлое лѣто гдѣ-нибудь въ глуши, въ тиши настоящей деревни, и былъ необыкновенно радъ, когда, ежедневно просматривая газетныя объявленія объ отдающихся на лѣто дачахъ, напалъ наконецъ на объявленіе о такой именно дачѣ, какая и была мнѣ нужна... Триста верстъ отъ Петербурга и двадцать верстъ отъ станціи по проселку—это ужъ, навѣрно, настоящая деревня... Въ половинѣ апрѣля, когда въ поляхъ лежалъ еще снѣгъ, я отправился нанимать эту усадьбу. Въ самомъ дѣлѣ, мѣсто было чисто-деревенское, и я тотчасъ же согласился на условія, предложенныя мнѣ хозяйкой дома, а въ половинѣ мая и совсѣмъ переѣхалъ сюда на жительство.

Но, странное дѣло (хотя совершенно понятное), долгое

житье въ городахъ сдѣлало то, что, при всемъ желаніи отдохнуть и провести лѣто «не такъ, какъ на дачѣ», дѣла пошли, помимо моей воли, какъ нарочно, совершенно по-дачному, то-есть: прогулки, петербургскіе знакомые, газеты— и ничего, ничего-таки деревенскаго. Дачный образъ жизни среди деревенской обстановки — куда нескладная и некрасивая вещь! Знакомиться съ крестьянскимъ населеніемъ я не могъ, такъ какъ у меня не было къ этому предлога, а жить, не имѣя связи съ окружающимъ,—и скучно и трудно. Вотъ почему я несказанно былъ радъ, когда Маркъ Ивановъ, крестьянинъ, у котораго я нѣсколько разъ покупалъ рыбу и раковъ, пригласилъ меня крестить. Благодаря этому приглашенію у меня являлся законный предлогъ войти въ крестьянскій домъ, имѣть въ деревнѣ знакомыхъ и хоть мало-мальски войти въ кругъ чуждыхъ мнѣ интересовъ деревенской жизни.

И дѣйствительно, съ этого дня я сталъ чувствовать себя менѣе одинокимъ, менѣе отчужденнымъ отъ людей, которыхъ каждый Божій день видѣлъ передъ моими глазами. Понемногу стали завязываться знакомства, понемногу стала раскрываться тайна существованія этихъ бѣдныхъ лачужекъ, этихъ молчаливыхъ улицъ и переулковъ, этой непонятной будничной, трудовой жизни. А главное, благодаря приглашенію Марка Иванова, мнѣ удалось встрѣтить весьма любопытный типъ человѣка, попробовавшаго на дѣлѣ продѣлать ту вещь, которая на газетномъ языкѣ называется «сліяніемъ», и притомъ прочно убѣдиться въ томъ, что въ русской живой дѣйствительности существуютъ такія положенія, которыя роковымъ образомъ могутъ привести такъ-называемаго интеллигентнаго человѣка въ деревню, къ крестьянскому плетню, къ намѣренію выйти изъ своей интеллигентной шкуры и стремиться войти въ среду совсѣмъ ужъ не интеллигентную, прямо—«чужую».

Буду однако продолжать начатый разсказъ.

II.

На другой день утромъ, ровно въ 6 часовъ, я отправился въ церковь. Всю ночь лилъ дождь, дорога размокла, и короткій путь въ полторы версты я мѣсилъ по грязи никакъ не менѣе часу. Дорога шла въ гору, была скользка и изрыта глубокими рытвинами; дождь не переставалъ сѣять безпрерывно; крупныя дождевыя капли отъ малѣйшаго дуновенія вѣтра ливнемъ крупныхъ капель слетали съ де-

ревьевъ, подъ которыми я намѣревался пробраться, и снова выгоняли на грязную и скользкую дорогу. Кое-какъ я добрался наконецъ до церкви, одиноко стоящей среди кладбища, но не рѣшился войти въ храмъ, а остался ждать окончанія утрени на крыльцѣ, очищая лучинкой цѣлые пуды грязи, облѣпившей мои калоши. Сѣрые деревенскіе люди одинъ по одному, съ большими промежутками, подходили къ церкви. Какое-то сонное, удивительно вялое, удивительно нескладное пѣніе дьячковъ доносилось изнутри храма. Точно они не пѣли, а бредили во снѣ, еле вращая языкомъ и вовсе не соблюдая никакой гармоніи. Въ разныя стороны тянули разношерстные—не голоса, а какіе-то необыкновенные тоны, звуки, и что-то дремотное овладѣвало слушателями. Многіе сидѣли въ притворѣ на полу, вдоль стѣнъ, и не то дремали, не то совсѣмъ спали—трудно было разобрать; только сидѣли эти люди неподвижно, точно заколдованные соннымъ бредомъ дьячковъ.

Утреня наконецъ отошла, и какъ разъ къ концу ея впопыхахъ прибылъ Маркъ Ивановъ, моя будущая кума съ ребенкомъ на рукахъ и старуха-бабка. Покуда Маркъ Ивановъ суетился съ купелью, таская изъ рѣчки воду (это все—дѣло родителя), ко мнѣ подошла бабка и, низко кланяясь, прошептала:

— Вы кумовья-то будете, ай нѣтъ?

— Я...

— Ужъ не забудь старуху-то!.. бабушку!.. Я принимала у ей...

Тутъ я вспомнилъ, что мнѣ надлежитъ подробно ознакомиться съ количествомъ необходимыхъ расходовъ. Крестъ я купилъ и зналъ, что я обязанъ заплатить священнику; но, благодаря бабкѣ, оказывалось, что существуютъ еще какіе-то расходы, которыхъ я не зналъ. Успокоивъ старуху, я обратился къ самому Марку Иванову съ вопросомъ: кому и что̀ я долженъ давать?

— Да вотъ кумѣ, что̀ вашей милости будетъ... И бабушкѣ... немножечко.

— Я бабушкѣ дамъ рубль...

— И отлично, хорошо, предовольно!.. Ну, и кумѣ ужъ!.. Полотенчико она вамъ...

— Кумѣ ты, баринъ, купи платье,—сказала, смѣло выступивъ изъ толпы, какая-то посторонняя женщина.—Кума твоя—дѣвушка, ей надо это... Выбирай ситчикъ повеселѣй какой, цвѣточками!

— Хорошо.

— Окрестишь, — прибавила она: — и зайди въ лавку, купи... Не Богъ вѣсть что! — у васъ, у господъ, побольше нашего.

— Куплю, куплю...

— Вотъ и хорошо. А больше ничего и не надо. Кумѣ да бабушкѣ... А прочихъ не балуй. Такъ-то...

Послѣ этого женщина, на рукахъ у который былъ ребенокъ, укачивая его, отошла въ сторону, а на мѣсто ея сталъ мужикъ, старый старикъ, и, шамкая, проговорилъ:

— Ежели твоя милость будетъ, такъ ужъ и насъ со старухой не оставь... Мы—родители Марку-то...

У него тряслась голова и хрипѣло въ горлѣ...

— Что пожалуешь, батюшка... Стары ужъ мы... Сиротство...

— Надо старичкамъ-то... — проговорилъ еще какой-то голосъ.—Одинокіе старики... что-нибудь дай... Ты рубъ-то разбей... Куда ей, бабкѣ, рубъ-то?..

— Что пожалуешь... Все на новорожденнаго-то... Старикамъ!—хрипѣлъ старикъ.

— Ей, бабкѣ-то, за-глаза, ежели сорокъ копеекъ, вполнѣ будетъ... а по тридцати копеекъ старикамъ... Бога помолятъ.

— Хорошо,—сказалъ я:—ладно!

— А ужъ хозяйкѣ, — надъ самымъ ухомъ, какъ комаръ прогудѣлъ, жарко дохнувъ, произнесъ Маркъ Ивановъ:— что будетъ вашей милости... И такъ благодаримъ покорно... Что вашей милости будетъ... Хоть двадцать копеекъ...

Всѣмъ нужно, оказывается, хоть сколько-нибудь: у всѣхъ сиротство, всѣ норовятъ воспользоваться случаемъ, чтобы «какъ-нибудь», «что-нибудь»... Тяжело мнѣ было на душѣ, когда, окруженный толпой этого «сиротства», я ходилъ вокругъ купели съ новымъ сиротой на рукахъ. Всѣмъ нужно, а тутъ еще является новый конкурентъ и требуетъ еще и на свою долю. Откуда возьметъ онъ?

Конкурентъ наконецъ былъ введенъ въ лоно православной церкви подъ именемъ Гавріила и отправился домой на рукахъ кумы. Повидавшись съ священникомъ и дьячкомъ, и мы съ Маркомъ тронулись въ деревню. По пути, изъ сторожки вышелъ старый-престарый, кривой на одинъ глазъ сторожъ и низко поклонился.

— Ужъ за ведерочко что-нибудь!—объяснилъ мнѣ Маркъ.

Оказалось, что Маркъ бралъ у сторожа ведро для того, чтобъ принести воды для купели.

Старикъ низко поклонился, получивъ скудную ленту, и поплелся въ сторожку.

Въ лавкѣ мы купили два платья, при чемъ лавочникъ вывелъ насъ изъ затрудненія, разрѣшивъ вопросъ о вкусахъ женщинъ, для которыхъ они покупались.

— Кто кума? — спросилъ онъ у Марка.

— Дарья...

— Это—женина сестра, что ли?

— Она.

— Дѣвица?

— Дѣвица.

— Гм... — промычалъ лавочникъ и, обратившись лицомъ къ полкамъ съ ситцемъ и искрестивъ ихъ пальцемъ снизу вверхъ и сверху внизъ, выхватилъ наконецъ одну штуку и, съ рѣшительнымъ возгласомъ: — Вотъ твоей Дарьѣ! — хлопнулъ ее о прилавокъ, спросивъ: — сколько прикажете?..

«Вотъ твоей Дарьѣ» было сказано такъ вѣско, что не представлялось никакой возможности предполагать, чтобы Дарьѣ это не понравилось. Въ виду этого, почти не разсматривая матеріи, мы прямо отвѣчали на вопросъ: «сколько потребуется».

— Давай на полное платье! — сказалъ Маркъ.

Аршинъ зашумѣлъ въ каленомъ ситцѣ.

Точно такъ же была выбрана и матерія на платье и женѣ Марка. Лавочникъ выхватилъ кусокъ и категорически объявилъ, что этотъ рисунокъ будетъ въ самый разъ для Марьи. Когда мы принесли покупки къ Марку въ домъ, дѣйствительно, и кума и жена Марка (сидѣвшая за занавѣской) остались очень довольны подарками.

— Лучше не надо! — говорили онѣ.

Несомнѣнно, что лавочникъ отлично изучилъ вкусы каждой Дарьи и каждой Марьи.

III.

Въ домѣ Марка Иванова сошлось избранное общество. Тутъ присутствовалъ сельскій староста, самый богатый и умный, т.-е. практическій мужикъ во всей деревнѣ, приглашенный какъ лицо, которому подстать сидѣть за однимъ столомъ съ бариномъ. Кромѣ старосты, присутствовало два-три изъ самыхъ «порядочныхъ», т.-е. крестьянъ, ведущихъ свои дѣла болѣе или менѣе въ порядкѣ; присутствовалъ самъ Маркъ, бабка и кума. Старый старикъ-родитель, получивъ малую ленту, скромно усѣлся у двери,

заявивъ, что онъ не будетъ безпокоить, а старуха съ тою же лентой тотчасъ ушла домой. Маркъ хотя и удерживалъ ее и просилъ старика идти къ столу, но, какъ мнѣ показалось, удерживалъ не особенно усердно и ни единымъ словомъ не протестовалъ, когда старикъ началъ-было отнѣкиваться...

— Ну, какъ хошь... — сказалъ Маркъ, не дослушавъ его рѣчи.

— Мое дѣло старое! — какъ бы оправдывая равнодушіе сына, произнесъ самъ старикъ, и даже мнѣ, человѣку, только-что вступившему въ крестьянскій домъ, показалось, что въ самомъ дѣлѣ ему нѣтъ тутъ мѣста. Своей больной старческой фигурой онъ не подходилъ къ веселью; и самъ онъ зналъ и всѣ другіе видѣли, что жизнь онъ ужъ прожилъ, и осталось ему одно — умереть. Куда ему пировать? «Дѣло его старое»... Не нуженъ онъ становится, какъ не нужно старое дерево.

Усѣвшись за столъ, на которомъ кипѣлъ самоваръ, мы выпили по рюмкѣ водки, закусили ее щукой, жареной въ яйцахъ, кушаньемъ вполнѣ безвкуснымъ, и приготовлялись выпить по другой, какъ съ улицы кто-то звонко застучалъ въ стекло. Я успѣлъ разглядѣть, что палка, которою стучало неизвѣстное мнѣ лицо, была не деревянная; на концѣ ея была, въ видѣ набалдашника, посажена какая-то алюминіевая морда. Самого стучавшагося мнѣ не было видно, потому что крестьянскіе дома въ описываемой мѣстности всѣ безъ исключенія двухъэтажные: внизу помѣщаются подвалы и чуланы, а надъ чуланомъ — жилая горница.

Маркъ тотчасъ поднялся на стукъ и, заглянувъ въ окно, произнесъ:

— Балашовскій баринъ... — и ушелъ на улицу.

— Кто такой? — спросилъ я.

— Тутъ, въ Балашовѣ, тоже вотъ на лѣто флигель снялъ у священника... Въ пяти верстахъ отсюда деревня Балашово...

— Баринъ тоже... — сказалъ староста: — только что сумнительность есть въ немъ...

— Какая же? въ чемъ?

— Да такъ, то-есть безъ твердости безо всякой... — объяснилъ староста. — Господинъ не господинъ... а Богъ е знаетъ... онъ и доберъ и все... а чтобы настоящаго...

IV.

Староста еще не окончилъ рѣчи, когда въ отворенной двери показался Маркъ, пропуская впереди себя балашовскаго барина.

Это былъ, какъ я потомъ разглядѣлъ, человѣкъ лѣтъ сорока, казавшійся гораздо старѣе своихъ лѣтъ. Какая-то изношенность и вмѣстѣ съ тѣмъ безпрерывная нервная раздражительность составляли довольно рѣзко бросавшіяся въ глаза черты его физіономіи. Въ небольшой черноватой бородкѣ и въ длинныхъ, за уши зачесанныхъ волосахъ пробивалась сильная сѣдина. Одѣтъ онъ былъ весьма прилично, хоть и небрежно; чистая рубашка была не застегнута у ворота, и галстука на немъ не было, а шляпа была измята самымъ безпощаднымъ образомъ...

— Радостью бы радъ, — говорилъ Маркъ: — да невозможно!

— Вѣдь дождь прошелъ... Сегодня праздникъ... — говорилъ ему баринъ.

— Гости-съ! Крестины!.. Милости прошу...

— А! — оглядывая гостей, весело проговорилъ баринъ: — все старые знакомые... Мое почтеніе! — раскланялся онъ со мной.

— Все старые! — поднявшись, проговорили гости. — Здравствуй, Ликсанъ Ликсанычъ!

— Здравствуйте, здравствуйте, друзья любезные!.. — влѣзая на уступленное старостой мѣсто, говорилъ баринъ. — Здравствуйте... Какъ поживаете? Нѣтъ ли чего хорошенькаго?

Говорилъ онъ это, очевидно, иронически. Крестьяне, также улыбаясь, отвѣчали ему:

— Слава Богу... помаленьку!

— Ну, и слава Богу! Простили Ивана-то?

Баринъ, сказавъ это, поставилъ локти на столъ и опустилъ усы на сжатые кулакомъ пальцы рукъ. Отвѣта онъ ждалъ, какъ-то искоса посматривая на крестьянъ. Я не зналъ, почему это дѣлается, но видѣлъ, что сидѣвшіе за столомъ крестьяне медлили отвѣтомъ.

Баринъ тоже молчалъ, постукивая кулакомъ по своимъ усамъ.

— А? — вопросительно промычалъ онъ еще разъ.

— Онъ, Ликсанъ Ликсанычъ, самъ пошелъ на мировую...

— За много ли?

— На полштофѣ помирились.

— Отлично! А голова-то зажила?

— Кой подживаетъ, кой не...

— «Кой не»... — повторилъ баринъ и, обратясь къ Марку, произнесъ: — ты что-жъ не угощаешь водкой-то?

Маркъ со всѣхъ ногъ бросился наливать водку и подалъ барину черезъ край налитую рюмку. Баринъ поморщился и залпомъ опрокинулъ ее въ ротъ. Но горловая судорога не пускала глотать, и баринъ долго сидѣлъ съ сжатыми губами, роясь вилкой въ чашкѣ съ яичницей и щукой. Кой-какъ глотокъ проскользнулъ, и словно всѣмъ полегчало.

— «Кой подживаетъ, кой не...» — повторилъ баринъ, утирая усы концами скатерти.

— Да вотъ это еще мѣсто, — указывая на собственный високъ, объяснилъ одинъ изъ крестьянъ: — это еще не совсѣмъ... Дюже глыбко посадилъ онъ...

— Глыбко? — переспросилъ баринъ.

Такая манера разговаривать крайне стѣсняла всѣхъ присутствующихъ: баринъ точно допрашивалъ, и видно было, что отвѣты, которые давали ему его подсудимые, очень мало удовлетворяли слѣдователя. Но баринъ какъ будто не замѣчалъ этого. Лично мнѣ было просто неловко присутствовать при непонятномъ мнѣ разговорѣ; но крестьяне, къ которымъ обращался баринъ, казалось, хорошо понимали, въ чемъ дѣло, и чувствовали себя едва ли не хуже, чѣмъ я себя чувствовалъ.

— Ну, а Евсею вы сколько ударовъ-то дали? — придвигая къ себѣ стаканъ чаю и какъ будто съ полною безпечностью приготовляясь распить его, продолжалъ баринъ тѣмъ же строгимъ тономъ.

— Это, Ликсанъ Ликсанычъ, не мы удары-то обозначаемъ: на это есть судъ...

— А не вы «судъ»-то?

— Никакъ нѣтъ!.. На то есть судьи... — отвѣчали крестьяне разомъ.

— А судей кто выбираетъ?..

— Ну, ужъ судей, знамо, — мы...

— А!.. — съ какимъ-то злорадствомъ прорычалъ баринъ и, въ сильномъ волненіи, такъ опрокинулъ стаканъ на блюдечко, что чай разлился по скатерти. Баринъ между тѣмъ продолжалъ въ томъ же тонѣ:

— Такъ не вы дерете-то стало-быть? Чужіе? Приказы-

ваютъ? Стòитъ тебѣ приказать отца родного высѣчь — ты и выдерешь, и не виноватъ будешь?

— Хе-хе-хе! — вдругъ засмѣялся староста (молодой, непьющій, но сухой и жестко-практическій малый): — все вы, Ликсанъ Ликсанычъ, на насъ серчаете. Все у насъ вамъ не по вкусу, все худо... Что-жъ съ насъ, мужиковъ-дураковъ, взять?..

— Извѣстно ужъ — дураки... — почесывая затылокъ, произнесъ одинъ изъ «порядочныхъ» крестьянъ. Произнесъ онъ это такимъ тономъ униженія, который паче всякой гордости.

— Объ этомъ я не спорю, да — дураки! — сказалъ баринъ, не сморгнувъ.

— Идѣ-жъ намъ взять ума-то?

— Да и мало того, что дураки, вы... — вдругъ вспыхнувъ непритворнымъ негодованіемъ, проговорилъ баринъ: — вы, кромѣ того, еще и...

Жесткое слово, которое, по всей вѣроятности, вертѣлось у него на языкѣ, однако не сказалось. Не кончивъ фразы, онъ быстро повернулся ко мнѣ и спросилъ торопливо и раздраженно:

— Вы тоже въ деревню заѣхали?

— Да, на лѣто...

— Только на лѣто? Ужъ не «сливаться» ли съ этими вотъ?

— Какъ «сливаться»? Я просто на дачу...

— И не «сливайтесь»! То-есть, я вамъ скажу!..

Онъ ухватился обѣими руками за голову. Я ждалъ, судя по этому жесту, что онъ разразится какимъ-нибудь трескучимъ потокомъ обвинительныхъ фразъ; но вмѣсто того баринъ мгновенно утихъ и почти шопотомъ сказалъ мнѣ:

— Мы хороши — ужъ нечего сказать, достойные плоды цивилизаціи, ну да и они тоже...

Онъ поцѣловалъ кончики пальцевъ и потомъ развелъ руками.

— Малина! — сказалъ староста.

— То-есть — чудо чтò такое! Лучше всякой малины... ахти-малина... А ежели мы да они сольемся, да въ томъ самомъ видѣ, какъ сію минуту...

— Свинья не тронетъ! — досказалъ староста и захохоталъ.

— Правда, братъ, правда!.. Именно не тронетъ! И свинья понюхаетъ этотъ лимонадъ — и прочь!.. Налей-ка мнѣ, Маркъ!..

Баринъ подставилъ рюмку.

— Ужъ наливай, Маркъ Ивановъ, — сказалъ староста: — всѣмъ! Что̀ ужъ...

Маркъ налилъ всѣ рюмки, но пить не было никакой возможности: въ комнатѣ стояла нестерпимая духота отъ самовара, отъ солнца, вдругъ начавшаго жечь іюльскимъ полуденнымъ огнемъ, и отъ раскаленной печки... Выпили только одинъ изъ крестьянъ, самъ Маркъ да балашовскій баринъ.

— Нѣтъ, ребята!.. — заговорилъ какимъ-то обиженнымъ тономъ балашовскій баринъ, кое-какъ преодолѣвъ эту вторую рюмку: — вотъ что̀ я вамъ скажу — обидѣли вы меня!..

— Чѣмъ же, Ликсанъ Ликсанычъ? Кажется, всей душой... Изъ чего намъ тебя обижать?.. Мы тобой довольны... — послышались голоса, правда, не совсѣмъ искренніе, такъ какъ на заявленіе барина объ обидѣ почти всѣ присутствовавшіе смотрѣли, очевидно, какъ на причуду барина, да еще «сумнительнаго», да еще, какъ видно, выпившаго.

— Обидѣли, братцы, обидѣли... Ѣхалъ я къ вамъ: думаю, буду жить съ вами, помогать — денегъ мнѣ отъ васъ не нужно, — хлопотать за васъ, за вашу крестьянскую семью. Я думалъ, что деревня — это простая семья, въ которой только и можно жить...

Мужики вздыхали, а староста только мотнулъ головой, какъ бы говоря: «невѣсть что̀ городитъ». А баринъ между тѣмъ вновь самъ налилъ себѣ полъ-рюмки, быстро проглотилъ и продолжалъ:

— ...А у нихъ тутъ не только никакой семьи не оказывается — какое!.. Лѣзутъ другъ отъ друга въ разныя стороны... Представьте себѣ, что̀ тутъ творится... — исключительно обращаясь ко мнѣ, говорилъ баринъ. — Вотъ я сейчасъ спрашивалъ про Евсея, котораго они высѣкли за упорство, «*за то, что занимается упорствомъ и лѣностью*» (такъ у нихъ пишется въ протоколахъ волостныхъ судовъ). Этотъ Евсей — завзятый охотникъ, преданъ онъ своему дѣлу страстно. Семьи, кромѣ жены, у него нѣтъ никакой; хозяйничать надо, стало-быть, съ работникомъ. Но у Евсея, помимо того, что сердце вообще не лежитъ къ хозяйству, вслѣдствіе его спеціальности, у него, вслѣдствіе той же спеціальности, и средства-то случайныя: хорошо, вспомнитъ про него какой-нибудь баринъ, которому онъ могъ услужить на охотѣ, поможетъ, — Евсей и справится, а нѣтъ — сидитъ такъ... Я этого Евсѣя знаю: это — истый худож-

никъ, страстный любитель своего дѣла и потому добрѣйшій парень. Въ охотничьемъ мірѣ онъ извѣстенъ очень многимъ петербургскимъ тузамъ и, благодаря этому, сослужилъ своимъ сельчанамъ большую службу. У крестьянъ этой деревни, вотъ у этихъ самыхъ (онъ указалъ на сидѣвшихъ за столомъ крестьянъ), больше десяти лѣтъ шелъ споръ съ помѣщикомъ за надѣлъ. Они на это дѣло, какъ разсказываютъ, истратили больше тысячи рублей серебромъ, но толку никакого не добились. Тогда Евсей, несмотря на то, что лично ему эта земля была не нужна, — я говорилъ, что онъ былъ плохой хозяинъ, — задумалъ помочь своимъ сотоварищамъ, помочь просто такъ, по добротѣ. Онъ отправился въ Петербургъ, разыскалъ одного изъ господъ, котораго зналъ какъ охотника и который, какъ оказалось, былъ лицомъ вліятельнымъ, разсказалъ ему все дѣло и, безъ одной копейки расходовъ, благодаря своему личному умѣнью затронуть человѣческую струну, выигралъ процессъ не больше какъ въ полтора мѣсяца со всѣми проволочками. Теперь, благодаря этому Евсею, у этихъ вотъ джентльменовъ (опять онъ указалъ на крестьянъ) двадцать десятинъ мелколѣсья съ отличными сѣнами и отличные луга. И что-жъ? Этого человѣка, который на вѣчныя времена сдѣлалъ имъ доброе дѣло, эти же самые джентльмены выдрали розгами за невзносъ податей.

— Постой!—остановилъ барина одинъ изъ крестьянъ, видимо, взволнованный разсказомъ. — Погоди, Ликсанъ Ликсанычъ. Слышалъ ты звонъ, да не знаешь, гдѣ онъ...

— Ну, гдѣ-жъ?—обратился къ нему баринъ.

— А вотъ гдѣ... Которую землю Евсей отбилъ, той земли владѣтель—стало-быть, нашъ бывшій баринъ—и посейчасъ въ присутствіи служитъ, въ крестьянскомъ...

— Членъ...—прибавилъ другой крестьянинъ.

— Въ членахъ. Когда отъ него это угодье отошло, онъ и подвелъ, чрезъ старшинъ и черезъ судей, противъ Евсея... Судьи-то, братецъ ты мой, изъ всей волости выборные... Кабы изъ нашей изъ одной деревни они выбирались, небось бы...

— Ну, ладно, ладно...—перебилъ его баринъ, торопясь досказать свою рѣчь:—стало-быть, это не здѣшніе судьи, а люди, которые не знали Евсея, приговорили его къ сѣченію, потому что имъ это было внушено и, пожалуй, приказано.

— Вѣстимо такъ!

— А вы высѣкли вашего благодѣтеля только потому, что было приказано. Такъ? Вѣдь *вы* сѣкли-то? Вѣдь у этого волостного правленія?.. Такъ, ай нѣтъ?

Крестьяне молчали. Только тотъ, который возражалъ, какъ-то нетерпѣливо схватился за свою грудь, что-то, повидимому, желалъ возразить, но только мотнулъ головой и махнулъ рукой...

— Какъ вамъ нравится этакая непосредственность?..— обратился онъ ко мнѣ.

— Да нешто, кабы ежели... — совершенно огорченнымъ тономъ заговорилъ-было опять мужикъ, но баринъ не далъ ему окончить и перебилъ вопросомъ:

— Почему вы не заплатили за него этихъ несчастныхъ двѣнадцати съ полтиной? Вѣдь онъ вамъ сдѣлалъ добра на тысячи?..

Вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ, другой изъ порядочныхъ крестьянъ, все время молчавшій, неожиданно и медленно проговорилъ:

— Въ случаѣ ежели что̀, и Евсей твой тоже бы нашего брата не помиловалъ... Прикажутъ наказать да прутъ въ руки дадутъ, такъ и Евсей твой...

— Ну вотъ!—стукнувъ кулакомъ, завопилъ баринъ.— Вотъ тутъ и сливайся съ ними... Сегодня я сольюсь, а они меня завтра въ волости выдерутъ, либо самого заставятъ драть...

И онъ, какъ говорится, «хлопнулъ» еще рюмку водки и, видимо, охмелѣлъ...

— Теперь еще куплетикъ...—отирая ужъ просто ладонью свои усы, продолжалъ онъ.—Здѣшняя помѣщица отдала свою землю и усадьбу въ аренду одной петербургской нѣмкѣ... Эта аренда—тоже превосходнѣйшая иллюстрація къ пониманію теперешнихъ взаимныхъ отношеній вотъ этихъ господъ... Это прелесть, и мы еще поговоримъ... Не въ томъ дѣло. Дѣло въ томъ, что, какъ ни подла и ни жадна эта нѣмецкая тварь, все-таки ужъ одно незнаніе языка заставляетъ ее прибѣгать къ помощи нашихъ соотечественниковъ, т.-е. къ помощи этихъ же язевскихъ обывателей, *противъ тѣхъ же* язевскихъ обывателей... На ея счастье, въ числѣ этихъ господъ (опять указаніе на гостей) отыскалось одно удивительно пригодное для этого нѣмецкаго животнаго русское животное. Это еще молодой парень, но такой глубокой природной кровожадности, такой глубокой ненависти къ своему брату-крестьянину я рѣшительно не

видалъ, даже не могъ предполагать, хотя я теперь порядочно-таки насмотрѣлся на ихъ взаимную любовь...

— Звѣрь—ужъ что...—подтвердилъ одинъ изъ крестьянъ.— Это вѣрно!

— Я понимаю, что могутъ быть тысячи причинъ, объясняющихъ это уродство; дѣло не въ томъ. Въ обществѣ, въ общинѣ, какою я предполагалъ русскую деревню, такой человѣкъ—первый врагъ, язвы сибирской хуже... Всю силу своей умственной дѣятельности,—а парень онъ неглупый,— онъ устремляетъ на то, чтобы затруднить отношенія, которыя приходится имѣть ему съ крестьяниномъ, своимъ же односельчаниномъ. Только изъ какой-то непостижимой потребности дѣлать зло, онъ привязывается къ интересамъ лицъ, которые какъ разъ противоположны интересамъ его близкихъ,—такъ вѣрнѣе и жестче для этой нѣмки слуги едва ли сыскать возможно. Эта шельма — его звать Ѳедосей—этотъ Ѳедосей неусыпно сторожитъ ея интересы, точно это его кровное добро. Представьте, онъ выучилъ почти наизусть (грамотный!) судебные уставы, знаетъ всѣ закорючки, путаетъ ими крестьянъ и, разумѣется, выигрываетъ процессы. Помимо этой непонятной злобы противъ своихъ, онъ вообще злой человѣкъ: онъ любитъ смотрѣть на смерть животныхъ... любитъ смотрѣть на страданія... Въ прошломъ году онъ, напримѣръ, сжегъ въ печкѣ девять щенятъ, которыхъ его нѣмка приказала ему утопить... Понимаете ли, вѣдь надо быть звѣремъ, чтобы рѣшиться на эту операцію, чтобы нарочно растопить прачечную печь и бросать въ огонь по одному щенку...

— Я ему сто разъ говорилъ, — вставилъ свое словечко Маркъ:—помрешь самъ такою же смертью!

— И что-жъ? И такъ... И помретъ! Вѣрно это!..—прибавилъ мужикъ, огорчившійся словами барина и все время не перестававшій о чемъ-то упорно и горько думать.

— Такъ вотъ этотъ звѣрь, — продолжалъ баринъ:— однажды замѣтилъ, что изъ нѣмкина амбара пропадаетъ мука. Пять ночей кряду, не смыкая глазъ, имѣлъ онъ терпѣнье высидѣть за амбаромъ, со шкворнемъ въ рукахъ, выжидая вора... На шестую—онъ самъ говорилъ мнѣ, что была темь и дождь — онъ наконецъ запримѣтилъ какую-то фигуру, пробирающуюся черезъ дворъ. Впослѣдствіи оказалось, что это мужикъ шелъ за бабкой-повитухой... Недолго думая, вѣрный стражъ нѣмкиныхъ интересовъ погнался за этой фигурой и, догнавъ, буквально изувѣчилъ

человѣка желѣзнымъ тарантаснымъ шкворнемъ. Онъ билъ его по чемъ попало, раскроилъ голову въ нѣсколькихъ мѣстахъ,—словомъ, изуродовалъ звѣрски... Если бы вы посмотрѣли, съ какимъ глубокимъ сознаніемъ своей правоты разсказывалъ этотъ звѣрь мнѣ, лично мнѣ, это дѣло! Онъ выходилъ изъ принципа — «не тронь чужого» (потомъ я вамъ скажу, что̀ это за чужое) и чувствовалъ себя какъ-то удивительно веселымъ... Онъ даже пришелъ ко мнѣ жаловаться на свою хозяйку, заслышавъ, что она хочетъ простить (простить!) этого мужика.—«Что̀-жъ это такое?—говорилъ онъ обиженно. — Сейчасъ бы ушелъ, ежели-бъ не контрактъ...» Но такъ какъ прощать невиннаго нѣмкѣ не пришлось, то Ѳедосей и попалъ подъ судъ... Судъ этотъ былъ третьяго-дня, въ воскресенье—и что-жъ? Этотъ самый невинно-обиженный человѣкъ, изуродованный во имя нѣмкиной собственности, прощаетъ врага всего язевскаго крестьянства — за полштофъ!..

— Самъ же говоришь, драть нехорошо...

— Если прощать—прощай такъ, а не за полштофъ... То-то и бѣда: не будь полштофа, вы бы высѣкли его, а полштофъ-то помѣшалъ.

— Ахъ, Господи, Господи!—широко вздохнувъ, произнесъ огорченный мужикъ.—Говоришь ты, братецъ ты мой, много, а сказалъ бы я тебѣ словечко...

— Знаю я твои словечки... — перебилъ его баринъ.— Бѣдность, сиротство — такъ? Теперь извольте прислушать...

Баринъ обратился исключительно ко мнѣ.

— Эти люди, бѣдность которыхъ ужъ, кажется, не подлежитъ никакому сомнѣнію, эти самые люди, которымъ до̀рогъ каждый гривенникъ, каждая копеечка, — эти люди *даромъ, за вино* добровольно обязываются работать на эту самую нѣмку, на вашу хозяйку... Вы вѣдь у нея нанимаете флигель, кажется?

Я подтвердилъ.

— Понимаете ли: *даромъ* обязались ей всей деревней работать триста сорокъ дней въ году съ лошадьми. То-есть *даромъ* дѣлаютъ ей все, доставляютъ ей тотъ самый доходъ, которымъ она уплачиваетъ аренду и отъ котораго у ней остается—куда довольно!..

— Баринъ! а баринъ!—заговорилъ огорченный мужикъ.— Право, ты меня въ сердце ввелъ...

— Чѣмъ это я тебя разсердилъ?

— А тѣмъ... Поди-ка, спроси у хозяйки-то, у помѣщицы: дастъ она намъ, мужикамъ, земли-то? Нѣтъ, не дастъ! Ей надобенъ одинъ человѣкъ, одинъ отвѣтчикъ...

— Вотъ ты осерчалъ, вошелъ въ сердце, а договорить-то мнѣ не далъ...

— Ну, договаривай!

— Изволь... А позволь тебя спроситъ: одинъ кто-нибудь изъ васъ не можетъ, по вашему выбору, взять это дѣло на себя? Вотъ ты, ты—сельскій староста, ты не пьешь, помѣщица тебя знаетъ...

— Мнѣ что же? я, слава Богу, не сижу безъ хлѣба...— холодно перебилъ рѣчь барина староста. — Есть у меня пустоши тринадцать десятинъ да у двухъ мужичковъ нанимаю: куда ужъ мнѣ съ арендой!..

— Ну, вотъ говорите съ ними послѣ этого! Вотъ они въ какихъ теперь отношеніяхъ... «Мнѣ, мое, у меня, а тамъ—прочіе, другіе, сосѣди—какъ знаешь!»

— Я всякому желаю... — кротко бормоталъ староста.— Дай Богъ всякому! Мнѣ Богъ помогъ — и другимъ поможетъ.

— Знаю я, тебѣ какъ Богъ-то помогъ... — почти огрызаясь на старосту, произнесъ баринъ и, тотчасъ обратясь ко мнѣ, продолжалъ:—вотъ, вотъ она гдѣ бѣда-то!.. Вотъ что въѣдается въ деревенскую среду, съ каждымъ днемъ все сильнѣй и сильнѣй...

— Эхъ, баринъ, баринъ... Долго ты насъ бранилъ, а и намъ бы тебѣ можно словечко сказать... Худы мы—вѣрно это...

— Другъ ты мой любезный!—вдругъ самымъ задушевнымъ тономъ произнесъ, очевидно, разстроенный баринъ: — неужели ты думаешь, что я въ самомъ дѣлѣ пришелъ съ вами ругаться? Чудаки вы этакіе! Я ору на васъ потому, что вы не вѣрите, что мнѣ васъ жаль... Эхъ, вы! Маркъ, купи-ка, братъ, пивца...

Маркъ взялъ отъ барина деньги и мигомъ понесся въ кабакъ.

— Не сольешься съ вами, а сопьешься!.. Смотрѣть-то на васъ—душа разрывается...

— То-то вотъ, баринъ, и есть...—говорилъ между тѣмъ огорченный:—«дураки да дураки... да пьяницы...» Были и мы, братецъ ты мой, хороши, да ужъ потомъ стали худы... Знаешь, чай, про мужика да про волка?

— Что такое? про какого мужика? — приподнимая опущенную на руки голову, устало произнесъ баринъ.

— Сказка такая есть: про мужика да про волка... Шелъ, стало-быть, мужикъ съ гумна, а навстрѣчу волкъ бѣжитъ... «Мужикъ, мужикъ, спрячь меня, — за мной охотники гонятся». Подумалъ мужикъ и спряталъ волка въ мѣшокъ,— мѣшокъ у него съ собой былъ... Вотъ хорошо... погоди, доберъ по-твоему мужикъ-то?

— Доберъ!—сказалъ баринъ какъ во снѣ.

— То-то что доберъ... погляди, отчего онъ худъ-то сталъ...

— Ну, говори, валяй дальше.

— Ну, охотники проскакали, мужикъ и выпустилъ волка изъ мѣшка; а волкъ, какъ вылѣзъ, и говоритъ: «теперь, мужикъ, я тебя съѣмъ!»—«Это какъ же такъ,— говоритъ мужикъ:—нешто такъ добро помнятъ?»—«Старое добро, говоритъ волкъ, забывается».—Сталъ мужикъ спорить. Волкъ говоритъ: «давай, у кого хочешь, спросимъ; ежели скажутъ, что забывается старое добро, тогда я тебя съѣмъ...» Подумалъ мужикъ, говоритъ—«ладно!». Пошли по дорогѣ. Попадается старая лошадь; стали они у нея спрашивать: забывается ли старое добро? Лошадь имъ отвѣчаетъ:—«Служила я хозяину пятнадцать лѣтъ, работала день и ночь, а стара стала, ослѣпла—меня треснули дубиной вдоль спины и выгнали вонъ... Вотъ и плетусь умирать, куда ноги приведутъ... Старое добро, господа, всегда забывается...» Волкъ разинулъ ротъ, хотѣлъ мужика съѣсть,—мужикъ говоритъ: «Нѣтъ, погоди, еще спросимъ у старичковъ». И стали они спрашивать у старыхъ собакъ и у старыхъ людей, и всѣ имъ говорятъ: «забывается старое добро». Покуда, молъ, нужно—кормятъ, а какъ состарился да не въ силахъ работать—и издыхай, гдѣ хочешь.—«Ну, мужикъ,—говоритъ волкъ:—теперь ужъ я тебя съѣмъ...» Видитъ мужикъ, дѣло его плохо. Вдругъ бѣжитъ лисица. Мужикъ къ ней:—«Разсуди, говоритъ, насъ!» А лисица—хитрая вѣдь она: —«Разскажите, говоритъ, какъ было дѣло». Сталъ ей мужикъ разсказывать, какъ онъ волка отъ охотниковъ спряталъ въ мѣшокъ, а лиса и говоритъ:—«Это не можетъ быть!» Волкъ говоритъ:—«Нѣтъ, это вѣрно. Онъ меня въ мѣшкѣ держалъ, покуда охотники не проѣхали».—«Не можетъ быть. Такой громадный, да чтобы въ мѣшокъ влѣзъ: это нѣтъ никакой возможности». Волкъ говоритъ:—«Хочешь, влѣзу, покажу?»— «Влѣзь!» Волкъ и влѣзъ въ мѣшокъ и говоритъ оттуда: «видишь?» Какъ только онъ влѣзъ, лисица и шепчетъ мужику:—«Завяжи его хорошенько, да цѣпомъ, да цѣпомъ»

(а цѣпъ съ мужикомъ былъ — съ гумна вѣдь онъ шелъ). Мужикъ принялся молотить волка что̀ есть силы, а лисица стоитъ и смѣется... Глянулъ мужикъ на нее да и подумалъ:—«Какъ бы и она со мной чего худого не сдѣлала... Вѣдь вотъ упекла же волка...» Да вспомнилъ, что «старое-то добро забывается», замахнулся и царапнулъ лисицу до смерти... Съ тѣхъ поръ мужикъ и въ худыхъ сталъ... Потому наученъ.

— Наученъ, братъ, наученъ!..—твердилъ баринъ, поставивъ локти на столъ и опустивъ въ ладони лицо. — Отъ этого-то и съѣла меня у васъ тоска!..

— А былъ доберъ, что̀ говорить, всей душой готовъ!..— продолжалъ мужикъ.—Да какъ помусолили его хорошо, такъ и сталъ онъ цѣпомъ отбиваться и отъ ворога и отъ хитраго пріятеля... Такъ-то, баринъ!

— Такъ, такъ, другъ любезный, такъ!..

Въ это время явился Маркъ, нагруженный бутылками пива.

V.

За этимъ пивомъ мы просидѣли въ избѣ Марка еще часа два, если не больше, продолжая разговоры на ту же тему. Но теперь разговоръ нашъ принялъ нѣсколько иное направленіе. Какъ бы утомившись своимъ негодованіемъ на крестьянскія безобразія, баринъ почти замолкъ и не то думалъ о чемъ-то своемъ, не то внимательно слушалъ слова крестьянъ, преимущественно слова огорченнаго крестьянина, который теперь почти одинъ овладѣлъ бесѣдою, и надо сказать правду: благодаря его разъясненіямъ, основаннымъ на знаніи всей крестьянской подноготной, картина крестьянской жизни стала представляться вовсе не такой ужъ отчаянной, какая вышла благодаря наблюденіямъ «не слившагося» барина.

Послѣ крестинъ у Марка мы встрѣчались съ бариномъ нѣсколько разъ. Однажды я самъ пришелъ къ нему въ Балашово; въ другой разъ пришелъ онъ ко мнѣ. Несмотря на то, что онъ прямо заявилъ о своемъ намѣреніи жить и думать только вмѣстѣ съ народомъ; несмотря на то, что я, начиная со дня крестинъ и съ долгаго разговора о крестьянскихъ дѣлахъ, сталъ весьма прилежно думать о житьѣ-бытьѣ только деревенскомъ, намъ обоимъ не представлялось однако ничего болѣе важнаго въ практическомъ отношеніи, какъ вести обо всемъ этомъ разговоры (только

разговоры!), и притомъ только барину съ бариномъ... Между тѣмъ этотъ самый предметъ нашего разговора продолжалъ съ непонятнымъ упорствомъ влачить свою ежедневную лямку, продолжалъ задаромъ работать на нѣмку, продолжалъ сѣчь своихъ ближнихъ въ дни собранія волостныхъ судовъ, мирился на полштофѣ, махалъ съ ранняго утра до поздней ночи косой, чтобы ночью не нагрянулъ дождь и не оставилъ бы его скотину на всю зиму безъ корму, — словомъ, шелъ своей дорогой, а мы, опечаленные его участью, разговоры разговаривали... Постараюсь, впрочемъ, не потопить читателя въ этомъ морѣ словъ, которыя на досугѣ мы сумѣли произнести на благо народа, и изложу наши словопренія въ возможно приличномъ видѣ.

VI.

— Какимъ путемъ?..—восклицалъ балашовскій баринъ:— чортъ его знаетъ, какимъ путемъ я думалъ слиться съ ними... Да и слово-то это—«сліяніе»—какое-то дурацкое... Оно даже въ голову не приходило... Я просто чувствовалъ, что сорокъ лѣтъ, которыя у меня за спиной, словно сорокъ невидимыхъ, но крѣпкихъ рукъ примкнули меня къ деревенскому плетню и не пускаютъ... «Сливайся, сѣдая каналья»—да и все тутъ!.. Увѣряю васъ, въ первый же день, какъ только я пріѣхалъ сюда, я испугался... ис-пу-гал-ся (повторилъ баринъ это слово съ особеннымъ удареніемъ), именно потому, что не пускаютъ сорокъ рукъ, а самъ я того, что̀ здѣсь дѣлается, не понимаю!.. И представьте, я вѣдь двадцать тысячъ разъ бывалъ и живалъ въ деревняхъ, вѣдь моя семья — помѣщики; потомъ я пріѣзжалъ въ эти деревни въ видѣ отца-благодѣтеля, мирового посредника, земскаго гласнаго... Я вѣдь этотъ миссіонерскій путь прослѣдовалъ, и никогда я ничего не пугался здѣсь и, въ качествѣ миссіонера, даже не только все якобы понималъ, а и совершенствовалъ.

«Но теперь, когда меня въ деревню никто *не назначалъ;* теперь, когда я явился въ деревню не на лѣто, какъ являлся въ свою деревню въ качествѣ барина; когда меня въ эту деревню привела жизнь — тутъ-то я и испугался... Не на шутку испугался. — Зачѣмъ я здѣсь?—на каждомъ шагу стало мнѣ лѣзть въ голову... Пищатъ цыплята, ѣдетъ борона съ поля, блеетъ овца, мычитъ корова—все это что-то мнѣ чужое, идетъ куда-то по своему дѣлу, въ свое мѣсто,— словомъ, мимо меня... Я до того растерялся, что, желая

объяснить себѣ мое появленіе въ деревнѣ и съ страшными усиліями пытаясь возстановить въ своей памяти тѣ безчисленныя иллюстраціи, которыми въ моемъ воображеніи были разрисованы мужикъ и деревня, рѣшительно ничего не могъ припомнить... Точно никакихъ иллюстрацій и не было. Думалъ-думалъ, наконецъ придумалъ: «пошлю-ка я за водкой въ кабакъ!» Ха-ха-ха... Принесли—«Славянской», «высшей»; съ тѣхъ поръ я и придерживаюсь ея—и ничего: облегчаетъ!..»

— Какія же такія иллюстраціи придумали вы къ мужику? Чѣмъ могли вы его разрисовать?

— Мужика-то? О, батюшки!

Баринъ вдругъ оживился, и глаза его засверкали какой-то совершенно дѣтскою, улыбающеюся радостью.

— Мужика-то не разрисовать?.. Если на то пошло, такъ я вамъ скажу, что именно только одного мужика въ настоящіе дни и можно разрисовывать такъ, что только мурашки по кожѣ забѣгаютъ отъ восхищенія... Только одного мужика!

— Какого же? Вотъ этого самаго Марка, Ивана, Кузьму?

— Какого же еще? Разумѣется, этого самаго... Именно ихъ-то, этихъ Ивановъ, Ѳедосеевъ, и можно воображенію окружать великолѣпіемъ... Все, что̀ окружалось, надоѣло... Теперь великолѣпнѣй мужика ничего нѣтъ на свѣтѣ...

— Да, если его раскрасить...

— Прибавьте—и потому еще, что его можно раскрасить... На всемъ другомъ краска лупится, слѣзаетъ.

— Право, я бы очень хотѣлъ послушать, какъ вы раскрасите мнѣ какого-нибудь изъ этихъ Ивановъ?..

— Ничего нѣтъ легче!.. Позвольте мнѣ припомнить вамъ одинъ разговоръ именно по этому же поводу... Тутъ такъ раскрасили этого Ивана, что лучше покуда и не требуется... Этотъ разговоръ происходилъ года четыре-пять тому назадъ, за границей. Я въ ту пору шатался тамъ въ самомъ ужасномъ состояніи духа. Какая-то сильнѣйшая нравственная оскомина ежеминутно отравляла мое существованіе. Все, что̀ мнѣ ни припоминалось въ моемъ прошломъ, все, что̀ ни видѣлъ я передъ собою въ настоящемъ, все, каждую минуту, возбуждало во мнѣ это нестерпимое ощущеніе оскомины, и я просто не зналъ, что̀ дѣлать. Только въ кружка̀хъ русской молодежи, куда я иной разъ—въ лучшія изъ моихъ сквернѣйшихъ минутъ — заходилъ, только тутъ иной разъ предо мной какъ будто что-то прояснялось. Но, разумѣется,

между мною, уже сѣдѣющею, изломанной дубиной, и ими—живущими, молодыми—никакой прочной связи не было: такъ только, въ качествѣ благороднаго свидѣтеля, я и могъ быть переносимъ и принятъ... Такъ вотъ разъ, когда я забрелъ въ одинъ изъ этихъ кружковъ, мнѣ пришлось натолкнуться, разумѣется, на разговоръ и, разумѣется, о народѣ (это ужъ всегда...). Едва я услыхалъ слова: «мужикъ», «народная жизнь» и пр. и пр., какъ тотчасъ же почувствовалъ ощущеніе оскомины и поспѣшилъ выйти на балкончикъ, стараясь не слушать этихъ разговоровъ о народѣ (Господи! сколько самъ я молотилъ о немъ моимъ празднословнымъ языкомъ!), и старался развлечь себя предметами посторонними...

«Балкончикъ былъ маленькій, какой бываетъ у квартиръ въ одно окно, въ полторы комнаты, и висѣлъ надъ улицей необыкновенно высоко: онъ висѣлъ, впрочемъ, не надъ одной только улицей, а выходилъ угломъ на площадь, куда сходились еще три или четыре другихъ улицъ, спускаясь съ возвышенностей. Мѣсто было необыкновенно типическое: асфальтовая площадь съ массивнымъ газовымъ фонаремъ посрединѣ, и широкій асфальтовый проспектъ перерѣзывалъ ее поперекъ, съ жиденькими рядами платановыхъ деревьевъ по его обѣимъ сторонамъ — одни они только нарушали своимъ ординарнымъ видомъ оригинальный характеръ стараго квартала, искрещеннаго переулками, узенькими, кривыми, поминутно раскалывавшимися на новые и кривые переулки, обставленные высокими, закопченными вывѣсками маленькихъ кафе, угольныхъ лавокъ, лавокъ всякаго старья, тряпья и хлама, и населенные несмѣтнымъ числомъ народа, кишащаго какъ въ муравейникѣ. Но и полная жизни картина этого муравейника, которую я созерцалъ съ моей обсерваторіи, нисколько не улучшала моего нравственнаго состоянія и не уничтожала ощущенія оскомины, несмотря на то, что эта мелькавшая передо мною жизнь почти ежеминутно мѣнялась, какъ въ калейдоскопѣ, поминутно складываясь, благодаря нагрянувшему омнибусу, барабанному бою, взводу солдатъ и т. д. — все въ новыя и въ новыя перестановки людскихъ фигуръ. Никоимъ образомъ я не могъ заглушить въ себѣ этого, въ высшей степени безпорядочнаго потока мыслей, невѣдомо откуда залетавшихъ въ голову и невѣдомо какую связь между собою имѣвшихъ. И завидовалъ-то я людямъ этого муравейника, и ненавидѣлъ, и о культурѣ думалъ, и о Бисмаркѣ, и о томъ, что

хорошо бы все это разсыпать прахомъ, и неожиданно о моемъ личномъ дѣлѣ, и потомъ вдругъ о войнѣ. И—то мнѣ казалось, что «мы» все возьмемъ и разобьемъ, а то я вдругъ, не знаю почему, желалъ, чтобъ насъ «раскатали»... Словомъ, Богъ знаетъ что̀ такое толпилось во мнѣ, и саднило, и ѣло безъ всякаго толку, и я, несмотря на страстное желаніе не слушать разговоровъ внутри комнаты, долженъ былъ ихъ слушать, такъ какъ рѣшительно не могъ на чемъ-нибудь опредѣленно сосредоточиться... Долетали поэтому до меня разныя отрывочныя фразы, которыя я большею частью уже и говорилъ и слышалъ. Только одинъ изъ русскихъ, удивительно нѣжное созданіе и страшно измученный личными несчастіями человѣкъ, — только онъ одинъ на минуту остановилъ-было мое вниманіе нѣкоторыми цифрами, касавшимися самыхъ, повидимому, незатѣйливыхъ сторонъ крестьянскаго труда.

«— Знаете ли, сколько разъ нужно ударить цѣпомъ, чтобъ обмолотить столько-то ржи? — спрашивалъ онъ.— «А сколько?»—«Двадцать восемь тысячъ разъ!..»—«А знаете, сколько верстъ надо пройти, чтобы вспахать десятину?», и т. д. И всегда выходили удивительныя цифры, невольно обращавшія на себя вниманіе своими непомѣрными размѣрами и рисовавшими хлѣбопашество дѣломъ необычайно труднымъ. Этими цифрами будущій писатель (молодой человѣкъ этотъ писалъ повѣсть «Пахарь») хотѣлъ тронуть общество, тронуть сильнѣе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, и заставить его любить этого мужика, который, несмотря на весь гнетъ своего положенія, добръ, самоотверженъ, не корыстенъ и т. д. и т. д. Все это было мнѣ болѣе или менѣе извѣстно, и я, нѣсколько озадаченный цифрами, вновь предался пустопорожнему унынію, когда пошли вновь общія разсужденія.

«— Да что̀ это вы, Кузнецовъ, все плачетесь?—вдругъ заговорилъ молодой, необыкновенно талантливый мальчикъ,— ни въ комъ во всю свою жизнь не видалъ я такой страстной жажды сунуть себя въ какое-нибудь самое опасное, самое смѣлое, дерзкое дѣло, какъ въ немъ...—Почему вы сидите на несчастіяхъ одного только мужика? Вотъ вы говорите, что мужикъ не видитъ свѣта, потому что—то стоитъ цѣлый день у цѣпа, то полгода ходитъ за сохой... Ну, а банкиръ, съ вашей точки зрѣнія, не такое же несчастное существо? Вѣдь и онъ цѣлые дни стоитъ у бумагъ и у связанныхъ съ ними милліоновъ случайностей... Тамъ все

цѣпъ да цѣпъ, да двадцать верстъ въ день по пашнѣ, а тутъ все днемъ и ночью—деньги, деньги, деньги, и десятки верстъ на биржѣ, и точно такъ же, какъ для мужика градъ, такъ для этого мученика денегъ тысячи случайностей: оборвалась проволока, опоздалъ купить такую-то бумагу—пропалъ, загремѣлъ въ бездну со всѣми своими экипажами и содержанками, и прямо въ пасть цѣлой толпы озлобленныхъ людей. Благодаря этой проволокѣ, благодаря тому, что черезъ Ламаншъ оборвался телеграфъ, что Донъ-Карлосъ проигралъ битву, что Абдулъ-Азисъ неосторожно поигралъ съ ножницами—его могутъ сразу возненавидѣть всѣ и будутъ рвать, какъ собаки волка, начиная отъ кучера, которому нужно получить грошъ, до жены, дочери, родного сына... Ну, какъ по-вашему, это—не мученикъ? Что-жъ, видитъ онъ свѣтъ? Есть ему минутка подумать о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ той же, только банкирской, сохи—бумагъ, денегъ?.. Ну, а если несчастія господъ банкировъ васъ не трогаютъ, такъ вотъ вамъ—кондукторъ омнибуса: онъ цѣлый Божій день, съ семи часовъ утра до 11-ти часовъ ночи, за полтора рубля серебромъ вознагражденія, треплется на подножкѣ кареты, буквально не смѣя отойти, цѣлые годы на однѣхъ и тѣхъ же улицахъ, мимо однихъ и тѣхъ же домовъ. Видитъ ли онъ бѣлый свѣтъ? А инженеръ, а священникъ: развѣ все это не привязано къ своей сохѣ? Какой-такой общій разговоръ можетъ быть у священника и актера, у инженера и кондуктора, у сапожника и банкира? Это все до такой степени оторвано другъ отъ друга микроскопичностью смысла своего труда, что вылилось почти въ такой же рѣзкой формѣ, какъ птица, рыба и т. д.

«— Именно въ смыслѣ необыкновеннаго разнообразія не физической только, а нравственной дѣятельности, требуемой крестьянскимъ трудомъ, обиходомъ его домашней жизни, участь мужика-крестьянина и представляется не только не печальною, но и рѣшительно завидною сравнительно со всѣми безчисленными профессіями, на которыя раскололся родъ человѣческій. «*Мы все сами*», говоритъ мужикъ; онъ *самъ* добываетъ хлѣбъ, *самъ* добываетъ кожу на сапоги, овчину на тулупъ; онъ *самъ* ткетъ себѣ рубашку,—словомъ, онъ *все самъ*. Умственная дѣятельность его постоянно въ работѣ, постоянно въ наблюденіи, потому что этого требуетъ разнообразіе его дѣятельности... Одна добыча хлѣба ставитъ его въ зависимость отъ тысячи явленій при-

роды, отъ тысячи коммерческихъ, финансовыхъ соображеній. Онъ смотритъ и изучаетъ небо и землю, примѣчаетъ движеніе вѣтра и силу тумана—тысячи вещей, изъ которыхъ на каждой, гдѣ-нибудь въ казенномъ зданіи, сидитъ по спеціалисту съ хорошимъ окладомъ, сидитъ, совершенно отдѣлившись отъ свѣта и ничего не понимая, кромѣ своего оплачиваемаго труда. «*Все самъ*»—этого довольно, чтобы представить себѣ, что въ мужицкой крестьянской избѣ сходятся въ каждомъ изъ обитателей этой семьи тысячи всевозможныхъ спеціальностей, что въ ней царитъ постоянная умственная дѣятельность, что въ ней — бездна знанія... («Знанія?»—возопилъ Кузнецовъ.—Да, да, знанія... подождите горячиться!)... Такая бездна и разнообразіе знанія, что вотъ этотъ сѣрый, аляповатый мужикъ пойметъ какого угодно спеціалиста и поможетъ ему, а спеціалистъ ничего въ мужицкихъ нуждахъ, въ мужицкихъ рѣчахъ не пойметъ... Пріѣзжай въ любую русскую деревню Дарвинъ, Гумбольдтъ, кто угодно; и если имъ въ ихъ работахъ придется дѣлать дѣло съ мужиками, то они непремѣнно найдутъ людей, которые поймутъ, что̀ имъ нужно, принесутъ камень, звѣрька и т. д. Поймутъ, потому что каждый наблюдалъ такъ же широко (только по-своему) то же самое, что̀ и Гумбольдтъ и Дарвинъ. А спроси мужикъ что-нибудь у этого Гумбольдта изъ своего обихода—Гумбольдтъ его не пойметъ, потому что и рѣчь-то мужика, т.-е. человѣка, широко и разнообразно развитого, въ своей сжатости, всегда касается одновременно массы разнообразнѣйшихъ явленій, одновременно имъ обсуждаемыхъ или, по крайней мѣрѣ, принимаемыхъ во вниманіе, и, стало-быть, темна, сложна, непонятна для всякаго думающаго «по своей части». Вы вотъ не согласны съ моей фразой, что у мужика бездна знаній, а я думаю напротивъ—я даже полагаю, что мужикъ, который *все самъ*, знаетъ рѣшительно все... (—Все?!—Все, что̀ знаетъ каждый изъ тысячи спеціалистовъ знанія). У него... да что̀ вы хотите! Просто-таки все знаетъ—да и шабашъ! Онъ инженеръ и механикъ, онъ строитъ гати, плотины, мосты, мельницы (вѣтреныя, водяныя). Онъ и ботаникъ и зоологъ: онъ знаетъ каждую травку, знаетъ каждое, самое ничтожное свойство травки; знаетъ, какой звѣрь, какая птица какъ живетъ, то-есть знаетъ ея слабыя стороны, знаетъ ея хитрости, — словомъ, рѣшительно все, что̀ знаетъ Бремъ. Онъ и анатомъ, давно и основательно знакомый съ тѣмъ, что̀ дѣлается у звѣря въ нутрѣ; онъ

и медикъ, такъ какъ у него милліонъ свѣдѣній по медицинской части, съ такимъ же вѣроятнымъ успѣхомъ дѣйствія, какъ и свѣдѣнія Боткина... Да что я!—больше чѣмъ у Боткина: онъ останавливаетъ кровь однимъ словомъ, онъ вылѣчиваетъ укушеніе змѣи, пошептавъ что-то надъ осиновой корой и приложивъ къ больному мѣсту... Онъ и спиритъ и знатокъ тайныхъ невидимыхъ силъ, которыхъ гг. Бутлеровъ и Вагнеръ разыскиваютъ подъ столами и подъ диванами, не получивъ, впрочемъ, никакихъ существенныхъ результатовъ. У мужика результаты давно есть: *чортъ есть*—и мужикъ знаетъ его характеръ, цѣль существованія, цвѣтъ шерсти, длину рогъ и хвоста, потому что его, вотъ какъ васъ—такъ близко видѣлъ и держалъ за ногу (нога у него утиная, только шаршавая, съ шерстью)... Словомъ, ни у одного, кромѣ мужика, счастливца на бѣломъ свѣтѣ нѣтъ такой удивительно разнообразной, всесторонней внутренней умственной жизни. Ни у кого и не можетъ быть такого разнообразія наблюдательности, такого обилія знаній, какимъ надѣленъ мужикъ, благодаря именно характеру его труда, который требуетъ отъ человѣка самаго широкаго развитія, благодаря его положенію, требующему, чтобъ онъ *все самъ*. Кто сочиняетъ и поетъ навѣки остающіяся пѣсни?—мужикъ. Гдѣ найдете вы настоящее, неподкупное веселье, чистое, какъ чисто оно въ дѣтской душѣ?—у мужика. Кто здоровъ, силенъ, великодушенъ, такъ, просто великодушенъ, безъ соображенія и форсу?—опять же мужикъ. Кто всякому поможетъ, найдется во всякомъ положеніи и все перенесетъ, все пойметъ?—опять тотъ же самый мужикъ... И наконецъ, при мало-мальски сносныхъ обстоятельствахъ, у того же самаго мужика бываютъ—и только у него одного — минуты наиполнѣйшаго, широчайшаго счастія... Видите, какъ плохо-то мужику!.. Ему лучше всѣхъ! («Ну, ужъ врете!..»—завопилъ Кузнецовъ)... Несомнѣнно лучше, если бы только вы, господа интеллигенція съ госпожою цивилизаціей, не рвали этой здоровой, полной жизненной силы клѣточки крестьянскаго дома на части; если бы вы не доводили ее до распаденія какими-то непонятными требованіями, постоянно отъ нея отнимая и ровно ничего не давая взамѣнъ... Почему вы не считаете своей святой обязанностью давать ей *настоящія* знанія,—послѣднія слова вашихъ наукъ? Тамъ, гдѣ всѣ *все сами*—тамъ все поймутъ, все нужное возьмутъ, а главное—все пойдетъ въ прокъ: все переработается гораздо лучше, чѣмъ у васъ,

изсыхающихъ надъ своими спеціальностями, да еще въ одиночку...»

— Признаюсь,—продолжалъ балашовскій баринъ:—много я болталъ о мужикѣ, зналъ я его за желѣзную грудь и за мученика и за страдальца; но счастливѣйшимъ изъ смертныхъ ни я, да и никто еще его не считалъ... Невольно я сталъ внимательно слѣдить за этой иллюстраціей къ мужику, и чувствовалъ, что она мной овладѣваетъ, что путаница мыслей и чувствъ, одолѣвавшихъ меня, начинала принимать нѣкоторыя формы... потому что вѣдь, право, разрисовано—ничего-таки?

— Разрисовано—ничего!—сказалъ и я.

— И лучше, лучше еще можно разрисовать. Я сегодня не въ ударѣ, а то я бы самъ...

— И такъ хорошо...—сказалъ я.—И этого пока достаточно... Такъ именно эта иллюстрація и привела васъ сюда?

— Сюда привела меня жизнь! Жизнь русская, ежедневная, обыкновенная жизнь обыкновеннаго дворянина привела меня къ тому, чтобы иллюстраціи эти пришлись мнѣ по душѣ. Эта самая жизнь заставила меня жаждать выхода, обновленія, выхода изъ этой безконечной, тягостной, ежедневной фальши и лживости, переполняющихъ жизнь не то чтобы интеллигентнаго россіянина, а такъ просто жизнь обыкновеннаго неплательщика... Было въ моей жизни такъ много напрасно и глупо мучительнаго, что мужикъ, иллюстрированный вышеупомянутымъ способомъ, не только не терялъ своихъ удивительно привлекательныхъ красокъ, но, напротивъ, я самъ лично, боясь опять остаться съ моей оскоминой, сталъ расписывать его еще ярче, еще великолѣпнѣе...

— Еще великолѣпнѣе?—изумился я.—Какъ же и чѣмъ вы еще его расписали?..

— А расписалъ я его такимъ манеромъ... Впрочемъ, необходимо прибавить еще нѣсколько словъ изъ соображеній по этому поводу того мальчика, который сумѣлъ такъ весело посмотрѣть на мужика... Развивъ свой взглядъ на этого счастливца, онъ сказалъ, обращаясь къ Кузнецову: «Нѣтъ, Кузнецовъ, *всѣ*—несчастные, *всѣмъ* нужна помощь и спасеніе, и между всѣми-то этими формами жизни, приводящими къ несчастію, только мужицкая форма и содержаніе жизни и имѣютъ для всѣхъ спасительную будущность... Только человѣкъ, который можетъ *все самъ* и не будетъ имѣть надобности перерывать другому человѣку горла, чтобы

добыть то, чего самъ не можетъ, не имѣетъ,—вотъ онъ-то и есть «идеалъ».

«Ну, тутъ подъ такіе громкіе и веселые удары и мертвый запляшетъ... Заплясалъ и я: мнѣ представилось, что первая въ мірѣ земля, земля, которой принадлежитъ миссія обновленія всего бѣлаго свѣта, — эта земля сплошь мужицкая, сплошь населенная этими разносторонне и совершенно развитыми людьми, извѣстными подъ именемъ «мужварья», и гдѣ только изрѣдка, «какъ муха въ молокѣ», мелькаетъ красный околышъ интеллигенціи,—околышъ, не имѣющій другихъ претензій, кромѣ полученія прибавки... Съ этой точки зрѣнія на русскую землю, мнѣ стало все видно, вся оскомина моя разсѣялась. Нашлась характерная черта національности: мы—люди всеобщаго права жить, думать и развиваться, не имѣя никакой надобности рвать другъ у друга кусокъ, такъ какъ всѣмъ хватитъ. Это не подлежитъ никакому сомнѣнію, и именно только у насъ... Нашлась и національная идея: мы—за всѣхъ мужиковъ всего свѣта, за ихъ право жить, пользоваться всѣмъ, что̀ выдумалъ хорошаго бѣлый свѣтъ... Ткацкій станокъ мы сдѣлаемъ доступнымъ каждой деревенской бабѣ, взявъ изъ этой выдумки только то, что̀ сокращаетъ трудъ, что̀ даетъ возможность цѣлую зиму труда замѣнить однимъ мѣсяцемъ, и вовсе не обращая вниманія на способность выдумки производить массы... Ну, и такъ далѣе!.. Прибавьте сюда разныя наши артели, общины и прочія и прочія плѣнительныя вещи,—вещи, конечно, разрисованныя,—и вы поймете, почему я, послѣ цѣлаго года размышленій и всевозможныхъ фантазій, очутился тутъ, у деревенскаго плетня...

— Но вѣдь тутъ все не такъ? Вѣдь не разрисованный-то мужикъ—совсѣмъ другой... Не правда ли?

— Не тотъ, не тотъ... Онъ такъ же изуродованъ, какъ и нашъ братъ съ краснымъ околышемъ; но знаете ли что̀?.. То тамъ, то сямъ изрѣдка мелькаютъ какія-то черты въ обиходѣ мужицкой жизни, которыя почти приравниваютъ его къ мужику иллюстрированному... Что изуродованъ онъ—это вѣрно; но въ немъ еще живетъ много самыхъ образцовыхъ, въ смыслѣ приведенной иллюстраціи, свойствъ. Разскажу вамъ одинъ эпизодъ изъ фабричной жизни, случившійся на моихъ глазахъ. Подъ Москвой есть большая ткацкая фабрика, едва ли не первая по размѣрамъ производства въ Россіи. Два года тому назадъ на этой фабрикѣ было волненіе рабочихъ, окончившееся, благодаря пособію

государственнаго банка, къ ихъ полному удовлетворенію. Весь шумъ произошелъ изъ-за того, что администрація завода не хотѣла удовлетворить рабочихъ за осенніе мѣсяцы въ тѣхъ именно размѣрахъ, какъ было условлено весной, при наймѣ, и рабочіе требовали доплаты и сложенія нѣкоторыхъ штрафовъ,—все это имъ и дали, благодаря, какъ я уже сказалъ, сторонней помощи. Любопытнѣе всего причина, по которой администрація завода обманываетъ рабочихъ, обѣщая осенью (когда у крестьянина почти нѣтъ заработка) платить столько же, сколько весною и лѣтомъ. Причина этого та, что при наступленіи лѣтнихъ мѣсяцевъ крестьянинъ предпочитаетъ за ту же цѣну, которую даетъ фабрика, работать другую, крестьянскую работу; онъ предпочитаетъ, напримѣръ, косить, жать, вмѣсто того, чтобы торчать у фабричнаго станка... Видите ли, онъ не доведенъ еще до такого деревяннаго положенія, какъ иностранный рабочій, изсушенный и обездушенный каленою атмосферою и машинною дѣятельностью фабрики, и позволяетъ себѣ еще фантазировать, прихотничать, бросая съ весны его кормилицу-фабрику... Возможно ли, стало-быть, нашему капиталисту вести свои дѣла такъ, какъ ведетъ ихъ капиталистъ иностранный; возможно ли ему конкурировать съ фабриками, на которыхъ люди работаютъ съ правильностью и неутомимостью паровыхъ машинъ, когда его рабочій еще не оболваненъ въ конецъ и предпочитаетъ дѣлать болѣе веселое, однообразное дѣло крестьянскаго обихода за ту же или даже меньшую плату, какую даетъ благодѣтель-фабрикантъ съ своимъ разнообразнѣйшимъ машиннымъ трудомъ? Чтобы удержать фантазера-работника, чтобы не потерять всего состоянія изъ-за его фантазій, изъ-за его желанія работать «повеселѣй», капиталистъ нашъ долженъ прибѣгать къ разнымъ уловкамъ и между прочимъ къ той, о которой я уже говорилъ, то-есть онъ обѣщаетъ платить ту же цѣну и осенью, когда является множество желающихъ работать и когда цѣна значительно падаетъ. Только подъ такимъ условіемъ, весьма выгоднымъ, и можно удержать «любителей крестьянства» у фабричныхъ станковъ. Но осенью, разумѣется, съ ними поступаютъ иначе и, кромѣ того, донимаютъ штрафами, такъ какъ, несмотря на надувательство осенью, все-таки рабочій-крестьянинъ несетъ съ собою на фабрику множество убытковъ, портитъ иной разъ съ умысломъ, уходитъ, когда дорога каждая минута, и т. д. И всѣ эти убытки надобно выручать съ него разными правдами

и неправдами, обманами, штрафами... Безъ такихъ фокусовъ и уловокъ, да безъ помощи сторонней—нашему капиталисту-фабриканту плохо, почти невозможно существовать; у него нѣтъ нужнаго ему *машиннаго человѣка*, у него поневолѣ работаетъ крестьянинъ — человѣкъ, привыкшій дѣлать работу, требующую большой внутренней жизни, работу крестьянскую. Со временемъ, впрочемъ, я надѣюсь, и господа фабриканты будутъ благоденствовать; но теперь еще мелькаютъ живыя черточки, и вотъ онѣ-то и поддерживаютъ вѣру въ иллюстрированнаго мужика...

— Но вѣдь эти черточки рѣдки, слабы... Да и такъ ли вы поняли фактъ, о которомъ была рѣчь?

— Мнѣ кажется, такъ... впрочемъ, не знаю.

— Но все-таки мало ихъ, этихъ живыхъ чертъ, и рѣдко онѣ попадаются... Неужели такія или подобныя, едва замѣтныя черты укрѣпляютъ въ васъ вѣру въ эти иллюстраціи... и ведутъ, какъ вы говорите, къ плетню?..

— Да... и эти черты... А мои сорокъ лѣтъ-то? А сорокъ рукъ-то? Ихъ-то вы позабыли!.. Они тутъ! — это главное!..

VII.

Въ другой разъ, въ одно изъ слѣдующихъ свиданій, я прямо направилъ рѣчь на эти сорокъ лѣтъ. Что̀ такое за таинственные года, результатъ которыхъ—странное появленіе «барина» (баринъ онъ былъ почти неисправимый) среди мужиковъ съ цѣлями весьма неопредѣленными и къ тому же съ невозможностью, какъ онъ говорилъ мнѣ не разъ, воротиться вспять?

— Теперь, по крайней мѣрѣ, я не знаю... мнѣ нельзя воротиться...—говорилъ мнѣ не разъ балашовскій баринъ:— буду вотъ такъ сидѣть, проѣдать, что̀ есть...

— Я самъ прожилъ на свѣтѣ также сорокъ лѣтъ, видѣлъ много худого, милліоны разъ желалъ, чтобы было лучше и легче; но никогда мнѣ не приходило въ голову забросить себя, ради этого «лучше и легче», за крестьянскій плетень, ничего не зная и ничего не умѣя...

— Ахъ, батюшка,—возразилъ мнѣ на это балашовскій баринъ:—вы! Вы—человѣкъ семейный, то-есть человѣкъ, поставленный въ необходимость «не разсуждать», или разсуждать, имѣя однако постоянно въ виду сохраненіе въ безопасности вашего собственнаго гнѣзда, — словомъ, разсуждать молча, оглядываясь, разсчитывая...

Я было-хотѣлъ возразить, но балашовскій баринъ прервалъ меня на первомъ словѣ, сказавъ:

— Будетъ, будетъ ужъ! Мы знаемъ этихъ свободомыслящихъ отцовъ семействъ... Самый смѣлый выдерживаетъ вѣрность своимъ свободомысліямъ до тѣхъ поръ, пока сыну или дочери не стукнетъ десять-одиннадцать лѣтъ, когда надо отдать ихъ учиться въ гимназію...

Не буду приводить довольно жаркаго спора между мною и балашовскимъ бариномъ по этому интересному вопросу о дѣтяхъ (настоящихъ, маленькихъ дѣтяхъ), такъ какъ это затянуло бы и безъ того уже длинное повѣствованіе о балашовскомъ баринѣ, и такъ какъ этотъ предметъ достоинъ болѣе основательной разработки, чѣмъ случайный разговоръ. Чтобы прекратить этотъ споръ, начинавшій принимать оттѣнокъ раздраженія, я поспѣшилъ вновь повернуть рѣчь на исторію самого балашовскаго барина.

Баринъ продолжалъ:

— Ну, а я, какъ человѣкъ не семейный, какъ шатунъ, или какъ саврасъ безъ узды, естественно могъ посвящать болѣе времени всевозможнымъ мечтаніямъ, не стѣсняя себя мыслью о томъ, что мечтаній этихъ почему-либо осуществить невозможно.

— И однако не осуществляли?..—его же тономъ прибавилъ я.

— Само собою разумѣется! Я мечталъ, разсуждалъ, не стѣсняясь,—и только; вотъ разница между мною и вашимъ братомъ—опорою отечества. Въ практическомъ отношеніи мы одинаково — нуль, т.-е. родные братья... На мою бѣду, направленіе моихъ свободныхъ размышленій приняло общественный характеръ, благодаря тому обстоятельству, что я началъ жить въ самую совѣстливую эпоху русской жизни—въ эпоху освобожденія крестьянъ... Послѣ войны, послѣ всего, что̀ она обнаружила въ русской жизни, пора было вспомнить обществу о томъ, что есть нѣчто, именуемое совѣстью; и вотъ все, что̀ было мало-мальски живо, не засѣчено и не сгнило, все это поняло, что ему сейчасъ же, сію минуту слѣдуетъ работать, служить въ этомъ громадномъ лазаретѣ и всѣми способами помогать выздоровленію, исцѣленію больныхъ, калѣкъ, уродовъ.

«Вотъ и я осѣненъ былъ необходимостью такого дѣла... Прямо почти съ университетской скамьи (сознаюсь, я былъ не изъ особенно преданныхъ наукѣ молодыхъ барчуковъ) я попалъ въ самый по-тогдашнему (да и по-ны-

нѣшнему) отборный кругъ общественныхъ дѣятелей, на самыя наисовременнѣйшія общественныя дѣла. Тутъ, въ этомъ кругу, были и радикалы-губернаторы, и радикалки-губернаторши, предводительши съ гуманнѣйшими взглядами, и борьба тутъ была съ хищными стремленіями закоренѣлыхъ, «обомшѣлыхъ» крѣпостниковъ, и главное— тутъ впервые фигурировалъ народъ, скромно притекавшій къ нашему гуманному сочувствію. Разъ попавъ на эту стезю, я уже не сходилъ съ нея до тѣхъ поръ, покуда мнѣ не сдѣлалось тошно и меня не одолѣла вышеупомянутая оскомина. Былъ я и секретаремъ въ комитетѣ, и мировымъ посредникомъ, и потомъ земскимъ гласнымъ, — наконецъ даже предсѣдателемъ одного уѣзднаго земскаго собранія и попечителемъ разныхъ благотворительныхъ учрежденій,— словомъ, прошелъ всю лѣстницу, доступную красному околышу, воодушевленному благими намѣреніями... И что̀ же? въ концѣ концовъ получилась убійственная оскомина. Я ужъ сказалъ, что не слишкомъ предавался научнымъ занятіямъ, не слишкомъ развивалъ себя помощью научнаго опыта; но, несмотря на мое полуневѣжество, я какъ-то инстинктивно, нутромъ, если хотите, сталъ чувствовать, съ первыхъ же шаговъ моей общественной дѣятельности, что есть въ ней какая-то трещина, дребезжитъ что-то... Кажется, вотъ сдѣлаешь все, что̀ возможно, отдашь свое жалованье, если мало опредѣленной суммы, ну, напримѣръ, хоть на школу—нѣтъ, дребезжитъ! Чуешь, что дѣло, которое ты сдѣлалъ, ужъ въ самомъ себѣ носитъ трещину, какъ старый горшокъ... Замѣчательно, что въ этомъ ощущеніи трещины играли роль не столько независящія обстоятельства, сколько что-то иное, чего я понять не могъ.

«Напримѣръ, устраиваю я школу, покупаю книги, катехизисы, ариѳметики, приплачиваю учителю своихъ десять-двадцать рублей, словомъ, устраиваю дѣло елико возможно хорошо, и тутъ же чувствую, что—нѣтъ!—все дребезжитъ что-то, гдѣ-то ужъ треснуло... Разумѣется, направленіе сельской школы, выборъ учебниковъ и т. д. принадлежитъ не мнѣ. Но, несомѣнно, мнѣ принадлежитъ какое-то тайное согласіе съ избраннымъ не мною направленіемъ для школы. Я, желающій, или, по крайней мѣрѣ, думающій, что дѣлаю дѣло общественное, полезное народу, чувствую одновременно двѣ такія вещи: я вижу, положимъ, что учитель беретъ мѣсто потому, что ему нечего ѣсть и надобно что-нибудь дѣлать и чѣмъ-нибудь жить до тѣхъ поръ, пока онъ не

получитъ дьяконскаго мѣста и не найдетъ невѣсты. Положимъ, я, кромѣ того, вижу, что учебный кругъ предметовъ, преподаваемыхъ крестьянскимъ дѣтямъ, почти ничего имъ не дастъ, ничего не прибавитъ въ ихъ развитіи, ни на одну каплю не прояснитъ окружающаго,—положимъ, что я въ этомъ совершенно убѣжденъ... Но все-таки я устраиваю эту школу... Я чувствую, что дѣлаю вздоръ (я тогда только *чувствовалъ* этотъ вздоръ, а не зналъ еще этого навѣрно), что вмѣсто дѣла выходитъ какая-то декорація съ усерднѣйше преданной фигурой учителя, съ кротко благословляющимъ дѣтей батюшкой, съ этими дѣтьми, вступающими на новый путь... Чувствую во всемъ этомъ прорѣху, прибавляю учителю десять рублей — и все-таки оставляю именно все въ томъ же дырявомъ видѣ... Что-то мѣшаетъ мнѣ довести до конца мою мысль о негодности школы, что-то мѣшаетъ мнѣ громко, публично заявить объ этомъ.

«Нѣтъ! не одни независящія обстоятельства. Мѣшаетъ мнѣ мое въ высшей степени ложное положеніе, положеніе барина...—замѣтьте, что̀ я говорю, мѣшаетъ положеніе не интеллигентнаго человѣка, а просто барина, мѣшаетъ мое званіе... Всякій разъ, когда я замѣчалъ или чувствовалъ въ какомъ-нибудь изъ моихъ общественныхъ дѣлъ дребезжащую трещину, всякій разъ, когда я видѣлъ вздоръ, я молчалъ, потому что именно мое званіе заставляло меня опомниться... «Какой же я буду баринъ,—какъ будто говорило во мнѣ что-то:—если, напримѣръ, школа будетъ отличная *въ самомъ дѣлѣ?* И что-жъ будетъ, если въ самомъ дѣлѣ *они* узна̀ютъ?» Пожалуйста, не думайте, что я когда-либо могъ думать такимъ разбойничьимъ образомъ—нѣтъ, никогда (говорю о томъ давнемъ времени)! Я бы не могъ вамъ въ такихъ опредѣленныхъ фразахъ формулировать того страннаго нравственнаго упорства, которое вдругъ просыпалось во мнѣ всякій разъ, когда суть дѣла требовала отъ меня чего-нибудь такого, что̀ заставляло меня «вспомнить»: а я вѣдь баринъ!.. Потомъ, долго спустя, я узналъ, что я вовсе не баринъ и ничего во мнѣ барскаго нѣтъ... Тогда я этого не зналъ и, дѣлая пустыя безсодержательныя дѣла, приличныя мнѣ, какъ русскому интеллигентному человѣку «изъ господъ», понемногу, каждый день, каждый часъ хоронилъ внутри себя очень много гаденькихъ вещей. Не вѣрилъ я, напримѣръ, школѣ, — пряталъ это и старался думать, что вѣрю, что дѣлаю дѣло. Когда въ газетахъ меня расхвалили за мою необычайно-просвѣ-

щенную дѣятельность, я даже былъ радъ и подумалъ: «а вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, я пропасть сдѣлалъ...» Но вѣдь шила въ мѣшкѣ не утаишь, и правда моихъ пустопорожнихъ дѣлъ выплывала иной разъ вдругъ во всей своей суровой безпощадности. Въ одну минуту становилось мнѣ все противно, и, въ раздраженіи, я оканчивалъ тѣмъ, что сваливалъ все (плохо разсуждалъ я тогда) на какую-нибудь христопродавческую рожу какого-нибудь изъ такихъ же поддѣльныхъ интеллигентныхъ людей—и уходилъ...

«Но, пошатавшись безъ дѣла полгода, годъ, я вновь начиналъ чувствовать, что званіе мое вновь влечетъ меня на сцену россійскаго прогресса. И вновь занималъ какое-нибудь изъ просвѣтительныхъ амплуа, чувствуя, что не то, не такъ надо дѣлать, и вновь продолжалъ снисходить къ себѣ, вновь почему-то оберегалъ привилегированность своего положенія, вновь позволялъ себѣ бирюльками отдѣлываться... И нельзя сказать, чтобы и въ окружающемъ обществѣ я не находилъ поддержки въ этомъ, въ высшей степени неискреннемъ поведеніи. Немало и кромѣ меня жило, да и живетъ народу, твердо знающаго, что дѣло его—вздоръ, обманъ, нуль, но продолжающаго притворяться ради сохраненія своего положенія и представлять этотъ нуль дѣломъ, правда, стѣсненнымъ независящими обстоятельствами... И у всякаго — въ этомъ можно ручаться головой — скребутъ кошки, у всякаго нѣтъ живого мѣста въ душѣ отъ сознанія своего притворства, пустоты, безсодержательности жизни, и все ради какого-то необычайно упорнаго, но въ высшей степени неосновательнаго не то чтобы желанія—нѣтъ, никто этого не желаетъ,—а именно какой-то конфузливости предъ своимъ положеніемъ русскаго интеллигентнаго человѣка «изъ господъ». Точно этому человѣку и въ иной формѣ нельзя быть интеллигентнымъ...»

— Я васъ не понимаю...—сказалъ я.

— Погодите немного: можетъ-быть, и поймете... Итакъ, въ теченіе пятнадцати - восемнадцати лѣтъ, ежеминутно зная за собой вину и снисходя къ себѣ подъ тѣми или другими предлогами, изъ которыхъ ни одного я не считалъ по совѣсти справедливымъ, укрѣпляя, кромѣ того, свое декоративное существованіе примѣромъ окружающаго меня общества, котораго я, также по совѣсти, уважать не могъ,— я въ концѣ концовъ накопилъ въ самой святая-святыхъ моей души такую бездну невѣрія, подозрительности, холодности и вообще какой - то безформенной студенистой

гадости, что рѣшительно утратилъ всякій смыслъ какъ своего положенія среди двигающагося вокругъ меня люда, такъ и возможность какой-нибудь ужъ даже и неискренней связи (про искреннюю я совсѣмъ и позабылъ!) съ этимъ людомъ... Все мнѣ стало противно, глупо и подло: противенъ и этотъ смиренный сельскій педагогъ, потому что онъ—вовсе и не педагогъ, а ротъ, ищущій каши; противенъ и этотъ мужикъ, три года подъ рядъ не понимающій, что его сына вовсе ничему не учатъ, хотя и гоняютъ по морозу за восемь верстъ; опротивѣли мнѣ всѣ гуманныя, радикальныя, либеральныя лица, разговоры и поступки, такъ какъ все это ходитъ вокругъ да около, норовитъ утянуть кусочекъ въ свое гнѣздышко, прикрывъ его вновь либеральными листьями...

«Я не могу, не въ силахъ передать этого ужаснаго состоянія, когда, утомленный напряженіемъ въ лганьѣ, человѣкъ какъ-то безсильно и холодно начинаетъ ровно ничему не вѣрить и теряетъ, во имя этого невѣрія или отвращенія, даже самую способность додумывать до конца свои скверныя, но многочисленныя, какъ тучи комаровъ, мысли... Я думалъ, что я умру... Ужасъ, ужасъ какъ былъ радъ, чтобы кто-нибудь пришибъ меня, чтобы разбило поѣздъ, на которомъ я ѣду, или взорвало паровикъ парохода, на которомъ меня, холоднаго какъ кусокъ льду, везли куда-нибудь на петербургскіе острова. Однако никто меня не пришибъ, котлы, на счастіе гг. пассажировъ невскихъ пароходовъ, не лопались, а я... ужъ самъ не знаю какъ—вдругъ собрался и уѣхалъ за границу.

«Въ подробности моихъ заграничныхъ наблюденій я вдаваться не буду, а скажу о нихъ нѣсколько словъ вообще. Прежде всего я долженъ сказать, что, съ переѣздомъ на чужую землю, я сталъ быстро поправляться нравственно, и не потому, чтобы меня, какъ говорится, развлекала «новизна и перемѣна мѣстъ», а потому, что я сталъ дышать воздухомъ дѣйствительности, очутился среди «понятныхъ» явленій жизни, понятныхъ отъ начала до конца явленій, которыя, благодаря своей объяснимости, видимой законности, возбуждаютъ также законное и самому мнѣ понятное теченіе мыслей... Вотъ разбило поѣздъ желѣзной дороги, положимъ—посмотришь, въ самомъ дѣлѣ не мудрено разбиться: рельсы перепутаны, какъ нитки въ кускѣ матеріи, поѣзда несутся, какъ вѣтеръ, одинъ за другимъ въ громадномъ количествѣ: немудрено прозѣвать одну секунду...

Я понимаю, что если бы былъ я на мѣстѣ того, кто прозѣвалъ, то, при толкучкѣ и суматохѣ, я бы прозѣвалъ пятьдесятъ разъ... Все это я понимаю, и у меня не остается въ сознаніи того студенистаго, безформеннаго комка несвязныхъ представленій, какой остается у меня послѣ подобнаго же желѣзнодорожнаго случая на какой-нибудь Московско-Индійской дорогѣ, гдѣ поѣзда сшибаются среди необозримаго простора, сшибаются оттого, что машинистъ пьянъ, а пьянъ оттого, что въ сущности и ѣхать ему не зачѣмъ, такъ какъ ѣдетъ онъ обязательно съ пустыми вагонами. Почему, по какому резону все это совершается, я не соображу и, разумѣется, только заскучаю отъ размышленій на тему: зачѣмъ ѣздить, когда этого вовсе не нужно?.. И машинистъ-то запьетъ именно потому, что ему нѣтъ достаточныхъ резоновъ влачить пустые поѣзда и получать жалованье за не настоящее дѣло. Я бы могъ привести вамъ безчисленное множество параллелей между *ихнимъ* и нашимъ обиходомъ; но то, что̀ особенно дѣйствовало въ нихъ, что̀ меня становило на твердую землю, что̀ давало мнѣ знать, что я среди живыхъ людей, это именно—совершенно ясная причинность и зависимость между собою всѣхъ явленій, какія только совершаются передъ нашими глазами. Тамъ все можно понять, и притомъ каждому; у насъ—далеко нѣтъ... Понималъ я тамъ, и почему тамошнему рабочему человѣку нельзя, ни подъ какимъ видомъ невозможно въ концѣ концовъ не схватиться для защиты своихъ попранныхъ правъ; понималъ я, что и барину тамошнему нѣтъ никакой возможности сдѣлаться помягче, поснисходительнѣй, почеловѣчнѣй. Понималъ я тамъ, почему каждый стоитъ за свое положеніе, за отвоеванное мѣсто на бѣломъ свѣтѣ...

«Нескладны такіе порядки — что̀ говорить, и возмутительны... но вѣдь основаніе они имѣютъ, резоны у нихъ есть... Наскучивши безрезоннымъ существованіемъ, я всею душою былъ радъ жить среди резонной жизни, смотрѣть на резонныхъ людей и на ихъ хоть и нелѣпыя, хоть и отвратительныя даже, но доступныя пониманію дѣла. Глядя на такой понятный строй жизни, можно было «въ самомъ дѣлѣ» скорбѣть, чего со мною давно не случалось... Какимъ, напримѣръ, образомъ могу я «въ самомъ дѣлѣ» скорбѣть о бѣдности нашего мужика, когда онъ можетъ быть не бѣднымъ, когда у него подъ бокомъ лежитъ богатство? Я только не понимаю тутъ причины, почему богатство, которое никому не принадлежитъ, не можетъ кому-нибудь принадле-

жать... Исцѣляясь этой возможностью «въ самомъ дѣлѣ» думать и жить, я невольно сталъ разыскивать причинность и моихъ собственныхъ поступковъ, основанія лично моего общественнаго положенія... И ужъ не знаю, какимъ извилистымъ путемъ размышленія мои на эту тему привели меня къ такому вопросу: да почему это я считаюсь бариномъ? Что̀ такое во мнѣ барскаго, такого, что̀ бы заставило меня, какъ заставляетъ тамошняго барина, доходить до звѣрства, защищая свою барскую суть? Какая-такая у меня эта суть?..

«Забралась въ мой мозгъ эта мысль—и пошла работа!.. И что̀ же вы думаете: въ концѣ концовъ я убѣдился, что я—рѣшительно не баринъ, а тотъ же нашъ мужикъ, только поставленный въ очень глупое положеніе. Отъ этого-то глупаго положенія я и лгалъ и рисовалъ декораціи, отъ этого-то я и оскомину нажилъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, какой я—скажите на милость—баринъ? что̀ такое есть во мнѣ подлинно-барскаго, то-есть вообще характернаго, что̀ бы меня, по сущности моей, отличало отъ мужика, какъ сетеръ отличается отъ дворняжки, или англійскій лордъ отъ англійскаго фабричнаго? Вотъ недавно мнѣ пришлось читать небольшую иностранную повѣсть. Выведена въ ней молодая дѣвушка обѣднѣвшаго, но стариннаго аристократическаго рода. Чтобы жить, существовать на бѣломъ свѣтѣ, ей надо было выйти замужъ за богатаго буржуа. Но преданія ея семейства оказываются настолько для нея важными, что она отказывается отъ этого невозможнаго для нея брака и идетъ въ монастырь, въ такіе годы, когда ей жить бы и жить... Не знаю, найдется ли у кого-нибудь изъ нашего брата, красныхъ околышей, что-нибудь подобное, какая-нибудь психологическая черта породы, которая бы заставляла человѣка, не то чтобы зарывать себя живьемъ въ землю, какъ почти сдѣлала дѣвушка, а хоть немножко повременить, покобениться, прежде нежели измѣнить своимъ традиціямъ. Я, по крайней мѣрѣ, почти не вижу никакихъ традицій, которыя бы внутренно, психологически отдѣляли красный околышъ отъ лаптя... Какія-такія, позвольте васъ спросить, мои феодальныя воспоминанія? Крестовый походъ на провіантскій магазинъ? Доставки и подряды? Долгая откупная варѳоломеевская ночь?.. Да развѣ я скажу объ этомъ хоть одно слово моему сыну? Развѣ я порекомендую ему брать съ меня примѣръ? Скажу я ему развѣ—какія я штуки выдѣлывалъ съ акціонерами такихъ-то и такихъ-то обществъ?

Разумѣется, никогда ни одного слова ни объ одномъ изъ моихъ рыцарскихъ подвиговъ... Еще менѣе открою я ему тайну моего преображенія въ господина. Тщательно я буду умалчивать, какъ и за что я «понравился» и «вышелъ», какъ меня наградили, сдѣлали бариномъ, или какъ я самъ, долгое время свирѣпствовавшій гдѣ-нибудь въ казенномъ овсѣ или мукѣ, вышелъ оттуда съ гербомъ и купленнымъ помѣстьемъ... Въ громаднѣйшемъ большинствѣ случаевъ феодальныя воспоминанія требуютъ самаго строгаго умолчанія, и вотъ почему громадное большинство красныхъ околышей воспитывается совершенно въ тѣхъ же самыхъ понятіяхъ, какъ и крестьянскія дѣти. Скажу про себя: выняньчила и выкормила меня крестьянка; сказки, пѣсни пѣлись мнѣ крестьянскія, игралъ я съ крестьянскими мальчиками... Да и семья наша, какъ и всякая «возведенная», не могла противопоставить этому мужицкому направленію ровно ничего господскаго: лѣчили меня и сами лѣчились по-деревенски, вѣрили болѣе знахаркамъ, чѣмъ докторамъ. Моя мать хотя и говорила по-французски, а точно такъ же сводила у меня ячмени съ глазъ посредствомъ какого-то спрыскиванія съ лучинки, какъ и обыкновенная баба; праздники, посты соблюдали тѣ же самые, что̀ и мужики, и вообще—можете вести параллель сами—вся моя подоплека не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ тою же мужицкою подоплекой:—мы, по совѣсти, по душѣ,—были родные братья, и вотъ почему такъ часто моя нянька должна была повторять мнѣ фразу:

«— Какъ это можно! *называетесь вы* бариномъ, а ровно деревенскій мальчишка...

«Называетесь»! Лучше этого нельзя опредѣлить привилегированности моего положенія. Да, я именно только назывался бариномъ, какъ и мои родители и отдаленные пожалованные феодалы и предки тоже только назывались барами. Помню—всякій разъ, когда я слышалъ эту фразу няньки: «а называетесь бариномъ», я какъ будто опомнивался, старался сообразить, но, не сообразивъ, позволялъ однако себѣ повѣрить, что мнѣ стыдно (говорила старая нянька и мои родители—какъ же не вѣрить?), и съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ вѣрить въ какую-то, обязывающую меня поступать неискренно, тайну,—съ этого времени начинаю чувствовать одиночество, безсодержательность... Иногда бѣдная старуха-нянька пыталась-было замѣнить свое голословное «*называетесь* бариномъ» болѣе рѣзкими доказатель-

ствами моего высшаго происхожденія и положенія, и говорила примѣрно такъ:

«— Нешто это можно? Вѣдь вы бариномъ называетесь, вѣдь у васъ сапожки вонъ какіе, а вы ихъ въ грязи испачкали,—вѣдь они три рубля даны... Только мужики этакъ-то вотъ въ грязи...

«Такого рода доказательства еще болѣе суживали мою способность мышленія, такъ какъ я самъ, желая разсѣять туманъ, окружавшій меня, вслѣдствіе бездоказательности моего привилегированнаго положенія, съ радостью хватался за все, что мало-мальски резонно доказывало разницу между мною и деревенскимъ мальчишкой. Сапожки, рубашка, у отца орденъ, «маменька вонъ въ какихъ платьяхъ, а евонная мать—эво въ чемъ... она—простая баба»; «у господъ чай пьютъ, когда хошь, а у мужика въ Свѣтло-Христово Воскресенье!» Такія, какъ изволите видѣть, чисто-внѣшнія различія и были тѣми точками, съ которыхъ начиналось пониманіе моего нравственнаго положенія. Только благодаря этимъ пустякамъ я и пріучился считать себя чѣмъ-то инымъ... И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь только эти пустяки и останавливали меня впослѣдствіи, когда я ужъ былъ большой, отъ искреннихъ и правдивыхъ поступковъ...

«А ну какъ останешься безъ сапогъ? А ну если придется жить въ избѣ?..

«Желаніе поступать правдиво постоянно было во мнѣ, потому что никакой внутренней цѣли, твердой и прочной, заставлявшей меня умышленно сдѣлать другому вредъ, чтобы отвоевать просторъ самому себѣ, какъ это дѣлаютъ «тамошніе» настоящіе красные околыши (устраивая, напримѣръ, умышленно невѣжественную школу, чтобы лучше распоряжаться народомъ)—никакой такой цѣли у меня не было. Напротивъ, я всегда понималъ чужое положеніе лучше моего, крестьянское лучше своего барскаго, потому что нутро-то у меня было крестьянское, а все барское было вздоръ: сапожки въ три рубля, чай когда угодно, орденъ... Вообще разныя бирюльки... Да и нельзя русскому человѣку, въ какомъ бы онъ положеніи ни находился, не покориться вліянію мужика: мужикъ силенъ... Изъ енотовой шубы онъ переодѣнетъ васъ въ полушубокъ, попробуйте только пожить въ деревнѣ; заставитъ, вмѣсто калошъ, носить валенки, интересоваться посѣвомъ, скотиной и оставить въ сторонѣ чтеніе газетъ. Онъ заставитъ ваше интеллигентное лицо обрасти неинтеллигентной бородой, пріучитъ въ дорогѣ, во-

вьюгу, привертывать къ кабаку и находить удовольствіе въ стаканчикѣ винца. Баринъ не только не можетъ противопоставить мужику чего-нибудь самостоятельнаго, но, напротивъ, самъ постоянно заимствуется у него во всѣхъ надобностяхъ господскаго обихода, отъ развитія собственныхъ дѣтей, которыя жадно подбираютъ крупинки сказочекъ, загадокъ, побасенокъ, изобрѣтенныхъ мужикомъ для своихъ заскорузлыхъ ребятишекъ, и кончая маринованнымъ грибомъ, которымъ закусывается рюмка поповской водки на обѣдѣ въ честь какого-нибудь просвѣтителя; все это изобрѣтено мужикомъ, баринъ только заимствовалъ и ѣлъ... Правда, по части съѣстного кое-что выдумано и интеллигенціей: такъ, существуетъ кушелевская баранина и строгоновская говядина... Но вѣдь не Богъ знаетъ что—выдумать какую-нибудь баранину или гусятину, когда онѣ уже давно сами себя выдумали и преспокойно продаются во всѣхъ мясныхъ и курятныхъ лавкахъ.

«Изъ-подъ такого всепоглощающаго вліянія мужика сильнѣй всѣхъ доводовъ няни и семьи выводятъ—надо сказать правду—школа, гимназія, университетъ. Я знаю по себѣ,—да и вы навѣрное согласитесь,—что направленіе доступнаго нашему брату образованія таково, что по окончаніи курса, напримѣръ, въ университетѣ теряешь возможность стоять на своихъ собственныхъ ногахъ и тотчасъ принимаешься искать какихъ-нибудь казенныхъ костылей въ видѣ подъемныхъ, прогонныхъ, добавочныхъ... Словомъ, начинаешь въ отчаяньи взывать—«давай!», и чувствуешь, что непремѣнно надобно что-нибудь «получать отъ казны», такъ какъ безъ ея благодѣтельной помощи предстоитъ гибель. Я ничего не умѣю заработать; я не могу ѣсть на улицѣ печенку, потому что я довольно чисто одѣтъ,—словомъ, мое положеніе самое привилегированное... Но, какъ ни сильно содѣйствуетъ направленіе образованія обезноженію нашего брата-околыша, какъ оно ни стремится образовать изъ нашего брата-околыша слой или особенный образованный кругъ, хитрость его не удается: не дальше, какъ черезъ мѣсяцъ по вступленіи въ этотъ кругъ, начинается ощущеніе какого-то овладѣвающаго тобой угара...

«— Э, батюшка,—говорятъ уже нѣсколько образовавшіеся члены этого круга:—это еще что, вы поживите-ка тутъ годикъ—съ ума сойдете!..

«Въ самомъ дѣлѣ, припомните, представьте себѣ эту нестерпимую натянутость, напряженность, выдумку и фальшь

того руководящаго губернскаго, уѣзднаго, какого хотите общества, которыми охваченъ каждый изъ его представителей... Припомните эти вечера, собранія: ученыя, увеселительныя, семейныя, весь обиходъ жизни руководящаго общества—какая скука! какая *сибирная* тоска и поддѣлка! Черезъ годъ, если вы не женились, не привязали себя къ мѣсту или, какъ говорятъ коренные провинціалы, «не укрѣпились», я увѣряю васъ, что никакое жалованье, никакая прибавка, т.-е. ужъ самые достовѣрные акты общественной дѣятельности вашей, не искупятъ мученій, которыя вы испытываете благодаря своему привилегированному положенію. Положеніе это такъ въ самомъ дѣлѣ ужасно, что я даже и выяснять его не хочу: мнѣ больно вспомнить, больно представить себѣ все это... Я не забуду тѣхъ минутъ, когда, осѣненный мыслью, что я совсѣмъ не баринъ, я невольно припомнилъ ту массу лжи, которую мнѣ пришлось продѣлать благодаря моему ложному положенію. Помню, какъ, разубѣдившись въ удобствахъ такого поддѣльнаго существованія, я остановился на роковомъ вопросѣ: что̀ же я такое наконецъ? Я оказался какимъ-то бариномъ, не имѣющимъ возможности наполнить свое барское существованіе, несмотря на то, что мнѣ платили за это хорошія деньги. Я оказываюсь человѣкомъ, завидующимъ мужику, тогда какъ ни одинъ мужикъ не будетъ завидовать нищему. Я понимаю мужика больше, чѣмъ самого себя, я сочувствую ему больше, чѣмъ тому привилегированному кругу, къ которому принадлежу самъ...

«Что-жъ я такое? Я—просто *овца безъ стада*... Я отбился, или меня отогнали, не знаю хорошенько, отъ моего стада, отъ народа, съ которымъ у меня нѣтъ никакой внутренней разницы, и я въ тоскѣ шатаюсь по россійскому интеллигентному пустырю. Вы знаете пословицу: «овца безъ стада не живетъ или не бываетъ», а я, русскій интеллигентный человѣкъ, безъ стада, безъ общества... Куда же мнѣ пойти, гдѣ жить? Тутъ-то вотъ и подвернулись иллюстраціи къ русскому мужику... Ну, разумѣется, больше мнѣ некуда идти, какъ къ нему! Возможно ли мнѣ даже и подумать теперь вновь какимъ-нибудь способомъ войти въ ряды людей, разъѣзжающихъ для пользы народа на обывательскихъ—ни за что!.. Я вотъ буду—тутъ!»

Балашовскій баринъ энергически стукнулъ при этомъ словѣ кулакомъ объ столъ. Подъ словомъ «тутъ» я понялъ деревню...

— Ну что-жъ вы будете здѣсь дѣлать?—сказалъ я.

— Почемъ я знаю!.. Знаю, что мнѣ надо жить тутъ— и больше ничего... Понадоблюсь я имъ—отлично; не понадоблюсь—буду сидѣть и пить «Славянскую...» У меня вотъ есть нѣсколько денегъ... выйдутъ онѣ здѣсь очень скоро. Стану продавать платье, проживу и то, и въ концѣ концовъ все-таки я думаю, что доведу же я себя до того, что повѣрятъ они мнѣ и понадоблюсь я имъ въ чемъ-нибудь... Кой-что я знаю больше ихъ. Стало-быть — жить тутъ и ждать... Вотъ и все!..

Неожиданныя обстоятельства среди лѣта потребовали моего возвращенія въ Петербургъ. Воротившись въ августѣ, я, къ удивленію моему, не нашелъ уже барина: онъ уѣхалъ. Разсказывали о пріѣздѣ какой-то дамы, и въ исторіи барина вообще оказывалась какая-то невысказанная и необъясненная имъ сторона. Странное, болѣзненное впечатлѣніе осталось во мнѣ отъ этой и больной и изломанной фигуры; но нѣкоторыя его иллюстраціи, какъ онъ выражался, къ народной жизни произвели на меня такое впечатлѣніе, что я не могъ отдѣлаться отъ нихъ, раздумывая о томъ, что̀ мнѣ пришлось видѣть въ деревнѣ.

МАЛЫЕ РЕБЯТА.

I.

Одинъ изъ моихъ давнишнихъ знакомыхъ, нѣкто Иванъ Ивановичъ Полумраковъ,—чиновникъ, занимающій въ настоящее время довольно видное мѣсто въ одномъ изъ петербургскихъ министерствъ, «устрояющихъ», созидающихъ, направляющихъ и руководящихъ,—пораздумавшись въ свободную отъ всей этой массы работъ, конечно, на пользу блага отечества, минуту—вообще о *подлинномъ* положеніи дѣлъ въ этомъ самомъ отечествѣ—невольно почему-то начинаетъ печалиться и трепетать передъ участью своихъ собственныхъ дѣтей. Много, очень много мотивовъ, заставляющихъ Ивана Ивановича непремѣнно сокрушаться объ этой участи, возникли въ его головѣ при этихъ размышленіяхъ; но мы не будемъ утомлять читателя перечисленіемъ этихъ многочисленныхъ мотивовъ скорби, а только остановимся на той же самой темѣ, которая волнуетъ и не одного Ивана Ивановича Полумракова.

Много на своемъ вѣку приходилось мнѣ встрѣчать чадолюбивыхъ родителей, но Иванъ Ивановичъ отличается отъ нихъ не столько особенностью въ чадолюбіи, сколько именно озабоченностью,—повидимому, не дающею ему покоя,—надъ разрѣшеніемъ вопросовъ о томъ, что нужно дѣтямъ образованнаго или болѣе или менѣе обезпеченнаго человѣка въ предстоящей имъ жизни? чему учить? къ чему приготовлять? въ какомъ направленіи вести нравственное развитіе?

Авторъ этого очерка, имѣя намѣреніе сказать нѣсколько словъ о томъ подрастающемъ поколѣніи, которое въ настоящее время, сидя на стулѣ, еще не достаетъ ногами до

полу, не можетъ оставить безъ нѣкотораго вниманія такого «озабоченнаго» тѣмъ же вопросомъ родителя, какъ Иванъ Ивановичъ Полумраковъ,—тѣмъ болѣе, что «озабоченность» его не ограничивалась только размышленіями, умозаключеніями и т. д., но выражалась и въ нѣкоторыхъ опытахъ, на дѣлѣ пояснявшихъ то, до чего Иванъ Ивановичъ доходилъ путемъ продолжительныхъ размышленій.

Прежде всего необходимо объяснить причину происхожденія въ Иванѣ Ивановичѣ такой «особенной» заботливости о собственныхъ дѣтяхъ,—необходимо потому, что—надо говорить правду—было время, когда Иванъ Ивановичъ не блисталъ ни чадолюбіемъ ни «заботливостью» въ той степени, въ какой блещетъ онъ и тѣмъ и другимъ въ настоящее время. Правда, онъ всегда былъ добрый и ласковый отецъ; но чтобы такъ обременять себя вопросами, касающимися иногда самыхъ мелкихъ сторонъ дѣтской жизни, дѣтской души, дѣтскаго будущаго—этого не было и въ поминѣ. Говоря откровенно, происхожденіе этой заботливости находится въ тѣсной связи съ однимъ не столько непріятнымъ, сколько неожиданнымъ эпизодомъ, случившимся въ жизни Ивана Ивановича нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Дѣло въ томъ, что три года тому назадъ, зимой, въ пять часовъ утра, въ квартиру Ивана Ивановича позвонили, затѣмъ вошли въ кабинетъ и спросили: «Знакомъ ли онъ, и давно ли, съ акушеркою N., запутавшейся, какъ оказалось, въ какомъ-то непрактическомъ предпріятіи?». Иванъ Ивановичъ, ободренный необыкновенной вѣжливостью и почтительностью, съ которыми былъ предложенъ этотъ вопросъ, оправился и съ достоинствомъ отвѣчалъ, что акушерку N. онъ точно знаетъ, такъ какъ семейному человѣку трудно обойтись безъ этого знакомства, но что знакомство это основано только на профессіи г-жи N., что̀ никоимъ образомъ не можетъ имѣть ни малѣйшей связи съ личными взглядами этой госпожи, такъ какъ Ивану Ивановичу якобы совершенно неизвѣстно, какіе-такіе г-жа N. имѣетъ взгляды.

На томъ все дѣло и кончилось; все произошло вѣжливо и деликатно,—деликатно до того, что, напримѣръ, лицо, посѣтившее Ивана Ивановича, дабы не пачкать окуркомъ папиросы очень изящную пепельницу, само открыло заслонку печки и, нагнувшись, бросило окурокъ въ самую глубину. Наконецъ, чтобы замять непріятный разговоръ, лицо это обратило вниманіе на олеографію Куинджи и выказало большой вкусъ къ изящнымъ произведеніямъ, указавъ прикосно-

веніемъ кончиковъ пальцевъ къ полотну картины нѣсколько дѣйствительно блистательныхъ, эффектныхъ чертъ, касавшихся освѣщенія. Повторяю, посѣщеніе прошло такъ тихо и любезно, что въ Иванѣ Ивановичѣ не могло и не должно было остаться послѣ него ни малѣйшей тревоги. Кромѣ того, даже и высшее начальство того министерства, въ которомъ служилъ Иванъ Ивановичъ, только мимоходомъ, и спустя долго послѣ событія, напомнило ему о немъ и притомъ съ единственной цѣлью ободрить. Словомъ, все и началось и кончилось превосходно, а Иванъ Ивановичъ несмотря на это... призадумался!..

Показалось ему, изволите видѣть, что въ лѣвомъ глазу того высшаго начальства, которое шутя намекнуло ему на неожиданное обстоятельство, что-то какъ будто мелькнуло, какая-то будто черта, и черта неожиданная. Правый глазъ— Иванъ Ивановичъ очень хорошо это помнитъ—ласкалъ и улыбался совершенно безкорыстно, искренно; а въ лѣвомъ глазу шмыгнуло что-то, шмыгнула какая-то неожиданная точка.

«Однако,—въ ту же минуту подумалось Ивану Ивановичу:—шутки—шутки, а дѣло-то, кажется, вѣдь въ самомъ дѣлѣ...» На словахъ «въ самомъ дѣлѣ» Иванъ Ивановичъ остановился, такъ какъ его внезапно осѣнила, даже поразила мысль: а что̀, если все это—«въ самомъ дѣлѣ», т.-е. и акушерка, и визитъ, и то, что̀ шмыгнуло въ лѣвомъ глазу? Что̀, если это все не случайность, не праздная игра воображенія, а подлинныя явленія, имѣющія какія-нибудь основанія? Словомъ, опять-таки, что̀, если все это—«въ самомъ дѣлѣ»?

Мысль эта была такъ сильна своей внезапностью и значительностью, что Иванъ Ивановичъ почувствовалъ, какъ горячая испарина разлилась у него по спинѣ и выступила на затылкѣ, и съ этого же момента не иначе сталъ смотрѣть на явленія дѣйствительности, какъ на такія, которыя происходятъ въ самомъ дѣлѣ, имѣютъ результаты и основанія. Кромѣ того, если мы прибавимъ, что увѣреніе Ивана Ивановича въ томъ, будто бы онъ никакихъ убѣжденій г-жи N., акушерки, не знаетъ, ложно, то читателю будетъ понятно, что Иванъ Ивановичъ въ самомъ дѣлѣ долженъ былъ впасть въ значительную озабоченность, сначала относительно собственной особы, а затѣмъ и относительно неразрывно связаннаго съ нимъ семейства.

Впослѣдствіи мы скажемъ нѣсколько подробнѣе о томъ, къ чему привели размышленія Ивана Ивановича, основа-

ніемъ которыхъ былъ разсказанный нами незначительный эпизодъ; теперь же мы должны сказать, что, не случись этого эпизода, и тогда Иванъ Ивановичъ, какъ и всякій человѣкъ, болѣе или менѣе обезпеченный, не могъ бы просуществовать безъ нѣкоторой озабоченности уже по одному тому, что человѣкъ этотъ живетъ не двадцать пять лѣтъ тому назадъ, а въ настоящіе дни и годы. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ вопросы личности и нравственности стояли прочно и ясно, или, по крайней мѣрѣ, для всякаго была совершенно ясна «ненужность» этихъ вопросовъ нравственности. Центромъ и идеаломъ жизни былъ баринъ, а нравственность заключалась въ крѣпостномъ правѣ. Все, что̀ не было ни бариномъ, не нуждавшимся въ нравственности по праву, ни мужикомъ, не разрабатывавшимъ этого тонкаго предмета *по недосугу*, все, что̀ жило «вокругъ» барина и мужика, также не разрабатывало означенныхъ вопросовъ по ненадобности. Чиновникъ,—говорилось въ то блаженное время,—служи, купецъ—торгуй, шатунъ—шатайся. Вопросъ: «какъ?» и другой: «зачѣмъ?»—не могли стоять въ общественномъ вниманіи на первомъ планѣ, въ виду того, что, «выслужившись», «расторговавшись», человѣкъ могъ отдохнуть, только самъ сдѣлавшись бариномъ. Толкись, бейся, изловчайся въ той тѣсной клѣткѣ, которую судьба отвела тебѣ на жительство, а выбьешься, достучишься, дотолкаешься—твое счастье. Все ясно и точно, опредѣленно и покойно. Съ Божьей помощью жизнь идетъ по торной колеѣ. Въ то блаженное время Ивану Ивановичу—да и не одному ему—было жить легко. На душѣ его не лежало бы никакой отвѣтственности ни за одинъ поступокъ, ни за одно помышленіе, разъ они не выходили изъ предѣловъ желаній дослужиться или расторговаться, т.-е. приблизиться къ завѣтному идеалу. Въ воспитаніи дѣтей родителю стоило только приводить въ примѣръ дѣтямъ себя, свою неустанную заботу о благѣ своемъ и своей семьи, а самое благо было ясно, всѣмъ лѣзло въ глаза.

Теперь—увы!—не то. Съ устраненіемъ этого, всѣмъ понятнаго, вѣками установленнаго представленія о благѣ, олицетвореннаго бариномъ, въ нравственномъ мірѣ русскаго человѣка образовалось пустое мѣсто, которое необходимо было волей-неволей чѣмъ-нибудь наполнить. Волей-неволей пришлось знакомиться съ нравственностью. Всякому попрежнему предоставлялось право расторговываться и выслуживаться, но отсутствіе идеала заставляло задумываться

надъ вопросомъ: «зачѣмъ?», и за этимъ вопросомъ самъ собою пришелъ другой—«какъ? какимъ путемъ?». Общественное вниманіе волей-неволей было заинтересовано вопросами о принципахъ чести, совѣсти. Пришлось размышлять надъ этими вопросами—иногда противъ охоты и желанія.

Иванъ Ивановичъ Полумраковъ, какъ и масса его сверстниковъ, застигнутыхъ старыми временами на школьной скамьѣ и новыми—на первыхъ путяхъ жизненнаго поприща, не принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣшительныхъ натуръ, которыя, однажды давъ себѣ отвѣты на поставленные жизнью вопросы, продолжаютъ твердо слѣдовать имъ и идти до конца. Нѣтъ, не сдѣлался онъ ни ярымъ либераломъ ни ярымъ консерваторомъ, а, благодаря мягкости своего характера, подчинялся вліяніямъ времени, не слишкомъ выясняя и настоящее и будущее, и въ то же время какъ бы не разставаясь и съ симпатіями, вынесенными изъ прошлаго.

Долгое время онъ очень чистосердечно и симпатизировалъ г-жѣ N. и одновременно съ тѣмъ успѣвалъ по службѣ; и ни г-жѣ N. ни начальству не казалось это страннымъ. Иванъ Ивановичъ, мягкій характеромъ и духомъ, мягко принималъ не очень еще жесткія вліянія времени и жилъ, чувствуя себя порядочнымъ человѣкомъ. Да не подумаетъ читатель, что Иванъ Ивановичъ, какъ говорятъ, «вилялъ» между этими вліяніями. Ничуть. Онъ жилъ этими вліяніями, принималъ ихъ и отзывался на нихъ, но въ тѣхъ размѣрахъ, какихъ требовали еще не совсѣмъ выясненныя общественныя явленія. Явленія эти были робки, неопредѣленны, атмосфера туманна, а Иванъ Ивановичъ не особенно дальнозорокъ. Но то, что̀ онъ видѣлъ, онъ принималъ.

Такъ какъ рѣчь наша касается спеціальнаго предмета, именно *дѣтей,* то мы не будемъ распространяться здѣсь о тѣхъ новыхъ вліяніяхъ времени, которыя Иванъ Ивановичъ долженъ былъ принять въ свое сознаніе, а ограничимся только тѣми, которыя касаются избранной нами темы, и остановимся только на томъ новомъ, что̀ уже вошло въ кругъ современнаго воспитанія дѣтей, имѣющихъ родителей съ такимъ же болѣе или менѣе обезпеченнымъ положеніемъ, какъ и положеніе нашего Ивана Ивановича.

II.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что самою существеннѣйшею новизною въ этомъ дѣлѣ является присутствіе, такъ сказать, народнаго элемента. Если новыя времена, которыя мы

переживаемъ, именно только и новы главнымъ образомъ благодаря «новому» положенію мужика, то разумѣется, что вліяніе, или, вѣрнѣе, какое-то легкое отдаленное дыханіе этой новизны не могло не коснуться и того круга людей, который и выросъ и держался на свѣтѣ благодаря только старинному положенію мужика. Изъ этой-то мужицкой новизны вышло все то новое, что̀ обнаруживалось впослѣдствіи въ новизнахъ не-мужицкихъ; отсюда вышли на свѣтъ и непрактическая акушерка, и непрактическій студентъ, и ожесточенный ненавистникъ живыхъ людей, и такіе либеральные страдальцы, какъ мягкосердый Иванъ Ивановичъ. Всѣ эти представители новыхъ временъ, конечно, немедленно опредѣлили бы свою собственную задачу, опредѣлили бы ее съ величайшей простотой и точностью, если бы самое новое и самое главное дѣйствующее лицо, открывшее новую эру жизни, вымолвило бы хоть единое словечко въ объясненіе того, чего, молъ, желаетъ оно теперь достигать. Если бы такое словечко было сказано, простота и вмѣстѣ осмысленность жизни для всѣхъ сдѣлалась бы ясною, всякому предлежала бы своя дорога, и, разумѣется, не было бы сомнительныхъ комбинацій въ людскихъ отношеніяхъ, не было бы того запутаннаго, тягостнаго, досаднаго и вообще въ высшей степени мучительнаго положенія, которое впослѣдствіи пришлось переживать образованному обществу. Но драма началась и продолжалась, а главное дѣйствующее лицо молчало, какъ мертвое.

Понятно, что такое положеніе дѣла ставило людей, подобныхъ Ивану Ивановичу, въ величайшее затрудненіе; приходилось только «*чутьемъ*» руководствоваться въ собственныхъ поступкахъ, идти впередъ безъ всякихъ опредѣленныхъ указаній. И точно, Иванъ Ивановичъ не столько *зналъ* доподлинно о значеніи начавшейся драмы, сколько *чуялъ* это значеніе. Только этомъ чутьемъ и можно объяснить тѣ маленькія новости въ домашнемъ и общественномъ воспитаніи малыхъ ребятъ, которыя извѣстны навѣрное всѣмъ, имѣющимъ въ числѣ своихъ знакомыхъ такихъ чадолюбивыхъ родителей, какъ изображаемый мною Иванъ Ивановичъ. Намъ кажется, что именно благодаря этому чутью (практическая черта, наслѣдованная отъ П. И. Чичикова) явилась на свѣтъ и эта простота обращенія родителей съ дѣтьми, этотъ «папка»—вмѣсто «папа», это «ты»—вмѣсто «пожалуйте ручку». Отсюда же вышли эти токарные станки, эти ящики съ сапожными инструментами въ

«благоустроенныхъ семействахъ», этотъ скрипъ пилы въ худенькихъ рукахъ ребенка, для поправленія здоровья котораго, по совѣту доктора, ежедневно покупаютъ какія-то особенныя куриныя яйца по баснословной цѣнѣ. Всѣ подобные эксперименты въ народномъ духѣ производилъ надъ своими дѣтьми и Иванъ Ивановичъ, такъ какъ онъ, хотя и не получалъ еще такого оклада, который бы позволилъ ему питать своихъ дѣтей вышеупомянутыми золотыми яйцами, но принадлежалъ къ числу людей обезпеченныхъ или образованныхъ и все-таки имѣлъ *чутье* и практиковалъ его.

Не разъ, глядя на всѣ эти сапожные шилья, гвозди и молотки, валявшіеся на паркетномъ полу довольно дорогой квартиры Ивана Ивановича, на эту дратву, топоры и рубанки, забиравшіеся иногда даже въ гостиную, я подумывалъ надъ вопросомъ: къ чему такой прочно поставленный человѣкъ, какъ Иванъ Ивановичъ, разыгрываетъ всю эту комедію? Вѣдь не допускаетъ же онъ въ серьезъ мысли о томъ, чтобы его дѣти, содержаніе которыхъ уже теперь, когда они едва въ силахъ поднять обѣими руками крошечный сапожный молотокъ, обходится втрое дороже содержанія цѣлой артели въ пять человѣкъ не игрушечныхъ, а настоящихъ сапожниковъ, что, они, эти *дорогія* дѣти, будутъ когда-нибудь «въ самомъ дѣлѣ» добывать себѣ хлѣбъ сапожнымъ молоткомъ, или шиломъ, или топоромъ, или пилой? Думаетъ ли онъ, что они когда-нибудь могутъ быть сапожниками, дроворубами, столярами?.. «Почемъ знать!— отвѣтствовалъ на мои вопросы по этому поводу Иванъ Ивановичъ.—А можетъ-быть!» Или еще проще: «Все можетъ случиться!» Но, очевидно, это были, какъ говорится, не отвѣты; и только одно ничтожное обстоятельство, одна небольшая сценка, свидѣтелемъ которой мнѣ случайно пришлось быть въ квартирѣ Ивана Ивановича, дала мнѣ нѣкоторую возможность услѣдить «подлинное» направленіе мыслей Ивана Ивановича въ этомъ дѣлѣ.

Какъ-то однажды мнѣ пришлось ночевать у Ивана Ивановича. Мы спали въ его кабинетѣ, выходившемъ окнами на дворъ, и поутру проснулись рано, проснулись отъ необыкновеннаго тепла и необыкновеннаго солнечнаго блеска, наполнявшихъ комнату до ослѣпленія и духоты. Немедленно было открыто окно, въ комнату пахнула теплая влага великолѣпнѣйшаго майскаго утра, а вмѣстѣ съ нею со двора ворвались въ комнату и чистый звукъ колокола, и какой-то веселый шумъ, и гамъ, и смѣхъ. Внизу, на дворѣ, очевидно,

происходило что-то такое же веселое, какъ веселы были день, небо, солнце, воздухъ. Иванъ Ивановичъ, отворивши окно, повидимому, залюбовался тѣмъ, что̀ происходило на дворѣ, и при новомъ взрывѣ смѣха торопливо позвалъ меня. Вотъ что̀ тамъ происходило. Дворники, кучера, конюхи, кухарки, горничныя и прочій рабочій людъ петербургскаго дома (изъ числа такихъ, гдѣ живутъ хорошіе господа), кто съ ведромъ въ рукѣ, кто съ метлой, кто съ лопатой и т. п., — все народъ ражій, хорошо кормленный, хорошо выспавшійся,—въ разныхъ позахъ остановились въ разныхъ пунктахъ двора и, какъ говорится, «помирали со смѣху», хохотали безъ удержу, потѣшаясь надъ тѣмъ, что̀ происходило вверху, въ окнѣ четвертаго этажа. А тамъ какой-то румяный, ражій дѣтина, не то маляръ, не то плотникъ, работавшій въ квартирѣ, изъ которой господа начали выѣзжать на дачу, стоя на краю подоконника, держалъ въ объятіяхъ красивую, плотную, франтоватую горничную, которая вопила благимъ матомъ, не забывая въ то же время почти ежеминутно наносить своему похитителю звонкіе, сильные удары голой и крѣпкой рукой по физіономіи, или нѣтъ, не по физіономіи, а прямо по «мордѣ».

Не обращая на эти удары ни малѣйшаго вниманія, ражій дѣтина хохоталъ во всю пасть и, потрясая горничною надъ четырехъэтажной бездной, оралъ, обращаясь къ зрителямъ:

— Подставляй фартукъ, я ее кину!.. Эй, ребята, держи, подхватывай!

— Давай, давай!—азартно бросая метлу и потряхивая фартукомъ, во все горло откликался одинъ изъ зрителей, дворникъ:—кидай! готово!

— Размахнись хорошенько!—совѣтовали конюхи.

— Хватай!—оралъ дѣтина, въ самомъ дѣлѣ размахиваясь горничной, какъ неодушевленнымъ предметомъ.

— Дуй его, Авдотья, по мордѣ! Чего онъ безобразничаетъ!—визжали бабы.

— Авдость! обдерни хвостъ!

— Бей его!

— Махай ее черезъ крышу!

Хохотъ неудержимый и искреннѣйшій, визгъ горничной, чувствовавшей однако, что все это «въ шутку» и «любя», звонкія оплеухи «въ шутку», искреннѣйшее веселое оранье, хохотъ, остроты, румяныя, оживленныя здоровьемъ лица парня, и горничной, и публики, и ко всему этому солнце, блескъ воздуха и неба, могучая сила и дѣтская простота

и въ природѣ и въ людяхъ—все это такъ плѣнило Ивана Ивановича, что, отойдя отъ окна, онъ въ сильномъ волненіи могъ только произнести:

— Пар-ршивая цивилизація!..

И сбросилъ рукою на полъ только-что принесенную и лежащую на столѣ газету,—впрочемъ, можетъ-быть, и не нарочно.

— Ну, гдѣ вы (предполагается: въ этой цивилизаціи) найдете это... эту...—лепеталъ Иванъ Ивановичъ и, не договаривая фразы, опять произнесъ:—Какое же сравненіе съ этой паршивой цивилизаціей?

Эта сценка не была, конечно, поводомъ къ полному уясненію взглядовъ Ивана Ивановича на необходимость введенія въ дѣло воспитанія дѣтей нѣкоторыхъ новинокъ въ народномъ духѣ, но все-таки она дала нѣкоторую путеводную нить къ объясненію. Игра во всѣ эти шила, дратвы и топоры не была пустой комедіей, а имѣла въ основаніи почти опредѣленный расчетъ. Дѣти Ивана Ивановича, очевидно, никогда не будутъ ни сапожниками ни портными; за спиной ихъ никогда не будетъ болтаться мѣшокъ съ кускомъ чернаго хлѣба и рубанкомъ... Объ этомъ Иванъ Ивановичъ не допускалъ даже мысли. Но эта пила нужна для того, чтобы маленькія обезпеченныя ручки были такъ же крѣпки, какъ и тѣ, которыя въ силахъ играть горничной, какъ перомъ. Это дерганье дратвой расширяетъ грудныя мышцы. Въ этомъ только отношеніи физическаго благополучія и понятна какая-то туманная вѣра Ивана Ивановича въ необходимость какого-то вниманія ко всему трудовому люду, вступившему на новый путь. Но, не понимая во всей широтѣ значенія этого вліянія и только чутьемъ догадываясь о немъ, мягкосердечный Иванъ Ивановичъ однакоже и тутъ, какъ видите, умѣлъ извлечь нѣкоторую *пользу для себя,* сумѣлъ, такъ сказать, взять съ мужика взятку и принести ее въ домъ свой.

III.

Недолго однако пришлось Ивану Ивановичу довольствоваться въ своихъ житейскихъ и служебныхъ поступкахъ исключительно чутьемъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ явленія дѣйствительности совершенно выяснились, вышли изъ тумана, и добираться до ихъ еще недавно темнаго смысла ощупью уже не было никакой надобности: они стояли налицо. Пришлось серьезно обдумать свои къ

нимъ отношенія. Иванъ Ивановичъ началъ испытывать эту необходимость и сознавать всю ея серьезность со времени извѣстнаго уже нашимъ читателямъ эпизода, описаннаго въ началѣ первой главы настоящаго отрывка. Какъ только Иванъ Ивановичъ убѣдился, что все совершающееся совершается *въ самомъ дѣлѣ*, исходитъ изъ извѣстныхъ причинъ, а главное (вотъ именно, гдѣ главное-то!), имѣетъ извѣстные результаты, вполнѣ неминучіе, тотчасъ же ему пришлось опредѣлить собственныя свои отношенія къ этимъ явленіямъ, пришлось обдумать ихъ всесторонне, со всей искренностью, и тщательно опредѣлить свое мѣсто въ людскомъ обществѣ. И тотчасъ же, какъ только Иванъ Ивановичъ сталъ думать объ этомъ серьезно и по совѣсти, такъ напала на него тоска, въ душу закрался ледяной холодъ, бѣлый свѣтъ опостылѣлъ, и все его существо стало какъ-то «саднить» въ безплоднѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тягостнѣйшихъ страданіяхъ.

Прежде всего, опредѣляя свои отношенія къ начальству и припоминая знакомство съ акушеркой г-жой N., Иванъ Ивановичъ сразу увидалъ, что онъ жестоко виноватъ передъ начальствомъ, что онъ изъ года въ годъ обманываетъ его довѣріе, что онъ, однимъ словомъ, лжецъ, на котораго въ трудную минуту едва ли можетъ это начальство положиться. Онъ убѣдился, что видѣлъ въ начальствѣ только окладъ, что, не будь тутъ оклада, оно не имѣло бы такого преданнаго слуги, какимъ считался Иванъ Ивановичъ. Съ другой стороны, припоминая свою служебную дѣятельность, которая оплачивалась хорошимъ окладомъ, Иванъ Ивановичъ такъ же мгновенно убѣдился и въ своей виновности передъ акушеркой, такъ какъ, открывши ей всю подноготную и всѣ послѣдствія своей дѣятельности, онъ долженъ былъ бы оказаться ея явнымъ врагомъ, а вовсе не «сочувствующимъ», каковымъ его считала непрактическая и увлекающаяся г-жа N. Словомъ, въ обоихъ случаяхъ почтенный, добрый, мягкій и либеральный Иванъ Ивановичъ вдругъ, какъ только пришлось подумать серьезно, оказывался простонапросто лгуномъ, да еще какимъ — корыстнымъ! Развѣ все это не изъ-за оклада? Да! у Ивана Ивановича не оказывалось никакихъ нравственныхъ убѣжденій. Онъ боялся потерять окладъ, рѣшительно не зная, на какую сторону въ опредѣлившихся людскихъ отношеніяхъ могъ бы онъ стать по убѣжденіямъ. Не было у Ивана Ивановича никакихъ убѣжденій, никакой нравственности. Былъ только

страхъ передъ акушеркой, передъ начальствомъ и главное—передъ окладомъ.

Въ эти минуты было жалко смотрѣть на Ивана Ивановича, особенно въ отношеніяхъ его къ дѣтямъ. Однажды въ кабинетѣ у него совершенно случайно столкнулись: эта самая акушерка N., генералъ изъ того министерства, гдѣ Иванъ Ивановичъ служилъ, и студентъ-технологъ въ высокихъ сапогахъ. Иванъ Ивановичъ вертѣлся на своемъ креслѣ, какъ на иголкахъ, чувствуя, что настала минута, когда надобно «дать отвѣтъ», т.-е. при малѣйшей случайности въ разговорѣ о текущихъ событіяхъ необходимо поступить безпристрастно и по совѣсти. На бѣду Ивана Ивановича въ комнату вбѣжалъ его шестилѣтній сынъ и задалъ одинъ изъ неожиданныхъ дѣтскихъ вопросовъ. Что̀ было дѣлать Ивану Ивановичу? Съ одной стороны—студентъ и акушерка, а съ другой—генералъ. Иванъ Ивановичъ вспыхнулъ и вывернулся, сказавъ: «Чаю! чаю! скажи, чтобы чаю намъ давали! Философъ!» И такимъ образомъ выпроводилъ ребенка вонъ, оставшись невредимымъ.

Но, оставаясь до нѣкоторой степени невредимымъ лично, Иванъ Ивановичъ чувствовалъ, что относительно своихъ дѣтей онъ поступаетъ безнравственно. Свои житейскія связи и отношенія онъ еще могъ кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, оправдать тѣмъ, что у него на плечахъ семья. Ради семьи онъ тянетъ лямку, хотя «сочувствуетъ». И если поступаетъ при этомъ не совсѣмъ добросовѣстно и искренно, то опять же потому, что у него семья, что онъ не одинъ. Но, принося такія жертвы ради семьи, естественно было подумать о томъ, что̀ же получаетъ въ самомъ дѣлѣ эта семья? И тутъ Иванъ Ивановичъ совсѣмъ терялъ голову, прежде всего потому, что себя, свою дѣятельность онъ никоимъ образомъ не могъ бы рекомендовать дѣтямъ: это значило рекомендовать искусство лгать изъ-за оклада; сказать же что-нибудь по совѣсти—боялся. Дѣти росли поэтому въ какой-то невозможнѣйшей атмосферѣ либеральныхъ недомолвокъ и умолчаній по самымъ существеннѣйшимъ вопросамъ нравственности. А нравственность — въ этомъ Иванъ Ивановичъ убѣждался съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе—необходима. Начинается жизнь, жизнь «въ самомъ дѣлѣ», и, чтобы перенести ея случайности, недостаточно однихъ крѣпкихъ мускуловъ, румяныхъ щекъ, а нужно нѣчто сильнѣе ихъ. Но Иванъ Ивановичъ не могъ дать ничего подобнаго. Ничего подобнаго не давали ни пилы, ни дратвы, ни станки,

ни дѣтскіе сады, ни кубики, ни «жестяникъ», ни плетеніе, ни клееніе, ни молотки, ни загадки, ни ребусы, ни анаграммы и проч. Иванъ Ивановичъ пробовалъ-было углубиться въ область современной печатной педагогіи, но, во-первыхъ,—приходилось зарыться въ книгахъ, которымъ нѣтъ конца и края, а во-вторыхъ—Иванъ Ивановичъ на первыхъ порахъ встрѣтилъ тутъ такія вещи, которыя совершенно охладили его намѣреніе что-нибудь позаимствовать у педагогіи. Такъ, въ одномъ изъ самыхъ почтенныхъ педагогическихъ журналовъ, пользующихся упроченною репутаціею, Иванъ Ивановичъ натолкнулся на слѣдующую *живую бесѣду* (какъ сказано въ журналѣ) учителя съ учениками по поводу молитвы Господней. *Учитель*: «Гдѣ Богъ?» *Ученикъ*: «Вездѣ». *Учитель*: «*А особенно?*» *Ученикъ:* «На небѣ». Учителю, который, какъ видно изъ статьи, не желаетъ, чтобы ученики *задалбливали слова*, необходимо помощью *живой* бесѣды выяснить основательность именованія Бога *Отцомъ Небеснымъ,* и вотъ онъ, какъ видите, смотритъ на это наименованіе только какъ на *имя прилагательное.* О дьяволѣ бесѣды еще проще. *Учитель:* «Кто намъ болѣе всего дѣлаетъ зла?» *Ученикъ:* «Дьяволъ!» И все тутъ. Безъ разсужденій и разговоровъ, просто оказывается, что существуетъ дьяволъ и дѣлаетъ людямъ вредъ.

Итакъ, гдѣ же добыть этой нравственности? Какимъ способомъ въ душѣ подрастающаго молодого поколѣнія образовать тотъ прочный нравственный фундаментъ, который выдержалъ бы то, что̀ время воздвигнетъ на немъ? Иванъ Ивановичъ думалъ только объ этомъ фундаментѣ, а о томъ, что̀ выстроить на немъ,—не рѣшался думать, умывалъ руки, да и не могъ онъ предвидѣть, что̀ будутъ строить: жилой ли домъ или гауптвахту, тюрьму или храмъ—лишь бы устоять подъ напоромъ тяжести. Долго думалъ Иванъ Ивановичъ, но наконецъ придумалъ.

Онъ рѣшилъ такъ: Анна Петровна, его жена, съ дѣтьми бо̀льшую часть года будутъ проводить въ деревнѣ, а онъ, Иванъ Ивановичъ, всецѣло отдастся служебнымъ обязанностямъ,—да и не обязанностямъ вовсе, а просто служебному заработку... Иванъ Ивановичъ рѣшился лечь грудью въ эту лямку для того, чтобы со временемъ пріобрѣсти собственную усадьбу, а съ нею и прочную почву какъ для себя, такъ и для потомства.

Итакъ, какъ видитъ читатель, этотъ планъ насчетъ деревни, усадьбы и т. д. просто-напросто означалъ только

то, что Иванъ Ивановичъ, не найдя въ себѣ никакой нравственности и не найдя ея въ педагогическихъ лучинкахъ и бумажкахъ, рѣшилъ, повинуясь тому же, наслѣдованному отъ П. И. Чичикова, практическому чутью, *позаимствоваться* означенной нравственностью у мужика. Позаимствовать и утащить въ домъ свой. Но—увы!..

Впрочемъ, такъ какъ опытъ съ позаимствованіемъ у мужиковъ нравственныхъ началъ частью происходилъ на моихъ глазахъ, частью извѣстенъ мнѣ изъ собственныхъ разсказовъ Ивана Ивановича, и наконецъ, такъ какъ опытъ этотъ представляетъ нѣкоторый интересъ вообще, то я позволю себѣ сказать о немъ нѣсколько подробнѣе.

IV.

Рѣшивъ «позаимствовать», Иванъ Ивановичъ всю зиму довольно прилежно слѣдилъ за газетными объявленіями: не отдается ли гдѣ въ аренду помѣщичья усадьба? И къ концу зимы такихъ объявленій было найдено довольно много. Усадьбы отдавались и въ степяхъ, и въ глуши непроходимой, и по всѣмъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ. Иванъ Ивановичъ выбралъ нѣсколько адресовъ такихъ усадьбъ, которыя лежали не слишкомъ далеко отъ Петербурга,—такъ, часахъ въ семи, и не слишкомъ близко къ желѣзной дорогѣ, то-есть «къ цивилизаціи», которую онъ не иначе представлялъ себѣ въ настоящее время, какъ въ видѣ какой-то непрестанной необходимости врать съ утра до ночи.

Рѣшено было осмотрѣть эти усадьбы тотчасъ, какъ только мало-мальски стаетъ снѣгъ. Но такъ какъ въ то время въ Петербургѣ весну *сдѣлали* ранѣе обыкновенной мѣсяца на полтора, то въ половинѣ марта въ булочныхъ уже появились жаворонки, а въ началѣ апрѣля уже приходилось приняться за поливку улицъ, потому что появилась пыль... Въ виду всего этого, едва только прошла Святая недѣля, какъ Иванъ Ивановичъ и я, приглашенный имъ, тронулись въ путь.

Мы выѣхали съ вечернимъ поѣздомъ, а въ 6 часовъ утра должны были выйти на одномъ маленькомъ полустанкѣ и затѣмъ на лошадяхъ ѣхать верстъ за двѣнадцать въ усадьбу, которую предполагалось осмотрѣть, а если понравится, то и нанять. Поистинѣ какая-то дѣтская радость охватила насъ вплоть до слѣдующаго вечера, когда мы опять вошли въ вагонъ, чтобы возвратиться въ Петербургъ. Я, несомнѣнно, былъ зараженъ этимъ дѣтски-радостнымъ

расположеніемъ духа, благодаря Ивану Ивановичу, которому въ самомъ дѣлѣ было отчего радоваться. Всѣ нравственныя муки, всѣ неразрѣшимыя нравственныя загадки для него оканчивались съ поселеніемъ въ деревнѣ. Она, эта самая деревня, должна дать дѣтямъ Ивана Ивановича, во-первыхъ,—физическое здоровье, котораго не дадутъ ни гимнастики, ни прогулки въ скверахъ, ни дорогіе доктора. Деревня дастъ все это такъ, задаромъ. Во-вторыхъ—она дастъ необходимыя прочныя начала нравственности. Въ то время, когда ни педагогія ни тѣмъ менѣе самъ Иванъ Ивановичъ не могутъ просто и ясно познакомить дѣтей съ причинностью явленій и человѣческихъ отношеній, деревня дастъ все это, простосердечно передавъ дѣтямъ теплую вѣру въ Бога и зародивъ такимъ образомъ зачатокъ связной мысли, пробудитъ искренность чувства и дастъ ему пищу въ простотѣ и деревенской откровенности человѣческихъ отношеній. Въ-третьихъ—она же, эта самая деревня, уничтожитъ ненужное и гибельное въ дѣтяхъ сознаніе неравенства между людьми, котораго нельзя никоимъ образомъ избѣжать въ столицѣ. Дѣти будутъ въ толпѣ крестьянскихъ дѣтей пріучаться жить въ обществѣ человѣческомъ, начнутъ понимать, что̀ такое жизнь.

Словомъ, Иванъ Ивановичъ, рѣшивъ «позаимствовать», черпалъ въ своихъ планахъ, конечно, щедрою рукою изъ непочатой деревенской жизни. По крайней мѣрѣ по пятнадцати существеннѣйшимъ вопросамъ деревня должна была позаботиться услужить измучившемуся въ безплодныхъ страданіяхъ Ивану Ивановичу. И мы были ужасно рады, что обуза наконецъ снята съ плечъ, или будетъ снята въ самомъ скоромъ времени. Петербургъ и вообще «*паршивая цивилизація*», само собою разумѣется, подвергались величайшей критикѣ, такъ какъ они рѣшительно не даютъ ни малѣйшей возможности мало-мальски здоровому нравственному развитію и совѣстливому существованію на бѣломъ свѣтѣ. — «Что̀ такое въ самомъ дѣлѣ эта хвалёная цивилизація, этотъ великолѣпный Петербургъ? Одна ложь—больше ничего! Вранье, жадность и ложь съ утра до ночи». Иванъ Ивановичъ приводилъ въ примѣръ себя: оказывается, что онъ, напримѣръ, «ничего иного не дѣлаетъ, какъ вретъ направо и налѣво, съ утра до ночи,—конечно, если смотрѣть на дѣло безпристрастно. Тогда какъ деревня...» Но, попавъ на дорогу всевозможныхъ сравненій, мы до такой степени были подавлены оби-

ліемъ матеріала, что стали перескакивать съ одного предмета на другой, хвататься за что попало, и пусть поэтому читатель извинитъ, если найдетъ въ отрывкахъ этихъ сравненій, слѣдующихъ ниже, недостатокъ послѣдовательности въ мысляхъ, а иногда, повидимому, и просто безсмыслицу,—это такъ только кажется, глядя поверхностно; на дѣлѣ же нами руководила совершенно ясная для насъ мысль, именно: въ Петербургѣ, вообще въ городѣ,—все ложь, а въ деревнѣ—все правда. Ложь—вся эта жадная суета, этотъ шумъ и блескъ, все—ложь. Солдаты идутъ съ барабаннымъ боемъ—ложь! Чиновникъ съ портфелемъ бѣжитъ, какъ помѣшанный,—ложь! Барыня съ собачкой—чистая комедія! А въ деревнѣ нѣтъ ни стука, ни грома, ни блеска: все здѣсь чистосердечно и правдиво. Вонъ на горѣ храмъ, бѣдная сельская церковь... трогательный жалобный звукъ колокола... искреннія слезы старушки... кресты надъ могилами истинныхъ тружениковъ... Пастырь, сѣденькій старичокъ, идетъ по косогору... съ палочкой... все просто, хорошо, правдиво... И солнце свѣтитъ привѣтливо. А въ Петербургѣ? А въ Петербургѣ, чтобы солнце-то видѣть,—и то надо ѣхать на лошадяхъ верстъ за двадцать, на «пуантъ»; да и на пуантѣ-то оно закатывается не въ море, а за полицейскую будку. Нечего сказать, природа! А въ деревнѣ, дѣйствительно, если природа—такъ природа, а не будка; лошадь—такъ лошадь, овца—такъ овца; вѣтеръ, птица на вѣткѣ, рыба въ рѣчкѣ, козелъ, баранъ, или, напримѣръ, дерево—все это натурально, просто, все сущая правда. Это вовсе не то, что какіе-нибудь кубики, лучинки, плетеніе и вообще всякая ерунда.

До глубокой полуночи продолжали мы разговаривать, дѣлая эти нѣсколько безпорядочныя, но въ высшей степени оживленныя и яркія параллели между лживыми явленіями цивилизаціи, которая олицетворялась Иваномъ Ивановичемъ въ видѣ неусыпающаго лганья, и деревенскими добрыми и простыми нравами. Я не привожу ихъ во всей подробности, потому что боюсь утомить читателя, но, говоря вообще, въ пользу деревни оказалось такое множество всевозможныхъ преимуществъ, что болѣе или менѣе понимающему человѣку, въ родѣ Ивана Ивановича, было бы просто глупо не поживиться чѣмъ-нибудь у такой богачки, какъ деревня.

Радостное состояніе наше, прерванное на нѣсколько часовъ сномъ, вновь возобновилось утромъ, когда мы нако-

нецъ доѣхали до станціи, гдѣ должны были выйти. Было чудеснѣйшее весеннее утро. Весна была въ самомъ началѣ, вода бѣшеными потоками бурлила въ оврагахъ и бойко, непрерывно журчала подъ рыхлыми, но еще толстыми слоями снѣга, котораго вездѣ—и въ полѣ и на дорогѣ—было довольно. Выйдя на крыльцо станціи, мы были поражены необыкновенной тишиной, въ которой отчетливо слышалось стоявшее въ воздухѣ непрестанное журчаніе—точно щебетанье—таявшаго снѣга. И небо было молодое, даже молоденькое, и деревья влажныя—точно выкупавшіяся и отдыхающія. А воздухъ!—воздухъ такъ и ломилъ въ грудь, ломилъ такою массою здоровья и свѣжести, что не хватало крови и легкихъ, чтобы поглотить ее. Онъ пьянилъ, утомлялъ...

Полустанокъ былъ маленькій, незначительный; около него лѣпилось всего два-три домика, изъ которыхъ одинъ былъ постоялый дворъ. Домики были опрятные, зеленые какіе-то, съ желтыми цвѣтами на ставняхъ и съ ярко-малиновыми крышами. Какой-то сѣденькій мужичокъ въ лаптяхъ и армячкѣ, старый, сухонькій, но легкій на ногу и проворный, подбѣжалъ къ намъ, точно по воздуху прилетѣлъ—такъ неслышно и легко ступалъ онъ своими лаптями по проталинкѣ—и пригласилъ на постоялый дворъ. Этотъ мужичокъ какъ нельзя лучше поддерживалъ наше дѣтское расположеніе духа. Онъ проводилъ насъ на постоялый дворъ, привелъ въ чистую комнату наверхъ, добылъ хозяйку, и все проворно, но не спѣша,—такая у него была натура «легкая». Молоко, которое принесла намъ степенная хозяйка, было въ самомъ дѣлѣ въ высшей степени ароматическое и такое густое, что облипало губы, какъ самая густая масляная краска, и стиралось съ величайшимъ трудомъ. Маленькій, кособокій, но ясный какъ солнце, мгновенно вскипѣвшій подъ руководствомъ проворнаго старичка самоваръ былъ для насъ милъ въ эти минуты необыкновенно. Но всего былъ милѣй старичокъ, котораго звали Карпіемъ. Онъ самъ называлъ себя такъ—не Карпомъ, а Карпіемъ.

Напившись чаю, мы вышли на крыльцо, около котораго Карпій запрягалъ намъ лошадь. И тутъ въ нѣсколько минутъ, со свойственною всей его натурѣ легкостью и проворствомъ, онъ успѣлъ познакомить насъ чуть ли не со всей своей исторіей и съ задушевнѣйшими своими убѣжденіями.

Оказалось, что этотъ человѣкъ былъ почти не отъ міра сего. Не по немъ, не по его впечатлительной душѣ была тяжелая крестьянская лямка, докучливая жизнь на міру... Его съ дѣтства тянуло странствовать, перемѣнять мѣста, не грѣшить съ людьми, что̀ неизбѣжно для человѣка, прилѣпившагося къ мѣсту, и, повинуясь этимъ влеченіямъ натуры, онъ много видѣлъ на своемъ вѣку и людей и мѣстъ, вырабатывая кусокъ хлѣба чѣмъ придется. «Поживу, покуда поживется, а отъ худова—уйду!» Была въ его глазахъ какая-то, такъ сказать, придурковатость, но придурковатость нѣжная.—«Уйду, не люблю ссоры, потому въ ссорѣ, храни Богъ, сорвется съ языка нечистое слово—а ужъ это хуже всего!» Карпій объяснилъ намъ, что во многомъ онъ грѣшенъ, а чтобы обругать кого—нѣтъ! этого Богъ миловалъ! Ни разу въ жизни онъ никого не обозвалъ худымъ словомъ, не то чтобы лукаваго помянуть! При послѣднемъ словѣ Карпій плюнулъ даже. Какъ доказательство своей непоколебимой вѣрности этому убѣжденію, онъ показалъ намъ руку, кисть и палецъ которой были всѣ переломаны и срослись въ какія-то комбинаціи. Эту руку лѣтъ 20 тому назадъ ему изуродовали на Волгѣ. Былъ онъ въ партіи бурлаковъ, и на ночлегѣ, на берегу, Карпіева партія изъ-за какихъ-то причинъ затѣяла драку съ другой партіей, ночевавшей неподалеку. Драка съ берега перешла на воду; Карпій, очутившись въ водѣ, сталъ хвататься руками за край какой-то лодки, а его колотили весломъ по рукамъ: «И тутъ я вытерпѣлъ, чернаго слова не молвилъ!» Карпій тряхнулъ сѣдой головой, и радовалось его лицо этому хорошему, угодному Богу, поступку.

Немало удивлялъ онъ насъ въ пути удивительнѣйшими сообщеніями объ удивительнѣйшихъ вещахъ. Переѣзжали мы небольшую рѣчку по синему, рыхлому уже льду: разговоръ невольно зашелъ объ опасности этой переправы. Карпій увѣрилъ, что рѣчка не глубока; но когда мы перебрались на другой берегъ, завелъ рѣчь о томъ, что нечего пугаться, что Господь навѣрное умудритъ человѣка. Человѣкъ своимъ человѣческимъ умомъ ничего не придумалъ, а Богъ умудритъ, да такъ, что только диву дашься. И въ доказательство своихъ словъ загадалъ такую задачу: что̀ бы, напримѣръ, надо было дѣлать, ежели бы, паче чаянія, пришлось провалиться не на этакой рѣчонкѣ, а на широкой и глубокой рѣкѣ? Положимъ, человѣкъ—тотъ уползетъ по льду, а какъ съ лошадью быть? Тащить ее—силъ нѣтъ;

подводить веревку подъ животъ—напрешь на края полыньи, провалишься и съ лошадью. Какъ тутъ быть?

Задавъ загадку, Карпій помолчалъ, выжидая, и произнесъ, хитро улыбаясь:

— А есть средствіе.

— Есть?

— Е-есть!

И объяснилъ это средствіе. Оказалось въ самомъ дѣлѣ нѣчто удивительное; надо, по его словамъ, просто удавить лошадь, сразу захлеснуть ей «удавную» петлю; при этомъ она заглотнетъ такое количество воздуха, что ее всю «вспучитъ» вдругъ, и она сама выплыветъ, какъ пузырь; тутъ ее тащи за хвостъ, и петлю отпускай по капелькѣ, по вершочку. Съ полчаса полежитъ и встанетъ.

Если это и неправдоподобно, то все-таки весьма остроумно придумано. И мы съ Иваномъ Ивановичемъ немало разговаривали о народномъ, непосредственномъ умѣ, его нетронутыхъ, природныхъ богатствахъ, и опять убѣдились, что есть тутъ чѣмъ поживиться образованному и обезпеченному человѣку.

Но Карпій скоро еще болѣе поразилъ насъ, сообщивъ такое «средствіе», въ которомъ не было ни малѣйшаго человѣческаго смысла и которое въ то же время было весьма замѣчательно.

— Такія ли еще бываютъ средствія-то!—таинственно и ласково заговорилъ онъ, слушая наши разсужденія объ «удавной» петлѣ.—Есть, господа вы мои, такія средствія, только а-ахъ!..

— Есть?

— И-и!

— Какія, напримѣръ?

Карпій обернулся къ намъ, поѣхалъ тихо и сказалъ, почему-то понизивъ голосъ:

— Объ чемъ, спрошу я тебя, скотина разговариваетъ?

Иванъ Ивановичъ, повидимому, совершенно не ожидалъ такого вопроса.

— Я не знаю!.. — сказалъ онъ, какъ ребенокъ, застигнутый врасплохъ.

— А вотъ есть средствіе!.. Узнаешь, что̀ говорятъ, примѣрно, овцы, коровы, лошади,—всѣ ихнія мысли—все!

— Да зачѣмъ же это?

— Какъ зачѣмъ? Мало ли что̀ человѣку знать желательно, да Богомъ ему не дано. Примѣромъ скажемъ—па-

дежъ, болѣзнь, хворь какая... Пойдетъ скотина валиться, человѣкъ не знаетъ причины, а скотина знаетъ. Она еще когда знаетъ это! Примѣромъ, возьми такъ: ѣдешь ты со двора, а лошадь нейдетъ, упирается,—что̀, молъ, такое? Ударилъ ее кнутомъ, побилъ, поѣхалъ — хвать, волки напали! Видишь вотъ, она-то знала, а ты-то не зналъ... Вотъ человѣкъ и добивается...

— И точно есть средствіе?

— Есть. Но только ужъ извини, ужъ это не отъ Бога!.. Нѣтъ! Богъ не положилъ этого человѣку. А это ужъ дѣло... того самаго... черненькаго... Его! Вотъ то, что̀ я напередъ сказывалъ, объ лошади—то отъ Бога, а это — отъ черномазаго... Это ужъ онъ наущаетъ.

— А все-таки наущаетъ?

— Вота!.. Ка-акъ!!.

— Ну, какое же средствіе-то?

— А вотъ какое: первое дѣло, надобно сказать, скотина разговариваетъ всего-на-всего разъ въ годъ, какъ разъ подъ Новый годъ, въ полночь. Тутъ у ней идетъ предсказаніе, что̀ съ кѣмъ будетъ. Видишь. Вотъ, другъ мой, подъ самый-то подъ Новый годъ требуется тебѣ первымъ долгомъ хлѣбецъ благовѣщенскій скушать съ четверговою солью. Первое это дѣло. Скушалъ ты хлѣбецъ, надѣвай шапку и шубу шерстью вверхъ, а самый корень всему дѣлу—кость человѣчья: откуда хочешь, достань кость отъ человѣчьей ноги; и какъ ты кость досталъ, иди въ полночь въ хлѣвъ и садись въ уголъ, а кость приставь къ уху—тутъ все и окажется. Сейчасъ и услышишь, какъ одна лошадь другой говоритъ: «А меня, напримѣръ, на Покровъ волкъ будетъ поджидать». Другая ей:—«Гдѣ, молъ?»—«Тамъ-то!» Ну, кто знаетъ, и не ѣдетъ тѣмъ мѣстомъ. Вотъ какое средствіе! Ну, только ужъ отъ нечистаго, отъ него. Это дѣло не Божіе, говорить нечего...

— Да вѣдь это... изобрѣтеніе!—воскликнулъ Иванъ Ивановичъ:—вѣдь это—телефонъ какой-то! Помилуйте, съѣшь то-то, надѣнь такъ-то, приставь къ уху... Какая точность, опредѣленность!..

И опять мы поговорили объ народѣ и похвалили...

Усадьба, въ которую мы доѣхали часа черезъ два, была какъ нельзя больше подходяща къ нашему тогдашнему настроенію. Особенно поразило насъ обоихъ то, что она совершенно соотвѣтствовала нашимъ дорожнымъ мечтаніямъ, даже по внѣшнему виду—и горка, и на горкѣ храмъ сель-

скій, ветхій, съ жалобнымъ колоколомъ. Даже старичокъ съ палочкой—и тотъ оказался на своемъ мѣстѣ: именно шелъ по косогору ко храму... Солнце тоже было на своемъ мѣстѣ и въ томъ самомъ видѣ, какъ рисовалъ себѣ Иванъ Ивановичъ, т.-е. оно привѣтливо, щедро разсыпало свои благотворные лучи. Усадьба, стоявшая на пригоркѣ, въ саду, была вся залита солнечными лучами; словомъ, все было привѣтливо, просто, тихо и покойно, все и всѣ намъ понравились. Понравилась усадьба, понравились мужики, снимавшіе шапки, и видъ мѣстности, и храмъ, и рѣчка, которая еще только вздувалась подо льдомъ, — словомъ, все какъ нельзя больше соотвѣтствовало нашимъ желаніямъ. Иванъ Ивановичъ былъ просто въ восхищеніи... Съ двухъ словъ усадьба была нанята на круглый годъ, задатокъ данъ, условились о времени переѣзда, о необходимыхъ починкахъ; постояли на крыльцѣ, выходившемъ въ садъ, помечтали о томъ, какъ все это будетъ хорошо лѣтомъ, закусили у арендаторши усадьбы, чѣмъ Богъ благословилъ, но съ удовольствіемъ и неимовѣрнымъ аппетитомъ, и тронулись въ обратный путь. Необходимость возвратиться въ Петербургъ заставила насъ вновь заводить рѣчь о прелестяхъ деревни и о непріятностяхъ столицы, но я передавать ихъ не буду.

V.

Къ величайшему моему сожалѣнію, мнѣ не пришлось быть личнымъ свидѣтелемъ опыта, предпринятаго Иваномъ Ивановичемъ и начатаго, казалось, при весьма благопріятной обстановкѣ, такъ какъ все лѣто я провелъ совершенно въ другой мѣстности Россіи. Передаю поэтому о результатахъ опыта со словъ Ивана Ивановича, съ которымъ мы встрѣтились уже осенью. Заглянувъ какъ-то въ началѣ сентября въ его квартиру, я нашелъ не только самого Ивана Ивановича, но и все его семейство, которое по первоначальному плану должно бы было жить еще въ деревнѣ. Разумѣется, первое, о чемъ спросилъ я, было: «какъ онъ провелъ лѣто въ деревнѣ, увѣнчались ли его надежды какимъ-либо успѣхомъ, и почему наконецъ его семейство такъ рано возвратилось въ городъ?» На послѣдній вопросъ Иванъ Ивановичъ отвѣчалъ просто: «не приходится», потомъ сослался на темныя осеннія ночи, непривычныя для людей, жившихъ десятки лѣтъ въ городѣ; на вопросъ же о томъ, хорошо ли ему было въ деревнѣ, отвѣчалъ: «Ни-че-го», но при этомъ произнесъ: «Но...» и умолкъ. Вскорѣ, когда мы

усѣлись за чай въ его кабинетѣ, онъ опять нѣсколько разъ говорилъ мнѣ, что «вообще ничего», но опять всякій разъ прибавлялъ частицу *но*, а къ этой частицѣ какую-нибудь сценку, замѣчаніе, фактъ. Слушая эти отрывочные замѣтки, факты, сценки, разсказываемые безъ всякой послѣдовательности и, очевидно, безъ достаточной яркости, я тѣмъ не менѣе пришелъ къ убѣжденію, что Иванъ Ивановичъ потерпѣлъ полное фіаско, что ему на этотъ разъ не удалось «поживиться» и, сколько я могу судить, основываясь на сообщеніяхъ, весьма отрывочныхъ, по слѣдующимъ причинамъ.

Главнѣйшею причиною неудачи Ивана Ивановича было то, что онъ никоимъ образомъ не могъ добиться отъ народа мало-мальски искреннихъ человѣческихъ отношеній, такихъ, при которыхъ, съ одной стороны, Иванъ Ивановичъ могъ бы открыть свою душу и чистосердечно сказать: «бери!», а съ другой — чтобы и народъ деревенскій также бы распахнулъ свое нутро, также бы радушно сказалъ Ивану Ивановичу: «получай, баринъ, тепло-то!». Даже и тѣни такихъ отношеній онъ не могъ добиться отъ народа. И немудрено: у Ивана Ивановича — большой окладъ. Поэтому едва Иванъ Ивановичъ поселился въ деревнѣ, какъ деревня поняла, что за ея долготерпѣніе Господь послалъ ей доходную статью. Очевидно, баринъ живетъ на готовыя деньги,— очевидно, онъ долженъ потреблять, тратить деньги,—и вотъ, съ первыхъ же дней по пріѣздѣ, между усадьбой, гдѣ жилъ Иванъ Ивановичъ, и деревней, гдѣ обитали мужики, установились самыя неискреннія отношенія: ни одинъ человѣкъ не приближался къ усадьбѣ «безъ своекорыстныхъ цѣлей». Вотъ идетъ мужичокъ, идетъ, повидимому, просто поговорить, побесѣдовать, что̀ особенно было бы пріятно Ивану Ивановичу, который съ удовольствіемъ вспоминалъ простосердечнаго Карпія — а глядишь, на дѣлѣ окажется, что онъ, этотъ простосердечный-то человѣкъ, пришелъ только затѣмъ, чтобы заставить Ивана Ивановича брать у него мясо. Случилось Ивану Ивановичу отказать: этотъ человѣкъ, встрѣтившись на другой день, и не поклонился, точно въ глаза не видалъ онъ Ивана Ивановича.

Съ первыхъ же дней вокругъ усадьбы образовалась какая-то непрерывная цѣпь «своекорыстныхъ» людей, которые толпились вокругъ пріѣзжей семьи именно только потому, что она платила за масло, за куръ, за мясо, за рыбу, за ягоды. Сквозь эту цѣпь своекорыстныхъ людей

не было никакой возможности пробраться къ *настоящему* безкорыстному деревенскому люду, а впослѣдствіи Иванъ Ивановичъ убѣдился, что если бы ему и удалось прорвать цѣпь и пробиться сквозь ряды непріятеля, то и тамъ, въ деревнѣ, гдѣ безкорыстіе-то должно находиться, и тамъ, едва только Иванъ Ивановичъ приближался къ безкорыстному человѣку, какъ этотъ человѣкъ превращался въ корыстолюбиваго и съ первыхъ же словъ говорилъ что-нибудь въ родѣ слѣдующаго: «Эхъ, баринъ, связались вы съ Антошкой! Позвольте, я вамъ на пробу зарѣжу теленка!» Словомъ, вездѣ и всюду Ивана Ивановича преслѣдовала жажда деревенскихъ людей «поживиться» не по части нравственныхъ богатствъ, какъ хотѣлъ поживиться самъ Иванъ Ивановичъ, а просто насчетъ денегъ. Старушка ли придетъ, разскажетъ сказочку — проситъ внучкамъ на гостинцы, проситъ старыхъ сапогъ, шапки... Старичокъ ли придетъ про старыя времена поговорить—тоже проситъ, а чуть Иванъ Ивановичъ не дастъ—пересталъ ходить. Словомъ, какъ только прерывалась денежная связь, такъ прерывалось даже шапочное знакомство.

Одинъ фактъ возмутилъ Ивана Ивановича жестокостью, въ отношеніи корыстолюбія, до глубины души. Старичокъ со старушкой доставляли молоко дѣтямъ Ивана Ивановича, доставляли по извѣстной цѣнѣ. Однажды по случаю пріѣзда гостей второпяхъ взяли молоко не у старика и старушки, а въ другомъ мѣстѣ, поближе взяли, чтобъ не идти далеко, а главное—заплатили тремя копейками дороже. И что же? Старичокъ со старушкой прекратили носить молоко, зная, что отъ этого разстроится здоровье ребенка, для котораго оно бралось, зная, что дѣти даже умираютъ отъ перемѣны молока, и все для того, чтобы «припереть» Ивана Ивановича и заставить его платить тремя копейками дороже. Очевидно, онъ можетъ платить, если заплатилъ.—«Ты отчего же мнѣ *просто и откровенно* не сказалъ, что тебѣ нужно три копейки? Зачѣмъ же мучить ребенка-то?» — протестовалъ Иванъ Ивановичъ.—«А ты-то,—отвѣчалъ старичокъ:— отчего мнѣ *откровенно* по одиннадцати-то копеекъ не платилъ? Небось, по восьми все время платилъ... тоже, поди, откровенно!»

Что дѣлалъ мужичокъ, поставлявшій мясо, — уму непостижимо. Обыкновенно, зарѣзавъ теленка, онъ развозилъ его пункта въ три; но лѣтомъ, когда рабочая пора и время дорого, этотъ мужичокъ рѣшилъ не ѣздить никуда, а всю

телушку вручить Ивану Ивановичу. Онъ такъ и сдѣлалъ. Основываясь на томъ, что «семейству безъ мяса невозможно», а достать его негдѣ, приходилось брать цѣлую телушку и болѣе половины выкидывать собакамъ. Въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ Иванъ Ивановичъ съ семействомъ «съѣли» двадцать восемь телятъ и пять коровъ, что̀ достаточно было бы для батальона солдатъ. Но что̀!—это пустяки. Одинъ парень, который почему-то «*понравился*» Ивану Ивановичу и которому послѣдній однажды сказалъ объ этомъ,—какъ-то, подгулявъ во время сельскаго праздника, прямо потребовалъ отъ Ивана Ивановича «деньжонокъ».—«За что?»—«Да такъ. Самъ говоришь—понравился, а денегъ не платишь! Это, братецъ мой, не модель— такъ-то! Не по-господски!..»

А дѣти Ивана Ивановича? Дѣти, конечно, не подозрѣвали о тѣхъ терзаніяхъ, которыя испытывалъ ихъ родитель, и безпечно *играли* на вольномъ деревенскомъ воздухѣ; но Иванъ Ивановичъ ясно видѣлъ, что имъ такъ же, какъ и ему, пожалуй, не придется позаимствовать. Конечно, воздухъ былъ чудесный, здоровый, солнце закатывалось не за будку, а за лѣсъ, освѣщая его, какъ роскошный дворецъ, чудными, какъ золото, яркими лучами; травки и цвѣточки были дѣйствительно настоящіе, чистенькіе, душистые, а ключъ, журчавшій изъ-подъ горы, былъ чистъ, какъ слеза. Все это было хорошо и благотворно дѣйствовало на душу, молоко тоже было душистое и густое. Но нехорошо то, что къ концу лѣта на дѣтяхъ обнаружилась какая-то сыпь, которая, по словамъ нарочно выписаннаго врача, оказалась весьма подозрительною. Нехорошо, что старичокъ и старушка, которые все лѣто доставляли душистое молоко, по разслѣдованію доктора оказались не совсѣмъ здоровыми и едва ли не принесли съ собою нездоровье въ семью Ивана Ивановича. У старичка и у старушки оказались на рукахъ и на ногахъ какія-то раны, надъ которыми докторъ только покачалъ головой.—«Отчего-жъ вы не лѣчитесь?»—«Какъ не лѣчимся?—лѣчимся».—«Я,—сказалъ старичокъ: — двадцать седьмой годъ лѣчусь!»—«Чѣмъ?»—«А слюнями мажу да золой присыпаю! Оно и подсыхаетъ!» У старичка и у старушки оказались дѣти, женатые и семейные, маленькіе внучата, игравшіе вмѣстѣ съ дѣтьми Ивана Ивановича, и у всѣхъ ихъ послѣдовательно, изъ поколѣнія въ поколѣніе, переходитъ одинъ и тотъ же способъ лѣченія,—конечно, вмѣстѣ съ недугомъ. Разумѣется

Иванъ Ивановичъ долженъ былъ устранить и старичка и внучатъ, и сосредоточился на лѣченіи, позабывъ, что цѣль его состояла не въ позаимствованіи болѣзни, а въ чемъ-то другомъ.

Тѣмъ не менѣе все лѣто, вплоть до обнаруженія злосчастной сыпи, дѣти Ивана Ивановича ежедневно находились въ обществѣ крестьянскихъ дѣтей, играли въ ихъ игры, но тутъ Иванъ Ивановичъ видѣлъ, что въ расчетахъ своихъ ошибся. Дѣти крестьянскія были чисты духомъ и сердцемъ, но въ этой крестьянской чистотѣ отражалась только голая дѣйствительность, которая къ тому же отражалась съ безпощадной фотографической вѣрностью. Дѣтскій умъ и душа принимали все, что эта дѣйствительность предлагала имъ, а она предлагала въ большинствѣ случаевъ матеріалъ далеко не кристальнаго достоинства.

Въ деревнѣ, напримѣръ, поймали почтальона, который хотѣлъ-было утащить сумку съ деньгами. Ребятишки играютъ въ вора и блистательно, т.-е. художественно и вмѣстѣ съ тѣмъ фотографически-вѣрно, исполняютъ это представленіе. По всѣмъ комнатамъ и черезъ комнаты на дворъ несется въ садъ толпа ребятишекъ, лѣтъ до десяти въ среднемъ возрастѣ, догоняютъ вора. Воръ, какъ вѣтеръ, несется съ сумкой, закинувъ голову назадъ, прижавъ сумку къ груди, весь потный и блѣдный. Вотъ онъ спотыкнулся о бревно—и вся орава, гнавшаяся за нимъ, наваливается на него: «Веревку, давай кушакъ! вяжи ему руки! А! ты отбиваться! Утымай, Егорка, сумку, отдавай начальнику!» Сумка отнята, воръ связанъ; онъ усталъ, онъ еле стоитъ на ногахъ, волоса у него спутаны,—словомъ, онъ отлично исполняетъ роль вора, котораго «поймали», «связали». Но и не одинъ онъ, а вся толпа вѣрна дѣйствительности до мелочей. Кто такой воръ? Сынъ одного деревенскаго бобыля, красильщика, человѣка, который просидѣлъ годъ въ острогѣ; ему быть воромъ. Два сына лавочника—полицейскіе. Дѣти простыхъ крестьянъ, какъ и въ дѣйствительности,—толпа, которая «содѣйствуетъ», бѣжитъ, галдитъ, исполняетъ, что прикажутъ. А дѣти Ивана Ивановича? Разумѣется, они исполняютъ господскія роли: одинъ оказывается исправникомъ, другой — становымъ. И ихъ заставляютъ съ точностью выполнять возложенныя на нихъ обязанности.

Вора поймали и связали.

— Что теперь?—спрашиваютъ мужики.

— Теперь къ становому!—отвѣчаютъ лавочники.—Мы—десятскіе, вы—свидѣтели, а Володя съ Колей—становой и исправникъ. Володя! садись на стулъ, допрашивай!

Володя садится на стулъ, но не знаетъ, что̀ дѣлать.

— Ругай!—совѣтуютъ ему.—Ругай его наперво: мошенникъ! каналья! упеку!

Володя ругаетъ.

— Ударь его по мордѣ!

Но Володя конфузится, а лавочники говорятъ:

— Это исправникъ его ударитъ! Володя! ты говори: «ведите его, подлеца, къ исправнику!»

Ведутъ къ исправнику, по дорогѣ толкая вора въ спину. Коля, исправникъ, сидитъ на стулѣ, но также не знаетъ, что̀ ему дѣлать.

— Бей его сначала по щекѣ!—совѣтуютъ знатоки.

Коля затрудняется, но ему говорятъ:

— Ты такъ, невзаправду, коснись только! Ну, теперь приказывай: «въ холодную его, шельму!»

— Въ холодную его, шельму!

Вора сажаютъ въ холодную на лѣстницу, ведущую на чердакъ, и лавочниковы дѣти припираютъ дверь палкой.

— Вотъ такъ-то,—говоритъ десятскій:—посиди-ка, другъ любезный, въ тепломъ мѣстѣ.

— Что-жъ теперь?—спрашиваетъ исправникъ.

— Ты молчи... теперь онъ прощенья будетъ просить, а ты не слушай.

И точно, запертый въ холодной воръ такимъ рыдающимъ голосомъ, съ такими надрывающими душу мольбами начинаетъ умолять о помилованіи, что у исправника немедленно же глаза наливаются слезами.

— Выходи, Миша!—говоритъ онъ жалобно, забывая, что онъ—исправникъ.

Но тутъ ужъ самъ воръ дѣлаетъ ему замѣчаніе.

— Такъ нельзя скоро!—уже своимъ и нѣсколько обиженнымъ голосомъ отзывается онъ изъ-за двери.—Какая же это игра будетъ? Ты меня до-олго не пущай! Я буду вопить, а ты мнѣ кричи: «нѣтъ тебѣ, подлецу, пощады!»

И начинается вопль. Мальчикъ-воръ, навѣрное, слышалъ этотъ вопль, раздирающій душу, отъ отца, котораго тоже сажали въ острогъ, отъ матери, которая, навѣрно, рыдала и выла, горюя объ участи мужа, и онъ истинно-артистически выполняетъ эту сцену. Но исправникъ уже старается

не плакать, чтобы не испортить игры, пріучается не слышать этихъ воплей и твердитъ: «нѣтъ! нѣтъ!»

— Ну, будетъ!—говоритъ самъ воръ и толкаетъ дверь. Его выпускаютъ. Порядокъ спектакля требуетъ, чтобы за тюрьмой слѣдовало наказаніе «сквозь строй».

— Сколько прикажете дать ударовъ?—спрашиваютъ лавочники.

— Сто!—говоритъ исправникъ, не умѣющій считать до десяти.

— Ну, что больно много!—возражаетъ воръ.—Эва!

— Двадцать будетъ!—говорятъ мужики.

Приносятъ прутья, «силомъ» валятъ вора на полъ. Исправнику совѣтуютъ кричать: «бей сильнѣй!». Воръ, само собой разумѣется, «вопитъ», но все слабѣй и слабѣй: это значитъ, что его «засѣкаютъ». Наконецъ онъ умолкаетъ. Онъ безъ памяти. Десятскіе и мужики на рукахъ несутъ его и кладутъ на большую плетеную корзину.

— Это лазаретъ!

Игра кончилась.

Не нравится вамъ эта игра—вотъ другая. «Пропиваютъ» невѣсту, сватья ѣздятъ изъ одной деревни въ другую, останавливаются въ кабакахъ, выпиваютъ, шатаются, валяются... Словомъ, все, что даетъ дѣйствительность, и что всего обиднѣй казалось Ивану Ивановичу—что его дѣтямъ, какъ дѣтямъ господскимъ, отводилась въ этой дѣйствительности, во имя самой сущей правды, большею частью неблагодарная, непріятная роль барина, при чемъ этими играми развивались иногда самыя нежелательныя качества. Баринъ бьетъ, наказываетъ—это нехорошо; но и право миловать, въ которомъ игра увѣряла дѣтей, благодаря своей правдивости,—тоже не особенно нравственное право.

Плоха, забита, груба была жизнь; жестки ея впечатлѣнія. И въ результатѣ, какъ казалось Ивану Ивановичу, извѣстная доля жестокосердія или, по крайней мѣрѣ, равнодушія ко многому, что требуетъ сочувствія и должно вызывать состраданіе. Вотъ, напримѣръ, сценка:

Пріѣхалъ подъ окна усадьбы мужикъ. На телѣгѣ стоитъ кадушка, а въ кадушкѣ теленокъ. Дѣти и ихъ деревенская компанія смотрятъ на мужика, на телѣгу и на кадушку, стоя въ садикѣ.

— Теленочка продаю!—говоритъ мужикъ.

— А гдѣ теленочекъ?

— А вотъ, въ кадушкѣ.

— Зачѣмъ въ кадушкѣ?

— Да еще онъ маленекъ, двухъ недѣль нѣту... Онъ еще и на ногахъ не стоитъ.

— Покажи намъ теленочка.

— А поглядите, съ моимъ удовольствіемъ.

Дѣти облѣпили телѣгу. Мужикъ открылъ дерюгу, и оттуда выглянула красивенькая мордочка, тепло дохнула на дѣтскую руку, поглядѣла добрыми дѣтскими глазами, какой-то звукъ издала.

— Какой хорошенькій!..

— Славный теленочекъ, только мало кормленъ. Что̀ ребенокъ малый!.. Ему молочка надобно, а нѣту молока-то, вотъ и продаю.

Выходитъ кухарка и торгуетъ теленка.

— Купи, купи!—кричатъ дѣти.

Теленка покупаютъ. Мужикъ на рукахъ несетъ его неуклюжую дѣтскую фигуру, кое-какъ устанавливаетъ на слабыхъ ногахъ къ частоколу палисадника и, когда всѣ любуются имъ, спрашиваетъ кухарку:

— Сами рѣзать будете, али мнѣ?

. . . . . .

И привыкаютъ дѣти не плакать и смотрѣть, «какъ рѣжутъ», и потомъ кушать.

Не счастливилось Ивану Ивановичу и по части того старичка, который по косогору съ палочкой въ рукахъ обыкновенно направлялся къ ветхому храму. Отецъ Іоаннъ былъ точно старичокъ и съ палочкой; нѣсколько разъ заходилъ онъ къ Ивану Ивановичу попить чаю, но—увы!—не вносилъ никакого «простого міросозерцанія о премудрости Творца въ твореніяхъ Его», а, напротивъ, велъ самую практическую бесѣду. То разскажетъ, какъ одинъ телеграфистъ, воспользовавшись тѣмъ, что телеграммы пишутся карандашомъ, стеръ текстъ у старой телеграммы и написалъ на имя извѣстнаго въ городѣ богача: «выдать такому-то полторы тысячи» — предъявилъ и получилъ. «Ловко! Нѣтъ, вѣдь какъ ловко-то!»—присовокупляетъ старичокъ съ палочкой. То попроситъ сочинить ему (самъ старичокъ слѣпъ) доносъ на благочиннаго или отвезти на станцію и бросить въ ящикъ доносъ, сочиненный имъ самимъ... Вообще мало было теплаго и дѣтски-наивнаго въ словахъ старичка. Копейка и добродушно-дѣтская зависть къ копейкѣ—это слышалось чаще въ его рѣчахъ.

Въ общихъ чертахъ оказалось, что не въ Петербургѣ,

а именно въ деревнѣ дѣти Ивана Ивановича узнали, что они не мужики, а господа, и имѣютъ поэтому право карать, прощать и не прощать; получили нѣкоторую крѣпость нервовъ, пріучившихся быть нечувствительными во многихъ весьма драматическихъ случаяхъ; затѣмъ получили какую-то сыпь, требующую серьезнаго лѣченія, и наконецъ пріобрѣли самое обстоятельное, всестороннее знакомство съ чортомъ. Если педагогія, какъ мы видѣли, только сухо констатировала фактъ существованія дьявола, то деревня разработала этотъ вопросъ во всѣхъ подробностяхъ. Деревенскій чортъ былъ такое же дѣйствительно существующее лицо, какъ вотъ этотъ лавочникъ, или кузнецъ, или становой. Всѣ видѣли его собственными глазами: одного онъ схватилъ въ водѣ за ногу; другой наткнулся на него въ банѣ; третьяго онъ водилъ цѣлую ночь вокругъ болота и чуть не утопилъ; четвертый «своими глазами» видѣлъ, какъ чортъ ходилъ у него по крышѣ, и ростомъ былъ болѣе четырехъ саженъ. Разсказы обо всемъ этомъ отличались, конечно, необыкновенною реальностью, а слѣдовательно неотразимо дѣйствовали на воображеніе. Чувство страха, почти паническаго, до сихъ поръ совершенно незнакомаго дѣтямъ Ивана Ивановича, передъ невѣдомымъ, таинственнымъ зломъ было также однимъ изъ пріобрѣтеній, «позаимствованныхъ» у деревни. Правда, дѣти Ивана Ивановича совершенно отвыкли врать, къ чему начали-было привыкать въ городѣ; деревня во всемъ поступала совершенно правдиво, по сущей совѣсти, но Иванъ Ивановичъ въ концѣ концовъ всѣмъ этимъ далеко былъ неудовлетворенъ, и въ его головѣ зрѣло новое рѣшеніе, о которомъ мы своевременно узнаемъ.

VI.

Прежде нежели продолжать разсказъ объ опытахъ, которые Иванъ Ивановичъ Полумраковъ счелъ нужнымъ произвести надъ своими дѣтьми послѣ неудачи съ «деревней», я долженъ сказать нѣсколько словъ, какъ въ объясненіе причинъ личнаго моего вниманія къ этимъ опытамъ, такъ и въ объясненіе собственнаго моего на нихъ взгляда. Опыты въ родѣ тѣхъ, какіе производилъ и производитъ Иванъ Ивановичъ, могутъ имѣть нѣкоторый интересъ только при извѣстномъ освѣщеніи, то-есть при изученіи ихъ съ извѣстной точки зрѣнія; а такъ какъ въ настоящемъ случаѣ эта точка зрѣнія зависитъ отъ личности наблюдателя,

то я волей-неволей долженъ сказать нѣсколько словъ уже не объ Иванѣ Ивановичѣ и его дѣтяхъ, а о себѣ.

Главнѣйшее основаніе моего вниманія къ чужой заботѣ объ участи подрастающаго поколѣнія, говоря откровенно, лежитъ въ собственныхъ моихъ душевныхъ скорбяхъ; а скорби эти состоятъ въ томъ, что тридцать пять лѣтъ моей жизни я прожилъ безъ капли дѣла и въ то же время безъ минуты отдыха. Коренное мое несчастіе состоитъ въ томъ, что новыя времена захватили меня нѣсколько ранѣе, чѣмъ, напримѣръ, были захвачены люди возраста Ивана Ивановича, и я понялъ эти времена болѣе опредѣленно, чѣмъ это могъ сдѣлать Иванъ Ивановичъ и люди его возраста. Въ то время, какъ Иваны Ивановичи были застигнуты ими болѣе или менѣе врасплохъ, я уже не могъ не знать, и притомъ довольно положительно, что главнѣйшее требованіе новыхъ временъ состоитъ въ томъ, чтобы всякій человѣкъ, имѣющій претензію на кое-какое образованіе, *непремѣнно* дѣлалъ бы какое-нибудь добропорядочное дѣло и *непремѣнно* на пользу ближнему. Будетъ барствовать! Труженикъ, столѣтіями работавшій на другихъ, начинаетъ новую эру жизни: надобно работать, и работать непремѣнно въ его пользу. А что онъ нуждается въ этой работѣ, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія: онъ только-что вышелъ изъ заключенія, голодный, холодный, измученный, забитый, полудикій и рѣшительно безпомощный во всѣхъ возможныхъ смыслахъ. Тутъ ли не найти себѣ мѣста и дѣла, особливо человѣку, знающему цѣну своимъ силамъ и готовому помириться съ какими угодно микроскопическими размѣрами поприща, лишь бы только оно имѣло связь съ добропорядочностью дѣла (непремѣнно) на пользу ближнему? И что же? Вѣдь не нашлось! Не нашлось не только для людей, въ милліонъ разъ меня сильнѣйшихъ, энергичнѣйшихъ и образованнѣйшихъ, но даже и для такихъ, которые, подобно мнѣ, не фордыбачили и предъ скромнѣйшими размѣрами работы. Напротивъ, вопреки всевозможнымъ резонамъ, представляемымъ исторіей человѣчества, ежедневнымъ и ежеминутнымъ опытомъ вседневной жизни, эти люди рѣшительно не требовались нигдѣ и нигдѣ не находили себѣ пристанища. Въ громаднѣйшихъ размѣрахъ потребовался молчаливый получатель всевозможныхъ жалованій, молчаливый дѣлецъ изъ-за денегъ, спеціалистъ, стукающій счетами на пользу какой-то молчаливой наживы, почти всегда не имѣющей ни малѣйшей связи съ глав-

нѣйшею задачей времени или имѣющей съ нею связь губительную, разъѣдающую зачатки возникающей жизни. Повсюду открылось множество дѣлъ для наживы, только для наживы... Приходилось пристраиваться либо къ желѣзной дорогѣ, стучать счетами, сидя надъ мертвыми цифрами (такъ мнѣ казалось), либо къ банку, либо къ коммерческому предпріятію; и вездѣ, во всѣхъ вновь открывшихся для грамотнаго человѣка поприщахъ, было одно какое-нибудь желающее нажиться лицо, или цѣлая куча подобныхъ лицъ, какое-нибудь сухое, неинтересное занятіе «для хлѣба», затѣмъ физическое утомленіе, жалованье въ карманѣ — и пустота!

Очень можетъ быть, что я и ошибаюсь, что всѣ эти дѣла имѣли или имѣютъ непосредственную, а главное—благотворную связь съ задачами времени; очень можетъ быть, что взгляды мои узки, ограниченны. Все это пусть будетъ такъ: но что̀ же дѣлать, если во мнѣ какъ-то само собою завелась закваска, развившая непремѣнное желаніе видимой, ощутительной, понятной работы, и непремѣнно въ смыслѣ пользы нуждающагося ближняго... Толкаясь по этимъ новымъ поприщамъ, скучая ими невыносимо, десятки разъ бросая ихъ въ полномъ негодованіи и вновь волей-неволей принимаясь за то же, я, къ великому моему удивленію, сталъ замѣчать, что требованія на безграмотнаго человѣка не только не уменьшаются, но увеличиваются съ каждымъ днемъ; даже изъ литературы стали раздаваться голоса, отгоняющіе грамотнаго человѣка отъ задачи, требующейся временемъ.—«Сиди на своемъ стулѣ, стучи счетами, получай деньги и ступай прочь! Не твое дѣло, добропорядочное ли это занятіе или нѣтъ! Получай и ступай! А не хочешь такого дѣла—опять же убирайся вонъ! Найдутся сотни тысячи людей, которые ни о чемъ не думаютъ, не разсуждаютъ, а умѣютъ считать на счетахъ, съ нетерпѣніемъ ждутъ жалованья, а получивъ его, тихимъ манеромъ идутъ въ портерную!» Такъ кричали новыя поприща верхнихъ слоевъ. Что̀ же касается до новыхъ поприщъ, которыя, казалось, неминуемо должны были открыться и внизу, то во имя ихъ вовсе не слышалось призывныхъ кликовъ... Напротивъ.—Пошелъ вонъ!—покрикивали рыжія, подстриженныя бородки.—«Не суйся! испортишь, изгадишь!..» И превосходно доказывали твою негодность на основаніи историческихъ документовъ, отчищая ими, этими бумажными документами, какъ наждачной бумагой, сѣрую

дѣйствительность до степени ярко блещущаго самовара... Выходило что-то удивительное: вверху скучно, пусто, а частенько и безсовѣстно, а внизъ—не пускаютъ! «Не нужно! Убирайся вонъ! Ты интеллигенція, гнилушка, вонъ съ глазъ моихъ!»... Хоть ложись да умирай! А безграмотный человѣкъ все подваливаетъ и подваливаетъ! Онъ улучшаетъ нравы и финансы, онъ умиротворяетъ, укрѣпляетъ народные идеалы, оздоровляетъ села и города, проповѣдуетъ гигіену, водворяетъ науку и т. д. и т. д., и все это безъ разговоровъ, все въ одну минуту и все за три копейки. Стòитъ только сказать этому расторопному человѣку: «Оздорови деревни, прекрати неправду, развивай бытовыя начала, улучшай нравы,—вотъ тебѣ два цѣлковыхъ на расходы!». Расторопный человѣкъ отвѣтитъ только одно неизмѣнное: «слушаю-съ», хлопнетъ нагайкой по лошади—и слѣдъ простылъ. Глядишь—все исполнилъ и даже сдачи представилъ съ двухъ рублей, за всѣми расходами, семьдесятъ пять копеекъ... Спрашивается: чтò тутъ дѣлать?

Много въ эту пору сгибло народу. Ужъ не знаю, какъ я цѣлъ остался, какимъ образомъ не очутился въ Невѣ, не помѣшался. Я помню только цѣлые года какого-то смертоноснѣйшаго угара. Только, бывало, и видишь: вотъ-вотъ человѣкъ сойдетъ съ ума, бѣгаетъ что-то, мечется, смотритъ какими-то ужасными глазами, и точно: черезъ день, черезъ два—разсказываютъ—повезли въ сумасшедшій домъ! Или придетъ кто-нибудь и извѣщаетъ, что онъ только-что съ одиннадцатой версты—просидѣлъ десять мѣсяцевъ. Въ то же время въ обществѣ, жившемъ *безъ дѣла* и *безъ отдыха,* утомленномъ этимъ невозможнымъ нравственнымъ состояніемъ, стала распространяться какая-то мертвящая, ханжеская доктрина, проповѣдывавшая кротость и простоту сердца, требовавшая какого-то умиленія почти предъ голой пустотой и ровно ни къ чему, ни доброму ни худому, не обязывавшая человѣка. Благодаря этой доктринѣ острая боль утихла въ человѣкѣ, но зато наставало состояніе безчувствія и безсмыслія, точь въ точь напоминавшее угаръ или обморокъ...

Вотъ именно въ такомъ состояніи находился я въ то время, когда Иванъ Ивановичъ продѣлывалъ свои опыты надъ дѣтьми: я интересовался имъ просто потому, что самъ не зналъ, чтò съ собой дѣлать. Я ужъ не разъ подумывалъ о томъ, какимъ бы болѣе или менѣе приличнымъ способомъ наложить на себя руки, какъ случилась разсказанная

въ предшествовавшихъ главахъ поѣздка въ деревню. Я вздохнулъ свободно, почувствовалъ себя на мгновеніе подѣтски легко, и во мнѣ вдругъ, съ неудержимою силою выросло желаніе во что бы то ни стало вырваться изъ этого пустого мѣста тяжкихъ мукъ, прекратить это позорное существованіе безъ дѣла и безъ отдыха, и уйти въ деревню. И я ушелъ. Не лѣтомъ и не на дачу ушелъ я, а зимой, въ самый разгаръ зимняго сезона, и ушелъ, къ великому счастью, на работу... Работа попалась крошечная, мизерная—заниматься въ конторѣ у одного помѣщика.

VII.

И что̀ же? Скромныя желанія мои (узнать: нуженъ ли зачѣмъ-нибудь грамотный человѣкъ?) немедленно же по пріѣздѣ въ деревню были удовлетворены въ размѣрахъ поистинѣ неожиданныхъ. Положительно, съ перваго же дня, на меня со всѣхъ сторонъ стали напирать такія явленія деревенской жизни, въ которыхъ я чувствовалъ и ясно видѣлъ нѣчто дававшее смыслъ моему существованію, нѣчто заставлявшее собирать, укрѣплять свои силы для видимаго, осязательнаго дѣла. Правда, дѣла эти были мелкія, не шумныя, но я до такой степени наголодался какимъ-нибудь понятнымъ мнѣ дѣломъ въ долгіе годы самоубійственной тоски, что былъ радъ имъ несказанно. Приведу нѣсколько примѣровъ.

Къ такого рода деревенскимъ дѣламъ я примкнулъ, какъ уже сказано, въ первый же день по пріѣздѣ. Еще въ то время, когда я проѣзжалъ по деревнѣ, направляясь къ зданію конторы, гдѣ я долженъ былъ жить, я замѣтилъ на селѣ какое-то, какъ мнѣ казалось, оживленіе. День былъ будничный, снѣжный; сухой снѣгъ, гонимый довольно сильнымъ вѣтромъ, заметалъ улицу большими сугробами и дымомъ дымился на крышахъ, у заборовъ, у воротъ... Въ такую погоду деревенскій житель предпочитаетъ сидѣть дома, и я поэтому былъ нѣсколько удивленъ, видя, что народъ не только не прячется по домамъ, но почти весь высыпалъ на улицу; у воротъ видны группы бабъ и подростковъ, мужики группами толпятся посреди улицы, группами же переходятъ отъ двора къ двору, машутъ руками, галдятъ.—«Что̀ такое у нихъ?»—спросилъ я извозчика.—«А Господь ихъ знаетъ праведный! Что-нибудь есть... Ишь, вонъ какъ! ишь!»—сказалъ ямщикъ, указывая кнутомъ на одну группу крестьянъ, въ которой шелъ какой-то оживлен

ный говоръ, при чемъ одинъ изъ крестьянъ что-то крикнулъ, сорвалъ съ головы шапку и ударилъ ее о-земь, а себя кулакомъ въ грудь.

— Есть, есть!—проговорилъ возница. Верховой человѣкъ, съ плетью въ рукахъ и съ сумкой черезъ плечо, проскакалъ мимо насъ и что-то также кричалъ охриплымъ и простуженнымъ голосомъ.—Н-ну, есть!—уже вполнѣ увѣренно закончилъ возница и почему-то погналъ лошадей. Скоро мы подъѣхали къ конторѣ; но такъ какъ помѣщика дома не оказалось, а дѣлать мнѣ было нечего и, кромѣ того, нечего было курить, то я, чуть-чуть обогрѣвшись, пошелъ на село, разузнавъ предварительно, гдѣ находится лавка. Говоръ и толкотня, какъ мнѣ показалось, еще болѣе увеличились въ деревнѣ; верховой человѣкъ носился по сугробамъ отъ двора къ двору и вообще выказывалъ какую-то особенную оживленность.

— Что̀ такое у васъ въ деревнѣ?—спросилъ я лавочника послѣ того, какъ онъ, заспанный, вышелъ изъ своего дома, отперъ дверь и впустилъ меня въ холодную низенькую лавку, передѣланную изъ амбарчика.

— А ужъ не могу вамъ въ точности объяснить. Не наше это дѣло. Да, должно-быть, что-нибудь изъ пустяковъ. Учителишка тутъ что-то связался съ верховымъ-то, ну... а впрочемъ, не могу вамъ утвердительно доложить...

Едва лавочникъ проговорилъ это, какъ меня взяло какое-то «сумлѣніе».—«Охъ,—подумалъ я:—не творитъ ли, храни Богъ, учителишка чего-нибудь недобраго?» А надобно сказать, что въ одной изъ крестьянскихъ группъ я примѣтилъ какую-то шляпу и какое-то пальтишко не крестьянскаго покроя. Шляпа особенно смутила меня. Было въ ней что-то недоброе: во-первыхъ, была она лѣтняя, а во-вторыхъ, надѣта совсѣмъ небрежно—одинъ конецъ полей вверхъ, а другой внизъ... Словомъ, выраженіе: «учителишка», лѣтняя шляпа зимой, верховой человѣкъ и народъ, о чемъ-то шумящій—все это почему-то щипнуло за сердце и заставило подумать: «не уйти ли, молъ, мнѣ отъ грѣха по-добру по-здорову?». Но уйти не пришлось. Едва я вышелъ изъ лавки, какъ наткнулся на цѣлую группу крестьянъ, которая, громко разговаривая, торопливо шла мимо.

— Это что-жъ такое будетъ? Развѣ это по-божьи? Какое по-божьи—явно раззоръ! Хоть ложись помирай...

Говорили они всѣ разомъ и торопливо прошли мимо; я

ужъ заинтересовался исторіей и подошелъ къ другой группѣ. Здѣсь, среди толпы крестьянъ, какой-то старый старичокъ, котораго всѣ внимательно и одушевленно слушали, говорилъ въ сильномъ волненіи:

— Нѣту правды! Не стало ея нисколько! Д-да! Нѣтъ ея! Писано объ этомъ, да. Въ книгахъ сказано, не быть ей! И нѣтъ! Видѣлъ царь Соломонъ сонъ-отъ: вотъ онъ когда сбылся. Д-да! Столбъ-отъ стоялъ каменный, въ семь обхватовъ, конца ему, кажись, не было, а изъ-подъ него заяцъ выскочилъ, онъ и разсыпался... Вотъ что̀ Соломонъ-царь во снѣ видѣлъ—вотъ оно и есть... Правда-то столбомъ стояла, а кривда-то зайчикомъ выпрыгнула, да и пошла по землѣ гулять... А правды-то нѣту! Нѣту ея! Конецъ пришелъ правдѣ! Прядаетъ по свѣту кривда! Да какъ же не такъ-то? И когда это видано? Чистое дѣло, послѣднія времена настаютъ...

Толпа глубоко и мрачно вздохнула, молча пропустила она черезъ свои ряды старичка, который, въ величайшемъ нервномъ возбужденіи, проворно побѣжалъ прочь, видимо потрясенный и угнетенный сознаваемымъ бѣдствіемъ.

— Что̀ такое?—рѣшился спросить я у толпы, очевидно, призадумавшейся надъ словами старичка.

Нѣсколько секундъ никто не отвѣтилъ мнѣ ни слова; но потомъ у одного благообразнаго, не очень стараго крестьянина вдругъ, мгновенно сверкнули глаза, и, глянувъ ими на меня въ упоръ, онъ нервно шагнулъ по направленію ко мнѣ и произнесъ, весь, какъ говорится, «захолонувъ отъ гнѣва»:

— Да вотъ что̀!..

Едва проговоривъ это, онъ какъ бы задохнулся, тяжело дышалъ и блѣденъ былъ, какъ смерть...

— Да вотъ что̀... Больше ничего... хотятъ до послѣдняго со свѣту сжить!

Онъ сорвалъ съ головы свою шапку, отмахнулъ ее какъ-то въ сторону, при словѣ «сжить!» также быстро нахлобучилъ и коротко прибавилъ:

— Больше ничего!..

— Выморить хотятъ начисто!—прибавилъ хладнокровнѣй другой крестьянинъ.

— Что̀ вы! Помилуйте!—проговорилъ я.—Какъ же это возможно? Развѣ это возможно? Зачѣмъ это?

— Да ужъ это не наше дѣло—зачѣмъ? А должно-быть, что такъ требуется!

— Не можетъ этого быть! Что̀ за вздоръ такой!

— Анъ вонъ требуютъ. Вонъ, видишь, верховой-то,— успроси-ка-сь у него... Тамъ сказано:—«въ противномъ случаѣ военнымъ судомъ»... Вотъ оно что̀!

— Да какъ же иначе-то? Ну, ты возьми: первое, крыши на скотныхъ дворахъ раскрывать, скотину въ избѣ не держать, навозъ вывозить изъ деревни вонъ, ѣсть изъ разныхъ чашекъ, какое старое хоботье, тряпье—жечь! Ну, что-жъ это такое? А не то—разстрѣлъ!..

Тутъ всѣ заговорили вдругъ.

— У насъ семьи двѣнадцать человѣкъ,—покупай двѣнадцать чашекъ? Откуда это взять? И какъ же теперича я выкину изъ избы скотину, вѣдь она должна померзнуть? Нешто это не разореніе? Помилуйте, скажите, раскрою я крышу, такъ вѣдь она поколѣетъ, скотина-то! Чѣмъ же мы жить-то будемъ? Навозъ! Отдирай его изъ-подо льду! его ломомъ теперича не возьмешь—вѣдь это конецъ! Вонъ огурцы, капусту вышвыриваютъ въ рѣчку: это что-жъ такое?

Словомъ, нѣчто ужасное, хотя и, очевидно, нелѣпое происходило въ деревнѣ. Очевидно мнѣ было только одно, что верховой человѣкъ что-то перепуталъ, и я, желая удостовѣриться, въ чемъ же наконецъ дѣло, вмѣстѣ съ крестьянами направился къ той группѣ, гдѣ виднѣлась шляпа «учителишки». Здѣсь шумѣли ужасно, и, какъ кажется, только потому, что верховой человѣкъ былъ тутъ.

— Намъ что̀ велятъ, то мы и исполняемъ!—сердито кричалъ этотъ человѣкъ, шевеля обледенѣлыми усами.— А смутьяновъ намъ велѣно записывать и представлять.

— Сдѣлайте милость, записывайте и представляйте куда угодно. Я вамъ говорю одно, что вы сами переполошили народъ.

— У насъ есть строжайшая бумага!

— Знаю я, какая бумага у васъ, только тамъ ничего этого нѣтъ, что̀ вы требуете.

— Мнѣ ужъ, позвольте сказать, вѣрнѣе знать это!.. Вы кто такой?—обратился верховой ко мнѣ.

— Конторщикъ.

— Что̀ вамъ здѣсь угодно? Не ваше тутъ дѣло, и безъ того смутьянниковъ много! А я вотъ какъ, — угрожающе онъ обратился къ толпѣ: — я больше ничего — уѣду, а не мое дѣло, ежели отвѣчать вамъ придется! Двадцать разъ говорилъ, пущай же!

И онъ было-повернулъ лошадь, но учитель остановилъ его:

— Вы должны успокоить народъ, а не мутить.

— Мы знаемъ, кто мутитъ-то. Сдѣлайте милость, не безпокойтесь!

— Отлично,—только вы отвѣтите за то, что требуете, чего въ вашей бумагѣ нѣтъ.

— Это вы не можете говорить!

— Почему? Вы вотъ совсѣмъ не понимаете, что̀ такое сказано насчетъ сажени воздуха, а требуете, чтобы я разсаживалъ учениковъ на двѣ сажени другъ отъ друга. Это сказано о томъ, чтобы дышать, — понимаете ли?—для дыханія, чтобы хватало воздуху...

— Какъ же это, позвольте васъ спросить, дышать саженями? И кто этою саженью, когда бы то ни было, дышалъ?—позвольте мнѣ узнать, такъ какъ вы очень образованы... Ежели я дышу, такъ я просто вотъ, Господи благослови, дыхну такъ-то и разъ и другой, честь-честью. На кой же лѣшій мнѣ сажень-то ваша и куда я ее дѣну? И что̀ вы пустыя слова говорите? На двѣ сажени потому, чтобы болѣзнь не пристала, а саженями не дышать!

Толпа тоже призадумалась надъ этимъ страннымъ предписаніемъ дышать квадратными саженями. Очевидно, что-то неладно; но несомнѣнно, что кривда выскочила изъ-подъ столба и разгуливаетъ по свѣту безнаказанно.

Безграмотство торжествовало. Но не смутившійся этимъ учитель, изъ всѣхъ силъ стремившійся доказать безграмотству, что оно точно ровно ничего не понимаетъ въ бумагахъ, послѣ продолжительныхъ увѣреній, успѣлъ-таки поколебать самоувѣренность верхового человѣка до того, что тотъ довольно смирно произнесъ:

— Намъ этого разбирать не приходится... Намъ что̀ прикажутъ... Сказано, молъ, на двѣ сажени... Ну, а крыши?

— И крыши вовсе не нужно раскрывать! — доказывалъ ему учитель.

— Вѣдь сказано въ бумагѣ,—какъ же не нужно-то?

— Въ бумагѣ сказано: «по наступленіи теплаго времени»... А развѣ теперь теплое?

— И чашки не нужны?

— И чашки не нужны до тѣхъ поръ, пока доктора не удостовѣрятъ, что болѣзнь заразительная началась. И тогда-то вотъ нужно отдѣлить больного отъ здоровыхъ и ѣсть изъ разныхъ чашекъ...

Словомъ, все, что̀ строжайше, согласно бумагѣ, требовалъ верховой человѣкъ, оказалось, согласно той же бумагѣ, не

имѣющимъ никакихъ основаній къ тому, чтобы народъ зашумѣлъ отъ погибели правды на землѣ. Все дѣло въ томъ, что бумага, въ которой эти мѣры были изложены, необыкновенно пространно и подробно изъясняла ихъ, тщательно объясняла причины и слѣдствія каждой мѣры, а деревенскому человѣку надобно прежде всего знать, чего отъ него требуютъ, надобно узнать суть въ двухъ словахъ. И вотъ, когда безграмотство, распространявшее въ народѣ гигіеническія свѣдѣнія, въѣхало верхомъ въ деревню, оно должно было опустить «всѣ разглагольствованія», которыхъ, разумѣется, ни единаго слова не понимало, и возвѣстить міру самую суть. И вышло поэтому—крыши раскрывать, скотинѣ помирать, огурцы и капусту выбрасывать, а въ противномъ случаѣ—военнымъ судомъ...

— Наше дѣло, братецъ ты мой,—уже совсѣмъ покорно сказалъ верховой человѣкъ:—что̀ прикажутъ... Намъ этого неизвѣстно... Нѣтъ ли, ребята, у кого трубочки закурить? Намучился я съ вами нониче—страсть какъ!

И, закуривъ трубку, хлопнулъ лошадь плетью и поскакалъ въ другое мѣсто проповѣдывать пришествіе кривды на землю.

Тотчасъ по его отъѣздѣ начался неистовый хохотъ парней, бабъ и мужиковъ. И было веселіе веліе...

— Ахъ, ты...—чихая отъ смѣху и покачивая головою, говорилъ добродушный, простенькій мужичокъ, указывая рукою по направленію удалившагося верхового.—Пріѣхалъ съ какимъ приказомъ—чтобы всему міру помирать!..

— Ха-ха-ха!—покатывалась толпа.

— А Миронычъ-то, Миронычъ-то!—заяцъ, говоритъ, выскочилъ у него изъ сумки-то...

— Да подъ столбъ-отъ убѣгъ заяцъ-то!

— Ха-ха-ха...

Тутъ я познакомился съ учителемъ, и вмѣстѣ съ нимъ мы долго пробыли въ развеселившейся толпѣ. Среди всевозможныхъ насмѣшекъ, мнѣ случайно пришлось услыхать кое-что и серьезное:

— Болѣзнь происходитъ отъ худого человѣка, а не отъ навозу!—сурово разсуждалъ какой-то почтенный человѣкъ:—вонъ въ Сырейкѣ кто пустилъ на овецъ моръ? Буканиха, солдатка,—извѣстное дѣло!

— Дѣло явное!

— Тутъ не крышу раскрывать, а долбануть по затылку—вотъ и все!

— А то что же? Нешто возможно этакихъ злодѣевъ на свѣтѣ держать? За это ни на небѣ ни на землѣ взыску нѣтъ...

— Ишь ты! Морозьте, говоритъ, скотину... для здоровья!

VIII.

Съ этого эпизода рѣшительно не проходило дня, чтобы деревенская жизнь не предъявляла чего-нибудь, прямо забиравшаго за живое. Бывало, то учитель (оказавшійся очень добрымъ человѣкомъ) пришлетъ за мной поговорить по какому-нибудь дѣлу, то я пошлю за учителемъ.

Напримѣръ, прихожу я къ учителю и застаю человѣкъ четырехъ крестьянъ, которые зашли къ нему по случаю праздника. Разговоръ идетъ о землѣ.

— Не будетъ вамъ никакой земли!—самымъ настоятельнымъ манеромъ убѣждаетъ ихъ учитель:—не будетъ! Вотъ напечатанъ циркуляръ, въ которомъ сказано, что не будетъ больше никакой земли вамъ дано.

— Оттого, что не знаешь ты здѣшнихъ дѣловъ, такъ ты и говоришь. Намъ здѣсь довольно извѣстно. Анна Андреевна, покойницы-барыни мать, должна помереть, а наслѣдникъ остается Левъ Львовичъ. Она ему не отдастъ, намъ довольно извѣстно, потому онъ ужъ и такъ одну часть промоталъ, а старуха-бабка, Анна-то Андреевна, строгая дама... Ужъ это вѣрно,—не потатчица такимъ дѣламъ!.. Вотъ мы и въ надеждѣ: по всему оказывается, что къ намъ будто долженъ отойти участокъ-то, потому больше некому...

— И Левъ Львовичъ получитъ, и бабка ваша Андреевна продастъ, а къ вамъ онъ никакъ не попадетъ, ужъ будьте въ этомъ увѣрены. Подарить она вамъ не подаритъ, а владѣть будетъ Левъ Львовичъ, а не онъ, такъ кто-нибудь другой.

— Это вѣрно!—подтверждаютъ нѣкоторые голоса.

— Продастъ! Да кому продать-то? Опять же мы *знаемъ всѣ здѣшніе карманы-то,* ты насъ объ этомъ спроси. Первымъ долгомъ толстъ карманъ у мельника, у Коромыслова, да ему не къ рукѣ покупать-то: зачѣмъ она ему, земля-то? За коимъ шутомъ онъ втешется сюда — у него и такъ, гляди-ка, какъ жернова-то работаютъ, только греби денежки... Укупилъ бы, пожалуй, Ларивоновъ—кабатчикъ, человѣкъ-то и вправду глазастый и жадный, да его прошлымъ лѣтомъ подожгли, сгорѣлъ начисто, остался въ одной рубашкѣ—скоро-то не выкарабкается..

— Въ десять лѣтъ не вылѣзетъ!

— А еще-то кому-жъ? Селифонтовъ баринъ? Ну, у того хоть точно что тетка Прасковья Андреяновна больно жирна деньгой-то, ну и онъ наврядъ, чтобы что... У него лѣсное дѣло широко пущено, наврядъ, чтобы отсталъ... въ лѣсное дѣло вцѣпился—не рука отставать отъ хорошаго... Вѣдь хозяйство-то, братецъ ты мой, тоже не легкое дѣло. Вѣдь тутъ денежки отдай чистенькія, да потомъ и жди барышей... Когда дождешься-то? Ну вотъ и всѣ, почитай, карманы-то... А больше-то кому-жъ быть?—больше некому!

— Не безпокойся, другъ любезный: изъ Петербурга, изъ Москвы налетятъ, изъ-за границы.

— Ну, во-она чего! Это ужъ ты, другъ любезный, сталъ пужать лѣтошнимъ снѣгомъ... За коимъ это шутомъ понесетъ его нелегкая изъ Москвы? Тамъ, поди, чай, свои дѣла-то есть... И кто это поѣдетъ экую даль въ незнакомое мѣсто? Что-жъ онъ тутъ будетъ въ чужомъ-то мѣстѣ болтаться? Это и нашего брата возьми: хоть бы меня ты, примѣромъ, завезъ въ чужую сторону—что бы я? Вѣстимо, мнѣ матъ... И ему такъ-то: народа онъ не знаетъ, порядковъ тоже, покуда и приладится, такъ долженъ разориться въ конецъ... Это что! Въ нашихъ мѣстахъ сподручно нашему, ближнему, а всѣхъ нашихъ мы довольно знаемъ...

— Укупятъ!—настаивалъ учитель.—Все укупятъ! И Анну Андреевну со Львомъ Львовичемъ, и всю округу укупятъ, всѣ лоскутки, не мужицкіе—все укупятъ!

— Ну, всего-то не укупишь! Это, братецъ ты мой, ужъ извини, сдѣлай милость... такихъ и денегъ-то — посчитайка-сь—нѣту на свѣтѣ! Развѣ ужъ съ нечистымъ человѣкомъ свяжется, ну, можетъ-быть, что... А такъ, чтобы натуральный человѣкъ этакую прорву деньговъ отвалилъ, нѣту, не бываетъ этого. Нельзя!

— Бываетъ! Повѣрь ты мнѣ! Не такіе еще есть капиталы!

— Нѣту такихъ денегъ!

— Есть! Ей-ей есть!

— Оставь! Невозможно это! Нѣту!

Идетъ продолжительный разговоръ о капиталѣ, о кредитѣ и т. д. А завтра идетъ другой ужъ — о нравственности. Разсказываютъ такую вещь: верховой человѣкъ пригласилъ по-товарищески, какъ «солдатъ солдата», одного крестьянина, служившаго въ военной службѣ, зайти выпить по рюмочкѣ. Встрѣтилъ его на улицѣ. — «Здорово!» — «Здравствуй!»—

«Солдатъ солдату радъ, пойдемъ въ кабакъ, клюнемъ по рюмочкѣ». Пошли, выпили сначала по рюмочкѣ бѣлаго, а потомъ и краснаго. И какъ только выпили краснаго, верховой человѣкъ вынулъ изъ кармана книжку и говоритъ новому знакомцу: «Ну, теперь, другъ любезный, ты свидѣтелемъ будешь, что Ермолай (кабатчикъ) незаконную торговлю ведетъ красной водкой! Какъ твоя фамилія и мѣстожительство?» И все въ книжку записалъ и представилъ. Крестьянинъ-солдатъ прибѣжалъ къ учителю, какъ угорѣлый.

Кстати сказать, этотъ солдатъ былъ одинъ изъ самыхъ впечатлительныхъ къ чужому горю людей, какихъ мнѣ приходилось встрѣчать въ той деревнѣ, о которой идетъ рѣчь. Именно чужое горе волновало его едва ли не болѣе, чѣмъ собственная забота. Въ мѣстномъ ссудномъ товариществѣ онъ былъ по горло запутанъ въ поручительствахъ за другихъ и знать не хотѣлъ никакихъ параграфовъ устава, которые стѣсняютъ его права въ этомъ отношеніи. Почти каждое воскресенье и каждый день, когда товарищество открыто, онъ вламывался съ какимъ-нибудь несчастнымъ мужикомъ, за котораго никто не хочетъ поручиться, и, торопливо помолившись на образъ и поклонясь господамъ членамъ, восклицалъ: — «Давайте намъ, господа, денегъ. Вотъ человѣку больно нужны... Человѣкъ хорошій, я знаю...» — «Что̀ у тебя есть?» — спрашивали хорошаго человѣка.— «Овца...» — «Еще? Лошадь есть?» — «Нѣту лошади-то... То-то нѣту...» — «Коровъ много-ль?» — «Да и коровъ-то, пріятный ты мой, тоже... что-то несчастливъ я на коровъ-то!..» — «Нѣту, стало-быть?» — «Въ эфтимъ-то и состоитъ главная причина, что нѣту...» — «Ну, хлѣбъ есть ли?» — «Хлѣбъ-отъ...» — уныло начинаетъ бѣдный человѣкъ, но Дмитріевъ (такъ звали крестьянина-солдата), видя его затрудненіе, немедленно же вступается: — «Чего ты музычишь безъ толку? — накидывается онъ на разспрашивающаго члена.— Какъ бы у него было, онъ бы къ тебѣ и глазъ не показалъ; затѣмъ и пришелъ, что нѣту ничего. Вынимай деньги-то, записывай, будетъ болтать языкомъ-то!» — «Да нельзя ему дать, коли ничего у него нѣтъ».—«А я говорю, давай! Я поручаюсь! Коего тебѣ чорта?» — «На тебѣ и то незаконныя поручительства есть». — «Ну, ладно, знаемъ, давай деньги-то!» — «Да какъ же я дамъ-то? Ты самъ посуди! Кто будетъ отвѣчать?» — «Ладно, ладно. Отпирай сундукъ-то, доставай! Больше ничего не требуется. Отпирай, что-ль,— тебѣ я, кажется, говорю человѣчьимъ языкомъ, или нѣтъ?» —

«Да хоть на пай-то есть ли у него?» — «Нѣту у него ни копейки! Давай денегъ, отпирай сундукъ, пиши все на меня, упорный какой мужикъ! Небось, самъ запустишь лапу-то въ сундукъ, какъ понадобится на засолъ! Знаемъ мы васъ—законники! Сейчасъ давай двадцать пять цѣлковыхъ, шутъ этакій!» Бранился Дмитріевъ съ этими законниками постоянно и всегда почти успѣвалъ добиться своего.—«А вѣдь съ тебя когда-нибудь взыщутъ!»—говорили ему. Дмитріевъ только смѣется. — «Да взыскивай, сколько хочешь, у меня ничего нѣтъ!..»

Можно себѣ представить, какой гнѣвъ возбудилъ въ такомъ человѣкѣ поступокъ верхового. Дмитріевъ и ругался и плевалъ, чтобы изгладить даже ощущеніе этого предательскаго вина, грозился и т. д. Поступокъ былъ точно возмутительный, но онъ превратился во всеобщую загадку послѣ того, какъ у мирового судьи произошло разбирательство по этому дѣлу.

У мирового судьи выяснилось, что «верховой» ходилъ къ этому кабатчику задолго до составленія протокола и всякій разъ пилъ водку и бѣлую и красную, — правда, пилъ на деньги,—а между тѣмъ протокола не составлялъ.

— Отчего ты раньше меня не штрафовалъ? — спросилъ верхового кабатчикъ. — Я бы, можетъ, и торговать не сталъ вовсе, ежели бы зналъ, что̀ ты со мною сдѣлаешь?

— А потому, — отвѣчалъ верховой: — потому я тебя раньше не штрафовалъ, что ты — бѣдный человѣкъ, и ничего у тебя не было. Вѣдь ты долженъ понимать — казна требуетъ штрафу, вѣдь съ тебя надо семьдесятъ пять рублей! Что-жъ бы я съ тебя взялъ-то, когда у тебя и семи гривенъ не было? Ну, и долженъ былъ я тебѣ дать время расторговаться, чтобы законъ соблюсти. Развѣ я могу идти противъ закону? Ежели мнѣ изъ твоего штрафу и слѣдуетъ получить половину, тридцать семь съ полтиною, такъ вѣдь это тоже законъ требуетъ: нешто я самъ-то по себѣ взялъ бы съ тебя хоть алтынъ! Законъ! Теперича же я знаю, что на праздникахъ объ Рождествѣ ты торговалъ ничего себѣ, средственно, и штрафъ отдашь, то-есть, что̀ слѣдуетъ по закону...

— Да я только и оправился-то мало-мальски объ Рождествѣ... Вѣдь я вдовый,—у меня на рукахъ трое ребятъ...

— Что̀ мнѣ приказываетъ законъ, то я и долженъ исполнить.

Скажите, пожалуйста, достойна эта сцена (а такихъ

сценъ множество), чтобы заставить человѣка призадуматься? И Дмитріевъ даже призадумался надъ ней. Тутъ все загадка, — загадка, которую непривычному, простодушному человѣку трудно разгадать.

Ограничусь покуда вышеприведенными примѣрами, — иначе я бы запуталъ читателя въ массѣ мелочей, повидимому, не имѣющихъ никакой другъ съ другомъ связи. Скажу только, что подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ сценъ и разговоровъ я настрочилъ къ Ивану Ивановичу письмо, изъ котораго и привожу здѣсь нѣкоторые отрывки.

IX.

«...Кстати, почтенный Иванъ Ивановичъ, сказать два слова о вашихъ дѣтяхъ. Не удивляйтесь, что о дѣтяхъ начинаю говорить непосредственно послѣ изображенія вамъ современныхъ деревенскихъ порядковъ, да еще нахожу, что такой разговоръ будетъ «кстати». Истинно говорю вамъ, почтенный Иванъ Ивановичъ, участь русской деревни и участь русскаго молодого поколѣнія находятся въ прямой зависимости другъ отъ друга: отъ нихъ обоихъ зависитъ, быть ли солнцу на небѣ, быть ли тьмѣ кромѣшной на землѣ... Чтобы недалеко ходить за доказательствами, отыщите у себя на письменномъ столѣ суворинскій календарь, раскройте его въ томъ отдѣлѣ, гдѣ находится таблица о народонаселеніи, посмотрите на итоги. Краснорѣчивѣе всего, конечно, послѣдняя графа этой таблицы, гдѣ сказано, что крестьянскихъ сословій на русской землѣ ни много ни мало, какъ шестьдесятъ милліоновъ. Эти же крестьянскія сословія, несомнѣнно, преобладаютъ и во всѣхъ другихъ графахъ, пересматриваемыхъ поочередно: такъ, несомнѣнно обиліе ихъ и въ милліонной массѣ войска, несомнѣнно обиліе ихъ и въ городскомъ населеніи, и даже въ духовенствѣ. И въ войскѣ, и въ духовенствѣ, и въ мѣщанствѣ преобладаетъ тотъ же крестьянскій, хотя болѣе или менѣе переодѣтый элементъ, родство котораго съ подлиннымъ крестьянствомъ во всякомъ случаѣ несомнѣнное. Если ко всему этому прибавить въ буквальномъ смыслѣ микроскопическія цифры первыхъ графъ таблицы, гдѣ исчислено количество сословій вполнѣ привилегированныхъ и привилегированныхъ болѣе или менѣе, то нѣтъ ни малѣйшей возможности, нѣтъ даже тѣни возможности не видѣть, что «сила» (другого слова я не нахожу) несомнѣннѣйшимъ образомъ находится на сторонѣ милліоновъ, а не сотенъ тысячъ. Двадцать лѣтъ тому

назадъ эти милліоны были ничто, это была именно масса нулей къ нѣсколькимъ многозначительнымъ передовымъ цифрамъ; теперь же безъ этихъ нулей передовыя цифры теряютъ всю свою значительность, а въ будущемъ, когда подрастетъ поколѣніе, которое уже не знало, что̀ такое барщина, что̀ такое «бурмистръ», вообще когда вырастетъ новое поколѣніе, тогда значеніе передовыхъ цифръ должно само собою умалиться несравненно болѣе, такъ какъ эти нули призваны къ жизни, и они будутъ жить, «они теперь уже живутъ», будутъ жить, потому что должны, не могутъ не жить. Настоящая минута въ высшей степени критическая для русскаго общества, такъ какъ переживаемые нами годы, несомнѣнно, должны рѣшить дѣло въ какомъ-нибудь одномъ опредѣленномъ смыслѣ: какъ жить — «по-хорошему» или «по-худому»? Позволительно спросить: по какой дорогѣ пойдетъ растущее поколѣніе? найдетъ ли оно въ себѣ силы къ тому, чтобы, выйдя на вольный свѣтъ изъ-подъ крѣпостного ига, повести жизнь дальше? будетъ ли оно скрѣплять общинный обиходъ, развивая широту общинныхъ надобностей и интересовъ, или, не справившись «съ головой», продастъ первенство за чечевичную похлебку и станетъ жить «по-худому», не расширяя, а суживая мірской интересъ? Можно съ увѣренностью сказать, что дѣло рѣшится именно въ послѣднемъ, нехорошемъ смыслѣ, если на помощь деревнѣ, «не знающей» всей сложности новыхъ условій жизни, не придетъ человѣкъ, знающій эти условія, и не оборонитъ ея отъ бѣды. Задача обороны, какъ видите, лежитъ ни на комъ другомъ, какъ только на грамотномъ образованномъ человѣкѣ, и если къ тому же принять во вниманіе громадную цифру массы, нуждающейся въ грамотномъ человѣкѣ, то легко убѣдиться, что масса грамотныхъ людей, въ десять, въ сто разъ бо̀льшая существующей налицо, могла бы быть многіе годы поглощаема народною массою вся безъ остатка. Вы, Иванъ Ивановичъ, конечно, понимаете, что я не могу и не имѣю возможности сочинять проекты системы народнаго образованія, я только хочу обратить вниманіе родителей, подрастающаго поколѣнія и его воспитателей на то, что, воспитывая и образовывая, они *не могутъ* оставлять безъ вниманія нужды милліонной массы, просто уже потому только, что она—милліонная и что, какъ таковая, она не можетъ не имѣть вѣса въ будущемъ. Что̀ же дѣлаете вы, Иванъ Ивановичъ, и другіе не менѣе васъ чадолюбивые родители

и опытные воспитатели? Вглядываясь въ существующую систему воспитанія и образованія, легко видѣть, что она не только не проникнута сознаніемъ того, что образованные люди прежде всего нужны народу, а не главному обществу акціонерныхъ надуваній, но, напротивъ, какъ бы добивается, чтобы образованный человѣкъ замкнулся съ своими знаніями въ средѣ, не имѣющей ничего общаго съ народомъ. И это стремленіе замкнуться проникаетъ и ваше чадолюбивое сердце и педагогическую практику. Что̀ вы, напримѣръ, теперь дѣлаете съ вашими ребятишками? Вы точно какъ бы предчувствуете, что народъ что-то значитъ, и въ этихъ видахъ производите разные опыты съ деревней... Но вѣдь все это только *для себя*, все это съ цѣлью поставить своихъ чадъ именно въ изолированныя отъ народа и наиболѣе безопасныя условія. Вы хотите заимствовать отъ народа его терпѣніе, крѣпость мышцъ, выносливость, даже веселость, — словомъ, хотите «позаимствовать» — и только. О какихъ бы то ни было обязательствахъ или обязанностяхъ въ отношеніи къ народу нѣтъ и помину. Предполагается, повидимому, что будущее поколѣніе проживетъ счастливѣе теперешняго, именно потому, что будетъ имѣть возможность далеко стоять отъ народной массы. Но именно это-то и не можетъ случиться. Представьте себѣ, что шестьдесятъ милліоновъ остаются жить по собственной своей волѣ, и что безграмотный человѣкъ будетъ единственнымъ компетентнымъ лицомъ во всѣхъ вопросахъ современной деревенской дѣйствительности.—Что̀ выйдетъ? Несомнѣнно, выйдетъ узость и даже полная потеря мірского интереса и, какъ слѣдствіе этого, распаденіе міра. Представимъ себѣ, что распаденіе это примѣтно только едва-едва, въ самой слабой степени, что на волость, въ которую входитъ до десяти и болѣе деревень, въ теченіе года произойдетъ *только одинъ* случай обнищанія и только *одинъ* обогащенія, что, словомъ, въ теченіе года изъ двухъ-трехъ тысячъ душъ, одинъ человѣкъ уйдетъ прочь по нищетѣ, а другой уйдетъ потому, что отъѣлся; представимъ себѣ это и произведемъ простое умноженіе. Нищихъ и ихъ будущее мы совершенно оставимъ, а возьмемъ только отъѣвшихся по одному на волость въ теченіе года. Въ уѣздѣ — двѣнадцать (или около) волостей, въ губерніи — двѣнадцать или около уѣздовъ, а губерній восемьдесятъ; такимъ образомъ, при самыхъ скромныхъ предположеніяхъ, мы получимъ довольно почтенную цифру безграмотныхъ и отъѣвшихся людей, ко-

торые, покинувъ деревню, естественно поступаютъ въ то общество, въ которомъ и я и вы имѣемъ честь жить. Купивъ себѣ на Апраксиномъ рынкѣ «пальты» съ бобровыми воротниками и побывавъ «въ Фоли-Бержерѣ», они ужъ, очевидно, на стезѣ попасть въ интеллигенцію, куда дѣйствительно и попадаютъ въ скоромъ времени, предварительно, конечно, вмѣсто апраксинскихъ «пальтовъ» пріобрѣтя енотовыя шубы и записавшись членами въ клубъ. Если вы наполовину сократите цифру, получившуюся отъ умноженія, но признаете, что притокъ такихъ людей въ обществѣ неизбѣженъ, то въ самомъ ближайшемъ будущемъ общество это, полагающее себя изолированнымъ, неминуемо должно пропахнуть взглядами, желаніями, аппетитами *этого* большинства. Къ тому времени, какъ подрастутъ ваши дѣти, это должно непремѣнно совершиться. И какова тогда роль вашихъ столь лелѣемыхъ дѣтей? Разумѣется, они должны будутъ, если пожелаютъ ѣсть хлѣбъ (а они этого пожелаютъ), *работать на этихъ переодѣтыхъ въ енотки деревенскихъ выбросковъ*. Эти выброски безграмотные; они не умѣютъ ни читать ни писать, не знаютъ никакихъ порядковъ, они должны платить «знающимъ», которые и будутъ служить имъ, потому что, ничего не зная и не понимая, люди эти непрестанно жаждутъ; при громадности наплыва такихъ людей, образованный человѣкъ, разумѣется, вздорожаетъ, потому «требуется», будетъ ломить съ этихъ енотокъ хорошую деньгу за всякую малость, и енотка должна платить, такъ какъ весь грамотный человѣкъ расхватанъ. И какъ вы думаете, почему бы чей-нибудь Петенька, Васенька и т. д. могутъ устоять и не взяться за деньги енотки! Такова, вѣроятно, будущность человѣка, образованнаго безъ вниманія къ народному дѣлу, въ томъ случаѣ, если народъ начнетъ жить не по-хорошему.

«Но не менѣе горько его дѣло и въ томъ случаѣ, ежели шестьдесятъ милліоновъ вдругъ, по щучьему велѣнію, по Божію благословенію, возьмутъ да и справятся сами собой. Тогда вѣдь человѣкъ, образованный въ замкнутой отъ народныхъ интересовъ средѣ, совсѣмъ уже не нуженъ... Нѣтъ, Иванъ Ивановичъ, только полнѣйшее вниманіе къ нуждамъ шестидесятимилліонной массы народа, положенное въ основаніе всей системы воспитанія и образованія, и полнѣйшее выясненіе этихъ нуждъ, только это одно можетъ дать смыслъ многимъ десятилѣтіямъ русской жизни и пристроить къ дѣлу массу талантливыхъ русскихъ людей... Не все

заимствовать у народа и прятать въ домѣ своемъ, — надо и для него поработать; ежели ужъ нельзя сдѣлать этого по совѣсти, такъ хоть и изъ расчета. А то вѣдь найметъ енотка-то и начнетъ орудовать».

Въ отвѣтъ на это письмо, Иванъ Ивановичъ написалъ мнѣ, между прочимъ, слѣдующее:

«...Все это, быть-можетъ, и справедливо, но въ высшей степени неопредѣленно... Какъ это, напримѣръ, я могу воспитать дѣтей въ интересахъ народныхъ нуждъ? И гдѣ такое заведеніе? Что̀ я долженъ дѣлать? Что̀ такое наконецъ енотка? Словомъ, не въ обиду вамъ будь сказано, несмотря на всю убѣдительность, письмо ваше не имѣетъ, какъ мнѣ кажется, реальныхъ достоинствъ.

«А такъ какъ мнѣ, какъ отцу, особенно много фантазировать не полагается, а необходимо предпринимать что-нибудь реальное, то я пришелъ къ слѣдующему заключенію. По примѣру того самаго народа, который, какъ вамъ извѣстно, цѣлыя тысячелѣтія выходитъ невредимъ изъ всевозможныхъ бѣдъ, руководствуясь только взглядами отцовъ и дѣдовъ (какъ отцы наши жили, такъ и мы), и я рѣшилъ послѣдовать тому же, — конечно, примѣнительно къ моему положенію. Что-жъ дѣлать, если я обезпеченный болѣе или менѣе человѣкъ? Ужъ, должно-быть, такъ мнѣ написано на роду. Будемъ жить, какъ жили наши отцы и дѣды... Практическое это рѣшеніе я осуществилъ слѣдующимъ образомъ. Какъ-то въ газетахъ я напалъ на объявленіе о нянѣ: какая-то почтенная дама рекомендовала *русскую няню*, старуху шестидесяти пяти лѣтъ. «Вотъ оно!» — подумалъ я, прочитавъ это объявленіе. Прожить шестьдесятъ пять лѣтъ, это значитъ — быть самымъ корнемъ и теперешняго и будущаго поколѣнія. Тутъ навѣрное должна быть полная система воспитанія, основанная на опытѣ прошлаго, а стало-быть, годная и для будущаго. Я немедленно же поѣхалъ по указанному адресу. И какъ вы думаете? Оказалось, что не одинъ я разыскиваю нравственныхъ фондовъ. Вмѣстѣ съ моими санями къ крыльцу того дома, гдѣ жила русская няня, подкатила карета, за ней опять сани, тамъ коляска, тамъ опять карета, — словомъ, съѣздъ какъ къ посланнику великой державы... Изъ швейцарской всѣ мы, родители, двинулись цѣлой толпой въ кв. № 16, гдѣ пребывало дорогое намъ существо; въ толпѣ были молоденькія дамы, гвардейскіе офицеры, инженеры и т. д., — и все это отражало на лицахъ желаніе перебить и страхъ опоздать

захватить сокровище. Не буду разсказывать, какихъ жертвъ стоило мнѣ овладѣніе этой драгоцѣнностью. Одна дама, самая молодая, супруга гвардейскаго офицера, едва увидала няньку, какъ затряслась отъ страха, попятилась назадъ и тѣмъ навела панику и на инженера и на другихъ посѣтителей. Инженеръ, впрочемъ, оправился-было и едва не овладѣлъ старухой, но едва онъ завелъ рѣчь о томъ, чтобы она носила чепчикъ, какъ былъ пораженъ самымъ безцеремоннымъ отказомъ, произнесеннымъ такимъ голосомъ, что молоденькая дама попросила воды... Я, конечно, всѣмъ этимъ воспользовался, и старуха теперь у меня... Что̀ вамъ сказать о ней? Говоря вообще, это—адъ! Самъ бѣсъ, Вельзевулъ, кажется, вселился въ это сѣдое существо! Представьте себѣ: высокая, сѣдая женщина, съ густыми сѣдыми волосами, простоволоса, съ глазами, выраженіе которыхъ—острая внимательность и каменное упорство въ одно и то же время. Женщина тучная, мягкая... Представьте себѣ, что это мягкое и жирное, какъ жирный старый котъ, существо ходитъ безъ башмаковъ, въ однихъ чулкахъ, неслышно и неожиданно появляясь чуть ли не во всѣхъ углахъ квартиры — и вы поймете, что это олицетвореніе порядка. И точно, все пришло въ порядокъ и стоитъ на своихъ мѣстахъ. Прислуга у нея — «дѣвки», которыя, также согласно порядку, зовутъ ее «чертовкой». Маленькую дѣвочку она стращаетъ, какъ и водится, «мужикомъ», тогда какъ въ деревнѣ мужики сажали ее къ себѣ на колѣни. Словомъ, вся старая мораль налицо. И пусть! Пусть будетъ какая-нибудь мораль, чѣмъ никакой, или чѣмъ такая, съ которой нельзя жить на свѣтѣ!..»

X.

На этомъ мы распростились съ Иваномъ Ивановичемъ и его опытами. И такъ какъ ничего новаго въ этомъ отношеніи мы пока сообщить не имѣемъ, то скажемъ нѣсколько словъ по тому же дѣтскому вопросу въ отношеніи къ подрастающему поколѣнію деревни. При этомъ мы должны откровенно заявить, что не можемъ брать этого вопроса во всей сложности, т.-е. не можемъ подробно разбирать современной школы, ея достоинства и недостатковъ, ея положенія и значенія въ общихъ условіяхъ деревенской жизни. Это все вопросы чрезвычайной важности, требующіе основательной разработки и обильныхъ, внимательно собранныхъ матеріаловъ. Такой задачи мы въ виду не имѣли,—

просто потому, что не могли бы удовлетворительно ее выполнить. Намъ хотѣлось только въ общихъ чертахъ отмѣтить направленіе, по которому идетъ образованный человѣкъ, и намъ кажется, что онъ идетъ отъ народа, а не къ нему; точно также мы хотимъ только отмѣтить существеннѣйшія черты, преобладающія въ умственномъ и нравственномъ развитіи народа въ настоящее время.

Минуя школу, имѣющую, какъ намъ кажется, весьма мало значенія въ совершенствованіи условій народной жизни, мы должны сказать, что вліятельнѣйшимъ учителемъ какъ старыхъ, такъ и новыхъ поколѣній деревни является, попрежнему, сама жизнь, улица и то, что̀ на ней происходитъ. Въ этомъ отношеніи, нѣтъ никакого сомнѣнія, кулачество—явленіе новое и самое крупное, самое видное за все время, начиная съ освобожденія крестьянъ.

Что̀ же это за явленіе? Что̀ такое кулакъ? Существуетъ мнѣніе, что деревня портится, разстраиваетъ свои порядки отъ пришлаго со стороны человѣка. Пришлый человѣкъ является въ деревню при помощи капиталовъ или копеекъ, покоряетъ подъ ноги свои всю округу, начинаетъ эксплоатировать и развращать. Въ появленіи такихъ людей не можетъ быть сомнѣнія,—всякой мерзости, точно, очень много толчется вокругъ деревни,—но почему всякая мерзость кулацкая находитъ для себя почву, это не можетъ быть объяснено ни капиталомъ собственно, ни чужеземствомъ его обладателей. Что капиталъ не обезпечиваетъ барышей—возьмите помѣщиковъ: деньги у нихъ были, и притомъ порядочныя; барыши тоже они желали получать—чего бы недоставало? Есть всякая возможность безъ труда овладѣть округой, а между тѣмъ на дѣлѣ вышло и выходитъ иначе: помѣщики съ капиталами разорились, а вотъ деревенскій человѣкъ разжился и сталъ тысячникомъ ни съ съ чего, началъ, въ буквальномъ смыслѣ, безъ алтына. Въ самомъ дѣлѣ, нѐ чудеса ли творятся наяву: вотъ баринъ, просадившій въ имѣніе десятки тысячъ, не знаетъ, какъ быть и куда себя пристроить; и вотъ мужичокъ, начавшій разживу съ сальной свѣчки... да, въ буквальномъ смыслѣ, съ фунта сальныхъ свѣчей. Придетъ ли въ голову какому-нибудь постороннему деревни человѣку съ капиталомъ, желающему отъ нея поживиться, тѣнь мысли о конкуренціи человѣка, владѣющаго только сальной свѣчкой, фунтъ которыхъ сто̀итъ двѣнадцать копеекъ. Разумѣется, никому и никогда! Вся тайна этого явленія въ томъ, что всякій мѣстный или

пришлый человѣкъ наживы *имѣетъ* непремѣнно *деревенскую опытность,* непремѣнно прошелъ всю деревенскую лямку, знаетъ всю деревенскую подноготную и является поэтому чистѣйшимъ продуктомъ всѣхъ условій исключительно деревенской жизни, и притомъ главнымъ образомъ теперешней. Всякій пришлый непремѣнно долженъ былъ пройти лямку деревенской жизни въ «своей» сторонѣ, иначе онъ не имѣлъ бы успѣха и на чужбинѣ, какъ не имѣетъ успѣха баринъ, хотя у него и имѣніе большое, и кредитъ въ банкахъ, и т. д. Возьмемъ хоть исторію съ сальной свѣчкой. Какимъ образомъ можно разжиться, т.-е. сдѣлаться тысячникомъ, пустя въ оборотъ сальную свѣчку, цѣна которой полторы копейки? Для Ротшильда, владѣющаго милліонами, это неразрѣшимая загадка, а вотъ деревенскій человѣкъ разрѣшаетъ ее въ самомъ блистательномъ видѣ, и именно только потому, что онъ человѣкъ деревенскій. Какъ извѣстно, всю зиму и осень въ деревняхъ бываютъ по вечерамъ посидѣлки: устраиваютъ ихъ дѣвушки для того, чтобы привлечь деревенскихъ парней въ такое собраніе, гдѣ всѣ деревенскія дѣвушки налицо — выбирай любую; по дворамъ никого не сыщешь, а слѣдовательно волей-неволей придешь въ извѣстное мѣсто. Чтобы эти посѣщенія не представляли для жениховъ никакой тяготы, дѣвушки принимаютъ на себя всѣ расходы по устройству собраній. Онѣ платятъ за квартиру и освѣщаютъ ее. Плата за квартиру обыкновенно не велика: копеекъ сорокъ въ мѣсяцъ; это дѣвушки коекакъ одолѣютъ; но освѣтить избу въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ—на это у нихъ ужъ нѣтъ никакихъ средствъ,— и вотъ тутъ на выручку является практическій деревенскій человѣкъ: онъ вѣритъ по двѣ, по три свѣчки сальныхъ въ долгъ, т.-е. тратитъ копеекъ по пяти въ день и записываетъ по пятачку за свѣчку; отдавать же ему не деньгами, а работой. За каждый пятакъ дѣвушки обязуются сжать ему *суслонъ* (цѣна опредѣленная), т.-е. десять сноповъ. Сочтите, сколько сгоритъ сальныхъ свѣчей и, слѣдовательно, сколько отработаютъ ему дѣвушки, которыя, несомнѣнно, ему и благодарны останутся. Этотъ же практическій деревенскій человѣкъ *знаетъ,* когда несутся куры и когда бабамъ нужны деньги, знаетъ, когда у кого сколько шерсти, когда подъ залогъ идутъ овцы, а когда телята,—словомъ, *знаетъ* самые сокровенные помыслы деревенскіе и только поэтому и имѣетъ несомнѣнный и вѣрный успѣхъ. Наконецъ кто не знаетъ, что вотъ это самое имѣніе, въ которое

ухлопаны десятки тысячъ, которымъ управляли ученые агрономы и которое не давало ничего, кромѣ убытка, немедленно начинаетъ «приносить пользу», какъ только къ дѣлу приставятъ опытнаго мѣстнаго жителя. Вообще всякому, желающему имѣть съ мужиковъ доходъ, непремѣнно надобно проникнуться кулачествомъ, изъ барина съ облагороженными манерами превратиться въ нѣчто, напоминающее волка, изъ пиджака перелѣзть въ полушубокъ. Словомъ, для того, чтобы хищничать въ деревнѣ, у кого къ этому есть охота, надо изучать это дѣло ни у кого другого, какъ у опытныхъ деревенскихъ людей.

Мы охотно вѣримъ въ дурное вліяніе на деревню массы пришлыхъ элементовъ, но никоимъ образомъ не можемъ только ими объяснять деревенскаго кулачества, то-есть выдѣленія среди деревенской массы личностей, эксплоатирующихъ эту самую массу. Бѣда именно въ томъ и состоитъ, что кулачество—явленіе не наносное, а внутреннее, что это не пятно, которое можно стереть, а язва, органическій недугъ.

Но самая горькая и обидная черта этого явленія заключается не собственно въ хищничествѣ, а въ томъ, что ничего другого, хотя мало-мальски равнозначащаго по разработкѣ и техникѣ, деревенская жизнь за послѣднее время не представляетъ. Есть ли что-либо хотя приблизительно такъ прочно усѣвшееся и усовершенствованное въ отношеніи, положимъ, самопомощи, какъ усовершенствовано кулачество? Существуетъ ли, словомъ, какое-нибудь явленіе, прямо противоположное и имѣющее какое-нибудь значеніе, пользующееся какимъ-нибудь успѣхомъ? Говоря безпристрастно и не боясь нападокъ, мы должны сказать, что ничего подобнаго нѣтъ; напротивъ, что всего ужаснѣе, такъ это то, что въ кулачествѣ вы видите несомнѣнное присутствіе ума, дарованія, таланта. Посмотрите, сколько человѣку, вылившемуся въ кулака, надо передумать, сколько ему надо внимательности къ себѣ, къ другимъ, чтобы съ успѣхомъ дѣлать свое дѣло, какъ надо много знанія людей, характеровъ, вообще жизни. Подумавши объ этомъ серьезно, вы убѣдитесь, что для кулачества необходимо быть очень умнымъ и очень талантливымъ человѣкомъ. Иногда блещутъ въ дѣятельности кулаковъ подлинно геніальныя способности, и въ то же время вы не можете не убѣдиться, что равносильнаго таланта, ума, наблюдательности, вообще даровитости ни въ чемъ другомъ, — ни въ мірскихъ общинныхъ

дѣлахъ, ни въ семейныхъ отношеніяхъ, — не выразилось. Что̀ же значитъ это явленіе? Отчего умъ и талантъ на первыхъ порахъ (что̀ будетъ дальше, мы не предсказываемъ, такъ какъ говоримъ только о настоящей минутѣ деревенской жизни) пошли такимъ недобрымъ, непривѣтливымъ и разорительнымъ для самого народа путемъ?

XI.

Не выдавая своего мнѣнія по этому вопросу за непогрѣшимое, я однакоже имѣю нѣкоторыя основанія предполагать, что до кулачества, до холоднаго, обезчеловѣченнаго взгляда на людскія отношенія деревенскій человѣкъ дошелъ именно и, къ счастію, собственнымъ умомъ, и притомъ умомъ сильнымъ, наблюдательнымъ, безстрашнымъ. Что-жъ давало этому уму непосредственное наблюденіе жизни? Говоря вообще, всякій энергическій деревенскій умъ, за всѣ послѣднія двадцать лѣтъ, могъ въ великомъ изобиліи питаться наблюденіями, производящими только дурное и ожесточающее впечатлѣніе. Нѣкоторое какъ бы *злорадство* непремѣнно должно было лечь въ основаніе его наблюдательности. Не говоря о матеріальныхъ обидахъ, въ видѣ урѣзокъ земли, лѣса, въ видѣ плохого качества пашни, довольно-таки частенько достававшейся крестьянамъ по ихъ освобожденіи, какая пища злорадству въ этихъ попыткахъ вчера еще полновластной усадьбы—сохранить прежнюю повадку, отвоевать право на широкое бездѣліе, когда ужъ къ этому нѣтъ никакихъ средствъ! Не забудемъ, что наблюдатель нашъ—крѣпостной крестьянинъ; и намъ будетъ понятно, почему неудачи помѣщичьяго дома безъ особаго сожалѣнія встрѣчались этимъ наблюдателемъ... Вонъ—въ этой усадьбѣ—уже нѣтъ огромной дворни, не съѣзжаются полчища гостей, не выѣзжаютъ изъ этихъ воротъ тесовыхъ кавалькады охотниковъ и не тѣшатся по недѣлямъ въ отъѣзжемъ полѣ... Громадная карета, величиной съ домъ, стоитъ недвижимо подъ сараемъ и лупится, расклеивается отъ дождей... Вотъ ее продали за бездѣлицу на сломъ и стали ѣздить «парочкой», въ маленькомъ тарантасикѣ. Перечислите, припомните все въ этомъ родѣ и подумайте, сколько разъ деревенскій наблюдатель долженъ былъ ощутить въ себѣ желаніе сказать или подумать: «Ага, потишали небось!». Кромѣ того, какая масса насмѣшекъ должна была волновать наблюдательный умъ, когда среди яснаго разоренія господская усадьба вдругъ проявляла прежнюю

повадку, какъ бы говорившую деревнѣ: «И безъ васъ обойдусь!.. ко мнѣ еще придете, поклонитесь!». Это случалось, разумѣется, когда удавалось заложить имѣніе и нѣкоторое время дѣйствительно не думать о новыхъ условіяхъ жизни; но наблюдательному уму было смѣшно глядѣть на эти попытки. Онъ зналъ, что онѣ основаны на проѣданіи земли, которая подъ ногами... Въ общихъ чертахъ наблюденія деревенскаго ума надъ непорядками господской усадьбы возбуждали нехорошія мысли.

Другой сортъ наблюденій—деревенскій, не умѣющій собраться съ головой міръ. А онъ точно что не умѣетъ разобраться съ дѣлами и головой.. Ему бы «по дѣламъ-то» надо скрѣпиться, стать крѣпко за свой расчетъ, разузнать всѣ дѣла, гдѣ, какъ и что, чтобы на пользу было, а не труднѣй, а онъ что же? На каждомъ шагу промахивается и промахивается. «Старики», т.-е. люди, которые ровно ничего не могутъ понимать въ новыхъ порядкахъ, потому что всю жизнь прожили въ старыхъ, отдали, напримѣръ, для уплаты податей рѣку за двѣсти рублей и стали проданную рыбу покупать у своихъ же арендаторовъ-мужиковъ; арендаторы и двѣсти рублей выручили назадъ да триста рублей нажили, и вышелъ вмѣсто выгоды убытокъ, т.-е. былъ бы чистый барышъ, если бы всякъ ѣлъ рыбу задаромъ. Старая крѣпостная повадка сказалась: «заложись и плати!». Сѣчь тоже не только не перестали, а усовершенствовали—сѣкутъ и въ селѣ и въ волости... Старики думаютъ, что это ученье, а за что? За трубочки съ табачкомъ, за пустяки, вниманія не стоящіе. Высѣкли, разозлили малаго, а тотъ со зла пустилъ краснаго пѣтуха, спалилъ всю деревню, въ раззоръ разорилъ и закабалилъ купцу. Изъ всѣхъ силъ бьются, чтобъ въ податяхъ выправиться, и въ то же время продаютъ за копейку огромный доходъ, а на глазахъ у нихъ крадетъ деньги и староста, и писарь, и старшина, и никто объ этомъ дознаться не можетъ. И вездѣ, гдѣ не понимаютъ,—водка. Водка — вездѣ, гдѣ нужно знаніе обстоятельствъ, недоступныхъ крестьянскому уму. Это—съ одной стороны, а съ другой—крѣпостной опытъ, т.-е. опытъ, рѣшительно ни на что негодный при новыхъ условіяхъ жизни,—вотъ рѣшители сложныхъ вопросовъ всей системы самоуправленія—общественныхъ, юридическихъ и финансовыхъ! Наблюдая эту разладицу и нескладицу, деревенскій наблюдательный умъ непремѣнно долженъ сказать: «Нѣтъ, ребята, съ вами пива не сваришь.. Всю жизнь

бейся, а придетъ старость—иди по міру: вамъ надо подати платить, а старику не въ силу работать,—стало-быть, ступай вонъ, а на твое мѣсто новаго работника... Всю жизнь бейся, а вы разозлите, обидите какого-нибудь человѣка напрасно, сожжетъ онъ тебя до тла, со всѣмъ, со скотиной, и опять вылѣзай!»—«Съ вами тутъ жить—ничего не разберешь, точно въ тьмѣ кромѣшной! Лучше отъ васъ убраться по-добру по-здорову!»

Итакъ, наблюдая эти два рода непорядковъ (господскій и крестьянскій), деревенскій наблюдательный умъ относительно первыхъ приходитъ къ тому заключенію, что тамъ—всяческое желаніе избѣжать всякихъ неудобствъ по возможности безъ малѣйшихъ уступокъ кому бы и чему бы то ни было и никакого вниманія къ нуждѣ нашего брата. «Тутъ, братъ, насъ не пожалѣютъ!» — рѣшаетъ онъ, припоминая столѣтія, въ которыя народъ работалъ на барскую усадьбу. Главное же, онъ видитъ, что тутъ все дѣло держится на деньгахъ. Деньги—корень всему. Съ другой стороны, крестьянскіе непорядки приводятъ такого наблюдательнаго человѣка ужъ не къ злой насмѣшкѣ, а къ страху той неизвѣстности, безрезультатности жизни, въ которой нельзя не убѣдиться всякому мало-мальски внимательному деревенскому жителю, хотя эта жизнь—неусыпающій трудъ и тягота. Прибавьте ко всему этому еще то, что наблюдатель деревенскій воспринимаетъ явленія жизни, приводящія его къ тѣмъ или другимъ взглядамъ и убѣжденіямъ, самымъ реальнымъ образомъ, — такъ сказать, ощущаетъ ихъ не иначе, какъ на собственной шкурѣ. Онъ на собственной шкурѣ узналъ, что̀ значитъ погорать до тла «по злобѣ», что̀ значитъ провиниться предъ міромъ, что̀ значитъ расплачиваться трудовой копейкой за мірскую неопытность, незнаніе... Представьте себѣ все это, и вамъ будетъ понятна та жестокость въ невниманіи къ чужой бѣдѣ, которая начинаетъ руководить деревенскимъ человѣкомъ, горькимъ опытомъ доведеннымъ до сознанія, что надо выбираться изъ этой хляби собственными средствами... Онъ ужъ ничего не видитъ—начавъ выбираться—кромѣ цѣли стать внѣ этихъ трудныхъ и безрезультатныхъ условій жизни. И начинаетъ онъ при первой возможности пускать въ оборотъ лишній грошъ, даже сальную свѣчку, какъ мы видѣли. Сколько намъ удавалось наблюдать, выдѣленіе такихъ ожесточенныхъ непорядками людей происходило большею частью послѣ неурожайныхъ годовъ. Здѣсь лишній рубль даетъ немедленно

власть не надъ однимъ какимъ-нибудь человѣкомъ, а надъ массой людей.

Замѣчательна въ біографіи всякаго такого человѣка еще слѣдующая небезынтересная черта. Человѣкъ, какъ видите, вышелъ изъ ненавистничества какъ къ барину, такъ и къ мужику. Кажется, и тому и другому прямой расчетъ сокрушить этого ненавистника, но на дѣлѣ же выходитъ иное. Баринъ, обитатель господской усадьбы (говорю въ самыхъ общихъ выраженіяхъ) не сокрушаетъ его по тѣмъ соображеніямъ, по которымъ онъ не безъ злорадства иной разъ говоритъ себѣ: «По-о-смотримъ! Какъ-то вы на волѣ-то проживете! Какъ заберетъ васъ въ руки какая-нибудь кулацкая морда—узнаете барина, да поздно будетъ!». Иной даже радуется, что такой-то нагрѣлъ мужиковъ: «Такъ ихъ и надо! Отлично! Право, молодецъ!». И невольно чувствуетъ симпатію,—конечно, все-таки считая нагрѣвателя канальей. Канальей его считаютъ и мужики; но развѣ могутъ они не поставить ему въ заслугу ловкости, съ которой онъ, напримѣръ, оплелъ чемадуровскаго или балабаевскаго барина?.. «Ужъ и развязная же только башка у шельмы!» Такимъ образомъ, при кличкахъ порицательныхъ: «шельма», «плутъ», «пройдоха», «каналья», сопутствующихъ кулаку повсюду и имѣющихъ основаніе въ матеріальныхъ, всѣми чувствуемыхъ ущербахъ, тому же самому человѣку сопутствуютъ—и ничуть не въ меньшемъ количествѣ—и похвалы: «ловко!», «отлично!», «геніально оплелъ!», «молодчина!»—похвалы, основанныя, какъ видите, ужъ на уваженіи къ уму, таланту, дарованію. Это-то послѣднее уваженіе и есть кулацкая сила, въ ней-то и заключается гибельность кулацкаго вліянія: онъ держится настолько же хищничествомъ, насколько и нравственнымъ вліяніемъ на общественное сознаніе, которое, по множеству причинъ, *не можетъ* не считать его правымъ, умнымъ, а пожалуй, и почтеннымъ. Какая же другая дорога для деревенскаго умнаго, энергическаго человѣка теперь?

Именно, во имя сочувствія и даже, пожалуй, невозможности несочувствія кулацкой морали, сила кулака велика и у мужиковъ, и у баръ, и у начальства. Онъ всѣхъ знаетъ, онъ понимаетъ всѣ деревенскія отношенія, онъ можетъ отвѣчать всѣмъ и обо всемъ. Онъ поэтому и столбъ и совѣтникъ. Ему же принадлежитъ первенствующая роль и въ деревенской дѣйствительности. Дѣянія кулака—самыя крупныя и замѣтныя на деревенской улицѣ. Самая видная, са-

мая понятная, самая новая мораль, выглядывающая изъ явленій современной деревенской улицы—мораль кулацкая. А такъ какъ подрастающее деревенское поколѣніе, какъ и то, которое отживаетъ, учится жить и думать такъ, какъ учитъ дѣйствительность, улица, и такъ какъ противъ кулацкой морали ниоткуда на деревенскую улицу не проникаетъ ничего, противодѣйствующаго ей, то мы, положа руку на сердце, рѣшительно не можемъ не сказать, что это поколѣніе воспитывается главнымъ образомъ только кулацкой моралью. Чистая дѣтская душа деревенскаго ребенка въ изобиліи принимаетъ впечатлѣнія, даваемыя кулацкой дѣйствительностью, и невольно, безъ протеста, подчиняется ея морали.

XII.

Вслѣдствіе такъ-называемыхъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, мой хорошій знакомый, сельскій учитель, — тотъ самый, что̀ воевалъ съ верховымъ человѣкомъ, — долженъ былъ оставить свою должность и выѣхать изъ деревни. Я зашелъ къ нему проститься и засталъ не то чтобы въ грустномъ или сердитомъ расположеніи духа, а въ какомъ-то апатическомъ столбнякѣ, въ состояніи какого-то тягостнаго равнодушія. Впослѣдствіи, — такъ, черезъ полгодика,—непредвидѣнныя обстоятельства эти, будучи должнымъ образомъ выяснены, оказались сущимъ вздоромъ: весь сыръ-боръ загорѣлся изъ-за какихъ-то—довольно, впрочемъ, искусно скомпонованныхъ—сплетенъ, пущенныхъ въ обращеніе охочими людьми, и притомъ подъ вліяніемъ исключительно самыхъ микроскопическихъ личныхъ обидъ, главнымъ образомъ карманныхъ; благодаря полному выясненію дѣла, черезъ полгода учитель былъ совершенно оправданъ отъ всѣхъ подозрѣній и вновь могъ приняться за свое любимое дѣло. Но въ данную минуту, съ которой начинается этотъ разсказъ, не только учитель, но и всѣ, кто жилъ въ усадьбѣ и кого такъ или иначе задѣла исторія съ непредвидѣнными обстоятельствами, не могли не испытывать какой-то неподвижной душевной тяготы, чего-то глупо ошеломляющаго.

Охочіе люди (эти самые «пальты») сумѣли, для болѣе вѣрной и надежной отместки, придать своимъ сплетнямъ такой животрепещущій оттѣнокъ, благодаря которому сплетня почти мгновенно превращается или должна быть превращена въ преступленіе, съ тѣмъ, кромѣ того, особеннымъ

свойствомъ, что наказаніе за это преступленіе должно слѣдовать немедленно, а разслѣдованіе — долго спустя послѣ наказанія.

Учитель и всѣ жители усадьбы въ моментъ этого разсказа находились именно подъ впечатлѣніемъ какого-то удара, тумака. Всѣ чувствовали, что все это произошло, должно-быть, изъ-за пустяковъ, но никто ничего доподлинно не зналъ и слѣдовательно не могъ чувствовать себя свободнымъ отъ нѣкоторой тревожной, хотя и безплодной задумчивости...

— Занимать васъ, ужъ не взыщите, не буду! — сказалъ мнѣ учитель, когда я пришелъ къ нему: — хотите—сидите, хотите—лежите... чай пейте... что̀ хотите... только я вамъ не слуга—башка трещитъ отъ дурману... Чисто дурманъ!.. — прибавилъ онъ, взглянувъ на меня дѣйствительно осовѣлыми глазами, и медленно, какъ не совсѣмъ здоровый человѣкъ, продолжалъ занятіе, за которымъ я его засталъ: онъ рылся въ бумагахъ, не спѣша шагалъ отъ шкапа къ сундуку, укладывая книгу, рубашку, и отъ сундука плелся къ столу, по дорогѣ разрывая ненужныя бумаги и разбрасывая клочья по полу, который и безъ того былъ ими усѣянъ. Въ комнатѣ было темновато, солнце уже садилось, былъ часъ седьмой августовскаго вечера... Отъ-нечего-дѣлать я принялся оправлять керосиновую лампочку...

— Вотъ! — произнесъ учитель, подойдя къ столу, за которымъ я возился надъ лампочкой: — вотъ вамъ, позабавьтесь отъ скуки...

И онъ положилъ на столъ цѣлую пачку какихъ-то листковъ и тетрадокъ.

— Дѣтскія сочиненія, — прибавилъ онъ. — Позаймитесь — забавныя есть произведенія.

Лампа была зажжена; недоставало только «самоварчика», чтобы усѣсться въ уголокъ и «позабавиться», какъ выразился учитель, произведеніями деревенскаго молодого поколѣнія, которое меня всегда и сильно интересовало. На счастье, въ то время, когда я уже подумывалъ самолично приступить къ маленькому кособокому самоварчику, не разъ услаждавшему наши деревенскіе досуги, въ комнату вошелъ новый посѣтитель: это былъ давно знакомый и мнѣ и учителю мальчикъ Гриша, ученикъ мѣстной школы. Онъ принадлежалъ къ тому небольшому числу учащейся деревенской молодежи, которое, благодаря нѣкоторому достатку, имѣетъ возможность, досугъ и охоту почитать книжку, не

только школьную, учебную, а вообще какую «позанятнѣй». Изъ числа такихъ любителей книжки Гриша былъ, впрочемъ, не лучшій — отъ природы онъ былъ недалекъ и не особенно талантливъ, но и не глупъ, аккуратенъ, терпѣливъ и кое-въ-чемъ смѣтливъ. Движенія его были не быстры, не отличались ловкостью и проворствомъ, но видно было, что онъ уже примѣчалъ за собой, старался держаться «поаккуратнѣй»; маленькіе, безцвѣтные глазки чуть-чуть свѣтились съ мало выразительнаго, но тихаго лица...

— А!—сказалъ учитель:—Гриша!..

— Убрались рано... Дѣлать-то пока нечего... Не надо-ль чего помочь?..

Не торопясь, разстегивалъ онъ новенькій, аккуратный полушубокъ и прибавилъ:

— Укладываться не помочь ли?

— Да я ужъ совсѣмъ уложился. А ты вотъ, если ужъ будетъ твоя такая милость, самоварчикъ бы поставилъ... Вотъ и барину повеселѣе бы было...

Скоро близъ печки загремѣла самоварная труба, затрещала лучина, запахло дымомъ. Въ ожиданіи «самоварчика», я принялся за чтеніе дѣтскихъ сочиненій. Вотъ что и вотъ какъ писали маленькіе сочинители.

* * *

О зайцѣ. Разсказъ Андрея Храмова (девяти съ половиною лѣтъ).

«Я ѣздилъ на гумно. Подъѣхалъ къ соломѣ, увидѣлъ зайчиный слѣдъ; увидалъ я зайчиный слѣдъ, бросилъ лошадь, пошелъ по зайчиному слѣду. Подошелъ къ кирпичному сараю; вошелъ въ кирпичный сарай—я увидалъ зайца! Заяцъ лежитъ. Вотъ я взялъ, воротился—побѣгъ за собаками. Нѣтъ! Долго будетъ! Не сбѣгаю! Сѣлъ на лошадь, погналъ домой за собаками. Пріѣхалъ домой. Но собакъ нѣтъ. Но я воротился на гумно. Пріѣхалъ. Взялъ вилы: я пойду угоню зайца. Пришелъ въ сарай, но зайца нѣтъ. Андрей».

* * *

Товарищеское свиданіе. Сочиненіе Ѳедора Балдашова (мальчику 11 лѣтъ).

«Однажды Ѳедя пріѣхалъ въ губернскій городъ.

«Идетъ Ѳедя по городу, и около самой лавки колбасной, которая на Дворянской на углу, противъ нѣмецкой церкви, вдругъ внезапно встрѣчаетъ своего товарища...

«— Здорово, Кузьма!
«— Здорово, Ѳедя!
«— Какъ ты поживаешь?
«— Помаленьку, братъ Кузьма.
«Постояли Ѳедя съ Кузьмой и простились.
«Шелъ-шелъ Ѳедя, подходитъ онъ къ храму святыя живоначальныя и нераздѣльныя Троицы и съ радостью видитъ еще товарища Василія.
«— Здорово, Василій!
«— Здорово, Ѳедя!
«— Какъ ты поживаешь?
«— Помаленьку, братъ Василій.
«Постояли Ѳедя съ Василіемъ и врозь пошли».

* * *

Слѣдующее по порядку рукописей сочиненіе не имѣло заглавія; наверху четвертки бумаги написано было просто: «Осипа Правдина» (мальчику 10 лѣтъ). Самъ авторъ раздѣлилъ свои произведенія на три части, отдѣленныя одна отъ другой черточками.

«Во-первыхъ, взяли меня на льду Ѳедоръ Книгинъ, Иванъ Владиміровъ, Александръ Морозовъ; взяли они меня трое, связали, положили на ледъ, а потомъ ушли. Я и лежу. А батюшка Александръ ѣдетъ; проѣхалъ, воротился, развязалъ...

«Пасли мы съ братомъ свиней; да я легъ у межи да и уснулъ. А онъ пошелъ меня искать ночью. Кричитъ. Я услыхалъ и откликнулся. Онъ меня нашелъ, мы пошли домой. А меня искала мама у гуменъ; а я съ братомъ иду, она меня и увидала.

«А въ третій какъ было: у насъ была клушка (насѣдка) съ цыплятами. А ворона стала цыплятъ ловить. Вотъ клушка на сарай. И я на сарай! И пошелъ сараемъ по крышѣ, хотѣлъ ворону пугнуть, да и провалился сквозь крышу, черезъ солому. Только бы ужъ совсѣмъ провалиться— уцѣпился за жердь: висѣлъ-висѣлъ—палъ. Полчаса лежалъ; ушибся».

* * *

Четвертая рукопись также безъ названія. Вверху листа написано: «Ѳеодоръ Морозовъ» (одиннадцати лѣтъ), солдатскій сынъ. Сочиненіе въ видѣ письма къ учителю.

«Ваше высокоблагородіе,
«Милостивый государь
«Андрей Петровичъ!

«Согласно вашему приказанію, честь имѣю донести вамъ, что у насъ есть на рѣкѣ, на Бурачкѣ, мельница о двухъ поставахъ. Она мелетъ хорошо. Затѣмъ увѣдомляю васъ, что въ семействѣ нашемъ существуетъ воскобойня, на которой мы пробиваемъ воскъ, продаемъ свѣчникамъ; свѣчники изъ него сучатъ свѣчи, которыя зажигаются въ церкви у каждой иконы. Священнымъ долгомъ считаю при семъ присовокупить, что въ настоящее время мы дожидаемся торжественнаго праздника Рождества Христова и должны исправить свою обязанность: сходить къ заутренѣ, къ обѣднѣ, а послѣ обѣдни разговѣться, чѣмъ Богъ благословитъ.

«Остаюсь всепокорнѣйшій вашего
«высокоблагородія
«вѣрный слуга Ѳеодоръ Морозовъ».

* * *

Пятая рукопись принадлежитъ сыну трактирщика, Семену Курносову, тринадцатилѣтнему мальчику, и также не имѣетъ названія.

«Я въ трактирѣ подаю чай, воду, лазію въ погребъ, собираю посуду, перетираю посуду, наливаю вино, получаю деньги, смотрю за народомъ. Выручка у насъ хороша: когда 800 въ мѣсяцъ, когда и меньше, а когда и болѣе. Я въ Екатериновкѣ учился хорошо, только тамъ меня на колѣни ставили разъ 5, а здѣсь нѣтъ этого; я изъ училища приду, пойду на дѣвишникъ, пробуду до утра, приду домой—меня не ругаютъ».

* * *

Кузница. Описаніе Андрея Кузнецова (13-ти лѣтъ).

«Мы вчера на кузницѣ съ тятей наварили двѣ насѣки. Тятя стоитъ у горна, а я дую мѣхами. Какъ нагрѣется желѣзо, такъ тятя его вынетъ на наковальню. Ежели толстое желѣзо, то мы зачнемъ въ два молота бить; тятя бьетъ маленькимъ, а я большимъ молоткомъ бью. Тятя желѣзо держитъ въ клещахъ. А иногда и я стою у горна, а тятя дуетъ, или кто-нибудь другой дуетъ. Я умѣю сдѣлать легкую деревенскую работу, какъ-то: деревенскіе кочедыки для лаптей. Лампы запаиваю и молотки дѣлаю; а

тятя умѣетъ дѣлать всѣ деревенскія вещи, и «такея» самовары лудитъ—страсть! ружья чинитъ, даже и новыя дѣлаетъ; ну, только теперь у него сломался станокъ, и онъ распродалъ весь свой струментъ. Тятя даже гармоніи чинитъ, но я этого дѣла не знаю».

* * *

Разсказъ о вѣнчаніи. Быль. Филиппа Яковлева (14-ти лѣтъ).

«Нанялъ меня Александръ Павловичъ (крестьянинъ), съ лошадьми, обвѣнчаться съ своей супругой и заключить билетъ, чтобъ она не могла отъ него отпереться. Уговорился Александръ Павловичъ съ супругой своей, нареченной невѣстой Грунькой, и поѣхали. Перво поѣхали къ нашему гвардейскому попу. Нашъ попъ не отпирается и проситъ съ нихъ за обрученіе жены двадцать пять рублей. Имъ показалось дорогонько. Мы обратно до бузуевскаго попа пріѣхали, а его дома нѣтъ, въ городъ уѣхалъ — мы обратно. Пріѣхали къ алакаевскому попу—и этотъ уѣхалъ къ благочинному. Мы опять обернули лошадей, пріѣхали въ Горѣловку. Пріѣхали мы въ Горѣловку, заѣхали къ невѣстиной сестрѣ, выпрягли лошадей; дружка пошелъ съ женихомъ къ попу. Приходятъ къ попу и спрашиваютъ: «Батюшка! обручи намъ невѣсту съ женихомъ». Ну, батюшка не отпирался, а просилъ водки. Дружка съ женихомъ пошли за водкой, выпили штофъ вина и поѣхали въ Кузьминку, потому въ Горѣловкѣ церковь сгорѣла. Пріѣхали въ Кузьминку, тамъ выпили два штофа. Потомъ стали они пьяны. Ну, ввели жениха съ невѣстой въ церковь, а попъ-то былъ шутникъ: постановилъ его съ невѣстой, взялъ ихъ за руки и повелъ къ налою; дьяконъ книгу читаетъ, а попъ «наизусть» отчитываетъ. И надѣли вѣнцы. Постояли женихъ съ невѣстой въ вѣнцахъ, вдругъ попъ скидаетъ вѣнцы тѣ. А дьяконъ: «Что ты дѣлаешь, батюшка? развѣ можно такъ-то? Пусти лучше, я одинъ обвѣнчаю!». А батюшка опять вѣнцы надѣлъ и повелъ кружить кругомъ, и запѣлъ: «Матери Боже нашъ и роди сына Имянуила». Три раза обвелъ кругомъ, потомъ подвелъ къ иконамъ, поцѣловали они икону, потомъ батюшкѣ въ ноги. И поѣхали опять къ роднѣ; чаю напились, водки полведра выпили и достаточно были пьяны; потомъ поѣхали домой, потомъ пьяные-то женихъ съ невѣстой разодрались. Потомъ она плачетъ. Ѣдемъ-ѣдемъ—заломитъ руки кверху и

зареветъ коровой. Стали къ сосѣдямъ подъѣзжать, вдругъ она и закричи, а женихъ изъ телѣги выскочилъ; ушелъ прочь... «Пошли прочь къ чортовой...» Мы поѣхали, пріѣхали къ матери; стала ее мать ѣсть, зачѣмъ безъ Александры воротилась. Тутъ пріѣхалъ Александра, купилъ на рубль водки отъ матери тихонько. Невѣста стала у него вино отымать, а онъ ее схватилъ за волосы и мало-что не убилъ ее».

Въ такомъ родѣ было написано до семидесяти «сочиненій», но ни въ одномъ изъ нихъ, несмотря на всевозможныя названія, свойственныя «сочиненіямъ», какъ, напримѣръ: разсказъ, быль, описаніе, именно и не было ничего сочиненнаго. «Сущая правда» и явная, видимая неспособность что-нибудь присочинить отъ себя, что-нибудь прибавить, одинаково была свойственна какъ девятилѣтнимъ, такъ и четырнадцатилѣтнимъ писателямъ, то-есть чистота и ясность дѣтской души ничѣмъ, никакой примѣсью, никакой фальшью не была помрачена и у мальчиковъ, которые года черезъ два будутъ женихами, а черезъ три навѣрное—семейными людьми.

— Ну что̀, какъ вамъ нравится? — произнесъ учитель, все время молчаливо занимавшійся своимъ дѣломъ.

— Хорошо...—сказалъ я.

— Что̀ же именно тутъ хорошаго?

— Хорошо... какъ чистый воздухъ...—могъ я отвѣтить.

— Такъ-то такъ, но на меня они производятъ нѣсколько иное впечатлѣніе... Какая безпрекословная, такъ сказать, покорность факту! Обратили ли вы на это вниманіе?

Учитель произнесъ эту фразу, внезапно оживляясь, и быстро подошелъ ко мнѣ. Онъ, очевидно, хотѣлъ пояснить свою мысль, но остановился.

Подъ самыми окнами послышался хляскъ по грязи лошадиныхъ копытъ... Кто-то, повидимому, быстро подскакалъ къ окну и остановился; кто именно подъѣхалъ къ окну, не было видно,—на дворѣ уже стемнѣло,—да, кромѣ того, едва учитель приблизился къ рамѣ и припалъ къ стеклу, защищаясь рукою отъ свѣта, какъ хляскъ копытъ послышался снова... Тотъ, кто подъѣхалъ, побылъ у окна нѣсколько секундъ и поспѣшно ускакалъ прочь...

— Ужъ не верховой ли тутъ разъѣзжаетъ? — сказалъ учитель въ безпокойствѣ.—И что̀ имъ еще отъ меня нужно!.. Узнай, пожалуйста,—обратился онъ къ Гришѣ:—кто тамъ разъѣзжаетъ... выйди, посмотри, будь другъ.

Самоваръ уже былъ готовъ. Гриша торопливо, насколько это было возможно при его неповоротливости, поставилъ его на столъ, за которымъ я занимался чтеніемъ, торопливо одѣлся и ушелъ. Учитель, встревоженный воспоминаніями недавнихъ безпокойствъ, со всей ихъ тягостной, досадной, выводящей изъ терпѣнія безсодержательностью, умолкъ и, тревожась ожиданіемъ Гриши, то безпокойно шагалъ по комнатѣ и ерошилъ волосы, то, чтобы скрыть безпокойство, принимался хлопотать около самовара, заваривая въ разсѣянности груду чаю.

Наконецъ Гриша воротился.

— Верховой и есть!—сказалъ онъ, едва отворивъ дверь.

— Ко мнѣ?

— Нѣ! не къ вамъ... На деревню поѣхалъ... по *нашему* дѣлу. Сейчасъ надо бѣчь отъ васъ.

— Ну, слава Богу!.. Просто мученье,—ни я ничего не понимаю, ни они ничего не понимаютъ... вѣдь это съ ума можно сойти!.. Давайте чай пить... Ты что-жъ не раздѣваешься?—обратился учитель къ Гришѣ.

— То-то бѣчь надо... Верховой-то по нашему дѣлу, я вамъ сказывалъ, пріѣхалъ. Опрашивать будетъ...

— Какое-такое у васъ дѣло съ верховымъ?

— Да тутъ у насъ, у робятъ, дѣло-то... Не знаю еще, меня-то *примутъ* ли. Ишь вонъ давеча говорятъ, чтобы меня въ компанію не братъ...

— Какое дѣло-то?—я все-таки не понимаю...

— Да тутъ дѣло... когда-то еще выйдетъ рѣшеніе! Долго... Кабы ежели бы рѣшеніе вышло, ну, тогда хорошо всѣмъ будетъ, по двадцать пять рублей на брата выйдетъ по закону... Этто трактирщикъ Масловъ подалъ на Недоноскова...

— Недоносковъ тоже трактирщикъ?—спросилъ учитель.

— Изъ-за того и подалъ Масловъ-то, что Недоносковъ ему перебиваетъ торговлю... Правовъ у него нѣтъ на выносъ, а онъ отпущаетъ вино-то... вотъ изъ-за этого... Ну, а наши робята подсобили Маслову-то...

— Какимъ родомъ подсобили?

— Какъ подсобили-то? Уговорились съ Масловымъ пойтить къ Недоноскову въ трактиръ... на чай, напримѣръ... на расходъ Масловъ свои три рубли далъ. Чай пей, сколь хошь... Ну, и чтобы купить у Недоноскова бутылку вина, за печатью... Недоносковъ-то не давалъ—ну, упросили... А Масловъ, значитъ, и пымалъ съ виномъ-то...

Такъ уговоръ былъ, чтобы пымать насъ... Масловъ-то говоритъ: — мнѣ, баетъ, ничего не нужно, а что̀ выйдетъ по рѣшенію изъ суда—все вамъ, а тамъ, вишь, сто цѣлковыхъ придется и больше еще ста, сказываютъ... Ну, а меня-то въ компанію принять не хотятъ. — «За что тебя, говорятъ, ты не уговаривался...» — «Такъ что-жъ, что не уговаривался?». Я же ихъ въ трактиръ привелъ, на свои чаемъ угощалъ, а они три-то рубли почесть цѣлыми скрыли, подѣлили промежду себя... Вотъ теперь урядникъ пріѣхалъ, допрашивать будетъ, я самъ отъ себя покажу, пущай по закону раздѣлятъ, по правиламъ, коли добромъ въ компанію не принимаютъ. Стало-быть, покуда прощайте...

Послѣднія слова, касавшіяся неодобрительнаго поведенія товарищей, Гриша произнесъ дѣтски-обиженнымъ тономъ.

Онъ ушелъ, а мы съ учителемъ молча и многозначительно переглянулись. Оба мы были поражены этой дѣтской наивностью, съ которой Гриша воспринялъ и передалъ намъ чистѣйшую гадость.

А такую гадость, какъ липкую грязь, господа Масловы и Недоносковы въ обиліи и ежеминутно разбрасываютъ вокругъ себя въ поученіе подрастающему поколѣнію деревни.

БѢГЛЫЕ НАБРОСКИ *).

I. Сонъ подъ Новый годъ.

1.

Журналисты и литераторы имѣютъ обыкновеніе подъ Новый годъ видѣть разные болѣе или менѣе фантастическіе сны, о которыхъ и повѣствуютъ въ новогоднихъ нумерахъ тѣхъ изданій, въ которыхъ имѣютъ честь состоять сотрудниками. Будучи до нѣкоторой степени прикосновененъ къ журнальному дѣлу и литературѣ, и я, пишущій это, также сподобился сновидѣнія и также, по примѣру

*) Подъ общимъ заглавіемъ «Бѣглыхъ набросковъ» здѣсь помѣщено то, что въ прежнихъ изданіяхъ носило названіе: «Изъ записокъ человѣка безъ опредѣленныхъ занятій». Я измѣняю это названіе потому, что нахожу необходимымъ совсѣмъ не помѣщать въ «Собраніи сочиненій» тѣхъ главъ этихъ набросковъ, которыя утратили въ настоящее время общій интересъ. Въ выпущенныхъ теперь главахъ шло дѣло о такихъ фактахъ и событіяхъ русской жизни, которые были понятны только тогда, когда наброски эти писались, т.-е. въ 1881—82 годахъ. Необходимо прибавить, что нѣкоторая, иногда чрезмѣрная настойчивость, встрѣчающаяся въ этихъ набросках при отстаиваніи такихъ идей и дѣлъ, которыя, повидимому, вовсе не нуждаются въ настойчивой защитѣ и совершенно ясны и неопровержимы для всѣхъ, — должна быть объясняема временными обстоятельствами, тяжкими недоразумѣніями конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ; *приходилось* «вопіять» о такихъ вещахъ, которыя въ болѣе спокойное, трезвое и безпристрастное время даже и тѣни сомнѣнія возбуждать не могутъ.

Изъ числа тѣхъ главъ, которыя слѣдовало выкинуть изъ настоящаго изданія, я оставлю только одну, которая хотя и написана по поводу случайнаго явленія, но имѣетъ кое-какой общій, постоянный интересъ, такъ какъ касается участи городского рабочаго пролетаріата. Это— глава «Джутовый мѣшокъ».

прочихъ собратій моихъ, хочу сказать о немъ два слова читателямъ.

Само собою разумѣется, что я заснулъ внезапно, не помню, какъ и когда; но очень хорошо помню, что сновидѣніе было не фантастическое, безъ малѣйшихъ какихъ-либо чертъ сказочнаго, неправдоподобнаго или таинственнаго элемента; напротивъ, сонъ мой былъ необыкновенно реаленъ и скорѣе походилъ на газетную корреспонденцію, чѣмъ на дѣйствительный сонъ. Во снѣ я видѣлъ статистическія цифры, журнальныя статьи, читалъ процессы,— словомъ, почти ни на мгновеніе не отрывался отъ дѣйствительности. Причиною такого «газетнаго» сновидѣнія было, по всей вѣроятности, то, что я заснулъ съ газетою въ рукахъ; догадываюсь, что и причиною того, что я заснулъ—и притомъ заснулъ внезапно, какъ убитый—было опять-таки то, что наканунѣ Новаго года я слишкомъ усердно предался чтенію «новыхъ» газетъ, хотя если не всѣ изъ нихъ, то весьма многія не только, повидимому, не имѣютъ намѣренія усыплять читателей, но какъ бы стараются изо всѣхъ силъ разбудить его и поэтому кричатъ, даже «орутъ» и вообще стараются взять горломъ. Окончательно же свалила меня съ ногъ нынѣ уже не существующая газета «Россія», подъ патріотическіе вопли которой я и смежилъ свои вѣжды.

Вопли эти касались самаго прозаическаго вопроса — вопроса о волостныхъ писаряхъ, и такъ какъ они имѣли значительное вліяніе на весь послѣдовавшій за чтеніемъ сонъ, то я и долженъ сказать, въ чемъ именно они заключались. «Здѣсь,—вопіяла газета: — у самыхъ корней государственной жизни (въ деревнѣ, и въ особенности въ волостномъ правленіи), у самыхъ источниковъ всѣхъ ея питательныхъ соковъ, всѣ задачи, права и обязанности управленія можетъ съ удобствомъ нести на себѣ и круглый невѣжда, и пьяница, и воръ, и даже агитаторъ!» Тутъ же исчислены были и самыя обязанности управленія, исполняемыя въ настоящее время пьяницами, невѣждами, ворами и даже агитаторами. Обязанности эти оказываются далеко не шуточными, а именно: «полицейская власть, власть судебная, ибо онъ фактически управляетъ волостнымъ судомъ; онъ же завѣдуетъ администраціей волости, распоряжается исправленіемъ дорогъ, содержаніемъ пожарной части, мѣрами общественнаго призрѣнія, наблюдаетъ за нравственностью, за исполненіемъ санитарныхъ пра-

вилъ, за дѣйствіями сельскихъ должностныхъ лицъ; онъ же завѣдуетъ волостнымъ хозяйствомъ, мірскими сборами и капиталами, продовольственными запасами; онъ завѣдуетъ раскладкою и взиманіемъ государственныхъ и земскихъ сборовъ; по его распоряженію выполняются требованія воинской повинности, отъ него зависитъ выдача паспортовъ, увольненіе крестьянъ на заработки, вызовъ ихъ оттуда обратно; онъ исполняетъ и объявляетъ по волости вновь изданные законы, правительственныя распоряженія и предписанія уѣздныхъ учрежденій. Однимъ словомъ, всѣ тѣ разнообразные предметы управленія, для завѣдыванія которыми существуютъ въ губерніи и уѣздѣ различныя уѣздныя и губернскія распорядительныя, исполнительныя и контролирующія учрежденія,—а надъ ними въ столицѣ центральныя,—все это въ волости ввѣрено единоличному, въ большинствѣ случаевъ самостоятельному и безконтрольному вѣдѣнію писаря и старшины...», которые, какъ уже знаемъ, зачастую оказываются пьяницами, невѣждами, ворами и даже агитаторами...

Я заснулъ собственно на заключительныхъ словахъ статьи, гдѣ говорится, что на смѣну этимъ пьяницамъ, ворамъ и проч. должны быть допущены новыя силы, «новые дѣятели, съ высшимъ умственнымъ и нравственнымъ уровнемъ» («Россія», № 63). Послѣднія три строчки патріотической статьи, повторяю, убаюкали меня, и главнымъ образомъ потому, что въ послѣднее время, когда «повѣялъ зефиръ» и русскому пишущему человѣчеству представилась нѣкоторая возможность сказать свое слово погромче того, какъ говорилось оно недавно,—эти призывы образованнаго человѣка къ дѣлу, къ вмѣшательству въ запутанныя до безобразія условія народной жизни, слышатся изъ всѣхъ и новыхъ и старыхъ передовицъ, вылетаютъ изъ-подъ всѣхъ перьевъ, но—увы!—вылетаютъ всегда безъ плоти и крови, безъ малѣйшихъ попытокъ опредѣлить это участіе, очертить хотя бы и гадательно, хотя бы и съ примѣсью извѣстной доли непрактической фантазіи... Предложенія простыя и сложныя, соединенныя въ пріятные округленные періоды, въ которыхъ обыкновенно выражаются и излагаются эти призывы, хотя и пріятно ласкаютъ ухо слушателя и мысль читателя, но въ большомъ количествѣ не могутъ считаться питательной и полезной для ума пищей, и вотъ почему читатель очень скоро набиваетъ отъ нихъ оскомину и его начинаетъ клонить сонъ въ такихъ пунк-

тахъ патріотическихъ воззваній, гдѣ, казалось бы, надобно было воспрянуть и ожить...

Послѣ словъ «умственный и нравственныи уровень» я почувствовалъ, что вѣки мои слипаются, и я, какъ ключъ ко дну, стремительно погружаюсь въ непробудный сонъ...

Гдѣ я?..

Оглядѣвшись, я догадался, что нахожусь въ волостномъ правленіи: бѣлыя голыя стѣны, кой-гдѣ украшенныя планомъ уѣзда, портреты государя, министровъ... Комната большая, просторная; въ углу — сундукъ съ деньгами, а передо мной широкій столъ съ кучей бумагъ, съ двумя сальными свѣчами въ приличныхъ подсвѣчникахъ, за столомъ—радостная фигура молодого волостного писаря, которымъ сновидѣніе не задумалось сдѣлать моего стариннаго знакомаго, по фамиліи Лиссабонскаго... Эта великолѣпная фамилія уже сама по себѣ означаетъ, что человѣкъ, который носитъ ее,—есть разночинецъ, т.-е. принадлежитъ къ такому классу людей, который, несмотря на свою многочисленность въ русской землѣ, поставленъ внѣ всякой возможности быть для нея чѣмъ-нибудь инымъ, кромѣ бремени. Въ былое время крѣпостного права вся эта масса безземельнаго грамотнаго пролетаріата прямо кормилась народомъ, въ видѣ поповскихъ, дьяконовскихъ, чиновничьихъ, приказчичьихъ семействъ; съ упраздненіемъ же крѣпостного права, вся эта масса народа брошена на произволъ судьбы. Для громаднаго большинства этихъ несчастныхъ людей бѣдность не даетъ возможности пройти весь кругъ образованія, дающій входъ въ общество; земельный надѣлъ, могшій прикрѣпить массу такихъ людей къ крестьянскому труду и міру, оказался почему-то невозможнымъ; ремесленныхъ, сельскохозяйственныхъ и другихъ профессіональныхъ школъ и училищъ, дающихъ возможность приложить свои руки къ труду и ѣсть не сухой хлѣбъ, какъ всѣмъ извѣстно, существуетъ на всю многомилліонную Россію такъ мало, что не насчитаешь и десятка. Такимъ образомъ на глазахъ у всѣхъ образовался громадный резервуаръ грамотныхъ, но зависимыхъ въ кускѣ хлѣба отъ любого богатаго мужика, кабатчика,—людей, которые въ большинствѣ случаевъ и стоятъ у «корня государственныхъ основъ»; но изъ этого же резервуара выходитъ немало людей (они вѣдь люди), которыхъ близость къ народной средѣ, знакомство съ нею невольно и неотразимо побуждаетъ и жить и работать въ ней, и

притомъ не на пользу кабатчикамъ и міроѣдамъ, а на пользу народа...

Лиссабонскій былъ именно разночинецъ послѣдняго свойства. Со школьной скамьи онъ постоянно стремился найти какое-нибудь дѣло въ деревнѣ,—именно въ деревнѣ, а не въ городѣ, гдѣ, по его словамъ, онъ просто «не умѣлъ» жить. Нельзя сказать, чтобы ему не удавалось по временамъ пристроиться къ мѣсту и не въ городѣ, а въ деревнѣ, но онъ обыкновенно выдерживалъ недолго; выходили мѣста въ конторщики, въ приказчики, въ писаря къ мировымъ посредникамъ, но вездѣ онъ не уживался долго потому, что собственно хлѣбъ, харчи — словомъ, возможность быть сытымъ—не привлекаетъ его. Да и работать-то приходилось больше на состоятельнаго человѣка, а Лиссабонскій, по добротѣ сердца и потому еще, что въ головѣ его бродили кой-какія идеи, желалъ работать, какъ разъ наоборотъ,—на несостоятельнаго человѣка, мужика. «Состоятельный,—говоритъ онъ:—найдетъ: за деньги къ нему пойдетъ и не такой грамотникъ, какъ я; вотъ Губонинъ да Поляковъ деньгами забираютъ въ руки самый цвѣтъ интеллигенціи: «все куплю!»—сказало злато... А вотъ у кого нѣтъ, кто «купить»-то не можетъ нужнаго человѣка, вотъ тому-то и надо помогать. Ну, да время не такое стоитъ...»

Такъ говаривалъ Лиссабонскій въ прежнее, хотя и недавнее время; въ ту же минуту, когда я увидалъ его во снѣ, за столомъ въ волостномъ правленіи, онъ весь сіялъ, и первое слово, которое я отъ него услышалъ, было:

— Призываютъ, братецъ мой, всѣ призываютъ! Не такое время... Если не воръ, не пьяница, не невѣжда нужны господину Губонину, чтобы не быть обокраденнымъ и обворованнымъ и, стало-быть, разореннымъ, такъ ужъ мужику-то и подавно нуженъ такой человѣкъ.

— Что же ты будешь дѣлать для мужика? И чѣмъ ты, не воръ, не пьяница, можешь быть ему полезенъ?—спросилъ я.—И не лучше ли всѣмъ вамъ, ворамъ и не ворамъ, оставить его въ покоѣ и убраться отсюда изъ деревни по-добру по-здорову?

— Да и я уберусь, какъ только выгоню вора! Пусть уйдетъ воръ и разоритель—и сейчасъ же удалюсь, куда глаза глядятъ... Но дѣло-то въ томъ, что разоритель,—всякихъ свойствъ, всевозможныхъ видовъ и формъ,—свободно вступаетъ въ деревню, а противовѣса ему въ деревнѣ нѣтъ. Возьми вотъ послѣдніе крестьянскіе про-

цессы,—въ нихъ все есть для окончательнаго омраченія людей: есть владѣлецъ, который *старается запутать* ихъ, есть власти, которыя *не стараются распутать*, есть власти, которыя дѣйствуютъ со строгостью и скоростью, есть народъ, который ничего не понимаетъ. Но человѣка, который бы пришелъ къ нимъ только съ желаніемъ распутать ихъ, который бы взялся за ихъ дѣло,—нѣтъ его! И только вотъ теперь стали поговаривать въ газетахъ о томъ, что такой человѣкъ нуженъ. Ну, словомъ, вотъ я и хочу работать...

— Что̀ же именно?

— Да то, что̀ укажутъ обстоятельства... Ты видишь, что я только сію минуту сдѣлался волостнымъ писаремъ,—я еще ничего не знаю. Ты читалъ въ газетѣ, какая масса дѣлъ на рукахъ у волостного писаря?

— Читалъ.

— Ну, скажи, пожалуйста: неужели же я-то, не воръ, не пьяница, не грабитель и тѣмъ паче не агитаторъ, ужъ такъ и не пригожусь хоть для этой волости, хоть для одной деревни, при такомъ обиліи обязанностей?

Лиссабонскій ждалъ отъ меня отвѣта, но въ эту минуту дверь отворилась, и въ комнату правленія вошло новое лицо.

2.

Это былъ разсыльный земской почты. Весь въ снѣгу, съ обмерзлой бородой, въ башлыкѣ, онъ казался какимъ-то чудищемъ. Первымъ дѣломъ, по приходѣ въ правленіе, онъ направился къ ярко-топившейся печкѣ и, ежась и приплясывая, сталъ грѣть руки и ноги въ валенцахъ. Обогрѣвшись, онъ приблизился къ столу и вынулъ изъ кожаной сумки два пакета: одинъ былъ очень толстъ, а другой тонокъ.

— Вотъ!—сказалъ онъ весело: — гостинчикъ мужикамъ! Способіе прислали,—больше тыщи рублей!

— Какое пособіе?

— А на голодъ. Для раздачи. Царь насъ помнитъ, батюшка!.. Вонъ какъ угодилъ—въ самое бѣдовое время подсобляетъ. И мужичишки-то ра-адехоньки...

— Когда же они успѣли узнать? — спросилъ Лиссабонскій.

— Эва! Я тутъ, верстахъ въ десяти, признаться, въ кабачокъ заѣхалъ погрѣться,—проболтался, что, молъ, го-

стинецъ везу царскій, такъ оттудова мигомъ разнесли... Бѣднота!.. Голодуха!.. Небось запрыгаешь!

— А другой пакетъ отъ кого?—спросилъ Лиссабонскій.

— Ну, а этотъ,—какъ-то скосивъ голову набокъ и съ выраженіемъ сожалѣнія мотнувъ ею, проговорилъ разсыльный:—этотъ пакетъ, надо сказать правду, не вполнѣ можетъ быть сюрпизомъ... Нѣтъ, весьма не такой пакетъ, чтобы его счесть за удовольствіе.

— Что̀ же такое?

— Насчетъ недоимки! «Безъ послабленія и безъ снисхожденія»! — проговорилъ разсыльный, пожимая плечами, и прибавилъ:—что̀ будешь дѣлать? Такое наше мужицкое счастье!

Какъ и куда исчезъ разсыльный, я не помню, но знаю, что вслѣдъ за его исчезновеніемъ я и Лиссабонскій торопливо принялись распечатывать привезенные пакеты. Въ томъ пакетѣ, который, по словамъ разсыльнаго, не представлялъ для крестьянъ удовольствія, мы нашли бумагу уѣзднаго исправника, въ которой было сказано, что «съ полученіемъ сего предписываю тебѣ немедленно взыскать числящіеся за второе полугодіе на жителяхъ деревни такой-то сборы, въ количествѣ столькихъ-то рублей и копеекъ, въ противномъ случаѣ...». Въ другомъ пакетѣ были деньги около тысячи рублей и бумага отъ уѣздной земской управы, въ которой сказано было, что деньги эти немедленно должны быть розданы жителямъ той же самой деревни, съ которой немедленно же должны быть взысканы и сборы... Но что̀ особенно поразило насъ, такъ это, во-первыхъ, то, что цифра недоимокъ была точь въ точь та же, что̀ и цифра пособій: и въ недоимкахъ стояло 876 р. 34 к., и въ пособіи стояло 876 р. 34 к., а во-вторыхъ, въ обоихъ пакетахъ мы нашли списки недоимщиковъ, при чемъ, къ наивысшему нашему изумленію, опять въ обоихъ спискахъ оказались одни и тѣ же лица. Въ спискѣ недоимщиковъ значились имена: Перепелкина, Ворокуева, Офицерова, Колобродина, и въ спискѣ нуждающихся въ пособіи стояли тѣ же имена и въ томъ же порядкѣ, т.-е. Перепелкина, Ворокуева, Офицерова, Колобродина и т. д. Очень можетъ быть, что въ дѣйствительности не случается ничего подобнаго; но мы просимъ не забывать читателя, что все описываемое происходитъ во снѣ,—стало-быть, не можетъ избѣжать нѣкоторой неточности. Прочитавъ эти странныя бумаги, и я и Лиссабонскій были до нѣкоторой степени

поражены страннымъ совпаденіемъ и цифръ и именъ: однѣ и тѣ же деньги какъ бы вручаются въ пособіе и въ то же время какъ бы отъемлются! Которой изъ этихъ двухъ бумагъ отдать предпочтеніе?

— Какое странное совпаденіе!—проговорилъ Лиссабонскій, спрятавъ деньги въ столъ и вертя передъ собою бумаги и списки.—И тамъ и тутъ—однѣ цифры, одни имена... Ужъ не потому ли деньги на пособіе присланы одновременно съ требованіемъ недоимокъ, что деньги эти должны идти не въ пособіе, а въ казну?..

— Ну, за-ачѣмъ въ казну-у!—произнесъ въ отвѣтъ чей-то незнакомый голосъ. Оглянувшись, мы увидѣли, что въ правленіи посреди комнаты стоитъ небольшого роста опрятненькій старичокъ, молится на образъ и въ то же время говоритъ:

— Зачѣ-емъ? У казны, у матушки, много денегъ... Что̀ ужъ ей питаться этакими-то крохами. Авось перетерпитъ лютое-то время!..

Старичокъ помолился, подошелъ къ Лиссабонскому и, протянувъ ему руку, сказалъ очень ласково:

— Ну, здравствуй, нашъ министръ... Здорово! Пришелъ старикъ Баранкинъ обзнакомиться съ новымъ писарькомъ-то. Давай, милушка мой, жить въ согласіи и въ дружбѣ... Вотъ что̀ я скажу... Знаешь, чай, слыхалъ Баранкина?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Лиссабонскій: — не слыхалъ, не знаю...

— Ну, узна̀ешь. Баранкина всѣ знаютъ, дружочекъ мой, всѣ-э! На-ка вотъ, прими гостинчику, постненькаго!..

Старичокъ отвернулъ полу и досталъ изъ кармана панталонъ бутылку водки съ надписью: «Русское Добро».

— Я не пью!—сказалъ Лиссабонскій.

— Э? Чего такъ?

— Такъ, не пью! Не научился... Не могу...

— Э-э-э, какой ты! А ты привыкай помаленьку... Надо! У насъ безъ водки нельзя... Н-не думай!

— Ну ужъ, что̀ дѣлать, — раньше не научился, теперь привыкать поздно!..

— Н-ну, инъ не надо! И такъ полюбимъ другъ друга... Я тебѣ скажу: понравился ты мнѣ,—право слово, по душѣ... Я врать не люблю, а говорю прямо, что сразу ты мнѣ понравился: вижу, понятливый ты человѣкъ... Вотъ что̀!

— Спасибо вамъ!

— Право слово, дорого мнѣ, братъ ты мой, что ты че-

ловѣкъ, какъ я вижу, хорошій. Вотъ что̀ мнѣ дорого. Я, братанъ мой милый, люблю, чтобы по душѣ, по совѣсти, чтобы помягче... Вѣдь ежели такъ-то, по мужичьи-то взять— кто ты?—писарь! Кто мы?—хозяева твои: мы тебя наняли, платимъ тебѣ деньги,—слѣдовательно ты и обязанъ намъ служить. А я не такъ: съ хорошимъ человѣкомъ надобно по-хорошему, а не по-худому... Видишь, я вотъ и пришелъ къ тебѣ, самъ пришелъ, чтобы, значитъ, ты также меня понималъ. А скажу я тебѣ, въ веселый ты часъ къ намъ попалъ... Ты пришелъ, и бумага какая-то пришла пріятная...

— Да!—сказалъ Лиссабонскій. — Вотъ пришло двѣ бумаги, и я не знаю, что̀ мнѣ съ ними дѣлать? Въ одной пишутъ: выдать пособіе, а въ другой—взыщи, и точь въ точь съ однихъ и тѣхъ же крестьянъ, и копейка въ копейку и тамъ и тутъ. Кому-жъ—крестьянамъ или казнѣ?

— И объ ччомъ! Казнѣ... Казна-матушка царская велика! Вел-лика! Н-ну, авось она какъ-нибудь и перетерпитъ... А вотъ я тебѣ что̀ скажу, только скажи ты мнѣ, любишь ты ветчинку хорошенькую, копчененькую? А коли любишь, такъ ужъ окорочокъ я тебѣ, безъ сомнѣнія, представлю, потому, милушка ты мой, коптильня у меня есть, и большая и хорошая... Только, милушка, ветчинку-то купить надобе, ку-у-упить ее надобе, свининку-то, вотъ что̀ есть главное, а купить-то, голубеночекъ мой, ее надо на де-е-нежки-то, охъ, на денежки, миланчикъ мой! А де-е-нежки-то, миламурчикъ мой, всѣ-то денежки-то мои, махонькія, всѣ-то мужички разобрали, да по дворамъ растаскали, да и не отдаютъ, купидончикъ ты мой! А свинина-то дешева стала, вотъ бы ее купить теперича, анъ она къ Рождеству-то и ветчиной бы обернулась, и окорочокъ-то бы у тебя къ праздничку Христову былъ... анъ денежекъ-то нѣтъ—всѣ въ расходѣ да въ разбродѣ... А въ карманѣ-то у Баранкина однѣ записки да расписки... Вотъ, милушка, доброе твое сердце и должно понять это, да старичка-то въ обиду не дать... Старичку-таки, голубь мой, кормиться надо, надобно ему и подсобить... А расписки— есть. Ты что̀? Ты думалъ, старикъ зря? Н-нѣтъ, мой сизокрылый голубчикъ, расссписсски! Фффоррменныя... «при первой возможности». Все форрменныя! Тутъ ужъ безъ обману!.. Время, время учить нашего брата... Я вонъ лавчонку имѣю, съ городомъ дѣлишки дѣлаю, а въ городѣ-то все вексельки берутъ... Знаешь вексельки? Все одно бумажка махонькая, а шея трещитъ отъ нея, трещитъ! А

здѣсь-то все на совѣсть было прежде, все на совѣсть—ну, это вышло будто и не подъ кадриль одно-то къ другому: тамъ векселекъ, а тутъ совѣсть, анъ оно и тово... не вполнѣ спокойно... И тутъ, стало-быть, надо расписочки, бумажки, и бумажки ффо-оорменныя, голубь мой бѣлоснѣжный! Охъ, форменныя!.. И всѣ у меня бумажечки-то форменныя, крпѣпкія, прекрѣпчайшія: и «по востребованію», и «немедленно», и «въ противномъ случаѣ»—все есть, дружокъ молоденькій, нельзя... На-ка-сь вотъ, посмотри, какія тутъ у меня есть бумажечки... Всеее форменныя... безъ отмѣны, безъ послабленія, а этого я только и хочу — безъ ссоры, безъ брани, а по-тихому... А могу! Передъ Богомъ могу!.. Почитай-ка-сь!

Старичокъ вручилъ намъ цѣлый пукъ исполнительныхъ листовъ и рѣшеній волостного суда, листовъ и рѣшеній такого рода, что мы немедленно же увидѣли въ немъ злѣйшаго кулака и міроѣда; условія Фишера были ничто въ сравненіи съ этими форменными бумажками, которыя представляли собою поистинѣ нѣчто потрясающее.

— Н-ну, какъ по-твоему? Вполнѣ ли по закону? Да я и самъ знаю: тоже имѣемъ знакомство, кой-гдѣ и у насъ есть руки наши... И, видишь ты, могу вѣдь я и не по-тихому сдѣлать, а не хочу... Вотъ я тебѣ и говорю, по чести, по мягкому моему ндраву: деньги эти казенныя ты въ казну не отдавай, а отдавай ты ихъ мнѣ. Вотъ какъ будетъ по-хорошему-то, а не по-худому. Потому всѣ эти самые народы, которые тамъ въ спискахъ-то, они и есть мои должники.

И въ самомъ дѣлѣ, переглядывая вновь его форменныя расписки, мы опять наткнулись на тѣ самыя имена, что̀ въ двухъ бумагахъ: тотъ же Перепелкинъ, Офицеровъ, Ворокуевъ и т. д.

— Слѣдовательно,—сказалъ старичокъ:—отдай ты деньги мнѣ, и будетъ это дѣло кончено, потихоньку... А окорочокъ представлю—ужъ это безъ сомнѣнія...

Старикъ долго бормоталъ какія-то ласковыя слова и сулилъ разныя копченыя блага; но ни я ни Лиссабонскій не могли выйти изъ состоянія, весьма близкаго къ оцѣпенѣнію, всматриваясь пристальнѣе въ форменныя бумажки старика. Можете представить, что и цифра долговъ, предъявляемыхъ имъ, была въ итогѣ та же самая, какъ и въ двухъ другихъ предъявленіяхъ, т.-е. 876 р. 34 к. Такимъ образомъ оказывалось три формальныхъ требованія, кото-

рыя необходимо было удовлетворить: выдать пособіе, собрать недоимки и уплатить Баранкину по законнымъ обязательствамъ; всѣ бумаги—формальныя, съ печатями и т. д.

— Ну,—сказалъ я Лиссабонскому: — вотъ ты не воръ, не пьяница, не агитаторъ и не невѣжда. Ты стоишь на высшемъ, чѣмъ воры и пьяницы, нравственномъ и умственномъ уровнѣ—какъ ты поступишь? Всѣ требованія законныя, вездѣ, даже о выдачѣ пособія, есть выраженіе: «въ противномъ случаѣ...» А вѣдь это что̀ означаетъ?

Не помню, отвѣчалъ ли что-нибудь мнѣ Лиссабонскій, потому что комната моментально наполнилась массой народа. Откуда-то явились всѣ эти Перепелкины, Офицеровы, Ворокуевы и т. д. Помимо уличнаго холода, который пришелъ въ комнату вмѣстѣ съ ними, они внесли въ самихъ себѣ, въ своихъ фигурахъ и выраженіяхъ лицъ, холодъ ихъ избъ, какую-то озяблость своего существа до самаго нутра, до послѣдней капли крови. Истертые, каляные отъ дождей полушубки сидѣли на нихъ какъ чужіе и походили на какія-то латы, сдѣлавшіяся широкими; изъ широкихъ воротовъ высовывались голыя шеи, иззяблыя выраженія лицъ и мертво-холодныя бороденки; даже не объиндивѣли эти бороденки,—такъ были тощи, худы и внутренно промерзли ихъ обладатели.

— Что̀, голубчики!—заговорилъ сиплымъ голосомъ Офицеровъ, крестьянинъ, бывшій когда-то въ солдатахъ:—сказываютъ, гостинчикъ намъ есть... Али зря болтаютъ?

— Есть!—глухо сказалъ Лиссабонскій, и моментально въ комнатѣ настала поразительная, поистинѣ потрясающая тишина. Народъ замолкъ, остолбенѣлъ отъ восторга и радости, и только что-то какъ будто шуршало, шелестило въ воздухѣ... Это шелестили каляныя овчины рукавовъ, касаясь груди... Крестился народъ тихо, трепетно, боязливо, а изъ глазъ его падали горячія, кипящія жгучимъ жаромъ, слезы. Изъ глубины обмерзлаго нутра хлынули онѣ, растопили этотъ ледъ души и тѣла, и текли по щекамъ, по бородамъ, по холоднымъ, кривымъ, уродливымъ пальцамъ... Это было во снѣ, но вовѣки я не забуду этой минуты. Замерзли и мы, посторонніе люди; но вдругъ тотъ, кого звали Офицеровымъ, повернувъ лицо въ сторону для того, чтобы отереть залитое слезами лицо полою полушубка, случайно увидалъ Баранкина. Увидалъ и замеръ, полусогнувшись и держа въ рукѣ конецъ полы, и полными слезъ глазами глядѣлъ на Баранкина.

— Ты тутъ зачѣмъ?—заговорилъ онъ зловѣщимъ и въ то же время рыдающимъ голосомъ, приближаясь лицомъ къ Баранкину.—Прррроннюхалъ?

Офицеровъ не разгибался, а еще болѣе присѣлъ, уперся обѣими руками въ раздвинутыя колѣни и, какъ бы намѣреваясь «прянуть» на Баранкина, уже не голосомъ, а «сипомъ» змѣинымъ зашипѣлъ:

— Кр-рови н-нашей насосаться пришелъ? Кровушки че-ло-вѣ-чьей захотѣлъ пососать?..

На мгновеніе водворилось молчаніе; Баранкинъ не могъ оторвать глазъ отъ этого мокраго, но звѣрски ожесточеннаго лица Офицерова и трясся отъ злости... Это продолжалось мгновеніе. Офицеровъ выпрямился, вытянулся во весь ростъ, подошелъ вплотную къ Баранкину, такъ что животомъ касался и напиралъ на его лицо, и тутъ же ткнулъ ему въ губы кукишъ, прибавивъ:

— На!

И еще ткнулъ, и еще прибавилъ:

— На! Еще на!

— Перестань, разбойникъ!—завопилъ наконецъ Баранкинъ; но Офицеровъ не пересталъ: онъ только отошелъ отъ Баранкина на одинъ шагъ и, не теряя злобнаго выраженія въ лицѣ, продолжалъ:

— Я т-тебя, зм-мѣю, насквозь вижу! Это ты наши сиротскія-то крохи хочешь отнять? Это ты кровь-то, послѣднюю-то кровь хочешь выпить? Али мало пилъ? Не насосался? Ну, такъ, змѣя ты проклятая, не придется тебѣ пососать-то! Царскія деньги! — слышишь, проклятая душа!.. У меня мальчонка, сынъ шестнадцати годовъ, помираетъ, а ты пришелъ отымать помощь! Бутылку водки писарю принесъ? Разобью объ голову—и отвѣту не будетъ... Ты взыскивай, разбойникъ, — дьяволъ васъ знаетъ, какъ вы тамъ счета пишете! Пиши, пиши тамъ, я тебѣ потомъ сочту все!.. А этихъ денегъ не будетъ тебѣ, подлецу! Пронюхалъ! Носъ твой поскудный разорву на двадцать частей! Ахъ, ты, удавиться бы тебѣ ноне ночью, разбойникъ ты этакій! Вѣдь ты разоритель, гадина ты этакая! И противъ тебя нѣтъ управы? Тебѣ надо ветчинки, а мнѣ не надо? Ему не надо? Не надо всѣмъ? Ахъ, ты, преисподній ты смрадъ, ахъ, ты... Да вѣдь я тебя плевкомъ пополамъ перешибу, ежели на то пойдетъ...

Я не въ силахъ передать того потрясающаго впечатлѣнія, которое произвели проклятія, сыпавшіяся изъ устъ

Офицерова. Голосъ его, сначала какъ бы съ трудомъ протискивавшійся сквозь стиснутые зубы, съ каждой минутой дѣлался все болѣе и болѣе выразительнымъ, проникалъ съ жгучей страстностью, рѣчи дѣлались короче, отрывочнѣй, но жгли и Баранкина, и Офицерова, и всю публику какъ огнемъ. Офицеровъ поблѣднѣлъ, потъ градомъ лилъ съ его лица, всклоченные волоса прилипли къ худымъ вискамъ, и по мѣрѣ того, какъ въ голосѣ его начали слышаться уже рыдающія ноты, тѣ же, какіе-то отрывочные, но рыдающіе звуки послышались и въ толпѣ... Она говорила тоже о ненасытности Баранкина, говорила по словечку, глухо и какъ бы всхлипывая...

. . . . . .

Не помню, чѣмъ кончилась эта сцена. Помню одно, что деньги были отданы тѣмъ самымъ лицамъ, которымъ онѣ предназначались по спискамъ земской управы. Помню и Баранкина, уходившаго послѣ всѣхъ, его ожесточенное лицо и слова, сказанныя Лиссабонскому:

— Ну, миловидный мой писарекъ, разговорецъ у насъ съ тобою будетъ особенный... Особенный у насъ будетъ съ тобой обиходъ...

Сильно хлопнувъ дверью, Баранкинъ исчезъ.

— Скажи, пожалуйста: неужели же я долженъ былъ деньги эти зачесть въ подати или отдать міроѣду? Вѣдь если сочли нужнымъ помогать людямъ,—стало-быть, знаютъ, что у нихъ нѣтъ!.. Не правда ли?

Что̀ отвѣчалъ я Лиссабонскому—не помню... И комната волостного правленія и Лиссабонскій исчезли невѣдомо куда, и сонъ принялъ безпорядочный, отрывочный характеръ; мѣста и лица мѣнялись, слѣдуя съ поразительной быстротой одни за другими...

...Вижу я деревенскую улицу, заваленную снѣгомъ; по срединѣ бѣлой дороги, несмотря на то, что на дворѣ поздній вечеръ, ясно видна группа мужиковъ... Это тѣ самые Офицеровы, Ворокуевы и т. д., которые только-что получили пособіе... Шумъ и говоръ между ними, и смѣхъ даже слышится: рады, веселы, благодарны, поминутно снимаютъ шапки, крестятся...

— Что̀, язва сибирская? — остановившись около дома Баранкина, произноситъ Офицеровъ.—Взялъ?

— Что̀?—вопрошаетъ тотъ же домъ другой изъ осчастливленныхъ:—хлебнулъ?

— А было, братцы, подобрался! Ло-о-вко подобрался-

было... Дай Богъ здоровья писарю-то,—писарь-то не пьяница, не воръ... Не пошелъ на его сладкопѣвство. А то бы сглопулъ.

— Сгло-онулъ бы! Этому живоглоту...

Вдругъ Офицеровъ не выдержалъ и, со словами:

— Ахъ, ты, язвина!—вдребезги разнесъ стекло въ окнѣ у Баранкина какимъ-то попавшимся на дорогѣ кирпичомъ...

. . . . . .

Вижу опрятную, теплую-претеплую, хоть и сильно пахнущую маленькими дѣтьми, комнату, принадлежащую нѣкоему Іоанну Бенедиктову. Согласно «духу вѣка», Іоаннъ Бенедиктовъ пораженъ страстію, даже не страстію, а сладострастіемъ къ матеріальнымъ благамъ, которыя понимаетъ въ самомъ обжорномъ, такъ сказать, видѣ. Іоаннъ Бенедиктовъ любитъ пряники, сладкое, — вообще, что̀ вкусно языку... Когда онъ ѣдетъ по желѣзной дорогѣ и ему приходится видѣть буфетъ, обставленный яствами и питіями, онъ не можетъ оторваться, все трогаетъ рукой,—и бутылку, и шоколадъ, и яблоко, — онъ трясется... Но вѣдь на все это надо деньги, и Іоаннъ Бенедиктовъ достаетъ ихъ; онъ святѣй святого—что̀ касается его обязанностей.—«Знаешь молитву Господню?»—«Гдѣ намъ знать!»—«Ну, не вѣнчаю».—«Да у насъ все готово: напекли, наварили, ваше боголюбіе!»—«Двадцать пять рублей серебромъ!» Даютъ. Онъ не даетъ причастія, если знаетъ, что у человѣка есть въ карманѣ деньги, не даетъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ, которыхъ въ церковномъ уставѣ множество; не креститъ, не хоронитъ и т. д. Деньги и деньги, а кромѣ денегъ—гуси, окорока, пряники, вино... Голосъ у него тихій, взоръ ангельскій, но въ малѣйшемъ движеніи видна обжорно-сладострастная душа.

Іоаннъ Бенедиктовъ и Баранкинъ, весь дрожащій отъ гнѣва и ожесточенія, строчатъ бумагу... Они—союзники по части ветчины. Тутъ, въ этой ветчинѣ, замѣшаны и церковныя деньги и староста, у котораго, посмотрите, какой хорошенькій домикъ, а вѣдь старостою всего два года. Іоаннъ Бенедиктовъ строчитъ, а Баранкинъ помогаетъ; староста входитъ тоже взволнованный и растрепанный.

— Что̀ за напасть?—испуганно спрашиваетъ онъ.

— А вотъ слушай: казенныхъ денегъ не платитъ... Камнемъ разнесъ окно... Чистое бунтовство! Пиши: «и на мои слова—коли ежели казна требуетъ...»

Бѣлый день. Опять снѣжная дорога. Баранкинъ съ бу-

магой подъ жилеткой, въ легкихъ сапкахъ, на дюжемъ рысакѣ, во всю мочь мчался къ тому самому мировому судьѣ, который поставлялъ рѣшеніе насчетъ взысканія Баранкина. Онъ примчалъ однимъ духомъ. Минута—и они бесѣдуютъ, слышатся слова: «Что-жъ это будетъ? Вѣдь рѣшено по законамъ? Камнемъ въ окно!..» Мировой судья, съ носомъ, налитымъ водкой, чувствуя, что душа его ужъ продана чорту, подправляетъ бумагу; писарь Юносовъ, изъ штрафныхъ солдатъ, перебѣляетъ... и опять поле, саночки, вдали станція желѣзной дороги...

— Поговоримъ мы съ тобой, миловидный миламуръ писарекъ!..

Опять большая, даже громадная комната; столы съ бумагами, конторки, въ отдаленіи масса такихъ же комнатъ, откуда доносится скрипъ перьевъ. За большимъ столомъ сидитъ лицо въ мундирѣ, передъ нимъ тетрадь съ надписью: «Дѣло о именующемъ себя Лиссабонскимъ, обвиняемомъ...»

— Опять! Боже мой, что̀ это такое? — вчера Карповъ, третьяго-дня Андреяновъ, сегодня Лиссабонскій!.. Конца нѣтъ!

Какимъ образомъ всѣ три лица, о которыхъ упомянулъ человѣкъ въ мундирѣ, очутились въ комнатѣ—не знаю, но помню, что между ними и лицомъ происходили такіе разговоры:

— Помилуйте! — говоритъ Лиссабонскій: — за что же? Вѣдь дѣйствительно пособіе приказали выдать... Почему виновнымъ оказываюсь я, а не Баранкинъ, который довелъ ихъ своими безчеловѣчными требованіями...

— Помилуйте, — слышу я голосъ Карпова: — крестьяне сожгли хлѣбъ у г-на N. ночью, въ тотъ самый день, какъ я появился въ селѣ и толковалъ съ ними. Я не буду говорить о причинахъ, которыя побудили ихъ стать во враждебныя отношенія съ г. N.—дѣло Бобринскаго съ Фишеромъ и дѣло въ Великихъ Лукахъ разъяснятъ это лучше. Я буду говорить только о себѣ: въ настоящее время всѣми сознано, что улучшеніе крестьянами своего состоянія зависитъ между прочимъ, отъ улучшенной обработки земли. Я ничего не хочу, я говорилъ только о земледѣльческихъ орудіяхъ, уговаривая ихъ купить молотилку. Теперь они пользуются молотилкою г. N., который беретъ съ нихъ за часъ. Я уговаривалъ ихъ купить сообща. Неужели это преступленіе? Вотъ—газета, издаваемая благонамѣренными ли-

цами; извольте прочитать: «въ артели, товариществѣ—спасеніе нашего крестьянства». Я говорю то же самое. Можно писать въ газетѣ, такъ неужели же нельзя говорить-то о томъ же въ деревнѣ? Я прошу вашего снисхожденія выслушать слѣдующій примѣръ. Представьте себѣ, что какая-нибудь фирма, торгующая земледѣльческими орудіями, разослала по деревнямъ агентовъ съ самыми обыкновенными коммерческими цѣлями: какъ можно больше распространить этихъ продуктовъ въ народѣ. Вѣдь всякому такому агенту *непремѣнно* надо будетъ *говорить* съ *народомъ* и непремѣнно надо будетъ *проповѣдывать* тѣ самыя идеи, которыя проповѣдывалъ я, *непремѣнно* надобно будетъ говорить о томъ, какая выгода въ пріобрѣтеніи собственнаго инструмента, надо говорить, что деньги, которыя вы за него платите кому-то, останутся у васъ въ карманѣ, и т. д. Безъ *такихъ* разговоровъ нельзя обойтись никому, никакому самому скромному дѣятелю въ народѣ.

— Однакожъ подожгли!

— Но позвольте...

. . . . . .

— Въ свое оправданіе,—слышу я голосъ Андреянова:— я могу сослаться на § такой-то устава —скаго ссудо-сберегательнаго товарищества, гдѣ сказано, что имущество крестьянъ—такое-то и такое-то—не можетъ быть продано для уплаты долга товариществу, такъ какъ такая продажа разстраиваетъ ихъ благосостояніе и ослабляетъ платежную силу. Уставъ утвержденъ г-мъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Извольте посмотрѣть. Въ то время, когда купецъ Миломордовъ прибылъ съ урядниками и приставомъ для описи имущества и когда урядникъ, выстрѣливъ изъ револьвера въ цыпленка, ранилъ при этомъ женщину и хотѣлъ стрѣлять въ овцу, я, будучи членомъ правленія ссуднаго товарищества и состоя письмоводителемъ, замѣняющимъ предсѣдателя въ его отсутствіе, вышелъ и объявилъ, что такъ какъ, согласно § устава, всѣ члены товарищества отвѣчаютъ своимъ имуществомъ, то, во-первыхъ, лишать ихъ имущества, обезпечивающаго ссуду государственнаго банка, нельзя, ибо банкъ—учрежденіе правительственное, а Миломордовъ только міроѣдъ, и что, кромѣ того, согласно §, то имущество, которое хотѣли описывать, не *можетъ быть* описано, ибо параграфъ утвержденъ, какъ я уже доказывалъ, господиномъ министромъ внутреннихъ дѣлъ...

— Однако послѣ вашихъ словъ крестьяне оказали сопротивленіе. Урядникъ Двуглавовъ получилъ по уху.

— Но позвольте!.. Въ § 123...

. . . . . .

Вижу вокзалъ желѣзной дороги. Отправляютъ почту. Сонное состояніе позволяетъ мнѣ видѣть, что въ одной изъ сумокъ лежитъ толстый пакетъ за семью печатями, а въ пакетѣ немного менѣе десятка дѣлъ; тутъ и о Лиссабонскомъ, и объ Андреяновѣ, и о Купріяновѣ, и всѣ обвиняемые... Вижу Петербургъ въ 9 часовъ утра, когда приходитъ почта. Бѣгутъ со всѣхъ концовъ Россіи кучи, горы пакетовъ, и все Лиссабонскіе, Андреяновы и Купріяновы, и все съ вредными разговорами. Вижу лицо: распечатало оно всѣ пакеты, всплеснуло руками и возопило:

— Одновременно во всѣхъ деревняхъ!.. Нѣтъ, тутъ надо безъ послабленія...

И опять ночь, и снѣгъ, сугробы снѣга, елки... елки и тройки... тройки и колокольчики... А на тройкахъ Лиссабонскіе, Андреяновы, Купріяновы... Только колокольчики позвякиваютъ да полозья скрипятъ. Даль, тьма...

3.

На мгновеніе я ничего не видалъ во снѣ, но ухо мое не переставало слышать звуки колокольчиковъ; они то замирали вдали, то слышались громче. И въ самомъ дѣлѣ, они съ каждымъ мгновеніемъ стали явственнѣе доноситься до моего уха и наконецъ заговорили полнымъ звукомъ... Что̀ же это такое однако? Я опять въ волостномъ правленіи; опять тѣ же стѣны, тотъ же сундукъ, тотъ же шкапъ, но Лиссабонскаго нѣтъ; на столѣ лежатъ нераспечатанными два пакета, изъ-за которыхъ случилась вся разсказанная исторія. Очевидно, что ничего этого не было; но, продолжая грезить и сознавая, что все это дѣлается во снѣ, я чувствовалъ, что что-то будетъ. И точно, едва только бубенчики замолкли, какъ мнѣ показалось — подъ самыми окнами волостного правленія, какъ въ комнату ввалился грузный человѣкъ въ бобровой шапкѣ и въ лисьемъ пальто съ бобровымъ воротникомъ. Это былъ старшина. И я еще разъ убѣдился, что мнѣ пригрезилось Богъ знаетъ что̀, потому что безъ старшины ничего подобнаго тому, что̀ сдѣлалъ Лиссабонскій, нельзя было ни подъ какимъ видомъ. Но меня интересовало, что̀ именно будетъ сдѣлано теперь. Вслѣдъ за старшиной вошелъ писарь, проворный и ловкій

парень, по фамиліи Загалстуховъ; оба они—и старшина и писарь—раздѣлись, поотогрѣлись, поразмялись и приступили къ разработкѣ дѣлъ.

— Читай, что̀ въ бумагахъ?—сказалъ старшина.

Писарь прочиталъ бумагу о пособіи.

— Читай другую!

Писарь прочиталъ о взысканіи.

— Ну, какъ же быть теперь? — спросилъ старшина.— Вѣдь въ обѣихъ «въ противномъ случаѣ» прибавлено, а это слово—у меня вотъ гдѣ.

Старшина показалъ на затылокъ.

Писарь повертѣлъ бумаги въ рукахъ, поглядѣлъ въ списки и произнесъ:

— Очень просто!

— Ужъ уладь!

— Будетъ въ аккуратѣ сдѣлано!

— То-то, чтобъ... Я ужъ сиживалъ... знаю... ужъ, пожалуйста, чтобы—вполнѣ!

— Авось знаю! Чего ты?

— То-то!..

Въ это время вошелъ Баранкинъ, помолился Богу, поздоровался со старшиной, съ писаремъ, вынулъ бутылку водки, шепнулъ писарю что-то на ухо; писарь взялъ бутылку, поглядѣлъ на ярлыкъ и отнесъ ее въ уголъ, за кассовый сундукъ. Порѣшивъ съ писаремъ, Баранкинъ взялъ подъ руку старшину, вышелъ вмѣстѣ съ нимъ въ сѣни и, поговоривъ тамъ минуты двѣ, возвратился назадъ вмѣстѣ съ старшиной.

— Ну, ладно! Песъ съ тобой! Будь по-твоему!—сказалъ старшина Баранкину, войдя въ комнату, и, обратясь къ писарю, прибавилъ:

— Слышалъ, что-ль, что̀ старый хрычъ-то желаетъ?

— Я й такъ знаю!

— Можно?

— Очень просто!

— Ну—инъ пущай! Обладимъ!

Немедленно послѣ этого разговора расписки, хранившіяся въ карманѣ Баранкина, очутилась на столѣ; писарь положилъ ихъ посреди бумагъ о пособіи и взысканіи и расправлялъ рукой. Офицеровъ, Недобѣжкинъ, Ворокуевъ и всѣ прочіе явились немедленно.

— Что̀, господа, — сказалъ Офицеровъ: — говорятъ, гостинчикъ есть намъ, горькимъ?

— Кажется бы, помолчать можно, покуда не спросятъ!— сказалъ писарь.—Ты видишь, дѣлами занимаемся.

— Это-то я вижу, а зачѣмъ вы Баранкина-то къ нашей крови припускаете?

— Какой-такой крови? Что здѣсь за бойня? Ты видишь, чей тутъ портретъ? Смотри, братъ...

— Это все мы видимъ...

— То-то, помалчивай... Гостинчикъ!..

Настало мертвое молчаніе. Холодные, промерзлые до нутра люди стояли окаменѣлыми столбами, не шевелясь и не двигаясь ни однимъ членомъ. Глаза выражали напряженное ожиданіе, и толстыя налившіяся кровью жилы на худыхъ шеяхъ бились съ горячечною скоростью...

Писарь шумѣлъ бумагами; старшина и Баранкинъ, глядя въ разныя стороны, барабанили по столу пальцами и по временамъ вздыхали.

— Офицеровъ!—произнесъ наконецъ писарь.

Офицеровъ выступилъ впередъ.

— Тебѣ пособія двадцать восемь рублей.

— Благодаримъ покорно!

— Погоди благодарить-то. Послѣ поблагодаришь.

— Какъ угодно. Мы готовы.

— Да взыску съ тебя,—продолжалъ писарь:—вотъ ему, Баранкину, столько же.

— Отдадимъ... Вы способіе-то пожалуйте намъ... Вы сначала дайте, что намъ слѣдуетъ, а потомъ ужъ и о Баранкинѣ...

— Вотъ твои деньги,—сказалъ старшина, держа въ рукахъ пачку денегъ:—видишь, что-ль?

— Да вы въ руки-то потрудитесь...

— Аль мои руки хуже твоихъ? Украду, что ли, я ихъ?

— Зачѣмъ украсть,—а какъ сказано въ бумагѣ отдать, такъ и отдать бы...

— А вотъ въ распискахъ тоже сказано отдать, а ты не отдаешь,—это какъ?..

— Пускай взыскиваютъ... А способіе надобно на руки...

— Я и отдамъ на руки, только не тебѣ... Намъ сказано наблюдать законъ, за это нашего брата не хвалятъ... На, Баранкинъ, получи!

Баранкинъ взялъ деньги, а писарь, показывая Офицерову расписку, сказалъ:

— Вотъ твоя расписка... теперь ты расквитался.

И разорвалъ ее.

— Покорно васъ благодаримъ!—весь зеленый отъ гнѣва, сказалъ Офицеровъ.—Благодаримъ, что исполняете законъ... Какъ же, позвольте васъ спросить, теперь вы Баранкину деньги отдали, а какъ же насчетъ казны? Опять выбивать будете? Изъ чего же теперь вы выбивать-то будете... царю-то?

— А ты меня попроси...—сказалъ Баранкинъ.—Я, милый мой куманекъ, пустошь взялъ въ аренду у господина Онѣгина, такъ, ежели на то твоя будетъ воля, бери подъ работу... Я дамъ. Работа легкая—косьба. Коли что—дамъ, передъ Богомъ...

Офицеровъ молчалъ, но такъ смотрѣлъ на Баранкина, что меня морозъ подиралъ по кожѣ. Баранкинъ долго и ласково говорилъ о работѣ и о томъ, что готовъ дать денегъ, но Офицеровъ молчалъ, какъ убитый... Наконецъ онъ вдругъ какъ-то ослабъ, вздрогнулъ и, безпомощно опустивъ руки, сказалъ.

— Н-ну, давай!.. что-жъ... я буду...

— Вотъ и добре. Сейчасъ и условьице... Ну-ка, милушка!

Писарь, къ которому относились эти слова, немедленно выхватилъ изъ кучи книгъ, лежавшихъ на столѣ, книгу условій и опытной рукой настрочилъ условіе. За 25 рублей Офицеровъ обязывался выкосить территорію величиной съ Великобританію, обязывался кучами неустоекъ, подвергая себя всякимъ египетскимъ казнямъ, и въ задатокъ получилъ 15 руб. Офицеровъ въ концѣ условія приложилъ три креста...

— Получай деньги! — сказалъ Баранкинъ, отсчитывая изъ полученныхъ денегъ три пятирублевки. Но едва Офицеровъ протянулъ руку къ деньгамъ, какъ Баранкинъ вмѣсто того, чтобы вручить ему ихъ, быстрымъ движеніемъ руки описавъ надъ столомъ кривую линію, вручилъ ихъ старостѣ со словами:

— Вотъ и казну-матушку почтимъ! Получи недоимку-то!

— А мнѣ-то?

Эти слова несчастный Офицеровъ не произнесъ, а крикнулъ, какъ малое дитя, и этотъ тонъ горькой обиды, доведшей большого, рослаго и немолодого мужика до того, что онъ почувствовалъ въ себѣ безпомощность ребенка и ребячьимъ крикомъ выкрикнулъ слова обиды, тонъ этихъ словъ:—«А мнѣ-то?»—хватилъ за душу.

— А мнѣ-то что-жъ?—повторилъ Офицеровъ, еще болѣе

чувствуя себя безпомощнымъ и жалкимъ.—У меня сынъ помираетъ!.. Дайте, господа! Въ ножки вамъ...

Зато старшина, писарь и Баранкинъ, благодаря этому дѣтски-безпомощному состоянію Офицерова, сразу почувствовали въ себѣ какую-то внутреннюю, или нѣтъ, прямо физическую силу, физическое спокойствіе и непреклонность. Они чувствовали, что изъ Офицерова и всѣхъ другихъ его товарищей, присутствовавшихъ въ комнатѣ, «хоть веревки вей»: такъ всѣ они ослабли духомъ.

— А ты подумалъ ли,—спокойнымъ и поучающимъ тономъ проговорилъ старшина, постукивая рукою съ деньгами по столу:—подумалъ ли ты, сколько разовъ я сиживалъ за вашего брата въ холодной? И что-жъ,—и теперича вы меня, передъ праздникомъ-то Христовымъ, хотите въ темную упечь? а?

— Да дай хоть что-нибудь! Господи Боже мой!.. Вѣдь что-жъ это такое? Вѣдь тутъ ужъ послѣдніе способа... Царица Небесная, что̀ это такое!..

— Иванъ Абрамычъ (такъ звали старшину),—вступился Баранкинъ: — ты того — помягче... Уступи... Ну, хоть что-нибудь!.. Какъ-нибудь по-божьи... по-сусѣдски!

— Да хоть что-то-нибудь дайте... Что-жъ это такое? Вѣдь это... Господи помилуй!..

— Свинья у тебя есть? — какъ бы въ раздумьѣ спросилъ старшина.

— Поросенокъ есть, а такъ чтобы свиньи—нѣту!

— Что̀ поросенокъ... Мнѣ свинина нужна... Нетели велики ли?

— Одна нетель есть... Купи хоть нетель-то!..

— Только-что именно изъ-за одной твоей нужды—больше ничего... два цѣлковыхъ дамъ. Получи.

— Да прибавь хоть что-нибудь изъ казеннаго-то? Господи ты Боже мой... Абрамовъ! Вѣдь, братецъ ты мой, на томъ свѣтѣ есть Судія...

— Вотъ тебѣ еще трешна—и ступай, ступай!

Офицеровъ взялъ молча пятирублевую бумажку (старшина сказалъ: «За нетель потомъ вложу свои въ податито»), постоялъ, подумалъ и, видимо приходя въ себя, проговорилъ:

— Вотъ она, кровь-то наша гдѣ!..

. . . . . .

Какъ я очутился на дворѣ, на морозѣ, — не помню; знаю только, что я какъ будто хотѣлъ очнуться, заглотнуть

свѣжаго воздуха; я дѣйствительно дѣлалъ глубокія вдыханія и въ то же время слушалъ, что происходитъ внутри волостного правленія (я стоялъ у окна). Тихо было внутри большой комнаты; слышался только гулъ разговаривающихъ и по временамъ слово «кровь», произносимое на разные тоны. Минутъ черезъ пять съ крыльца правленія спускался, послѣ вышеописаннаго расчета, мужикъ и, надѣвая шапку обѣими руками, шепталъ то же слово... Онъ сдѣлалъ два-три шага по улицѣ и опять сказалъ: «кровь». Еще черезъ пять минутъ выходитъ другой мужикъ, также разсчитавшись... И такъ — всѣ. Они плелись по улицѣ одинъ за другимъ вялою поступью, какъ осеннія мухи, и не знаю, какимъ образомъ всѣхъ ихъ я вдругъ увидѣлъ вмѣстѣ въ маленькомъ, жаркомъ кабакѣ. Здѣсь ужъ шелъ громкій говоръ, и слово: «кровь» произносилось не шопотомъ, а громко, во всю мочь.

— Дурачье! — возопилъ въ толпѣ находившихся въ кабакѣ крестьянъ чей-то посторонній голосъ:—Дур-рачье!..

— Кто ты такой? Какъ смѣешь ругаться?

— Это лакей чей-нибудь. Ты зачѣмъ сюда залѣзъ, лизоблюдъ?

— Какой я лакей! — гордо сказалъ неизвѣстный человѣкъ весьма подозрительнаго вида.—Я—«уровень».

— Какой-такой?

— Просто—уровень! Безъ всякихъ прочихъ... Умственный и нравственный.

— Это, ребята,—оборотень... Бей его!

. . . . . .

Въ волостномъ правленіи все было кончено; всѣ разошлись; веселъ ушелъ Баранкинъ, и доволенъ былъ старшина. Много накупилъ онъ по сходной цѣнѣ разной живности и провизіи и подъ Рождество повезетъ ее на широкихъ розвальняхъ въ городъ на базаръ; Баранкинъ немедленно пустился на бойкомъ рысачкѣ по окрестностямъ скупать свинину. У писаря къ празднику въ карманѣ жилета тоже шевелилась красненькая. По удаленіи изъ волостного правленія публики, онъ откупорилъ бутылку водки, стоявшую за шкапомъ, выпилъ залпомъ три рюмки, взялъ листъ бѣлой бумаги и, описавъ перомъ въ воздухѣ нѣсколько зигзаговъ и круговъ, какъ ястребъ «палъ» имъ на бѣлую бумагу и побѣжалъ: «Во исполненіе предписанія, честь имѣю доложить, что пособіе въ размѣрѣ роздано, въ чемъ препровождаю расписки; равнымъ образомъ, при не-

усыпномъ стараніи о взысканіи недоимокъ, таковыхъ, при нынѣшнемъ голодномъ времени, взыскано...»

— Очень просто! Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ!—заключилъ писарь, запечаталъ бумаги въ пакетъ и отправилъ. Въ губерніи распечатали, прочитали и сказали:

— Все благополучно...

Въ то время, когда писарь дописалъ послѣднюю строчку, изъ кабака вышелъ пьяный Офицеровъ и, бія себя кулакомъ въ грудь, бормоталъ, между прочимъ, что-то несообразное:

— Я в-васъ успокою!.. Вотъ Богъ свидѣтель, отецъ нашъ... Я сссебя не пожалѣю, а ужъ удостовѣрю!.. Ужъ да!

Я проснулся.

Открывъ глаза, я увидѣлъ, что около меня стоитъ тотъ же Лиссабонскій, только настоящій, живой. Онъ и разбудилъ меня.

— Какими судьбами? — съ удивленіемъ воскликнулъ я, изумленный появленіемъ Лиссабонскаго, котораго не видалъ болѣе пяти лѣтъ.

— Разрѣшено!—весело улыбаясь, проговорилъ Лиссабонскій.—Ѣду, братъ, въ деревню, въ волостные писаря...

— Зачѣмъ? — не безъ ужаса воскликнулъ я, находясь подъ вліяніемъ сна.

— Призываютъ!.. Вотъ погляди газету: «съ нравственнымъ и умственнымъ уровнемъ». Только знаешь что̀: вѣдь и у грабителя тоже есть уровень, и у всякаго мракобѣсца. Неграбительскій-то уровень позволителенъ ли?

Не помню, что̀ я отвѣтилъ ему.

II. Дѣловые люди.

Долгое время не приходилось мнѣ потолковать съ Лиссабонскимъ по поводу нашей встрѣчи и по поводу вообще современной жизни. Однажды начавшійся между нами разговоръ былъ прерванъ появленіемъ пріятеля, предложившаго отправиться на сельскохозяйственный съѣздъ и разлакомившаго насъ напечатанной программой съѣзда, которая, какъ намъ казалось, давала возможность искреннему человѣку сказать хотя пятокъ искреннихъ словъ о народѣ. Но мы горько ошиблись. Прослушавъ часа три не

то чтобы разговоры, а какое-то болотное «бульканіе», — при чемъ слова ораторовъ вяло появлялись, какъ пузыри на болотѣ, беззвучно лопались, не оставляя впечатлѣнія, даже звука, — мы оставили залу засѣданія съ какимъ-то безжизненнымъ душевнымъ утомленіемъ.

Когда мы шли на съѣздъ, у насъ были вопросы и интересъ въ разрѣшеніи ихъ; когда мы шли со съѣзда, не было у насъ ни вопросовъ ни интересовъ, а было неотразимое угнетающее впечатлѣніе какого-то нездороваго «бурчанія» — бурчанія, въ которомъ какъ-то коллективно слилось: бурчаніе гнилого болота, и разстроеннаго желудка, и еще болѣе разстроенной мысли...

Двѣ недѣли послѣ этого гипнотическаго сеанса не хотѣлось ничего читать, ни о чемъ думать, ничѣмъ интересоваться... Возьмешь газету, и едва только встрѣтишь что-нибудь въ родѣ: «земельные надѣлы крестьянъ...», или: «какъ извѣстно, малоземеліе...», или: «улучшенная обработка...»—и валится изъ рукъ газета, потому что «бурчаніе» по всѣмъ этимъ «*насущнымъ*» вопросамъ неотразимо встаетъ въ воспоминаніи. А тутъ эти безконечныя, отупляющія, даже окаменяющія вѣсти о голодѣ: сегодня пишутъ о мальчикѣ, который съѣлъ свою ногу передъ смертью отъ голода, завтра о женщинѣ, которая повѣсилась также отъ голода, а послѣзавтра — и безконечно изо дня въ день — все новыя и новыя, и все болѣе и болѣе невѣроятныя и отупляющія извѣстія. Тутъ же среди этихъ ужасовъ толкутся какіе-то благодѣтели, требующіе корокъ на прокормленіе милліонныхъ массъ, рѣшающіеся сушить ихъ на собственный счетъ; тутъ же и «Ѳедя съ Машей, пожертвовавшіе 2 рубля»; тутъ же и крики на бездѣліе и мѣропріятія и звуки благороднаго негодованія — и въ концѣ концовъ надъ всѣмъ этимъ и между всѣмъ этимъ то же самое «бурчаніе» плѣнной мысли и плѣнной энергіи...

Не только для разговоровъ съ Лиссабонскимъ не было ни малѣйшаго предлога, но и охоты къ нему совершенно ни малѣйшей не чувствовалось. Въ такомъ-то гнетущемъ душевномъ состояніи пришло мнѣ на умъ уѣхать на денекъ изъ Петербурга въ деревню.

Не безъ чувства величайшаго удовольствія очутился я въ вагонѣ Николаевской дороги въ вечеръ того самаго дня, когда мнѣ пришла мысль уѣхать въ деревню. И еще больше удовольствія испыталъ я, когда двинулся поѣздъ, ибо, несмотря на то, что путь мой былъ недологъ и уда-

леніе изъ Петербурга не надолго, все-же-таки Петербургъ хотя на нѣкоторое время уходилъ отъ меня; я на время, на нѣсколько дней, могъ позабыть его, фактически долженъ былъ остаться внѣ ежедневныхъ интересовъ петербургскаго дня (за разстояніемъ и невозможностью получать газеты), т.-е. вообще имѣлъ возможность механически облегчить свое душевное состояніе. Деревня не особенно привлекала меня; но я твердо зналъ, что тамъ есть кой-какія новости, новости деревенскія, и хотя маленькія, но реальнѣйшія и, стало-быть, способныя интересовать васъ въ самомъ дѣлѣ, а не такъ только, чтобы кое-какъ убить время.

Въ четвертомъ часу утра, когда еще надъ снѣжными равнинами лежитъ глухая, темная, непробудно-сонная ночь, я долженъ былъ оставить вагонъ и пересѣсть въ сани. Выйдя изъ вагона на платформу станціи и ища глазами ямщика, я совершенно случайно встрѣтилъ знакомаго крестьянскаго парня Мишу, лѣтъ 20-ти. Оказалось, когда я подошелъ къ нему, что онъ также ѣхалъ съ этимъ же поѣздомъ, только сидѣлъ въ другомъ вагонѣ.

— Ты зачѣмъ это въ деревню?—спросилъ я Мишу, зная, что съ двумя другими братьями онъ жилъ въ извозчикахъ въ Петербургѣ и долженъ былъ пробыть вплоть до весеннихъ полевыхъ работъ.

— Да что̀!—съ горечью самою искреннею сказалъ онъ.— Паранька намутила, подлая...

Паранька—это была та самая дѣвица, о которой я разсказывалъ прежде, что ее не выдавали замужъ, оставляя въ дѣвицахъ, изъ-за сельскохозяйственныхъ интересовъ.

— Что̀ же такое случилось?

— Самовольски съ женихомъ убѣжала!

Миша сказалъ это съ такимъ ожесточеніемъ, которое меня изумило.

— Безъ отца, безъ матери повѣнчались! Чистая срамота—анаѳема этакая!

— Хорошъ ли женихъ-то?

— А песъ ихъ знаетъ, кто онъ тамъ такой... Теперича вотъ изъ-за ней...

Миша не договорилъ, потому что насъ обступили крестьяне, ожидавшіе на холодѣ и въ темнотѣ ночи сѣдоковъ въ ближайшія деревни. Миша и я, мы сѣли въ однѣ сани, такъ какъ намъ было по дорогѣ, да, кромѣ того, въ домѣ Мишиныхъ братьевъ я долженъ былъ взять другую лошадь,

собственно ужъ на мызу къ Ивану Ермолаичу, — таковъ обычай, а не необходимость. Почти всю дорогу Миша хранилъ глубокое молчаніе, да и я не разспрашивалъ его; все молчало кругомъ и это молчаніе невольно дѣйствовало на насъ. И извозчикъ и мы ѣхали молча и молча думали. Я думалъ о поступкѣ Параньки, не понимая, откуда взялась у этой кроткой, терпѣливой и выносливой дѣвушки такая смѣлость, поистинѣ необыкновенная.

Семейство Горшковыхъ, къ которому принадлежали Паранька и Михайла, была одна изъ самыхъ богатыхъ, до сей минуты не дѣлившихся семей. Часто я заглядывалъ къ нимъ, такъ какъ давно уже установился обычай брать у Горшковыхъ лошадей до мызы, хотя въ этомъ на самомъ дѣлѣ не было никакой надобности. И всякій разъ, когда приходилось мнѣ зайти къ нимъ, было ли то рано утромъ, въ полдень, или вечеромъ, я всегда почти заставалъ самоваръ, за которымъ присутствовали всѣ наличные, не занятые работой члены семейства — и взрослые и маленькіе — и всѣ упрашивали пить чай. Всѣ они были ласковы, постоянно говорили: еще «чашечку молочка», «хлѣбца» и т. д., но, несмотря на эту предупредительность, рѣшительно не понимаю, почему въ семействѣ этомъ я чувствовалъ крайнее стѣсненіе. Въ разговорахъ и взаимныхъ отношеніяхъ домочадцевъ чувствовалась какая-то тягостная напряженность; выходило какъ-то такъ, что не только я былъ чужой въ этой семьѣ, но казалось, что и всѣ-то члены семейства какъ бы чужіе другъ другу; чувствовалось, что и между ними — тоже перегородки, холодныя, неискреннія отношенія, и что въ этихъ якобы семейныхъ отношеніяхъ и въ этомъ семейномъ гостепріимствѣ слишкомъ много (если не все) приличія, внѣшняго, обиходнаго «обращенія», которое разработано въ крестьянскомъ быту весьма обстоятельно. Знакомясь впослѣдствіи съ этой семьей и вообще съ условіями крестьянской жизни, я сталъ убѣждаться, что чувство не обмануло меня, и что въ семьѣ давно уже начался разладъ коренной, и что если семья эта и продолжаетъ держаться не дѣлясь, то только потому, что ее держитъ привычка къ повиновенію умной, крѣпкой и распорядительной бабкѣ, а главное — нерѣшительность кого-либо изъ семьянъ «начать». Казалось, каждый ждалъ, кто первый въ семьѣ начнетъ «бунтовать»?

Разладъ этотъ, начавшій проникать въ семейство, какъ и во всѣ русскія деревни, по мѣрѣ того, какъ въ деревню

сдѣлался возможнымъ доступъ заработка не исключительно земледѣльческаго, тронулъ описываемое мною семейство уже довольно давно. Покуда семья эта была исключительно земледѣльческая, совмѣстная общинно-семейная жизнь была всѣмъ понятна: всѣ работаютъ одно и то же дѣло, всѣ потребляютъ вмѣстѣ выработанный продуктъ, всѣ озабочены одной и той же заботой — успѣшностью земледѣльческаго труда. Все ему подчинено, и подчиненіе это всякому члену понятно. Всякій, въ лучшихъ семьяхъ, подчинялся сознательно требованіямъ одного для всѣхъ труда и равнаго для всѣхъ благосостоянія.

Но вотъ настали новыя времена, ощутилась надобность въ заработкѣ на сторонѣ. Одинъ изъ среднихъ братьевъ семьи Горшковыхъ поѣхалъ въ Питеръ въ зимніе и легковые извозчики; другой, тоже средній, сдѣлался лѣсникомъ и сталъ получать жалованье, а вмѣстѣ съ заработками того и другого началось и разрушеніе стройности земледѣльческаго семейнаго союза. Извозчикъ за пять мѣсяцевъ выслалъ сто рублей, а лѣсникъ добылъ только двадцать пять. Спрашивается: на какомъ основаніи онъ, этотъ лѣсникъ, съ такимъ неограниченнымъ аппетитомъ истребляетъ чай и сахаръ, которые явно куплены на деньги извозчика? И, кромѣ того, на какомъ основаніи истребляютъ этотъ чай всѣ домочадцы, напримѣръ, старшій братъ, который одинъ выпиваетъ въ теченіе сутокъ до восьмидесяти чашекъ (все семейство выпиваетъ въ день, примѣрно, до девятисотъ чашекъ чаю съ четвертью фунта сахара на всѣхъ. Вотъ почему, между прочимъ, крестьянинъ, покупая въ лавкѣ сахаръ, всегда прибавитъ фразу: «какого *покрѣпче*»... т.-е. чтобъ съ однимъ кускомъ можно было выпить чашекъ пятьдесятъ) и который однако для этого сахару и чаю не ударилъ пальца о палецъ. Въ то время, когда извозчикъ мерзъ по ночамъ, мучился съ пьянымъ, получалъ «въ зашей» отъ «жандара» гдѣ-нибудь около клуба или театра, этотъ старшій братъ преспокойно лежалъ на брюхѣ на печкѣ, разсказывая небылицу о томъ, какъ двадцать семь медвѣдей на его глазахъ прошли въ Тихвинъ, на переселеніе, съ дѣтьми, и никого не тронули. Положимъ, что кормились дѣти извозчика въ то время, какъ онъ былъ въ отлучкѣ, но вѣдь лѣтомъ онъ самъ работалъ, и они ѣли не чужое. Единственно, что заставляло извозчика терпѣть, это то, что лошадь и сани куплены на общія деньги. Но уже онъ *терпѣлъ*.

Терпѣлъ онъ годъ и два, но уже давно задумывался, высчитывалъ, сколько перешло «своихъ» денегъ, а въ то же время за нимъ стали «замѣчать», что малый норовитъ «скрыть» часть выручки и старается столько внести въ семью, сколько, по его соображенію, вносили другіе; однажды его дочь-дѣвочка набрала ягодъ за лѣто на пятнадцать рублей (изъ города пріѣзжали покупать), и онъ попробовалъ-было недодать той же суммы изъ извозчичьей выручки. Но бабка не позволила. Другой братъ, попроще, тоже сталъ задумываться надъ своимъ жалованьемъ и хотя отдавалъ бабкѣ, но тоже подумывалъ и высчитывалъ, сколько «перешло» на старшаго брата и на дѣтей его. Вонъ Паранькѣ купили платье у татарина, и явно изъ его денегъ, а Паранька—дочь старшаго брата; въ то же время Паранька сама выработала—драла корку ивняка—рублей пятьдесятъ и присвоила эти деньги себѣ; младшій братъ припомнилъ платье, купленное на его деньги, и когда мать этихъ денегъ не отдала, то въ слѣдующій мѣсяцъ, по его счету, у него оказалось жалованье, которое именно ему принадлежитъ. Онъ передалъ, или отъ него перешло лишнихъ за платье; Паранька съ бабкой не отдали его денегъ, такъ вотъ онъ поэтому самъ отымаетъ у нихъ свое жалованье и пропиваетъ.

Всей этой разладицы невозможно изобразить во всей полнотѣ, но въ общихъ чертахъ она происходила, во-первыхъ, отъ сознанія почти всѣхъ младшихъ членовъ семьи, что отъ каждаго изъ нихъ что-то перешло къ другимъ, перешло мое къ другому, и, во-вторыхъ, отъ еще болѣе обиднаго сознанія, что и ко мнѣ, къ каждому изъ насъ, перешло чужое. Эти двѣ раздирающія спокойствіе духа черты—*мое* и *не мое*—одинаково чувствовались въ каждой мелочи: въ кускѣ сахару, въ чашкѣ чаю, въ платкѣ, въ ситцѣ и т. д. Николай смотрѣлъ на Алексѣя, думая—«мое ѣшь», и чувствовалъ въ то же время самъ, что и Алексѣево тоже какъ бы съѣдено имъ, Николаемъ; точно такъ же и Алексѣй чувствовалъ себя неудовлетворительно: напившись чаю, сколько хотѣлось, онъ хоть и икалъ не стѣсняясь, чтобы показать, что вотъ, молъ, напился, и напился притомъ «своимъ», но и онъ былъ неискрененъ, чувствуя, что есть тутъ въ чаю или сахарѣ, или въ булкѣ,—словомъ, гдѣ-то тутъ, и—вѣрнѣй, да и обиднѣй всего—кажется, въ желудкѣ, есть тамъ что-то чужое.

Въ случаяхъ возникавшихъ споровъ, дѣло всегда сводилось

на желудокъ: «Аль ты у меня въ брюхѣ смотрѣлъ?», или: «Въ брюхѣ, братъ, не видно, что̀ мое, что̀ твое». Вотъ именно это «мое — твое», наблюдаемое всѣми на каждомъ кускѣ, въ каждомъ глоткѣ, было то, что̀ всякій разъ гнало меня изъ-за стола Горшковыхъ, несмотря на ихъ приглашенія выпить чашечку. Пили они истово, молча, уставясь въ блюдечки, но норовили, какъ мнѣ казалось, поровну выпить и какъ бы слѣдили (конечно, *не подавая виду*), не перепилъ ли кто кого или не объѣлъ ли въ чаѣ, въ сахарѣ.

По крайней мѣрѣ, взоры, которые бросали они искоса другъ на друга, на своихъ и чужихъ дѣтей—прескверные были взоры. И такая-то тягота чувствовалась во всемъ. Поѣдешь съ однимъ братомъ—другой при встрѣчѣ издалека узнаетъ, много-ль далъ. Станешь отдавать одному изъ нихъ деньги — другой непремѣнно смотритъ во всѣ глаза и въ кошелекъ и въ руки брату—и, разумѣется, такое напряженное положеніе не могло долго продолжаться.

Вышло такъ, что первая забунтовала Паранька. Оказывалось необходимымъ сшить для нея шерстяное платье. Всѣ мужики долго, года полтора, упирались противъ этой затѣи съ непоколебимою энергіею. Милліонъ разъ, не меньше, было доказано имъ и бабкой, и другими женщинами, и самой Паранькой, которая рыдала горючими слезами множество зимнихъ вечеровъ, что Паранькиныхъ денегъ перешло на мужиковъ больше ста рублей — упирались мужики истинно по-бычачьи. Наконецъ стала рыдать и бабка— тогда рѣшились сшить ей платье.

Отправили сначала старшаго брата «разузнать цѣны» и вообще узнать: въ чемъ тутъ дѣло и во что обойдется—и тотъ надумалъ ѣхать на пристань, верстъ за двадцать пять. Взялъ онъ лошадямъ овса и сѣна и проѣздилъ двое сутокъ, при чемъ совѣтовался съ кузнецомъ, коноваломъ и ходилъ по лавкамъ, но ничего не узналъ, не зналъ, какъ спросить, и воротился ни съ чѣмъ. Чтобъ не охладить рѣшимость братьевъ, Паранька стала ревѣть съ той самой минуты, какъ рѣшено было сшить ей платье. Этими слезами она не давала покоя мужикамъ, и, благодаря ея усиліямъ, при полнѣйшей неохотѣ, а главное — при полномъ незнакомствѣ «съ этими дѣлами», вслѣдъ за старшимъ братомъ поѣхали оба середніе брата и тоже на пристань, гдѣ лѣсопильный заводъ, а стало-быть, народъ. Братья тоже путемъ ничего не узнали, но пріѣхали съ убѣжденіемъ, что

надо послать бабъ—по возможности старухъ. Паранька не давала покоя слезами. Старухи поѣхали и воротились въ полномъ испугѣ: меньше какъ за сорокъ цѣлковыхъ никто и думать не берется о платьѣ... Тутъ всѣ братья, и жены, и даже Паранька какъ бы поняли, что дѣло это невозможное, но Богъ спасъ Прасковью. Какой-то солдатъ, будучи на пристани, слышалъ разговоры горшковскихъ бабъ о платьѣ, понялъ ихъ безпомощность и далъ знать въ драгунскій штабъ, что̀ подъ Новгородомъ, верстъ за сорокъ отъ деревни, гдѣ жила Прасковья. Въ штабѣ нашлась какая-то портниха, которая, воспользовавшись случаемъ (какой-то офицеръ перевозилъ въ Петербургъ рояль), увязалась съ ящикомъ и на роялѣ пріѣхала къ Прасковьѣ. Вотъ эта-то солдатка и поставила все дѣло на новую ногу. По ея словамъ, все будетъ дешево и хорошо; опять начались разъѣзды, при чемъ одного овса лошадямъ стравили больше трехъ кулей—по семи рублей куль, да солдаткѣ на чаѣ, на сахарѣ и на водкѣ въ теченіе шести недѣль, покуда шили, и кроили, и перепарывали—извели Богъ знаетъ сколько денегъ, такъ что, когда платье было наконецъ готово и братья сосчитали *все*, такъ оказалось, что можно было бы купить два сруба двѣнадцатиаршинныхъ и въ семнадцать звенъ каждый.

Солдатка утащила какіе-то остатки, за которыми тоже гоняли лошадей съ бабами, и платье, кромѣ того, вышло ни на что не похоже. Впослѣдствіи Паранька неусыпными трудами, а главное—«утайками» денегъ, сшила себѣ шелковое платье въ Новгородѣ, купила «казакъ» и пальто и хранила эти вещи въ чужомъ домѣ.

Вслѣдъ за Паранькой началъ бунтоваться средній братъ, извозчикъ; онъ сталъ требовать, чтобы его держали «на отчетѣ», то-есть чтобъ положили съ него опредѣленную сумму денегъ въ годъ, а онъ — выручитъ или не выручитъ—отдай. Онъ основывалъ это требованіе на томъ, что лошадь и сани окуплены давнымъ-давно. Но точно ли онѣ окуплены? Вотъ тутъ и пошли аргументы въ родѣ того, что «ты глядѣлъ, молъ, мнѣ въ брюхо, твое тамъ али мое». Но первый отдѣлился Алексѣй-лѣсникъ и отдѣлился, вѣрнѣе, потому, что искреннѣе всѣхъ и чаще всѣхъ чувствовалъ тяжесть чужого, которое переходитъ ему. Свое, что̀ лишнее, онъ аккуратно пропивалъ, чтобъ оно никому не доставалось,—не такъ, какъ Николай, который утаивалъ,—но, отрезвившись, не могъ не сознавать, что ѣдалъ онъ и

чужое. Для того, чтобы рѣшиться на раздѣлъ, онъ сталъ пьянствовать, — какъ говорится, «не судомъ», пропилъ семьдесятъ рублей—все годовое жалованье, допилъ до драки, оралъ Богъ вѣсть что̀ и только поэтому могъ оторвать себя отъ семьи, отъ привычки къ ней. Въ трезвомъ видѣ онъ не могъ бы вести корову съ отцовскаго двора, вести своихъ ребятъ, лошадь, тащить сани и т. д. Онъ пьянствовалъ до того, что валялся, подобралъ себѣ компанію пьяницъ и съ ними-то кое-какъ «разорвался» съ родной семьей, перейдя въ небольшой домикъ, принадлежавшій семейству Горшковыхъ и выстроенный ими лѣтъ десять назадъ послѣ пожара. Они всѣ жили въ этомъ домѣ, покуда строился большой домъ.

Послѣ того какъ отдѣлился Алексѣй, братъ-извозчикъ пріѣхалъ въ деревню, а на свое мѣсто послалъ младшаго брата, Михайлу. Это было нынѣшней осенью, и вотъ теперь, не проѣздилъ Михайла и двухъ мѣсяцевъ, какъ въ домѣ случилась новая исторія — убѣжала Паранька, и его требуютъ домой, а братъ Николай (извозчикъ) опять возвращается въ извозъ. Почему требуютъ Михайлу? Почему Михайла золъ на Параньку? Чѣмъ она ему повредила? Всѣ эти вопросы были для меня загадкой... А главное, я не могъ понять, отчего Миша такъ необыкновенно золъ на Прасковью. Это былъ юноша, красивый, добрый паренекъ, а теперь я не узналъ его—онъ показался мнѣ жестокимъ, и жестокимъ какъ-то дико, ибо нападалъ на Параньку за «самовольство»—точно старый, выжившій изъ ума деспотъ; но дорогою онъ меня совсѣмъ поразилъ. Мы ѣхали молча бо̀льшую часть дороги; я даже думалъ, что Михайла заснулъ, но онъ, оказалось, бодрствовалъ, а по мѣрѣ приближенія къ деревнѣ сталъ что-то поговаривать про себя и вдругъ заговорилъ:

— Какъ бы только платья ей не отдали... Какъ пріѣду, первымъ долгомъ отыщу ейное платье... Дрянь паршивая!..

— Это ты Прасковью все бранишь?

— Какъ же ее, дьявола, не бранить-то? Я самъ ей, подлячкѣ, помогалъ, — дуракъ былъ, — одежду-то въ людяхъ хоронить, а она вонъ что̀... Въ жисть не разстанусь, а ужъ отыму ейныя платья... Шелковое да шерстяное, да казакъ,—все отыму! На клочья разорву, а не дамъ... Псовка экая!

Михайла былъ такъ золъ, что разговаривать съ нимъ не было никакой охоты.

Не буду разсказывать о тѣхъ деревенскихъ новостяхъ, которыя повѣдалъ мнѣ Иванъ Ермолаичъ; едва ли онѣ будутъ интересны читателю: волки съѣли безъ остатка двухъ собакъ, двѣ коровы разрѣшились отъ бремени, при чемъ телята получились «всѣ въ отца» (послѣднее слово: «всѣ въ отца» Иванъ Ермолаичъ произнесъ съ истиннымъ умиленіемъ). Возвращусь къ исторіи Михайлы, который, согласно уговору, долженъ былъ пріѣхать за мной съ вечера, чтобы ночевать въ пустомъ домѣ, а утромъ ѣхать на станцію.

Вечеромъ Михайла пріѣхалъ. Разговаривая за чаемъ о томъ, о семъ, мы наконецъ коснулись и поступка Параньки.

— Что-жъ, — спросилъ Михайлу Иванъ Ермолаичъ:— одежду-то Паранька увезла, аль отобрали?

— Отобрали... Успѣли... Только-что бурнусъ успѣла ухватить.

— Увезла-таки бурнусъ-то?

— Увезла! — угрюмо опустивъ глаза въ блюдечко съ чаемъ, проговорилъ Миша какъ-то отрывисто.

— Тебя-то зачѣмъ изъ Питера выписали? — спросилъ Иванъ Ермолаичъ.

Этотъ вопросъ мгновенно расшевелилъ Михайлу. Глаза его загорѣлись, и онъ съ сильнымъ гнѣвомъ и раздраженіемъ произнесъ:

— То-то вотъ Паранька-то, поскуда, подвела меня подъ смерть, чисто подъ топоръ. Теперича выписали меня—женись! Мясоѣду осталось мало—успѣвай! Хлопочутъ теперь насчетъ невѣсты, ищутъ... Вѣдь у насъ, самъ знаешь, семейка-то не маленькая... ежели хоть мѣсяцъ безъ работницы останутся, такъ и то раззоръ. Одной скотины, коровъ восемь головъ, да телятъ, да овецъ, лошадей четыре... Вотъ и надобно жениться...

— А работницу нанять?

— Работницу? По нашему семейству работницу найти нельзя... Да и кто будетъ деньги платить? У насъ работница не можетъ, потому семья громадная—никакихъ денегъ не возьметъ... Тутъ надобенъ *свой* человѣкъ. Вотъ теперича они и разыскиваютъ невѣсту... чтобъ она вмѣсто Параньки орудовала... Вѣдь вотъ что̀ она натворила, дубина безобразная!.. Ну, да и ей счастья не будетъ... Оно хоть и по любви, полюбовно вышло, а тоже и въ жениховой семьѣ не сладко ей будетъ... Вѣдь женихъ-то тоже любитъ-любитъ, а тоже на Параньку позарился изъ-за работы... Работница

она—настоящая... это вѣрно, а у него въ семьѣ четыре тетки, вотъ на нихъ и будетъ работать... Пущай... Кабы послухала, что̀ говорили — взять мужика въ домъ, али бы погодить замужъ-то, покуда подрастутъ наши свои дѣвки, анъ бы.... А теперь вотъ, Богъ ее знаетъ, какую-такую жену мнѣ приспособствуютъ... Ужъ навѣрно, чтобъ безсловесную, вотъ какъ Алексѣю присодѣйствовали... Свинья какая! У меня, можетъ, у самого тоже любовь-то есть? А теперь вонъ—на-ка-сь—скотина, говоритъ, не поена два дня, такъ и женись невѣдомо на комъ... Тоже вѣдь не весьма пріятно изъ-за теленка или тамъ изъ-за овецъ на всю жизнь съ идоломъ съ какимъ связаться...

Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ съ Михайлой оказалось, что у него дѣйствительно существуетъ въ Петербургѣ привязанность. Съ годъ тому назадъ познакомился онъ съ няней однихъ господъ, жившихъ поблизости на дачѣ. Онъ перевозилъ ей вещи. Няня эта оказалась крестьянкой той же губерніи, что̀ и Михайла, и притомъ изъ деревни, весьма недалеко отстоящей отъ деревни Михайлы. Няня эта была дѣвица старше Михайлы лѣтъ на восемь, но она понравилась ему и лицомъ, и поведеніемъ, и положеніемъ своимъ въ семьѣ. Семья ея состояла только изъ отца и матери. Дѣвушка, которую любилъ Михайла, съ пятнадцати лѣтъ служила въ Петербургѣ въ людяхъ, отдавая рѣшительно все родителю. Она до того свято исполняла эту обязанность, «отдавая все» въ деревню, что едва ли и знала какую-нибудь другую. Былъ въ ея жизни одинъ эпизодъ, который всякаго другого, не столь искренно и глубоко понимавшаго свою «обязанность», могъ бы разбить и обезсилить: послѣ шести или семи лѣтъ работы въ Петербургѣ, отецъ ея на ея деньги отлично обстроился, прикупилъ скотины и сталъ жить порядочно; онъ даже сталъ звать свою дочь домой, полагая взять ей мужа «во дворъ» — и вдругъ сгорѣлъ и домъ и все имущество. Отецъ въ отчаяніи сталъ пьянствовать, и въ одинъ изъ такихъ загуловъ—отъ кабака, въ которомъ онъ шумѣлъ далеко за полночь, воры угнали лошадей, которыя такъ и пропали безслѣдно. На бѣду, домъ, стоившій не одну сотню рублей, былъ застрахованъ только въ пятьдесятъ, чтобы «меньше платить страховки». Дочь, намѣревавшаяся оставить Питеръ и опять взяться за крестьянство, должна была остаться и снова начала труднѣйшее дѣло устройства въ конецъ разстроенной семьи. Въ то время познакомилась она съ Михайлой; отецъ и мать

были снова устроены, снова у нихъ былъ домъ и скотъ, снова все у нихъ поправилось и пошло въ ходъ, и снова отецъ звалъ ее опять домой, говоря, что, умри онъ со старухой, дядья отымутъ домъ, выстроенный на трудовыя деньги племянницы. Вотъ почему она и заинтересовала Михайлу. Сундукъ, который онъ перевозилъ, также игралъ нѣкоторую роль въ благопріятномъ впечатлѣніи, которое производила на него няня. Онъ былъ тяжелъ и великъ, и много было въ немъ имущества. Но не это плѣнило главнымъ образомъ Михайлу въ Авдотьѣ (такъ звали дѣвушку),— плѣнили его кротость ея и удивительное терпѣніе. Столько работать, какъ она, и не роптать — вещь, достойная уваженія. Сойтись съ такой кроткой и работящей, къ тому же грамотной и не забывшей крестьянства женщиной для Михайлы казалось большимъ счастіемъ. Она ему сочувствовала и любила его, онъ ей нравился. Женясь, они были бы полными хозяевами и начали бы хозяйствовать, никому не одолжаясь. Михайла и его невѣста частенько подумывали объ этомъ, толковали о томъ, какъ выписаться изъ общества, много ли это станетъ и т. д. И вотъ оказывается, что отъ всего этого надобно отказаться, жениться «къ спѣху», потому что некому юить телятъ и потому, что мясоѣдъ коротокъ, жениться Богъ вѣсть на комъ.

— Вѣдь вотъ что̀ она, подлая, сдѣлала!—заключилъ Михайла свой разсказъ и свою исповѣдь.

И нельзя не сознаться, что негодованіе на Параньку Михайлы было вполнѣ объяснимо, понятно и извинительно.

— Погодить бы ей надоть, покуда дѣвки-то подрастутъ...— сказалъ Иванъ Ермолаевичъ.

— Про что-жъ я-то говорю... Я про то и говорю... Какъ бы погодила-то, нешто бы такъ-то вышло... Идолъ этакій! Авось бы, кажется, нечего бояться, не осталась бы въ дѣвкахъ, такія работницы не остаются въ дѣвкахъ... Прямо съ вечеринки... Бабушка говоритъ: прямо, говоритъ, какъ была одѣта на вечеринкѣ, такъ и сѣла въ сани къ жениху.—«Что̀ ты молъ, Парасковья? Куда?» А она—«не вѣкъ же мнѣ съ вами маяться»... Полушубокъ у жениха-то былъ припасенъ! Такъ и уѣхали... А на утро повѣнчались... Баушка-то и говоритъ:—«Я, говоритъ, такъ и обмерла... Стою на крыльцѣ, гляжу, вижу, что Паранька уѣзжаетъ, а ничего не соображу... Только какъ начали телята ревѣть, непоенные, тутъ только я очувствовалась... Думаю: ахъ, ты, каторжная!.. что̀ сдѣлала...»

— Да, вамъ трудно...—сказалъ Иванъ Ермолаевичъ съ глубокимъ вздохомъ.—Велики ли дѣвки-то у васъ остались?

— Да самой-то старшей одиннадцать двѣнадцатый, а прочія все ниже...

— Скотины много ли?

— Телятъ сейчасъ штуки четыре...

И Михайла сталъ высчитывать количество скота.

— Да!—сказалъ Иванъ Ермолаевичъ рѣшительно.—Не справиться... Надо бабу. Какую невѣсту-то сватаютъ?

— А песъ ихъ знаетъ... Да я не покорюсь... Это ужъ какъ угодно.

Долго шли между ними разговоры о Михайлѣ и его дѣлѣ, и несмотря на то, что въ разговорѣ этомъ скотина и люди, дѣвки и телята перемѣшивались въ одну какую-то странную массу, невольно всѣмъ становилось яснымъ истинно-драматическое положеніе Михайлы. Не покорись онъ—разстроитъ цѣлую семью, возьметъ на душу грѣхъ; покорись—значитъ, пожертвуй собой. Сколько геройства требовали отъ человѣка эти непоенные телята!

Утромъ мы оставили Ивана Ермолаевича и рано уѣхали—сначала въ деревню, а потомъ на станцію. Въ деревнѣ зашли къ бабкѣ повидаться. И здѣсь вновь должны были присутствовать при горькихъ и трогательныхъ хозяйственныхъ жалобахъ разстроенной Паранькою семьи.

Грустно покачивая головою, бабушка, видимо убитая горемъ раздѣла и самовольнаго брака, долго причитывала на ту же драматическую тему о людяхъ и телятахъ:

— Я стара, у старшей невѣстки пятый годъ болятъ ноги, плохо ходитъ... Эта вотъ дѣвка—еще маленька, не осилить ей... Скотина реветъ... Ни воды достать ни замѣсить—нѣтъ человѣка! Ахъ, ты, Господи, Батюшка Владыко...

Скучно было слушать это, ужасно скучно.

Уходя, столкнулись на крыльцѣ съ отдѣлившимся Алексѣемъ и должны были зайти къ нему. Алексѣй, встрѣтившій насъ, былъ подъ хмелькомъ, и вмѣстѣ съ нимъ присутствовалъ товарищъ, столяръ, тоже подъ хмелькомъ. Дѣло въ томъ, что Алексѣй устраивался, а столяръ его устраивалъ, дѣлалъ ему лавки, шкапчикъ для посуды, и въ разговорахъ объ этомъ устройствѣ непремѣнно участвовала водка. Разговоры поэтому даже о шкапчикѣ шли душевнѣйшіе. Алексѣй, человѣкъ почти сорокалѣтній, былъ не то чтобы радъ своей самостоятельности, но, какъ дитя, въ буквальномъ смыслѣ какъ ребенокъ, былъ поглощенъ своимъ

повымъ положеніемъ, въ которомъ онъ «все самъ». Онъ поминутно прибавлялъ почти къ каждому слову два слова о томъ, что теперь, молъ, все самъ, «все свое», «нельзя», «все надо». И такъ какъ средствъ у него на это «все» не было, то покуда дѣло устроенія шло въ разговорахъ и преимущественно въ питіи съ пріятелями водки—питіи, быть-можетъ, необходимомъ для поддержанія бодрости духа, ибо дѣло Алексѣя было въ самомъ дѣлѣ труднѣйшее. Теперь все надо добыть самому—отъ пищи до сапога и кнута. Жена Алексѣя понимала всю тяжесть предстоящаго ей житія и во время нашего посѣщенія только и говорила, что объ этихъ тягостяхъ: «теперь сама и за дѣтьми, и за скотиной, и въ полѣ, и въ домѣ; обо всемъ сама думай, сама шей, сама стряпай, мой». Не менѣе часто, чѣмъ выраженіе Алексѣя: «теперь все самъ», жена его употребляла другое: «вотъ продадимъ теленочка—Богъ дастъ, справимся!». Этотъ же теленочекъ частенько поминался и Алексѣемъ въ разговорахъ его съ столяромъ, лавочникомъ — словомъ, со всѣми, съ кѣмъ заставляло сталкиваться его новое положеніе, новая забота и нужда... Вездѣ—при заказѣ шкапика, при питьѣ водки, въ лавкѣ при покупкѣ кнута, соли — вездѣ теленочекъ игралъ роль плательщика, вездѣ на его продажу указывалось, какъ на расплату. Видѣлъ я этого теленочка, на котораго возлагали столько надеждъ и который долженъ удовлетворить такой массѣ нуждъ нарождающагося Алексѣева хозяйства... И скучно стало мнѣ и боязно за судьбу Алексѣевой семьи.

III. Джутовый мѣшокъ.

1.

«...Въ послѣдніе мѣсяцы пресса наша очень и очень часто толкуетъ и даже горячится по поводу появленія на Руси заграничнаго «джутоваго мѣшка», объявившаго кровавую войну нашему, русскому, пеньковому мѣшку... Дѣло выходитъ дѣйствительно серьезное и вполнѣ достойное вниманія всякаго, кому хоть временами заходитъ въ голову мысль объ участи «меньшаго брата».

Что̀ такое однако этотъ джутовый мѣшокъ?

По внѣшнему виду это есть самый обыкновенный (и го-

ворятъ—даже не весьма прочный) мѣшокъ для перевозки зерна, сдѣланный изъ индійскаго растенія—джута, того самаго, изъ котораго дѣлаются веревки въ дѣтскихъ гимнастикахъ. Но по внутреннему своему содержанію онъ—бичъ Божій.

— Что̀ за времена настали горькія!—жалуется крестьянская женщина *).—Прежде, бывало, наткешь ровнаго холста да повезешь въ Суджу, тамъ его изъ рукъ рвутъ; купца—видимо-невидимо! Продашь выгодно, купишь, чего требуется, и ѣдешь домой; теперь же совсѣмъ иное: сидишь за прясломъ цѣлую ноченьку, и беретъ тебя горькое раздумье: когда-то еще удастся продать! Поносишь-поносишь по городу да и привезешь назадъ... Вотъ какія нонѣ горькія времена настали!

Вы представьте себѣ эту несчастную бабу деревенскую, многія ночи слѣпнувшую за прясломъ; ходитъ она, бѣдная, по городу—никто-то у нея не спрашиваетъ ея товара.

— И что̀ это дѣется?—думаетъ несчастная баба.—Господи помилуй, Господи помилуй... И что̀ это за времена такія, Господи Батюшка!.. И съ чего это? Что̀ такое? Какая напасть?..

Ходитъ баба изъ улицы въ улицу, отъ однѣхъ купецкихъ воротъ къ другимъ, и понять не можетъ, что̀ за притча такая, что, несмотря на «ноченьки» трудовыя, должна она идти домой съ пустыми руками.

— Не нужно!..

И не знаетъ она, бѣдная, что разоритель ея—какой-то иностранный мѣшокъ.

Пришелъ этотъ мѣшокъ невѣдомо откуда, объявился въ 21 копейку за штуку и знать не хочетъ несчастную бабу... Земля наша хлѣбная, зерно—единственное богатство, а мѣшокъ—непремѣнный спутникъ зерна. Судите сами, какую многотысячную массу женщинъ и дѣтей обездоливаетъ на Руси этотъ заграничный тиранъ!.. Но выдержка, приведенная нами выше изъ корреспонденціи, не вполнѣ еще рисуетъ бѣдствіе (въ буквальномъ смыслѣ), приносимое этимъ побѣдоноснымъ мѣшкомъ.

Въ «Сборникѣ матеріаловъ для статистики Тверской губерніи» **) мы находимъ весьма подробное и обстоятельное описаніе г. Бѣжецка, который почти весь существуетъ торговлею льномъ, выдѣлкою льна въ холстъ, идущій на мѣшки,

*) Корреспонд. изъ Суджи, Курск. г. «Порядокъ» 1882 г. № 80.
**) Изд. 1874 г. Вып. 2-й.

и шитьемъ мѣшковъ. И здѣсь мы находимъ свѣдѣніе, что еще въ 1872—1873 году слышались жалобы на упадокъ льняного и мѣшечнаго дѣла. Слѣдовательно почти десять лѣтъ тому назадъ ужъ иноплеменникъ грозился на нашу бѣдную землю.

«Холстъ продаютъ, — читаемъ въ сборникѣ: — большею частью женщины, онѣ же и главныя его производительницы. Нѣкоторыя изъ этихъ женщинъ разсказывали мнѣ (автору сборника) слѣдующее:—Самое *злое* нынче время. Приходится *чуть не на кольняхъ* умаливать купцовъ, чтобы взяли холстъ. Бываетъ время, хорошій-то холстъ по рублю продаемъ за кусокъ» (20 арш.).

А вотъ что̀ такое шитье мѣшковъ:

«Шитьемъ мѣшковъ въ Бѣжецкѣ занимается почти цѣлая слобода, называемая «штабомъ»; мѣшки шьютъ домахъ въ полутораста. Работницъ въ нихъ и старыхъ и малыхъ наберется сотъ до пяти, по меньшей мѣрѣ. Купцы, перекроивъ накупленный холстъ (закройщицами большей частью члены семейства купца), раздаютъ его по этимъ домамъ для шитья. Плата за шитье полагается зимою 35 коп., лѣтомъ—40 за каждую *сотню* мѣшковъ. Мѣшокъ шьется голландской пеньковой ниткой, которая идетъ изъ Москвы; нитки выдаютъ швеямъ хозяева-купцы. Рабочихъ дней въ году у швей отъ 200 до 250. Въ воскресные дни и прочіе праздники, особенно лѣтомъ, швеи работаютъ какъ и въ будни. *Самая ловкая* швея въ сутки можетъ сшить не больше пятидесяти мѣшковъ, если проработаетъ часовъ пятнадцать или шестнадцать въ сутки, а самая плохая не сошьетъ за то же время 15-ти мѣшковъ. Первая выработаетъ въ день до 20 к., послѣдняя до 5 (копейка за 3 часа работы). Пять копеекъ въ день—обыкновенный заработокъ малолѣтокъ»...

«Мнѣ случалось,—продолжаетъ авторъ:—побывать домахъ въ десяти, гдѣ живутъ и работаютъ швеи, но попалъ я туда какъ разъ въ такое время, когда у нихъ во всемъ штабѣ не было ни одного заказного мѣшка, и всѣ швеи сидѣли безъ работы. Около 11 ч. утра вошелъ я въ первый попавшійся домъ. Въ комнатахъ—по крайней мѣрѣ, на полу комнатъ—довольно чисто, и даже слышенъ запахъ плохой помады. Меня встрѣтили двѣ очень молодыя дѣвушки—и той и другой на видъ не болѣе 16-ти лѣтъ. Я поздоровался, дѣвушки засмѣялись и сказали съ хохотомъ:

«— Раненько вы, сударь, по гостямъ-то изволите ходить.

«— Что̀ подѣлаешь,—занятіе наше такое!

«— А ваше какое *задѣлье?*

«— Вы, сказываютъ, мѣшки шьете, такъ покажите мнѣ вашу работу.

«Дѣвушки *перестали улыбаться* и въ одинъ голосъ сказали, что у нихъ вотъ уже болѣе недѣли нѣтъ никакой работы.

«Въ комнату вошла пожилая съ болѣзненнымъ видомъ женщина и подтвердила только-что сказанное. Разспрашивая ихъ о житьѣ-бытьѣ, я узналъ, что, кромѣ шитья мѣшковъ, у нихъ нѣтъ никакой другой работы, что въ годъ онѣ впятеромъ *) заработаютъ не менѣе 140 р. и не болѣе 200 р. Всѣ инструменты ихъ состоятъ изъ большихъ иголокъ, концы которыхъ онѣ сами притупляютъ на брускѣ, чтобы не колоть рукъ. Люди немощные, старухи, употребляютъ къ тому же желѣзные крюки, надѣвая ихъ на большой палецъ ноги (шьютъ босыя), чтобы придерживать края мѣшка во время шитья.

«— Очень трудно вамъ работать?

«— Трудно... да ужъ мы привычны: вѣдь насъ съ пяти лѣтъ за шитье-то сажаютъ. Привыкнешь.

«— Ну, а какъ же вы впятеромъ-то на 200 р. живете,— вѣдь это мало?..

«— Н-ну, мы *еще находимъ*...

«— У васъ огородъ, что ли, есть?

«Швеи засмѣялись.

«— Нѣтъ, у насъ нѣтъ огорода... — отвѣчала пожилая женщина.

«Пожилая женщина закашлялась и ушла изъ комнаты. Одна изъ дѣвушекъ тоже ушла.

«— Что же вы теперь дѣлаете, когда вотъ работы-то нѣтъ?

«— А съ гостями занимаемся...

«— Съ какими гостями? Что у васъ, постоялый дворъ, что ли?

«— Нѣтъ... да вотъ... ко всѣмъ, значитъ, здѣсь въ слободѣ—гости ходятъ... да вы будто не знаете... разспрашиваете...

«— Нѣтъ, я не знаю... Такъ развѣ эти гости вамъ деньги носятъ?

«— Ха-ха-ха! Неужели же безъ денегъ? Бываетъ, и вина всякія приносятъ... Иной разъ и офицеры и всякіе господа прочіе...

---

*) Въ томъ числѣ одна немощная старуха и одна 8-ми-лѣтняя дѣвочка.

«— И много васъ здѣсь такихъ, что̀ гостей-то принимаютъ?

«— Да всѣ занимаемся... только старухи вотъ не могутъ.

«Когда я уходилъ, одна изъ дѣвушекъ, засмѣявшись, сказала:

«— Вы привезете намъ винца-то когда-нибудь?

«Во всѣхъ домахъ, гдѣ я былъ у швей, я слышалъ все то же, что̀ здѣсь описалъ, и вездѣ мнѣ дѣлали такой же пріемъ, мѣстами еще «красивѣе».

Но идетъ-гудетъ джутовый мѣшокъ и грозится на бѣдныхъ мѣшочницъ, грозится оставить ихъ при однихъ гостяхъ. Да развѣ это все? Бѣдствія, приносимыя этимъ губительнымъ мѣшкомъ, далеко не исчерпываются этими двумя только группами—несчастныхъ деревенскихъ бабъ-ткачихъ и несчастныхъ дѣвушекъ-мѣшочницъ. Вѣдь прежде, чѣмъ ленъ превратится въ мѣшокъ, ему надобно пройти массу рукъ, которыя всѣ остаются пустыми благодаря иностранному пришельцу. Каемся—шумъ, поднятый въ печати о злодѣйствахъ джутоваго мѣшка, мы въ значительной степени приписываемъ тому обстоятельству, что мѣшокъ этотъ бьетъ по карману барина ничуть не меньше мужика. Едва ли бы объ этомъ мѣшкѣ пошелъ такой шумъ, если бы пришлось кряхтѣть только мужику. Впрочемъ, быть-можетъ, это мнѣніе пессимистическое. Во всякомъ случаѣ, перечисляя всѣхъ гибнущихъ отъ джутоваго мѣшка, мы должны упомянуть и о баринѣ—вѣдь десятина льна (по тѣмъ же свѣдѣніямъ) можетъ приносить до семидесяти пяти рублей *чистаго дохода*. За бариномъ мѣшокъ буквально валитъ съ ногъ цѣлую массу, тысячи простого люда, мужика. Буквально весь уѣздъ, весь народъ въ уѣздѣ существуетъ благодаря льняному производству, и притомъ почти исключительно ему. По тѣмъ же свѣдѣніямъ, почти вся масса земли, находящейся во владѣніи и арендѣ крестьянъ, засѣвается льномъ. Съ пришествіемъ джутоваго мѣшка, вся масса крестьянства, во всѣхъ своихъ ежедневныхъ нуждахъ, дѣлается вполнѣ безпомощною.

Но вѣдь мало вырастить ленъ: надо его еще и «сдѣлать» льномъ; и вотъ, кромѣ мужика, который его раститъ, заграничный пришелецъ вырываетъ хлѣбъ изъ рукъ у массы рабочихъ, занимающихся его трепаньемъ; на одной только льнотрепальной фабрикѣ, въ Бѣжецкѣ, работаетъ 400 человѣкъ рабочихъ. Куда они дѣнутся и что̀ будутъ ѣсть? За льнотрепальщиками идутъ ткачихи, швеи.

Такъ вотъ вслѣдствіе того, что явился какой-то загра-

ничный, машиной сдѣланный мѣшокъ и объявился цѣною въ 21 копейку, въ буквальномъ смыслѣ—тысячи, десятки тысячъ народу мгновенно становятся на гибельную стезю разоренія.

Попробовали-было наложить на мѣшокъ пошлину, т.-е. не пустить его силой, но заграничный мѣшокъ и тутъ извернулся. Иностранные фабриканты, судя по газетнымъ слухамъ, заводятъ три громадныя фабрики для выдѣлки тѣхъ же мѣшковъ внутри самой Россіи, въ самыхъ центральныхъ пунктахъ хлѣбной торговли, при чемъ выдѣлка его будетъ, конечно, машинная, за которой не угнаться никакому «ремеслу», а цѣна его будетъ еще дешевле, потому что джутъ сырьемъ ввозиться будетъ уже безъ пошлины.

Словомъ, мѣшокъ, объявившійся въ 21 копейку серебромъ, вдругъ моментально оставляетъ безъ хлѣба десятки тысячъ народа—стариковъ, старухъ, матерей, дѣвицъ и дѣтей. Спрашиваемъ: что̀ можетъ, въ смыслѣ борьбы съ этимъ бичомъ Божіимъ, сдѣлать вся извѣстная намъ общинно-артельная, до высшей степени совершенства разработанная канцелярщина? Вѣдь на всей этой огромной территоріи, населенной тысячами людей, безъ всякаго сомнѣнія, существуютъ всѣ вышеупомянутые общинно-канцелярскіе порядки и добродѣтели; вездѣ на сотняхъ тысячъ десятинъ люди топчутся на межникахъ, идолослужительствуютъ передъ межевыми ямами. Ни малѣйшаго также сомнѣнія нѣтъ и въ томъ, что повсюду, среди этихъ тысячъ людей—мужчинъ и женщинъ,—существуютъ всевозможныя артельныя начала; даже у бѣжецкихъ швей, при внимательномъ изученіи, окажутся непремѣнно кой-какія артельныя отношенія, механизмъ которыхъ, я увѣренъ, доведенъ до такого совершенства, что сгоряча можно, на основаніи его, предрекать обновленіе всего существующаго строя. Но, несмотря на все это, идетъ-гудетъ джутовый мѣшокъ и все это сметаетъ, какъ вихремъ.

Не слышитъ и не внемлетъ джутовый мѣшокъ, что при пособіи, молъ, отъ земства всѣ эти начала распустятся пышнымъ букетомъ, гудетъ-гремитъ и стираетъ съ лица земли и общественные порядки и разрабатывающихъ эти порядки людей. Да что̀ джутовый мѣшокъ! Не только онъ, этотъ истинно-злой иноплеменникъ, попираетъ эти порядки—и до прихода его въ нашихъ мѣстахъ порядки эти мало помогали человѣку... Не защищали они труженика-человѣка отъ самаго непрестаннаго грабительства. Джутовый мѣ-

шокъ поражаетъ, по крайней мѣрѣ, сразу, а до джутоваго мѣшка работника-человѣка рвали поминутно и на всякомъ шагу.

Везетъ онъ ленъ на продажу — его грабитъ маклакъ. «Часто *безъ гроша* въ карманѣ (читаемъ мы въ той же книгѣ) торгашъ бродитъ по рынку и торгуетъ ленъ у крестьянъ. Вотъ случилось сходненько получить партійку льна, скупщикъ вѣшаетъ ленъ, высчитываетъ, сколько придется выдать мужикамъ, тащитъ тѣхъ же мужиковъ къ какому-нибудь изъ троихъ льноторговцевъ-комиссіонеровъ (съ Петербургомъ). Купецъ выдаетъ деньги; мужики съ грѣхомъ пополамъ разсчитаны, а торгашъ о чемъ-то бесѣдуетъ съ купцомъ *на непонятномъ* для крестьянъ языкѣ. Въ ихъ бесѣдѣ слышатся слова: «карбованецъ», «тара» и множество другихъ непонятныхъ словъ. Оказывается, что подъ словомъ «тара» разумѣется то вознагражденіе, которое купецъ долженъ выдать барышнику за хлопоты, и это вознагражденіе считается на «карбованцы». Оказывается, что канцелярскіе порядки не только не въ силахъ сопротивляться европейскому мѣшку, но они буквально безсильны просто передъ всякимъ желающимъ ограбить. Вѣдь, какъ видите изъ приведенной выписки, мужикъ терпитъ отъ грабителя, который нападаетъ на него, простака, *безъ гроша*. Джутовый мѣшокъ—по крайней мѣрѣ, представитель капитала, и капитала серьезнаго, а до джутоваго мѣшка грабили не только безъ капитала, а просто безъ гроша, и противъ *такого*-то ужъ совсѣмъ ни съ чѣмъ несообразнаго разбойства въ общественныхъ и артельныхъ механизмахъ, какъ видите, нѣтъ приспособленія. А что этотъ грабежъ шелъ испоконъ вѣка, это видно изъ того, что даже выработался особенный *грабительскій* языкъ—вѣдь надо же время, чтобы выработать особенный языкъ для грабежа—и не выработано ничего для противодѣйствія ему!

Такимъ образомъ, при продажѣ льна, при его обработкѣ, при выдѣлкѣ пряжи, холста, наконецъ шитьѣ мѣшка, мы постоянно видимъ около работника какого-то «любителя», который, какъ уже сказано, не имѣя въ карманѣ гроша, получаетъ, какъ-то такъ, только во имя желанія поживиться, пользу, чистую прибыль и, разумѣется, удовольствіе. Гдѣ-жъ корень этой необыкновенной уступчивости со стороны мужика? Почему такая податливость передъ самыми неосновательными притязаніями на наживу, и притомъ притязаніями людей, желающихъ сдѣлать это безъ гроша въ

карманѣ? Почему такая снисходительность бѣжецкихъ дѣвицъ къ посѣщенію ихъ гостями и такая неясность въ опредѣленіи своей профессіи? Почему такое какъ бы даже убѣжденіе, не требующее сомнѣній въ томъ, что мѣшокъ и гость съ мадерой суть какъ бы подспорье одно другому?

Не пытаясь отвѣчать на эти вопросы категорически, отмѣтимъ только слѣдующія явленія: то же тверское земство, движимое гуманными побужденіями (хотя и не безъ общаго всякому россійскому гуманству сухо-канцелярскаго оттѣнка), вздумало оказать пособіе осташковскимъ сапожникамъ, эксплоатируемымъ точь въ точь такъ же, какъ всѣ перечисленные выше производители льна—мѣшковъ. Оно стало образовывать «изъ работниковъ» артели, давая заимообразно деньги на устройство такихъ артелей. Что же вышло? Вышли артели, только артели не «рабочихъ», а «хозяевъ». Сговорятся, напримѣръ, пять человѣкъ образовать артель, имъ выдадутъ деньги; получивъ деньги, пять рабочихъ немедленно превращаются въ пятерыхъ хозяевъ, и каждый изъ нихъ заводитъ *своихъ* рабочихъ. Этотъ фактъ, какъ намъ кажется, даетъ указаніе, хотя и крошечное, на корень зла: если я, сегодня рабочій, товарищъ такихъ же рабочихъ, завтра съ легкимъ духомъ могу сдѣлаться хозяиномъ и нанять своего товарища въ батраки—это значитъ, что я отлично понимаю только *свою* пользу, или страшусь только за себя, и что со вчерашнимъ моимъ товарищемъ меня связывала, ставила наравнѣ только равнявшая насъ нищета, бѣдность, одинаковость несчастія. Очевидно, что если эту бѣдность я презираю и ненавижу въ себѣ, то въ сосѣдѣ я ее забываю, то-есть невнимателенъ я къ сосѣду, не беру въ личное свое вниманіе его горя.

Система безчеловѣческихъ отношеній принесла свои плоды въ томъ, что, не цѣня въ себѣ личность человѣческую, русскій человѣкъ мало цѣнитъ ее въ своемъ сосѣдѣ, и поэтому, несмотря на свои общинные и артельные порядки, онъ одинокъ, онъ въ пустынѣ, и вотъ почему можно придти къ нему безъ гроша и, пользуясь его одиночествомъ, ограбить.

Далеко не такъ въ тѣхъ ново-возникающихъ (такъ-называемыхъ «сектантскихъ») общинахъ, гдѣ въ основаніе союза кладется мысль о человѣкѣ, человѣческомъ достоинствѣ, нравственныхъ обязательствахъ другъ къ другу. Въ такихъ общинахъ немыслимо смѣшеніе понятій мѣшка и гостя съ мадерой, ибо гость съ мадерой—позоръ, обида, оскорбленіе нравственнаго достоинства. Барышъ, доставляемый гостемъ,

замѣняется усовершенствованіемъ способа труда. Кругъ сплоченъ во имя общаго блага, во имя вниманія къ своимъ дочерямъ и сыновьямъ, и старикамъ, и старухамъ, какъ людямъ. Единящая такимъ образомъ единомышленниковъ, «по человѣчеству» внимательная мысль не могла бы, положимъ, хоть въ дѣлѣ джутоваго мѣшка ограничиться безплодными рыданіями передъ купцомъ, который не беретъ холста, а непремѣнно бы подумала о защитѣ. Если мѣшокъ бьетъ тѣмъ, что онъ работается по щучьему велѣнію машиной, то мысль о борьбѣ съ нимъ тѣмъ же орудіемъ непремѣнно пришла бы въ голову общинникамъ сама собой; *нельзя* не бороться, *надо* бороться, потому что *позорно, безчеловѣчно и по совѣсти преступно* быть равнодушнымъ къ тому, что вотъ это, напримѣръ, человѣческое существо, моя или чужая дочь, въ случаѣ моего равнодушія должна будетъ существовать позорнымъ ремесломъ пріема «гостей». Развѣ можно жить на свѣтѣ, допуская такія вещи? Гдѣ же Богъ-то въ насъ?

И будьте увѣрены, что даже ничтожная земская ссуда распредѣлилась бы въ этой общинѣ не такъ, какъ въ канцелярски-мелочной артели или въ канцелярски-правильной общинѣ.

Да, обезличила русскую общественную мысль замѣнившая ее «общественная канцелярщина». И проѣла эта канцелярщина не то, чтобы такъ-называемую интеллигенцію, а въ значительной степени и массы народныя. Обыкновенно русское общество привыкло представлять себя въ такомъ видѣ, что половина его здоровая, а другая гнилая: народъ здоровъ, а интеллигенція—гниль. Голова сгнила и болтается на мочалкѣ, а въ то же время ноги бѣгаютъ въ лучшемъ видѣ. Что̀ за нелѣпый образъ! И куда бы вы ни перенесли—здоровье ли въ голову, а гниль въ ноги, или здоровье въ ноги, а гниль въ голову—одинаковы нелѣпица и невозможность представить себѣ этотъ нелѣпый образъ. Если ужъ дѣло пошло на аллегоріи, то мнѣ кажется, что русскіе недуги рисуются нѣсколько въ иномъ видѣ: въ русскомъ обществѣ тронута параличомъ цѣлая половина тѣла, отъ головы до пятокъ, а именно—опять-таки если говорить сравненіями—та половина, гдѣ лежитъ сердце человѣческое. Другая сторона, сторона опухшей разстроенной печени, напротивъ, дѣйствуетъ и регулируетъ весь строй жизни. Недаромъ у насъ остроги—каменные, въ четыре этажа, подъ желѣзными крышами, и въ каждомъ уѣздномъ городѣ,

а народныя школы—лачужки, кое-какъ крытыя соломой, да и не всегда теплыя... Число посѣтителей остроговъ растетъ съ каждымъ годомъ и, сообразно съ неперестающимъ увеличеніемъ заключенныхъ, растетъ и забота о томъ, чтобы ихъ размѣстить, растутъ расходы, растутъ усовершенствованія. А изъ университетовъ гонятъ, изъ гимназій гонятъ, а въ деревенскія школы не попадаютъ сотни тысячъ, милліоны. Въ острогѣ кормятъ даромъ, а вотъ когда недавно *наконецъ* (!) удалось открыть въ одномъ изъ университетскихъ городовъ студенческую кухмистерскую, такъ, Боже милосердный, какой поднялся трезвонъ, точно праздновалось вступленіе Россіи во второе тысячелѣтіе: о кухмистерской телеграфировали во всѣ газеты; открывали ее съ молебствіемъ, водосвятіемъ, при чемъ служилъ самъ епископъ въ сослуженіи съ четырьмя архимандритами. Были войска, градоначальники... и всѣ въ парадныхъ мундирахъ... Достигнута наконецъ возможность получить бифштексъ цѣною въ 15 копеекъ! Да и тотъ, какъ впослѣдствіи оказалось (тоже въ телеграммахъ), вышелъ никуда негоднымъ: жостокъ, какъ подошва, и едва ли не изъ конины.

2.

...Недавно учительница народной женской школы, помѣщающейся въ одной изъ слободокъ глухого уѣзднаго городка, задумала пріучить дѣтей писать сочиненія. Ученицы ея—всѣ безъ исключенія, если не будущія мѣшочницы, то всѣ принадлежатъ къ городскому пролетаріату, на который у насъ почему-то не обращается никакого вниманія. Учительница сказала, чтобы дѣвочки, какъ умѣютъ, разсказали, у кого что на душѣ, и вотъ одно изъ такихъ признаній:

«Я продумала цѣлую ночь — писать ли секреты? Но надумала писать. У меня разсказъ начинается съ свадьбы мамы. Мама замужъ вышла 21 года; но она вышла не за милаго, а за постылаго, потому что она ни за что не хотѣла идти съ нимъ подъ вѣнецъ, хотѣла идти просить милостыню; но братъ, особенно старшій, Илья, ни за что не хотѣлъ ее оставить дѣвушкой. Онъ говорилъ: «Если мы ее отпустимъ просить (милостыню), то она года черезъ два родитъ ребенка и придетъ къ намъ жить... А если отдадимъ за солдата, то будетъ уже не наша, а посадская солдатка»... Мама не хотѣла идти за своего жениха, потому что онъ былъ изъ жидовъ, но его перекрестили и крестнымъ отцомъ былъ епископъ... Отецъ нашъ былъ худой,

черный, поэтому мама до смерти убивалась, чтобы не идти за него замужъ. Но вотъ справили свадьбу, и маму увезъ этотъ еврей въ городъ. Она его не полюбила, но все-таки у нихъ было трое дѣтей... Старшая, Варвара, когда ей было шестнадцать лѣтъ, то ее прельстилъ молодой торговецъ. Мама, конечно, ее выгнала изъ дома, потомъ у нея родилась дочь Машутка... Онъ (торговецъ) ее въ замужъ не беретъ, потому у него была жена... Второй сынъ у мамы былъ Николай, живетъ въ N. въ почтальонахъ и намъ денегъ не посылаетъ. Третій, Григорій, каждую ночь гдѣ-то ходитъ и что дѣлаетъ — не знаю... Я сама ужъ другого гнѣзда. Сказать просто—незаконная. Это и по лицу видно: я—бѣлая, а другіе—черноватые. Пятая сестра—тоже незаконная, маленькій братъ—тоже незаконный. Теперь мамѣ пятьдесятъ лѣтъ, но она не бросила этого дурного порока, и нынче она живетъ съ однимъ солдатомъ-постояльцемъ... Съ нимъ мама стала добрѣе, но я этому не рада: она скрываетъ свои поступки, а всѣ, и маленькія дѣти знаютъ; это по мнѣ худо. Она меня раньше все била и ругала, да какъ еще ругала... но когда она заругается, то я затыкаю уши, а когда лежу на кровати, то читаю молитвы или разсказываю изъ русской исторіи, или сочиняю сочиненія... Что она меня била и ругала, то вы (обращеніе къ учительницѣ) въ этомъ отчасти виноваты: помните, прошлую зиму сказали мнѣ: «согласна ли я поступить въ гимназію?». Я сказала мамѣ, а тамъ не приняли, то мама меня и стала бранить, что я ее обманула... Но я рѣшила—такъ какъ въ гимназію меня не приняли, то я поступлю въ монастырь, потому что хоть тамъ и тюрьма, но лучше, чѣмъ здѣсь: каждый день брань, попреки, даромъ ѣмъ хлѣбъ. Буду тамъ работать, не буду видѣть каждый день грѣха... А можетъ-быть, постигнетъ меня и такая участь, какъ старшей сестры... Я теперь думаю, что я ни за что не погублюсь—но не знаю! Вѣдь я еще не велика... а вѣдь когда буду дѣвушка, то, можетъ, такъ и сдѣлаю, какъ сестра и маменька... Конечно, я буду стараться всѣми силами, чтобы этого не сдѣлать, а когда поступлю въ монастырь, то не буду соблазняться—а все-таки не знаю! Мнѣ какъ не въ монастырь, то болѣе нѣтъ никуда дороги... А не то въ могилу, потому что мнѣ не пережить этой жизни»...

. . . . . .

Нѣтъ, изъ участи такихъ существованій, стонущихъ безпомощно по всѣмъ угламъ русской земли, покуда еще не

сдѣлано ни общественныхъ вопросовъ ни общественныхъ задачъ. Недаромъ, года полтора тому назадъ, съ такимъ необычайнымъ торжествомъ былъ «пронесенъ» по всѣмъ журналамъ и толстымъ и тонкимъ, какъ доказательство, что въ «общественныхъ дѣлахъ» значительную роль играетъ и состраданіе и забота о безпомощномъ, тотъ фактъ, что въ какой-то губерніи общество прокормило старуху-бабу. Едва этотъ фактъ былъ обнародованъ, какъ тотчасъ же его подхватили—и онъ обошелъ рѣшительно всѣ журналы и всѣ статьи, посвященныя общественнымъ порядкамъ. Вышеупомянутая баба непремѣнно присутствовала въ каждой изъ статей, всегда выдвигаясь, какъ укоръ сомнѣвающимся... «Вотъ,—писалось въ одной:—вопреки увѣреніямъ, что наша община и т. д., мы можемъ сообщить слѣдующее: въ одной деревнѣ» и т. д. Слѣдовало повѣствованіе о прокормленіи бабы. Въ другой писалось: «Между прочимъ, мы не можемъ не отмѣтить слѣдующаго замѣчательнаго факта: въ одной деревнѣ, какъ намъ извѣстно изъ вполнѣ достовѣрнаго источника, безъ всякаго посторонняго вліянія, крестьяне прокормили» и т. д. И опять баба... «А чтобы доказать,—писалось въ третьей: — что упреки, расточаемые разными «свѣжими» наблюдателями, якобы въ равнодушіи... то вотъ фактъ, который говоритъ самъ за себя: крестьяне деревни» и т. д. Словомъ, по всѣмъ журналамъ и газетамъ моментально пронеслась вѣсть: бабу, бабу прокормили, бабу! бабу! бабу! И вездѣ фактъ, въ доказательство его достовѣрности, подтверждали цитатами: «Отеч. Записки» сослались на «Русскую Мысль», «Русская Мысль»—на «Русское Богатство», потомъ всѣ вмѣстѣ—на всѣхъ вмѣстѣ.

А вотъ, когда въ недалекомъ отъ Петербурга разстояніи, также «вопреки увѣреніямъ», въ нѣкоторой деревнѣ была сожжена живьемъ нѣкоторая больная старушка, такъ этотъ «прискорбный» случай прослѣдовалъ въ печати почти безъ шума... Знаемъ мы, о чемъ надо молчать.

IV. На травкѣ.

1.

«...Долго было бы разсказывать (писалъ мнѣ Лиссабонскій изъ деревни еще въ началѣ весны), почему нынѣшней весной мнѣ какъ-то особенно необыкновенно сильно захо-

тѣлось просто-таки лечь на траву! Лечь на зеленую травку, лицомъ къ сырой землѣ, лечь и закрыть глаза... У меня ужъ не было ни малѣйшаго желанія поѣхать въ «деревню» для того, чтобы смотрѣть, что дѣлаетъ народъ, слушать, что народъ говоритъ, и, пристально вглядываясь въ обиходъ народной жизни, высматривать и себѣ среди него работы,—работы, какъ говорится, «по плечу»... Нѣтъ, мнѣ дѣйствительно нужна была только трава, зеленая трава, сырая земля; мнѣ дѣйствительно только того и хотѣлось, чтобы лечь, лечь... въ траву, зеленую, непремѣнно зеленую... Лечь на сырую землю, лицомъ къ сырой землѣ, къ сырой зеленой травѣ, лечь и закрыть глаза.

«...По возможности все это я постарался выполнить, т.-е. выбрался изъ Петербурга, нашелъ на широкой русской рѣкѣ болѣе или менѣе уединенное мѣсто и добрался до травы. Правда, по раннему времени, трава была маленькая, но дѣйствительно зеленая, сырая, такъ что можно было бы выполнить и другую главнѣйшую половину моихъ желаній—«забыться и заснуть», такъ сказать, духовно заснуть на этой травѣ, не навѣки, а на нѣкоторое время... Но вотъ этого-то главнѣйшаго желанія моего мнѣ и не удалось выполнить, и причина этого была для меня весьма удивительная.

«Въ прежнее время, когда я, какъ тебѣ хорошо извѣстно, самъ лѣзъ и совался въ народную среду, самъ выискивалъ себѣ въ житейскомъ обиходѣ этой среды хлопотъ, дѣлъ и заботъ, которыя бы дали и мнѣ, человѣку безъ опредѣленныхъ занятій, право на существованіе, право на заработанный хлѣбъ и право на сознаніе за собой какой-нибудь, самой малѣйшей полезности среди нуждающихся въ моихъ (какъ я думалъ) посильныхъ трудахъ деревенскихъ обывателей—въ это время немудрено было превратить собственную жизнь въ рядъ непрерывныхъ безпокойствъ и забыть о томъ, что живешь въ деревнѣ, гдѣ обыкновенно «отдыхаютъ», гдѣ воздухъ, травка и т. д. Чего стоили мученія по поводу того только, что народъ, для котораго я, какъ говорится, «всей душой», не внимая мнѣ, большею частью слушалъ меня изъ снисхожденія, зѣвая въ кулакъ!

«Совершенно не то теперь. Теперь, какъ видишь, я уже не суюсь, не лѣзу и ничего не хочу кромѣ одиночества, тишины, молчанія и зеленой травы... и вотъ теперь-то самъ народъ—не даетъ мнѣ покою.

«То я *самъ* къ нему лѣзъ, а онъ меня почти-что не при-

нималъ; теперь онъ также *самъ* лѣзетъ ко мнѣ, и я *долженъ* принять его, ибо онъ напираетъ на меня массой. Не меньшая разница обнаруживается между нами обоими и въ самой сущности этого «напиранія» другъ на друга. Я, бывало, повторяю, норовилъ «всей душой» и всячески старался, «какъ лучше», а онъ теперь относится ко мнѣ далеко не съ такими побужденіями. Онъ норовитъ, какъ мнѣ кажется, уличить меня въ чемъ-то, поминутно запускаетъ въ меня шпильки, язвитъ, критикуетъ и вообще выказываетъ относительно меня, т.-е. вообще человѣка, не принадлежащаго къ народной средѣ, огромную подозрительность.

«Подозрѣваетъ же онъ меня въ чемъ-то крайне злостномъ, и, что̀ особенно замѣчательно, въ этой подозрительности къ «барину» вообще въ народѣ замѣчается полное единодушіе, сплоченность; какая-то невидимая нить подозрительности единитъ всѣхъ деревенскихъ жителей, безъ различія ихъ положенія и состоянія. Это единодушіе и единогласіе я впервые встрѣчаю въ деревнѣ; въ первый разъ въ жизни я чувствую, что деревня, въ извѣстныхъ случаяхъ, изъ растрепанной и размочаленной на множество безсильныхъ въ отдѣльности человѣческихъ атомовъ, вдругъ можетъ сплотиться въ крѣпкую массу и стать буквально «какъ одинъ человѣкъ». Гдѣ же тутъ возможность забыться на зеленой травкѣ? Не даютъ, «шпыняютъ»...

«Эту совершенно для меня новую черту я сталъ ощущать на каждомъ шагу, какъ только мнѣ приходилось быть въ самомъ малѣйшемъ соприкосновеніи съ народомъ. Разыскивая себѣ уголъ «зеленой травки», я ѣхалъ по желѣзной дорогѣ и на пароходѣ въ полномъ молчаніи; я былъ занятъ своими мыслями, меня ничто не интересовало, да я и мало слушалъ, что̀ говорится въ толпѣ. Вотъ на пароходѣ какіе-то два мѣщанина разговариваютъ «о своихъ дѣлахъ». Въ былое время однѣ эти жилистыя хищныя морды обратили бы мое вниманіе, не говоря объ этихъ «своихъ дѣлахъ», которыя навѣрное бы навели меня на тревожныя и непріятныя размышленія; теперь же ни ихъ ястребиныя физіономіи, ни ихъ возмутительныя «свои дѣла», о которыхъ они разговаривали, не трогали меня въ должной мѣрѣ, хотя и были на этотъ разъ дѣйствительно возмутительныя»...

2.

Вотъ, кстати, для образчика одинъ изъ такихъ разговоровъ «о своихъ дѣлахъ»:

— Давно ли жена-то померла?—спрашивалъ одинъ ястребъ другого ястреба.

— Да ужъ недѣли съ двѣ...

— Никакъ ужъ вторая у тебя помираетъ?

— Вторая!..—отвѣтилъ вдовый ястребъ кратко и сплюнулъ за бортъ парохода.

— Былъ слухъ, что, молъ, скончалась-то не вполнѣ правильно?..

— Надо бы хуже, да нельзя!.. Вотъ какъ скончалась... тьфу! Больше ничего!

Проговоривъ это, ястребъ еще разъ плюнулъ, уже съ ожесточеніемъ, и, запахивая чуйку, съ ожесточеніемъ прибавилъ:

— Не съ покаяніемъ, или, примѣрно будемъ говорить, какъ по-христіански, но вполнѣ, можно сказать, съ грабежомъ окончилась покойница,—вотъ какъ я скажу!..

Ястребъ еще разъ плюнулъ, еще разъ запахнулся и продолжалъ:

— Мы торгуемъ съ братомъ... онъ—въ Буграхъ, а я—въ Залузьѣ... Капиталъ одинъ у обоихъ... Ты знаешь брата-то?

— Слыхалъ... Корней Егоровъ?

— Ну вотъ. Онъ самый. Можешь ты понять, каковъ онъ есть человѣкъ? Прямо сказать—тигръ, или, напримѣръ, аспидъ какой-то желѣзный... Пріѣдетъ учитывать лавку—такъ рѣдко когда за ножи не схватимся... Двѣнадцать фунтовъ солонины однова я выкинулъ собакамъ, грудинку, потому оченно духомъ взялась, такъ вѣдь онъ, анаѳема проклятъ, чуть было меня не зарѣзалъ, дьяволъ этакій!

— Крутъ!

— Чортъ въявѣ, не то чтобы, напримѣръ, человѣку сходствовалъ... Съ этакимъ-то дьяволомъ я вотъ двадцать лѣтъ маюсь... Кажинный день норовитъ схватить за горло... Долженъ же я какъ-нибудь себя соблюдать... Такъ или нѣтъ?

— Само собой!

— Н-ну... Я тебѣ говорю по чести, что̀ мнѣ?... Н-ну, вотъ и было у меня, въ теченіе времени, скрыто, значитъ, тыщи три... значитъ, въ куньемъ воротникѣ. Я тебѣ говорю прямо: подъ подкладкой, значитъ, было... Подкладка простегана, все честь-честью. Воротникъ-то этотъ въ сундукѣ... Вотъ, братецъ ты мой, какъ стала Авдотья-то помирать... и не помню, какимъ манеромъ я обронилъ ключъ отъ сун-

дука. То ли обронилъ, то ли вытащила мать ейная,—мать-то при ней была, — ужъ не знаю... только что, гляжу я, мать-то эта самая тихимъ манеромъ наняла подводу—маршъ домой! «Прощайте! недосугъ,—телятники, молъ, пріѣхали...»

— А есть у васъ теляты-то поёные? — перебилъ другой ястребъ.

— Есть.

— Почемъ?

— Тридцать, тридцать пять.

— Гм... Н-ну?

— Ну, значитъ, и оказалось: валяется воротникъ за сундукомъ, подкладка вспорота, денегъ нѣтъ... Такъ меня, братецъ мой, и затрясло всего... Схватился за дочь—бить! Говори (такъ и такъ)—гдѣ деньги? Молчитъ, какъ убитая, а была все время при матери... Тутъ старшая дочь, отъ другой жены, отъ первой — все и открыла. Своими, вишь, руками Авдотья-то отдала матери, а ключъ-то, видишь, дочь ей вытащила. Я къ Авдотьѣ:—«Сказывай, говорю, отдавала матери деньги?» А она, братецъ ты мой, глядитъ этакъ-то на меня, зубы стиснула: — «не скажу!»—говоритъ. Я ужъ тутъ—даромъ что больной человѣкъ—вышелъ изъ всякихъ границъ...—«Н-нѣтъ?»—«Не скажу!» Какъ камень! Такъ и померла.

— Не вполнѣ благородно!

— Я тебѣ говорю, скончалась не по-христіански, а, прямо сказать, разбойнымъ манеромъ померла. И всю жизнь-то какъ волкъ была... Только и возьмешь, бывало, боемъ однимъ... Упорная была покойница, настояще какъ дерево, или, напримѣръ, камень какой... Старшую-то дочь, отъ первой-то жены, слопала совсѣмъ... Да и мать-то ейная—тоже скорпіону преподобна. Да и Авдотья-то народила дѣтей, тоже въ родѣ какъ ехидны какія... только что возьмешь кнутъ да оболванишь всѣхъ поголовно, и отъ первой и отъ второй супруги... ну, тогда и имѣешь спокойствіе.

— Такъ и пропали деньги-то?

— Ищи поди ихъ! Мать-то ейная говоритъ:—«Это, говоритъ, мои были деньги, — у тебя, говоритъ, денегъ нѣту. Пусть, говоритъ, братъ разсудитъ». Ну, а братъ, ты самъ знаешь... Онъ ужъ и теперь косится, какъ жеребецъ очумѣлый. Нюхаетъ что-то... А какъ узнаетъ, такъ вѣдь... Онъ меня разъ топоромъ было-разсѣкъ пополамъ изъ-за того, что восемь фунтовъ двухтесныхъ гвоздей не досчитался. А

тутъ—такъ вѣдь онъ... Онъ и то все сулится:—«Ежели, говоритъ, узнаю, что, напримѣръ, скрываешь деньги, такъ всего, говоритъ, тебя издеру овечьимъ гребнемъ, то-есть всю кожу издеру въ ленты...» Вотъ какой урожденный чортъ!

— Н-да!.. Человѣчекъ ничего... Не пропащій человѣкъ... Нѣтъ! Человѣкъ ужъ, братъ, вполнѣ можно сказать... сурьезный!

— Живодеръ, одно слово...

— Ну, и что же? — спросилъ первый ястребъ второго ястреба:—вѣдь по дѣламъ-то выходитъ—опять тебѣ надобно жениться?

— Мнѣ безъ жены, — отвѣчалъ второй ястребъ: — все одно — безъ рукъ... Первое дѣло — восемь человѣкъ дѣтей, всѣхъ ихъ надо держать въ рукахъ... Второе дѣло—работники: накормить, напоить... скотины тридцать головъ... А третье дѣло—торговля: сѣно, лѣсъ, мало ли на моихъ рукахъ... Я вотъ и теперь, давно ли безъ жены-то, а и то смаялся... Двухъ недѣль не будетъ, а ужъ у меня голова кругомъ идетъ... Вѣришь — всѣ руки оттрепалъ, кое о ребятъ, кое о работниковъ... Нѣтъ способовъ одному управиться!

— Ну только,—сказалъ первый ястребъ:—трудненько, я думаю, насчетъ невѣсты будетъ... Не пойдутъ, пожалуй?

— Нейдутъ, анаѳемы!.. Про дѣвокъ и разговору нѣтъ: тѣ, братъ, нонѣ, самъ знаешь... воля! Да ежели бы, положимъ, я и склонилъ дѣвицу, такъ вѣдь это мнѣ не расчетъ... Молоденькая на что мнѣ? Кабы я молодой былъ—ну, такъ! А то, хоша я еще и въ силахъ, ну все же не въ пару... У меня у самого дочери почесть-что невѣсты. Вдову взять—опять рѣдко которая вдова безъ дѣтей... тоже нѣтъ расчету, и своихъ у меня много... А которая вдова и безъ дѣтей, и можно бы, пожалуй, соблазнъ ей сдѣлать—ну, опять же трудно: нонѣ вдовы-то норовятъ за холостого выйти, потому всякая разсчитываетъ за своими чтобъ ходить дѣтьми...

— Какъ бы тебѣ того... безъ невѣсты, пожалуй, не остаться бы?—проговорилъ первый ястребъ.

Второй ястребъ подумалъ и отвѣчалъ съ разстановкой:

— Думается мнѣ, братецъ ты мой, что дѣло это какъ-ни-какъ, а сладится...

— Али есть на примѣтѣ?

— То-то что есть. И такая, я тебѣ скажу, особенная

женщина, лучше мнѣ, по моимъ дѣламъ, не требуется... Первое дѣло, скажу тебѣ, состоитъ она на дѣвичьемъ положеніи,—слѣдовательно не вдова и въ родѣ какъ дѣвица. А, можетъ-быть, и было что-нибудь, такъ вѣдь это, братецъ ты мой, не касаемое до меня, коль скоро я вступлю въ бракъ.

— Само собой!

— А второе дѣло—вѣры она не нашей, столовѣрка... Я-было и подумывалъ — хорошо ли, молъ? Ну, такъ разсуждаю, что какъ она на нашего брата косится, то-есть на православныхъ, то и ребятамъ потакать не будетъ... Для нея православный—что̀ нехристь, татаринъ, а стало-быть, работники ли, или ребята—ужъ это отъ нея имъ не будетъ снисхожденія. Ужъ она ихъ произведетъ въ страхъ и вполнѣ сократитъ... Окромѣ того и по природѣ — ха-арактерная баба, упаси Богъ какая кремневая! А мнѣ такая и требуется, — мнѣ надо, чтобъ она бы въ дому была — какъ молнія, напримѣръ, во всѣ мѣста бьетъ, такъ чтобъ и тутъ... Чтобъ то-есть пикнуть никому не давала, а ужъ эта — стрѣла огненная! Ты погляди на нее—изъ себя она сухощава, жиловата, рѣчь у ней отрывная, одно слово—женщина упорная! А мнѣ это и требуется... Мнѣ въ домѣ надобенъ такой человѣкъ, то-есть чтобъ страхъ къ нему былъ у всѣхъ, а ужъ лучше ея, какъ я сужу, не сыскать...

— И что-жъ? Соглашается?..

— Куда тутъ! Развѣ этакого-то безбожнаго человѣка согласишь сразу? Тутъ еще погляди-ка, сколько надо хлопотъ. Соглашается? Да ей и заикнуться-то объ этомъ дѣлѣ—я такъ считаю—неспособно... На что отецъ духовный, да и тотъ отлетѣлъ отъ нея кубаремъ, какъ сунулся ее увѣщевать насчетъ, значитъ, вѣры... А тутъ она и вовсе осатанѣетъ... Нѣтъ! ее надо перво-наперво обломать начисто всю, сбить съ нея фанаберію-то... Еще тутъ, другъ любезный, хлопотъ будетъ, Боже мой, сколько...

— Какъ же ты ее обломаешь-то?.. Есть ли способа-то?

— Способа, я тебѣ скажу,—есть. Видишь, какое дѣло... На счастье мое, братанъ-то, что̀ я тебѣ говорилъ, купилъ у нея пять лѣтъ тому назадъ полъ-дома, въ Буграхъ-то... Пять оконъ по улицѣ — его, по вороты, а четыре окна — ейныя, и лавка ейная внизу-то, торгуетъ она мелочами, а братъ трактиръ держитъ... Ужъ она не разъ жаловалась брату, что, молъ, пьяные донимаютъ; братъ говоритъ: «продавай свою часть, — стало-быть, четыре окна-то, т.-е. отъ

воротъ по уголъ». Ну, она упирается:—«Я, молъ, съ чѣмъ останусь?» Ну, а теперятка, какъ, значитъ, я овдовѣлъ, братанъ и раззарился на полъ-дома-то... Первое дѣло, въ случаѣ браку, полъ-дома безъ покупки отойдутъ къ намъ, второе—у меня въ хозяйствѣ будетъ человѣкъ сурьезный, а третье—и лавку-то сѣную ужъ онъ возьметъ за себя, а то теперь приговора не даютъ. Дѣло-то, видишь ли, вполнѣ намъ въ руку: и полъ-дома, и лавка, и хозяйка, и все! Одно только и остается, что обломать ее требуется! Не идетъ, каторжная, добромъ-то! Главное—въ оглобли-то ее вопхнуть, а тамъ ужъ рычи не рычи, наплевать. По нашимъ дѣламъ, что̀ злѣй, то лучше...

— Обломать-то хитро! А то бы тебѣ въ самый разъ.

— А братанъ-то? Этакій-то разбойный человѣкъ, да чтобы онъ не обломалъ? Ну, ужъ это напрасно! Ужъ что̀ ему вступило въ голову—съ мясомъ вырветъ. Не разстанется!.. Мы было-калякали съ нимъ:—«перво-наперво, говоритъ, надо по-божьи, и не чтобы стращать ее, что, молъ, «отдай полъ-дома», а такъ говорить, что возьми, молъ, мою половину, всѣмъ домомъ владай и замужъ выходи». Сначала, говоритъ, надо мягко, чтобы раззадорить ее на домъ-то,—жадны вѣдь бабы-то... А какъ ежели домомъ ее не возьмешь, ну, тогда надобно напорствомъ поступать. Братанъ-то говоритъ:—«Коли добромъ не пойдетъ, такъ я ее, шельму, огнемъ начну жечь со всѣхъ концовъ. Заведу двѣнадцать кузницъ, да примусь молотками зудить да полымемъ пускать—такъ она у меня въ однѣ сутки позабудетъ, какъ и самоё-то ее по имени звать, не токма замужъ упираться»... Нѣтъ, братъ! Чего-чего, а ужъ этого отъ братана вполнѣ можно надѣяться... Ежели ужъ онъ меня, своей крови, не жалѣетъ, такъ ужъ чужого человѣка—и въ порошокъ изотретъ, не ахнетъ... Ужъ это что̀!.. Утихомиритъ...

— Ну, а какъ въ дому-то у тебя она ощетинится?

— А это-то что̀ такое?

Ястребъ вдругъ быстро, злобно потрясъ кулакомъ, оголивъ отъ рукава жилистые мускулы.

— Слава тебѣ Господи, тоже съ одного маху и мы переносье перешибали на своемъ вѣку. Зачѣмъ же щетиниться?—это нехорошо. Надобно, чтобъ честно, благородно, тихимъ манеромъ... Мы хотимъ не худого, а хорошаго... Богъ дастъ, все и обойдется.

— Дай Богъ!—сказалъ ястребъ.—Ну, а она-то,—прибавилъ онъ:—знаетъ, что ли, насчетъ вашихъ замысловъ?

— Настояще, пожалуй, что не знаешь... Это дѣло надо дѣлать потише, самъ знаешь... Надо ее нахлобучить съ одного маху, надо сразу съ обоихъ концовъ наперечь, чтобы то-есть непреклонность эту ейную перешибить... Въ такомъ разѣ надо помалкивать... Ну, хоша мы и молчимъ до поры до время, а чуетъ она... озирается...

— Имѣетъ подозрѣніе?

— Н-да! такъ что-то, какъ бы пужаться стала... Намедни братанъ-то не вытерпѣлъ, дюже ужъ его полъ-дома-то сласти́тъ, полѣзъ къ ей въ половину осматривать... ну, и я съ нимъ... Сдѣлали тотъ предлогъ, что будто насчетъ стропилъ и боровов, т.-е. слѣдовательно якобы насчетъ страховки... Ну, наплели дурѣ всячины... Такъ, братецъ ты мой, какъ принялись мы это за осмотръ-то, какъ принялся братанъ-то по всѣмъ мѣстамъ ревизовать, вотъ тутъ она, братецъ ты мой, какъ будто испужалась... Потому братанъ-то вѣдь кока съ сокомъ... Ужъ что-нибудь недаромъ это задумалъ: это ей извѣстно... Вотъ она и стала озираться, какъ птица какая сумасшедшая... И стала топорщиться, какъ насѣдка... Думаю я такъ, что чуетъ она...

— Надо-быть, чуетъ... Ну, а домъ?..

— Домъ богатѣйшій! Что̀ стропила, что̀ балки — цѣны нѣту!

— Да,—сказалъ многозначительно первый ястребъ:—это вамъ, по вашей коммерціи, подходитъ... Ежели, напримѣръ, взять въ расчетъ, что полъ-дому и, напримѣръ, лавка, и одно подъ одно трактиръ, то вполнѣ можно сказать — не упускай бабы, но всячески старайся вогнать ее, напримѣръ, въ стойло. Я надѣюсь такъ, что братанъ твой маху не дастъ!..

— Маху!.. Я тебѣ говорю вѣдь: не человѣкъ, а прямо— живорѣзъ! Такому ли человѣку маху давать?..

— Н-да. А подходить, говорить нечего.

На этомъ оба ястреба закончили разговоръ о «своихъ дѣлахъ» и замолкли...

Кстати ужъ сказать здѣсь же еще два слова объ этихъ ястребахъ, чтобы болѣе не возвращаться къ этому предмету. Не такъ давно мнѣ совершенно случайно пришлось быть въ дер. Буграхъ и познакомиться съ тѣмъ самымъ живорѣзомъ, о которомъ такъ много повѣствовалъ одинъ изъ ястребовъ. Живорѣзъ живетъ въ своемъ полъ-домѣ въ самомъ центрѣ трактира, въ самомъ центрѣ гама, шума, кабацкой брани и ругани. Онъ дѣйствительно какъ желѣзный;

голова у него не болитъ отъ этого кабацкаго рева, несмотря на то, что комната его отдѣлена отъ трактира дощатыми перегородками. Въ комнатѣ кровать желѣзная и желѣзный несгораемый шкапъ, да ко всему этому и онъ самъ одинокій желѣзный обыватель. Воистину это какое-то ястребиное гнѣздо. Показывалъ онъ мнѣ садъ. И здѣсь видно во всякой мелочи что-то желѣзное и жестокое: маленькіе, тщедушные, неумѣло посаженные кусты смородины огорожены такими кольями, которые годились бы на сваи. Жиденькая малина привязана къ такому столбу, что напоминаетъ преступника, привязаннаго къ позорному столбу. Эти огромные колья у растеній и цвѣтовъ кажутся поставленными не для подпоры и помоги, а стоятъ какъ палачи, «силомъ» тащатъ къ себѣ несчастныя растенія, не даютъ имъ ходу, «не пущаютъ»... «Силомъ»—въ этомъ выраженіи вся суть ястребиной жизни: «силомъ» съ работниками, «силомъ» съ дѣтьми, «силомъ» съ женой, со смородиной, съ малиной. Вездѣ веревка, палка, оплеуха... Показалъ мнѣ этотъ ястребъ конюшню и разсказалъ исторію болѣзни одной лошади, и тутъ оказалось, что даже болѣзнь, и ту ястребиный умъ нашелъ возможнымъ уничтожить тоже только «силомъ»... Ученымъ людямъ, докторамъ, онъ не вѣритъ: «это одна глупость!»—говоритъ онъ на основаніи опыта, и на этомъ же основаніи принялся онъ лѣчить лошадь самъ. У лошади началась опухоль на животѣ и стала подвигаться къ груди. Чтобы остановить ее, «не дать ходу», онъ поступилъ такъ, какъ вообще поступаютъ, когда кому-нибудь не даютъ ходу: запираютъ ворота, привязываютъ на веревку и т. д. Такъ онъ поступилъ и съ опухолью. «Позвалъ я,—разсказывалъ ястребъ:—работника, взялъ веревку (лѣкарство отъ всѣхъ болѣзней и во всѣхъ вопросахъ), да и перетянули ей животъ по самую по опухоль эту. Я къ себѣ тяну, работникъ — къ себѣ, перехватили мы ее такъ, что только пополамъ не разрѣзали. Ну, тогда опухъ пошелъ назадъ,—значитъ, къ задней части... вотъ въ эти мѣста... Погодилъ я дня три, покуда опухъ совсѣмъ сядетъ на мѣсто, ни корму ни воды не давалъ. Наконецъ, того, вижу—раздуло ей эти мѣста... Какъ только раздуло ихъ, тутъ я и пошелъ бритвой полосовать... Такъ оттуда болѣзнь-то эта самая кусками такъ и пошла валиться: одного мяса пуда полтора вывалилось изъ этихъ мѣстъ!.. И что же? Отдохла вѣдь... Полтора года еще послѣ того воду возила. А дай докторамъ, то-есть ученымъ, давно бы ноги протянула»...

Что всего обиднѣй, это то, что въ силѣ веревки и палки ястреба убѣждаетъ не только такой случай съ лошадью, но вообще несомнѣнный успѣхъ его во всѣхъ дѣлахъ, во всѣхъ предпріятіяхъ: вездѣ онъ «первымъ долгомъ» пускаетъ въ ходъ веревку, палку, грубую силу и вездѣ успѣваетъ. Не думаю однако, чтобы успѣхъ былъ продолжителенъ...

— Это вашъ домъ? — спросилъ я ястреба на прощанье.

— Покамѣстъ только половина,—скоро и другая будетъ наша...

— Покупаете?

— Купили бы, да не зачѣмъ: такъ будетъ наша...

И ястребъ улыбнулся самой спокойной, самоувѣренной улыбкой.

3.

Въ былое время такіе ястребиные разговоры производили на меня самое ожесточающее впечатлѣніе. Прежде я бы непремѣнно ввязался въ этотъ ястребиный разговоръ, непремѣнно бы сталъ вопіять противъ «безобразія» этихъ ястребиныхъ взглядовъ и ястребиныхъ поступковъ; но теперь я былъ уже такъ утомленъ вообще болѣе или менѣе ястребинымъ направленіемъ жизни и до такой степени ужъ освоился съ той «зоологической правдой», которая, кажется, дѣлается единственнымъ основаніемъ и объясненіемъ жизненнаго обихода, что даже и не думалъ принимать въ ястребиномъ разговорѣ хоть бы малѣйшее участіе. Да кромѣ того, развѣ дѣйствительно не все такъ «должно подходить одно къ одному», какъ повѣствовали ястребы, очевидно, не исповѣдующіе никакой другой правды, кромѣ зоологической? Развѣ «можетъ» раскольница противостоять живорѣзу? Нѣтъ, «не можетъ». Развѣ можетъ живорѣзъ противостоять жаждѣ получить задаромъ полъ-дома? Тоже нѣтъ. Развѣ не «подходитъ» раскольница къ семьѣ овдовѣвшаго ястреба? Хорошенько разобрать, такъ окажется, что вполнѣ подходитъ. Семья его подобна какому-то гнѣзду, населенному враждующими другъ съ другомъ существами. Всѣхъ ихъ надобно сократить, приплюснуть такъ, чтобы никто пикнуть не смѣлъ, и эта роль пресса и обуха какъ разъ подходитъ къ раскольницѣ: она *должна будетъ* ненавидѣть эту семью, какъ раскольница, затѣмъ, какъ каторжная, посаженная въ эту семью какъ въ тюрьму,—слѣдовательно передъ ея ненавистью и местью за свою судьбу всѣ будутъ равны: ей

всѣ чужіе и всѣ враги—всѣхъ она *должна будетъ* угнетать, давить, а это только и требуется.

Все, съ точки зрѣнія этой зоологической правды, здѣсь правильно, все на своемъ мѣстѣ. Не удивился бы я даже и тогда, если бы мнѣ сказали, что и раскольница *сама*, несмотря на предстоящую ей каторгу, полагаетъ, что каторга эта и для нея также неизбѣжна. Теперь она только *чуетъ* бѣду, но, подумавши, пожалуй, убѣдится, что иначе, какъ быть съѣденной ястребами, ей нельзя ничего другого придумать; спрашивается: что̀ такое она «на семъ свѣтѣ», съ своимъ полъ-домомъ? Что̀ она мотается? Вѣдь она не можетъ же не чувствовать, что ея полъ-дома сами тянутся къ ястребу, что ея полъ-дома «подходятъ» къ нему, что рано ли, поздно ли, а ястребъ оторветъ эти полъ-дома? Вѣдь онъ—ястребъ, развѣ *можетъ онъ* оставить это дѣло такъ, зря?

Съ другой стороны, развѣ вдовый ястребъ *можетъ* изгнать отъ себя мысль о томъ, что раскольница какъ разъ «подходитъ» къ нему? И развѣ она сама-то не понимаетъ, что ему именно требуется, чтобы она, раскольница, шла къ нему какъ въ каторгу, чтобы она была зла на свою судьбу и всѣхъ бы, во имя этого зла, ѣла поѣдомъ? Не безмозглая же она дура, чтобы этого не понимать и не видѣть во всемъ этомъ неизбѣжной судьбы... Я даже увѣренъ, что и теперь, еще почти ничего не зная, она уже чуетъ гибель неминучую, видитъ ея неотразимость и начинаетъ ожесточаться... А это тоже, какъ мы видѣли, «требуется». Все тутъ неизбѣжно и звѣрски-справедливо. И вотъ почему я съ полнымъ спокойствіемъ слушалъ зоологическіе разговоры, точно читалъ Брема.

Итакъ, я ѣхалъ, молча смотрѣлъ, молча слушалъ, очень мало видѣлъ, а что̀ и слышалъ, то меня весьма мало интересовало и, во всякомъ случаѣ, вовсе не волновало. Но едва я раскрылъ ротъ, чтобы сказать слово сосѣду, какъ немедленно же наткнулся на шпильку, пущенную въ меня изъ какого-то невѣдомаго мнѣ, но, несомнѣнно, враждебнаго источника или побужденія.

Проѣзжали мы мимо какого-то монастыря, расположеннаго въ весьма живописной мѣстности. Мѣсто мнѣ понравилось, и я захотѣлъ узнать, какъ оно называется и что̀ это за монастырь? Съ этимъ вопросомъ я было-обратился къ сосѣду, по виду похожему на торговца, человѣку лѣтъ пятидесяти, бодрому, опрятному и съ физіономіей весьма

благоприличной: ничего не было въ ней ястребинаго, а, напротивъ, было очень много разсудительности. Вотъ къ этому-то сосѣду я-было и обратился съ моимъ вопросомъ, но не успѣлъ я произнести и всей фразы, т.-е. не успѣлъ выговорить всего вопроса: «Что̀ это за монастырь?», а едва только выговорилъ: «Что̀ это...», какъ благообразный торговецъ, не давъ мнѣ окончить вопроса, впился, такъ сказать, въ мои слова: «что̀ это...» (одновременно съ этимъ *впиваясь* въ мою широкополую шляпу, достаточно измятую, и, очевидно, *по шапкѣ* узнавъ во мнѣ *сицилиста)* и, видимо, не желая слушать вопроса до конца, съ ядовитой ласковостью въ выраженіи губъ поспѣшно заговорилъ:

— Это-съ? А это, милостивый государь, по-нашему, по-мужицкому, называется Божій храмъ! Да-съ, храмъ Господній! Какъ это самое по-вашему, по-благородному называется, намъ—ужъ извините—неизвѣстно, потому что мы мужики, а мужики, милостивый государь, само собою, не болѣе есть, какъ набитые дураки...

Я съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на сосѣда, не зная, какъ объяснить себѣ это нежеланіе слышать вопросы и этотъ язвительный тонъ рѣчи.

Нимало не смущаясь моимъ недоумѣвающимъ и пристальнымъ взглядомъ, благообразный сосѣдъ глядѣлъ на меня въ упоръ, прямо мнѣ въ глаза, глядѣлъ пристально и продолжалъ уже не безъ нѣкоторой доли жестокости въ голосѣ:

— Но хоть мы и мужики и дураки, а мы, по нашему глупому мнѣнію, такъ считаемъ, что коль скоро увидимъ храмъ Господній, то вотъ этакимъ вотъ манеромъ шапочку-то снимемъ (онъ снялъ шапку), да крестное знаменіе-то сотворимъ (онъ перекрестился)—и разъ, и два, и три... Вотъ этакимъ вотъ манеромъ, почитаемъ мы, что слѣдуетъ намъ поступать, по нашему, по мужицкому, по дурацкому мнѣнію... Ну а какъ по вашему, по благородному, по ученому мнѣнію, ужъ этого намъ неизвѣстно, извините! Потому мы не учены, а только что помнимъ мы Бога, чтимъ Его, боимся, со страхомъ благодаримъ... А ужъ ка̀къ господа понимаютъ—ну, это намъ неизвѣстно!

— По нашему, по мужицкому мнѣнію,—заговорилъ уже другой голосъ позади меня, и заговорилъ гордымъ, увѣреннымъ тономъ:—мы такъ считаемъ, что это есть монастырь святителя, отче Антоніе папы Рымскаго, который изъ города Рыма на каменіе проплылъ вплоть черезъ Санкпетер-

бургъ... Такъ мы по глупости своей считаемъ... Позвольте вашъ билетикъ!

Этотъ второй пособникъ перваго моего сосѣда оказался служащимъ на пароходѣ и, отрывая кончикъ билета, также упорно смотрѣлъ мнѣ «прямо въ глаза» и «на шапку» (по всей Россіи и по всѣмъ вѣдомствамъ «узнаютъ» по шапкамъ, пледамъ, сапогамъ) и проговорилъ ужъ совершенно наставительно:

— Извольте получить билетикъ... Антоніе, слѣдовательно, папы Рымскія-съ, милостивый государь,—такъ мы полагаемъ, по глупому нашему смыслу...

Тутъ я рѣшился возразить.

— Этотъ Антоній вовсе не былъ папой!—осмѣлился я проговорить.

— Ну вотъ, вотъ-съ! заговорилъ первый изъ моихъ враждебныхъ собесѣдниковъ.—Вотъ вы, милостивый государь, человѣкъ ученый, образованный, вотъ вы и знаете ужъ, что не такъ, — то-есть по-дурацкому, по-мужицкому мы, мужики-дураки, думаемъ... По-вашему, мы есть дураки, а по-нашему, по-глупому, мы такъ полагаемъ, что надобно почитать святыхъ угодниковъ, и полагаемъ такъ, что святители отче Антоніе, Рымскіе папы, на каменіе прибылъ, то слѣдовательно какъ угодника Божія мы его чтимъ и молимся ему, чтобы простилъ бы и помиловалъ наши согрѣшенія... Н-ну, а вы, такъ какъ вы имѣете благородное образованіе, такъ для васъ, я такъ думаю, что ничего это не составляетъ...

— Я не понимаю, что̀ вы говорите!—сказалъ я.

— То-то и есть,—я говорю:—дураки мы! И гдѣ же намъ, дуракамъ, понимать, какъ должно по наукамъ, чтобы, напримѣръ, почитать святыхъ угодниковъ? Для насъ, для мужиковъ, такъ представляется, по нашей глупости, что который человѣкъ имѣетъ вѣру въ Бога, тотъ и въ мысляхъ своихъ имѣетъ, напримѣръ, совѣсть... А который...

— Что̀ ему Богъ-то!—вдругъ перебилъ какой-то рыжій верзила сильнымъ, рѣжущимъ ухо басомъ:—иному Богъ, а иному пріятнѣе чортъ... Съ чортомъ-то иному много будетъ попріятнѣе имѣть свои каламбуры... Чортъ-то, вѣдь онъ, братъ, тоже ученъ!..

— Нау-учитъ хорошему!—послышалось откуда-то изъ-за спины у верзилы.

— А можетъ-быть, что и такъ бываетъ, какъ вотъ онъ сказываетъ...—продолжалъ первый изъ собесѣдниковъ.—

Конечно, что мы глупы, ничему не учены, но только мы знаемъ отъ нашихъ прародителей, какъ былъ искони бѣ Богъ, то мы и чтимъ и благодаримъ,—и за хорошее благодаримъ и за худое, потому—все отъ Бога. Хотя мы и дураки, но мы въ потѣ лица несемъ наши труды, семейства, заботимся и терпимъ, потому такъ установлено Богомъ, и Господь насъ не оставляетъ: были мы вотъ крѣпостные, а теперь Господь насъ освободилъ, и слѣдовательно мы должны его славить и благодарить; такъ по-нашему, по-глупому, по-дурацкому... А по-вашему, по-благородному, по-ученому, вишь, вотъ не такъ!.. Антоній не Антоній, храмъ не храмъ, а «что̀, молъ, такое?» (онъ передразнилъ мой вопросъ), работать, вишь, не надо, повиноваться не надо, бояться тоже не резонъ, а живи въ свое удовольствіе... Ну, вотъ мы и думаемъ, что Господь въ такихъ дѣлахъ—не указчикъ.

— Чортъ *имъ* указатель, больше ничего!—отрѣзалъ верзила.—Богъ на этакія пакости не надоумитъ, а чортъ—съ удовольствіемъ!..

— Конечно, дьяволу пріятны поганые *ихніе* поступки, что̀ говорить! Это злодѣйство для него первое удовольствіе. Господь насъ, рабъ своихъ, изъ рабства, за наши мученія и слезы, освобождаетъ, а дьяволъ-то—эво чего норовитъ!—чтобы, напримѣръ, на оборотку! Ну, только нѣтъ, наврядъ!.. Хоша, конечно, ученому народу и пріятнѣе, чтобы, значитъ, на прежнихъ правахъ, но Господь милостивъ и щедръ, а бѣсъ сокрушится яко воскъ... Такъ вотъ мы и думаемъ, по глупому нашему уму, и чтимъ и молимся, а которые есть люди, покорные дьяволу, такъ тѣмъ зачѣмъ Бога почитать? Мы вотъ, дураки-то, мужичье, какъ видимъ храмъ, такъ и снимаемъ шапочку да низехонько поклонимся... А вамъ зачѣмъ?

Послѣдняя фраза была сказана съ ужаснымъ ехидствомъ.

— Вотъ ученымъ,—загремѣлъ верзила:—написать бы себѣ чортову харю да и почитать ее, какъ своего заступника. Я такъ думаю, что это будетъ, по вашему уму, правильно... А мы, мужики, будемъ Богу поклоняться, а чорта по шеѣ долбить, доколѣ онъ не расточится, какъ послѣдняя свинья. Вотъ какъ надо по-нашему!

— Закатилъ *ему* хорошаго леща,—произнесъ какой-то посторонній слушатель, очевидно, плохо вслушавшійся въ разговоръ, но, несомнѣнно, имѣвшій «собственное мнѣніе» относительно «главнаго» предмета разговора:—засвѣтилъ *ему* звѣзду по уху—вотъ тебѣ и *права!*

— А кто-жъ на лежачихъ лесорахъ будетъ ѣздить?— вмѣшался новый собесѣдникъ, также имѣвшій «собственное мнѣніе».

— Да мы съ тобой! Ты думаешь—не сумѣемъ? Не безпокойся!.. А то—права!.. Я-бъ тебѣ показалъ, пузастому чорту, права!.. Погляди-ка, какія у нихъ у всѣхъ пузы-то! Все мало! «Подай назадъ...» Н-ну нѣтъ, братъ, погоди, повремени!..

Разговоръ мало-по-малу сдѣлался общимъ, при чемъ всякій хотя и говорилъ, повидимому, какъ бы что-то совершенно особенное, самостоятельное, не подходящее къ тому, что̀ сказалъ предшественникъ, но какая-то неразрывная, трудно уловимая нить соединяла всѣ эти разрозненныя мнѣнія и фразы; что-то совершенно опредѣленное, всѣмъ понятное лежало въ глубинѣ этихъ разглагольствованій, казавшихся на первый взглядъ почти безсмыслицей. Именно это «что-то», скрытое отъ моего пониманія, и ощущалось мною какъ нѣчто враждебное, непріязненное, ощущалось тѣмъ съ большею непріятностью, что всѣ разговаривающіе, очевидно, имѣли меня предметомъ своего сужденія, хотя большинство и не обращалось ко мнѣ въ своихъ разсужденіяхъ. Разговаривая другъ съ другомъ, они смотрѣли на меня; при словахъ: «имъ», «ихнія» и т. д. въ мою сторону адресовался кивокъ или ядовитый взглядъ. Очевидно, что въ моей фигурѣ, въ моей внѣшности они нашли какіе-то общіе, всѣмъ имъ хорошо извѣстные признаки человѣка, надъ которымъ не только можно, а даже должно упражнять свои критическія способности и практиковать критическіе взгляды. Я былъ точно на судѣ, точно подсудимый, и рѣшительно не зналъ, какъ выпутаться изъ этихъ сѣтей, которыми опутала меня публичная критика. Къ счастью, въ самую трудную для меня минуту, пароходъ подъѣхалъ къ какой-то деревнѣ, гдѣ я рѣшился выйти. Но въ то время, когда я спускался по желѣзной лѣстницѣ въ лодку и отдалъ билетъ тому человѣку, который уязвилъ меня во время пути, человѣкъ этотъ не преминулъ уязвить меня и еще разъ:

— Слѣзаете?—спросилъ онъ. — Доброе дѣло-съ... Такъ та̀къ-то-съ. По-нашему-то будетъ святители отче Антоніе, папы Рымскія, а по-вашему, пожалуй, и не требуется этого... Оченно жаль-съ!.. А по-нашему такъ.

Къ счастью моему, я былъ уже въ лодкѣ, которая стала медленно отъѣзжать отъ парохода, и не слыхалъ, какія-та-

кія язвительныя шпильки пускалъ мнѣ вдогонку одинъ изъ моихъ неожиданныхъ преслѣдователей.

Но этимъ эпизодомъ злоключенія мои не только не кончились, а, напротивъ, только начинались. Съ парохода я могъ еще уйти; но что я могъ и могу сдѣлать въ глухой деревушкѣ, гдѣ я поселился, гдѣ меня никто не знаетъ и гдѣ, благодаря тому обстоятельству, что въ моемъ паспортѣ значится фраза: «бывшій студентъ», «учитель» — сразу опредѣлилась во мнѣніи деревенскаго общества самая зловредная, самая непопулярная, а главное—не подлежащая ни малѣйшимъ сомнѣніямъ въ зловредности сторона моихъ нравственныхъ свойствъ.—«А, студентъ!—сказалъ сельскій писарь, прочитавъ видъ. — Такъ!» Неграмотные мужики только поглядѣли на меня исподлобья и стали переглядываться другъ съ другомъ и писаремъ. Слово: «такъ» писарь произнесъ такимъ тономъ, что оно совершенно ясно для всѣхъ выразило такую мысль: «Ага, вонъ куда *ихъ* стало заносить!..»

Я отличнѣйшимъ образомъ понималъ смыслъ всѣхъ этихъ взглядовъ, всѣхъ этихъ «тоновъ», которыми говорились, повидимому, самыя обыкновенныя вещи,—понималъ, что въ глубинѣ этихъ взглядовъ и обыкновеннѣйшихъ разговоровъ лежитъ подозрительность не собственно ко мнѣ, котораго никто не знаетъ въ этихъ мѣстахъ, а къ цѣлой огромной группѣ извѣстнаго сорта людей, въ которыхъ сосредоточивается все, что народъ почитаетъ опаснымъ. Я все это уже видѣлъ, чувствовалъ и хотѣлъ бы что-нибудь сказать въ свое оправданіе, да не могъ, не зналъ, какъ начать,—да, наконецъ, мнѣ и сообразиться-то не давали порядкомъ, потому что шпиговали на каждомъ шагу. Я молчалъ, сидѣлъ либо въ своей избѣ съ книгой, либо съ книгой уходилъ на рѣку—и вездѣ меня настигало шпигованіе. И въ этомъ шпигованіи, а главное—въ тенденціи-то шпигованія—всѣ: и бѣдный и богатый, и власть деревенская и деревенская безгласность—всѣ, какъ одинъ, всѣ согласны, всѣ напираютъ на одно и видятъ зло въ одномъ и томъ же.

Лежу я на этой самой зеленой травкѣ, и вдругъ развязной поступью подходитъ ко мнѣ деревенскій пролетарій; онъ въ рваной рубахѣ, рваныхъ штанахъ, онъ босъ и нагъ; я же нанялъ его сдѣлать мнѣ кровать; я же далъ ему на выпивку «для начатія» работы—и онъ же, выпивъ, первымъ долгомъ является критиковать меня, его заказчика.

— Извините, господинъ, говоритъ онъ, точь въ точь *какъ всѣ*, смотря мнѣ смѣло и *прямо* въ глаза и, *какъ всѣ*, загадочно-смѣло улыбаясь:—извините, что мы васъ спросимъ... Позвольте узнать, какъ будетъ ваше, напримѣръ, званіе?

— Зачѣмъ вамъ?

— Да собственно, чтобы знать-съ. Напримѣръ, откуда, какъ?.. Въ нонѣшнія времена, сами знаете, оченно много разныхъ шарлатановъ оказывается.

— Я пріѣхалъ жить лѣтомъ на дачѣ...—категорически отвѣчаю я.—Мнѣ надо пожить въ деревнѣ для здоровья.

— Такъ-съ... Стало-быть, изъ Петербурга къ намъ для здоровья собственно?

— Собственно для здоровья. Видишь, какой здѣсь воздухъ-то! Вотъ мнѣ и хочется подышать.

— Воздухомъ-то-съ?

— Да, воздухомъ.

— Ну, а въ Петербургѣ-то нешто нѣту воздуху-то?

— Есть, да скверный.

— Ишь ты вѣдь! Стало-быть, для воздуху?

— Да!

— Такъ-съ. По машинѣ пріѣхали?

Молчаніе. Молчитъ и смотритъ на меня, какъ говорится, въ «оба».

— Что-жъ ты работаешь кровать-то?—спрашиваю я его довольно строго.

— Мы работаемъ-съ... Не сумлѣвайтесь!.. Будетъ исправно.

И все-таки стоитъ и смотритъ въ оба. Наконецъ нехотя идетъ и говоритъ:

— Воздухъ у насъ мягкій... коли ежели вамъ пріятно насчетъ воздуху... Да мы такъ только, любопытствуемъ: кто, молъ, такіе? Такъ насчетъ воздуху?.. А кровать будетъ готова, не сумлѣвайтесь.

Пошелъ, но на полдорогѣ остановился, поглядѣлъ на меня, посвисталъ весьма развязно и наконецъ-таки ушелъ.

Ушелъ пролетарій, является тузъ, старшина, богачъ.

— Богъ помочь!—говоритъ онъ, входя въ избу, и едва я, отвѣтивъ на привѣтствіе, хочу ему подать руку, какъ онъ съ улыбкой (*та самая* улыбка, всеобщая) произноситъ:

— Перво-наперво позвольте ужъ намъ нашъ мужицкій законъ соблюсти—Богу помолиться, а потомъ ужъ и вашу ручку примемъ. Ужъ извините!—такое у насъ, у мужиковъ, у дураковъ, глупое обыкновеніе.

Онъ помолился на образа, повѣсилъ картузъ и сказалъ:

— Ну, вотъ теперь позвольте познакомиться.

Слѣдуютъ тѣ же самые вопросы: откуда, зачѣмъ и т. д. Но на этотъ разъ нѣкоторыя изъ моихъ объясненій проходятъ безъ подозрѣнія. Старшина, какъ человѣкъ бывалый, уже понимаетъ, что «для воздуха» можно пріѣзжать изъ Петербурга даже и по машинѣ; но вотъ заходитъ рѣчь о паспортѣ, о томъ, что въ паспортѣ стоитъ слово: «студентъ» и другое слово: «учитель», и дѣло принимаетъ другой оборотъ.

— Я удивляюсь,—говоритъ старшина:—чему только въ нонѣшнія времена учатъ ученыхъ людей! Я къ тому, извините, что вотъ у васъ въ паспортѣ сказано—«учитель»: ну, вотъ мнѣ и пришло на мысль... И чему только, я удивляюсь, учатъ нонича? Двадцать лѣтъ его трутъ и мнутъ, а скажите вы на милость—появляется по окончаніи этого самаго курса столь безсовѣстный человѣкъ, что онъ даже, извините, лба не умѣетъ перекрестить. Я васъ, извините меня, не знаю... кто вы такіе, мнѣ неизвѣстно... можетъ-быть, вы и Бога почитаете, опять же я не знаю. Я долженъ придти взять бумаги, потому, по нонѣшнему времени, столь много шарлатанства... Я не про васъ говорю, а только къ слову, что сказано вотъ тутъ: «учитель»—ну, и я къ слову насчетъ, значитъ, разныхъ прочихъ подлецовъ упомянулъ... Вѣдь иной безсовѣстный человѣкъ встанетъ утромъ, рожу свою поганую не умоетъ—сейчасъ зажегъ папиросу, или тамъ цыгару, подбоченился, засвисталъ: фю-фю-фю!—шапку въ горницѣ надѣлъ, ходитъ передъ образами, какъ ни въ чемъ не бывало... Вѣдь вотъ какіе есть мазурики! Былъ у меня «тоже» вотъ, *какъ и вы*, этакій безсовѣстный учитель... Среда, пятница, Петровъ постъ—ему это и вниманія не составляетъ! Земство прислало—дай Богъ ему здоровья—тамъ тоже все ученые люди, высчева кругу-смыслу. Постъ не постъ—пошелъ на погребицу, облапилъ горшокъ молока — лакаетъ, какъ свинья. Извините, ужъ я съ вами говорю прямо; я пришелъ къ вамъ по дѣламъ... хотите—слушайте меня, хотите—нѣтъ, а что я пришелъ, то потому, что я—начальникъ здѣшній. Вы баринъ, а я мужикъ, но все же я вашъ начальникъ и пришелъ я по дѣламъ, а не угодно меня слушать—какъ угодно.

Я просилъ говорить; говорилъ, что я все понимаю и признаю его власть, и т. д.

— Такъ вотъ какихъ нониче шарлатановъ натворили!

А считается учитель, тоже деньги получаетъ. Онъ, безсовѣстный, лба перекрестить не умѣетъ, а учитель! Чему же онъ можетъ учить! Я бы его самого растянулъ въ волости—да, вишь, тоже нельзя, заступятся. Я такъ считаю, что это все одна шайка, рука руку моетъ, чтобы духъ шарлатанскій распустить по свѣту, а тѣмъ временемъ... Мы тоже слышимъ и видимъ, сдѣлайте одолженіе. А впрочемъ, очень пріятно познакомиться. Воздухъ... что-жъ? Ежели насчетъ воздуху—ничего... сколько угодно. А за глупыя наши мужицкія рѣчи ужъ не взыщите, потому мы не ученые, а мужики-дураки,—слѣдовательно и умныхъ рѣчей у насъ нѣтъ. Ну, а какія есть, не взыщите. У насъ тутъ воздухъ, вполнѣ можно сказать, можетъ освѣжать, напримѣръ... До свиданія-съ!

Ушелъ, но этимъ не кончилось; на дворѣ, гдѣ мужикъ-пролетарій дѣлалъ мнѣ какую-то нелѣпую кровать, завязался общій оживленный разговоръ обо мнѣ и о моихъ, всѣмъ ясныхъ, всѣмъ враждебныхъ свойствахъ. Замѣчательно, что и богачъ-старшина, и мужикъ-хозяинъ, и баба—всѣ были какъ одинъ человѣкъ. Но пуще всего меня волновало то, что пролетарій-то и былъ особенно неумолимъ въ подозрительности.

— Слушай ты его,—азартно говорилъ онъ старшинѣ, не переставая работать:—ты его послушай, онъ тебѣ наплететъ... Учитель! Коего ему дьявола воздуху понадобилось за полтораста верстъ отъ Петербурга? Ты за нимъ долженъ глядѣть въ оба!.. Они мастера разговаривать-то—воздуху!

— Ну, будетъ тебѣ!—урезонивалъ его старшина:—тебѣ говорятъ дураку: на дачу пріѣхалъ! Развѣ мало ѣздитъ господъ?

— То-то много — немало! Я про то и говорю: много, молъ, ихъ, шарлатановъ... Онъ вотъ пріѣхалъ насчетъ воздуху,—а что у него на умѣ?

— Ну, что?

— Да! Что? Ты начальникъ,—ну-ка, говори, что? Знаешь?

— А ты знаешь?

— Я-то? Я его насквозь вижу.

Какимъ образомъ, черезъ нѣсколько времени такого разговора, плотникъ-пролетарій нашелъ возможнымъ провозгласить на весь дворъ фразу о томъ, что «*они* въ прежнія времена людей на собакъ мѣняли, намъ это хорошо извѣстно», я рѣшительно не понимаю и совершенно не

могу выяснить себѣ направленія мыслей плотника. Но фраза была произнесена громогласно и поддержана подобными же примѣрами: поддержалъ и мужикъ-хозяинъ, и хозяйка-баба, и даже старшина. Пролетарій-плотникъ будоражилъ публику больше всѣхъ. Когда была готова кровать, я далъ этому моему ненавистнику на водку, далъ я ему хорошо и надѣялся, что онъ снизойдетъ ко мнѣ и перестанетъ относиться ко мнѣ съ озлобленіемъ, котораго я ровно ничѣмъ не заслужилъ. Но я жестоко ошибся; плотникъ выпилъ «на всѣ» и поздно ночью появился около моей избы.

— Эй!—кричалъ онъ мнѣ съ улицы.—Учитель! Поди-ка сюда! Иди, что ли? Н-ну, будетъ тебѣ, перестань, ид-ди! Я бы тебя поучилъ малымъ дѣломъ. Поди, я тебѣ дамъ наставленіе... Чего молчишь-то?

— Будетъ тебѣ орать-то! не нашелъ время днемъ!—остановилъ его голосъ хозяина.—Чего орешь? Спитъ онъ.

— Спитъ? Ну, пускай... песъ съ нимъ! Пускай. А то бы я его вопросилъ бы о предметахъ. Пущай бы отвѣчалъ. Ну, песъ съ нимъ... Я бы ему показалъ, какъ человѣка на собаку мѣнять... Я бы его научилъ... Ну, песъ его дери...

. . . . . .

Какія-то неясныя для меня, но сплачивающія массу идеи, очевидно, бродятъ тамъ, въ глубинѣ народныхъ размышленій. Во имя этихъ идей народъ, очевидно, можетъ поступать дѣйствительно «какъ одинъ человѣкъ». Въ этомъ я положительно убѣдился.

«Боже мой!—думалось мнѣ въ трудныя минуты «отдыха на травкѣ»:—какъ мнѣ доказать имъ, а въ особенности этому плотнику-пролетарію, что я вовсе не то, что они обо мнѣ думаютъ».

Они, правда, понемногу перестали допекать меня допросами открыто,—они стали молча проходить мимо меня; но это было еще хуже: упорный, подозрительный взглядъ каждаго изъ нихъ всегда останавливался на мнѣ, долго пронизывалъ меня и нимало никогда не смягчался.

«Отдыхать» на травкѣ при такихъ условіяхъ было въ высшей степени неудобно.

V. Своекорыстный поступокъ.

1.

При всей трудности и неловкости моего положенія, меня все-таки, конечно, глубоко радовало то новое (для меня) явленіе сплоченности деревенскихъ людей, которое обнаруживалось въ ревнивомъ обереганіи «мужицкихъ правовъ», но, право же, думалось мнѣ, на этотъ разъ оберегатели «правовъ» «не на того» напали, и не я тотъ человѣкъ, который таитъ въ душѣ своей злостныя относительно этихъ «правовъ» намѣренія... Чтобы доказать это подозрительнымъ деревенскимъ людямъ, очевидно, необходимо было совершить какой-нибудь поступокъ, который бы сразу и притомъ для всего *сплошь* подозрительнаго деревенскаго общества показалъ мои подлинныя желанія и взгляды по отношенію къ нимъ, деревенскимъ людямъ, моимъ новымъ знакомцамъ и неожиданнымъ врагамъ. Необходимо было притомъ совершить такой поступокъ, который бы обнаружилъ мои намѣренія *безъ разговоровъ*, такъ какъ именно только *«за разговоры въ деревнѣ»* на Руси, какъ извѣстно, сгибло немало народу, а я просто хотѣлъ отдыхать на травкѣ, а насчетъ погибели не думалъ спѣшить, потому что, казалось мнѣ, и такъ я уже почти погибъ...

Поступокъ, не сопровождаясь разговорами, долженъ былъ въ то же время имѣть то свойство, чтобы при *всеобщей* подозрительности, при *всеобщей* сплоченности въ недовѣріи и ревности къ правамъ, давалъ бы также *всеобщее*, т.-е. для *всѣхъ* одинаково доступное представленіе о томъ, что я не крамольникъ и не врагъ вообще крестьянскаго благополучія,—необходимъ былъ, слѣдовательно, поступокъ, какъ говорится, просто «благородный». Разъ *всѣ* меня подозрѣваютъ, надо, чтобы и подозрѣвать перестали также *всѣ*, а для этого и надобно было поступить «вообще» благородно. А такъ какъ и за благородные поступки также на Руси сгибло несмѣтное множество благороднѣйшихъ людей, то необходимо было придумать такой благородный поступокъ, чтобы онъ, во-первыхъ, былъ меньше булавочной головки, а во-вторыхъ, чтобы онъ обладалъ свойствомъ полнѣйшей неуязвимости, чтобы подъ него никто не могъ подкопаться, придраться или «прицѣпиться».

Соединивъ все сказанное выше въ одно цѣлое, читатель, надѣюсь, пойметъ, что задача, которую задало мнѣ новое

теченіе деревенской мысли, была весьма затруднительна: я долженъ былъ совершить такой поступокъ, который, во-первыхъ, долженъ быть общепонятенъ, во-вторыхъ—неуязвимъ, въ-третьихъ — благороденъ, въ-четвертыхъ — меньше булавочной головки, и наконецъ въ-пятыхъ—поступокъ этотъ въ общей сложности долженъ былъ такъ ли, сякъ ли дать деревенскому люду представленіе о томъ, что я, неизвѣстный для нихъ человѣкъ, не таю противъ нихъ зла.

Что же такое долженъ былъ я сдѣлать?

2.

Долго ломалъ я голову и, вѣроятно, не пришелъ бы ни къ какому результату, если бы меня не выручила совершеннѣйшая случайность, именно: понадобилось мнѣ быть какъ-то въ Петербургѣ, и здѣсь, у одного изъ пріятелей, я совершенно случайно встрѣтилъ, въ числѣ разныхъ книгъ, разбросанныхъ на письменномъ столѣ, небольшую брошюру объ оспопрививаніи и, просматривая ее, узналъ, что въ Петербургѣ, въ императорскомъ вольно-экономическомъ обществѣ, можно получать оспу безплатно, такъ какъ давно уже образовался какой-то капиталъ, на проценты съ котораго оказалось возможнымъ устроить даровую раздачу оспенной матеріи. Свѣдѣніе это сразу вывело меня изъ затруднительнаго положенія. Я вспомнилъ, что передъ отъѣздомъ изъ деревни я какъ-то слышалъ отъ старшины, что онъ тоже собирается ѣхать въ Петербургъ и, между другими дѣлами, которыя думалъ сдѣлать въ Петербургѣ, — хотѣлъ также купить для волости оспы. Сдѣлаю, думалъ я, это дѣло для деревни. Я — посторонній человѣкъ, и хотя поступокъ этотъ будетъ весьма ничтожный въ смыслѣ общественной пользы, а все-таки будетъ, во-первыхъ — полезный поступокъ, во-вторыхъ—дастъ деревнѣ возможность взглянуть на меня не съ худой, а съ доброй стороны, въ-третьихъ—такой поступокъ никого не можетъ обидѣть и всякій долженъ сказать: «хорошо». Авось, думалось мнѣ, крестьяне перемѣнятъ обо мнѣ мнѣніе, когда узнаютъ, что я, котораго они считаютъ въ числѣ ненавистниковъ ихняго благополучія, вспомнилъ о нихъ въ Питерѣ, вспомнилъ о ихъ недостаткахъ и добылъ безплатно такую вещь, за которую они до сихъ поръ, какъ мнѣ извѣстно, платили деньги. Хотя дѣло, которое я задумалъ сдѣлать для нихъ, было рѣшительно микроскопическое, но его никто изъ крестьянъ не будетъ въ состояніи объяснить какимъ-нибудь худымъ

побужденіемъ, а мнѣ, въ моихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ, ничего иного и не требовалось. Не утаю отъ читателя, что личный расчетъ, руководившій мною въ этомъ «благородномъ», съ «булавочную головку» поступкѣ—расчетъ на то, что поступокъ этотъ, давая крестьянамъ нѣкоторый намекъ на присутствіе во мнѣ добрыхъ намѣреній, умягчитъ ихъ сердца и мысли и дастъ мнѣ возможность хоть недѣлю полежать на травкѣ именно такъ, какъ я объ этомъ мечталъ—этотъ личный расчетъ побудилъ меня дать моему поступку нѣкоторую огласку. Нужда, говоритъ русская пословица, научитъ кирпичи ѣсть; та же нужда учитъ ѣсть и калачи, она же и меня научила тому, что̀ извѣстно подъ выраженіемъ: рожь на обухѣ молотить и соринки не обронить. И точно: лишь бы только выбраться изъ-подъ гнета незаслуженнаго недовѣрія, ни единой соринки изъ такого ничтожнѣйшаго «поступка», какъ трубка съ телячьей оспой, я не проронилъ. Возвратившись въ деревню съ оспенными трубочками, я постарался сдѣлать такъ, чтобы онѣ достигли рукъ оспопрививателя, описавъ по деревнѣ, по возможности, значительный кругъ и пройдя черезъ многія руки. Для этого я вручилъ трубочки крестьянину, совершенно мнѣ незнакомому, даже изъ другой деревни, далъ ему двугривенный съ тѣмъ, чтобы онъ отнесъ эти трубочки знакомому мнѣ пролетарію, чтобы пролетарій передалъ ихъ старшинѣ, а ужъ старшина передастъ оспопрививателю. При этомъ, давая двугривенный, я просилъ незнакомаго крестьянина передать пролетарію на словахъ слѣдующее:

— Скажи ему, чтобъ онъ передалъ эти скляночки старшинѣ и сказалъ бы ему, что не надобно ѣздить въ Петербургъ и тратить крестьянскія деньги. Я вспомнилъ, что вамъ надо, и досталъ безплатно. Ни копейки не стоитъ... Зачѣмъ напрасно тратить деньги? Крестьянамъ деньги нужны. Пусть скажетъ старшинѣ, чтобы не ѣздилъ, не тратилъ. Сколько угодно даютъ безплатно...

Нѣсколько разъ повторялъ я ему одно и то же, всякій разъ сокращая рѣчь, такъ что въ концѣ концовъ крестьянинъ ушелъ отъ меня, неся въ памяти своей только представленіе о томъ, что вотъ «за это прежде платили деньги, а теперь безплатно», и что я, именно я, Лиссабонскій, «*вспомнилъ*» объ этомъ; я, Лиссабонскій, не захотѣлъ, чтобы деньги тратились даромъ.

Такого шарлатанства я бы никогда прежде не позволилъ

себѣ, да никогда оно и не пришло бы въ голову, вѣроятно, потому, что мнѣ никогда также не могло бы придти въ голову, чтобы меня-то, меня, Лиссабонскаго, человѣка, именно изъ-за сочувствія деревенской нуждѣ обреченнаго остаться внѣ общества, человѣка, вынужденнаго скитаться, не имѣя опредѣленныхъ занятій, — чтобы меня-то могъ деревенскій человѣкъ заподозрѣть въ желаніи воротить крѣпостные порядки. А разъ это случилось, надо было подниматься на хитрости.

Хитрость моя удалась какъ нельзя лучше въ томъ отношеніи, что трубочки съ оспой дѣйствительно достигли рукъ оспопрививателя не прежде, какъ побывавши въ десяти другихъ рукахъ, при чемъ передача изъ однѣхъ рукъ въ другія сопровождалась комментированіемъ моихъ словъ: «безплатно», «вспомнилъ», «напрасно не тратить денегъ». Результаты этой уловки не замедлили обнаружиться, но — увы!—они были вовсе не тѣ, которыхъ я ожидалъ! Моимъ безцвѣтнымъ, микроскопически «благороднымъ» поступкомъ я хотѣлъ помирить съ собой до нѣкоторой степени *весь* крестьянскій міръ, такъ какъ онъ *весь*, всей массой, «*вспъ, какъ одинъ*», напиралъ на меня въ своей подозрительности. Но—увы!—поступокъ мой въ сотый разъ доказывалъ мнѣ, что единеніе полное и плотное въ недовѣріи къ крѣпостническимъ злоумышленіямъ, подозрѣваемымъ крестьяниномъ во всякомъ человѣкѣ, который носитъ сюртукъ, есть то самое плотное единеніе, которое сковываетъ націю предъ чужеземнымъ непріятелемъ, и что, разъ дѣло коснется интересовъ обыкновеннаго жизненнаго обихода, нѣтъ того, что̀ называется «масса», нѣтъ сплошной толпы, нѣтъ мысли, проникающей всѣхъ и вся однообразнымъ сочувствіемъ ей или несочувствіемъ... Въ сотый, тысячный разъ убѣдился я, что если народъ носитъ одинаковые полушубки, одинаковыя бороды, пашетъ одинаковыми сохами и коситъ одинаковыми косами и т. д., то это вовсе не означаетъ, что онъ—«масса», что онъ одинаково думаетъ, исполненъ одинаковыми желаніями, что вообще нельзя «любить» сплошь всю деревню, хотя бы у нея сплошь у всей были «ядреныя щеки» (тоже свойство народное), и т. д. Вы видѣли, какой почти безцвѣтный поступокъ совершилъ я, полагая, что *весь* крестьянскій міръ скажетъ за него: «хорошо». Однако посмотрите, что̀ вышло.

Входитъ ко мнѣ въ избу деревенскій тузъ, старшина.

— Добраго здоровья!

— Здравствуйте.

– Зашелъ на минутку. Присѣсть позвольте.

— Пожалуйста... Тамъ я послалъ вамъ...

— Какъ-же-съ! Какъ же! Получили... Благодаримъ покорно! Очень благодарны... Вспомнили-съ!

Онъ отеръ платкомъ лицо и, не безъ тонкой ироніи, проговорилъ:

— Будучи вы въ столицѣ, изволили вспомнить нашихъ мужичковъ...

— Совершенно случайно...

— Прекрасно-съ. Это доказываетъ ваше вниманіе... Такъ какъ дѣло это нисколько васъ не касающее, потому мы сами завсегда знаемъ, что̀ требуется, а, между прочимъ, вы имѣли такое вниманіе, что вспомнили, то мы и считаемъ это... какъ вашъ благосклонный поступокъ... Очень благодарны-съ!

— Помилуйте... ничего не сто̀итъ...

— Нѣтъ-съ, что-же-съ! Мы понимаемъ... Должны цѣнить... Безплатно-съ... Это мужичкамъ будетъ пріятно... Да-съ. Это для нихъ первое удовольствіе... Теперича они эти двадцать тамъ или тридцать рублей, которые на оспу шли, пропьютъ у кабака. Какъ же! Экономія!.. Чистый барышъ! Ну, само собой, и надо нажраться... Хе-хе-хе...

Гость мой какъ будто начиналъ слегка раздражаться.

— Вы ужъ меня извините-съ, я — мужикъ, говорю по-мужицки... можетъ, моя рѣчь для васъ оказываетъ какъ грубость, а ужъ извините—позвольте вамъ упомянуть—нехорошо-съ! Оченно для меня непріятно... Конечно, вы отъ добраго сердца, а такъ какъ вы не знаете нашихъ дѣловъ, то ужъ извините, хотите—сердитесь, хотите—нѣтъ, а ужъ скажу: дурно!—очень дурно поступили!

— Въ чемъ же?

— Позвольте вамъ сказать — вы нашихъ дѣловъ не знаете... Теперь спрошу васъ: ежели вы имѣли такое вниманіе, зачѣмъ вы прямо мнѣ въ руки не отдали?.. Кто начальникъ?

— Вы!

— Почему-жъ вы отдали мужичью?

— Васъ не было, кажется...

— А вамъ, коль скоро вы такъ благосклонны, вамъ погодить-бы-съ! А вы еще изволили назудить имъ: «безплатно». Зачѣмъ-съ?

— Дѣйствительно, вѣдь безплатно...

— Знаю-съ, оченно знаю! Я про то говорю, зачѣмъ вы имъ внушаете вредныя мнѣнія?.. Они и такъ ужъ избаловались, негодяи, а вы имъ этакое мнѣніе внушаете... Кабы ежели бы вы знали наши порядки деревенскіе, такъ вы бы старались внушить имъ добро, а не зло, а вы ихъ утверждаете въ глупомъ мнѣніи... Вѣдь они, канальи этакіе, и такъ ничего знать не хотятъ, вѣдь за нихъ, подлецовъ, сколько разъ я въ холодной-то сидѣлъ—за недоимки! А вы имъ—«безплатно»! Я, по-ихнему, и такъ ужъ изъ воровъ воръ... Послушать ихъ, такъ я ихъ каждый день обкрадываю — и податей много беру, и земскихъ много, — беру да въ свой карманъ кладу, потому что для нихъ, канальевъ, нѣтъ лучше, пріятнѣе удовольствія, какъ чтобы не платить ни копейки... А вы имъ воткнули въ глупыя ихнія башки этакій, напримѣръ, предлогъ, что «безплатно»! Вѣдь теперича они какъ загалдятъ-то! Теперича заикнись я имъ что-нибудь касательно денегъ, податей или чего прочаго, вѣдь у нихъ есть предлогъ: «даромъ, молъ, бралъ, а деньги въ карманъ клалъ». Нѣтъ-съ, извините, а сказать, что вы хорошо поступили, — этого, по совѣсти, сказать не могу... нѣтъ, нельзя этого сказать, нельзя-съ!

— Я не зналъ!..

— То-то, что не знали-съ... Это мы понимаемъ, что ничего вамъ неизвѣстно... И другіе прочіе тоже ничего путемъ не понимаютъ, а дѣлаютъ распоряженія и такъ же вотъ благосклонно поступаютъ, а выходитъ на повѣрку, что избаловали народъ до такой степени—сма-атрѣть тошно! Богомъ вамъ побожусь — смотрѣть тошно! До такой степени разслабили его благосклонными вниманіями да строгими взысканіями, что подобенъ онъ сталъ разслабленному младенцу или какому-нибудь безчувственному пьяницѣ, что не можетъ пошевелить ни рукой ни ногой... Хлѣба у него нѣтъ, овса у него нѣтъ, податей заплатить не можетъ — совершенно безъ рукъ, безъ ногъ, недвижимъ и разслабленъ... Тутъ ему и способіе, тутъ ему и всякое снисхожденіе — а наказывать его, чтобы, напримѣръ, за невзносъ, прописать ему мягкую часть для здоровья,—какъ можно, нельзя! Помилуйте! «Какъ можно драть! Это ужасно»... Почему же, позвольте васъ спросить, когда, бывши мы при крѣпостномъ правѣ, успѣвали не токмо свою землю обработать, а обрабатывали и господскую, да раза въ три больше нашей? Почему это? А теперь и своей намъ много: три полосы, извольте поглядѣть, лежатъ въ бурьянѣ... Да и то, только-

что, прямо сказать, бабы бьются, а эти, орлы-то, мужварье-то это безобразное, только калякаетъ да перекоряется другъ съ дружкой, да у кабака сидитъ, способій ждетъ! Почему, позвольте васъ спросить, въ прежнее время были у насъ хлѣбные магазины полнымъ-полны, а теперь они пустые, того и гляди на кирпичъ продадимъ, а деньги пропьемъ? Вѣдь до какой степени ослабъ народъ, невозможно этого и высказать вполнѣ... Вѣдь онъ хомута починить не умѣетъ! Помилуйте! «Да дуракъ ты этакій! Да ты взялъ бы цѣльный-то хомутъ, да поглядѣлъ бы, какъ онъ сдѣланъ, да дѣлалъ бы такъ. Тутъ, вонъ видишь — дыра, и ты, молъ, дыру верти; тутъ вонъ веревка продѣта—и ты веревку продѣвай!» Учишь его, дурака, а ему все одно—къ стѣнѣ горохъ. Сталъ онъ совершенно какъ меланхолическій какой-нибудь оселъ, извините меня. Чѣмъ бы, въ самомъ дѣлѣ, починить хомутъ-то, а онъ поглядитъ на него, поглядитъ, да зѣвнетъ, да шваркнетъ куда-нибудь въ уголъ, въ грязь, а самъ поперъ нога за ногу къ кабаку, не навернется ли какой пьянчуга, не поднесетъ ли стаканчика.

Гость мой все болѣе и болѣе воодушевлялся.

— Почему,—продолжалъ онъ:—почему я... пошелъ ужъ мнѣ пятый десятокъ, почему я посейчасъ знаю, что̀ нужно по хозяйству, и все могу сдѣлать? Я и сапогъ сошью, не пойду въ люди, я и косу отпущу, я и плотникъ, я и шорникъ, я и кузнецъ—то-есть, однимъ словомъ, все, что̀ потребуется по хозяйству, сдѣлаю самъ, не пойду въ люди. Почему это? А потому, что мы воспитывались у покойника-родителя въ страхѣ, въ почтеніи и послушаніи, слушались родительскихъ словъ, почитали начальниковъ, законъ... напримѣръ, правила, Богъ, престолъ, все прочее, что̀ есть указано для человѣковъ... А теперича, позвольте сказать вамъ, иду я, начальникъ, по улицѣ—они и шапки не снимаютъ, подлецы! Хорошо ли это? Позвольте васъ спросить: кто я?

— Начальникъ!

— А развѣ возможно мнѣ, начальнику, оказывать такое невѣжество? Въ прежнее время я бы позвалъ его въ правленіе да всыпалъ бы ему полсотни горячихъ, такъ онъ бы и понялъ, что̀ есть начальство и для чего оно поставляется. А что̀ я сдѣлаю теперь, въ нонѣшнее-то время, позвольте васъ спросить? Въ нонѣшнее время изволь я жаловаться въ судъ, а въ судѣ-то кто?—тѣ же самые канальи-непочитатели... Поднесъ имъ пивца, они и начнутъ

канитель тянуть, трутъ да мнутъ, да и кончатъ пивцомъ да винцомъ, а я, начальникъ, которому онъ, негодяй, сдѣлалъ дерзость, остаюсь ни съ чѣмъ. Оплевали меня, я такъ оплеванный и хожу... Ну, что же, хорошо это, похоже это на порядокъ? Да это не все-съ. Что судъ! Суду-то я и самъ какъ-ни-какъ могу дать острастку, прищемить его,— это что! А вотъ что вамъ скажу: выдери я его, мерзавца, своимъ распоряженіемъ, вѣдь онъ меня сожжетъ, со всѣмъ семействомъ по міру пуститъ!.. вѣдь вонъ они какія анаѳемы сдѣлались!.. А почему? Баловство! Воля! Потаканье... изгадили народъ, ни на что не похоже. Я его, какого-нибудь тамъ прохвоста, распоряжаюсь драть, а онъ мнѣ вынимаетъ бумагу. «На-ка, молъ, воткнись рыломъ-то, почитай, что написано». А въ бумагѣ написано: «душевная болѣзнь... печенка оторвалась... сердце разрывается и носъ у подлеца трясется». Докторъ такой-то, и печать приложена. Ну что я могу сдѣлать! Позвольте васъ спросить? Что? А все разные благосклонные народы, все они поблажаютъ и потрафляютъ разнымъ пакостевымъ поступкамъ. «Ахъ, какъ можно драть—на тебѣ бумагу!» — «Ахъ, бѣдный мужичокъ, у тебя у несчастнаго овсеца нѣтъ—на тебѣ овсеца»...—«Позвольте, говорю, господа члены, драть мнѣ ихъ, подлецовъ, въ настоящихъ размѣрахъ!»—«Ахъ что вы, что вы... Надо регеліозно внушать имъ во храмѣ»...—«Да вѣдь за это платить надо священству, вѣдь онъ, батюшка, не меньше какъ сто двадцать рублей запроситъ, вѣдь даромъ никто не будетъ вожжаться, а они, молъ, и такъ не платятъ».—«Ахъ, нѣтъ-нѣтъ! Драть... Это ужасно... Регеліозно надо»... Н-ну, пусть по-вашему, какъ вамъ угодно... А между прочимъ, хоша эти самые члены столь благосклонны, а бумаги присылаютъ мнѣ такія: «взыскать немедля, въ противномъ случаѣ по всей строгости закона». Теперь извольте: драть его нельзя, потому печенка у него, у пьяницы, разрывается и носъ онъ расшибъ въ кабакѣ пьяный, это есть душевная болѣзнь, и слѣдовательно драть его нельзя. Коль скоро его драть нельзя, денегъ онъ мнѣ не платитъ. Денегъ онъ мнѣ не платитъ — я поступаю въ холодное мѣсто. Поступаю я въ холодное мѣсто, вотъ нашъ мужичишка и думаетъ: «Такъ его и надо, не взыскивай!» Недаромъ, молъ, въ темную посадили. И почтенія мнѣ не оказываетъ, никого не боится, потому докторъ ему дастъ бумагу, чтобъ его не касаться; работать не работаетъ, потому ему овса дадутъ... вотъ и извольте тутъ жить. А чуть

не вытерпѣлъ, распорядился, прописалъ ему штукъ двадцать, глядишь — головешку въ сѣнной сарай засунулъ... То-есть адъ, а не порядокъ, вотъ что̀ я вамъ скажу! Вотъ и выходитъ, что благосклонность-то ваша, милостивый государь, не вполнѣ къ мѣсту. Да-съ, ужъ извините!.. Вы вотъ благосклонствуете... а я чрезъ это... воромъ пойду... среди канальевъ. Вотъ оно и непріятно-съ...

Я еще разъ извинился передъ гостемъ въ своей неосторожности и, чтобы выйти изъ непріятнаго положенія, въ которое поставилъ меня упрекъ въ благосклонности, превратившей невиннаго человѣка въ вора, сказалъ:

— Скажите, пожалуйста, что̀ же нужно, чтобы прекратить это безобразіе?

— Которое-съ?

— А вотъ то, про которое вы разсказываете. Что̀ для этого нужно?

— Что̀ нужно-то? Извольте, я вамъ объясню, въ краткихъ даже словахъ. Но только, какъ вы и какъ прочіе благосклонные члены понятія насчетъ нашихъ дѣловъ не имѣете, а сердце у васъ чувствительное, нѣжное, такъ вы, пожалуй, мои слова сочтете за обиду...

Я старался увѣрить моего гостя въ противномъ.

— Что-жъ мнѣ обижаться?—сказалъ я между прочимъ.

— Дѣйствительно!.. Вотъ когда вамъ, господамъ чувствительнымъ членамъ и благосклоннымъ особамъ, перестанутъ мужики взносить взносы, это, я такъ думаю, точно что будетъ для васъ обидно... А покуда вы снисходите, а намъ тѣмъ временемъ все же бумажки присылаете, насчетъ чтобы «поспѣшить взысканіемъ», такъ пожалуй, что въ чувствительныя слезы словами моими я васъ и не введу... Да-съ. Думается такъ, что не введу васъ въ рыданіе по мужичку, коль скоро у него деньжонки шевелятся... А требуется намъ, по моему мужицкому мнѣнію, не оченно много...

— Чего же?

Гость поглядѣлъ на меня, помолчалъ мгновеніе и рѣшительно, твердо произнесъ:

— Палки на нашего брата нѣтъ! Вотъ чего намъ требуется, милостивый государь!..

Гость поднялся съ мѣста и, волнуясь болѣе и болѣе съ каждымъ словомъ, продолжалъ:

— Зачѣмъ отняли отъ насъ палку? Давайте мнѣ ее вотъ въ эти самыя руки, давайте мнѣ ее на два года безъ вся-

кихъ разговоровъ,—все я произведу, все водворю, все укореню на своихъ мѣстахъ! Черезъ два года вы не узнаете нашихъ мѣстъ, только дозвольте мнѣ палку, только палку разрѣшите! И овесъ будетъ свой, и хлѣбъ будетъ, и скотъ будетъ, и не будетъ пьянства, и настанетъ повиновеніе, и порядокъ, и страхъ, и правила, все утвержду, произведу, просвѣщу и ублаготворю — палку, палку мнѣ позвольте! только позвольте палку!—«Ты чего въ кабакѣ болтаешься?» (гость обращался, очевидно, къ воображаемому мужику).—«Тебѣ какое дѣло!» —«Какое мнѣ дѣло?.. Рррозогъ!..»—«Батюшка, матушка!»—«Рррозогъ!.. Ты почему не снялъ шапки? Почему у тебя не засѣяна полоса? Почему у тебя нѣтъ хлѣба? Куда дѣвалъ? Отчего скотина голодная?»—«Да пріѣли хлѣбъ-отъ, да, вишь, кормить нечѣмъ, да откуда взять-то...»—«А! откуда взять, пріѣли, не кормили!.. Рррозогъ!» Такъ ббуу-детъ поррядокъ! Такъ я вамъ, милостивый государь, въ два года такой представлю видъ — въ «Живописномъ Обозрѣніи» не отыщете... А ежели вы, господа члены, будете выдавать документы, что драть нельзя, потому у него печенку въ дракѣ отшибли, а въ томъ же числѣ потребуете, чтобы взыскивали—такъ ужъ извините! Господь съ вами совсѣмъ, живите, какъ знаете! Сдѣлайте милость, потакайте имъ, сколь вамъ будетъ угодно, а ужъ я, человѣкъ, который знаетъ страхъ, совѣсть, правила, престолъ Божій и прочіе, которые достойны человѣка, предметы, ужъ я уйду лучше, оставлю васъ... Справляйтесь одни, какъ вамъ угодно. А на этакое безобразіе смотрѣть не буду... Ужъ извините! Такъ вотъ какое мое мужицкое мнѣніе... А знаю, что не понравится...

— Дѣйствительно...—началъ-было я.

— Да знаю! Ужъ знаю-съ! Вамъ надо регеліозно внушать, деньги получать, да чтобъ благосклонно, потому ему, канальѣ, носъ разбили въ кабакѣ, ну, онъ и оказался боленъ душевною болѣзнью, неизлѣчимымъ... Все это намъ извѣстно, только какъ бы не пенять-съ... Н-ну, однакожъ и ко дворамъ пора...

— Позвольте еще одну минуту...—сказалъ я, останавливая собиравшагося уходить гостя.—Скажите, пожалуйста, какъ же вы теперь-то справляетесь?

— Какъ-съ справляюсь? Деру-съ!

Гость пожалъ плечами.

— Но вѣдь запрещаютъ?

— Сколько угодно! Деру, милостивый государь, въ соб-

ственную свою голову. Да будетъ Его святая воля, Всевышняго! И нельзя не драть, какъ вамъ будетъ угодно. Пущай жалуются—дамъ отвѣтъ чистосердечный! Спасибо еще, есть у насъ на деревнѣ два древнихъ мужичка, древнѣйшіе обыватели, имѣютъ медали за столѣтнее потомство, такъ вотъ тѣ подсобляютъ... А то вѣдь и помощниковъ-то не найдешь... Разложишь иной разъ мужичонку, а на ноги и на голову сѣсть некому! Кому ни скажешь — «ну, какъ же, стану я»... Иной разъ и розги-то никто не хочетъ въ руки взять. Ну, а ужъ эти старички дѣйствительно никогда не покидаютъ, Филоѳей съ Дороѳеемъ... Только заикнешься: «Ну-ка, старички, утвердите дураку законъ!»— завсегда готовы... Потому они, какъ люди стараго завѣта, понимаютъ правила, порядки, и видятъ, что по нонѣшнимъ временамъ нельзя безъ этого. И не послабляютъ! нѣтъ! Кричи не кричи, а засыпятъ, что слѣдуетъ... И все съ приговоромъ: «помни правила, почитай начальниковъ, не балуй, не пьянствуй, Богъ... престолъ... храмъ...» Покуда не вспухнетъ... Коренные старички — мало теперь такихъ сурьезныхъ мужиковъ... Такъ вотъ, милостивый государь, какъ мы справляемся. Оно, конечно, не вполнѣ благосклонно, да зато... Только по этому самому и чаекъ-то съ булочкой, съ вареньемъ благосклонные господа кушаютъ-съ... Будьте здоровы! Заболтался я у васъ.

Гость ушелъ.

Но не успѣлъ я привести въ порядокъ мысли, навѣянныя мнѣ рѣчами гостя, какъ въ избу вошли новые посѣтители: одинъ изъ нихъ былъ мой недавній врагъ, пролетарій, а другой — просто молодой деревенскій парень. Къ удивленію моему, оба они почему-то весело улыбались.

— Ловко!—сказалъ пролетарій.—Ай не любишь этого?— проговорилъ онъ, обращаясь къ отсутствующему гостю:— что въ карманъ-то не дали зацапать!.. Ишь, какія рацеи развелъ...

— Палку требуетъ!—сказалъ парень.

— Чив-во-о-о? На-ка вотъ! Пал-лку! На-ка вотъ, выкусп это. Нѣтъ—довольно, будетъ... Не такія времена! Я подъ окномъ сидѣлъ, все слышалъ, какіе онъ тутъ разводы разводилъ. Дай ему, животному, палку!.. У нихъ, у канальевъ, только и есть ума на все—бить!

— Правиловъ не понимаемъ!—проговорилъ парень.

— У нихъ, у канальевъ, только и правиловъ, что «плати» да «ложись»... Какъ снялъ съ человѣка штаны—это зна-

читъ, закону научилъ, правилу... А не угодно ли, ежели бы палку-то *намъ* передать въ руки, такъ, пожалуй, и мы правила-то да разныя религіи прописали ихнему брату также бы безъ послабленія. Пожалуйте-ка намъ палку-то! Довольно она у васъ была... Что̀ такое, скажите на милость, за манера—драть! Какъ чуть поослабло — потерялъ законъ,—«ложись!». Чуть что̀ хочешь, чтобы попріятнѣе—«ложись!». Давайте мнѣ палку — я ихъ, канальевъ, самъ произведу! Я ихъ научу, какъ брюхи растить на мужицкій карманъ! Давай сюда мнѣ палку-то! Ишь, какіе законники, анаѳемы! Овса у меня нѣтъ, такъ меня драть! Хлѣба нѣтъ—драть! Денегъ нѣтъ—ложись! Ну, ужъ это, братецъ ты мой, вполнѣ глупо. Нашего брата драть, а вы брюхо себѣ набивать? И все мало? Все не хватаетъ? Недостаетъ? Все выбираютъ и выбиваютъ, и никакъ до корня не догребутся? Когда этому будетъ конецъ? Позвольте узнать? Я какъ-то сказалъ-было одному члену:—«Ваше высокоблагородіе! Много ли за нами недобору?» — «Очень, очень много». А животикъ у него—вотъ этакій, ровно какъ тройнями тяжелъ. Вотъ я коснулся ему къ животику-то пальчикомъ и говорю съ вѣжливостью:—«А между прочимъ, говорю, вѣдь вотъ у вашего высокоблагородія въ этомъ мѣстѣ и такъ довольно туговато!.. Что̀ же, ежели мы сполна взнесемъ, не будетъ вамъ вреда отъ этого?..» Такъ мимо ушей прошло, будто не слыхалъ.. да! все мало... А за что—спросить по совѣсти? То-то и оно-то...

И тутъ пошли такія рѣчи, которыя ни въ чемъ, рѣшительно ни въ чемъ не походили на рѣчи только-что оставившаго меня посѣтителя. Я не передаю этихъ рѣчей въ подробности, такъ какъ нѣкоторыя выраженія моихъ гостей, говорившихъ въ сердечной простотѣ, не всегда были вполнѣ удовлетворительны въ цензурномъ отношеніи. Не передаю я также множества сценъ, случайныхъ разговоровъ, слышанныхъ мною то тамъ, то сямъ въ народной толпѣ и доказывавшихъ, что во всѣхъ самыхъ мельчайшихъ ежедневныхъ явленіяхъ жизни идетъ переборка, трудная и упорная, стараго на что-то новое. Не передаю этого потому, что картина, складывающаяся изъ этихъ мелкихъ жизненныхъ чертъ, выходитъ большая, многосодержательная и требуетъ внимательной, тщательной работы, на которую я сію минуту не способенъ. Кромѣ того, въ ней такъ много жизни, что мнѣ, человѣку изломанному, смотрѣть даже больно, хочется отвернуться, чтобы не мучить себя.

Ограничиваюсь двумя вышенаписанными сценами потому, что хочу о себѣ, о своей пропавшей жизни сказать два рѣшительно послѣднихъ слова. Своекорыстіе побуждаетъ меня... И вотъ, только изъ-за желанія придраться «къ случаю», я и беру изъ всего «новаго», происходящаго въ народѣ, только одну черту, которая звучитъ особенно настойчиво, слышится повсюду—именно мнѣніе о «необходимости палки»...

— Бить надо! дать леща!..—Дайте мнѣ палку! безъ палки ничего не будетъ!..—Дайте мнѣ! Дайте намъ!—Васъ надо колотить! Нѣтъ, васъ... и т. д.

Если вы прибавите къ этому массу подобнаго же рода звуковъ, слышащихся далеко за предѣлами деревни, таящихся въ безчисленномъ множествѣ головъ разнаго званія и состоянія, то согласитесь съ тѣмъ мнѣніемъ, также для многихъ вполнѣ справедливымъ, что мысль русская вообще, какъ говорится, «зашевелилась», что вообще происходитъ какое-то «пробужденіе». Я, конечно, радъ... Но если это—пробужденіе, то оно для меня рѣшительно не по душѣ... Оно оскорбляетъ меня, какого-то тамъ Лиссабонскаго, оно наконецъ даетъ мнѣ право даже обидѣться тою глубокою несправедливостью, благодаря которой я, человѣкъ, которому положительно противны такія «пробужденія», остался «безъ опредѣленныхъ занятій» и пропалъ ни за понюхъ табаку.

Мнѣ обидно и жалко, что безплодно прошло наше время, время людей, стремившихся «въ деревню» служить народу. Жалко мнѣ, что мы не были потреблены (своевременно) народной средой; жалко потому, что вмѣстѣ съ нами не потреблены народомъ и наши добрыя намѣренія; жалко потому, что, какъ мнѣ кажется, какъ я упорно вѣрую, поглоти нашего брата среда народная,—право, не было бы этого сумбура, этой тьмы, жестокой путаницы и наконецъ *такого* пробужденія...

19-го февраля 1861 года я, въ числѣ прочихъ учениковъ —ской гимназіи, съ одѣтымъ въ мундиры начальствомъ во главѣ, слушалъ на площади губернскаго города N., передъ соборомъ, чтеніе манифеста объ освобожденіи крестьянъ. Я знаю, что «проклятые вопросы» начались не со вчерашняго дня, но я также знаю, что для «массы» русскаго народа, къ которой я принадлежу по рожденію и воспитанію, проклятые вопросы сдѣлались обязательными

именно съ этой минуты. Итакъ, я стоялъ въ толпѣ и слушалъ манифестъ. Значенія его во всей его огромности я тогда не понималъ, но понимать это значеніе меня научила сама жизнь.—«Теперь не то!»—заговорили чиновники.—«Нонѣ не то время!»—тараторили мужики.—«Не тѣ нонѣ времена!»—охали купцы. Иные отъ этихъ новыхъ временъ плакали, разорялись, ожесточались; другіе радовались имъ, пріободрялись, похваливали. Что же такое случилось? Крестьянъ «освободили». Отъ кого освободили? Отъ крѣпостной, рабской зависимости. Что такое крѣпость, рабство?.. На эти вопросы мнѣ отвѣтила книжка, сразу освѣтившая то, что я множество разъ имѣлъ передъ глазами, но чего я не понималъ. Книжка научила меня понимать, что событіе совершилось во имя справедливости, что хоть и жаль, что разоряются, что хотя и жаль плачущихъ, нищающихъ, идущихъ по міру, жаль всѣхъ, кто дышалъ и жилъ рабскимъ трудомъ и около рабскаго труда, но что дѣлать! Это—жертвы необходимыя и, сравнительно съ массой, для которой совершенъ актъ справедливости, ничтожныя.

Такимъ образомъ идеи «свободы» и «народнаго блага» не выдуманы мною, или, вѣрнѣе, нами, Лиссабонскими, въ минуты праздности, а сами пришли къ намъ «помимо нашей воли», стали *обязательными* и не только для насъ, молодыхъ подростковъ, но для всего общества поголовно: и для друзей освободительныхъ идей и для враговъ онѣ, идеи эти, сдѣлались *обязательными*. Человѣкъ, который сегодня крестился въ водахъ Днѣпра, *долженъ былъ*, помимо желанія, помимо привычки, освоиваться съ *обязательной*, *новой* для него христіанской идеей. Онъ уже *не могъ* смотрѣть назадъ, онъ *долженъ былъ* всматриваться въ новое будущее, волей-неволей долженъ былъ переиначить весь обиходъ своей жизни на новый образецъ, сообразно новой, обязательной для него идеѣ. Такое огромное событіе, какъ освобожденіе милліоновъ отъ крѣпостной зависимости, точно такъ же обязывало проникаться не старыми крѣпостными идеями—уже потому, что онѣ стали старыми, отощали, остались назади,—а новыми, совершенно противоположными крѣпостной неправдѣ, идеями блага, народнаго благополучія.

Итакъ, вы видѣли, что новыя идеи мы *обязаны* были принять, *обязаны* были проникнуться ими, и если тронулись, какъ говорится, «въ народъ», то не съ злостными намѣреніями и не по прихоти или фанаберіи, а потому же,

почему весною таютъ снѣга, тронулись «гонимы вешними лучами» новыхъ, обязательныхъ для всего русскаго народа новыхъ задачъ... Да, государи мои, мы потому пошли къ народу, что были *гонимы* благотворными лучами, какъ солнце, огромнаго событія освобожденія... Если это—вина, то ужъ никакъ не наша.

Такимъ образомъ актъ освобожденія создалъ задачу молодого поколѣнія, наложилъ на него обязанности, и притомъ съ совершенно опредѣленной тенденціей: народъ, вчера крѣпостной и рабъ, сегодня сталъ свободнымъ человѣкомъ; слѣдовательно надо работать съ нимъ и для него. Кто же и что̀ въ обществѣ, которое только вчера стало въ *совершенно новыя* условія, могло разрѣшить обязательную для насъ задачу? кто могъ отвѣтить на вопросъ: ка̀къ и что̀ дѣлать въ народѣ и для народа? Очевидно, что у общества, т.-е. рѣшительно ни у одного человѣка во всемъ русскомъ обществѣ не было опыта, который бы пригодился въ новыхъ условіяхъ. Развѣ крѣпостники могли отвѣтить на вопросъ: что̀ нужно дѣлать теперь,—когда и ихъ самихъ сдали въ архивъ? Разумѣется, нѣтъ; разумѣется, надо было учиться и почерпать знанія въ другомъ мѣстѣ, у другихъ людей; и вотъ явились опять книжки, почему-то столь проклинаемыя, книжки иностранныя. Огромный опытъ европейской жизни, установившейся въ извѣстныхъ формахъ, рѣшительно могъ и долженъ былъ дать указанія для милліонной массы, только-что призванной къ жизни, могъ дать указанія хотя бы относительно только того, чего не нужно дѣлать, чего надо бояться дѣлать, чего не надо допускать... Не знаю, ка̀къ кто, только я руководствовался именно этими соображеніями. Да наконецъ развѣ не опытъ европейской жизни привелъ къ простому, мирному, заблаговременному, такъ сказать, освобожденію крестьянъ, вмѣсто того, чтобы дожидаться того же освобожденія въ другой формѣ? Не велика бѣда, стало-быть, и въ томъ, что мы, Лиссабонскіе, тронулись въ путь, начитавшись иностранныхъ книжекъ... своихъ-то вѣдь не было и никто изъ «своихъ» не зналъ, что̀ надобно дѣлать, а дѣлать, какъ мы видѣли, надобно было новое дѣло...

Итакъ, *повинуясь обязательно* для всего русскаго общества и притомъ *совершенно* новому направленію мыслей и задачъ, не выдуманныхъ мною, не вычитанныхъ въ иностранныхъ книжкахъ, а прямо логически и *неизбѣжно* вытекавшихъ изъ новыхъ условій, въ которыя стала милліон-

ная масса народа, я и пошелъ въ деревню. Дѣятельность моя въ деревнѣ если и страдала множествомъ недостатковъ, то неопытность и новизна могутъ служить для меня, Лиссабонскаго, большимъ оправданіемъ. Между прочимъ, меня самого много разъ мучилъ одинъ весьма крупный недостатокъ въ этой дѣятельности, именно какая-то казенная сухость, какая-то канцелярщина и канцелярская узость, въ которую я облекалъ такъ-называемыя благотворныя идеи. Но и это да будетъ мнѣ прощено на томъ основаніи, что необузданной канцелярщиной укрѣплялись также и неблаготворныя идеи, что повсюду вмѣсто «общественнаго дѣла» свирѣпствовала «общественная канцелярщина». Но, несмотря на неопытность, незнаніе народной жизни, сухость и казенщину формъ дѣятельности, сущность этой дѣятельности, несомнѣнно, соотвѣтствовала духу новаго времени. Раздумывая теперь объ этомъ, поражаюсь той огромной неприготовленностью русскаго общества къ воспріятію новыхъ идей, которая дала возможность заподозрѣть мою скромнѣйшую изъ скромныхъ дѣятельность въ деревнѣ, а главное—не догадаться, не видѣть, *не узнать* въ этой дѣятельности *той же самой* тенденціи, которая лежала въ основаніи великаго событія—освобожденія.

Да, повторяю, я преслѣдовалъ въ деревнѣ, въ мелкихъ деревенскихъ общественныхъ отношеніяхъ, *ту же самую* тенденцію, которая въ огромныхъ размѣрахъ выразилась въ освобожденіи милліоновъ крѣпостныхъ людей. *Ту же* новую тенденцію я старался по мѣрѣ своихъ скромныхъ силъ примѣнить, а главное—*отстоять* въ глухой далекой деревнѣ; я старался не дать ее въ обиду въ маленькихъ, мелочныхъ деревенскихъ общественныхъ отношеніяхъ,—словомъ, повторяю, я въ крошечныхъ размѣрахъ дѣлалъ въ деревнѣ то̀, что человѣкъ, облеченный высшей властью, дѣлаетъ въ огромныхъ размѣрахъ въ высшемъ государственномъ учрежденіи. Теперь уже не тайна, какихъ трудовъ, какой борьбы стоило лучшимъ русскимъ людямъ *отстоять* справедливѣйшее дѣло въ высшихъ учрежденіяхъ. Сколько было враговъ, сколько недоброжелателей, и все это надо было побороть, побѣдить, чтобы добиться права совершить это дѣло!

А въ деревнѣ, куда я пошелъ, развѣ нѣтъ *такихъ же самыхъ* враговъ, хотя тамъ и не сановники, а люди въ полушубкахъ? Развѣ въ деревнѣ нѣтъ охотниковъ властвовать надъ слабымъ, пользуясь нуждой, бѣдностью? Развѣ

въ деревнѣ нѣтъ враговъ справедливости, развѣ здѣсь нѣтъ деспотовъ, міроѣдовъ, «живорѣзовъ» и прочихъ безчисленныхъ типовъ человѣкообразныхъ хищниковъ? Развѣ въ деревнѣ мужъ не деретъ жену за косу, не колотитъ до полусмерти сына, «потому—глава»? Развѣ нѣтъ въ деревнѣ бѣдныхъ, нищихъ, безпомощныхъ, и, съ другой стороны, развѣ тамъ нѣтъ воровъ, грабителей, людей легкой наживы, ростовщиковъ, ханжей? Все есть, все налицо!

Вотъ, кажется, ужъ какой ничтожный поступокъ совершилъ я, привезя безплатную оспу, а и то сколько разныхъ мнѣній въ одной и той же деревнѣ: одни прямо говорятъ—«худо», «дурно, милостивый государь», а другіе такъ же прямо восклицаютъ:—«ловко!».

Очевидно, есть и партіи, есть и мнѣнія объ общественныхъ задачахъ и отношеніяхъ, совершенно несогласныя. Кому же, которой изъ нихъ долженъ былъ я потрафлять, говоря крестьянскимъ языкомъ? Да, разумѣется, той же самой, которой «потрафляли» высшіе дѣятели, освобождая крестьянъ. Не рабовладѣльцамъ, не крѣпостникамъ, не хищникамъ потрафляли они, а «не дали въ обиду» тѣхъ, кого эти хищники эксплоатировали, кѣмъ пользовались, кого гнали... Точь въ точь то же, «какъ двѣ капли воды», дѣлалъ и я въ деревнѣ въ тѣ краткія мгновенія, въ которыя я имѣлъ огромное счастіе держать въ моихъ рукахъ какое-нибудь деревенское дѣло... Я препятствовалъ тому, чтобы вотъ этотъ міроѣдъ, ростовщикъ не выпилъ изъ мужиковъ кровь, какъ пьетъ паукъ. Я препятствовалъ несправедливѣйшимъ сдѣлкамъ «сильныхъ» деревенскихъ воротилъ съ опоенными водкой мужиками; я тщательно смотрѣлъ за мужицкой копейкой, не давая «насиживать» воротиламъ на мужицкую шею тысячи кровныхъ рублей... Я ратовалъ противъ подкупа на судѣ, противъ подкупа на выборахъ, противъ водки во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ должна быть строгая, трезвая правда... Словомъ, я точь въ точь дѣлалъ то самое, что̀ крупные дѣятели дѣлали въ высшихъ сферахъ. Крупную монету я размѣнялъ на гривенники, какъ и потребно въ деревенскомъ обиходѣ...

Но меня постоянно выгоняли изъ деревни, какъ врага! Не буду распространяться объ этомъ печальномъ недоразумѣніи, обращу вниманіе читателя на результаты этого недоразумѣнія, обнаруживающіеся теперь. Недалеко ходить за примѣрами—сенаторская ревизія на каждомъ шагу доказываетъ, что новое дѣло едва ли не погублено старыми

руками. Чего ни коснитесь: вотъ вамъ новый деревенекій судъ—подкупъ, водка, пиво, своекорыстіе... Вотъ вамъ общественная касса—все расхищено, растрачено, истрачено на частныя потребности: одинъ открылъ на эти деньги кабакъ, другой—лавку... Личная месть за водку и подкупъ сажаетъ праваго въ темную, сѣчетъ, а виноватый живъ, здоровъ и процвѣтаетъ... И вездѣ, на каждомъ шагу, нѣтъ признака присутствія человѣка, который бы въ новыхъ учрежденіяхъ поддерживалъ, отстаивалъ новую, справедливую идею этихъ учрежденій... Этотъ человѣкъ могъ быть только я, Лиссабонскій, только такіе, какъ я, люди, т.-е. люди, рожденные на рубежѣ новой русской жизни, окрещенные и осѣненные въ лучшую юношескую пору жизни новыми благотворными идеями, принявшіе эти идеи всѣмъ сердцемъ, со всею искренностью, со всѣмъ жаромъ самоотверженія и безкорыстія. Но насъ выгнали оттуда, съ позоромъ выгнали. За то, что̀ было потомъ,—не я, Лиссабонскій, отвѣтчикъ. Не успѣвъ даже прикоснуться къ дѣлу, я уже подвергся остракизму. Меня, только и дѣлали, что наказывали... Я давно уже человѣкъ безъ опредѣленныхъ занятій. Я не знаю, какъ, что̀ и почему? А теперь, когда я слышу поминутно разговоръ о палкѣ, когда я убѣждаюсь, что разговоры эти далеко не пустые, что этой палкой хотятъ разобраться въ путаницѣ, тягостной и ненужной, я и совсѣмъ никуда не гожусь: и все это не по мнѣ, и слишкомъ грубо, жестко, и глупо, и обидно, до крови обидно!... И вижу я, что не остается мнѣ ничего иного, какъ пожалѣть о прошломъ, вздохнуть о немъ и, сказавъ себѣ: «да будетъ воля Твоя!»—уйти куда-нибудь...

БОГЪ ГРѢХАМЪ ТЕРПИТЪ.

I. Маленькіе недостатки механизма.

— Я такъ думаю: который человѣкъ ни въ чемъ не виновенъ, и того человѣка наказывать не за что. А который ежели есть преступникъ или, такъ сказать, злодѣй какой-нибудь, такъ того наказывай. Больше ничего...

Такія рѣчи съ толкомъ, серьезностью и разстановкой велъ буфетчикъ небольшого пароходика «Окунь», сидя въ своей, установленной посудой, каморкѣ и разрѣзывая на подоконникѣ квадратнаго окна своего буфета маленькій бѣлый хлѣбъ на тонкіе ломтики. Пароходикъ «Окунь», дѣлающій отъ станціи желѣзной дороги по рѣкѣ Выдрѣ до губернскаго города М. всего одинъ рейсъ въ сутки, никогда не бываетъ богатъ пассажирами. Мало охотниковъ сидѣть по нѣсколько часовъ въ пароходной каютѣ, ожидая той минуты, когда наконецъ наберется «по человѣчку» столько народу, что расходы пятидесятиверстнаго плаванія не принесутъ хозяину «Окуня» убытка. Нетерпѣливые проѣзжіе, минуя пароходикъ, предпочитаютъ ѣхать до города М. на лошадяхъ или же по вѣтви желѣзной дороги, которая идетъ отъ слѣдующей станціи до главнаго пути. Такимъ образомъ на «Окунѣ» ѣдетъ только такой проѣзжающій, которому некуда спѣшить, которому все равно, сегодня ли пріѣдетъ въ городъ или завтра, который наконецъ даже любитъ ѣхать покойно, не въ тѣснотѣ, а въ просторѣ—на «Окунѣ» же всегда такъ просторно, что можно разлечься «во всю», выспаться, раздѣвшись совсѣмъ, и т. д. Такіе порядки весьма удобны и выгодны для буфетчика: публики наби-

рается на пароходѣ постепенно, по «человѣчку», а поэтому нѣтъ расчета запирать буфетъ, чтобы не отпирать его по двадцати разъ въ сутки. А буфетъ, безпрестанно находящійся передъ глазами «пассажировъ», которымъ «некуда спѣшить», надъ которыми «не каплетъ», едва ли можетъ бездѣйствовать. Иной глядитъ-глядитъ на разставленные напитки, да и скажетъ: «Ну-ка, налей-ка! И пить-то, братецъ мой, не хотѣлъ, да бутылка заинтересовала... Что такое тамъ? Дай-ка рюмочку». А разъ буфетъ не бездѣйствуетъ, то и пассажиры, по нѣсколько часовъ ожидающіе, когда-то засвиститъ комаръ-пароходикъ, также не могутъ бездѣйствовать; всегда поэтому волей-неволей всѣ переѣзжающіе на «Окунѣ» перезнакомятся между собою и въ концѣ концовъ непремѣнно сольются въ одну разговорчивую компанію.

Такъ было и въ тотъ разъ, о которомъ идетъ рѣчь. Въ каютѣ второго класса, около буфетнаго окна и за столиками, сидѣло и лежало на диванахъ человѣкъ десять разнаго народу. Было тутъ два какихъ-то военныхъ, похожихъ по виду и разговору на переодѣтыхъ купчихъ—такъ были они рыхлы, женственны, да и разговоры ихъ были не воинственные: все «о провіантѣ и довольствіи», о несправедливости, объ интригахъ, мелкихъ-премелкихъ—изъ-за сѣна, изъ-за дрожжей для солдатскаго квасу и т. д. Были тутъ купцы, мѣщане, человѣка четыре «живорѣзовъ», сидѣвшихъ особою группой за чаемъ и отрывисто лаявшихъ насчетъ своихъ «дѣловъ»:—«Два шесть съ четью»—«Рупъ пять».—«Сдалъ?»—«Сдалъ!»—«Снялъ?» — «Снялъ». А въ промежуткахъ этого лая—громкая, какъ отдаленный раскатъ ружейнаго залпа, икота... Ѣхалъ еще одинъ молодой человѣкъ, съ которымъ мнѣ пришлось познакомиться на желѣзной дорогѣ и съ которымъ впослѣдствіи мнѣ пришлось сойтись довольно близко. Изъ его разговоровъ я могъ заключить, что жизнь его, несмотря на молодые годы, прошла не безъ приключеній. Онъ, повидимому, былъ очень утомленъ физически и отдыхалъ, посѣщая своихъ родственниковъ, принадлежавшихъ къ сельскому духовенству. Въ настоящее время онъ ѣхалъ къ сестрѣ, мужъ которой былъ священникомъ какого-то села, расположеннаго на рѣкѣ Выдрѣ.

Нѣкоторое время бесѣда между пассажирами, присутствовавшими въ буфетѣ, шла довольно вяло и не представляла ни малѣйшаго интереса. Офицеры жаловались на то, что

они каждый годъ доплачиваютъ изъ «своихъ», и блистали другъ передъ другомъ безкорыстіемъ, а живорѣзы лаяли и икали,—вообще было довольно скучно. По какому случаю буфетчикъ произнесъ фразу, написанную въ началѣ этого очерка, рѣшительно не помню и не знаю. Разговора, по поводу котораго она была произнесена, я не слыхалъ и не знаю, о чемъ шла рѣчь, прежде нежели буфетчикъ счелъ нужнымъ произнести свое мнѣніе о наказаніи; но мнѣніе это почему-то пробудило во мнѣ и, какъ я замѣтилъ, въ молодомъ человѣкѣ желаніе слушать, что̀ такое тутъ говорятъ.

Нарѣзавъ хлѣбъ тонкими ломтиками и тщательно собравъ толстымъ ребромъ толстой руки соръ, буфетчикъ принялся нарѣзывать тоненькіе ломтики сыру и говорилъ съ тою же, какъ и прежде, серьезностью:

— Такое мое мнѣніе. Невиноватаго, который недостоинъ наказанія, того, позвольте спросить, за что же его я буду истязать?

— Это вѣрно!—проговорилъ какой-то купецъ, сидѣвшій за бутылкой пива.

— Что̀ же касается до того,—продолжалъ буфетчикъ:—когда мы встрѣчаемъ какого-нибудь подлеца, тогда, сдѣлай милость, соблюди законъ вполнѣ!

— Само собой, нечего жалѣть подлеца!

— Опять возьмите и то: вѣдь наказать человѣка—хитрость не велика, позвольте вамъ сказать. Взялъ, засадилъ его въ темную, или тамъ всыпалъ горячихъ—это труда не составляетъ. Хитрости тутъ большой нѣтъ... А надо сначала узнать, дознаться, до корня дойтить, виновенъ ли, молъ, ты, или же нѣтъ—вотъ что̀ есть главное!.. Положимъ, что ты выпоролъ или заперъ человѣка, а впослѣдствіи времени оказывается—онъ не виновенъ. Хорошо ли это? Но коль скоро ты разобралъ, достигъ, напримѣръ, тогда хоть въ землю его живого закопай, и то будетъ по закону!.. А не разобравши дѣло да истязать человѣка — такъ тутъ хитрости большой нѣту. Вотъ какъ я думаю... Не прикажете ли бутербродикъ?

Тарелка съ бутербродами была протянута по направленію къ господамъ военнымъ, которые ближе всѣхъ сидѣли къ буфету.

— Пожалуй...—нехотя сказалъ одинъ изъ нихъ и, подумавъ, прибавилъ:—кстати налей ужъ и рюмочку вотъ этой, вонъ въ зеленой бутылкѣ... Попробовать, какая-такая... А вы-то что-жъ?

— Да, пожалуй...—еще болѣе нехотя проговорилъ другой военный:—налей ужъ и мнѣ...

И такъ они нехотя, отъ-нечего-дѣлать, выпили и закусили. А буфетчикъ принялся производить какія-то операціи надъ кускомъ ветчины, на которую предварительно дунулъ, и продолжалъ:

— Надобно разобрать, а не зря... Бываетъ такъ, что ежели ты дѣлаешь свой судъ съ разборомъ, то и самый, который видимый злодѣй—и тотъ оказываетъ свою невинность... Не разобравши-то дѣла, его бы, кажется, повѣсить надо, а разберутъ да обсудятъ, такъ онъ и чистъ. А такъ-то, не разобравши-то дѣловъ, да предать наказанію—тутъ правды, я такъ думаю, нѣтъ нисколько! Почему же въ такомъ случаѣ дѣлается судъ и утверждается судебный чинъ? Изуродовать человѣка занапрасно—это всякій мастеръ... а ты разбери, а потомъ ужъ и утверди... Вотъ у насъ на пароходѣ малый служитъ одинъ. Былъ съ нимъ грѣхъ—убилъ онъ человѣка. За это что по закону-то? — Удавная петля, подземные рудники!.. Такъ вѣдь? А, между прочимъ, вонъ онъ чистъ и правъ, а почему? — Потому вникли и разобрали... Вотъ я вамъ позову его самого. Поглядите, пусть разскажетъ...

И, выйдя на площадку, съ которой поднималась на палубу винтовая лѣстница, онъ громко крикнулъ:

— Михайла, поди-ка сюда! Поди на минутку!.. Вотъ пущай самъ скажетъ...

Михайла явился въ одно мгновеніе. Онъ, очевидно, игралъ въ трынку съ пріятелями, такъ какъ въ рукѣ у него были засаленныя карты. Это былъ здоровый, молодой, съ наивнѣйшимъ, почти дѣтскимъ лицомъ, парень. Босыми, крѣпкими ногами, высовывавшимися изъ короткихъ ситцевыхъ, розоваго цвѣта, панталонъ, онъ, какъ птица, вспорхнулъ по желѣзнымъ ступенямъ лѣстницы и, распоясанный, сталъ передъ хозяиномъ—видимо, торопясь поскорѣй уйти, чтобы продолжать игру. Вся фигура его и выраженіе лица говорили, что игра — «въ разгарѣ», и что игроки «въ азартѣ».

— Чего?—поспѣшно спросилъ онъ.

— Поди сюда, поди поближе.

— Говори: чего?.. Я и тутъ слышу.

— Да подвинься въ каюту-то, столбъ этакій! Успѣешь отыграться. Поди, разскажи господамъ, какъ ты старика убилъ.

— Тьфу, ты!.. зачѣмъ звалъ! Я думалъ... Эка нашелъ разговоръ!.. Стану я...

И парень быстро направился на лѣстницу, но буфетчикъ ухватилъ его за рубаху.

— Стой! Погоди минуту... Что̀ ты, песъ этакій? Вѣдь тебя честью просятъ.

— Есть чего... пустова вспоминать.

— Да чего тебѣ вспоминать?.. Ты разскажи, какъ было дѣло-то. Ты у купца, что-ль, жилъ въ ту пору?

— Чего жилъ?.. Только-что въ тотъ день на мѣсто къ нему сталъ, а даже нисколько еще не жилъ...

— Ну, ну, сталъ... Ну, какъ дальше?

— Ну, а дальше больше ничего... Сталъ къ нему на мѣсто, значитъ, караулить дрова... У купца-то дровяной дворъ былъ, можетъ, на нѣсколько сотъ али тыщъ.. Милліонщикъ купецъ-то!..

— Гдѣ дѣло-то было? Гдѣ купецъ-то живетъ?

— Въ Москвѣ... Въ Москвѣ жилъ... Вотъ я прямо изъ деревни къ нему и попалъ... Что̀ мнѣ тогда? Почитай и шашнадцать годовъ не вышло... Попалъ я къ нему, онъ и говоритъ: «Смотри, мальчонка, будешь стараться—награжу, а будешь ворамъ потакать—произведу по-свойски. Похвалы у меня на это нѣтъ, а прямо разобью всего вдребезги. А коли ежели будешь стараться, черезъ мѣсяцъ прибавку дамъ. Не спи, баетъ, по ночамъ, глазъ не смыкай и, какъ завидишь вора, дуй его по чемъ ни попало!..» А допрежде того у купца все дрова воровали разные прочіе жулики. Ну вотъ, я и слухаю его... А какъ мнѣ не слухать? Не отъ сладкаго въ городъ-то идемъ. Попало мѣсто, надо стараться, чтобы какъ лучше, чтобы хвалили да денегъ побольше давали, а не то, чтобы ругали или били.. Ну вотъ, и сталъ по наставленію его думать. Удѣлалъ себѣ дубину—изъ дровъ вытащилъ этакую штуку въ тринадцать четвертей, съ корнемъ попалась. Обладилъ, значитъ, обчистилъ, приспособилъ. Пришла ночь, надѣлъ полушубокъ и пошелъ... Ночь осенняя, темная... Ходилъ-ходилъ, слышу—шевелится. Окликнулъ—не говоритъ. Думаю: притаиться хочетъ. Я подошелъ да я долбонулъ его съ маху,—стало-быть, сбоку,—да еще разъ сверху внизъ тоже стеганулъ, онъ и запищалъ, какъ заяцъ. Н-ну, опосля того я было-потыкалъ его комлемъ-то, потыкалъ этакъ-то... ночь темная, ничего не видно, только что-то мягкое... А голосу не подаетъ... Ну, какъ не подалъ онъ мнѣ голосу, пошелъ я къ хозяину.

доложить... Хозяинъ-то еще не ложился... Пришелъ я къ нему. «Вотъ, говорю, никакъ вора я пришибъ. Кто-то, я говорю, округъ дровъ шабаршилъ, а я его и долбонулъ... Ну, гласу, говорю, не подаетъ, а только что-то запищалъ-было малость по-заячьи»... Н-ну, хозяинъ позвалъ кучера, велѣлъ пойтить съ огнемъ посмотрѣть, что̀ тамъ такое... Пошли... Ну, и видимъ—человѣкъ, нищій... А я чѣмъ виноватъ? Мнѣ сказано — бей! Развѣ я могу ослушаться? А ежели онъ бы укралъ, тогда какъ?.. Тогда, можетъ, меня бы...

— Да ну тебя!.. Ты говори дѣло, а не разсуждай. Говори, что̀ было дальше...

— А дальше было, что какъ оглядѣли мы человѣка... однимъ словомъ, голова расшиблена и рука болтается... Вспомнить даже нехорошо, передъ Богомъ!.. Ну, оглядѣли, кучеръ и говоритъ: «надо хозяину доложить». Пошелъ я къ хозяину и говорю:—«Такъ и такъ. Расшибъ человѣка»...—«Неужто до смерти?»—«Такъ точно»... Ругалъ-ругалъ онъ меня, говоритъ:—«Иди, объявись въ части». Ну, пошелъ я опосля того въ часть... Искалъ-искалъ участка—пропади онъ—насилу нашелъ. Пришелъ, всѣ спятъ. Ждалъ-ждалъ,—наконецъ, того, выходитъ какой-то... Сталъ меня увспрашивать: «зачѣмъ?». Я говорю:—«Такъ и такъ. Пришибъ человѣка». Ну, разсказалъ ему,—что̀ мнѣ? Нешто я виновенъ? Что̀ мнѣ его бить-то?.. Разсказалъ. Ну, онъ записалъ.—«А дубина, говоритъ, гдѣ?» — «А дубина, говорю, тамъ, въ куфнѣ осталась».—«Пошелъ, принеси дубину! Она также требуется». Пошелъ. Принесъ имъ. Отдалъ. Ну, посадили въ темную. Поутру связали руки, повели въ другое мѣсто. Опрашивали. Ну, что̀ у меня спросятъ, то я отвѣчалъ. Черезъ два мѣсяца судъ былъ. И опять все то же:—«Ты убилъ?»—«Я».—«Какъ?»—«Да вотъ такъ: сначала, молъ, въ бокъ, должно-быть, я его, ну, а потомъ по темю».—«Чѣмъ?» — «Дубиной». — «Признаёшь?» — «Она самая».—«Виновенъ ли ты?»—«Чѣмъ я виновенъ? Сказано: бей!—я и бью... Намъ что̀ прикажутъ, то мы и исполняемъ»... Подумали, посудили, писали, говорили, потомъ вышли и говорятъ:—«Ну, ты не виновенъ, ступай». Ну, я и пошелъ...

— А купецъ?

— Купца-было тоже притянули, только онъ говоритъ: «Какъ же не караулить? У меня въ дровахъ капиталы... Воровство безпрестанно... Полиціи не дозовешься... А почемъ я зналъ, что онъ этакъ караулить будетъ?..» Ну, а

я-то почемъ зналъ, что̀ тамъ такое? Слышу — шабаршитъ, я его и хлестнулъ... Такъ и вышло дѣло: и я не виновенъ, и купецъ не виновенъ... Ну только, жидъ этакій, не взялъ меня къ себѣ потомъ.—«Ты, говоритъ, больно ужъ сурьезно взялся служить. Я тебѣ только посулилъ шесть цѣлковыхъ, а ты и то ужъ человѣка убилъ, — а какъ я тебѣ деньги-то въ руки дамъ, такъ ты, пожалуй, и не такихъ дѣловъ надѣлаешь съ дубиной-то своей!» Взялъ солдата, а меня отослалъ... Вотъ жидъ какой!.. Ну, чего еще вамъ?

— Все нешто разсказалъ?

— Все... Ничего больше не надо?

— Ну, коли все, ступай!

Малый вихремъ взвился по лѣстницѣ, а буфетчикъ вновь принялся за разсужденіе.

— Вотъ какъ вышло... — сказалъ онъ. — Кажется, ужъ какъ бы не заточить парнишку наглухо; убилъ и голову расшибъ—все явно, а разобрали дѣло, вникли, обсудили, анъ человѣкъ-то и оправился... Вотъ про то-то я и говорю: коль скоро ежели человѣкъ виновенъ, то ты его накажи, но ежели человѣкъ хотя и видимостью былъ злодѣй, то ты его оправь, а невиноватаго наказывать — по-моему, не есть справедливость... Такъ я думаю...

— Н-да!—проговорилъ тотъ купецъ, съ которымъ буфетчикъ главнымъ образомъ велъ бесѣду, вылилъ изъ бутылки въ стаканъ остатки пива и прибавилъ: — оно бы посправедливѣе-то лучше бы было... то-есть... поступать. Дай-ка еще бутылочку!

Буфетчикъ откупорилъ бутылку, отвертѣлъ со штопора пробку, приткнулъ ее на старое мѣсто и, выйдя изъ буфета, принесъ и поставилъ ее передъ своимъ собесѣдникомъ. Въ это время съ другого дивана поднялся и всталъ, расправляя ситцевую рубашку на огромномъ животѣ, другой изъ проѣзжавшихъ купцовъ, человѣкъ добродушнаго вида и исполинскаго роста. Поднявшись, онъ взялъ буфетчика за руку, повыше локтя, и съ тонкою улыбкой на лицѣ проговорилъ:

— Ну, а мужикъ-то, почтеннѣйшій господинъ, онъ-то какъ будетъ: виновенъ или не виновенъ?..

— Который?

— Вотъ который кончину-то принялъ, старичокъ-то... Куда мы его съ вами должны опредѣлить? Вѣдь какъ-никакъ, а ужъ положительно можно сказать—нѣту человѣка!

Былъ, ходилъ, Богу молился, все прочее, и однакожъ вотъ не оказывается... Ну, онъ-то какъ? На какомъ положеніи будетъ?

Буфетчикъ на мгновеніе какъ бы опѣшилъ отъ этого неожиданнаго вопроса, поставившаго его въ большое затрудненіе, но общій смѣхъ вывелъ его изъ этого положенія. Вмѣстѣ съ прочими захохоталъ и онъ.

— Да, вотъ вы про что!.. Я думалъ, что про какого-такого мужика... Да, это дѣло такое, что можно сказать внезапное...

— Вотъ то-то и есть!..—продолжалъ толстякъ.—У насъ все такъ-то. Всѣ не виновны, а глядишь, — кто-нибудь и протянулъ ноги... между прочимъ.

— Дѣйствительно, бываетъ! — безропотно соглашается буфетчикъ, опять помѣстившись въ своей конурѣ.—Точно, бываетъ и такъ.

— Быва-етъ-съ. То-есть вотъ какъ бываетъ!.. Ужъ это намъ извѣстно... Старичонокъ этотъ, по крайности, тѣмъ оплошалъ, что подъ дровами шлялся... Все же хоть мало-мало касаніе было: не ходи подъ дровами... А то вотъ какъ бываетъ: сидитъ человѣкъ, ни въ чемъ не замѣченъ, Бога чтитъ, чиновникамъ повинуется, все честно исполняетъ, а между тѣмъ—ни оттуда ни отсюда — хлопъ его по шеѣ, да по уху, да въ спину, да объ земь, да опять по шеѣ, да опять въ обѣ щеки, да по земи-то брюхомъ, да перевернутъ, да каблукомъ, да рыломъ-то потыкаютъ въ помойную яму... А потомъ вотъ по-вашему и выходитъ: «никто не виновенъ!». И кто рыломъ въ помои тыкалъ— и тотъ чистъ, какъ голубь. И кто брюхомъ тебя по землѣ волокъ—и тотъ не виноватъ!.. Да наконецъ и тотъ, кого уродовали,—тоже оказался не виновенъ...—«Ступайте, ребята, по домамъ!.. Всѣ вы не виновны!» А между тѣмъ идетъ человѣкъ домой, и хоша сосчитанъ за невиновнаго, а вѣдь морда-то у него изуродована какъ бы то ни было... Невиновенъ-то онъ невиновенъ, а у него все же трехъ зубовъ нѣту въ скулѣ, да рука сломана, да сраму онъ принялъ съ три короба. Это какъ надо понимать по вашему мнѣнію?

— Н-н-да!—произнесъ буфетчикъ, совершенно притихнувъ и не пытаясь разглагольствовать.—Это ужъ не благосклонно.

— Вотъ то-то и оно-то. А виноватыхъ нѣтъ... Одинъ говоритъ: «у-меня бумага!». И другой тоже говоритъ: «у

меня бумага!». И у третьяго тоже бумага съ собой... Да позвольте, господа, что же это такое?.. У васъ у всѣхъ бумага, а вѣдь у меня собственная шкура! Бумаги-то ваши я за три копейки куплю сколько хошь, а рожу-то я, братцы вы мои, новую не куплю нигдѣ... Вѣдь, кажется, есть разница?..

Купецъ-великанъ, говоря это, замѣтно волновался; онъ дѣлалъ руками жесты, краснѣлъ и наконецъ, запыхавшись, сѣлъ на средину своего дивана.

— Вотъ какъ бываетъ-то, господа!

— Бываетъ. Вѣрно! — поддакнулъ одинъ изъ живорѣзовъ.—Обмордуютъ, а виноватаго нѣтъ.

— Ну вотъ!—сказалъ купецъ.—Ужъ, стало-быть, было что-нибудь и съ вами?

Но живорѣзъ только крякнулъ, припалъ губами къ блюдечку и ничего не отвѣчалъ.

— А съ вами,—спросилъ гиганта одинъ изъ военныхъ:—тоже было что-нибудь въ родѣ этого?

— Не то что «въ родѣ», а такое было, что, кажется, ежели бы я дозволилъ разыграться своему карахтеру, такъ бы и пропалъ безъ остатку...

— Да изъ-за чего же?

— А вотъ ужъ этого не могу точно сказать!.. Изъ-за чего вонъ старику парень башку-то проломилъ? Вотъ такъ и тутъ. Видите, какое дѣло...

Гигантъ немного поуспокоился и началъ:

— Главная причина... надобно въ первыхъ словахъ сказать про мою болѣзнь. Видите, какой у меня животъ!

— Да что же, неужели животъ можетъ играть какую-нибудь роль въ исторіи подобнаго рода? — прервалъ разсказчика одинъ изъ военныхъ.

— Играть?.. Да тутъ такую роль разыграли, что и татарину того не пожелаю!

— Изъ-за живота?

— Вотъ то-то и есть главная причина, что путемъ сказать-то ничего не могу на этотъ счетъ. Ужъ буду говорить, какъ было по порядку...

— Очень любопытно!

— Такъ вотъ извольте видѣть. Вотъ животъ этотъ самый—корень и есть всего... Животъ у меня стало раздувать съ дѣтскихъ временъ. Докторовъ въ ту пору хорошихъ не было, лѣчили нашего брата—знахари да солдаты. Жили мы въ деревнѣ, мельницу держали — большая была

мельница. Вотъ и лѣчилъ меня одинъ такой-то лѣкарь. И мазалъ, и пить давалъ, и за ноги трясъ,—словомъ, окончательно все нутро мнѣ испортилъ, такъ что съ тѣхъ поръ безпрестанно я лѣчусь и безпрестанно страдаю,—даже и сейчасъ лѣкарство со мной... Н-ну, хорошо. А живу я, надо сказать, съ женой, съ дѣтьми подъ уѣзднымъ городомъ Сусаловымъ, на мельницѣ. Въ городъ ѣзжу часто. Вотъ года три тому назадъ познакомился я въ городѣ съ аптекаремъ. Пріѣхалъ какой-то новый аптекарь. Думаю: «дай пообзнакомлюсь, не поспособствуетъ ли онъ мнѣ насчетъ живота». Познакомились. Человѣкъ молодой, хорошій, добрый парень. Выслушалъ меня, подумалъ и далъ пирюли... Далъ коробку. «Принимай, говоритъ, такъ-то и такъ-то. Того-то не ѣшь, того-то не пей». Наставилъ... Вотъ я сталъ принимать; вижу—лучше. Коробку опросталъ, другую, такъ и пошло. Только вышло такое дѣло, что нутро-то у меня стало требовать этихъ пирюлей все больше да больше. Какъ чуть не хватаетъ — смерть. И стало такъ, что бывало коробку-то въ недѣлю изведешь, а тутъ и на день не хватаетъ. Стали мы съ аптекаремъ толковать; подумалъ онъ: «опасаюсь я, говоритъ, какъ бы чего не вышло» — ну, однакоже сталъ отпускать на свой страхъ. И сталъ онъ мнѣ такія пирюли дѣлать, что въ одну по три порціи дѣлалъ лѣкарства, а наконецъ того, началъ вертѣть это... съ грецкій орѣхъ, — стало-быть, на одинъ пріемъ. Глотаю ихъ—ничего, вреда нѣту. Вдругъ, судари мои, уѣзжаетъ мой аптекарь.—«Куда?»—«Такъ и такъ, проторговался. Нѣтъ расчету! Надо поискать счастья гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ». Жаль мнѣ его было, добрый парень, да и помогалъ мнѣ, а дѣлать нечего—уѣхалъ. Сталъ я опять кое-какъ лѣчиться, все по докторамъ, все по докторамъ... Проходитъ такимъ родомъ съ годъ или съ полтора, и надумали мы съ женой выстроить домикъ въ губернскомъ городѣ... Сами знаете, ребятишки подрастаютъ, учить надо. Хочется какъ получше, да и не бѣдняемъ—слава Богу, найдется, чѣмъ поплатиться. Подумали-подумали, съѣздили, купили мѣсто и стали строиться. Вотъ я и ѣзжу на постройку-то—когда дня на три, когда дней на пять. Частенько и въ Москву приходилось ѣздить за матеріаломъ. Губернскій-то городъ стоитъ на машинѣ, всего отъ Москвы восемьдесятъ верстъ, три часа ѣзды. Вотъ я и разсчиталъ, что мнѣ выгоднѣй въ Москвѣ матеріалъ-то брать, то-есть, напримѣръ, гвоздь, скобку и все

прочее по обиходу... Вотъ такимъ-то родомъ ѣду я разъ въ Москву, глядь—сидитъ въ вагонѣ мой аптекарь...—«А, другъ любезный! Откуда? какъ? что? куда?»... Обрадовались оба. Ну, слово за слово, онъ мнѣ про свое, а я ему про свое. Былъ вишь въ какомъ-то городѣ, да опять не поладилось, ѣдетъ въ Москву. Ну, и я ему разсказалъ, что вотъ, молъ, строюсь. Зашла рѣчь и насчетъ болѣзни. «Братецъ ты мой, говорю, сдѣлай божескую милость: нельзя ли, отецъ родной, пирюлекъ мнѣ твоихъ приспособствовать! Смерть моя!» — «Пожалуй, говоритъ, можно. Пріѣду, говоритъ въ Москву, зайду въ аптеку, куплю всякаго снадобья, что требуется, сработаю у себя дома и дамъ тебѣ». Ну, уговорились, гдѣ и какъ встрѣтиться.— «Приходи, молъ, послѣзавтра въ Патрикѣевскій трактиръ, съѣдимъ селяночку, поговоримъ, вспомянемъ. Я, молъ, тебѣ и пирюли передамъ». Хорошо.

Разсказъ на минуту былъ прерванъ появленіемъ того самаго парня, который недавно разсказывалъ объ убійствѣ. Онъ проворно сбѣжалъ съ лѣстницы и остановился въ дверяхъ.

— Ты чего?—спросилъ у него буфетчикъ.

— Да ничего... такъ пришелъ...

— Обыграли, видно?

— Когда-нибудь и мы обыграемъ!—отвѣтилъ парень и, прислонившись къ притолкѣ плечомъ, сталъ чесать одну босую ногу о другую.

— Н-ну, говорю, хорошо...—продолжалъ разсказчикъ.— Хожу я по Москвѣ, закупаю товаръ, все честь-честью. Наконецъ въ показанное время иду къ Патрикѣеву. Прошелся по комнатамъ—нѣтъ моего пріятеля. Сѣлъ—жду,— нѣтъ! Жду и часъ и два... наконецъ ужъ и неловко. Потребовалъ порцію, съѣлъ—уходить надо. На грѣхъ адреса-то его не спросилъ. Думаю, надо еще день остаться, потому то лѣкарствіе-то ужъ больно требуется, — остался и опять въ тотъ самый часъ въ Патрикѣевскій пошелъ— нѣтъ! Опять нѣтъ. Ну, дѣлать нечего, надо ѣхать. Поѣхалъ... Поѣхалъ я не домой, а въ городъ, потому матеріалу закупалъ—банки, склянки разныя, коробки... Думаю, какъ-нибудь переночую—въ кухнѣ-то ужъ и печь была, и рамы. Вотъ пріѣхалъ. Сторожъ у меня былъ изъ мужиковъ, Родіономъ звать. Плотниковъ человѣкъ десять... Ужъ спать собрались... Пріѣхалъ и говорю Родіону:—«Поставька, братъ, самоварчикъ!». И вижу я, что что-то какъ будто

онъ на меня не такъ смотритъ. Все былъ услужливъ, старателенъ, а тутъ, вижу, что-то неладно... Не-то дѣлаетъ, не то не дѣлаетъ... Глядитъ какъ-то. Сказалъ я ему:—«Поставь-ка вонъ этотъ ящикъ отъ печки подалѣ, а то какъ бы отъ огня не разогрѣлось, храни Богъ...» Потому политура была въ ящикѣ-то, спирты... Сказалъ я ему, а онъ такъ и выпучился на меня. То на меня глядитъ, то на ящикъ. Поглядѣлъ-поглядѣлъ и ушелъ. Вотъ жду его такъ съ четверть часа—нѣтъ. Пошелъ въ сѣни, самоваръ стоитъ холодный. Думаю, не за водкой ли ушелъ? Позвалъ—нѣтъ отвѣту. Истинно чудеса творятся! Досталъ балыкъ — захватилъ я его изъ Москвы фунта два, хорошій, осетровый балыкъ, восемь гривенъ фунтъ—досталъ балыкъ, хлѣбца отрѣзалъ ломоть, да на бѣлый-то хлѣбъ и положилъ его, въ родѣ бутерброду, положилъ, значитъ, перекрестился и только-было, Господи благослови, ротъ разинулъ, гляжу—какъ есть вокругъ всего дому засвистали въ свистки, затрещали, заверещали, а плотники въ окна рыла пялятъ... Бросилъ я этотъ бутербродъ, сунулся-было въ дверь, хвать — и наскочилъ на бляху. И Родіонъ тутъ указываетъ на меня и говоритъ: «Вотъ онъ!». Меня и сцапали человѣкъ восемь народу... Сцапали и поволокли... Я кричу, вопію:—«Что̀ такое, помилуйте...» — «Тамъ разберутъ!» — «Хошь одѣться-то, говорю, дозвольте—холодъ, осень!»—«Тамъ у насъ дамскаго полу нѣту!..» Вцѣпились, хоть что̀ хошь! Не понимаю. Думаю—не придумаю. Волокутъ! А кругомъ плотники, рабочіе, сторожа, дворники... Господи, Боже нашъ! Что̀ такое, за что?—«Помилуйте, вопію, я купецъ, домохозяинъ, капиталъ имѣю... У меня дѣти... Супруга»... А мнѣ въ отвѣтъ: «Въ Москвѣ у такого-то, молъ, вокзала тоже домохозяева жили, тоже съ супругами...» Какъ услыхалъ народъ про это самое, та-а-къ и надвигаетъ! Вижу я, дѣло худо, попалъ я въ кашу, а въ какомъ она смыслѣ — и не знаю... Какъ про дорогу-то упомянули, такъ у меня и у самого-то духъ замеръ... Ни въ чемъ не виновенъ, разрази меня громъ, ежели я... Самъ со слезьми моими... и кровь свою отдамъ... Чистъ передъ Богомъ весь, а испугался! «Ну-ка, думаю, какое-нибудь окажется касаніе, Богъ его знаетъ? Что̀ такое? Что̀ будетъ? Все нутро такъ у меня и занялось холодомъ... Думаю: храни Богъ, за жену возьмутся—умретъ! Вѣдь съ единаго взгляду кончится. А какъ узнаетъ, тоже обомретъ». Окончательно сказать, обомлѣлъ и ничего не помню, не понимаю, трясусь, и безъ шапки... Шелъ-

щелъ... Вдругъ мнѣ и вступи мысль. «А что̀, какъ все это одно разбойство? Вѣдь былъ же въ Москвѣ случай: тоже вотъ такъ-то пріѣхали на Рогожское кладбище въ полной формѣ, захватили деньги и уѣхали, а наконецъ того оказалось, что пріѣхали воры». Вступи мнѣ это въ голову—меня и рвануло за сердце: «Что̀, молъ, я за дуракъ такой—дался въ обманъ! Вѣдь дома деньги остались, сотъ семь съ прибавкой... Что̀ же я дурака-то строю?» Какъ вступило это мнѣ въ мысль, думаю: «Не распорядиться ли мнѣ своимъ средствіемъ?» А вы сами, господа, видите, кажется, не похожъ я на грудного ребенка... (Разсказчикъ поднялся во весь свой исполинскій ростъ, тряхнулъ исполинскими плечами и, стремительно засучивъ рукавъ, обнаружилъ огромнѣйшій кулачище). Кажется, можно назвать, что имѣю свой матеріалъ? А тутъ, въ такомъ дѣлѣ, такъ у меня сразу прихлынуло силищи во всѣ мѣста: и въ шею, и въ грудь, и въ ноги, и въ кулакъ вступило такое желѣзное расположеніе духа, что я, не долго думая, ка-акъ тряханулъ, да ка-акъ почалъ лудить, да какъ почалъ вклеивать, да какъ почалъ конопатить, надставлять да притукивать, приколачивать да замасливать, какъ почалъ раздавать лещей, судаковъ и осетровъ кому въ носъ, кому въ лобъ, кому въ разныя мѣста—гляжу: распространено вокругъ меня пространство, и стою я, какъ Мининъ-Пожарскій на Красной площади, въ одной рубахѣ, а народъ въ прочихъ мѣстахъ какъ рыба бьется на сухомъ берегу: стало-быть, кто головой воткнулся въ лужу, кто въ плетнѣ застрялъ, выбивается не выбьется,—словомъ сказать, расшвырялъ я нечистую силу такъ, что можно сказать—яко таетъ воскъ! Сталъ я по середкѣ этого самаго плацъ-параду и говорю:—«Что̀ вы со мной, разбойники, затѣяли?»

Великолѣпенъ былъ гигантъ-купецъ въ эту минуту, но еще великолѣпнѣе былъ парень, который слушалъ разсказъ купца. Когда купецъ говорилъ о томъ, какъ онъ «наклеивалъ» и «притукивалъ», дѣлая при этомъ соотвѣтствующіе жесты—и руки, и ноги, и весь корпусъ парня такъ и ходили ходенемъ; смотря на купца, парень никакъ не могъ удержаться отъ подражанія его жестамъ, двигалъ локтями, совалъ кулаками въ пространство и не разъ попадалъ въ тонкую, краснаго дерева, дверь каюты.—«Ты что̀ тутъ дверь-то ломаешь, истуканъ этакій!» — сурово замѣтилъ ему буфетчикъ; но парень хотя и оглянулся на него, но, видимо,

ничего не понялъ изъ его словъ, да и купецъ также вошелъ въ такой азартъ, что ни на парня, ни на буфетчика, ни на публику, которая не могла удержаться отъ улыбки, не обращалъ никакого вниманія.

— «Что̀ вы тутъ затѣяли, безсовѣстные?—продолжалъ онъ внѣ себя.—Гдѣ такія права? Нешто можно такъ по закону? Что̀ за разбойство такое?.. Только подступись, убью на мѣстѣ! Расшибу безъ остатка»...—Читаю имъ этакую рацею, а того и не вижу, что стали они опоминаться да опять ко мнѣ. Глянулъ назадъ, а тамъ ужъ эскадра-то эта самая и подплыла... Подплыла, да какъ навалится на меня сзаду, да какъ подсвиснетъ—только я и свѣту видѣлъ!..—«А, такъ ты при исполненіи обязанностей! А-а-а, такъ ты такими дѣлами занимаешься?.. Ящикъ у тебя»... — «Коли такъ, вышибай, ребята, изъ купчины дно! (парень прыснулъ со смѣху, но удержался). Вышибай ему днище!..» И пошло... Свистки верещатъ, трещатъ, колотушки стучатъ, а изо лба у меня огонь брызжетъ, изъ ушей огонь, а шею все одно каленымъ желѣзомъ пекутъ... Слышу:—«Объ немъ строгая телеграмма... У него ящикъ»... — «Братцы, кричу, тамъ политура!» —«А-а-а,—гудятъ:—политура! Раздѣлывай его, ребята, подъ орѣхъ!» (Парень не вытерпѣлъ, прыснулъ со смѣху, хотѣлъ выскочить въ коридорчикъ подъ лѣстницей и, со всего размаху треснувшись о притолку головой, буквально со смѣху покатился подъ лѣстницу. Разсказчикъ сурово поглядѣлъ на него, но продолжалъ). И раздѣлали, братцы мои! Такъ раздѣлали, что и не помню, и не знаю, и что̀ такое, что̀, гдѣ, куда. Живъ ли я, померъ ли — ничего не знаю! Ужъ только такъ... (разсказчикъ согнулся, опустилъ безпомощно руки и сталъ говорить какъ-то беззвучно, точно какимъ-то утробнымъ дыханіемъ). Ужъ елееле... Господи! Батюшка... Матушка... Безсловесно и бездыханно... И ужъ несли ли меня, или самъ шелъ—ничего не помню... Знаю одно: очутился я въ темномъ мѣстѣ и весь боленъ,—всѣ суставы ноютъ, всѣ кости болятъ,—окончательно жду смерти (разсказчикъ медленно опустился на диванъ). Вспомнить такъ и то страшно, передъ Богомъ, а не то что... Ну-ка, любезный, дай-ка мнѣ лимонадцу да рюмочку коньяку!..

Послѣднюю фразу, обращаясь къ буфетчику, разсказчикъ произнесъ утомленнымъ голосомъ; но, тотчасъ же перемѣнивъ тонъ, уставился на парня и сказалъ не безъ нѣкотораго раздраженія въ голосѣ:

— Ты чему, Еруланъ этакій, радуешься? Ты чего тамъ ржешь? Радъ, что купца-то прижучили, любо?.. Какъ вамъ не любо! Первое для васъ удовольствіе, игра. Робята малые... Знаю я васъ довольно хорошо... Онъ робенокъ (разсказчикъ обращался къ публикѣ), а вотъ возьметъ тринадцати четвертей дубину, такъ съ одного маху человѣка прекратитъ, а потомъ въ деревнѣ, какъ малый робенокъ, на одной ногѣ скачетъ, въ городки играетъ... Дитё... стоеросовое! Пороть-то васъ нонѣ стало некому!..

— Н-ну!—какъ-то обидѣвшись, промычалъ парень изъ коридорчика.

— Чего—ну?.. Я видѣлъ, какъ ты ржалъ-то.

— Чего ты тутъ толчешься?—сказалъ парню буфетчикъ мимоходомъ, подавая купцу лимонадъ на подносѣ.—Не твое тутъ дѣло, пошелъ къ своему мѣсту.

— Куда я пойду?

— Пошелъ, говорятъ тебѣ!.. Всѣ двери обломалъ тутъ... Убирайся!..

Парень нехотя поплелся по лѣстницѣ вверхъ, но не ушелъ, а сѣлъ на верхней ступенькѣ.

— Скажите, пожалуйста,—сказалъ одинъ изъ военныхъ:—куда же дѣвался вашъ аптекарь?

Разсказчикъ выпилъ лимонадъ, отеръ бороду и усы и сказалъ:

— А аптекарь-то—эво ужъ гдѣ въ эфто время! Ужъ онъ, братъ, къ Соловецкимъ монастырямъ подкатываетъ на курьерскихъ... Его ужъ мчатъ на всѣхъ парусахъ, а за что—и самъ не знаетъ! «И за что, говоритъ, самъ не знаю! Думаю—ничего не придумаю!» Это ужъ послѣ онъ мнѣ разсказывалъ... Какъ пріѣхалъ я, говоритъ, въ Москву, взялъ номеръ, сходилъ по дѣламъ, закупилъ припасу, накаталъ пирюль, да случись что-то, какая-то задержка, къ Патрикѣеву-то онъ не попалъ. Не попалъ къ Патрикѣеву, адреса моего тоже у него нѣтъ; вотъ онъ взялъ, обшилъ коробку, написалъ адресъ и думаетъ, что «отправлю, молъ, завтра». Только-что онъ все это удѣлалъ,—дѣло было подъ вечеръ,—глядь, пришелъ къ нему пріятель.—«Поѣдемъ, говоритъ, къ арфисткамъ за городъ!»—«Поѣдемъ!» Сѣли на извозчика, поѣхали. Ну, само собой, и швеекъ какихъ-нибудь тамъ присоединили къ себѣ для компаніи, холостымъ дѣломъ... Попили, погуляли, провели время, и воротился мой аптекарь съ большущей мухой... Какъ пришелъ, говоритъ, повалился, такъ и захрапѣлъ. Слышу, гремятъ въ дверь что̀

есть мочи... Такой трескъ и громъ. Какъ ни былъ хмеленъ, а очнулся... Ужъ утро на дворѣ. Очнулся, отворилъ—хвать, анъ эта самая эскадра средиземная и вплыла.—«Пожалуйте!»—«Куда?»—«Туда-то».—«Помилуйте, что̀ же такъ, по какому дѣлу?»—«А ужъ это тамъ видно будетъ!» Аптекарь мой спьяну-то забурлилъ-было, а ему говорятъ: «Хуже будетъ! Ужъ лучше добромъ...» Что̀ тутъ дѣлать?.. Одѣлся, идетъ, да и схватись пирюли спрятать. Какъ сталъ онъ прятать, а у него спрашиваютъ: «А это что̀ такое?»—«А это, говоритъ, такъ»... И прячетъ. Тѣ видятъ, что человѣкъ прячетъ что-то, — отнимать. Аптекарь не даетъ, боится — ну-ка разслѣдуютъ... А пирюли-то вредныя, и на коробкѣ-то его имя и фамилія поставлены — вотъ онъ и уперся. «И оставить-то, говоритъ, въ номерѣ тоже побоялся: думаю, начнетъ кто-нибудь любопытствовать, проглотитъ—анъ и бѣда»... Вотъ онъ и хотѣлъ спрятать къ себѣ въ рукавъ... Анъ нѣтъ, не дали! Кончилось тѣмъ, что одинъ изъ гостей треснулъ его по плечу, коробка-то и выпала. Тѣ подхватили и поѣхали. Пріѣхали въ канцелярію, и не прошло полчаса, какъ подошли къ моему аптекарю, спросили фамилію — да на тройку, да маршъ... И пошла писать.

— Да что-жъ это за безобразіе такое? Можетъ ли быть что-нибудь подобное?—воскликнулъ одинъ изъ военныхъ.—Это просто какая-нибудь ошибка нелѣпая.

— А то что̀ же? Само собой, что ошибка. Нешто безъ ошибки-то можно этакъ-то?.. Только вотъ кто тутъ ошибку-то далъ, вотъ это-то намъ и неизвѣстно!

— Но вѣдь впослѣдствіи-то обнаружилось же, что все это вздоръ?

— А то какъ же? Обнаружилось, ужъ это не безпокойтесь—и даже такъ, что вполнѣ ясно обозначилось, а только, говорю вамъ, теперича-то мы ничего не понимаемъ... Аптекарь въ умъ не возьметъ, что̀ такое, только за печенку хватается—думаетъ, какъ бы не отшибли; да и я-то вотъ очнулся и тоже ничего не понимаю, ничего вздумать не могу...

— Но какъ же все это разъяснилось?

— А вотъ вы слушайте... Ужъ все по порядку... Какимъ родомъ и куда меня опосля этого побоища предоставили, этого ужъ я вамъ разсказывать подробно не буду. Одно скажу—много я страху напримался, а что обиды—нѣтъ, не видалъ. Прямо сказать—вѣжливость, благородство, тонкое

обращеніе... Я думалъ, хуже будетъ, а на мѣсто того тутъ-то и началась самая разборка.

— Вотъ про это-то,—присовокупилъ буфетчикъ: — я и говорю. Сначала надо разобрать дѣло, а не зря...

— Ну, вотъ-вотъ...—подтвердилъ разсказчикъ.—Вотъ все такъ и вышло по-вашему... Какъ предсталъ я, значитъ, съ разбитымъ ликомъ,—потому всю голову я мокрыми тряпками обмоталъ,—членъ-то меня и спрашиваетъ:—«Что̀ такое съ вами? Чѣмъ вы нездоровы?»—«Да избили, говорю, ваше сіятельство!»—«Какъ? Что̀ такое?» Ну, я ему и разсказалъ. Онъ такъ и ахнулъ:—«Да на какомъ же основаніи? Какъ смѣли...» Я говорю:—«Сказываютъ, бумага есть у нихъ».—«Ахъ, мерзавцы!» И пошелъ браниться... Бранилъ-бранилъ,—наконецъ, того, спрашиваетъ:—«Скажите, пожалуйста, что̀ это такое?» И показываетъ мнѣ пирюли эти самыя... Я было-спервоначалу уперся, потому ничего мнѣ неизвѣстно. «Ну-ка, думаю, аптекарь-то втесался въ какую исторію? Вѣдь нонѣ какое время-то! И что̀ мнѣ будетъ, ежели окажу знакомство съ нимъ?» Вотъ я и говорю: «Не знаю, молъ, что̀ такое...» — «А не знаете ли, говоритъ, какого-нибудь Лаптева?» А Лаптевъ-то и есть аптекарь. «Нѣтъ, говорю, не знаю!» Тогда онъ вынулъ мѣшокъ, въ которомъ пирюли зашиты были, и показываетъ мнѣ, а на мѣшкѣ-то надпись: *Ивану Ивановичу Попову. Посылка на одинъ рубль отъ Лаптева*».—«Вѣдь вы, говоритъ, Поповъ-то?»—«Я...»—«А посылка вамъ?..»—«Стало-быть, мнѣ».—«Ну, стало-быть, и Лаптева знаете?»... Тутъ я вижу, что попался, и говорю:—«Виноватъ, ваше благородіе, знаю».—«Отчего же вы сразу не признались?» — «Да боюсь, ваше благородіе!» — «Чего же вы боитесь?» — «Да и самъ не знаю!» — «Однако?» — «Да всего, говорю, боюсь я, ваше сіятельство. Потому измордовали меня, а доискаться ничего не доищусь...» Ну, засмѣялся онъ и говоритъ:—«Вы не опасайтесь, а говорите чистосердечно...» — «Спрашивайте, все открою!» Вотъ онъ и спрашиваетъ:—«Зачѣмъ вамъ отравленныя пирюли?»—«Какъ отравленныя?»—говорю.—«Да вѣдь это такія пирюли, что умереть можно... Вѣдь это, говоритъ, не то что человѣкъ, а и лошадь свалится отъ такихъ пирюль. Зачѣмъ онѣ были вамъ нужны?..»—«Лѣчусь, говорю. Желудкомъ страдаю!» — «Но вѣдь это отрава!» — «Помилуйте, сохрани Богъ! Я привыкъ постепенно... Окромя облегченія ничего не вижу».—«Ну, а кто ихъ дѣлалъ?»—«Аптекарь, мой пріятель...» — «Разскажите

все, какъ было». Я и разсказалъ все про аптекаря... Говорю:—«Обѣщался принесть въ Патрикѣевскій трактиръ, а на мѣсто того, не знаю, куда скрылся, не пришелъ...»—«Гдѣ-жъ, говоритъ, теперь этотъ вашъ аптекарь?»—«А это ужъ, говорю, ваше благородіе, мнѣ неизвѣстно!..» Думалъ-думалъ, рылся-рылся въ бумагахъ, въ звонки звонилъ... Гляжу, привели какого-то молодого человѣка... (Незадолго передъ этимъ молодой человѣкъ, съ которымъ я познакомился на желѣзной дорогѣ, все время внимательно слушавшій разсказчика, поднялся съ дивана, надѣлъ пальто при послѣднихъ словахъ разсказчика и на цыпочкахъ вышелъ изъ каюты). Пришелъ онъ, членъ-то меня и спрашаваетъ: «Этотъ, говоритъ, господинъ, дѣлалъ вамъ пирюли?» Поглядѣлъ, вижу—совсѣмъ чужой человѣкъ.—«Никакъ нѣтъ, говорю!.. Я ихъ даже и въ глаза не видалъ». И молодой человѣкъ то же самое говоритъ... Показалъ ему пирюли, поглядѣлъ онъ: — «Ничего, говоритъ, я не понимаю!»... Тогда членъ опять порылся-порылся, позвонилъ въ звонки, пошептался съ тѣмъ, съ другимъ, молодого человѣка отпустилъ, а мнѣ говоритъ:—«Да, тутъ вышла ошибка... Ужъ вы не будьте въ претензіи!»—«Помилуйте, говорю, я радъ, что хоть живъ-то остался!»—«Дѣло, говоритъ, въ томъ, что у насъ есть Лаптевъ, вотъ этотъ молодой человѣкъ, который замѣченъ на худомъ счету. Вотъ мы и думали, что пирюли-то онъ приготовлялъ... А такъ какъ доктора дознались, что онѣ отравныя, вредныя, то мы и думали, нѣтъ ли тутъ чего... На адресѣ было ваше имя, вотъ мы и дали знать... А тѣ дураки чортъ знаетъ чего натворили!..»—«Да, говорю, ваше сіятельство, ужъ вѣкъ не забуду!»—«Что̀ дѣлать! Дураки, невѣжи... а время-то, сами знаете, какое...»—«Да, говорю, время точно—не разбери Богъ!»... Н-ну, тутъ я пріободрился да и спросилъ:—«А гдѣ же, молъ, ваше благородіе, аптекарь-то мой?»—«А это, говоритъ, надо разузнать... Тутъ тоже, говоритъ, какая-нибудь ошибка вышла...» И сталъ онъ мнѣ разсказывать:—«Должно-быть, вышла какая-нибудь путаница въ канцеляріи... Вотъ этому молодому человѣку тоже фамилія Лаптевъ, и надо было его препроводить. А препроводили-то, должно-быть, вашего аптекаря... Впрочемъ, все это разберется...»—«Ну, а мнѣ-то, говорю, какъ теперича быть?»—«А вы можете идти»...—«Совсѣмъ?»—«Совсѣмъ, куда угодно... Вышла просто нелѣпая ошибка!..»

— Н-ну, конечно!—съ достоинствомъ и какъ бы съ облегченнымъ сердцемъ сказалъ военный.—Разумѣется!

— Да,—продолжалъ разсказчикъ:—«ошибка», говоритъ! Ну, думаю, слава тебѣ Господи! Подобралъ полы—ночь на дворѣ была—прямо на машину да черезъ городъ-то проклятый, закрывши лицо, на извозчикѣ—прямо на хуторъ. И въ домъ-то даже не заѣзжалъ, да и сейчасъ жить неохота, передъ Богомъ говорю! Кабы кто̀ купилъ, за свою бы цѣну отдалъ... Пріѣхалъ на хуторъ, заперся на замо̀къ—ни работниковъ ни приказчиковъ, никого къ себѣ не допускаю... даже и жену и семейство отдѣлилъ отъ себя... Очувствоваться не могу, отдышаться не отдышусь, и суставами-то не дѣйствую. Поѣмъ, лягу и сплю... поѣмъ и спать—только и охоты.

— На томъ и пошабашилъ?—спросилъ одинъ изъ живорѣзовъ.

— Какъ же! Больно ты скоръ. Пошабашилъ!.. Ты слушай, что̀ дальше будетъ...

— Неужели еще не кончилось?—спросилъ военный.

— Да тутъ и кончаться-то нѐчему... Сами видите, все ошибка да ошибка, а корень-то дѣла еще не виденъ. Вы глядите, какой корень-то вылупился!

— А гдѣ аптекарь?

— Все будетъ! Только что по порядку надо... Скоро и аптекарь объявится... Маленечко повремените, анъ аптекарь-то тутъ и есть. Вотъ хорошо. Сижу я на хуторѣ мѣсяцъ, ѣмъ, сплю да въ банѣ суставы расправляю... Домъ въ городѣ препоручилъ племяннику. И ужъ задалъ же онъ всѣмъ этимъ канальямъ звону! Ухо парень у меня! Ну, да это до дѣла не подходитъ... Сижу, говорю, мѣсяцъ, отдыхаю, опамятываюсь. Гляжу, однова ѣдетъ верховой... Заёкало мое сердечушко! Господи, помилуй насъ грѣшныхъ! Что̀ такое? Подаетъ повѣстку:—«Пожалуйте въ судъ!»—«За что?»—«А тамъ сказано!» Почиталъ и вижу—привлекаютъ меня къ отвѣту за оскорбленіе при исполненіи обязанностей... Ладно. Прочиталъ, расписку далъ... Тутъ меня и рвануло за сердце: «какъ такъ?» думаю. Какія же это такія обязанности? Меня будутъ колотить, а я отвѣчай?.. Это, значитъ, обязанности, ежели мордовать зря?—«Ну, думаю, нѣтъ, ребятушки! Довольно, поиграли—и будетъ! Ежели меня самъ высшій членъ оправдалъ, отпустилъ невиновнымъ домой, такъ ужъ вамъ-то я не дамся!» Заложилъ тройку—и въ городъ! Телеграмму въ Москву—адвоката! Мордобой противъ мордобою—искъ! «Дѣлай, говорю, тысячи рублей не пожалѣю!» И заварили кашу... Назна-

чается судный день, пріѣзжаю—пріѣхали мы съ женой. Подкатили къ суду рано еще, въ девятомъ часу, а судъ-то въ двѣнадцать. Сѣли на крылечкѣ, ждемъ. Гляжу—и аптекарь объявился! Идетъ, еле ноги волочитъ; обносился, исхудалъ, словно нищій.—«Ты откуда?»—говорю.—«Да и самъ не знаю! Здоровье потерялъ, въ ногахъ ревматизмъ, еле, говоритъ, живъ!» И точно, одышка у него и кашляетъ... Сѣлъ онъ тоже на ступеньку съ нами, я и говорю ему:—«Ну, братъ, достались мнѣ твои пирюли! нечего сказать, буду помнить!» А онъ мнѣ:—«А мнѣ-то, говоритъ, каково было!» И разскажи онъ мнѣ все, какъ было, то-есть отчего онъ къ Патрикѣеву не поспѣлъ и все прочее, что я разсказывалъ...—«До сихъ поръ, говоритъ, плечомъ не дѣйствую, какъ онъ меня тогда треснулъ кулакомъ, какъ коробокъ-то отымалъ!»—«Да ты зачѣмъ не отдавалъ-то?»—«Боюсь! Незаконныя пирюли-то... Вѣдь только по знакомству дѣлалъ, что знаю твою комплекцію, а онъ отымаетъ...»—«Да изъ-за чего, спрашиваю, дѣло-то вышло?»—«То-то и есть, что я самъ-то ничего дознаться не могъ... Примчали меня на край свѣта, а тамъ телеграмма: «Воротить! Это—не тотъ!» Вотъ воротился я и сталъ дознаваться въ канцеляріи... Рылись-рылись, копались-копались, и наконецъ того, ужъ кой-какъ да кое-какъ и дорылись до корня. И что-жъ ты, братецъ мой, думаешь? Ну, какъ тебѣ кажется, изъ-за чего бы это вышло?»—«Почемъ мнѣ знать! Я и самъ еле-еле дознался».—«Вѣдь это все, говоритъ, изъ-за подлеца Липаткина!» А Липаткинъ, надо сказать, существуетъ въ нашемъ городѣ купецъ... Такъ, скалдырникъ—больше ничего, выжига—одно слово.—«Какъ такъ изъ-за Липаткина?» спрашиваю.—«А вотъ какъ, говоритъ. Вѣдь у него, у дурака, нанималъ я квартиру-то, когда аптеку-то держалъ въ Сусаловѣ?»—«У него».—«Ну, и былъ у насъ такой контрактъ, чтобы перекрылъ я ему крышу... Ну, а какъ дѣла мои не пошли въ ходъ, я и выѣхалъ вонъ изъ города, а крышу-то не перекрылъ, потому, думаю, какъ выѣзжаю я раньше срока и за четыре мѣсяца у меня заплачено впередъ ему, то пущай лучше они пропадаютъ... Сдалъ заведеніе и уѣхалъ, а Липатка-то вцѣпился въ этотъ пунктъ, вздумалъ взыскивать... Разыскалъ какого-то писаришку, тотъ и настрочи жалобу въ Петербургъ, въ медицинскій департаментъ, такъ и такъ, молъ, прошу понудить аптекаря... А въ медицинскомъ-то департаментѣ и разбирать не стали—прямо по мѣсту жительства, въ губернію... А въ губер-

ніи-то, въ управѣ, къ одной бумагѣ приладили другую, ужъ въ уѣздъ, «вытребовать аптекаря для объясненія»... Пришла бумага въ уѣздъ, а въ уѣздѣ-то меня нѣтъ, вотъ и третью бумагу настрочили: «разыскать аптекаря и препроводить», да и ахнули въ Москву... Вотъ въ Москвѣ-то меня и разыскивали... Какъ только я пріѣхалъ, далъ билетъ прописать, меня и сцапали... А тутъ эти пирюли—отнимаютъ, а я не отдаю, прячу... Заподозрѣли... А въ канцеляріи, въ суматохѣ, тоже ошиблись... Такъ и пошло все къ чорту! Воротился теперь въ номера, всѣ вещи разворовали, износили... То-есть не знаю, за что и взяться,—остался съ пустыми руками!..»—«А теперь-то зачѣмъ ты здѣсь?»—«Да взыскиваетъ этотъ дуракъ...»—«Все за крышу?»—«Все за нее... Подай, говоритъ, тридцать четыре съ полтиной!.. Ну, да я ему и гроша не дамъ, а еще съ него взыщу за четыре мѣсяца... Я самъ началъ противъ него... У меня тутъ адвокатъ».—«Ну, говорю, Лаптевъ, не сдавайся! У меня тоже дѣло тутъ, и я тоже, братъ, окопался канавой! Держись крѣпче, а потомъ поѣдемъ ко мнѣ отдыхать»... Ну, началось дѣло... Сначала разобрали аптекаря съ Липаткинымъ—оправдали! Пошелъ Липаткинъ ни съ чѣмъ. Ну, а потомъ мое пошло... Ужъ тутъ было дѣло, ужъ мой московскій орелъ показалъ, гдѣ раки зимуютъ, ужъ онъ ихъ такъ отработалъ, лучше требовать нельзя... Даже прокуроръ всталъ, говоритъ:—«Нѣтъ, я, говоритъ, не могу, отказываюсь»... А мой-то не унялся, да опять ихъ мололъ-мололъ, толокъ-толокъ, теръ-перетиралъ... До того довелъ, встали всѣ, единогласно. «Нѣтъ, невиновенъ!» Шабашъ!..

— Статья есть такая...—отрывисто перебилъ одинъ изъ живорѣзовъ: — «По совокупному мордобою и взаимному оскорбленію невиновны».

— Ну, вотъ-вотъ! Нѣтъ, невиновны, потому мордобитіе было взаимообразное—ступайте по домамъ!.. Вотъ мы и вышли на улицу. Вышли всѣ: и эскадра средиземная, и плотники, и дворники... Вышли и стоимъ. И столпилось насъ, дураковъ, человѣкъ шестьдесятъ... Передрались мы всѣ какъ самые послѣдніе прохвосты, а выходимъ всѣ какъ младенцы невинные... Стали и молчимъ, какъ столбы. Вдругъ Родіонка подходитъ безъ шапки.—«Виноватъ, ваше степенство!»—«Ты что-жъ, говорю, дуракъ этакій, сдѣлалъ?»—«Помилуйте!.. Намъ сказано: дать знать, потому бумага... Что намъ приказываютъ, то мы и исполняемъ... Ужъ не попомните, возьмите опять!.. Явите божескую ми-

лость... Насъ тоже не хвалятъ». За Родіонкой—плотникъ: «Ужъ ты не попомни... Вѣдь по нынѣшнему времю, самъ знаешь... Опять же намъ сказывали: караульте, молъ, его—въ нехорошихъ дѣлахъ попался... Ужъ ты тово...»—«Это ты, что ли, дуракъ, спрашиваю, подъ орѣхъ-то меня раздѣлывалъ?»—«Ужъ тутъ всѣ... Ужъ ты бы... Да вѣдь и ты тоже на свой пай раздѣлалъ нашего брата не худо... Вѣдь у тебя тоже кулачище-то...» За плотникомъ и командиры:—«Это—недоумѣніе, извините...»—«Вы за что же мнѣ синяковъ-то насажали?»—«Но и вы, говоритъ, тоже мнѣ щеку раскроили... Мы дѣйствовали сообразно—у насъ телеграмма. А вы треснули меня... Это не болѣе какъ недоумѣніе... Мы завсегда... Такъ какъ вы домовладѣлецъ, то очень жаль...» И аптекаря тоже обступили; Липаткинъ говоритъ:—«Не взыскивай съ меня, помиримся!» А писарь изъ участка говоритъ:—«Вы знаете, какое время? Тутъ, говоритъ, каждый день только и дѣлаешь, что съ утра до ночи пишешь: «немедленно», да «разыскать», да «представить»... Такъ тутъ не мудрено и ошибиться... Такое время...» Столпились тутъ всѣ въ кучу и галдятъ:—«Времена нонѣ какія... Коли ежели бы не времена... Мы завсегда... почитаемъ, уважаемъ... Недоумѣніе...» И вижу я, что хотятъ всѣ эти дуроломы на водочку. Какъ же, дѣйствовали всѣ съ усердіемъ, никто не виноватъ оказался, а угощенія нѣту? Самый бы разъ по рюмочкѣ.—«Нѣтъ, говорю, друзья пріятные, кабы вы не были дуроломы и остолопы, то и времена-то были бы другія... И времена-то были бы не такія, кабы у васъ, у подлецовъ, совѣсть была...» И ушли съ аптекаремъ... Такъ они и остались безъ угощенія.

— Все?—спросилъ буфетчикъ.

— А тебѣ что̀—мало, что ли!

— Да,—сказалъ военный:—чортъ знаетъ что̀!.. Дурманъ какой-то...

— А бываетъ-съ! Передъ Богомъ, бываетъ!—со вздохомъ проговорилъ тотъ купецъ, съ которымъ буфетчикъ велъ разговоръ вначалѣ.—И даже оченно частенько... ошибаются!.. Потому, ежели человѣкъ не знаетъ ничего, не понимаетъ и въ то же самое время боится безпрестанно, то все можно...

— А охотниковъ,—прибавилъ гигантъ-разсказчикъ: — чтобы, напримѣръ, этакимъ манеромъ (онъ засучилъ рукава), хоть прудъ пруди!..

И тутъ начались воспоминанія о разныхъ подобныхъ

разсказанному случаяхъ, и скоро въ каютѣ стало необычайно душно,—душно не отъ табаку, которымъ въ каютѣ дѣйствительно было накурено, а именно отъ этихъ разсказовъ, отъ этой тягостной, ненужной путаницы человѣческихъ отношеній, составлявшихъ ихъ содержаніе. Ненужные ужасы, наивнѣйшія злодѣйства, огромныя, нелѣпѣйшія недоразумѣнія, безцѣльныя жестокости—все это, группируясь вокругъ какого-то наслѣдственнаго «страха жить», страха цѣнить бѣлый, короткій день жизни и какъ бы полной безнадежности дать этому короткому дню какое-нибудь содержаніе, кромѣ непрестанной тяготы и необузданной жадности,—все это до такой степени удручало не только голову, а прямо грудь, стѣсняло дыханіе, что желаніе свѣжаго воздуха дѣлалось неотразимымъ. Именно воздуха, самаго буквальнаго, несмотря на то, что тягота происходила не отъ табачнаго дыма.

Не дослушавъ все болѣе и болѣе разгоравшейся бесѣды, я вышелъ. Меня уже давно занимаетъ одно маленькое обстоятельство, о которомъ я упомянулъ мелькомъ, чтобы не прерывать разсказа. Когда купецъ разсказывалъ о томъ, что ему предъявляли какого-то незнакомаго ему молодого человѣка, я замѣтилъ, что молодой человѣкъ, съ которымъ я познакомился на желѣзной дорогѣ, вспыхнулъ, сконфузился, но, стараясь скрыть этотъ конфузъ, какъ-то неловко сталъ надѣвать пальто и, какъ я уже сказалъ, вышелъ потихоньку изъ каюты. Замѣтилъ я, что, выходя, онъ старался пробраться между параллельно разставленными диванами такъ, чтобы разсказчикъ-купецъ остался у него за спиной. Это смущеніе и этотъ пріемъ ухода, въ которомъ не представлялось видимой надобности, невольно заставили меня подумать о томъ: «зачѣмъ онъ это сдѣлалъ?». Выйдя на палубу, я думалъ найти моего недавняго знакомца тамъ, но его не было. Вмѣсто него я наткнулся на парня-убійцу, который шваброй мылъ палубу. Увидя меня, онъ почему-то весело улыбнулся и, оскаливъ зубы, сказалъ:

— А ловко купца-то отщекатурили. Дюже хорошо...

— Чѣмъ же? Что-жъ тутъ хорошаго?

— Ничего... Ловко!.. Иному и этого еще мало!.. Иного-то и не такъ еще достойно.

— За что же?

— Не дѣлай худа! Они нешто понимаютъ это? Да вотъ сейчасъ у насъ купецъ тутъ одинъ всю рѣку запрудилъ и рыбу не пущаетъ. Что-жъ, хорошо это?

— Какъ не пущаетъ?

— Да такъ! Запрудилъ рѣку въ своей арендѣ, перепрудилъ ее стало-быть поперекъ, у самаго озера, всю рыбу-то и заарестовалъ у себя... Да вѣдь что̀ выдумалъ! желѣзную загородь-то сдѣлалъ на вѣки вѣковъ! На полтораста верстъ и нѣтъ рыбы... А вѣдь на полтораста-то верстахъ сто деревень... Да всѣ онѣ рыбой жили, питались... А теперь вонъ мызгаются-мызгаются по водѣ-то, а тамъ ничего нѣтъ... Это какъ—хорошо или нѣтъ? Вѣдь надо-жъ такую имѣть въ себѣ жадность! Помирайте, молъ, съ голоду сто деревень, только бы мнѣ!.. Нѣтъ, они тоже не думаютъ о прочихъ народахъ...

— Такъ жаловаться надо на купца. Онъ не смѣетъ такъ дѣлать...

— Ну, жаловаться!.. У него мошна-то, поди-ка, вотъ какъ отдувается... Ему выйдетъ законъ, а онъ его не исполнитъ—больше ничего... А по-моему вотъ этакъ-то лучше...

— Какъ «вотъ этакъ»?

— Да вотъ, какъ тому... днище-то высадили... Надавалъ ему хорошихъ, а запруду-то прочь, вотъ онъ и будетъ безъ обиды!.. А то поди, пиши бумаги... Ты бумаги пишешь, а онъ рыбу ловитъ да продаетъ. Нѣтъ лучше, превосходнѣе, какъ «своимъ средствіемъ»... Первое дѣло—отдѣлалъ его подъ орѣхъ или подъ воскъ, вотъ онъ и поостережется грабить-то!..

— Ну, братъ,—сказалъ я:—не вполнѣ ты правильно разговариваешь!

Хотѣлъ-было я поговорить съ нимъ на эту тему, но, взглянувъ въ сторону, увидѣлъ молодого человѣка. Онъ стоялъ на берегу и, къ удивленію моему, зачѣмъ-то звалъ меня, дѣлая рукою знаки.

II. Опустошители.

Я подошелъ къ молодому человѣку, стоявшему на берегу, и онъ съ улыбкою разсказалъ мнѣ, что именно онъ-то и есть тотъ самый Лаптевъ, который по ошибкѣ попалъ въ исторію купца и былъ принятъ, также по ошибкѣ, за аптекаря. Онъ подробно разсказалъ мнѣ какъ объ этой путаницѣ, такъ и о своемъ дѣлѣ, которое привело его въ ту же

самую канцелярію, куда попалъ и купецъ. Разговаривая такимъ образомъ, мы долго гуляли по берегу, а когда стемнѣло, возвратились на пароходъ. Въ буфетѣ продолжались разговоры, слышался хохотъ, а намъ хотѣлось отдохнуть. Парень-убивецъ, проникнувъ въ глубину нашихъ желаній, моментально устроилъ насъ въ дамской каютѣ, гдѣ никого не было. Онъ принесъ намъ сюда чаю, двѣ подушки и перетащилъ на своихъ плечахъ всѣ наши вещи, оставшіяся въ буфетѣ. Мы стали пить чай и разговаривать.

— Все-таки,—сказалъ я, припоминая недавній разсказъ Лаптева о его дѣлѣ:—я не понимаю, зачѣмъ вы ушли изъ каюты. Пускай бы купецъ узналъ васъ—что̀ за бѣда?

Слегка улыбаясь, Лаптевъ молча мѣшалъ ложкой въ стаканѣ чая и о чемъ-то думалъ.

— Знаете,—началъ онъ, медленно отдѣляя слова:—бѣды дѣйствительно нѣтъ, все вздоръ... Но если-бъ онъ меня узналъ, онъ бы поглядѣлъ на меня... Вотъ этого взгляда-то я и не могу переносить, то-есть еще не могу, а со временемъ, быть-можетъ, привыкну, то-есть позабуду впечатлѣніе этого взгляда. А теперь онъ просто деретъ меня по кожѣ... Какъ только поглядитъ на меня *этакъ* какой-нибудь обыватель, такъ у меня просто жжетъ всю кожу, точно когтями кто царапаетъ.

Я не понималъ, о какомъ-такомъ необыкновенномъ взглядѣ говорилъ мнѣ Лаптевъ, и молчалъ.

— Лѣтъ пятнадцать кряду,—продолжалъ мой собесѣдникъ:—мнѣ пришлось играть роль того кирпича, который швыряютъ изъ рукъ въ руки... Попадешь въ однѣ, швыряютъ дальше, въ другія, а едва попалъ въ эти другія, немедленно бросаютъ въ третьи, и такъ далѣе... Летишь въ невѣдомую даль... И хотя пребываніе мое въ этихъ безчисленныхъ рукахъ было непродолжительно, но я всегда встрѣчалъ этотъ... терзающій взглядъ, враждебный испугъ, и если не готовность на жестокость, то во всякомъ случаѣ непремѣнно мысль о ней. Вотъ и купецъ, если-бъ онъ узналъ меня, непремѣнно бы глядѣлъ на меня *такимъ* взглядомъ... А я, ей-Богу, пока не въ состояніи...

— Но вѣдь и самъ купецъ тоже испыталъ кое-что...— сказалъ я. — Припомните, въ какую безобразную свалку попалъ онъ... Я думаю, напротивъ, онъ понялъ бы и ваше положеніе... Вѣдь и онъ и вы очутились въ одной и той же канцеляріи...

— Ну нѣтъ! — оживленно перебилъ меня Лаптевъ.—

Купецъ отлично видитъ и знаетъ, что онъ-то, обыватель, попалъ по ошибкѣ, а вотъ я такъ и по его мнѣнію попалъ *за дѣло*. Свалка-то она точно свалка, если хотите — арлекинада, хоть и необузданно жестокая, грубая, дикая, а въ ней, если только присмотрѣться, вникнуть, разобрать, отыщутся совершенно опредѣленныя теченія враждебности, ненавистничества, и повѣрьте, что обывательскій кулакъ отлично знаетъ ту шею, которая ему ненавистна. Положимъ, что, руководствуясь въ отысканіи этой шеи, главнымъ образомъ, чутьемъ, онъ по ошибкѣ задѣнетъ десятка два сосѣднихъ и родственныхъ скулъ и затылковъ, но ужъ, будьте увѣрены, добьется и той скулы, какая ему требуется. Во времена моей юности и я въ простотѣ сердечной полагалъ, что все это одно только жалкое недоразумѣніе. Не разъ мнѣ хотѣлось сказать: «Безумные, опомнитесь! Вѣдь вы себя же губите» и т. д.. Но потомъ я убѣдился, что именно *себя-то* и не губитъ обыватель, что именно на всѣхъ путяхъ своихъ онъ только себя одного и помнитъ... Какъ же, свалки! Недоразумѣніе!.. Вотъ я сегодня читалъ въ какой-то газеткѣ «сцены на Нижегородской ярмаркѣ». Изображены купцы, трактиры, арфистки и вообще всякое безобразіе. Люди жрутъ, пьютъ, врутъ Богъ знаетъ что̀, какъ сумасшедшіе... Въ простотѣ сердечной, пожалуй, подумаешь, что и въ самомъ дѣлѣ люди эти только безобразничаютъ, а посмотрѣли бы, какъ они обдѣлываютъ дѣла въ то же время. Посмотрѣли бы, какъ они въ то же время «подъ гитару» обрабатываютъ какихъ-нибудь каракалпаковъ на ситчикѣ... Нѣтъ, обыватель отлично понимаетъ свою часть! Вотъ почитайте, пожалуйста, тутъ у меня есть лоскутикъ изъ газетъ... (Лаптевъ вынулъ изъ бокового кармана памятную книжку, биткомъ набитую всевозможными газетными замѣтками и записками. Кстати сказать, съ этою книжкой онъ почти не разставался и поминутно, въ подтвержденіе своихъ словъ, вытаскивалъ изъ нея какой-нибудь писанный или печатный документъ). Вотъ... Да я вамъ самъ прочитаю... Дѣло идетъ объ убійствѣ одного больного въ больницѣ для умалишенныхъ. Вотъ... «Били Орлова добрыхъ полчаса. Когда Кудрявцевъ усталъ бить и просилъ помощи, то послалъ за Филимономъ. Этотъ субъектъ прежде всего (знаетъ, съ чего начинать слѣдуетъ!) давнулъ Орлова колѣнкой въ грудь, далъ по шеѣ и потомъ далъ въ бокъ разъ пять съ размаху... Смотритель стоялъ и говорилъ: «Прибавь», но самъ не билъ». Итакъ, видите, позвонили, «клик-

нули» Филимона, сказали: «бей!»—и Филимонъ немедленно приступилъ къ исполненію приказанія. Сначала въ грудь, потомъ по шеѣ и наконецъ въ бокъ... Во-первыхъ, во-вторыхъ и въ-третьихъ—все по пунктамъ... Что же это за стѣнобитное орудіе? Что это такое: машина или человѣкъ?.. Оказывается, что человѣкъ, который къ тому же поступалъ совершенно сознательно, и вотъ, полюбуйтесь, выставляетъ въ свое оправданіе уважительную причину... Вотъ тутъ сказано: «въ свою защиту Филимонъ ссылался на то, что онъ—семейный человѣкъ, имѣетъ при больницѣ казенную квартиру, дорожитъ мѣстомъ и исполняетъ, что приказано...» Существуетъ, стало-быть, двигатель и, какъ видите, весьма сильный: семейство, фатера!.. Подумайте только, каково это семейство, какова эта семейная святыня, гдѣ можно спокойно чувствовать себя, совершивъ поистинѣ злодѣйское избіеніе кроткаго, шутливаго (такъ сказано въ стенографическомъ отчетѣ процесса) человѣка!.. Въ томъ же самомъ Рыбинскѣ, гдѣ происходитъ это безобразіе, ломовой извозчикъ иногда вырабатываетъ въ день по двѣнадцати рублей. Вѣдь есть же, стало-быть, возможность не особенно пугаться того, что если и не исполнишь жестокаго приказанія, то безъ хлѣба будешь... Но для этого надо хоть чуть-чуть думать не о себѣ, хоть на вершокъ видѣть дальше своего носа... А этого-то и нѣтъ въ громадномъ большинствѣ, въ самомъ, такъ сказать, фундаментѣ обывательскаго общества... Да пусть бы это обывательское «я» было хоть сколько-нибудь разработано, въ чемъ-нибудь выражалось, приняло бы какія-нибудь хотя мало-мальски достойныя уваженія формы—и того нѣтъ... Семейство, фатера!.. Войдите туда, вѣдь тамъ ничего нѣтъ! Развѣ былъ за послѣднія двадцать лѣтъ хоть единый мало-мальски яркій, внушительный случай, чтобъ обыватель, ссылающійся въ своихъ опустошительныхъ набѣгахъ на отечество, на свою любовь къ семейному очагу, вступился бы искренно хотя бы, напримѣръ, за своихъ собственныхъ дѣтей? Вѣдь онъ нигдѣ не пикнулъ—ни въ думѣ ни въ земствѣ, не отправилъ ни одной депутаціи, какъ отправляетъ теперь съ просьбою «запретить намъ пьянствовать»!.. Одного этого ужъ достаточно для того, чтобы представить себѣ, какъ мало какого бы то ни было нравственнаго содержанія въ его «фатерѣ»... И все-таки, если вы попытаетесь потревожить его въ этомъ пустомъ обиталищѣ, онъ, не задумываясь, защититъ себя... сначала въ грудь, потомъ въ бокъ, потомъ по шеѣ...

Я попробовалъ-было возразить Лаптеву, сказавъ, что случай, на которомъ онъ основываетъ свое мнѣніе объ обывательскомъ безсердечіи, есть случай исключительный, что виновники его понесли достойное наказаніе, и что наконецъ безсердечіе и видимая каменность обывателя имѣютъ своимъ основаніемъ и другія уважительныя причины, не зависящія отъ обывателя, но Лаптевъ даже и не отвѣтилъ мнѣ—точно онъ не слыхалъ меня — и упорно продолжалъ порицать обывателя.

— Пуще всего обыватель боится какихъ бы то ни было нравственныхъ обязательствъ, нравственныхъ жертвъ. Все, что̀ не касается лично его благополучія, все, что̀ хоть на вершокъ раздвигаетъ его до безобразія узкое міросозерцаніе,—все это пугаетъ его, все это онъ гонитъ прочь; онъ боится нравственной борьбы, онъ совершенно непривыченъ къ малѣйшимъ тревогамъ изъ-за какихъ бы то ни было заботъ, не касающихся его, а тѣмъ паче такихъ, ради которыхъ онъ въ самомъ дѣлѣ долженъ чѣмъ-нибудь пожертвовать.

Опять я возразилъ Лаптеву и возразилъ довольно рѣзко, но онъ не слушалъ меня, моталъ отрицательно головой и продолжалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите! Никакая жестокость, никакая несправедливость не можетъ совершиться, если для этого не будетъ обывательскаго содѣйствія... Аракчеевъ—русскій типъ. Посмотрите, какою кроткой овечкой разъѣзжалъ онъ за границей и какимъ оказался по возвращеніи въ отечество... Въ отечествѣ у него есть почва, содѣйствіе, помощь—все, что̀ нужно. Буря, холера валитъ у насъ эти колоссы, а безъ этихъ стихійныхъ пособій обывательская среда, неизвѣстно еще,—быть-можетъ, и по сей день поставляла бы помощниковъ и пособниковъ. Нѣтъ, надо когда-нибудь и обывателю почувствовать себя виноватымъ. А то—скажите, пожалуйста! — выдумали за все и про все отвѣшивать передъ нимъ низкіе поклоны... Онъ — кроткая овца, а его «заставляютъ»... Его вонъ и пьянствовать будто бы заставляютъ, и онъ перестать не можетъ до тѣхъ поръ, покуда ему не запретятъ... Депутація ѣдетъ... Зачѣмъ?—«Позвольте намъ перестать пить! Запретите, ваше благородіе, намъ пить! Взыщите съ насъ, а то мы сопьемся съ кругу!..» Бѣдняжки!..

Я ужъ не возражалъ Лаптеву, такъ какъ видѣлъ, что онъ недоступенъ никакимъ возраженіямъ, что «жестокость»,

о которой онъ постоянно говорилъ, — своего рода пунктъ помѣшательства, и потому еще, что нельзя было не замѣтить въ немъ сильнаго нервнаго разстройства. Говоря послѣднія фразы, онъ какъ-то вдругъ осунулся, поблѣднѣлъ, и губы его стали тонки и бѣлы.

— Овца на закланіи... Нечего сказать, похожа... А кто пропиталъ этимъ «фатернымъ» элементомъ, этимъ фатернымъ смрадомъ все, что̀ носило за послѣдніе годы какую-либо видимость общественнаго дѣла, кто?.. Кто сумѣлъ обездушить всѣ общественныя учрежденія, кто изъялъ изъ нихъ всякую тѣнь мысли, кто оставилъ отъ этихъ учрежденій однѣ ободранныя голыя стѣны?.. И кто наконецъ съ такою кропотливостью работалъ надъ тѣмъ, чтобы съ корнемъ раздавить малѣйшую попытку дать этимъ дѣламъ душу живу?.. Вѣдь если бы пришлось характеризовать въ короткихъ словахъ недавнее прошлое, такъ его нельзя иначе опредѣлить, какъ временемъ опустошенія общественныхъ заботъ и тщательнѣйшимъ изъятіемъ изъ общества тѣхъ людей, которые хоть единымъ словомъ пытались заикнуться въ *самомъ дѣлѣ* объ этихъ заботахъ. Вездѣ, гдѣ только должна была работать мысль о ближнемъ, гдѣ требовалась искренность, жертва, правда,—вездѣ обыватель утвердилъ фатерный элементъ, поставилъ дѣло на нуль, опустошилъ и за безпокойство отомстилъ безъ пощады... Посмотрите-ка хладнокровно, кто остался побѣдителемъ?—Обыватель! Кто натащилъ всюду навозу, сору, тупости и глупости?.. Кто во имя этихъ «фатерныхъ» элементовъ сокрушалъ ребра ненавистникамъ?—Все бумага... Да вѣдь бумага-то приходила по желанію обывателя! Сначала обыватель возропщетъ и доложитъ, а потомъ ужъ и бумага слѣдуетъ...

Говоря это, Лаптевъ проворно перебиралъ листки своей памятной книжки, отыскалъ какую-то длинную газетную вырѣзку и, держа ее въ рукахъ, сказалъ:

— Какъ такъ «не обыватель»? Вы, я думаю, читаете же, что̀ пишутъ, и поминутно на каждомъ шагу оказывается, что вездѣ, гдѣ слѣдовало стоять общественному дѣлу, обыватель устроилъ червивую компостную яму... Вотъ, не хотите ли, я вамъ прочитаю маленькій эпизодикъ. Тутъ и я участвовалъ... Эпизодъ самый обыкновенный—на каждомъ шагу такіе эпизоды были, и есть, и будутъ... Тутъ окажутся и правые и виноватые... Словомъ, все — какъ обыкновенно. Слушайте!

Лаптевъ приготовился-было читать, и вдругъ лицо его,

до сей минуты суровое и даже гнѣвное, озарилось мягкой и добродушной улыбкой.

— А знаете, вѣдь прелюбопытное существо этотъ обыватель-опустошитель!.. Повидимому, онъ только и дѣлаетъ, что приспособляется къ обстоятельствамъ, извивается ужомъ. Но разберите его хорошенько—и вы удивитесь тому мастерству, съ которымъ онъ эти самыя обстоятельства приспособляетъ къ себѣ... Какой онъ мастеръ оставлять въ дуракахъ тѣхъ, кому, повидимому, онъ покоряется и безпрекословно повинуется!.. Это такая прелесть—на охотника... Да вотъ слушайте.

Лаптевъ взялся за листокъ.

— Повторяю, эпизодъ самый обыкновенный — милліоны разъ у всѣхъ этакіе эпизоды были подъ глазами... Но необходимо для полноты картины прочитать все по порядку: «Въ ознаменованіе событія (имя рекъ) Посусаловская городская дума, въ экстренномъ собраніи гг. гласныхъ, постановила: отчисливъ изъ такихъ-то и такихъ-то суммъ 8.500 руб. и присовокупивъ хранящіеся въ государственномъ банкѣ, пожертвованные въ 1826 г. купцомъ Маслянниковымъ, 19.736 руб. 37½ коп., а равнымъ образомъ отчисляя изъ городскихъ доходовъ 2.633 р. 4 к., открыть въ г. Посусаловѣ ремесленное училище на тридцать человѣкъ, преимущественно для сиротъ и дѣтей бѣднѣйшихъ родителей, и ходатайствовать предъ правительствомъ о дарованіи означенному училищу относительно воинской повинности права училищъ 2-го разряда. Постановлено также пріобрѣсти покупкою купца Ерыгина домъ съ мезониномъ, на каменномъ фундаментѣ, находящійся городской части, 3 кварт., по Спасовоспасскому переулку, и приспособить его для помѣщенія училища, т.-е. классныхъ комнатъ, мастерскихъ, спаленъ и лазарета на 5 кроватей. При этомъ гласный Кнутовищевъ, имѣющій въ городѣ одну изъ лучшихъ мебельныхъ мастерскихъ и самъ вышедшій изъ бѣднѣйшаго класса, изъявилъ желаніе *безвозмездно* преподавать ученикамъ уроки столярнаго ремесла. Благой примѣръ не остался безъ подражанія. По примѣру Кнутовищева, гласный Окаянный, имѣющій въ городѣ каретное заведеніе, и гласный Маломальчиковъ, славящійся образцовыми сапожными издѣліями, также безъ всякаго вознагражденія, пожелали преподавать уроки сапожнаго и кузнечнаго ремеслъ, а священникъ Іоаннъ Лейденскій изъявилъ согласіе на преподаваніе закона Божія за умѣренную плату. По доведеніи о семъ до свѣдѣнія...» Ну, и такъ далѣе.

Лаптевъ отложилъ листокъ въ сторону и сказалъ:

— Это глава первая, часть первая. Чрезъ годъ послѣдовало открытіе, которое вотъ здѣсь и описано подробно (онъ указалъ на другой газетный листокъ). Но я вамъ этого читать не буду... Говоря откровенно, самъ я и корреспонденцію-то писалъ объ этомъ открытіи. Благодаря участію одного изъ моихъ знакомыхъ, думскихъ гласныхъ, я былъ приглашенъ въ учителя въ это училище. Корреспонденцію я настрочилъ самую медоточивую, да и дѣйствительно я былъ доволенъ и дѣломъ своимъ и цѣлью... Словомъ, все вышло хорошо. Набрали дѣйствительно сиротъ и круглыхъ бѣдняковъ. Губернаторъ послѣ молебна сказалъ очень хорошую рѣчь,—между прочимъ, о томъ, чтобы по выходѣ изъ училища ученики не прерывали товарищества. Разсказалъ о вѣникѣ, который по прутикамъ можно разломать, а въ связкѣ нельзя. Отлично умный и хорошій губернаторъ былъ у насъ, славный человѣкъ... Помѣщеніе—удовлетворительное, все ново и хорошо. Какой-то благотворитель тутъ же, на молебнѣ, пожертвовалъ 30 одѣялъ байковыхъ, другой обязался поставлять мясо со скидкой 25 процентовъ. Губернаторъ благодарилъ и хвалилъ. Повторяю, все было хорошо. Только батюшка сплоховалъ-было, заведя въ своемъ словѣ рѣчь о превратныхъ толкованіяхъ, да Кнутовищевъ, избранный попечителемъ, тоже, какъ говорится, ляпнулъ ученикамъ не совсѣмъ подходившее къ общему настроенію нравоученіе: «Вотъ что,—сказалъ онъ:—господа ученики, такъ какъ мы васъ призрѣваемъ, то вы должны слухать и почитать. Кто не будетъ почитать, и того я посажу въ подвалъ, а въ подвалѣ у меня эво какія крысы—такъ ухо и оторветъ! А розги я мочить буду въ щелоку»... и такъ далѣе. Но оратора остановили на первыхъ фразахъ, и онъ, немедленно понявъ, что не туда заѣхалъ, стушевался. Объ этомъ эпизодѣ я не упоминалъ, хотя онъ былъ въ своемъ родѣ предзнаменованіемъ. Тогда мнѣ просто было только смѣшно глядѣть на этихъ простыхъ, простодушныхъ людей, въ родѣ Кнутовищева, который ни къ селу ни къ городу завелъ рѣчь о крысахъ и розгахъ. Тогда всѣ эти люди производили на меня впечатлѣніе добрыхъ простаковъ; они просто одѣты, просто и неумѣло говорятъ, а поступаютъ между тѣмъ хорошо, предъ хорошимъ дѣломъ не задумываются. Всѣ они сами изъ простого званія, трудовую жизнь знаютъ, здравый смыслъ и... бородки къ тому же сѣденькія у нихъ. Сло-

вомъ, все въ нихъ просто, безхитростно; да если и есть въ нихъ какая-нибудь доля хитрости, такъ какая ужъ эта доля? Такіе ли люди спеціалисты по части хитростей?.. Подъ такими хорошими впечатлѣніями я, по окончаніи торжества открытія, настрочилъ въ одну изъ столичныхъ газетъ, какъ говорится, «теплую» корреспонденцію. А покуда я строчилъ эту корреспонденцію, въ томъ училищѣ шли выборы въ попечительный совѣтъ, при чемъ въ попечители попалъ Кнутовищевъ, въ казначеи—Ерыгинъ, въ экономы—Окаянный, а въ члены совѣта, кромѣ этихъ трехъ благотворителей, попали и тѣ двое, изъ которыхъ одинъ пожертвовалъ тридцать одѣялъ, а другой обязался поставлять говядину со скидкой. Это обстоятельство должно бы было также служить для меня предзнаменованіемъ и указаніемъ; но, повторяю, я тогда былъ совершенно несвѣдущъ по части практическихъ сторонъ русской жизни, а главное — былъ доволенъ и не могъ обращать вниманія на эти «мелочи». Таково было начало множества такихъ новыхъ дѣлъ, въ которыхъ хоть чуть-чуть мерцало пробужденіе общественной мысли. Десятки лѣтъ она лежала мертвымъ трупомъ — и вотъ какъ будто начинаетъ шевелиться, какъ будто очувствовывается, задумывается надъ обязанностями къ ближнему... Чуетъ, что человѣкъ долженъ нести, помимо своихъ личныхъ заботъ, какое-то иное бремя, бремя вниманія не къ себѣ только, не къ своей норѣ и утробѣ. Конечно, все это мало, ничтожно, но лиха бѣда — начало. А ужъ чего лучше такого начала! Гоголевскіе аршинники, архиплуты и протобестіи—даже они обнаруживаютъ готовность нести бремя заботы о ближнемъ, выказываютъ до нѣкоторой степени убѣжденіе въ необходимости «отвѣчать» не только предъ квартальнымъ надзирателемъ, а и предъ своею совѣстью, начинаютъ думать по «человѣчеству», по-божески. Таково, повторяю, было впечатлѣніе всѣхъ этихъ весьма многихъ общественныхъ учрежденій, хотя, къ удивленію, обывательская совѣсть пробуждалась почти всегда благодаря какому-нибудь прискорбному событію, такъ что будущій историкъ не безъ недоумѣнія остановится на томъ фактѣ, что, напримѣръ, народныхъ училищъ открыто по случаю прискорбныхъ явленій гораздо болѣе, чѣмъ если-бъ этихъ явленій не существовало. И это обстоятельство могло бы служить предзнаменованіемъ. Но такъ или иначе, прискорбныя или иныя событія пробуждали общественную совѣсть, совѣсть эта пробуждалась на добро, и этого было

весьма достаточно для того, чтобы не обращать вниманія на непривлекательныя мелочи. Таково начало, часть первая, глава первая... Затѣмъ слѣдуетъ антрактъ... лѣтъ въ двѣнадцать. Что̀ дѣлается со школой, обществу неизвѣстно. Разъ только въ газетахъ проскальзываетъ извѣстіе, помѣщенное въ самой сумбурной корреспонденціи изъ Посусалова, въ числѣ извѣстій о томъ, что былъ пожаръ, что епископъ Амвросій поѣхалъ по епархіи, что крестьянка д. Забулдыгиной родила семерыхъ и т. д., — какое-то ничего не говорящее извѣстіе, что пререканія изъ-за поставки мебели для судебныхъ установленій не прекращаются. И больше ничего. Извѣстіе это мелькаетъ въ промежуткѣ между началомъ и окончаніемъ... Вотъ къ этому окончанію мы и перейдемъ теперь, а объ антрактѣ ужъ будемъ говорить впослѣдствіи.

Разсказчикъ отложилъ прочитанные документы въ сторону и, взявъ изъ своей памятной книжки другіе, сказалъ:

— Помните же, что начало было хорошо. Теперь слушайте окончаніе...

Лаптевъ развернулъ огромную газетную вырѣзку и началъ читать съ особеннымъ возбужденіемъ:

«Ревизоръ, ревизующій нашу губернію, въ бытность свою въ г. Посусаловѣ, между прочимъ, посѣтилъ мѣстное ремесленное училище, открытое 12 лѣтъ тому назадъ. Зрѣлище, представшее его глазамъ, было поистинѣ потрясающее. Изъ 30-ти воспитанниковъ, какъ слѣдовало бы по уставу, въ училищѣ едва найдено семь или восемь человѣкъ, и притомъ въ самомъ жалкомъ видѣ. Одинъ изъ нихъ вотъ уже которой мѣсяцъ лежитъ въ горячкѣ, не имѣя ниоткуда не только помощи или медицинскаго пособія, но даже и пищи. Другіе воспитанники оказались безъ сапогъ, въ спальнѣ не оказалось одѣялъ и простынь, тюфяки наполнены миріадами насѣкомыхъ. Посѣтивъ кухню, г. ревизоръ не нашелъ тамъ никакихъ приготовленій къ обѣду, и на вопросъ: «Чѣмъ вы питаетесь?» — получилъ отвѣтъ: «Воруемъ по сосѣднимъ огородамъ». И дѣйствительно, мѣстные жители неоднократно жаловались на воспитанниковъ ремесленнаго училища, которые воруютъ у сосѣдей не только овощи и съѣстные припасы, но и другія вещи: «Нельзя,— разсказывали обыватели: — повѣсить бѣлья просушить или чего прочаго—все утащутъ». Въ свое оправданіе воспитанники указывали на то, что иногда по цѣлымъ недѣлямъ не имѣютъ горячей пищи, а зимой остаются безъ дровъ и

принуждены пить водку, чтобы согрѣться. Освѣщеніе также происходитъ весьма неаккуратно. Кромѣ того, одинъ изъ попечителей, купецъ Окаянный, имѣлъ обыкновеніе, будучи въ нетрезвомъ видѣ, собственноручно наказывать розгами и даже палками, безъ всякой съ ихъ стороны вины, и награждалъ за эти истязанія, по окончаніи ихъ, выдавая каждому наказанному по 3 коп. и приказывая молчать подъ опасеніемъ еще большаго истязанія. Болѣе двухъ лѣтъ какъ въ мастерскихъ не производится никакихъ работъ, такъ какъ ученики постоянно исполняютъ порученія г-дъ попечителей: колютъ у нихъ дрова, набиваютъ льдомъ погреба, подметаютъ улицу, за что и кормятся на кухнѣ. Съ основанія школы, только въ 1875 году, въ бытность учителя Николаевскаго, былъ взятъ школою подрядъ на поставку мебели для мировыхъ учрежденій, да и тотъ былъ выполненъ только отчасти, всего на сумму 133 руб., такъ какъ одинъ изъ попечителей, купецъ и столяръ Ерыгинъ, отнялъ этотъ подрядъ и явился единоличнымъ поставщикомъ. За все же остальное время, въ теченіе около восьми лѣтъ, учениками сдѣлано: восемь паръ сапогъ, полторы дюжины стульевъ, три стола, два кіота и одинъ ватерклозетъ для архіерейскаго дома, всего на сумму не болѣе 125 р., хотя по расчету издержанныхъ суммъ каждая пара башмаковъ должна стоить болѣе 367 р. 23 к., пара сапоговъ 575 р. 99 к., стулъ 1.000 р., ватерклозетъ 3.739 р. и т. д. въ той же пропорціи. Что же касается кассы, то едва ли возможно представить то изумленіе, въ которое были повергнуты всѣ присутствовавшіе при ея ревизіи. Не говоря уже о томъ, что сундукъ съ деньгами и ключъ отъ него могли быть вытребованы отъ г. Подхалимова только силою и при содѣйствіи г. полицеймейстера и двухъ частныхъ приставовъ, самое содержаніе сундука было потрясающее: въ немъ было найдено деньгами два рубля тринадцать копеекъ, какая-то иностранная мѣдная монета, двоешка-орѣхъ и куча нелѣпѣйшихъ и безграмотнѣйшихъ записокъ и расписокъ; на клочкахъ бумаги каракулями было нацарапано: «взято 2.000 р.»,—безъ подписи. «Всего займо бразъ 3.500 руб.». Подпись не разборчива — не то Ерыгинъ, не то Егоровъ. Или: «Положена сія росписка вудостовѣренія отдачи 300 р. купецъ Ласковый». Ни года ни числа нѣтъ. Есть также такія расписки: «Взялъ 550 р. и прошу получить съ Маломальскова. Онъ мнѣ пятый годъ долженъ за муку. Живоглотовъ». Былъ найденъ еще ка-

кой-то лоскутъ бумаги, похожій на картонъ съ сахарной головы, на которомъ было написано: «Взамѣнъ денихъ»— и ни имени, ни фамиліи, ни количества денегъ не указано. Есть какія-то необыкновенныя постановленія, въ родѣ слѣдующаго: «Постановляемъ отчислить по случаю трилѣтія юбилѣю училищу въ пользу усердія безвозмездія членовъ по триста рублевъ на брата и впреть отчислять ежегодно ввиду ихнева усердія и безкорыстія по триста рублей съ добавленіемъ священству сто. Постановили члены»—и цѣлый рядъ каракуль. Такихъ расписокъ, постановленій и какихъ-то невозможныхъ расходовъ въ родѣ: «8 бочекъ керосину», или «1.300 штукъ опойковой кожи», или «12.000 фанеръ краснаго дерева» и т. д.—нѣсть числа. Кромѣ того, обнаружена масса расходовъ, которымъ даже и не придумаешь ни названія ни смысла; такъ, напримѣръ: «дано 10 руб.» Кому и за что—неизвѣстно. Этихъ таинственныхъ «дано» за восьмилѣтнее существованіе школы насчитано до трехъ тысячъ нумеровъ. Каждый годъ въ училищѣ служилось, если вѣрить запискамъ, четыре или пять молебновъ, при чемъ водосвятіе и колѣнопреклоненіе отмѣчались особой платой; такъ, напримѣръ: «за молебенъ 5, съ водосвятіемъ 2 р. 50 и колѣнопреклоненіе 5, всего 12 руб. 50 коп. Дано сторожу 1 руб. Дано Ѳедору 4, дано на ладанъ 9 руб. 37, Авдотьѣ 20 коп. Свѣчи и прочіе предметы 15 руб.» и т. д. Въ такомъ же поразительномъ безобразіи оказались и расходы по ремонту училища, которое въ день неожиданной ревизіи найдено было въ самомъ разрушенномъ видѣ: зданіе, казалось, было взорвано какой-либо подземной торпедой, такъ какъ все оно было расшатано, ободрано и скорѣй напоминало зіяющую пропасть, чѣмъ жилое помѣщеніе, а между тѣмъ на ремонтъ этого зданія ежегодно шло отъ 7 до 8 тысячъ рублей, при чемъ господа ремонтеры изъ тѣхъ же членовъ и попечителей сами себя благодарили за отличное выполненіе работъ, умѣренность цѣнъ и въ награду себѣ отчисляли остатки. Доказано было, по свидѣтельству людей свѣдущихъ и близко знакомыхъ съ дѣломъ, что одинъ изъ этихъ попечителей нарочно выпиливалъ въ домѣ дубовыя стѣны, изъ которыхъ дѣлалъ мебель для судебныхъ установленій, и вставлялъ осиновыя,— очевидно, для того, чтобъ онѣ скорѣе гнили подъ сырой штукатуркой, чего и достигалъ съ успѣхомъ. Другой—изъ тѣхъ же попечителей—вывезъ съ чердака всю землю, которая ему понравилась и годилась для парниковъ, а вмѣсто

нея навозилъ разнаго сору со двора училища, что̀ заставилъ сдѣлать учениковъ, записавъ расходъ «за очистку двора послѣ ремонту—13 руб. 60 коп.», хотя все это было сдѣлано руками воспитанниковъ училища... Говорятъ, что начато строжайшее слѣдствіе»...

Лаптевъ отложилъ этотъ лоскутокъ корреспонденціи въ сторону и проговорилъ:

— Пока довольно!.. Вотъ вамъ альфа и омега, начало и конецъ всѣхъ дѣлъ, имѣвшихъ цѣлью удовлетворить тѣ или другія общественныя обязанности... На каждомъ шагу, ежедневно, вы слышите и читаете десятки подобнаго рода эпизодовъ. Начало—хорошо, благородно, а конецъ—непремѣнно одно только голое опустошеніе сундука. Начатое по совѣсти дѣло въ концѣ концовъ теряетъ всякій смыслъ, теряетъ малѣйшую тѣнь общественной надобности или обязанности и оканчивается самымъ прозаическимъ хозяйничаньемъ въ общественномъ сундукѣ... Опустошенный сундукъ и—подсудимые...

— Однако,—сказалъ я:—все-таки подсудимые же, а не торжествующіе.

— Объ этомъ мы будемъ говорить немного погодя. Строжайшее слѣдствіе—еще не конецъ такихъ опустошительныхъ эпизодовъ. Есть у каждаго изъ нихъ свой особенный конецъ—«конецъ конца». Но объ этомъ послѣ... Выслушайте, пожалуйста, что̀ я хочу сказать. Я привелъ вамъ для образчика самое обыкновенное, ординарное общественное дѣло, или затѣю,—какъ хотите. Начало такое-то, конецъ—вотъ какой. Это у всѣхъ на глазахъ. Но между началомъ и концомъ есть промежутокъ, антрактъ. Въ данномъ случаѣ антрактъ этотъ, какъ я уже сказалъ, тянется двѣнадцать лѣтъ, и мнѣ кажется, что этотъ-то двѣнадцатипятнадцатилѣтній промежутокъ также въ высшей степени типиченъ и въ высшей степени однообразенъ для всѣхъ рѣшительно общественныхъ затѣй, о которыхъ я говорю. Одинаково у нихъ начало, одинаковъ конецъ и всегда одинаковъ антрактъ—то темное, глухое время, которое преисполнено обыкновенно какими-то глухими слухами о какихъ-то непріятныхъ мелочахъ, тормозящихъ хорошо начатое дѣло и ведущихъ его къ предопредѣленному концу. Это-то темное, глухое время мнѣ и кажется самымъ любопытнымъ и поучительнымъ... Какое бы изъ этихъ кончившихся срамомъ общественныхъ дѣлъ вы ни взяли, вездѣ вы непремѣнно найдете періодъ долгой и упорной борьбы опустоши-

теля съ человѣкомъ, который хочетъ въ самомъ дѣлѣ наполнить общественное учрежденіе, или затѣю,—какъ хотите,—тѣмъ именно содержаніемъ, котораго требуетъ затѣя, учрежденіе. Всякій человѣкъ, желающій вдохнуть въ общественное дѣло живую душу, непремѣнно вступаетъ въ борьбу съ другимъ человѣкомъ, который, какъ на грѣхъ, *не можетъ* даже переносить этого духа—съ человѣкомъ, который прямо враждебенъ ему, который не нуженъ, вреденъ, гибеленъ для него. Сказать по совѣсти, я даже не виню, не могу винить этихъ людей,—они такіе «съ роду», они такъ затвердѣли, загрубѣли въ старыхъ понятіяхъ и нравахъ, они такъ забиты, запуганы, такъ глубоко загнаны въ свои подземныя норы, что просто-напросто имъ нѣтъ возможности ни думать ни поступать иначе, какъ во имя интересовъ своей норы. Но горе-то наше состоитъ въ томъ, что именно вотъ эти-то люди, у которыхъ цѣлыя поколѣнія предковъ жили внѣ всякихъ общественныхъ интересовъ, именно они-то и хозяева, и осуществители серьезнѣйшихъ, а главное—новыхъ, незнакомыхъ, чуждыхъ имъ общественныхъ заботъ. Въ каждомъ новомъ (особенно напираю на это слово, такъ какъ мы въ самомъ дѣлѣ живемъ новою жизнью,—повторяю: въ самомъ дѣлѣ!) дѣлѣ, которое въ силахъ поднять только возбужденная молодая мысль и молодая сила, въ каждомъ такомъ дѣлѣ хозяиномъ является непремѣнно мрачная враждебность, прямое ненавистничество дѣлу. Замѣтьте эту черту и будьте же когда-нибудь справедливы къ недавнему прошлому. Увѣряю васъ, иной разъ мнѣ сдается, что опустошитель—человѣкъ не вполнѣ благонадежный. Серьезно!.. И въ самомъ дѣлѣ, все опустошаетъ, враговъ побѣждаетъ и—сухъ выходитъ изъ воды! Человѣкъ явно разстраиваетъ прекраснѣйшіе планы, срамитъ самыя благороднѣйшія общественныя начинанія, наконецъ просто разоряетъ, посѣваетъ зло по своему глупому разуму—и все правъ. Возьмемте хоть исторію съ этой несчастной школой,—посмотрите на ея цѣль: «Школа учреждается для сиротъ, чтобъ учить ихъ ремесламъ, которыя даютъ хлѣбъ. Предполагается, что заработокъ ихъ будетъ храниться въ банкѣ до окончанія курса, послѣ чего они выйдутъ на жизнь не съ пустыми руками»... «Не прерывайте связи и по выходѣ изъ училища», говоритъ г. начальникъ губерніи. Отлично. Но кому попадаетъ это дѣло въ руки?—Людямъ, для которыхъ такая школа—*прямой вредъ*, заскорузлѣйшимъ *хозяевамъ* въ самомъ грубомъ, топорномъ смыслѣ.

Вѣдь эти люди привыкли своихъ мальчишекъ драть ремнемъ (учить), бить чѣмъ попало; вѣдь у нихъ ученики спятъ на голой землѣ, ходятъ ободранные, оборванные. Вѣдь они на этомъ несчастьѣ строятъ свое благосостояніе, свою нору. Мыслимо ли, чтобы человѣкъ такой заскорузлѣйшей старины могъ бы искренно относиться къ этому дѣлу?.. Сироты, которые выучились и выйдутъ съ деньгами въ рукахъ, развѣ они пойдутъ къ нему въ работники, согласятся валяться на голомъ полу и получать оплеухи? Вѣдь воспитывать этихъ сиротъ—значитъ губить себя, значитъ собственными руками рыть яму своему «заведенію»—малярному, токарному, каретному и т. д. Вѣдь надо же понимать, что люди эти не могутъ желать успѣха этой затѣѣ, что она для нихъ—вредъ, гибель, что она—совсѣмъ новое дѣло, требующее новыхъ людей, людей *совсѣмъ* иного взгляда на вещи. Но именно эти-то люди—люди, которые только и могутъ относиться къ новому дѣлу какъ враги—они-то и его хозяева. Я передаю вамъ дѣло въ самой грубой формѣ. Но, сколько вы бы ни смягчали ее, сущность останется одна и та же: новое дѣло въ старыхъ рукахъ—дѣло, требующее человѣка, который бы общее благо и хотя самое поверхностное служеніе ему считалъ въ числѣ своихъ личныхъ обязанностей, попадаетъ въ руки человѣка или цѣлой шайки, у которыхъ какъ разъ нѣтъ и тѣни никакой иной заботы, кромѣ заботы о своей норѣ. Вотъ вѣдь я читалъ вамъ описаніе открытія и засѣданія думы, на которомъ возникла мысль о школѣ,—не правда ли, что дѣло имѣетъ весьма пріятный видъ? Со стороны этихъ почтенныхъ обывателей, на первый взглядъ, очень много самопожертвованія: сироты... безплатно... безвозмездно... А знаете ли, для того, чтобы провести мысль объ этой школѣ, нужно было «заинтересовать» обывателей самыми прозаическими выгодами! Дѣло затѣялъ одинъ мой знакомый либералъ-баринъ. Затѣя не Богъ вѣсть какая, но, какъ говорится, «хоть что-нибудь»... Я знаю, баринъ-либералъ—не совершенство, но сверхъ того онъ еще баринъ. Вотъ гдѣ его бѣда и гдѣ самое уязвимое для враговъ его мѣсто! Такъ вотъ такой-то баринъ изъ смѣшанныхъ либерально-барскихъ побужденій (обыкновенно осуществляющихся въ видѣ предпріятій, про которыя можно сказать опять только—«хоть что-нибудь») задумалъ устроить и эту школу. Поговорить, посуетиться,—словомъ, «хоть что-нибудь»... Но онъ могъ бы и говорить, и кричать, и шумѣть о «пользѣ просвѣщенія» цѣлые годы,

и никогда ничего бы изъ этого не вышло, если-бъ онъ не сталъ поступать просто по-обывательски.—«Вотъ вашъ домикъ, — сказалъ онъ Ерыгину: — очень бы годился подъ школу... За сколько бы вы его продали?» Ерыгинъ подумалъ: «А въ самомъ дѣлѣ... штука подходящая!»—и сталъ присоглашать другихъ... Мебельщика онъ «присогласилъ» поставкой мебели. Мебельщикъ присогласилъ кузнеца, сказавъ ему за чаемъ въ трактирѣ не губами, а какъ-то въ носъ:—«А ремонтъ-то! Чудакъ этакій!..» Мясникъ тоже потянулся за мебельщикомъ и кузнецомъ, потому хотѣлъ сбыть тесъ, который навозилъ въ прошломъ году задешево, и т. д., и т. д. Въ существѣ дѣла всѣмъ представлялись суммы какія-то: ремонтъ, тесъ, поставка мебели... Словомъ, «оборотъ» въ томъ или другомъ видѣ. И все это покрывалось «безмездіемъ», усердіемъ, памятованіемъ событія, все это «хорошо» для начальства, которому будетъ пріятно. «А ежели ты потрафилъ человѣку, особливо важному, такъ и онъ тебѣ подможетъ въ случаѣ чего». Случаи эти у всѣхъ за душою чувствовались, и потому всякому не мѣшало заручиться передъ начальниками чѣмъ-нибудь хорошимъ, тѣмъ болѣе, что хорошее это дѣлается на чужія деньги, не стòитъ ни копейки и т. д., и т. д. Только этимъ кускомъ и можно было вытащить ихъ изъ ихнихъ норъ и только имъ и можно было манить ихъ впередъ. И дѣйствительно, какъ только кончились всѣ эти покупки, поставки, какъ только тесъ былъ сбытъ, а на деньги, вырученныя за домъ, сдѣланъ оборотъ, такъ и кончилось все то дѣло, которое господа опустошители имѣли въ виду, учреждая школу. Теперь, послѣ молебствія и открытія, ихъ сталъ манить сундукъ, ремонтъ, расходъ, отопленіе, освѣщеніе и т. д. И въ ту же минуту началась борьба со мной, который имѣлъ въ виду, по молодости лѣтъ, дѣлать именно то самое дѣло, во имя котораго устроилась школа, и, разумѣется, мои интересы и интересы опустошителей съ перваго же дня стали совершенно противоположными. Все, до самыхъ послѣднихъ мелочей, въ моихъ мысляхъ, въ моихъ поступкахъ было и должно было быть совершенно не тѣмъ, чтò было въ мысляхъ и поступкахъ опустошителей. Во-первыхъ, опустошители почти съ первыхъ же дней не стали заниматься своимъ дѣломъ. Столяръ Кнутовищевъ пришелъ, далъ какому-то воспитаннику затрещину, пхнулъ въ другого доской, обругалъ и ушелъ пить чай въ трактиръ. На другой день пришелъ отъ него работникъ, которому стали

платить по два цѣлковыхъ въ день, и деньги эти бралъ Кнутовищевъ, а работникъ только жаловался и бѣгалъ въ кабакъ. Словомъ, съ перваго дня я ясно видѣлъ, что для этихъ господъ попечителей нѣтъ большаго удовольствія, какъ вогнать цѣну стула или сапога въ такіе размѣры, чтобъ ихъ не было возможности продать. Опустошительныя намѣренія для меня стали совершенно ясны съ первыхъ же дней, но и для нихъ, для господъ опустошителей, такъ же ясны стали и мои планы. Они увидѣли, что я хочу дѣлать дѣло въ самомъ дѣлѣ, взаправду, въ-серьезъ—и ощетинились. Вѣдь, если помните, въ уставѣ было сказано, что заработокъ учениковъ помѣщается въ банкѣ съ тѣмъ, чтобы выдать его ученикамъ по выходѣ изъ училища; я и начинаю всячески стоять за заработокъ, подаю бумагу въ думу, говоря, что господа учителя не ходятъ въ училище, что работы идутъ худо. Кромѣ того, было высказано мнѣніе, чтобъ и по выходѣ изъ училища ученики не прерывали между собою сношеній, что артель—спасеніе, что вѣникъ, который по прутику можно изломать, цѣликомъ не переломишь, и т. д. И вотъ я стараюсь развить между будущими работниками крайне для нихъ нужныя мысли; хочу освѣтить ихнее будущее какой-нибудь надеждой—не затѣмъ же я (все, конечно, по молодости лѣтъ!) взялся за дѣло, чтобы выработать изъ нихъ Кнутовищевыхъ. Могу васъ увѣрить, что такая идея, какъ идея товарищества, взаимопомощи, даже и въ томъ сиротскомъ кружкѣ маленькихъ дѣтей, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло, требовала большихъ, настоятельныхъ усилій для того, чтобы быть воспринятой. Даже въ дѣтяхъ среда забитая и загнанная уже успѣла развить много трусости за свою несчастную долю, много неподатливости на сближеніе съ сосѣдомъ. Надо было иногда «долбить», какъ говорится, и долбить усиленно, чтобы въ забитой головѣ и душѣ засвѣтилась согрѣвающая мысль. Но нѣтъ, опустошитель одолѣваетъ на всѣхъ пунктахъ... Странное дѣло! Не знаю, замѣтили ли вы ту особенность, что *разговоръ* самый обыкновенный о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, если только онъ противорѣчитъ опустошительнымъ аппетитамъ, непремѣнно возводится господами обывателями почти на степень преступленія... Такова практика; первая и вторая посылки силлогизма всегда у насъ хороши, правильны, но заключеніе—Богъ знаетъ что! Напримѣръ: артельное начало въ кругу рабочихъ предохраняетъ отъ пролетаріата; распространеніе

поэтому въ массѣ идеи товарищества заслуживаетъ всякаго одобренія. А заключеніе изъ этихъ посылокъ выходитъ всегда вотъ такое: «Ежели же ты будешь объ этакихъ вещахъ *разговаривать*, такъ берегись!». И именно обыватель возвелъ *разговоръ* на эту преступную степень.

— А строжайшее-то слѣдствіе?—напомнилъ я разсказчику.—И опустошителямъ, стало-быть, тоже достается?

— Н-ну, это еще вы увидите... Я знаю только, что эти простачки съ перваго же моего шага почуяли мои *идеи*, отлично опредѣлили ихъ вредъ по отношенію, конечно, только къ себѣ. И пошли за нихъ въ драку... Вотъ я вамъ и говорю: не думайте, пожалуйста, что идетъ какая-то непонятная свалка. Нѣтъ, очень часто тотъ самый купецъ, который разсказывалъ про обиду, въ извѣстныхъ случаяхъ съ особеннымъ удовольствіемъ самъ подведетъ васъ подъ эту же самую обиду, въ ту же самую свалку запутаетъ васъ совершенно сознательно, съ опредѣленною цѣлью. Я это знаю—я это сотни разъ испытывалъ на самомъ себѣ. Столкновенія по школьному дѣлу начались у меня и у учениковъ съ попечителями, повторяю вамъ, чуть не съ перваго дня. То не учатъ ничему, то бьютъ, то ругаютъ, то опять по цѣлымъ недѣлямъ заставляютъ болтаться, то не топятъ или не освѣщаютъ, или вдругъ берутъ въ свои мастерскія работать заказы и т. д. Все это вызывало и съ моей и съ ихней стороны рѣзкости, грубости, и, несмотря на то, что всякій разъ пререканія начинались—по крайней мѣрѣ, съ моей стороны—большею частью по поводу какихъ-нибудь чисто-матеріальныхъ непорядковъ,—напримѣръ, холода, голода и т. д.,—опустошители уже подарили меня прозвищемъ... «Вы, Иванъ Ивановичъ,—скажешь, бывало:—топить у насъ перестали совсѣмъ...» Или: «Иванъ Ивановичъ! Что же это дѣти болтаются безъ дѣла цѣлую недѣлю?» Или: «Развѣ вы можете заставлять учениковъ работать на себя...» и т. д. Кажется, чего проще этихъ вопросовъ? Но въ нихъ есть протестъ противъ опустошительнаго взгляда на дѣло, противъ самаго существа жизни этихъ Иванъ Иванычей. И вотъ вы—врагъ. И какъ тонко понимаетъ Иванъ Иванычъ свою часть!.. Однажды, не помню—кому изъ нихъ, Кнутовищеву или Маломальчикову, я въ раздраженіи сказалъ:—«Вы что же, господа, докуда будете ребятъ-то разутыми водить и ничему не учить?» Опустошитель, которому я сказалъ это, въ свою очередь ощетинился на меня и вмѣсто того, чтобы сказать: «всегда такъ будемъ поступать»,

воскликнулъ:—«А ты почему это дозволяешь себѣ ко всенощной не ходить? Люди идутъ въ храмъ Господень, а тебѣ на это закону нѣтъ? Смѣешь огрызаться на своихъ старшихъ и примѣръ дѣлаешь мальчикамъ непочтенія!..» И вѣдь замолчишь. Я ему говорю:—«Перестань плутовать!» А онъ мнѣ на это:—«Ты, почтенный, не учишь мальчишекъ. Люди ко всенощной, а ты—въ баню...» И вѣдь это принималось во вниманіе. Жалуется обыватель и жалуется умѣючи!.. Обоюдное раздраженіе шло у насъ этакъ съ годъ. Держался я только вліяніемъ барина-либерала, а баринъ-либералъ тоже держался, благодаря тоже какому-то тесу, который поставлялъ кому-то изъ своей дачи по сходной цѣнѣ... Но наконецъ разразилась буря. Обѣ партіи столкнулись на одномъ, для обѣихъ въ высшей степени важномъ событіи. Открывались мировыя учрежденія. Въ городѣ образовалось пять участковъ мировыхъ судей. Необходима была поставка мебели. Я, ради сиротскаго будущаго, ради того, чтобы заработанный фондъ былъ въ самомъ дѣлѣ фондомъ, который дастъ возможность не пропасть съ голоду по выходѣ изъ училища,—словомъ, ради всѣхъ законно утвержденныхъ параграфовъ устава, старался отвоевать эту поставку для училища. Сразу пріобрѣталась бы большая сумма денегъ для фонда, сразу бы началась трудная работа, сразу бы укрѣпилось на дѣлѣ артельное начало и т. д., и т. д. Опустошители тоже вцѣпились въ эту же самую поставку, но ужъ ради себя. Тутъ ужъ приходилось въ самомъ дѣлѣ пожертвовать своимъ личнымъ интересомъ. Тутъ ужъ приходилось быть добрымъ не на чужой, а на свой счетъ. Тутъ надо было уступить что-нибудь изъ своего достатка, а главное—подумать въ самомъ дѣлѣ о пользѣ ближняго... И началась война. Я не буду разсказывать ее подробно—это слишкомъ утомительно и непріятно,—скажу одно: побѣдилъ опустошитель. Средства мои были, во-первыхъ, газетныя корреспонденціи, но ихъ боялись печатать, сокращали, фамиліи замѣняли буквами и т. д. Кромѣ газетныхъ корреспонденцій, я старался распространять въ обществѣ свѣдѣнія, совершенно правдиво изображающія моихъ враговъ, и думалъ тѣмъ вызвать протестъ общественнаго мнѣнія. Много мнѣ сочувствовало народу, волновались и попадали иногда впросакъ, что̀ вредило мнѣ и дѣлу... Словомъ, корреспонденціи и общественное мнѣніе не помогли мнѣ, а вотъ опустошителямъ пріемы ихніе помогли. И замѣтьте опять: все я дѣйствовалъ только во имя школы, во имя

дѣла. И писалъ, и говорилъ, и старался, чтобы говорили другіе—*только* о школѣ, только о заработкѣ для нея,—словомъ, опять-таки буквально объ одномъ только дѣлѣ и, въ частности, только о матеріальной выгодѣ. Опустошители ничего подобнаго не дѣлали. Напротивъ, они дѣйствовали противъ меня какъ разъ наоборотъ; въ ихъ «средствіяхъ», употреблявшихся къ тому, чтобы меня истереть въ порошокъ, матеріальная выгода не играла никакой роли: ни единаго слова не было о ней во всѣхъ ихъ рукописаніяхъ. Ни о поставкѣ мебели, ни о томъ, что эта поставка имъ выгодна, что это составляетъ для нихъ большой расчетъ, ни разу ни единымъ словомъ никто изъ нихъ не пикнулъ, и все-таки въ концѣ концовъ мебель досталась имъ. Вотъ, напримѣръ, одно изъ этихъ рукописаній...

Лаптевъ снова порылся въ своемъ неизсякаемомъ источникѣ обличительныхъ матеріаловъ, т.-е. въ записной книжкѣ, и подалъ мнѣ исписанный листъ почтовой бумаги.

— Это копія, которую мнѣ пришлось достать нѣсколько лѣтъ спустя послѣ всей этой исторіи. Читайте и помните, пожалуйста, что авторы этого рукописанія только и думаютъ о томъ, чтобы заполучить поставку. Помните же!—прибавилъ Лаптевъ внушительно въ то время, когда я принялся за чтеніе рукописи.

Въ рукописи значилось слѣдующее:

«Его добромыслію, господу первоначальнику и кавалеру.

«Двадцать седьмого сего ноября, прійдя я къ училищу, какъ состою въ числѣ прочихъ безмездныхъ попечителей, то увидѣлъ учителя Лаптева, стоитъ онъ противу кіоты, для приуготовленія оной подъ политуру, подъ икону святыя великомученики Андріаны и Наталіи, праведные чудотворцы и стуча онные (?) кулакомъ, утверждалъ публично, не взирая на юношескій возрастъ младенцевъ, кои есть вполнѣ безъ смысла и должны слушаться и почитать своего учителя, то сколь было прискорбно, коль скоро вполнѣ дерзко стуча объ онной кіоты произносилъ дерзкія глупыя слова, которыя вполнѣ вовлекаютъ человѣка въ погибель, тѣмъ болѣе младенцевъ, которые вышесказанныя гнусныя слова должны брать себѣ примѣромъ. Когда же на мой вопросъ, должно ли почитать Бога и кто сотворилъ небо и землю, и почему земля пожрала живыми Дафана и Авирона, потому что едва только усумнились, то означенный Лаптевъ вторично дерзнулъ выражать такія слова, которыя недостойны даже какого-либо арестанта или человѣка неимѣю-

щаго въ себѣ разсудка. Тогда, умолкнувъ, я кротко отошелъ отъ него, что уже не въ первый разъ, и только сожалѣлъ каковъ есть развратъ въ ученикахъ, что дѣлаютъ грубости, непослушаніе, вредныя пороки, непочитаніе своихъ старшихъ начальниковъ—и то уже давно всѣми замѣчено, почему и осмѣливаюсь искать правды. Не чернилами пишу сіи слова, но слезами, и не токмо чужимъ, но и своимъ дѣтямъ, какъ заповѣдано въ законѣ, не пожелаю того безумія. Что же будетъ, ежели мы допустимъ распутствовать нашимъ дѣтямъ, издѣваться надъ высшими предлогами и прочими, которые есть какъ-то: страхъ Господень, начало премудрости, а не то, чтобы храпѣть или выражать какія-либо тому подобные дерзкіе слова противъ своихъ попечителей и старшихъ. Зачѣмъ же постановляются начальники, ежели мы будемъ внушать не почтеніе и развратъ? Иной умникъ лба не умѣетъ перекрестить, подобно учителю Лаптеву, который почитаетъ пріятнѣе упоминать безпрестанно развратныя мысли передъ своими учениками, но не ежели перекрестить лобъ или даже потрудиться пройти къ обѣдни. Это у нихъ считается за глупость, а, между прочимъ, мы видимъ и содрогаемся, до чего можетъ довести ихнее безуміе, конечно, чему и быть окромя злодѣйства отъ ихняго безбожнаго смысла, коль скоро совершенно распущены и управы надъ собою не имѣютъ. Даже въ мальчишкахъ, бывши я на черной работѣ, въ нуждѣ и бѣдности, и то не слыхалъ такихъ дерзкихъ словъ или же поступковъ подобно что поступаетъ Лаптевъ. И что-жъ теперича, при склонѣ лѣтъ, и всѣми начальниками почтенъ, всегда служа безсловесно, неужели же мнѣ не будетъ снисхожденія даже отъ мальчишки, каковъ есть учитель Лаптевъ, который есть явный развратъ малолѣтнимъ, а между прочимъ, отвѣтъ спросится съ насъ: мы же отвѣчаемъ и предъ Богомъ и передъ начальниками. А какова въ томъ вина наша? и то не наша вина, а духъ вѣка, рыканіе сатанино и безбожіе! Съ низкопоклоненіемъ вопію: изведи младенцевъ изъ гіенны погибели и не введи насъ во искушеніе. Вѣчный богомолецъ и всеусердный рабъ, потомственный почетный гражданинъ Митрофанъ Кнутовищевъ».

— Ну, какъ вы находите? производитъ это рукописаніе какое-нибудь впечатлѣніе, кромѣ, конечно, безграмотности?— сказалъ мнѣ Лаптевъ, когда я возвратилъ ему рукопись.

Я долженъ былъ сознаться, что рукописаніе должно производить впечатлѣніе довольно сильное: простыя выраженія,

такъ горько выраженное оскорбленіе религіознаго чувства— все это дѣлаетъ бумагу достойной вниманія...

— А о мебели,—продолжалъ Лаптевъ:—ни полслова, ни тѣни намека! Одна оскорбленная сѣдина, одно оскорбленное чувство.

— Но,—сказалъ я:—неужели же въ этой бумагѣ нѣтъ ни единаго слова правды, и все это сочинено?

— Напротивъ, очень много... Не думайте, пожалуйста, что такія рукописанія пишутся зря. Опытные въ опустошеніяхъ люди отлично знаютъ, что такая бумага должна имѣть послѣдствія. Будутъ узнавать, разспрашивать... И отвѣты всегда получаются подходящіе къ тому, что̀ сказано въ рукописаніи.—«Стучалъ по кіоту?»—«Стучалъ!»—«А въ церковь ходилъ?»—«А Богъ его знаетъ», и т. д. Такіе отвѣты съ чистою совѣстью дадутъ самые безпристрастные люди, потому что все это было, но было по извѣстной причинѣ, о которой ближайшимъ свидѣтелямъ сцены, ученикамъ, нельзя сказать, хоть бы они и знали, потому что они—сироты, нищіе, призрѣваемые, и ихъ завтра же выгонятъ вонъ, а другіе не скажутъ потому что не знаютъ этой причины. Дѣло же было такъ: въ самый разгаръ борьбы изъ-за поставки Кнутовищевъ и другіе его компаньоны задумали пустить въ ходъ одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствій, всегда помогающихъ заручаться вниманіемъ первоначальниковъ. Я скажу вамъ объ этихъ средствіяхъ вообще немного погодя, теперь же буду говорить только о томъ изъ нихъ, которое было пущено въ ходъ ради мебельной поставки. Изволите видѣть, жену первоначальника звали Наталія. Она состояла попечительницей какого-то благотворительнаго общества, гдѣ членами были всѣ эти Кнутовищевы съ братіей. Десятилѣтіе ея попечительства исполнилось какъ разъ въ разгаръ мебельной борьбы. Жена первоначальника, разумѣется, имѣетъ вліяніе на мужа-первоначальника, и вотъ является поднесеніе въ день десятилѣтія—простенькій образокъ, купленный за 45 к., въ простенькомъ кіотѣ. Кіотикъ-то этотъ купленъ былъ на базарѣ, тоже за сходную цѣну, и вотъ Кнутовищевъ притащилъ его въ училище пообдѣлать и помазать политурой. Механику всю эту я, разумѣется, зналъ, и вотъ «стуча по онному кіоту и говоря и т. д.» — все какъ слѣдуетъ. Взбѣшенъ я былъ тогда ужасно...—«Такъ вы этакими фокусами хотите училище-то разорять?»—сказалъ я, «стуча». Кнутовищевъ сталъ огрызаться, закричалъ что-то, а я его обру-

галъ. Вотъ и все! Все было, и все если не такъ было, какъ пишутъ Кнутовищевы, то «по разслѣдованіи» оказывается, что «что-то» было. И именно—съ кіотомъ, именно—«стуча» и т. д. А ужъ этого вполнѣ довольно, чтобъ уважить требованіе Кнутовищевыхъ. Если даже окажется, что Кнутовищевы слишкомъ близко къ сердцу принимаютъ огорченія, если окажется, что Кнутовищевъ возмущенъ пустяками, то и тогда ему оказывается вниманіе... И знаете ли, отъ чего это происходитъ?

Разсказчикъ вопросительно взглянулъ на меня и продолжалъ:

— Опять-таки отъ того, что Кнутовищевы отлично изучили натуру первоначальниковъ, а первоначальники у насъ идутъ, начиная съ сельскаго десятскаго и такъ далѣе... «*Мои* мужики», говоритъ староста; «*мои* старшины», говоритъ становой; «*мои* купцы», и т. д. Вотъ это-то смѣшеніе разными первоначальниками обязанностей и правъ съ достоинствами собственной особы опустошители-то и эксплоатируютъ какъ нельзя успѣшнѣе... Какъ скоро они замѣтятъ, что въ первоначальникѣ крѣпко сидитъ наивная самоувѣренность въ томъ, что онъ *самъ*—онъ, Иванъ Петровичъ такой-то — носитъ въ себѣ прирожденный залогъ уваженія, такъ они и видятъ ужъ, что «правды» строгой и трезвой въ Иванѣ Петровичѣ нѣтъ, а есть въ немъ произволъ гнѣва и произволъ доброты... Зачѣмъ же гнѣвить человѣка?.. Разумѣется, надобно всячески возбуждать въ немъ чувство *личнаго* удовольствія, надобно какъ можно чаще доказывать ему, что онъ именно, какъ Иванъ Петровичъ, необыкновененъ. На глубокомъ знаніи этой черты основаны всѣ поднесенія «даровъ»—простыхъ, не роскошныхъ, а доказывающихъ только голубиное дѣтское чистосердечіе. Такъ, напримѣръ, въ качествѣ простыхъ и добродушныхъ людей, Кнутовищевы любятъ подносить первоначальникамъ рыбу, судачка, напримѣръ, копеекъ въ тридцать, но «своего» засолу... Вотъ это-то и дорого! Совершенно какъ ребенокъ подноситъ отцу домикъ, склеенный Богъ знаетъ какъ безобразно, но склеенный съ желаніемъ сдѣлать пріятное, по силѣ возможности... И вотъ судачокъ на деревянномъ блюдѣ (на деревянномъ!) и простая рѣчь: «Ужъ не взыщите!.. Большихъ достатковъ нѣтъ, а какъ мы чувствуемъ, понимаемъ и чтимъ, что... вотъ... отъ трудовъ!» Вотъ почему и кіотецъ въ день Андріана и Наталіи... А потребуется другое—и другое будетъ, лишь бы это «дру-

гое» льстило Ивану Петровичу съ супругой, лишь бы Иванъ Петровичъ думалъ, что *его* купцы оправдаютъ его довѣріе... Въ нужное время Кнутовищевъ тащитъ къ *своему* благодѣтелю ужъ не судака, а тряпья на корпію (въ книгахъ ремесленнаго училища значится: 200 простынь «за негодностью» проданы съ аукціона), а иной разъ, по желанію первоначальницы, вынимаетъ прямо радужную, и двѣ, и три—все, конечно, на доброе дѣло... И все молча и безпрекословно... Только потъ утретъ дырявымъ платкомъ со лба, поклонится простымъ русскимъ поклономъ (руки съ шапкой и платкомъ врозь) и промолвитъ: «Мы завсегда... съ нашимъ... съ полнымъ...». А въ то же время, съ каждымъ новымъ судакомъ или кіотомъ въ Кнутовищевыхъ растетъ увѣренность въ своей прочности. «*Мы вамъ* уважаемъ, а ужъ вы *намъ* уважите!»... То-есть: мы именно вамъ, вашей особѣ уважаемъ, уважаемъ Ивану Петровичу—не власти, которая на васъ (зачѣмъ власти судакъ?), а особѣ вашей достойной... Ну, ужъ и вы тоже, Иванъ Петровичъ, обязаны *этакъ* же, лично намъ, уважить—не просто купцу, гражданину уважить въ его справедливыхъ требованіяхъ, а именно купцу такому-то: *моему* Камилавкину, *моему* Кнутовищеву... То же самое было и въ моемъ дѣлѣ.

— А строжайшее слѣдствіе?

— Не знаю. Была одна телеграмма вскорѣ послѣ того письма, которое я вамъ читалъ. Сказано было: «Говорятъ, ревизоръ энергически принялся за очистку авгіевыхъ конюшенъ попечительства надъ училищемъ». А потомъ и нѣтъ ничего,—по крайней мѣрѣ я не видалъ. Да и нельзя! Невозможно иначе! Какое тутъ слѣдствіе, помилуйте! Покуда первоначальникамъ (губернскимъ или деревенскимъ — все равно) не придетъ въ голову отвыкнуть отъ дурной привычки—ни съ того ни съ сего считать себя отцами и давать волю *своему* вкусу во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ,—всегда такъ будетъ. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ: Иванъ Петровичъ въ настоящее время не можетъ сказать, напримѣръ: *мое* земство, не можетъ сказать: *мой* судъ или *моя* молодежь... Ни земство, ни судъ, ни молодежь не пойдутъ къ Ивану Петровичу съ судакомъ, — слѣдовательно они ему непріятны, онъ далекъ отъ нихъ, онъ сторонится, они не удовлетворяютъ его преданностью именно къ его особѣ, къ особѣ Ивана Петровича... Земство — не опора, молодежь — не опора, судъ — не опора; остается для опоры одинъ Кнутовищевъ,—ну-ка, вытащите его на

свѣжую воду, проберите-ка по заслугамъ... Кто-жъ останется-то?..

Давно ужъ на пароходѣ царствовала мертвая тишина, но мы еще долго разговаривали съ Лаптевымъ все на тѣ же тяжелыя темы... Начался разсвѣтъ, когда мы наконецъ заснули.

Жаркій солнечный день подвигался ужъ къ полудню, когда я проснулся. Лаптева ужъ не было въ каютѣ.

III. Подозрѣваемые.

1

Прошлой осенью, неподалеку отъ меня, т.-е. отъ той деревни, въ которой я живу уже довольно давно, нанялъ себѣ квартиру въ крестьянскомъ домѣ одинъ мой пріятель. Поселился онъ въ деревнѣ и неподалеку отъ меня потому, во-первыхъ, что оба «мы хлѣбъ добываемъ литературнымъ трудомъ» *), во-вторыхъ, потому, что въ Петербургѣ стало ужъ очень тяжело и скучно жить, и наконецъ потому, что ощущаемая всѣми тяжесть мало-мальски сознательной жизни отразилась на моемъ пріятелѣ сильнѣйшимъ нервнымъ разстройствомъ. «Пожить въ деревнѣ», «отдохнуть», «очувствоваться мало-мальски»—вотъ что думалъ мой пріятель, нанимая верхній этажъ крестьянскаго дома въ Ямской слободѣ. Намѣренія его, какъ видите, были самыя скромныя и безобидныя; но и такія намѣренія, какъ увидимъ ниже, не всегда и не для всякаго осуществимы въ наши тяжелые дни. Прежде всего необходимо сказать, что нѣтъ такой профессіи, которая, будучи перенесена изъ столицы въ деревню, въ такой степени смущала бы деревенскихъ жителей, какъ профессія литературная. Самый первый, самый существенный вопросъ, который подлежитъ разрѣшенію деревенскихъ жителей при появленіи въ ихъ средѣ новаго лица, формулируется такъ: «зачѣмъ пріѣхали?». И литераторъ не можетъ выяснить его не только вполнѣ опредѣленно и точно, но даже и мало-мальски удовлетворительно.

---

*) Стих. Н. А. Некрасова «О погодѣ».

«Пріѣхалъ *такъ*»... жить, отдыхать...» — вотъ что можетъ отвѣтить онъ по сущей правдѣ; но такой отвѣтъ немедленно долженъ вызвать другой, еще болѣе затруднительный вопросъ, именно: «Отдыхать?.. Стало-быть, капиталъ имѣете?..» А такъ какъ на это ничего другого не приходится сказать, кромѣ: «Нѣтъ, капиталовъ не имѣю»,—то это сразу дѣлаетъ его личностью подозрительной. Въ головѣ деревенскаго жителя съ двухъ словъ возникаетъ огромнѣйшее недоразумѣніе: «Отдыхать пріѣхалъ, а капиталу не имѣетъ — что это за существо и зачѣмъ сюда явился?..»

Въ настоящее время по деревнямъ, особливо пришоссейнымъ и прилегающимъ къ желѣзной дорогѣ, какъ тѣ, въ которыхъ поселились мы съ пріятелемъ, стало появляться много небывалыхъ прежде профессій—много людей, не имѣющихъ съ крестьянствомъ и земледѣліемъ почти никакой связи. Но всѣ эти «новые» деревенскіе жильцы, всѣ эти пришельцы всегда могутъ дать на предлагаемые имъ деревенскими жителями вопросы самые точные и опредѣленные отвѣты. Одинъ говоритъ: «пріѣхалъ насчетъ телятъ», другой—«по сѣнной части», третій просто отвѣтитъ: «грибы», четвертый скажетъ: «на станціи служу», и т. д. Все это понятно и ясно съ перваго слова; даже такой, повидимому, неопредѣленный и таинственный отвѣтъ, какъ: «пріѣхалъ по своей части»—и тотъ понятенъ и удовлетворителенъ для деревенскаго жителя. Мало ли въ самомъ дѣлѣ «дѣловъ» и «своихъ частей»? Можетъ, онъ хочетъ «проникнуть» въ телячью часть, или въ грибную, или въ сѣнную, или наконецъ пронюхиваетъ мѣстечко на желѣзной дорогѣ. За такимъ человѣкомъ нужно только «поглядывать», надо смотрѣть только *одно:* не сунулся бы онъ въ какую-нибудь изъ такихъ частей — сѣнныхъ, грибныхъ и т. д., которыя уже абонированы мѣстными обывателями. Но такой отвѣтъ, какой даетъ литераторъ, т.-е.: «*пріѣхалъ отдыхать* (подумайте: *ѣхалъ,* платилъ за билетъ... зачѣмъ?— отдыхать!), а *капитала* не имѣю»—это не отвѣтъ, а тьма кромѣшная. Тутъ не видно той нити, которая дала бы возможность изучить спеціальность человѣка, — тутъ сразу является необходимость смотрѣть «*въ оба*».

— Изъ господъ, что ли?—спрашиваютъ обыватели того изъ своихъ собратьевъ, который первый имѣлъ несчастіе получить вышеупомянутые удовлетворительные отвѣты.

— А шутъ его знаетъ! Капиталу, говоритъ, не имѣю...

— Что-жъ, на машинѣ, что ли, мѣсто получилъ?

— Нѣту, какое на машинѣ!..

— Чего же онъ здѣсь?

— Такъ вишь... Говоритъ: «отдыхаю»!

— А капиталу нѣту?

— Нѣтъ, говоритъ, капиталу.

— Чего-жъ ему отдыхать безъ денегъ?

— А песъ ихъ знаетъ!

— Тоже народъ... Безъ денегъ пріѣхалъ отдыхать... зимой! Поглядывать бы за нимъ надоть...

— Нонче, братъ, всякаго народу довольно. Гляди въ оба!

Но невѣдомый человѣкъ хоть и объявилъ, что капиталу не имѣетъ, а платитъ за все, что̀ беретъ. Попробуютъ запросить вдвое (собственно для пробы)—платитъ; очевидно, ничего не понимаетъ, а тѣмъ паче по телячьей или какой части. Опробовали его по части пониманія «вобче», принесли барсучью шкуру и запросили рубль — далъ, хотя шкурѣ красная цѣна—сорокъ копеекъ. Очевидно, что хоть капиталу нѣтъ, а деньжонки есть. Не то, чтобы довѣріе, а такъ... только нѣкоторое вниманіе возбуждаетъ этотъ человѣкъ своимъ «непониманіемъ вобче» и расплатами. «Покуда платитъ, намъ какое дѣло?—говорятъ мѣстные обыватели:—а въ случаѣ чего... на то есть начальство».

А все-таки любопытно знать, чѣмъ, «какими способами» человѣкъ деньги достаетъ, коль скоро настоящаго капиталу не имѣетъ. И вотъ начинаются разспросы издалека—разспросы, которые еще болѣе затемняютъ неизвѣстную личность.

— Что̀ я все дивлюсь, какъ вы долго по ночамъ... Все огонь!

— Занимаюсь.

— Какія же ваши будутъ дѣла?

— Да вотъ все по части книжекъ... Бумаги вотъ разныя...

— Что̀ же, въ канцелярію какую пишете?

— Нѣтъ.

— Стало-быть, не служите?

— Нѣтъ, не служу.

— Таперича, позвольте сказать, которыя вы пишете бумаги, или хоть книги-то: по казенной онѣ будутъ надобности или по своей?

— Нѣтъ, не по казенной...

— По своей, стало-быть?

— Да, по своей.

— Слѣдовательно, такъ надо почесть, что по судамъ дѣла дѣлаете?

— Нѣтъ, не по судамъ.

— И не то, чтобы прошенія или прочія дѣла по судейской части?

— Нѣтъ, не по судейской.

— Стало-быть, не по судейской?

— Нѣтъ, не по судейской.

— Не насчетъ какихъ прочихъ дѣловъ, или что̀ касается, напримѣръ, которые бываютъ аблакаты, или по писарской части?

— Нѣтъ.

— Нѣту?

— Нѣтъ, не по этой части...

Молчокъ. Затѣмъ:

— Та-акъ!

Чтобы понять всю глубину этого маленькаго словечка,— глубину той бездны сомнѣнія и недовѣрія, въ которую повергаетъ вопрошателя вопрошаемый, — потрудитесь соединить въ одно все, что̀ этотъ вопрошатель слышалъ отъ неизвѣстнаго человѣка со дня его пріѣзда.

«Пріѣхалъ *такъ,* отдыхать... Капиталовъ не имѣю... Не по писарской... Не по судейской... Не служу... Не въ канцеляріи... Не насчетъ прочихъ «дѣловъ»... Итого: первое слово — «отдыхать» и затѣмъ безчисленное множество — «нѣтъ». Этого вполнѣ достаточно, чтобы деревенскій житель окончательно усомнился во всемъ, въ каждомъ словѣ, которое было говорено ему вопрошаемымъ. «Дурака-то, братецъ ты мой, изъ меня не выстроишь»,—думаетъ онъ про себя, а вслухъ говоритъ: «Та-акъ!»—и, чтобы не дать замѣтить вопрошаемому своего полнѣйшаго къ нему недовѣрія (очень искусно умѣютъ они это дѣлать), ласково прибавляетъ:—«Ну, пока что̀, до пріятнаго свиданія!..»

Въ концѣ концовъ, волей-неволей, а приходится-таки давать подробное объясненіе. Идетъ долгій и продолжительный разговоръ, начинающійся чуть не съ Гуттенберга. Приходится давать самые обстоятельные отвѣты на тысячи неожиданныхъ вопросовъ (о томъ, что̀ такое книга, какъ она печатается, какъ дѣлаются буквы, сколько въ книгѣ сотенъ тысячъ буквъ и т. д., и т. д.), и если въ концѣ этихъ откровеннѣйшихъ объясненій слушатель пойметъ, что есть какое-то дѣло, котораго онъ не знаетъ и о которомъ не слыхалъ, то еще слава Богу. Бо̀льшею частью и этого результата нельзя добиться. «Что-то не такъ!»—сидитъ въ головѣ обывателя, и если онъ перестаетъ допытываться и

«доходить до корня», то единственно потому, что уже рѣшилъ: «Намъ какое дѣло? На то есть начальство!.. Наше дѣло—не касайся, а получай, коли есть за что... Какое у него дѣло — неизвѣстно, разыскать что доподлинно — ужъ разыскивали, бормочетъ Богъ вѣсть что—лучше оставить... А деньги точно что получаетъ. Теперь необходимо «опробовать», много ли денегъ-то получаетъ. Что у него за работа — песъ съ нимъ, а денегъ-то много ли?» И опробываютъ такъ: опять несутъ барсучью шкуру и запрашиваютъ три рубля. «Почему такъ?» — «Да больно ужъ глубоко въ норы позабирались, каторжные! Доставать-то ихъ оттедова оченно много хлопотъ».—«Какъ же я купилъ за рубль?»— «Да теперь цѣны не тѣ».—«И рубль-то дорого: всѣ покупаютъ по полтиннику. Вотъ вчера по полтиннику мужикъ продавалъ».—«Какой-такой?»—«Ужъ я не знаю».—«Нни-знаю... Такъ не возьмете?»—«Пятьдесятъ копеекъ».—«Маловато! Прибавьте».—«Мнѣ онъ вовсе не нуженъ, я просто такъ покупаю»...—«Прибавьте... Ну, за шесть гривенъ».— «Зачѣмъ же ты запросилъ три рубля?..»—Слѣдуетъ великолѣпная, во все лицо, улыбка — точно солнце въ полномъ блескѣ, сіяетъ и блеститъ лицо вопрошателя. — «Да намъ что больше, то пріятнѣе!» — «Ты что же думаешь, что у меня не деньги, а щепки?» — «Да вѣдь намъ почемъ же знать?.. Трешной не даете, такъ и шесть гривенъ возьмемъ... для вашего здоровья».

«Нѣтъ, — рѣшаетъ послѣ этого слѣдователь-обыватель:— не вполнѣ при деньгахъ... Деньжонки есть, а не такъ, чтобы при полномъ капиталѣ». И дѣло все-таки оканчивается прежнимъ рѣшеніемъ: «Намъ что? Мы нешто что? Въ случаѣ чего... на то есть начальство. А намъ какое дѣло?»

Но, порѣшивъ такимъ образомъ и, повидимому, успокоившись, обыватели не перестаютъ хранить полное недовѣріе къ личности неизвѣстнаго человѣка, занимающагося неизвѣстнымъ дѣломъ. Дѣло имъ неизвѣстно, но достаточно ужъ того, что оно—не крестьянское, не кулацкое, не торговое, а барское, господское. Отъ самаго послѣдняго мужичонки, отъ безпріютнаго нищаго, побирающагося подъ окнами, черезъ всю длинную лѣстницу крестьянскихъ типовъ разнообразныхъ степеней благосостоянія—черезъ всю лѣстницу типовъ, олицетворяющихъ собою благосостояніе кулацкое, вплоть до тузовъ-кулаковъ, до тысячниковъ— нигдѣ, никогда ни отъ одного человѣка нельзя услышать

словъ: «пріѣхалъ *отдыхать*», то-есть ничего не дѣлать, какъ только отъ барина. Онъ одинъ никогда ничего не дѣлаетъ—такая ужъ порода и такое о ней мнѣніе: къ тому, чтобъ ничего не дѣлать, всѣ они и стремятся; а чтобъ «отдыхать» да ничего не дѣлать—нуженъ капиталъ, деньги. Вотъ эти-то деньги баринъ и хочетъ добыть какими бы то ни было каверзными способами. Это онъ все мутитъ и орудуетъ... И поэтому, что̀ бы онъ тамъ ни толковалъ, какіе бы узоры ни выводилъ языкомъ насчетъ «своихъ дѣловъ», насчетъ того, что, молъ, «книжки печатаю»—все это пустыя слова, выверты, прикрывающіе уязвленное самолюбіе барина, который только и думаетъ, какъ бы «повернуть на старое»... «Отдыхать пріѣхалъ!.. Отдыхай, любезный, покуда деньжонки маменькины не перевелись... А только-что въ случаѣ чего, такъ вѣдь у насъ и начальство есть. Слава тебѣ Господи, не безсудная земля!»

2.

Такъ рѣшаютъ дѣло обыватели-крестьяне, люди хотя и не вполнѣ полированные (а полированныхъ людей въ нашихъ мѣстахъ, благодаря близости Петербурга, очень и очень много), но и не лишенные ужъ нѣкоторой доли политуры, какъ и вообще всѣ здѣшніе крестьяне — въ огромномъ большинствѣ типъ не вполнѣ симпатичный. Но здѣсь же, въ этихъ же мѣстахъ, есть ужъ типъ вполнѣ ополитуренный, т.-е. ужъ шерамыжникъ въ полномъ цвѣту. Скрытая, но непреклонная его ненависть къ барину прикрыта многоразличнѣйшими пріемами, обнаруживающими, что человѣкъ понимаетъ до нѣкоторой степени общее положеніе дѣлъ. Онъ почти всегда лѣзетъ въ знакомство съ господами и хотя, благодаря этому знакомству, нагрѣваетъ мужиковъ, но и барину *всегда* отъ него приходится плохо. Играетъ онъ всегда на старыхъ «барскихъ» струнахъ: предупредительность, любезность, услужливость, холопство и т. д. Система его—«потрафлять» и тѣмъ истощать барина и его карманъ. Онъ изучилъ господскій «нравъ», какъ охотникъ изучаетъ нравъ тетерева или барсука, и изучилъ для того, чтобы продать этого барсука или тетерева на базарѣ. Такіе политурные люди хотя и смотрятъ на барина въ сущности точно такъ же, какъ и остальные полу-политурные и совсѣмъ неполитурные крестьяне, но ужъ понимаютъ, что нельзя такъ, зря, приходить къ нему только за деньгами и брать ихъ, глядя въ сторону. Понимаютъ, что бариномъ

еще можно пользоваться и другимъ родомъ. Они читаютъ въ трактирахъ «листки», знаютъ, что̀ такое «газета», понимаютъ, что можно писать и не служить, не занимать писарской должности... Они знаютъ, что на свѣтѣ существуетъ печатная, газетная кляуза. И вотъ къ новоприбывшему въ деревню, невѣдомо чѣмъ занимающемуся человѣку начинаетъ являться политурный кляузникъ — не за деньгами прямо, а съ кляузой, съ покорнѣйшей просьбой «пропечатать». Кляузничество занимаетъ такую огромную область въ нравахъ современной ополитуренной деревни, и область эта до такой степени непривлекательна и смрадна, что говорить объ этомъ подробно невозможно — отвратительно. Скажу только, что современная кляуза группируется въ два типа: въ кляузу судейскую — открыто *личную* — и кляузу, хотя тоже личную, но прикрытую общественнымъ интересомъ. Кляузникъ перваго типа—большею частью состоятельный мужикъ, самолюбецъ и злецъ; лѣтъ пятнадцать сряду онъ хочетъ донять какого-то дядю или какую-то тетку, донять на пустякахъ, за то, что не уважили его въ чемъ-то на мѣдный грошъ; у него цѣлый мѣшокъ бумагъ изъ уѣздныхъ и земскихъ старыхъ судовъ: копій, рѣшеній, постановленій, кучи документовъ изъ окружныхъ судовъ судебныхъ палатъ, правительствующаго сената, отъ нотаріусовъ и т. д. Онъ просудилъ уже около тысячи рублей; будучи кругомъ неправъ и зная, что неправъ, онъ все-таки не можетъ, не хочетъ остановиться, роется своею злостью, какъ кротъ, глубже и глубже, зарывается въ бумаги и т. д. Это — самодуръ, и всегда онъ ищетъ такого человѣка, который бы взялся изобрѣсти новую кляузу, прицѣпиться къ чему-нибудь, заварить вновь кашу, чтобы тетка еще на двадцать лѣтъ не знала покою. Онъ только и хочетъ, чтобы нашелся «человѣчекъ», который бы *непремѣнно кляузу* выдумалъ, хотя большей частью разговоръ идетъ всегда о правдѣ и о томъ, что не сыскать нынче правды нигдѣ. Но глаза его говорятъ: «прицѣпись, замути!..»

Но преобладающій кляузникъ, несомнѣнно, принадлежитъ ко второй категоріи кляузниковъ, кляузниковъ изъ-за личныхъ расчетовъ и обидъ, но непремѣнно во имя общественныхъ интересовъ и общаго блага. Какъ извѣстно, этотъ типъ «опустошителя своего отечества» до полнаго совершенства доведенъ и выработанъ не въ одной только народной средѣ. Башкирскія земли не расхищаются подобно тому, какъ расхищалось имущество во время еврейскихъ

безпорядковъ, а раздаются, на льготныхъ условіяхъ и непремѣнно во имя государственной, даже прямо народной пользы. Искусство представлять расхищеніе такъ, что оно представляется дѣломъ государственной важности,—это искусство выработано не въ крестьянской средѣ; но крестьянская среда, переродившаяся въ кулацкую, поняла, что и ей нельзя пренебрегать этой *модой*. Въ виду этой всеобщей моды, кляузникъ, прикрывающій свою акулью пасть общественнымъ интересомъ и благомъ, распространенъ въ деревнѣ въ огромномъ количествѣ.

И вотъ начинаются визиты этого новаго рода кляузника. Съ первыхъ же словъ онъ объявляетъ, что для него главное дѣло вовсе «не что-либо изъ корысти или что̀...», но единственно только правда: «дорога̀ мнѣ правда», говоритъ онъ и излагаетъ дѣло и просьбу. Просьба состоитъ почти всегда въ томъ, чтобы вы, человѣкъ, мало въ деревнѣ извѣстный, мало понимаемый, а главное—уже подозрѣваемый въ чемъ-то и слѣдовательно уже до нѣкоторой степени находящійся во всеобщемъ сомнѣніи, составили ему ни много ни мало, какъ «доносъ». Онъ и самъ, какъ оказывается изъ дальнѣйшихъ разговоровъ, уже не разъ «подавалъ», куда слѣдуетъ, но все не выходило, потому что не умѣетъ составить.—«Учили-то насъ на мѣдныя деньги. Такъ на словахъ-то я все могу, и сказать и все... — съ хорошими господами разговаривалъ... князья даже пріѣзжали— и то могъ разговаривать, а вотъ на бумагу положить—нескладно выходитъ, да и глаза болятъ, слеза бьетъ». Такъ вотъ этотъ общественный дѣятель и желаетъ, чтобы неизвѣстный человѣкъ, который «все пишетъ», настрочилъ ему поядовитѣе доносецъ на священника, на учителя, на станового, писаря, волостного старшину. Сколько мнѣ ни приходилось слышать просьбъ о написаніи такихъ доносовъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ глубинѣ побужденій, руководившихъ доносителей, всегда крылось какое-нибудь своекорыстнѣйшее побужденіе: копейка, грошъ, денежная выгода, которую врагъ перехватилъ, съѣлъ раньше доносителя, вырвалъ у него «изъ горла». Но не могу утаить также и того, что видалъ я просителей въ этомъ родѣ, которые и въ самомъ дѣлѣ побуждаемы были просто несправедливостью, неправдою, возмущаясь ею безъ своекорыстныхъ расчетовъ. Такихъ, впрочемъ, очень-очень мало, именно капля въ океанѣ своекорыстной кляузы. Но вотъ какое ужасное положеніе: и эти-то люди, не своекорыстники,

а въ самомъ дѣлѣ негодующіе на неправду, приходили все съ тою же просьбой: написать въ той или другой формѣ доносъ. Доносъ!.. Вотъ единственный проторенный путь для выраженія всѣхъ государственныхъ и общественныхъ стремленій, вотъ модный, общедоступный, популярный способъ, единственный даже для предъявленія хорошихъ побужденій.

Входить въ какія бы то ни было отношенія съ этими типами деревенскихъ кляузниковъ для человѣка, желающаго отдохнуть въ деревнѣ, нѣтъ ни малѣйшей возможности и резона. «Свои собаки грызутся, чужая не приставай»—пословица, весьма подходящая для объясненія того положенія, которое долженъ принять въ деревнѣ человѣкъ, для нея совершенно посторонній. На всѣ жалобы о неправдѣ, какими бы хитросплетенными разглагольствованіями ни прикрывалъ ихъ деревенскій кляузникъ, необходимо отвѣчать самымъ рѣзкимъ и рѣшительнымъ отказомъ. Сразу поймутъ, что не туда попали, и отстанутъ. Но еще третій родъ посѣтителей и просителей, въ дѣлахъ, словахъ и просьбахъ которыхъ нѣтъ и тѣни кляузы, а чуется въ самомъ дѣлѣ насущная нужда: это—крестьянинъ, мірянинъ, хлопочущій о земелькѣ... Повторяю: въ просьбахъ этого просителя нѣтъ кляузъ, ехидства или кляузнаго либерализма, но — увы! — входить съ нимъ въ разговоры для человѣка, который изъ океана столичной муки не хочетъ попасть въ еще болѣе бездоннѣйшій океанъ мученій деревенскихъ, также нѣтъ никакой возможности. Можно, конечно, съ ними толковать и разговаривать, и даже не грѣхъ жалѣть, глубоко сочувствовать, но (такова на Руси участь заправскаго, настоящаго, не кляузнаго дѣла!), разговаривая, не нужно забывать, что отвѣтъ вашъ, послѣ всѣхъ разспросовъ, долженъ быть одинъ: «ничего не могу сдѣлать!». Этотъ отвѣтъ, по глубокому несчастію, преслѣдуетъ человѣка русскаго всякій разъ, когда онъ очутится лицомъ къ лицу съ какимъ-нибудь серьезнымъ, насущнымъ, всегда простымъ дѣломъ. Едва заслышитъ русскій человѣкъ, что разговоръ идетъ о чемъ-то справедливомъ, какъ ужъ ему чудится: «нельзя», «лучше и не слушать». Вотъ именно объ этой-то напрасной мукѣ я и говорю, утверждая, что лучше не разстраивать себя, разспрашивая о подробностяхъ простого крестьянскаго дѣла. Разспрашивая, вы всегда увидите, какъ это простое дѣло огромно и какъ «ничего невозможно» для него сдѣлать... Когда-нибудь, Богъ вѣсть когда, что-нибудь сдѣлается, а когда—неизвѣстно.

До какой степени многосложны, а главное — безплодно-мучительны эти простыя крестьянскія дѣла, я постараюсь сказать подробнѣе нѣсколько ниже. Какая-нибудь «простая» просьба, въ родѣ того, что «некуда выгнать скотину», мгновенно ставитъ васъ на почву жгучаго несчастья нашихъ дней, въ которые точно такое же «простое» желаніе—сказать громко «простое» слово—мучитъ самыми подлинными мукамы массы людей многіе годы. Все это я уже испыталъ зналъ доподлинно, а потому, когда неподалеку отъ меня поселился мой пріятель, я, зная его за человѣка, которому необходимо было ѣхать нѣсколько мѣсяцевъ пожить поспокойнѣе,—настоятельнѣйшимъ образомъ посовѣтовалъ ему, во-первыхъ, «не мѣшаться», а во-вторыхъ, «ни о чемъ», т.-е. буквально ни о чемъ, не разспрашивать и не допытываться... Я ему говорилъ:

— Если хочешь отдыхать,—пожалуйста, не разспрашивай ни о чемъ и никого: не спрашивай также, почему молоко продается такъ дешево, почему телятина упала въ цѣнѣ... Ѣшь, ѣшь и молчи—иначе ты умрешь съ голоду! Ѣшь, спи и ничего не касайся... Кляузники сами разберутся. А некляузникамъ ты ничего не можешь сдѣлать. Ѣшь, молчи и не разспрашивай! Вотъ что̀ требуется въ настоящее время.

Кромѣ того, зная по опыту, что въ настоящее время всякій обыватель и, тѣмъ паче, всякая самомалѣйшая власть, до деревенскаго пастуха включительно, обуяна жаждой установить порядки; зная, что всѣ эти установители, искоренители и т. д. каждый имѣетъ «собственный» свой взглядъ на порядки и непорядки, на свои и чужія права и обязанности, что наконецъ недавно еще одно волостное правленіе присвоило себѣ право приговаривать вредныхъ людей къ ссылкѣ,—я посовѣтовалъ моему пріятелю поселиться не у какого-нибудь крестьянина, несвѣдущаго въ политикѣ мужика, а прямо у сельскаго старосты, чтобы жизнь его—вся какъ есть, во всѣхъ подробностяхъ и съ утра до ночи—была передъ начальствомъ «какъ на ладони». Пусть онъ изслѣдуетъ все, что̀ найдетъ нужнымъ. Пусть роется въ ящикахъ, въ чемоданѣ, въ бѣльѣ — молчи, терпи, ѣшь и не разспрашивай. Пріятель послѣдовалъ моему совѣту, такъ какъ хотѣлъ отдохнуть. Онъ ѣлъ и не разспрашивалъ, пилъ молоко и не разспрашивалъ, молча писалъ, молча спалъ, молча гулялъ. Пробовали его помощью барсучьей шкуры—не сопротивлялся; пробовали его по части кляузъ — смиренно сознался въ незнаніи. Крестьянамъ съ первыхъ словъ

объявилъ: «не могу!». Когда староста, подозрительно покачавъ головой, сказалъ: «что-то больно ужъ буквъ много въ книжку-то влѣзаетъ, по вашему разговору», и явно заподозрѣлъ пріятеля моего въ неблагонадежности,—претерпѣлъ, перенесъ, не разсердился. Словомъ, какъ ни трудно было моему пріятелю выполнить мои совѣты, онъ выполнилъ и достигъ того, что «вообще» относительно его личности было рѣшено: во-первыхъ, «какой-то баринъ»; во-вторыхъ, «худого не видимъ»; а въ-третьихъ, «въ случаѣ ежели, на то у насъ есть начальство».

3.

Само собою разумѣется, что три вышепоименованные характерные признака, которыми деревенскій житель опредѣлилъ неизвѣстную личность, поселившуюся въ деревнѣ, должны были, дойдя до «начальства», получить какое-нибудь общее опредѣленіе. Если для мужиковъ довольно знать, что поселился «какой-то баринъ», что занятія его неизвѣстны и что начальство должно само принять на себя отвѣтъ «въ случаѣ чего», то для начальства, какъ бы оно ни было деликатно, является неизбѣжнымъ прибавить къ тремъ вышеупомянутымъ пунктамъ пунктъ четвертый, заключительный, что̀ оно, въ лицѣ урядника, и дѣлаетъ, говоря старостѣ:

— А ты того, между прочимъ, поглядывай тамъ... Въ случаѣ ежели что̀, или что-нибудь тамъ, такъ ужъ ты тово... соваться не суйся, а посматривай...

Само собой разумѣется, что староста, также по-своему понимающій «нонишнія времена», сталъ поглядывать, а когда ему на цѣлую недѣлю пришлось отлучиться въ Петербургъ съ сѣномъ, то онъ, помня приказаніе «поглядывать», пошелъ къ лавочнику, своему сосѣду, и сказалъ ему:

— Поди-ка-сь сюда, Михей Кузьмичъ, на парочку словъ...

— Чево надыть?

— Таперича требуется мнѣ въ городъ по дѣламъ отлучиться, такъ ужъ ты тово... Насчетъ барина урядникъ сказывалъ мнѣ... не то что-либо какъ, а такъ, въ случаѣ ежели... Времена нонѣ—самъ знаешь какія... Ну, такъ вотъ урядникъ и сказывалъ, чтобъ поглядывать.

— Чего поглядывать?

— Да что̀ ты? Оглохъ, что ли? Я говорю—насчетъ барина... Урядникъ сказывалъ, въ случаѣ, говоритъ, не какъ-нибудь соваться или что-либо прочее, а больше ничего, что касаемое по нонѣшнему времени... поглядывать.

— За бариномъ?

— Ну да... Объ чемъ же я говорю!

— Ну, ладно.

— Ужъ ты, тово... поаккуратнѣй...

— Ну, ладно.

Само собою разумѣется, что первый же визитъ прислуги въ лавку, вѣрный своему слову и собственному внутреннему убѣжденію, лавочникъ ознаменовалъ такимъ вопросомъ:

— А что̀ баринъ вашъ подѣлываетъ?

— Мы ихнихъ дѣловъ не знаемъ.

— Ну, все, чай, видно

— Работаетъ свою работу... Книжку читаетъ...

— Что̀ больно дюже книжки любитъ?

— Не наше это дѣло.

— То-то. Нонѣ всякаго народу много. Вонъ въ Петербургѣ тоже—все тоже книжки читали, ученые тоже... Читаетъ-читаетъ, да и тово...

— Намъ это неизвѣстно.

— Такъ-то такъ, а все надо съ опаской... Нонѣ времена—упаси Богъ! Книжки... Конечно, книга книгѣ розь... Глядя по человѣку, а все нѣтъ-нѣтъ да и надо подумать, что̀, молъ, за человѣкъ? Нѣтъ ли какихъ дѣловъ? Я говорю—всякаго народу довольно. Иной и купцомъ обернется, а впослѣдствіи того времени оказываетъ одно злодѣйство. А иной и на барина сходствуетъ, а тоже, по дѣламъ-то, мало ему горло перервать. Такъ-то... Вамъ папиросъ требуется?

— Папиросъ.

— Какихъ прикажете?

— Вотъ тутъ на бумажкѣ написано.

— Папиросъ!.. Папиросъ-то папиросъ, а все-таки не мѣшаетъ и поглядывать...

— Намъ все одно. На то есть начальство.

— Ну, а все-таки... Начальство!.. Начальству тоже не углядѣть за всѣмъ... Урядникъ-то вонъ и то ужъ старосту просилъ...

— Насчетъ нашего барина?

— Да ужъ видно такъ.

— Опять же мы ничего не знаемъ.

— Да и мы ничего не знаемъ, а между прочимъ... И я говорю: не то, чтобы соваться, или какъ неаккуратно, или грубо—намъ вѣдь нельзя знать, кто онъ и какъ его дѣло,—

а такъ, въ теченіе времени, полегоньку... Въ случаѣ что̀, или ежели такъ сказать въ какомъ-нибудь смыслѣ... Времена-то вѣдь какія! Тоже не за горамъ отъ Питера-то живемъ... Ну, такъ вотъ я и говорю: поосторожнѣй, повѣжливѣй, а все надо... Ужъ *тамъ* знаютъ, что̀ говорятъ... Урядникъ-то вонъ говоритъ:—«Поглядывайте, говоритъ, между тѣмъ... Не то, чтобы какъ, а «на случай»... Вотъ и я про то же. Такъ папиросъ?

— Да-съ.

— Извольте-съ... Съ полнымъ удовольствіемъ... До пріятнаго свиданія...

Прислуга, тоже не въ серьезъ, а такъ, «между прочимъ», разсказала въ домѣ и у сосѣдей, а самъ лавочникъ, уѣзжая за патентомъ въ губернскій городъ, не дождавшись возвращенія старосты, передалъ порученіе послѣдняго «курляндцу», потому что тотъ жилъ напротивъ дома моего пріятеля.

— Карла!—крикнулъ онъ курляндцу, останавливая лошадь противъ его воротъ (Карла работалъ въ глубинѣ двора).—Подь-ка сюда на пару словъ.

Выходитъ Карла.

— Вотъ чего... Тутъ староста наказывалъ насчетъ барина... Ты слушай обоими ушами, что̀ говорятъ-то!

— Я слушай... Чево̀? Говори!

— Такъ ты слушай, а ротъ-то не разѣвай...

— Ну-у, ну-у!

— Наказывалъ поглядывать насчетъ сусѣда... Понимаешь али нѣтъ?

— Каково сусѣда?

— Эво! Больше ничего—поглядывай! Соваться не суйся, а такъ, «на случай». Понимаешь?

Курляндецъ не понималъ.

— Ахъ, колбаса нѣмецкая! Говорятъ... Понимаешь, въ чемъ дѣло? Знаешь, какія времена настали... Н-ну?

— А-а-а-а-а!.. Знай, знай!

— Не разѣвай пасть-то! Ну, чего заоралъ? Охъ, нѣмчура анаѳемская! Долбишь-долбишь ему въ голову — какъ въ камень!.. Ну, такъ слушай, мнѣ съ тобой расдабаривать не время... Больше ничего. Не суйся, не ори, а такъ... на случай... коли что̀... ежели... Понялъ? Да гдѣ тебѣ понять!..

— Понимай.

— Понимай!.. Дубина нѣмецкая!.. Помни одно: не суйся, а поглядывай.

— Ладно, ладно, гуть!

— Дубина!.. Ты помни!

Повторяю, никакого умышленнаго злостнаго намѣренія сдѣлать человѣка подозрительнымъ и стѣснить его существованіе, я увѣренъ, даже и не было въ поминѣ, когда начальство произнесло слово: «поглядывай». Слово это, я очень хорошо понимаю, было только заключеніе, округленіе силлогизма. Посылка первая: «какой-то баринъ»; посылка вторая: «что̀ дѣлаетъ—неизвѣстно»; заключеніе: «поглядывай». Заключеніе это является, какъ видите, *само собою* (хотя оно и возможно *только* по нынѣшнимъ временамъ), но тѣмъ не менѣе не могу не сказать, что это округленіе въ дѣйствительности выразилось тѣмъ, что не было въ деревнѣ человѣка, который бы не толковалъ о моемъ пріятелѣ и который бы не считалъ себя обязаннымъ «поглядывать». Говорили о немъ, соединяя его имя съ словомъ: «урядникъ», и лавочникъ, и курляндецъ, и староста, и кухарки, и сосѣдъ, и сосѣди, и сосѣдки... «Въ случаѣ», «на случай», «ежели что̀», «что̀ касаемое», «въ случаѣ ежели что̀». Эти ничего не значащія слова, которыхъ такъ много изобрѣло русское косноязычіе, обязательно перемѣшивались съ словами: «поглядывай», «ноне какое время», и такъ далѣе. И замѣчательно (скажу кстати), что этотъ родъ наблюденій называется «негласнымъ». Всѣ толкуютъ о человѣкѣ, *котораго никто не знаетъ*,—толкуютъ весьма худо, даже весьма подло, всѣ даютъ себѣ полное право подозрѣвать человѣка Богъ знаетъ въ чемъ, и все это называется «*негласнымъ*».

Пріятель мой все претерпѣлъ, всему покорился. Молчалъ, не разспрашивалъ никого и ни о чемъ, точно и подробно отвѣчалъ на каждый самый нелѣпый вопросъ; покорно опускалъ глаза всякій разъ, когда какой-нибудь наблюдатель—староста, курляндецъ, лавочникъ, прислуга, сосѣдъ — вперялъ въ него упорно-безсмысленный и упорно-недовѣрчивый взглядъ (а это, благодаря «негласности» наблюденія, было ежеминутно). Правда, не разъ говорилъ онъ, что испытывалъ ощущенія птицы, на которую цѣлые дни наведено дуло ружья и которая должна ежеминутно думать о томъ, выстрѣлитъ ли ружье или нѣтъ, заряжено оно или нѣтъ, почему не стрѣляетъ? И почему наведено и прицѣлено именно въ меня, а не въ другое мѣсто? Вѣдь если прицѣлено въ меня, такъ и выстрѣлить можетъ? Но тогда почему не стрѣляетъ? А ружье все прицѣлено въ ту

же точку, въ ту же птицу, и хотя не стрѣляетъ, но «вотъ-вотъ» можетъ выстрѣлить.—«Хоть бы ужъ стрѣляли, что ли!»—не разъ говаривалъ мой пріятель, но я успокоилъ его, доказавъ ему, что «по нонѣшнему времени это завсегда такъ».

— Тебѣ,—говорилъ я:—непріятно, что какой-то глупый лавочникъ или курляндецъ таращитъ на тебя глаза, а подумалъ ли ты о томъ, каково-то лавочнику или курляндцу пріятно твое сосѣдство?.. Они тоже по ночамъ ворочаются на постели и ждутъ непріятностей отъ тебя, какъ и ты ждешь отъ нихъ. Такія отношенія установились во всемъ обществѣ. Человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, просыпаясь утромъ, думаетъ: «вотъ и опять какая-нибудь гадость случится»...

Успокоенный мною, пріятель кое-какъ притерпѣлся къ «нонѣшнимъ временамъ» и той формѣ общежитія, въ которой они выражаются, и, никого «не касаясь», ни во что не вмѣшиваясь, прожилъ такъ мѣсяцевъ пять. Здѣсь оканчивается присказка, а вотъ и маленькая сказка.

Нѣсколько дней тому назадъ на станціи появился какой-то рваный и пьяный человѣкъ и сталъ выдавать себя за агента, посланнаго разыскивать какихъ-то двухъ преступниковъ.

Необходимо сказать, что слово «агентъ» въ настоящее время такъ же всемогуще, какъ во времена Гоголя было всемогуще слово «*ревизоръ*». Намъ пришлось видѣть между прочимъ такую сцену въ одномъ изъ московскихъ загородныхъ садовъ. Двѣ компаніи гостинодворскихъ приказчиковъ, повидимому, незнакомыхъ, съ подругами изъ швеекъ, затѣяли въ хмельномъ видѣ ссору, кажется, тоже изъ-за подругъ. Ссора разгоралась съ каждою минутой все больше и больше. Одна изъ компаній, сильнѣйшая (въ ней было однихъ мужчинъ человѣкъ пять), чувствуя свое кулачное превосходство, стала довольно безцеремонно напирать на другую компанію, несравненно слабѣйшую, имѣвшую всего двухъ мужчинъ. Ссора быстрыми шагами приближалась къ тому фазису развитія, когда на сцену должны бы выступить такъ-называемые въ общежитіи «сусалы», но одинъ изъ представителей слабѣйшей компаніи не допустилъ до такого конца. Счастливая мысль осѣнила его. За минуту предъ тѣмъ, видя, что дѣло не можетъ кончиться иначе, какъ при помощи сусалъ, онъ, видимо, струхнулъ и началъ подаваться. Но «мысль», которая «мелькнула» въ его го-

ловѣ, сразу преобразила его изъ человѣка, готоваго отступить, въ человѣка, рѣшившагося дѣйствовать наступательно и притомъ вполнѣ увѣреннаго въ успѣхѣ. Сразу переставъ отвѣчать ругательствами на ругательства, онъ выпрямился во весь ростъ и неожиданно для всѣхъ громко воскликнулъ: «Да ты знаешь ли, дубина, съ кѣмъ ты разговариваешь?»— «Чего мнѣ знать! Я и такъ вижу, что съ дуракомъ»...— «С-с-съ кѣ-ѣмъ? Я—шш-піонъ!» Эта фраза была произнесена съ такимъ потрясающимъ великолѣпіемъ, съ такой напыщенною гордостью, сопровождалась такимъ геройскимъ закидываніемъ головы назадъ и ударомъ рукой съ отмашью въ грудь, что не только бушевавшая компанія, но и вся публика въ саду сразу замолкла, остановилась, кто гдѣ былъ, какъ вкопанная. Мгновенно послѣ этой могущественной фразы бушевавшая компанія какъ бы окаменѣла; но въ слѣдующее за этимъ мгновеніе и компанія и посторонняя публика, наблюдавшая ссору, какъ зайцы или какъ брызги, разлетѣлись, разбѣжались мгновенно, въ одинъ мигъ, въ разныя стороны. — «А-га! — прибавилъ побѣдитель, оставшись съ своей компаніей. — Во-какъ, во! Только сунься теперь, я тебя на пятьсотъ лѣтъ приспособствую!..»

Торжественно, подъ ручку съ дамами, вышла компанія изъ сада; народъ шпалерами стоялъ по дорожкамъ и безмолвствовалъ. Выйдя наконецъ за ворота, компанія-побѣдительница разразилась неистовымъ хохотомъ...—«Хо-хо-хо-хо!»—доносилось со стороны Петровскаго парка.—«Вотъ такъ ловко!»... «Отмочилъ!»... «Любо-два!» и т. д. И точно—ловко. Слово, сказанное приказчикомъ, — слово ходкое, и хоть оно не пользуется особенной симпатіей или любовью, какъ въ старину не пользовалось и слово «ревизоръ», но я сожалѣю, что послѣднее вышло изъ моды... Лучше, кажется мнѣ, если бы было въ модѣ это старинное слово: помните, какъ оно пугало темное царство?

Будемъ однако разсказывать начатую быль. Человѣкъ, появившійся на станціи, зналъ, что слово «агентъ» — въ модѣ, что оно даетъ дорогу, заставляетъ разступаться направо и налѣво. Впослѣдствіи выяснилось, что этотъ несчастный человѣкъ, промотавъ въ Петербургѣ послѣднія деньжонки, пріѣхалъ на станцію Богъ знаетъ зачѣмъ, въ пьяномъ видѣ, и вотъ, очень быть можетъ, что онъ объявилъ себя агентомъ только для того, чтобъ ему, не спрашивая впередъ денегъ, дали стаканъ водки. Какъ въ бы-

лое время всякая мразь пугалась слова «ревизоръ», такъ теперь всякая мразь спѣшитъ столпиться около новаго моднаго типа. Типъ, какъ мы видѣли, объявилъ, что онъ присланъ разыскивать какихъ-то двухъ подозрительныхъ людей. И вотъ начались трактирные разговоры на эту тему—разговоры въ томъ самомъ родѣ, въ тѣхъ самыхъ неопредѣленныхъ фразахъ, въ какихъ о томъ же предметѣ, какъ ужъ видѣлъ читатель, разговариваютъ урядники, лавочники, курляндцы... «Настоящаго какого-либо вреднаго человѣка на примѣтѣ нѣту, а такъ, въ родѣ какъ... Не то чтобы что̀ или что̀ касаемое... Живетъ тутъ баринъ... Богъ его знаетъ, что̀ дѣлаетъ... Худого чтобы или прочаго чего не видимъ, а только что урядникъ сказывалъ—«поглядывать»... Я вполнѣ увѣренъ, что несчастный валетъ собственно для того только, чтобы не узнали, что онъ—проходимецъ, и не требовали денегъ за водку, придалъ этой болтовнѣ душу и тѣло вопросами о томъ, «каковъ изъ себя», возгласами—«э-ге-ге!..» и т. д. А чтобъ окончательно заставить буфетчика на время забыть о платѣ, потребовалъ листъ бумаги и написалъ на немъ протоколъ, въ которомъ было сказано, что въ такой-то деревнѣ проживаетъ такой-то человѣкъ (имя и фамилія моего пріятеля), который, какъ удостовѣряютъ мѣстные толки (всѣ эти «ежели», «нежели», «не то чтобы что̀» и т. д.), оказывается человѣкомъ неблагонадежнымъ... Впослѣдствіи оказалось, что этотъ протоколъ онъ хотѣлъ представить въ Петербургъ и надѣялся получить за это должность: все это пришло ему въ голову, разумѣется, спьяна. И вотъ, составивъ такой протоколъ, онъ для того, чтобы выскочить благополучно изъ трактира, немедленно побѣжалъ къ сельскому старостѣ,—тому самому, у котораго мой пріятель жилъ,—разбудилъ его (былъ третій часъ ночи) и, объявивъ себя агентомъ, потребовалъ печать, которую и получилъ *немедленно*. Такъ что, если-бъ ему потребовался фальшивый паспортъ или какое-нибудь удостовѣреніе, онъ все бы могъ сдѣлать, если бы дѣйствовалъ такъ же, какъ разсказано. Ужъ послѣ того, какъ протоколъ былъ утвержденъ печатью, и послѣ того, какъ мнимый агентъ былъ угощенъ водочкой и собирался уходить, объявивъ, что завтра утромъ въ девять часовъ у моего пріятеля будетъ обыскъ, староста очувствовался: вѣдь въ самомъ же дѣлѣ пріятель мой не сдѣлалъ ничего худого... Его взяло раздумье, хорошо ли дѣлаетъ онъ, прикладывая печать къ бумагѣ, въ которой жилецъ его подо-

зрѣвается въ худыхъ дѣлахъ, а на самомъ-то дѣлѣ ничего худого онъ за нимъ не замѣчалъ... Замѣтилъ онъ также, что агентъ пьянъ, и попросилъ его сдѣлать приписку къ протоколу о томъ, что худого мы, молъ, не замѣчали. Агентъ сдѣлалъ эту приписку и ушелъ, подтвердивъ, что въ 9 часовъ утра будетъ обыскъ. Онъ воротился въ гостиницу, занялъ номеръ и легъ спать. Безъ всѣхъ этихъ фокусовъ и гадостей едва ли бы оказали ему кредитъ за водку, закуску и за номеръ... Утромъ онъ проснулся, бумагу разорвалъ и, вѣроятно, придумывалъ что-нибудь новое; но въ это время, не дождавшись обыска, который мнимый агентъ назначилъ въ девять часовъ, староста (не говоря ни слова моему пріятелю) отправился къ уряднику, разсказалъ ему, въ чемъ дѣло, а урядникъ, выслушавъ разсказъ, пошелъ разыскивать неизвѣстную личность; разыскавъ, весьма вѣжливо, до послѣдней степени деликатно («Ну-ка, думаю, онъ выпалитъ!» — говорилъ онъ впослѣдствіи, въ объясненіе этой деликатности), выспросилъ его обо всемъ и попросилъ документъ, удостовѣряющій профессію. Документа не оказалось: агентъ былъ поддѣльный... Какъ только узнали, что онъ *не настоящій шпіонъ*, тотчасъ же стали обращаться грубо, потребовали и за водку и за закуску, составили протоколъ и наконецъ помѣстили въ холодную. Началось дѣло.

Прямо послѣ этой сцены староста, оказавшійся въ дуракахъ, пришелъ ко мнѣ и во всемъ повинился. Старосту этого я и прежде зналъ, и я же рекомендовалъ ему и жильца. Признаюсь, разсказъ его до глубины души возмутилъ меня.

— Какъ же не стыдно вамъ, Миронъ Ивановичъ, дѣлать такія гадости!—сказалъ я ему.

— Вить...—онъ высоко поднялъ плечи, растопырилъ руки и говорилъ шопотомъ:—вить агентъ...

— Какой же агентъ? Вы видите, что просто прохвостъ какой-то... И вамъ не стыдно было не разспросить его, кто онъ такой, зачѣмъ, откуда взялся?

— Вить тайный онъ... Вить онъ говоритъ: «я, говоритъ, агентъ...». Я такъ весь и задрожалъ... Печать! Я и далъ... Вить вы тоже подумайте: намъ отвѣчать, въ случаѣ ежели что̀ касаемое...

— Что̀ такое? Что̀ такое касаемое?.. Отчего вы документъ у него не спросили? Вѣдь этакъ придетъ къ вамъ кто хочетъ, назовется агентомъ, потребуетъ, что̀ захочетъ, вы этакъ ему и отвалите?

Миронъ Ивановичъ молчалъ, пожимая плечами, разставлялъ руки и бормоталъ:

— Нешто мы что?.. Мы, что намъ скажутъ, обязаны не ослушаться. Говоритъ, тайный я,—ну...

— Ну, а если бы,—перебилъ я его:—агентъ тотъ сказалъ вамъ такъ: я—агентъ, приказано взять у тебя каурую кобылу... Вы тоже бы не ослушались?

Слово «кобыла» мгновенно, какъ нашатырный спиртъ, освѣтило его... Ему стало совершенно ясно, до какой степени онъ глупъ и даже подлъ.

— Мало мнѣ пятисотъ палокъ за это!—вдругъ совершенно бодро и вполнѣ сознательно воскликнулъ онъ.

— Вотъ видите, кобылу-то вамъ жалко стало?.. Спроси онъ у васъ кобылу, вы бы непремѣнно сказали: «покажи бумагу!»... Вѣдь сказали бы?

— Кобылу-то ежели?.. Ну, ужъ это я бы безъ сумлѣнія поостерегся...

— Видите! А тутъ приходитъ клеветникъ, пишетъ на человѣка пакость, да какую! Вѣдь вы знаете, что такое неблагонадежный?

— Слыхали однимъ ухомъ.

— Вѣдь за «эти дѣла» людей ссылаютъ въ Сибирь, а вы ничего отъ моего пріятеля кромѣ пользы не видали, ничего не замѣчали за нимъ дурного, изъ жалости-то къ человѣку не подумали даже спросить у проходимца видъ! Сейчасъ печать приложили... Вѣдь это—человѣкъ, поймите вы, пожалуйста! Вамъ жалко кобылу, а это—душа христіанская, и вы его сразу, безъ разговору, печатью вашею подводите... подо что? Подумайте-ка хорошенько! Ну если бы проходимецъ-то не засидѣлся у васъ, а прямо бы отъ васъ да на машину, да протоколъ-то съ вашей подписью представилъ бы къ начальству—вѣдь моего пріятеля стали бы таскать... А онъ живетъ своимъ трудомъ, никого не трогаетъ, вамъ дѣлаетъ пользу... И не стыдно вамъ?

— Ужъ я сказываю, пятисотъ мало—что ужъ!..

Я помолчалъ, поглядѣлъ на него и сказалъ:

— Безсовѣстно это, Миронъ Ивановичъ! Вѣдь вы знали, что за «эти дѣла» бываетъ.

— Да вѣдь... слышимъ!

— Ну, а пріятеля моего замѣчали въ чемъ-нибудь?..

— Чего намъ замѣчать-то? Ничуть ничего не замѣчали.

— А печать приложили?

— Глупость-то наша... а-ахъ, ты, Боже мой!

Возможность утратить кобылу, хотя бы и по требованію настоящаго «агента», привела старосту въ чувство, въ разсудокъ, и, пользуясь этимъ, я не жалѣлъ словъ, которыя бы могли разсѣять въ его головѣ ни на чемъ не основанную подозрительность къ моему пріятелю. И чѣмъ больше я распространялся, пояснялъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что Миронъ Ивановъ какъ будто успокаивается, теряетъ искренность раскаянія по отношенію къ моему пріятелю, а думаетъ о томъ только, что «эти дѣла» надо дѣлать съ опаской, а не зря. Пожалуй, въ самомъ дѣлѣ, отнимутъ этакимъ манеромъ и кобылу и что-нибудь другое...

— Да,—говорилъ онъ по временамъ, почти не слушая, о чемъ я говорю:—да, далъ маху... Мнѣ бы бумагу надо спросить было...

И такъ мы проговорили очень долго. Я говорилъ о пріятелѣ, о томъ, какъ много ему надѣлали гадостей совершенно напрасно, а Миронъ Ивановъ сокрушался о себѣ, о томъ, что «зря дѣлалъ», а о пріятелѣ моемъ какъ будто и позабылъ.

Вотъ эта-то черта равнодушія къ моему пріятелю больше всего и трогала и интересовала меня во всей этой исторіи—не потому, что это былъ мой пріятель, не потому, что въ самомъ дѣлѣ гадость сдѣлана была напрасно, но потому, что это равнодушіе исключительное. Такой исторіи не можетъ быть ни съ кѣмъ изъ деревенскихъ обывателей: ни лавочникъ, ни курляндецъ, ни кабатчикъ, ни какой другой человѣкъ не можетъ быть предметомъ такого *непоколебимаго* равнодушія, попавъ въ бѣду, какое суждено переносить всякому, кто такъ или иначе получилъ наименованіе *барина*. Случись что-нибудь подобное съ лавочникомъ, съ кабатчикомъ и вообще съ любымъ изъ деревенскихъ обывателей,—повѣрьте, что дѣло было бы не такъ просто и не такъ глупо: тутъ и спросили бы, и побоялись бы, и поостереглись, и потолковали бы. По отношенію же къ «барину» всѣ такія дѣла дѣлаются—рѣшусь сказать это—даже не безъ удовольствія... Пріятель мой слишкомъ повѣрилъ моимъ совѣтамъ «ни во что не мѣшаться» и въ самомъ дѣлѣ сдѣлался для деревенскихъ жителей отдѣльной, посторонней, независимой, ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не связанной фигурой, и его опредѣлили словомъ: «баринъ», «живетъ баринъ»... Вотъ этотъ-то «баринъ» и былъ причиною того, что Миронъ Ивановъ сразу вручилъ печать, удостовѣряющую вредность моего пріятеля, тогда какъ

онъ же навѣрное не сдѣлалъ бы этого по отношенію къ кабатчику.

4

Признаюсь, крѣпко обидѣлъ и разсердилъ меня этотъ доумный деревенскій старичишка, котораго необходимо было разжалобить возможностью утратить лошадь, чтобъ онъ почувствовалъ возможность задуматься надъ участью человѣка. Деревянная башка была у этого старичишки, а такихъ деревянныхъ головъ весьма-таки многонько въ деревнѣ. Но это не идетъ къ дѣлу. Повторяю: немало негодованія излилъ я на эту деревянную башку, но въ то же время не могъ не сознавать, что если деревянная башка старосты и виновата въ томъ, что дѣло съ моимъ пріятелемъ *сразу* вскрыло нутро этой башки, т.-е. сразу показало, что башка всегда готова приложить печать къ какой угодно бумагѣ, то скрытая готовность сдѣлать барину что-нибудь подобное, если только можно,—воспитана не въ однѣхъ только деревенскихъ башкахъ, подобныхъ башкѣ старосты, а таится рѣшительно во всемъ, что̀ не причисляетъ себя къ разряду «баръ», господъ...

Въ этомъ затаенномъ антагонизмѣ, конечно, играютъ большую роль воспоминанія крѣпостного права. «Что̀ было и что̀ стало!»—говорятъ иные, припоминая барщину и видя, какъ потомки баръ слабѣютъ и прогораютъ. Подъемъ народнаго духа въ этомъ отношеніи несомнѣненъ, и мы со временемъ, въ весьма недалекомъ будущемъ, коснемся этихъ новыхъ явленій народной жизни. Теперь же будемъ говорить о главномъ предметѣ настоящей замѣтки—о происхожденіи скрытой вражды къ барину. Помимо крѣпостныхъ преданій, о которыхъ мы ужъ упомянули, немало сдѣлало въ пользу воспитанія въ массахъ этого скрытаго ненавистничества и поведеніе барина по отношенію къ массамъ за послѣднія двадцать пять лѣтъ. Какъ бы ни были жестоки и ужасны воспоминанія о крѣпостномъ правѣ, они всегда смягчаются фактической невозможностью возвратиться къ нему. «Это прошло», «этого больше не будетъ», надъ этимъ старымъ поставленъ крестъ, а надъ крестомъ для всѣхъ видна могила этого стараго—могила, обрастающая травой. Глядя на эту могилу, не возгорается, а затихаетъ злоба.

Не то совсѣмъ возбуждаетъ поведеніе барина за послѣдніе годы. У барина, какъ у всякаго человѣка на бѣломъ свѣтѣ, имѣются права и есть обязанности (крайне сожа-

лѣемъ, что иногда приходится говорить такія ненужныя вещи). Во времена крѣпостного права у барина, какъ и у мужика, были извѣстныя права и извѣстныя обязанности. Права у господъ были огромныя, а обязанности только кое-какія, но онѣ, несомнѣнно, были, ихъ непремѣнно надо было выполнять, хотя только для того, чтобы получить деньги. Но пользоваться правами и исполнять обязанности, возлагаемыя этими правами, можно было разно. Вотъ почему говорятъ: «хорошъ былъ баринъ», а этотъ—«хуже разбойника», и т. д. Отъ худого барина мужики разбѣгались, а когда поселялся «хорошій баринъ», мужики возвращались съ бѣговъ на старое пепелище. Хорошій баринъ не тиранилъ, не гнулъ въ бараній рогъ, не разорялъ. «Хорошій баринъ» могъ (по тогдашнимъ обстоятельствамъ) сдѣлать *что-то хорошее* въ тѣхъ труднѣйшихъ условіяхъ народной жизни—и *дѣлалъ*... Теперь баринъ, какъ видимая власть мужицкаго духа и тѣла, исчезъ. Отдѣльныя личности Петровъ Семеновичей и Семеновъ Ивановичей не имѣютъ значенія и вѣса, но всѣ они—въ кучѣ, въ массѣ, гдѣ-то тамъ, за предѣлами деревни,—сохраняютъ права весьма многочисленныя... Но обязанностей, которыя бы несли они, уже нѣтъ. Мы, деревенскіе неграмотные люди, не видимъ ихъ. Права, сохраненныя коллективною массой господъ, мы видимъ каждый день. Постоянно идутъ взысканія или, по крайней мѣрѣ, напоминанія: «надо платить». И прежде платили и оброки были громадные, но было видно—куда, а теперь не видно.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что и теперь «хорошій баринъ» существуетъ на Руси, но деревня не видитъ, не знаетъ, какъ онъ понимаетъ свои обязанности. А нехорошій баринъ ужъ совсѣмъ нехорошъ сталъ. Вотъ два типа рядомъ—нехорошій типъ кулака и типъ нехорошаго «барина»—сравните ихъ. Оба они хлопочутъ, какъ бы добыть побольше денегъ, оба нанимаютъ рабочихъ по осени, т.-е. въ трудное время, оба затаскали ихъ по судамъ и т. д. Но кулакъ такъ и остается міроѣдомъ; онъ жретъ и прячетъ деньги въ сундукъ, но во имя его не собираютъ какихъ-то особенныхъ денегъ, кромѣ тѣхъ, какія онъ самъ выжметъ и спрячетъ. А во имя «нехорошаго» барина, перенявшаго отъ кулака все дурное, еще какія-то особенныя деньги собираются; онъ, поступая по-кулацки, не прячется въ нору, а наступаетъ, норовитъ крикнуть: «какъ ты смѣешь?», предъявляетъ права на какую-то «ам-

биціи», которой у кулака нѣтъ и которая у барина, поступающаго по-кулацки, тоже совершенно непонятна, а стало-быть, и противна. Это ужъ что-то излишнее, ненужное; безъ этой излишней «амбиціи» можно обойтись, успокоившись на скромныхъ кулацкихъ лаврахъ...

— Гдѣ же «хорошій» баринъ?

Хорошаго барина не видать. Такъ, по крайней мѣрѣ, кажется съ деревенской точки зрѣнія. Хорошаго барина нѣтъ, а деньги отдай!.. Если же на дѣло смотрѣть съ точки зрѣнія хорошаго барина, то мы, понятно, должны бы горой стоять за него. Помилуйте, развѣ хорошій баринъ не ходатайствовалъ, не входилъ съ прошеніями и докладными записками? Развѣ онъ не мучился, не страдалъ за убѣжденія? и т. д. Съ этой точки зрѣнія можно бы собрать груды матеріала, который какъ нельзя лучше можетъ оправдать хорошаго барина. Хорошій баринъ старался, убивался, хотѣлъ пожертвовать, жертвовалъ, хлопоталъ. Но—увы!—съ деревенской точки зрѣнія, весь этотъ огромный запасъ оправдательныхъ документовъ, которые хорошій баринъ, несомнѣнно, можетъ представить намъ, не имѣетъ ровно никакого значенія, по той простой причинѣ, что всѣ эти оправдательные документы деревенскимъ жителямъ совершенно неизвѣстны, а главнымъ образомъ потому, что даже почва-то для пониманія «хорошаго» барина, благодаря бездѣятельности послѣдняго, совершенно не подготовлена.

Встарину свои хорошія качества и хорошія намѣренія «хорошій баринъ» могъ проявлять только въ тѣсномъ кругу своихъ владѣній, среди ему принадлежавшаго народа; теперь же, когда народъ уже не его и когда онъ взялся вѣдать вообще народное хозяйство, хорошія побужденія и цѣли должны бы были выступить предъ лицомъ сплошной массы народа и выразиться не въ частныхъ поступкахъ случайнаго добросердечія или душевнаго благородства во вниманіе къ «общему благу», а въ крупныхъ, всѣмъ видныхъ поступкахъ, въ которыхъ нѣтъ ничего другого, кромѣ чести, правды, справедливости. Крупныя, всѣмъ видныя, высоко надъ людскимъ муравейникомъ стоящія заботы и цѣли сдѣлались для «хорошаго барина», въ новыхъ условіяхъ жизни, даже почти обязательными. Обязательны онѣ для него, во-первыхъ, потому, что онъ—баринъ, т.-е. человѣкъ не только обезпеченный, какъ обезпеченъ и кулакъ и купецъ, но и образованный, образованіемъ, умственностью и властью отличающійся отъ простого богача,

простого мѣшка съ деньгами; а во-вторыхъ, потому, что вѣдь онъ взялся за дѣло общаго блага,—взялся и требуетъ денегъ, а когда неаккуратно платятъ, то жалуется становому приставу, а становой приставъ не хвалитъ. Но если человѣкъ, хорошо обезпеченный и образованный, берется дѣлать добро и спеціально на это добро беретъ чрезъ станового пристава деньги, то мы, деревенскіе жители, въ правѣ требовать, во-первыхъ, явнаго дѣла и, во-вторыхъ, чтобы дѣло это было непремѣнно добро—за зло нечего платить денегъ... Намъ нужны ясные, видные всѣмъ, благородные поступки, въ которыхъ была бы по крайней мѣрѣ капля безкорыстнаго вниманія къ намъ, деревенскимъ, несвѣдущимъ людямъ, вручившимъ свои права и заботы объ общемъ благѣ... хорошему барину.

Но, живя въ деревнѣ и ничего не зная, не вѣдая объ оправдательныхъ документахъ, которые «хорошій баринъ», несомнѣнно, можетъ представить въ огромномъ количествѣ, мы къ ужасу нашему на каждомъ шагу, въ буквальномъ смыслѣ слова, убѣждаемся, что такъ-называемаго «хорошаго» барина совсѣмъ нѣтъ на свѣтѣ, что онъ исчезъ, изсякъ, махнулъ на все рукой. Очевидно, онъ не сумѣлъ отстоять для себя право поступать «по чести», и плоды этого неумѣнья мы, деревенскіе жители, ежеминутно ощущаемъ въ существованіи «ненужнаго», «излишняго» зла... Мы очень терпѣливы и выносливы и, кромѣ того, далеко не либеральны и не развиты такъ, какъ развитъ и либераленъ хорошій баринъ. Мы сами—мастера создавать зло, да еще какое: неотразимое, звѣриное, зоологическое!.. Но «хорошій баринъ» не только ничего не противопоставляетъ этому зоологическому злу, но—вѣроятно, вслѣдствіе забвенія собственнаго и чужого человѣческаго достоинства — допускаетъ, чтобы, кромѣ нашего доморощеннаго зоологическаго зла, существовало бы еще зло ненужное, роскошь зла, изобиліе злодѣйства. Какіе бы у «хорошаго» барина ни были спрятаны въ письменномъ столѣ оправдательные документы, но потакать, мирволить, усиливать зло, воспитывать цѣлыя поколѣнія въ увѣренности, что на свѣтѣ нѣтъ даже самой элементарной правды,—это ужъ нехорошо, и это запишется въ «книгѣ живота» хорошаго барина. Можно не подать нищему—вольная воля; но не подать и въ то же время ударить его—это ужъ безсовѣстно. Можно завести фабрику,—положимъ, ситцевую,—можно жать и прижимать рабочихъ, основываясь на томъ, что такъ, молъ, побуждаетъ

дѣйствовать ученіе о капиталѣ; но предоставлять ситцевому фабриканту еще возможность сожигать ихъ живьемъ—это ужъ, ей-ей, напрасно, это ужъ, подлинно, роскошь злодѣйства! И «хорошій» баринъ могъ бы хоть вполголоса крикнуть, что, молъ, такъ нельзя... Можно строить желѣзныя дороги, можно наживать милліоны и т. д., но живьемъ зарывать десятки людей и дѣлать изъ людей, желѣза, глины, бревенъ, камней одну сплошную массу—это ужъ опять слишкомъ роскошная приправа къ дивидендамъ, и «хорошій» баринъ, если-бъ онъ только не позабылъ своего человѣческаго достоинства, могъ бы, не боясь скомпрометировать себя, воскликнуть: «наживаться—наживайся, но убивать людей не моги!». Можно не давать крестьянамъ больше земли, можно сказать: «не хочу—и не дамъ», или «самому надо», или «довольно и того, что̀ у васъ есть»; но давать вмѣсто земли камни, буераки, болота, зная, что то—«не земля», или давать земли лоскутьями въ двадцати мѣстахъ, напрасно изнуряя работника,—это опять-таки роскошь нерадѣнія...

Эта роскошь ненужнаго зла, буквально на каждомъ шагу осаждающая васъ въ деревнѣ, дѣлаетъ жизнь въ ней невыносимой. Если вы хотите жить здѣсь, отдохнуть, то Бога ради не разспрашивайте ни о чемъ, потому что нѣтъ того простого случайнаго вопроса, который бы не привелъ къ драмѣ. Ѣшьте мясо и не спрашивайте, почему говядина, которая сегодня сто̀итъ 12 коп., вчера стоила 20 к., а завтра будетъ стоить 8 к. Надобно молчать, покупать, солить и ѣсть; если же вы попробуете узнать, отчего такая дешевизна, то кусокъ не пойдетъ въ горло. Говядина дешева потому, что нечѣмъ скотъ кормить: некормленный, голодный скотъ бабы и мужики ведутъ къ богатымъ мужикамъ и продаютъ за безцѣнокъ; крестьянскіе ребятишки остаются безъ молока—это зимой; а весной? Корму нѣтъ — дешевы коровы и лошади. Что̀ же долженъ дѣлать мужикъ, чтобы добыть лошадь для весеннихъ работъ? Отвѣтъ: кабала, и кабала своему же брату. Но почему корму нѣтъ?—Продали еще тогда, когда онъ и не выросъ—та же кабала. Рекрута поставили, умеръ кто-нибудь, недоимку взыскали, лошадь пала, тысячи случайностей... Конечно, масса случайностей была бы отстранена, если бы «хорошій» баринъ подумалъ серьезно о народномъ кредитѣ, который въ самомъ дѣлѣ нуженъ, какъ нуженъ и самому «хорошему» барину. Можетъ-быть, «хорошій» баринъ думалъ о немъ, а его все-

таки нѣтъ до сихъ поръ. И когда вы ѣдите дешевое мясо, это значитъ, что кто-нибудь — и притомъ кто-нибудь въ огромномъ количествѣ—разоряется. Итакъ, ѣшьте и не разспрашивайте, или не ѣшьте совсѣмъ... Не разспрашивайте также, что̀ это за драка происходитъ рядомъ, въ сосѣдней хибаркѣ, отчего тамъ и ревъ, и визгъ, и плачъ. Затворите поплотнѣе дверь. Подерутся, перестанутъ—и все затихнетъ. Если же вы попытаетесь подробно разузнать, въ чемъ дѣло, то опять недобрымъ словомъ помянете «хорошаго» барина. Вся избитая, съ синяками по всему лицу, изуродованная женщина, истерически всхлипывая и кое-какъ держа на изодранныхъ рукахъ ревущаго ребенка, только-что вырвалась изъ этой бойни и бѣжитъ. «Куда ты, Аксинья?»— «Сама не знаю»... — трясясь всѣмъ тѣломъ, задыхаясь и захлебываясь, лепечетъ она и едва можетъ впопыхахъ сказать:—«Мужъ съ матерью... рупъ... Сундукъ расшибли топоромъ... Стирала, два рубли дали... Сапожнику отдала... Искали... Пьяный пришелъ... топоромъ... отдай!..» И бѣжитъ, бѣжитъ куда-то — къ сосѣдямъ, въ другую деревню, къ матери за двадцать верстъ — невѣдомо куда, но только дальше, дальше... въ поле! Не разспрашивайте и этого несчастнаго, ободраннаго восьмилѣтняго мальчика, который повадился ходить къ вамъ просто затѣмъ, чтобы смотрѣть, какъ живутъ господа, какъ ѣдятъ и какой у нихъ горитъ свѣтъ въ горницѣ. Не разспрашивайте—«не видалъ ли ты, тутъ на столѣ лежала бумажка красная»... Не разспрашивайте, куда онъ ее дѣлъ: онъ отнесъ тятькѣ-пьяницѣ, плотнику, и мамкѣ; радуйтесь, что они всѣ трое на эту исчезнувшую десятирублевую бумажку купили муки, крупы и *цѣлую ночь* пекли и ѣли пироги... Не раскапывайте этихъ исторій. Какъ въ первой, такъ и во второй непремѣнно замѣшанъ «хорошій» баринъ, и замѣшанъ не съ доброкачественной стороны... Семья, гдѣ губили женщину, отыскивая въ ея сундукѣ рубль, полученный за стирку, опустилась, разорилась случаемъ: «пала лошадь», «продали корову», «продали землю»... И въ семьѣ мальчика, утащившаго десять дублей, та же исторія: та же лошадь и корова, и земля, сданная въ аренду сосѣду...

Глядя и всматриваясь въ эти ежедневныя сцены деревенской жизни, вы видите, что «хорошій» баринъ (если онъ только чуть-чуть понимаетъ это слово) долженъ бы былъ и могъ бы, не нанося даже ущерба своему барскому положенію, отстранить массу этого ненужнаго, возмутитель-

наго зла. Чѣмъ объясните вы рядъ слѣдующихъ непостижимыхъ безобразій, воочію совершающихся передъ нами изъ года въ годъ?

Приходитъ крестьянинъ и предлагаетъ купить у него пять маленькихъ живыхъ липокъ. Проситъ онъ за нихъ по двугривенному. Я купилъ. Крестьянинъ посадилъ ихъ и, собираясь уходить, предлагаетъ еще. Я попросилъ посадить еще пять, но дня черезъ два, проснувшись часовъ въ семь утра, я увидѣлъ, что крестьянинъ посадилъ не пять, а цѣлыхъ пятьдесятъ липокъ. Чтобъ успѣть посадить такую массу деревьевъ, т.-е. чтобы вырыть пятьдесятъ ямъ и посадить въ нихъ деревья, опять засыпать ихъ и успѣть все это сдѣлать къ семи часамъ утра, надо было встать до свѣта, и это обстоятельство заставило меня призадуматься, не краденыя ли липки у кого-нибудь? Посадивъ липки, крестьянинъ обѣщалъ вечеромъ придти за расчетомъ. Но, прежде нежели наступилъ вечеръ, я получилъ записку отъ неизвѣстнаго мнѣ землевладѣльца, въ которой значилось, что липки украдены въ его лѣсу, и чтобъ я не платилъ денегъ впредь до особаго со стороны невѣдомаго мнѣ лица распоряженія. Подъ вечеръ пришелъ крестьянинъ, продавшій мнѣ ворованныя липки, и я долженъ былъ показать и прочитать ему письмо. Сгорѣлъ со стыда не ждавшій бѣды мужикъ.—«Какъ хочешь,—сказалъ я:—бери липки назадъ или поди уладь это дѣло». — «Песъ ихъ возьми совсѣмъ! И стòятъ-то всего грошъ, только что за работу и за носку беру... Ахъ, ты, горе-горе! Изъ-за какой дряни воромъ сталъ! Ахъ, Боже мой! Тàкъ шестьсотъ десятинъ лѣсу-то, тàкъ, даромъ стоитъ!»—«Ты бы изъ своего лѣса бралъ, а не изъ чужого...»—«Да нѣту его, своего-то лѣсу... былъ клочокъ,—давно весь сожгли... Ахъ, горе, горе!» Крестьянинъ побѣжалъ улаживать дѣло съ неизвѣстнымъ мнѣ лицомъ. Въ тотъ же вечеръ онъ возвратился и принесъ записку, въ которой было сказано, что имѣю право уплатить ему деньги, такъ какъ крестьянинъ такой-то взялся отработать причиненный имъ убытокъ. Воровать скверно, но, порывшись въ подробностяхъ воровства, мы также непремѣнно наткнулись бы на апатію къ общественнымъ заботамъ «хорошаго» барина. Итакъ, въ концѣ концовъ получилось, что за пятьдесятъ липокъ, которыя ничего не стòятъ, если принять во вниманіе обиліе лѣсовъ, человѣкъ отрабатываетъ работу, которая иначе оплатилась бы деньгами, и чувствуетъ, кромѣ того, себя воромъ, да и не

чувствуетъ только, а въ самомъ дѣлѣ знаетъ, что онъ — воръ.

Словомъ, какъ ни посмотри, дѣло скверное. Это скверное дѣло происходило раннею весной. Полая вода далеко еще не опала, и вся рѣчка, къ которой примыкаютъ земли нашей деревни, была запружена трехсаженными бревнами, сплавляемыми водою. Дня черезъ два послѣ описаннаго эпизода съ липками приходитъ ко мнѣ знакомый крестьянинъ и говоритъ:—«Вы что̀ же не идете *получать свои (!) дрова?*»—«Какія-такія дрова?» — «А съ рѣчки!» Что̀ же это за дрова, о которыхъ я не имѣю никакого понятія? Оказывается, что, во̀ имя какихъ-то законовъ, установлено мѣстнымъ обычаемъ, что дрова, принадлежащія какому-нибудь промышленнику, опустившись отъ мокроты на дно, принадлежатъ обывателямъ береговъ. Дрова сплавляются сгономъ, т.-е. просто бросаютъ въ воду, а вода несетъ ихъ туда, куда надо и гдѣ ихъ останавливаетъ искусственная запруда. По пути на днѣ рѣчки часто встрѣчаются камни и каменистыя мели; сто̀итъ запнуться одному полѣну, какъ вслѣдъ за нимъ остановится вся сплошная масса дровъ; теченіе будетъ напирать, и дрова начнутъ лѣзть другъ на друга рядовъ въ пять, иногда десять, иногда до самаго дна образуется сплошная масса дровъ. Это называютъ: «залѐмъ». Промышленникъ знаетъ это и посылаетъ рабочихъ, которые идутъ по берегу съ жердями и разламываютъ эти заломы, пропуская дрова дальше. Но иногда заломы остаются неразломанные дня по два, по три, и тогда нижніе слои бревенъ такъ сильно намокнутъ, что опускаются на дно, и вотъ эти-то лежащія дрова и принадлежатъ, согласно невѣдомому закону, обывателямъ береговъ. Дѣлежъ этихъ дровъ происходитъ совершенно правильно между односельчанами, такъ же правильно, какъ и дѣлежъ земли и вообще всевозможные деревенскіе дѣлежи. На основаніи этихъ-то законовъ и мнѣ надо было «получить», по крайней мѣрѣ, кубъ или полтора березовыхъ дровъ. Откуда мнѣ сіе? — думалъ я. Вчера изъ-за липокъ, которыя не сто̀ятъ ни гроша, я чуть не попалъ въ укрыватели краденаго, помѣщикъ—въ обворованные, а мужикъ— и въ воры и въ даровые работники; а сегодня я ни съ того ни съ сего «получаю» полтора куба дровъ, которыхъ я не рубилъ, не покупалъ, не сплавлялъ и которыя по петербургскимъ цѣнамъ могли бы дать мнѣ, считая по 6 руб. за сажень, тридцать рублей серебромъ чистаго

барыша. Кто дѣлаетъ мнѣ этотъ подарокъ?.. Но подарокъ сдѣланъ—дрова лежатъ у берега, стòитъ только вытащить, распилить и топить печи всю зиму, благословляя Господа. Но, какъ подарокъ ни великолѣпенъ, припоминая липки, я чувствую, что тутъ я буду ужъ не укрывателемъ краденаго, а прямо воромъ. Очевидно, я у кого-то отнимаю дрова, мнѣ совершенно не принадлежащія. И точно, дрова принадлежатъ промышленнику, который купилъ сто саженъ (говоря примѣрно), а получаетъ въ концѣ концовъ семьдесятъ пять, такъ какъ двадцать пять получимъ мы. Но промышленникъ не хочетъ терять *своего* и наверстываетъ убытокъ своимъ способомъ, изобрѣтаетъ *свою* сажень, въ которой не три аршина, а четыре съ половиной. «У меня,— говоритъ онъ:—*своя сажень!*». Крестьяне, подрядившіеся сплавлять ему изъ мѣста порубки сто саженъ, являясь за расчетомъ, встрѣчаются съ изобрѣтеніемъ весьма непріятнымъ, съ *своей* саженью, и получаютъ благодаря ей не за сто, а за семьдесятъ пять. Итакъ, вотъ у кого похитили мы двадцать пять саженъ дровъ, у своихъ же сосѣдей, у такихъ же голяковъ и бѣдняковъ, какъ и мы. Отчего мы дѣлаемъ это?.. Нѣтъ лѣсу, а топить надо — дѣло очень простое.

Теперь потрудитесь сосчитать, кто остался доволенъ во всей этой операціи. Промышленникъ недоволенъ — у него меньше, чѣмъ онъ купилъ, да его и ругаютъ за «свою сажень» и грозятъ поджечь; я также весьма недоволенъ, потому что не желаю брать чужого или ворованнаго; недовольны и тѣ, кто наловилъ дровъ, потому что промышленникъ слишкомъ скоро прислалъ народъ разломать залòмъ, и дровъ на зиму «не хватитъ»; недоволенъ и мужикъ, который своими руками срубилъ сто саженъ, а расчетъ получилъ только за семьдесятъ пять.

Тутъ всѣ чувствуютъ себя дурно, скверно, не по себѣ.

Это только кусочекъ того паденія «хорошаго» барина, по части заботы объ общемъ благѣ, но и этого кусочка достаточно, чтобы не получить репутаціи внимательнаго къ нуждамъ народа человѣка. Не удивляйтесь поэтому, какъ и я пересталъ теперь удивляться, что крестьянинъ спѣшитъ приложить печать къ бумагѣ, въ которой про барина идетъ нехорошая рѣчь.

IV. „Свои средствія“.

...Вотъ ужъ больше недѣли, какъ жаркій воздухъ послѣднихъ дней нынѣшняго деревенскаго лѣта отравленъ запахомъ гари: гдѣ-то, какъ пишутъ въ мѣстномъ листкѣ, горятъ торфяныя болота, горятъ лѣса; сизый дымъ по временамъ достигаетъ бѣлизны и густоты тумана, застилаетъ все кругомъ на далекое пространство и даже затрудняетъ дыханіе... Пожары лѣсные—дѣло весьма обыкновенное на Руси, а особенно въ нашихъ сѣверныхъ мѣстахъ, гдѣ, несмотря на всѣ усилія господъ помѣщиковъ, сельскихъ обществъ и промышленниковъ истребить всякую растительность по возможности въ самый кратчайшій срокъ, мать-природа не совсѣмъ еще вышла изъ терпѣнія и продолжаетъ одѣвать зелеными кустиками и жиденькими березками, осинками и ольхой холмики, болота и берега болотныхъ рѣчекъ. Горятъ лѣса тихо, молчаливо,—горятъ, точно дѣло дѣлаютъ, какъ-то задумавшись; въ тихіе вечера иное дерево горитъ, какъ свѣча; трещитъ и коробится береста, вспыхиваютъ и свертываются зеленые листья, и только по временамъ треснетъ и точно зарница вспыхнетъ надъ темнымъ лѣсомъ смолистый газъ раскаленной огнемъ сосны... А огонь, точно исполняя какую-то обязанность и не торопясь, опустошивъ десятинъ сто казеннаго, или господскаго, или крестьянскаго лѣса и дойдя до полянки, гдѣ ужъ нѣтъ пищи, скромно принимается жевать высушенную жаромъ и зноемъ траву, жуетъ ее, точно скромная, кроткая овца, по вершочку, по травинкѣ,—жуетъ день, два, шагъ за шагомъ перебираясь черезъ канавки, обходя болотца, «гдѣ посуше», и добирается до новаго и свѣжаго лѣса, до новой березки, пуская отъ себя въ разныя стороны такихъ же кроткихъ огненныхъ овечекъ... И вотъ бѣжитъ огонь по березкѣ, копошится внутри бузины или ольховаго куста — и, глядишь, черезъ день, черезъ два, тлѣетъ въ горячихъ угольяхъ другая сотня десятинъ. По ночамъ горящій лѣсъ—точно бальная зала или иллюминованный по случаю какого-нибудь торжества огромный паркъ: вездѣ огни, звѣзды, бенгальскіе огни (сосна вспыхнула), а между ними обгорѣлые или еще горящіе кусты, точно группы гостей, танцующихъ, толпящихся вокругъ столовъ за картами, за ѣдой. Днемъ, разумѣется, все это исчезаетъ, и остается одинъ удушливый чадъ и гарь.

Часто видѣлъ я такіе пожары въ нашихъ мѣстахъ, и никогда мнѣ не приходилось видѣть, чтобы въ огнѣ или около огня присутствовала какая-нибудь человѣческая фигура, которая была бы обезпокоена этимъ пожаромъ, чтобъ она хлопотала о сохраненіи государственнаго или частнаго имущества. По всей вѣроятности, гдѣ-нибудь и кто-нибудь непремѣнно безпокоится объ этой гибели лѣса, потому что вѣдь кому-нибудь лѣсной пожаръ непремѣнно наноситъ убытокъ; но я лично, повторяю, не видалъ безпокоящихся или принимающихъ какія-нибудь мѣры ни чиновниковъ ни мужиковъ. Выгоритъ лѣсъ и перестанетъ—вотъ, мнѣ кажется, общее мнѣніе относительно какъ самыхъ пожаровъ, такъ и средствъ къ ихъ прекращенію. Но лично мое, напуганное явленіями русской жизни, воображеніе не даетъ мнѣ возможности относиться къ этому дыму и чаду, ежедневно нагоняемому вѣтромъ въ нашу сторону, въ такой же степени невнимательно и покойно, какъ относятся къ этому всѣ, кого я только въ деревнѣ ни вижу. Не потому мое напуганное воображеніе не можетъ бездѣйствовать при видѣ явленія, для всѣхъ мѣстныхъ жителей совершенно обыкновеннаго, чтобы я жалѣлъ этотъ горящій лѣсъ или жалѣлъ бы его хозяина, будь то—государство, или крестьянское общество, или господинъ помѣщикъ,—вовсе нѣтъ: въ смыслѣ сожалѣнія о гибели имущества, я ничуть отъ мѣстныхъ обывателей и моихъ сосѣдей не отличаюсь: «мнѣ какое дѣло», или «на то есть начальство», говорю я. Да наконецъ что же я могу сдѣлать, если-бъ я и жалѣлъ? Погоритъ и перестанетъ—вотъ все, что я могу по совѣсти сказать, глядя на великолѣпное зрѣлище лѣсного пожара, и затѣмъ «пройти мимо». Если же мое напуганное воображеніе не пускаетъ меня «уйти» отъ этого обыкновеннѣйшаго деревенскаго событія, то причины этого совсѣмъ иныя. Дѣло въ томъ, что недѣли три тому назадъ мнѣ пришлось самому быть въ лѣсу съ однимъ моимъ пріятелемъ, и притомъ въ той самой сторонѣ, откуда вотъ ужъ давно валитъ дымъ и гарь,—очевидно, большой пожаръ. Были мы съ пріятелемъ у другого общаго нашего пріятеля въ гостяхъ, и послѣ завтрака взяли ружья и пошли пройтись по лѣсу; часа два мы гуляли, наслаждаясь погодой, воздухомъ и невозмутимою тишиной лѣса; разумѣется, выстрѣлить намъ не пришлось, потому что лѣто нынѣ было очень сухое, ягодъ не уродилось, а стало-быть, и птицѣ не зачѣмъ быть въ пустомъ мѣстѣ. Птица улетѣла туда,

гдѣ есть ягоды—брусника, смородина и т. д. Шли-шли мы такимъ образомъ и пришли къ крестьянской межѣ, а за этою межой начинался уже крестьянскій, значительно вырубленный лѣсъ. И здѣсь намъ представилось такое зрѣлище: на большой, чисто и гладко выкошенной полянѣ протянулся огромный, саженъ въ пятьдесятъ, стогъ сѣна, а саженяхъ въ трехъ отъ этого стога горѣлъ костеръ изъ сухихъ сучьевъ и валежника; костеръ этотъ былъ, повидимому, только-что зажженъ, потому что огонь копошился еще только въ глубинѣ кучи хвороста. Но что̀ поразило насъ и заставило задуматься, такъ это, во-первыхъ, то обстоятельство, что около ко̀стра никого не было, и, во-вторыхъ, ясно видная дорожка кое-какъ набросаннаго сѣна шла отъ костра по направленію къ стогу. Ни скотины вблизи ни пастуха, которому понадобился бы этотъ костеръ, не было; да кому и зачѣмъ нуженъ былъ костеръ среди бѣлаго жаркаго дня? Папиросу закурить можно спичкой. А дорожка-то отъ костра къ стогу?.. И кругомъ мертвая тишина...

— Что̀ же это значитъ?—спросилъ я моего спутника, человѣка больше меня знакомаго съ тою мѣстностью, въ которой мы были.

— А это,—сказалъ онъ:—должно-быть, что-нибудь по части «своихъ средствій», что-нибудь по части «своихъ способовъ»...

Онъ помолчалъ, поглядѣлъ внимательно на огонь, поглядѣлъ на стогъ, на дорожку, очевидно, подброшеннаго сѣна между огнемъ и стогомъ, и уже съ увѣренностью еще разъ повторилъ:

— Да, это несомнѣнно «средствіе»!

Зачѣмъ это гнусное, дикое и жестокое «средствіе», противъ кого оно и противъ чего? Пріятель зналъ это и объяснилъ мнѣ. Сѣно, которое мы видѣли предъ собой и около котораго былъ неизвѣстно кѣмъ разведенъ огонь, принадлежало мѣстному старостѣ. Староста этотъ полтора года тому назадъ былъ обыкновенный, заурядный мужикъ-хлѣбопашецъ; но какъ только его выбрали въ старосты и какъ только въ рукахъ у него стали оказываться общественныя деньги (подати, страховые сборы, взысканія по распискамъ и т. д.), онъ немедленно же сталъ выходить въ люди обыкновеннымъ деревенскимъ порядкомъ: скупитъ сѣно по нуждѣ у сосѣдей-односельчанъ, перепродастъ вдвое—и подати внесетъ и въ карманъ положитъ. Оставшись безъ сѣна, крестьяне начинаютъ ему же продавать

скотину, которую нечѣмъ кормить (дешевая говядина, дешевая солонина); онъ покупаетъ и перепродаетъ—и опять кладетъ деньги. Оставшись безъ скотины, продаютъ ему же и землю на года за безцѣнокъ—и землю онъ беретъ. А такъ какъ безъ земли, безъ сѣна и безъ скотины дѣлать крестьянину нечего, то онъ идетъ къ разживающемуся старостѣ въ работники: пашетъ свою же пашню на своей скотинѣ и т. д. Все это весьма обыкновенно, все это ужасно въ смыслѣ разстройства массъ (главнымъ образомъ нравственнаго) и все это идетъ буквально въ каждой деревушкѣ. Говорятъ, для сбора налоговъ будутъ учреждены особыя лица, подъ названіемъ «податныхъ надзирателей», на обязанности которыхъ будетъ лежать не только сборъ налоговъ, какъ это теперь дѣлается «безъ разговору» господами становыми приставами, но еще наблюденіе за колебаніемъ доходовъ облагаемаго налогомъ лица и, сообразно съ этимъ колебаніемъ, назначеніе размѣра самаго налога. Если это будетъ, и если только господа надзиратели будутъ хоть что-нибудь понимать и имѣть хотя какое-нибудь представленіе о томъ, что̀ такое совѣсть, то можно быть увѣреннымъ, что такихъ «своихъ средствій», какъ то̀, на которое мы натолкнулись въ лѣсу, не будетъ въ деревнѣ. Податной надзиратель, видя, что такое-то семейство разстроилось отъ падежа скота, не будетъ (если только у него будетъ право поступать по-божески) брать того, чего хозяинъ семейства не можетъ дать, и не будетъ кабалить сосѣду, заставляя продавать сѣно, потомъ скотину, потомъ и землю. «Говорятъ», что проектъ объ этомъ, какъ изъ достовѣрныхъ источниковъ слышали газеты, изготовляется и, какъ «носятся слухи», уже поступилъ на разсмотрѣніе. Вотъ когда онъ будетъ приведенъ въ дѣйствіе и когда люди, подобные старостѣ, наживаясь и отбирая отъ сосѣдей и сѣно, и скотъ, и землю, будутъ нести и всѣ сосѣдскія тягости, т.-е. будутъ платить пропорціонально своей алчности, тогда, вѣроятно, и «средствія» для улучшенія своего благосостоянія будутъ избираться другія. Теперь же человѣкъ, случайно (мірскія деньги попали въ руки) получившій возможность эксплоатировать сосѣдей и, вопреки всѣмъ смысламъ, божескимъ и человѣческимъ, берущій соки изъ окружающихъ его сосѣдей, не можетъ не быть такимъ явленіемъ въ глазахъ этихъ сосѣдей, которое только волнуетъ, раздражаетъ и ничего не сулитъ въ будущемъ, кромѣ кабалы. Какъ же достигнуть того, что̀ имѣютъ въ виду до-

стигнуть комиссіи о подоходномъ налогѣ, засѣдающія въ городахъ и столицахъ? Какъ достигнуть того, что̀ можетъ быть достигнуто (какъ носятся слухи изъ вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ) хотя бы податными надзирателями, если у этихъ послѣднихъ окажется крупица свѣта бѣлаго въ головѣ? Какъ достигнуть этого въ деревнѣ, въ лѣсу, гдѣ иногда не умѣютъ даже словами формулировать угнетающей му̀ки, гдѣ не умѣютъ писать, не умѣютъ читать, не знаютъ, отъ кого ждать защиты, гдѣ не знаютъ, куда идти жаловаться, кому жаловаться, даже въ какихъ формахъ жаловаться? Да наконецъ развѣ можно жаловаться куда бы то ни было на то, что сосѣдъ, молъ, нашъ, староста, разбогатѣлъ?.. И вотъ въ этой тьмѣ, тоскѣ, нуждѣ и продолжительномъ ожиданіи пріѣзда господъ податныхъ надзирателей начинаютъ зрѣть скверныя мысли. Не натолкнись мы на огонь, разложенный около старостина сѣна, не было бы этого сѣна черезъ часъ, черезъ два, и староста былъ бы этимъ жестокимъ средствіемъ приведенъ «въ равненіе» по части доходовъ и платежей (обязанность податныхъ надзирателей) съ окружающими его сосѣдями.

Вотъ благодаря такимъ случаямъ, на которые судьба безпрестанно наталкивала и наталкиваетъ силу въ деревенской жизни, и притомъ въ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ ея ежедневнаго обихода, воображеніе мое и стало пугливымъ, стало облекать несвѣтлыми красками множество такихъ явленій деревенской жизни, которыя для человѣка съ ненапуганнымъ воображеніемъ проходятъ незамѣтными... Часто я спрашиваю себя: чего я боюсь?—И могу отвѣтить только: боюсь!.. Вотъ запахло гарью, мнѣ и представляется, что это вопросъ какой-то разрѣшается «своимъ средствіемъ», а средствіе—нехорошее. Положимъ, что въ данномъ случаѣ дѣло идетъ только объ учрежденіи податныхъ надзирателей,—ну, а какой вопросъ разрѣшается (пугливо думалъ я) тѣмъ, напримѣръ, что гарь, и дымъ, и смрадъ лѣсного пожара не прекращаются, а, напротивъ, усиливаются съ каждымъ днемъ, и все идутъ изъ того же знакомаго мнѣ угла?.. Вопросъ объ уравненіи доходовъ и платежей разжившагося старосты уже давно бы долженъ быть рѣшенъ, а дымъ все гуще и гуще. Какой же такой еще вопросъ разрѣшаютъ они тѣмъ же безобразнымъ средствіемъ?.. Не разрѣшаютъ ли они, думается мнѣ, на этотъ разъ какого-нибудь межевого или землемѣрнаго вопроса? Вѣдь недаромъ же было обнародовано (въ видѣ слуха),

что при министерствѣ юстиціи учреждена комиссія изъ представителей трехъ министерствъ, кажется, финансовъ, юстиціи и государственныхъ имуществъ,—комиссія, спеціально посвященная вопросамъ межеванія и образованная въ виду массы неправильностей, обнаружившихся за послѣднее двадцатипятилѣтіе въ планахъ на крестьянскія и помѣщичьи земли. Массы этихъ неправильностей, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, происходили просто отъ неумѣнья сдѣлать дѣло, отъ небрежности, простой усталости, а иногда просто «съ пьяныхъ глазъ», не говоря о злоупотребленіяхъ, о вынутыхъ изъ цѣпи звеньяхъ и т. д. Я даже лично имѣлъ случай бесѣдовать объ этомъ съ компетентнымъ лицомъ и слышалъ отъ него, что количество межевыхъ ошибокъ—невѣроятно, что ихъ необходимо распутать, но что распутать ихъ едва ли возможно въ скоромъ времени, такъ какъ провѣрка межевыхъ линій и знаковъ должна быть произведена по всей Россіи безъ исключенія, а на это необходимо не милліоны, а милліарды, потому что провѣрка, нанесеніе на планы и содержаніе межевщиковъ, таксаторовъ и землемѣровъ, въ общей сложности, составятъ одинъ рубль на каждую обмѣренную десятину. Судите сами, какія огромныя деньги необходимы для этой необходимѣйшей операціи! Но милліардовъ нѣтъ, и ошибки такъ и остаются ошибками.

Когда и какъ они будутъ разрѣшены—неизвѣстно. А дымъ и гарь все наноситъ и наноситъ вѣтромъ изъ того угла, гдѣ—мнѣ также достовѣрно извѣстно—и помѣщики и крестьяне «жалуются» на неправильные «планты». Я самъ въ тѣхъ мѣстахъ, откуда валитъ дымъ и гарь, видѣлъ два плана на одно и то же владѣніе: одинъ—представленный для залога въ банкъ, а другой—полученный при надѣленіи крестьянъ землею, и оба они не похожи во многомъ другъ на друга... На надѣльномъ планѣ у крестьянъ больше, а на банковомъ—у помѣщика больше; а бываетъ, что у крестьянъ меньше на надѣльномъ, а у помѣщика меньше на банковомъ: вотъ эти лоскуты и путаютъ, и мучаютъ, и разжигаютъ фантазіи... Гарь и смрадъ наноситъ вѣтромъ изъ того угла, въ которомъ «жалуются», а я думаю: «Ужъ не по межевой ли что-нибудь части? Ужъ не надумали ли межевые вопросы рѣшать своимъ средствіемъ?» И не безъ основанія я такъ думаю: цѣлую зиму изъ того самаго угла, откуда теперь идетъ дымъ и гарь, постоянно появлялись въ нашихъ мѣстахъ мужики съ новымъ, только-что сруб-

леннымъ лѣсомъ и задешево отдавали какъ лѣсъ, такъ и дрова. Напуганный покупкою краденыхъ липокъ (о чемъ я разсказалъ въ предыдущей главѣ), всякій разъ, какъ продавцы этого лѣса обращались ко мнѣ съ предложеніемъ купить, я непремѣнно задавалъ имъ вопросъ: «А не краденый онъ?»—«Что̀ вы, помилуйте!—обыкновенно отвѣчали мнѣ.—Будьте спокойны». И прибавляли: «Да ежели, въ случаѣ что̀, такъ вѣдь я присягу приму, что бралъ «со двора»... Что̀ мнѣ? Хоть сейчасъ извольте съѣздить къ Ивану Ермолаеву—у него полонъ дворъ наваленъ лѣсу... А я почемъ знаю... Я беру со двора... Кабы я рубилъ въ лѣсу—ну, такъ... А то мнѣ какое дѣло? Краденый онъ или нѣтъ, на мнѣ отвѣту не будетъ...» Такого рода отвѣты, заставляя меня отказаться отъ дешевой покупки, уже тогда, зимой, зарождали тревожныя мысли о томъ, что крестьяне какъ будто задумали собственными средствами исправить границы, неправильно нанесенныя на планы... И съ каждымъ днемъ я убѣждался, что предположенія мои имѣютъ основаніе, и не маленькое.

Однажды является продавецъ лѣсу и на обычный вопросъ: «Не краденый ли?»—отвѣчаетъ съ полнымъ изумленіемъ:—«Господи помилуй! Краденый... Какъ возможно!.. Вишь, какъ вы меня напугали... какими словами... Ахъ, ты, Боже мой, владыко, чудотворецъ!..» Несмотря на это изумленіе продавца, я указалъ ему, во-первыхъ—на дешевизну, сравнительную, конечно; во-вторыхъ—на то, что, какъ мнѣ извѣстно, въ ихней сторонѣ крестьянскій лѣсъ повырубленъ и такихъ бревенъ нѣтъ; а въ-третьихъ—на то, что и недавно мнѣ привозили такія же бревна, и тоже сомнительнаго происхожденія.—«Вотъ что̀,—сказалъ я въ заключеніе:—ты говори мнѣ по совѣсти, откуда лѣсъ... Вѣдь не изъ вашего крестьянскаго отвода?»—«Да нешто въ нашемъ лѣсу возможно такое дерево отыскать?»—отвѣчалъ продавецъ ужъ безъ всякихъ экивоковъ.—«Ну,—сказалъ я:—такъ не возьму!»—«Позвольте,—сказалъ продавецъ:—позвольте, не огорчайтесь... Я вотъ только скажу два слова».—Онъ отвелъ меня въ сторону и самымъ убѣдительнѣйшимъ шопотомъ сказалъ:—«Не безпокойтесь... Сдѣлайте ваше одолженіе! Будьте такъ добры! Извольте меня выслушать! Лѣсъ точно что спорный, это говоритъ нечего. Но только не безпокойтесь, сдѣлайте одолженіе—*я самъ у этихъ господъ лѣснымъ караульнымъ служу*... Чего же вы?.. Я... я,—онъ указывалъ себѣ на грудь:—самъ караульщикъ... Го-

споди помилуй! Чего же вы опасаетесь?» Этотъ въ высшей степени вѣскій, относительно безопасности покупки, аргументъ, вѣроятно, какъ нельзя лучше подѣйствовалъ на моего сосѣда, который охотно сталъ покупать у этого караульщика «спорный» лѣсъ; но что̀ касается лично меня, то я рѣшительно убѣдился, что «исправленіе» границъ, въ ожиданіи того момента, когда упомянутая комиссія найдетъ возможнымъ приступить къ этому же дѣлу, уже начато обывателями по собственному способу и ведется весьма энергически...

И точно, всю почти зиму изъ того угла, откуда теперь идетъ дымъ, ходили вѣсти, не обѣщавшія ничего хорошаго... «Рубятъ!»... «Они было-сначала по опушкѣ хозяйничали, а потомъ вошли во вкусъ, вломились въ самое нутро»... «Рубятъ»... «Ужъ будетъ имъ на орѣхи!»... Вслѣдъ за этими слухами, въ концѣ зимы, вдругъ прогремѣла вѣсть: «открыли», «такой-то барину объяснилъ». «Баринъ пріѣхалъ». «Теперь бу-у-удетъ!». Затѣмъ, что̀ ни часъ, то новости: «Нагрянули съ судомъ... Мужики прослышали, всю ночь задами вывозили бревна, разбрасывали подъ мостами, въ проруби, въ снѣгъ... Баринъ ихъ же нанялъ все это свезти въ одно мѣсто и ихъ же засудилъ... всѣхъ поголовно. Ужъ бу-у-у-удетъ!». Однако нѣтъ... Такъ какъ въ этомъ дѣлѣ замѣшаны не одни мужики, а и мужицкая аристократія—кулаки, то дѣло пошло по-иному. Пошла въ ходъ водка. Сходы разныхъ деревень составляютъ приговоры: «лѣсъ рубленъ у нихъ, въ ихнихъ надѣлахъ!..» Если бы не кулаки,—конечно, крестьяне попались бы. Кулаки, чтобы не попасться самимъ, заодно выручили и мужиковъ; мужики получили и лѣсъ, и за доставку его изъ овраговъ. Смѣху было «предовольно». Мошенничества еще больше. Баринъ бросилъ тяжбу и продалъ весь лѣсъ за безцѣнокъ крупному лѣсопромышленнику на срубъ. Это значило: «Пусть никому не достается. Не мнѣ, такъ и не вамъ!»—изобрѣтеніе чисто-русское рѣшать запутанные вопросы. «Пусть никому не достается!»—это совершенно нашъ способъ, нашъ пріемъ рѣшать общественныя дѣла. «Никому!»—лучше всего: никто не обиженъ, всѣ остаются въ дуракахъ, въ убыткѣ и въ нуждѣ. «*По крайности никому*»—вотъ рѣшеніе всѣхъ общественныхъ вопросовъ, и рѣшеніе, что̀ всего замѣчательнѣе, успокоительное!.. Такъ порѣшилъ баринъ... А теперь вотъ дымъ и гарь несутся изъ той стороны... «Ужъ не порѣшили ли и мужики на томъ же?»—думается мнѣ. Баринъ

сказалъ: «не мнѣ, такъ и не вамъ»,—почему же мужики не могутъ сказать: «не намъ, такъ и не вамъ»? И вотъ дымъ пошелъ... «Никому не доставайся!» — это тоже вѣдь «средствіе», средствіе до тѣхъ поръ, конечно, покуда «комиссія» не приступитъ наконецъ къ чему-нибудь уже во имя не общаго истребленія, а общаго удовлетворенія нуждъ. Но, говорятъ, нѣтъ средствъ. Средствъ дѣйствительно нѣтъ, и вотъ тихо и безшумно, «какъ свѣча», горитъ лѣсъ, стогъ сѣна... Смотришь на это и боишься... Много есть «вопросовъ», уже возбужденныхъ комиссіями,—такихъ, которые и народомъ возбуждены еще раньше,—а рѣшенія имъ нѣтъ покуда, кромѣ «своихъ средствій». Вотъ этихъ средствій-то и боишься, живя въ деревнѣ.

V. Отрадныя явленія.

Живя постоянно подъ гнетомъ неизвѣстности тѣхъ вопросовъ, которые сосѣди-мужички пожелаютъ (быть-можетъ, сегодня, а быть-можетъ, и завтра) разрѣшить, не дожидаясь окончанія трудовъ комиссіи, разумѣется, радъ-радехонекъ, если откуда-нибудь нанесетъ на тебя хоть капельнымъ, хоть съ булавочную головку «отраднымъ» явленіемъ. До какой степени иногда одолѣваетъ въ деревнѣ жажда какихъ-нибудь «отрадныхъ» явленій, читатель можетъ судить изъ нижеслѣдующаго радостнаго дня, который я сейчасъ опишу подробно и который, въ ряду сумрачныхъ и пустыхъ дней деревенской жизни, я не могу вспомнить иначе, какъ съ удовольствіемъ. Дѣло началось съ полученія газетъ, которыя принесли мнѣ первую въ этотъ день отрадную вѣсть. Само собою разумѣется, что, кромѣ этой отрадной вѣсти, въ газетахъ было все, что̀ бываетъ въ нихъ ежедневно, вотъ ужъ десятки лѣтъ подъ рядъ: былъ тутъ и священникъ, отказывающійся крестить, и священникъ, отказывающійся погребать, и священникъ, отказывающійся вѣнчать; былъ тутъ и урядникъ, который «просто» посадилъ кого-то въ холодную, былъ урядникъ, который сначала «придрался», а потомъ ужъ посадилъ, и былъ наконецъ такой, который сначала посадилъ, потомъ избилъ, а потомъ ужъ придрался... Были тутъ, разумѣется, извѣстія о массѣ пойманныхъ: одинъ пойманъ потому, что шляпа на немъ

была бѣлая съ малыми полями; другой—потому, что шляпа была черная и съ широкими полями; одинъ—потому, что не пилъ водки, когда всѣ пьянствовали; другой — потому, что, имѣя пальто съ бобровымъ воротникомъ, ѣлъ на вокзалѣ обыкновенный пирогъ въ три копейки; третій — потому, что шелъ съ книгой въ два часа ночи; четвертый—потому, что шелъ тоже ночью и громко заговаривалъ съ дамами, и т. д. Всѣ они, конечно, выпущены на свободу и оправданы. Затѣмъ были, разумѣется, хищенія отъ двухсотъ пятидесяти тысячъ до двухъ рублей, и были доносы въ политической неблагонадежности: одинъ доносъ священника на учителя за то, что учитель тотъ понравился матушкѣ; другой—за то, что не далъ старшинѣ ломаться въ классѣ и ругаться скверными словами; третій доносъ учителя на священника за то, что тотъ отбилъ у него невѣсту для своего племянника; былъ и доносъ племянника на дядю вслѣдствіе неправильной задержки невѣстинаго приданаго... Всѣ доносы по обыкновенію оказались ложными, а подсудимые выпущены на свободу. Были извѣстія объ утопившихся, застрѣлившихся и отравившихся: всѣ они оставили записки: «никто не виноватъ», или «растратилъ», или «надоѣло»... Вся эта куча мелкихъ подробностей обыденной жизни группировалась, по обыкновенію, вокругъ главнаго центра — «блага Россіи», «отечества», о которыхъ вопіяли передовицы, хроники, извѣщающія о «благотворныхъ случаяхъ»—все «изъ достовѣрныхъ источниковъ» въ «непродолжительномъ времени» и т. д.

Этотъ-то центръ, вокругъ котораго группируется масса безобразныхъ фактовъ и фигуръ, какъ-то особенно недоступенъ намъ, деревенскимъ жителямъ. Видимъ мы, что идетъ какое-то галдѣніе, что Россія, точно гоголевская лошадь, стоитъ въ этомъ центрѣ—понурая, съ раздвинутыми въ разныя стороны ногами, что сначала на эту лошадь лѣзетъ дядя Митяй съ дубиной, на которой написано: «въ непродолжительномъ времени» и «изъ достовѣрныхъ источниковъ», и начинаетъ дуть ее по головѣ; потомъ влѣзаетъ дядя Миняй, тоже съ дубиной съ надписью: «за недостаткомъ статистическихъ данныхъ» — и начинаетъ лупить ее по хвосту. Погомъ видимъ, какъ на несчастной лошади возсѣдаютъ и дядя Митяй и дядя Миняй, оба колотятъ, понукаютъ, кричатъ; что̀ они говорятъ, мы не слышимъ: толпа, давка и галдѣніе; но изъ всего этого гвалта явственно раздается голосъ дяди Михайлы, который, хотя

самъ и не влѣзаетъ на несчастную кобылу, но неумолкаемо подаетъ совѣты:—«Что̀ ты ее по головѣ-то дуешь! Ишь наладилъ! Нешто такъ можно? Ты въ хвостъ, въ хвостъ ее!» А начнутъ бить въ хвостъ, онъ кричитъ: «подъ брюхо, подъ брюхо накаливай!..» Примутся накаливать подъ брюхо, а дядя Михайла совѣтуетъ: «съ обѣхъ, съ обѣхъ концовъ-то налегни!..» Налегнулъ, а онъ: «кверху, кверху ее взбадривай, вздымай!..» Станутъ взбадривать кверху — сердится, кричитъ: «принагни ее къ земи-то!» Только-что станутъ дуть по спинѣ, къ земи пригибать, а ужъ онъ вопитъ: «съ заду-то, съ заду-то заходи, навались на спину, навзничь ее, съ боковъ-то нажми» и т. д. За этой толпой вопіющихъ, кричащихъ и ожесточающихся совѣтчиковъ мы вовсе не видимъ того несчастнаго существа, во имя котораго раздаются всѣ эти вопли и крики. Знаемъ, что оно существуетъ, потому что на него взбирается то дядя Митяй, то дядя Миняй, то оба вмѣстѣ...

Вотъ обыкновенныя газетныя впечатлѣнія. Впрочемъ, иногда къ этому заурядному галдѣнію присоединяется голосъ дяди Ивана и на нѣкоторое время весьма измѣняетъ надоѣвшую картину:—«Что̀ вы все по мордѣ да по мордѣ!—громко и энергично провозглашаетъ дядя Иванъ, появляясь около дяди Митяя, дяди Миняя и дяди Михайлы.—Что̀ вы все кнутовьемъ да дубьемъ!.. Вы бы догадались овсомъ, либо сѣномъ ее поманить—оно, пожалуй-что, и посходнѣе бы было». Эти простыя, подлинно справедливыя слова дяди Ивана, говорящаго обыкновенно громкимъ голосомъ, сопровождая рѣчь простецкими, умиротворяющими жестами, производятъ на галдящую толпу Митяевъ и Миняевъ обыкновенно весьма отрезвляющее впечатлѣніе; попробовать дать сѣна, покормить, вмѣсто того, чтобы колотить то спереди, то сзади, то съ боковъ—все это въ самомъ дѣлѣ такъ просто, такъ дѣйствительно справедливо и такъ легко разрѣшаетъ вопросы, которыхъ не могутъ разрѣшить ни дядя Митяй, ни дядя Миняй, ни дядя Михайла, несмотря на то, что охрипли отъ крика и «обколотили» руки «объ отечество»,—что обыкновенно вся галдѣвшая толпа, окружавшая безобразное зрѣлище и также дававшая только безобразные совѣты, какъ бы просыпается отъ кошмара и начинаетъ вопить: «Вѣрно! Такъ! Овса подавай! Что кнутовьемъ-то кормить! Овса ей! Давай овса! Сѣна!». Увлеченіе этими простыми и трезвыми словами бываетъ до того сильно, что даже дядя Михайла начинаетъ кричать (онъ всегда кри-

читъ, а никогда не говоритъ по-человѣчески):—«А я про что говорилъ? Не говорилъ я—не бей по головѣ? Развѣ я не говорилъ, какъ надо? Нешто сообразишься съ эстими идолами!» Но дядя Иванъ (Богъ знаетъ, что̀ съ нимъ дѣлается!) обыкновенно тутъ же и разрушаетъ то пріятное впечатлѣніе, которое всегда производятъ его первыя слова. Не то онъ пугается самъ простоты рѣшенія, не то боится, что несчастное существо, давно уже жаждущее сѣна, увидя, вмѣсто кнутовья, сѣно, уйдетъ, и дядѣ Ивану не о чемъ будетъ разглагольствовать, не то онъ самъ пріобыкъ къ галдѣнію о томъ, куда и какъ бить, не то боится разсердить пріобыкшую къ этому галдѣнію публику, не то боится Михайлы,—только немедленно же послѣ своихъ понятныхъ и справедливыхъ словъ начинаетъ бормотать всякія нескладицы, какъ будто имѣющія цѣлью сдѣлать такъ, чтобы все осталось какъ было, да и свои-то «простыя» слова пристроить гдѣ-нибудь въ этой свалкѣ. Выходили поэтому Богъ знаетъ какія вещи: только-что толпа оживилась, только что болѣе впечатлительные и правдивые люди бросились за сѣномъ и притащили его къ самому рту того существа, за которое дядя Иванъ вступился, какъ этотъ самый дядя Иванъ, также не спѣша и также якобы отъ всего сердца, начинаетъ говорить такія рѣчи:—«Ты что̀ ей сѣна-то къ мордѣ суешь? Тыщу лѣтъ по мордѣ стегали-стегали, да сѣномъ ей ротъ затыкать. Будетъ! Совались-совались—досовались до срамоты!..»

Въ газетахъ, полученныхъ въ тотъ радостный день, о которомъ я разсказываю, по обыкновенію, было все, что̀ придаетъ имъ способность производить на читателя удручающее впечатлѣніе вѣстями. Впрочемъ, въ послѣдніе годы общественные нервы до такой степени изорваны этими удручающими впечатлѣніями, что рѣшительно отказываются воспринимать ихъ, а въ деревнѣ, гдѣ ежедневный обиходъ жизни переполненъ явленіями жестокой зоологической, неотвратимой, всѣми признаваемой за неизбѣжную и дѣйствительно неизбѣжной правды (до поры до времени, конечно), нервная дѣятельность и вовсе оказывается несостоятельной: просто нельзя, нѣтъ физической возможности воспринимать все это, и надобно для собственнаго своего спасенія на множество вещей не обращать вниманія, будто ихъ и нѣтъ и не было. Но зато всякая малость, говорящая, что гдѣ-то и въ чемъ-то проявляется и можетъ проявляться хоть капля *какой-нибудь* правды, не напоминаю-

щей зоологической правды дремучаго лѣса,—иногда наполняетъ душу истиннымъ блаженствомъ. «Стало-быть, есть же живые люди! — думается тогда. — Стало-быть, не все кнутовьемъ, не все своимъ средствіемъ»... До чего иногда надо мало современному россійскому жителю, чтобъ обрадоваться и, ощупавъ себя, съ удовольствіемъ сказать себѣ: «Слава Богу, я живъ!» — укажу на подлинный фактъ, который можетъ быть удостовѣренъ самымъ точнымъ образомъ.

На вокзалѣ Николаевской дороги намъ пришлось видѣть мужика, который крестился и громко говорилъ:—«Дай Господи много лѣтъ здравствовать начальникамъ и первоначальникамъ... на многая лѣта!.. Пошли имъ Царица Небесная!»—За что такъ?—спросили его.—«Да вотъ теперича, дай Богъ здоровья, хоть загородокъ нѣтъ. Вѣдь что̀ такое? Вѣдь не желѣзная дорога была, а тюрьма!» Такъ было и со мною: меня обрадовали и ободрили такія вѣсти, которыя для господъ столичныхъ жителей или вообще обывателей городовъ не имѣютъ никакого значенія. Во-первыхъ, я былъ очень радъ, когда прочиталъ, что солдатъ, судившійся военнымъ судомъ *за растрату казеннаго имущества,* оправданъ. Стоялъ солдатъ на часахъ и отъ-нечего-дѣлать сталъ разсматривать патронъ; патронъ этотъ какъ-то нечаянно выскочилъ изъ его рукъ и упалъ въ грязь; солдатъ поднялъ его и сталъ очищать отъ грязи, хлопая имъ по стволу ружья; хлопалъ-хлопалъ онъ такъ-то, и вдругъ патронъ отъ сотрясенія разорвало; солдату оторвало палецъ, а начальство, узнавъ объ этомъ, предало его военному суду за растрату казеннаго имущества, т.-е. за то, что онъ растратилъ непроизводительно патронъ. Прокуроръ, подводя статьи закона, доказывалъ, что солдата надобно посадить въ тюрьму *на три года*, но судьи сказали: «нѣтъ, невиновенъ!». И не повѣрите, какъ было это пріятно: невиновный оказался невиновнымъ—это такъ великолѣпно, что я и выразить вамъ не могу. На три года!.. За что? За патронъ, который самъ растратилъ у солдата цѣлый палецъ?.. Но сколько же лѣтъ должны сидѣть интенданты? Сколько же лѣтъ должны бы сидѣть тѣ господа, которые растратили три милліона десятинъ башкирскихъ лѣсовъ и земель? Но правда не умерла. «Нѣтъ, невиновенъ!»—сказали судьи, и я радъ, ужасно радъ! Но еще больше я былъ радъ другому случаю: въ одной изъ провинціальныхъ газетъ была напечатана телеграмма, помѣченная какой-то станціей желѣзной дороги.

Какая станція и какая дорога, это все равно—важна сама телеграмма, въ которой сказано: «Начальникъ станціи отказывается выдать книгу для записыванія жалобъ. Публика ропщетъ. Кузнецовъ». Послѣднія слова телеграммы: «публика ропщетъ», напечатанныя на первомъ мѣстѣ подцензурной газеты, были для меня манной небесной. Стало-быть, можно и роптать, если начальникъ станціи, обязанный выдать жалобную книгу, не выдаетъ ея... Господи, да когда же было это видано, и притомъ когда подъ этой фразой можно было найти и подпись: «одобрено цензурою, 23 августа». Да и въ самомъ дѣлѣ, что̀ же это за мода—не исполнять законнѣйшихъ требованій публики? Просятъ жалобную книгу, которая *должна* по закону лежать всегда въ пассажирской залѣ на столѣ,—и не даютъ! И это поминутно, на каждомъ шагу: гдѣ только въ законѣ сказано: «не притѣсняй», тамъ непремѣнно «притѣснятъ» — такая ужъ мода. Но вотъ телеграмма: «публика ропщетъ», «одобрено цензурою»—стало-быть, можно роптать!.. Я весь дрожалъ отъ негодованія на этихъ «начальниковъ», которые только и знаютъ, что «не дамъ», да «нельзя», «пошелъ вонъ». И посмотрите, какую жалобу хотѣли записать пассажиры въ жалобную книгу. Шелъ поѣздъ; одинъ изъ пассажировъ, купецъ, вышелъ на платформу, и такъ какъ былъ подъ хмелькомъ, то, по неосторожности, свалился съ платформы на полномъ ходу,—свалился съ насыпи сажень въ шесть вышины. Публика замѣтила это и обратилась къ кондуктору: «Пассажиръ сейчасъ свалился—остановите поѣздъ». Кондукторъ испугался, но, сообразивъ, что онъ «служитъ», «получаетъ жалованье», и что онъ поэтому «начальникъ» вагона, отвѣчалъ: «Никакъ нельзя... по расписанію... съ опозданіемъ»... — «Но вѣдь тамъ человѣкъ свалился съ откоса на всемъ ходу!..»—«Нельзя... Надо доложить оберъ-кондуктору». Оберъ-кондукторъ, видя, что дѣло серьезное и что на немъ лежатъ обязанности, притомъ *серьезныя,* такъ какъ и жалованье онъ получаетъ за это, не нашелъ ничего болѣе серьезнаго, какъ сказать: «Невозможно... съ опозданіемъ... по расписанію...» — «Человѣкъ расшибся, упалъ съ платформы...»—шумѣла публика.—«Не извольте шумѣть! Я васъ высажу изъ вагона! Какое вы имѣете полное право шумѣть? Я здѣсь начальникъ!» Шумъ и крикъ усиливался, человѣкъ разбитый валялся въ ямѣ, поѣздъ мчался, а оберъ-кондукторъ былъ внѣ себя отъ дерзостей, которыя *ему* дѣлала публика. Однако, вѣроятно,

кукуевская исторія нѣсколько освѣжила этой публикѣ представленіе о самосохраненіи, и она не унималась; вѣдь въ самомъ дѣлѣ съ каждымъ можетъ случиться такая исторія, а все только «нельзя и нельзя» — что-жъ это за правило такое?.. Шумъ увеличивался, и всѣ искали — «кому пожаловаться». «Кому бы пожаловаться» на публику—искалъ кондукторъ, а публика искала—кому пожаловаться на оберъ-кондуктора. Наконецъ нашли. Сидитъ въ 1-мъ классѣ инженеръ желѣзной дороги — той самой, по которой шелъ поѣздъ—и читаетъ «Стрекозу». Оберъ-кондукторъ и публика—къ нему. Одинъ говоритъ: «Произносятъ дерзкія слова—позвольте записать фамиліи...» Другіе вопіютъ: «Человѣкъ свалился въ яму—остановите поѣздъ!..» Инженеръ становится на нейтральную почву и говоритъ: «Это не мое дѣло... Я нечего не знаю!..» Это тоже современная мода: видѣть, улыбаться, удивляться и говорить: «я ничего не знаю, не имѣю понятія...» Экспонента Зарубина *буквально* ни за что ни про что арестовали на московской выставкѣ, гдѣ у него были выставлены изобрѣтенныя имъ машины, и сколько онъ ни спрашивалъ у распорядителей: «За что?»—всѣ отвѣчали ему: «Я не имѣю никакого понятія, совершенно не понимаю!.. Какая нелѣпость!..»—«Такъ можно уйти?»—«Ничего не знаю! Уйти?.. Нѣтъ, нельзя!» — «Но за что же меня держатъ?» — «Не знаю!»—«Удивительно, а уйти нельзя»... Г. Зарубинъ однако *просто* ушелъ, взялъ и ушелъ. Вотъ и инженеръ также:—«Я ничего не понимаю... Потрудитесь замма-л-чать, иначе я»... Но шумъ увеличивался, послышались угрозы, поѣздъ остановили, воротили назадъ и нашли упавшаго пассажира съ переломленными руками, ногами, ребрами, въ безчувственномъ состояніи, всего въ крови. Публика взволновалась и по пріѣздѣ на слѣдующую станцію потребовала жалобную книгу. «Нельзя!»—говоритъ начальникъ станціи. — «Какъ нельзя?» — «Нѣтъ ключа»... — «Гдѣ ключъ?..»—«Послѣ, вотъ уйдетъ поѣздъ, я вамъ дамъ»...— «Какъ уйдетъ поѣздъ... Да съ поѣздомъ ѣхать надо намъ...— «Когда уйдетъ поѣздъ»... Наконецъ послали телеграмму, и тогда выдалъ книгу, но сказалъ:—«Па-аслушти, стѳитъ ли дря-азги?..» Да конечно стѳитъ!.. Какъ хотите, а въ этой исторіи видно, что «пробуждается» сознаніе, и что пробужденію не препятствуютъ: публика ропщетъ—это напечатано, а внизу: «одобрено цензурою». Стало-быть, еще поживемъ на бѣломъ свѣтѣ.

Но вѣнцомъ радости этого счастливаго дня былъ третій отрадный фактъ, и подарила мнѣ его не пресса, не газета, а самая жизнь. Пришелъ по какому-то дѣлу тотъ самый мужикъ съ деревяннымъ мозгомъ, который приложилъ печать подъ удостовѣреніе о неблагонадежности моего пріятеля, а его жильца,—человѣка, отъ котораго онъ «худа не видалъ». Разговаривая о томъ, о семъ (кажется, о дровахъ или о камняхъ—съ этимъ мужикомъ нѣтъ другихъ разговоровъ), онъ вздохнулъ и сокрушенно произнесъ:

— Вотъ и еще новый расходъ на шею себѣ намотали!

— Кто и какой расходъ?

— Да мы—обчество...

— Какой же?

— Да избу наняли для странныхъ людей... Теперь сами, чай, видите, сколь много народу идетъ нищаго. Всякій ночевать просится. А пусти—обокрадетъ... Вотъ и порѣшили нанять мірскую избу, чтобы всѣ, кому ночевать требуется, шли бы туда... То-есть, чтобы по дворамъ не пущать...

— Что-жъ, это отлично!

— Отлично-то отлично, а двадцать пять рубликовъ отдай за избу-то.

— Кому же это пришло въ голову?

— Коли меня обокрадутъ, да тебя обокрадутъ, да сожгутъ раза три всю деревню, такъ и придетъ въ голову... Спроси-ка-сь, кто у насъ не обокраденъ... Ну, всѣ и порѣшили.

Деревянный мужикъ долго разсказывалъ мнѣ насчетъ воровства и всякаго разбойства, но я и не слушалъ его—я былъ ужасно радъ еще разъ въ этотъ счастливый день.

«Это,—думалъ я:—тоже *своимъ средствіемъ*. Это—*новое;* этого *не было;* это *не хозяйственное,* а общественное, хоть капельку, но доброе. Тутъ есть ужъ вниманіе къ *чужому* горю, тоже капельное, но ужъ не только *свое*...»

И я былъ необыкновенно этому радъ. Сочтите теперь: солдатъ невиновенъ; публика имѣетъ право роптать, и въ концѣ концовъ мои односельчане тоже дѣлаютъ какое-то дѣло на томъ основаніи, что людей бросать зря нельзя... Все въ этихъ фактахъ говорило о какомъ-то пробужденіи сознанія—и не къ худу, а къ добру.

VI. «Съ человѣкомъ—тихо!».

Конечно, въ разсказанной мнѣ деревяннымъ мужикомъ исторіи объ открытіи ночлежнаго дома для «страннихъ» и прохожихъ людей не послѣднюю роль играло простое чувство самосохраненія, желаніе «отдѣлаться» отъ случайнаго, Богъ знаетъ откуда идущаго и невѣдомо что̀ думающаго человѣка; но «отдѣлаться» можно бы было и другимъ образомъ: просто не пускать, гнать отъ окна, въ которое обыкновенно стучитъ палочкой прохожій человѣкъ, просясь на ночлегъ: иди, молъ, куда знаешь, ночуй, гдѣ хочешь... Однако не случилось этого: обыватель пересталъ пускать на ночлегъ въ свой домъ, но безъ ночлега не оставилъ, и это послѣднее обстоятельство глубоко радовало меня... Въ этомъ поступкѣ виднѣлась уже капелька заботы о ближнемъ, капля состраданія къ нему, капелька мысли о томъ, что у человѣка есть какія-то обязанности къ человѣку же,—обязанности, не входящія въ кругъ заботъ и обязанностей моего дома, моего хозяйства, моего тяжкаго труда. Ночлежный домъ устроенъ не только для личнаго удобства обывателей, но и для удобства неизвѣстныхъ, не имѣющихъ пристанища, людей, а это ново, удивительно ново въ наши сѣрые, тяжелые, угрюмые дни... Вѣдь дѣйствительно мы всѣ рѣшительно забыли о томъ, что̀ называется чужая бѣда; «общее благо» превратилось въ самое пошлое выраженіе, не имѣющее смысла, выраженіе окаменѣлое и не только не разрабатываемое общественнымъ сознаніемъ, не только не совершенствующее это сознаніе, не очищающее его отъ непропорціонально владѣющихъ имъ страха жизни и узкости жизненной задачи, но, напротивъ, съ каждымъ днемъ приводящее понятіе о «благѣ» до размѣровъ маковаго зерна и твердости камня. Весь жизненный горизонтъ заставленъ такъ-называемыми вопросами, проектами и т. п., но холодомъ пустого погреба несетъ отъ нихъ. Рубль и желаніе не потерять его видно въ каждой изъ этихъ, загораживающихъ свѣтъ, «серьезныхъ» общественныхъ задачъ—человѣка не видать за ними! не видать его души, его мученій, страданій, недоумѣній, желаній... Весь горизонтъ заставленъ и загороженъ толпами людей, исполняющихъ обязанности, но не знаешь, во имя какой цѣли все совершается... Скрипятъ перья, сабля звякаетъ у бедра урядника, рысью ѣдущаго вер-

хомъ, сторожъ тащитъ кучу пакетовъ на почту — все это дѣла, отъ всѣхъ вѣетъ только однимъ: «не твое дѣло», «пошелъ прочь», «здѣсь *свои дѣла*, посерьезнѣе *твоихъ*». И вотъ эти-то «свои» дѣла, какъ непріятный и неделикатный гость, поселившійся въ вашей комнатѣ и не стѣсняющійся въ своихъ привычкахъ, несмотря на то, что онъ въ чужомъ домѣ, не даютъ возможности быть самимъ собой... Волей-неволей надо молчать и ждать, покуда неделикатность уйдетъ. Иногда изъ нежеланія самому поступить съ этимъ гостемъ грубо и выпроводить его, иногда изъ невольнаго страха вызвать въ неделикатномъ человѣкѣ еще болѣе неделикатныя черты характера, вы молчите, говорите себѣ: послѣ, когда уѣдетъ, я примусь опять за свое... И, право, если это неделикатное посѣщеніе продолжается долго, можно легко поддаться угнетенному душевному состоянію, потерять нить мыслей, прерванныхъ появленіемъ гостя, а иногда и забыть эти мысли, да такъ забыть, что и не вспомнишь... Гость уѣхалъ, а не знаешь, что̀ дѣлать, забылъ, о чемъ думалъ... «Что̀ это я хотѣлъ?» — припоминаешь, и не можешь припомнить...

Вамъ говорятъ: пакеты, которые сторожъ тащитъ на почту, и урядникъ, который ѣдетъ верхомъ, и вопросы, которыми загроможденъ горизонтъ, — все это дѣлается во имя общаго блага... Я нисколько не сомнѣваюсь въ этомъ — иначе зачѣмъ вся эта суета и возня?—но я не могу утаить, что у меня нѣтъ совсѣмъ съ этимъ связи, я по человѣчеству-то не задѣтъ этимъ за живое. Несмотря на то, что весь горизонтъ сплошь уставленъ и загроможденъ «серьезнѣйшими» вопросами, — какъ человѣкъ, живое существо, я чувствую, что мнѣ только холодно отъ нихъ... Вся психологическая сторона, вся духовная и экономическая драма хотя бы такого явленія русской жизни, какъ «кабакъ», на горизонтѣ обозначена «питейнымъ вопросомъ», но ничего общаго съ живымъ человѣкомъ, приведеннымъ къ кабаку множествомъ психологическихъ и иныхъ причинъ, не имѣетъ. «Патентъ есть?» — «Есть». Только и всего. А человѣкъ, валяющійся въ канавѣ, *къ дѣлу* не относится... Улучшеніе быта духовенства, стоящее на горизонтѣ, опять-таки игнорируетъ всю психологическую сторону дѣла. Загроможденъ горизонтъ вопросами, но всѣ они сужены до размѣровъ рубля серебромъ; всѣ они не освѣщены, не согрѣты и не соединены другъ съ другомъ мыслью о томъ существѣ, которое въ зоологіи назы-

вается «человѣкомъ», нигдѣ объ этомъ существѣ не сказано ни единаго слова. Всѣ вопросы поставлены въ обрѣзъ, жестко и «безъ разговоровъ». На первомъ планѣ стоитъ прямо «дороговизна съѣстныхъ припасовъ», а за припасами непосредственно слѣдуетъ «улучшеніе быта»; но зачѣмъ все это, и какую-такую мою, личную, человѣческую сторону будетъ удовлетворять тотъ или другой начальникъ, поборовъ дороговизну съѣстныхъ припасовъ,—неизвѣстно, и никто этого не знаетъ.

Да и вообще, говоря биржевымъ словомъ, «съ *человѣкомъ*—тихо», и вниманіе къ нему, къ его божественному (эва!) происхожденію превратилось въ нуль, и во всемъ мірѣ по этой части творится что-то недоброе... Возьмите хоть египетскую войну и скажите, было ли что-нибудь подобное съ сотворенія міра? Прежде воевали народы, но и владыки народовъ воевали одновременно — владыки даже вели бой... Теперь владыки съ владыками находятся въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, только и пишутъ другъ другу о дружескихъ чувствахъ, а подданные дерутся. И за что?.. Прежде всякая драка начиналась непремѣнно во имя какого - нибудь высшаго интереса, высшей цѣли... «Освободить гробъ отъ ига... Освободить отъ ига вообще... За вѣру... За порядки и цивилизацію... За освобожденіе... Наконецъ просто — покорить, завоевать...» Ничего этого нѣтъ въ данномъ случаѣ: завоевывать никто ничего не хочетъ; ни о вѣрѣ ни о свободѣ или освобожденіи нѣтъ и рѣчи, а просто только: «отдай деньги!» — и больше ничего. Въ Англіи вздорожали «съѣстные припасы» (такъ и въ манифестѣ объ объявленіи войны написано), нужны деньги, феллахъ не платитъ; и вотъ англійскіе купцы посылаютъ флотъ съ пушками и начинаютъ выбивать недоимку изъ мужиковъ Египетской губерніи. Заряжаютъ пушки, палятъ—палятъ день, два—и посылаютъ парламентера, у котораго на знамени написано: «Отдай апрѣльскій купонъ въ два съ полтиной!». Навстрѣчу этому парламентеру выѣзжаетъ другой, у котораго написано: «Повремените, покуда овесъ продадимъ, хотя до Покрова». — «Мы ужъ повременили,—отвѣчаетъ Сеймуръ, судебный приставъ англійскихъ купцовъ: — довольно! Вамъ довѣряли, хотѣли какъ лучше, а вмѣсто того—одна неблагодарность... Приноси купонъ, а не то опять начну выбивать пушкой. У меня разговоръ коротокъ». А падишахи въ это время сидятъ, пьютъ кофе, говорятъ другъ другу любезности и

ожидаютъ, когда уйдетъ судебный приставъ, чтобы опять взять въ руки бразды правленія. Сыновья солнца, братья луны, отцы вселенной не могутъ воспрепятствовать, при всемъ своемъ могуществѣ, истреблять собственныхъ своихъ подданныхъ купцу—истреблять тысячами за то, что у купца векселя неоплаченные въ карманѣ. «Банки возроптали...» А возроптали, такъ можно и изъ пушки двинуть... Совершенно частные интересы—банковые, акціонерные, интересы рубля — съ пушками вторгаются въ страну за полученіемъ недоимокъ, и сынъ солнца ничего не можетъ сдѣлать. Представитель англійскихъ міроѣдовъ съ пушками и бомбами лѣзетъ черезъ моря и океаны и кричитъ: «отдай купонъ!». Онъ знать ничего не хочетъ— ни трактатовъ ни конвенцій. «Это до насъ не касающее. Отдай купонъ, больше ничего!..» Претъ, преодолѣвая всѣ преграды и пренебрегая всякими приличіями и обычаями, и если обнаруживаетъ какое-нибудь и къ чему-нибудь вниманіе, такъ единственно только въ случаѣ, когда натыкается на другого купца, у котораго тоже векселя. Представитель совершенно *частной* компаніи, т.-е. кучки *частныхъ* лицъ, человѣкъ, не облеченный и каплею той власти, которою облечены падишахи, Лессепсъ, пріѣхалъ въ Суэцъ и говоритъ: «Тутъ я не пущу. Я тутъ *хозяинъ*... Я не позволю».—«Да намъ деньги надобно получить!» — возражаетъ Сеймуръ и лѣзетъ съ флотомъ, полагая, что разъ онъ сказалъ: «мнѣ деньги получить», такъ тутъ ужъ разступись все и вся... Однако нѣтъ! — «Да и намъ тоже нужно деньги получать, — возражаетъ Лессепсъ: — что̀ вы ужъ очень-то!»—«Да у меня векселя...»—ужъ робко возражаетъ судебный приставъ.—«И у насъ тоже векселя!»— гордо говоритъ Лессепсъ. — «Да вѣдь по купонамъ мнѣ надо съ нихъ получить... сами посудите, довѣряли, а на мѣсто того... Позвольте, пожалуйста, проѣхать, выпалить изъ пушки!»—«Мнѣ тоже надо получать по купонамъ».

Такъ и остановилъ *одинъ* цѣлый флотъ. *Одинъ* человѣкъ, *частное лицо,* представитель *десятка частныхъ лицъ,*— взялъ да и остановилъ цѣлый флотъ, не далъ ему ходу, не побоялся пушекъ и пуль, и имѣлъ силу все это сдѣлать *только* потому, что ему *тоже* надо деньги получать. Только потому его и понялъ и «уважилъ» другой представитель группы *частныхъ* лицъ и банковъ, что понималъ огромное значеніе акта полученія купоновъ. «И вамъ тоже по купонамъ?..»—«Да-съ, и мнѣ-съ!»—«Ну, извините...» А пади-

шахъ, сынъ солнца, братъ луны, при всемъ могуществѣ, не можетъ препятствовать ни флоту, ни разоренью подданныхъ, ни войнѣ, ни пожарамъ. Что же значитъ послѣ этого тотъ человѣкъ, съ которымъ расправляются,—феллахъ? Напрасно онъ кричитъ: «Дайте продать овесъ!», «Неурожай!», «Разорился!», «Позвольте вздохнуть!», «Извольте выслушать, отчего...»—никакого вниманія! — «Отдай купонъ!.. Заряжай! Пли!»... Вотъ какія дѣла стали дѣлаться на бѣломъ свѣтѣ! «Отдай купонъ, не то убью»; а что касается тамъ какого-то твоего «личнаго» счастья, какого-то національнаго достоинства, какихъ-то семейныхъ и общественныхъ обязанностей, какихъ-то умственныхъ и нравственныхъ недоумѣній, жизненныхъ задачъ—наплевать! «Отдай, а самъ хоть провались сквозь землю!» При такомъ «послѣднемъ словѣ», опредѣляющемъ главную задачу современной жизни, — словѣ, произнесенномъ и освященномъ отборными представителями отборнѣйшей и могущественнѣйшей націи всего свѣта—мудрено роптать на то, что урядникъ также выдвигаетъ на первый планъ «съѣстные припасы» и во имя ихъ желаетъ обезпеченія.

Но сказать о крайнемъ оскудѣніи «духовной дѣятельности» русскаго человѣка, о крайней ничтожности проявленій этой дѣятельности все-таки необходимо. Оскудѣніе духовной жизни до такой степени велико вообще, что иногда не только отказываешься дать объясненіе существованію всевозможныхъ лицъ, прикосновенныхъ къ всевозможнымъ учрежденіямъ, но не можешь объяснить и резона для собственнаго существованія. Живешь, глядишь и не знаешь—зачѣмъ все это, надобно ли это, изъ-за чего наконецъ на человѣчество навалилась такая масса необузданной скуки и почему такое мертвое молчаніе? Что вообще все это значитъ: «Домового ли хоронятъ, вѣдьму-ль замужъ отдаютъ?» Вѣдь необходимо же, чтобы для каждаго амплуа было какое-нибудь объясненіе. И притомъ, если это амплуа желаетъ, чтобъ я, обыватель, уважалъ его, то объясненіе его существованія непремѣнно должно быть для меня пріятное, вызывать во мнѣ сочувствіе, иначе я могу только переносить это амплуа, не имѣя съ нимъ ни малѣйшей внутренней связи. Недавно мнѣ, напримѣръ, разсказали, что батюшка сосѣдняго прихода, посѣтивъ умирающую женщину, обратилъ вниманіе на двѣнадцатилѣтняго мальчика-сироту и спросилъ его:—«Ходишь въ школу?»—«Нѣ!»—отвѣчалъ мальчикъ.—«Отчего?»—«Денегъ нѣтъ» (надо платить пять

рублей въ годъ). Батюшка подумалъ, поговорилъ съ мальчишкой и сказалъ:—«Ну, ходи въ школу — я за тебя пять рублей заплачу!» И точно, заплатилъ. Когда мнѣ разсказали объ этомъ случаѣ, повѣрите ли: я цѣлый часъ не могъ придти въ себя отъ изумленія. «Какъ, пять рублей?»—«Да такъ—жалко мальчишку стало».—«Да неужели только потому, что жалко стало?»—«Только!..» Удивительно, необыкновенно! Судите сами: *просто*, *такъ* (слова все диковинныя), батюшка *сжалился* и заплатилъ пять рублей за *чужого* мальчонку... Какъ хотите, а это удивительно. За это *въ самомъ дѣлѣ* слѣдуетъ уважать батюшку. Въ одномъ заграничномъ католическомъ городкѣ въ тяжкой болѣзни умирала русская женщина. Жила она въ бѣднѣйшемъ кварталѣ, въ бѣднѣйшей комнатѣ и послѣдніе дни ни откуда не имѣла помощи. Въ это трудное время, въ одинъ изъ самыхъ тяжкихъ и мучительныхъ часовъ, которые проводила умирающая на чужбинѣ, въ дверь ея комнаты послышался стукъ. Отворили. Патеръ просунулъ руку съ конвертомъ, поклонился и ушелъ. Въ конвертѣ было 20 франковъ. Это, конечно, фокусъ — эти 20 франковъ пущены въ ходъ для завоеванія всего бѣднаго дома, въ которомъ была умирающая; но зачѣмъ этотъ фокусъ и почему фокусъ такой, а не другой?—Потому, что его дѣлаетъ монахъ. Этотъ поступокъ вполнѣ объясняетъ его званіе. У насъ не такъ.—«Батюшка! сейчасъ повели въ волость драть Ивана Тимоѳеева. Богомъ вамъ божусь, занапрасно. Старшина на него осерчалъ, что онъ на учетѣ шумѣлъ, срамилъ его, и повелъ драть за грубость яко бы. Вступитесь!» — «На это, другъ любезный, отвѣчу я тебѣ кратко: не мое дѣло! Я сунусь, а онъ на меня—кляузу, вотъ и возись съ нимъ...» И точно, какъ сунулся съ чѣмъ-нибудь хорошимъ, такъ и—кляуза. Кляузу примутъ во вниманіе, а насчетъ «хорошаго» скажутъ: «не твое дѣло». Ужъ такое «заведеніе», такая привычка. И вотъ, повинуясь порядкамъ этого «заведенія», батюшка садится на лавочку около своего дома и, слушая, какъ въ волости кричитъ мужикъ, нюхаетъ табакъ и говоритъ:

— Ишь, какъ запаливаетъ!

— Смородины нарѣзалъ!—объясняетъ церковный сторожъ.

— Гдѣ же смородину-то брали?

— Да тутъ, у Авдотьи.

— Хороша смородина-то?

— Смородина-то у ней буйная...

— Буйная?.. Такъ хорошо бы у нея кустика два-три...
— Что-жъ, можно... У-ухъ, какъ задуваетъ!
— Да... Расходилась рука...

Вотъ почему мы предпочитаемъ другой типъ батюшки, который, говоря: «люби ближняго и помогай», въ самомъ дѣлѣ помогаетъ—даетъ пять рублей бѣдняку. Этотъ поступокъ оправдываетъ мѣсто, занимаемое имъ, и даже просьбу о прибавкѣ: она будетъ у такого батюшки формулирована не одною только дороговизной солонины, которая (какъ пишутъ въ прошеніяхъ) «*достигла* даже до 14-ти копеекъ!..» По этому же самому намъ, обывателямъ, пріятнѣй бы было, если-бъ и начальникъ станціи (о которомъ упомянуто вначалѣ), вмѣсто того, чтобы не давать жалобной книги, напротивъ, самъ бы прибѣжалъ съ ней, самъ бы сказалъ: «Боже, какое происшествіе!»—а не ломался бы, не говорилъ бы глупыхъ словъ: «съ опозданіемъ» и т. д., въ то время, когда живой человѣкъ разбился на нашихъ глазахъ вдребезги. По этому же самому намъ пріятны и судьи, которые оправдали солдата, «растратившаго патронъ», и сказали: невиновенъ. По этому же самому пріятны и мужики, которые наняли для нищихъ и для странныхъ домъ, купили дровъ, хотя и могли, на основаніи господствующей моды, вслѣдствіе которой «люби ближняго» значитъ: «чужая не приставай», или «не твое дѣло»—просто гнать нищихъ отъ своихъ воротъ, говоря кроткимъ голосомъ: «не прогнѣвайся», «иди себѣ съ Богомъ прочь!» и т. д. Спрашивается: что̀ же именно во всемъ этомъ пріятнаго и въ чемъ заключается эта пріятность? Неужели только въ томъ, чтобы понимать и знать, зачѣмъ существуетъ то или другое амплуа на бѣломъ свѣтѣ?—Нѣтъ, мнѣ мало понимать всѣ эти общественныя амплуа, мнѣ надо знать, что они хлопочутъ о томъ, чтобы мнѣ было лучше. Зла, тьмы, тяготы, невѣжества и такъ довольно—все это мы воспроизведемъ безъ всякихъ поощреній и одобреній; для увеличенія тягости и холода жизни не нужно никакихъ амплуа и не сто̀итъ такимъ амплуа давать прибавки, хотя бы солонина достигла и семнадцати копеекъ за фунтъ. Намъ надо добра, правды, облегченія жизни, ободренія того хорошаго, что̀ въ насъ есть; намъ надо, чтобы всѣ эти амплуа, хоть изъ пятаго въ десятое, знали и понимали, что̀ такое значитъ слово «общее благо». Но вѣдь ужасно сказать: самое понятіе, заключающееся въ этомъ словѣ, исчезло совершенно изо всѣхъ амплуа, и мы, обыватели, не чувствуемъ смѣлости проявлять

хорошія побужденія, убѣждаемся, что они вышли изъ моды, что главное — не это, а «не твое дѣло» и «дороговизна съѣстныхъ припасовъ». И стоитъ дьявольская тоска. Солонина «достигла» 20 к.—неизвѣстно отчего. Батюшка сидитъ дома и думаетъ объ улучшеніи быта—неизвѣстно съ чего. Въ волости «наказываютъ» Ивана Родіонова — неизвѣстно за что. Урядникъ ѣдетъ рысью—«неизвѣстно куда и зачѣмъ...» Неизвѣстно, зачѣмъ прилетѣла птица подъ окно... Солнце свѣтитъ... Солонина «достигаетъ»... И становится, «неизвѣстно отчего», «страшно»...

VII. Деревенская молодежь.

«...Однако,—возразитъ мнѣ читатель:—несмотря на всѣ ваши причитанья о томъ, что вообще понятіе объ общемъ благѣ какъ бы вообще изсякло и исчезло, дѣятельность народнаго духа вовсе не замерла. Вѣдь вотъ устроили же ночлежный домъ для странныхъ. И никакихъ тутъ ни указаній, ни поощреній, ни поддержекъ не было... Стало-быть, и безъ всякихъ наемныхъ или ненаемныхъ дѣятелей народъ сдѣлаетъ себѣ самъ все, что̀ ему нужно и что̀ онъ найдетъ полезнымъ. Лучше всего оставить его въ покоѣ, право...»

Все это справедливо, и все это я понимаю и знаю. Знаю я, что духъ народный не умеръ и не умретъ; знаю, что рано или поздно, убѣдившись, что «люби ближняго»—не одно и то же, что̀ «свои собаки грызутся—чужая не приставай», народъ «самъ» примется за объясненіе этихъ словъ. Знаю, сколько бѣдъ и напастей, зла и трудностей произойти отъ этого можетъ. Знаю я, что все это идетъ и сейчасъ на глазахъ у всѣхъ насъ, но я утверждаю, что это идетъ съ «ненужнымъ» зломъ, съ «ненужными» мученіями—идетъ безобразно, дико, нелѣпо. Вѣдь для того, напримѣръ, чтобъ устроить ночлежный пріютъ для «странныхъ» и сдѣлать это «своими средствіями», необходимо было, чтобы каждая изъ деревень, принявшихъ въ этомъ участіе, сгорѣла, по крайней мѣрѣ, раза четыре отъ трубки, которую забылъ прохожій въ сѣнѣ; надобно было, чтобы рѣшительно *всѣ* были много разъ обокрадены, хотя и въ разное время и въ разныхъ размѣрахъ. Крестный ходъ, учрежденный тоже по собственной иниціативѣ крестьянами села Зайцева, учрежденъ потому, что *весь* скотъ переболѣлъ у всѣхъ; другой

ходъ въ той же деревнѣ учрежденъ потому, что во всѣхъ дворахъ холера выѣла людей, и т. д. Надобно было, чтобы воровскія наклонности прохожихъ всѣми ощутились въ такихъ неудобныхъ размѣрахъ, чтобы *всѣ* заговорили о необходимости ночлежнаго дома... Но вопросъ о безпріютномъ человѣкѣ—такой огромный общественный вопросъ, что его можно и должно ставить предъ общественнымъ вниманіемъ, не дожидаясь, покуда онъ поставитъ себя воровствомъ, пожаромъ и т. д. Я очень хорошо знаю, что народъ не можетъ вѣрить, будто бы «люби ближняго» есть то же самое, что̀ «чужая не приставай», — знаю, что онъ будетъ искать подлиннаго объясненія этихъ словъ, знаю всю ту огромную му̀ку, которая ему предстоитъ; но почему я, зная это, долженъ молчать — этого я не понимаю и понять не могу. Такъ во всемъ. Нисколько не теряя вѣры ни въ народную душу ни въ народный умъ, мы, люди, принадлежащіе къ такъ-называемой интеллигенціи, но по несчастью забывшіе, что *обязанность* наша—непремѣнно помнить только о благѣ общемъ, чтобы дѣятельностью *въ этомъ* смыслѣ оправдывать свое положеніе, — присутствуемъ предъ поразительно-безобразнымъ зрѣлищемъ. Видимъ, какъ «своими средствіями» — всегда тяжелыми, грубыми, мучительными, исполненными страданій, ошибокъ и напрасныхъ мученій,— народъ ставитъ и пытается разрѣшить такіе вопросы, которые давнымъ-давно поставлены; глядимъ на это и *знаемъ*, что «рано ли, поздно ли» (десятками лѣтъ) онъ придетъ именно къ тому фазису вопроса, который давно у насъ ужъ предъ глазами... Народъ, идя къ разрѣшенію то̀го или другого занимающаго его вопроса, бредетъ ощупью, не зная завтрашняго дня... Мы знаемъ этотъ день и—молчимъ.

Опытъ осчастливить русскую землю помощью людей, хотя и называющихся общественными дѣятелями, но не имѣющихъ понятія о томъ, что общественная дѣятельность можетъ выражаться *только* въ заботахъ объ *общемъ* благѣ,— опытъ этотъ, какъ теперь всякому извѣстно, былъ сдѣланъ въ грандіознѣйшихъ размѣрахъ и, какъ тоже извѣстно, привелъ къ весьма неблагопріятнымъ результатамъ. Вѣдь не объ общемъ же благѣ заботились люди, расхищая милліоны оренбургскихъ земель, общественное народное достояніе и богатство? Вѣдь не объ общемъ благѣ хлопотали господа интенданты, расточая милліоны, десятки милліоновъ народныхъ денегъ, каждая копейка которыхъ добыта тяжкимъ трудомъ? Развѣ имѣли въ виду общее благо господа же-

лѣзнодорожники, кладя въ карманъ себѣ милліоны, сотни милліоновъ народныхъ денегъ и проводя дороги тамъ, гдѣ захочется? Развѣ объ общемъ благѣ думали массы хищниковъ, опустошая банки, растрачивая общественныя кассы, взламывая земскіе сундуки и т. д.? Развѣ объ общемъ благѣ думаетъ вся масса Псой Псоичей, Титъ Титычей, большихъ и малыхъ, вся свора міроѣдовъ и кабатчиковъ?.. А наше прошлое съ Тарасами Скотиниными, Митрофанушками, Фамусовыми, Репетиловыми, Скалозубами и т. д., и т. д.— развѣ оно повинно въ заботѣ объ общемъ благѣ? А наше настоящее съ Колупаевыми, Разуваевыми, съ дѣльцами, съ хищниками, со всей этою сворой всякаго сорта жестокихъ людей—развѣ оно слышало когда-нибудь объ общемъ благѣ?.. Но мы рѣшительно не въ силахъ даже приблизительно, даже въ общихъ чертахъ изобразить все могущество, все обиліе, все безпредѣльное пространство, которое наполнялъ и наполняетъ въ прошломъ, въ настоящемъ и будетъ наполнять въ будущемъ типъ человѣка, не имѣющаго понятія объ общемъ благѣ... «Будетъ», «довольно», ради Бога довольно *этого* типа!—отъ глубины возмущеннаго чувства можетъ только воскликнуть всякій русскій человѣкъ. Довольно *этого* типа! Пора ему выходить изъ моды! Онъ ничего не можетъ сдѣлать, кромѣ зла; онъ все расшатаетъ, расхититъ, налжетъ, предастъ и исчезнетъ, оставивъ однѣ развалины.

Вотъ этой-то интеллигенціи, для которой дороговизна съѣстныхъ припасовъ есть единственное руководство въ выборѣ той или другой общественной обязанности (сегодня—урядникъ, завтра—дьячокъ), воистину пора выходить изъ моды и дать дорогу—не скажу, уже готовой, «настоящей» интеллигенціи, а хотя тѣмъ вопросамъ общественнаго блага, которые могутъ образовать эту настоящую интеллигенцію. Да, еще «образовать» ее надобно — такъ она слаба, не увѣрена въ себѣ, во всѣхъ тѣхъ видахъ, которые доступны ей въ настоящемъ. Общественное благо, вопросы насущной жизни, изъ которыхъ оно слагается,—вотъ единственно, что̀ можетъ прекратить ту молчаливую, но жестокую борьбу такъ-называемыхъ партій, сосредоточившихъ свою ежесточенную мысль только на способахъ наилучшаго выраженія негодованія — сосредоточившихъ до такой степени, что за «способомъ» не видишь ужъ самой причины борьбы и только спрашиваешь: во имя чего же все это совершается?.. Только вопросы общаго блага, поставленные широко, сами собой уничтожатъ эту наемную изъ-за денегъ,

изъ-за съѣстныхъ припасовъ толкущуюся интеллигенцію и дадутъ смыслъ и частной и общественной жизни.

Скоро ли и когда именно наше отечество разлюбитъ отверженные типы наемной интеллигенціи — міроѣдство всевозможныхъ размѣровъ и формъ, скоро ли оно убѣдится, что искренняя забота объ общественномъ благѣ только одна и можетъ дать жизнь нашему, постыдно бездѣйствующему нравственному міру — не знаемъ и рѣшать не беремся; но о томъ, что въ отдаленіи отъ малѣйшаго знакомства съ обязанностями человѣка къ ближнему, къ обществу, воспитывается все милліонное молодое поколѣніе, сказать необходимо.

Въ «Наказѣ» Екатерины мы находимъ такія строки: «Законы должны быть книгою весьма употребительною и которую бы за малую цѣну достать можно наподобіе букваря... и для того предписать надлежитъ, чтобы *во всѣхъ* школахъ учили дѣтей непремѣнно: изъ церковныхъ книгъ и изъ тѣхъ, кои законодательство содержатъ». Книги, кои «законодательство содержатъ», — содержатъ кратко формулированный сводъ обязанностей отдѣльнаго человѣка къ обществу. Авторъ «Наказа» желалъ, чтобы съ гражданскими обязанностями народъ во всѣхъ школахъ былъ ознакомленъ наравнѣ съ религіозными. Слѣдовательно онъ считалъ нужнымъ не скрывать отъ массъ того, что̀ во имя общаго блага считается вреднымъ и полезнымъ, и т. д. И это было при крѣпостномъ правѣ, когда народъ могъ и не отвѣчать за свои общественные порядки, какъ бы дурны они ни были. Теперь, черезъ сто лѣтъ, ни о чемъ подобномъ нѣтъ и въ поминѣ. Нельзя говорить именно о томъ, что̀ нужно и о чемъ спрашиваютъ,—вездѣ ссылаются на крамолу, точно ее слѣдуетъ уничтожать поголовнымъ невѣжествомъ массъ...

Теперь представьте себѣ, что гдѣ-нибудь въ волостномъ правленіи или у сельскаго старосты совершается какое-нибудь изъ безчисленныхъ вопіющихъ дѣлъ: беззаконный контрактъ, пьяный судъ, нелѣпый учетъ какого-нибудь обиралы. Ни судьи, ни депутаты, ни «оконтрачиваемые» мужики—никто не знаетъ, что̀ пишутъ, что̀ считаютъ, какія цифры выговариваютъ, но чувствуютъ, что дѣлается что-то «въ ущербъ». Никто не знаетъ ни грамоты, не умѣетъ ни прочесть ни написать; некому по душѣ, по совѣсти, растолковать, вступиться и т. д. А напротивъ — школа, и тамъ никогда, ни по какому поводу ни батюшка ни учитель ни единымъ словомъ не заикнутся о томъ, что «нехорошо», молъ, такъ дѣлать, какъ дѣлается тамъ, напротивъ. Ни съ

божеской ни съ человѣческой стороны общественныя обязанности не обсуждаются, не становятся на очередь. Пишутъ о бѣломъ медвѣдѣ, о самоѣдахъ, рѣшаютъ задачу объ «аэронавтѣ, который, поднявшись на высоту 367 футовъ, уронилъ табакерку» и т. д. А кругомъ кишатъ милліоны задачъ, которыя должны быть удовлетворены этими же мальчиками, будущими деревенскими жителями, общинниками.

Не такъ давно, задумавъ составить книжку для дѣтскаго чтенія, я обратился къ нѣкоторымъ учителямъ К—ской губерніи съ просьбою задать ученикамъ сочиненія на разныя темы. Были выбраны: «Домовой и вообще нечистая сила», «Сходка», «Сирота» и «Драка». И что̀ же?—Лучше всѣхъ, то-есть разнообразнѣе и у каждаго по-своему были написаны сочиненія о нечистой силѣ!.. Тема—нейтральная: о домовомъ думай сколько хочешь, твоя воля — никто не мѣшаетъ. А хуже всего вышла «Сходка»,—явленіе, которое постоянно па глазахъ у всѣхъ. Сходку учителя должны были «растолковать», то-есть почти разсказать все содержаніе этой темы. Всѣ сочиненія вышли одно въ одно, слово въ слово — такъ, какъ растолковали учителя: офиціально, мертво, безъ единой живой черты. «Драка» и «Сирота»— явленія деревенской жизни, поминутно встрѣчающіяся, были еще хуже. Всякій видѣлъ и зналъ сироту и всякій глядѣлъ на драку—и все-таки очень плохо и небрежно написано и о томъ и о другомъ. О сиротѣ нужно было также толковать: отчего сирота бываетъ? Куда онъ дѣвается, когда онъ вырастаетъ?.. Всѣ эти вопросы удивили мальчиковъ тѣмъ, что вдругъ сдѣлались предметомъ вниманія и нѣкотораго изученія. Въ «Дракѣ» описывалось только, кто чѣмъ кого ударилъ: «она его желѣзиной, а онъ ее сгребъ» и т. д. А когда стали разспрашивать о причинахъ этой драки, вопросъ за вопросомъ, то очень многіе не могли ничего отвѣтить, хотя тема и была дана потому, что въ деревнѣ живетъ буйное семейство и живетъ много лѣтъ. Такимъ образомъ вниманіе къ ближнему, не изъ личныхъ только побужденій, оказывалось весьма мало развитымъ. Палку, которою бьютъ, примѣчаютъ, больно ли — тоже помнятъ, а корень этой горькой жизни, которая у всѣхъ на виду,— это не касается, или, по крайней мѣрѣ: «чужая не приставай». Самое общественное изъ общественныхъ дѣлъ — сходка—ни у кого не возбудило никакого серьезнаго вниманія, даже тѣни вниманія.

Я знаю, что лучшія силы въ народѣ не увѣруютъ въ то,

что «люби ближняго» значитъ—«чужая не приставай»; но упорное отсутствіе изъ народнаго воспитанія всего, что̀ способно облагородить душу человѣческую, не можетъ остаться безъ послѣдствій. Худы были и безобразны, нелѣпы, глупы и наглы тѣ типы всевозможныхъ саврасовъ и недорослей, выходившіе донынѣ изъ другихъ, болѣе достаточныхъ классовъ; но все это сравнительно съ тѣмъ, что̀ въ этомъ родѣ намъ предстоитъ видѣть, поистинѣ капля въ морѣ. Одно количество «саврасовъ будущаго» должно уже поразить своими громадными размѣрами, такъ какъ этотъ новый контингентъ олуховъ обѣщаетъ выйти не изъ такихъ сравнительно немногочисленныхъ слоевъ общества, какъ купечество, чиновничество и т. д., а изъ милліонной массы народа. На тысячу душъ навѣрно можно положить по пятку болѣе или менѣе благонадежныхъ міроѣдовъ; у всѣхъ у нихъ есть дѣти, опора и надежда; дѣти эти ужъ не работаютъ, не возятся въ навозѣ, они—въ «пинжакахъ», «при часахъ», взыскиваютъ по тятенькинымъ распискамъ и засѣдаютъ въ трактирномъ заведеніи. Коньякъ, портвейнъ—это имъ извѣстно. Карты также въ большомъ ходу. Эти новые люди никогда не знали и не узна̀ютъ, что̀ такое книги, что̀ значитъ читать, ни о какихъ буквально вопросахъ, ни жгучихъ ни нежгучихъ, никто и никогда изъ нихъ не думалъ, ни о какого рода работѣ мысли не имѣетъ понятія, не можетъ быть приставленъ ни къ какому дѣлу, гдѣ нужно напряженіе ума, потому что деньги наживаются простымъ отнятіемъ чужого. Лѣнь, наглость, невѣжество, гордость и страшныя замашки деспотизма, воспитываемыя покорностью и безропотностью снимающихъ шапки мужичонковъ, привычка постоянно торжествовать надъ всевозможными попытками этихъ мужичонковъ къ протесту—вотъ нравственный матеріалъ, съ которымъ ломится на общественную арену милліонная толпа дюжихъ, здоровенныхъ саврасовъ и недорослей новаго сбора. Что̀ вотъ съ этими-то молодцами дѣлать, когда они явятся попить, погулять, себя показать и другихъ посмотрѣть и во всякомъ случаѣ надѣлать «шкандалу»? Вѣдь они до тѣхъ только поръ могутъ считать себя тѣмъ, что̀ они есть, т.-е. потомками совершенно благонадежныхъ людей, называемыхъ, къ несчастью, міроѣдами, покуда ихъ поддерживаютъ деньги. Но вѣдь пропить ихъ не долго, и тогда что̀ они будутъ дѣлать съ своими волчьими ртами, деспотическими сердцами, пустыми головами и безъ малѣйшей привычки къ добросовѣстному труду?..

ВОЛЕЙ-НЕВОЛЕЙ.

Отрывки изъ записокъ Тяпушкина.

---

1. Вмѣсто предисловія.

1.

Ужъ и не пересчитаешь, сколько разъ я принимался за этотъ романъ, или повѣсть, или мемуары; сколько разъ я былъ вполнѣ увѣренъ, что это надо сдѣлать, и сколько разъ разувѣрялся! Сотни разъ—какое?—сотни тысячъ разъ, по крайней мѣрѣ, рука моя написала: «глава первая», двѣсти тысячъ разъ она написала: «часть первая, глава первая», и всѣ эти сотни тысячъ начинаній оканчивались тутъ же, на мѣстѣ, большей частью на этой же несчастной первой главѣ, а иногда и первой строкѣ... Потому что... что̀ такое я?—человѣкъ неопредѣленнаго положенія, неопредѣленнаго званія, человѣкъ случайныхъ средствъ, человѣкъ случайнаго «встрѣчнаго» общества, человѣкъ неуравновѣшеннаго нервнаго развитія,—слѣдовательно какой же можетъ быть толкъ отъ моихъ наблюденій для людей, живущихъ не такимъ, «какъ бы по вѣтру гонимымъ» обычаемъ? Только скучно! А еще будетъ скучнѣе, если я скажу, что наблюденія моего «отрывочнаго» существованія я, приступая къ ненаписанному роману, думалъ свести къ доказательству того, что такое явленіе, какъ я, положимъ, хоть Иванъ Тяпушкинъ, во-первыхъ, явленіе не единичное, а, такъ сказать, «продуктъ» такихъ-то и такихъ-то неизбѣжныхъ вліяній, продуктъ, личныя свойства котораго присущи... всему русскому обществу и народу! Если же я еще прибавлю къ этому, что личныя эти свойства заключаются въ неизбѣжности

«пропасть» за что-то, лично меня не касающееся, нисколько даже мнѣ иногда не нужное, что, съ другой стороны, отдавшись этому личному, я такъ же *долженъ* пропасть, пустить себѣ пулю въ лобъ, то ясно будетъ, что навязать такую «неизбѣжность» всему обществу невозможно. И вотъ почему, написавъ: «часть первая», «глава первая», я тотчасъ же и прекращалъ работу... А ужъ сколько этихъ началъ было! И «въ одинъ лѣтній вечеръ»... И «солнце склонялось къ горизонту»... И «Марья Васильевна лежала на кушеткѣ»... Одинъ разъ было даже: «полулежала»... Ну, да что! Молчаніе!.. Молчаніе!..

Но въ послѣднее время, или, вѣрнѣе, въ самые послѣдніе дни послѣдняго времени цѣлый рядъ явленій жизни, поистинѣ достойныхъ носить названіе «наглядныхъ несообразностей», вновь и съ особенной силой возбудилъ во мнѣ желаніе вытащить опять на свѣтъ Божій мою любимую идею, что извѣстному поколѣнію русскаго общества обязательно было «пропасть» во имя чужого дѣла, чужой работы, пропасть волей-неволей, потому что къ этому его привела вся всечеловѣческая жизнь и вся всечеловѣческая мысль, и что если оно не увѣруетъ въ это, не укрѣпитъ себя въ этомъ, то ничего, кромѣ самой ужасающей, безплоднѣйшей и адски-мучительной глупости, выработать оно не можетъ. Эту любимую идейку о необходимости «пропасть» во имя лично для меня ненужныхъ, даже нежелательныхъ обязанностей, обязанностей тяжелыхъ, непривѣтливыхъ, я и захотѣлъ вновь показать на опытѣ моей случайной, во многомъ суженной, изуродованной жизни. Явленія современной жизни, о которыхъ я говорю, сдѣлали то, что даже самая узость моихъ наблюденій, которая всегда меня пугала, теперь какъ бы ободряла, именно потому, что я самъ «суженъ» и всѣ мои наблюденія «сужены» какъ разъ на этой неизбѣжности «пропасть» не за свое, а за чужое, за что-то, отъ чего мнѣ ни тепло ни холодно, и т. п. Или, нѣтъ—холодно! Ужасъ даже какъ холодно!..

А точно, мнѣ неизвѣстно даже, гдѣ и когда могли бы происходить такія явленія, о которыхъ я только-что говорилъ. Послѣдніе мѣсяцы настоящаго года я, за неимѣніемъ мѣста, провелъ такъ: поживешь въ Петербургѣ, устанешь—поѣдешь въ деревню къ пріятелю; тамъ поживешь, устанешь, поѣдешь въ Петербургъ... и такъ четыре мѣсяца подъ рядъ мыкался я и туда и сюда, уставалъ, уставалъ и уставалъ... и наконецъ до такой степени измучился, что

одно время думалъ о неизбѣжности смерти, вслѣдствіе неотразимо надвигавшагося на меня психическаго разстройства, грозившаго умопомѣшательствомъ. Но, къ счастью, вдругъ какъ-то напалъ на мысль—писать опять ту же ненаписанную повѣсть...

Впрочемъ, прежде всего необходимо подробно разсказать, какъ и отчего именно я уставалъ; надобно разсказать, какъ я провелъ осень, что̀ видѣлъ и испыталъ. Необходимо иной разъ коснуться и такихъ сценъ и фактовъ, которые пригодятся только потомъ, долго спустя послѣ этой первой главы моихъ замѣтокъ. Разсказывать всего по порядку — рѣшительно невозможно; впору справиться только съ самымъ памятнымъ и примѣтнымъ. Начну эти воспоминанія о прошлой осени съ такого событія, которое памятно не для одного меня, а для всей Россіи. Я говорю о похоронахъ Тургенева. Спрашиваю всякаго изъ ста тысячъ человѣкъ народа, присутствовавшаго на этихъ похоронахъ, что̀ это такое было, какъ не непрерывная цѣпь самыхъ невозможныхъ несообразностей, волею запутавшейся жизни сдѣлавшихся обязательными, неизбѣжными? Начиная съ появленія гроба въ дверяхъ варшавскаго вокзала и кончая могильнымъ холмомъ—весь восьмичасовой промежутокъ времени, ушедшій на процессію, обязывалъ рѣшительно всякаго изъ сотенъ тысячъ народа, присутствовавшаго на этихъ похоронахъ, переживать рядъ самыхъ непослѣдовательныхъ, нелогическихъ, болѣзненныхъ, безсвязныхъ впечатлѣній, и въ то же время сознавать, что нелогичность, безсвязность, непослѣдовательность ихъ нужны, необходимы, неизбѣжны,— словомъ, что «такъ надо», хотя въ то же самое время и совершенно «не нужно». Ясное, свѣтлое осеннее утро; цвѣты, ленты и гробъ писателя, при имени котораго и при воспоминаніи о которомъ никакого иного представленія, кромѣ того, что и посѣтитель и читатель его выносили — и отъ знакомства и отъ чтенія—исключительно хорошія, свѣтлыя впечатлѣнія. Воспоминаются самые тихіе, пріятные, простые образы, густолиственныя аллеи, красота... молодость... любовь... глаза, заплаканные невинными слезами... кисея какая-то подвѣнечная чудится невѣдомо почему... холодные пальцы робкой женской руки... А на душѣ у всѣхъ тягота, камень сознанія, что «не намъ и не ему сей ѳиміамъ пахучій, цвѣты и лавры—нѣтъ!»... *). Что «тернъ колючій» *должны* мы вспо-

*) Стихъ Я. П. Полонскаго.

минать... по случаю, какъ видите, совершенно неподходящему. При болѣе или менѣе здоровыхъ условіяхъ жизни, и «тернъ колючій» вспомнили бы мы въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, а теперь онъ вспоминается вовсе не у мѣста, и выходитъ такъ, что *надо* вспоминать колючій тернъ въ такихъ обстоятельствахъ, которыя соотвѣтствуютъ именно лаврамъ и цвѣтамъ. Такъ вышло! Такъ надо! И вотъ съ такимъ-то извращеннымъ волею судебъ состояніемъ духа, съ камнемъ на душѣ, тысячи народа идутъ четыре-пять часовъ; мертвое молчаніе, напряженность, обязанность идти и знать, что внутренній душевный холодъ обязателенъ. Идемъ, и вдругъ видимъ взводъ казаковъ, молодецъ къ молодцу, которые почему-то невольно напоминаютъ стихъ Пушкина: «вмигъ слетѣлись въ общемъ крикѣ»... и даже не весь стихъ, а одно только слово «вмигъ».

Бога ради, читатель, не думайте, пожалуйста, что, заговоривъ о казакахъ, я сдѣлалъ это изъ желанія представить себя «какимъ-нибудь этакимъ» либераломъ, фанфарономъ, который представляется возмущеннымъ, фыркаетъ, осуждаетъ, фордыбачитъ,—словомъ, «отличается» смѣлостью и свободою своихъ просвѣщенныхъ идей. Ничуть и ни въ какомъ случаѣ. Я и говорю объ этихъ закубанскихъ молодчинахъ именно въ подтвержденіе той странности современныхъ «наглядныхъ несообразностей» жизни, что они, закубанскіе молодчинищи, *должны* были непремѣнно присутствовать здѣсь, и что начальство непремѣнно должно было послать ихъ сюда. Такъ сложилась жизнь, что на похоронахъ Тургенева должно было и вспомнить тернъ колючій и созерцать закубанцевъ. И всѣ это отлично понимали, и всѣ чувствовали несомнѣнно, что все это весьма странно и удивительно. Въ самомъ дѣлѣ, какая тутъ связь съ литературной дѣятельностью Тургенева и всѣми воспоминаніями о немъ, которыя роятся у всѣхъ присутствующихъ, начиная отъ частнаго пристава до студента съ вѣнкомъ въ рукахъ?— Никакой. Тургеневъ—и закубанецъ... вѣдь это Богъ знаетъ что! А *надо*, и всѣ знаютъ, что надо. Нелѣпо, а необходимо; и вообще такъ вышло.

Итакъ, пройдя пять часовъ съ каменной тяготой воспоминаній о колючемъ тернѣ, вмѣсто цвѣтовъ и лавровъ, миновавъ несообразную и въ то же время вполнѣ понятную встрѣчу съ закубанцемъ, мы наконецъ достигаемъ могилы и слушаемъ рѣчь Бекетова объ астрономіи Теперь позвольте сосчитать всѣ впечатлѣнія, которыя мы пережили: Турге-

невъ, Ася, густолиственная аллея, кисея подвѣнечная, закубанскій эскадронъ, рѣчь объ астрономіи. Какую связь, живую, здоровую, все это имѣетъ между собой? Живой и и здоровой связи нѣтъ. Хоронимъ Тургенева, создателя цѣлой толпы чудныхъ и нѣжныхъ образовъ, а говоримъ объ астрономіи; при чемъ тутъ Тургеневъ? Ровно не при чемъ. А закубанецъ при чемъ? Тоже не при чемъ... Елена, Инсаровъ, Лаврецкій, густолиственная аллея... а плеть закубанская какъ попала? Неизвѣстно!.. Теперь, если такъ взять: какая связь между плетью и астрономіей, между вѣнкомъ отъ женскихъ курсовъ и закубанскимъ эскадрономъ? какая связь между Тургеневымъ и астрономіей, между астрономіей и терніемъ колючимъ?—Ровно никакой!

Но жизнь наша пошла такими дебрями, дала такой нелѣпый оборотъ, что на каждомъ шагу стала создавать явленія тяготы, неизбѣжной, вполнѣ неминуемой и вполнѣ нелѣпой, и главное — безплодной. Возвратившись съ этихъ похоронъ, я чувствовалъ себя совершенно избитымъ впечатлѣніями дня. «Тургеневъ, эскадронъ... астрономія... а надо!» Вотъ что сверлило мой мозгъ, какъ буравомъ... Почему «надо»?—спрашивалъ я себя, и тутъ мнѣ почему-то припоминалось освобожденіе крестьянъ, 19-е февраля, стремленіе въ народъ, «народное благо»... И тогда я впадалъ въ отчаяніе еще бо́льшее, потому что мои мысли еще болѣе спутывались, такъ какъ въ нихъ начинала чередоваться еще бо́льшая масса непонятныхъ и несоединимыхъ представленій... Освобожденіе... Ася... астрономія... 19-е февраля... закубанецъ... Тургеневъ... аллея... Какъ же все это могло выйти изъ 19-го февраля? Но когда начнешь думать объ этомъ, то приходишь къ роковому—«надо!». Такъ вышло! А когда опять начнешь перебирать въ подробностяхъ картину, которая вышла, то сталкиваешься съ подавляющимъ вопросомъ: къ чему же все это нужно? Чего надо достигнуть всѣмъ этимъ? Зачѣмъ это и какой прокъ отъ этой адской тяготы,—тяготы одинаково не удовлетворяющей никого: ни закубанца, ни Тургенева, ни астрономію, ни начальство?

Нѣтъ! надо отдохнуть! Отдохну, очувствуюсь, а потомъ и соображу.

2.

Отдохнуть я поѣхалъ въ деревню, къ пріятелю... И точно, здѣсь въ деревнѣ, по крайней мѣрѣ, понимаешь то, что видишь, и, глядя на то или другое явленіе, можешь отвѣтить

на вопросы: почему, зачѣмъ, отчего? Напримѣръ, тотчасъ по пріѣздѣ на станцію и по выходѣ на платформу я, несмотря на тьму зимней ночи, вижу, что поблизости платформы скопилась масса извозчиковъ. Вижу это и понимаю, что, стало-быть, «пріѣли» хлѣбъ-то за первые же мѣсяцы зимы, что надобно его покупать, и вотъ почему десять человѣкъ пріѣхало за двумя пассажирами. А вотъ осенью, въ сентябрѣ, когда только-что убрались съ поля и когда хлѣбъ былъ у всякаго, тогда ни единаго человѣка нельзя было отыскать у той же самой платформы. Тьма и дождь, а ты ходи по платформѣ да жди бѣлаго свѣта. А если и навернется какой мужичонка, то только фордыбачитъ и иного слова какъ «рупъ» даже и понимать не хочетъ. Все это видимо и ясно.

Изъ десяти толпившихся на платформѣ, въ ожиданіи двухъ-трехъ пассажировъ, крестьянъ, окутанныхъ въ какую-то рвань, съ обледенѣлыми бородами и усами, мы— буквально два пассажира: какой-то лавочникъ и я — выбрали самаго подходящаго по части нужды въ хлѣбѣ: маленькаго двѣнадцатилѣтняго мальчика. Крошечная фигурка, въ большой ямщичьей шапкѣ, съ кнутомъ изъ-за пояса, достигавшимъ до полу, приглашала пассажировъ такимъ же точно голосомъ, съ такими же точно жестами и ухватками, какъ и взрослые бородачи, съѣвшіе свой хлѣбъ до Рождества. Ужъ если этотъ ребенокъ зябнетъ здѣсь въ три часа ночи, когда ему самое время спать, — стало-быть, въ его семьѣ и въ самомъ дѣлѣ жутко.

Сѣли и поѣхали, т.-е. сначала сѣли и сидѣли довольно долго, покуда мальчишка дралъ свою лошадь кнутомъ. Дралъ онъ ее весьма долго, послѣ чего она потянулась впередъ, потомъ еще потянулась, а потомъ ужъ и сани поѣхали...

— Видно, кормишь плохо?—спросилъ лавочникъ.

— Знамо, плохо!

— Сѣна нѣту?

— Нѣту!

— Такъ! Отъ этого она и нейдетъ.

— Знамо, отъ этого. Кабы кормъ былъ, такъ пошла бы.

— Вѣрно!—сказалъ лавочникъ

И я подтвердилъ это. Все тутъ понятно и правильно.

Мальчикъ постоянно долженъ былъ стегать лошадь кнутомъ и дергать вожжами, чтобы принудить ее страхомъ наказанія исполнять свои обязанности. И лошадь шла, подпрыгивая отъ каждаго удара. Но у кабака она вдругъ

стала. Мальчонка сталъ опять изо всеи силы стегать ее и приговаривалъ:

— Это тятенька тебя, проклятую, пріучилъ...

— Али пьетъ родитель-то?—спросилъ лавочникъ.

— Эво! Знамо, пьетъ... У него только и дѣловъ, что пить...

— Отчего такъ ослабъ?

— Лѣнивый сталъ...

— Лѣнивый?.. Да ты чей будешь?

Мальчикъ сказалъ.

— Ну, знаю, знаю!.. Много-ль васъ въ семьѣ-то?

— Девять человѣкъ, да мать, да отецъ...

— А мужчиновъ-то много-ль?

— Да я одинъ.

— А то все дѣвки?

— Все дѣвки...

— Ну такъ, такъ!.. Ослабъ! Отъ этого отъ самаго... Кабы мальчиковъ побольше, онъ бы, отецъ-то, пободрѣй былъ: все бы ему надежда на подмогу, то-есть по мужской части, въ хозяйствѣ... Ну, а то все дѣвки, это худо!.. Такъ, такъ, знаю!.. И мать-то твою знаю. Ужъ баба! Идетъ съ рѣчки, на одной рукѣ одинъ ребенокъ, на другой—другой, за руку третьяго ведетъ, четвертый за подолъ, да коромысло съ ведромъ черезъ плечо, да на коромыслѣ-то бѣлья, рубахъ и прочаго настирано, навѣшано пуда съ два, да валикъ за поясомъ. Ноги какъ у цапли, тонкія да жилистыя... Всѣхъ кормитъ, отъ всѣхъ отгрызается, направо лягнетъ, налѣво амкнетъ... воюетъ за свое гнѣздо — одно слово! Вотъ отъ этого-то и разстройство—нѣтъ равновѣсу! Все на бабій бокъ вышло! Ну, мужику-то ужъ и обидно, въ родѣ какъ подначальный у нихъ, потому эво ихъ какая сила!.. Что-жъ, отецъ-то дюже ослабъ?

— Отецъ-то? И совсѣмъ какъ полоумный сталъ.

— Что-жъ онъ дѣлаетъ по дому-то?

— Да чего ему? Лежитъ на печкѣ да пьетъ. По осени пошли молотить, а онъ колеса пропилъ.

— Ай-ай-ай!

— А то вотъ хомутъ хотѣлъ продать — слава Тебѣ, Господи, я хватился, пымалъ его: «куда ты, молъ, полоумный, тащишь хомутъ-то?». Ну, отнялъ отъ него... «Нѣтъ, братъ, говорю, погодишь!»

— А онъ что же?

— Чего ему? Пошелъ на печку, ругается... «Мнѣ, говоритъ, литокъ хотѣлось попить!»

— Чего?

— Литокъ хотѣлось ему попить... «Водки, говоритъ, хотѣлось...»

— Попить?

— Да! «Попить бы мнѣ водочки, говоритъ, литокъ!.. скучно мнѣ, говоритъ, стало, попить захотѣлъ». — «Нѣтъ, говорю, любезный, погодишь!.. Ты бы, говорю, хошь лошадь мнѣ помогъ запрячь на станцію-то съѣздить... Ты видишь, я еще малъ, мнѣ иное дѣло и не въ силу... Я вотъ пахать принялся-было, такъ только и руки и ноги вывихлялъ, еще силовъ нѣтъ, а ты только бы попить тебѣ, дураку».— «Мнѣ, говоритъ, скучно... Стану я тебѣ подсоблять, когда ты у меня хомутъ, подлецъ этакій, отнялъ». Да чего! На станцію-то не пущаетъ. Во всемъ домѣ хлѣба нѣту куска, а сталъ я ночью собираться — не пущаетъ. «Спи, говоритъ, чортъ! Покоя отъ васъ никакого нѣту. Вотъ встану— бить зачну...» Вѣдь вотъ какой полоумный! Чуть-было не прибилъ!..

— Да, ослабъ, ослабъ! Да и ослабнешь!

Лавочникъ соскочилъ на перекресткѣ, а мы поѣхали дальше. Пустынный промежутокъ между двумя деревнями... самый молчаливый часъ ночи... темно, мрачно, тихо... И въ темнотѣ виднѣется что-то болѣе темное: присматриваясь, можно различить темную фигурку, еще болѣе маленькую, чѣмъ мой извозчикъ, и маленькія, также черныя, салазки. Темная фигурка маленькаго мальчика съ салазками посторонилась и забрела въ сугробъ снѣга.

— Куда это онъ въ такую пору?

— Въ лѣсъ идетъ!

— Зачѣмъ?

— А за дровами!

— Зачѣмъ же ночью-то?

— Да вѣдь воровать будетъ. Нешто днемъ можно? Вѣдь увидятъ, а теперь спятъ.

— Развѣ своего лѣсу нѣтъ?

— Кабы свой былъ, такъ не воровалъ бы...

— А ну, какъ его волки съѣдятъ?

— Такъ чего-жъ имъ не съѣсть? Захотятъ, такъ и слопаютъ... Но... голодная!

«Вѣрно!»—подумалось мнѣ. И все опять-таки правильно и понятно.

И на другой день все также хорошо... Утромъ выхожу на крыльцо вмѣстѣ съ моимъ деревенскимъ пріятелемъ.

Стоитъ человѣкъ въ пиджакѣ, шарфѣ и картузѣ. Человѣкъ этотъ давно мнѣ знакомъ — ремесломъ сапожникъ, но дѣлаетъ всякія дѣла: и деревья сажаетъ, и канавы копаетъ, и обоями обиваетъ. Ему лѣтъ пятьдесятъ, но онъ еще бодръ, держится по-солдатски и старается всегда и спрашивать и отвѣчать развязно и весело. Тутъ же, около крыльца, стоитъ зачѣмъ-то деревенская женщина, старуха съ завязаннымъ и больнымъ лицомъ.

— Здравствуй, Василій! Что̀ скажешь? — спрашиваетъ пріятель.

— Къ вашей милости! Нѣтъ ли какихъ дѣловъ? Я теперича не пью-съ, ни Боже мой!..

— Ты мнѣ много разъ говорилъ, что пересталъ пить— и все пьешь!

— Нѣтъ, ужъ сдѣлайте милость! Теперь нѣтъ, ни капли! Вотъ ужъ четвертый мѣсяцъ даже росинки не было. Опять взялся исключительно за сапогъ. И теперь что̀ вамъ угодно,— хоть всю фамилію обошью и перечиню... Какъ можно пить! Я, позвольте вамъ сказать, почему пилъ? Я сталъ пьянствовать по случаю смерти жены... Когда она померла, то я впалъ въ тоску. Дѣвочку, которая осталась послѣ нея, отдалъ матери, остался въ пустомъ домѣ, ну, и зачалъ пьянствовать. Тутъ я дѣйствительно сталъ поступать безъ всякаго смысла. Первымъ долгомъ началъ съ того, что пошелъ въ садъ, вырылъ тамъ малину, смородину, вишни, яблони; вырылъ, продалъ и пропилъ. На кой онѣ мнѣ лядъ? Покончивши такимъ родомъ въ саду, пошелъ я въ амбаръ: закрома вынулъ, выломалъ, бочки изъ-подъ капусты, изъ-подъ огурцовъ выкатилъ, ведра, ушаты, лопаты, ломъ и весь прочій подобный хламъ свалилъ, отвезъ, продалъ и пропилъ. Эту часть пропивалъ я, прямо сказать, недѣли четыре,—даже, пожалуй, весь, почитай, рождественскій постъ. Тутъ подошли праздники, гости, надо ужъ и другихъ угостить. Тогда я принялся за мебель: пропилъ я тутъ пять стульевъ, кожаныя сидѣнья, шкапъ, чашки, серебряныя ложки двѣ, ризу, потомъ кіоту, столъ ломберный, круглый былъ столъ на колесикахъ—тесть подарилъ—тоже пропилъ... подъ одно пошли занавѣски, перины, самоваръ, котелъ для бѣлья, чугунъ — все прикончилъ въ теченіе, такъ сказать, промежутка до масленицы. На масленой недѣлѣ подступилъ я къ дивану—диванъ, тоже дареный, со спинкой, пружинный, три аршина длины, аршинъ ширины, столярной работы, прочный-препрочный — сдвинулъ я его,

поднялъ, вознесъ, выволокъ, взвалилъ, продалъ, пропилъ. Картины: видъ Іерусалима и Александръ Благословенный даруетъ миръ Европѣ, въ бѣлыхъ панталонахъ, на карту ногой наступивши и со шляпой, — къ буфетчику Ивану Антипову поступили. Кирпичу было припасено на поправку двѣ сотни—прекратилъ! Далѣе, такимъ же родомъ прекратилъ одежу, перво женину, а послѣ того и свою собственную, до послѣдняго сапога, опорка, и даже послѣдній ремень, гвоздь изъ стѣны—и то все пропилъ, и окончательно достигъ до того, что является мнѣ самъ дьяволъ и говоритъ: «Одобряю тебя, мерзавца, за твои дѣла». И вотъ этакъ лапой по лицу провелъ, со лба и по носу,—передъ Богомъ!—хотите вѣрьте, хотите нѣтъ! Ну, тутъ я испугался: оглядѣлся—вижу: пусто, и страшно мнѣ, ни жены у меня, ни дочери, ни мебели, ни сада, ни одежи, ни полѣна дровъ, холодно мнѣ, жутко, страшно, боязно... Думаю: «нѣтъ! надо бросить, а то и съ голоду помереть не долго». И потянуло меня на бракъ. Потому, страшно мнѣ безъ бабы. Думаю: возьму дочку, женюсь, примусь за работу, опять Богъ дастъ помаленьку-помаленьку какъ-нибудь. Все хоть въ печкѣ-то что-нибудь закипитъ... Вотъ тутъ я и бросилъ, сталъ искать невѣсту... Съ тѣхъ поръ, вотъ какъ женился, благодаря Создателя, капли во рту не было...

— А давно ли ты женился?

— Женился я, такъ сказать, вотъ ужъ, пожалуй, съ полгода...

— Ну, и что̀ же?

— Да пока что̀—худова не было! Конечно, надо сказать прямо, старенекъ я... Я хоть и твердаго корпусу, ну, а ужъ все не тотъ во мнѣ взглядъ, какъ ежели взять молодого человѣка... Да и то сказать, вѣдь по моему положенію и по годамъ, вѣдь и найтить настоящую трудно. Какъ порѣшилъ я вступить во вторичный бракъ, думаю—кто за меня пойдетъ? Которая дѣвица жила въ хозяйственномъ домѣ, округъ скотины, пашни—той и мужъ такой надобенъ: ей надо, чтобы ея бабья часть была полная... А у меня какое хозяйство! Вдову ежели...

— Тебѣ, Василій, въ сиротахъ надо бы искать!..—прогнусила присутствовавшая при этомъ разговорѣ баба сквозь платокъ, которымъ были завязаны у нея носъ и ротъ.

— Вотъ-вотъ! — подхватилъ Василій. — Именно твоя правда! Думалъ-думалъ я, прикидывалъ и такъ и сякъ, и насчетъ вдовъ, и насчетъ дѣвокъ, и насчетъ прочихъ сов-

товъ—нѣтъ, не подходитъ. Оказывается такъ, что окромя какъ въ сиротахъ, въ безродныхъ для меня способовъ нѣту. Пробовалъ-было я присогласить у старухи у Пучковой дочь, потому старуха бѣдная, ну, и она ничего, «только, говоритъ, надобно погодить. Обѣщалъ, говоритъ, мнѣ одинъ добрый человѣкъ кирпичу подарить полтыщи да тесу двадцать тесинъ на бѣдность, на поминъ души отцовской... такъ ежели подаритъ, такъ я, говоритъ, подправлю вторую половину въ избенкѣ, поставлю печку и кое-что подошью тесомъ,—тогда говоритъ, эту половину у меня обѣщалъ урядникъ нанять... Вотъ, говоритъ, ежели получу кирпичъ и тесъ, и урядникъ у меня будетъ жить, то я буду имѣть доходу рубля четыре, и мнѣ, старухѣ, хватитъ,—тогда я могу дочь мою отпустить, потому я и на четыре рубля проживу... ну, а коли ежели кирпичу онъ не дастъ, то слѣдовательно не дастъ и тесу, и фатеры я сдавать не буду — то мнѣ безъ дочери прожить нельзя, и въ бракъ я ее не отдамъ, пускай ходитъ хоть на поденщину, въ стирку, все хоть что-нибудь добудетъ». «Ну, думаю, говоришь ты, старушка, правильно, а все-таки изъ-за твоего кирпича какъ будто бы мнѣ безъ жены оставаться не приходится...» Да и дѣвку-то жалко. Дѣвка сказать вамъ по совѣсти, очень мнѣ по скусу пришлась... Потому—тепло отъ нея... Кажется, взять ее въ домъ, такъ и безъ дровъ изо всѣхъ трубъ пойдетъ дымъ и жаръ. Работяга, и нужду знаетъ, и изъ пустяковъ можетъ большую суету созиждить, а мнѣ отъ этого лучше, потому мнѣ страшно стало одному-то... холодно!.. Вотъ я хотя и слушалъ старухины слова и понималъ, а все же не сразу отсталъ отъ этого дѣла. Сталъ я съ самой дѣвкой разговоръ вести. — «Ежели, говорю, Марья, Иванъ Даниловъ кирпичу твоей матери не дастъ, такъ вѣдь ты такъ и останешься въ дѣвкахъ. А ежели бы за меня пошла, да какъ-нибудь справились, такъ тогда мы и мать бы взяли».— «Что-жъ, говоритъ, Василій, пожалуй». Подумала, погадала,— наконецъ говоритъ: «увози меня такого-то числа съ посидѣлокъ». Это у насъ теперь заведеніе такое «увозомъ», чтобы свадьбы не справлять. Справить свадьбу—мало-мало шестьдесятъ рублей, а гдѣ ихъ взять? Опять ежели дѣлать свадьбу честь-честью, такъ и приданое надо давать. А какъ нѣту приданаго-то, вотъ оно и неловко. Такъ чтобы ужъ не срамиться и понапрасну денегъ не тратить, вотъ надумали «увозомъ»... Тутъ и родителю-то ужъ есть случай сказать:—«А! когда такъ, безъ моего согласія, такъ нѣтъ

тебѣ и приданаго!» Это даже и родителю пріятно,—особливо когда у него ничего нѣтъ. Ну, и гостей тоже приглашать не надо, да и не пойдутъ къ непочетчикамъ: это ужъ не настоящая свадьба, а воровская. И выходитъ такимъ образомъ экономія. Только отдай попу, больше ничего. «Увози, говоритъ, меня такого-то числа, а потомъ я посмотрю». Подсогласилъ я тутъ мужика, подъѣхалъ, вышла она съ посидѣлокъ, узелокъ при ней, сѣли, поѣхали. Пріѣхали домой.—«Ну, говоритъ, Василій, теперь мы чаю напьемся, а ужъ завтра я погляжу—быть мнѣ твоей женой или нѣтъ». Достала своего чаю, самоварчикъ я добылъ, напились—легли спать: я въ куфнѣ, она въ горницѣ, сѣна я ей принесъ. На утро опять же напились чаю, пошла, поглядѣла домъ—ничего, домъ понравился, поглядѣла чердакъ—и чердакъ ничего: «хорошъ, говоритъ, чердакъ». Потомъ того кухню разсудила во всѣхъ суставахъ, только головой покачала, потому дѣйствительно я все тамъ растащилъ и пропилъ... Затѣмъ въ анбаръ—худо и въ анбарѣ: тоже ничего нѣтъ, не съ чѣмъ взяться. Спрашиваетъ:—«Корыто гдѣ?» Я говорю: «Что̀ дѣлать! нѣту, куплю...»—«Лопата?»—«Нѣту, куплю!»—«Ушатъ?» — Опять нѣту... Ничего нѣту. Походитъ-походитъ, спроситъ: — «А, напримѣръ, ухватъ или утюгъ, или горшокъ?»—«Нѣту, другъ мой, надо покупать...» Обглядѣла всѣ уголки, все обшарила, обсудила, пришла опять въ горницу, поставила самоваръ, опять своего чаю заварила.—«Нѣтъ, говоритъ, Василій, не подходитъ мнѣ за тебя идти. Что̀ мы будемъ за хозяева? Вѣдь рукъ не къ чему приложить... Куплю, куплю, а на что? это значитъ: иди я, стирай опять, да добывай на всякую малость окромя пропитанія; это мнѣ нѣтъ удовольствія. Что̀ же мнѣ, самъ разсуди, съ такой скуки жить начинать?»—«Подумай, говорю, Авдотья, можетъ, и подойдетъ какъ-ни-какъ».—«Я, говоритъ, подумаю, только наврядъ, чтобы это дѣло по мыслямъ мнѣ вышло». Пробыла она у меня такимъ манеромъ два дня, все думала... дровъ наколола, рубашку мнѣ выстирала и все думала... На третій день наконецъ встала, умылась, Богу помолилась.—«Нѣтъ, говоритъ, Василій, не подходитъ. Прощай! Пойду я домой. Чаю тебѣ оставляю на двѣ заварки и сахару, а ужъ что̀ дѣлать, лучше же я при матери потерплю, а можетъ, Господь и лучше судьбу пошлетъ».—«Ну, говорю, Авдотья, нечего дѣлать... Прощай!» Одѣлась она, узелъ за плечи навязала, юбку подтыкала, взяла палку—и въ путь, пѣшкомъ... Ха-а-рошая, золотая дѣвка.

Твердая, умная, лучше не надо... ужъ я и самъ подумалъ-подумалъ, вижу—цѣна дѣвкѣ большая, расчету ей за меня идти нѣту. Проводилъ ее пѣшечкомъ за деревню...—«Смотри, говорю, Авдотья, волки какъ бы тутъ не побезпокоили...»—«Эво, боюсь я ихъ!..» И ушла, хорошая, такая твердая... «Заходи когда!»—говоритъ. Хорошая, хорошая—одно слово... И точно, на ея счастье, Иванъ-то Даниловъ не обманулъ ейной матери: и кирпичу и тесу далъ,—и урядникъ переѣхалъ, да какъ увидалъ, какое добро Авдотья и какая округъ ея теплень и уютъ, такъ сейчасъ же честь-честью за ручку да въ храмъ и вступилъ въ законъ. Погляди-ка, какая теперь дама вышла!.. Я ужъ и самъ думаю: «Истинно тебя, Авдотья, Господь отъ меня спасъ!..» Нѣтъ, каковъ умъ-то у дѣвки? Сколько разсудку-то,—вѣдь это цѣны нѣтъ!..

— Этакая дѣвка не по тебѣ,—промолвила опять слушательница:—тебѣ безпремѣнно надо бы въ сиротахъ пошарить, поразыскать.

— Ну, тутъ ужъ я къ настоящимъ сиротамъ устремился... И разыскалъ я дѣйствительно почитай-что совершенно голую дѣвицу. Жила она при теткѣ на квартирѣ, а тетка-то калачи пекла, лѣтомъ на большой дорогѣ пробавлялась. Одна у обѣихъ шубенка... бѣдность. Ну, все же кое-что для начатія было: подушка, образъ, кофейникъ, ухватъ тамъ, напримѣръ, кочерга, платьишко ситцевенькое,—ну, словомъ сказать, рублей на пятокъ всякой домашней сволочи было, да деньгами-то тетка-то рублей никакъ восемь вытрясла изъ чулка,—ну, кое-какъ да кое-какъ и женился, и сталъ опять помаленьку да полегоньку на путь настигать,—съ тѣхъ поръ и не пью ни капли.

— Что-жъ,—спросилъ мой пріятель:—хороша жена-то?

— Да какъ вамъ сказать... она ничего, и хлопотлива, и все... Только что голова у нея маленько съ дуринкой. И молода, да и голодала ужъ больно долго... слаба... Работаетъ-работаетъ да и начнетъ фыркать: «мало, вишь, меня любишь!..» А мнѣ вѣдь пятый десятокъ, куда мнѣ много-то? Ну, и надуритъ. А потомъ, само собой, должна ужъ замолчать... И дѣвочкой-то моей стала брезговать. Какъ женился-то я да взялъ дѣвочку, ну, она съ перваго началу ничего, ласково, а теперятко нѣтъ-нѣтъ, да и тряснетъ ни за что ни про что...

— А сама-то тяжела ужъ, или нѣтъ?—опять прогнусавила слушательница.

— Должно-быть, что какъ будто есть...

— Вотъ отъ эвтого-то она и стала твою-то дѣвчонку пригибать къ землѣ, что свое дите начинается.

— Ужъ и я думаю, не отъ этого ли...

— Да ужъ вѣрно отъ этого. Коли свое начинается, такъ ужъ чужое такъ бы и сжилъ со свѣту... Охъ, грѣхи-грѣхи... Такъ бы слопала совсѣмъ съ костями чужое-то.

— То-то вотъ и у нея это стало обозначаться. Я вотъ и сейчасъ-то, признаться, изъ-за дѣвчонки пришелъ, подъ работишку какую-нибудь деньжонокъ попросить... хоть цѣлковыхъ бы два... Хвораетъ, бѣдняга, надо бы все чего-нибудь хошь отъ фершала взять приложить... И все изъ-за моей бабы вышло... Пошелъ я какъ-то полусапожки на станцію отнести, старшаго буфетнаго лакея любовница заказывала, и надо было полтора рубля серебромъ получить... Пошелъ, отнесъ... «Подожди, говоритъ, почтовый поѣздъ отойдетъ, тогда мой придетъ и отдастъ». Ну, ждалъ-ждалъ, пока-что, пока поѣздъ ушелъ, то да се, прошло времени часа три, а съ дорогой-то часа четыре протянулось. Прихожу домой, вижу: дверь заперта и замокъ виситъ, а въ горницѣ моя дѣвчонка реветъ благимъ матомъ. Жены нѣту, ушла куда-то; пошелъ, поспрошалъ тамъ-сямъ—нѣту; идетъ знакомый парень: «Кого, говоритъ, ищешь?»—«Да жены нѣту, не знаю гдѣ?»—«А она на посидѣлкахъ»... Что за чудо, думаю? У насъ бабы замужнія и глазъ туда не кажутъ. Пошелъ, разыскалъ, привелъ домой. «Что тебѣ, говорю, за дурь въ голову влѣзла!»—«Да что же мнѣ такъ всю жизнь и не видать свѣту-то?» Находитъ на нее дурь этакая, безобразная. «Всю жизнь, говоритъ, свѣту не видишь. То нищей жила, то теперича за тобой, за старымъ чортомъ, мучаюсь да съ твоей съ поскудной дѣвчонкой няньчусь, да и то иной разъ по днямъ ѣсть нечего. Хоть однимъ глазомъ глянуть, какъ люди живутъ...» Оно и правда, что старъ я, иной разъ и по шеѣ треснешь и нуждишка донимаетъ, ну, а все и глупость ея иной разъ очень оказывается... Ну, промолчалъ я, перетерпѣлъ. Пришли мы домой, отперла она дверь, огонь зажгла, — гляжу: дѣвчонка на полу валяется, вся въ крови, и голова, прямо сказать, прошиблена. «Какъ такъ?»—спрашиваю. — «А такъ, говоритъ, что съ печки свалилась».—«Да зачѣмъ же ты ее, глупая, на печку посадила?»—«А куда-жъ я ее дѣну? На рукахъ, что-ль, ее мнѣ таскать, эко бревно? Оставь ее внизу, она тутъ начнетъ баловаться, ножомъ еще зарѣжется, или спички найдетъ—подожжетъ». И посадила она ее, глупая, на стряпущую

печку: думаетъ, что дѣвчонка страхомъ однимъ усидитъ тамъ, сама, молъ, побоится къ краю подползти... Усадила ее тамъ въ уголъ, огонь задула и ушла... А дѣвчонка-то говоритъ: «Я, говоритъ, испугалась, мнѣ страшный чортъ привидѣлся, вотъ и треснулась съ печи-то объ полъ и пробила башку»... Вѣдь вотъ до чего глупость-то господствуетъ въ этой дурѣ... А такъ она—ничего! Коли очувствуется—добрая, страшливая. Ну, дѣлать нечего—побилъ я ее, поколотилъ, поплакала...

— А дѣвочка-то?

— Ну, а съ дѣвочкой тоже кое-какъ... Обмылъ я ей прошибленное мѣсто... да тряпкой, значитъ, со столярнымъ клеемъ и заклеилъ, потому ничего нѣтъ! Чѣмъ тутъ? Покуда бы къ фершалу ходилъ, покуда бы разыскалъ, покуда что̀—анъ дѣвчонка-то, пожалуй бы, и совсѣмъ кровью изошла. Вижу клей — я сцопалъ его, развелъ, намазалъ крутымъ манеромъ, да и налѣпилъ ей на проломъ-то, ну, клеемъ-то его и стянуло съ боковъ къ середкѣ, и оченно даже фершалъ хвалилъ. Да чего! И сейчасъ отодрать не въ состояніи, такъ совсѣмъ со шкурой и спеклось... И фершалъ-то говоритъ: «Пущай, говоритъ, покуда такъ, а то, пожалуй, съ кожей оторвемъ... Пускай такъ остается, покуда что̀. А въ случаѣ чего—такъ скажи...» Ну вотъ, теперича у ее и начинается въ родѣ горячки... бредитъ и жаръ... и надо хоть что-нибудь... Вѣдь жалко дѣвчонку-то, вся въ покойницу, память дорога̀! Такъ ужъ вотъ не будетъ ли вашей милости довѣрить мнѣ рублика два, а я, безъ сомнѣнія, будьте покойны, отработаю... Дѣвчонку-то жалко... мечется! А чтобы пить — нѣтъ, избави Богъ! И въ мысляхъ этого нѣтъ...

— Хорошо, что, по крайности, захватилъ клеемъ-то! Кровь-то ходу не далъ!—произнесла слушательница-баба.

— И фершалъ тоже говорилъ: «хорошо!».

— А у тебя, Аксинья, — спросилъ мой пріятель: — что̀ такое? отчего лицо завязано?

— Да вонъ, вишь что̀...

Она отстранила отъ носа и рта платокъ, и тогда мы увидѣли, что и носъ, и ротъ, и щеки были опухлые, красные и покрытые крупною красною сыпью.

— Это что̀ такое?

— А это по-нашему называется «притка»...

— Что-жъ это? простуда?

— Нѣтъ, это не простуда. А это вотъ какъ приключи-

лось: пришелъ Ванюшка изъ училища и сталъ читать книжку, а я на полатяхъ лежала...

— Какую книжку?—спросилъ Василій:—духовную?

— Нѣтъ, такъ, пустяковую... про козу и про лису, либо про овцу... Слухала-слухала я, да и засни... А на утро глядь—все обличье разнесло...

— Такъ отчего же?

— А заснула-то я, перекреститься забыла,—вотъ отчего и приключилось.

— Отъ этого, — сказалъ Василій: — и происходитъ «притка».

— Такъ вѣдь надо лѣчиться!

— Да ужъ я мазала... керосиномъ, лавочникъ посовѣтовалъ... и крахмаломъ, говоритъ, засыпай...

— И легче?

— Куда ужъ легче,—всю разнимаетъ, мочушки нѣтути...

Словомъ, начиная отъ выхода изъ вагона на платформу до этой самой «притки», всѣ деревенскія впечатлѣнія были вполнѣ реальны, понятны и объяснимы. Вопросъ «почему» ни разу до сихъ поръ не оставался безъ самаго яснаго, обстоятельнаго и резоннаго отвѣта. Почему ѣздитъ мальчишка, а не отецъ? Почему мальчикъ плетется ночью въ лѣсъ? Почему Василій пилъ, почему Авдотья не пошла за Василія, почему пошла за Василія голая сирота, почему Васильева дочь расшибла голову, почему у старухи приключилась притка, и т. д.?—Всѣ эти вопросы, всѣ эти «почему» имѣли, какъ видите, самые обстоятельные отвѣты, не путали меня нисколько и невольно, дѣйствительно, освѣжили послѣ путаницы петербургскихъ впечатлѣній. Правда, иной разъ какъ-то тяжеловато становилось отъ этой ясности, а иной разъ именно вслѣдствіе этой ясности въ головѣ возникали вопросы о томъ: да почему-жъ это нужно, чтобы ѣздилъ мальчишка, чтобы мальчишка воровалъ, чтобы дѣвчонка разбивала голову, и чтобы все это было ужъ такъ неизбѣжно, ясно и неопровержимо? Но ясность и неопровержимость этихъ явленій вновь успокаивали меня, и всякія сомнѣнія прекращались во мнѣ, такъ сказать, изморомъ.

3.

Но прошелъ еще день, и жизнь деревенская, давая попрежнему все такіе же реальные и объяснимые факты, неожиданно стала осложнять ихъ той самой путаницей и

«необъяснимостью», которая меня напугала въ городѣ, отъ которой я уѣхалъ въ деревню, чтобы отдохнуть и сообразиться.

По улицѣ идетъ толпа мужиковъ, машетъ руками, кричитъ, оретъ: въ ораньи и крикахъ видно и раздраженіе и хмель; а разсмотрѣвши поближе — видишь на нѣкоторыхъ лицахъ и на нѣкоторыхъ машущихъ рукахъ слѣды драки, синяковъ и ссадинъ.

— Что̀ такое, господа?

— Да что, ваш-бродіе, нѣтъ никакого житья отъ этихъ курляновъ. Принуждены сокращать своими способами. Сегодня вотъ, погляди-ка-сь, какая была поволочка около волости! Эво руки-то!..

— Да за что же, за что такое?..

— Да препятствуютъ! Оченно много воли взяли... Отнимаютъ отъ нашего брата, отъ природнаго жителя, всякіе способа, первымъ народомъ стали, анаѳемы... Эво, какъ рыло дерутъ!... Хоть возьми вонъ Карлушку, арендателя,— чѣмъ былъ? какъ заяцъ паленый пріѣхалъ къ намъ, одинъ только песъ тупорылый и былъ у него, а теперь—вонъ онъ кто!.. Ужъ пятерыхъ дѣвокъ испортилъ, въ воспитательный то и дѣло возятъ, а онъ только зубы скалитъ... Такъ нельзя! Намъ самимъ земля требуется, мы тоже ожидаемъ ее,—какъ же такъ можно, чтобы противъ своихъ да иностранныхъ подлецовъ предпочесть? Это, братецъ ты мой, надобно прекратить...

— Ничего,—присовокупляетъ другой дѣятель изъ толпы, молодой парень.—По первоначалу и имъ нонѣ хорошо дадено. Для начатія. А съ теченіемъ времени можно и болѣе сдѣлать имъ обученія... По первоначалу и такъ хорошо!.. Двое еле-еле въ санки влѣзли... Поди, какъ бы ужъ окончанія дорогою-то не принялъ кто-нибудь...

— Да въ самомъ дѣлѣ! Каково вамъ покажется, ежели я вамъ подробно разскажу. Теперича, какъ отошли мы отъ господъ, то, надобно говорить по совѣсти, земельки намъ мало досталось. Прежнія, напримѣръ, лядины, луга, которые завсегда были наши, крестьянскіе, десятинъ по пятьсотъ, по шестьсотъ и болѣе того, отошли отъ насъ къ господамъ, а господа заложили ихъ въ банкъ, да цѣну-то набили—эво, выше головы! Одного проценту не выплатить, не токмо что доходу или что̀... А трудно: земля заложена, пустуетъ, а мы приступиться не можемъ. Но думаемъ, что авось какъ-нибудь! Тамъ слухъ пройдетъ—по-хорошему обѣ-

щаютъ дѣлать—такъ дѣло и тянется, а толку все никакого нѣтъ... А курляны-то понемногу да понемногу и стали вылѣзать изъ своихъ мѣстовъ... То одинъ проплетется куда-то въ лѣсъ на своей клячонкѣ, телѣга изъ досокъ, точно песокъ возитъ, а въ телѣгѣ сундучишко да кадушка, — проплетется, и не видать... Идетъ время—глядишь, и другой ѣдетъ и третій, и всѣ проѣдутъ и не видать ихъ... И ужъ семьями, человѣкъ по пяти, по десяти стали выползать, и все бѣдные, ничего имущества, почитай, нѣтъ... плетутся куда-то... въ пустыя мѣста. И такъ идетъ и годъ, и два, и три. Мы дожидаемся, терпимъ, другъ дружку у кабака пропиваемъ, а они тѣмъ временемъ позанимали мѣста, контракты понаписали... И стало даже такъ, что пошелъ ты въ какое пустое; по прежнимъ-то временамъ, мѣсто, хвать—заборъ. Кто тутъ? Курляны... Заборы да заборы, да съ ружьями они всѣ, анаѳемы, собаки у нихъ тупорылыя, злыя. Ѣдешь—видишь мостъ, думаешь—какъ у насъ: для всякаго, «поѣзжай, кому угодно»! Нѣтъ: «мой!»—говоритъ. Не пускаетъ. Да и мосты-то понастроили подъ курлянскія телѣги — на нашей и не проѣхать по такому мосту-то... Иной изъ нашихъ по-простецки занесъ ногу черезъ курлянскій заборъ, чтобы, значитъ, поближе пройти, а хозяинъ-то свиснетъ, такъ псище-то съ одного маху за ногу цапнетъ. Бываетъ такъ, что изъ ружья прицѣлитъ да дробью плюнетъ... Глядимъ—и тутъ мѣста заняли, и тамъ, и тамъ... По всѣмъ пустымъ нашимъ же мѣстамъ, которыхъ мы дожидались, разселилось ихъ видимо-невидимо... То они все мимо насъ ѣхали и невѣдомо куда пропадали, а то стали ужъ и изъ своихъ мѣстъ выпирать,—глядишь, масло везетъ и дешево продаетъ, а нашимъ бабамъ ходу нѣтъ: вези въ Питеръ или въ губернію, а тутъ, на мѣстѣ, которые у нашихъ брали, стали у курляновъ брать. Стали они даже такъ осмѣливаться, что перепьются на свадьбѣ да во всю мочь на двадцати телѣгахъ по нашей деревнѣ,—того и гляди, ребятъ передавятъ. То-есть даже и уваженія ужъ не оказываютъ. Вездѣ намъ отъ нихъ убытокъ, а они, между прочимъ, только храпятъ да носъ дерутъ... А контракты-то понаписали на пятьдесятъ да на шестьдесятъ лѣтъ. Нашъ братъ, природный житель, воромъ въ лѣсу-то ходитъ, дровецъ промышляетъ, а они въ своихъ-то арендованныхъ мѣстахъ живутъ, какъ господа, рубятъ лѣсъ, который потребуется, вполнѣ свободно и покойно... а нашъ братъ воруетъ, а мѣста-то вѣдь наши исконныя, вѣдь они

намъ самимъ надобны... А это что-жъ такое? Мы—бѣдняки а какіе-то невѣдомо откуда объявились народы, — посмотрите, какъ жить зачали! Мнѣ вонъ нѣту довѣрія въ лавкѣ, а ему есть, что-жъ это будетъ?

— Такъ вы бы раньше ихъ арендовали земли-то, которыя теперь курляндцы арендуютъ.

— Да вѣдь кто-жъ его зналъ? Арендовать? Чего ее арендовать, когда она испоконъ вѣка наша была. Вѣдь тоже надѣялись...

— Чего вы надѣялись?

— Да, само собой, послабленіевъ какихъ ни на есть... Какъ можно съ этакимъ лоскутомъ управить такимъ дѣломъ, какъ крестьянство?

На это мой пріятель весьма пространно и обстоятельно объяснилъ разсказчику, что начальство десятки разъ разсылало по волостямъ предписаніе о томъ, чтобы не вѣрить несбыточнымъ слухамъ, чтобы никакихъ ни послабленіевъ ни иныхъ какихъ разносоловъ не ждали, а старались сами заботиться о себѣ, по мѣрѣ своихъ средствъ и возможностей. Пріятель сказалъ, что старшины должны были объявлять мужикамъ объ этихъ распоряженіяхъ, и если бы только крестьяне слушались ихъ, то давно бы сумѣли прикупить или арендовать на дальніе сроки такіе участки земли, которые имъ необходимы и которыми теперь вотъ «владѣютъ» курляндцы.

— Ну да, скажутъ намъ! Старшина-то иной еще нарочно начнетъ путать... Скажи онъ какъ слѣдуетъ, мы бы, можетъ-быть, и столковались бы обществомъ на чемъ-нибудь. Да онъ не дастъ намъ. Онъ лучше одинъ завладаетъ кускомъ-то... Вонъ у насъ у старшины всѣ остатнія мѣста арендованы, сѣно коситъ онъ да въ Питеръ возитъ, такъ какой ему расчетъ правду говорить? Вѣдь тогда мы у него отымемъ да сами будемъ владѣть. Какъ же, скажетъ онъ!— дожидайся! Онъ еще нарочно намутитъ:—«Не спѣшите, молъ, ребята... Скоро будетъ то-то и то-то, и безъ денегъ, молъ, завладаемъ...» Дожидайся!

— Ну, а если у васъ, въ волости, такъ плутуютъ, неужели вамъ нельзя было узнать правду хоть у учителя? Вѣдь онъ книжки читаетъ, онъ можетъ справиться, разсказать...

— Ну, ужъ учителя! Что̀ они знаютъ? Мы видимъ, чему они учатъ. Про козу да про овцу... Однѣ сказки! Нѣтъ, тутъ ужъ, видно, надо самимъ взяться, своимъ распоряженіемъ вступиться.

...Вечеромъ того же дня пришлось мнѣ встрѣтиться и съ учителемъ.

Я разсказалъ ему утренній разговоръ съ крестьяниномъ. Учитель прибавилъ:

— Это все такъ. Помилуйте, есть цѣлыя деревни (да какое «есть»—повсюду почти, за исключеніемъ развѣ немногихъ близкихъ къ волости лицъ), гдѣ рѣшительно не имѣютъ понятія о томъ, напримѣръ, что въ губернскомъ городѣ уже открытъ крестьянскій банкъ и что онъ уже дѣйствуетъ... Знаютъ объ этомъ лавочники, кулачье, и захватываютъ тихомолкомъ, а масса только запутывается въ своихъ мысляхъ. . . . . .

— Такъ отчего же не говорить съ ней? Неужели у васъ, какъ у учителя, вслѣдствіе обязательнаго вашего знакомства съ родителями учениковъ, не можетъ найтись предлога поговорить, сказать то, что̀ вы знаете?

— Да предлоги-то всегда есть... Напротивъ, они сами ходятъ ко мнѣ, эти родители, разспрашиваютъ... Но, признаюсь вамъ,—боишься!

— Чего же?

— Боишься разговаривать. Сейчасъ выдумаютъ кляузу. Вотъ тотъ же старшина, которому не расчетъ уступить въ мірское владѣніе подходящій ему участокъ, придерется и накляузничаетъ...

— Да къ чему же онъ можетъ придраться?

— Да ко всему. Вотъ не угодно ли посмотрѣть такую бумажку.

Онъ порылся въ боковомъ карманѣ и подалъ мнѣ бумагу, на которой буквально было напечатано слѣдующее:

«Такъ какъ до свѣдѣнія училищнаго совѣта дошло, что учителя нѣкоторыхъ училищъ собирались, съ участіемъ постороннихъ лицъ, по воскреснымъ днямъ для бесѣдъ, *не разрѣшенныхъ законнымъ порядкомъ,* то училищный совѣтъ постановилъ дать знать циркулярно г-дамъ учителямъ и учительницамъ, что *подобныя* (?) собранія, безъ надлежащаго разрѣшенія, строго воспрещаются, и виновныя въ оныхъ лица должны подлежать законной отвѣтственности, независимо отъ чего виновные будутъ увольняемы отъ должности».

— Ну, вотъ. Спрашивается теперь,—сказалъ учитель, пряча бумагу опять въ боковой карманъ:—какія-такія есть въ деревнѣ собранія, разрѣшенныя закономъ? И на какія собранія надобно просить разрѣшенія? Все это неизвѣстно.

И вотъ въ этой-то бумагѣ, въ которой не указано даже, что̀ именно законно и что̀ незаконно, а просто сказано только: «подобныя» собранія — вы видите однако, какъ настойчиво и твердо звучатъ эти слова объ увольненіи и законной отвѣтственности... Все это, конечно, понятно, но отъ всего этого жутко... Ну, и молчишь!

— А мужики путаются и мечтаютъ?

— Прямо попадаютъ въ западню.

— А потомъ бьютъ курляндцевъ, своимъ распоряженіемъ поступаютъ?

— Какъ видите!

. . . . . .

И не одинъ такой разговоръ пришлось выслушать мнѣ въ деревнѣ, при чемъ я явно убѣдился, что несообразности деревенской жизни иной разъ ничуть не меньше городской, а главное—вдумавшись въ нихъ, опять-таки безъ всякой фанаберіи—видишь, что «нельзя», что одна безсмыслица такъ сцѣпилась съ другой, что изъ круга ихъ нѣтъ выхода, что эти безсмыслица и безсвязица неизбѣжныя.

Пожилъ я такимъ образомъ въ деревнѣ, думаю: «поѣду въ Петербургъ, оглянусь, посображу и очувствуюсь».

4.

Въ Петербургѣ я нанимаю комнату въ меблированныхъ комнатахъ, прилегающихъ къ вокзалу одной желѣзной дороги. Уѣзжая на день, на два, я запиралъ только письменный столъ и шкапики этого стола, а ключъ отъ номера оставлялъ номерному. Пріѣзжаю я этотъ разъ въ мой номеръ, смотрю—номеръ отпертъ, и Кузьма, «коридорный», стоитъ около моего письменнаго стола и роется въ столѣ, въ бумагахъ.

— Что̀ ты дѣлаешь.

— Да свѣчей ищу...—говоритъ Кузьма, глядя на меня совершенно глупыми, круглыми и непроницаемо-деревянными глазами.

— Какія же свѣчи въ письменномъ столѣ? И откуда ты ключъ взялъ?

— Да у васъ не заперто было.

Что̀ же! Можетъ-быть. Но такія штуки я сталъ замѣчать за Кузьмой не сейчасъ только; довольно давно уже на лицѣ его появилось это выраженіе деревянной глупости съ оттѣнкомъ чего-то неумолимаго.

Я познакомился съ Кузьмой въ самый день его появленія

въ меблированныхъ комнатахъ въ должности коридорнаго, и первое время мы были съ нимъ въ весьма хорошихъ отношеніяхъ. А въ разговоръ вступили прямо при первомъ свиданіи.

— И ваша милость нониче переѣхали?—спросилъ онъ меня, подавая въ тотъ же день обѣдать.—Ну, вотъ... Авось, Богъ дастъ, будетъ хорошо. Пока худого не вижу... Я ужъ радъ-радехонекъ, что до мѣста добрался, все уголъ есть, а то съ самой войны, какъ воротили изъ Турціи, чисто съ ногъ сбился, полное разстройство принялъ. Въ деревнѣ попробовалъ-было начатіе хозяйству положить—ну, не вышло; въ городъ сунулся съ женой—опять маята! Первое дѣло—мѣстовъ нѣтъ, а второе дѣло—жена-то у меня не прилажена къ городу. Въ деревнѣ ей оставаться не у чего, а въ городѣ ничего по-городскому не смыслитъ. Кое-какъ занялась прачешнымъ дѣломъ, нахватала тамъ-сямъ зря, пережгла, перепутала, букковъ-то не знаетъ, которое бѣлье надо бы, положимъ, барину, а она его лакею, а которое рвань,—глядишь, барину отнесла,—ну, вездѣ ругаются, кричатъ... Вѣрите ли, своихъ кровныхъ двѣнадцать цѣлковыхъ за нее, дуру деревенскую, отдалъ. Нѣтъ, нѣту настоящаго воспитанія. Деревенщина! Что̀ съ нею мнѣ въ столицѣ дѣлать? Теперича вотъ, пока что̀, благодаря Бога, и моя баба при мнѣ не будетъ помѣхой: хотя сапоги вычистить, подместь, въ лавочку—это она можетъ.

Кузьма былъ очень радъ, что наконецъ пристроился, нашелъ уголъ и работу, и на радостяхъ былъ очень разговорчивъ.

— Чего-чего ни натерпишься, поживши на свѣтѣ! Будешь радъ-радехонекъ, какъ къ чему-нибудь пригодишься... Теперича разсказать вамъ, долго ли я въ деревнѣ побылъ послѣ войны-то... А чего ни видалъ!

Кузьма даже махнулъ рукой.

— Вступиться-то за правое дѣло не дадутъ! Слава Тебѣ, Господи, все-же-таки больше мужика видѣлъ, видѣлъ, и какъ прочіе народы живутъ... что-жъ, и писать, читать кое-что знаю, и ужъ не изо зла же буду своему брату дѣлать,—захотятъ, такъ въ порошокъ сотрутъ!

— Кто?

— Да деревенскіе злодѣи, прорвы! Кому не расчетъ, чтобы народъ понималъ, тотъ и слопаетъ, лишь бы только сума толста была! Никакого присоглашенія ни къ чему сдѣлать невозможно, т.-е. ежели на пользу. Сейчасъ все не-

ревернутъ, и все водкой! Возьмите то: баринъ у насъ землю хотѣлъ крестьянамъ отдать и цѣну назначилъ настоящую, правильную,—кажется бы, чего лучше? Земли—мало! Ужъ я тутъ всякими способами—«берите, берите, ребята!», и такъ имъ растолковывалъ, и такъ, и совсѣмъ-было ужъ на согласіе пошли, да лихому, злому человѣку нешто дорога̀ правда? Подпоилъ стариковъ, одурманилъ ихъ водкой, навралъ съ три короба: и запутаемся-то мы, и не заплатимъ, а не заплатимъ—взыщутъ, все имущество продадутъ! Навралъ, налгалъ, отбилъ, а потомъ самъ и взялъ у барина-то, да теперича и деретъ съ своихъ же однодеревенцевъ втридорога... а называется старшина! Да что̀! Ужъ я какъ бился, хлопоталъ—«дозвольте, міряне, я учту его». Ужъ это бы вѣрно я его вывелъ на свѣжую воду, потому въ два трехлѣтія изъ ледащаго мужичонки никакъ нельзя съ капиталомъ оказаться, ежели не воровать... Опять попоилъ, да пригрозилъ еще... «Гляди, говоритъ, будешь мутить, такъ я тебя произведу!» Вотъ вѣдь какіе идолы! И нѣту никакого вниманія... А сколько денегъ-то кровныхъ воруютъ! Иной разъ думаешь-думаешь: Господи! хошь бы о сиротахъ подумали! Мало ли какихъ случаевъ, иной помретъ, оставитъ, бываетъ, пятокъ-десятокъ ребятъ: вѣдь по міру идутъ! Вѣдь помощи ниоткуда никакой. Копейки нѣтъ, а сколько такихъ копеекъ... да какихъ копеекъ!—сотенъ воруютъ, тыщи пропадаютъ!.. Когда я, позвольте вамъ сказать, былъ на войнѣ, такъ это, Господи ты мой Боже...

Послѣднія слова Кузьма произнесъ почти шопотомъ, и вѣроятно, что онъ хотѣлъ мнѣ разсказать что-нибудь въ высшей степени интересное и даже «страшное»; но, къ нашему общему несчастью, изъ коридора въ мою комнату отворилась дверь, и какой-то изъ администраторовъ меблированныхъ комнатъ громко сказалъ:

— Здѣсь Кузьма?

— Здѣсь-съ!

— Въ контору—къ управляющему!..

Кузьма ушелъ въ контору и долго не возвращался. Я ужъ давно кончилъ обѣдъ, а Кузьма не приходилъ убирать со стола. Заглянулъ я въ каморку, гдѣ жилъ Кузьма, но тамъ не оказалось ни его ни жены.

А когда онъ наконецъ возвратился, то я тотчасъ же замѣтилъ въ немъ какую-то перемѣну, а главное—замѣтилъ этотъ неискренній, глупо-деревянный, съ оттѣнкомъ неосмысленнаго негодованія взглядъ... Съ этого дня онъ уже не

откровенничалъ, а держался, какъ я замѣтилъ, по отношенію всѣхъ жильцовъ меблированныхъ комнатъ въ какомъ-то недовѣрчивомъ отдаленіи.

Когда по возвращеніи Кузьмы изъ конторы я спросилъ его:

— Ну, такъ что-жъ на войнѣ-то было?

— Да чему же быть? Война одно слово... Всякаго было...

Съ этого дня установилось деревянно-глупое выраженіе лица, осложненное отвратительной чертою ненависти, отвратительной по своей безсмысленности, ненужности ея на этомъ простомъ лицѣ, сдѣлавшемся, благодаря ей, и злымъ, и тупымъ, и глупымъ. Послѣ неожиданной перемѣны въ настроеніи духа и мыслей Кузьмы, всѣ поступки его стали запечатлѣваться какою-то безсмыслицею и дурностью. Спросишь что-нибудь, хотя бы: «который часъ?»—и, вмѣсто того чтобы отвѣтить, онъ выпучитъ сначала глаза, а потомъ ужъ и скажетъ. Глупый, дурашный взглядъ его сталъ останавливаться въ тупомъ недоумѣніи на всякой вещи, при видѣ всякаго лица. Иногда онъ принимался перебирать книги, бумаги, которыхъ я просилъ не трогать, иногда начиналъ рыться въ карманахъ платья, которое бралъ чистить.

— Вотъ записка выскочила...

— Какъ же она могла выскочить?

— Стало-быть, выпала какъ-нибудь...

Словомъ, глупость стала теперь отличительнымъ свойствомъ всѣхъ его поступковъ, выраженія лица, разговора и т. д. Даже на женѣ Кузьмы, этой воистину глупой бабѣ, отразилось загадочное настроеніе Кузьмы. До сихъ поръ она довольно кротко и молчаливо исполняла свои нехитрыя обязанности: вычиститъ сапоги, принесетъ кипятку, а теперь позовешь ее—войдетъ, вытаращитъ глаза и какъ будто бы старается не понимать, что̀ говоришь.

— Кипятку!

Стоитъ, глядитъ и сомнѣвается; а иногда такъ долго сомнѣвается, что начнетъ искать, и ужъ только застыдившись своего невѣжества, уйдетъ и сдѣлаетъ, что̀ сказано, но все-таки какъ будто нехотя.

Вотъ въ такомъ-то странномъ и глупомъ настроеніи духа и смысла засталъ я Кузьму въ то время, когда онъ искалъ свѣчей въ моемъ письменномъ столѣ.

Я понималъ глупое положеніе Кузьмы, не могъ сердиться на него, потому что у него есть резоны—вѣдь онъ разсказывалъ мнѣ объ этихъ резонахъ, передавая деревенскія

впечатлѣнія, и для него было простительно искать виноватаго, но все-таки положеніе его было глупо и отвратительно.

Много разъ я замѣчалъ, что Кузьма какъ будто чувствуетъ потребность очувствоваться, стряхнуть дурость, опутывавшую его голову; но дурость овладѣла имъ и противъ воли, можетъ-быть, вела отъ одной глупости къ другой.

Получилъ я какъ-то письмо отъ моего деревенскаго пріятеля, который передъ этимъ былъ въ городѣ и закупалъ разныя лѣкарства: въ деревнѣ свирѣпствовалъ дифтеритъ, и пріятель мой, по порученію доктора и по собственному желанію, а можетъ-быть, и изъ простого желанія предохранить отъ бѣды свою семью, поѣхалъ въ Петербургъ купить лѣкарства, пульверизаторовъ и т. д. Но какъ-то случилось, что впопыхахъ коробку и пульверизаторы онъ забылъ въ номерѣ той гостиницы, гдѣ онъ останавливался. Я тотчасъ послалъ по адресу посыльнаго, но Кузьма, которому было передано порученіе послать посыльнаго, пошелъ самъ, разыскалъ пульверизаторы и принесъ ихъ. Когда я открылъ крышку, чтобы посмотрѣть, все ли цѣло, Кузьма стоялъ рядомъ со мной и пристально смотрѣлъ на эти инструменты своимъ безсмысленно-подозрительнымъ взглядомъ, смотрѣлъ упорно, внимательно, подозрѣвая и ничего не понимая.

Ящикъ надо было передать на вокзалъ кондуктору въ извѣстный часъ, на извѣстный поѣздъ, и это тоже взялся сдѣлать Кузьма.

— Отправилъ? — спросилъ я его по возвращеніи съ вокзала.

— Какъ же, все исправилъ! Отправилъ-съ.

Ровно черезъ сутки я получилъ отъ того же пріятеля другое письмо, въ которомъ значилось, что пульверизаторы прибыли въ самомъ ненатуральномъ видѣ: мѣдный, паровой смятъ, лампочка сломана, ни одна крышка не закрывается, точно кто изломалъ инструменты неумѣлыми руками; а гуттаперчевый ручной пульверизаторъ прямо прорванъ въ двухъ мѣстахъ, и что вообще посланное никуда не годится, и надобно все это купить вновь.

Я обратился къ Кузьмѣ за разъясненіемъ; но онъ самымъ рѣшительнымъ, даже грубымъ манеромъ отрицалъ свое участіе въ порчѣ инструмента. Но глаза его были до безобразія глупы въ этотъ разъ: они стали какіе-то косые, бѣлые, совсѣмъ подлые.

Новые пульверизаторы я отправилъ самъ, и они дошли благополучно, а исторія съ порчею старыхъ, вѣроятно, такъ бы и канула въ вѣчность, если бы Кузьма, вѣроятно, измученный дуростью своего нравственнаго состоянія, не задумалъ сорвать зло на женѣ и, придравшись къ пустякамъ, не поколотилъ ея.

Деревенская баба отвѣтила мужу деревенскимъ манеромъ. Она орала весьма долгое время на весь коридоръ, несмотря на негодованіе жильцовъ, и во время этого оранья приплетала все, что̀ приходило въ голову...

— А ты думаешь, не скажу барину, кто машину-то испортилъ? Это онъ, баринъ, машину вашу испортилъ,—влетая ко мнѣ въ номеръ, вопіяла она: — передъ истиннымъ Создателемъ... Со швейцаромъ и съ другимъ коридорнымъ... Какъ ящикъ-то вы ему дали, онъ и пошелъ къ швейцару, и стали они все разсматривать, думаютъ: нѣтъ ли какого вреда, и вертятъ, и трогаютъ, и открываютъ... А трубка тамъ была, такъ они, дураки, тянуть принялись въ разныя стороны,—покуда не треснула. Слышалъ дуракъ звонъ, да не знаетъ, гдѣ онъ... Все думаетъ, награда будетъ... Псы какіе! А потомъ видятъ, что толку нѣту—наломали да напортили,—все опять въ ящикъ забили кое-какъ, даже трещало въ нутрѣ, сама слышала... Это они все со швейцаромъ, съ мутиломъ-мученикомъ, ухитряются... Небось, другъ любезный, какъ былъ лакеемъ, такъ до вѣку и будешь на побѣгушкахъ... Небось, не отличитесь, мошенники этакіе! Драться выдумалъ—ишь чего! Жила-жила у отца, у матери, обиды не видала, а теперь какъ бѣшеная собака съ войны пришелъ!..

И долго еще причитала баба, но я не слушалъ ея; я желалъ видѣть Кузьму и рѣшился на этотъ разъ не спускать.

— Ты что̀ это сдѣлалъ, дубина этакая?—началъ я свою рѣчь и, каюсь, продолжалъ ее въ томъ же возвышенномъ и энергическомъ тонѣ. Мнѣ весьма нетрудно было доказать ему, какъ онъ глупо поступилъ, преслѣдуя неумѣючи свои цѣли. Я даже тронулъ его, сказавъ:

— Вѣдь ты самъ же говорилъ мнѣ—въ деревнѣ нѣтъ ниоткуда помощи въ бѣдѣ: вотъ теперь сколько дѣтей померло отъ твоей глупости, а не сдѣлай ты своего свинства—они были бы живы.

— Я отдамъ деньги!—сказалъ онъ и вздохнулъ.

Онъ ясно видѣлъ, какъ онъ глупъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалъ, что поступалъ правильно съ своей точки зрѣ-

нія. Вышло почему-то очень глупо, хоть все дѣлалось на основаніи резоновъ. Послѣ этого случая Кузьма сталъ задумчивъ и золъ больше прежняго. Онъ чувствовалъ, что дурость обстоятельно одолѣваетъ его, а выкарабкаться изъ нея не могъ.

И опять захотѣлось мнѣ съѣздить въ деревню поочувствоваться и сообразить...

На этомъ можно и покончить съ перечисленіемъ примѣровъ такихъ явленій текущей жизни, которымъ названіе «тягота», и тягота безрезультатная, не имѣющая никакого иного результата, кромѣ самой себя,—то-есть тоже тяготы. Такими явленіями заполонена жизнь. Множество подробностей, резонныхъ сами по себѣ, слагаются въ одинъ какой-то огромный комокъ, не имѣющій никакого резона, никакой основной, правдивой, ясной цѣли—гнетутъ и въ концѣ концовъ оставляютъ ту же душевную пустоту. Думаешь, находишь для каждой мелочи весьма явственные резоны; но почему эти резоны соединились въ такую безобразную кучу и что̀ изъ этого соединенія должно выйти — постоянно остается безъ отвѣта...

И вотъ необходимость разобраться въ своихъ душевныхъ непорядкахъ, подкрѣпляемая обильнымъ — къ несчастью, ужасно обильнымъ—матеріаломъ душевнаго общественнаго разстройства, и заставила меня писать эти замѣтки. Какъ ни тѣсенъ уголокъ, въ которомъ я вращаюсь, но я помню, съ чего началось, помню, что̀ надобно было дѣлать,—и теперь ясно вижу, что это надобное, обязательное не сдѣлано. Это я по себѣ сужу, на своей «шкурѣ» чувствую.

II. Наконецъ—нашли виноватаго!

1.

Не знаю, достаточно ли ясно удалось мнѣ высказать, въ какомъ именно видѣ представляется моему, тяпушкинскому пониманію современное нравственное состояніе общества; но знаю, что въ первомъ отрывкѣ изъ моихъ воспоминаній я упустилъ изъ виду одно весьма важное для меня обстоятельство: я ни слова не сказалъ о моихъ попыткахъ выбраться къ свѣту изъ непостижимо-темныхъ явленій жизни, о попыткахъ дознаться, неужели же въ самомъ дѣлѣ нѣтъ

ничего, кромѣ какой-то жестокой безтолковщины? Неужели не журчитъ гдѣ-нибудь источникъ живой воды и вообще неужели нѣтъ такого жизненнаго теченія, которое было бы, хоть для извѣстной части современнаго общества, вполнѣ объяснимымъ, понятнымъ, законнымъ, даже хотя бы простонапросто «моднымъ»? Вѣдь должны же быть, думалось мнѣ, на Руси люди, которые понимаютъ, въ чемъ дѣло, знаютъ— что̀ и ка̀къ надо думать и дѣлать, что̀ считать важнымъ и нужнымъ, и вообще знаютъ, куда и откуда дуетъ вѣтеръ?

Поиски мои за такими знающими «въ чемъ дѣло» людьми заняли у меня немало времени и были въ сущности главною побудительною причиною того, что я, Тяпушкинъ, наконецъ рѣшился вновь взять въ руки перо и начертать: «часть первая, глава первая». Разсказать кое-что объ этихъ поискахъ я считаю необходимымъ, иначе рѣшительно не будетъ никакого оправданія для моей, тяпушкинской смѣлости разсуждать о высокихъ предметахъ.

Долгое время, безплодно изнывая надъ разрѣшеніемъ вопроса о томъ, кому и зачѣмъ нужно упорное стремленіе поддерживать путаницу и тяготу современной дѣйствительности, кому и зачѣмъ нужно, чтобы грубость въ соединеніи съ невѣжествомъ упорно стремились прекратить въ обывателѣ возможность понимать самого себя и уважительно объяснять свое существованіе — я, по примѣру прежнихъ лѣтъ и прежнихъ путаницъ (которыя однако на современную весьма не похожи), старался разыскать нить, руководящую изъ мрака къ свѣту, первымъ дѣломъ, конечно, въ печати, въ большихъ, убористымъ шрифтомъ и безъ малѣйшихъ признаковъ пустыхъ бѣлыхъ мѣстъ напечатанныхъ газетахъ. Я читалъ нѣсколько газетъ ежедневно отъ доски до доски—и не только не узналъ, въ чемъ теперь *главное,* важное, но положительно потерялъ всякую возможность что-нибудь понимать: въ одной и той же газетѣ, только въ разныхъ углахъ, пишется одною и тою же рукою, что для Болгаріи, какъ страны юной, необходимо было бы республиканское устройство, а для Россіи, какъ страны опытной и пожилой, необходимо уничтожить и гласные суды, какъ учрежденія, гдѣ невинное бормотаніе господъ аблакатовъ можетъ смущать умы соотечественниковъ тлетворными мечтаніями. Въ одной и той же газетѣ изъ города Мухортова пишутъ, что на земскомъ собраніи отклонено предложеніе о помощи врачебнымъ курсамъ, и затѣмъ разсказанъ случай народнаго невѣжества, продолжающаго до сихъ поръ

вѣрить знахарямъ, изъ которыхъ одинъ на этихъ дняхъ, принявъ истерическое состояніе одной бабы за порчу и нечистую силу, въ видахъ излѣченія повѣсилъ ее голою надъ костромъ и сталъ жечь огнемъ, приговаривая: «Выйди вонъ, выйди вонъ!», и приговаривалъ до тѣхъ поръ, покуда не уморилъ женщину на-смерть. Въ томъ же нумерѣ, въ отдѣлѣ хроники, пишется: «Женскіе врачебные курсы переименовываются въ курсы ученыхъ акушерокъ, въ видахъ того, что женщинамъ свойственнѣе заниматься лѣченіемъ дѣтскихъ и женскихъ болѣзней»... А на другой день въ той же хроникѣ читаю: «Дѣтское отдѣленіе при Николаевскомъ военномъ госпиталѣ закрывается»... и т. д. Итакъ, въ видахъ того, что женщинамъ свойственнѣе дѣтскія болѣзни, клиника дѣтскихъ болѣзней закрывается, а вмѣсто ребенка дается солдатъ, на томъ основаніи, что лѣченіе мужскихъ болѣзней «несвойственно женщинамъ»... Словомъ, никакой понятной, органически развивающейся мысли, никакихъ поступковъ, другъ изъ друга вытекающихъ и объяснимыхъ— ничего подобнаго я не могъ отыскать въ прессѣ, хлопочущей и уясняющей ежедневную злобу дня.

Такіе поистинѣ безплодные поиски руководящей «нити» въ самыхъ прославленныхъ органахъ руководящей прессы привели меня въ концѣ концовъ къ рѣшенію дѣла чисто «народнымъ» способомъ: «поискать *человѣчка*» и «поразспросить». «Человѣчекъ» издавна играетъ большую роль въ пониманіи «путей», признанныхъ давнымъ-давно «невѣдомыми»,—и русскій простой человѣкъ, не читающій газетъ и не имѣющій никакихъ связей съ перомъ и бумагой, давно привыкъ знать, что въ корнѣ всякой русской тяготы— объясняемой обыкновенно то вѣяніями, то «теченіями», то теоріями—«сущую правду» можно дознаться только отъ «человѣчка», который всѣ эти теоріи можетъ объяснить въ двухъ словахъ, и притомъ всегда съ точки зрѣнія совершенно неожиданной. Иной разъ сотни тысячъ умныхъ, ученыхъ, образованныхъ русскихъ людей по цѣлымъ годамъ ломаютъ голову, желая подыскать какіе-нибудь «умственные» резоны для такого-то или иного непостижимаго явленія жизни, прикидываютъ и такъ и этакъ, становятся на одну точку зрѣнія и на другую, и все ничего не могутъ ни понять, ни сообразить, ни объяснить. А «человѣчекъ», скрывающійся въ глубинѣ глубинъ непостижимаго явленія, все это можетъ объяснить въ двухъ-трехъ словахъ, при чемъ всегда окажется, что ни теоріи, ни точки зрѣнія, ни

научныя объясненія въ пониманіи дѣла не играютъ тутъ совершенно никакой роли. «Человѣчекъ» этотъ на Руси необыкновенно разнообразенъ. Иной разъ ни пресса, ни наука, ни люди, стоящіе даже у кормила или около него, не могутъ отвѣтить на ваше желаніе понять причины того или другого загадочнаго явленія и сами чувствуютъ себя какъ бы въ непрерывномъ и непроницаемомъ туманѣ, говорятъ полусловами, полуфразами, безъ начала и конца, хотя иной разъ и сами принадлежатъ къ числу лицъ, черезъ руки которыхъ постепенно проходятъ составныя части созидаемаго невѣдомымъ геніемъ невѣдомаго и непостижимаго явленія. А какой-нибудь лавочникъ или буфетчикъ возьметъ да и разъяснитъ дѣло въ двухъ словахъ, потому что знакомъ съ какой-то Авдотьей Миколавной, которая и есть всему дѣлу корень.

— Она, Авдотья-то Миколавна, сначала, изволите видѣть, была актеркой... Ну, а когда графъ этотъ самый облюбовалъ ее, то она и стала ему въ родѣ какъ вѣрная слуга... Ну, а самъ-то хоша и вхожъ, только самому-то ему нельзя, а все черезъ нее... Ну, она, конечно, даромъ не дѣлаетъ— что̀ говорить, жадна, — ужъ этого нельзя опровергнуть, — цапкая дама, насчетъ ежели касаемое ассигнацій или какихъ документовъ: прямо сказать, обобрать человѣка для нея за первое удовольствіе,—н-ну, только своему слову вѣрная: ужъ возьметъ, ограбитъ, а дѣло сдѣлаетъ! Я самъ вотъ этими руками ей двѣнадцать тысячъ, подъ предлогомъ будто фрукты, передалъ отъ одного господина для начатія дѣла... а черезъ полгода и вышло, чтобы разрѣшить ему... А теперича вонъ по газетамъ пишутъ, удивляются — какимъ, молъ, родомъ дозволили? Упоминаютъ даже, что будто бы большіе убытки для Расеи вышли черезъ это... А ей что̀, Авдотьѣ-то Миколавнѣ? Она взяла свое, что̀ слѣдовало исполнила, довела до дѣла, ну, а тамъ ужъ не ея часть... Только что замѣчаю я, будто она противъ графа стала немного нечисто поступать. Побаловывать быдто, такъ сказать, начала съ калегвардомъ. Ну, самъ-то и грозится, говоритъ: «возьму новую нѣмку!». Пожалуй, какъ бы и въ самомъ дѣлѣ новой нѣмки не взялъ... А ужъ насчетъ новой нѣмки не могу вамъ утвердить—какая-такая выищется, и какіе будутъ черезъ это порядки—неизвѣстно.

«Человѣчекъ», знающій суть непостижимыхъ дѣлъ, стоящій у самаго корня, всегда даетъ объясненія этимъ дѣламъ именно въ такомъ, совершенно неожиданномъ родѣ. Вы

думали объяснить явленіе преобладаніемъ какой-то «системы», направленія, полагали, что въ корнѣ дѣла лежитъ какой-то планъ, что тутъ надобно объяснить дѣло теоріей «протекціонизма» или теоріей «свободной торговли» и т. д., а на дѣлѣ-то оказывается, что всему дѣлу корень—Авдотья Миколавна изъ актерокъ, и что вся «система» можетъ оказаться перевернутой вверхъ дномъ, смотря по тому, какая-такая будетъ «новая нѣмка»...

Вотъ и мнѣ пришлось въ моихъ нравственныхъ терзаніяхъ искать совѣта и указанія также у какого-нибудь «человѣчка», у существа, понимающаго, гдѣ «корень дѣла», не столько сознаніемъ, сколько чутьемъ, носомъ, обоняніемъ. Но сомнѣнія мои были вовсе не таковы, чтобы я могъ разыскивать нужнаго мнѣ «человѣчка» въ лавчонкѣ или въ буфетѣ: мнѣ нельзя было искать человѣка иначе, какъ въ «интеллигентной» средѣ,—средѣ, *обязанной* соприкасаться съ тѣми же самыми явленіями жизни, которыя заставили меня не понимать и недоумѣвать. Словомъ, мнѣ нуженъ былъ человѣкъ понимающій, «слѣдящій» и въ то же время не утратившій зоологическаго свойства «чуять» самую подноготную.

2.

И припомнился мнѣ одинъ мой старый, давнишній знакомый, за которымъ я давнымъ-давно примѣтилъ, во-первыхъ, умѣнье «отзываться на все» и, во-вторыхъ, дѣлать только то, что̀ слѣдуетъ. Фамиліи его я называть не буду—мы очень скоро разстанемся съ нимъ,—но скажу, что онъ—человѣкъ образованный, служитъ, получаетъ награды и повышенія, и въ то же самое время умѣетъ отзываться *«на все»*. Все то, что̀ связано со службой, съ пониманіемъ «корня и существа»,—словомъ, все, что̀ обусловлено убѣжденіемъ въ силѣ Авдотьи Миколавны и зависитъ отъ характера и здрава «новой нѣмки», все это скрыто, гдѣ-то лежитъ въ глубинѣ невидимаго простымъ глазомъ жизненнаго порядка, которому слѣдуетъ мой пріятель, а видимый порядокъ жизни, напротивъ, вовсе не напоминаетъ Авдотью Миколавну, а весь состоитъ изъ безпрерывной отзывчивости. Чтобы лучше характеризовать моего «человѣчка», позволю себѣ сдѣлать такое сравненіе: «человѣчекъ» этотъ походилъ и по внѣшнимъ и по внутреннимъ свойствамъ на обыкновенный россійскій телячій студень. Когда студень лежитъ на блюдѣ среди обѣденнаго стола, то малѣйшее движеніе вилкой, тарелкой немедленно отражается на немъ: онъ трепещетъ не только

отъ того, что тронули блюдо, но даже отъ тяжелыхъ шаговъ прислуги; онъ впечатлителенъ даже къ громкимъ звукамъ. Кто-то изъ обѣдавшихъ чихнулъ, и студень тотчасъ «отозвался» трепетомъ... А разрѣжьте его, вѣдь ледъ льдомъ, холодъ внутри его ледяной, точно мороженое. Такъ вотъ такая-то впечатлительность, отзывчивость и такое-то нутро— вотъ главныя черты того человѣка, о которомъ я говорю... Сколько я его ни помню, онъ постоянно отзывался на все, ощущалъ малѣйшее прикосновеніе новыхъ теченій и вѣяній жизни, и въ то же время въ глубинѣ, въ нутрѣ своего нравственнаго студня сохранялъ умѣнье вѣрить только въ Авдотью Миколавну и полагать свою будущность въ «карахтерѣ» новой нѣмки. Невѣдомо ни для кого изъ безпрестанно мѣнявшихся знакомыхъ преуспѣвалъ онъ по службѣ, что-то дѣлалъ, писалъ, ходилъ куда-то съ портфелемъ; никто даже никогда и не спрашивалъ его, что̀ такое онъ дѣлаетъ, куда ходитъ и что̀ такое въ портфелѣ, да и самъ онъ не заводилъ объ этомъ рѣчи. А отзывался въ то же время на все и, какъ я теперь понимаю, отзывался потому и въ такой мѣрѣ, въ какой это ему было нужно и въ какой мѣрѣ отзывчивость не вредила незыблемости вѣры въ Авдотью Миколавну. Былъ онъ и народникомъ, и въ деревню ѣздилъ, и привезъ оттуда здоровыхъ дѣтей; и о конституціи говорилъ много, и ждалъ, говорилъ, что «задыхается»; однако не задохнулся; и просто «такъ» угрюмо и таинственно молчалъ, глубоко вздыхалъ, сидя за чаемъ въ обществѣ какихъ-то студентовъ и курсистокъ, и уходилъ, не сказавъ ни слова, съ стаканомъ чая въ кабинетъ. И «жертвовалъ», и книжки у него были, которыя онъ охотно предлагалъ гостю взять прочитать, прибавляя: «любопытно»... Отъ всего этого у него всегда оставалось что-нибудь «для себя», для того нутра, которое никому видимо не было: отъ народничества — дѣти здоровыя, отъ книжекъ — коекакія экономическія свѣдѣнія и т. д. Все на потребу. Все это мнѣ давно было ясно видимо, но все это не было грубо, и хотя я не питалъ къ моему пріятелю особеннаго почтенія, но, пріѣзжая въ Петербургъ изъ провинціи, не могъ не зайти къ нему освѣдомиться: какая теперь звучитъ струна сильнѣе и звончѣе другихъ? Придешь—и видишь: пьютъ чай, а за столомъ мрачный студентъ и мрачная акушерка, и пріятель мой мрачный; придешь черезъ два года—опять чай, но за столомъ ужъ земецъ, слышно слово «задыхаюсь», и опять видишь, въ чемъ дѣло, и т. д.

Тоже вотъ и въ нынѣшній разъ: думаю — «пойду я къ этому человѣку, погляжу, не узнаю ли, «чѣмъ пахнетъ»? Потому что по газетамъ рѣшительно ничего понять невозможно».

Пошелъ и дѣйствительно скоро все узналъ и понялъ. Начиная съ внѣшняго вида квартиры, я уже почувствовалъ, что «теперь не то». Въ былое время мой «отзывчивый» пріятель, несмотря на очень хорошій окладъ и ежегодныя награды, «отзываясь» на главнѣйшія вѣянія времени, даже какъ бы считалъ обязанностью держать квартиру въ безпорядкѣ. На двери была приклеена сургучомъ карточка, а не доска; въ кабинетѣ зачастую стоялъ самоваръ, чашки съ окурками, кресло передъ письменнымъ столомъ было безъ ноги, — словомъ, демократическое направленіе господствовало во всемъ. Съ дѣтьми разговаривали такъ: «Лешка!» — говорилъ отецъ сыну. «Петька!» — говорилъ сынъ отцу. Жена моего пріятеля также, несмотря на средства, одѣвалась Богъ знаетъ какъ, хозяйствомъ не занималась, обѣдъ былъ невозможный, безпорядочный — до того ли ей? Она, закутавшись въ платокъ, любила тогда сидѣть на продавленномъ диванѣ съ книгой, которую принесъ студентъ (онъ отлично приготовилъ ея сына въ гимназію и сильно укрѣпилъ его характеръ, котораго не было у отца, какъ думала жена моего пріятеля), и нерѣдко даже говорила такія рѣчи, что если бы, молъ, она встрѣтила сильнаго, энергическаго человѣка, съ которымъ можно было «навѣрное» погибнуть, то она бы давно погибла, но въ глубинѣ души была рада (молча), что сынъ ея воспитывается безъ сентиментальности и грубоватъ; она радовалась тому, что хорошо, если этотъ мальчикъ будетъ умѣть «дать сдачи», а вовсе не погибать. Когда объявились въ газетахъ «иллюзіи», а за чайнымъ столомъ появился земецъ, который не могъ дышать, то и мужъ сталъ задыхаться, и жена стала тоже задыхаться, и «народъ» вышелъ изъ моды: самоваръ былъ вычищенъ; на столѣ стояли очень опрятныя закуски, книга въ рукахъ была другая — «Пѣснь торжествующей любви». Словомъ, «отзывчивость» моего пріятеля къ главнымъ вѣяніямъ и теченіямъ была чрезвычайна и отражалась на всемъ, начиная съ внѣшняго обличья квартиры до внѣшняго обличья самихъ хозяевъ. Въ «нутрѣ» только оставалось всегда одно и то же — весьма обыкновенный телячій составъ студиня.

На этотъ разъ все, начиная съ мѣдной доски, съ элек-

трическаго звонка, съ очень прилично одѣтой горничной, отворившей мнѣ дверь, — все говорило, что настало нѣчто новое. Обстановка квартиры безукоризненная, со всевозможными мелочами цивилизованнаго уюта, это — во-первыхъ; во-вторыхъ, цѣлыхъ десять минутъ я долженъ былъ ожидать появленія моего пріятеля, чего прежде не бывало; въ-третьихъ, появившись, онъ, согласно духу времени, не узналъ меня; потомъ узналъ, но безъ всякаго радушія; прежде бы онъ закричалъ, засуетился, теперь не закричалъ и не засуетился. Онъ очень разъѣлся, былъ тщательно одѣтъ и довольно грубъ; въ глазахъ не только не было еще той недавно обязательной для такихъ «человѣчковъ» виноватости, — напротивъ, глаза эти выражали твердость и пустоту, или, вѣрнѣе, серьезное «наплевать!..». Ни одной демократической черты! Прежде, бывало, обращаясь къ прислугѣ, отзывчивый пріятель мой старался быть вѣжливымъ: «Пожалуйста, Авдотья, потрудись, другъ любезный, тамъ у меня, знаешь, около кровати папиросы на столикѣ»... А теперь — подавилъ вдавленную въ столъ пуговку звонка и, когда явилась франтоватая горничная, сказалъ только: «папиросъ!» — и, видимо, показывалъ разницу между собой — бариномъ — и прислугой. «Я — баринъ, а ты холопъ» — это черта новая и какъ-то особенно усиленно выставляющаяся. Эту «разницу» всѣ теперешніе «человѣчки» стремятся выставить съ особенною грубостью. А что сталось съ женой моего пріятеля, такъ это я даже и высказать не могу! Не только нѣтъ никакихъ признаковъ того, что, если бы нашелся энергическій человѣкъ, который бы помогъ ей навѣр-р-рное погибнуть, такъ она бы погибла, но мнѣ даже подумалось, когда я взглянулъ на нее при ея появленіи въ кабинетѣ мужа, что она теперь сама помогла бы скорѣйшей погибели энергическаго человѣка, а ужъ сама и не подумала бы даже о такой глупости. «Европа — одно слово!» — самъ не зная почему, подумалъ я, едва увидѣвъ преобразованную фигуру стремившейся къ погибели энергической женщины. Самопожертвованная растрепанность былыхъ временъ замѣнилась теперь тѣмъ же выраженіемъ «наплевать», которое свѣтилось и въ глазахъ ея мужа, только «наплевать», озарявшее лицо жены, было въ высшей степени безпечное; это «наплевать» виднѣлось и въ тѣлодвиженіяхъ, заимствованныхъ прямо отъ разбитной опереточной актрисы. Я только дивился, съ какой настойчивостью эта дама старалась заста-

вить меня обратить вниманіе на то, что теперь она заботится не о погибели, а вотъ объ «этомъ мѣстѣ», вокругъ и около праваго бедра... Я даже отодвинулся на полъ-аршина, давая ей понять, что я уже замѣтилъ и что не надо же ужъ такъ къ самому носу...

Подъ этими совершенно неожиданными впечатлѣніями я какъ-то отупѣлъ, даже забылъ, зачѣмъ собственно пришелъ сюда; я почувствовалъ присутствіе кругомъ меня какой-то смѣлой глупости. Смѣлость быть глупымъ, смѣлость не стыдиться этой глупости, даже стремленіе щеголять ею — вотъ новая для меня черта въ моемъ «отзывчивомъ» человѣкѣ. Не помню ужъ, что̀ такое я говорилъ съ нимъ, не помню, что̀ говорилъ онъ со мной. Я хотѣлъ уйти — и не уходилъ, самъ не зная почему, и не знаю, какъ бы шло дальше, если бы не выручило насъ всѣхъ одно обстоятельство, которое развязало моему пріятелю языкъ и тѣмъ самымъ вывело меня «изъ мрака къ свѣту».

Въ передней раздался звонокъ, и вслѣдъ затѣмъ, послѣ переговоровъ горничной съ пришедшими, въ кабинетъ пріятеля вошли три мужика; каждый изъ нихъ держалъ въ рукахъ, а иные на головѣ, большія рамы, завернутыя въ бумагу. Оказалось, что это артельщики принесли картины, купленныя моимъ пріятелемъ. Развернули одну, оказалась сцена изъ римской жизни: молодая патриціанка готовится вступить въ воду широкаго мраморнаго бассейна: она уже опустила туда концы пальцевъ лѣвой ноги. На поверхности воды плаваетъ роза. Разумѣется, патриціанка раздѣлась, руки подняла кверху и въ одной изъ нихъ держитъ кисею, которая невѣдомо зачѣмъ нужна, невѣдомо зачѣмъ спускается до полу.

— Что̀, — сказалъ мой реставрированный человѣчекъ: — не одобряете? Скорби нѣтъ? Что̀ дѣлать... Хочется, знаете, и поотдохнуть немножко. Все мужикъ, мужикъ, мужикъ, мужикъ — позвольте-съ! Дайте вздохнуть.

Стали картину вѣшать. Артельщики стучали молотками, а пріятель мой, почему-то разгорячась, сердясь, продолжалъ:

— Да! довольно, довольно-съ этого одуренія, этого кошмара! Позвольте и намъ, не мужикамъ (можетъ-быть, къ несчастью!), позвольте и намъ предъявить свои, наши, немужицкія требованія! Да-а-съ! Безъ скорби! Безъ тенденціи! Что̀ дѣлать-съ! Откройте другую картину!

И другая картина оказалась тоже изъ римской жизни:

патриціанка выходила изъ бассейна, и такъ какъ она, разумѣется, удалялась отъ зрителя, то не было ужъ никакой кисеи, потому что и такъ никто не увидитъ.

— И эта тоже безъ скорби! Тѣло, просто человѣческое тѣло-съ, ужъ не взыщите-съ! И — увы! — красивое-съ тѣло, и ни недоимокъ ни неурожая — нѣтъ! Да-съ, нѣту ихъ — увы, увы! Я не сомнѣваюсь, что дядя Митяй съ пряниками и тамъ разные «на построеніе храма»... старички... или водовозъ какой-нибудь — ни малѣйше не сомнѣваюсь, что это глубоко... Но ужъ позвольте мнѣ что-нибудь поизящнѣй... Что̀ дѣлать! И на улицѣ нищій, и на картинѣ нищій, и въ книгѣ нищій — это, воля ваша, нѣтъ! Бо̀га ради, это пора кончить! Пора! пора!

Третья картина — тоже изъ римской жизни. И тоже безъ тенденціи... Голая... и лежитъ, отдыхаетъ, должно-быть. Голова, впрочемъ, убрана и браслеты есть. А пріятель мой все азартнѣе становится. — «Мужикъ, мужикъ, мужикъ, мужикъ, мужикъ, — нѣтъ! Бога ради! Довольно! довольно! довольно!.. Позвольте и намъ, и намъ, и намъ!» Ничего другого я не помню изъ ожесточенныхъ монологовъ моего человѣчка. Я сидѣлъ, какъ загипнотизированный этими отрывочными, непрерывавшимися фразами негодованія; не помню, какъ случилось, что, послѣ того какъ были повѣшены картины, я очутился за завтракомъ, въ обществѣ моего пріятеля и его жены; не помню, что̀ ѣлъ и что̀ думалъ, но помню, что опять и еще съ бо̀льшимъ ожесточеніемъ пріятель мой, подкрѣпившійся стаканомъ краснаго вина и чашкою кофе съ коньякомъ, горланилъ, неизвѣстно по какому случаю: — «мужикъ, мужикъ, мужикъ, мужикъ — нѣтъ! довольно! довольно! довольно!»

Не помню, какимъ образомъ случилось, что я не только не ушелъ послѣ завтрака, но досидѣлъ и до обѣда, и обѣдалъ, и потомъ вмѣстѣ съ пріятелемъ и его женой отправился въ Малый театръ смотрѣть Жюдикъ. И здѣсь я помню только одно, именно, что и въ кассѣ, когда пріятель бралъ билеты, онъ не упустилъ случая ввернуть: «позвольте же наконецъ что-нибудь! Что-жъ это такое? мужикъ, мужикъ, мужикъ!» И затѣмъ во время спектакля и въ антрактахъ твердилъ то же самое каждую минуту, и за ужиномъ, въ кабинетѣ какого-то ресторана, при каждой рюмкѣ, при каждомъ кускѣ я слышалъ все одно и то же: «Дайте же и намъ... вѣдь и мы люди, вѣдь и у насъ потребности! Нельзя же двадцать лѣтъ: мужикъ, мужикъ, му-

жикъ, мужикъ!». Безпрерывно волнуясь и горячась, пріятель мой старался ѣсть какъ будто даже больше, чѣмъ слѣдуетъ, пить больше, чѣмъ могъ, желая этой чрезмѣрностью комментировать выраженіе: «дайте же и намъ».

Наконецъ мы разстались...

Возвратившись домой, я чувствовалъ какую-то необыкновенную физическую усталость, необычайную усталость, необычайную внутреннюю пустоту, тяжесть собственнаго тѣла и какой-то шумъ или зудъ всего организма, точно и во мнѣ и вокругъ меня безпрерывно повторялась фраза моего пріятеля: «мужикъ-мужикъ-мужикъ-мужикъ, довольно! довольно! довольно!..» И невольно, слушая этотъ неумолкаемый шумъ однообразной фразы, я, несмотря на мое физическое утомленіе, не могъ не подумать:

— Да! Такъ вотъ оно новое-то!.. Вѣдь не станетъ же пріятель мой «отзываться» на явленія, не стоящія вниманія. Стало-быть, точно новое.

Что-то тяжелое, смутное испытывалъ я, добравшись наконецъ до своего непривѣтливаго меблированнаго номера, и не только смутное, но и тяжеловѣсно-глупое что-то угнетало меня послѣ полусутокъ, проведенныхъ въ обществѣ «отзывчиваго» человѣка; я желалъ бы отдѣлаться отъ этихъ впечатлѣній, хотѣлъ бы сбросить ихъ съ своихъ плечъ, какъ ненужную тяжесть, и не могъ! «*Не даромъ* мой отзывчивый пріятель бѣснуется при словѣ «мужикъ»: даромъ онъ не будетъ бѣсноваться, стало-быть, что-нибудь тутъ есть...» — Что же тутъ, въ этой видимой глупости, думалось мнѣ, есть именно резоннаго, настоящаго? А главное, почему при словѣ «мужикъ» отзывчивый человѣкъ выходитъ изъ себя? Вѣдь выходить изъ себя цѣлыя сутки, значитъ надобно «въ самомъ дѣлѣ» ощущать при этомъ словѣ какую-нибудь реальную боль, уколъ... «Дайте отдохнуть!» — выраженіе, столь же часто слышанное мною, какъ и слово «мужикъ»,—произносилось съ крикомъ, съ негодованіемъ. Да отдыхай, пожалуйста! — хотѣлось отвѣтить ему.—Чего-жъ ты кричишь-то? Кто тебѣ мѣшаетъ «просто» идти въ театръ, покупать голую патриціанку, не прибавляя каждую минуту воплей о томъ, что «надоѣлъ мужикъ»? Да наконецъ я не знаю даже, кто и когда мѣшалъ этому самому отзывчивому пріятелю не имѣть никакихъ отношеній къ мужику? «Дайте отдохнуть» — и вотъ театры, балы, маскарады, собранія и т. д. Но вѣдь это всегда было! Вѣдь въ послѣднія 25 лѣтъ возможность эстетическихъ

наслажденій приняла такіе огромные размѣры, что сдѣлалась доступной не только Петербургу, Москвѣ, но буквально каждому захолустью. Ни одинъ крупный музыкальный талантъ, ни одинъ талантъ художественный не пропалъ за эти годы; всякій изъ нихъ не переставалъ расти, развиваться, выражая и въ звукахъ и въ краскахъ все, что̀ могъ и считалъ нужнымъ выразить. А теперь вотъ выходитъ, будто бы «мужикъ» все это давилъ, душилъ, и все имъ задушенное, придавленное только теперь въ наши дни вырвалось изъ его лапъ и вопіетъ:—«Довольно! довольно! довольно! Дайте и намъ, и намъ... не все же мужикъ, мужикъ, мужикъ...»

Господи помилуй, что̀ за удивительный недугъ! Да, есть что-то! недаромъ вопіетъ отзывчивый человѣкъ.

3.

Тяжелымъ сномъ заснулъ я подъ гнетомъ размышленій о явленіи столько же тяжеломъ, сколько и непонятномъ. И, проснувшись утромъ, тотчасъ почувствовалъ, что и ощущеніе гнета и тоска непониманія проснулись вмѣстѣ со мною... Въ такомъ положеніи я сидѣлъ на постели, когда Кузьма принесъ мнѣ газеты. И что̀ же, въ одной изъ газетъ, физіономія которой была до послѣдней степени прилично вымыта и выбрита, въ передовой статьѣ глаза мои совершенно случайно упали на такую строчку: «кончилось тѣмъ, что отъ мужика не стало *проходу*...»—т.-е. опять-таки мужикъ, и даже *проходу* (вѣдь это буквально!) не даетъ.—Боже мой! — подумалъ я: — кто этотъ бѣдняжка, которому мужикъ не даетъ проходу (къ буфету?). Оказалось, что проходу онъ не даетъ тому слою русскаго общества, интеллигентныя цѣли котораго *не могутъ* быть ничѣмъ инымъ, какъ благомъ народа. Такъ вотъ этимъ-то господамъ, которые думаютъ о благѣ народа, пожалуй, даже того же мужика, мужикъ не даетъ проходу... къ буфету!

Итакъ,—подумалось мнѣ:—во всѣ эти двадцать пять лѣтъ мужикъ и ложный взглядъ на мужика мѣшали вамъ что-нибудь дѣлать? Это вы, вслѣдствіе ложныхъ взглядовъ на мужика, господствовавшихъ въ литературѣ, начали новую эру тѣмъ, что въ двадцать разъ увеличили въ Россіи ввозъ шампанскихъ винъ и опереточныхъ актрисъ, просадивъ на нихъ сначала выкупныя свидѣтельства, потомъ лѣса и земли? Ложные взгляды на мужика не давали вамъ возможности пикнуть ни по части образованія вашихъ дѣтей

ни по части всевозможныхъ хищеній, всевозможныхъ неправдъ и всевозможныхъ колотушекъ въ разныя части собственнаго вашего тѣла? Мужикъ не давалъ проходу къ кассамъ расхищавшихся банковъ, въ милліардныхъ грабежахъ войны, въ мутной водѣ подпольнаго взяточничества? Мужикъ не давалъ вамъ ходу, когда, даже въ качествѣ свѣдущихъ людей, вы ровно ничего путнаго не могли сказать, хотя и не можете имѣть иныхъ цѣлей кромѣ блага народа? Отъ ложныхъ взглядовъ въ литературѣ вы, въ теченіе двадцати лѣтъ, въ семистахъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ и въ восьми тысячахъ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, могли только вотировать прибавки къ жалованью господина станового пристава, а по всѣмъ прочимъ вопросамъ могли выражать какія-то необыкновенныя «безпредѣльныя» чувства? Это все мужикъ обездоливалъ васъ, не давалъ вамъ *проходу* (проходу, проходу *не давалъ!)* къ настоящему дѣлу?.. А между тѣмъ черезъ каждые три года, и по уѣзднымъ и по губернскимъ городамъ, васъ собирали для того, чтобы напомнить о томъ, что вы въ самомъ дѣлѣ должны имѣть какія-нибудь благія цѣли. Чрезъ каждые три года восемьсотъ уѣздныхъ и семьдесятъ губернскихъ каѳедральныхъ протопоповъ увѣщевали васъ шествовать безбоязненно по предначертанному пути, напоминая вамъ, что вы—потомки предковъ, что предки были древле краеугольными камнями, и что вы также должны быть краеугольными... А вы все въ буфетъ да въ буфетъ.

Малѣйшаго, самаго поверхностнаго припоминанія тѣхъ всевозможныхъ проматываній, которыми ознаменовано двадцатилѣтнее существованіе тѣхъ, кто «не можетъ имѣть» иныхъ цѣлей, кромѣ народнаго блага,—достаточно для того, чтобы видѣть, до какой степени вопли этихъ людей противъ мужика не только несправедливы, но неумны и унизительны. Ни въ качественномъ ни въ количественномъ отношеніи это рѣшительно несправедливо. Возьмите сейчасъ всѣ органы печати, имѣющіеся у васъ въ данную минуту подъ рукой, выкиньте изъ толстыхъ и тонкихъ журналовъ, изъ большихъ и малыхъ газетъ все, что касается мужика, и у васъ навѣрное получится масса матеріала, не имѣющаго съ мужикомъ ни малѣйшаго соприкосновенія. Положительно можно сказать, что на какой-нибудь очеркъ въ листъ, въ полтора, вы имѣете цѣлую часть въ пять, въ десять листовъ романа, беллетристики, изучающей культурное общество. О мужикѣ все очерки, а о культурномъ обще-

ствѣ романы. Очеркъ изъ мужицкой жизни задушилъ и замучилъ всѣхъ интеллигентныхъ дѣятелей, очеркъ, котораго они даже и въ руки не берутъ, очеркъ, исчезающій къ тому же въ широкой, подавляющей дѣятельности такихъ огромныхъ силъ, какъ Тургеневъ, Достоевскій, Толстой, Гончаровъ, подарившихъ русское общество въ послѣднія 25 лѣтъ самыми крупными, самыми замѣчательными своими работами, это ничтожное неуклюжее созданіе, котораго никто не читаетъ,— онъ-то и не даетъ «проходу»! Но оставимъ эти сильные таланты, посмотримъ, что̀ дѣлаютъ несильные и немогучіе: возьмите малыя и большія газеты того самаго дня, въ который вамъ придется читать эти строки, выбросьте все, что̀ касается мужика, земельки, убійства изъ-за двугривеннаго и т. д., и затѣмъ пересчитайте все, что̀ осталось не о мужикѣ. Вы будете подавлены разнообразіемъ матеріала: объ однихъ театрахъ вы имѣете гораздо больше строкъ, чѣмъ о всѣхъ внутреннихъ дѣлахъ всей Россіи, а о мужикѣ только сказано, что въ селѣ Чушкинѣ крестьянка родила трехъ близнецовъ, которые находятся въ добромъ здоровьѣ. Въ милліонъ разъ больше свѣдѣній вы найдете въ каждомъ нумерѣ газеты о томъ, напримѣръ, какія юбки начала носить Сара Бернаръ или сколько любовниковъ было у недавно скончавшейся актрисы N., чѣмъ о насущнѣйшихъ нуждахъ мужицкаго житья-бытья. Оставимъ и эту большую прессу, возьмемъ маленькую. И здѣсь отъ первой до послѣдней строки не только никто не хочетъ задушить читателя полушубкомъ, но все стремится развеселить его, насмѣшить, выкинуть колѣно, сказать стишокъ, отъ котораго бы защекотало подъ мышкой... Затѣмъ масса иллюстрированныхъ изданій, гдѣ употребляются всѣ силы, чтобы оградить васъ отъ непріятнаго, тяжелаго впечатлѣнія, гдѣ и изъ прошлаго и изъ настоящаго выбрано для читателя только красивое, занимательное, курьезное... А много ли мужика на театрѣ? Много ли его въ опереткѣ русской, французской, нѣмецкой, въ балетѣ, въ оперѣ на всѣхъ частныхъ и казенныхъ сценахъ и т. д.? А огромная европейская литература, вполнѣ доступная нашему образованному обществу, напоминаетъ ли она ему хотя чѣмъ-нибудь о мужикѣ? Сосчитайте по пальцамъ количество произведеній, касающихся мужика, сосчитайте количество экземпляровъ такихъ произведеній, число лѣтъ, въ которыя они расходятся, и вы увидите, что такія произведенія считаются буквально десятками, и какіе-нибудь 2 тыс. экземпляровъ

расходятся въ теченіе 5—6 лѣтъ, между тѣмъ какъ «немужицкая» оригинальная и переводная литература, а за ней литература «дня», литература «пріятнаго чтенія», потѣхи и щекотки — кишмя-кишитъ вокругъ васъ ежедневно, на каждомъ шагу. Подписчиковъ десятки тысячъ, а еще больше случайныхъ покупателей; на каждомъ углу улицы, на каждой захолустной станціи желѣзной дороги вамъ предлагаютъ пріобрѣсти листокъ съ потѣхой, увеселеніемъ и щекоткой. «Мужикъ» со всею своею литературою, со всѣми своими очерками, замѣтками, съ цифрами о смертности, урожаѣ и неурожаѣ и т. д.—это капля въ морѣ литературы, ежедневно стремящейся доставить читателю эстетическое наслажденіе, или просто удовольствіе, потѣху, развлеченіе, и во всякомъ случаѣ не имѣющей даже отдаленнѣйшаго намѣренія задушить своего покупателя полушубкомъ.

А между тѣмъ рѣшительно вездѣ, даже и въ этой увеселяющей литературѣ, одинъ и тотъ же вопль и стонъ. «Мужикъ задушилъ! Мужикъ не далъ проходу, мужикъ, мужикъ, мужикъ! довольно! довольно!» Несправедливость этихъ воплей, какъ видите, совершенно ясная; никакихъ существенныхъ резоновъ для нея нѣтъ, если, конечно, вникнуть въ дѣло по совѣсти. Если бы въ этихъ вопляхъ была хоть тѣнь правды, если бы мужикъ въ самомъ дѣлѣ такъ безсовѣстно заполонилъ всю литературу, преградилъ бы всѣ входы и выходы для тѣхъ, кто считается потомками предковъ и кто «не можетъ» имѣть иныхъ цѣлей, кромѣ народнаго блага, то, разумѣется, онъ, этотъ мужикъ, какъ практическій человѣкъ, сумѣлъ бы извлечь изъ своего первенствующаго положенія и несомнѣнныя практическія выгоды. Между тѣмъ посмотрите, вчера или нѣсколько дней тому назадъ, въ той же самой газетѣ былъ опубликованъ на послѣдней страницѣ, въ отдѣлѣ внутреннихъ извѣстій, такой фактъ: ѣдетъ на извозчикѣ съ курскаго вокзала какой-то пассажиръ-крестьянинъ и заводитъ съ своимъ возницей разговоръ о томъ, о семъ, о крестьянствѣ и землѣ. Извозчикъ жалуется проѣзжему крестьянину на бѣдность, говоритъ, что эта бѣдность происходитъ отъ малоземелья, что она выгнала его въ извозъ, оторвала отъ дома, что отъ извоза не только нѣтъ выгоды, а, напротивъ, только разстройство: въ домѣ однѣ бабы да ребятишки. Разсказалъ этотъ извозчикъ проѣзжему крестьянину, что не онъ одинъ бьется, какъ рыба объ ледъ, вслѣдствіе малоземелья, а цѣлыя деревни, волости!.. Тогда пассажиръ-крестьянинъ сжа-

лился надъ этимъ мужикомъ и присовѣтовалъ отправить ходоковъ въ такое-то мѣсто, назвалъ губернію, уѣздъ и волость, указалъ, какъ пройти, гдѣ, къ какому человѣку обратиться. Словомъ, далъ самые практическіе и опредѣленные совѣты и указанія. Извозчикъ все это запомнилъ, тотчасъ же, подъ вліяніемъ совѣтовъ случайнаго пассажира, поѣхалъ въ деревню, разсказалъ дѣло односельчанамъ и добился того, что болѣе сорока домохозяевъ рѣшились сдѣлать сборъ денегъ для ходока и, когда тотъ убѣдится, что пріѣзжій не солгалъ,—переѣхать на указанныя мѣста. Собрали денегъ, а скоро въ самомъ дѣлѣ переселились; переселенцы купили сразу большое имѣніе, цѣною въ 80 тыс. рублей, и теперь славословятъ Всевышняго. Такъ вотъ, если бы мужикъ-то возобладалъ повсюду, если бы онъ, въ самомъ дѣлѣ, не давалъ «проходу», такъ такія элементарныя дѣла, какъ дѣло о землѣ, лежащей подъ бокомъ, навѣрное дѣлались бы правильно и во всякомъ случаѣ считались бы дѣломъ серьезнымъ. А то—*не случись* этого добраго проѣзжающаго — и болѣе сорока дворовъ такъ бы и пропали пропадомъ на родинѣ, въ то время, когда, какъ видимъ, и земля и средства пріобрѣсти ее есть въ наличности.

Такимъ образомъ размышленія мои, возбужденныя вчерашними воплями моего пріятеля и сегодняшнимъ чтеніемъ газетныхъ воплей—по поводу того же самаго «мужика»—сначала сильно меня взволновавшія своей глубокой неправдою, постепенно стали принимать все болѣе и болѣе спокойное направленіе, и я совсѣмъ ужъ былъ готовъ успокоиться на томъ окончательномъ рѣшеніи, что всѣ эти крики и вопли: «задушилъ!» и «довольно!»—просто пустяки и вздоръ, не стоящій ни малѣйшаго серьезнаго вниманія, какъ совершенно неожиданное обстоятельство вновь повергло меня въ тягостное недоумѣніе. Неожиданно мнѣ припомнился голосъ моего пріятеля и выраженіе, съ которымъ онъ произнесъ свои «довольно! довольно!». Голосъ этотъ былъ *дѣйствительно* возбужденный, *дѣйствительно* взволнованный. *Дѣйствительное* негодованіе слышалось въ тонѣ его рѣчей. Пораженный этою неожиданностью, я перечиталъ какъ фельетонъ, въ которомъ авторъ жалуется, что его задушилъ полушубокъ, такъ и передовицу, гдѣ вопіютъ, что отъ мужика нѣтъ проходу,—и опять убѣдился, что все это говорится искренно, что въ этихъ неправдоподобныхъ статьяхъ сокрыто самое правдоподобное ощущеніе удушья,

отсутствіе вѣры въ возможность «пройти» къ какой-то цѣли. «Вѣдь, стало-быть, — подумалъ я: — есть же какая-нибудь серьезная, глубокая причина, вслѣдствіе которой слово «мужикъ» такъ искренно мучитъ людей и исторгаетъ изъ нихъ крики непритворной боли?»

Искренняя, непритворная боль и не напускная досада, слышащаяся въ вопляхъ совершенно неосновательныхъ и нерезонныхъ, сбила меня съ толку и спутала всѣ мои соображенія. Не помню и не могу сказать, вслѣдствіе какихъ логическихъ или нелогическихъ сцѣпленій мысли я къ концу дня нашелъ почему-то необходимымъ опять пойти къ моему знакомому «человѣчку», несмотря на то, что уже вчера далъ себѣ слово ни въ какомъ случаѣ и никогда не посѣщать его. Самъ не знаю—почему, но мнѣ показалось, что тамъ, въ реставрированномъ обиталищѣ «человѣчка», я какъ будто бы чего-то не досмотрѣлъ.

Пошелъ и наткнулся на шумное сборище гостей; были святки, и у человѣчка происходило что-то въ родѣ маскарадика. Пяти минутъ пребыванія въ этомъ веселомъ обществѣ было для меня достаточно, чтобы почувствовать на душѣ что-то до-нельзя нехорошее. Всѣ были чрезвычайно веселы («давно мы такъ не веселились!»—сказала сама хозяйка), всѣ стремились быть, если можно, еще веселѣй, еще развязнѣй, шумнѣй; всѣ стремились какъ бы наверстать утраченные годы какой-то вынужденной опечаленности. Боже мой, съ какимъ усердіемъ и усиліемъ самъ мой знакомый человѣчекъ, его жена (когда-то вздыхавшая о невозможности пострадать) и всѣ остальные гости, которыхъ встарину я встрѣчалъ у этого же моего пріятеля, только подъ совершенно другими вѣяніями времени—Боже мой, съ какими усиліями всѣ они старались возстановить позабытое значеніе кадрили, безтенденціозной потѣхи, простого смѣха! Какъ все это къ нимъ не шло, какъ все это было неуклюже, жалко и скверно... Марья Андреевна Кукушкина, которая въ былые годы, я помню, изнывала въ тоскѣ по собственной негодности, плакала о томъ, что у нея нѣтъ средствъ учиться и т. д., вдругъ теперь, когда она стала въ три раза старѣе, въ три раза толще, когда ужъ ея собственныя дочери ходятъ въ гимназію, вдругъ теперь явилась въ тирольскомъ костюмѣ, въ коротенькой юбочкѣ, обнаруживавшей икры ногъ, и какія говорила слова!.. Нѣтъ! Описать усилія, которыя дѣлали видѣнные мною гости, чтобы раздѣлаться даже съ воспоминаніями о «вчерашнемъ»

днѣ,—невозможно!.. Выраженіе лицъ, на которыхъ отпечатывалось удовольствіе дурости,—не можетъ быть передано мною достаточно рельефно...

Нѣчто подобное, впрочемъ, приходилось видѣть мнѣ и прежде. Былъ у меня въ Москвѣ одинъ знакомый молодой купчикъ, начавшій торговлю на «раціональныхъ началахъ» и стремившійся быть до мелочности честнымъ и аккуратнымъ. Вѣроятно, дѣла его пошли не такъ хорошо, какъ бы онъ желалъ, и я сталъ замѣчать въ немъ сначала тоску, потомъ какую-то удручающую мрачность; на мои разспросы онъ отвѣчалъ, что его «мучатъ» обязательства, «мучатъ» предложенія раздѣлаться съ этими обязательствами,—предложенія, хотя и выгодныя въ практическомъ отношеніи, но нравственно непереваримыя. По временамъ страданія его были такъ велики, что физически сокрушали его: онъ ходилъ удрученный, сгорбленный, подавленный, и въ самыя горькія минуты мечталъ даже о самоубійствѣ. Случилось, что я долженъ былъ неожиданно покинуть его и не видался съ нимъ, по крайней мѣрѣ, полгода. Въ теченіе этого времени онъ, должно-быть, въ минуту крайняго душевнаго разстройства, рѣшился послѣдовать чьему-то злому совѣту и вдругъ совершенно преобразился. Въ эту-то минуту я увидѣлъ его опять и не узналъ: вмѣсто того, чтобы застрѣлиться, онъ отказался платить, — словомъ, «надулъ», прошелъ всѣ подходы и подлоги и достигъ того, что въ это время и фигура, и выраженіе лица, и манера его сдѣлались точь въ точь такими же, какъ манеры и выраженіе лицъ у гостей, собравшихся на вечерѣ у «человѣчка». Купчикъ, рѣшившійся поступать «безъ совѣсти», также вдругъ какъ бы расцвѣлъ, сталъ кутить, распутствовать, даже, повидимому, безъ особенной надобности; безъ особенной надобности фордыбачилъ, сканчальничалъ и вообще сдѣлался необыкновенно смѣлымъ въ свинствѣ, самъ вызывалъ на упреки въ немъ и какъ будто радовался, что никакой упрекъ на него не дѣйствовалъ. Выраженіе лица его было наглое и придурковатое, точь въ точь такое, какое у многихъ на этомъ маскарадномъ вечерѣ, гдѣ и всѣ гости, казалось, рѣшили не платить «долговъ своей совѣсти», хвастаться тѣмъ, что ихъ не удивишь никакими упреками. До того было тяжело смотрѣть на реставрацію кадрили, что я не зналъ, куда мнѣ дѣться, и въ то же время не могъ двинуться съ мѣста.

Насилу я ушелъ. На лѣстницѣ ясно слышался шумъ

веселья, происходившаго въ квартирѣ моего пріятеля, стукъ разучившихся танцовать ногъ, звуки піанино, пѣніе, шумъ, громкій, безтолковый хохотъ и говоръ, въ которомъ, не знаю почему, мнѣ слышалось по временамъ: «Довольно! Довольно! Довольно! дайте и намъ! И намъ дайте!».

. . . . . .

4.

На улицѣ, занесенной бѣлымъ, чистымъ, пушистымъ снѣгомъ, на морозномъ чистомъ воздухѣ, я очувствовался, и во мнѣ вдругъ разлилась какая-то горячая жалость ко всѣмъ и ко всему, что̀ я видѣлъ, о чемъ думалъ и чѣмъ безпокоился въ послѣднее время. Все, что̀ до сихъ поръ меня возмущало, поселяло и возбуждало во мнѣ отвращеніе, вдругъ все это потонуло во впечатлѣніи какой-то огромной драмы, поистинѣ раздирающей душу. Ужъ не наглое лицо человѣка, чувствующаго, что хотя и помощью подлости ему удалось снять съ души тяготу обязательства, вспомнилось мнѣ теперь, а вспомнилась маленькая, молодая, чуть-чуть не ребенокъ, слабосильная, плохо кормленная клячонка, которая подъ градомъ ударовъ кнута выбивается изъ силъ, стараясь стащить дровни съ огромнымъ грузомъ камней. Подъ дровнями нѣтъ капли снѣгу, и ей приходится тащить каменный возъ по камнямъ. Она рвется, каждую секунду дѣлаетъ новыя усилія напрячь послѣдніе остатки силъ и наконецъ, какъ бы въ какомъ-то истерическомъ состояніи, начинаетъ рваться изъ этихъ путъ, отъ этого кнута, отъ этого воза, отъ этого хомута... Она бѣснуется, рвется въ хомутѣ до удушья, до удушья рвется изъ хомута, дрожитъ, «выбалтываетъ» голову; ей во что бы то ни стало надобно уйти, уйти отъ этой невозможной для ея силъ работы, уйти, только уйти!

Нѣтъ, не мужикъ измучилъ, истомилъ и задушилъ насъ полушубкомъ; не мужикъ не даетъ намъ проходу, не отъ него мы кричимъ: «дайте вздохнуть!», «довольно! довольно!». И вовсе не на него мы негодуемъ. Напротивъ, мы всѣ, отъ верхняго края до нижняго, очень имъ довольны и любимъ его, и даже просто-напросто дорожимъ. Мы очень рады, что онъ носитъ намъ дрова, топитъ печи, чиститъ сапоги, возитъ, пашетъ, поитъ насъ молокомъ, кормитъ мясомъ... Я, по крайней мѣрѣ, не знаю примѣра, когда бы по этому случаю гдѣ-нибудь въ литературѣ раздался негодующій голосъ. Ни одинъ писатель еще не кричалъ, что

мужикъ задушилъ его своей услужливостью по части всякой черной работы, измучилъ тѣмъ, что не даетъ возможности самому чистить выгребныя ямы. Нѣтъ, «такому мужику» всѣ чрезвычайно рады: отъ времени до времени мы даже «гордимся», что у насъ есть такое славное всестороннее существо, такой надежный потомокъ такихъ же надежныхъ предковъ...

Кричимъ мы вовсе не отъ мужика, а отъ той «язвы правды», которую мужикъ возбуждаетъ въ нашемъ сознаніи. И говоримъ и дѣлаемъ еще многое, но, къ нашему несчастью (или счастью!), мы *не можемъ* говорить и дѣлать съ легкимъ сердцемъ, такъ какъ въ насъ уже сидитъ эта несносная, но неминучая, неизбѣжная «язва правды», которая *заставляетъ* насъ понимать, что̀ именно мы дѣлаемъ. Намъ бы хотѣлось жить, ошибаясь, заблуждаясь, поднимаясь и падая, какъ жили «прочіе», но опять-таки намъ невозможно дѣлать этого, не зная, что мы ошибаемся, заблуждаемся. Нѣтъ, мы знаемъ, знаемъ это!

Разумѣется, я говорю о человѣкѣ, имѣющемъ хотя какое-нибудь соприкосновеніе съ книгой, о человѣкѣ развитого сознанія. Что-жъ дѣлаетъ съ нами книга? Выяснивъ намъ всѣ ошибки, уклоненія, паденія и т. д. (которыхъ мы сами бы хотѣли отвѣдать, чувствуя, что въ этомъ «жизнь») и тѣмъ самымъ лишивъ насъ аппетита повторять то же самое, а главное—отравивъ нашу мысль тягостной необходимостью *непремѣнно думать правильно и правдиво*, то-есть умертвивъ въ насъ всякое своевольство, прихоть, фантазію—эта самая книга на послѣдней страницѣ преподноситъ намъ цѣлый возъ, тяжело нагруженный камнями горя человѣческаго, и неопровержимо доказываетъ, что намъ надобно сдвинуть съ мѣста этотъ непосильный, тяжелый грузъ. Я хотѣлъ бы погулять, потанцовать, поваляться на травкѣ, пожить, поплутать и въ тьмѣ и въ свѣтѣ...—«Вѣдь вотъ у прочихъ народовъ,—думаю я:—сколько ошибокъ и сколько злодѣйства, но сколько же и жизни, сколько красоты и поэзіи, всего! Оперу напишутъ изъ тогдашнихъ ошибокъ и кровавыхъ глупостей, такъ любо-дорого смотрѣть! Вотъ бы и намъ... Что̀ за бѣда ошибиться?.. Опера потомъ, съ хорошей постановкой, сойдетъ... поэма...» Нѣтъ! «Послѣдняя страница» не даетъ мнѣ и помечтать; она насильно вытаскиваетъ меня изъ привольной полутьмы прямо въ океанъ свѣта, запрягаетъ меня, съ собственнаго моего согласія, въ тяжелѣйшій возъ, нагруженный цѣлою горою обязанностей,

и заставляетъ сознательно надрываться въ этомъ хомутѣ! Вотъ отчего кричатъ: довольно, довольно! Мы кричимъ отъ тяготы нашего сознанія, которое давитъ насъ, потому что наша мысль *не можетъ не считать этого гнета дѣйствительною правдою.*

Русскій сознательный человѣкъ въ своемъ духовномъ развитіи волей-неволей долженъ брать изъ опыта общечеловѣческаго непремѣнно *послѣднее слово*, точно такъ, какъ онъ долженъ брать игольчатое, а не кремневое ружье, и т. д. И всѣ послѣднія слова говорили ему, что онъ, какъ личность, какъ «самъ по себѣ», какъ существо своей воли, не можетъ существовать. И мы приняли эти послѣднія слова въ самомъ подлинномъ видѣ, въ неприкрашенномъ, въ жестокомъ даже; въ насъ поэтому всего сильнѣе воспиталось отсутствіе сознанія личнаго права, личнаго разнообразія желаній, энергіи, личнаго своевольства. Иной украдетъ милліонъ и даже прокутить не сумѣетъ: начнетъ извозчикамъ давать на водку по сту рублей. Личная впечатлительность въ насъ ослаблена и ослабляется «послѣднимъ словомъ» мысли человѣческой ежеминутно—это во-первыхъ; а во-вторыхъ, будучи такъ ослаблены по части личнаго эгоизма, мы, благодаря тѣмъ же послѣднимъ словамъ, воспитываемся въ сознаніи нашей обязанности предъ всѣмъ человѣчествомъ... Вотъ тотъ хомутъ, изъ котораго мы, выражаясь мужицкимъ языкомъ, «выбалтываемъ» голову и кричимъ: «довольно, довольно!».

Воображаю, какія мученія долженъ былъ испытывать, напримѣръ, нашъ славный предокъ, Алеша Поповичъ, когда на него *вдругъ* нагрянуло христіанство, восемьсотъ лѣтъ разрабатывавшееся за тридесять земель... Алеша Поповичъ только было-разгулялся, распьянствовался во стольномъ городѣ во Кіевѣ, только-было въ немъ заиграла кровь и сила богатырская, только-было выучился онъ лить въ себя турьи рога зелена-вина и получилъ «скусъ» къ тогдашнему дамскому полу—хвать, какъ снѣгъ на голову, нагрянули на него и постъ, и молитва, и воздержаніе, и покаяніе, и адъ со всѣми ужасами. Навезли схимъ, веригъ, стали «для примѣра» зарываться по самую шею въ ямы, проповѣдывать смиреніе, кротость, незлобіе, нищету, «подставь ланиту», отдай имѣніе... Что̀ долженъ былъ перечувствовать и перенести нравственныхъ мукъ бѣдный «добрый молодецъ». Вѣдь все это новое рѣшительно ему не по вкусу, а ничего не подѣлаешь! Въ этомъ новомъ—

правда, и Алешка запрягся въ нее именно потому, что тутъ правда, что «совѣсть» его запрягла въ этотъ хомутъ... И сколько разъ, вѣроятно задыхаясь въ этомъ хомутѣ, онъ вопіялъ: «довольно, довольно!». Вотъ и теперь то же! Это драма, изъ которой два выхода: жизнь и смерть; смерть можетъ быть всякая, по выбору, а жизнь для насъ только въ одномъ—въ *дѣйствительномъ* опытѣ переработки собственной личности практическимъ, свободнымъ дѣломъ во имя общаго, массоваго счастья. Вотъ на этомъ пути мы можемъ и заблуждаться, и падать, и подниматься, — словомъ, жить, развивать свои силы. Вотъ на этомъ-то пути мы и оперу «съ постановкой» отыщемъ... Надобно подсыпать снѣжку подъ полозья тяжелаго воза, помочь... А чтобъ обращаться къ возстановленію правъ французской кадрили— нѣтъ, это не резонъ, и ничего изъ этого не выйдетъ, будьте увѣрены.

Такъ вотъ только послѣ всѣхъ этихъ недоумѣній, размышленій и всѣхъ этихъ опытовъ выбраться изъ тьмы къ свѣту, приведшихъ меня къ убѣжденію, что передъ моими глазами происходитъ не реставрація французской кадрили, а самая настоящая драма, я и рѣшился написать вверху бѣлаго листа бумаги давно знакомыя мнѣ слова: «часть первая, глава первая»...

III. Возмутительный случай въ моей жизни.—Опытъ опредѣленія «подлинныхъ» размѣровъ и подлинныхъ свойствъ «русскаго сердца».

1.

Для начала моего беллетристическаго повѣствованія, прежде всего рѣшаюсь разсказать самый возмутительный, самый безстыдный и подлый фактъ, тяготѣющій на моей совѣсти. Фактъ этотъ принадлежитъ къ числу тѣхъ «скелетовъ въ домѣ», которые — увы! — кажется, найдутся на совѣсти всякаго смертнаго и которые хотя разъ въ жизни до такой степени ужаснули человѣка передъ самимъ собой и заставили его испугаться самого себя, что потомъ всю жизнь, по временамъ припоминаясь, заставляютъ его вздрогнуть всѣмъ тѣломъ, въ ужасѣ закрывать глаза и стонать отъ нестерпимо-мучительнаго воспоминанія. Такіе случаи не

только никогда никто не рѣшится разсказать самому близкому человѣку, но, напротивъ, всякій старается таить ихъ по возможности на недосягаемой глубинѣ отъ внимательнаго, особенно же отъ дружескаго взора, такъ какъ всякій «боится» вспоминать о нихъ, боится вспомнить себя въ тотъ возмутительный моментъ. Ни забыть ихъ ни вырвать съ корнемъ, какъ бы того ни хотѣлось,—невозможно; невозможно и довѣрить ни дальнему ни близкому, — ихъ надо носить на совѣсти, зная, что они не изнашиваются никогда.

Вотъ такой именно неисторгаемый изъ совѣсти случай былъ и въ моей жизни, и если я рѣшаюсь сдѣлать надъ собой невѣроятное усиліе, чтобъ разсказать о немъ, если я рѣшаюсь омрачить душу всякаго, кому попадутся эти строки, омрачить сейчасъ же, омрачить глубоко, оскорбить и возмутить безконечно, то пусть читатель знаетъ, что я дѣлаю это, во-первыхъ, съ невѣроятными усиліями, что я долженъ руку съ перомъ удерживать другою рукою, чтобы она писала, не ушла отъ бумаги и чернильницы, и, во-вторыхъ, дѣлая это, терзаюсь и мучаюсь и хочу терзать и мучить читателя потому, что эта рѣшимость дастъ мнѣ со временемъ право говорить о насущнѣйшихъ и величайшихъ мукахъ, переживаемыхъ этимъ самымъ читателемъ...

Разсказываю этотъ возмутительный случай не для личнаго своего поруганія и оплеванія (это я дѣлалъ и дѣлаю съ силою, все болѣе возрастающею, по мѣрѣ того, какъ за моими плечами увеличивается пройденный путь жизни), а единственно только изъ увѣренности,—быть-можетъ, и ошибочной,—что фактъ этотъ имѣетъ большое общественное значеніе, и не только не хочу смягчать его возмутительность, но даже *долженъ* не смягчать ея, долженъ показать этотъ фактъ во всей его потрясающей наготѣ. Для этого прежде всего надобно сказать нѣсколько словъ о самомъ себѣ.

Если вы спросите обо мнѣ кого-нибудь изъ близкихъ моихъ знакомыхъ, пожелаете узнать, «каковъ-таковъ Тяпушкинъ?», то, я увѣренъ, вы не услышите особенно дурныхъ отзывовъ. Напротивъ, всѣ вамъ скажутъ, что я человѣкъ хорошій; найдутся даже такіе, которые превознесутъ меня, у которыхъ есть въ рукахъ факты моей несомнѣнной доброты, внимательности къ чужому горю. Не разъ въ разговорахъ обо мнѣ мелькнетъ у того или у другого расположеннаго ко мнѣ человѣка даже и словечко о моемъ стре-

мленіи къ «самопожертвованію», и фактовъ приведутъ достаточное количество, и на жизнь мою, дѣйствительно исполненную тяжкихъ мученій, укажутъ не безъ основанія въ подтвержденіе того, что я не только болтаю объ какомъ-то общемъ благѣ, но и на дѣлѣ это доказываю и доказывалъ не разъ. Конечно, я не велика птица, а человѣкъ черной, мелкой работы, но такая-то работа и трудна, а какъ извѣстно, вѣрный въ маломъ и во многомъ вѣренъ. Такъ вотъ такой-то «хорошій», а для иныхъ даже «превосходнѣйшій» человѣкъ, Тяпушкинъ, который и въ личной-то жизни похожъ на аскета,—не пьетъ, не куритъ, не тратитъ на себя лишней копейки, довольствуется самымъ необходимымъ—вотъ этотъ-то самоотверженный человѣкъ, который не только болтаетъ объ общемъ благѣ, а и на дѣлѣ и т. д., и т. д., такой-то человѣкъ однажды, много лѣтъ назадъ, сидя вечеромъ около колыбели своего собственнаго четырехмѣсячнаго ребенка, могъ думать такую черную думу: «Хорошо, если бы этотъ ребенокъ умеръ!». И дума эта была до того черная, что самоотверженный человѣкъ не спускалъ глазъ съ коробки спичекъ, даже руку къ ней протянулъ. Прибавлю къ этому, что никакихъ матеріальныхъ заботъ, нищеты, безденежья—ничего этого не было. Напротивъ, средствъ было вполнѣ достаточно, а все-таки самоотверженный человѣкъ думалъ не только черную, а прямо сказать—звѣриную думу... «Самоотверженный» человѣкъ, который пришелъ бы въ ужасъ, въ дѣйствительный, неподкрашенный ужасъ отъ газетнаго извѣстія, что на такой-то фабрикѣ мретъ народъ отъ червивой солонины, которою кормитъ рабочихъ подрядчикъ, могъ однако позволить овладѣть собою черной звѣриной мысли о смерти собственнаго своего ребенка—мысли злобной, безчеловѣчной, адской. А вотъ именно со мною, прекраснѣйшимъ (какъ говоритъ мой пріятель Кукушкинъ) человѣкомъ, съ самоотверженной натурой, именно со мной-то, съ Тяпушкинымъ, и былъ такой возмутительный, подлый, достойный палача случай. А съ вами, господа, не бывало ли чего-нибудь подобнаго, по крайней мѣрѣ, приблизительно?

Итакъ, вотъ онъ, этотъ возмутительный случай, разсказать который я могъ только съ огромнѣйшими усиліями, даже насиліемъ надъ собой и надъ рукой, которая должна была все это написать. Все время, пока я писалъ это, я чувствовалъ, какую массу отвращенія поселилъ я вдругъ въ душѣ читателя, какъ я оцарапалъ эту душу, какъ ни

за что ни про что осрамилъ ее; я ясно видѣлъ, какъ передернуло у читателя лицо, покоробило весь его организмъ, я чувствовалъ, какъ отвратительно защемило у него въ горлѣ...

Теперь, когда я все это разсказалъ, у меня точно гора свалилась съ плечъ; какой-то жаръ ударилъ мнѣ въ голову, лобъ мой мокръ, точно меня облили водой, но мнѣ несравненно легче, и я самъ могу уже облегчить читателя. Прежде всего, конечно, необходимо успокоить читателя по части ребенка; я не только не привелъ въ исполненіе мою черную мысль, но до того ужаснулся ея, что волосы у меня встали дыбомъ, что я испугался себя и... убѣжалъ, убѣжалъ и отъ этого ребенка, и отъ жены, и отъ тепла и уюта. Съ этого момента въ жизни моей начался совершенно новый періодъ, о которомъ своевременно будетъ разсказано въ этихъ запискахъ самымъ подробнѣйшимъ образомъ. Новый періодъ жизни начался и для моей жены и для моего ребенка. Чтобы ужъ окончательно успокоить читателя по этой части, скажу, что ребенокъ этотъ въ настоящую минуту оканчиваетъ курсъ въ одномъ изъ видныхъ учебныхъ заведеній, вполнѣ обезпечивающихъ карьеру своихъ питомцевъ. Фамилія ему, разумѣется, не Тяпушкинъ, а совсѣмъ другая. Не-сегодня-завтра этотъ юнецъ займетъ хорошее и вліятельное мѣсто и... что̀ грѣха таить?—иной разъ я даже побаиваюсь: ну-ка судьба броситъ меня ему въ лапы? «Тяпушкиныхъ» онъ ужъ и теперь ненавидитъ, а попадись я ему, вѣдь, пожалуй, упечетъ въ мѣста не столь и столь? Словомъ, по этой части читатель можетъ вполнѣ успокоиться: не пропалъ и не пропадетъ.

Гораздо труднѣе будетъ для меня успокоить читателя собственно относительно меня самого, моего гнуснаго и подлаго поступка. Что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, я-то, Тяпушкинъ, за фигура такая? Человѣкъ я или звѣрь? А сердце мое: точно ли оно самоотверженное, или, напротивъ, каменное, желѣзное, безчувственное? «Всечеловѣческое» оно или «всеволчье»? Эти вопросы давно терзали и мучили меня, не только по отношенію къ себѣ лично, а и вообще относительно русскаго человѣка. Ренанъ, въ надгробной рѣчи Тургеневу, характеризовалъ его сердце, какъ всечеловѣческое, лишенное «узости эгоизма». И я объ этомъ думалъ не разъ, но меня всегда смущалъ фактъ: «Положимъ,—думалъ я:—я человѣкъ «всечеловѣческій»... ну, а какъ же

это я своего собственнаго-то ребенка?...» Дѣло оказывалось, да и сейчасъ оказывается, какъ видите, весьма сложнымъ; волей-неволей я долженъ вдаться въ нѣкоторыя подробности моей, тяпушкинской біографіи.

2.

Прежде всего необходимо отвѣтить на вопросъ, который, вѣроятно, предложитъ мнѣ читатель, прочитавъ послѣднія строки предыдущей главы: «на какомъ основаніи я, Тяпушкинъ, человѣкъ неопредѣленнаго положенія, даю себѣ право соваться съ разговорами о свойствахъ моего тяпушкинскаго сердца въ то время, когда рѣчь идетъ о свойствахъ сердца такого человѣка, какъ Тургеневъ, и имѣю еще дерзость прицѣплять это разночинное сердце даже къ обще-русскому сердцу, къ сердцу общеславянскому, о которомъ говорилъ Ренанъ?» На этотъ вопросъ я отвѣчу, во-первыхъ, то, что именно только полное, какъ мнѣ кажется, родство моего тяпушкинскаго сердца съ сердцемъ всероссійскимъ (не скажу всеславянскимъ—не знаю), а въ томъ числѣ и тургеневскимъ, и дало мнѣ право, даже какъ бы обязало разговаривать о подноготной собственнаго моего сердца; и, во-вторыхъ, то, что родство это—полное и неразрывное—доказывается весьма просто тѣмъ, что всѣ мы, отъ послѣдняго сторожа до Тургенева и далѣе, живемъ и воспитываемся рѣшительно одними и тѣми же условіями русской жизни. Всѣ мы видимъ одну и ту же природу, и если не одинаково воспринимаемъ, то воспринимаемъ одинаковыя впечатлѣнія и природы и людей, и семейныхъ и общественныхъ отношеній; кромѣ того, находясь въ предѣлахъ Россіи, всѣ мы не можемъ миновать (за исключеніемъ небольшой группы высшей аристократіи) обязательнаго для всѣхъ насъ государственнаго воспитанія и образованія; тенденція сельскаго одноклассного училища и тенденція университета—одна и та же и т. д. Стало-быть, разница можетъ быть только въ возможностяхъ ослабить вліянія воспитывающихъ впечатлѣній, или, напротивъ, въ необходимости принимать ихъ не иначе, какъ въ самомъ голомъ, подлинномъ видѣ; степени воспріятія ихъ могутъ измѣняться сообразно положенію человѣка, но съ сущностью впечатлѣній не можетъ не быть знакома даже муха на всемъ пространствѣ Россіи, не только человѣкъ. Сущность для всѣхъ одинакова.

Въ этомъ отношеніи, перебирая въ своей памяти всѣ тѣ

вліянія, которыя сдѣлали мое тяпушкинское сердце вопросительнымъ знакомъ, я нахожу, что во всѣхъ этихъ вліяніяхъ не было ничего такого, чего бы не испыталъ и не пережилъ всякій россіянинъ; только мнѣ, Тяпушкину, пришлось пережить эти вліянія и принять ихъ на свою шкуру и душу безъ послабленія, безъ снисхожденія, безъ какихъ бы то ни было мягкихъ подстилокъ, искусственныхъ средствъ, въ родѣ возможности воспитать и вырастить себя вдали отъ жесткой дѣйствительности, въ тиши уютнаго, теплаго, обезпеченнаго дома, подъ руководствомъ выписанныхъ изъ-за границы учителей. Но и такой русскій человѣкъ, который могъ бы вырастить себя внѣ необходимости знать и принимать въ расчетъ «подлинныя» условія русской жизни, невольно долженъ знакомиться съ этими подлинными условіями жизни, разъ только онъ выйдетъ изъ своего обезпеченнаго уюта на улицу; воспитавъ себя, положимъ, на произведеніяхъ европейскихъ мыслителей и проникнувшись уваженіемъ къ собственному человѣческому достоинству, привыкнувъ уважать въ себѣ «человѣка», цѣнить свое «я», человѣкъ этотъ однакожъ никоимъ образомъ не можетъ считать себя обезпеченнымъ отъ подлиннѣйшаго знакомства съ постановкой вопроса о человѣческомъ достоинствѣ у насъ, на Руси, на улицѣ, такъ какъ первый же визитъ въ гражданскую палату для заключенія купчей крѣпости, первый же визитъ въ почтамтъ для отправки письма легко и даже неминуемо натолкнетъ его на «нашу» постановку вопроса, докажетъ, что если онъ не дастъ двугривеннаго «Михалычу», который снимаетъ шубу, такъ и человѣческое достоинство будетъ попрано; Михалычъ не укажетъ «настоящаго человѣка»—и купчую не заключатъ когда слѣдуетъ; а дастъ—такъ тотчасъ же и во всѣхъ отношеніяхъ окажутся изобильнѣйшія права. Заплативъ такимъ образомъ за право проявленія своего человѣческаго достоинства двадцать копеекъ серебромъ, человѣкъ, мнившій себя устраненнымъ отъ этой грязи, долженъ знать, что не Дидероты и Вольтеры могутъ за него предстательствовать въ обществѣ ему подобныхъ, а лишь двадцать копеекъ серебромъ... А это большая разница!

Такъ вотъ эту-то «подлинность» условій, «подлинность» русской жизни я, Тяпушкинъ, принялъ даже безъ возможности внести двадцатикопеечное вознагражденіе въ видахъ снисхожденія. Много бы можно было говорить объ этой снисходительности ко мнѣ жизни, но я не буду путаться

въ мелочахъ и запутывать мелочами главное, а прямо обращусь къ главному, и *главное* это, по моему мнѣнію, состоитъ именно въ томъ, чтобы показать, насколько знакомыя всякому русскому условія подлинной русской жизни, во всей совокупности, способствовали во мнѣ, русскомъ ребенкѣ, потомъ юношѣ, потомъ взрослом человѣкѣ, развитію того самаго человѣческаго достоинства, о которомъ только-что говорено, и насколько сознаніе этого «достоинства» могло разработать, развить, культивировать мое, *лично* мнѣ принадлежащее «эгоистическое» сердце.

Отецъ мой, сельскій священникъ, овдовѣлъ очень рано и, оставшись одинъ съ ребенкомъ на рукахъ (этотъ ребенокъ былъ я), отказался отъ службы въ сельской церкви, перебрался въ городъ и здѣсь получилъ тяжелое, почти подвижническое назначеніе: его опредѣлили священникомъ при острожной церкви. Благодаря этому назначенію, я, постоянно находившійся при отцѣ, съ десяти-одиннадцати лѣтъ, совершенно ясно могъ видѣть, что жизнь—это неволя, это безличное подчиненіе чему-то невѣдомому и непремѣнно грубому, жестокому, и привыкалъ даже не сомнѣваться, если не въ справедливости, то, по крайней мѣрѣ, въ неотвратимой неизбѣжности этого вывода. Чего стоилъ одинъ видъ изъ оконъ нашего пустыннаго, безсемейнаго, трехоконнаго домика, назначеннаго отъ администраціи подъ квартиру острожнаго священника,—видъ, на который я смотрѣлъ ежедневно цѣлые годы... Домишко, какъ и острогъ, стояли за городомъ, близъ кладбища, за городской заставой. Прямо передъ однимъ изъ крайнихъ оконъ нашего домика, оконъ, едва поднимавшихся отъ земли,—отъ той же земли поднималась кирпичная бѣлая, рябая, нештукатуренная стѣна острога; она перерѣзывала наше окно снизу вверхъ, застилала свѣтъ и уходила высоко вверхъ, налегая на весь нашъ домишко темнымъ, никогда и никуда не скрывавшимся слоемъ черной и вѣчной тѣни. Даже изъ другого, не загражденнаго стѣною окошка виденъ былъ такой же рябой и такой же страшный своею плоскою невыразительностью фасадъ острога, страшный, какъ страшно рябое лицо человѣка, на которомъ оспа изгладила выраженіе. На этомъ рябомъ и страшномъ лицѣ острога, большомъ и широкомъ, глядѣли всего только три черныхъ, какъ уголь, и маленькихъ оконца съ желѣзными рѣшетками, а подъ ними черныя, ржавыя, скрипучія и лязгающія цѣпями острожныя ворота, солдаты на часахъ, гауптвахта, на ко-

торой по временамъ трещитъ барабанъ, заставляя всѣхъ вздрагивать и пугаться, или кричитъ не своимъ голосомъ офицеръ. Въ то время иначе и не разговаривали съ подчиненными, какъ не своимъ голосомъ. Въ дополненіе къ этому «виду» необходимо прибавить, что изъ тѣхъ же двухъ не загороженныхъ стѣною острога окошекъ виднѣлось прямо кладбище, валъ, а за валомъ масса крестовъ, каменныхъ памятниковъ съ плачущими фигурами, а направо отъ кладбища длинный желтый заборъ, которымъ былъ огороженъ дремучій, темный садъ сумасшедшаго дома. Съ кладбища доносились плачъ и стоны; въ «сумасшедшемъ саду», какъ выражались наши сосѣди, бродили какія-то тѣни людей; изрѣдка ихъ колпаки, надвинутые на безсмысленныя лица, высовывались изъ-за желтаго забора; нерѣдко въ глубинѣ этого сада слышались бѣшеные крики, вопль и шумъ свалки, послѣ которой между сосѣдями шелъ такой разговоръ: «Кто-то, вишь, хотѣлъ убѣжать, вырвался... ударилъ ножомъ... погнались, догнали, повалили, избили, связали, поволокли»... Очень часто къ этому разсказу прибавлялись и другія свѣдѣнія, которыя однако всегда были непріятны: «поволокли и—четыре ребра переломили... Поволокли—и голову проломили... скончался!». А въ острогѣ? И въ острогѣ часто бывало, что кто-то кого-то «пхнулъ ножомъ», и отца моего звали по этому случаю со Святыми Дарами. Но большею частью было мертвенно-тихо: входили туда и выходили оттуда цѣлыя толпы арестантовъ, скованныхъ по рукамъ и ногамъ, входили и уходили, молча гремя цѣпями, молча работали, молча молились въ церкви, такъ что фигура безмолвнаго, скованнаго человѣка, не будучи для меня понятной, стала однако обыкновенной, и вмѣстѣ съ этимъ обыкновенными, нормальными сдѣлались и тоска, и безнадежность, и безсиліе борьбы, которыя неразлучно сопутствовали этой сѣрой, съ желтымъ лицомъ, въ желѣзо закованной фигурѣ. Иногда только тоска, уже обязательная для моего сердца, переходила въ страхъ, холодный и ужасающій.

Спишь, бывало, и слышишь — стучитъ кто-то въ окно: откроешь глаза,—темная осенняя ночь, темная, какъ тюрьма.

— Кто тамъ?—немедленно спрашиваетъ отецъ, вскакивая съ своего дивана, который стоялъ въ той же комнатѣ, гдѣ спалъ и я.

— Ваше благословеніе, къ «скрозь строю» пора!.. Приготовляются!—говоритъ съ улицы сторожъ.

— Ахъ-ахъ-ахъ! Да-да-да!.. Сейчасъ-сейчасъ!—отвѣчаетъ отецъ, встревоженный, взволнованный, растерзанный, и начинаетъ метаться по комнатѣ, охая, восклицая: «Боже мой, Боже мой!», читая молитвы, трясясь и трепещущими руками завертывая въ епитрахиль Св. Дары, крестъ... «Боже мой! Боже мой!» Я не помню мгновеній, когда бы отецъ мой не былъ въ постоянной нервной тревогѣ: его ѣло собственное одиночество, этотъ острогъ, цѣпи, молитва, моя судьба, его судьба, неуютъ, безхозяйственность дома. Его длинная сухая фигура въ подрясникѣ, съ длинными женскими разметанными волосами, съ лицомъ, какъ бы искаженнымъ безпрерывной физической болью, до сихъ поръ, припоминаясь, терзаетъ меня; онъ постоянно вздыхалъ, тревожно входилъ и уходилъ, забывалъ то, что̀ нужно, искалъ чего-то, что̀ было ужъ у него въ рукахъ, цѣловалъ меня порывисто, плакалъ, ни слова не сказавъ, и въ промежуткахъ пилъ водку, не закусывая и не пьянѣя. Никогда почти я не засыпалъ покойно: вздохи отца, восклицанія его: «Боже мой! Боже мой!»—постоянно мучили меня, и, даже заснувъ, я чувствовалъ въ сердцѣ непрерывную физическую боль. Отецъ мой почти не спалъ; всю ночь онъ ворочался, постоянно вставая, постоянно пилъ, становился на колѣни, ложился опять. Всякое появленіе сторожа изъ острога всегда заставало его на ногахъ.

— Поспѣшайте, ваше благословеніе!..—прибавляетъ сторожъ съ улицы.

— Сейчасъ, сейчасъ... сію минуту! Боже мой, Боже мой!

И такъ же, какъ всегда, спѣша, путаясь, роняя то, что̀ бралъ въ руки, надѣвая то, что̀ не нужно, болѣзненно истерически тревожась и замирая сердцемъ, кое-какъ извлекаетъ онъ изъ кухни старуху-кухарку, которая остается со мной и ложится на полу около моей кровати, и отецъ уходитъ... Я слышу, какъ онъ шлепаетъ подъ окнами по грязи, какъ онъ вздыхаетъ, слышу его: «Боже мой! Боже мой!»—и лежу въ ледяномъ ужасѣ... Тьма и тишина. Кухарка спитъ, но я не могу сомкнуть глазъ — они широко раскрыты, а чуткость слуха достигла невѣроятныхъ размѣровъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ мертвой тишины, по удаленіи отца, я слышу какой-то окрикъ — это опять «невѣроятнымъ» голосомъ что-то командуетъ офицеръ, и голосъ этотъ теперь спросонка и холода звучитъ особенно ужасно. Еще звукъ—это звякнули ружья... еще — заскрипѣли ржавыя ворота... «Выводятъ!» — съ ужасомъ думаю я. Если

потребовали отца, — стало-быть, будетъ что-то ужасное... Еще звуки и шумъ, много голосовъ, много команды. Но вотъ на мгновеніе все затихло, и тотчасъ же въ полу нашего домишки я замѣчаю что-то необыкновенное: какая-то невѣдомая сила, духъ, начинаетъ, какъ мнѣ кажется, снизу, изъ-подъ полу стучать кулакомъ въ половицы; стучитъ осторожно, мѣрно, но твердо... Я совсѣмъ замираю, задыхаюсь, но скоро начинаю соображать, въ чемъ дѣло: нѣтъ, это не духъ — это тронулся въ путь отрядъ солдатъ, ихъ человѣкъ пятьсотъ, они идутъ въ ногу, разъ-два, разъ-два; и вотъ эти-то шаги отдаются у насъ въ домишкѣ, подъ поломъ. Удары становятся тише... солдаты уходятъ, — наконецъ ихъ совсѣмъ не слыхать... Настанетъ дѣйствительно мертвая, невозмутимая тишина, но слухъ не мирится съ нею, онъ наполняетъ ее ужасными звуками: они доносятся издалека, изъ-за кладбища... я слышу глухой, точно въ глубинѣ земли зарытый звукъ барабана,—звукъ не прерывающійся... а рядомъ съ нимъ тянется протяжный, непрерывный, жалобный крикъ крошечнаго ребенка... Нѣтъ! это не ребенокъ кричитъ... это *тотъ*... Это огромный какой-то кричитъ дѣтскимъ голосомъ... Боже мой, гдѣ мой отецъ?.. А барабанъ стучитъ подъ землей долго-долго...

— Боже мой!—наконецъ слышу я шопотъ подъ окномъ и вижу вбѣгающаго растерзаннаго, полупомѣшаннаго, какъ листъ дрожащаго, блѣднаго, съ мокрымъ лицомъ и мокрыми волосами, отца...

Я радъ, что увидалъ отца, радъ, что я живъ. Я радъ, что сначала появленіе отца и потомъ появленіе первыхъ лучей дня сняло съ моего сердца это ужасное впечатлѣніе. Радъ, что на сердцѣ пусто, что тамъ ничего нѣтъ, слава Богу! Послѣ «такихъ» минутъ всѣ тревоги, всѣ муки отца, которыя начинаются въ томъ же порядкѣ и продолжаются какъ всегда, — это уже ничто, это я уже могу переносить: я даже могу уже заснуть, правда, «какъ избитый».

3.

Такъ вотъ въ такихъ-то впечатлѣніяхъ, исторгающихъ самую мысль о какихъ-то достоинствахъ и «правахъ» личности, пришлось провести мнѣ самые рѣшающіе годы, отъ десяти до шестнадцатилѣтняго возраста. Конечно, при иныхъ условіяхъ тѣ же самыя впечатлѣнія могли бы развить во мнѣ начало жгучаго негодованія, но дѣло въ томъ, что еще ранѣе этихъ совершенно ясныхъ и до сей минуты вполнѣ

отчетливо ощущаемыхъ воспоминаній, въ жизни моей были такія тяжелыя явленія, которыя хоть я и помню весьма смутно, какъ бы въ туманѣ, но общее впечатлѣніе которыхъ было такое, что умерщвляло самый зародышъ протеста во имя какихъ бы то ни было человѣческихъ правъ.

Къ такимъ подготовительнымъ къ атрофіи сердца впечатлѣніямъ дѣтства относятся мои смутныя воспоминанія о времени, когда отецъ мой былъ сельскимъ священникомъ и жилъ съ моею матерью въ деревнѣ. Смутно я помню это время, но помню, что оно было нехорошо и тяжко ложилось на душу. Тягостный семейный раздоръ, глухой, свинцовый, неизбывный, проникалъ холодной безжизненностью каждую каплю воздуха маленькихъ, неуютныхъ и неопрятныхъ комнатъ нашего деревенскаго жилья. Огромная масса тогдашняго священства вступала въ бракъ непремѣнно вопреки человѣческому достоинству, непремѣнно отказываясь отъ этого достоинства, ставя ни во что быть искреннимъ и свободнымъ въ такихъ отношеніяхъ, гдѣ необходимо быть свободнымъ. Одно это уже прекращало дѣятельность сердца у сотенъ тысячъ народа на Руси, переходило изъ поколѣній въ поколѣнія и, благодаря этому, выработало поразительные типы буквально безсердечныхъ людей, — людей съ атрофированнымъ сердцемъ, людей, о которыхъ въ настоящихъ запискахъ будетъ сказано особо. Мой отецъ и мать были жертвами этого принципа. Ни онъ ни она не подходили другъ къ другу, не понимали другъ друга, не нравились другъ другу, и жили въ безпрерывной, мрачной тоскѣ иногда нескрываемаго отвращенія, а иногда горькаго сознанія общаго безвыходнаго горя и несчастія. Да и самое «званіе» было не по душѣ моему отцу, объ артистическихъ способностяхъ котораго я скажу ниже. Онъ былъ натура нервная, впечатлительная, расположенная къ изящному, а тутъ старая крѣпостная деревня съ забытыми крестьянами, предъявлявшими къ отцу иногда чисто-языческія требованія, и помѣщикъ-самодуръ, «воля» котораго царила и надъ отцомъ и надъ крестьянами, и «воля» эта была глупая, грубая, пустомысленно жестокая, несуразная... Мать моя, которую я любилъ—только не человѣческой, а «человѣчьей» любовью, — мучилась и томилась своимъ «несчастіемъ», иногда даже прямо бѣсновалась, громко выкрикивая какія-то обиды, перечисляя жениховъ, которые за нее сватались, проклиная себя, опять-таки громко и даже «во все горло», за то, что она была дура, отказавши тому, другому, и

польстившись на теперешняго мужа, отъ котораго не видитъ ни вниманія, ни заботы, ни любви. Маленькую, толстую фигурку ея, съ нехорошимъ выраженіемъ глазъ, я помню, главнымъ образомъ, именно въ моментъ безжалостнаго гнѣва ея на моего отца, помню почему-то съ огромнымъ негодованіемъ перебрасывающую подушки двухспальной кровати. Она стелетъ постель и при этомъ почему-то и рветъ и мечетъ... Мнѣ помнится, что гнѣвные, бѣшеные удары руки моей матери объ эти подушки, бѣшеныя встряхиванія простыни и одѣяла, что они какъ ножомъ рѣжутъ отца, что они не удары о подушки, а удары о его лицо; и отца—непрерывно взволнованнаго, непрерывно виноватаго и непрерывно обязаннаго падать нравственно все ниже и ниже—я тоже не разъ видалъ въ бѣшеномъ состояніи, потомъ въ рабскомъ, холопскомъ. Я помню это время, но помню, какъ тяжкій, безпросвѣтный сонъ. Что̀ тутъ любить? Что̀ тутъ было человѣческаго, «по человѣчеству» справедливаго, красиваго, пріятнаго?

А деревня?

Прямо изъ оконъ нашего дома, за высокими деревьями сада, виднѣлся кусокъ красной, неуклюжей, съ четырьмя трубами, крыши барскаго дома. Домъ стоялъ на косогорѣ, и намъ видна была крыша. А въ домѣ жилъ «баринъ», а отъ барина исходила «воля» жить въ деревнѣ такъ или сякъ; про этого-то барина въ деревнѣ осталось преданіе, что, желая прекратить его глупую, даже безхозяйственную жестокость, крестьяне сожгли не барина, а сами себя—всю свою деревню. «Сожги барина—насъ же заставитъ строить: а какъ мы себя изведемъ, такъ съ чего онъ возьметъ?» Однако баринъ взялъ и истощилъ мужиковъ до послѣдней нитки. Деревня была неуютная, непривѣтливая, бѣдная. Даже рѣдко гдѣ были загородки вокругъ избъ. Одурѣлые мужики кое-какъ влачили, въ грязи и неряшествѣ, свое существованіе. Тяжесть приказовъ мухортаго, глупаго и безпотомственнаго барина убила въ деревнѣ всякую личную энергію — даже на себя работать и то опускались руки у мужиковъ. Голодъ, неряшество, лѣнь и грызня — вотъ что̀ царило надъ деревней и въ натурѣ деревенскихъ обывателей. Даже сосѣдніе мужики, жившіе мало-мальски исправнѣй, смотрѣли на нашихъ мужиковъ, какъ на сплошныхъ дураковъ и ротозѣевъ, къ тому же еще нечистыхъ на руку. Глупость, исходившая изъ дома подъ красной крышей и оглуплявшая всю деревню, была поистинѣ безпримѣрная;

такъ, напримѣръ, баринъ, желая узнать, кто изъ дворовыхъ укралъ у него мѣшокъ овса, принимался гадать. Для этого онъ открывалъ псалтырь, гдѣ придется, съ закрытыми глазами, тыкалъ куда попало и, прочитавъ строчку, которую указывалъ палецъ, начиналъ думать, что̀ эта строчка означаетъ, на кого указываетъ? На кучера, на лакея или на бабу-солдатку Аксинью? Отецъ мой получалъ множество приказаній разъяснять текстъ и представлять соображенія, на кого именно изъ прислуги слѣдуетъ, согласно смыслу текста, обрушить наказаніе? И отцу приходилось служить этой подлости,—конечно, опять-таки бѣснуясь. Даже и тогда, когда въ домѣ нашемъ и во всей деревнѣ — не исключая и дома съ красной крышей — царила мертвая тишина, и тогда казалось, что въ глубинѣ этой тишины скрыто какое-то тайное, придавленное бѣснованіе.

Нѣтъ, не о человѣческомъ достоинствѣ говорятъ такія воспоминанія! Тѣмъ менѣе говорятъ они о протестѣ... Какое! Сколько я ни припоминаю всѣхъ этихъ мучающихся, бѣснующихся, страждущихъ и обремененныхъ,—надъ всѣми ними тяготѣло сознаніе собственной вины, уничтожавшей малѣйшее право протеста. Всѣ въ глубинѣ души сознавали себя безсовѣстными, безжалостными, тупоумными, безсердечными. Это сознаніе проявлялось въ самыя лучшія минуты. Конечно, все дѣлалось поневолѣ, но все-таки дѣлалось, и дѣлалось притомъ нѣчто скверное, такъ что и въ искреннюю минуту никто даже и не смѣлъ помыслить о своей невинности и правотѣ. «Грѣхъ» и неизбѣжное за него наказаніе висѣли надо всѣми, когда мало-мальски прояснялось сознаніе и просыпалась совѣсть. И надъ отцомъ, и надъ матерью, и надъ кучеромъ, который по приказанію барина сѣчетъ своихъ близкихъ, и надъ близкими, которые даютъ волю кучеру, и надъ матерями, которыя не вступаются за дѣтей, — надъ всѣми тяготитъ сознаніе измѣны противъ ближняго, сознаніе попранія своей совѣсти изъ какого-то страха, узости и мерзости душевной, безсовѣстности. Вотъ почему, сколько я помню, въ такія искреннія минуты ни мужики, ни бабы, ни отецъ, ни мать не задумывались о томъ, какъ бы выйти изъ этого положенія, развязаться съ нимъ, очистить свою совѣсть и развязать другихъ. Напротивъ, въ искреннія-то минуты и начинались задушевные разговоры о томъ, «что̀ кому будетъ за все это?». Не знаю, какъ кому, но мнѣ никогда не приходилось слышать, чтобъ представленія народа объ раѣ, о наградѣ на небесахъ были

такъ же подробно и ясно выработаны, какъ представленія объ адѣ, — о томъ, что̀ кому и за что будетъ. Въ раю, сколько я знаю, никто никогда не указалъ мнѣ никакихъ подробностей обстановки, никакого удовлетворенія настрадавшейся на землѣ душѣ, кромѣ какихъ-то золотыхъ яблочекъ да архангельскаго пѣнія. Тогда какъ адъ—это другое дѣло! Адъ разработанъ народной фантазіей до мельчайшихъ подробностей; здѣсь все изслѣдовано такъ подробно, точно изслѣдователи имѣли въ рукахъ программу на этотъ счетъ отъ какого-нибудь статистическаго комитета.

Я не ошибусь, если скажу, что въ ряду моихъ тяжкихъ воспоминаній — воспоминаніе о тяготѣющемъ надъ всѣмъ родомъ людскимъ тяжкомъ грѣхѣ, — грѣхѣ, для меня хотя совершенно непонятномъ, непостижимомъ, но не подлежащемъ сомнѣнію, и о жестокомъ наказаніи, которое должно постигнуть всѣхъ насъ за этотъ тяжкій, неизбывный грѣхъ, воспоминаніе объ этихъ подробностяхъ адскихъ мученій, крюковъ, воткнутыхъ въ ребра, огня, полымя и смрада, несмотря на свою смутность, отдаленность, имѣло едва ли не самое сильное и важное значеніе для дальнѣйшей участи моего сердца. Можно положительно сказать, что я едва только вышелъ изъ утробы матери, какъ узналъ, что въ концѣ концовъ мнѣ предстоитъ крюкъ въ ребро и огонь, и что, кромѣ какой-то неизбывной вины и тяжкаго грѣха, нѣтъ ничего важнаго и значительнаго.

Вотъ главнѣйшія черты, лежащія въ основаніи исторіи моего сердца. Было, впрочемъ, среди этихъ смутныхъ воспоминаній одно, которое совершенно не подходило къ тягостной сущности того, о чемъ я разсказываю, и интересъ къ которому развился уже во мнѣ чрезъ многіе годы, во время моихъ скитаній въ народной средѣ. Это «неподходящее» воспоминаніе касается смутнаго знакомства съ такимъ народнымъ типомъ, который ничего общаго, какъ ужъ я сказалъ, съ разсказаннымъ не имѣетъ. Типъ этотъ, олимпійски-спокойный, сказочный парень-дурачокъ мелькаетъ мнѣ не только не забитымъ, не дурашнымъ, не трусливымъ, но, напротивъ, спокойно охаивающимъ всѣхъ и вся: и небо и землю, и барина и барыню, и попа и попадью,— словомъ, всякія человѣческія отношенія, связи, установившіяся мнѣнія — все! Все ни почемъ для этого типа; онъ умѣетъ все это такъ ужасно осрамить, такъ умѣетъ разорвать на части однимъ юмористическимъ словомъ самое, повидимому, непреложно-важное, серьезное явленіе, понятіе,

вѣрованіе, обычай... Я смутно помню, какъ этотъ типъ перевертывалъ во мнѣ все вверхъ дномъ двумя-тремя словами, скабрезной сказкой разгоняя мрачную дѣйствительность, расшвыривая ее, какъ прахъ по вѣтру, и возводя меня куда-то на высоту издѣвательства. Я смутно объ этомъ помню, но помню, что, дохнувъ, благодаря этому Иванушкѣ-дурачку, какого-то свѣжаго, «играющаго» воздуха, я опять скоро подчинялся подавляющему вліянію «безчеловѣческой» дѣйствительности.

Эта дѣйствительность, о которой я едва сказалъ милліонную долю подробностей, прямо и неотразимо вела меня къ полной атрофіи сердца, и я несомнѣнно бы въ концѣ концовъ сталъ въ ряды тѣхъ безчисленныхъ на Руси безсердечныхъ исполнителей чужого приказанія, которые и сейчасъ и каждую минуту даютъ знать о своемъ огромномъ изобиліи на Руси. Но отъ атрофіи сердца меня спасло не знакомство съ охаивающимъ всѣхъ и вся типомъ, а нѣчто совершенно случайное, нѣчто, пожалуй, совершенно неожиданное... Это не было ни доброе слово, ни человѣческое участіе, ни ласка, ни любовное человѣческое вниманіе къ моей человѣческой забитости и угнетенности. Нѣтъ! Я ничего этого не видалъ... Это было... Нѣтъ, это были...

Это были просто-напросто гусли!

Я ужъ сказалъ, что у отца были артистическія наклонности, и онъ примѣнялъ ихъ къ музыкѣ. Онъ учился и съ успѣхомъ игралъ на гусляхъ, и я съ ранняго дѣтства, начиная съ той минуты, когда испугался «грѣха» и желѣзнаго крюка, зацѣпленнаго за «ребро», продолжая угнетающимъ сердце впечатлѣніемъ семейнаго ада и тупымъ ужасомъ впечатлѣній острога, «сквозь строя» и т. д., постоянно слышалъ и радъ былъ слышать эти унылые, стройные и нервные звуки, исторгаемые моимъ отцомъ изъ металлическихъ струнъ старыхъ-престарѣлыхъ гуслей, помѣщавшихся то въ углу неряшливой комнаты въ деревнѣ, то передъ тѣмъ самымъ окномъ, которое загораживала въ нашемъ городскомъ домикѣ острожная стѣна. Жалобные звуки эти знакомили меня съ чувствомъ жалости; ничто, буквально ничто другое не знакомило съ нимъ; напротивъ, все, что я видѣлъ, могло возбуждать страхъ, тоску, горечь, отраву, испугъ, доходившій до полнаго замиранія сердца, но такого нѣжнаго, деликатнаго чувства, какъ жалость, не возбуждало. Это совершенно случайно сдѣлали гусли, сдѣлали,

такъ сказать, механически. Отъ этихъ звуковъ мнѣ становилось просто жалко, кого? Кто несчастнѣй? Мать? Отецъ? Баринъ? Мужикъ? Тотъ, кто билъ? Или тотъ, кого колотятъ? Всѣ несчастны, бѣшены, злы, подлы, измучены, всѣ виноваты, всѣ придавлены. И вотъ механически возбужденное чувство жалости стало обращаться не къ кому-нибудь и не къ чему-нибудь изъ того, что̀ и кого я передъ собой видѣлъ, а къ чему-то отдаленному, къ какому-то огромному, надо всѣми и всѣмъ висящему горю.

Отдѣльно обо всѣхъ я бы могъ «*мучиться*» безплодно, а *жалѣть* я началъ *всѣхъ*. Отвыкнувъ совершенно думать и знать, что̀ бы я могъ пожелать «для себя», что̀ *для меня* лучше, что̀ *для меня* хуже, что̀ лучше и хуже для отца, матери,—я могъ только желать одного: избавиться, освободиться отъ этой безплодной муки... Жалостливое чувство развило вниманіе вообще къ горю, и, не зная, что̀ *лучше* для себя, я начиналъ думать, что̀ *для всѣхъ* (никакихъ лицъ я при этомъ не представлялъ) должно быть и лучше и легче!..

4.

Конечно, не всякому изъ россійскихъ гражданъ выпадаетъ на долю такое не прикрашенное и ничѣмъ не смягченное знакомство съ условіями жизни, уясняющими подлинное положеніе дѣла «о правахъ человѣка» на Руси. Но какъ бы эти подлинныя условія ни были смягчены богатствомъ, положеніемъ, связями, образованіемъ — сущность ихъ непремѣнно знакома каждому. По крайней мѣрѣ, ни въ жизни ни въ литературѣ я не знаю типа, въ нравственномъ складѣ котораго, хотя бы даже въ слабой степени, была примѣтна какая-нибудь черта, говорящая о томъ, что типъ не чуждъ увѣренности въ неизбѣжности для «личности» человѣческой какихъ-то правъ. Я никогда не слыхалъ, чтобы откуда-нибудь раздался простой человѣческій голосъ: «мнѣ нужно», «мнѣ неудобно» и т. д. Напротивъ, постоянно только слышишь: «возьмите насъ», «прикажите намъ!». Вообще же въ массѣ, въ необразованной русской толпѣ слово «право» иногда означаетъ просто чортъ знаетъ что̀.

Вообще, если не всякому приходилось пріобрѣтать первыя свѣдѣнія насчетъ отсутствія «правовъ» въ той же мѣрѣ жестоко, какъ выпало на мою долю, то всякій долженъ былъ неизбѣжно познакомиться съ ними въ школѣ.

Школа была для всѣхъ одна.

Подробно я не буду вспоминать этой душной, старой школы, этихъ мертвыхъ годовъ, проведенныхъ въ ея стѣнахъ; но тонъ, царствовавшій въ ея нравахъ и звучавшій въ ея ненавистныхъ «краткихъ» учебникахъ, будетъ достаточно ясенъ изъ слѣдующаго незначительнаго эпизода.

Инспекторъ въ нашей гимназіи былъ человѣкъ совершенно типическій по тогдашнему времени—человѣкъ мертваго сердца и мертваго ума. Тишина, молчаніе, фронтъ (тогда военное время внесло и въ гражданскія учебныя заведенія военные пріемы), стрижка подъ гребенку, аккуратно всѣхъ поголовно, всѣхъ въ извѣстный день и часъ,—вотъ матеріалъ, на которомъ онъ практиковалъ свое мертвое сердце. Онъ даже не могъ переносить разнообразія въ фамиліяхъ учениковъ. Что это такое въ самомъ дѣлѣ—одинъ Кузнецовъ, а другой Прокопенко, третій Бруевичъ, а четвертый Кульчицкій? Одни окончанія на «ко», «цкій», «скій», «овъ», «вичъ»—и то ужъ казались ему какимъ-то безобразіемъ, своевольствомъ, безпорядкомъ и полнымъ отсутствіемъ стройности и гармоніи; онъ хотѣлъ, чтобы даже и въ этомъ отношеніи всѣ были «подъ гребенку».

Такъ вотъ этотъ-то прямолинейникъ выдумалъ нумера къ платьямъ учениковъ, точь въ точь такіе, какъ теперь заведены во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ,—только тѣ, историческіе, были большіе, величиною съ тогдашній пятакъ. Снявъ въ швейцарской платье, надо было взять нумеръ. Инспекторъ провѣрялъ по списку дежурныхъ количество неявившихся въ классъ,—словомъ, дѣлалъ чортъ знаетъ какой вздоръ, отнимавшій много времени. И все записывалъ: записывалъ и того, кто, снявъ платье, не взялъ нумера, и того, кто, надѣвъ платье, не возвратилъ его на надлежащее мѣсто. Всѣ эти проступки присоединялись къ проступкамъ относительно неточной стрижки, вихровъ, неимѣнія гребенки и прочей глупости, и въ концѣ концовъ въ субботу для каждаго Иванова и Кузнецова получался итогъ какихъ-то преступленій, результатомъ котораго были «безъ обѣда», «на колѣни», «въ карцеръ» «безъ отпуска», и, разумѣется, розги въ самыхъ разнообразныхъ пропорціяхъ. Можете представить, что сдѣлалъ со мной этотъ варваръ, узнавъ, что я просто-напросто потерялъ жестянку, если онъ дралъ за то, что забудешь ее возвратить или взять! Не говоря ужъ, что я, «хватившись» этой жестянки, остолбенѣлъ и обезумѣлъ отъ страха,—я до такой степени былъ потрясенъ

и нравственно раздавленъ тѣмъ, что этотъ варваръ продѣлалъ надо мною, что до сей минуты не могу безъ трепета вспомнить объ этомъ «нумеркѣ» и невольно чувствую въ душѣ какое-то благорастворенiе, когда, раздѣваясь, напримѣръ, въ швейцарской у Палкина, слышу великодушныя слова швейцара:

— Пожалуйте, господинъ,—и безъ нумерка!

И безъ нумерка! Боже, какое блаженство! И какихъ еще намъ надо «иллюзiй», безумные, когда «и безъ нумерка можно, господинъ»! А какъ я за этотъ нумерокъ былъ попранъ и нравственно раздавленъ. Но именно благодаря этой раздавленности я могъ только терзаться, чувствовать свое ничтожество и не имѣть ни малѣйшей капли смѣлости, чтобы допустить даже тѣнь мысли о протестѣ. Мало этого: едва оправившись послѣ тиранства и придя какъ разъ на урокъ этого тирана (онъ же былъ и учителемъ русской исторiи), я даже совершенно забылъ о томъ, что передо мной стоитъ мой тиранъ, забылъ совершенно, подъ впечатлѣнiемъ его топорнѣйшей лекцiи, въ которой черезъ каждыя три фразы четвертая была непремѣнно такая: «Мы расширили свои предѣлы «отъ...» «до...». Затѣмъ слѣдовали новыя три фразы о мудромъ приказанiи, и за нимъ опять та же четвертая о томъ, что послѣ этого приказанiя только-что расширенные предѣлы опять расширились еще дальше «отъ» «до», и все безъ малѣйшихъ трудностей, даже какъ бы безъ людей, а съ помощью какого-то «мы взяли», расширили. И вотъ это-то «мы» и неизмѣнно сопровождавшiй его результатъ расширенiя нашихъ предѣловъ могли настолько овладѣть моимъ вниманiемъ, что я почти легко забывалъ личное, позорнѣйшее униженiе. Мнѣ ужъ было прiятно за этихъ «мы», за ихъ «успѣхъ». Хотя, повторяю, ни лицъ человѣческихъ, ни человѣческихъ сердецъ и мыслей—ничего этого я въ представленiи о «мы» не различалъ, да и не могъ бы этого сдѣлать, потому что по частямъ «мы» состоятъ изъ такихъ же фигурокъ, какъ и я, Ивановъ 47 и Ивановъ 77. Меня вонъ избили недавно за нумерокъ, осрамили, раздавили даже возможность мысли о негодованiи, а я радъ, что измученное «я» можетъ отдохнуть въ представленiи блистательныхъ успѣховъ какого-то безформеннаго «мы». Хорошо, очень я радъ, что черезъ каждыя пять минутъ расширяются границы, а лучше ли мнѣ отъ этого, легче ли будетъ, зачѣмъ мнѣ это—эти вопросы ужъ не могли возникать въ головѣ. Напротивъ, хотѣлось

исчезнуть въ этомъ «мы», пойти бы туда, потому что мнѣ-то ничего не нужно; потому что я могу думать только о моемъ ничтожествѣ и ничего, кромѣ муки, не ощущать. А тамъ нѣтъ ни меня, ни моихъ мукъ, ни моей личности, а все подъ гребенку, все одно «мы»... въ немъ какая-то огромная сила (которой я въ отдѣльности капли не чувствую въ себѣ). Эта сила и меня возьметъ, и меня совершенно освободитъ отъ самого себя, и расширитъ предѣлы еще дальше.

5.

Плачевные результаты всей этой системы, проникавшей и обиходъ жизни и положенной въ основаніе школы, всѣмъ намъ пришлось очень скоро видѣть собственными нашими глазами и ощущать ихъ въ самихъ себѣ. Когда послѣ крымской войны повѣяло весной, запахло «разрытой землей», предвѣщавшей конецъ чему-то отживающему, блѣдному, какъ смерть, и разлагающемуся, какъ трупъ, для молодежи настали дѣйствительно совершенно иныя времена. Что никогда не бывало, мы увидѣли людей, которые стали относиться къ намъ съ величайшею вѣжливостью, подавали руку, приглашали къ себѣ на квартиру, не для того, чтобы получить взятку, а чтобы «потолковать», разсѣять наши недоразумѣнія, если они есть, спросить о томъ, что интересуетъ и чего не понимаешь. Наилучшіе типы этого новаго поколѣнія учителей дошли до такой деликатности, что стали выставлять баллы на вѣру, не спрашивая.—«Знаете вы, Ивановъ?» — «Знаю». — «Сколько-жь бы вы хотѣли, чтобы я вамъ поставилъ?»—«Пять-съ!»—«Вы увѣрены, что это не много?»—«Нѣтъ-съ!»—«Извольте!» И, вѣря на слово, ставили, сколько желаетъ Ивановъ. Они стали намъ читать, какъ студентамъ, отличнѣйшія интереснѣйшія лекціи, не спрашивая, не экзаменуя (я говорю объ учителяхъ старшихъ классовъ), не ставя ни единицъ, ни минусовъ, ни плюсовъ. И, несмотря на то, что эта манера обращаться по-человѣчески намъ чрезвычайно была пріятна, и на то, что лекціи намъ до чрезвычайности нравились, и что учителей мы любили, чувствовали къ нимъ симпатію, отсутствіе въ насъ «личности», чувства личной отвѣтственности, обязанности и чести разъѣдало насъ, какъ свѣжій воздухъ трупы. Мы какъ-то разслабли отъ этой гуманности, размякли, даже развратились. Лгать въ глаза «любимому» учителю, не учить никакихъ уроковъ, пьянствовать, вмѣсто того, чтобы «самостоя-

тельно» работать,—вотъ, примѣрно, въ какихъ некрасивыхъ формахъ отразилось на насъ человѣческое отношеніе къ намъ новыхъ учителей. Мы знали, что это новое хорошо, чувствовали его свѣжесть въ собственной груди, голосѣ, но у иныхъ изъ насъ совсѣмъ не было органа, чтобы воспринять это хорошее, не было сердца, и это новое бродило въ насъ, въ крови, въ сознаніи, бурлило, пробуждало грубыя, не развившіяся (гдѣ и на чемъ имъ было развиться?) потребности сердца. Мы какъ будто опьянѣвали отъ этого новаго и свѣжаго и разслаблялись по всѣмъ суставамъ. Въ первый же годъ на окончательномъ экзаменѣ никто не могъ отвѣтить ни единаго слова ни на одинъ вопросъ; перезабыли все, даже и то, что̀ знали прежде. Между тѣмъ у огромнаго большинства были «круглыя пятерки», поставленныя учителями по довѣрію къ честному слову. Новые учителя были потрясены нашей безсовѣстностью. Мало этого, одинъ изъ самыхъ лучшихъ когда-то учениковъ не только теперь оказался ровно все перезабывшимъ, но позволилъ себѣ явиться на экзаменъ въ пьяномъ видѣ, стоялъ какъ столбъ, пока ему предлагали десятки вопросовъ, желая его ободрить и добиться хоть какого-нибудь отвѣта, а онъ только моргалъ, мычалъ и вдругъ сталъ икать. Мало того, осрамившись на экзаменѣ, мы — неизвѣстно, кто изъ нашего курса—чтобы выбраться изъ сквернаго положенія, вдругъ просто-напросто обокрали канцелярію, гдѣ хранились списки и отмѣтки, и такимъ образомъ до того потрясли начальство, что оно должно было всѣмъ намъ дать аттестаты на право поступленія безъ экзамена въ университетъ, чтобы не осрамиться разглашеніемъ о такомъ полномъ паденіи нравственности цѣлаго курса. Почти всѣ мы потомъ очувствовались и оправились отъ этого безсовѣстнаго момента, всѣ мы помнимъ этихъ благороднѣйшихъ людей, которыхъ мы тогда такъ ужасно осрамили и разочаровали, всѣ мы знаемъ, что ими только мы и возрождались къ жизни. Да нѣтъ, даже и тогда, въ самый моментъ нашего развращенія, мы чувствовали и знали, что это скверно, омерзительно, но не могли остановить себя. Одинъ изъ новыхъ нашихъ наставниковъ вздумалъ, напримѣръ, для облагораживанія нашихъ нравовъ, устроить въ мѣстномъ женскомъ пансіонѣ по субботамъ литературно-музыкальные и танцовальные вечера. Онъ водилъ туда старшихъ воспитанниковъ гимназіи изъ гимназическаго пансіона. И что̀ же?—сердца-то наши были такъ не разработаны, мертвы,

дики, звѣрообразны, что хорошее начало имѣло самый нехорошій конецъ. Конечно, не въ женскомъ пансіонѣ онъ могъ выразиться, но выразился скверно: въ одно майское утро въ директорскомъ саду нашли въ безчувственномъ состояніи директорскую горничную, которая, очнувшись, разсказала потрясающую исторію про нѣкоторыхъ изъ воспитанниковъ пансіона. Скверно, скверно, а иначе едва ли могло быть: жизнь и школа обрабатывала насъ исключительно для безпрекословнаго повиновенія и служенія чему-то, что̀ говоритъ: «не намъ, не намъ». — Ивановъ! Поди разорви вотъ то! И Ивановъ пошелъ бы и, не спрашивая, не разбирая, что̀ такое это «то»,—разорвалъ бы.

Я, Тяпушкинъ, конечно, не могъ быть непричастнымъ этому моменту разложенія, и я испугался самого себя; я увидѣлъ, что подъ гнетомъ всего мною пережитаго, воспринятаго со стороны, мое собственное сердце оставалось нетронутымъ, т.-е. совершенно дикимъ, съ задатками иногда дикихъ желаній. Но меня спасло то, что въ моемъ маленькомъ звѣрушечьемъ сердцѣ, помимо ощущенія тяжести пережитаго, было уже зерно жалости, жалостливой тоски не о моемъ горѣ и бѣдѣ, а о какомъ-то чужомъ горѣ и бѣдѣ. Была жалость къ какимъ-то «имъ», «тѣмъ»... А школа прибавила къ этому знакомство съ ощущеніемъ и радости за «ихъ» успѣхъ, желаніе быть среди этой чуждой мнѣ и моему ничтожеству силы. И вотъ, благодаря этимъ задаткамъ нѣкотораго интереса и вниманія къ чему-то горькому, чужому, я, испугавшись себя, своего недостоинства, прямо бросился, благодаря новымъ наставникамъ, на книгу, быстро дошелъ до послѣдней страницы, а эта страница, какъ я ужъ говорилъ раньше, говоритъ какъ разъ то, къ чему меня привели, неотразимо, волей-неволей, и школа и жизнь: убавляй себя для общаго блага, для общей справедливости, для умаленія общаго зла. Чего-жъ мнѣ было убавлять себя, когда меня совсѣмъ не было? И общее горе, общую несправедливость надъ этимъ огромнымъ «мы»—послѣдняя страница выяснила мнѣ въ самой точной, самой прозаической формѣ; выяснила, повторяю, точно, сухо, но неопровержимо указала мнѣ пункты зла, пункты дѣла, самые корни язвъ, бѣдъ, несовершенствъ, несправедливостей. Не было на этой страницѣ никакихъ частностей, мелочей, не было никакихъ подробностей жизненныхъ бѣдъ этого чужого мнѣ полчища человѣческаго, иногда не было даже словъ,—были цифры, таблицы, дроби вмѣсто людей и словъ,—но эти-то цифры

были мнѣ понятнѣй и могли ужасать меня самымъ искреннимъ образомъ, могли жечь мой мозгъ гораздо сильнѣе, чѣмъ подлинные стоны и бѣды, изъ которыхъ цифра только экстрактъ. Подлинныхъ стоновъ жизненныхъ, человѣческихъ мелочей, изъ которыхъ выходили эти цифры «послѣдней страницы», я бы не выдержалъ, они бы меня замучили: сердце мое, по незначительности своего развитія, своей отзывчивости на *человѣческую* мольбу, могло бы даже ожесточиться, а не размягчѣть: я самъ никогда не смѣлъ *по-человѣчески* относиться къ себѣ и къ своему горю, стону. Я даже понятія не имѣю о моемъ правѣ стонать, жаловаться, требовать облегченія, я отвыкъ отъ этого. Какъ же я могу глубоко чувствовать мелочное горе другихъ? Оно меня только измучаетъ, и я поспѣшу отогнать его отъ себя... Но эта боль, спрессованная въ маленькую цифру, въ которой не видно никакихъ отдѣльныхъ, человѣческихъ образовъ и страданій, — мнѣ понятна: она, потрясая мой умъ, развиваетъ тотъ зародышъ жалости, который уже есть во мнѣ, къ пониманію общихъ всечеловѣческихъ бѣдъ, гонитъ къ нимъ, обязываетъ сосредоточивать вниманіе только на нихъ...

Я не буду входить въ подробности о томъ, какъ умеръ мой отецъ, какъ, не имѣя возможности попасть въ университетъ, я скитался кое-гдѣ у знакомыхъ моего отца и у добрыхъ людей изъ «новыхъ». Но скажу, что «книга», которая овладѣла мною въ это время, съ каждой минутой, своими сухими, но многозначительными цифрами, доказывала мнѣ, что я обязанъ идти куда-то, быть тамъ, гдѣ терпятъ и стонутъ; я чувствовалъ, что мнѣ надо бѣжать куда-то отъ этихъ «людей», совершенно опредѣленныя фигуры и физіономіи которыхъ я вижу и съ которыми «ничего *общаго* не имѣю», бѣжать не къ какимъ-то другимъ людямъ, а къ какимъ-то живымъ массамъ несправедливостей, неурядицъ, требованій, одушевленныхъ въ видѣ человѣческихъ массъ, а не человѣческихъ личностей.

И точно, я убѣжалъ. Убѣжалъ я почему-то въ ту самую деревню, гдѣ родился и гдѣ осталась жить прабабка моей матери. Не знаю, почему я вспомнилъ о ней; вѣроятно, потому, что мнѣ просто было нечего ѣсть. И на первыхъ же порахъ опять испугался себя... Если бы «они» какимъ-то не человѣческимъ, а «особеннымъ» образомъ сказали мнѣ: «пропади за насъ», я бы немедленно исполнилъ эту просьбу, какъ величайшее счастье и какъ такое дѣло,

которое именно мнѣ только и возможно сдѣлать, какъ дѣло, къ которому я приведенъ всѣми условіями и вліяніями моей жизни. Но, попавъ въ деревню и видя это коллективное «мы», размѣненное на фигуры мужиковъ, бабъ, ребятъ,— я не только не получалъ возбуждающаго къ жертвѣ стимула, а, напротивъ, простывалъ, и простывалъ до холоднѣйшей тоски. Эти песчинки многозначительныхъ цифръ, какъ люди, требовавшіе отъ меня человѣческаго вниманія къ ихъ человѣческимъ нуждамъ, къ человѣческимъ мелочамъ ихъ жизни, невообразимо меня утомляли, отталкивали даже... Грязь мучила, въ нуждѣ мелькала и оскорбляла глупость... Больная нога умирающаго мужика, загноившаяся отъ ушиба, возбуждала отвращеніе. Личное участіе, личная жалость были мнѣ незнакомы, чужды, въ моемъ сердцѣ не было запаса человѣческаго чувства, человѣческаго состраданія, которое я бы могъ раздавать всѣмъ этимъ песчинкамъ, милліоны которыхъ, въ видѣ цифры, занимающей одну десятую часть вершка на печатной строкѣ — напротивъ, меня потрясали.

Кстати сказать, что-то подобное свойствамъ моего сердца, вѣроятно, было въ сердцѣ такого замѣчательно загадочнаго человѣка, какъ Иванъ Грозный. Вѣдь вотъ передъ толпой, передъ массой людей, передъ моремъ человѣческихъ существъ, слитыхъ воедино, въ особый живой организмъ толпы, этотъ человѣкъ могъ публично, на Красной площади, каяться, плакать, просить у этого «организма» прощенія, разсказывать предъ нимъ свои прегрѣшенія, оправдываться чувствовать потребность оправдываться только передъ нимъ... А отдѣлись отъ этого организма толпы частица, песчинка, и объявись она въ видѣ человѣческой фигуры, съ человѣческими потребностями, просьбами, желаніями,—словомъ, со всѣми мелочами «человѣческой» породы, — тотчасъ замираетъ не только потребность покаянія, а и вниманія, тотчасъ прекращается отзывчивость сердца на дѣйствительныя, всегда мелкія человѣческія требованія. Не разработанное въ этомъ отношеніи сердце, не пережившее этихъ человѣческихъ мелочей, а прямо въ звѣриномъ видѣ закованное въ крѣпкую кору византійства, не хочетъ, не можетъ быть внимательнымъ и отзывчивымъ на мелочи, оно неуклюже, неуютно для этого. Уйди, напротивъ, это надоѣдливое, отдѣльное лицо въ толпу, уничтожься лично, и проснувшемуся звѣрю легче, потому что онъ и своихъ-то личныхъ жизненныхъ и живыхъ мелочей не цѣнитъ, не

умѣя ни облагородить ни развить. Ему и самому легче понизиться изъ царей въ монахи, изъ повелителя—въ повинующагося.

Вотъ такія-то несимпатичныя свойства моего сердца и испугали меня на первыхъ порахъ, а скоро не только испугали, но и потрясли, привели въ ужасъ.

IV. Подробности «возмутительнаго случая».—«Намъ самимъ» ничего не надо.

1.

Первые характернѣйшіе признаки моего сердца, какъ я уже сказалъ, обнаружились и испугали меня почти тотчасъ послѣ появленія моего въ деревнѣ, на старомъ пепелищѣ, въ хибаркѣ какой-то бабушки, а можетъ, и прабабушки, не помню хорошенько. Отправляясь въ эту деревню, я не имѣлъ никакого опредѣленнаго плана насчетъ того «общаго дѣла», которое должно было меня «взять», «поглотить» и «потребить», но я шелъ туда подъ неотразимымъ убѣжденіемъ, что дѣло это «тамъ», у «нихъ», вообще подъ соломенными крышами, а не здѣсь въ городѣ, гдѣ я скитался послѣ смерти отца многіе годы и гдѣ видѣлъ купцовъ, чиновниковъ, барынь, мѣщанъ, священниковъ и тѣхъ самыхъ мужиковъ, къ которымъ я потомъ устремился. «Все это не то!»—думалось мнѣ. «Торгуйте, звоните ко всенощной, женитесь, спите послѣ обѣда, гуляйте на бульварѣ,—думалось мнѣ:—но все это не то. Это «пока» только, а въ сущности все ужъ это кончилось!» И острогъ, который оставался въ томъ же самомъ видѣ, какъ и былъ, казалось мнѣ, стоитъ здравъ и невредимъ такъ только, по ошибкѣ. И сумасшедшій домъ тоже скоро долженъ развалиться прахомъ, какъ и эти уродскія кирпичныя тріумфальныя ворота, торчавшія за городской заставой, чрезъ которую я уносился въ деревню... къ «нимъ»... Все это старое ни къ чорту не годится, все это явно доживаетъ свой вѣкъ. Не могу припомнить основаній, по которымъ я съ такою увѣренностью полагалъ, что все это «доживаетъ» вѣкъ, но помню, что вообще впечатлѣніе «доживанія» было вполнѣ несокрушимое. Настоящая, заправская «гниль» всего стараго и во внутреннемъ и во внѣшнемъ отношеніи была

внѣ всякаго сомнѣнія. Ни жалости ни даже простого вниманія къ этому гнилому, развалившемуся, а иногда прямо помирающему или находящемуся при послѣднемъ издыханіи, не было ни малѣйшей—такъ было неизмѣримо велико разстояніе между извѣстнымъ, мучительнымъ вчера и совершенно неизвѣстнымъ сегодня. Эта полнѣйшая невозможность не только подумать о вчерашнемъ днѣ, но даже оглянуться назадъ хоть на минуту, не покидала меня и всю дорогу отъ города до деревни, которую я въ весеннюю распутицу, въ рваныхъ сапогахъ, сдѣлалъ пѣшкомъ. Странно: и деревни ужъ стали попадаться за городомъ, и мужики, и ихъ рваныя шапчонки, бороды, спутанныя комкомъ, полушубки съ дырами на локтяхъ,—словомъ, начались ужъ «они», «мы», «наши», въ полномъ смыслѣ этого слова, а я все пропускалъ ихъ мимо съ тою же невольной мыслью: «все это не то!». Тоже старое, гнилье какое-то. И телѣги гнилыя, и бороды, и полушубки, и черная солома на крышахъ... И они тоже какъ будто «доживали свой вѣкъ»... И въ нихъ ничто не останавливало меня; кислый квасъ, охающая старуха, ея морщинистая трясущаяся рука, холодная, разоренная изба, скверный хлѣбъ и т. д.—все это «старое», все это надо «туда», назадъ забросить, за спину, въ крѣпостное право. Это все обречено на смерть: жалѣй не жалѣй—ничего изъ него не выйдетъ. И я не жалѣлъ, а несся, какъ птица, несся по лужамъ грязи и, запыхавшись, наконецъ прилетѣлъ въ убогую избу старушки-бабки.

Здѣсь надо было жить — сколько времени, я не зналъ; надо было разговаривать съ людьми, слушать ихъ, отвѣчать. Я ужъ всѣхъ ихъ сдалъ въ архивъ, но они почему-то медлятъ убираться туда, а ходятъ передо мной, охаютъ, няньчаютъ дѣтей, ругаются, говорятъ невозможныя глупости, и я началъ мучиться... Дѣйствительность, живая, неприглядная, корявая, рваная, забитая, глупая, плачущая и ругающаяся или въ потѣ лица бьющаяся изъ-за куска хлѣба, положительно терзала меня. Казалось бы, отчего мнѣ терзаться и мучиться всѣмъ этимъ? Вѣдь это-то именно и есть тотъ самый матеріалъ, во имя котораго я долженъ жертвовать собою для нихъ же? Все такъ, а на дѣлѣ между этимъ глупымъ дядей Митяемъ, который на моихъ глазахъ провозгласилъ: «безъ навозу... нич-чего не будетъ!»—и провозгласилъ съ такимъ же олимпійскимъ величіемъ, съ какимъ Людовикъ XIV провозгласилъ: «государство—это я»,

и моей неизбѣжной потребностью жертвовать Митяямъ собою, не было тропинки, нитки. — «Какъ глупъ!—думалось мнѣ:—и борода какая скверная!» И ощущеніе глупости дяди Митяя было до послѣдней степени тяжело, тяжело до невыносимости, до желанія выгнать его вновь. До невыносимости жгучее страданіе доставляли мнѣ и не одни только некрасивыя и несуразныя явленія дѣйствительности: крестьянскій ребенокъ, удивительно красивый мальчикъ, тоже терзалъ меня; его нельзя было не любить, но мнѣ было это трудно: эта маленькая потребность «любить» какую-то «капельку» мѣшала мнѣ; она обезсиливала меня въ моей потребности «пропасть», «пожертвовать» собой... Все это меня терзало, мѣшало мнѣ служить «имъ»...

И вдругъ я испугался. Я увидѣлъ себя въ одинъ прекрасный день совершенно одинокимъ! Все, что̀ я вижу и слышу, — все это мнѣ чужое, непонятное, или если и понятное, то возмущающее, оскорбляющее, возбуждающее желаніе «вырваться» отсюда и вовсе не укрѣпляющее рѣшимости самопожертвованія. Я почувствовалъ, что я просто дармоѣдъ: ничего не дѣлаю, ѣмъ чужой хлѣбъ, все ненавижу и въ то же время толкую о самопожертвованіи, думаю, что я обреченъ на великое дѣло мученичества. Мученикъ ѣстъ у старухи послѣднюю корку, да еще на нее сердится за то, что она говоритъ глупости... «Нонче у насъ по осени вѣдьму убили!» — «О, идіоты!» — думаетъ мученикъ, вторую недѣлю ничего не дѣлая и терзаясь мыслью о томъ, какъ бы унести ноги отъ «нихъ», отъ «этихъ самыхъ», для которыхъ онъ готовъ отдать жизнь.

Я до того испугался своего положенія и своего нравственнаго состоянія, что въ первую минуту, когда оно обрисовалось мнѣ ясно и рѣзко, я какъ-то вдругъ отупѣлъ, остолбенѣлъ въ непониманіи себя и окружающаго. Я не пилъ, не ѣлъ, глядѣлъ и ничего не видалъ: я по цѣлымъ часамъ сидѣлъ на крыльцѣ хибарки, безсмысленно и тяжело смотря на хлопья послѣдняго весенняго снѣга, и чувствовалъ одно — все наполнено вокругъ меня, но тамъ, гдѣ я — совершенно пусто. Постучать палкой тамъ, гдѣ я сижу—непремѣнно загудитъ такъ же, какъ если постучать или крикнуть внутрь пустой бочки. Дни шли за днями, падалъ и таялъ снѣгъ, и я падалъ, и таялъ, и думалъ о смерти, какъ объ избавленіи... Не знаю, какимъ образомъ въ этакомъ-то остолбенѣломъ состояніи попалъ я въ господскій домъ.

Не могу припомнить буквально ни одной подробности, которая бы могла выяснить причину или, по крайней мѣрѣ, предлогъ для этого знакомства. Вѣроятно, дѣло не обошлось безъ участія моей бабушки, хотя навѣрное рѣшительно не могу утверждать этого; знаю только одно, что очнулся я отъ моего столбняка и очнулся на мгновеніе за стариннымъ круглымъ столомъ, на которомъ стоялъ старинный, измятый самоваръ, сливки и булки, и варенье. Очнулся въ какой-то курткѣ, въ грязныхъ сапогахъ и, главное, очнулся отъ вопроса:

— Вы что̀ же ничего не ѣдите? Какія булки вкусныя!

Передо мной, опершись о край стола локтями голыхъ полныхъ рукъ и держа въ нихъ булку, сидѣла дѣвушка, молодая и полная, съ распущенными по плечамъ густыми бѣлокурыми волосами. Она сидѣла совершенно спокойно, безъ всякаго стѣсненія и тоже совершенно спокойно смотрѣла на меня, покусывая какъ бы отъ-нечего-дѣлать булку; но, взглянувъ на нее, я понялъ, что она надо мной «насмѣхается», понялъ, что она ничего «не боится», — и какъ будто проснулся...

— У насъ Аксинья удивительная мастерица печь хлѣбы!— сказала старушка, которую я тоже въ первый разъ разсмотрѣлъ и которая сидѣла съ какимъ-то вязаньемъ за самоваромъ.

— Ѣшьте! — приказала дѣвушка, сама откусила кусокъ булки, движеніемъ головы (ухарскимъ) отбросивъ косу съ плеча за спину, почесала голую руку и опять прибавила:

— Что̀ вы сидите, какъ истуканъ? Весь мокрый и ничего не ѣстъ...

Тогда я увидалъ булки и тотчасъ сталъ ѣсть. Я ѣлъ булки и прежде, и вчера, и сегодня, и каждый день; но все мнѣ какъ-то казалось, что это тоже только такъ, «пока», что это въ сущности «все не то» и тоже принадлежитъ къ числу явленій, которыя надо забросить черезъ плечо. Казалось, что все это: чиновники, остроги, сумасшедшіе дома, шпицрутены, помѣщичьи усадьбы, крестьянскія лачуги, учителя, булки, въ особенности сдобныя, пироги, блины, и т. д., и т. д.,—что все это кануло въ вѣчность, все это достояніе прошлаго, что это только «доживаетъ» свой вѣкъ. Я ѣлъ у бабки ея стряпню, ѣлъ довольно много, но думалъ: «Какъ эта старуха глупа, что бьется цѣлый день чортъ знаетъ изъ-за чего, ворочаетъ какіе-то горшки, крестится и охаетъ... Все это вздоръ и

чепуха». Но когда къ булкамъ призвала меня насмѣшливая дѣвушка, я изумился: булки были превосходныя, горячія, только-что изъ печи... а между тѣмъ 19-е февраля... какъ же такъ? Стало-быть, не все кануло въ вѣчность... Я ѣлъ, чувствуя, до какой степени я необыкновенный уродъ въ глазахъ этой дѣвушки, ѣлъ и думалъ объ освобожденіи крестьянъ, ѣлъ и думалъ — «точно, булки необыкновенно вкусны», а между тѣмъ «все ужъ не то!». Никогда въ жизни не чувствовалъ я себя до такой степени нелѣпымъ и достойнымъ полнаго посмѣянія...

И ѣлъ! Ѣлъ, думая: «когда же наконецъ это кончится?». И, не дождавшись конца, вдругъ положилъ булку на столъ, всталъ со стула и пошелъ...

— Куда вы? Чего вы не сидите? Куда вы въ этакую грязь... Идите ночевать наверхъ,—весь домъ пустой... никого нѣтъ...

— Хорошо!

И я пошелъ наверхъ, спотыкаясь и толкая то ту, то другую дверь. Едва слышный смѣхъ, но смѣхъ бездонной насмѣшки, послышался вслѣдъ за мной. «Это непремѣнно она издѣвается!» — подумалъ я, почему-то устремляясь наверхъ; на поворотѣ лѣстницы я споткнулся и сказалъ себѣ:

— Оселъ!

Потомъ упалъ и сказалъ себѣ:

— Подлецъ!

Потомъ вспомнилъ, какъ она сидитъ, опершись локтями на столъ, какъ смотритъ, какіе у нея волосы и какіе глаза.

Здоровая, молодая, босая баба, появившись со свѣчкой, выручила меня изъ бѣды. Я нашелъ дверь, вошелъ въ комнату и увидѣлъ бабу. Баба смотрѣла на меня въ недоумѣніи, и я недоумѣвалъ.

— Ну, ложись!—сказала баба.—Хучь здѣсь, хучь тамъ...

— Сейчасъ!—отвѣтилъ я и сталъ раздѣваться.

— Дай уйти-то!—остановила меня баба.

— Хорошо...—сказалъ я и подумалъ: «Идіотъ, оселъ и чортъ!».

И остался одинъ съ вопросомъ: что̀ все это означаетъ? Что̀ это такое? А отвѣтомъ на эти вопросы были тѣ же локти, упертые о край стола, тѣ же глаза, тѣ же булки. Долго-долго я не могъ заснуть: все это путалось у меня въ головѣ, кружилось, и насмѣшка, насмѣшка бездонная, ѣла меня!..

Но сдобныя, горячія булки «*сейчасъ* изъ печи» не знаю почему-то въ особенности сильно опечалили меня, вспомнившись среди ночи. Вѣдь *все это* кончилось, а тутъ *сейчасъ* изъ печи эти сдобные призраки канувшаго въ вѣчность. Быстро и тяжко промелькнуло по сердцу, вслѣдъ за воспоминаніемъ о булкахъ, все это прошлое, погребенное мною, промелькнуло, испугало, защемило въ самой глубинѣ сердца и вызвало страстное желаніе уйти, уйти поскорѣе отсюда, изъ этого дома, гдѣ все вѣетъ прошлымъ, отжившимъ, все тянетъ назадъ...

2.

Прошлое, канувшее въ вѣчность, на воспоминаніе о которомъ наводилъ старый барскій домъ, казалось дѣйствительно канувшимъ и не для одного только меня. Всѣ, кто жилъ въ немъ, чувствовали, что пѣсня этого дома спѣта, что если еще и живутъ въ немъ люди, то это только такъ, «пока», между концомъ и неизвѣстнымъ началомъ. Жила въ немъ теперь старая сестра умершаго бездѣтнымъ владѣльца, долгое время—чуть не всю жизнь—промаявшаяся на чужихъ хлѣбахъ и въ домахъ богатой московской знати, — дѣвица, въ которой институтская наивность непріятно дополнялась знаніемъ неприглядныхъ будуарныхъ тайнъ временъ крѣпостного права. Этими тайнами съ наивностью институтки она по временамъ дѣлилась съ своей сожительницей, молодой бѣлокурой дѣвушкой (насмѣшницей), которая была дочь брата покойнаго владѣльца, офицера, убитаго въ севастопольскую войну. Мать ея умерла также незадолго передъ кончиною отца; и вотъ эти двѣ случайныя наслѣдницы жили въ большомъ, разваливающемся домѣ, не зная, что̀ будетъ завтра и съ ними и съ этимъ домомъ, и зная притомъ совершенно несомнѣнно, что старое безвозвратно ушло. И онѣ были чужія этому дому, и домъ былъ чужой для нихъ. Не будь вокругъ и около этого дома старыхъ крѣпостныхъ людей, для которыхъ была невозможна даже мысль о томъ, что они свободны и должны считать себя вступившими въ «новую эру», я, право, не знаю, была ли бы какая-нибудь возможность для обитательницъ этого стараго дома просто-напросто быть сытыми. Но оставались какіе-то Михеичи, Авдотьи, старухи Пахомовны, оставались на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ были и жили всю жизнь, и руки ихъ продолжали дѣлать то же, что̀ дѣлали прежде. Иные

изъ нихъ были дряхлы и стары, другіе хоть и молоды, но не знали еще, какъ быть и куда дѣваться. И вотъ несетъ Пахомычъ дровъ, Авдотья тащитъ самоваръ, древнѣйшій кучеръ моетъ на дворѣ древнѣйшій экипажъ. Кто-то платитъ аренду, еще заключенную при покойникѣ, кто-то нѣтъ-нѣтъ да привезетъ сотню-другую за купленный лѣсъ. Изъ какого-то казначейства что-то тоже по временамъ высылаютъ, при чемъ иногда племянница и тетка съ трудомъ разбирали: «кому это: мнѣ или тебѣ?». Кое-какъ, благодаря тѣмъ же живымъ остаткамъ прошлаго, создавшимъ кое-какой жизненный обиходъ помощью печенія хлѣбовъ, пироговъ, собиранія и варенія грибовъ и ягодъ, создавались и кой-какія обличія «господской» жизни. Тотъ же Пахомычъ придетъ и скажетъ, что завтрашняго числа хорошо бы господамъ проѣхать въ с. Всесвятское, ибо тамъ храмовой праздникъ; что не худо принять и угостить господина исправника, который сидитъ теперича у попа, что въ такой-то день надо бы отслужить панихиду по покойникамъ, а въ такой-то поставить на господскомъ дворѣ качели и купить дѣвкамъ пряниковъ—такъ, молъ, изстари заведено. Не будь этихъ Пахомычей и Аксиній — и люди, населявшіе домъ, и самый домъ могли бы производить на посѣтителя впечатлѣніе только запустѣнія, а при ихъ попеченіи все-таки въ этомъ домѣ журчала какая-то тощая струйка жизни. Иногда Пахомычъ придетъ и «пожалуется» на Авдотью, и дастъ такимъ образомъ возможность обитателямъ почувствовать, что они — господа, что они хоть Авдотьѣ могутъ дать нравоученіе. Но вообще струйка жизни журчала здѣсь тихо-тихо... «Старая это жизнь, — думали всѣ: — и ничего изъ нея ужъ не можетъ выйти; это — срубленное дерево, на которомъ еще не совсѣмъ завяли листья». Старое и срубленное—это впечатлѣніе вѣяло отовсюду: изъ пустыхъ конюшенъ, отъ гнилой крыши, отъ огромнаго пустого двора, отъ падавшей съ потолка штукатурки, отъ этихъ старыхъ портретовъ. Баба съ грязными ногами и съ кошолкой яицъ, желая продать эти яйца господамъ, свободно шла съ чернаго хода изъ одной комнаты въ другую, изъ залы въ гостиную, шла словно по улицѣ, зная, что это улица ничья. И всѣ чувствовали, что дѣйствительно ничья. Молодой крестьянскій парень, Пахомыча племяшъ, толкавшійся по дому и около дома «пока» безъ дѣла, пойдетъ на чердакъ, пороется, вытащитъ какіе-то сапоги съ ботфортами, надѣнетъ и придетъ

къ старой барынѣ: «Глянь-ка-сь, ладно ли?»—«Чьи это?»—«Да тамъ на чердакѣ валяются. Не знаю чьи».—«Ничего, хорошо!»—«Такъ я носить стану?»—«Носи, пожалуйста». Да и въ самомъ дѣлѣ, чьи это сапоги теперь? Да и все въ домѣ тоже неизвѣстно чье. И жилъ здѣсь народъ, за исключеніемъ стариковъ, только такъ, пока. Хозяйки мечтали поѣхать и въ городъ, и въ Москву, и въ Петербургъ, но такъ какъ опредѣленно имъ не было извѣстно, зачѣмъ собственно ѣхать, то и не ѣхали, да и денегъ что-то «не высылаютъ», хотя *должны же* выслать когда-нибудь. Гуляли, разговаривали о старыхъ московскихъ сплетняхъ, о томъ, что Мишка отыскалъ на чердакѣ сапоги, о томъ, что нужно отслужить панихиду; опять гуляли, ѣли, скучали, раскладывали карты, говорили, что надо ѣхать въ Москву, или нѣтъ, въ Петербургъ, или въ городъ, потомъ шли смотрѣть теленка, котораго Богъ послалъ, потомъ говорили о теленкѣ, потомъ о попѣ, такъ какъ объ немъ зашелъ разговоръ, благодаря какой-то бабѣ, потомъ о бабѣ, о ея мужѣ. Такъ шли дни за днями «пока», т.-е. пока все это *въ самомъ дѣлѣ* кончится. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ все это не должно кончиться? Развѣ можно *что-нибудь* оставить изъ всего этого? Здѣсь *все было* когда-то понятно и объяснимо, отъ этого кресла, отъ этого уродскаго портрета до кнута, который виситъ теперь въ бездѣйствіи на конюшнѣ... Теперь, начиная съ кнута, все здѣсь необъяснимо, все погребено, все напоминаетъ молчаніе могилы. И вдругъ вотъ изъ этой-то могилы появляются горячія, сдобныя булки. «*Сейчасъ* изъ печи!» Если бы самъ домовладѣлецъ, о которомъ у меня съ дѣтства остались тягостнѣйшія воспоминанія, всталъ изъ гроба и явился передо мною ночью, я бы не испугался его такъ, какъ напугался всей вереницы впечатлѣній, связанныхъ съ булками. «Уйти, уйти отсюда!—думалъ я, чувствуя настоятельность сдѣлать это сейчасъ же: — уйти изъ дому, изъ деревни—«туда!», все тутъ обречено, страшно, гнило, не нужно, мертво»... Думая «уйти», я однако ни разу не подумалъ о томъ, какъ могло случиться, что я очутился въ чужомъ, незнакомомъ домѣ, сплю на чужомъ диванѣ и сплю на немъ почти безъ всякаго приглашенія? Такъ была прочна, непоколебима увѣренность, что «все это кончилось», что въ домѣ этомъ все «ничье», да и домъ вмѣстѣ съ людьми «ничей». Онъ такъ же принадлежитъ имъ, какъ и мнѣ, какъ и Пахомычу, какъ и бабѣ, которая принесла

яйца и ходитъ по всему дому, какъ по площади. А вотъ булки встревожили меня. Стало-быть, тутъ что-то живетъ еще. И мнѣ стало страшно и противно, и мысль уйти ужъ не давала мнѣ заснуть вновь.

Я ушелъ, едва стало свѣтло, едва гдѣ-то въ домѣ хлопнула дверь, а со двора донеслись звуки раскалываемыхъ дровъ. «Проснулись»,—подумалъ я и потихоньку ушелъ.

Въ тяжкой, безвыходной тоскѣ о своемъ положеніи провелъ я цѣлый день въ лачугѣ моей бабки, не зная, что̀ дѣлать, куда идти. Я чувствовалъ однако, что надо идти «сейчасъ», и къ вечеру почти ужъ окончательно рѣшилъ идти пѣшкомъ въ Москву, не зная, что̀ еще я тамъ буду дѣлать и къ кому обращусь. Но идти все-таки надо непремѣнно, неотложно, и завтра непремѣнно. Такъ я порѣшилъ и такъ сказалъ бабкѣ. Оба мы, горемычные, сидѣли съ ней вечеромъ на крыльцѣ и думали. Она охала, жалѣла меня, а я сидѣлъ, молчалъ и смотрѣлъ въ сторону, терзаясь кручиной моей бабки. «Боже мой!—думалъ я:—какъ она добра, какъ у ней привыкло страдать сердце, сколько въ ней сейчасъ, сію минуту, печали обо мнѣ, сколько она ужъ пролила слезъ о моей участи... Но когда же она замолчитъ? Хоть бы она ожесточилась на меня, мнѣ бы было въ тысячу разъ легче».

Мнѣ было до того тяжело, что я положительно какъ ребенокъ обрадовался, увидавъ, что къ нашему крыльцу подошли обыватели стараго господскаго дома... И старая дѣва и дѣва юная вдругъ появились изъ-за угла. Бабка засуетилась, впала мгновенно въ рабское состояніе, приглашая войти, но гости не вошли. Старая дѣва только поклонилась бабкѣ поклономъ «путешествующей принцессы», а юная только посмотрѣла на мою старуху, посмотрѣла своими сѣрыми, безцеремонными глазами, и ѣла подсолнухи...

— Ну, вы!—сказала она мнѣ, выплюнувъ шелуху и опуская руку въ карманъ, очевидно, за новой горстью деревенскаго лакомства:—извольте одѣваться... Пойдемте!

— Я...

— Нечего! Я на босу ногу... Мнѣ нельзя на сырости...— И она показала ногу, безъ чулка въ туфлѣ. — Надѣвайте шапку и маршъ!

И я надѣлъ шапку и пошелъ. И опять ночевалъ въ чужомъ домѣ.

Утромъ я проспалъ; но, проснувшись, тотчасъ одѣлся и хотѣлъ идти. Однако почему-то сѣлъ на тотъ же диванъ,

на которомъ спалъ, и тяжело задумался. День былъ великолѣпный, и какъ бы пропорціонально этому великолѣпію увеличивалась и моя тоска, тоска одиночества моего на бѣломъ свѣтѣ, тоска пребыванія въ этой могилѣ стараго прошлаго, томящая жажда свѣта и дѣла.

— Вы продрали, что ли, глаза-то?—послышалось за дверью.

И, не дождавшись отвѣта, появилась юная хозяйка съ тѣмъ же взглядомъ, въ томъ же свободно надѣтомъ ситцевомъ платьѣ.

— Надѣньте вотъ,—сказала она голосомъ опытныхъ женщинъ:—эту рубашку... Я взяла у Васьки новую.

И какой-то комокъ, пролетѣвъ отъ двери близко около потолка, ударился мнѣ въ грудь. Это была кумачная рубашка.

— А то на васъ противно смотрѣть!

Я нагнулся-было, чтобъ подхватить рубашку, скользнувшую на полъ, и въ это время почувствовалъ новый ударъ чѣмъ-то мягкимъ въ голову.

— У васъ, кажется, и чулокъ нѣтъ, пальцы вылѣзаютъ... Вотъ вамъ Аксиньины...

Въ недоумѣніи поднялъ я голову—и увидалъ дьявольски издѣвающееся лицо. Но это лицо я видѣлъ одну секунду, оно сейчасъ же сдѣлалось опять просто безцеремоннымъ.

— И одѣвайтесь! Живо! У меня есть къ вамъ серьезное дѣло...

. . . . . .

(Здѣсь въ запискахъ Тяпушкина слѣдуетъ большой перерывъ; въ тетради, изъ которой я ихъ заимствую, послѣ вышеприведенной сцены слѣдуетъ множество страницъ съ обозначеніемъ главъ, названіемъ ихъ, началомъ въ нѣсколько строкъ, за которыми почти тотчасъ же слѣдуетъ перерывъ, рисунокъ какой-нибудь рожи, какая-нибудь фраза, въ родѣ: «Нѣтъ, вотъ Тургеневъ, *небойсь* (?), объ этомъ не пишетъ!» Или: «Неужели это только золаизмъ и натурализмъ? Нѣтъ, это дѣло и горе общественное!» и т. д. Сколько можно понять изъ того, что̀ удалось разобрать въ этихъ отрывочныхъ строчкахъ, можно заключить, что Тяпушкинъ пробылъ въ старомъ домѣ всю весну, лѣто, и только въ глубокую осень весь старый домъ—т.-е. старая дѣва, юная дѣва и Тяпушкинъ—какимъ-то родомъ очутились въ Петербургѣ. Наконецъ идетъ глава, написанная вся цѣликомъ отъ первой строки до послѣдней. Эту главу

я и помѣщаю, придерживаясь моей нумераціи, хотя въ запискахъ Тяпушкина она носитъ какую-то огромную римскую цифру).

3.

...Есть у меня одинъ пріятель-фельдшеръ, человѣкъ весьма любопытный обиліемъ философскихъ теорій, роящихся у него въ головѣ. Начнетъ что-нибудь разсказывать (а разсказывать онъ любитъ и преимущественно о женщинахъ и своихъ наблюденіяхъ надъ ними) и, не досказавъ до конца, ударяется въ философію. Необходимо остановить его и спросить: «чѣмъ же кончилось?»—иначе повѣствовательный интересъ наблюденія или разсказа такъ и канетъ въ бездну обобщеній. Разсказывалъ онъ мнѣ какъ-то недавно одну изъ такихъ любимыхъ своихъ исторій и, не досказавъ, принялся по обыкновенію мудрствовать, а я, также по обыкновенію, долженъ былъ прервать его и спросить:

— Но чѣмъ же кончилось?

Тогда философъ остановился, нѣсколько презрительно посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Какое же можетъ быть *въ этомъ* (?) сомнѣніе?

И, опять презрительно пожавъ плечами, прибавилъ:

— Мальчикъ и дѣвочка! Одному восемь, другой пять... Кажется, это не требуетъ никакихъ обобщеній.

Вотъ и мнѣ приходится то же сказать о своей «исторіи».

Осенняя петербургская ночь, глухая, поздняя, темная. Все спитъ въ нашей квартирѣ, и въ маленькой колыбели спитъ маленькій ребенокъ, а я сижу неподалеку отъ него и думаю тѣ самыя черныя думы, о которыхъ я сказалъ въ самомъ началѣ «первой главы, первой части»... Но для успокоенія читателей скажу, что источникъ моихъ черныхъ думъ вовсе не черный; не ненависть и злоба, а, напротивъ, нѣчто совершенно на нихъ не похожее, именно *необычайная любовь* къ этому маленькому существу, *необычайная чувствительность* къ малѣйшимъ проявленіямъ жизни, обнаруживаемымъ этимъ существомъ. И вотъ эта-то *необычайная чувствительность,* обнаружившаяся во мнѣ при появленіи ребенка, и есть то главное, на что я хотѣлъ бы обратить вниманіе читателя, разсказывая возмутительный эпизодъ въ моей жизни.

Выражаясь словами философа-фельдшера, «не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія» въ томъ, что ребенокъ— мой, и для меня, и для всякаго смертнаго, волей-неволей.

долженъ быть предметомъ личнаго вниманія, личной привязанности. Я могъ бы, конечно, выбрать какой-нибудь другой примѣръ, а не этотъ возмутительный фактъ, чтобъ провѣрять на немъ мою личную способность отзываться на *мои* личныя побужденія, мою энергію, отстаивать мои личныя права, критиковать окружающее, съ точки зрѣнія моихъ личныхъ неудобствъ и личныхъ желаній; но всякій другой примѣръ былъ бы не такъ общедоступенъ, какъ тотъ, который я рѣшился разсказать съ величайшими усиліями.

Наконецъ, при томъ систематическомъ умерщвленіи моей личности, о которомъ разсказано въ прошлый разъ,—умерщвленіи, основанномъ на впечатлѣніяхъ цѣлаго порядка историческихъ явленій, обязательныхъ для всероссійскаго человѣка, на впечатлѣніяхъ систематически организованнаго воспитанія, направленнаго къ тому, чтобы личность «не пикнула»,—я едва бы могъ найти какой-нибудь другой фактъ личной жизни, который бы такъ же сильно и съ такой неотразимостью потребовалъ отъ меня *всего* того, что̀ есть во мнѣ *моего* человѣческаго, а не государственнаго, не служебнаго. Ребенокъ же именно и потребовалъ всего, полностью; онъ даже пробудилъ во мнѣ меня, наложивъ лично на меня массу обязанностей, и, помимо моей воли, развернулъ предо мной массу правъ, которыхъ я долженъ бы былъ добиться ранѣе появленія его на свѣтъ, чтобы эти обязанности выполнить по-«человѣчески».

Такъ вотъ на первыхъ же порахъ, когда это маленькое существо потребовало отъ меня «отчета» въ силѣ и правѣ собственной моей личности, я моментально впалъ въ какое-то невозможное состояніе. Я вчера еще, даже сейчасъ, готовъ погибнуть тамъ «за нихъ», за насъ, за общую гармонію, за общественное благообразіе и справедливость, но отстаивать эту гармонію *для себя*—не могу! А вотъ именно этого-то и потребовалъ ребенокъ, этотъ невольный и самый неснисходительный пробудитель моего личнаго вопроса и личнаго интереса... «Тамъ», работая вообще за «гармонію», въ которой я лично ничего не означаю и ни за что лично не отвѣчаю, зная только, что эта работа—дѣло справедливое, я не чувствителенъ ни къ какимъ ударамъ и язвамъ; здѣсь же, при дѣлѣ, которое требуетъ лично отъ меня отвѣта, я до чрезвычайности чувствителенъ, страдаю отъ малѣйшаго прикосновенія дѣйствительности, изнемогаю отъ малѣйшаго сознанія, что то или другое дѣло я *долженъ*

дѣлать для себя.—«*Мнѣ* не нужно,—вопію я:—такихъ широкихъ правъ, такой смѣлости жить на бѣломъ свѣтѣ! Я такъ, какъ-нибудь самъ-то, а вотъ для общаго дѣла...» Но маленькое существо требуетъ этихъ правъ для себя и совершенно меня уничтожаетъ.

Одинъ опытный крестьянинъ-охотникъ разсказывалъ мнѣ, между прочимъ, про волковъ, и разсказъ его коснулся, между прочимъ, совершенно неожиданной для меня черты волчьихъ нравовъ. Кто не привыкъ представлять себѣ волка какъ злодѣя, который вѣчно голоденъ и вѣчно ищетъ кого поглотить? Но кто знаетъ, что источникъ этой постоянной голодовки, этого вѣчнаго вытья съ голоду есть именно *чрезмѣрная чувствительность* къ своимъ личнымъ нуждамъ и потребностямъ? Оказывается, что если волкъ безпрестанно рыщетъ и рветъ на части овецъ и собакъ и все-таки никогда не бываетъ сытъ, такъ основаніе къ этому—чрезмѣрная любовь его къ семейству. Онъ до того чувствителенъ къ участи своихъ птенцовъ, къ своей волчихѣ, что только ради ихняго спокойствія и рветъ этихъ несчастныхъ овецъ. Съѣвъ цѣлую овцу, совсѣмъ съ шерстью, до того, что ему нельзя дышать и ходить, онъ только и думаетъ о томъ, чтобы кой-какъ добраться до дому и положить все съѣденное къ ногамъ своей супруги и дѣтей... И едва положитъ, какъ та же непомѣрная впечатлительность къ своему горю, къ своему личному благополучію побуждаетъ его вновь бѣжать въ поле, гдѣ онъ, ни на минуту не забывая своихъ милыхъ птенцовъ и свою милую волчиху,—быть-можетъ, весьма образованную и съ религіозно-шампанскимъ направленіемъ мыслей,—принимается рвать овецъ, собакъ, опустошать общественныя кассы, банки и расхищать башкирскія земли. А въ объясненіе этого звѣрства, почти всегда, со слезами на глазахъ, ссылается единственно только на нѣжность, на впечатлительность своего сердца. Одинъ видъ его Жоржика, этого хилаго, маленькаго существа, одна мысль о его будущности до того его мучаетъ, терзаетъ, печалитъ, что онъ лучше бы готовъ (по его собственнымъ словамъ) камни таскать на улицѣ, служить дворникомъ, ѣсть воблу и пить воду,—только бы не переносить этихъ мученій. Именно отъ этой-то впечатлительности онъ и теряетъ голову, и ужъ что̀ творитъ—неизвѣстно, самъ не помнитъ. «Мнѣ *самому*,—говоритъ онъ въ трезвыя минуты жизни, то-есть когда его семейство сыто и довольно:—мнѣ самому *ничего не нужно!*»... И говоритъ

это такъ убѣдительно, что, встрѣтившись въ эту минуту съ овцой, умѣетъ даже ее расположить въ свою пользу, заговорить ее такъ, что та, какъ со старымъ знакомымъ, идетъ съ нимъ рядомъ куда-нибудь въ буеракъ и совершенно поддается его гуманному образу мыслей... Онъ умѣетъ вести въ такія минуты нѣжную, простую бесѣду, бесѣду по душѣ, говоритъ, что и «онъ сочувствуетъ» (только бы не семейство), проситъ передать пять рублей въ кассу для вспомоществованія недостаточнымъ слушательницамъ высшихъ женскихъ курсовъ (изъ тѣхъ изъ «сундуковыхъ» денегъ), шопотомъ спрашиваетъ: «нѣтъ ли чего новенькаго?», вздыхаетъ, говоритъ, что ему самое настоящее мѣсто «тамъ», а не здѣсь, въ этой пошлой борьбѣ изъ-за грошовыхъ интересовъ, съ мужиками, которые только и думаютъ, какъ бы ухлопать его, тогда какъ всѣ его симпатіи на ихъ сторонѣ... Словомъ, умѣетъ до такой степени очаровать несчастную овцу, что та стоитъ недвижимо цѣлые дни на томъ самомъ мѣстѣ въ буеракѣ, гдѣ оставилъ ее пріятный собесѣдникъ, и стоитъ до тѣхъ поръ, пока какая-нибудь личная гадость, личная впечатлительность къ страданіямъ маленькаго Жоржика не заставитъ его, противъ воли, съѣсть эту несчастную овцу.

Но этими чертами еще не исчерпывается чрезмѣрная впечатлительность волчьяго сердца. По разсказу тѣхъ же опытныхъ охотниковъ, бываетъ такъ, что въ минуты дѣйствительнаго и продолжительнаго голода, когда по поводу хищеній назначаются сенаторскія ревизіи, сундуки запираются на замки, когда всѣ овцы отгоняются на значительное разстояніе и пастухи пристально ихъ караулятъ, впечатлительность волчьяго сердца, не измѣняясь количествомъ, измѣняется качествомъ... Жалость, чрезмѣрная скорбь, присущая этому сердцу, направляется ужъ не на Жоржика, а на себя; мысль о томъ, что ему, этому любящему отцу, придется погибнуть, до того щемитъ его сердце, что онъ невольно начинаетъ безконечно жалѣть себя, ищетъ корень зла и находитъ, что онъ всѣмъ пожертвовалъ «семьѣ», отъ семьи же заслужилъ всеобщее недовѣріе и въ семьѣ ожидаетъ гибели. И онъ, *жалѣючи себя,* начинаетъ ожесточаться.—«Не будь твоей дурацкой корреспонденціи,—злобно рычитъ онъ на Жоржика:—ничего бы этого не было!.. Для васъ же, подлецовъ, я былъ звѣремъ и вы же даете знать своимъ пискомъ гуртовщикамъ. Мерзавцы!» Онъ ожесточается все болѣе и болѣе, доноситъ уряднику о неблагона-

дежности своего сына и въ концѣ концовъ съѣдаетъ Жоржика безъ остатка. Но и это еще не все.

Нерѣдко такая жизнь заканчивается совершенно неожиданнымъ образомъ: лишивъ изъ-за чрезмѣрной чувствительности собственнаго сердца тысячи овечьихъ матерей ихъ ягнятъ, перервавъ глотки сотнямъ телятъ и овецъ, вогнавъ въ гробъ «жену свою побоями», онъ отправляется собирать на построеніе храма Божьяго. Выбираетъ для подвига высшую, неземную, нейтральную цѣль, такъ какъ каждое прикосновеніе къ живымъ людямъ, населяющимъ землю, напоминаетъ о клочьяхъ овечьей шерсти, вырванной съ мясомъ, о перерванныхъ горлахъ, объ убитыхъ, вбитыхъ въ гробъ... И все благодаря чрезмѣрной впечатлительности личныхъ желаній! Быть сытымъ нужно и собакѣ, не только волку, но собака ужъ шире развила свою личность и *лично* понимаетъ необходимость благообразія *общественныхъ* отношеній: она кормитъ своихъ дѣтей такъ же, какъ и всякая тварь, но дѣлаетъ это, предпочитая караулить тѣхъ же овецъ и овечьихъ дѣтей такъ же, какъ и своихъ. Волку же кажется, что *только* его дѣти достойны любви чрезвычайной, и что дѣти другихъ только препятствуютъ полному удовлетворенію его чувствительности; кажется, что только его Жоржикъ достоинъ глубочайшаго вниманія, а всѣ другіе Жоржики достойны «гигіенической скамейки», такъ какъ они могутъ обидѣть когда-нибудь его Жоржика.

Не утаю, когда дѣло дошло до личной моей отвѣтственности передъ маленькимъ существомъ, ребенкомъ, сердце мое оказалось чувствительнымъ именно въ этомъ волчьемъ направленіи. Все скверно и гадко въ этомъ мірѣ для такого существа (оно было, кажется, одно на всемъ свѣтѣ, такъ какъ я въ первое время забылъ, что въ Петербургѣ ежегодно родятся 50.000 такихъ существъ), все надо было бы стереть съ лица земли, чтобы это существо могло просуществовать такъ, какъ ему слѣдуетъ. Это было первое впечатлѣніе, но оно тотчасъ же смѣнилось другимъ, именно— крайней робостью стирать что бы то ни было съ лица земли. Это такая возня и такое безобразіе, что лучше пусть все останется такъ, какъ есть,—только Жоржикъ долженъ быть въ особенномъ положеніи: отъ него должна быть отстранена всякая грязь, всякая правда жизни, всякая скорбь, вся эта отрава теорій, реформъ, людского горя и т. д. Какъ это сдѣлать? Нужно для его блага пожертвовать собой, покориться, принять всю черноту жизни на

себя, сдѣлать такъ, чтобы не орать во имя вообще реформы противъ «кушетки» вообще, а чтобы только Жоржика не драли. Вотъ какъ отозвалось на моемъ сердцѣ первое личное дѣло, первая личная моя обязанность, первая проба предъявить размѣры личной смѣлости жить на свѣтѣ, личной опрятности отношеній человѣческихъ, личнаго уваженія къ личности другихъ... И я пришелъ въ неописанный ужасъ... А общее, то, за которое я съ восхищеніемъ и съ жаждой готовъ былъ погибнуть? Я и теперь готовъ погибнуть, даже ощущаю бо́льшую жажду, чѣмъ прежде, но отъ этого общаго дѣла къ моему личному дѣлу—нѣтъ дороги, даже нѣтъ тропинки. Я стремлюсь погибнуть во благо общей гармоніи, общаго будущаго счастья и благоустроенія, но стремлюсь потому, что лично я уничтоженъ,—уничтоженъ всѣмъ ходомъ исторіи, выпавшей на долю мнѣ, русскому человѣку. Личность мою уничтожили и византійство, и татарщина, и петровщина; все это надвигалось на меня нежданно-негаданно, все говорило, что это нужно не для меня, а *вообще* для отечества, что мы *вообще* будемъ глупы и безобразны, если не догонимъ, не обгонимъ, не перегонимъ... Когда тутъ думать о *своихъ* какихъ-то правахъ, о достоинствѣ, о человѣчности отношеній, о чести, когда, что̀ ни «улучшеніе быта»—то только слышно хрустѣніе костей человѣческихъ, словно кофе въ кофейницѣ размалываютъ? Все это, какъ говорятъ, еще только фундаментъ, основаніе, постройка зданія, а жить мы еще и не пробовали; только-что русскій человѣкъ, отдохнувъ отъ одного улучшенія, сядетъ трубочку покурить, глядь—другое улучшеніе валитъ невѣдомо откуда. Пихай трубку въ карманъ и полѣзай въ кофейницу, если не удалось бѣжать во лѣса, лѣса дремучіе...

Такимъ путемъ въ тѣхъ россійскихъ жителяхъ, которые попадали въ кофейницу, не могло развиться по части эгоизма почти ничего; ни по отношенію къ себѣ, ни по отношенію къ другимъ русскій человѣкъ не могъ разработать болѣе или менѣе широко чувствительности своего сердца, и оно осталось такое же маленькое, звѣрушечье, какъ и было въ ту пору, какъ на него нагрянуло византійство. Но зато увѣренность въ необходимости жить, покоряясь чему-то не своему, чужому, тяжкому, служить, не думая о себѣ, какому-то, иногда совершенно невѣдомому, но надо всѣми одинаково тяготѣющему дѣлу, увѣренность въ томъ, что эта тягота есть самая настоящая задача и цѣль жизни,—это въ насъ воспитано необыкновенно прочно.

Такимъ образомъ, благодаря нашей исторической участи, люди, попавшіе въ кофейницу, выработали изъ себя не единичные типы, а «массы», готовыя на служеніе общему благу, общему дѣлу, общей гармоніи и правдѣ человѣческихъ отношеній. При чемъ каждому въ отдѣльности... *ничего не нужно*, и онъ можетъ просуществовать кой-какъ— кой-какъ по части семейныхъ, сосѣдскихъ, экономическихъ отношеній и удобствъ. Лично онъ перенесетъ всякую гадость, даже согласится сдѣлать гадость просто изъ-за куска хлѣба, оботрется послѣ оплеухи и т. д. И отдохнетъ душою только въ дѣлѣ общемъ, совершенно поглощающемъ его личность. Не знаю, есть ли подобныя черты въ такихъ, напримѣръ, общественныхъ дѣятеляхъ, какъ Бредло, Парнель. Мнѣ думается, что Парнелю и дома, и для себя, и для семьи, и для Жоржика нужно то самое дѣло, которое онъ дѣлаетъ въ парламентѣ; что парламентское, общественное дѣло начинается у него дома, въ немъ самомъ, въ личной потребности дѣлать его, въ личной жизни сердца, требующей такихъ именно ощущеній, какъ тѣ, которыя добываются его дѣломъ. Я думаю, что и Жоржику своему онъ скажетъ все, что дѣлаетъ и что думаетъ, и въ этихъ взглядахъ и воспитаетъ его. Онъ потому и начинаетъ проповѣдывать эти взгляды въ парламентѣ, что это ему нужно, чтобы чувствовать себя самимъ собой. Точно такъ же и Бредло. Человѣка этого каждый годъ избиваютъ по малой мѣрѣ два раза въ годъ и рвутъ на немъ не менѣе двухъ сюртуковъ, и онъ все-таки идетъ опять туда же, зная, что его будутъ опять колотить до синяковъ, и что онъ послѣ этой бойни сляжетъ въ постель, а можетъ, и умретъ. И здѣсь я думаю, что общественное дѣло, которое онъ дѣлаетъ, не покидаетъ его дома и въ семьѣ и въ обществѣ жены. Ему, его эгоизму, надобно добиться своего, и онъ претъ, несмотря ни на что.

У насъ же, напротивъ, есть множество общественныхъ дѣятелей, которые и шире по взглядамъ, чѣмъ этотъ упорный, односторонній человѣкъ, и взгляды ихъ справедливѣе, гуманнѣе по отношенію къ общественному благоустройству и благополучію; и стоятъ они за эти взгляды до такой степени ревностно, что малѣйшая литературная узость по отношенію къ ихъ широтѣ воззрѣній на народныя массы, на свойства народнаго духа и т. д. волнуетъ ихъ самымъ подлиннымъ образомъ. Они не хотятъ подать руки человѣку, который усомнится хотя бы въ общинномъ землевладѣніи,

а *сами лично* въ то же время, для собственныхъ дѣлишекъ и Жоржиковъ, не стыдятся содержать откупа и кабаки... Не знаю, содержатъ ли кабаки Парнель и Бредло, а что̀ касается насъ, то позволю себѣ сдѣлать маленькое отступленіе для того, чтобы привести весьма любопытный примѣръ для только-что сказаннаго.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Одессѣ, на бульварѣ на скамейкѣ сидѣли два человѣка и вели бесѣду о русскомъ народѣ. Одинъ изъ нихъ былъ старикъ, другой—помоложе. И вотъ что̀ говорилъ старикъ:

«Я по природѣ грекъ. Проживши немало на бѣломъ свѣтѣ, я сталкивался съ различными національностями: и съ нѣмцами, и съ французами, и съ итальянцами, и съ своимъ братомъ грекомъ, и вотъ въ чемъ вполнѣ убѣдился: по природному здравому смыслу или разуму, по отвагѣ, выносливости, нѣтъ ни одного народа, который бы стоялъ выше русскаго... Эти свойства души русскаго народа признаётъ весь свѣтъ. Но замѣтьте, что этотъ народъ еще молодой,—онъ еще не успѣлъ развить своихъ богатыхъ силъ, его роль еще впереди. И вотъ питейное наше дѣло поставлено теперь такъ, что оно неизбѣжно должно повести къ потерѣ тѣхъ высокихъ качествъ, которыми русскій народъ въ правѣ былъ гордиться передъ цѣлымъ свѣтомъ и которыя должны бы обезпечить за нимъ славную его будущность. Дѣло это объясняется очень просто. Теперь пошло поголовное пьянство, и чѣмъ дальше, тѣмъ эта зараза будетъ больше распространяться. Это одна изъ самыхъ прилипчивыхъ заразъ,—недаромъ писано: «пьянства яко яда бѣгай!». Дѣйствительно, это тотъ ядъ, который можетъ отравить и тѣло и душу... Вотъ подпили мужикъ и баба, а затѣмъ что̀? Вспомните: «не упивайся виномъ, въ немъ же есть блудъ». Не разъясняя этого очень естественнаго дѣла, я скажу, что отъ пьяныхъ супруговъ нельзя ожидать здоровыхъ и умныхъ дѣтей. Не знаю, какъ ваши науки говорятъ объ этомъ дѣлѣ, а мы, старики, съ опыта можемъ засвидѣтельствовать, что изъ дѣтей, зачатыхъ въ пьяномъ видѣ, выходятъ голые дураки и идіоты. Недостатки или пороки родителей наслѣдуются дѣтьми. Одно испорченное поколѣніе можетъ передать порчу нѣсколькимъ... Скажите же, чѣмъ Россія возвратитъ народный здравый разумъ?..»

Кто же сей старецъ, который высказываетъ такъ много глубочайшаго сочувствія къ русскому народу, такъ скорбитъ о его гибели, который такъ ненавидитъ водку, что

даже сочиняетъ собственный свой текстъ: «пьянства яко яда бѣгай»? Это не кто иной, какъ Д. Е. Бенардаки, бывшій откупщикъ, распродаватель этого «яко яда», этого напитка, отъ котораго погибаетъ здравый смыслъ народа,— яда, который искажаетъ физически цѣлыя поколѣнія, доводя ихъ до идіотства,—яда, который губитъ народъ первый въ мірѣ, которому предлежало бы блестящее будущее, если бы не этотъ ядъ, отъ котораго надо, по писанію, «бѣгать» и которымъ такъ однако долго торговалъ въ средѣ этого народа почтенный старецъ.

«Прошу васъ,—сказалъ старецъ въ началѣ разговора:— не смотрите на меня, какъ на бывшаго откупщика; я нажился отъ откуповъ, но буду говорить чистосердечно. Во-первыхъ, откупная система должна служить позоромъ для настоящаго времени, и я самъ не понимаю, какъ я рѣшился на послѣдніе откупа, за что и получилъ достойное наказаніе, потерявъ милліоны...»

(Ну, а если бы не потерялъ, а пріобрѣлъ?)

Извѣстный англійскій филантропъ Плимсоль всю жизнь и массу своихъ средствъ употребилъ на раскрытіе злодѣйствъ одной мошеннической шайки, наживавшейся полученіемъ страховой преміи за суда, погибшія въ океанѣ. Шайка отправляла завѣдомо гнилое судно, застраховавъ его предварительно въ значительной суммѣ и зная навѣрное, что судно должно погибнуть вмѣстѣ съ экипажемъ. Старикъ Плимсоль, не спуская глазъ и не покладаючи рукъ, не изъ года въ годъ, а изъ часа въ часъ слѣдилъ за этими плутами цѣлые годы и довелъ дѣло до парламента. Онъ убѣжденъ былъ, что шайка дѣлаетъ подлое дѣло, и преслѣдовалъ его виновниковъ неусыпно. Могъ ли бы онъ, будучи убѣжденъ, что дѣла этой шайки позорны, самъ вступить съ ней въ компанію и потомъ въ свое оправданіе говорить: «не понимаю, какъ могло это случиться...»? А у насъ это зачастую, и намъ не хочется только называть именъ, лично не брезговавшихъ грязью торговли кабацкимъ ядомъ, переносившихъ смрадъ сивушнаго пойла, наживавшихъ деньги отъ этого позорнаго дѣла, и въ то же время, въ смыслѣ общественныхъ дѣятелей и печальниковъ горя народнаго, доходившихъ до щепетильной обидчивости въ случаяхъ простого литературнаго противорѣчія ихъ широкимъ «упованіямъ» на боготворимый ими народъ.

Такова наша участь вообще. То, что называется у насъ всечеловѣчествомъ и готовностью самопожертвованія, вовсе

не личное наше достоинство, а дѣло исторически для насъ обязательное, и не подвигъ, которымъ можно хвалиться, а величайшее облегченіе отъ тяжкой для насъ необходимости быть просто человѣчными и самоуважающими. *Сами мы* привыкли, и насъ пріучила къ этому вся исторія наша, не считать себя ни во что, сами мы поэтому можемъ относительно *себя лично* допустить и перенести всякую гадость, помириться со всякимъ давленіемъ, вліяніемъ, поддаться всякому впечатлѣнію: «намъ лично ничего не нужно». Добиваться своего личнаго благообразія, достоинства и совершенства намъ трудно необыкновенно, да и поздно. «*Уведи* меня въ станъ погибающихъ!»—вопіетъ герой поэмы Некрасова «Рыцарь на часъ». И въ самомъ дѣлѣ: лучше увести его туда, а не то, оставьте-ка его съ самимъ собой, такъ вѣдь онъ отъ какого-нибудь незначительнаго толчка того и гляди шмыгнетъ въ станъ «обагряющихъ руки въ крови»... Тургеневская Елена въ «Наканунѣ» говоритъ: «Кто отдался весь, весь, *тому горя мало*... тотъ ужъ *ни за что не отвѣчаетъ. Не я хочу... то* хочетъ!». Видите, какое для насъ удовольствіе *не отвѣчать* за самихъ себя, какое спасеніе броситься въ большое справедливое дѣло, которое бы поглотило наше *я*, чтобъ это *я* не смѣло хотѣть, а иначе... оно окажется весьма мучительнымъ для собственнаго своего обладателя. Иначе оно—«горе»... Горя мало *не отвѣчать* за себя, имѣть возможность забыть себя, сказавъ: *не я* хочу, *то* хочетъ...

Да, «не отвѣчать»! «Лишь бы *мнѣ* не быть въ отвѣтѣ», «мнѣ *самому* ничего не надо!» и т. д. Эта черта до чрезвычайности сильна въ насъ, т.-е. во всѣхъ сословіяхъ, званіяхъ и состояніяхъ.

— Не согласны!—вопетъ сходка, вся гуртомъ, протестуя противъ выбора стараго старшины, явнаго вора и расхитителя.—Не желаемъ! Хотимъ Михайлу Петрова!

— Почему вы не желаете? — вопрошаетъ непремѣнный членъ, держащій руку стараго старшины.

— Не желаемъ! Будетъ!.. наѣлся!

— Хорошо. Эй, любезный!.. вотъ что съ краю-то, рыжій-то, — поди-ка сюда!

Рыжій идетъ.

— Тебя какъ звать?

— Кузьма Ивановъ...

— Ты чѣмъ недоволенъ старшиной?

— Да мы ничего...

— Что̀ онъ тебѣ сдѣлалъ худого?

— Что̀ я тебѣ когда худо дѣлалъ? — вопрошаетъ и старшина.

— Я... что-жъ? Я худова не видалъ...

— Такъ чѣмъ же ты недоволенъ?

— Да чѣмъ мнѣ?.. Какъ прочіе...

— Да не прочіе, а ты прямо отвѣчай: доволенъ ты или не доволенъ?

— Я доволенъ...

— Обиды тебѣ не было?

— Чего-жъ? Обиды я не видалъ.

— Ну, ступай. Слѣдующій! Тебя какъ звать?

«По одиночкѣ» всѣ — «ничего», «мы что-жъ?», «намъ нешто что̀?», «я худова не видалъ» — и старый воръ остается.

Или такъ еще.

Тотъ же старшина, еще только превращающійся въ вора, послѣ выборовъ на второе трехлѣтіе, обращается къ мірянамъ съ такими словами:

— Вотъ что̀ я вамъ скажу, почтенные господа міряне! Слава тебѣ Господи, хоть дѣло было мнѣ и вновѣ, а почитай что промашки никакой не было... Такъ ужъ вы, старички, набавочку мнѣ положьте. Я вѣдь не спуста къ вамъ говорю, а вотъ...

«Начинающій» ловкимъ жестомъ, какъ-то изъ-подъ бороды прямо въ боковой карманъ «пиньжака», извлекаетъ «портмонетъ», а изъ «портмонета» — жирненькую ассигнацію.

— Я вѣдь, почтенные, не спуста разговоръ завелъ, а вотъ отъ моихъ трудовъ двадцать пять рубликовъ на угощеніе, — пять, стало-быть, ведерокъ... а ужъ вы мнѣ не поскупитесь, накиньте, чтобы для аккурату ужъ круглое было число... Бросьте полторы сотенки, а ужъ я заслужу, своихъ въ обиду не дамъ!

И почти всегда такія воззванія имѣютъ успѣхъ. За двадцать пять рублей прибавятъ сто, полтораста рублей жалованья и такимъ образомъ наконецъ сами воспитаютъ дѣйствительнѣйшаго наглеца и вора. Прибавятъ потому, что въ отдѣльности никто не отвѣчаетъ за эту подлость; если же бы въ отдѣльности отвѣчали и свою нужду цѣнили такъ же, какъ и нужду сосѣда, то подлость поступка была бы совершенно ясна. Полтораста рублей дармоѣду, когда сейчасъ, въ ту же самую минуту, въ деревнѣ есть люди,

которымъ буквально «жрать» нечего, когда, напримѣръ, за поденную работу въ лѣсу, въ снѣгу и на морозѣ множество изъ этого «мы» берутъ по 15 к. въ сутки за рубку дровъ...

Пьянство на Руси не личное («намъ чего-жъ!.. съ чего пить-то?»), а мірское, общественное. Волостное правленіе пьянствуетъ, судъ, — словомъ, тамъ, гдѣ надо дать волю народной совѣсти, уму, — тамъ-то и водка; пьянство, такъ сказать, парламентское, а не единичное, даетъ главный доходъ казнѣ. «Самъ» никто не желаетъ спиваться, и пьяницъ-спеціалистовъ чрезвычайно мало. Пьютъ «вобче», «собча», потому никто за это одинъ-на-одинъ не отвѣчаетъ... и за подлости, которыя выходятъ изъ пьяныхъ мірскихъ приговоровъ, тоже нѣтъ никого «такъ, чтобы виноватаго».

— Доведись до *меня*, — скажетъ всякій изъ вотировавшихъ прибавку 150 р.: — доведись до меня, такъ я бы ему алтына не далъ, каковъ есть алтынъ, не токмо что... Кабы ежели *я-то!*

Что же послѣ этого можемъ мы *сами* и въ самомъ дѣлѣ воспроизвести хорошаго въ общественномъ смыслѣ, если мы можемъ только тяготиться своимъ *я*, постоянно убѣждаться въ его неразвитости, въ его узости, трусости, податливости, — словомъ, въ его почти полномъ уничтоженіи? И вотъ мы съ радостью и восхищеніемъ бросаемся туда, гдѣ можно лично не хотѣть покоряться велѣніямъ, которыя «*то*» захочетъ наложить на наши рамена, но сами мы такихъ явленій не создаемъ, потому что «самихъ насъ» нѣтъ. Нагрянетъ на насъ война и прикажетъ намъ помирать; охотно, съ восторгомъ готовы мы это сдѣлать, и мы тутъ безподобны; но лично изъ насъ, изъ нашего *я*, никакихъ благообразныхъ общественныхъ явленій пока не исходитъ: лично намъ «ничего не нужно»... Лично я могу переносить школу съ «гигіенической» скамейкой... Лично я могу терпѣть голодъ, насиліе, несправедливость... Лично я могу поддерживать несправедливость, дать взятку, примазаться по откупамъ... Лично я могу переносить глупую и пустую семейную жизнь, лично я знакомъ съ трусостью и т. п. Что же я внесу въ общественное дѣло? Чѣмъ я оживлю общественныя учрежденія? На чемъ я осную протестъ противъ общественныхъ неправдъ? У меня *лично нѣтъ матеріала для общественнаго дѣла*, и на дѣлѣ мы видимъ, что при безпрерывномъ гомонѣ, писаньи, толкотнѣ и разговорахъ объ общемъ благѣ, о народѣ и т. д. ровно ни-

чего человѣчески простого, нужнаго другимъ такъ же, какъ и мнѣ, не сдѣлано.

4.

Итакъ, около колыбели ребенка я, Тяпушкинъ, обнаружился вдругъ и неожиданно, какъ *я*, какъ существо отвѣтственное лично. И тутъ я оказался плохъ до невозможности. Тутъ я оказался способнымъ суживаться до ничтожества, даже враждовать противъ слишкомъ назойливыхъ требованій моей мысли о личномъ достоинствѣ и личной смѣлости въ предъявленіи человѣческихъ правъ... Я видѣлъ, что на этой почвѣ я могу пасть до ликующихъ, праздно болтающихъ, лгущихъ, врущихъ и спаивающихъ народъ напиткомъ, про который сказано: «*яко ядъ*». Но такому гнусному поведенію, такимъ гнуснымъ мыслямъ, такой гнусной перспективѣ будущаго противилась вся моя мысль, все, что̀ воспитано во мнѣ всей моей жизнью, послѣдней страницей. Терзаясь между полной невозможностью сдѣлать смѣлымъ и разностороннимъ мое *я* и глубокой жаждой жертвы въ пользу невѣдомаго еще, но, несомнѣнно, праваго, всеобще-необходимаго дѣла, я волей-неволей иногда приходилъ къ мысли, что виновникъ моихъ мукъ, виновникъ пробужденія моихъ личныхъ несовершенствъ — онъ, этотъ ребенокъ. И иногда, въ минуты полнаго отчаянія, мнѣ приходили мрачныя мысли...

Въ одну изъ такихъ минутъ я очнулся. Я открылъ въ себѣ способность мрачной злобы, увидѣлъ, что это мое же личное свойство, свойство моей личной неразвитости или забитости, и сразу навсегда, на вѣки вѣковъ, рѣшилъ, что я не могу, не въ правѣ жить этой жизнью... Ошибка сдѣлана, ее не поправишь... Но я не могу быть тутъ. Мнѣ именно нужно быть тамъ, идти туда, зная, что *не я* хочу — *то* хочетъ... Я былъ изъ числа такихъ образцово-убитыхъ въ личномъ отношеніи людей, что положительно иногда какъ бы даже ждалъ приказанія. Вотъ-вотъ отворится дверь, войдетъ городовой и скажетъ: «Приказано, чтобы по воскресеньямъ всѣ грамотные господа шли на фабрику учить народъ читать, писать... Довольно прокладаться». Или: «Велѣно, которые безъ мѣстъ и грамотные, гнать на Ладоцкій каналъ наблюдать, чтобы народъ не грабили, не морили, чтобы честно разсчитывались. Довольно ему зря-то пропадать» и т. д. Вообще я думалъ, что потребуется масса, несмѣтная масса народу, нужнаго въ то мгновеніе

для освобожденной деревни на всякую потребу, на службу началу обновленія, началу личности.

Да, я убѣдился тогда, что въ этомъ служеніи — начало нашей русской интеллигентной личности, начало нашего эгоизма. Въ этомъ отношеніи мы очень счастливы тѣмъ, что нашъ эгоизмъ смиренъ и подавленъ, что мы прямо можемъ, не жертвуя ничѣмъ, приняться за работу въ самомъ дѣлѣ; для насъ это — облегченіе, счастье, прекращеніе горя... Но надо работать. Надо въ самомъ дѣлѣ выгонять зло изъ всѣхъ угловъ, въ самомъ дѣлѣ войти въ нужду, въ страданіе, въ самомъ дѣлѣ учить, въ самомъ дѣлѣ лѣчить, давать хлѣбъ, настоящій хлѣбъ, — тотъ, который можно ѣсть, кровъ, подъ которымъ можно жить. Все тутъ должно быть непремѣнно начато съ полнѣйшей внимательности и правды, и непремѣнно на дѣлѣ: въ этомъ опытѣ я, повторяю, видѣлъ начало нашего личнаго благообразія, начало дѣйствительныхъ, серьезныхъ, общественныхъ интересовъ, начало смысла въ семьѣ, въ школѣ, въ воспитаніи дѣтей... Для начала этой новой, жизненной, правдивой божеской эры я ждалъ сильной, могучей поддержки, защиты, права быть смѣлымъ и искреннимъ.

Но меня никто не звалъ. Городовой не приходилъ. На Ладоцкомъ каналѣ опаивали и обсчитывали, на фабрикахъ не слышно было ни о какомъ просвѣщеніи. Напротивъ, чуялось, что отъ этого «подвига» (по-моему, это неизбѣжная необходимость) по какому-то недоразумѣнію отклоняли. Городовой говоритъ: «не велѣно пущать», и видно, что дѣло идетъ совсѣмъ не къ тому, а къ программѣ жить въ *свое* удовольствіе. Это мнѣ показалось неудобнымъ и неполезнымъ. Свое удовольствіе — но вѣдь это даже и малѣйшей работы мысли не требуетъ! Эгоистически неразвитое сердце не разовьется на своемъ удовольствіи, — вѣдь все по этой части ужъ обдѣлано другими, все готово: отъ платья до напитка и языка; весь ритуалъ «своего удовольствія» — готовый, европейскій. Итакъ, если насъ обезличивала старая исторія византійствомъ, татарщиной, петровщиной и т. д., то было страшно представить себѣ, что и новая также захочетъ не о правѣ самостоятельнаго развитія, а предлагаетъ готовую совсѣмъ, во всѣхъ деталяхъ выработанную промышленность, кредитъ и даже «свое удовольствіе». Вѣдь от всѣхъ этихъ готовыхъ удобствъ можно съ ума сойти, можно возопить наконецъ не своимъ голосомъ: «Уведи меня!».

не готовымъ, не шаблоннымъ, а оригинальнымъ ока-

зывался только одинъ путь — обновленіе самого себя реальной работой для реальной справедливости въ человѣческихъ отношеніяхъ; исходный пунктъ этой работы былъ для меня чрезвычайно простъ; можно ли умирать кому-нибудь съ голода? Нѣтъ. Ну, и надо дѣлать, чтобы не умирали. Хорошо ли такое явленіе, какъ проституція? Нѣтъ. Стало-быть, не надо, чтобы она была. Нравится вамъ типъ вора? Нѣтъ. Надо, чтобы его не было. А типъ убійцы, а типъ тонкаго хищника, а невѣжество вольное и невольное?.. Нѣтъ. Надобно идти туда, гдѣ никто ничего, такъ же, какъ и я, не знаетъ, гдѣ кишитъ нужда въ тысячахъ вещей, идти туда и дѣлать то, что̀ велитъ жизнь. Что̀ именно должно выйти,— я не зналъ, но зналъ, что именно отсюда только и выйдетъ смыслъ моего существованія, и смыслъ моего слова, и смыслъ и серьезность жизни вообще

И я ушелъ...

. . . . . .

Съ этихъ поръ въ жизни моей начинается совершенно новый періодъ, начинается «опытъ», не окончившійся и до настоящаго времени. О результатахъ этого опыта я разскажу со временемъ; теперь же мнѣ необходимо сказать нѣсколько словъ въ объясненіе связи послѣднихъ страницъ съ первыми страницами настоящихъ очерковъ. На этихъ страницахъ изображено нѣсколько сценъ изъ текущей дѣйствительности, сущность которыхъ — внутренняя безрезонность и страшная тягота общаго впечатлѣнія. Мнѣ кажется, что такое положеніе дѣлъ есть плачевный результатъ плачевнаго недоразумѣнія, вслѣдствіе котораго «обязательное» для насъ почему-то превратилось въ запретное и недопускаемое.

НЕВИДИМКИ.

I. Слѣпой пѣвецъ.

Изъ путевыхъ замѣтокъ.

I.

Едва только грѣховодникъ Купонъ прикоснется своею антихристовою печатью къ тихой степной станицѣ или тихому черноземному селу, на тихой рѣкѣ, и запечатлѣетъ это прикосновеніе, бросивъ на тихомъ берегу пароходную пристань, а въ привольной степи — станцію или вокзалъ желѣзной дороги,—такъ съ той же минуты и въ станицѣ и въ селѣ начинаетъ твориться что-то никогда небывалое, никому неизвѣстное и, главное, нѣчто такое, чему никакъ нельзя не повиноваться. Какая-то невѣдомая сила разламываетъ бѣленькіе уютные домики, утопавшіе въ зелени тополей, и строитъ огромнѣйшіе, столичнаго фасона дома; строитъ одно зданіе вслѣдъ за другимъ, безъ отдыха и остановки, наполняетъ эти зданія гостиницами, огромными, невиданными прежде магазинами, изъ которыхъ какъ бы сами собой лѣзутъ и сами собой надѣваются на всѣхъ, попросту одѣтыхъ обывателей, новые, небывалые костюмы, пиджаки, визитки, всякія необыкновенныя шляпы, турнюры. Невѣдомая сила, не говоря ни слова, не приказывая черезъ полицію, начинаетъ выгонять мирныхъ жителей, проводившихъ тихіе лѣтніе вечера за игрою въ дурачки, въ кафешантаны, въ загородные сады, заставляетъ слушать шансонетки на непонятномъ языкѣ, учитъ не стыдиться короткихъ, выше колѣнъ, юбокъ, выразительныхъ движеній акробатовъ и наѣздниковъ цирка, и сразу, по щучьему велѣнью,

гипнотизируетъ массы скромныхъ и совершенно невинныхъ дѣвушекъ, дочерей мѣстныхъ обывателей, выгоняя ихъ на новый промыселъ на новомъ тротуарѣ. Вчера одна изъ этихъ невинныхъ дѣвушекъ думала выйти замужъ за дьячкова сына или за приказчика въ овощной лавкѣ, получающаго три рубля; другая собиралась торговать калачами, а третья и ея подруга совсѣмъ было-рѣшили идти въ монастырь. Но пришелъ антихристъ, изумилъ тысячами неожиданностей, прервалъ и уничтожилъ всѣ мысли, воспитанныя исконною жизнью, въ тихой семьѣ тихой станицы, тихаго села, и, оставивъ безъ своихъ мыслей, «внушилъ» страхъ «пропасть», живя съ пустыми руками, осрамилъ простой самодѣльный нарядъ, осрамилъ наивныя мечты быть счастливой съ приказчикомъ, съ дьячковымъ сыномъ, и вытащилъ, почти безъ сопротивленія, точно виноватыхъ въ невѣжествѣ и бѣдности, въ сады, въ «шантаны», на гулянья, въ номера, закабалилъ одеждой, шляпкой, зонтикомъ, ботинкомъ съ каблучкомъ.

Такого рода послѣдствія прикосновенія антихристовой печати къ тихимъ уголкамъ русской земли большею частью привѣтствуются людьми безразличнаго образа мыслей о себѣ и ближнемъ, какъ радостныя событія, какъ благодатный дождь, оросившій пустынныя мѣста и пробудившій въ нихъ жизнь; но въ комъ есть капля чувства, чтобы ощущать въ дѣлахъ человѣческихъ разницу между «медомъ» и «дегтемъ», между добромъ и зломъ, тому нельзя, безъ ощущенія кровнаго огорченія, равнодушно смотрѣть на эти внезапныя, мгновенныя процвѣтанія нашихъ тихихъ селъ, тихихъ станицъ. Приглядѣвшись и притерпѣвшись на своемъ вѣку ко всякимъ жестокостямъ жизни и даже привыкнувъ немалое количество ихъ почитать «неизбѣжными фазисами», я всетаки не могъ не испытать, при видѣ этихъ внезапныхъ процвѣтаній, того самаго ощущенія, которое иногда выносилось съ кладбища, гдѣ только-что зарыли милаго и симпатичнаго человѣка. Два года тому назадъ онъ, милый человѣкъ, былъ живъ, сидѣлъ, веселый и здоровый, подъ этимъ окномъ, любовался вечеромъ и тополемъ; сидѣлъ онъ въ одной рубахѣ, распоясанный, и отъ жары былъ даже босикомъ, но, главное, онъ былъ простъ, добръ, веселъ и, еще главнѣе, былъ живъ. А теперь онъ одѣтъ, застегнутъ, обритъ, причесанъ, но уже мертвъ, блѣденъ, съ истощеннымъ лицомъ, хотя и въ красивомъ, глазетовомъ, позолоченномъ гробу.

Хорошо, весело было проѣхать по грунтовымъ дорогамъ Кубанской области, когда еще «чугунка» только строилась и только еще носились слухи, что она «когда-то будетъ». Что будетъ послѣ этого, никто не зналъ, да и не думалъ объ этомъ. Овощный приказчикъ вполнѣ еще вѣрилъ въ свой предстоящій бракъ, и невѣста его терпѣливо ждала того дня, когда ея женихъ наживетъ пятнадцать рублей, чтобы заплатить за свадьбу. Тихо тянулись свѣтлые. несуетливые дни; солнце не спѣша шло по небу цѣлый Божій день; не торопилось оно и начинало садиться лишь тогда, когда уже видѣло, что стала позѣвывать вся Кубанская область. Для шутливаго разговора, отъ котораго даже и въ старикахъ играла жизнь, времени хватало ничуть не меньше, чѣмъ на работу. Но прошло два года, припечаталъ антихристъ къ «тихому мѣсту» шумный вокзалъ, и вся эта благодать пошла прахомъ. За огромными зданіями пропала древняя станичная церковка; ранній, до заутрени, унылый, тревожный, пронзительный свистъ паровика поглотилъ скромные, рѣдкіе, осторожные звуки колокола, начинавшаго призывомъ къ «заутренѣ» тихій станичный день; пропала мягкая дорога, и каждое колесо затрещало, загремѣло по каменной мостовой; суета, огни, суматоха встрѣчныхъ и поперечныхъ пиджаковъ, шляпъ, турнюровъ, зонтиковъ. Суматоха безъ разговоровъ, молчаливая, дѣловая; молчаливая, скучная, задумчивая, обремененная антихристовыми печатями толпа, снующая по гуляньямъ, бульварамъ, циркамъ, снующая подъ звуки скрипокъ, духовыхъ инструментовъ, подъ хлопанье турецкаго барабана, который будто всѣми силами старается растолкать этотъ удрученный антихристовою печатью народъ. Нѣтъ, это уже гробъ глазетовый, обитый серебряною парчей, и въ немъ уже не живой, хотя и разукрашенный, покойникъ.

2.

Въ такомъ-то новоявленномъ, внезапно процвѣтшемъ городѣ Кубанской области пришлось мнѣ, года два тому назадъ, прожить цѣлую недѣлю. Передъ этимъ я былъ въ немъ еще двумя годами раньше, и хотя въ немъ и тогда были уже замѣтны кое-какіе слѣды пришествія антихриста (новая гостиница, какая-то панорама и лотерея), но все это было еще въ самомъ слабомъ намекѣ и вовсе не мѣшало вполнѣ ясно ощущать и видѣть жизнь большой, обильной довольствомъ станицы, тихаго, простого, лѣниваго но не

купленнаго и не проданнаго уголка. Несказанно пораженъ былъ я блескомъ глазетоваго гроба, когда заглянулъ сюда еще черезъ два года послѣ перваго посѣщенія: степной городъ, т.-е. большая, богатая станица, былъ уже припечатанъ антихристомъ къ Новороссійской желѣзной дорогѣ, чрезъ станцію Тихорѣцкую былъ уже скованъ рельсовыми желѣзными объятіями со всею Россіей, а чрезъ Черное море и Новороссійскій портъ—со всѣмъ бѣлымъ свѣтомъ. Онъ уже присосался ко всему бѣлому свѣту, и бѣлый свѣтъ присосался къ нему. И уже жадно пьютъ они другъ изъ друга «свѣженькую кровушку».

Не будь у меня самой настоятельной необходимости прожить въ этомъ городѣ недѣлю и не имѣй я въ это время работы, которая приковывала меня къ столу и почти не выпускала изъ номера новой гостиницы,—я не знаю, какъ бы я пережилъ эту недѣлю тоски, при видѣ преобразованной въ городъ станицы и тихой станичной *жизни* въ шумную, трескучую городскую суету-суетъ. Но, хотя обязательная работа и держала меня почти постоянно въ номерѣ гостиницы у стола и у пера, все-таки нельзя было не выходить на улицу. Палящій іюльскій зной раза три, а то и четыре въ день непремѣнно выгонялъ меня на Кубань въ купальню, и тогда я волей-неволей долженъ былъ видѣть реформированную Купономъ жизнь новаго города. Путь мой изъ гостиницы на Кубань лежалъ по большой улицѣ, мимо училища и собора, мимо цѣлаго ряда новенькихъ съ иголочки магазиновъ, кондитерскихъ, конторъ нотаріусовъ, мимо вывѣсокъ ссудныхъ кассъ, зубныхъ врачей, парикмахерскихъ и т. д., вплоть до третьяго перекрестка, обогнувъ который я уже шелъ до Кубани по прямой линіи, мимо большой базарной площади, бывшей въ это время положительно человѣческимъ рынкомъ.

Въ особенности было многое множество станичныхъ молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ (старухъ вѣдь не берутъ на работу), которыхъ всякаго рода «арендатели» буквально расхватывали цѣлыми толпами на полевыя работы. Въ это время во всѣхъ направленіяхъ дорогъ, идущихъ къ Темрюку, къ Крымской станицѣ и за Кубанью, постоянно мчались фуры и всякаго рода повозки, нагруженныя этимъ живымъ товаромъ; человѣкъ по восьми, по десяти молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ сидятъ, свѣсивъ голыя ноги по бокамъ фуры, и иногда пѣсни поютъ, а иногда молчатъ, точно бараны, которыхъ везутъ на продажу и которые не пони-

маютъ, что съ ними дѣлаютъ. Огромное количество ихъ везутъ на табачныя платанціи, огромное количество ихъ поглощаетъ Ростовъ на табачныхъ фабрикахъ, огромное количество ихъ, тысячами, моетъ въ Дону овечью шерсть. Все это приходитъ полное цвѣтущаго здоровья, приноситъ съ собой дѣтскую способность придавать труду оттѣнокъ простой, изящной, радостной игры, но какъ все это гибнетъ, какъ все это истаптывается подъ ногами Купона, какъ все это рвется въ клочья! Одни разсказы о пришлыхъ и уже отвѣдавшихъ благъ Купона рабочихъ, о томъ, что творится съ этими молодыми женщинами на однѣхъ только табачныхъ плантаціяхъ, которые мнѣ пришлось слышать, производятъ непередаваемое словами, кровное огорченіе; и вѣдь съ дѣтскимъ весельемъ, даже, пожалуй, съ пѣснями, постепенно только замирающими, гибнутъ онѣ. Сколько молодой, живой силы, могучаго здоровья чувствуешь, бывало, въ этой сплошной массѣ молодого рабочаго народа, пробиваясь сквозь ихъ плотные ряды (они тѣснятся около какого-нибудь «арендателя») по дорогѣ въ купальню. Раннимъ утромъ ихъ бывало на базарѣ буквально видимо-невидимо. Точно изъ бани жарко натопленной выйдешь, выбравшись изъ океана этой продающейся, живой человѣческой силы, и тутъ же, на каждомъ шагу, видишь, какъ эта сила выматывается изъ человѣка.

Вся правая сторона базара застроена новыми домами, переполненными всякаго рода питейными заведеніями; портерная смѣняется кабакомъ, кабакъ—трактиромъ безъ машины, а этотъ послѣдній смѣнился огромнымъ вертепомъ, съ неустанно-ревущимъ оркестріономъ, конечно, дешеваго издѣлія. Во всякое время дня, особливо въ самые ранніе часы, въ часы похмелья «послѣ вчерашняго», и вечеромъ, послѣ оконченной работы, для похмелья завтрашняго,—всѣ эти пьяныя мѣста бывали переполнены народомъ обоего пола и всякаго возраста; въ окна, открытыя отъ жары, духоты, трактирнаго кухоннаго смрада, видны были толпы рабочаго народа, кучами облипавшаго крошечные трактирные столики. Городъ «процвѣталъ» не по днямъ, а по часамъ, строился, красился, прифранчивался на всѣ манеры, и рабочій народъ валилъ сюда тысячными толпами. Пьянаго народа, горланящаго пѣсни или безпомощно склонившагося надъ столомъ, свѣсившаго голову за спинку стула, какъ изъ мужчинъ, такъ и изъ женщинъ, даже изъ самыхъ юныхъ дѣвушекъ, всегда было во всѣхъ этихъ заведеніяхъ множе-

ство. Пришлый народъ зарабатывалъ и пропивалъ, входилъ въ случайныя связи, совращалъ и самъ совращался съ пути. Много всякаго безобразія приходилось мнѣ видѣть въ открытыя окна заведеній каждый разъ, когда я шелъ на Кубань, и, подъ конецъ моего пребыванія, положительно едва могъ переносить эти ревущіе звуки орга̀новъ, эти уханья барабана, мѣдный скрежетъ органныхъ тарелокъ, аккомпанировавшихъ угасанію живой силы въ сивухѣ и въ грубомъ распутствѣ.

Наконецъ, слава Богу, насталъ день отъѣзда. Поѣздъ отходилъ днемъ; часа за полтора до отъѣзда я заглянулъ на почту и въ первый разъ, въ теченіе недѣли, имѣлъ случай пройти по городу необычнымъ для меня путемъ. Возвращался я черезъ базаръ, но уже съ противоположнаго конца, и долженъ былъ перейти его весь и поперекъ. Въ этомъ концѣ звуки неистовствовавшаго орга̀на были почти совершенно не слышны; по временамъ только едва-едва слышалось его гудѣнье и только въ такихъ случаяхъ, когда въ немъ сразу занеистовствуетъ очень уже много инструментовъ. Но, среди непривычной тишины, въ этомъ углу базара неожиданно стали слышаться откуда-то какіе-то иные звуки, унылые и трогательные. Они такъ были неожиданны послѣ пьянаго кабацкаго рева и грохота трактирныхъ машинъ, что я невольно остановился и прислушался. Звуки ясно доносились до меня и ясно напоминали звуки церковнаго орга̀на. Что-то глубоко одолѣвающее душу горькою печалью слышалось въ нихъ, хотя они были какъ-то отрывочны и, прозвучавъ, растрогавъ, замолкали на нѣсколько мгновеній. Скоро я уловилъ тотъ пунктъ, откуда они доносились, и пошелъ по ихъ направленію. Огромная толпа народа окружала то мѣсто, откуда они шли и слышались все яснѣе и яснѣе, но, къ сожалѣнію, замолкли въ то время, когда я сталъ торопливо проталкиваться опять сквозь ту же горячую, сплошную массу человѣческихъ тѣлъ.

3.

Звуки замолкли, толпа замерла въ благоговѣйномъ молчаніи, а я увидѣлъ слѣдующее: прямо на землѣ, то-есть на толстомъ слоѣ сухого навоза, стоялъ, покосившись набокъ, старый-престарый гармоніумъ. Отъ дождей, отъ ветхости онъ былъ самаго жалкаго вида; задняя часть, для защиты механизма отъ пыли, была кое-какъ завѣшена грязнымъ лоскуткомъ пестрой фланели, повидимому, вырѣзаннымъ изъ

женской юбки; какое-то дорогое дерево, которымъ былъ когда-то отдѣланъ инструментъ, мѣстами было совершенно ободрано, а мѣстами вздулось пузырями и уже лопнуло. Подвижные бронзовые подсвѣчники были отломлены, а наверху инструмента стояла деревянная чашка, точь въ точь такая, какую протягиваютъ прохожему, прося подаянія, слѣпые нищіе.

За этимъ жалкимъ инструментомъ сидѣлъ слѣпой человѣкъ, полный, какъ бы отекшій, слегка рябой. Куча густыхъ черныхъ волосъ, топорщась на затылкѣ, закрывала весь его лобъ. Песокъ густо напитался въ эти густые волосы, густо покрывалъ инструментъ и весь нищенскій костюмъ (рваный пиджакъ и грязную рубаху съ разстегнутымъ воротомъ) слѣпца. Онъ сидѣлъ на старомъ, мягкомъ, но тоже совершенно оборванномъ креслѣ и, повидимому, отдыхая, нюхалъ изъ тавлинки табакъ. Несмотря на его впалые, мертвые глаза, лицо его не носило отпечатка горя или несчастья, напротивъ, оно было самое добродушное, веселое, даже до того веселое, что ослабляло тѣ впечатлѣнія печали, которыя доносились отъ мѣста, гдѣ былъ слѣпецъ и его гармоніумъ. Онъ какъ бы не замѣчалъ, что онъ слѣпъ, и, повертывая въ жирныхъ, короткихъ, хотя, признаться, грязныхъ-прегрязныхъ пальцахъ свою березовую тавлинку, разговаривалъ съ народомъ всегда съ легкою улыбкою на губахъ.

А къ нему подходили изъ толпы разные люди довольно часто.

— Отпойте, будьте милостивы, нашей Корсунской!— робко, почти шопотомъ, проситъ старенькій крестьянинъ, подходя къ гармоніуму безъ шапки и кладя въ деревянную чашку пятакъ.

— «Заступница усердная»?—спрашиваетъ слѣпецъ, поворачивая лицо какъ разъ въ ту сторону, гдѣ шепчетъ крестьянинъ, и уничтожая этою чуткостью слуха всякую тѣнь непріятнаго впечатлѣнія его слѣпоты.

— Ужъ будьте добрые, нашей Корсунской! Не прочимъ какимъ...

— Прочихъ, душа моя, никакихъ нѣтъ!—поплотнѣй привалившись спиной къ креслу и понюхивая табакъ, ужъ прямо съ улыбкой, добродушнѣйшимъ голосомъ, начинаетъ онъ разсуждать.—Есть это у васъ упрямство: то Корсунской, то Почаевской, то Владимірской... Упорство этакое, чтобы «нашей»!.. Отпой «нашей», а не чужой!

Слышатся въ толпѣ какіе-то голоса и возраженія, но сразу ихъ не поймешь.

— Никакихъ «прочихъ» нѣтъ, а есть одна Владычица Богородица! Одна! Въ тысячахъ мѣстахъ Она являлась, а все одна, и во всѣхъ мѣстахъ Ей одна похвала.—«Заступница усердная, Мати Господа Вышняго!» И нѣтъ ничего больше... «Нашей»!.. Одна Она Владычица!

Слѣпецъ крѣпко понюхалъ и отеръ носъ скомканнымъ платкомъ непостижимаго цвѣта.

— Ну, пущай ужъ! Отпойте хошь!

— Вотъ такъ бы и надо!

Слѣпецъ потеръ носъ и прибавилъ:

— Отпою! Очереди надо погодить... Раньше псаломъ просили...

Во время этого разговора изъ толпы постоянно выходили крестьяне, казаки, мужчины, женщины, и клали деньги въ чашку. Одинъ высокій русскій мужикъ, плотникъ, съ инструментами и мѣшкомъ за спиной, поспѣшно проходя мимо толпы и слыша разговоръ о божественномъ, оглядѣлъ все это, минуту пораздумалъ, потомъ, быстро снявъ шапку, перекрестился, проворно вынулъ изъ кошелька двѣ копейки, положилъ ихъ въ чашку и, взявъ оттуда копейку сдачи, поспѣшно пошелъ «по своимъ дѣламъ». Деньги каждую минуту звякали въ чашку, каждую минуту люди подходили и просили отпѣть либо то, либо другое («Упокой, Господи, душу раба Твоего...» и пр.), а слѣпецъ сидѣлъ, поигрывалъ табакеркой, очевидно, ясно ощущая каждый звукъ копейки, падающей въ чашку, и, повидимому, вовсе не скучно себя чувствовалъ.

Изъ среды обыкновенной массы рабочихъ и деревенскихъ людей, которые толпились около слѣпца, иной разъ выдѣлялись какія-то странныя личности бродяжнаго, безпріютнаго типа, доказывая постороннему наблюдателю, какъ много въ народѣ этихъ странствующихъ оригиналовъ и какъ мало мы знаемъ нашъ народъ, понимая его только какъ земледѣльца. Неожиданно подошелъ изъ толпы какой-то рослый дѣтина; блестящіе, возбужденные, какъ у дервиша, глаза, раскрытая, опаленная солнцемъ грудь, нищенскій костюмъ, мѣховая рыжая шапка и какія-то сумки, повѣшенныя черезъ оба плеча справа и слѣва, и наконецъ длинный, въ ростъ человѣка, посохъ, — все это говорило, что человѣкъ этотъ какой-то фанатикъ скитальчества, безпокойный искатель чего-то, а пожалуй, и проповѣдникъ.

Послѣднее подтвердилось очень скоро. Протолкавшись

сквозь толпу, онъ протянулъ слѣпцу руку, на которой не было двухъ пальцевъ, и сказалъ нервно и торопливо:

— Возьми руку-то!.. Пощупай!.. Что̀? узналъ?

Слѣпой нѣсколько секундъ молча ощупывалъ руку и вдругъ, какъ будто что-то вспомнивъ, весь просіялъ и съ юношескою улыбкой обернулся въ сторону странника.

— А-а-а! Кузнецовъ? Ты, что ли?

— Я, я, я, Кузнецовъ! Вспомнилъ?

— Какъ не вспомнить!.. Ну, какъ же ты? Откуда? Куда?

Но, пока слѣпой говорилъ это, Кузнецовъ уже кричалъ ему:

— Не говори! не спрашивай! Нельзя намъ при народѣ болтать!.. Понимаешь? Одно—всѣмъ укажу пути! Всѣмъ пути укажу!.. Молчи, не разговаривай! Понимаешь?

Кузнецовъ вырвалъ у слѣпца руку и рванулся въ толпу, а слѣпой опять понюхалъ табаку, тихо разсмѣялся и, слегка повернувъ голову въ ту сторону, гдѣ онъ ощущалъ присутствіе Кузнецова, смѣшливымъ тономъ сказалъ ему:

— Эхъ, Кузнецовъ, Кузнецовъ!.. Все ты, я вижу... пути все у тебя! Ужъ ежели мы съ тобой пути будемъ показывать, такъ всѣ, братъ, отъ насъ разбѣгутся!.. Пути!

И слѣпой засмѣялся, но Кузнецовъ попрежнему, еще не дослушавъ его словъ, опять кричалъ:

— Молчи, молчи! не говори! Укажу, укажу пути! Оставь! Прощай!

— Ай идешь?

— Иду, прощай! Спаси тебя Христосъ! Укажу!

— Ну, съ Богомъ!

Слѣпой еще разъ со смѣшкомъ сказалъ: «пути!», затѣмъ протянулъ руку къ чашкѣ, ссыпалъ изъ нея деньги въ горсть и положилъ ихъ въ боковой карманъ; потомъ торопливо понюхалъ табаку, отеръ носъ съ тѣмъ же пріемомъ и, подвинувшись съ кресломъ немного впередъ, спросилъ толпу:

— Кто желалъ: «Помилуй мя, Боже»?

Послѣ незначительнаго молчанія какой-то мужичокъ выдѣлился изъ толпы и почти шопотомъ сказалъ:

— Мы.

— Ну, вотъ, извольте.

4.

Слѣпой придвинулся съ кресломъ къ инструменту, протянулъ руки къ клавишамъ, низко нагнулся надъ ними, и въ ту же минуту лицо его приняло умное, даже глубокоумное выраженіе. Тихимъ речитативомъ, тихимъ и мягкимъ

теноромъ, онъ не пропѣлъ, а съ глубокимъ чувствомъ произнесъ медленно, вразумительно, первый стихъ псалма: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя!».

Осторожное прикосновеніе къ клавишамъ, двумя-тремя тягучими скорбными нотами, придало этому покаянному вздоху рыдающее выраженіе,—и толпа была сразу взята этими звуками «за душу», «за живое». Приходилось мнѣ бывать на богослуженіяхъ въ католическихъ соборахъ за границей, въ Парижѣ, Кёльнѣ; сравнивать музыку церковныхъ орга̀новъ съ музыкой ветхаго гармоніума на базарной площади, конечно, было бы дѣломъ «неумственнымъ», но мнѣ кажется, что въ речитативахъ и музыкѣ базарнаго пѣвца было одно несомнѣнное достоинство: речитативы его возбуждали въ толпѣ *понятныя* ей душевныя мýки и скорби, прямо проникали въ душу, въ совѣсть слушающей толпы; въ речитативахъ слѣпца звуки только усиливали смыслъ и значеніе какъ бы пересказываемыхъ имъ, душевныхъ терзаній псалмопѣвца. Красота, сила и могущество *звуковъ* орга̀на и хора поглощаютъ простой и трогательный смыслъ *слова*, выраженнаго въ духовной пѣснѣ. Эти звуки орга̀на и хора волнуютъ, потрясаютъ, то радуютъ, то разжалобливаютъ, но дѣйствуютъ главнымъ образомъ только на нервы слушателя, волнуя ихъ неясно сознаннымъ, хотя и могущественнымъ впечатлѣніемъ. Великолѣпный архіерейскій хоръ въ нашемъ православномъ каѳедральномъ соборѣ также потрясаетъ только нервы слушателей, стремясь къ тому, чтобы въ сильные моменты религіознаго пѣнія громокипящими звуками былъ переполненъ весь огромный храмъ, вплоть до самой дальней глубины всѣхъ четырехъ куполовъ. «Хорошо!»— говорятъ знатоки хорового пѣнія, когда дьяконъ сумѣетъ расколоть своимъ многолѣтіемъ нѣсколько аршинныхъ стеколъ въ окнахъ собора. И точно хорошо, даже, какъ выражаются любители, «любо-два».

Но все это ничто сравнительно съ вразумительнымъ, задушевнымъ пересказомъ внятными, *понятными* каждому живому человѣку словами, который сразу захватилъ за душу всю толпу простого народа, какъ только слѣпецъ произнесъ первое слово и усилилъ его осторожнымъ, въ мѣру взятымъ, простымъ, подходящимъ къ смыслу слова звукомъ своего полугнилого гармоніума.

Омой меня отъ беззаконія моего и отъ грѣха моего очисти меня...
Беззаконія мои я сознаю и грѣхъ мой всегда предъ Тобою...
Я въ беззаконіи зачатъ и во грѣхѣ родила меня мать моя...

Когда, при какихъ условіяхъ русскій простой человѣкъ, этотъ вѣчный недоимщикъ, неплательщикъ, этотъ постоянный разрушитель довѣрія къ Россіи крупныхъ финансовыхъ фирмъ, постоянный напоминатель всему отечеству о предстоящихъ неурожаяхъ, засухахъ, голодовкахъ,—когда это существо, съ представленіемъ о которомъ всегда мерещится какое-то и чего-то разореніе, изможденіе, непосильное растрачиваніе силъ, питаемыхъ мякиной, древесною корой,—когда и при какихъ наилучшихъ обстоятельствахъ своей жизни могло бы это существо хоть только ознакомиться съ ощущеніемъ своего личнаго паденія, грѣха, личною скорбью о самомъ себѣ? Тотъ же псаломъ весь вѣкъ бормоталъ ему сельскій приходскій дьячокъ, также въ недалекомъ отъ него разстояніи—съ клироса, и также съ цѣлью наполнить звуками «кумполъ» сельской церкви. О покаяніи во грѣхахъ и батюшка упоминалъ передъ великимъ постомъ съ амвона. И каяться ходилъ всякій изъ этой блуждающей по лицу земли русской толпы простого народа, плетущагося за кускомъ хлѣба, за пропитаніемъ для своего семейства... Но никогда никто изъ всей этой темной, удрученной кускомъ хлѣба массы не ощущалъ самого себя и не задумывался надъ самимъ собой, надъ своею совѣстью, надъ своею душой въ такихъ огромныхъ, неожиданныхъ размѣрахъ, какъ это заставилъ его невольно ощутить простой, задушевный, выразительный пересказъ базарнымъ музыкантомъ понятныхъ всякому живому человѣку словъ о понятныхъ человѣческихъ грѣхахъ и скорбяхъ.

Слова, исходящія изъ страдающей души человѣческой и проникающія въ такую же страдающую душу, которая никогда не придавала имъ никакого значенія, да и теперь лишь ощущаетъ только то, что затронуто что-то горькое въ душѣ,—эти слова на неизмѣримо-далекое разстояніе унесли всѣ мысли толпы отъ ея ежеминутной, вѣковѣчной трудовой маяты. Толпа вся состояла изъ тѣхъ же самыхъ трактирныхъ и кабачныхъ, опухшихъ или истощенныхъ рабочихъ, привлеченныхъ «процвѣтаніемъ» когда-то тихаго и чистаго мѣста. Крестьяне, казаки, женщины, продающіяся на плантаціи и на разныя полевыя работы, — словомъ, все былъ тотъ самый народъ, котораго всякій видитъ не иначе, какъ живущимъ подъ властью какихъ-то суетныхъ заботъ, тревогъ, огорченій и вообще не свѣтлыхъ, не широкихъ мыслей. И вся эта масса ординарныхъ, иногда ничего не внушающихъ лицъ, или внушающихъ только тяжкія мысли и

ощущенія, была поистинѣ неузнаваема. На опухшихъ, кабачныхъ лицахъ легли черты дѣтской слезливости, а у иного тряслась голова и изъ тусклыхъ глазъ падали слезы куда ни попало. Слышались глубокіе вздохи, иногда всхлипыванія, и вообще вся толпа превратилась въ скорбящаго человѣка, съ сокрушеннымъ сердцемъ, совсѣмъ не похожаго на ту человѣческую силу, которая безцѣльно тратитъ себя въ лошадиномъ трудѣ и въ смрадномъ кабакѣ.

Нѣтъ! нигдѣ, ни на базарѣ, ни на черной работѣ, ни въ кабакѣ, никогда не забирала такая горькая тоска о самомъ себѣ, какая забрала толпу словами и звуками базарнаго пѣвца и базарнаго инструмента. Слова и звуки, до мельчайшихъ подробностей, слушались всею толпой среди ненарушимой тишины. Солнце ярко и внимательно смотрѣло на этихъ крѣпко задумавшихся людей, и они безъ шапокъ, съ вспотѣвшими головами, съ огорченными лицами, жадно припадали своими сокрушенными сердцами къ простымъ, но «за живое», «за душу» берущимъ словамъ:

Возврати мнѣ радость спасенія Твоего!

5.

Быстро мчался поѣздъ, убѣгая отъ процвѣтающаго города и направляясь къ станціи Тихорѣцкой, но я разставался съ нимъ далеко не съ тѣмъ удовольствіемъ, которое ощущалъ нѣсколько часовъ тому назадъ, при приближеніи минуты отъѣзда. Теперь я бы охотно остался въ этомъ городѣ еще на цѣлую недѣлю, лишь бы мнѣ хорошенько разузнать подробности о слѣпомъ базарномъ пѣвцѣ и музыкантѣ, ближе сойтись съ нимъ, познакомиться, послушать его разсказы о томъ, что видѣлъ онъ на своемъ вѣку. Но нельзя было остаться ни минуты, и я волей-неволей долженъ былъ отказаться отъ истиннаго удовольствія хотя бы еще разъ видѣть и слышать этого человѣка. Однако желаніе все-таки хоть что-нибудь и отъ кого-нибудь узнать о немъ не покидало меня и въ дорогѣ. Не разъ я обращался съ вопросами къ моимъ сосѣдямъ, пассажирамъ третьяго класса, все людямъ простымъ, большею частью чернорабочимъ, прохожимъ и перехожимъ людямъ, полагая, что если имъ извѣстны базарные кабаки и базаръ вообще, то не можетъ быть неизвѣстенъ и базарный пѣвецъ.

Почти всѣ до единаго, къ кому я ни обращался, знали его, слышали, всѣ были растроганы его псалмами, всѣ хвалили, но никто ничего болѣе обстоятельнаго о немъ не

зналъ. Раза два я пересаживался и перетаскивалъ мой дорожный мѣшокъ изъ вагона въ вагонъ, входилъ въ знакомства съ новыми проѣзжими новыхъ вагоновъ, но все было безуспѣшно; наконецъ. уже подъ самою Тихорѣцкою станціей, на мое счастье, попались мнѣ препріятные собесѣдники. Это были наши великороссійскіе мужики, переѣзжавшіе на заработки въ другую половину сѣвернаго Кавказа, къ Ставрополю, такъ какъ въ «этихъ мѣстахъ» дюже много «набило» народу со всѣхъ концовъ Россіи.

Всѣ они знали пѣвца и всѣ хвалили.

— Ужъ чего лучше! Ужъ разжалобитъ, такъ разжалобитъ! Ужъ нечего сказать!

— Хорошо, одно слово, хорошо! И вездѣ онъ, по всѣмъ станицамъ, по ярмаркамъ ѣздитъ, и вездѣ его почитаютъ!

— Въ нашихъ мѣстахъ и не слыхивано, чтобы этакъ-то божественное пѣть!

— Такъ тебя слезой и прошибаетъ!

— Кто-жъ онъ такой? — спросилъ я, вдоволь наслушавшись искреннѣйшихъ похвалъ.

— А Богъ его знаетъ! Звать-то его Семенъ Васильевичъ... въ Кіевѣ, вишь, въ монастырѣ, монахъ его слѣпого научилъ музыкѣ-то... А такъ, чтобы толкомъ сказать, нѣтъ, этого не знаемъ.

— Хочешь знать, кто таковъ Семенъ Васильевъ?—громко и храбро провозгласилъ какой-то мастеровой изъ желѣзнодорожныхъ. Развязный парень, въ картузѣ набекрень, занявъ ногами два переднихъ мѣста, сидѣлъ у окна на противоположной отъ насъ сторонѣ и крутилъ папироску изъ газетной бумаги.

— Коли знаешь, такъ скажи.

— Адвокатъ! вотъ кто Семенъ-то Васильевъ!

— Слѣпой-то?—въ изумленіи спросили мужики, да и я не могъ не воскликнуть:

— Какъ? Этотъ слѣпой и пѣвецъ — адвокатъ? Какъ же можетъ это быть?

— Очень просто! Прималъ дѣла, рѣшалъ по законамъ!

— Слѣпой?

— Окончательно!

— Вѣрно, вѣрно!—подтвердилъ слова мастерового новый собесѣдникъ, по внѣшности мелкій торговецъ.—Вѣрно! Дѣйствительно былъ когда-то... занимался. Теперича онъ оста-

вилъ это занятіе, а года два тому назадъ очень много дѣловъ дѣлалъ.

— Да какъ же онъ могъ дѣлать это?

— А очень просто: были у него законы, книги... И вотъ онъ заставлялъ читать ихъ свою жену; она читаетъ, а онъ запоминаетъ... А когда вытвердилъ, такъ приказалъ женѣ сдѣлать сбоку книги обрѣзъ. Какъ какая часть оканчивается, такъ она и вырѣжетъ... Такъ оно, если сбоку смотрѣть, ступеньками вышло. И онъ щупомъ зналъ, на какомъ вырѣзѣ надо отвернуть и по какому дѣлу какой вырѣзъ... Покажетъ женѣ пальцемъ, на какомъ мѣстѣ надо книгу открыть, и заставитъ ее читать законъ. «Читай мнѣ статью такую-то»,—ну, та и читаетъ, а потомъ и пишетъ, что̀ онъ приказываетъ, и бумаги за него подаетъ.

— Да кому же охота идти къ слѣпому, когда есть настоящіе, зрячіе адвокаты?

— Э-э-э! господинъ, развѣ мало тутъ темнаго народу-то по Кавказу ходитъ? Пришлый онъ, темный, ничего не знаетъ, гдѣ ему адвоката искать? Онъ и такъ-то путается, какъ во тьмѣ кромѣшной. Здѣсь его, пришлаго-то, иногороднаго, любятъ теребить. Тамъ отдадутъ въ аренду, деньги возьмутъ и гонятъ, а иной, недобрый, мало прогнать, еще и взыскиваетъ... И условіе написать на аренду земли, и отъ напраснаго взыска вывернуться. Мало ли дѣловъ! Темный, несвѣдущій человѣкъ какъ паутиной ими опутанъ. Тутъ и слѣпому будешь радъ-радехонекъ, только бы заступился.

— А заступался?

— А какъ же? Прежде оченно его хвалили... Все подробно разсудитъ, разспроситъ, бумагу напишетъ, укажетъ, къ кому идти. Посвѣтуетъ, хорошо посовѣтуетъ! Хвалили!

— И деньгу тоже хорошую наживалъ! — развязно присовокупилъ мастеровой.—Огребалъ, можно сказать, деньгу-то!

— Ну, ужъ и огребалъ! Тоже языкъ-то у тебя какъ обухъ молотитъ! Откуда ему огребать-то?

— И не токма огребалъ, а и подъ проценты пущалъ, вотъ что̀, ежели тебѣ угодно знать!.. Да! подъ заклады давалъ! Понимаешь? чуешь? Подъ закладъ!

— Нѣтъ, почтенный, это не онъ. Это, ежели сказать правду, женино дѣло! Дѣйствительно, очень можетъ быть. Но только это женино дѣло... Она тоже тонко дѣла понимала и много помогала мужу. Теперь вотъ онъ безъ нея-го какъ безъ рукъ!

— Умерла?—спросилъ я.

— Умереть не умерла, только время провела! — опять провозгласилъ мастеровой.

— Разсталась, то-есть... — объяснилъ мелкій торговецъ.

— Ра-зо-шлась! — иронически произнесъ мастеровой.— Подобрала деньжонки да и удрала съ Богомъ по морозцу. Ловкая дама! Умерла очень пріятно!

— Дѣйствительно, надо прямо сказать, скрылась она,— объяснилъ мнѣ торговецъ: — неизвѣстно гдѣ находится... Вотъ, какъ она ушла-то, ему ужъ пришлось дѣла-то судейскія бросить. Куда! И много по этому случаю огорчается на него народу. Гдѣ какія бумаги—не знаетъ, самъ сыскать не можетъ. Много убытку натворилъ!.. Напуталъ!.. А то, бывало, день псалмы поетъ, а послѣ обѣда по судебнымъ дѣламъ принимаетъ. Ну, теперича ему осталось только что пѣть, да инструментъ... вотъ все его имущество.

— Что-жъ, хорошо, хорошо поетъ! Дай Богъ ему здоровья! Хорошо!

— Этого ужъ не отнять! Камень, и тотъ заплачетъ.

И опять много-много хвалили слѣпого пѣвца.

— А что̀ ребята, чудится мнѣ, будто иной разъ, во псалмѣ-то, словно бы не по нашему вкусу поется?

Это проговорилъ новый собесѣдникъ, молодой плечистый парень, все время слушавшій разговоры молча, пожевывая бѣлый хлѣбъ. Парень былъ рослый, сильный и съ добродушнымъ лицомъ, но въ его глазахъ, маленькихъ и блѣдно-зеленоватыхъ или блѣдно-сѣроватыхъ, былъ какой-то нездоровый блескъ и какая-то неподвижность выраженія. Не то въ нихъ таилась скрытая, но острая злоба, не то до болѣзненности острое горе. Ѣлъ онъ не спѣша, какъ будто лѣниво, но казалось, что нервы его не такъ спокойны, какъ кажется съ перваго взгляда.

— Въ псалмѣ-то не по твоему вкусу?—оборвалъ его мастеровой.—Очнись, прочухайся!

— Пра, не по нашему!—сдержанно улыбаясь и вовсе не смущаясь окрикомъ мастерового, говорилъ парень, не спѣша, продолжая жевать бѣлый хлѣбъ.

— А ты слухалъ, какъ слѣпой-то пѣлъ?

— Какъ не слухать! Плакалъ, не то что... Въ недѣлю-то раза по три отъ работы отрывался, даже сталъ всѣ слова запоминать...

— Ну, такъ что̀ же не по-твоему-то вышло?

— Оно, коли ежели взять, какъ человѣкъ кается, такъ

хорошо... нечего говорить! Это въ псалмѣ хорошо! Вотъ я съ перву-то началу эти слова-то и прималъ къ сердцу. Всѣ мы грѣшные. Мы вѣдь какія анаѳемы-то? (Острая черта не то злобы, не то душевнаго недуга мелькнула въ глазахъ парня). Нешто нашему брату, ежели сказать по совѣсти, можно вполнѣ довѣрять? Когда передъ арендателемъ-жидомъ тихоней притворяемся — есть тутъ правда? Норовишь самъ его оплесть! Вѣдь на умѣ одно: только бы его-то оборудовать хорошенько, въ дуракахъ оставить! А бабѣ случаемъ не наплетешь развѣ всякаго? Не обманешь?

— Нечего сказать! Хорошъ паренекъ! — нравоучительно проговорилъ мастеровой.

— Да и самъ-то ты нешто такъ и не норовилъ оплесть человѣка, чтобы тебѣ лучше было?

— Оплесть—не оплеталъ, а охулки на руку не клалъ! Слушатели разсмѣялись, а мрачно настроенный парень продолжалъ:

— Вотъ такъ оно и есть по нашему-то вкусу! Виноватъ предъ Богомъ! Ужъ пойду каяться, такъ не къ тебѣ, не къ арендателю и не къ бабѣ! Только къ Богу! Только Онъ можетъ меня помиловать... Распахнусь весь! Подлецъ я! Обманщикъ! Съ умысломъ одинъ глазъ на грѣхи закрывалъ, будто не вижу! Прости меня всѣ, кого я обидѣлъ и надулъ,—не легче мнѣ отъ этого. Только Богъ, Онъ можетъ меня очувствовать... Передъ Нимъ — разорвусь! Ни предъ кѣмъ такъ не откроюсь, только предъ Нимъ... Покаюсь изъ всѣхъ силъ! Раздерусь, а съ пустыми словами къ Нему не пойду!

— Чего?—совершенно не понимая, что̀ говоритъ мужикъ, прищуриваясь, сболтнулъ мастеровой.

— Да, не пойду съ пустякомъ къ Создателю! Ты самъ не знаешь, отчего ты оподлѣлъ, очертѣлъ, — Онъ знаетъ! Передъ Нимъ надо только распахнуться! Всю нечисть-то оказать вполнѣ! Вотъ, молъ, сколько въ меня нечисти нанесло! Какъ мнѣ быть? А чтобъ съ умысломъ подходить— это... ужъ мнѣ не по вкусу!

— Хорошъ, хорошъ, паренекъ! — иронизировалъ мастеровой. — Хорошъ!.. Оказывается, умѣешь ты грѣховъ на душу-то намотать!

— Да, братъ! Много у меня грѣховъ, много! И у тебя, поди, не мало?

— Ахъ, ты, чудодѣй этакій!—снисходительно засмѣялся

мастеровой.—Болтаетъ невѣдомо что! Такъ слѣпой-то не по вкусу пришелся?

— Нѣтъ, братъ, по вкусу онъ мнѣ! Дай Богъ ему здоровья! Призри его, Господи, добро онъ намъ дѣлаетъ! А не по вкусу мнѣ, чтобъ молиться съ хитрымъ умысломъ, это не по вкусу! За слезу-то и спасибо Семену Васильеву! Это дѣло доброе!

— Передъ Богомъ, доброе дѣло!—подтвердили нѣсколько голосовъ.—Что хорошо, то ужъ того отнять нельзя!

— Я и на работѣ плакивалъ съ холоду, да съ голоду, да со злу,—продолжалъ парень:—да не та была слеза!

Въ такихъ разговорахъ незамѣтно подошла и станція, и всѣ мы разбрелись кто куда.

6.

Со дня этой неожиданной встрѣчи съ слѣпымъ базарнымъ пѣвцомъ, оказавшимся къ тому же и крестьянскимъ адвокатомъ, прошло уже три года; но пройдетъ и еще три, а мнѣ кажется, что эта мимолетная встрѣча не изгладится изъ моей памяти. Ежедневная «газета» приноситъ намъ десятки извѣстій о многихъ невзгодахъ народа и о многихъ проектахъ мѣръ, предпринимаемыхъ къ облегченію его изнурительной жизни. Но до крайности рѣдко на этихъ мелко-премелко напечатанныхъ и длинныхъ-предлинныхъ столбцахъ слышатся слова, касающіяся духовныхъ надобностей народа. Мы рады, благодарны, искренно цѣнимъ труды подвижниковъ на пользу народнаго благосостоянія, но не можемъ также не цѣнить и тѣхъ не имѣющихъ опредѣленнаго наименованія, званія, положенія «невидимокъ», которыя, среди темныхъ народныхъ массъ, изъ-за совѣсти или просто изъ-за куска хлѣба, удовлетворяютъ, какъ умѣютъ, тѣ требованія духовной жизни народа, которымъ въ расходныхъ статьяхъ всевозможныхъ бюджетовъ не оказано рѣшительно никакого вниманія.

Не подвижники эти «невидимки», радѣтели о духовныхъ надобностяхъ народа, это — просто добрые люди, или же, повторяю, люди простого расчета, куска хлѣба; но въ томъ и другомъ случаѣ, — честь имъ и хвала, — они умѣютъ понять, что народная душа разстроена не менѣе народнаго кармана, и ощущаютъ надобность придти ей на помощь, откликнуться на ея заботы и печали. Семенъ Васильевичъ беретъ деньги за псалмы, но вѣдь и «гречаники» онъ бы могъ отдернуть, какъ слѣдуетъ, для пьяныхъ приказчиковъ, кутилъ-купчиковъ и вообще для всякихъ веселыхъ людей.

Денегъ, конечно, эти веселые люди надавали бы ему гораздо больше, чѣмъ это могутъ сдѣлать крестьяне и рабочіе. Но почему-то онъ чувствуетъ себя лучше и пріятнѣе, когда вокругъ него толпится душевно растревоженный, умиленный простой человѣкъ, дающій ему свои копейки отъ чистаго сердца и—онъ знаетъ это—«за дѣло». И если Семенъ Васильевичъ предпочитаетъ трогать народъ «за душу» не для веселья, а для пробужденія въ ней скорби о самой себѣ, то, стало-быть, кромѣ хлѣба, у него есть и добрая мысль о меньшомъ братѣ, и, переѣзжая на волахъ изъ станицы въ станицу, съ ярмарки на ярмарку съ своимъ инструментомъ и съ табакеркой, онъ до нѣкоторой степени сознательно заботится о пробужденіи народной совѣсти. Его нельзя не почитать на ряду съ тѣми «невидимками», радѣющими о народной совѣсти, которыя, невидимо и непонятно для насъ, дѣлаютъ въ народѣ добрыя дѣла несравненно большаго размѣра.

II. Родіонъ-радѣтель.

1.

Вспомнимъ, что̀ можемъ, о нашихъ простыхъ, русскихъ, истинныхъ, добрыхъ, искреннихъ радѣтеляхъ о чистотѣ народной совѣсти, борцахъ съ народнымъ невѣжествомъ и дикостью, о людяхъ, вносившихъ въ темную народную среду хотя крошечный, но, несомнѣнно, истинный свѣтъ.

Сижу я во время одной изъ моихъ поѣздокъ въ пустомъ номерѣ какой-то гостиницы, въ какомъ-то городѣ,—не то на Камѣ, не то на Волгѣ, не то на Оби, и ожидаю утра, чтобы ѣхать куда-то, а куда именно—хорошенько уже не помню. Въ рукахъ у меня старый нумеръ «Губернскихъ Вѣдомостей», такъ какъ никакой иной газеты въ гостиницѣ не оказалось. Въ неофиціальномъ отдѣлѣ читаю я сказаніе объ одной древней, чудотворной иконѣ, и въ моемъ воображеніи рисуется такая картина.

2.

Дѣло это было «въ лѣто отъ міробытія 7393, а по Р. Христовомъ 1685 года маія въ 22 день, при державѣ благовѣрныхъ государей и великихъ князей Іоанна и Петра

Алексѣевичей, и при патріархѣ Адріанѣ». Въ эти далекія отъ насъ времена, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя въ настоящее время лежатъ въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, были дремучіе, темные лѣса, съ разбросанными тамъ и сямъ поселками. Въ дикихъ мѣстахъ проживалъ дикій народъ, сохранившій множество языческихъ преданій и обычаевъ. Если и въ наши времена въ Вятской губерніи сохранился обычай весеннихъ игрищъ «между селъ», такъ въ такой глуши, да притомъ двѣсти слишкомъ лѣтъ назадъ, дикіе языческіе обычаи держались еще въ полной силѣ, а постоянныя связи съ дремучимъ лѣсомъ, съ дикимъ и немилосерднымъ звѣрьемъ, не способствовали смягченію нравовъ, внося во всѣ бытовыя отношенія ничѣмъ несмиряемую грубость проявленія животныхъ инстинктовъ. Кое-гдѣ были бѣдныя деревянныя церковки, съ священниками, жившими почти такимъ же крестьянскимъ обычаемъ, какъ и само дикое лѣсное стадо, которое они пасли. Но что̀ могли значить эти кое-гдѣ разбросанныя церковки, когда «кабакъ» уже пробрался и въ эти глухія мѣста, пробрался со всѣми своими антихристовыми вліяніями, и не только кабакъ пробрался, но и «чортово зелье — табакъ» уже знакомо было еще полудикому человѣку. Можно представить, какое вліяніе эти новшества—чортово зелье и кабакъ—могли имѣть на людей, въ жизни которыхъ господствовали еще, въ самой сильной степени, только одни инстинктивныя побужденія? Очевидно, народишко спивался и безобразничалъ и отъ новшескихъ гнусностей, и отъ языческихъ привычекъ, и вообще «утопалъ во грѣхахъ». Болѣзни, смерти, скотскіе падежи и всякое разстройство шли параллельно успѣхамъ кабака, неразъединимаго съ чортовымъ зельемъ. Житье было темное, пьяное, распутное; непристойное слово гудѣло и въ кабакахъ и въ семьяхъ, и все шло въ этой жизни врознь, къ худу и ко грѣху.

Но былъ среди всѣхъ этихъ погрязшихъ во грѣхѣ «мужичонковъ» умный-преумный крестьянинъ, по имени Родіонъ. Онъ всею душой страдалъ и печалился обо всѣхъ своихъ гибнущихъ братіяхъ, тосковалъ, явственно видѣлъ, какъ они всѣ гнѣвятъ Бога, что Богъ грозится на нихъ большимъ наказаніемъ за всѣ ихъ животныя безобразія,— зналъ, что нельзя оставить всѣ эти гибнущія христіанскія души безъ помощи, что надобно спасать эти души, если видишь, что онѣ погибаютъ, что нельзя молчать и быть равнодушнымъ ко всему этому, что недаромъ какой-то «не-

видимый гласъ» укоряетъ его и дни и ночи во грѣхахъ людей, среди которыхъ онъ живетъ. Надобно спасать ихъ отъ погибели. Ему дана эта печаль отъ Бога, онъ не можетъ ее отогнать отъ себя,—и вотъ впечатлительный «Родіонъ-земледѣлецъ» неотразимо чувствуетъ, что ему пришло время исполнить Божіе повелѣніе.

Раннимъ майскимъ утромъ, на зорькѣ, межъ кустовъ и высокихъ деревьевъ, по лѣснымъ тропинкамъ, шла вразбродъ, возвращаясь въ деревню, нагулявшаяся за ночь «между селъ» дикообразная толпа мужиковъ и бабъ. По тамошнимъ мѣстамъ май мѣсяцъ—начало весны, первые дни весенняго тепла, самое время разыграться нечестивымъ мужичонкамъ. И вотъ шли растрепанныя, иногда въ разорванныхъ платкахъ, съ изорванными сарафанами бабы; шли онѣ кустами, словно стыдились мужиковъ, хотя поминутно и выглядывали оттуда и голосами бабьими пищали, а у иной безстыжей даже еще охота не пропала и пѣсни пѣть: вдругъ захлопаетъ въ ладоши, заведетъ голосомъ, только прочія изо всѣхъ кустовъ, изъ разныхъ глухихъ мѣстъ загалдятъ на нее, осмѣютъ. Мужики плелись съ одурѣлыми лицами, хоть и изъ нихъ были неугомонные и сильно еще одурманенные сивухой. Солнце начинало всходить; яркій, по низу, межъ кустовъ и деревьевъ промелькнувшій лучъ говорилъ, что начинается бѣлый день, и какъ бы стыдилъ распутную толпу.

— Братцы!—воскликнулъ одинъ изъ распутниковъ, еле волочившій ноги: — а вѣдь это Родіонъ лежитъ! Никакъ померъ!

Родіонъ, бездыханный, со сложенными на груди руками, недвижимо, какъ покойникъ, лежалъ при дорогѣ. Лежалъ на спинѣ, съ вытянутыми ногами, обутыми въ лапти; шапка валялась въ сторонѣ. Какъ вкопанный, остановился около Родіона одинъ изъ распутниковъ и стоялъ, какъ пень, а за нимъ стали останавливаться и другіе, и изъ лѣсу стали выходить и приближаться къ мужикамъ разгульные звѣрки—бабенки и дѣвки. Все это сходилось и скапливалось около бездыханнаго Родіона, и стояла толпа, пораженная его смертью. Одна уже смерть Родіона отшибла у толпы всѣ ея нечистыя мысли. Родіонъ не похожъ былъ на нихъ ни въ чемъ; давно онъ имъ грозился, сулилъ, что-то твердилъ о Богѣ, да не слушала его звѣрообразная толпа. И вотъ онъ скончался и лежитъ съ такимъ праведнымъ лицомъ... Навѣрное, ангеловъ Божіихъ видитъ!

— По-ме-ръ! — шопотомъ, на какой способны медвѣди, передавалось изъ устъ въ уста, и толпа продолжала стоять, заражаясь совсѣмъ иными мыслями, чѣмъ тѣ, съ которыми шла домой послѣ игрища.

И вдругъ бездыханный Родіонъ, оставаясь бездыханнымъ, медленно поднялъ мертвую руку, вытянулъ ее вверхъ и медленно опустилъ на лобъ, потомъ на грудь,—словомъ, осѣнилъ себя большимъ крестомъ, и продолжалъ лежать бездыханно. Эта неожиданность совсѣмъ преобразила настроеніе толпы: передъ ней совершается что-то чудесное, невиданное, что-то имѣющее связь съ небесами, которыя Родіонъ, очевидно, видитъ: душа у него тамъ, на небесахъ, у Бога, а здѣсь, на землѣ, лежитъ только тѣло. Говорено было объ этомъ звѣрообразнымъ дуботолкамъ, что есть тутъ большая разница, не хотѣли вникнуть, а теперь вотъ явное дѣло— ушла душа на небо, она у Бога, въ раю, а здѣсь только тѣло, и, стало-быть, надобно за душу-то побаиваться! Всѣ распутныя мысли исчезли въ толпѣ, какъ дымъ, и у всѣхъ въ воображеніи были небеса, ангелы, Богъ, сіяніе и золотыя ризы угодниковъ. Орда звѣрообразнаго народа затихла, «перепужалась» близости суровыхъ взглядовъ Бога, которые она теперь явственно ощущала на своей шкурѣ, даже прямо на самомъ темени, и каждый ясно слышалъ, какъ у каждаго и во всей толпѣ мужиковъ и бабъ колотитъ, какъ молоткомъ, испуганное сердце.

Въ эту минуту Родіонъ открылъ глаза, и хотя происшествіе происходило 200 лѣтъ тому назадъ, но я, сидя съ газетой въ гостиницѣ уже въ наши дни, во второй половинѣ девятнадцатаго вѣка, несмотря на огромное разстояніе времени, раздѣлявшее меня отъ Родіона, какъ будто мелькомъ примѣтилъ, что Родіонъ былъ все время не совсѣмъ бездыханенъ, и что у него какъ будто бы по временамъ шевелилось что-то въ глазу, точно онъ хотѣлъ посмотрѣть, каково-то настроеніе распутной орды людей, и лежалъ, ожидая, пока орда окончательно преобразится въ своемъ распутномъ настроеніи, испугается грѣха, почувствуетъ страхъ наказанія, и вообще когда у этихъ истукановъ начнутъ наконецъ трястись даже поджилки. Очень можетъ быть, что я дѣлаю на Родіона недобросовѣстный поклепъ, и каюсь въ этомъ; но несомнѣнно то, что Родіонъ открылъ глаза именно въ ту самую минуту, не пропустивъ лишняго мгновенія, когда волки, разбредавшіеся съ игрища, превратились, душевно, въ самое кроткое стадо овецъ.

— Живъ!—не медвѣжьимъ шопотомъ, а шелестомъ листьевъ прошелестѣла эта вѣсть по всей толпѣ изъ конца въ конецъ, не разъ и не два.

Родіонъ хоть и ожилъ, но продолжалъ лежать, крестился широкимъ, медленнымъ крестомъ и шепталъ такъ, что всѣ слышали: «Пресвятая Владычица Богородица, спаси насъ! Спаси насъ, Пресвятая Богородица!..». Толпа съ каждою минутой становилась чувствительнѣй, нѣжнѣй, предчувствуя, что съ Родіономъ совершилось что-то чудесное; иные стали бережно подходить къ нему, помогая оправиться, встать на ноги, подняли и надѣли шапку, и все время Родіонъ, какъ бы пораженный чѣмъ-то необычайнымъ, ни на кого не глядя и весь поглощенный какою-то страшною мыслью, не переставалъ креститься и шептать: «Пресвятая Богородица, спаси насъ!». Наконецъ онъ какъ будто что-то вспомнилъ, оживился, взглядъ его прояснѣлъ, засверкалъ какимъ-то гнѣвнымъ выраженіемъ, и онъ твердо сказалъ толпѣ:

— Всѣ идите за мной! Несу вамъ повелѣнія Пресвятыя Богородицы! Всѣ за мной идите!

Толпа, которая разбрелась бы по разнымъ мелкимъ поселкамъ, хлынула за нимъ, какъ одинъ человѣкъ. Родіонъ шелъ безъ шапки, впередъ всѣхъ, постоянно крестился и громко говорилъ: «Пресвятая Богородица, спаси насъ!». А за нимъ стала также повторять этотъ возгласъ и вся масса народа. Чѣмъ дальше шли, тѣмъ шли скорѣе, тѣмъ болѣе всѣ возбуждались, и скоро вся масса народу ввалила въ село Рождественское, стоявшее невдалекѣ отъ мѣста воскресенія Родіона.

— Въ церковь Божію!—командовалъ Родіонъ:—бей въ колоколъ! Бѣги за священникомъ!

Ударъ въ колоколъ, какъ набатъ, всполошилъ все полусонное село. Священникъ не успѣлъ расчесать свои спутанные волосы и бороду, хотя и взялся уже было за деревянную гребенку такихъ размѣровъ, о какихъ теперь не имѣютъ уже понятія, выскочилъ спросонокъ въ чемъ былъ и, безъ шапки, въ лаптяхъ, бросился къ деревянной и бѣдной церковкѣ. Возбужденный чѣмъ-то неожиданнымъ и грознымъ, грѣховодникъ-парень дулъ въ колоколъ безъ милосердія. Только-что поднявшееся солнце по низу широкими, ослѣпительными лучами освѣщало улицу, кишащую полураздѣтымъ, лохматымъ, босымъ народомъ. Все это въ испугѣ валило къ церкви, затѣмъ вломилось внутрь храма и съ біеніемъ сердца, въ мертвомъ молчаніи, ожидало, что̀

будетъ. Священникъ въ тревогѣ облачился въ старую рясу, которая у него была въ алтарѣ, въ испугѣ вошелъ на амвонъ и въ испугѣ спросилъ толпу:

— Господи, помилуй насъ! Что̀ приключилось? Не несчастіе ли какое?

— Отъ Пресвятыя Богородицы принесъ я, Родивонъ, объявленіе всему крестьянству! Сама Пречистая повелѣла мнѣ: «Иди въ Рождествено и скажи священству и мірскимъ людямъ, что̀ я тебѣ повелѣла!». Не свои слова говорю, а по повелѣнію Пречистой Божіей Матери!

Родіонъ сказалъ это такъ твердо и былъ въ такомъ восторженномъ состояніи, что никто не сомнѣвался ни въ одномъ его словѣ. Священникъ волновался, дрожалъ и едва могъ сказать Родіону:

— Поднимись на ступеньку повыше, слышнѣй будетъ!

И, блѣдный, крестился и шепталъ молитвы, да и вся церковь крестилась и шептала молитвы.

— Пошелъ я третьеводни въ лѣсъ, понадобилось лѣску для работы, и шелъ такимъ родомъ долго и зашелъ въ нашъ большой дремучій лѣсъ...—началъ Родіонъ свой разсказъ.— Былъ я задумавшись о грѣхахъ нашихъ и крѣпко преогорчился нашими мірскими непотребствами! Забывши дѣло, иду въ чащѣ, ни на что не взираю. И вдругъ меня какъ лютымъ холодомъ обдало; содрогнулся я, опомнился и вижу: несутся на меня по тропинкѣ пренеобыкновенные изувѣры и звѣрь промежду нихъ. Несутся, какъ вихорь, двое истукановъ. Не то они люди, не то невѣдомо что̀ — длинные, какъ деревья, и лица страшенныя-престрашенныя. Были ли у нихъ ноги или руки, невпримѣту мнѣ было; а что огромные, глазастые и рты у нихъ огромные, это видѣлъ; и видѣлъ еще, что волосищи у нихъ длинные, отъ маковки до земи, и еще по земи хлещутся. Но только одинъ изъ истукановъ красный весь, отъ маковки до земи, а другой весь черный, и промежду нихъ «ниже звѣрь, ниже скотина, четвероногое». Какъ бурунъ нанеслись на меня, и возопилъ я въ страхѣ: «Кто вы?»—а они ужъ обогнали меня, на мой окликъ обернули свои страшенныя хари, разинули рты и стали рычать: рыгнулъ черный—точно дубъ столѣтній переломилъ въ щепки, потомъ красный рыгнулъ—еще того страшнѣй; а потомъ четвероногое обернулось и по низу такое рычаніе пустило, что притиснулся я со страху къ дереву и не могу отойтить. И слѣдъ ихъ простылъ, а рычали они еще долго, и такъ страшно, что какъ бы окаме-

нѣлъ я и мертвъ сталъ. Прижался къ дереву и стою бездыханно.

Бездыханно стояла и вся толпа народа, наполнявшаго церковь.

— Прижался я къ дереву и, будучи въ страхѣ и ужасѣ недвижимъ, замѣчаю въ дремучемъ лѣсу свѣтъ бѣлый, какъ снѣгъ, и вижу, что идетъ это бѣлое на меня, и все ближе, ближе... Пришелъ и сталъ супроти неподалеку: не то женскъ полъ, не то мужескъ, не понять мнѣ было,—потому одѣтъ былъ тотъ человѣкъ пресвѣтлаго лика весь съ верху до низу въ бѣлое, словно изъ пушистаго снѣга, одѣяніе, а на головѣ, какъ платокъ спущенъ, плащаница была. Затрепеталъ я сего ангелообразнаго видѣнія, но свѣтлообразный сказалъ мнѣ: «Миръ тебѣ, Родіоне!»—и потеплѣло мнѣ сразу отъ этого гласу ангельскаго и отъ слова ангельскаго: «Миръ тебѣ, Родіоне!». Стало-быть, не на худое Господь посылаетъ мнѣ видѣніе ангелоподобное, ежели такъ ласково поздоровался. Обрадовался я, услыхавши, что по имени меня свѣтлоангельскій образъ обозвалъ и миръ посулилъ, и малость духомъ моимъ укрѣпился. И вопроси меня образъ ангельскій: «Что̀ еси видѣлъ по пути семъ прежде меня?» Окрѣпши духомъ и безъ страха отвѣчалъ я образу ангельскому, ка̀къ и что̀ я видалъ и какихъ изувѣровъ встрѣтилъ и между ними четвероногое. И тогда свѣтлообразный съ сокрушеніемъ сердца изрекъ мнѣ тако...

Здѣсь Родіонъ остановился, выпрямился и въ сильномъ возбужденіи обратился одновременно къ толпѣ и къ священнику:

— Слушайте теперь, православные! Словечка не пророните изъ свѣтлоангельскихъ словъ! Все про насъ было сказано!

Родіонъ даже руку поднялъ надъ толпой и какъ бы грозилъ ей, находясь самъ въ величайшемъ возбужденіи.

— Двое сутокъ я бездыханнымъ отъ этихъ пречистыхъ словъ лежалъ! Слушайте всѣ, міряне. Съ небеси тѣ слова идутъ къ вамъ.

Глубокіе вздохи, какъ темныя тучи по небу, носились надъ удрученною грѣхами толпой, наполнявшею маленькую церковку.

— Съ сокрушеніемъ, съ прискорбіемъ и съ воздыханіемъ, свѣтлоангельскій образъ сказалъ мнѣ такія слова: про чорнаго изувѣра-истукана сказалъ: «это немощь черная на людей вашихъ», а про огненно-краснаго—«это, сказалъ, не-

мощь—«огневица» называемая, на васъ же, на людей, а четвероногое—немощь на скотину. И все это Господь попуститъ на васъ». Слушайте, міряне многогрѣшные! «Все это, говоритъ, на васъ, на всѣхъ васъ Господь попускаетъ за грѣхи ваши. За непотребную брань вашу ежеминутную, за жадность, за то, что и въ праздникъ идете на работу, лишь бы деньги получить и пропить, а не Богу отдать праздничный-то день. За братонелюбіе, за пьянство и за прелестное питіе табачное!» Все наше богомерзкое распутное житіе пересчиталъ свѣтлоангельскій образъ, даже до малости послѣдней, ни про единаго изъ насъ не забыто. Міряне! Не забыто ни про единую душу, ни единаго грѣха! Помните это, безумные! «Иди,—говорилъ мнѣ свѣтлоангельскій образъ:—иди ты и сказуй во всѣхъ вашихъ мѣстахъ, всему народу, чтобы духовнаго чина и мірскіе люди отнюдь непотребною бранію не бранились и великихъ грѣховъ не творили, въ праздники бы Господни и Богоматери не работали, другъ друга бы любили и табачнаго питія не употребляли, и молились бы Богу, съ любовію, другъ за друга, молились бы о своемъ благоденствіи и объ оставленіи грѣховъ. Скажи, говоритъ, имъ всѣмъ вашимъ по всей округѣ: аще, говоритъ, послушаютъ гласу Божію, тогда Господь отвратитъ отъ нихъ гнѣвъ свой праведный, и станутъ они жить въ благоденствіи и изобиліи плодовъ земныхъ! Аще же не послушаются и богомерзкихъ грѣховъ не оставятъ...»

Родіонъ опять угрожающе поднялъ руку и громко, на всю церковку воскликнулъ:

— Слухайте эти слова на оба уха! Со страхомъ и трепетомъ и всѣмъ сердцемъ припадите къ повелѣнію!

Тяжкимъ вздохомъ охнула толпа, сдвинулась плотною массой около Родіона и вперила въ него пронизанные трепетомъ взоры.

— «Аще же, — вопіялъ Родіонъ, не опуская руки: — не послушаютъ они меня и отъ богомерзкихъ грѣховъ не отстанутъ, тогда не изыдутъ отъ нихъ изувѣры истуканные, черный, красно-огненный и четвероногое! Будутъ на нихъ моры великіе, на скотъ падежи, будутъ засухи и дожди безвременные, и хлѣба будетъ недородъ и голодъ безпрерывный. Такожде яви мнѣ Господь!» Это мнѣ свѣтлозарный образъ, міряне, повелѣлъ! А кто онъ?

Родіонъ находился почти въ экстазѣ.

— Онъ здѣсь, во храмѣ! Образъ Пресвятыя Богородицы! Она, Матушка, посланница, Сама отъ Господа снизошла

къ намъ! Она, Она мнѣ повелѣла взять Ея праведный обликъ изъ этого храма: «Иди, Родіонъ, въ Рождествено, тамъ, въ притворѣ церковномъ, на десной сторонѣ, въ углу трапезной, въ забвеніи образъ честнаго Моего Успенія». Идите, глядите! Я не свои слова говорю вамъ!

Толпа хлынула въ притворъ, загалдѣла, заволновалась, а Родіонъ продолжалъ вопіять:

— И повелѣла: «возьми сей образъ...»

— Есть, есть! Вотъ Она, Царица Небесная!

Трепетъ, рыданія, стонъ и вой кликушъ смѣшивались съ криками толпы, выламывавшейся изъ притвора съ высоко поднятою вверхъ запыленною иконой.

— Она, Она, Пресвятая!—гудѣла толпа.

— «И возьми, повелѣла,—вопіялъ Родіонъ среди необычайнаго всеобщаго волненія:—два ко-ло-кола...» Слухайте, міряне! «Два колокола возьми, всѣхъ убогихъ и сиротъ собери и иди!» Идите за мной, православные міряне!

Родіонъ самъ исчезнулъ въ толпѣ и быстро пошелъ изъ церкви; за нимъ впопыхахъ побѣжалъ священникъ, и вся масса народа хлынула вонъ; нищіе и убогіе калѣки, всѣ, конечно, собравшіеся тотчасъ послѣ набата, все это тронулось за иконою. Колокола, обрубленные съ маленькой колокольни, двигались вмѣстѣ съ толпой, качаясь на чьихъ-то гигантскихъ спинахъ. Вся масса была въ глубокомъ потрясеніи, охала, стонала, плакала; блудныя бабы рвали на себѣ рубашки, падали на дорогу въ истерикѣ; ребятишки выли и мчались въ общемъ бурномъ потокѣ людей. Все это двигалось за Родіономъ, впереди котораго несли икону. Самовольно выхвачены были изъ церкви хоругви, и здоровенные дѣтины мчались съ ними вслѣдъ за иконой, развѣвая ихъ длинныя кисти по вѣтру. Вся толпа стремительно неслась далеко за селомъ, по тропинкамъ дремучаго лѣса, пока не дошла до высокаго, обрывистаго берега между двухъ рѣчекъ.

— Здѣсь!—произнесъ Родіонъ и сталъ.—Здѣсь повелѣла Владычица часовню рубить, а перво-наперво крестъ на лугахъ поставить, а послѣ часовни храмъ должонъ быть, а потомъ и монастырь будетъ! Ставь, ребята, крестъ! Ставь часовню! Повелѣла Сама Владычица Богородица!

Трескъ пошелъ по лѣсу, застучали топоры, заскрипѣли телѣги. «Собрашеся,—сказано въ сказаніи:—все множество людское, овни лѣсъ сѣкуще, иніи возяще, другіе же на мѣстѣ созидающе». И въ этой суматохѣ Родіонъ все еще до-

казывалъ о видѣніи: объяснилъ, что праздники будутъ три раза въ годъ, и, повѣдавъ все повелѣніе Божіе, повѣдалъ наконецъ и о себѣ нѣчто потрясающее.

— Ужаснулся я отъ тѣхъ страшныхъ наказаній Божіихъ! Ждутъ насъ великія истязанія, ежели хотя малостію забудемъ Божіе повелѣніе! Вѣдь какъ и меня-то грѣшнаго Господь наказалъ! Повелѣла мнѣ Царица Небесная и вознеслась. Испужался я грѣховъ нашихъ, побѣжалъ народу объявить Божію грозу. Бѣгу, да и запнись за пень, за колоду запнулся, «и паде и разби руку свою и избранился непотребнымъ словомъ, и абіе услыша шумъ и вѣтеръ ужасный, и поднявши меня вверхъ, удари о землю, и отъ того ударенія лежалъ я внѣ ума два дня и двѣ нощи, и сгда въ разумъ пріиде, пойде въ село Рождествено...»

Въ этомъ бездыханномъ состояніи нашелъ Родіона народъ. Все теперь было для всѣхъ поразительно ясно. Глубокое сознаніе грѣховъ, страхъ жестокаго наказанія, обѣщаніе милосердія Божія—все это подняло силы толпы до высшей степени. Работа кипѣла, и все «множество людское *единымъ днемъ* поставило на лугу крестъ, а на горѣ *создаша часовню*», единымъ днемъ.

«И совершивши сіе, поставиша въ ней (часовнѣ) образъ и молитвовавше довольно, съ радостью отъидоша въ домы своя, славяще Пречистую!..»

И домой воротились далеко уже не такими, какими были вчера. А Родіонъ, обрадованный всѣмъ этимъ, добравшись до своей хибарки, со слезами радости на глазахъ сталъ лицомъ къ темному лику образа и, весь трепещущій отъ счастія, прошепталъ:

— Слава Тебѣ, Господи! Образумились-таки мои грѣховодники! Запало имъ въ совѣсть чистое зерно! Пообдумаютъ они теперича и о своей чистотѣ, и о любви къ ближнему, и о сирыхъ и убогихъ. Слава Тебѣ, Пречистая Богородице!

Потомъ онъ отворилъ окошко, выглянулъ на улицу и послушалъ. Тишина стояла надъ деревней небывалая. Попробовала-было одна необузданная бабенка пѣсню запѣть но тотчасъ же получила отъ своего мужа такой тумакъ что сразу образумилась и безъ словъ, какъ мышь, шмыгнула съ крыльца въ домъ.

Только этотъ тумакъ и слышалъ Родіонъ въ тишинѣ этого вечера и радовался:

— Ишь какая благодать! Пущай образумятся, обдумаютъ! Пущай!

3.

«Видѣніе», изображенное въ этомъ отрывкѣ, написано вполнѣ точно съ церковною записью. Начиная съ появленія двухъ изувѣровъ и кончая постройкой часовни, все, что̀ касается собственно видѣнія, передано безъ всякихъ прибавленій; измѣненъ только языкъ, но въ рѣчахъ свѣтло-ангельскаго образа ничего не прибавлено и не убавлено. Именно эти рѣчи—ихъ скорбящій и человѣколюбивый смыслъ и заслуживаютъ особеннаго вниманія. Родіонъ могъ воочію видѣть все то, что̀ видѣлъ, и слышать все, что̀ слышалъ; онъ могъ въ самомъ дѣлѣ лежать два дня въ обморокѣ, но, чтобы всѣ эти видѣнія, всѣ эти галлюцинаціи могли имѣть такое опредѣленнѣйшее содержаніе, нужно было, чтобы самъ Родіонъ крѣпко страдалъ о народномъ разстройствѣ, мучился бы этимъ, думалъ бы о томъ, какъ высвободить народъ изъ грѣха, думалъ до нервнаго разстройства, до галлюцинаціи.

Въ этомъ видѣніи нѣтъ ни одного слова и ни одной чудовищной неожиданности, которыя бы имѣли источникомъ просто разстроенное воображеніе. Ничего лишняго, ненужнаго, ничего такого, о чемъ бы не болѣла душа Родіонова; съ тщательностью поречислены всѣ пороки мірянъ, которые могъ понимать Родіонъ и могъ ими возмущаться, страдать отъ нихъ; тщательно обозначены пути къ исправленію, къ освѣтлѣнію темныхъ душъ и порочныхъ сердецъ; указаны также съ поразительною ясностью всѣ тѣ наказанія, которыя и Родіонъ и народъ считали самыми жестокими. Здѣсь нѣтъ капли фантазіи, а есть самое опредѣленное выраженіе скорби о ближнемъ, ясно очерченной во всѣхъ подробностяхъ.

Эта ясность, опредѣленность въ пониманіи своего дѣла по отношенію къ ближнему, составляютъ непремѣнную черту всѣхъ нашихъ истинныхъ радѣтелей и борцовъ съ народнымъ невѣжествомъ и горемъ. Впечатлительный къ житейскимъ неправдамъ человѣкъ, чуткая душа, разъ она охвачена понятою ею скорбью, не уходитъ отъ зла, не стремится выдѣлить себя изъ оскорбляющей его среды, а именно потому, что ему Богъ далъ понять чужое безобразіе и грѣхъ, идетъ прямо сюда, въ эту разстроенную, грѣшную, грязную среду, и беретъ на себя всю черную работу высвобожденія этихъ людей отъ ихъ несчастія и горя. Человѣкъ, который не жалѣетъ своей плоти, ходитъ въ лютый морозъ босикомъ

или заковываетъ себя въ вериги, съ тѣмъ, чтобъ, изможднвъ плоть, сохранить собственную свою душу въ чистотѣ,—это не святой, а юродивый, Божій человѣкъ. Святой тотъ, кто работаетъ неустанно для бѣдныхъ, темныхъ и несчастныхъ людей. Съ давнихъ временъ всякій чистый, умный, впечатлительный русскій человѣкъ, разъ его покорили мысли о своемъ душевномъ страданіи, непремѣнно переноситъ эти мысли на общія народныя страданія и находитъ выходъ своимъ силамъ и своимъ душевнымъ побужденіямъ непремѣнно въ черной работѣ среди безпомощныхъ, темныхъ и несчастныхъ людей. Даже и въ наше время, помимо проявленія свойствъ того же типа и въ высшихъ кругахъ интеллигенціи, и собственно въ народной средѣ, интеллигентный человѣкъ живетъ и дѣйствуетъ почти такъ же реально и практически на пользу ближнему, какъ дѣйствовалъ и Родіонъ двѣсти лѣтъ тому назадъ,—дѣйствовалъ, конечно, сообразно окружавшей его обстановкѣ и средствамъ дѣйствія.

Въ моихъ замѣткахъ есть слѣдующая вырѣзка изъ одной провинціальной газеты, относящаяся къ 1885 г. Лѣтомъ въ Вятской губерніи была сильная засуха, и суевѣрный народъ приписалъ это бѣдствіе тому обстоятельству, что полиція пріостановила богослуженіе въ церкви отца Стефана. Отецъ же Стефанъ и поселился среди суевѣрнаго народа именно только потому, что народъ былъ суевѣрный. Когда-то этотъ отецъ Стефанъ былъ сельскимъ учителемъ, но, вѣроятно, взгляды его на свои нравственныя обязанности не могли быть удовлетворены вѣковѣчнымъ толкованіемъ четырехъ правилъ ариѳметики и чистописаніемъ. Родіонъ въ свое время могъ обличать и бороться противъ всѣхъ пороковъ людей своего времени. Современному сельскому учителю едва ли уже «дадутъ» окружающіе его люди нашего времени дѣлать что-нибудь подобное. Не чувствуя въ себѣ силы на борьбу хотя бы въ формѣ обличительной корреспонденціи, отецъ Стефанъ рѣшилъ уйти отъ грѣха и поступилъ въ монастырь. Но и здѣсь, вѣроятно, не нашлось возможности удовлетворить всѣмъ нравственнымъ требованіямъ, жившимъ въ сознаніи о. Стефана; онъ оставилъ монастырь въ санѣ іеромонаха, удалился въ лѣсъ, въ полуверстѣ отъ своей деревни построилъ себѣ избушку и мирно жилъ, занимаясь, между прочимъ, и поученіемъ навѣщавшихъ его. Мало-по-малу слухъ объ отцѣ Стефанѣ сталъ распространяться въ народѣ, и къ нему стало приходить

множество людей всякаго званія: кто поговорить и найти утѣшеніе, «кто поскорбѣть о неизлѣчимомъ недугѣ». Жаждущій утѣшенія словомъ всегда выслушивалъ такое отъ о. Стефана. Но, главное, онъ *сочинялъ книжки*: «Ученіе, какъ усовершенствоваться въ добрѣ», «Слово къ обидимымъ и обидящимъ», о вредѣ пьянства и проч. Въ этихъ книжкахъ много говорится вообще «о миролюбивыхъ семейныхъ отношеніяхъ». Написаны книжки языкомъ, приноровленнымъ къ крестьянской рѣчи. Нерѣдко крестьяне получали отъ о. Стефана и денежную помощь, на покупку лошади, на посѣвъ. Мало-по-малу около его жилища построились отдѣльные домики и церковь. Немало труда положилъ о. Стефанъ на разработку избраннаго имъ мѣста жительства: крайне живописный лѣсъ, расположенный на скатѣ горы, весь расчищенъ; правильныя, утрамбованныя дороги, гати во всѣхъ направленіяхъ пересѣкаютъ лѣсъ; мѣстность, совершенно безводная до появленія здѣсь о. Стефана, теперь имѣетъ три пруда, для чего вода поднята на значительную высоту; всѣ ручьи обложены дерномъ (мѣстность своимъ видомъ напоминаетъ Желѣзноводскъ). Церковь еще не освящена, но о. Стефанъ служитъ въ ней молебны, при чемъ поетъ сформированный имъ женскій хоръ. Постройка церкви была разрѣшена архіереемъ Аполлосомъ, но письменнаго разрѣшенія на это дано еще не было; вотъ почему церковь, какъ построенная безъ письменнаго разрѣшенія, и запечатана.

Корреспондентъ заканчиваетъ свое письмо желаніемъ, чтобы церковь была открыта и освящена, такъ какъ «*несомнѣнно*, что *для народонаселенія* о. Стефанъ *своимъ примѣромъ приноситъ большую пользу*». Не знаю, оправдаются ли ожиданія корреспондента. Вѣдь отецъ Стефанъ *не отшельникъ*, какъ поименовалъ его корреспондентъ, а — странно сказать—дѣятель общественный; вокругъ него образуется общество людей, соединяющихся, прежде всего, нравственными узами; въ обиходѣ жизни общины о. Стефана играютъ роль не одни только агрономическія усовершенствованія, и людъ собирается къ нему не во имя желанія имѣть картофель въ два фунта вѣсомъ, а во имя толковъ объ усовершенствованіи въ добрѣ, во имя разговоровъ и размышленій объ «обидимыхъ и обидящихъ», и, соединившись на такихъ нравственныхъ началахъ, только *во имя* ихъ и начинаетъ устраивать внѣшній обиходъ своей жизни. Не знаю, будетъ ли въ этой общинѣ дѣло для мирового

судьи, для судебнаго пристава, и окажется ли надобность въ кутузкѣ. По существу созидающейся общины, именно тѣмъ-то она и привлекаетъ народъ, что ничего въ ней не должно быть подобнаго; она и основана и цвѣтетъ именно во имя наилучшихъ нравственныхъ побужденій. Кабатчикъ или ресторaторъ, который пожелалъ бы открыть для губернской публики ресторанчикъ съ арфистками въ такомъ живописномъ мѣстѣ, гдѣ устроился о. Стефанъ, навѣрное получитъ грозный отпоръ ото всей общины, а что̀ изъ этого обыкновенно выходитъ, всѣмъ намъ очень хорошо извѣстно, хотя бы только изъ тѣхъ безчисленныхъ опытовъ не имѣть кабака, которые постоянно возникаютъ и не въ такихъ «особенныхъ» общежитіяхъ, какъ общежитіе о. Стефана, а прямо въ черныхъ, крестьянскихъ деревняхъ. Несмотря на мірскіе приговоры и всеобщее желаніе не пить, не пьянствовать, не пропиваться, кабакъ будетъ открытъ непремѣнно, кабатчикъ дойметъ, допечетъ мужиковъ. А въ общинѣ о. Стефана развѣ нѣтъ грѣховъ, которыми можно донять? Разстояніе между постройками неправильное,—по закону такъ, а на дѣлѣ не хватаетъ. Снести пять-шесть домишекъ, иначе снесутъ по распоряженію; обязательно станутъ выгонять народъ за тридцать верстъ для починки дороги. Да мало ли! И думать объ этомъ не сто̀итъ, такъ много случаевъ привести человѣка къ одному, со всѣми прочими, знаменателю. Однихъ мужицкихъ разговоровъ на тему: «Эхъ бы, и намъ такъ-то!»—вполнѣ достаточно для того, чтобы усомниться въ полезности существованія общины о. Стефана. Что̀ такое значитъ: «Эхъ бы, и намъ *такъ-то*»? А вамъ развѣ теперь *не такъ*? Въ концѣ концовъ о. Стефанъ, если онъ человѣкъ жалостливый къ собравшимся около него людямъ, либо приметъ на душу грѣхъ, пойдетъ на компромиссъ и дозволитъ кабатчику торговать (только вонъ въ томъ, молъ, мѣстѣ, за горкой, а не здѣсь), либо, не желая принять грѣха, уйдетъ въ «странствіе».

Во время поѣздки по Западной Сибири мнѣ пришлось слышать и еще объ одномъ «радѣтелѣ» на благо простого сѣраго человѣка, и хотя онъ также не понимаетъ блага безъ его реальнаго осуществленія, но его исторія показываетъ, до какой степени времена сузили, со дней житія Родіона, размѣры этого радѣнія и его сущность.

Въ г. Т. мнѣ цѣлый день пришлось ждать тюменскаго парохода. Всякихъ разговоровъ и всякихъ сибирскихъ ти-

новъ пришлось переслушать и перевидать множество. Между прочимъ, памятенъ мнѣ разговоръ одного священника съ однимъ городскимъ жителемъ. Священникъ былъ человѣкъ развязнаго обращенія и полагалъ, должно-быть, что разъ онъ не при исполненіи обязанностей, то можетъ позволить себѣ, при всей публикѣ, почесаться огромной рукой такъ, что зрители непремѣнно посовѣтуютъ ему идти въ баню. Огромный, хорошо закусившій, хохочущій и не стѣсняющійся въ жестахъ батя разговаривалъ такимъ развязнымъ тономъ, какимъ впору разговаривать хорошему торговцу на базарѣ.

— Ну, а что этотъ—«кляуза»?—грубо и громко спросилъ онъ у молодого человѣка.

— Кто такой?

— Да разстрига-то?

— А, N—въ!.. Ничего...

— Все мудритъ-мутитъ?

Неохотно отвѣтилъ ему молодой человѣкъ:

— Все попрежнему.

— Не покоряется? Который разъ съ него рясу-то въ участкѣ снимаютъ?

— Да ужъ раза три, кажется...

— И все претъ въ церковь? Все попомъ себя почитаетъ еще?

— Дѣйствительно, не признаетъ разстриженія... Прямо изъ участка, въ сѣромъ пиджакѣ, вошелъ въ церковь, въ алтарь, облачился и сталъ служить вторымъ...

— Такъ чего же его по шеѣ не огрѣютъ?

— Ну вотъ! По шеѣ!

— И прямо по шеѣ! Чего тутъ?

— Ну ужъ, право, не знаю...

Скоро священникъ уѣхалъ на другой берегъ рѣки, на большой лодкѣ, мягко застланной соломой и ковромъ. Онъ растянулся, какъ турецкій султанъ обыкновенно «растягивается» на лубочныхъ картинахъ. Съ нимъ сѣли и два здоровенныхъ же, хорошо закусившихъ сына; одинъ изъ нихъ былъ въ фуражкѣ какого-то министерства. Этотъ юнецъ, едва появился на пароходной пристани, безъ всякой церемоніи подошелъ ко мнѣ, сказалъ: «Позвольте папироску!»—и ни съ того ни съ сего заговорилъ о своихъ семейныхъ дѣлахъ, точно я былъ вѣкъ съ нимъ знакомъ. «...А старшая сестра, Марія, за становымъ... У насъ *рука* есть... большой богачъ». Обжорною жадностью плотоядныхъ

существъ отдавало отъ этихъ верзильныхъ и грубыхъ людей, и я радъ былъ, что ихъ унесло куда-то. Радъ былъ и молодой человѣкъ, котораго донималъ разговоромъ грубый собесѣдникъ.

Мы заговорили другъ съ другомъ, и я спросилъ его о томъ «разстригѣ», о которомъ только-что шелъ разговоръ.

— Это замѣчательная личность!

— Можетъ-быть, извѣстный нашъ недугъ... пьянство погубило его?—спросилъ я, такъ какъ разговоръ шелъ о немъ, какъ о забулдыгѣ.

— О, нѣтъ! Онъ не пьетъ ни капли! Это умный, энергическій, живой человѣкъ... даже писатель! У него выпущено въ свѣтъ очень много брошюръ, книжекъ...

— О чемъ же онъ пишетъ?

— Исключительно для народа и, главнымъ образомъ, хозяйственныя. Вообще это человѣкъ до крайности дѣятельный.

— Однако вотъ что-то съ нимъ случилось?

— Да, случилось! И очень все вышло нелѣпо. Дѣло началось съ пустяковъ... Не довольствуясь книгами, сталъ онъ въ своемъ приходѣ вводить разныя хозяйственныя нововведенія, образчики хорошихъ сѣмянъ, разведеніе такихъ растеній, которыхъ нѣтъ въ Сибири, но которыя могутъ въ ней произрастать... Словомъ, много работалъ въ смыслѣ улучшенія хозяйства. Но, можетъ-быть, у него мало было земли, или онъ просто увлекся своимъ дѣломъ и не обратилъ вниманія на народное невѣжество, только плантаціи его вышли изъ предѣловъ собственно его двора: весь его огородъ былъ уже разработанъ, и онъ, не думая сдѣлать худого, разгородилъ его и пошелъ дальше, разводя разныя растенія на томъ лоскуткѣ земли, который былъ между его домомъ и церковью, и добрался до самаго алтаря, да съ чѣмъ? Съ табакомъ! Народъ возопіялъ, а невѣжество народа возмутило священника. Могъ ли, въ самомъ дѣлѣ, такой человѣкъ уступать такой непомѣрной тьмѣ? Но и мужики не уступили, пожаловались. Потребовали N—ва, внушили, приказали не раздражать народъ. Пустяки, кажется? Но для N—ва это были никакъ не пустяки. Именно на этомъ пустякѣ онъ долженъ былъ признать преимущество невѣжества и тьмы, покориться чепухѣ мужицкой! А онъ вообще образованный, начитанный человѣкъ, именно образованный! Ко всему этому, онъ еще и нервный, впечатлительный, горячій, ни за что не хотѣлъ

исполнить того, что̀ ему приказывали. Я думаю, онъ даже не могъ бы пойти на такой компромиссъ, чтобы разводить табакъ въ другомъ мѣстѣ. Вѣдь дѣло въ томъ, чтобы не преклоняться предъ невѣжествомъ, голою глупостью; онъ и не преклонился. А затѣмъ не могъ уже избѣжать кары за неповиновеніе... И пошло: перевели въ отдаленнѣйшій приходъ,—не поѣхалъ, протестовалъ... Дальше, больше... Взяло его за живое, и ринулся онъ въ непрерывную борьбу... Ни семейное разстройство, ни недостатокъ, ничто его не остановило; по мѣрѣ того, какъ дѣло перешло совсѣмъ на иную почву и разыгрывалось уже не въ деревнѣ, а въ судахъ, въ канцеляріяхъ, онъ ни на одну секунду не усомнился въ томъ, что̀ считалъ справедливымъ; онъ пробирался съ своимъ протестомъ въ Петербургъ, въ высшія мѣста, и такимъ образомъ дошелъ до «изверженія изъ сана».

— Но и этого не признаётъ?

— Да! До сихъ поръ считаетъ себя священникомъ... Недавно раздѣвали третій разъ въ участкѣ, а теперь онъ опять въ рясѣ. Замѣчательный человѣкъ, а измается, погибнетъ. И теперь онъ не перестаетъ протестовать и такъ же настойчиво... Книжки его покупаются охотно, вотъ единственное его средство. Прошелъ слухъ, что онъ хочетъ уйти въ расколъ... Но не знаю, вѣрно ли это?

Кстати сказать, этотъ же молодой человѣкъ разсказывалъ мнѣ про другого мѣстнаго протоіерея Л—ва, недавно умершаго въ Самарѣ и перешедшаго за нѣсколько лѣтъ до смерти въ расколъ. Объ этой замѣчательной личности будетъ сказано особо въ одномъ изъ слѣдующихъ очерковъ *). Общественная дѣятельность этого образованнаго священника происходила не въ той средѣ, о которой идетъ у насъ рѣчь. Я говорю теперь только о «радѣтеляхъ» въ средѣ нашей темной крестьянской массы и поэтому опять возвращаюсь къ разговору объ г. N—вѣ, также желавшемъ быть радѣтелемъ въ темной крестьянской средѣ.

Такъ же, какъ Родіонъ, какъ о. Стефанъ, и священникъ N—въ не могъ сберечь для собственнаго «удовольствія» своихъ знаній и своего пониманія о недостаткахъ и горестяхъ «темнаго народа» и сейчасъ же отдалъ ихъ этимъ самымъ темнымъ массамъ, нескладная, безтолковая жизнь

---

*) «Деревенскіе раскольники». Т. III, въ очеркахъ «изъ текущей жизни».

которыхъ и возмутила его. Этотъ типъ, наиболѣе яркій образецъ котораго въ нашемъ разсказѣ представляетъ Родіонъ, постоянно примѣтенъ въ нашемъ обществѣ въ настоящее время. Наши учителя и учительницы въ огромномъ количествѣ дѣлали свое дѣло подвижнически, не ремесленнымъ образомъ и не изъ-за хлѣба; не изъ-за хлѣба только работали и работаютъ врачи, фельдшера, акушерки. Но не знаю, скажутъ ли они сами, что дѣятельность ихъ можетъ быть оживотворена сознаніемъ связи ея съ подъемомъ и просвѣтлѣніемъ личности, духовной жизни крестьянина.

Заглянемъ, для провѣрки разницы, опять въ тѣ глухія мѣста, гдѣ дѣйствовалъ когда-то Родіонъ.

Въ этихъ мѣстахъ теперь считается ревизскихъ душъ 2.589, тогда какъ наличныхъ уже 6.600 душъ. Крестьяне живутъ преимущественно земледѣліемъ, а въ зимнее время, кромѣ того, небольшая часть населенія занимается кустарнымъ промысломъ, дѣлаетъ сани, коробья, берестяные бураки, телѣжныя колеса. Промыселъ этотъ поддерживаетъ какъ при отбываніи казенныхъ повинностей, такъ и въ хозяйственныхъ расходахъ; причина весьма незавиднаго положенія крестьянъ—малоземелье, неимѣніе лѣсовъ, вслѣдствіе чего они арендуютъ очень много земли въ сосѣднихъ помѣщичьихъ дачахъ, уплачивая за арендованныя земли, отпускъ лѣса и выгонъ много денегъ. Положеніе родіоновскихъ потомковъ, какъ видите, изобилуетъ непосредственно бо̀льшимъ количествомъ скорбей, чѣмъ было ихъ у прародителей, но зато и радѣтелей у теперешнихъ потомковъ Родіона почти такое же количество, какъ и самыхъ скорбей; то, что у нихъ земли нѣтъ, это самымъ подробнымъ образомъ изслѣдовано и занесено въ статистическій сборникъ; то, что при тѣснотѣ пространства и утроившагося количества жителей могутъ въ село придти опять тѣ самые два изувѣра, одинъ красно-огненный, а другой черный, и между ними «четвероногое», это также не составляетъ тайны для образованнаго общества, и какъ только явится четвероногое, такъ явится и ветеринаръ; какъ только начнется эпидемія красно-огненнаго или чернаго качества, такъ явится и врачъ; священникъ будетъ хоронить мертвыхъ и крестить живыхъ; староста будетъ собирать подать; воровъ и пьяницъ берутъ кутузка и судъ; истощаютъ и развращаютъ народъ кабатчикъ и кулакъ, и такъ далѣе.

Несмотря на такое количество радѣтелей, никакихъ явно осязаемыхъ результатовъ, которые бы доказывали, что ро-

діоновскій потомокъ въ чемъ бы то ни было превзошелъ своихъ предковъ, пока, кажется, не видать. Всѣ радѣтели и сами по себѣ изнурены и истомлены одиночествомъ однообразнѣйшаго труда, а тѣ, о которыхъ радѣютъ, не только не дожили до расширенія своихъ духовныхъ потребностей, до береженія своей души, но какъ бы и думать-то объ этой роскоши перестали. Съ ихъ личной совѣсти снята всякая отвѣтственность за общественное зло, тогда какъ радѣтель Родіонъ прямо соединялъ общественное зло—красно-огненную и черную болѣзнь и всѣ бѣды и язвы, изъѣдавшія народъ — съ личными грѣхами и пороками этого народа: «питіе табаку», «пьянство», т.-е. всякія личныя неопрятности онъ умѣлъ отразить въ общественныхъ бѣдствіяхъ деревни, привести въ связь личную опрятность или неопрятность съ проявленіемъ того и другого въ обществѣ. Способъ радѣнія нашего времени снимаетъ съ нашей совѣсти отвѣтъ рѣшительно за все то зло, которое творится кругомъ насъ. Кражи, самоубійства, всякаго рода несчастія, о которыхъ мы читаемъ ежедневно въ газетахъ, не касаются насъ, читателей, ни въ какомъ отношеніи. «Дознаніе производится»—и конецъ дѣлу, и слѣда не останется отъ кровавой драмы или отъ ужаснѣйшаго несчастія.

Родіонъ же требовалъ отъ человѣка отвѣта за всѣ эти общіе грѣхи. Эпидеміи, и падежи, и прочія напасти онъ связывалъ съ неопрятностью личной нравственности обывателей. Расколоучитель, заманивая въ свою секту, прельщаетъ не матеріальными выгодами, а осмысливаетъ и осложняетъ личныя потребности вовлекаемаго въ секту. «Куда намъ, подлецамъ!»—говоритъ человѣкъ, убѣдившійся въ своемъ свинскомъ житіи. Расколоучитель доказываетъ ему противное, «вышетъ» изъ его сознанія это самопрезрѣніе, вдохнетъ бодрость и нѣкоторую гордость сознанія своей душевной цѣнности, освѣжитъ представленіе въ человѣкѣ «образа Божія»,—и вотъ человѣкъ уже не вернется туда, гдѣ «всѣ мы подлецы», не можетъ вернуться. Конечно, «личная» чистота раскольника весьма и весьма-таки частенько выражается въ замкнутости, въ отчужденіи и даже въ явной враждѣ къ людямъ, не осѣненнымъ тѣмъ просіяніемъ, которымъ осѣненъ просіявшій. Частенько этотъ просіявшій, для сохраненія собственной чистоты, не церемонится, для устроенія своего уютнаго, уединеннаго житія, опустошать и забирать въ лапы цѣлые деревни и уѣзды сѣраго «церковнаго» народа. Иной разъѣдается на своей

заимкѣ до размѣровъ мамонта и такимъ образомъ устраиваетъ для собственной своей души трехъэтажные апартаменты, но такими, изъ жира и сала созданными капищами «для пребыванія свѣтлой души» проявленіе дѣятельности раскола не исчерпывается; множество самыхъ прекрасныхъ и гуманныхъ учрежденій возникало подъ вліяніемъ идеи бережливаго охраненія личности и совѣсти человѣческой въ обществѣ, — идеи, возникшей опять же изъ личнаго побужденія беречь свою душу.

Нашъ же «сѣрый» крестьянинъ матеріальныя заботы всякаго рода вынужденъ ставить неизмѣримо выше заботъ о собственномъ грѣхѣ. Несомнѣнно, «грѣхъ» томитъ его; между прочимъ, желаніе «уйти отъ грѣха» играетъ не послѣднее мѣсто и въ переселенческомъ движеніи. Но кому уйти нельзя и ждать ниоткуда нечего, во имя отстраненія только матеріальной нужды, тотъ, несмотря на все обиліе радѣтелей, иногда вынужденъ прибѣгать также къ союзной жизни, но, примѣрно, вотъ какого рода:

«Я, вдова Н. С. Ш., съ согласія сына Мирона (13 лѣтъ), золовки Настасьи и тещи Ш., по случаю смерти мужа и *неимѣнія средствъ къ пропитанію малолѣтнихъ дѣтей и золовки, которая въ настоящее время находится калѣкою и даже сама ходить не можетъ*, а свекровь находится уже въ преклонныхъ лѣтахъ (80), изъ дѣтей же: сыну 13 лѣтъ, одной дочери 5 лѣтъ и другой 3 года, — почему я, Ш., *для пропитанія вышеупомянутаго семейства и содержанія хозяйства*, вступаю въ законное супружество съ крестьяниномъ Р., котораго принимаю въ домъ, вмѣстѣ съ сыномъ его Кондратіемъ 6 лѣтъ» *).

Не знаю ничего ужаснѣе этого союза тамъ, гдѣ человѣкъ и подумать-то не смѣетъ о собственномъ благообразіи, чему училъ Родіонъ. Матеріальное горе чувствуется такъ неотразимо, что не трудно «прозакладывать» и послѣдніе остатки души. Вотъ и отецъ N—въ, имѣя возможность, согласно общему направленію жизни, «радѣть» только въ какой-нибудь одной отрасли «улучшенія быта», живя въ деревнѣ, не имѣлъ уже ни права ни возможности связать практику выгодъ травосѣянія и бранденбургскаго овса съ удовлетвореніемъ нравственнаго благообразія человѣка, какъ это могъ дѣлать Родіонъ, и, конечно, не могъ имѣть успѣха.

---

*) «Сѣверный Вѣстникъ», № 9. Ст. Щербины: «Договорныя семьи».

4.

Перебирая и припоминая вновь все пережитое и перечитанное и углубляясь воображеніемъ въ самое отдаленное прошлое, я постоянно видѣлъ передъ собою облики радѣтелей, всегда близкихъ къ облику Родіона. Въ какомъ бы званіи и общественномъ положеніи они ни находились, въ какія бы времена ни жили, разъ неотразимо возникнетъ въ совѣсти ихъ нравственная потребность «радѣть» о благѣ ближняго, всегда радѣніе это выражалось по образу дѣйствій Родіона. И сейчасъ не оскудѣваетъ русская жизнь человѣкомъ съ сердцемъ чуткимъ и горячимъ въ стремленіи къ добру.

III. Чуткое сердце.

Изъ памятной книжки.

1.

...Прошлымъ лѣтомъ Анна Петровна Иванова, земская акушерка, поѣхала погостить и поотдохнуть недѣли двѣ у своей старухи-матери, жившей въ сосѣдней губерніи, и, несмотря на то, что она ѣхала дѣйствительно «отдыхать» и что она дѣйствительно «устала», устала не только отъ практики, но и вообще отъ безпрерывныхъ хлопотъ, которыхъ у нея было всегда великое множество, все-таки она не утерпѣла, чтобы не взять съ собой не только необходимыхъ для ея дѣла инструментовъ, но прихватила еще и книжекъ «для народнаго чтенія», лѣчебниковъ, календарей, даже кое-чего изъ дѣтской одежды. «Можетъ, понадобится», «можетъ, случится», — безъ такихъ предположеній она не жила на свѣтѣ, кажется, ни одной минуты.

Эту простую, сердечную заботу, которую постоянно искали ея внимательные глаза, ощутилъ въ ней даже простой мужикъ, тотъ самый извозчикъ, который ее везъ и съ которымъ она крѣпко торговалась прежде, чѣмъ наняла.

— Сердцемъ-то горяча, а душа у нея добрая! — сразу понялъ онъ, глянувъ на ея очень и очень простое лицо, и даже «книжка подъ мышкой», а также и то, что она была «стриженая», даже и этого признака неблагонадежнаго человѣка ямщикъ не поставилъ ей во грѣхъ.

Хотя мужикамъ и не была извѣстна полностью вся эта обширная поэма о «стриженыхъ» и «долгогривыхъ», все-таки и до нихъ, чрезъ мѣстную пиджачную интеллигенцію, дошли кое-какія свѣдѣнія о томъ, по какимъ именно признакамъ можно различать враговъ отъ радѣтелей. Но опытъ жизни съ этими долгогривыми и стрижеными, т.-е. самое тщательное, почти слѣдственное изученіе ихъ дѣлъ и поступковъ, частенько-таки убѣждалъ слѣдователей (всегда безпощадно строгихъ), что и въ тѣхъ и въ другихъ, и въ долгогривыхъ и въ стриженыхъ, иной разъ также «случаются» добрые люди, жалостливыя сердца, благодаря чему строгіе слѣдователи въ концѣ концовъ и додумались до простого, всегда свойственнаго простому человѣку вывода: «Надо разбирать и судить *глядя по человѣку*». Такъ вотъ и извозчикъ, наученный опытомъ, сразу расчухалъ, что «стриженая» Анна Петровна—человѣкъ хорошій, простой, изъ тѣхъ людей, у которыхъ совѣсть чистая, душа дѣтская, а сердце горячее, и только потому не сталъ долго торговаться и повезъ ее «задешево».

Двухъ верстъ они не отъѣхали отъ постоялаго двора, гдѣ акушерка перемѣнила лошадей, а ужъ между ними шелъ самый настоящій, одинаково важный для нихъ обоихъ разговоръ. И ямщикъ чувствовалъ, что разговоръ именно и ей, стриженой-то, такъ же существенно важенъ, какъ и ему, длиннобородому.

— Ужъ непремѣнно вы женъ-то своихъ тираните!— убѣжденно и съ непритворнымъ огорченіемъ говорила Анна Петровна.—Знаю я это, довольно видѣла!

— Нѣтъ, не бьемъ мы бабъ!—съ искреннимъ волненіемъ въ голосѣ протестовалъ извозчикъ, сидя уже полуоборотомъ къ Аннѣ Петровнѣ. — Это ужъ горе бьетъ, несчастье, съ кѣмъ не бываетъ? Не токма бить, а даже и оставить ихъ дома изъ-за заработка, и то не хотимъ! Упираемся идти въ отходъ всячески и ужъ изъ всѣхъ силъ домъ бережемъ! У насъ этого нѣтъ, чтобы на фабрику уйти, пока Богъ хранитъ. А трудно! И бабамъ трудно и мужикамъ невмоготу... Нѣту, барышня, не бьемъ, почитаемъ!.. Въ нашихъ мѣстахъ бабы-то не то лѣтомъ всякую полевую работу справляютъ, а и всю зиму за станомъ сидятъ, да не то день, а и ночь! Нашихъ бабъ нельзя не почитать! Почитаемъ, вѣрно тебѣ говорю, а невмоготу жить стало! Арендуемъ земли по тридцать рублей подъ ленъ... Нельзя безъ денегъ обойтись, то и дѣло: «отдай, отдай!». Сама знаешь!

Въ прежнее время прямо возили въ городъ въ первыя руки, и цѣна была хорошая, а теперича Господь наслалъ на насъ саранчу—«скупщиковъ»!.. Такъ и шмыгаютъ по всей округѣ. Запутали всѣхъ въ долги, цѣну сбили—бѣда!.. Да и земля-то не родитъ, исчахла, дай Богъ самъ-два, а коли самъ-три, такъ и не знаемъ, какъ Бога благодарить! А все крѣпимся, все къ дому жмемся, не хотимъ оторваться или, сохрани Господи, бабъ нашихъ пустить въ отходъ! Не дай этого Господи!

— Развѣ никто изъ помѣщиковъ не продаетъ здѣсь земли?

— Сколько угодно земель продается, да поди-ка, укупи!

— Какъ?—заговорило въ Аннѣ Петровнѣ ретивое.—А крестьянскій банкъ? Вѣдь у васъ есть крестьянскій банкъ въ губерніи? Отчего вы не покупаете?

— И банкъ у насъ есть, и это мы очень прекрасно знаемъ, а поди-ка, укупи изъ банка-то!

— Что̀ ты это говоришь? Тамъ люди хорошіе, понимаютъ вашу нужду. Я знаю, у насъ въ губерніи Иванъ Ѳедоровичъ такой хорошій! Все сдѣлаетъ мужикамъ. Отчего же вы не согласитесь, не выберете кого-нибудь? Какъ такъ? Вамъ даютъ деньги на покупку земли, а вы не сообразите, какъ купить?

— И соображали, матушка ты моя, и выбирали, а все толку нѣтъ! И банкъ есть, и земля есть, и мужикъ есть, которому земля нужна, все есть! И все бы хорошо, да замѣшался между нами тремя жадный человѣкъ, такой же нашъ братъ мужикъ, какъ волкъ, и все на свою сторону норовилъ обернуть—и банкъ и землю.

— Кто же онъ, подлецъ этакій?—совсѣмъ разсердилась Анна Петровна.

— Много ихъ, не одинъ и не два, а тьма! Сама ты посуди, вѣдь не всѣ мужики равны по карману-то. Есть вѣдь и у насъ, у лапотниковъ, мужики съ толстою мошной, слѣдъ ли ему въ компанію съ нами, съ бѣднотой идти, когда у него есть своя компанія? Ихъ меньше насъ, да денегъ у нихъ больше, купятъ для своей компаніи, каждый помѣщикомъ станетъ, намъ же въ аренду будетъ отдавать, да еще чище помѣщика сдеретъ!

— Такъ вѣдь васъ больше! — горячилась Анна Петровна.—Отчего же вы не сговоритесь и сами отъ себя не пошлете депутата?

— Сговаривались, и депутатовъ посылали, да вотъ какъ

у насъ вышло-то: продавала одна барыня имѣніе, и мы послали старосту. Чего выбирать, коли онъ и такъ выбранъ? И пошелъ онъ туда, прямо сказать, за все общество хлопотать, да врагъ-то силенъ! Деньги теперь мутятъ нашего брата, денегъ намъ надо! Вотъ вѣдь порча какая пошла! Вотъ и нашъ староста пошелъ къ барынѣ-то, сказалъ ей все, что̀ было велѣно, а та сейчасъ согласилась, даже обрадовалась, что мужикамъ, да на грѣхъ послала его къ управляющему. А управляющій-то, мало что на мужицкую цѣну не согласенъ, ужъ имѣлъ своего покупателя-купца, жоха настоящаго. Купцу-то надо было лѣсъ изводить, денегъ онъ за имѣніе давалъ больше, чѣмъ мужики, и взятку управляющему далъ хорошую. Вотъ управляющій-то и говоритъ: «Хоть барыня и рада продать вамъ, мужикамъ, но у меня семейство, меня тоже надо пожалѣть, а мнѣ купецъ три тысячи награды даетъ. Бери и ты отъ меня триста рублей, откажись и ступай съ Богомъ, есть и другія мѣста! А не согласишься, я ужъ сумѣю барыню разговорить».

— Взялъ?—вспыхнувъ, воскликнула Анна Петровна.

— Взялъ! взялъ, чортова кукла! взялъ! Утаилъ отъ насъ, сказалъ: «ужъ продана!». Взялъ, анаѳема!

— Ахъ, онъ! Ахъ!—внѣ себя отъ волненія восклицала Анна Петровна, стуча дождевымъ зонтикомъ въ дно телѣги и тѣмъ заглушая эпитеты, которыми она, по всей вѣроятности, награждала негоднаго мужичонку. Нельзя было разслышать этихъ эпитетовъ также и ямщику, потому что и самъ онъ также находился въ волненіи и не могъ прекратить своего разсказа громкимъ, напряженнымъ голосомъ:

— Взялъ, пострѣлъ! Продалъ, измѣнникъ! Да на эти же іудины деньги и еще разъ перепродалъ насъ же, анаѳема!

Лицо Анны Петровны стало совсѣмъ больное; она хотѣла что-то спросить и вдругъ закашлялась, схватилась за грудь, но глазами и рукой давала ямщику знать, чтобы онъ продолжалъ. Долго она откашливалась, приходила въ себя, и долго ямщикъ повѣствовалъ о новой измѣнѣ недобрыхъ людей противъ бѣднаго крестьянства.

— И перепродалъ-то какъ: въ компанію тихомолкомъ съ прочими плутами вступилъ, не задумался ни единой минуты! Вотъ ты гляди теперича округъ себя, видишь (ямщикъ показывалъ кнутомъ): вонъ виднѣется деревня Язева, а вонъ — Солнцево... Видѣла? Обернись-ка бокомъ-то, по-

гляди,—эво будетъ тебѣ деревня Чеботарева, а глянь за спину, и Шишкину деревню примѣтишь... Такъ и идутъ округомъ цѣлыхъ двадцать пять деревень, вотъ въ этотъ, въ лѣвый бокъ, да-алеко ихъ и много въ лѣвый-то бокъ, покуда до Язева-то опять добѣжишь. Тутъ въ округѣ-то и наша деревня Осиновая... И всѣ-то, родная ты моя, двадцать-то пять деревень, какъ мухи облѣпили богатѣйшее имѣніе господское, графское. Всѣ мы у него арендовали, и всѣмъ намъ безъ него житья бы не было, и что̀ управляющій хотѣлъ, то и брали съ насъ. Тридцать рублей десятина подъ ленъ! Чего ужъ! И вдругъ пошелъ слухъ: продаетъ баринъ имѣніе это. Побѣжала вѣсть по всей округѣ, надоумили добрые люди опять о крестьянскомъ банкѣ. «Безпремѣнно намъ эту землю надобно купить! Купятъ кулачье—шкуру сдерутъ!..» Идетъ забота по всей линіи, изъ деревни въ деревню,—а какъ всѣ двадцать пять согласить? Кому довѣрить? Пробовали довѣрить, сама видѣла, что̀ вышло? И одну-то, и ту довѣренный надулъ!.. Галдѣть галдимъ, а толку нѣтъ, а время идетъ, того и гляди кулацкіе когти вопьются... Однакоже прошелъ слухъ, — были какіе-то мужики у самого у барина, рѣшились, сходили къ нему, разсказали свое житье-бытье... «Что-жъ,—говоритъ баринъ:—я не прочь. Мужикамъ-то, говоритъ, для меня еще пріятнѣе. Пусть добромъ меня поминаютъ. Пришлите трехъ-четырехъ человѣкъ!..» А какъ намъ трехъ-четырехъ выбрать изъ двадцати-то пяти обществъ? И половины-то другъ дружку хорошенько не знаемъ! Надумали отъ каждой деревни по два человѣка, чтобъ одинъ другого подправлялъ, когда надо. «Нѣтъ, — говоритъ баринъ: — этакъ я не могу, я не привыкъ... Говорить съ полсотней народу не могу! Созывайте волостной сходъ, выбирайте старшину довѣреннымъ,—вѣдь цѣлою волостью выбираете старшину-то?...» А вѣдь и впрямь, думаемъ, такъ. Пошло по округѣ, собрали въ четырехъ волостяхъ сходки, выбрали четырехъ старшинъ. «Дѣлайте, ребята! Постойте за міръ крещеный!» Богу помолились, отправили. Пошло дѣло въ ходъ. Согласенъ баринъ. Въ городъ надо ѣхать. Стали наши депутаты шнырять, шмыгать то въ городъ, то изъ города. То вмѣстѣ съѣдутся, то разъѣдутся, по недѣлямъ ихъ нѣтъ... «Что̀ же, какъ?..» — «Погодите, ребята! Надо разузнать, что̀ банкъ дастъ; баринъ цѣну поднялъ эво какую!» Пошелъ слухъ—цѣну баринъ проситъ огромаадную!.. Батюшка ходитъ по приходу, тоже поговариваетъ словно ненарокомъ: «Свяже-

тесь, говоритъ, съ банкомъ, не развяжетесь!.. И дѣтямъ закаетесь на банкъ надѣяться! Коли недоимку не платишь, и то имущество продаютъ, а какъ еще долгу тысячъ шестьдесятъ на шею навалите, да не заплатите, развѣ помирволятъ? И старое-то, что̀ было, продадутъ, а новое и такъ отнимутъ... И деньги-то, какія дадите, тоже пропадутъ...» И даже изъ газеты намъ читалъ, какъ банкъ рушитъ хозяйства... «Что̀ такое?—думаемъ.—Зачѣмъ же этакій непріятный банкъ удѣланъ? Будто бы вѣдь для хорошаго, та̀къ мы понимаемъ, а тутъ вотъ и батюшка пужаетъ».—«Рады, говоритъ, что гдѣ-то деньги даютъ, такъ обѣими руками и хватаетесь. А потомъ кулакомъ слезы утирать станете!» И депутаты-то наши тоже на батюшку стали кивать: «Недаромъ, молъ, отецъ Ѳедосей скорбитъ! да и баринъ не снисходитъ!» И стала брать насъ оторопь, родная ты моя! Потому стращать—стращаютъ, а сами депутаты ни дня ни ночи покою не знаютъ,—шмыгаютъ и въ городъ, и къ батюшкѣ, и къ барину. «Не мутятъ ли, молъ, и тутъ чего-нибудь?..» Пошло по всей линіи сомнѣніе, стали-было думать, какъ разузнать? Анъ, родная ты моя, третьяго-дня, вотъ какъ мы съ тобой ѣдемъ, такъ трое сутокъ назадъ, стало-быть, въ среду, вся ихняя язва-то и открылась! Прикатилъ купецъ Камилавкинъ изъ города въ волость, да прикатилъ-то, можетъ, получасомъ раньше, чѣмъ живорѣзы-то наши собрались, да и отрапортовалъ: «Имѣніе ужъ, говоритъ, куплено у барина, только купили его не всѣми деревнями, а компаніей, товариществомъ. Ваши депутаты, да прочіе, у кого деньжонки есть, вотъ это и есть товарищи!» И нашъ измѣнникъ въ той же компаніи! «А я, говоритъ купецъ-то, лѣсъ у нихъ, у компаньоновъ, за десять тысячъ приторговалъ! Эти деньги пойдутъ барину въ задатокъ... Теперича вотъ пріѣхалъ поглядѣть лѣсокъ, денька чрезъ три-четыре и денежки отдамъ, а въ скорости и опять пріѣду лѣсъ рубить, васъ въ работники нанимать!» Ка-акъ зарѣзалъ насъ купецъ этими словами! Пришибло насъ всѣхъ по всей округѣ! И вѣдь все нашимъ именемъ орудовали. «Бѣдные, говорятъ, мужички, цѣна велика... сбавьте, ваше сіятельство!» И вѣдь сбавилъ! Повѣрилъ! Потомъ пришли къ барину, отказались отъ мірской покупки: «Не одолѣть, говорятъ, нашимъ мужикамъ! Уступите, говорятъ, ваше сіятельство, товариществу; мы, молъ, тоже крестьяне, все своего брата поддержимъ!» Да и предали насъ на съѣденіе!.. Вотъ, родная, племя-то чортово какое развелось!..

У извозчика выступили слезы на глазахъ. Анна Петровна была въ полномъ изнеможеніи.

— Когда былъ купецъ? — безсильнымъ шопотомъ спросила она.

— Третьяго-дня, родная, третьяго-дня!

— А можетъ-быть, задатокъ и не отданъ еще?

— Задатокъ-то, пожалуй, и не отданъ, да чего сдѣлаешь теперича? Ужъ лѣсъ продали!

Минута была роковая въ жизни двадцати пяти деревень. Одна эта минута—и надежды сотенъ людей облегчить свое изнурительное существованіе должны замереть въ нихъ навсегда; передъ ними и передъ ихъ подрастающимъ поколѣніемъ ничего иного ужъ не будетъ, кромѣ безысходной тяготы неблагодарнаго, изнурительнаго труда. Что бы мы, читатель, сдѣлали съ вами въ такую роковую минуту? Развѣ мужики не разсказывали намъ, при нашихъ случайныхъ встрѣчахъ съ ними, чего-нибудь подобнаго? Много мы ощущаемъ страданія, много ворчимъ, клянемъ всѣхъ и вся, ропщемъ на себя, на Бисмарка, на Европу, даже въ концѣ концовъ додумываемся до мысли о самоубійствѣ всякій разъ, когда насъ потрясетъ какая-нибудь ошеломляющая безсмыслица нашей жизни, но и только! Не такова была Анна Петровна.

— Но задатокъ, можетъ-быть, еще не отданъ? — трепещущимъ голосомъ повторила она какъ бы про себя. Щеки ея зардѣлись лихорадочнымъ румянцемъ, и, не дожидаясь отвѣта ямщика, она рѣшительно сказала ему:—Вези меня къ барину! Слышишь? Далеко онъ живетъ?

Ямщикъ остолбенѣлъ и глядѣлъ на Анну Петровну со слезами на глазахъ и съ открытымъ ртомъ.

— Слышишь? Далеко ли живетъ баринъ? Гдѣ усадьба?

Анна Петровна стала теребить его за плечо, опять стучала зонтикомъ, и черезъ нѣсколько секундъ столбняка ямщикъ сразу пришелъ въ неописанное волненіе.

— Поѣдешь? — дергая и уже настегивая лошадь и задыхаясь отъ волненія, съ испугомъ и радостью прогудѣлъ онъ глухимъ голосомъ. — Скажешь?.. А мо... а можетъ... Бо-богъ...

И онъ дралъ и гналъ лошаденку.

— Вези прямо къ барину! Если не данъ задатокъ, можно все поправить! Надо разсказать!

— Скажи, родная, скажи!..

И дралъ и дралъ клячу.

Кое-какъ во время этого неистовства надъ клячей Анна Петровна узнала, что до усадьбы восемь верстъ въ сторону отъ ближайшей деревни, до которой оставалось версты три. Она сообразила, что на этой клячѣ ямщикъ ее не домчитъ, объяснила отуманенному огромнымъ значеніемъ роковой минуты ямщику, чтобъ онъ прямо мчалъ въ тотъ дворъ деревни, гдѣ есть свѣжія лошади, и что она тамъ умоется и одѣнется, потому что пыль уже густымъ слоемъ лежала на ея лицѣ и одеждѣ.

— Что̀, ребята, не проѣзжали депутаты къ барину?— оралъ ямщикъ, несясь по деревнѣ, до которой наконецъ доѣхали.

— Нѣ!—орали ребята.

— Слава тебѣ, Царица Небесная! Не проѣзжали! Запрягай скорѣй! Ѣдетъ барышня къ барину! Всю правду скажетъ!

Мигомъ была запряжена другая телѣга, мигомъ умылась, одѣлась, причесалась Анна Петровна и, въ компаніи съ старымъ ямщикомъ, который присѣлъ на облучокъ, помчалась къ барину. Анна Петровна и сама бы не могла разсказать, какимъ образомъ она добралась до владѣльца богатаго имѣнія; такихъ мелочей она даже и не помнила, и только замерла сердцемъ, когда наконецъ увидѣла барина и должна была спросить его:

— Вы... получили задатокъ на землю?

— Нѣтъ!—изумленно глядя на взволнованную женщину, коротко отвѣтилъ баринъ. — Еще не получалъ. Сейчасъ должны быть...

Анна Петровна сразу ослабла и безъ приглашенія опустилась, почти упала въ кресло, ноги у нея подкосились.

— Васъ обманули... Вамъ говорили: «крестьяне не могутъ купить, бѣдны»!.. Сбили цѣну!.. Крестьяне могутъ, могутъ! Васъ обманули!

Владѣлецъ не успѣлъ даже и сообразить еще, въ чемъ дѣло, какъ Анна Петровна уже съ необычайнымъ волненіемъ, со всею непритворною искренностью огорченнаго сердца, заражая слушателя своимъ гнѣвомъ противъ кулацкой подлости, наглости, обмана, торопливо и спѣшно разсказала ему всю предательскую исторію. Исторія изумила владѣльца. Кулацкая гнусность оскорбила его. И онъ, не сообразивъ и не подумавъ, кто все это ему сказалъ, и кто предъ нимъ сидитъ, и почему эта «стриженая» вмѣшалась въ его и крестьянскія дѣла, а единственно только отъ не-

нависти къ злу, которою заразила его чистосердечнѣйшая мольба Анны Петровны, съ искреннимъ негодованіемъ произнесъ:

— Ахъ, негодяи! ахъ, Колупаевы! Надо сейчасъ дать знать въ банкъ.

— Я поѣду сама! Я скажу! Я сама сейчасъ!

— Но какъ же такъ?

— Я скажу! Вы только прогоните этихъ обманщиковъ! Прогоните и пріѣзжайте!

Широкій ямской тарантасъ на лучшей тройкѣ съ лучшаго постоялаго двора, весь биткомъ набитый «компаньонами»-товарищами, во всю мочь мчался къ имѣнію того самаго барина, откуда уже выѣхала Анна Петровна. Веселы и шумно-разговорчивы были эти новые образчики будущихъ рабовладѣльцевъ, и сіяли ихъ лохматыя лица такъ же ярко, какъ и красныя рубахи.

— Вотъ и нашъ Іуда-предатель!—возопилъ старый ямщикъ, когда мимо телѣги, на которой ѣхала Анна Петровна, промчалась эта кулацкая орда. — Вонъ онъ ноги свѣсилъ наружу, бороденкой трясетъ, дьяволъ!

Орда выпучилась проницательными взорами на этихъ проѣзжихъ, удивилась радостному тону мужика, который заклеймилъ измѣнника, и промчалась, умчавъ съ собой звуки еще нѣсколькихъ недобрыхъ словъ:

— Прозѣвали!

Эти непривѣтливыя слова гаркнули имъ всѣ мужики, облѣпившіе телѣгу, на которой ѣхала Анна Петровна. Кромѣ стараго ямщика, на эту телѣгу усѣлось съ краевъ еще человѣка четыре крестьянъ, всѣ безъ шапокъ, всѣ босикомъ и всѣ въ радостномъ возбужденіи.

Среди ихъ радостнаго галдѣнія не замолкалъ и радостный голосъ Анны Петровны, прерываемый иногда кашлемъ.

Скоро голосъ этотъ слышался уже въ комнатѣ предсѣдателя крестьянскаго банка, слышался и въ канцеляріи, и вездѣ сердечность каждаго слова, сказаннаго Анной Петровной, была какъ бы знакомъ того, чтобы на эти слова сходились люди съ такимъ же простымъ, но дѣятельнымъ сердцемъ, какое слышалось даже въ тонѣ рѣчи Анны Петровны. Не разспрашивали ее, кто она такая, но прямо чувствовали, что дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, возмутитель-

ное и нельзя допустить, чтобъ оно было выполнено. Искреннее сочувствіе выказалъ предсѣдатель, заскорбѣлъ и бывшій въ присутствіи «хорошій человѣкъ», хотя и посторонній банку, какой-то Николай Петровичъ; и его, посторонняго, взяло за живое, и еще Андреянъ Егоровичъ пришелъ изъ канцеляріи, и тотъ «вышелъ изъ себя», и такимъ образомъ дѣло пошло въ ходъ.

— Да мы на моихъ поѣдемъ! — сказалъ Николай Петровичъ, обрадовавшись, что онъ неожиданно «ожилъ», хотя, конечно, пять минутъ назадъ и подозрѣвать не могъ, что его умчитъ по какимъ-то дѣламъ какая-то Анна Петровна.—Я ихъ знаю, этихъ мужиковъ! — радостно говорилъ онъ, чувствуя, что «положительно» слѣдуетъ дѣйствовать.

— Чего же вы смотрѣли?

— Такъ вѣдь...

И сначала ѣдутъ Николай Петровичъ съ Анной Петровной, берутъ на подмогу стараго ямщика, переѣзжаютъ съ нимъ изъ деревни въ деревню, объявляютъ объ обманѣ. А потомъ, вмѣстѣ съ владѣльцемъ, ѣдетъ ужъ и чиновникъ крестьянскаго банка, оба они составляютъ въ каждой деревнѣ особые приговоры, и дѣло принимаетъ законный ходъ. Убѣдившись, что дѣло кончилось благополучно, Анна Петровна опять нанимаетъ стараго ямщика, садится въ его телѣгу, кладетъ туда сумочку, связку книгъ и продолжаетъ путь къ матушкѣ.

А скоро въ газетахъ появляется извѣстіе, что «въ такой-то губерніи, въ такой-то волости, 25 деревень всѣмъ міромъ, безъ всякаго изъятія хотя бы одного изъ его членовъ, купили у графа Н. до трехъ тысячъ десятинъ земли, съ быстротой и точностью раздѣлили ее, сразу ожили, подняли свое хозяйство, и на нѣсколькихъ десяткахъ десятинъ земли, которая осталась отъ общаго передѣла, вздумали устроить мірскую сыроварню».

Но, прежде нежели въ газетахъ появилось это извѣстіе, становой приставъ Буцефаловъ, женихъ дочери отца Ѳеодосія, покинулъ свою невѣсту и предпочелъ вступить въ бракъ съ купчихой Коробейниковой.

2.

Животворныя послѣдствія горячаго порыва чуткаго сердца Анны Петровны оказались такъ же животворными и не въ одной Семеновкѣ, гдѣ внукамъ и правнукамъ завѣ-

щано вѣчно поминать, на каждой молитвѣ, Анну Петровну за здравіе. Животворное значеніе получила сущность этого порыва и въ средѣ людей совершенно иного положенія, людей бѣдствующихъ не отъ матеріальнаго изнуренія, а отъ изнуренія и истощенія нравственной, духовной жизни. Произошло это второе оживотвореніе такъ же неожиданно и случайно, какъ и первое. Анна Петровна, уѣзжая къ матери «отдохнуть», не думала не гадала, что ей по пути предстоитъ осчастливить семеновцевъ. Не думалъ и не гадалъ податной инспекторъ Гавриловъ, отправляясь послѣ театра въ Малый Ярославецъ, съ единственною цѣлью «хорошенько подзакусить», что и ему придется кого-то оживотворить разсказомъ о подвигѣ Анны Петровны, которой онъ даже и не зналъ, о которой только слышалъ что-то, а что̀ слышалъ, давно позабылъ.

Первая «неожиданность», совратившая Гаврилова съ истиннаго пути «къ буфету», была неожиданная встрѣча старыхъ товарищей, людей, которые не видѣли другъ друга не менѣе двадцати лѣтъ и совершенно случайно сошлись послѣ театра въ Маломъ Ярославцѣ. Казалось бы, что послѣ такой продолжительной разлуки встрѣча должна быть радостная, задушевная и бесѣда оживленная, но вышло не такъ; встрѣтились задушевно и радостно, но оживленной бесѣды не состоялось, и это — вторая неожиданность для податного инспектора, а изъ нея и произошло все послѣдующее...

Всѣ эти собесѣдники давно не помышляли о прошломъ, утративъ въ своемъ сознаніи все его значеніе и смыслъ и находясь только подъ впечатлѣніемъ настоящаго. «Настоящее», казалось имъ, всѣми способами стремится къ тому, чтобы стереть съ лица земли людей ихняго поколѣнія, и, думая такъ, они имѣли на то весьма существенныя основанія.

Съ половины шестидесятыхъ и всѣ семидесятые годы, всѣ эти старые товарищи были очень близки другъ къ другу. Почти всѣ они жили большею частью въ Петербургѣ, а если и разъѣзжались по разнымъ концамъ Россіи, то все-таки ни на минуту не теряли между собою взаимной связи. У всего тогдашняго молодого поколѣнія было большое и дѣйствительно *общее* дѣло. Составитель учебника для сельской школы, копошась надъ этою новою и трудною работой въ холодной, нетопленной каморкѣ на Петербургской сторонѣ, не могъ ограничиваться только изложеніемъ

своего предмета; ариѳметическую задачу нельзя было безъ всякихъ измѣненій перепечатать изъ гимназическаго учебника въ народный. «Локомотивъ, который пробѣгаетъ въ часъ столько-то верстъ», надобно было замѣнить телѣгой, на которой Ермолай везъ хлѣбъ на мельницу, — слѣдовательно надобно было много думать объ общемъ строѣ народной жизни.

Точно такими же цѣлями руководствовался и не такой, повидимому, малый работникъ общаго дѣла, какъ составитель учебника ариѳметики для народной школы, а и такой крупный дѣятель, какъ предсѣдатель губернской управы. Онъ отстаивалъ крупные, основные вопросы: реформу налоговъ, земельное управленіе, кредитъ, деревенское самоуправленіе, сходъ, судъ, и во всемъ этомъ лежало одно и то же основное начало, проникавшее всѣ частности земскаго дѣла и всѣхъ ихъ объединявшее, именно начало обновленія жизни, обезличенной бурмистрами, самостоятельнымъ стараніемъ народныхъ массъ о собственномъ и взаимномъ благополучіи. Дѣла большого, а главное—*общаго* было много какъ для маленькаго человѣка, такъ и для большого.

Но идея не успѣла даже и начать осуществляться на дѣлѣ, какъ угрюмая, сердитая старина стала ему поперекъ. Съ успѣхомъ, совершенно непропорціонально громаднымъ сравнительно съ успѣхомъ дѣла составителя учебника, дѣла земца, эта старина, съ первыхъ же дней реформы, направила всю свою стихійную силу на то, чтобы не дать ходу молодымъ побѣгамъ жизни. Самыя неистовыя, явныя хищничества, земельныя, банковыя, желѣзнодорожныя, торжественно, безбоязненно, побѣдительно предъявляютъ себя молодому поколѣнію, ежедневно, въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ. И въ то же время корреспонденція сельскаго учителя, направленная противъ сельскаго хищника, губила этого корреспондента и нимало не вредила хищнику. Немудрено, что такое продолжительное несоотвѣтствіе добрыхъ и злыхъ теченій въ нашей жизни разрѣшилось тою ужаснѣйшею *истерикой*, которая надолго пришибла сплошь все русское общество. Люди, по тѣмъ или инымъ причинамъ устоявшіе или устранившіеся отъ истерической эпидеміи, стали понемногу разъединяться другъ отъ друга, стали подумывать чаще, чѣмъ прежде, «о хлѣбѣ» и о тихомъ пристанищѣ.

Вотъ, по всѣмъ этимъ основаніямъ, понемногу разъединялись другъ отъ друга и тѣ «старые товарищи», которые,

спустя долгіе годы, встрѣтились неожиданно въ Маломъ Ярославцѣ. Всѣ они уже большею частью служили, но старались выбирать такія мѣста, гдѣ имъ не скажутъ, примѣрно, слѣдующаго: «Вашъ докладъ написанъ прекрасно. Но поставьте, пожалуйста, частицу *не* тамъ, гдѣ у васъ сказано въ утвердительномъ смыслѣ, и тогда будетъ именно такъ, какъ слѣдуетъ». Предпочитали они, поэтому, такого рода мѣста, гдѣ не требовалось ни мнѣній ни убѣжденій служащаго, а платились деньги только за механическій трудъ: банкъ, счетное отдѣленіе въ желѣзнодорожномъ управленіи, статистическій комитетъ,—словомъ, такія мѣста, гдѣ главную роль играютъ счеты, записываніе цифръ и возможность совершенно свободно размышлять о томъ, что̀ изъ этихъ цифръ вышло, хотя размышлять и *молча*. Что-жъ? молча можно съ полнымъ безпристрастіемъ и неустрашимостью раскритиковать или разоблачить какую-нибудь плутоватую цифру и, благодаря этому, можно не продавать за чечевичную похлебку своихъ взглядовъ и убѣжденій. И точно, если даже теперь, при полномъ, повидимому, разъединеніи старыхъ товарищей, забредетъ къ кому-нибудь изъ нихъ письмо, также отъ какого-нибудь стараго товарища, но во сто разъ болѣе, чѣмъ они, несчастнаго, всѣ они не отложатъ въ дальній ящикъ дѣла о помощи или хлопотъ по инымъ его просьбамъ и сдѣлаютъ все, что̀ нужно, все, что̀ возможно въ ихъ положеніи.

Но съ годами и эта возможность хоть немного «ожить» въ какомъ-нибудь сочувственномъ дѣлѣ стала все болѣе и болѣе уменьшаться, и то, что̀ въ нихъ осталось истинно хорошаго, непроданнаго за хлѣбъ и неизмѣннаго, все это большею частью практиковалось только въ узкихъ предѣлахъ собственной семьи. Семьи ихъ, большею частью сложившіяся уже не въ молодыхъ годахъ, послѣ многочисленныхъ и трудныхъ испытаній, передрягъ, страданій, въ большинствѣ случаевъ возникали изъ искренно сознанной привязанности, сознательной любви, которая и берегласъ ими свято и нерушимо. Такія семьи тщательно берегутъ личную самостоятельность другъ друга, берегутъ чуткую совѣсть своихъ дѣтей и, конечно, тревожатся объ ихъ участи.

Вотъ почему тѣ изъ случайно встрѣтившихся старыхъ товарищей, кому Богъ далъ устроить, наконецъ, себѣ «тихое пристанище» какъ въ заработкѣ, такъ и въ семьѣ, и которые по совѣсти рѣшили, что теперь единственное и существенное ихъ дѣло — «семья» и «дѣти»,—

первымъ дѣломъ, при ихъ случайной встрѣчѣ, конечно, прежде всего хотѣли бы говорить о семьѣ, о дѣтяхъ. Но ихъ прошлое само собой заградило путь къ этой искреннѣйшей бесѣдѣ: съ полнѣйшею ясностью оно напоминало имъ о томъ, «какіе они были», оно напомнило объ этомъ ихъ внѣшностью (сѣдиной, а то и лысиной), ихъ теперешнимъ положеніемъ, удовольствіемъ жить «въ тихомъ пристанищѣ», припомнивъ тѣ прекрасные дни «юности», которые имъ радостно было вспомнить, вся послѣдующая жизнь припомнилась имъ лишь въ тяжкихъ воспоминаніяхъ, вызывала въ ихъ памяти гораздо больше чернаго, чѣмъ бѣлаго, и вотъ почему шумный разговоръ собесѣдниковъ, неизбѣжный вообще при случайныхъ встрѣчахъ старыхъ знакомыхъ, на этотъ разъ не могъ быть оживленнымъ и не сулилъ этого оживленія въ дальнѣйшей бесѣдѣ.

Къ счастью ихъ, неожиданно нашлась-было весьма благодарная тема для общаго разговора; нѣкоторые изъ этихъ старыхъ товарищей, а нынѣ податныхъ инспекторовъ, чиновниковъ при крестьянскихъ банкахъ, служащихъ въ желѣзнодорожныхъ управленіяхъ и т. д., пользуясь отпускомъ въ Петербургъ, не преминули побывать и въ театрѣ, видѣли драму «Ивановъ», и такъ какъ о ней много говорили, то и они нашли возможнымъ по поводу нея коснуться вообще состоянія «современнаго общества». Не растревоживая такимъ образомъ личныхъ воспоминаній своего прошлаго, они получили возможность высказать то, что̀ въ своихъ банкахъ и управленіяхъ они *молча* думали о настоящемъ.

И первое время разговоръ на эту тему какъ будто бы и дѣйствительно оживился.

— Ловко онъ схватилъ все это безобразіе! Отлично!

— Живо, вѣрно, чудесно!—слышалось съ разныхъ сторонъ.

А желѣзнодорожный служащій, по фамиліи Усачовъ, немного уже охмелѣвшій, задумалъ-было придать разговору шутливое направленіе и тономъ легкой насмѣшки сказалъ черезъ весь столъ растолстѣвшему статистику Кондратьеву:

— А? Михаилъ Петровъ? А? братъ? До чего мы дожили-то? Михаилъ Петровъ? Слышишь, что-ль?

— Слышу, слышу! — отвѣчалъ ему Кондратьевъ: — что̀ такое? До чего дожили?

— «Давай съ тобой кувыркаться»! Помнишь, въ первомъ дѣйствіи?

— Что-о-о? — въ недоумѣніи отозвался-было и податной инспекторъ Гавриловъ, больше всѣхъ посѣдѣвшій, но меньше всѣхъ прикасавшійся къ стакану. — Кто? что̀?

— Умнѣйшая, братецъ ты мой, женщина! — иронизируя и соболѣзнуя, продолжалъ Усачовъ. — Женщина, которая изъ-за убѣжденія — понимаешь ли? — изъ-за извѣстныхъ цѣлей, конечно, высшихъ, перемѣнила вѣру, бросила семью, состояніе, пошла за человѣкомъ принципа. И теперь, въ наши времена, до того все это въ ней изсякло, что она этому самому Иванову, мужу, предлагаетъ иногда *отъ скуки* кувыркаться! «Вели принести сѣна, и давай съ тобой кувыркаться!» А? Это Сарра-то, которая шла на подвигъ! И вѣдь когда ей въ голову-то пришло? Вѣдь передъ смертью, вѣдь она умирала уже! Каковъ успѣхъ-то? А ну-ка и мы съ тобой такъ-то... помремъ «кувыркомъ»? Вѣдь доживаютъ люди? Почему-жъ мы-то? Развѣ наша жизнь умнѣе?

Но шутливая рѣчь Усачова не имѣла успѣха. Растолстѣвшій статистикъ омрачилъ ее и тономъ рѣчи и самою рѣчью.

— Нѣтъ, другъ любезный! — сказалъ довольно сурово Михаилъ Петровичъ Усачову. — Дожили, дѣйствительно дожили до такого безобразія, какое представлено въ драмѣ «Ивановъ», это вѣрно! но какіе-такіе люди дожили до такого состоянія — этого я, кажется, не понимаю; я даже вотъ что̀ тебѣ скажу: объяснять причины такого безсмысленнаго существованія извѣстной части общества тѣмъ, что нѣкоторые изъ этихъ страдальцевъ погибаютъ отъ слишкомъ напряженной общественной дѣятельности, — это значитъ съ больной головы валить на здоровую!

— Это, братъ Михайла, вѣрно! — все болѣе и болѣе обмягчаясь, благодаря постоянно пополняемому стакану, уже почти лепеталъ Усачовъ. — Вѣрно, Миша! Не присваивай чужого имущества!

— Погибъ и развалился вдребезги, превратился въ прахъ отъ слишкомъ напряженной дѣятельности! — уже съ нѣкоторымъ негодованіемъ въ голосѣ продолжалъ Михаилъ Петровичъ. — Слишкомъ страстно предался, видите ли, устройству школъ какихъ-то, вѣроятно, ссудосберегательныхъ товариществъ, — словомъ, изоврался въ любви къ ближнему до того, что, будучи земскимъ гласнымъ, не можетъ ѣхать въ собраніе, а предпочитаетъ отдохнуть отъ своихъ ужаснѣйшихъ разочарованій все-таки при *ней*. И вѣдь читаетъ совѣты: не женитесь на женщинахъ съ убѣ-

жденіемъ, не суйтесь въ реформы, — все это прахъ, все это доводитъ до безсмысленнаго состоянія. И газеты то же твердятъ: «Самопожертвованіе довело до безсмыслицы!»

— И вѣдь всего только «годъ тому назадъ» Ивановъ былъ «поглощенъ» кипучею дѣятельностью *)! — съ тонкой насмѣшкой проговорилъ «служащій въ крестьянскомъ банкѣ», все время неразговорчивый, но не скучный и внимательный слушатель.

— Да!—разсердился уже совсѣмъ Михаилъ Петровичъ.— «Я,—говорилъ Ивановъ,—годъ тому назадъ былъ необыкновенно оживленъ дѣятельностью» **). А Сарра считаетъ не годъ назадъ, а три года. «Три года назадъ, говоритъ, онъ былъ совсѣмъ другой!»... Числа-то даже перезабыли!

И вслѣдъ затѣмъ началась скучная и томительная рѣчь и именно объ этихъ безобразіяхъ жизни. Оживленная бесѣда положительно не удавалась, чему немало способствовалъ «служащій въ крестьянскомъ банкѣ», неожиданно перенесшій разговоръ о современномъ обществѣ въ такую таинственную область, что даже и скучные разговоры изсякли, замерли, и слушатели были почти окончательно помрачены.

— Жизнь этихъ людей, — глубокомысленно проговорилъ онъ, соображая о чемъ-то важномъ:—это не жизнь! Это... *гипнозъ!*

Этихъ страшныхъ словъ было совершенно достаточно для того, чтобы даже Усачовъ окончательно замолкъ и забылъ про то, что надо доливать стаканъ. Но ораторъ, убѣдившись, что все общество находится въ столбнякѣ, нашелъ этотъ моментъ весьма удобнымъ для того, чтобы

*) Изъ драмы «Ивановъ»... «Если когда-нибудь въ жизни тебѣ встрѣтится молодой человѣкъ, горячій, искренній, неглупый, и ты увидишь, что онъ любитъ, ненавидитъ и вѣритъ не такъ, какъ всѣ, работаетъ и надѣется за десятерыхъ, сражается съ мельницами, бьется лбомъ о стѣны, если увидишь, что онъ взвалилъ на себя ношу, отъ которой хруститъ спина и тянутся жилы, то скажи ему: не спѣши расходовать свои силы на одну только молодость, побереги ихъ для всей жизни; пьянѣй, возбуждайся, работай, но знай мѣру, иначе жестоко накажетъ тебя судьба!» (Дѣйствіе IV, явл. IX).

**) Дѣйствіе III, явл. VI: «...Еще *года нѣтъ*, какъ я былъ здоровъ и силенъ, былъ бодръ, неутомимъ, горячъ, *работалъ этими самыми руками*, говорилъ такъ, что трогалъ до слезъ даже невѣждъ, *умѣлъ плакать*, когда видѣлъ горе, возмущался, когда встрѣчалъ зло. Я зналъ, что такое вдохновеніе, зналъ прелесть и поэзію такихъ ночей, когда отъ зари до зари сидишь за рабочимъ столомъ или тѣшишь свой умъ мечтами. Я вѣровалъ, въ будущее глядѣлъ, какъ въ глаза родной матери... А теперь, о, Боже! утомился».

прочитать сотоварищамъ цѣлую лекцію о гипнотизмѣ, тянувшуюся не менѣе какъ полтора часа. Пересказывая все, что̀ происходило на этомъ товарищескомъ вечерѣ, я никакъ не могу пропустить и этой длиннѣйшей лекціи, но постараюсь пересказать ее въ самомъ краткомъ видѣ.

Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на *свойство* и *качество* гипнотическаго *сна*.

«Такой ли это сонъ, какимъ спитъ дворникъ Егоръ, сидя зимой у воротъ? Всякому извѣстно, что не только приказаніе или «внушеніе»: «Егоръ, отвори» — не дѣйствуетъ на Егора, спящаго у воротъ, но что если и палкой его потолкать, и даже за воротникъ шубы потрясти довольно энергически, да притомъ же непристойно повторять во всеуслышаніе всей улицы: «Егоръ, отвори!» — и то Егоръ не послушаетъ этихъ внушеній и будетъ спать до тѣхъ поръ, покуда не будетъ приподнятъ за тотъ же воротникъ усиліями обѣихъ рукъ вопіющаго къ нему человѣка. Не та̀къ спитъ субъектъ загипнотизированный. Онъ засыпаетъ не по требованію всего организма, не исключая и желающаго отдохнуть *сознанія*, а именно только однимъ *сознаніемъ*. Желая довести человѣка до гипнотическаго сна, стараются удалить изъ всего многосложнаго механизма, называемаго человѣкомъ, только *одного этого хозяина*, повелителя надъ всѣмъ этимъ огромнымъ хозяйствомъ, именуемымъ человѣческою жизнью, и дѣйствуютъ при этомъ именно такъ, чтобы *сознательная* дѣятельность хозяина и повелителя сошла на нуль, сосредоточилась на безсмыслицѣ, на пустякѣ, отъ которыхъ хозяинъ уходилъ, не понимая ее: показываютъ на свѣтящуюся точку, «сосредоточиваютъ» вниманіе на кольцѣ, на камнѣ въ перстнѣ, просятъ *ни о чемъ не думать*, кромѣ предлагаемой безсмыслицы. Сознанію нечего дѣлать съ безсмыслицей, и оно уходитъ; тогда человѣку, у котораго уже *нѣтъ царя въ головѣ*, говорятъ: «*спи!*»—и онъ остается въ ту же секунду вполнѣ *безъ* малѣйшаго *сознанія самого себя;* но организмъ его вовсе *не спитъ:* онъ видитъ, слышитъ, ходитъ и дѣлаетъ все, что̀ ему *прикажетъ* — уже не собственный его хозяинъ, *царь его* собственной *головы*, а всякій чуждый ему хозяинъ, всякая чужая воля и мысль; его живое безсознательное тѣло, его живой, но безъ царя въ головѣ, организмъ не только воспринимаетъ безпрекословно всевозможныя, не отъ него идущія впечатлѣнія, но откликается даже и на неосязаемыя вліянія: магнитъ,

коснувшись этого живого трупа сѣвернымъ полюсомъ, коверкаетъ его въ страшныхъ судорогахъ, тогда какъ прикосновеніе южнаго полюса разливаетъ во всемъ его организмѣ ощущеніе чего-то необычайно радостнаго и пріятнаго. Когда же этому рабу внѣшнихъ впечатлѣній говорятъ: «проснись!» — онъ опять оживаетъ «съ царемъ въ головѣ» и видитъ въ стулѣ стулъ, а не преступника; теперь его нельзя заставить убить, заставить украсть, теперь онъ скажетъ: «не хочу!», «глупо!», «подло!»; теперь его хозяинъ, царь, царствующій надъ всѣмъ достояніемъ его естества, оберегаетъ свое право сопротивленія внѣшнимъ впечатлѣніемъ, отгоняетъ иныя изъ нихъ, другія беретъ, хранитъ, бережетъ.

«Такія-то минуты бываютъ и вообще въ жизни человѣческой, когда сознанію человѣка обрѣзаны крылья, когда хозяинъ божественнаго механизма почти бросаетъ хозяйство, и тогда живой трупъ начинаетъ жить не сознаніемъ впечатлѣній а *ощущеніемъ* впечатлѣній... Люди, изображенные г. Чеховымъ, живутъ только *ощущеніями*. Они выросли и жили именно въ то время, когда сознательная жизнь все убывала и убывала...»

Нѣкоторое время вся компанія находилась какъ бы въ самомъ непробудномъ гипнотическомъ снѣ. Но когда «служащій» замолкъ и, находясь нѣсколько въ возбужденномъ состояніи, налилъ себѣ стаканъ вина, то сотоварищи какъ бы проснулись, вспомнивъ, что и они забыли про свои стаканы, и скоро, пробужденные отъ сна, шумно стали сообщать собственные свои комментаріи на эту лекцію.

— Помилуйте!—вопіялъ кто-то, покрывая всѣ голоса:— все снято съ плечъ, все! Никто ни въ чемъ неотвѣтственъ.

— Если бы «хозяинъ» въ моей головѣ жилъ, какъ подобаетъ хозяину, принимая одно, отвергая другое, я бы боролся съ тѣмъ, что̀ мой хозяинъ не принималъ, отвергалъ. Въ этомъ и жизнь!

— А теперь магнитъ дѣйствуетъ: пришелъ къ Иванову южный полюсъ въ амазонкѣ и развеселилъ, а тарелка съ объѣдками на письменномъ столѣ разсердила и огорчила.

— А жена-то взбѣсила? Сѣверный полюсъ! Точь въ точь какъ сѣверный полюсъ судороги производитъ. А та, южный полюсъ, весела, и Ивановъ веселъ, и веселъ даже тогда, когда жена умираетъ на его же глазахъ!

— Всю бѣду валятъ на страстность въ трудѣ «для общества»?—почти съ ожесточеніемъ уже гремѣлъ Михаилъ

Петровичъ.—Это «жертвы ошибки»—жить во имя общаго счастья? Можно исчахнуть отъ тоски, но не потерять сознанія!

И затѣмъ Михаилъ Петровичъ сталъ рисовать картину страданій людей своего поколѣнія. Не замедлили присоединиться къ нему и другіе товарищи съ своими воспоминаніями, но, начавъ рѣчь о томъ, что убѣжденіе не гаснетъ въ самыхъ тяжкихъ препятствіяхъ, идущихъ ему наперерѣзъ, незамѣтно стали припоминать только одни препятствія. Общая картина невознаградимыхъ страданій, вмѣстѣ съ тягостными картинами жизни, о которыхъ шла рѣчь, благодаря драмѣ «Ивановъ», положительно привела всѣхъ опять въ самое тяжелое душевное настроеніе. Стали пить мрачно, говорить злобныя рѣчи.

Вотъ тутъ-то податному инспектору и стало «невмоготу».

Показалось ему, что изъ рѣчей собесѣдниковъ оказывается, будто ужъ и свѣту ниоткуда не видно, тогда какъ онъ постоянно убѣждался, что это не такъ.

И вдругъ онъ вспомнилъ молву про Анну Петровну и разсказалъ о ней первое, что̀ ему вспомнилось.

— Я сную по всей губерніи изъ конца въ конецъ,— пояснялъ онъ свой разсказъ:—вижу тьму всякаго народу и постоянно убѣждаюсь, что плодится и множится у насъ на Руси типъ простого, добраго человѣка, который воистину любитъ ближняго, *какъ самого себя*. Прочитаете въ газетахъ извѣстіе о какомъ-нибудь хорошемъ дѣлѣ на пользу общую,—знайте, что безъ добраго человѣка, безъ Анны Петровны, дѣло, навѣрное, не обошлось. Пока—добрый, незамѣтный человѣкъ только еще стережетъ худое и мертвое дѣло и дѣлаетъ живое дѣло тамъ, гдѣ придется и случится. Но придетъ время, живое дѣло потребуется въ бо̀льшихъ размѣрахъ, и «вѣрный въ маломъ», несомнѣнно, «и во многомъ будетъ вѣренъ». А разъ у насъ потихонечку множатся добрые люди, Анны Петровны, какъ же смѣете вы, старичье вы преунылое, выть и скрежетать о вашемъ мучительномъ прошломъ и лжесвидѣтельствовать, будто бы оно миновало, не оставивъ слѣда, и что якобы ничего не вышло? Вышло и выросло! И ничего не пропало! Вышли и выросли Анны Петровны, выросли тысячами и сотнями тысячъ, а поживутъ онѣ—вырастутъ и цѣлыя тьмы!

Осушивъ, вслѣдъ за этимъ гимномъ Аннѣ Петровнѣ, цѣлый стаканъ кахетинскаго, чего съ Гавриловымъ вообще

не бывало, онъ уже не имѣлъ никакого сомнѣнія въ томъ, что облысѣлое, посѣдѣлое, отолстѣлое и одряхлѣлое «старичье», унылое и омраченное до разсказа объ Аннѣ Петровнѣ, дѣйствительно и, такъ сказать, безповоротно просіяло дѣтскою радостью, ожило и воскресло изъ мертвыхъ.

Нельзя было сомнѣваться въ этомъ еще и потому, что лакей гостиницы Малый Ярославецъ, очень скоро послѣ воскресенія «собесѣдниковъ» изъ мертвыхъ, попросилъ этихъ господъ немного «потишѣть», такъ какъ въ сосѣднемъ кабинетѣ дамы «обижаются», и что если имъ угодно, то можно отвести другой кабинетъ, въ отдаленномъ мѣстѣ. И въ другомъ кабинетѣ старичье не унялось, и не могло оно уняться до бѣлаго свѣта, потому что вся прошлая жизнь теперешняго «старичья», омраченная въ послѣдніе годы непрерывнымъ сознаніемъ ея безплодности, безрезультатности, пожалуй, даже причинности царящей въ обществѣ апатіи къ общественному дѣлу, — теперь эта прошлая, юношеская жизнь ихъ, благодаря разсказу объ Аннѣ Петровнѣ, воскресла въ ихъ сознаніи съ настоящимъ ея смысломъ, дала возможность ощутить въ себѣ въ тягостную минуту жизни каплю искренняго сознанія, что прошлое, хотя и утраченное, не было ошибкой, заблужденіемъ, и что оно принесло даже, видимо, хорошіе результаты. А это большое счастье для человѣка, оканчивающаго жизненный путь!

И дѣйствительно, послѣ разсказа Гаврилова точно гора свалилась съ плечъ у всѣхъ собесѣдниковъ. Вспомнилась свѣтлая сторона трудныхъ временъ, тяжкая жизнь, согрѣтая горячимъ желаніемъ относиться къ ближнему *какъ къ самому себѣ*, и все, что оставалось въ ихъ сердцахъ живого и нетлѣннаго, все вышло на бѣлый свѣтъ и широко распахнулось.

— Дамы обижаются!—опять вопіяли лакеи.

— Михайла!—гнѣвался буфетчикъ: — скажи имъ! Что это такое?

— Не слушаютъ, Иванъ Матвѣичъ!

Около шести часовъ утра на Большой Морской слышны были даже возгласы:

— Городовой!

Но въ концѣ концовъ этотъ неожиданно сдѣлавшійся пріятнымъ вечеръ никто изъ сотоварищей (опять разъѣхавшихся и разъединившихся по своимъ «мѣстамъ»), надо думать, долго не забудетъ.

IV. Невидимка Авдотья.

Изъ записокъ служащаго «по найму».

1.

...Первымъ дѣломъ по пріѣздѣ моемъ въ г. N. была, разумѣется, необходимость найти квартиру. Пріятель мой, служившій въ N-скомъ обществѣ взаимнаго кредита (онъ-то и переманилъ меня въ N. изъ г. ***, гдѣ я служилъ на желѣзной дорогѣ), зашелъ за мною поутру въ скверненькій номерокъ «Славянской» гостиницы, и мы вмѣстѣ отправились на поиски. Сначала, конечно, нѣкоторое время мы употребили просто на обзоръ «новаго» города, но когда оказалось, что онъ точь въ точь такой же, какъ и тотъ, изъ котораго я пріѣхалъ, только дома и церкви, совершенно похожіе на дома и церкви стараго моего пепелища, разставлены въ иномъ порядкѣ, чѣмъ тамъ,—тогда мы, въ сотый разъ убѣдившись въ однообразіи нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ мѣстожительствъ, усердно приступили къ неотложному дѣлу,—и вскорѣ квартира была отыскана.

Здѣсь я долженъ сказать два слова о себѣ и о своихъ запискахъ, чтобы читатель зналъ, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло и какія именно записки придется ему читать. Я человѣкъ, какъ говорится, маленькій. Съ семнадцати лѣтъ, едва окончивъ гимназію, я принужденъ былъ «кормить» большую семью, оставшуюся «безъ средствъ» послѣ смерти отца. Съ семнадцати лѣтъ я долженъ былъ служить, т.-е. *наниматься* на то или другое мѣсто, за то или другое вознагражденіе, и, разумѣется, размѣры вознагражденія имѣли въ жизни моей большое значеніе: живешь-живешь гдѣ-нибудь, получаешь рублей пятьдесятъ, вдругъ какой-нибудь пріятель пишетъ:—«пріѣзжай! есть мѣсто на семьдесятъ!»—и волей-неволей приходится разрывать начавшіяся въ г. N. знакомства и связи и ѣхать, иной разъ на другой конецъ Россіи, входить въ новыя связи, новыя знакомства, а потомъ опять, отъ какой-нибудь прибавки въ нѣсколько десятковъ рублей, снова разрывать ихъ. «Наемному» человѣку, понукаемому нуждой, нельзя иначе и поступать.

Скучна и холодна такая жизнь, и вотъ такою-то жизнью я прожилъ тридцать пять лѣтъ, выжидая, покуда подра-

стутъ братишки и сестренки и получатъ возможность сами добывать себѣ хлѣбъ. Изъ этой автобіографіи читатель можетъ видѣть, что записки мои не могутъ обѣщать чего-либо особенно занимательнаго; жизнь прошла среди смѣшанной толпы такихъ же почти «нанимающихся» на разныя работы людей, какъ я самъ, но все-таки это была жизнь; все-таки кое-что я переживалъ душой, кое-что меня сильно волновало, занимало, а иной разъ и до слезъ трогало. Вотъ я и хочу отъ скуки, отъ-нечего-дѣлать и, пожалуй, частью отъ того, что литературная работа доставляетъ мнѣ гораздо болѣе удовольствія, чѣмъ работа надъ банковыми книгами, записать кое-что изъ моихъ воспоминаній, и если начинаю съ г. N., а не съ г. *** или съ какого-либо другого мѣста моей разнообразной служебной географіи, то просто потому, что мнѣ почему-то кажется, будто такъ будетъ лучше. Я собственно не знаю—«съ чего начать?», и начинаю поэтому съ чего-нибудь.

2.

Итакъ, я, при помощи товарища, нанялъ квартиру со столомъ, въ двѣ комнаты. Ходъ въ эти двѣ комнаты былъ со двора, совершенно отдѣльный отъ хозяевъ, и квартира сообщалась съ хозяйскою половиной только чрезъ кухню. Оказалось, что мѣсяца два тому назадъ эти двѣ комнаты занималъ самъ хозяинъ, «отставной чиновникъ, ходатай по дѣламъ», отецъ многочисленнаго семейства, которое все тѣснилось въ другой половинѣ маленькаго дома, выходившей на улицу. Ровно два мѣсяца тому назадъ ходатай по дѣламъ и отецъ многочисленнаго семейства, отправившись съ какими-то довѣрителями-купцами въ уѣздный городъ на «мировой съѣздъ», вывалился изъ тарантаса, при чемъ случилось какъ-то такъ, что довѣрители навалились на него, а на довѣрителей навалился тарантасъ; можетъ-быть, къ тому же кто-нибудь изъ нихъ былъ пьянъ, а можетъ-быть, и всѣ они, не исключая ямщика, были подъ хмелькомъ,—точныхъ подробностей никто не зналъ, даже и изъ семейныхъ, но въ концѣ концовъ ходатай по дѣламъ оказался мертвымъ, одинъ изъ довѣрителей опасно ушибленнымъ, а другой довѣритель и ямщикъ кое-какъ добрались до города и объявили семейству ходатая по дѣламъ:

— Померъ хозяинъ-то!

Хозяина привезли, похоронили, и многочисленное семейство осталось безъ хозяина, т.-е. нежданно-негаданно, отъ

какой-то случайности, образовалась цѣлая куча народу, и взрослаго и маленькаго, безъ средствъ, безъ цѣли жизни, безъ знанія жизни,—словомъ, безъ кормила и весла. Такая крайняя безпомощность, неизбѣжный результатъ семьи, въ которой на первомъ планѣ фигурируетъ *«глава»*, а все остальное толчется только вокругъ этого самаго главы, хорошо мнѣ знакома; и потому, едва хозяйка дома, показывая комнаты, отдававшіяся въ наемъ, со слезами на глазахъ разсказала исторію съ тарантасомъ, а главное, едва я увидѣлъ эту недоумѣвающую толпу женщинъ и дѣтей, толпившихся въ дверяхъ, какъ мнѣ тотчасъ, и притомъ совершенно ясно, представилось и прошлое этой семьи и ея настоящее.

Не было никакого сомнѣнія, что «покойникъ» былъ истинный кормилецъ и подпора всего этого люда. Разумѣется, онъ, какъ говорится, «перъ на своей шеѣ» тяжелую ношу расходовъ, добывалъ деньги на эти расходы, какъ и гдѣ могъ, думалъ объ этой добычѣ день и ночь, бралъ ее гдѣ нахрапомъ, гдѣ поклономъ,—словомъ, работалъ въ потѣ лица, но работалъ только потому, что чувствовалъ на своей шеѣ «обузу». Очевидно, что онъ и отгородилъ себѣ эти двѣ отдѣльныя комнатки для того, чтобъ ему эта «обуза» не докучала. Онъ доставитъ ей поросенка, притащитъ рыбу, купитъ кусокъ холстины, матеріи—словомъ, все сдѣлаетъ, потому что на немъ «хомутъ» и нельзя не идти въ хомутѣ, когда «обуза» толкаетъ въ спину, но, работая какъ волъ, онъ дѣлаетъ это подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ его дѣла «не совали носа». «Не суйся», «не лѣзь!», «не твое дѣло», «знай свое дѣло», «у меня и безъ васъ есть объ чемъ подумать»,—вотъ требованія и мотивы ихъ, которыми непремѣнно должно было руководствоваться семейство покойнаго ходатая. Мнѣ представляется, какъ онъ, добывъ гдѣ-нибудь штуку матеріи, сунетъ ее женѣ, скажетъ: «на!», и уйдетъ въ свою половину читать бумаги, а жена и бабушка и дочь примутся разсматривать матерію, хвалятъ рисунокъ, пробуютъ добротность, проектируютъ нарядъ и потомъ уложатъ матерію въ комодъ, оставаясь въ полномъ невѣдѣніи того, какъ она досталась «главѣ семейства», за какіе труды, за какія дѣла. Покойникъ, очевидно, былъ вполнѣ увѣренъ, что «всѣ онѣ» ровно ничего не понимаютъ (да это и дѣйствительно справедливо) и ровно ничего не поймутъ, если бы даже «ихъ» собралось въ двадцать разъ больше, и что

поэтому для всѣхъ *ихъ* весьма достаточно просто сказать— «на!» и уйти. Очевидно было для меня также и то, что и семейство покойнаго, начиная отъ бабушки до послѣдняго ребенка, было твердо увѣрено, что ему именно не должно совать носа въ дѣла родителя и хозяина. Они твердо знали, что отъ «дѣловъ», какія дѣлаетъ этотъ родитель и хозяинъ, зависитъ все ихъ существованіе, и что именно поэтому нельзя, невозможно мѣшаться въ нихъ. Надо всячески, поэтому, стараться угодить главѣ, посторониться отъ него, дать ему дорогу. И вотъ утромъ, когда хозяинъ и добычникъ бѣгаетъ и рыщетъ по дѣламъ, семья занимается тѣмъ, что «ждетъ» его къ обѣду, кой-чѣмъ убивая время (за чаемъ, за кофеемъ); послѣ обѣда добычникъ спитъ, а семья «не суется» и ждетъ его къ чаю, гадая на картахъ, сидя подъ окномъ и глядя на улицу. Идутъ года, семья растетъ, добыча становится труднѣе, глава ужъ не просто «претъ въ хомутѣ», а «воротитъ съ корнемъ», а семья, видя это, совсѣмъ отвыкаетъ понимать что̀ бы то ни было, кромѣ нуждъ и желаній главы, предъявляемыхъ «дома».

И вдругъ—смерть! Нѣтъ главы, нѣтъ смысла ни въ обѣдѣ, ни въ ужинѣ, ни за самоваромъ; невозможно объяснить, зачѣмъ собралась такая куча народа и почему для этой кучи нынѣ нѣтъ никакихъ денегъ? Что̀ за безобразіе такое? Развѣ такъ можно? Развѣ это справедливо?

Именно въ такомъ невозможно безпомощномъ состояніи было семейство, въ которомъ я нанялъ квартиру. Ни бабушка ни вдова рѣшительно не знали, что̀ имъ теперь дѣлать? Очевидно, покойникъ много работалъ для нихъ и сумѣлъ добиться, что они «не знали нужды», но очевидно было, что, и при покойникѣ и послѣ него, его семейные ровно ничего не понимали ни въ жизни, ни въ деньгахъ, ни въ добычѣ ихъ. Это обнаружилось при первомъ же посѣщеніи.

— Сколько же вы желаете за комнату?—спросилъ я вдову, длинную женщину съ бѣлыми глазами, изъ которыхъ постоянно лились слезы.

— Пятьдесятъ!—пролепетала она, рыдая, и когда мой пріятель, какъ говорится, «ахнулъ» отъ удивленія и едва удержался, чтобъ не сказать: «опомнитесь!», такъ вдова еще сильнѣе залилась слезами.

— Боже мой!—воскликнула она.—Но вѣдь намъ нуж-жно!?

— Надо кормиться-то или нѣтъ? какъ по-твоему?—басомъ сказала бабушка, глядя на насъ, какъ на разбойниковъ.

— Кормиться надо, только пятьдесятъ рублей—это невозможно!

— Невозможно!—басомъ произнесла бабушка.—А возможно не ѣвши сидѣть? Ты долженъ объ этомъ подумать!

Вдова всхлипывала; дочь, дѣвушка лѣтъ шестнадцати, полная, высокая (она пробовала держать экзаменъ въ гимназію, но сконфузилась своего вполнѣ уже женскаго роста и ушла) и, повидимому, добрая дѣвушка, зардѣлась отъ «стыда» за бабушку, но, какъ мнѣ показалось, и она также не совсѣмъ хорошо понимала: почему нельзя платить пятидесяти рублей, когда они нужны?

Послѣ долгихъ переговоровъ, кое-какъ уговорились. За 35 руб. въ мѣсяцъ квартира была нанята со столомъ.

— Ну, Богъ съ тобой!—заключила торгъ бабушка.—Живи!

— Что̀ дѣлать!—глубоко вздохнувъ, произнесла вдова, вытирая глаза:—дѣлать нечего! Когда нельзя больше, что̀ же я могу? Но только вы ужъ, пожалуйста, дайте мнѣ за пять мѣсяцевъ? Ужъ...

— Помилуйте! Вѣдь это больше полутораста рублей. Мнѣ такихъ денегъ взять негдѣ!

— Нѣтъ, Бога ради!

— Ей-Богу, я не могу. Спросите у него (я сослался на товарища). Жалованье выдаютъ помѣсячно.

— Ну, я васъ прошу.

— Извините!

Я было-хотѣлъ удалиться...

— Пожалуйста!—порываясь ко мнѣ, продолжала хозяйка.—Если можно! Вѣдь вы служите? Гдѣ вы служите?

— Въ банкѣ.

— Во-отъ!—загремѣла бабушка, какъ бы обличая меня.

— Вотъ видите!—обрадовалась вдова.—Неужели же вы не можете взять изъ банка? Неужели же они не повѣрятъ своему служащему? А мнѣ, я вамъ откровенно скажу, ужасно нужно!

— Попроси, попроси хорошенько!—совѣтовала бабушка мнѣ.—Анъ, глядишь, и дадутъ!

Надо было много терпѣнія, чтобы доказать нуждавшемуся въ средствахъ семейству всю невозможность этой операціи. Да и то въ концѣ концовъ никто изъ нихъ не повѣрилъ нашимъ доводамъ, даже дѣвушка, и та сомнѣвалась въ томъ, что мы говоримъ правду. А бабушка только рукой махнула и ужъ не басомъ, а шопотомъ произнесла:

— Ну, Богъ съ вами!

Затѣмъ вдова повела насъ въ свою половину, прося посмотрѣть продажный столъ и поискать для него покупателя. Столъ былъ круглый, окрашенный подъ орѣхъ, но цѣна ему была семьдесятъ пять рублей, потому именно, что вдовѣ нужны были такія деньги. Наконецъ гимназистикъ перваго класса (одѣвалъ и платилъ за него какой-то купецъ, обязанный чѣмъ-то покойному ходатаю), сынъ вдовы, принесъ откуда-то изъ чулана какую-то «вещь», о которой никто не имѣлъ опредѣленнаго понятія, не зная, зачѣмъ она, и всѣ поэтому думали, что за нее можно взять «хорошія» деньги. Вещь оказалась старымъ большимъ вентиляторомъ, у котораго къ тому же было выломано колесо. Вдова просила насъ, не найдемъ ли мы покупщиковъ, при чемъ она согласилась взять, «что̀ дадутъ», не торгуясь, такъ рублей пятнадцать, но когда мы и тутъ отказали въ своемъ содѣйствіи, то она вновь заплакала и, всхлипывая, едва могла проговорить:

— Чѣмъ же я буду жить-то, скажите вы мнѣ, пожалуйста?

3.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней по переѣздѣ на квартиру (я переѣхалъ въ тотъ же вечеръ), я могъ до нѣкоторой степени обстоятельно изучить нравы и будничный обиходъ жизни моихъ хозяевъ. Положимъ, что въ этомъ изученіи ни для меня ни для кого другого не было и нѣтъ особенной надобности, но что̀ же мнѣ, нанятому одинокому человѣку, и изучать-то кромѣ того случайнаго общества, въ которое бросаетъ случайно полученный заработокъ? Хорошо— попадется книга, читаешь отъ доски до доски. А нѣтъ книги—лежишь, смотришь въ стѣну и слушаешь, что̀ за стѣной. Все это, конечно, какъ отдыхъ, послѣ цѣлаго дня корпѣнья надъ бумагами и счетами. Вотъ такимъ образомъ и тутъ изучалъ я моихъ хозяевъ. Особливо мнѣ бросилась въ глаза одна черта, господствовавшая во всѣхъ ихъ поступкахъ и мысляхъ, именно лѣнь. Лѣнь одѣваться, лѣнь идти, лѣнь двинуться съ мѣста, и въ то же время упрекъ другъ къ другу въ этой лѣни.

— Да двинься ты хоть на минуточку!—сидя на лежанкѣ въ другой комнатѣ, упрекаетъ бабушка барышню.—Видишь, Ванюшка плачетъ! Экая неповоротливая!

— Что̀ мнѣ двигаться съ мѣста на мѣсто? Тамъ Ваня.

— Да! какъ же!—отвѣчаетъ Ваня:—такъ я и буду бѣгать изъ угла въ уголъ!

— О, Господи,—вопіетъ вдова многочисленнаго семейства, пріютившаяся на диванѣ:—гдѣ это Авдотья?

— Авдотья! Авдотья!—звонко вторитъ барышня.

— Авдотья!—басомъ вопіетъ бабушка.

— Авдотья, тебя зовутъ!—телеграфируетъ откуда-то гимназистъ.

И цѣлый хоръ людей, которымъ «лѣнь подняться», начинаютъ вопіять что-то къ Авдотьѣ:

— Что̀ ты, барыня экая, оглохла?—баситъ бабушка.

— Звали, звали, звали!..—колокольчикомъ звенитъ барышня:—а ребенокъ кричитъ цѣлый часъ!

— Хоть бы одну-то, одну-то минуту дали спокойно отдохнуть!—слышится жалобный голосъ вдовы.

Иной разъ они такъ «присидятся», къ своимъ мѣстамъ, кто къ окну, кто къ дивану, кто къ печкѣ, что сидятъ неподвижно по цѣлымъ часамъ, по временамъ только вздыхая или зѣвая и почесывая кто плечо, кто спину, кто глазъ. Сидятъ и молчатъ.—«Не зажигай огня!»—слышу изъ-за стѣны. И тьма даже пріятна и пригодна имъ. Что̀ они, думаютъ ли въ такія минуты о чемъ-нибудь, или просто отдыхаютъ послѣ главенства «покойника», не знаю, но всякій разъ, когда мнѣ приходилось вступать съ ними въ какіе-нибудь разговоры, меня поражала въ нихъ еще и масса лѣни умственной. Необходимо сказать, что если въ такомъ истуканномъ состояніи заставалъ ихъ гость, будь то я (спросить—который часъ) или кто-нибудь изъ старыхъ знакомыхъ,—ими моментально (въ буквальномъ смыслѣ) овладѣвала какая-то необычайная суматоха, или, вѣрнѣе, какая-то необыкновенная, нервная толкотня: и какой-то испугъ, точно гость—ударъ молніи, и радость, точно гость принесъ двѣститысячный выигрышъ,—и вдругъ всѣ забормочутъ, засуются изъ угла въ уголъ, застыдятся, перепугаются,—словомъ, сразу, мгновенно произведутъ такую нелѣпицу, что рѣшительно не понимаешь, что̀ такое тутъ происходитъ? Что̀ такое толкуютъ они о какой-то и чьей-то бородѣ? Потомъ о масленицѣ, о дяденькѣ Родіонѣ Ивановичѣ... Только очнувшись у себя въ комнатѣ, начинаешь догадываться, что̀ за причина такого непостижимаго бормотанья? Изволите видѣть: бабушкѣ моя борода напоминала бороду Родіона Ивановича, барышня поспѣшила объяснить, какъ она на масленицѣ гостила у Родіона Ива-

новича въ Москвѣ, а вдова тоже считала нужнымъ дополнить, что Родіонъ Иванычъ былъ третій братъ ея мужа, отъ второго брака Ивана Родіоныча, который по первому браку и т. д. Вотъ какимъ путемъ образовывался тотъ проливень словъ, подъ которымъ я обыкновенно стаивалъ всякій разъ, когда мнѣ приходилось заглянуть къ хозяевамъ. Стоишь и ждешь, скоро ли кончится.

Но, съ другой стороны, хотя они и могли трещать и чирикать по-птичьему, и даже съ нѣкоторымъ успѣхомъ, но «думать» рѣшительно уже не были въ состояніи. Всего менѣе была способна къ какой бы то ни было мало-мальски логической мысли—бабушка. Ужъ, кажется, какъ бы такому старому человѣку, у котораго есть внучата, которая «прожила вѣкъ», выняньчила, вывела въ люди и пристроила дѣтей, какъ бы такому человѣку не привыкнуть къ крѣпкой думѣ?—а между тѣмъ она не могла связать и двухъ мыслей. Объ чемъ бы ни начиналъ я съ ней рѣчь, всегда ея отвѣты были совсѣмъ ни къ чему неподходящіе. Скажешь, напримѣръ: «Дорого жить стало!» А бабушка (и всегда съ сердцемъ) отвѣтитъ: —«Дорого! А... не дорого, вонъ... тоже... одинъ... какой-то прохвостъ, прости Господи, съ желѣзной дороги, на трехъ женахъ женился, да и развезъ ихъ по разнымъ городамъ! Небось, не дорого?.. да!». Скажешь ей на это: «Да я не о томъ говорю»...—«Ну да! Не о томъ! А о чемъ же? Ноньче всѣ больно разговаривать-то хитры стали (и все съ сердцемъ, даже всѣмъ тучнымъ тѣломъ двигаетъ)! Разговариваютъ, разговариваютъ—а...»—И остановится, помолчитъ, да вдругъ и кончитъ:—«А вотъ воровъ да разбойниковъ — полонъ городъ развели!». Словомъ, ни единаго мало-мальски опредѣленнаго мнѣнія я никогда не могъ услышать отъ нея ни по одному вопросу.

Только одно затвердила она, повидимому, весьма основательно: встарину деньги *«сами шли въ домъ*, а теперь все *изъ дому»*. Неоднократно пытался я разузнать отъ нея, почему именно встарину была такая благодать, а теперь нѣтъ?—и, конечно, ничего не узналъ. «Отчего?»—спросилъ я. — «Да вотъ оттого». — «Отчего-жъ?» — «Отъ всего».— Нынче, говорилъ я, до Москвы доѣхать стоитъ два рубля по желѣзной дорогѣ, а встарину стоило рублей пятьдесятъ; встарину чиновникъ получалъ три рубля въ мѣсяцъ, а теперь нѣтъ писаря, который бы бралъ меньше тридцати. Теперь какой-нибудь кондукторъ на желѣзной дорогѣ получаетъ сорокъ рублей, а встарину сорокъ рублей

получалъ генералъ. Словомъ, подобравъ ей множество опроверженій, я всякій разъ получалъ въ отвѣтъ какую-нибудь необычайную нелѣпицу. — «Да, да! — забормочетъ она.— Какъ же, генералъ! такъ и есть! Да, да, вонъ на трехъ женахъ женился... такъ сейчасъ и генералъ за это?»

Вдова, какъ женщина помоложе, отличалась отъ бабушки (своей матушки) тѣмъ, что иногда исправляла фактическія неточности, напр., скажетъ: «не на трехъ женахъ, а на двухъ». Или: «генералы и встарину получали много», но теченіе мыслей ея ничуть не различалось отъ теченія ихъ у бабушки, такъ какъ вдовѣ, повидимому, вовсе не была замѣтна нелѣпица ея отвѣтовъ.

Барышня, какъ представительница молодого поколѣнія, уже ясно понимала, что на извѣстный вопросъ долженъ быть и отвѣтъ мало-мальски подходящій, и поэтому поминутно конфузилась за бабушку и за мамашу. «Ахъ, бабушка, или: ахъ, маменька, развѣ они объ этомъ говорятъ? Они объ одномъ, а вы объ другомъ, они говорили о томъ, что теперь жалованья больше, а вы: «на трехъ женахъ женился!» Но когда я, повѣривъ ея конфузливости за безсмыслицу бабушки и мамы и предположивъ въ ней, на этомъ основаніи, бо̀льшую смѣлость мысли, попробовалъ-было завести съ ней болѣе или менѣе разумную бесѣду, то прародительская лѣнь мысли вдругъ ударила меня, какъ говорится, наотмашь, съ первыхъ же словъ.

— Отчего бы вамъ,—сказалъ я разъ:—не заняться, напр., медициной? Будете докторомъ!

— Я?—сказала она въ испугѣ.

— Вы! Проучитесь пять лѣтъ...

— Пять лѣтъ?—прошептала она, поблѣднѣвъ какъ смерть.

— Зато потомъ будете лѣчить, получать деньги...

— Пять лѣтъ!—коснѣющимъ языкомъ пролепетала она, стала кутаться въ платокъ, точно ее знобило, и смотрѣла на меня такими сумасшедшими глазами, какими навѣрно смотрѣлъ только человѣкъ, знающій, что его сейчасъ поведутъ въ острогъ. Я даже самъ перепугался и, право, точно замеръ отъ холоду. Такъ больше я и не заводилъ «разумныхъ» разговоровъ.

Интересна была въ нихъ, т.-е. собственно въ бабушкѣ и во вдовѣ, и еще одна любопытная черта. Кажется, ужъ онѣ были люди мало думающіе и какъ будто сонные какіе, а посмотрите, какъ ловко врали! Положительно, я удивлялся, откуда у нихъ берется изобрѣтательность? Главнымъ обра-

зомъ изобрѣтательность эта проявлялась въ объясненіяхъ, почему плохъ обѣдъ или почему иной разъ какъ бы совсѣмъ не было обѣда. Надо сказать, что мало-мальски сносно я ѣлъ не болѣе первыхъ пяти дней по переѣздѣ въ квартиру, а затѣмъ питательность пищи, предлагаемой мнѣ хозяевами, стала быстро терять въ процентномъ содержаніи. Мясо исчезло и замѣнилось киселемъ, завтра горохомъ, потомъ кашей. И всякій разъ то бабка, то сама вдова придутъ и, въ объясненіе такого неудачнаго обѣда, разскажутъ какую-нибудь правдоподобную исторію. То изъ всѣхъ лавокъ начальство отобрало мясо и выбросило въ рѣку, то будто бы въ кухню вошелъ бѣглый солдатъ и, не говоря ни слова, унесъ пятнадцать фунтовъ мяса, которое лежало на лавкѣ, то мясникъ заперъ лавку, потому что просваталъ дочь, то все мясо забрали къ губернатору, угощаютъ полкъ. Такъ какъ такія легенды надо было разсказывать въ первый мѣсяцъ почти каждый день, то я не могъ не удивляться этой необыкновенной способности и тому, въ какомъ совершенствѣ она разработана въ нихъ. Но въ концѣ концовъ мнѣ было и страшно за нихъ и больно, и я не разъ задавалъ себѣ вопросъ: «Какъ это онѣ проживутъ на свѣтѣ, а главное, какъ и теперь-то еще онѣ ухитряются жить?»

4.

Однажды, возвратившись съ моей служебной поденщины и садясь за столъ, чтобы пообѣдать, я остановилъ на минуту старуху Авдотью, которая, поставивъ на столъ миску съ какимъ-то легендарнымъ варевомъ, хотѣла уйти, и сказалъ:

— Кстати, отдай-ка, бабушка, хозяйкѣ деньги.

Намъ только-что роздали жалованье.

Старуха взяла деньги, но не ушла. Маленькая, сгорбленная, она держала бумажки въ худыхъ, трясущихся рукахъ, пристально глядѣла на нихъ и молчала.

Я уже принялся за легендарное варево и, по обыкновенію, успѣлъ уже убѣдиться, что либо начальство, либо мясникъ, либо воръ или губернаторъ опять удрали съ провизіей какую-нибудь ехидную штуку,—а старуха все стоитъ около меня, все смотритъ молча на бумажки, и бумажки эти трясутся въ ея дрожащихъ рукахъ. Поглядѣлъ я на старуху и ѣмъ.

— А я,—прошептала она наконецъ:—не отдамъ!

— Чего не отдашь?

— Не отдамъ имъ денегъ-то!

Я молча смотрѣлъ на старуху, она молча смотрѣла на деньги.

— Ни Боже мой, не отдамъ!—рѣшительно сказала она.— А много ли тутъ денегъ-то?

— Да всѣ, тридцать пять рублей.

— Ну, и не отдамъ ни единой копейки! Икры ей, старой псовкѣ, купи, да меду, да постнаго сахару, старая шутовка! Да и сама-то, тоже не хуже старухи... «пастилы, да чтобы не кислая, а и кислая, такъ чтобъ съ розовымъ цвѣтомъ». На что ужъ внучка-то, молодой человѣкъ, а и та примѣръ беретъ: миндальныхъ, вишь, ей орѣховъ въ сахарѣ, къ чаю! Только бы жевать, прости Господи, тьфу!

Говоря это, старуха дрожащими пальцами завязывала деньги въ уголъ платка и, очевидно, сильно волновалась.

— Это ты кому же? Хозяевамъ не хочешь денегъ-то отдавать?—спросилъ я.

— А то кому-жъ? Знамо хозяевамъ.

— Какъ же такъ?

— Чего это?

— Да не отдашь-то? Вѣдь они осердятся?

— Чего-о? Осердятся? Да нешто я не видала на своемъ вѣку ихъ сердцовъ-то? Я, милый ты мой...

И вдругъ старуха залилась слезами и въ то же время заговорила скоро, взволнованно и много.

— Я... мнѣ седьмой десятокъ, я... съ малыхъ денъ только, милушка, и живу въ сердцахъ въ эфтихъ! Я крѣпостная, ангелъ ты мой, дареная, да и сирота... И какова, ты суди, моя жизнь!.. Бывало, меня покойница, госпожа Бахе-фмахерша (старуха съ трудомъ выговорила какую-то нѣмецкую фамилію), вотъ этакой вотъ палкой, съ обезьяннимъ наболдачникомъ, за всякую малость! А мнѣ, дѣвчонкѣ, и семи лѣтъ не было, батюшка! А какъ подарили меня въ приданое къ Анфисѣ Петровнѣ, стало-быть, къ Бахе-фмахеровой дочери, стало-быть, которая за майора вышла... (старшая-то, Алена Петровна, вышла за генерала, а средняя, Ликадина Петровна, сбѣжала съ учителемъ, а младшая-то, Анфиска, за майора...). Какъ отдали меня ей, каторжной, такъ она за всякую малость,—воротничокъ ли не поспѣлъ, чулокъ ли не на ту ногу подаю, — чѣмъ ни попадя! То-есть, что вотъ... Да вотъ у меня и сейчасъ знакъ есть надъ бровью, вотъ видишь, вотъ!.. Это она книжкой (судя по времени, вѣроятно, «Библіотекой для чтенія»:

книги, какъ извѣстно, были толстыя и весьма распространенныя въ образованномъ обществѣ того времени). Подставляла я ей скамейку подъ ноги, а книжка-то на колѣнкахъ у ей, а я и толкни колѣнку-то, книжка-то и закрылась... И не можетъ отыскать мѣста! Съ сердцовъ она меня и отпотчевала. Ужъ потомъ баринъ нашелъ ей въ книжкѣ-то, кое она тамъ мѣсто вычитывала... И, да то ли было! А какъ Анфиска-то подарила меня этому самому жиду проклятому, Самойлу Петровичу, за благодарность, что...

И безконечною, душною, какъ пыль, поднятая сухимъ вѣтромъ, вереницею поднялись воспоминанія старухи, этой жертвы крѣпостныхъ порядковъ, этого безправнаго, безпомощнаго, обезличеннаго существа. Имена мужчинъ и женщинъ, попадавшихся въ исторіи старухи, постоянно перемѣшивались съ выраженіями: «чѣмъ ни попадя», «пролежала полгода въ горячкѣ», «подарили», «продали», «купилъ меня и подарилъ», «съ тѣхъ поръ рукой не владѣю и въ груди не пущаетъ, какъ онъ меня истиранилъ занапрасно». Старуха спѣшила высказаться, путалась въ разсказѣ, но несмотря на эти незнакомыя имена господъ, на непонятныя для меня родственныя связи разныхъ Анфисъ съ Самойлами Петровичами, невозможная біографія старухи выяснялась мнѣ, по мѣрѣ спутанныхъ повѣствованій ея, во всей ея глубочайшей безчеловѣчности. Люди живутъ, женятся, умираютъ, родятся, сходятся, расходятся, и между ними, какъ неодушевленный предметъ, десятки лѣтъ, не зная покою и устали, мечется обезличенное человѣческое существо. Оно всю жизнь думаетъ только о чужомъ, дѣлаетъ только для чужихъ, заботится чужой заботой; оно идетъ туда, куда нужно другимъ; просыпается, ложится спать или вовсе не спитъ, смотря по тому, какъ этимъ другимъ потребуется; оно перемѣняетъ мѣста жительства тоже по чужому желанію и приказу; всѣ его отношенія, знакомства, связи, все по чужой волѣ, и возникаютъ и прекращаются. Ни минуты въ жизни старуха въ себѣ самой не ощущала себя. Она была *«вся чужая»*! Буквально *«вся»*! Несмотря на безпорядочность разсказа старухи, на постоянные перерывы слезами, на слова и фразы, скрадываемыя ея беззубымъ ртомъ, представленіе о томъ, что она всю жизнь была вся чужая, до того ясно сложилось во мнѣ, что я ни минуты не могъ сомнѣваться въ полной правдивости ея выраженія, которымъ она какъ-то вдругъ закончила свой разсказъ:

— Ты думаешь, о себѣ я хлопочу-то? На-а ч-то-мнѣ! По-

ложи ты вотъ на столъ тыщу рублей, отдавай ее мнѣ, и то я ее не возьму, на что мнѣ? Мнѣ ужъ, поди, скоро и въ землю лечь пора... А жалко мнѣ смотрѣть на нихъ! Обидно мнѣ, что дурашными людьми живутъ. Вѣдь все проѣдятъ, и куда дѣнутся!.. А вѣдь я ихъ знаю!.. Меня имъ подарили.

Оказалось, что послѣднія тридцать лѣтъ старуха была во власти того семейства (собственно покойнаго его главы), въ которомъ я нанималъ квартиру. Подарилъ, т.-е. отдалъ ее на вѣчныя времена въ услуженіе покойному чиновнику Самойло Петровичъ, за какое-то дѣло, и она, вѣрная своему кресту—жить чужой заботой, тридцать лѣтъ работала на семью моихъ хозяевъ, какъ на свою собственную.

— Теперь вотъ и волю дали, а куда я пойду?.. У меня всего и есть своего—могилка сырая! Я вѣдь стара, родной!.. А вѣдь они меня, какъ молоденькую, маютъ. Погляди, что̀ мученія кажинный день по лавкамъ приму! Вездѣ должны; на десять заберемъ, рубль отдадимъ, а на двадцать просимъ. Вѣдь вонъ, намедни, мясникъ-то даже затрясся со злу, какъ я ему сказала: «повѣрь, молъ, еще!». Даже задохнулся со злу, аспидъ настоящій! Вѣдь ужъ мнѣ не подъ силу... Помоложе была, такъ я, бывало, и не такихъ Еруслановъ повертывала по-своему, тоже вѣдь! Ну, а теперь ужъ—стара! Нѣтъ! Вотъ и не отдамъ имъ, мотовкамъ, а сама всѣ распорядки справлю. Ругайся, сколь влѣзетъ! И-и, батюшка! Я и Господняго-то суда не страшусь,—будь Его святая воля!—а побоюсь, что на меня хозяева будутъ бѣсноваться? Есть чего. Мнѣ это къ стѣнѣ горохъ. Я о нихъ хлопочу-то, не о себѣ. Пу-ща-ай!

5.

Разсказъ старухи, отбившій у меня всякую охоту отъ обѣда, окончательно разъяснилъ мнѣ весьма непонятное для меня обстоятельство, именно возможность существовать для семьи, подобной той, въ которой я жилъ. Очевидно было, что старуха, даримая и продаваемая, есть именно та самая «невидимка», которая на своихъ плечахъ выноситъ всѣ тяжести ежедневнаго обихода жизни семьи, которая заботится, думаетъ о ней, не имѣя никакой иной заботы, кромѣ заботы о чужой нуждѣ. Не будь этой невидимки, что̀ бы стали дѣлать всѣ эти лѣнивые люди?

Откровенно говоря, хотя вопросъ о томъ, какъ могутъ существовать на свѣтѣ такіе люди, какъ семейство вдовы, приходилъ мнѣ въ голову не одинъ разъ, но я почему-то

не трудился разрѣшать его, иначе я давнымъ бы давно открылъ присутствіе невидимки. Разсказъ старухи, открывшій мнѣ всю тайну жизни лѣнивой и безпомощной семьи, тотчасъ же заставилъ меня припомнить множество, повидимому, незначительныхъ эпизодовъ, окончательно выяснившихъ мнѣ все громадное значеніе дареной старухи въ праздномъ и безцѣльномъ существованіи этой семьи.

Припомнилось мнѣ, какъ однажды, во время лихорадки, которая одно время мучила меня, я проснулся часа въ три зимней ночи. Въ окна глядѣла еще совершенная тьма, и мертвая тишина царила въ домѣ. Эти тишина и тьма какъ бы обязывали закрыть глаза и спать, но заснуть я не могъ. Темнота мѣшала думать, мысли мелькали безъ начала и безъ конца. Какой-то шорохъ привлекъ мое вниманіе и далъ возможность сосредоточить разсѣянныя мысли на вопросѣ о томъ, кто, какое существо производитъ этотъ шорохъ: мышь или человѣкъ?—Покуда я размышлялъ надъ этимъ вопросомъ, непрекращавшійся шорохъ убѣдилъ меня, что это не мышь, а человѣкъ, и именно невидимка, Авдотья. Это она слѣзаетъ съ печи... и что-то шепчетъ... Скоро изъ кухни, куда изъ моихъ двухъ комнатъ была дверь, проникъ ко мнѣ красный лучъ свѣта. Авдотья зажгла огонь, ходитъ, чуть слышно шепчетъ. Слышится: «Господи Іисусе Христе! Матери преподобные! Никола мученикъ...» И вслѣдъ затѣмъ что-то зашлепало и глухо застучало. Стукъ былъ тупой и глухой. Э! Да это она мѣситъ тѣсто. Она и проснулась изъ-за этого тѣста до свѣту: вѣдь господамъ нужны пироги, булки. Они вонъ спятъ (бабка храпитъ, отрывисто, сердито, точно лаетъ); не проснись Авдотья, и всѣ бы остались безъ булокъ. Если мы умѣемъ только спать, то кто-то долженъ умѣть стряпать, печь для насъ булки, — таковъ законъ, по всей вѣроятности, гдѣ-нибудь «начертанный», иначе Авдотья должна была бы спать такъ же, какъ и всѣ. Въ безсонницу Богъ знаетъ что̀ лѣзетъ въ голову. Слушая шлепанье и стукъ весла о тѣсто, я разрѣшалъ вопросъ о томъ, гдѣ и кѣмъ «начертанъ» вышеупомянутый законъ? Но стукъ прекратился, и вопроса я не разрѣшилъ. Теперь, подумалъ я, старуха ляжетъ спать. Не тутъ-то было. Смотрю, дверь въ мою комнату тихо-тихо пріотворилась, и сгорбленная фигура невидимки съ величайшей осторожностью проникла въ мою комнату. Она крадется, ступаетъ необутыми ногами, но едва проникла въ ту комнату, гдѣ я спалъ, какъ

вдругъ совершенно исчезла, невѣдомо куда. Покуда она пробиралась отъ кухонной двери до двери моей комнаты, я еще видѣлъ очертаніе ея маленькой сгорбленной фигурки; но въ моей комнатѣ она пропала, исчезла. Ни звука, ни шороха, ни старухи. Боже мой! Да она, сгорбившись, крадется по полу и шаритъ что-то. Она почти не дышитъ и необыкновенно осторожно касается рукою пола, около кровати и подъ кроватью. Очевидно, она старается «не потревожить» жильца. «Пущай его спитъ!» — думаетъ старуха, зная, что «не спать» обязана она. Но вотъ исчезнувшая фигурка опять обрисовывается въ дверяхъ, сначала моей комнаты, потомъ кухни, и вслѣдъ затѣмъ изъ кухни доносится шарканье щетки. Старуха чиститъ мои сапоги. Долго, не менѣе часу, идетъ эта работа. Сочтите, сколько въ домѣ ногъ, и всѣ ноги должны быть въ благоприличномъ видѣ. А кому позаботиться? И вотъ невидимка, зная это, просыпается до свѣту.

Черезъ часъ, когда окно въ моей комнатѣ начало бѣлѣть зимнимъ разсвѣтомъ, блѣднымъ, бѣлымъ какъ бумага, старуха тѣмъ же порядкомъ приползла къ моей кровати съ вычищенными сапогами, и затѣмъ на нѣкоторое время изъ кухни ничего не было слышно. Это не значило однако, чтобы старуха бездѣйствовала. Вѣроятно, она ходила по спящему дому и разносила вычищенную обувь. Скоро опять послышалось изъ кухни: «Господи Іисусе Христе, помилуй насъ грѣшныхъ! Господи благослови! Преподобные мученики!». Скрипнула дверь на дворъ, и за стѣной, а потомъ подъ окномъ, послышался скрипъ старухиныхъ шаговъ по мерзлому снѣгу. Что̀ она дѣлаетъ? Черезъ нѣсколько минутъ старуха возвращалась тяжелою поступью, такъ что ступени чернаго крыльца скрипѣли подъ ея шагами. Вновь заскрипѣла кухонная дверь, послышалось усталое, тяжелое дыханіе старухи и вслѣдъ затѣмъ шумъ воды... Старуха притащила ведро воды и вылила его въ кадку. Тяжело ей, она старается отдышаться, и опять уходитъ, а черезъ нѣсколько минутъ опять тащитъ ведро, опять нѣсколько минутъ не можетъ отдохнуть, опять шепчетъ: «Угодники праведные! Господи помилуй!..». И такъ работаетъ больше двухъ часовъ: мало ли на столько ртовъ надо воды? Однихъ самоваровъ въ сутки придется поставить не меньше десятка: скука вѣдь господамъ-то! Не чистить же имъ самимъ свои сапоги для развлеченія.

А затѣмъ, — такъ какъ кромѣ булокъ, самоваровъ, чи-

стаго платья, нужно еще тепло и ѣда, то вотъ посмотрите, какъ объ этомъ хлопочетъ невидимка. На дворѣ стало уже совсѣмъ свѣтло, и мнѣ хорошо было видно, какихъ трудовъ стоитъ старухѣ отопить наше жилье: необычайныхъ усилій стоило ей выдернуть изъ загородки, отдѣлявшей дворъ отъ небольшого огорода, примерзшую, длинную и тяжелую жердь, которая рухнула наконецъ на землю вмѣстѣ со старухой; затѣмъ началась рубка дровъ, при помощи стараго, съ прямымъ топорищемъ и, повидимому, тупого топора. Согнувшись въ три погибели, старушка изо всѣхъ силъ тукала топоромъ въ мерзлое дерево, повидимому, безъ успѣха; часто она выпускала изъ рукъ топоръ и подносила иззябшія руки ко рту, дышала въ горсть и, помахавъ то правой, то лѣвой рукой, снова принималась за неблагодарный трудъ при помощи тупого топора.

Глядишь, въ кухнѣ грохнула связка дровъ, потомъ грохнула другая у моей печки, потомъ и въ хозяйскихъ комнатахъ. «Господи Іисусе Христе, помилуй насъ грѣшныхъ!»—шепчетъ старуха, обвязанная какимъ-то рваным платкомъ, подпоясанная кушакомъ, стоя на колѣняхъ около печки и накладывая ее дровами. Затрещали дрова, запахло берестой, пошло по дому тепло.

6.

Но не въ физическомъ только трудѣ, котораго для господъ не полагается, заключались обязанности Авдотьи относительно всѣхъ «овецъ безъ пастыря», за которыми она ходила. Вотъ она наносила дровъ, воды, затопила печи, перечистила платье, замѣсила тѣсто, поставила самовары и мнѣ и хозяевамъ, — словомъ, сдѣлала все, чтобы мы могли пить, ѣсть, быть въ теплѣ, и все-таки не конецъ ея работамъ.

— Мишенька! — осторожно она будитъ гимназиста. — Девятый часъ... вставай, батюшка!.. Вотъ и чулочки... и сапожки... Ужъ бѣгутъ ученики-то по улицѣ! Вставай, касатикъ!

— Сча-а-съ! — съ сожалѣніемъ въ голосѣ произноситъ гимназистъ.

Крайне рѣдко однако случалось, чтобы гимназистъ поднялся согласно собственному заявленію, т.-е. сейчасъ. Большею частью Авдотья не разъ и не два принимается будить его. Онъ спалъ около теплой кухонной печки, которая нагрѣваетъ первую отъ кухни комнату, и мнѣ почти

каждое утро приходилось слушать поистинѣ родительскія увѣщанія Авдотьи, старавшейся мягкими, но убѣдительными доводами побѣдить въ гимназистѣ удовольствіе покоя въ тепломъ уголкѣ.

— Мишенька! Вѣдь нехорошо, кормилецъ, какъ опоздишься-то! Вставай, родной!.. Эво, ужъ къ обѣднямъ ударили! Булочка тепленькая есть!

Но вотъ наконецъ, при помощи теплой булки и увѣщаній, юный отпрыскъ и будущая опора семьи всталъ, одѣлся и умылся. Остается только взять книги, надѣть теплое пальтишко и идти; но именно въ этотъ-то моментъ гимназистомъ почти всегда овладѣвала необычайная тоска. Вчера онъ ложился спать, увѣряя себя, что завтра встанетъ рано и сдѣлаетъ *все*, а сегодня (какъ и всегда) проспалъ, да и недоспалъ къ тому же.

— Ну-ну, со Христомъ, снаряжайся, Мишенька!.. Вонъ у сосѣдей нахлѣбники когда уже побѣжали!

— У меня, Авдотья, калоши разорвались.

— Зашила, матушка моя, зашила я калоши!

Молчаніе.

— Поздно ужъ, пора!.. Ну, Мишенька...

— Отчего ты меня раньше не разбудила? Куда я теперь пойду? Какъ приду, меня сейчасъ накажутъ!—слезливо говоритъ гимназистъ.

— Ну, авось не накажутъ... Успѣешь!.. коли скоренько побѣжишь, еще успѣешь... И-ихъ бы поскорѣй, поскорѣй побѣжалъ, глядь, и поспѣлъ, и учитель похвалитъ. Ну-ну, Мишенька! Христосъ съ тобой... ну, родной!

— Погоди, пожалуйста, Авдотья! То не будила, а то гонитъ сломя голову... У меня животъ болитъ, я вотъ разогнуться не могу... Куда я пойду?.. Запрутъ въ карцеръ, какъ опоздаю, а у меня вонъ... духъ такъ и спирается отъ боли.

— А ты побѣги попроворнѣе, разогрѣйся, анъ онъ, животъ-отъ, и пройдетъ!.. А ужъ коли очень схватитъ, и назадъ воротись. Что̀ за бѣда? А какъ ежели сидѣть-то будешь, и хуже животу-то отъ этого, отъ сидѣнья-то! А ты бы побѣгъ-побѣгъ молоденькими ножками... И-ихъ, какъ хорошо! Авось ничего, Мишенька! Ну, родной, попробуй-ка-сь!

— Что̀ ты мнѣ толкуешь, когда я отлично знаю, что у меня смерть какъ схватываетъ!

Тактика гимназиста состоитъ въ томъ, чтобы протянуть время до тѣхъ поръ, покуда не проснется маменька или

бабушка. Тутъ ужъ у него, навѣрное, отыщутся заступники. Стоитъ только бабкѣ или матери показаться въ дверяхъ кухни, какъ гимназистъ жалобнымъ, слезливымъ голосомъ произноситъ такой потрясающій для родительскаго сердца монологъ, результатъ котораго—полная побѣда лѣни гимназиста.

— Она меня не разбудила, а я не успѣлъ выучить изъ ариѳметики. А третьяго-дня учитель ариѳметики посадилъ Егорова въ карцеръ за одну только ошибку. Развѣ я виноватъ, что она не разбудила? Они сейчасъ запрутъ въ карцеръ, а если изъ ариѳметики поставятъ единицу, тогда наказывать... А я даже вздохнуть не могу, какъ меня схватываетъ! Зачѣмъ она меня не разбудила? Развѣ я виноватъ?

И гимназистъ остался бы дома.

Но не подоспѣй на помощь лѣни, олицетворяемой дѣтищемъ, родительская любовь, Авдотья добьется своего и выживетъ изъ кухни на улицу гимназиста, несмотря на страшныя судороги въ животѣ, которыя его схватываютъ.

Перепробовавъ всевозможныя кроткія мѣры и мягкія слова, она примется его стыдить, усовѣщевать тѣмъ, что онъ не жалѣетъ ни матери ни сестеръ. Онъ большой, долженъ учиться, чтобы помогать семейству, а онъ вотъ, вмѣсто того, не хочетъ учиться. Неученые бываютъ извозчики, лакеи, дворники. А развѣ пріятно будетъ маменькѣ, какъ его никуда не примутъ, а возьмутъ да лобъ забреютъ въ солдаты? Вотъ тогда вспомянетъ, какъ занапрасно на животъ пенялъ, да поздно будетъ.

— А въ солдатахъ-то какъ? Тамъ возьмутъ, поставятъ тебя, да и начнутъ палкой колотить гдѣ ни попадя! Вотъ какъ въ солдатахъ-то!.. А то вотъ у однихъ господъ тоже вотъ этакъ-то молодой барчукъ не учился, не учился, а какъ пришелъ въ возрастъ, поглядѣли-поглядѣли на него, да прислали бумагу—сослать его въ каторжную работу въ Сибирь, а въ Сибири-то, какъ зачали его, друга милаго, поротъ...

— Гдѣ моя шапка?

— А вотъ, милушка! Вотъ она!

— Ты что-жъ мнѣ раньше не сказала, что она у тебя? А я искалъ, не нашелъ... Ежели бы я зналъ, я бы не искалъ и готовилъ изъ ариѳметики! А ты вотъ! Зачѣмъ ты не сказала, что у тебя шапка?..

— А ты не спрашивалъ, — какъ спросилъ, такъ она и есть... На, красавчикъ, вотъ она!..

— Ты зачѣмъ ее смяла? Гдѣ моя ариѳметика?

— А ужъ не знаю! Какая она изъ себя-то?

— Тоненькая, пестрая.

— А я сейчасъ...

Старуха проворно уходитъ и тотчасъ возвращается.

— Эта ли?

— Развѣ это ариѳметика? Это географія! Я говорю — тоненькая, длинная и пестрая. Что̀ за безтолковая такая!

— На̀-ка вотъ, всѣ что̀ было книгъ принесла, выбирай любую.

— Я тебѣ говорю, одну книгу надо, а ты весь домъ притащила? Развѣ это ариѳметика? Развѣ это тоненькая книга? Что̀ ты, ослѣпла, что ли?..

— Ну, ну, родимый, прости ужъ! Не знаю я... Коли не эти, то и еще поищу...

Гимназистъ умолкаетъ. Очевидно, ненавистная ариѳметика найдена.

— Нашелъ, что ли?

— Когда ты ничего не понимаешь, такъ нечего тебѣ и спрашивать.

Кое-какъ гимназистъ, ежеминутно старавшійся ставить себѣ всевозможныя преграды къ удаленію изъ дому, доведенъ однакоже до необходимости уйти. Онъ дѣлаетъ это съ сердцемъ, громко хлопаетъ дверью, и старуха, послѣ его ухода, шепчетъ:

— Охъ, грѣхи, грѣхи тяжкіе! Настави его на умъ на разумъ, Матушка, Царица Небесная!

Наконецъ просыпаются бабка и барыня, а часамъ къ двѣнадцати и барышня. Первая входитъ въ кухню бабка и басомъ произноситъ:

— Ты что̀ не смотришь за печкой? Тамъ уголья выпали, а ты тутъ толчешься, ничего не видишь?

Или что-нибудь въ этомъ родѣ, но непремѣнно выговоръ, замѣчаніе или, всего чаще, прямо брань.

Барыня тоже начинаетъ съ упрековъ и выраженій неудовольствія.

— Ты, Авдотья, когда-нибудь совершенно выведешь меня изъ терпѣнія! Самоваръ подала, а полоскательницы нѣтъ? Когда я договорюсь? Когда будетъ этому конецъ?

И вотъ начинается день скуки, праздности, празднаго недовольства, обиженнаго на все и всѣхъ ворчанья, день, весь отъ начала до конца переполненный призывами Авдотьи изъ разныхъ угловъ дома. —«Авдотья, гдѣ утюгъ?

Авдотья! кажется, кто-то стучится! Авдотья! что̀ же самоваръ? Авдотья! двадцать разъ тебѣ говорятъ: сотри съ окна воду! Авдотья, Авдотья, Авдотья!»

Идутъ дни, невидимка все держитъ на своихъ плечахъ, и «овцы безъ пастыря» кое-какъ живутъ на бѣломъ свѣтѣ исключительно благодаря этой невидимкѣ.

Оглавленіе

IV ТОМА.

Изъ деревенскаго дневника.

стр.

I. Вниманіе къ деревнѣ. — Слѣпое-Литвино. — Помѣщичій домъ и его владѣльцы старые и новые. — Баринъ и мужикъ. — Волость. — Бумажная точность. — Безъ разговоровъ. — Денегъ, денегъ.—Заработки. — Понравился господамъ. — Крестьянинъ Иванъ Аѳанасьевъ. — Бабій заработокъ 3

II. Безъ газетъ.—Улица.—«Деревенское обозрѣніе».—Опытъ деревенской газеты. — Подати, подати! — Понукатели. — Упорщики и неплательщики.—Смерть мальчика.—Пріѣздъ доктора. — Учитель. — Лошадиная холка и красильщикъ Петръ.—Деревенская тайна 46

III. Осеннія ночи.—Скука.—Кузнецъ.—Плутъ, а уменъ.—Разночинная голытьба. — Горькая участь. — Просвѣщенный мужикъ и его «ловкая» баба.—Опять мужикъ Иванъ Аѳанасьевъ пробуетъ «выбраться» 76

IV. Деревенскій сторожъ. — Благословенныя мѣста и та же неурядица.—Душевное одиночество крестьянина.—Отсутствіе новыхъ деревенскихъ дѣятелей.—Взаимная рознь . 106

V. «Темный» деревенскій «случай» 126

VI. Опять темныя ночи, осеннія.—Волки и конокрады.—Убійство и оправданіе.—Біографія сироты Ѳедюшки.—Мірской хорошій человѣкъ Иванъ Васильевъ 144

VII. Буранъ.—«Дѣльный» разговоръ.—Совращенный старикъ.—Адское душевное состояніе.—Три деревни.—Трудно изгладимые слѣды крѣпостного права.—Питейные порядки . 164

VIII. Цѣна разговорчиваго человѣка. — Объ одномъ хорошемъ человѣкѣ.—Міроѣды и коштаны 200

IX. Лѣчебникъ отъ всѣхъ болѣзней, помощникъ и указатель во всѣхъ житейскихъ бѣдахъ, несчастіяхъ и затрудненіяхъ . 225

Непорванныя связи.

I. «Лядины» 239

II. Чудакъ-баринъ 246

III. Подгородный мужикъ 252

стр.
Овца безъ стада 278
Малые ребята 319

Бѣглые наброски.

I. Сонъ подъ Новый годъ 382
II. Дѣловые люди 404
III. Джутовый мѣшокъ 417
IV. На травкѣ 428
V. Своекорыстный поступокъ 449

Богъ грѣхамъ терпитъ.

I. Маленькіе недостатки механизма 467
II. Опустошители 490
III. Подозрѣваемые 514
IV. «Свои средствія» 543
V. Отрадныя явленія 551
VI. «Съ человѣкомъ—тихо» 559
VII. Деревенская молодежь 566

Волей-неволей (Отрывки изъ записокъ Тяпушкина).

I. Вмѣсто предисловія 572
II. Наконецъ — нашли виноватаго 598
III. Возмутительный случай въ моей жизни. — Опытъ опредѣленія «подлинныхъ» размѣровъ и подлинныхъ свойствъ «русскаго сердца» 619
IV. Подробности «возмутительнаго случая». — «Намъ самимъ» ничего не надо 642

Невидимки.

I. Слѣпой пѣвецъ 667
II. Родіонъ-радѣтель 684
III. Чуткое сердце (Изъ памятной книжки) 704
IV. Невидимка Авдотья (Изъ записокъ служащаго «по найму»). 724

PG
3470
U8
1908
v. 4

Uspenskii, Gleb Ivanovich
Polnoe sobranie sochinenii
v. 4

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY